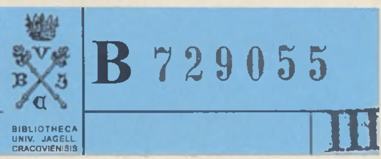
N. Karěev Kareev

Sušnost' istoričeskago processa.

N. Kardev"

Sušnost' istoričeskago processa

Н. Карѣевъ.

СУЩНОСТЬ
ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОЦЕССА
и
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ВЪ ИСТОРІИ.

Изданіе 2-е, съ добавленіями.

Цѣна 3 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28.
1914.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 5 ЛИН. 28

4567

BIBLIOTHECA
UNIV.
CRACOVIENSIS

Посвящаю эту книгу

ПАМЯТИ МАТЕРИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе къ первому изданію.

Въ 1883 г. изданы были мною два тома „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, заключавшіе въ себѣ „критику исторіософическихъ идей и опытъ научной теоріи прогресса“. Тогда же мною было заявлено, что за этими двумя томами послѣдуетъ третій, который будетъ содержать въ себѣ дальнѣйшую разработку теоріи прогресса. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ. Разныя историческія работы, занимавшія меня за это время, не позволили мнѣ раньше исполнить свое намѣреніе относительно третьяго тома „Основныхъ вопросовъ“, да и самая его тема успѣла замѣниться другою. Продолжая работать надъ историко-философскими вопросами, я мало-по-малу сосредоточилъ все свое вниманіе на объективной сущности историческаго процесса и на роли въ немъ отдѣльной личности, т.-е. на вопросахъ, хотя и разсмотрѣнныхъ уже въ первыхъ двухъ томахъ, но не настолько еще тамъ разработанныхъ, чтобы служить прочною основою для дальнѣйшаго построенія теоріи прогресса. Настоящій томъ, имѣющій значеніе и совершенно самостоятельнаго сочиненія, посвященъ именно только что указаннымъ двумъ вопросамъ. Считаю нужнымъ предупредить читателя, что это — первое вообще большое изслѣдованіе въ данной области: о сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго, и о роли личности въ исторіи писано было очень мало, — кое-какія статьи, отдѣльныя страницы и даже только строки въ сочиненіяхъ, не относящихся спеціально къ нашему предмету. Такою его неразработанностью, такою бѣдностью его литературы только и объясняются нѣкоторыя стороны настоящаго труда: авторъ долженъ былъ самъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя работы, которыя, строго говоря, имѣютъ характеръ лишь подготовительныхъ этюдовъ, иногда отклоняющихъ ходъ его

мыслей отъ положенной въ основу всего труда логической нити, вмѣстѣ съ чѣмъ авторъ старался по возможности собрать воедино все сколько-нибудь интересное, что высказывалось въ литературѣ по предмету изслѣдованія, тѣмъ самымъ также пріостанавливая по временамъ логическое развитіе собственныхъ взглядовъ. Краткіе *résumés*, которыми заканчиваются отдѣльныя части всего тома, помогутъ читателю оріентироваться среди разныхъ экскурсовъ въ постороннія научныя области и среди критическихъ разборовъ чужихъ теорій и взглядовъ, и мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на автора за его желаніе разсмотрѣть свой предметъ какъ можно полнѣе. Упоминаю о послѣднемъ обстоятельствѣ съ тѣмъ большею откровенностью, что самъ я ничего не ждалъ бы отъ критики съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ указаній на неполноту, съ одной стороны, въ постановкѣ и рѣшеніи всего вопроса, съ другой — и въ обзорѣ его литературы (разсматривавшейся, впрочемъ, главнымъ образомъ, въ первыхъ двухъ томахъ „Основныхъ вопросовъ“): указаніями такими я съ благодарностью воспользовался бы для уже задуманной мною четвертой части „Основныхъ вопросовъ“, которая, подобно выпускаемой нынѣ, будетъ также имѣть характеръ совершенно самостоятельнаго сочиненія, особо посвященнаго, равнымъ образомъ, одному изъ основныхъ вопросовъ исторической теоріи.

6 августа 1889 г.

Предисловіе ко второму изданію.

Предисловіе къ первому изданію „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи“ было написано четверть вѣка тому назадъ. Послѣ этого прошло столько времени, въ теченіе котораго мой интересъ къ общей теоріи исторіи, несомнѣнно, изъ области вопроса о прогрессѣ, съ характеромъ оцѣночно-субъективнымъ, перешелъ въ область вопроса объ объективной сущности историческаго процесса съ чисто познавательной точки зрѣнія. Объ этомъ я уже достаточно говорилъ въ другихъ своихъ работахъ и повторять сказанное не считаю нужнымъ [1]). Отмѣчу только, что уже

[1]) См., между прочимъ, въ „Теоріи историческаго знанія“ (Спб., 1913), стр. 20 и слѣд.

самая книга, ко второму изданію которой эти строки служатъ предисловіемъ, задумана была въ новомъ направленіи сравнительно съ „Основными вопросами философіи и исторіи“. Общая теорія исторіи представляетъ собою тоже очень широкое поле для того, чтобы интересъ къ ней позволительно было свести къ одному какому-либо исключительному началу, какъ, впрочемъ, и интересъ къ самой исторіи въ смыслѣ познанія прошлаго.

Прошлымъ можетъ въ большей или меньшей степени интересоваться—и интересуется—каждый, но далеко не каждый, конечно, дѣлается изслѣдователемъ прошлаго, т.-е. историкомъ, да и среди самихъ историковъ далеко не всѣ углубляются въ вопросъ о томъ, какъ вообще прошлое можетъ быть предметомъ научнаго познанія. Въ жизни каждый такъ или иначе дѣйствуетъ, и многіе свои дѣйствія направляютъ къ общественнымъ цѣлямъ, но даже тѣ, которые стремятся „дѣлать исторію“, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не задаются вопросомъ о томъ, какъ же вообще совершается исторія. Словомъ, теорія исторіи и въ смыслѣ теоріи историческаго знанія, и въ смыслѣ теоріи историческаго процесса интересуетъ очень немногихъ—даже среди ученыхъ изслѣдователей прошлаго и среди практическихъ дѣятелей, стремящихся создавать будущее. Не скрою, что автора этой книги больше интересовали всегда вопросы первой категоріи, и что исходный пунктъ его особаго интереса къ вопросамъ второй категоріи заключается въ желаніи постигнуть цѣль исторіи и съ ея точки зрѣнія, съ одной стороны, дать общую оцѣнку прошлому, а съ другой—предначертать пути желательнаго будущаго. Отъ признанія законности такого стремленія я не отказываюсь и теперь, но думаю, что познаніе дѣйствительности должно идти своимъ путемъ, независимо отъ какихъ бы то ни было цѣлей, какія мы себѣ ставимъ, отъ всякихъ нашихъ субъективныхъ оцѣнокъ и практическихъ стремленій.

Издаваемая теперь во второй разъ книга знаменовала вступленіе автора на путь чисто объективнаго изслѣдованія вопроса о томъ, какъ вообще совершается исторія. Выпущена она была въ свѣтъ, какъ III томъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, но судьба ея — habent sua fata libelli! — была совершенно иная, нежели судьба первыхъ двухъ томовъ. Эти томы сдѣлались предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ печати, вызвавъ цѣлый рядъ

критическихъ статей и отвѣтовъ съ моей стороны на эти статьи, тогда какъ о „Сущности историческаго процесса“, наоборотъ, написано было очень мало, и какъ-то книга прошла почти незамѣченной въ печати. Это, впрочемъ, не помѣшало первому изданію разойтись довольно скоро и даже сдѣлаться библіографической рѣдкостью.

Другія работы, — между прочимъ, „Исторія Западной Европы въ новое время“, надъ шестью или вѣрнѣе семью томами которой я работалъ около двадцати лѣтъ, а также „Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта“, — помѣшали мнѣ своевременно приступить къ переизданію книги, тѣмъ болѣе, что пришлось довольно много потратить времени на историко-теоретическую полемику по новому поводу, какимъ было появленіе у насъ экономическаго матеріализма.

Притомъ переизданіе книги представлялось мнѣ сначала не иначе, какъ въ видѣ полной ея переработки и въ смыслѣ, во-первыхъ, внесенія въ нее всей полемики противъ экономическаго матеріализма, поскольку русскіе его представители съ непонятною страстностью нападали на ученіе о роли личности въ исторіи, и въ смыслѣ, во-вторыхъ, включенія въ книгу разбора разныхъ мнѣній, высказывавшихся по затронутымъ въ ней вопросамъ уже послѣ ея выхода въ свѣтъ. Мало-по-малу, однако, я убѣдился, что о передѣлкѣ нечего было и думать. Главное, это — то, что по существу я въ книгѣ все равно не измѣнилъ бы ничего, а развѣ только что-либо больше развилъ или лучше выразилъ. Такая работа много времени не потребовала бы, но совсѣмъ другое было бы, если бы я задумалъ высказаться по поводу разныхъ послѣднихъ мнѣній касательно затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ: я болѣе или менѣе слѣдилъ за новыми работами по соціологіи, исторіологіи и т. п., но невсегда отмѣчалъ, а многое и забывалъ, и мнѣ пришлось бы дѣлать новые поиски. Да и къ чему это привело бы? Развѣ только къ увеличенію и безъ того объемистой книги, къ еще бо̀льшему загроможденію ея лишнимъ литературнымъ матеріаломъ, котораго въ ней и безъ того много, а матеріала этого и прежде было столько, что мнѣ самому показалось нужнымъ въ предисловіи извиниться передъ читателемъ въ томъ, что разборы чужихъ мнѣній слишкомъ часто прерываютъ логическій ходъ моихъ собственныхъ разсужденій. Наконецъ,

если бы ужъ и дополнять изложеніе, то пришлось бы такъ или иначе привлечь къ дѣлу и свои собственныя теоретическія статьи, написанныя послѣ выхода въ свѣтъ „Сущности историческаго процесса“. Въ концѣ концовъ, я рѣшилъ переиздать текстъ книги въ томъ самомъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ первомъ изданіи, съ самыми незначительными, чисто внѣшними измѣненіями. Но къ нѣкоторымъ мѣстамъ оставшагося неизмѣненнымъ текста я вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія преимущественно библіографическаго характера, дабы не оставлять читателей въ невѣдѣніи относительно того, что есть болѣе новаго въ литературѣ по затронутымъ въ книгѣ вопросамъ. За исчерпывающею полнотою я, однако, не гнался, дабы сами добавленія не разрослись въ своего рода систематическій обзоръ историологической литературы за послѣднія двадцать пять лѣтъ, — обзоръ, который могъ бы составить содержаніе особой книги. Если я, дорожа мѣстомъ или по забвенію, или же по недостаточной освѣдомленности, что-либо пропустилъ изъ имѣющаго первостепенную важность, критика, надѣюсь, мнѣ это укажетъ. Прибавлю только, что иное очень важное я сознательно опускалъ, находя, что о нѣкоторыхъ вещахъ нельзя было бы ограничиться короткимъ разговоромъ: укажу, на-удачу, на новѣйшія теченія философскаго прагматизма, на модную теорію Бергсона съ ея идеей творческой эволюціи, на уже упомянутый экономическій матеріализмъ (о которомъ я написалъ особую книгу), на психологическую теорію права проф. Петражицкаго и т. п.

Перепечатывая книгу, я выбралъ болѣе убористый шрифтъ, благодаря чему во второмъ изданіи текстъ имѣетъ 553 страницы, вмѣсто 627, сколько ихъ было въ первомъ изданіи. Такъ какъ при этомъ пришлось на каждомъ шагу измѣнять встрѣчающіяся въ книгѣ ссылки на что-либо сказанное раньше, и это представило собою работу очень нелегкую, то весьма возможно, что переводъ указаній страницъ перваго изданія на новыя обозначенія могъ быть не всегда точнымъ, и читателю въ такихъ случаяхъ, — которыхъ едва-ли, впрочемъ, много, — нужно будетъ заглядывать либо въ предыдущія, либо въ слѣдующія страницы; заранѣе въ этомъ извиняюсь.

Парижъ 24 декабря 1913 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Общая постановка вопроса.

Я посвящаю этотъ трудъ, представляющій собою и совершенно отдѣльное сочиненіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ третью часть моихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, изслѣдованію сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго.

Міръ явленій, изучаемый разными научными спеціальностями, есть не что иное, какъ великое множество непрерывно совершающихся процессовъ весьма различныхъ категорій, изъ коихъ каждая имѣетъ свою сферу дѣйствія и свои отличительныя черты. Задача этихъ спеціальностей состоитъ въ томъ, чтобы либо извѣстнымъ образомъ описывать тѣ или другіе конкретные процессы, совершающіеся въ мірѣ, либо изслѣдовать сущность отдѣльныхъ категорій этихъ процессовъ, иными словами—изслѣдовать тотъ или другой процессъ, взятый отвлеченно, т.-е. внѣ опредѣленныхъ мѣстъ и временъ и внѣ всякой связи съ побочными и случайными обстоятельствами. Давно уже стала общимъ мѣстомъ та мысль, что если существуютъ научныя теоріи процессовъ механическихъ, физическихъ, химическихъ, біологическихъ и психическихъ, то и процессъ жизни человѣческихъ обществъ, или процессъ историческій, происходившій въ разныя времена въ разныхъ мѣстахъ земного шара, также долженъ имѣть свою теорію. Во второй части своихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, озаглавленной—*Научныя основы теоріи прогресса*, мнѣ уже пришлось коснуться нѣкоторыхъ сторонъ этого сложнаго предмета, поскольку это было необходимо для общаго обоснованія исторіософической теоріи прогресса. Въ настоящемъ трудѣ предметъ этотъ—*сущность историческаго процесса*—и соединенный съ нимъ вопросъ о *роли личности въ исторіи* выдѣляются для независимаго разсмотрѣнія, безотносительно къ теоріи прогресса съ ея субъективными элементами.

Не отказываясь ни отъ одного слова изъ того, что сказано было мною о необходимости субъективныхъ элементовъ въ философіи исторіи и въ научной теоріи прогресса, я устраняю эти элементы изъ настоящаго изслѣдованія: здѣсь намъ предстоитъ имѣть дѣло съ тѣмъ, что я позволилъ бы себѣ назвать механизмомъ историческаго движенія, формальною стороною исторіи и т. п., словомъ—съ тѣмъ, что само по себѣ не даетъ никакого повода выходить за предѣлы строго-научнаго объективизма въ область философскаго субъективизма: всему свое мѣсто. Съ другой стороны, основная мысль этого изслѣдованія о сущности историческаго процесса въ связи съ вопросомъ о роли личности въ исторіи, какъ мы сейчасъ же увидимъ, принадлежитъ къ числу такихъ мыслей, которымъ было отведено довольно видное мѣсто во второй части *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* и даже въ обѣихъ частяхъ, если взять эту мысль въ болѣе общей формѣ противоположенія личности и надъ-органической (духовно-общественной) среды, играющаго весьма важную роль во всей моей исторіологической теоріи. Наконецъ, изъ этого же «вступленія» читатель увидитъ, что сведеніе вопроса о сущности историческаго процесса къ вопросу о роли личности въ исторіи равнымъ образомъ сдѣлано было все въ томъ же сочиненіи, продолженіемъ коего долженъ быть этотъ трудъ.

Переходимъ теперь къ самой постановкѣ вопроса.

Въ исторіографіи можно различать два главныхъ направленія, которыя мы обозначимъ терминами—*прагматическая исторія* и *культурная исторія*. Оба эти выраженія употребляются въ довольно разнообразныхъ смыслахъ, но я буду ихъ пріурочивать въ этой книгѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ—первый къ повѣствованію о «дѣяніяхъ», т.-е. о дѣйствіяхъ и событіяхъ, второй—къ описанію внѣшняго быта, образованности и гражданственности народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, факты, составляющіе матеріалъ исторіи, бываютъ двоякаго рода: одни изъ нихъ суть «дѣла», τά πράγματα, *res gestae*, откуда пошли такія обозначенія исторіи, каковы употребляемое Полибіемъ «ἡ τῶν πραγμάτων σύνταξις», латинское *historia rerum gestarum*, наше старинное—«дѣянія», до сихъ поръ существующія въ польскомъ и чешскомъ языкахъ выраженія — *dzieje* и *dějiny*, а другой родъ историческихъ фактовъ представляютъ изъ себя формы и образы матеріальной, духовной и общественной жизни народа, т.-е. все, что подходитъ подъ понятія быта, образованности, гражданственности или, пользуясь иностранными терминами, культуры, цивилизаціи. Факты первой категоріи мы будемъ называть *прагматическими* и то направленіе исторіографіи, которое занято обработкою такого матеріала, — исторіей *прагматической* въ строгомъ смыслѣ исторіи дѣяній, *historiae rerum gestarum*, тогда какъ факты второго рода,—безъ различія сферъ человѣческой жизни, къ какимъ они могутъ относиться,—мы будемъ обозначать, какъ *культурные*, и этотъ

же терминъ будетъ прилагаться къ такому направленію исторической науки, которое имѣетъ своимъ предметомъ бытъ въ широкомъ значеніи слова.

Причина такого раздѣленія въ исторической наукѣ, писали мы въ другомъ мѣстѣ,—та, что сама историческая жизнь по сущности своего процесса можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ, которыя на первый взглядъ покажутся, пожалуй, ничего общаго между собою неимѣющими и въ интересахъ раздѣленія труда должны даже до извѣстной степени и изучаться раздѣльно. Каждое направленіе имѣетъ свою традицію и свои принципы, своихъ мастеровъ и свою литературу, свой матеріалъ и свои пріемы, и если бы не пришла на помощь обобщающая и объединяющая мысль, историки обоихъ направленій должны были бы вѣчно стоять по обѣ стороны одной и той же стѣны, не зная о существованіи одни другихъ и видя только одну правую или одну лѣвую сторону этой стѣны» [1]). Не входя въ дальнѣйшія подробности этого предмета, я ограничусь здѣсь указаніемъ на то, что оба названныя направленія существеннымъ образомъ отличаются одно отъ другого по тому способу, какимъ соединяются между собою историческіе факты той или другой изъ указанныхъ категорій. Задача прагматической исторіи, какъ мы ее уже опредѣляли въ другомъ мѣстѣ, заключается въ томъ, чтобы «связать дѣянія великихъ и малыхъ людей, единицъ и народныхъ массъ причинною связью, принимая въ расчетъ характеры дѣйствующихъ лицъ и обстоятельства, сопровождавшія событія, которыя сами складываются изъ человѣческихъ же дѣйствій» [2]). Родоначальниками такого построенія прагматическихъ фактовъ были Ѳукидидъ и Полибій, давшіе впервые его образцы, при чемъ послѣдній самъ обозначилъ свой историческій трудъ, какъ *прагматію* (πραγματεία), и многіе подъ прагматизмомъ разумѣютъ именно тотъ способъ соединенія фактовъ, при которомъ взаимное ихъ отношеніе выражается словами — *причина* и *слѣдствіе*, — способъ, точнѣе обозначающійся словомъ—*каузальный*. Въ отличіе отъ этого послѣдняго культурная исторія пользуется способомъ *эволюціоннымъ:* здѣсь факты связываются между собою, не какъ причины и слѣдствія, а какъ измѣняющіеся образы и формы одного и того же явленія, какъ фазисы и моменты его развитія, эволюціи. Первую попытку такого построенія фактовъ сдѣлалъ еще Аристотель въ своей *Политикѣ*, говоря объ естественномъ переходѣ греческихъ государственныхъ формъ однѣхъ въ другія (ἡ κατὰ φύσιν εἰς τ'αναντία μεταβολή). Въ сущности оба направленія, имѣющія дѣло съ двумя различными сторонами одного и того же историческаго процесса, а потому одностороннія каждое въ своей

[1]) «Идея всеобщей исторіи». Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Спб. 1885, стр. 11.

[2]) Ibid., 12.

исключительности, должны быть объединены въ высшемъ синтезѣ, содержащемъ въ себѣ научное пониманіе сущности историческаго процесса.

«Какъ же происходитъ этотъ синтезъ?»—имѣли мы уже случай поставить этотъ вопросъ, отвѣтивъ тогда же на него слѣдующимъ образомъ:

«Изучая и построяя прагматическую исторію, вы образуете длинныя цѣпи фактовъ, т.-е. дѣяній и событій, взаимное отношеніе между каковыми фактами выражается словами — *причина* и *слѣдствіе*. Для примѣра я сошлюсь на то, какъ обыкновенно и въ краткихъ учебникахъ, и въ обширныхъ монографіяхъ разсказываются дѣянія крестовыхъ походовъ. Въ изображеніи этихъ причинныхъ цѣпей вы можете достигнуть величайшаго искусства, научной точности и логичности и художественной полноты и рельефности; но вы не исполните *всей* исторической задачи по отношенію къ крестовымъ походамъ, если не обратитесь, съ одной стороны, къ культурнымъ *условіямъ* представленнаго вами прагматизма, лежащимъ въ идеяхъ и учрежденіяхъ католико-феодальнаго міра, а съ другой стороны, — къ культурнымъ *результатамъ* всѣхъ разсказанныхъ вами дѣяній и событій по отношенію къ дальнѣйшей исторіи этихъ самыхъ идей и учрежденій.

«Изучая, во-вторыхъ, и построяя также исторію культурную, вы создаете длинные ряды другихъ фактовъ, т.-е. формъ и образовъ быта, образованности, гражданственности, и отношенія между этими фактами опредѣляете, какъ *фазисы* и *моменты* видоизмѣненія и развитія формъ и образовъ. Въ примѣръ я приведу способъ представленія тѣхъ превращеній, которыя испытало поземельное устройство въ прежнихъ провинціяхъ римской имперіи, начиная литифундіями эпохи классической, продолжая бенефиціями варварской и кончая ленами феодальной. Достигая строгой послѣдовательности и логической ясности въ своемъ построеніи фактовъ политической, юридической и экономической культуры средневѣковья, вы не можете обойтись безъ знанія прагматическихъ причинъ, вліявшихъ на эти превращенія, а такія причины—занятіе римскихъ провинцій германцами, паденіе имперіи, основаніе новыхъ государствъ, происходившія въ нихъ войны и усобицы, нашествія сарацинъ, норманновъ и венгровъ и т. д., и для совершеннаго пониманія феодальнаго режима обратитесь къ прагматическимъ *слѣдствіямъ* его установленія, къ каковымъ относятся возстаніе городовъ противъ сеньёровъ, борьба королевской власти съ вассалами, самые крестовые походы и т. д.

«Такъ и поступаютъ современные историки, только давая *преобладаніе* или прагматизму, или культурѣ, а *не исключая* одно ради другого: полное разъединеніе обоихъ элементовъ немыслимо. Вы видите, далѣе, что въ дѣйствительности прогматическія цѣпи, образо-

ванныя по принципу причинности, и культурные ряды, основанные на идеѣ развитія, постоянно между собою переплетаются: дѣянія и событія, идущія своимъ чередомъ, формы и образы жизни, слѣдующіе тоже своимъ путемъ, находятся еще и въ вѣчномъ взаимодѣйствіи; факты прагматическіе, кромѣ причинъ и слѣдствій въ области такихъ же прагматическихъ фактовъ, находятся подъ вліяніемъ условій культурныхъ и участвуютъ въ созданіи культурныхъ результатовъ, а культурные факты, помимо принадлежащей имъ эволюціонной связи, находятся еще въ причинно-слѣдственной связи съ фактами прагматическими. Если задача историка — воспроизводить то, что было, какъ оно было, то въ основу построенія и изложенія исторіи должна быть положена какъ-разъ эта идея взаимодѣйствія прагматизма и культуры, дѣятельности съ ея условіями и результатами и среды съ находящимися въ ней мотивами и измѣняющимися продуктами дѣятельности» [1]).

Едва-ли найдется историкъ, который сталъ бы оспаривать правильность приведеннаго разсужденія: прагматизмъ и культура, — въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ эти слова,—представляютъ изъ себя двѣ стороны одного и того же историческаго процесса, постоянно находящіяся во взаимодѣйствіи. Развитіе исторіографіи состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что все болѣе и болѣе обнаруживается въ ней стремленіе къ этому синтезу культуры и прагматизма, а въ основѣ такого синтеза лежитъ именно мысль о взаимодѣйствіи человѣческой дѣятельности и культурной среды, въ которой эта дѣятельность происходитъ и которую она создаетъ, какъ о самой существенной особенности историческаго процесса. Въ такомъ случаѣ каждому историку придется согласиться и съ опредѣленіемъ сущности этого процесса, сдѣланнымъ мною во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи.* Дѣло въ томъ, что все разнообразіе въ теоретическомъ пониманіи историческаго процесса [2]), за устраненіемъ метафизическихъ построеній, на которыя такъ щедры были нѣмцы, занимавшіеся исторіософіей, сводится къ двумъ противоположнымъ мнѣніямъ: для однихъ это—какая-то безличная эволюція, для другихъ это—дѣятельность личностей. «Такой противоположности взглядовъ, сказано было нами по этому поводу въ только-что указанномъ мѣстѣ, не могло бы образоваться, если бы дѣйствительность не давала поводовъ къ тому или другому заключенію. Съ одной стороны, мы видимъ на самомъ дѣлѣ въ исторіи развитіе идей и учрежденій, такъ сказать, безличную эволюцію надъ-органической среды, безсознательную и нецѣлесообразную, но нужно помнить, что эта эволюція немыслима

---

[1]) Ibid., 14—15.

[2]) Основные вопросы философіи исторіи. II, 170 sq. (252 sq.). Цитируемъ по второму изданію (въ скобкахъ—по первому).

безъ дѣятельности личностей; съ другой—исторія намъ представляется, какъ процессъ дѣятельности личностей, сознательно ставящихъ себѣ цѣли и эти цѣли преслѣдующихъ, но не нужно забывать, что такая дѣятельность обусловлена каждый разъ данною надъ-органическою (культурною) средою, имѣющею свою эволюцію. Историческій процессъ создается взаимодѣйствіемъ личностей и надъ-органической среды» [1]. Читателю, знакомому съ первыми двумя частями моихъ *Основныхъ вопросовъ*, должно быть извѣстно, что сведеніе историческаго процесса въ его отвлеченной сущности къ взаимодѣйствію личности и надъ-органической среды, принадлежитъ къ числу нѣсколькихъ главныхъ мыслей всего труда, а мысль эта тождественна по существу дѣла съ тѣмъ взглядомъ на взаимодѣйствіе прагматизма и культуры, противъ котораго, какъ мнѣ кажется, не станетъ спорить ни одинъ историкъ [2].

Я позволю себѣ для лучшаго уясненія вопроса о прагматической и культурной сторонахъ исторіи указать еще на то, что обѣ эти стороны мы найдемъ въ каждой отдѣльной сферѣ народной жизни, связанной съ какими бы то ни было человѣческими дѣятельностями. Напр., идея о взаимодѣйствіи личности и того, что̀ я называю надъ-органической средой, была примѣнена мною къ явленіямъ литературнымъ въ книгѣ подъ заглавіемъ *Литературная эволюція на Западѣ* [3], и въ ней, между прочимъ, частный вопросъ о литературной эволюціи ставится въ связь съ исторической эволюціей вообще. Такъ какъ на нѣсколькихъ страницахъ указанной книги, трактующихъ объ этомъ предметѣ, общая мысль получаетъ новую формулировку въ примѣненіи къ частному случаю, то мы и выписываемъ здѣсь, съ нѣкоторыми сокращеніями, наиболѣе важныя мѣста этихъ страницъ.

«Съ каждой категоріей явленій соціальной жизни (здѣсь разумѣются категоріи государства, права, народнаго хозяйства, религіи, философіи, науки, литературы, искусства, техники и т. д.) соединена извѣстная *дѣятельность*, постепенно обособляющаяся отъ другихъ, постепенно усиливающаяся и усложняющаяся, становящаяся разнообразнѣе, богаче результатами, успѣшнѣе въ достиженіи своихъ цѣлей, искуснѣе въ своихъ пріемахъ, — дѣятельность политическихъ и военныхъ вождей народа, законодателей и администраторовъ, знато-

---

[1]) Ibid., II, 262—263 (358). Cf. II, 271 (368). Въ числѣ тезисовъ, приготовленныхъ мною къ защитѣ *Основныхъ вопросовъ*, какъ докторской диссертаціи, былъ слѣдующій: «Историческій процессъ сводится къ взаимодѣйствію личности и надъ-органической среды: это — процессъ личной дѣятельности, перерабатывающей идеи и учрежденія, и процессъ надъ-органической эволюціи, вліяющей на личную дѣятельность» (см. II, 399 по первому изданію).

[2]) Въ приложеніяхъ читатель найдетъ замѣчанія наши по поводу одной критики, коснувшейся этого нашего взгляда.

[3]) Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. 1886.

ковъ права и судей, промышленниковъ и купцовъ, религіозныхъ мыслителей и руководителей общества, ученыхъ и преподавателей, поэтовъ и литераторовъ, музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ, землевладѣльцевъ, ремесленниковъ и пр. и пр. Всѣ категоріи однородныхъ явленій и соединенныя съ ними дѣятельности имѣютъ въ каждую эпоху болѣе или менѣе установившіяся *формы*,— политическій строй и форму политической жизни, формы дѣйствующаго права и формы правовыхъ отношеній, экономическую организацію и формы экономическихъ отношеній, систему религіозныхъ миѳовъ и догматовъ и формы обряда и культа, системы міровоззрѣній и знаній, совокупности вопросовъ и задачъ, методы разсужденія и изслѣдованія и способы изложенія и передачи міровоззрѣній и знаній, направленіе литературы и виды ея произведеній, характеръ и пріемы искусства, преобладающія занятія и употребляемые при нихъ техническіе пріемы: все это свое у каждой исторической эпохи, но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ одно время связано съ другимъ, предыдущимъ и послѣдующимъ, тѣмъ, что каждая система отношеній, мыслей и пріемовъ, характеризующая тотъ или другой вѣкъ, каждая форма общественной, духовной, практической дѣятельности, которую мы наблюдаемъ въ то или другое время, вырабатывается силою вещей и дѣйствіями человѣка изъ системъ и формъ предыдущихъ эпохъ, а не возникаетъ какъ deus ex machina, какъ proles sine matre creata [1]).

«Подвергнемъ анализу самое понятіе литературной эволюціи и выдѣлимъ тѣ ея стороны, которыя наиболѣе способны разсматриваться независимо отъ другихъ эволюцій, происходящихъ въ обществѣ... Представьте себѣ длинную природную трубу съ разными осложненіями, которая, идя отъ легкихъ, оканчивается наружу губами и носомъ: это—органъ нашей рѣчи. Сравните рѣчь съ литературой, и вы найдете, что такимъ органомъ въ обществѣ является классъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ. Вы изучаете внутреннее строеніе этого органа, его отношеніе къ другимъ, его роль въ общей дѣятельности организма, значеніе отдѣльныхъ его частей для другихъ отправленій тѣла, для дыханія, для принятія пищи, распознаванія вкусовъ и запаховъ, и для этого вамъ нужно знать общее строеніе организма. И эволюцію класса писателей въ обществѣ вы можете изучать съ такой же точки зрѣнія: въ изслѣдованіи этомъ васъ заинтересуютъ составъ писательскаго класса, структура общества, мѣсто литературныхъ дѣятелей среди другихъ классовъ и сословій, ихъ общественная роль, ихъ значеніе для другихъ дѣятельностей и пр., и пр. Вы смотрите здѣсь на органъ, какъ на часть организма, и въ изслѣдованіи части имѣете въ виду цѣлое: вы, значитъ, не можете изучать эво-

[1]) Ibid., 38—39.

люцію писательскаго класса, не обращаясь постоянно къ общей эволюціи общества.

«Сдѣлайте шагъ впередъ: перейдите отъ органа къ его дѣятельности. У васъ есть все, необходимое для произнесенія звуковъ, но вы говорите или молчите, вы говорите много или мало, часто или рѣдко, громко или шопотомъ; конечно, у васъ на это есть основанія,—вамъ есть что̀ сказать, васъ слушаютъ, вамъ даютъ говорить, вы не лѣнивы или, напротивъ, вамъ нечего передать, вы не находите собесѣдниковъ, вамъ зажимаютъ ротъ, вы не словоохотливы отъ природы; у васъ здоровыя легкія и всѣ части голосового органа въ порядкѣ, или и легкія у васъ, и горло, и все остальное не въ порядкѣ. Можете ли вы представить эволюцію дѣятельности своего голосового органа, не имѣя постоянно въ виду количества побужденій говорить или молчать, внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ вашей словоохотливости или неразговорчивости, разныхъ условій, заставляющихъ васъ или позволяющихъ вамъ только кричать или чуть слышно бормотать? Конечно, нѣтъ, но то же самое вы имѣете передъ собою, когда изучаете эволюцію литературной дѣятельности: она усиливается и ослабѣваетъ, учащается или дѣлается рѣже, процвѣтаетъ или начинаетъ только прозябать—отъ массы импульсовъ и задержекъ, лежащихъ въ самой жизни общества. Выходитъ, что и эволюцію литературной дѣятельности невозможно изучать внѣ связи съ общей исторіей общества: въ ней лежатъ причины и условія количества, силы и направленія этой дѣятельности.

«Въ нашемъ сравненіи я приглашаю васъ сдѣлать еще одинъ шагъ, и это будетъ уже послѣдній. Перестаньте обращать вниманіе на мѣсто и значеніе голосового аппарата въ цѣломъ организмѣ, оставьте въ сторонѣ лежащія во всей жизни субъекта причины и условія дѣятельности или бездѣйствія этого аппарата, и пусть вниманіе ваше сосредоточится на одномъ, на самыхъ актахъ рѣчи. Вы слушаете человѣка: васъ не интересуютъ ни общее состояніе его организма, ни жизненная обстановка индивидуума; васъ занимаетъ дикція, голосъ, его высота и чистота, количество гласныхъ и согласныхъ звуковъ, тембръ и акцентъ; васъ занимаетъ грамматическій строй языка, лексическій его составъ, синтаксическіе пріемы; васъ занимаетъ значеніе корней, приставокъ, окончаній, смыслъ отдѣльныхъ словъ, количество понятій, выражаемыхъ рѣчью. Вы видите, что тутъ вы удалились отъ изслѣдованія строенія органа, отъ изслѣдованія исторіи его дѣятельности: на первомъ планѣ у васъ языкъ, какъ совокупность актовъ рѣчи, содержаніе и форма этихъ актовъ; вы разсматриваете ихъ сами по себѣ и ищете ихъ собственную эволюцію въ актахъ рѣчи отдѣльной личности и цѣлаго народа; мѣняется высота и чистота голоса, количество, тембръ, оттѣнки звуковъ, акцентъ и манера дикціи; мѣняются

склоненія и спряженія, слова и способы ихъ соединенія; мѣняются значеніе тѣхъ или другихъ приставокъ и окончаній, смыслъ отдѣльныхъ выраженій, понятія, передаваемыя словами,—все, что составляетъ форму и содержаніе актовъ рѣчи. Примѣните этотъ примѣръ къ дѣятельности литературной, разложите дѣятельность эту на отдѣльные акты, опредѣлите ихъ форму и содержаніе: въ каждую эпоху вы найдете опредѣленный стиль, опредѣленные стихотворные размѣры, обороты рѣчи, литературные пріемы, извѣстные преобладающіе виды произведеній, формы сочиненій, такое или иное количество идей, образовъ, темъ и сюжетовъ, разрабатываемыхъ литературой. Въ обществѣ есть писательскій классъ, происходитъ литературная дѣятельность,—оставьте ихъ въ покоѣ, смотрите лишь на то, какъ и что пишется и читается въ обществѣ, слѣдите за тѣмъ, въ чемъ заключается измѣненіе формы и теченіе содержанія.

«Конечно, и тутъ придется вамъ ставить вопросъ на болѣе общую почву, но уже не на такую общую, когда мы говорили объ органѣ и его дѣятельности: вамъ ужъ мало дѣла до цѣлаго организма, до всей обстановки субъекта; вы смотрите только, такъ сказать, на привычные пути въ дѣятельности органа, на привычный кругъ идей, содержащихся въ мозгу, да и тутъ вы можете себя освободить отъ изслѣдованія того, какъ сложились эти привычные пути актовъ рѣчи въ зависимости отъ строенія органа, какъ шла выработка идей въ лабораторіи мозга; вашъ объектъ—произносимое, слышимое слово, взятое со стороны звука, строенія и смысла, со стороны акустики, грамматики, лексикографіи; вы можете не привлекать напрасно къ дѣлу всей анатоміи голосового аппарата, всей логики и психологіи. Но то же возможно и въ литературѣ, и въ этомъ-то и заключается самый послѣдній шагъ: оставьте въ сторонѣ составъ писательскаго класса, побудительныя причины его общественной дѣятельности, умственную и нравственную атмосферу, вырабатываемую эволюціей мышленія и чувства, слѣдите за тѣмъ, что дѣлается съ произносимымъ и слышимымъ словомъ, съ существующимъ стилемъ, стихомъ, съ даннымъ видомъ литературы, съ извѣстнымъ образомъ, идеей, темой и сюжетомъ. Отвлекаясь отъ всего остального, такъ можно сдѣлать, т.-е. представить себѣ, что для писателя не существуетъ иныхъ условій его дѣятельности, иной окружающей атмосферы, кромѣ литературы съ ея содержаніемъ и формами, и что на бытіе литературы ничто не оказываетъ вліянія, кромѣ дѣятельности писателей, какъ бы отрѣшившихся отъ всего остального. Въ дѣйствительности этого, конечно, не бываетъ, но безъ помощи такихъ предположеній наука обойтись не можетъ.

«Я выражу иначе, къ чему мы пришли, обособляя литературную эволюцію отъ всѣхъ другихъ, имѣющихъ мѣсто въ общественной

жизни: анализъ разложилъ литературную дѣятельность на отдѣльные акты, а совокупность живыхъ литературныхъ произведенiй—на ихъ реальные и формальные элементы. Постарайтесь прiискать иное выраженiе, вмѣсто «акта литературной дѣятельности»: едва-ли вамъ долго придется рыться въ памяти; есть слово, которое само просится, чтобы замѣнить это выраженiе: вы знаете такое слово, вы говорите—творчество, литературное творчество. Вотъ я и предлагаю не обращать вниманiя на все, въ зависимости отъ чего находится это творчество, кромѣ одного, именно кромѣ указанныхъ реальныхъ и формальныхъ элементовъ литературы, которые можно назвать элементами литературной традицiи или просто литературной традицiей,—и приглашаю разсматривать эту традицiю въ зависимости отъ одного творчества, ее создающаго, поддерживающаго и питающаго, но отдѣльно отъ ея связи съ другими традицiями. Изслѣдуя въ теорiи или въ приложенiи къ дѣйствительнымъ фактамъ эволюцiю творчества въ связи съ эволюцiей литературныхъ традицiй, мы, собственно говоря, изслѣдуемъ самую литературную эволюцiю, взятую особнякомъ отъ влiяющихъ на нее эволюцiй соцiальной, политической, религiозной, философской, научной и т. п. Традицiи послѣднихъ вѣдь тоже сказываются на литературѣ, создавая творчеству новыя условiя, новые импульсы, заставляя его обращаться къ новымъ темамъ и сюжетамъ, внося въ него новыя идеи, новые образы и т. д. и такимъ образомъ помогая ему освобождаться отъ подчиненiя чисто литературнымъ традицiямъ, возникшимъ подъ влiянiемъ иныхъ условiй, импульсовъ, вопросовъ и фактовъ, идей и представленiй въ обществѣ, нежели тѣ, среди которыхъ продолжаютъ жить эти традицiи.

«Итакъ, *въ основѣ литературной эволюцiи лежитъ взаимодѣйствiе творчества и традицiи*, *и это—не исключительная особенность одной литературной эволюцiи, а сущность каждой*. Возьмите какую бы то ни было дѣятельность, вездѣ вы увидите, что, кромѣ *прагматизма причинъ и слѣдствiй,* въ ней играютъ роль извѣстные *протоpенные пути,* которые мы сводимъ къ понятiю *культуры:* политическая дѣятельность народа обусловлена государственнымъ строемъ, научная дѣятельность общества—запасомъ существующихъ знанiй и арсеналомъ выработанныхъ методовъ. Возьмите, съ другой стороны, развитiе государства или науки: вездѣ вы увидите подъ культурными измѣненiями въ государственныхъ формахъ, въ знанiяхъ и методахъ нѣкоторую движущую силу, извѣстныя дѣятельности, производящiя эти перемѣны, дѣятельности, которыя составляютъ изъ себя весь прагматизмъ исторiи: государственный строй мѣняется лишь при участiи дѣятельностей, относящихся къ государству, результаты и прiемы науки мѣняются лишь дѣятельностями, обращенными на разработку знанiй. То же взаимодѣйствiе прагматизма и культуры, самой дѣя-

тельности, идущей по проторенным путям или пролагающей новые, и ея путей, то удерживающих на себѣ дѣятельность, то приводящих ее на новыя дороги, мы имѣем и в литературной эволюціи: творчество создает литературныя произведенія или в старом духѣ или, получая импульсы со стороны измѣнившихся других сфер жизни, сходит с проторенного пути; литературная традиція, поддерживаемая другими традиціями, имѣющими с нею общее происхожденіе, не позволяет творчеству вырваться из ея оков или теряет свою силу, когда очутится одна среди измѣнившейся обстановки» [1]).

Пойдем теперь далѣе. Видя сущность историческаго процесса, как такового, во взаимодѣйствіи, в каковом находятся прагматическая и культурная стороны этого процесса, мы имѣем, однако, право разсматривать каждую из этих сторон отдѣльно, т.-е. говорить особо об историческом процессѣ, как дѣятельности, и об историческом процессѣ, как культурном развитіи. В общем нам извѣстно, в каком отношеніи находятся между собою обѣ указанныя стороны исторіи, и прежде нежели мы будем в состояніи подвергнуть это отношеніе болѣе обстоятельному изслѣдованію, нам необходимо разсмотрѣть каждую из сторон историческаго процесса в отдѣльности. Главный вопрос, рѣшенія котораго слѣдует добиваться при изученіи того, как происходит всякая прагматическая исторія и как совершается всякое культурное развитіе, есть *вопрос о роли личности* в историческом процессѣ. Для научной теоріи историческаго процесса, конечно, слишком недостаточно того общаго соображенія, что *дѣйствуют* в исторіи люди, т.-е. человѣческія личности, из дѣяній которых и складывается вся ея прагматическая сторона, и что тѣ же люди *создают* все то, что мы разумѣем под названіем стороны культурной: нужно, разумѣется, допытаться, *как* происходит это дѣйствованіе и совершается это созиданіе. Относительно указаннаго *как?* могут существовать разныя мнѣнія,—потому мы и займемся их разбором,—но самое общее представленіе об этой роли, выраженное нами в формулѣ: «личность есть единственный фактор исторіи» и «все в исторіи существует чрез личность» [2]),—на наш взгляд должно остаться во всей своей силѣ: по отношенію к прагматической сторонѣ исторіи, именно и заключающейся в дѣйствіях отдѣльных личностей, не должно быть никакого спора об этом, а по отношенію к сторонѣ культурной даже самые рьяные защитники безличной эволюціи вынуждены будут в концѣ-концов согласиться, что в послѣднем анализѣ эта эволюція совершается не иначе, как в личностях

[1]) Ibid., 41—46.

[2]) О. В. Ф. И., I, 53 (155) и 250 (401), а также многія другія мѣста.

или чрезъ личности, разъ мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, *какъ* это происходитъ. «Какъ субъектъ, творящій всю культуру, писали мы раньше,—и какъ объектъ, испытывающій на себѣ ея вліяніе, личность есть то реальное чувство, чрезъ которое, въ которомъ и для котораго существуютъ и государство, и экономическія отношенія, и общественная жизнь, и право, и философія, и мораль, и религія, и наука, и литература, и искусство,—и есть тотъ центръ, посредствомъ котораго, въ которомъ и для котораго они связываются между собою» [1]). Разногласіе начинается именно съ того момента, когда мы дѣлаемъ попытку точнѣе опредѣлить, какъ же дѣйствуетъ личность въ исторіи.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ сочиненіи, составляющемъ, какъ я сказалъ въ самомъ началѣ, третью часть *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи,* хотя и имѣющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе совершенно самостоятельнаго труда, намъ предстоитъ говорить:

1) о роли личности въ прагматической исторіи,

2) о роли личности въ культурной исторіи и

3) о взаимодѣйствіи прагматизма и культуры.

---

[1]) Ibid., I, 250 (402). Cf. II, 184 (271).

ЧАСТЬ I.

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ.

ГЛАВА I.

Частная постановка вопроса.

Содержаніе прагматической исторіи.—Роль въ ней отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ.—Градація и классификація послѣднихъ.—Переходъ отъ дѣйствій къ дѣятелямъ. — Въ чемъ заключается задача теоріи прагматизма и къ чему она обыкновенно сводится?—Причина сведенія общаго вопроса къ частному.—Отношеніе къ вопросу историковъ.

Факты, совокупность коихъ составляетъ прагматическую сторону исторіи, все то, что въ исторіи мы называемъ или единичнымъ событіемъ, или движеніемъ, состоящимъ изъ цѣлаго ряда однородныхъ дѣйствій, все это сводится въ послѣднемъ анализѣ къ отдѣльнымъ человѣческимъ поступкамъ, и если задача исторической науки по отношенію къ этимъ фактамъ заключается существеннымъ образомъ въ томъ, чтобы показать, какъ одни изъ нихъ вызывались другими, т.-е. въ томъ, чтобы представить ихъ, какъ причины и слѣдствія одни другихъ, то не иначе должна относиться наука наша и къ отдѣльнымъ человѣческимъ поступкамъ, слагающимся въ историческія событія и движенія. Прагматическая сторона исторіи, можно сказать поэтому, есть совокупность отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, относящихся одни къ другимъ, какъ причины и слѣдствія. Само собою разумѣется, далеко не всѣ человѣческіе поступки входятъ непосредственно въ составъ прагматической исторіи, а съ другой стороны, тѣ, которые въ него входятъ, имѣютъ въ немъ, конечно, далеко не одинаковое значеніе: во-первыхъ, отдѣльный поступокъ принадлежитъ исторіи лишь тогда, когда играетъ ту или другую роль въ событіи или

движенiи, вызывающемъ новые прагматическiе факты, т.-е. когда онъ включенъ, какъ хотя-бы самое маленькое звено, въ длинную цѣпь причинъ и слѣдствiй прагматическаго процесса, а не остается отъ нея въ сторонѣ; во-вторыхъ, самая роль, какую въ разныхъ событiяхъ и движенiяхъ играютъ отдѣльные поступки, можетъ быть большею и меньшею, такъ что иной разъ все событiе и заключается въ единичномъ поступкѣ, или же этимъ послѣднимъ вызывается цѣлое движенiе, а иной разъ отдѣльный поступокъ, стоя даже въ непосредственной связи съ крупнымъ прагматическимъ фактомъ, весьма мало участвуетъ самъ по себѣ въ созданiи этого факта.

Едва-ли есть необходимость иллюстрировать только-что выставленныя положенiя какими-либо примѣрами. Прямое участiе въ историческихъ событiяхъ и общественныхъ движенiяхъ по отношенiю къ громадному большинству поступковъ, громаднаго большинства людей бываетъ обыкновенно рѣдкимъ исключенiемъ изъ общаго правила, которое можно формулировать такимъ образомъ: большая часть человѣческихъ поступковъ не имѣетъ историческаго значенiя. Съ другой стороны, разсматривая отдѣльные поступки, какъ элементы событiй или движенiй, мы естественно должны установить между этими элементами извѣстную градацiю, такъ какъ бываютъ дѣйствiя, сами по себѣ богатыя результатами, и бываютъ такiя, что для произведенiя важныхъ слѣдствiй необходимо соединенiе громаднаго ихъ количества, такъ что каждое изъ нихъ, взятое особнякомъ, само по себѣ утрачиваетъ значенiе историческаго факта. Выигрывается, наприм., крупное сраженiе, и побѣда одного государства надъ другимъ дѣлается исходнымъ пунктомъ новаго прагматическаго теченiя въ области международныхъ отношенiй: событiе это, конечно, есть результатъ великаго множества совокупныхъ дѣйствiй, представляющихъ изъ себя въ цѣломъ весьма сложный, если можно такъ выразиться, организмъ, отдѣльныя части коего имѣли далеко не одинаковое значенiе. Умѣлое распоряженiе главнаго вождя перевѣситъ по своему значенiю храброе поведенiе каждаго отдѣльнаго солдата. Тысячи геройскихъ поступковъ могли бы пропасть даромъ вслѣдствiе одного ложнаго шага полководца. Этотъ примѣръ можетъ служить поясненiемъ нашей общей мысли о томъ, что отдѣльные человѣческiе поступки, входящiе въ составъ историческихъ событiй и движенiй, не суть элементы равновеликiе.

Говоря о градацiи поступковъ по степени ихъ участiя въ событiи или движенiи, я ничуть не думаю утверждать, чтобы всегда можно было свести дѣло къ математическому измѣренiю или вычисленiю: если въ однихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, суммируются однородные поступки, и возможно говорить о равенствѣ или неравенствѣ слагаемыхъ, то вообще отдѣльныя дѣйствiя, составляющiя событiе или движенiе,

бываютъ большею частью величинами и несоизмѣримыми, принадлежа къ различнымъ категоріямъ человѣческой дѣятельности. Поведеніе въ сраженіи двухъ солдатъ, изъ коихъ одинъ проявилъ болѣе храбрости, чѣмъ другой, и тѣмъ самымъ болѣе, нежели этотъ послѣдній, содѣйствовалъ успѣху, — можетъ быть подведено подъ одну мѣрку, такъ какъ поступки обоихъ во время битвы были поступками одной и той же категоріи, совершенно отличной отъ того класса дѣйствій, къ которому относятся всѣ распоряженія начальства во время того же сраженія. Здѣсь можетъ быть поставленъ уже вопросъ о классификаціи отдѣльныхъ дѣйствій, какъ элементовъ событія или движенія, притомъ о такой классификаціи, какая уже существуетъ въ наукѣ уголовнаго права или въ политической экономіи, когда первая изъ этихъ наукъ установляетъ различные виды участія отдѣльныхъ лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи, а другая говоритъ о сложномъ сотрудничествѣ, въ коемъ разныя лица помогаютъ другъ другу, занимаясь разными трудами.

Всѣмъ предыдущимъ разсужденіемъ мнѣ хотѣлось только выставить на видъ, что отдѣльные поступки, какъ элементы историческихъ событій и движеній, будучи даже однородными, не представляютъ изъ себя равныхъ величинъ и часто являются величинами несоизмѣримыми, такъ какъ могутъ принадлежать къ совершенно различнымъ категоріямъ человѣческихъ дѣйствій.

Но идемъ далѣе. За поступками стоятъ тѣ, которые ихъ совершаютъ, т.-е. отдѣльныя человѣческія личности. Сообразно съ тѣмъ, что мы говорили о дѣйствіяхъ, мы должны сказать и о дѣятеляхъ: въ прагматической исторіи принимаютъ участіе далеко не всѣ люди, а роль принимающихъ участіе далеко не одинакова. Въ каждомъ событіи, въ каждомъ движеніи участвуетъ непосредственно только опредѣленное количество членовъ даннаго общества, именно лишь тѣ изъ нихъ, которые совершаютъ поступки, входящіе въ составъ того или другого прагматическаго факта исторіи, а не остающіеся въ сторонѣ отъ послѣдняго или же лишь играющіе при соприкосновеніи съ нимъ чисто пассивную роль. Съ другой стороны, число и значеніе поступковъ, принимаемыхъ въ расчетъ при изученіи прагматической исторіи, далеко не одно и то же у отдѣльныхъ участниковъ событія или движенія: при равномъ для разныхъ лицъ количествѣ единичныхъ дѣйствій, безъ коихъ не было бы того или другого прагматическаго факта, сами эти дѣйствія могутъ быть весьма не одинаковаго качества у каждаго лица въ отдѣльности, и наоборотъ при одинаковости качества возможны весьма различныя количества. По отношенію къ участникамъ того или другого событія либо движенія здѣсь можно было бы повторить то же самое, что было сказано по поводу неравенства и несоизмѣримости отдѣльныхъ дѣйствій, какъ элементовъ

каждаго прагматическаго факта. Тотъ общій принципъ, который лежитъ въ основѣ различенія криминалистами разныхъ видовъ участія нѣсколькихъ лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи, и въ основѣ ученія экономистовъ о сложномъ сотрудничествѣ, сопровождающемся раздѣленіемъ труда, можетъ быть примѣненъ, такъ сказать, къ градаціи и классификаціи отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, поступки коихъ складываются въ цѣльные прагматическіе факты.

Если, съ одной стороны, задача прагматической исторіографіи состоитъ въ томъ, чтобы связать отдѣльные человѣческіе поступки, эти элементы историческихъ событій и движеній, какъ причины и слѣдствія, и если, съ другой стороны, за дѣйствіями нужно всегда видѣть дѣятелей, за человѣческими поступками — человѣческія личности, ихъ совершающія, то задача изученія того, какъ одни поступки вызываются другими, превращается въ сущности въ задачу—изслѣдовать, какъ дѣйствуетъ человѣкъ на человѣка, отдѣльная личность — на другія личности, вмѣстѣ съ нею дѣлающія исторію, при чемъ въ силу вышесказаннаго мы съ самаго начала должны признать, что вообще дѣйствіе человѣка на другихъ бываетъ весьма различно и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи.

Обыкновенно этотъ, какъ мы увидимъ, весьма сложный вопросъ разрѣшался не въ той общей формѣ, въ какой онъ только-что нами поставленъ, а въ другой, имѣющей отношеніе только къ одному частному случаю общаго явленія—дѣйствія человѣка на человѣка. Частный случай, о которомъ идетъ рѣчь, есть именно дѣйствіе въ исторіи исключительной личности, противополагаемой цѣлому обществу, и съ этой точки зрѣнія ставится вопросъ о томъ, кто производитъ движеніе исторіи—такъ называемые великіе люди или народныя массы, «герои» или толпа [1]). Въ сущности это есть частный вопросъ, входящій въ составъ общаго вопроса, формулированнаго нами выше, потому что всѣ его рѣшенія сводятся къ указанію на какое-либо дѣятельное отношеніе между отдѣльными личностями. И великій человѣкъ, «герой» есть отдѣльная личность, и народная масса, толпа состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей: если спрашивается, кто производитъ движеніе исторіи—первые или послѣдняя, то въ сущности ожидается отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто на кого главнымъ образомъ дѣйствуетъ, кто кого приводитъ въ движеніе для достиженія извѣстнаго результата, кто играетъ болѣе активную и кто болѣе пассивную роль, при предположеніи, что обѣ стороны находятся во взаимодѣйствіи, т.-е., говоря короче и въ наиболѣе рѣзкой формѣ — увлекаетъ ли за собою дѣятельная единица инертную массу или, наоборотъ, постоянно движущаяся масса влечетъ за собою безсильную самоё по себѣ единицу.

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 181 (268).

Оставимъ пока въ сторонѣ рѣшеніе общаго вопроса, чтобы заняться исключительно разсмотрѣніемъ частнаго случая, когда ставятся, съ одной стороны, великій человѣкъ, «герой», а съ другой — народная масса, толпа, не касаясь того, насколько правильно такое противопоставленіе.

Если частный вопросъ совершенно заслонилъ собою вопросъ общій въ тѣхъ сравнительно немногихъ разсужденіяхъ о роли личности въ исторіи, которыя существуютъ въ исторіософической и отчасти исторической литературѣ, то произошло это не въ силу какихъ-либо теоретическихъ основаній, а вслѣдствіе извѣстнаго хода развитія нашей науки. Не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, чтобы съ самаго начала исторіософическаго мышленія былъ поставленъ общій вопросъ и затѣмъ изъ него былъ выдѣленъ одинъ частный, на которомъ вслѣдствіе его особой теоретической важности и было сосредоточено все вниманіе. Дѣло происходило совершенно наоборотъ: общій вопросъ теперь только начинаетъ ставиться, тогда какъ частный имѣетъ уже цѣлую исторію, отразившую на себѣ до извѣстной степени развитіе исторіографіи.

Раннее бытописаніе, по самому существу своему прагматическое, схватывало главнымъ образомъ индивидуальныя дѣянія, поражавшія воображеніе современниковъ, а въ памяти потомства часто выраставшія до героическихъ размѣровъ. Наивная вѣра раннихъ временъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ пріурочивала, кромѣ того, къ отдѣльнымъ личностямъ происхожденіе государства, религіи, письма и т. п. Всѣмъ этимъ давался тонъ и дальнѣйшему развитію исторіографіи, которая весьма часто пользовалась въ данномъ случаѣ пріемами, аналогичными съ тѣмъ, какой употребляютъ рисовальщики лубочныхъ картинъ, изображающихъ колоссальныхъ генераловъ рядомъ съ крошечными солдатиками, замазанными одною полосою краски. Противопоставленіе «героя» толпѣ возникло именно на почвѣ ранней исторіографіи, занимавшейся только «героями» и не различавшей отдѣльныхъ личностей въ яко-бы совершенно однородной толпѣ. Съ теченіемъ времени должна была произойти перемѣна въ воззрѣніяхъ историковъ: особенно съ той поры, когда было понято, что исторія должна быть исторіей не отдѣльныхъ личностей, а коллективныхъ существъ—народовъ, массы оживились въ глазахъ историковъ, были ими признаны за дѣйствующую въ исторіи силу, которая и была противопоставлена силѣ великихъ людей, исключительно признававшейся раньше, при чемъ и новые историки сохранили за великимъ человѣкомъ его прежнее положеніе внѣ массы.

Такова въ общихъ чертахъ исторія возникновенія вопроса о роли личности въ прагматической исторіи, а вмѣстѣ съ нимъ и спора о томъ, кто производитъ движеніе исторіи, — единицы или массы. Не-

смотря на то, что предметъ этотъ получилъ важное значенiе для самой исторiографiи внѣ всякаго отношенiя къ отвлеченной теорiи историческаго процесса, которою вообще такъ мало занимались, онъ до сихъ поръ весьма слабо разработанъ въ научной литературѣ. Громадное большинство историковъ, смѣемъ думать, или совсѣмъ не ставило себѣ этого вопроса, даже игнорируя его существованiе, или подолгу на немъ не останавливалось, не вникало въ его сущность, довольствуясь наскоро составленнымъ взглядомъ и двумя-тремя аргументами противъ взглядовъ противоположныхъ. Немногiе, у которыхъ можно предполагать существованiе какой-либо теорiи на этотъ счетъ, не давали себѣ труда подѣлиться ею съ другими или доказать ее для людей, придерживающихся иного образа мыслей, ограничиваясь разсмотрѣнiемъ дѣйствительной исторiи съ своей никѣмъ не провѣренной и нигдѣ не доказанной точки зрѣнiя. Только очень рѣдкiе изъ этой категорiи историковъ высказывали при случаѣ кое-какiе общiе взгляды по этому вопросу, обобщая нѣкоторыя изъ своихъ частныхъ наблюденiй, чтобы выставить нѣчто въ родѣ правила, подъ которое можно было бы подвести данный фактъ. Конечно, многiя изъ подобныхъ замѣчанiй заслуживаютъ вниманiя и должны быть отмѣчены при разсмотрѣнiи предмета [1]), но за всѣмъ тѣмъ это все-таки отдѣльныя замѣчанiя, случайно высказанные отрывки нигдѣ неформулированныхъ теорiй, и пришлось бы предпринять пересмотръ всей исторической литературы въ поискахъ за подобными мѣстами, чтобы прiобрѣсти сколько-нибудь значительное количество ясно высказывавшихся разными историками взглядовъ на роль личности въ исторiи. Если мы отъ чисто историческихъ трудовъ обратимся къ произведенiямъ исторiософическихъ писателей, то и у нихъ найдемъ сравнительно очень мало разсужденiй на нашу тему. Обозрѣвая и критикуя эту литературу въ первыхъ двухъ частяхъ *Основныхъ вопросовъ*, я имѣлъ случай отмѣтить, что вопросъ о сущности историческаго движенiя можно считать однимъ изъ самыхъ неразработанныхъ въ исторiософiи [2]), что при его рѣшенiи послѣдняя особенно часто сбивалась на ложную дорогу метафизики и идеологiи [3]), и что вообще личностью въ исторiи эта литература интересовалась менѣе, нежели слѣдовало бы [4]). Поэтому и здѣсь мы найдемъ очень немного по интересующему насъ вопросу безотносительно къ тому, могли ли бы мы принять или должны были бы отвергнуть встрѣтившiяся намъ воззрѣнiя, тѣмъ болѣе, что и они высказывались большею частью мимоходомъ, не развивались въ по-

---

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду, напр., краткое разсужденiе Гизо о великихъ людяхъ по поводу Карла Великаго и т. п.

[2]) О. В. Ф. И. II, 170 (252).

[3]) Ibid., II, 171 sq. (256 sq.)

[4]) Ibid., I, 253 sq. (405 sq.).

дробностяхъ и рѣдко обосновывались научнымъ образомъ. Притомъ еще,—нужно замѣтить,—то, что̀ въ разныхъ исторiософическихъ разсужденiяхъ и подходитъ къ нашей темѣ, почти всегда является въ сопровожденiи идей, къ вопросу совершенно непричастныхъ и связанныхъ съ нимъ только въ силу тѣхъ или другихъ особенностей мiросозерцанiя ихъ авторовъ, а это затрудняетъ и даже дѣлаетъ невозможнымъ ни принятiе такихъ воззрѣнiй по ихъ связи съ чисто субъективными теорiями, ни ихъ критику самихъ по себѣ безъ одновременной критики положенiй, не имѣющихъ прямого отношенiя къ дѣлу. Остается очень небольшая категорiя книгъ и статей, спецiально относящихся къ вопросу, написанныхъ или, по крайней мѣрѣ, задуманныхъ въ научномъ духѣ, безъ идеологическаго тумана нѣмецкой метафизики. Эта литература такъ невелика, что мы имѣемъ полную возможность включить критическiй обзоръ очень значительной ея части въ наше изслѣдованiе вопроса, дабы познакомить читателя съ существующими его рѣшенiями, заимствовать изъ нихъ то, что̀ окажется пригоднымъ, и высказать мотивированное мнѣнiе о самомъ вопросѣ по существу для опредѣленiя его мѣста въ болѣе общемъ вопросѣ, часть котораго, какъ мы сказали, онъ составляетъ [1]).

Обзоръ свой мы начнемъ съ изложенiя и разбора двухъ крайнихъ, взаимно уничтожающихъ одна другую теорiй, изъ коихъ одна утверждаетъ, что отдѣльная личность—все, а другая, что отдѣльная личность—ничто.

---

[1]) Въ этомъ обзорѣ мы даемъ мѣсто отдѣльнымъ авторамъ, касавшимся предмета, руководствуясь при выборѣ 1) знаменитостью автора именно̀ въ исторiи даннаго вопроса (Карлейль), 2) предпочтенiемъ новѣйшихъ авторовъ старымъ, такъ какъ у новѣйшихъ авторовъ болѣе или менѣе подведены итоги подъ прежними воззрѣнiями, и 3) необходимостью разсмотрѣть особенно то, что̀ по вопросу существуетъ въ русской литературѣ. Въ громадномъ количествѣ историко-философскихъ книгъ, брошюръ и статей, изученныхъ и просмотрѣнныхъ нами (см. О. В. Ф. И. I, 301—339 по второму изданiю), только въ очень немногихъ предметъ этотъ затрогивается (ср. II, 181 по второму изданiю).

ГЛАВА II.

Т. Карлейль и Левъ Толстой о личности въ исторіи.

Рѣзкая противоположность между взглядами обоихъ писателей.—Содержаніе книги Карлейля о герояхъ.—Основная идея этого сочиненія.—Обоготвореніе героя.—Критика пріемовъ Карлейля и результатовъ этой работы.—Психологія великихъ людей по Карлейлю.—Дѣйствіе героя на толпу.—Общее заключеніе о книгѣ Карлейля.—Философскія разсужденія «Войны и мира» объ исторіи.—Основная идея всего произведенія.—Пріемы историческаго изображенія у Л. Толстого.—Существенный пробѣлъ въ его концепціи.—Причина историческаго движенія.—Отрицаніе Л. Толстымъ роли личности и личной иниціативы въ исторіи.—Разборъ этого взгляда.—Пониманіе Л. Толстымъ несвободы воли.—Субъективная и объективная точки зрѣнія на великихъ людей.—Рѣшеніе Карлейлемъ и Толстымъ вопроса о дѣйствіи героевъ на толпу.—Заключеніе.

Среди авторовъ, писавшихъ о роли личности въ исторіи, есть два знаменитыхъ писателя, которые по занимающему насъ вопросу стоятъ на двухъ діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія: каждый изъ нихъ можетъ разсматриваться, какъ представитель крайняго взгляда, выставленнаго во всей его рѣзкости, при чемъ взглядъ одного есть полнѣйшее отрицаніе взгляда другого. Трудно было бы нарочно придумать такую противоположность, какая въ данномъ случаѣ существуетъ между этими двумя оригинальнѣйшими литературными дѣятелями XIX в., между знаменитымъ англійскимъ историкомъ Томасомъ Карлейлемъ и стяжавшимъ всемірную славу русскимъ писателемъ Л. Н. Толстымъ: можно даже подумать, читая разсужденія послѣдняго о великихъ людяхъ, что онъ поставилъ тутъ себѣ цѣлью опроверженіе извѣстныхъ взглядовъ Карлейля на «героическое» въ исторіи. Въ существованіи двухъ противоположныхъ теорій, выставленныхъ притомъ первоклассными писателями, заключается для насъ особаго рода удобство: хотя Карлейль въ своей теоріи является скорѣе поэтомъ, чѣмъ историкомъ, а Толстой въ своей — болѣе мыслите-

лемъ, чѣмъ художникомъ, что значительно затрудняетъ сравненіе ихъ разсужденій, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ этихъ послѣднихъ два весьма рельефныхъ выраженія двухъ основныхъ взглядовъ на роль личности въ исторіи. То, что можно назвать теоріей Карлейля, позволительно вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривать, какъ запоздалое и, по всей вѣроятности, уже послѣднее появленіе въ исторической философіи того «культа героевъ», образцы котораго мы находимъ въ миѳѣ, эпосѣ и раннемъ бытописаніи: словно на самомъ дѣлѣ прямо имѣя въ виду воззрѣнія Карлейля, Толстой, какъ мы покажемъ, ставитъ въ связь преувеличенныя представленія о герояхъ, встрѣчающіяся въ исторической литературѣ, съ древними вѣрованіями. Что касается до исторической философіи нашего знаменитаго писателя, то ее мы имѣемъ полное право считать за одно изъ наиболѣе рѣшительныхъ заявленій начавшаго у насъ съ очень-очень давняго времени распространяться новаго воззрѣнія на роль личности въ исторіи, — воззрѣнія, бывшаго въ сущности реакціей противъ стараго «культа героевъ» въ исторіографіи. Взглядъ Карлейля ложенъ въ самой своей основѣ, но и то направленіе, которое поставило себѣ задачу выработать правильное представленіе, впало, какъ это бываетъ большею частью со всякой реакціей, въ противоположную крайность, отдалившую и новый взглядъ отъ истины. Поэтому совмѣстное разсмотрѣніе теорій названныхъ писателей и представляетъ особый интересъ, будучи для насъ весьма удобнымъ средствомъ обнаружить слабыя стороны каждаго изъ двухъ основныхъ воззрѣній на роль личности въ исторіи.

Взгляды свои на этотъ предметъ Карлейль изложилъ въ цѣлой книжкѣ, озаглавленной «О герояхъ, культѣ героевъ и героическомъ въ исторіи» [1]), собственно говоря, составившейся изъ шести отдѣльныхъ публичныхъ лекцій, которыя были читаны знаменитымъ историкомъ въ Лондонѣ около полустолѣтія тому назадъ. Карлейль разсматриваетъ шесть категорій великихъ людей въ лицѣ одного-двухъ, много трехъ представителей каждой категоріи, при чемъ мы напрасно стали бы искать у него какого-либо пространнаго разсужденія о великомъ человѣкѣ вообще, хотя цѣлью его было если не доказать, то выставить нѣкоторый общій тезисъ. Онъ самъ сознается, однако, что о такомъ предметѣ слѣдовало бы трактовать иначе, нежели это имъ было сдѣлано. Въ послѣднемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и ознакомленіе не только съ основными идеями автора, но и съ способомъ его мышленія для насъ будетъ не безполезно: если бы мысль Карлейля работала и самъ онъ писалъ иначе, міръ никогда не уви-

---

[1]) *Th. Carlyle.* On heroes, hero-worship and the heroic in history. Есть переводы нѣмецкій (Berlin. 1853) и французскій (Paris. 1888).

дѣлъ бы подобной теоріи, ибо основной взглядъ англійскаго историка не выдержалъ бы простого прикосновенія научной аргументаціи, разъ бы она была призвана къ нему на помощь.

«Мы предприняли,—говоритъ Карлейль въ самомъ началѣ своей книги,—мы предприняли побесѣдовать здѣсь немного о великихъ людяхъ, о томъ, какъ они проявляются въ дѣлахъ нашего міра, объ образахъ, какіе они принимали въ исторіи міра, объ идеяхъ, которыя возникали относительно ихъ у людей, о дѣлѣ, ими совершенномъ,— т.-е. о герояхъ, о пріемѣ, какой они встрѣчали, о роли, которую они играли,—о томъ, что̀ я называю поклоненіемъ героямъ и героическимъ въ дѣлахъ человѣческихъ. Слишкомъ очевидно, что это—предметъ весьма обширный, заслуживающій совершенно иного разсмотрѣнія, нежели то, къ какому мы приступаемъ теперь,—предметъ обширный, по правдѣ сказать, безграничный, необъятный, какъ сама всемірная исторія. Ибо, какъ я понимаю, *всемірная исторія*, *исторія того, что̀ человѣкъ совершилъ въ этомъ мірѣ*, *есть въ сущности исторія великихъ людей, трудившихся на землѣ*. Они, эти великіе люди, были руководителями людей; были образователями, покровителями и въ широкомъ смыслѣ творцами всего того, къ совершенію или достиженію чего только могла стремиться вся масса людей; всѣ вещи, существующія въ мірѣ, какія мы только видимъ, суть, собственно говоря, внѣшній вещественный результатъ, осуществленіе въ дѣйствительности и воплощеніе мыслей, которыя жили въ великихъ людяхъ, посланныхъ въ міръ: *душа исторіи всего міра*,—по правдѣ можно принять это,— *была бы ихъ исторіей*...» [1]). «Если бы,—говоритъ онъ о великихъ людяхъ нѣсколько далѣе,—мы могли ихъ хорошо видѣть, для насъ нѣсколько освѣтилось бы самое нутро исторіи» [2]). «*Исторія міра*,—неразъ повторяетъ еще Карлейль,—*есть біографія великихъ людей*» [3]). Онъ чувствуетъ, однако, самъ, что такое заявленіе противорѣчитъ современнымъ взглядамъ. «Я превосходно знаю,—замѣчаетъ онъ, напр.,— что въ дни, когда мы живемъ, поклоненіе героямъ, вещь, которую я называю поклоненіемъ героямъ, считается исчезнувшею, окончательно переставшею существовать. Нашъ вѣкъ... есть вѣкъ, который, такъ сказать, отрицаетъ существованіе великихъ людей, отрицаетъ выгоду великихъ людей. Покажите нашимъ критикамъ великаго человѣка, положимъ, хотя бы Лютера, они начнутъ, какъ сами выражаются, его «объяснять», будутъ не преклоняться передъ нимъ, а снимать съ него мѣрку — и откроютъ, что человѣкъ это былъ неважный! Онъ былъ, скажутъ они, «созданіемъ времени», время его призвало, время все

---

[1]) Цитирую по франц. переводу—«Les hèros, le culte des hèros et l'hèroique dans l'histoire» par *Thomas Carlyle*, trad. par. *Izoulet-Loubatières*. P. 1888. Стр. 2—3.

[2]) Ibid., 4. [3]) Ibid, 23, 47.

сдѣлало, онъ же не совершилъ ничего такого, чего мы, мелкіе критики, также не могли бы сдѣлать»! [1]). Нашъ вѣкъ оказывается виноватымъ передъ Карлейлемъ въ томъ, что относится къ «герою», какъ къ явленію, требующему «объясненія», вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ чудо, которому слѣдуетъ только поклоняться. «Обоготвореніе героя,—говоритъ онъ,—есть удивленіе передъ великимъ человѣкомъ. Я утверждаю, что великіе люди еще достойны удивленія, я утверждаю, что въ сущности нѣтъ ничего другого достойнаго удивленія! Въ груди человѣка не живетъ никакого иного болѣе благороднаго чувства, нежели чувство удивленія къ тому, что̀ выше его» [2]). Въ героѣ Карлейля есть дѣйствительно нѣчто сверхъ-естественное: по его словамъ, великій человѣкъ является въ міръ съ «свободною силою, вышедшею прямо изъ руки самого Бога» [3]),—является «вѣстникомъ, посланнымъ изъ нѣдръ безконечнаго неизвѣстнаго съ вѣстями для насъ», существомъ, «вышедшимъ изъ внутренней сущности вещей» [4]). Поэтому великій человѣкъ получаетъ у англійскаго историка по истинѣ гигантскіе размѣры. Принимая скандинавскаго бога Одина за обоготвореннаго героя [5]), онъ видитъ въ немъ настоящаго творца всего тевтонскаго народа. «Если, заявляетъ онъ, человѣкъ Одинъ совершенно исчезъ, то осталась его огромная тѣнь, падающая еще на всю исторію его народа... Весь тевтонскій народъ принялъ къ сердцу и понесъ впередъ то, что̀ этотъ Одинъ разгадалъ и чему обучилъ своими рунами и своими стихами. Его способъ мышленія сдѣлался ихъ способомъ мышленія: — такова еще, — прибавляетъ историкъ, въ новыхъ условіяхъ исторія каждаго великаго мыслителя» [6]). Или вотъ еще какими словами оканчиваетъ Карлейль вторую лекцію, посвященную характеристикѣ Магомета. «Для арабской націи это было какъ бы рожденіемъ изъ мрака въ свѣтъ. Аравія, благодаря ему, въ первый разъ стала жить. Бѣдный пастушескій народъ, блуждающій, безвѣстный въ своихъ пустыняхъ съ основанія міра,—къ нему свыше былъ посланъ пророкъ-герой съ словомъ, въ которое они могли увѣровать,—и вотъ безвѣстный дѣлается извѣстнымъ всему свѣту, маленькій выросъ въ цѣлый міръ; менѣе, нежели черезъ вѣкъ, Аравія простирается до Гренады съ одной стороны и до Дели съ другой... Эти арабы, этотъ человѣкъ Магометъ, этотъ одинъ вѣкъ,—развѣ это не то же самое, какъ если бы искра, одна только искра упала на міръ чего-то такого, что̀ казалось чернымъ пескомъ, не стоющимъ вниманія, но вотъ песокъ оказывается взрывчатымъ порохомъ, загорающимся до самаго неба отъ Дели до Гренады. Я уже сказалъ: великій человѣкъ былъ всегда какъ бы молніей, нисходящей съ небесъ; другіе люди подобно

---

[1]) Ibid., 21. [2]) Ibid., 19. Cf. 25. [3]) Ibid., 22. [4]) Ibid., 74.
[5]) Ibid., 35 sq. [6]) Ibid., 46—47.

горючему веществу ожидали его, и тогда они также воспламенялись» [1]). Послѣднее сравненіе Карлейль могъ бы примѣнить съ своей точки зрѣнія, напримѣръ, и къ Ноксу, которому онъ посвящаетъ въ книгѣ нѣсколько страницъ: «въ исторіи Шотландіи,—говоритъ онъ самъ,— я нахожу только одну эпоху; мы можемъ сказать, что въ ней нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго, кромѣ этой реформаціи Нокса... Пока это была страна безъ души: въ ней не было ничего развито, кромѣ того, что̀ грубо, внѣшне, полуживотно. А теперь, во время реформаціи, въ ней зажигается внутренняя жизнь, такъ сказать, подъ бокомъ у этой внѣшней вещественной смерти... То, что̀ Ноксъ сдѣлалъ для своей націи, скажу я, мы можемъ дѣйствительно назвать воскрешеніемъ какъ бы изъ самой глубины смерти» [2]). Или, напр., вотъ что̀ говоритъ Карлейль, заключая лекцію, въ которой рѣчь шла о «героѣ, какъ поэтѣ», о Данте и Шекспирѣ: «да, по-истинѣ, великое дѣло для націи—достигнуть до обладанія членораздѣльнымъ голосомъ, произвести человѣка, который мелодически выразитъ ея задушевную думу! Италія, напр., бѣдная Италія лежитъ расчлененная, разбитая на куски, растерзанная, не являясь, какъ нѣчто единое, ни въ одномъ протоколѣ или трактатѣ [3]), и тѣмъ не менѣе благородная Италія дѣйствительно едина: Италія произвела своего Данте» [4]), а Данте, можно добавить въ духѣ общей концепціи Карлейля, и создалъ единство Италіи.

Приведенныхъ выдержекъ совершенно достаточно, чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ взглядѣ Карлейля на «героевъ». Если Карлейль ставитъ въ вину современнымъ историкамъ ихъ желаніе «объяснять» великаго человѣка, когда онъ будто бы требуетъ только поклоненія, то и самъ авторъ не считаетъ нужнымъ доказывать свою мысль, предпочитая излагать ее, какъ догматъ вѣры. Соотвѣтственно съ этимъ мы находимъ весьма мало общихъ разсужденій въ книгѣ Карлейля, представляющей изъ себя въ сущности не что иное, какъ проникнутый одною идеей сборникъ небольшихъ диссертацій объ отдѣльныхъ великихъ людяхъ: объ Одинѣ, являющемся въ роли «героя, какъ божества», о Магометѣ, «героѣ, какъ пророкѣ», о Данте и Шекспирѣ, выставленныхъ подъ обозначеніемъ «героя, какъ поэта», о Лютерѣ и Ноксѣ, подведенныхъ подъ категорію «героя, какъ священника», о Джонсонѣ, Руссо и Бёрнсѣ, бывшихъ «героями въ качествѣ писателей», и о Кромвелѣ съ Наполеономъ, долженствующихъ изображать «героя, какъ царя». Здѣсь, конечно, не мѣсто говорить о достоинствахъ или недостаткахъ сдѣланныхъ Карлейлемъ

---

[1]) Ibid., 121—122. Сравненіе великаго человѣка съ молніей, зажигающей сухое дерево, которое само бы никогда безъ молніи не загорѣлось, на стр. 22—23.

[2]) Ibid., 227—229.

[3]) Писано еще до объединенія Италіи.

[4]) Ibid., 179.

историческихъ характеристикъ, а довольно указать на то, что, по мысли автора, «эти шесть категорій героевъ, выбранныхъ изъ весьма отдаленныхъ однѣ отъ другихъ странъ и эпохъ и совершенно другъ на друга не похожихъ по внѣшнему своему облику», должны были иллюстрировать нѣкоторыя общія положенія [1]), и что на самомъ дѣлѣ эти иллюстраціи заняли первое мѣсто въ книгѣ, стѣснивъ до послѣдней степени общія разсужденія. Впрочемъ, и въ началѣ, и въ концѣ своего историко-философскаго произведенія, написаннаго въ честь великихъ людей, Карлейль самъ говоритъ, что онъ и не думалъ исчерпать предметъ, что его цѣлью было много-много сдѣлать первый приступъ къ работѣ, «хотя бы самымъ грубымъ образомъ прорыть траншеи, дабы имѣть возможность сколько-нибудь проникнуть внутрь самого вопроса» [2]). Такими траншеями и представляются намъ сдѣланныя Карлейлемъ характеристики названныхъ «героевъ», соединенныя притомъ съ размышленіями объ язычествѣ вообще и о скандинавской миѳологіи въ частности, объ исламѣ, о реформаціи и пуританизмѣ, о революціонизмѣ въ новое время, т.-е. о такихъ предметахъ, которые тѣсно связаны съ представленными Карлейлемъ образцами «героическаго въ исторіи», съ Одиномъ, съ Магометомъ, съ Лютеромъ и Ноксомъ, съ Кромвелемъ и Наполеономъ, но не имѣютъ прямого отношенія къ главному вопросу книги. Мало того: Карлейль, можно сказать, не интересуется разработкой общей идеи, выставленной въ книгѣ, ибо отъ нея, отъ этой общей идеи, его отвлекаютъ отдѣльные великіе люди, взятые имъ въ качествѣ представителей «героическаго въ исторіи». «Великіе люди,—говоритъ онъ,—какъ бы мы ихъ ни брали, составляютъ общество, въ которомъ выгодно вращаться. Мы,—продолжаетъ онъ,—не можемъ заняться, хотя бы самымъ несовершеннымъ образомъ, великимъ человѣкомъ, не сдѣлавъ отъ него какого-либо пріобрѣтенія. Онъ есть живой источникъ свѣта, быть около коего полезно и пріятно. Свѣтъ, который озаряетъ, который озарялъ потемки міра—и притомъ не какъ возжженная только лампада, но скорѣе какъ естественный свѣточъ, сіяющій даромъ неба; широко разливающійся источникъ свѣта, какъ я говорю, природнаго и самобытнаго провидѣнія, героическаго мужества и благородства, въ сіяніи котораго всѣ души чувствуютъ себя такъ хорошо! При какихъ бы то ни было условіяхъ, вы не пожалѣете, если побудете нѣсколько времени въ подобномъ сосѣдствѣ» [3]). Карлейль извлекалъ для себя наслажденіе изъ общенія съ отдѣльными «героями» съ ихъ плотью и кровью и смотрѣлъ на нихъ черезчуръ, какъ моралистъ-проповѣдникъ или какъ историкъ-художникъ, для того чтобы могъ поставить на первый планъ отвлеченный вопросъ о «героѣ» вообще и рѣшать

---

[1]) Ibid., 4. [2]) Ibid., 4, 381. [3]) Ibid., 3—4.

его одними чисто логическими пріемами мысли. Вообще въ этой книгѣ онъ скорѣе чувствуетъ, нежели разсуждаетъ, и читателю скорѣе даетъ почувствовать, а не понять свою общую идею. Вотъ по всему этому книга Карлейля и представляетъ очень мало матеріала для критики съ той точки зрѣнія, съ какой мы только и можемъ относиться къ этому произведенію въ спеціальныхъ видахъ настоящаго нашего труда: обойти ее молчаніемъ, не удѣлить ей даже нѣсколькихъ страницъ въ сочиненіи, посвященномъ рѣшенію того же самаго вопроса, внутрь котораго она прорывала траншеи, по выраженію ея автора, было бы совсѣмъ даже непростительно, а между тѣмъ при всемъ богатствѣ идей Карлейля въ разсматриваемомъ произведеніи, именно то, чего мы теперь должны искать въ этихъ идеяхъ,—съ цѣлью ли чему-либо научиться или съ цѣлью что-либо опровергнуть,—донельзя бѣдно и даже ничтожно. Потому и критика наша будетъ коротка.

Мы отмѣтили главный недостатокъ исторіософической теоріи Карлейля, если такъ можно назвать совокупность отдѣльныхъ высказанныхъ имъ положеній о роли великихъ людей въ исторіи: недостатокъ этотъ—полная недоказанность основныхъ пунктовъ всей теоріи. Карлейль раздѣляетъ «героевъ» на шесть классовъ: великій человѣкъ у него или божество, или пророкъ, или поэтъ, или священникъ (the hero as priest), или писатель (the hero as man of letters), или царь. Почему онъ принялъ такую классификацію, а не иную, остается неизвѣстнымъ, не говоря уже о нѣкоторой ея странности, заключающейся главнымъ образомъ въ томъ, что въ ней «герои» обозначены то по положенію, которое они дѣйствительно занимали въ обществѣ, то, наоборотъ, по тому взгляду, какой составили себѣ о нихъ люди («герой, какъ божество»). Въ принятіи «героя» за божество Карлейль находитъ «самую древнюю, самую первую форму» поклоненія великимъ людямъ [1]), а «вторымъ фазисомъ» называетъ тотъ случай, когда въ великомъ человѣкѣ видятъ человѣка только «боговдохновеннаго, пророка» [2]): это, по его словамъ,—формы отжившія, не могущія вновь возвратиться, такъ что въ сущности для всѣхъ другихъ временъ, выходящихъ за предѣлы первобытнаго вѣка съ его наивной вѣрой, остается лишь «герой, какъ поэтъ» [3]). Тѣмъ не менѣе за поэтами у Карлейля слѣдуютъ (но уже не въ хронологическомъ порядкѣ) священники или жрецы, коихъ онъ называетъ своего рода пророками [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ объявляетъ, что не только герои-боги и пророки, но и герои-поэты и жрецы и «суть формы героизма, принадлежащія старымъ временамъ», и что «нѣкоторыя изъ нихъ давно уже перестали быть возможными и болѣе не могутъ обнаруживаться въ этомъ мірѣ»: въ новѣйшее время ихъ мѣсто заступаетъ форма «героя,

---

[1]) Ibid., 6. [2]) Ibid., 69. [3]) Ibid., 125. [4]) Ibid., 183.

какъ писателя» [1]). Рядомъ съ этими пятью формами Карлейль ставитъ шестую («герой, какъ царь»), представляющую изъ себя для насъ, по его словамъ, «résumé всѣхъ различныхъ формъ героизма» [2]). При полномъ отсутствіи въ изложенной классификаціи основного принципа, при крайней ея неполнотѣ, такъ какъ многіе великіе люди не нашли бы въ ней мѣста, мы имѣемъ право отнестись къ ней не иначе, какъ къ чисто внѣшнему порядку, придуманному ради размѣщенія нѣсколькихъ великихъ людей, взятыхъ за образцы «героизма». И всякая иная классификація должна была бы имѣть у Карлейля чисто внѣшнее значеніе, такъ какъ по существу съ его точки зрѣнія каждый «герой» ничѣмъ не отличается отъ другого «героя». Къ послѣдней мысли онъ возвращается нѣсколько разъ. «Въ своей основѣ,—читаемъ мы, наприм., въ одномъ мѣстѣ,—великій человѣкъ, какимъ онъ выходитъ изъ рукъ природы, всегда одно и то же: Одинъ, Лютеръ, Джонсонъ, Бёрнсъ; я надѣюсь показать, что *эти люди изначала созданы изъ одного и того же вещества, что только по тому способу, какъ ихъ принимаетъ міръ, и по формамъ, въ которыя они облекаются, они бываютъ столь несоизмѣримо различными»* [3]). Въ другомъ мѣстѣ Карлейль высказывается не менѣе рѣшительно въ томъ же смыслѣ. «Герой, пророкъ, поэтъ,—говоритъ онъ,—вотъ сколько различныхъ именъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ мы даемъ на самомъ дѣлѣ великимъ людямъ на основаніи различій, нами въ нихъ отмѣчаемыхъ, смотря по области, въ которой они развертывали свои силы! Мы могли бы по тому же принципу дать имъ еще большее число именъ. Я замѣчу, однако, какъ вещь, которую стоитъ понять, что различіе *области* представляетъ изъ себя главную причину такого различія, что герой можетъ быть поэтомъ, пророкомъ, царемъ, жрецомъ и вообще чѣмъ бы то ни было въ зависимости отъ міра, въ которомъ онъ родится. Признаюсь, мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ истинно великій человѣкъ, который не могъ бы быть *всѣмъ* этимъ» [4]). «Мы въ нѣсколько пріемовъ,—говоритъ еще Карлейль,—пытались объяснить, что всѣ виды героевъ по самому существу своему сдѣланы изъ одного вещества, что разъ дана великая душа, открытая для божественнаго содержанія жизни, дается тѣмъ самымъ человѣкъ, способный объ этомъ говорить, это воспѣвать, бороться и дѣйствовать за это великимъ, побѣдоноснымъ, вѣковѣчнымъ образомъ,—дается герой, внѣшняя форма котораго будетъ зависѣть отъ времени и отъ обстоятельствъ, въ какія онъ будетъ поставленъ» [5]). Наконецъ, по словамъ Карлейля, въ героѣ-царѣ, «самомъ важномъ изъ великихъ людей», какъ бы особеннымъ образомъ «воплощается все, что только мы можемъ вообра-

---

[1]) Ibid., 242—243. [2]) Ibid., 309. [3]) Ibid., 69—70.
[4]) Ibid., 125—126. [5]) Ibid., 183.

зить изъ матеріальныхъ и духовныхъ достоинствъ, заключенныхъ въ одномъ человѣкѣ» [1]).

Если бы Карлейль чаще говорилъ языкомъ отвлеченной науки, онъ долженъ былъ бы самымъ рѣшительнымъ образомъ раздѣлить человѣчество на обыкновенныхъ смертныхъ и «героевъ» и заявить, что у послѣднихъ есть своя особая психологія. Совершенное тождество «героическаго» начала у всѣхъ великихъ людей представляетъ изъ себя первую гипотезу этой психологіи,—гипотезу, конечно, весьма сомнительную, если ее не свести къ болѣе скромнымъ размѣрамъ такого тесиса, что разностороннія способности великихъ людей, выводимыя Карлейлемъ изъ тождества ихъ психики, суть вообще одинъ изъ признаковъ всякой сколько-нибудь болѣе одаренной натуры. Этой психологіей, какъ и вообще всѣмъ общимъ и отвлеченнымъ, онъ занимается очень мало и едва намѣчаетъ качества, присущія, по его представленію, каждому великому человѣку. Первое изъ нихъ—то, что̀ онъ называетъ искренностью (sincerity). «Все,—говоритъ онъ,—въ чемъ я полагаю первую основу и самого великаго человѣка, и всего могущаго въ немъ находиться, именно въ этомъ и заключается. Нѣтъ Мирабо, Наполеона, Бёрнса, Кромвеля, нѣтъ человѣка, способнаго сдѣлать какую-либо вещь, если онъ съ самаго начала не относится къ ней серьезно, если онъ не искренній, какъ я называю, человѣкъ. Я сказалъ бы, что *искренность*, глубокая, великая, простодушная искренность и есть первая черта въ характерѣ всѣхъ людей сколько-нибудь героическихъ» [2]). Въ связи съ нею Карлейль ставитъ оригинальность [3]), способность «возвращаться къ дѣйствительности, основываться на вещахъ, а не на призракахъ вещей» [4]). Таковы немногія, разбросанныя тамъ и сямъ замѣчанія, часто довольно неопредѣленныя и не совсѣмъ ясныя, и въ нихъ-то заключена вся психологія великихъ людей по Карлейлю.

Какъ же дѣйствуютъ они на другихъ людей? Вотъ вопросъ, къ которому несомнѣнно слѣдуетъ свести вопросъ о роли «героевъ» въ исторіи. По этому предмету Карлейль равнымъ образомъ даетъ весьма мало. Великій человѣкъ, какъ мы видѣли, рисуется ему по отношенію къ обыкновеннымъ смертнымъ въ видѣ сходящей съ неба молніи, зажигающей сухое дерево [5]). Въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ онъ это дѣйствіе вообще, имѣя въ виду въ частности Одина, принимаемаго имъ, какъ было упомянуто, за великаго человѣка. «Безчисленное количество людей проходило черезъ эту вселенную съ безмолвнымъ и неяснымъ удивленіемъ, какое способны ощущать даже животныя, или съ скорбнымъ и безплодно пытливымъ удивленіемъ, доступнымъ однимъ людямъ, пока не пришелъ великій мыслитель, человѣкъ само-

---

[1]) Ibid., 309. [2]) Ibid., 73. [3]) Ibid., 74, 199—200. [4]) Ibid., 195. [5]) Ibid., 22—23.

бытный (original), провидецъ (seer), мысль котораго, вполнѣ образовавшаяся и ясно выраженная, пробуждаетъ спящую способность всѣхъ и превращаетъ ее въ мысль. Всегда такъ бываетъ съ мыслителемъ, духовнымъ героемъ. Отъ того, что онъ говоритъ, всѣ люди были недалеки, чтобы сказать то же, и стремились сказать это. Мысли всѣхъ трепещутъ и пробуждаются какъ бы изъ тяжелаго заколдованнаго сна, окружая его мысль, отвѣчая ему: да, это такъ!» [1]). Въ приведенныхъ словахъ скрыта идея о нѣкоторомъ родствѣ между героемъ и толпою, и эта же идея лежитъ, наприм., въ основѣ того объясненія, какое Карлейль даетъ вліянію Вольтера на французовъ. «Ни одинъ народъ никогда,—говоритъ онъ,—не былъ столь мало склоненъ къ удивленію, какъ эти французы Вольтера. *Насмѣшка* была характерною особенностью ихъ ума; въ немъ никоимъ образомъ не было мѣста для обожанія». Откуда же въ такомъ случаѣ почитаніе Вольтера? «Они чувствуютъ,—продолжаетъ Карлейль,—что если *насмѣшка*—великое дѣло, такъ никогда не было такого *насмѣшника*. Онъ—воплощенный идеалъ каждаго изъ нихъ, то, чѣмъ нужно было бы быть каждому, изъ всѣхъ французовъ болѣе всего французъ. Онъ собственно ихъ богъ, такой богъ, какой имъ нуженъ» [2]). Съ другой стороны, Карлейль тоже едва затрогиваетъ вопросъ о власти великаго человѣка заставлять другихъ дѣлать то, что̀ самъ онъ считаетъ нужнымъ,—вопросъ, который, какъ мы увидимъ, весьма занималъ Льва Толстого. Способность героя-царя, въ родѣ Кромвеля или Наполеона, повелѣвать англійскій историкъ называетъ его «божественнымъ» правомъ на власть [3]), а миссію его видитъ въ созданіи порядка [4]). «Нѣтъ хаоса,—говоритъ онъ,—который не искалъ бы центра своего тяготѣнія. Пока человѣкъ остается человѣкомъ, какой-нибудь Кромвель или Наполеонъ бываетъ необходимымъ концомъ санкюлотизма. Любопытно видѣть, какъ въ эти дни, когда поклоненіе героямъ было самою невѣроятною вещью для каждаго, оно тѣмъ не менѣе возникаетъ и практически утверждается, овладѣвая всѣми. Божественное *право*,—возьмите его въ самомъ широкомъ смыслѣ,—можетъ также обозначать и божественную *власть*» [5]). Вотъ и все, вмѣсто всякаго объясненія того, какимъ образомъ одинъ человѣкъ повелѣваетъ массами, направляетъ ихъ въ ту или другую сторону. Только сопоставляя разныя мѣста въ книгѣ Карлейля, мы можемъ угадать такую его мысль, что и герой-царь, подобно герою-пророку, какъ бы угадывающему мысли всѣхъ, является въ роли человѣка, дающаго намъ «постоянное и практическое наставленіе», «научающаго насъ ежедневно и ежечасно тому, что̀ мы должны дѣлать» [6]). Такимъ образомъ Карлейль и по этому вопросу, т.-е. по вопросу о

[1]) Ibid., 35. [2]) Ibid., 24. [3]) Ibid., 312 sq. [4]) Ibid., 320.
[5]) Ibid., 321. [6]) Ibid., 309.

томъ, какимъ образомъ дѣйствуетъ «герой» на толпу, не даетъ намъ никакой общей формулы,—все равно, вѣрной или невѣрной,—если не считать за формулы общія замѣчанія въ родѣ только-что приведенныхъ, высказанныя между прочимъ и по поводу тѣхъ или другихъ конкретныхъ представленій, въ коихъ главнымъ образомъ и вращается мысль Карлейля въ разсматриваемой книгѣ.

Только такими крайне несовершенными способами, какими пользуется англійскій историкъ, и возможно доказывать тезисъ, имъ выставленный: мы уже сказали, что основной взглядъ Карлейля не выдержалъ бы научной аргументаціи, потому что всѣ данныя науки были бы противъ него. Только такой человѣкъ, какъ Карлейль, этотъ нѣмецъ среди англичанъ, и только съ ему одному свойственными пріемами мысли, могъ защищать то положеніе, что всемірная исторія есть простая біографія великихъ людей: онъ самъ заявляетъ, что его «культъ героевъ» противорѣчитъ современнымъ взглядамъ, и противорѣчитъ притомъ, нужно еще добавить, не ученію какой-либо школы, хотя бы и наиболѣе популярному въ нашъ вѣкъ, но самымъ основнымъ воззрѣніямъ новой науки. Въ книгѣ Карлейля мы несомнѣнно имѣемъ такъ называемый «пережитокъ» древнихъ вѣрованій.

Мы не знаемъ, были ли извѣстны графу Толстому исторіософическіе взгляды Карлейля, когда онъ писалъ свои общія разсужденія объ исторіи въ «Войнѣ и мирѣ» [1]), но едва-ли можно считать простымъ совпаденіемъ то, что многія мѣста въ этихъ разсужденіяхъ кажутся прямо расчитанными на то, чтобы опровергнуть «культъ героевъ». Это одно заставляетъ насъ взглядамъ Карлейля противопоставить именно взгляды Толстого, а не какого-либо другого писателя, тѣмъ болѣе, что и трудно было бы найти что-нибудь иное, кромѣ историко-философскихъ разсужденій «Войны и мира», заключающее въ себѣ столь же рѣшительную и рѣзкую, какъ у самого Карлейля, проповѣдь взгляда, діаметрально противоположнаго «культу героевъ»: если нашъ великій романистъ и проповѣдуетъ какой-либо культъ, то это—культъ «роевой силы» массъ, дѣйствующей въ исторіи, «герои» же являются у него простыми «ярлыками событій».

Философскія разсужденія Толстого объ исторіи вставлены въ разныя мѣста историческаго романа. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что они соединены съ другими частями этого произведенія чисто внѣшнимъ образомъ, но на самомъ дѣлѣ есть въ немъ одна

---

[1]) См. по второму изданію III, 1—7; IV, 1—5, 256—257; VI, 1—8, 151—166, 231—290. Эти мѣста «Войны и мира» были подробно разобраны нами въ брошюрѣ «Историческая философія гр. Л. Н. Толстого въ *Войнѣ и мирѣ*» (Спб. 1888), и дальнѣйшія страницы заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, выдержки изъ этой брошюры, къ которой и отсылаемъ читателя за другими подробностями.

основная идея, придающая извѣстнаго рода внутреннее единство разрозненнымъ, повидимому, частямъ. Такъ какъ въ этой «idea madre», употребляя выраженіе комментаторовъ Данте,—позволительно видѣть исходный пунктъ всѣхъ историко-философскихъ разсужденій гр. Толстого, то мы и начнемъ ихъ анализъ именно съ разсмотрѣнія основной концепціи всего произведенія. Самъ авторъ въ трехъ мѣстахъ изъ разныхъ частей книги формулируетъ эту свою мысль. «Жизнь, говоритъ онъ, во-первыхъ, — *настоящая* жизнь людей съ своими *существенными* интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, *какъ и всегда*, независимо и внѣ политической близости и вражды съ Наполеономъ и *внѣ всевозможныхъ преобразованій* [1]). Есть двѣ стороны жизни въ *каждомъ* человѣкѣ, — замѣчаетъ онъ, во-вторыхъ:—жизнь *личная*, которая тѣмъ болѣе *свободна*, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, *роевая*, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ *предписанные ему законы*. Человѣкъ *сознательно живетъ для себя*, но служитъ *безсознательнымъ орудіемъ* для достиженія историческихъ общечеловѣческихъ цѣлей» [2]). «Какъ солнце и каждый атомъ эѳира,—читаемъ мы въ третьемъ мѣстѣ,—есть шаръ законченный въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго человѣку по огромности цѣлаго,—такъ и каждая личность *носитъ въ себѣ свои цѣли* и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы *служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ*» [3]). Въ приведенныхъ словахъ заключается «idea madre» «Войны и мира»: это произведеніе Толстого есть, такъ сказать, историческая поэма на философскую тему о двойственности человѣческой жизни; въ немъ Толстой изображаетъ обѣ эти жизни, иллюстрируя свою мысль на фиктивныхъ и фактическихъ примѣрахъ, переплетающихся между собою романа и исторіи, изображаетъ человѣческую личность въ разныхъ ея модификаціяхъ, пользуясь одинаково образами, созданными его чисто-поэтическимъ творчествомъ, и историческими фигурами, воспроизведенными на основаніи опредѣленныхъ фактическихъ данныхъ. и представляетъ въ рядѣ картинъ историческое движеніе международной борьбы, выводя безразлично на сцену и дѣйствительно существовавшихъ людей, и лица, родившіяся въ его собственной творческой фантазіи. Другими словами, романъ и исторія—двѣ формы, подъ каждою изъ которыхъ скрывается одно и то же, хотя и двойственное содержаніе, т.-е. изображеніе человѣческой личности и историческаго движенія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Внѣшнее соединеніе переплетающихся между собою романа и исторіи, семейной хроники и

---

[1]) «Война и миръ». М. 1869. 2 изд. III, 1—2.
[2]) Ibid., IV, 5. [3]) Ibid., VI, 165.

національной эпопеи основано въ «Войнѣ и мирѣ» на представленіи участія въ событіяхъ всѣхъ людей, а не однихъ такъ-называемыхъ историческихъ лицъ, и на представленіи вліянія событій на личную жизнь и личную судьбу этихъ самыхъ людей, а не на однѣ націи, государства, политическія системы и т. п., взятыя въ отвлеченіи отъ реальныхъ человѣческихъ существъ. Въ исторіи человѣкъ является существомъ активнымъ и пассивнымъ: онъ дѣйствуетъ въ исторіи, и исторія дѣйствуетъ на него. Въ своей великолѣпной исторической композиціи Толстой изображаетъ оба эти дѣйствія съ той точки зрѣнія, съ какой самъ смотритъ на историческую жизнь вообще, и установленіе этой точки зрѣнія, развитіе возникающихъ изъ основного взгляда положеній и составляетъ содержаніе его историко-философскаго трактата. Представить человѣка, какъ активное и пассивное существо исторіи,—задача, достойная писателя, который хотѣлъ выступить въ одномъ и томъ же произведеніи и въ качествѣ художника, и въ качествѣ мыслителя, и которому потому предстояло коснуться интереснѣйшихъ проблемъ психологіи и соціологіи. Посмотримъ же, какъ Толстой справился съ этой задачей.

Дѣйствіе исторіи на человѣка бываетъ вообще двоякаго рода: одно способно заинтересовать болѣе психолога, другое—болѣе соціолога; первое состоитъ въ непосредственномъ вліяніи событій на человѣческую душу, такъ сказать, въ ихъ вторженіи во внутренній міръ человѣка; второе заключается въ томъ, что историческое движеніе пересоздаетъ формы общественной жизни, коими опредѣляется извнѣ вся жизнь личности. Толстой съ большимъ успѣхомъ выполнилъ свою задачу, какъ психологъ: онъ мастерски справился съ субъективной стороной историческаго движенія, съ личными впечатлѣніями отъ событій, переходящими и въ мотивы личной дѣятельности внѣ замкнутыхъ предѣловъ чисто индивидуальнаго бытія. Тутъ Толстой проникаетъ въ самую глубь взаимодѣйствія между личностью и исторіей, составляющаго суть процесса движущейся общественной жизни. И эта личность въ своемъ пассивномъ и активномъ отношеніи къ исторіи выступаетъ у него въ громадномъ количествѣ человѣческихъ экземпляровъ,—историческихъ фигуръ и вымышленныхъ лицъ, политическихъ дѣятелей и частныхъ людей,—экземпляровъ, такъ сказать, индивидуальныхъ, съ обстоятельной характеристикой каждаго, и экземпляровъ массовыхъ въ родѣ мужиковъ, сжигающихъ сѣно, чтобы оно не досталось врагу, или бѣгущихъ солдатъ, видъ которыхъ вызываетъ у Кутузова энергичное восклицаніе: «мерзавцы»! Но дѣйствіе исторіи на человѣка состоитъ не въ одномъ непосредственномъ вліяніи событій на душу, на внутренній міръ личности: личная жизнь обусловлена извѣстными соціальными формами, измѣняющимися путемъ историческаго процесса; отъ этихъ формъ, отъ всего уклада общественной

жизни зависятъ полнота, свобода и благополучіе личнаго бытія, и представить дѣйствіе исторіи на человѣка съ этой стороны есть задача соціолога. Но Толстой здѣсь-то и допускаетъ громадный пробѣлъ въ своей исторической философіи, игнорируя соціологическую сторону исторіи, «всевозможныя преобразованія», какъ онъ выражается, будто бы безразличныя для «настоящей» жизни.

Во второмъ изъ приведенныхъ мѣстъ, выражающихъ общую концепцію «Войны и мира», сказано, что указанная двойственность существуетъ въ жизни *каждаго* человѣка. Не даромъ поэтому Толстой заставляетъ принимать участіе въ историческихъ событіяхъ лица, созданныя его творческой фантазіей, и вводитъ въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, въ одинъ человѣческій ростъ съ ними, чисто историческія фигуры: участіе въ исторіи не есть привилегія однихъ «героевъ», двойственность жизни присуща каждому человѣку. На этомъ Толстой даже особенно настаиваетъ. «До тѣхъ поръ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ разсужденій,—до тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,—будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, — а не исторіи *всѣхъ*, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли» [1].

Отвѣчая на вопросъ объ этой силѣ, онъ находитъ, что «движеніе народовъ производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи» [2]. Мы согласимся съ Толстымъ, что съ такой точки зрѣнія «непосредственно уловить и обнять,—словомъ, описать жизнь не только человѣчества, но одного народа представляется невозможнымъ» [3]), ибо «жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей» [4]). Какъ же поступаетъ самъ Толстой въ описаніи взятаго имъ историческаго движенія? Съ одной стороны, онъ выводитъ на сцену нѣсколькихъ людей, о которыхъ говорятъ историки, съ другой — еще нѣкоторыхъ людей, созданныхъ его воображеніемъ, но эти нѣкоторые люди въ его изображеніи дѣлаются типичными представителями всѣхъ другихъ, одновременно принимающихъ участіе въ событіи. «Движеніе русскаго народа на востокъ, въ Казань и Сибирь выражается ли въ подробностяхъ больного характера Ивана IV-го и его переписки съ Курбскимъ?» — спрашиваетъ Толстой въ поясненіе своей мысли о томъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ лицъ. Конечно, нѣтъ; но движеніе русской народной массы на востокъ можно до нѣкоторой степени обобщить въ біографіяхъ одного ка-

[1]) Ibid., VI, 243. [2]) Ibid., VI, 264. [3]) Ibid., VI. 231. [4]) Ibid., VI, 252.

кого-либо человѣка или нѣсколькихъ лицъ, уходившихъ въ Казань и Сибирь, и въ сущности то же самое дѣлаетъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ», замѣняя всѣхъ русскихъ людей, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, нѣсколькими типическими представителями, играющими роль въ романѣ или случайно появляющимися въ историческихъ описаніяхъ. Онъ протестуетъ противъ стараго пріема историковъ, заключающагося въ томъ, чтобы «разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица» [1]),—и рекомендуетъ другой способъ: «только,— говоритъ онъ, допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія— дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи» [2]). Такъ и поступилъ самъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ»: онъ старался принять въ расчетъ однородныя влеченія всѣхъ людей, участвовавшихъ въ событіяхъ; результатомъ же того, что̀ онъ называетъ интеграціей, были выведенныя имъ лица, суммирующія въ нѣсколькихъ о̀бразахъ массы индивидуумовъ, однородныхъ по характеру или общественному положенію, однородныхъ на протяженіи всей своей жизни или въ отдѣльные ея моменты, подъ вліяніемъ чувства страха, переходящаго въ панику, негодованія при видѣ оскорбленной народной святыни и т. п. Въ концѣ-концовъ, у Толстого дѣйствуютъ какъ бы всѣ, хотя онъ показываетъ намъ только нѣкоторыхъ.

Умѣя понять разнообразіе мотивовъ, которые заставляютъ разныхъ людей принимать участіе въ исторіи, гр. Толстой и здѣсь допустилъ, однако, пробѣлъ и притомъ весьма существеннаго свойства: разъ онъ отнесся къ соціологической сторонѣ исторіи, къ измѣненію культурно-соціальныхъ формъ или «всевозможнымъ преобразованіямъ», по его собственному выраженію, какъ къ дѣлу безразличному для «настоящей» жизни, онъ долженъ быть отринуть и ту часть человѣческой дѣятельности, которая направлена на общественную сторону жизни. Толстой доходитъ далѣе до утвержденія, будто сознательное стремленіе къ общему благу путемъ преобразованія формъ жизни даже совсѣмъ невозможно: по его словамъ, «для человѣка, не одержимаго страстью, bien public никогда неизвѣстно; но человѣкъ, совершающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо». Не мы первые отмѣчаемъ, что вообще Толстой, и не въ «Войнѣ и мирѣ» только, самъ относится несимпатично къ общественнымъ дѣятелямъ всякаго рода, и если у него въ «Войнѣ и мирѣ» масса людей принимаетъ участіе въ исторіи, то лишь подъ вліяніемъ

[1]) Ibid., V, 2. [2]) Ibid., V, 3.

стихійной силы чувства; историческое движеніе подъ вліяніемъ идеи о «bien public» съ такой точки зрѣнія должно являться полнѣйшей загадкой, и было бы очень любопытно посмотрѣть, какъ справился бы Толстой съ своей исторической задачей въ «Декабристахъ», писать которыхъ онъ началъ. Отсюда понятенъ и такой выводъ изъ общей концепціи Толстого: «только одна безсознательная дѣятельность,—говоритъ онъ,—приноситъ плоды; и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія». Если такъ, то остается только объявить совокупность всѣхъ общественныхъ и историческихъ дѣятелей за простыя орудіи исторіи, сами не вѣдающія, что творятъ, а въ эту категорію войдутъ всѣ люди, въ той или другой формѣ направляющіе свою дѣятельность къ общественнымъ цѣлямъ. Такъ Толстой и дѣлаетъ, заявляя въ мѣстахъ, приведенныхъ мною и заключающихъ его основную мысль,—что въ исторической жизни человѣкъ есть безсознательное, несвободное орудіе чего-то рокового. Вотъ почему и въ своей исторической философіи Толстой ни единымъ словомъ не обмолвился о содержаніи историческаго движенія, какъ измѣненія общественныхъ формъ, ограничившись вопросомъ о простомъ механизмѣ этого движенія, столь, какъ онъ думаетъ, безразличнаго для «настоящей», по его же опредѣленію, т.-е. индивидуальной жизни. Послѣдняя, кромѣ того, представляется ему, какъ мы опять-таки видѣли въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ [1]), наиболѣе свободной, тогда какъ въ жизни исторической «человѣкъ,—по словамъ Толстого,—неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы», т.-е. дѣйствуетъ совершенно фатально.

Такова основная идея Толстого и таковы выводы, которые изъ нея дѣлаетъ онъ самъ. Все это намъ необходимо было изложить подробнѣе, такъ какъ правильное пониманіе и надлежащая оцѣнка исторіософическихъ взглядовъ автора «Войны и мира» были бы немыслимы безъ сдѣланнаго нами анализа основной идеи. Между прочимъ мы привели ту мысль Толстого, что участіе въ исторіи не есть привилегія нѣкоторыхъ избранниковъ, что въ исторіи могутъ участвовать всѣ. Къ этой мысли онъ особенно охотно возвращается, прямо нападая на историковъ за то, что они ей-то и не слѣдуютъ, когда описываютъ историческія движенія. Онъ протестуетъ точно также противъ сведенія историческихъ событій къ личнымъ, индивидуальнымъ причинамъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, хотя вообще, какъ мы старались доказать это въ другомъ мѣстѣ, Толстой нерѣдко затрудняетъ пониманіе своихъ мыслей неточностью употребляемыхъ имъ понятій и малою выработанностью своего изложенія, а въ своей критикѣ историковъ часто бываетъ и несправед-

[1]) Ibid., V, 5.

ливъ. Оставляя это, однако, въ сторонѣ, посмотримъ, какъ понимаетъ авторъ «Войны и мира» задачу историка при изображенiи прагматическихъ фактовъ. «Всѣ древнiе историки, — говоритъ Толстой, —употребляли одинъ и тотъ же прiемъ, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали жизнь единичныхъ людей, правящихъ народомъ, и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа. На вопросы о томъ, какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народъ по своей волѣ, и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древнiе отвѣчали на первый вопросъ—признанiемъ воли божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка, а на второй вопросъ—признанiемъ того же божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли» [1]). Указавъ на то, что позднѣйшая исторiографiя отвергла такое представленiе о герояхъ въ теорiи, Толстой отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на практикѣ историки только видоизмѣнили сущность стараго воззрѣнiя: «Вмѣсто людей,—говоритъ онъ,—одаренныхъ божественною властью или непосредственно руководимыхъ волею божества, новая исторiя поставила или героевъ, одаренныхъ необыкновенными, нечеловѣческими способностями, или просто людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ, отъ монарховъ до журналистовъ, руководящихъ массами... Новая исторiя отвергла вѣрованiе древнихъ, не поставивъ на мѣсто ихъ новаго воззрѣнiя, но логика положенiя заставила историковъ, мнимо отвергшихъ божественную власть царей, *другимъ путемъ придти къ тому же самому*» [2]). Отсюда склонность историковъ ссылаться на единичныя причины, заключающiяся въ дѣйствiяхъ отдѣльныхъ лицъ, какъ на производящiя событiе: «чѣмъ больше, говоритъ гр. Толстой въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу,—чѣмъ больше мы углубляемся въ изысканiе причинъ, тѣмъ больше намъ ихъ открывается, и всякая отдѣльно взятая причина или цѣлый рядъ причинъ представляются намъ одинаково справедливыми сами по себѣ и одинаково ложными по своей ничтожности въ сравненiи съ громадностью событiя, и одинаково ложными по недѣйствительности своей (безъ участiя всѣхъ другихъ совпавшихъ причинъ) произвести совершившееся событiе» [3]). Свою мысль Толстой поясняетъ перечисленiемъ обыкновенно приводимыхъ причинъ войны 1812 г. съ такимъ заключенiемъ: «безъ одной изъ этихъ причинъ ничего не могло бы быть. Стало быть, причины всѣ эти—миллiарды причинъ—совпали для того, чтобы произвести то, что̀ было» [4]). Мало того: Толстой особенно напираетъ на то, что причина каждаго историческаго факта есть въ сущности совпаденiе массы «миллiона миллiоновъ» мелкихъ причинъ, «только совпа-

---

[1]) Ibid., VI, 231. [2]) Ibid., VI, 232. [3]) Ibid., IV, 3. [4]) Ibid., IV, 3—4.

деніе тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе» [1]).

Итакъ, Толстой отрицаетъ объясненія историческихъ фактовъ, сводящія все къ дѣятельности нѣкоторыхъ только людей, и требуетъ, чтобы принимались въ расчетъ силы «*всѣхъ*, безъ одного исключенія, *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи», ибо, —говоритъ онъ,—единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы, равной всему движенію. Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, подъ понятіемъ этимъ разумѣются различными историками совершенно различныя и всѣ неравныя видимому движенію силы» [2]). На этомъ онъ также особенно настаиваетъ: движеніе народовъ,—говоритъ онъ,—производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, а дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи» [3]), и въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ объ интегрированіи однородныхъ влеченій людей [4]), о «суммѣ произволовъ людей [5]), о томъ, напр., что «сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію, и Наполеона, и только сумма этихъ произволовъ терпѣла ихъ и уничтожила» [6]). Вотъ эта сумма и есть движущая сила, равная всему движенію, а въ такомъ случаѣ Толстой считаетъ невозможнымъ примѣнять понятіе причины въ исторіи: «*почему*,—говоритъ онъ,—происходитъ война или революція? Мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другого дѣйствія люди складываются въ извѣстное соединеніе и участвуютъ всѣ; и мы говоримъ, что это такъ есть, потому что немыслимо иначе, что это — *законъ*» [7]). Другими словами, мысль Толстого такова: движущая сила исторіи, какъ причина движенія, заключается въ суммѣ людскихъ произволовъ, а послѣдняя въ данный моментъ такова потому, что при данныхъ же обстоятельствахъ иная комбинація немыслима. Съ другой стороны, сила, производящая движеніе народовъ и потому—что̀ совершенно вѣрно— долженствующая быть равною производимому движенію, заключается въ суммѣ произволовъ всѣхъ безъ исключенія людей, участвующихъ въ движеніи. Послѣднее положеніе направлено противъ воззрѣнія, приписывающаго историческое движеніе только нѣкоторымъ людямъ, и оно съ нашей стороны не вызываетъ никакого возраженія, но самъ Толстой изъ этого своего взгляда дѣлаетъ выводъ, съ которымъ нельзя согласиться. Если исторію совершаетъ сумма людскихъ произволовъ, то является еще вопросъ: равны ли слагаемыя, образующія эту сумму, и если неравны, то какія это слагаемыя и насколько одни больше другихъ, что̀ увеличиваетъ сумму и тѣмъ вліяетъ на самое историческое

[1]) Ibid., IV, 5—6. [2]) Ibid., VI, 243. [3]) Ibid., VI, 264. [4]) Ibid., V, 3. [5]) Ibid., V, 2. [6]) Ibid., V, 4. [7]) Ibid., VI, 265.

движеніе [1])? На этотъ вопросъ Толстой даетъ отвѣтъ совершенно неудовлетворительный, *отрицая роль личнаго элемента въ исторіи, сводя его къ нулю передъ массовой или «роевой» силой.* Другой пунктъ исторической философія Толстого — отрицаніе свободы воли. Если воля несвободна, то возникаетъ еще вопросъ о томъ, чему она подчиняется, и въ какой степени нужно понимать ея подчиненіе дѣйствующимъ на нее факторамъ. И на этотъ вопросъ отвѣтъ Толстого неудовлетворителенъ, потому что онъ *отрицаетъ въ исторіи личную иниціативу, дѣлая изъ человѣка слѣпое орудіе силы вещей или рока, которые онъ возводитъ на степень закона, всецѣло подчиняющаго себѣ человѣка и не позволяющаго ему вносить въ историческое движеніе нѣчто свое.*

Въ самомъ дѣлѣ, вся историческая философія «Войны и мира» сводится къ отрицанію роли личности и личной иниціативы въ исторіи: исторія для Толстого есть массовое движеніе, совершающееся роковымъ образомъ, при чемъ великіе люди являются, по собственному его выраженію, только «ярлыками событій», т.-е. не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія, или слѣпыми орудіями рока, т.-е. разсматриваются, какъ лишенные собственной воли, хотя бы и имѣющей достаточныя основанія для того или другого образа дѣйствій въ личныхъ отношеніяхъ.

Историческая теорія Толстого, приведенная къ двумъ положеніямъ, на которыя мы только-что указали, имѣетъ значеніе реакціи противъ взглядовъ, черезчуръ выдвигавшихъ впередъ отдѣльное лицо на счетъ яко-бы только пассивной массы и придававшихъ слишкомъ большое значеніе личной иниціативѣ въ сравненіи съ условіями, сообщающими общему ходу исторіи извѣстное направленіе. Но въ своей полемикѣ съ историками, которымъ всѣмъ вообще Толстой приписываетъ оспариваемыя имъ воззрѣнія, онъ зашелъ слишкомъ далеко, совершенно унизивъ историческую личность и ея иниціативу, приписавъ все «роевой» силѣ массы и стихійному ходу исторіи, возведенному въ законъ. Дѣло, однако, не объясняется однимъ полемическимъ увлеченіемъ: теорія Толстого находится въ тѣснѣйшей связи съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ общественной дѣятельности, которая и есть одинъ изъ факторовъ исторіи, и предпочтеніемъ, оказываемымъ имъ дѣятельности безсознательной передъ сознательною дѣятельностью. Съ этой точки зрѣнія вся его теорія есть не что иное, какъ обоснованіе его взгляда на личное и сознательное участіе въ общественныхъ и историческихъ дѣлахъ. Но тутъ и у него возникло внутреннее противорѣчіе, которое съ перваго взгляда не бросается въ глаза лишь потому, что оно замаскировано общимъ отношеніемъ гр.

[1]) Ср. предыдущую главу этого тома, стр. 13 и слѣд.

Толстого къ вопросу. Съ одной стороны, ему нужно было довести до minimum'а роль такъ-называемыхъ великихъ людей, и онъ лишаетъ ихъ всякой силы; съ другой, ему хотѣлось доказать, что эти люди совершенно несвободны въ своемъ поведенiи, и онъ превращаетъ ихъ въ слѣпыхъ исполнителей велѣнiй исторiи, т.-е. видитъ въ нихъ главную силу, черезъ которую историческiй рокъ выполняетъ свои рѣшенiя; въ первомъ случаѣ въ исторiи дѣлается все само собою, и выдающiяся единицы суть только «ярлыки событiй»; во второмъ—черезъ нихъ-то «законъ исторiи» и совершаетъ то, что̀ ему нужно. Это противорѣчiе не случайно: смотря по тому, передъ чѣмъ Толстой хочетъ принизить отдѣльную личность,—передъ массой ли, состоящей изъ личностей же, или передъ безличнымъ «закономъ»,—онъ и создаетъ то или другое представленiе объ историческихъ дѣятеляхъ, но оба представленiя становятся въ рѣзкое противорѣчiе. Разберемъ теперь оба пункта исторической теорiи «Войны и мира» по-одиночкѣ.

Изъ участiя или, вѣрнѣе, возможности участiя въ историческомъ движенiи *всѣхъ* еще не слѣдуетъ, что *всѣ* въ немъ дѣйствуютъ одинаково и въ количественномъ, и въ качественномъ отношенiяхъ, т.-е. «сумма людскихъ произволовъ», двигающая исторiей, состоитъ, какъ было показано въ первой главѣ, изъ далеко неравныхъ слагаемыхъ. На основанiи этого принципа можно было бы пожалуй установить градацiю индивидуумовъ по ихъ активному отношенiю къ исторической жизни въ смыслѣ и количества дѣйствiя, и его сознательности или безсознательности. На этотъ счетъ у Толстого нѣтъ твердаго взгляда: онъ то игнорируетъ разновеликость силъ, участвующихъ въ исторiи, то становится на точку зрѣнiя противоположную. «*Такой же* причиной (войны 1812 г.),—говоритъ онъ,—какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство ольденбургское, представляется намъ и желанiе или нежеланiе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу»,—въ этихъ словахъ Толстого произволъ императора французовъ и произволъ капрала его армiи ставятся на одну доску, какъ равновеликiя силы; но въ развитiи своей мысли авторъ «Войны и мира» невольно измѣняетъ самому себѣ: «ибо,—продолжаетъ онъ,—ежели бы онъ (т.-е. капралъ) не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы и другой, и третiй, и тысячный капралъ и солдатъ, настолько менѣе было бы солдатъ въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть. Ежели бы *Наполеонъ* не оскорбился требованiемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы *всѣ сержанты* не желали поступать на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть» [1]). Тутъ, такимъ образомъ, уже произволу *одного* противоста-

[1]) Ibid., IV, 3.

вляется произволъ *многихъ*, и этимъ одно слагаемое «суммы произволовъ» признается на нѣчто бо́льшее всѣхъ другихъ, при чемъ Толстой еще упускаетъ изъ виду, что Наполеонъ не зависѣлъ ни отъ кого въ рѣшеніи вопроса, а сержанты, капралы и солдаты были люди подневольные. Отсюда можно было бы вывести заключеніе, что Толстой признаетъ за такимъ лицомъ, какимъ былъ Наполеонъ, особую силу, какой лишены другіе люди,—не прибѣгая къ гипотезѣ, которая дѣлала бы этого человѣка сверхъестественнымъ въ томъ или другомъ смыслѣ существомъ; но Толстой не только этого не дѣлаетъ, но выставляетъ тезисъ, діаметрально противоположный. По его мнѣнію, вліятельные люди въ обществѣ какъ разъ наименѣе участвуютъ въ событіи и наиболѣе находятся въ зависимости отъ событія, совершающагося яко бы по ихъ волѣ.

Было бы слишкомъ долго говорить о разсужденіяхъ, приведшихъ Толстого къ такому выводу. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему. Во-первыхъ, чѣмъ болѣе человѣкъ приказываетъ въ какомъ-нибудь совокупномъ дѣйствіи, тѣмъ менѣе онъ непосредственно дѣйствуетъ [1]; но Толстой забываетъ, что само приказываніе есть уже дѣйствіе, безъ котораго не могло бы быть и совокупной дѣятельности. Во-вторыхъ, приказаніе исполняется только тогда, когда оно можетъ быть исполнено [2]), чѣмъ и доказывается у автора зависимость приказанія отъ событія, а не наоборотъ [3]); но при этомъ забывается, что одна выполнимость совокупнаго дѣйствія не влечетъ за собою самаго его выполненія, если оно кѣмъ-нибудь не задумано, не посовѣтовано, не приказано. Въ этихъ разсужденіяхъ Толстого заключается косвеннымъ образомъ какъ бы такой совѣтъ людямъ общественной дѣятельности: всѣ занимающіеся придумываніемъ образа дѣйствій для другихъ, подаваніемъ совѣтовъ, приказываніемъ, только воображаютъ, что нѣчто дѣлаютъ; все въ обществѣ дѣлается само собою, и наши предположенія, совѣты, повелѣнія лишь тогда оправдываются, когда то, что̀ представляется совершающимся въ силу этихъ предположеній, совѣтовъ, повелѣній, само собою совершается въ томъ же направленіи, а потому общественная дѣятельность есть только самообманъ, ибо приказаніе не можетъ быть причиною событія. «Какъ скоро, — говоритъ Толстой, — совершится событіе, — какое бы то ни было,—то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ воль различныхъ лицъ найдутся такія, которыя, по смыслу и по времени, отнесутся къ событію, какъ приказанію» [4]); но, въ сущности, по его мысли, приказаніе и всякій иной способъ направлять дѣятельность другихъ людей вовсе не суть причины событія. Конечно, исполнимость приказанія зависитъ отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ приказывающаго,

---

[1]) Ibid., VI, 259 sq. [2]) Ibid., VI, 255 sq. [3]) Ibid., VI, 264. [4]) Ibid., VI, 264.

но изъ этого не слѣдуетъ, что послѣднiй въ событiи ровно ни при чемъ. Конечно, видимое подчиненiе массъ какой-либо личности, будетъ ли это Лютеръ, или Наполеонъ, возможно лишь тогда, когда въ массахъ есть данныя для того, чтобы подчиниться ея влiянiю; но изъ этого не слѣдуетъ, что личность не вноситъ рѣшительно ничего своего въ событiе, связанное съ ея дѣятельностью. Между тѣмъ, по графу Толстому, «въ историческихъ событiяхъ такъ-называемые великiе люди *суть ярлыки,* дающiе наименованiе событiю, которое такъ же, какъ ярлыки, *менѣе всего имѣетъ связи съ самимъ событiемъ*» [1]). Слѣдовательно, отказъ Наполеона отъ похода въ Россiю ничего не значилъ бы? Такъ выходитъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ поясняетъ свою мысль еще болѣе образно: «когда, — говоритъ онъ,—корабль идетъ по одному направленiю, то впереди его находится одна и та же струя; когда онъ часто перемѣняетъ направленiе, то часто перемѣняются и бѣгущiя впереди его струи. Но куда бы онъ ни повернулся, вездѣ будетъ струя, предшествующая его движенiю... Куда бы ни направлялся корабль, струя, не руководя, не усиливая его движенiя, *бурлитъ впереди его и будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движенiемъ корабля*» [2]). Этими сравненiями историческихъ дѣятелей съ ярлыками, съ бурлящими струями, общественная дѣятельность объявляется чѣмъ-то призрачнымъ, излишнимъ, ненужнымъ для того, чтобы дѣлалась исторiя, — воззрѣнiе, которое могло образоваться только на почвѣ вышеуказаннаго непониманiя социологической стороны исторiи и при индифферентизмѣ къ общественнымъ формамъ. Реалистическая тенденцiя Толстого заставили его снять великихъ людей съ героическаго пьедестала, превратить ихъ изъ полубоговъ въ обыкновенныхъ смертныхъ, но тутъ они даже перестаютъ быть людьми, выключаются изъ тѣхъ «всѣхъ», которые дѣлаютъ исторiю, чтобы стать какими-то призраками въ человѣческомъ образѣ. А между тѣмъ самъ же онъ выдѣляетъ историческiя лица изъ массы, указывая, напр., на то, что «чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ бóльшими людьми (=бóльшимъ количествомъ людей) онъ связанъ, — тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей» (=надъ другими людьми) [3]);—или на то, что эти лица берутъ на себя оправданiе имѣющаго совершиться и тѣмъ создаютъ себѣ положенiе [4]).

Но допустимъ, что все это такъ; допустимъ, что приказыванiе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, тогда только представляется причиною событiя, когда, по словамъ Толстого, оно соотвѣтствуетъ событiю; уже одно существованiе людей, настолько прозорливыхъ въ общественныхъ дѣлахъ, что предположенiя, совѣты, повелѣнiя

---

[1]) Ibid., VI, 7. [2]) Ibid., VI, 264. [3]) Ibid., IV, 5. [4]) Ibid., VI, 158, 160, 161, 262.

этихъ людей оказываются сами собою сбывшимися, дозволяетъ говорить о ихъ геніальности: пусть они въ движеніи ничто, какъ дѣятели,— по крайней мѣрѣ, они обнаруживаютъ самое вѣрное пониманіе безъ нихъ дѣлающихся событій. Толстой не допускаетъ и геніальности [1]). Правда, мы слышимъ и тутъ протестъ противъ героическихъ воззрѣній, дѣлавшихъ изъ геніевъ сверхъестественные феномены [2]), но еще больше тутъ просто непониманія общественной дѣятельности и роли ея представителей въ исторіи. «Слово это (т.-е. геній),—говоритъ Толстой, — не обозначаетъ ничего дѣйствительно существующаго и потому не можетъ быть опредѣлено. Слово это обозначаетъ только извѣстную степень пониманія явленій... Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе, *не понимаю*, почему это происходитъ, и говорю: *геній* [3]). Гордіевъ узелъ загадки Толстой не распутываетъ, а разрубаетъ: мнѣ непонятна «сила, производящая несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе», вообще сила одного человѣка, и я говорю, что тутъ нѣтъ никакой даже силы, что это призракъ, простой ярлыкъ событія, бурлящая струя, только кажущаяся руководительницей корабля.

Толстой совершенно основательно борется съ старымъ воззрѣніемъ, по которому дѣятельность цѣлаго народа вмѣщается безъ остатка въ дѣятельности единичныхъ людей [4]), ибо, какъ онъ говоритъ, «для того, чтобы найти составляющія силы, равныя составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной» [5]); но если, по его словамъ, исторію дѣлаютъ *всѣ*, то въ числѣ этихъ «всѣхъ» находятся и тѣ самые люди, которымъ онъ приписываетъ въ своей теоріи чисто призрачную роль, хотя ему и *кажется*, что имъ принадлежитъ особая сила. Между прочимъ, послѣдняя заключается въ томъ, что они являются носителями тѣхъ или другихъ общественныхъ идей; но Толстой предрѣшаетъ и вопросъ о роли идей въ исторіи, напр., въ словахъ: «какая-то неопредѣлимая сила, называемая идеей» [6]). Все идейное въ исторіи какъ-то не дается Толстому, не даромъ же онъ и въ поэзіи особенный мастеръ въ анализѣ безсознательныхъ психическихъ процессовъ, господствующихъ подчасъ надъ яснымъ голосомъ сознанія, и общественная дѣятельность отдѣльныхъ личностей какъ разъ и руководится идеями. Весьма поэтому существенно, что Толстой уничтожаетъ въ своей исторической философіи и личную иниціативу, предполагающую сознательную дѣятельность, уничтожаетъ во имя той же безсознательно-стихійной стороны исторіи, къ которой онъ сводитъ все, и которую объявляетъ «закономъ». Критика, въ свое время, не даромъ усмотрѣла фатализмъ

---

[1]) Ibid., VI, 155 sq. [2]) Ibid., VI, 245—246. [3]) Ibid., VI, 156.
[4]) Ibid., VI, 231 sq. [5]) Ibid., VI, 238. [6]) Ibid., VI, 240.

въ исторической философіи «Войны и мира», да и по словамъ самого Толстого, «фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій» [1]), а разумности-то онъ и не допускаетъ въ исторіи, ибо, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни» [2]). Этотъ фатализмъ заключается въ томъ, что, во-первыхъ, дѣйствія великихъ людей, временами превращающихся у Толстого въ настоящихъ дѣлателей исторіи, въ качествѣ исполнителей велѣній рока, объявляются имъ «непроизвольными», т.-е. подчиненными какой-то непреодолимой силѣ, а во-вторыхъ, на эти лица кладется, напр., печать предназначенія. «Каждое дѣйствіе ихъ,—говоритъ Толстой въ одномъ мѣстѣ,—кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ *не произвольно*, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и *опредѣлено предвѣчно*» [3]). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о роли Наполеона и Александра I въ событіяхъ начала XIX в., онъ находитъ, что «невозможно придумать двухъ другихъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей *тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить*» [4]). Или, напр., онъ прямо утверждаетъ, что походъ Наполеона на Россію совершился не потому, что Наполеонъ захотѣлъ этого, а потому, что такъ должно было совершиться [5]). Формула фатализма такова: имѣющее случиться—случится, какъ-бы мы ни старались этому воспрепятствовать;—и *необходимость* всего совершающагося въ исторіи Толстой понимаетъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что все въ исторіи имѣетъ *достаточныя основанія* для того, чтобы быть, т.-е. не въ смыслѣ *причинности* (походъ Наполеона на Россію вызванъ массою причинъ), а въ смыслѣ *непреодолимости* или *непредотвратимости,* чему быть—тому не миновать, ибо онъ совсѣмъ устраняетъ значеніе сознательнаго расчета, основаннаго на сознательномъ отношеніи къ окружающему, и основанной на этомъ расчетѣ общественной дѣятельности, которая именно въ той или другой формѣ борется со стихійною силою вещей. Эта сила вещей, сама собою движущаяся впередъ, и есть то непреодолимое, непредотвратимое, которое Толстой называетъ закономъ или законами исторіи, и если онъ толкуетъ несвободу воли, въ смыслѣ несуществованія безпричинныхъ дѣйствій, то въ понятіи непроизвольности, «невозможности поступить такъ, какъ захотѣлось», скрывается фаталистическій смыслъ полнаго подчиненія воли принудительно дѣйствующему закону. Дѣло въ томъ, что Толстой смѣшиваетъ несвободу воли въ томъ значеніи, что воля не можетъ дѣйствовать без-

---

[1]) Ibid., IV, 4. [2]) Ibid., VI, 155. [3]) Ibid., IV, 7. [4]) Ibid., VI, 157.
[5]) Ibid., V, 256.

причинно, съ ея несвободой въ значенiи полной ея зависимости отъ чего-то непреодолимаго, что онъ называетъ историческимъ закономъ; тутъ уже рѣчь идетъ не о томъ, что «такъ», т.-е. безпричинно ничего не дѣлается, а о безсилiи личности передъ рокомъ. И весьма замѣчательно, что именно лишь въ жизни исторической, «роевой», или стихiйной онъ видитъ только одно неизбѣжное выполненiе «предписаннаго закона», тогда какъ въ жизни личной, которую онъ называетъ «настоящею», онъ допускаетъ наибольшую свободу [1]), конечно, уже не въ томъ смыслѣ, чтобы тутъ возможны были поступки безъ достаточнаго основанiя; опять является на сцену противоположенiе частной жизни и общественной дѣятельности, и теперь съ указанiемъ еще на то, что въ первой—человѣкъ можетъ найти свободу, а во второй — одно тяжелое рабство. Но разъ Толстой объявилъ, что общественная дѣятельность пуста, какъ наименьшее участiе въ событiи, и жалка, какъ нѣчто не-свободное, мы были въ правѣ ожидать, что онъ, по крайней мѣрѣ, объявитъ ее и наименѣе отвѣтственною, тогда какъ именно эти-то ярлыки событiй и орудiя рока онъ вдобавокъ дѣлаетъ наиболѣе отвѣтственными за ихъ поступки [2]). Фатализмъ въ исторiи заключается въ подчиненiи воли историческаго дѣятеля только *одному* мотиву, съ исключенiемъ возможности иныхъ. Извѣстная рутина опредѣляетъ дѣйствiя людей, но это не значитъ, что отдѣльныя личности не могутъ освободиться отъ рутины, чтобы подчиняться дѣйствiю иныхъ мотивовъ. Принятое исторiей направленiе увлекаетъ дѣятельность людей по этому направленiю, но отсюда еще не слѣдуетъ, что поступки отдѣльныхъ личностей не могутъ мотивироваться, такъ сказать, «противъ теченiя». Между тѣмъ рутину, т.-е. однообразное для всѣхъ мотивированiе воли, которое даетъ начало «роевой» силѣ, и стихiйное теченiе исторiи, отсюда происходящее, Толстой возводитъ на степень закона, который *одинъ* будто бы и управляетъ волей людей съ такой принудительной силой, что возможность всякаго иного мотивированiя ихъ воль этимъ устраняется. Но ни рутина, отъ которой можетъ освободиться личность, достигшая извѣстной степени духовнаго развитiя, ни принятое исторiей направленiе, съ которымъ люди собственной инициативы могутъ стать въ разрѣзъ, не суть «законы» въ научномъ смыслѣ; это только случаи однообразной и однородной рѣшимости множества воль, не исключающiе возможности, при иныхъ условiяхъ, - напр., при особыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ могутъ находиться нѣкоторыя личности въ сравненiи со всѣми остальными, — и иной рѣшимости. Толстой возводитъ въ законъ и рутину, т.-е. однообразное мотивированiе воли, и ей подчиняетъ личность, тѣмъ самымъ отрицая возможность личной ини-

[1]) Ibid., IV, 5. [2]) Ibid., VI, 264—265.

ціативы; онъ возводитъ въ законъ стихійное теченіе исторіи, т.-е. мотивированіе воли, заключающееся въ увлеченіи общимъ потокомъ, отрицая возможность независимаго отъ этой стихійной силы поведенія личности. Словомъ, онъ не признаетъ возможности нѣкоторой относительной свободы воли, т.-е. не абсолютной свободы отъ причинности вообще, а именно свободы относительной отъ дѣйствующихъ въ исторіи силъ, могущихъ смѣняться иными силами. Конечно, рутина есть сила, но сила же есть и личная иниціатива, и обѣ имѣютъ свои причины. Равнымъ образомъ, стихійность исторіи есть сила, но въ исторіи силу составляетъ и руководимое сознаніемъ самостоятельное отношеніе отдѣльныхъ личностей къ данному ходу исторіи, и обѣ эти силы опять-таки имѣютъ свои причины. Въ исторіи ведется борьба между несвободой, въ какой удерживаетъ волю рутина, пассивное подчиненіе образовавшемуся теченію, и свободой, выражающейся въ личной иниціативѣ, въ самостоятельномъ отношеніи къ данному ходу событій. Гр. Толстой не видитъ этой борьбы и не видитъ потому, что въ ней заключается соціологическая сторона исторіи, что къ ней сводится и общественная дѣятельность, какъ внесеніе въ общественную жизнь личной иниціативы, какъ стремленіе къ самостоятельному вмѣшательству въ стихійный процессъ исторіи. Общественный дѣятель немыслимъ безъ иниціативы, безъ самостоятельнаго отношенія ко всему совершающемуся вокругъ него, а между тѣмъ его-то Толстой и считаетъ наименѣе свободнымъ: великій человѣкъ, по его мнѣнію, есть только орудіе рока, возведеннаго въ принудительный законъ. Толстой, эмпирически обобщивъ факты движенія людей съ запада на востокъ, представляемаго завоевательными походами Наполеона [1]), выдаетъ это обобщеніе за законъ, а всю дѣятельность французскаго императора разсматриваетъ, какъ подневольное выполненіе этого закона: Наполеонъ такъ же, по исторической философіи Толстого, исполнялъ велѣніе рока, служа ему въ качествѣ слѣпого орудія, какъ человѣкъ, совершающій преступленіе, совершаетъ его во исполненіе какого-то закона статистики, будто бы повелѣвающаго, чтобы непремѣнно общество поставило извѣстное количество убійцъ или грабителей. По плану исторіи,—хотя его и отвергаетъ Толстой,—нужно было, чтобы французы пришли въ 1812 г. убивать русскихъ мужиковъ Смоленской и Московской губерній, и потому явился Наполеонъ, который повелъ туда французовъ: онъ только исполнялъ предписанный ему законъ. Его воля была подчинена только одному безсознательному стремленію выполнить предписанное ему исторіей дѣло: иныхъ мотивовъ въ дѣйствительности у него не было; онъ не имѣлъ, между чѣмъ могъ бы выбирать; никакія реальныя причины на него не

[1]) Ibid., VI, 157.

дѣйствовали, ибо ему было предназначено выполнить историческій законъ! [1]).

Таковы воззрѣнія двухъ оригинальнѣйшихъ писателей XIX в. на роль личности въ исторіи. Мы разобрали каждое въ отдѣльности и надѣемся, что читатель согласится съ нашимъ опредѣленіемъ слабыхъ сторонъ и «культа героевъ», проповѣдуемаго Карлейлемъ, и возвеличенія «роевой силы» у Толстого. Намъ остается заключить эту главу двумя замѣчаніями общаго характера, относящимися одинаково къ обѣимъ разсмотрѣннымъ теоріямъ.

Во взглядахъ на «героя» можетъ быть два оттѣнка, которые мы обозначимъ терминами—субъективный и объективный. Съ субъективной точки зрѣнія мы признаемъ «героемъ» только того, кто въ нашихъ глазахъ заслуживаетъ право на величіе вслѣдствіе своихъ высокихъ нравственныхъ качествъ или особыхъ благодѣяній, оказанныхъ имъ своему народу и даже всему человѣчеству, тогда какъ съ объективной точки зрѣнія въ качествѣ «героя» является каждый человѣкъ, такъ или иначе увлекающій за собою толпу. Изучая формальную сторону исторіи, или механизмъ историческаго движенія, мы должны, какъ сказано было въ самомъ началѣ настоящаго труда, отрѣшиться отъ всѣхъ субъективныхъ элементовъ исторіософіи [2]), а потому первымъ дѣломъ при изученіи роли личности въ исторіи слѣдуетъ совершенно устранить изъ своихъ соображеній понятія нравственнаго величія или низости, добра или зла, прогрессивной или регрессивной дѣятельности и т. п. Намъ еще придется возвратиться къ этому положенію, когда мы будемъ излагать взгляды одного русскаго писателя, кое-что сдѣлавшаго для разъясненія нѣкоторыхъ сторонъ занимающаго насъ вопроса [3]), а тутъ мы отмѣтимъ, что къ вопросу о роли личности въ исторіи большая часть авторовъ, его касавшихся, подходила всегда съ извѣстными субъективными мѣрками человѣческаго величія, т.-е. вносила въ изслѣдованіе предмета нѣчто такое, что въ данномъ случаѣ только запутывало дѣло. И Карлейль, и Толстой не представляютъ въ этомъ случаѣ исключенія съ тѣмъ, однако, различіемъ, что у перваго субъективный элементъ доминируетъ во всѣхъ соображеніяхъ и самая психологія великихъ людей составлена цѣликомъ изъ высокихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, коими должны отличаться всѣ «герои», тогда какъ Толстой только мѣстами прикидываетъ людямъ свою субъективную мѣрку. Съ точки зрѣнія своего исключительно этическаго идеализма, разсуждая объ истинномъ величіи, онъ находитъ, что нѣтъ его тамъ,

---

[1]) Критику идеи о законахъ исторіи см. въ О. В. Ф. И., кн. I, гл. II.

[2]) См. выше, стр. 2.

[3]) Именно Н. К. Михайловскаго, о чемъ см. главу IV.

гдѣ нѣтъ «простоты, добра и правды» [1]). Съ другой стороны, признавая, что «ничѣмъ не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи» [2]), авторъ «Войны и мира» отказывается видѣть величіе въ дѣятельности, стремящейся воплотить эти идеи въ общественныхъ формахъ: «для человѣка, не одержимаго страстью, читаемъ мы у него, bien public никогда неизвѣстно, но человѣкъ, совершающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо». Не одни только разсмотрѣнные въ этой главѣ авторы какъ бы считаютъ невозможнымъ говорить о роли личности въ исторіи, не внося въ свои разсужденія субъективнаго элемента, а и многіе другіе, что̀ усложняетъ вопросъ соображеніями, совершенно посторонними существу дѣла.

Другое наше замѣчаніе касается отношенія обоихъ авторовъ къ предмету, насъ главнымъ образомъ интересующему, къ дѣйствію «героя» на толпу. Ни Карлейль, ни Толстой не обратили надлежащаго вниманія на этотъ вопросъ, тогда какъ именно изслѣдованіе указаннаго дѣйствія и должно было бы лечь въ основу общаго опредѣленія роли личности въ исторіи. Англійскій историкъ отдѣлывается кое-какими соображеніями о внутреннемъ родствѣ «героя» и толпы, метафорами (огонь, зажигающій сухое дерево) и въ концѣ-концовъ признаніемъ божественной власти «героевъ». Толстой, справедливо побивая идеологію, гдѣ для нея не должно быть мѣста, не хочетъ видѣть реальныхъ фактовъ, когда они обозначаются словами съ отвлеченнымъ значеніемъ. «Какая причина историческихъ явленій?— спрашиваетъ онъ, разбирая взглядъ на власть, какъ на причину историческихъ событій, и отвѣчаетъ: власть.—Что̀ есть власть?—Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо.—При какихъ условіяхъ переносятся воли массъ на одно лицо?—При условіяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т.-е. власть есть власть»,—заключаетъ Толстой, замѣчая кромѣ того, что «власть есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ» [3]). Если авторъ «Войны и мира» правъ, утверждая, что отвлеченное понятіе при объясненіи дѣйствительныхъ явленій есть только слово, когда, такъ сказать, не размѣнивается на нѣкоторыя реальныя отношенія, то въ данномъ случаѣ онъ напрасно не подвергъ разсмотрѣнію «условія выраженія однимъ лицомъ воли всѣхъ людей»: тогда онъ не сталъ бы говорить, что теорія, принимающая власть единичнаго лица за причину событія, «кажется неопровержимой потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существо-

---

[1]) Война и миръ, VI, 62.

[2]) Ibid. VI, 251. Ср. также 152.

[3]) Война и миръ. VI, 254.

валъ» [1]). Гордіевъ узелъ загадки Толстой опять разрубаетъ, а не распутываетъ, какъ и въ приведенномъ выше разсужденіи о геніальности [2]).

Однимъ словомъ, пользуясь пріемами Карлейля и Толстого можно доказывать тезисы, діаметрально противоположные. Но гдѣ же истина? Она не тамъ и не здѣсь: Карлейль и Толстой взяли два слагаемыя, изъ которыхъ одинъ принялъ за равное ихъ суммѣ первое слагаемое, а другой—второе, вслѣдствіе чего у каждаго изъ нихъ одно слагаемое превратилось въ нуль. Такимъ нулемъ у Карлейля является масса, у гр. Толстого—великій человѣкъ. Оба писателя, пожалуй, дополняютъ и поправляютъ другъ друга, хотя истину нельзя добыть путемъ простого соединенія ихъ взаимно уничтожающихся взглядовъ: какъ $+a$ и $-a$ въ сложеніи даютъ сумму, равную нулю, такъ и тутъ простое соединеніе въ результатѣ ничего не дастъ. Истина находится не просто по серединѣ между двумя крайностями, а на нѣкоторой высотѣ надъ ними, которой онѣ сами не могли достигнуть по своей односторонности.—Истина, примѣняя къ данному случаю знаменитую формулу Гегеля,—можетъ быть только синтезомъ тезиса (взглядъ Карлейля) и антитезиса (взглядъ Толстого).

---

[1]) Ibid, VI, 253. Н. К. Михайловскій въ статьѣ, о которой ниже, весьма удачно приводитъ изъ «Войны и мира» сцену убіенія Верещагина, гдѣ толпа дѣйствуетъ подъ вліяніемъ одного драгуна, ударившаго Верещагина палашомъ. Толстой могъ бы обобщить изображенное имъ явленіе и расширить понятіе власти, которое онъ беретъ исключительно въ политико-юридическомъ смыслѣ.

[2]) См. выше, стр. 42.

ГЛАВА III.

Теоріи безличной эволюціи и личнаго дѣйствія въ исторіи.

Связь этой и слѣдующей главъ съ предыдущею.—Отличіе теорій, разбираемыхъ въ настоящей главѣ, отъ теорій Карлейля и Толстого. — Два типа общественной философіи. — Органическая теорія Спенсера. — Его взглядъ на роль личности въ исторіи.—Происхожденіе «теоріи великихъ людей».—Критика этой теоріи Спенсеромъ.—Разборъ его критики.—Идея невмѣшательства.—Общее замѣчаніе объ органической теоріи —«Историческія письма» Миртова.—Разборъ выраженнаго здѣсь взгляда на роль личности въ исторіи.—Взглядъ на тотъ же предметъ въ статьѣ «Цивилизація и дикія племена».—Животный бытъ и человѣческая исторія. — Классификація личностей. — Біографическій элементъ въ исторіи по «Введенію въ исторію мысли».—Заключеніе.

Противоположность взглядовъ на роль личности въ исторіи, разсмотрѣнная нами въ предыдущей главѣ на примѣрахъ двухъ историко-философскихъ теорій, не исчерпывается тѣми точками зрѣнія, на которыя становятся Карлейль и Толстой. Въ менѣе рѣзкой формѣ мы находимъ то же самое разногласіе и у другихъ писателей, касавшихся интересующаго насъ предмета, такъ что всѣхъ ихъ можно было бы раздѣлить на двѣ категоріи, изъ коихъ одна въ своихъ историософическихъ воззрѣніяхъ, — выразимся такъ ради краткости, — стоитъ за личность, другая—противъ личности. Въ этой и слѣдующихъ главахъ мы остановимся опять на противоположныхъ теоріяхъ, правда, не столь рѣзко противоположныхъ, какъ воззрѣнія разсмотрѣнныхъ нами писателей, но, тѣмъ не менѣе, все-таки находящихся въ значительномъ противорѣчіи между собою. При выборѣ авторовъ, взгляды которыхъ мы будемъ теперь разбирать, мы руководились слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, новыя теоріи, подлежащія теперь нашему разсмотрѣнію, должны быть по возможности свободны отъ какой бы то ни было субъективной мѣрки героизма или величія; во-вторыхъ, главнымъ ихъ вопросомъ долженъ быть вопросъ о самомъ

механизмѣ историческаго процесса, т.-е. нужно взять такія теоріи, въ которыхъ не было бы двухъ недостатковъ, общихъ, какъ было отмѣчено, у Карлейля съ Толстымъ. Остановившись, въ силу этого, на двухъ противоположныхъ воззрѣніяхъ, отличающихся объективизмомъ, хотя и не въ равной степени, и на нѣкоторыхъ попыткахъ проникнуть въ самую сущность того, что можно назвать механизмомъ исторіи, мы нашли, что выбранныя нами теоріи имѣютъ для насъ еще иное, совершенно особенное удобство, и именно въ томъ отношеніи, что однѣ изъ нихъ берутъ вопросъ совсѣмъ не съ той стороны, какъ другія; это дастъ намъ возможность попутно коснуться бóльшаго количества частныхъ вопросовъ, нежели мы могли бы имѣть передъ собою при тождественной постановкѣ предмета во всѣхъ разбираемыхъ теоріяхъ. Припомнимъ, что Толстой принижаетъ личность одновременно и передъ историческимъ рокомъ или тѣмъ, что онъ собственно называетъ «закономъ исторіи», и передъ народною массою или, какъ онъ выражается, «роевою силою»: первыя двѣ теоріи, съ коими мы будемъ имѣть дѣло, берутъ личность въ исторіи какъ разъ въ ея отношеніи къ тому, что мы, съ своей стороны, будемъ обозначать, какъ «безличную эволюцію», при чемъ одна теорія стоитъ на точкѣ зрѣнія полнаго безсилія личности передъ историческимъ рокомъ, извѣстнымъ образомъ понимаемымъ, тогда какъ другая, наоборотъ, личному дѣйствію приписываетъ значительную силу въ историческомъ движеніи; двѣ теоріи, подлежащія нашему разбору послѣ этихъ, наоборотъ, интересуются главнымъ образомъ личностью, какъ единицею, по ея отношенію къ массѣ, какъ къ совокупности множества подобныхъ единицъ, при чемъ опять-таки одна теорія выдвигаетъ на первый планъ (какъ и Карлейль) «психологію великаго человѣка», т.-е. качества отдѣльной личности, умѣющей импонировать массѣ и вести ее за собою, тогда какъ другая (подобно Толстому) полагаетъ главный интересъ всего вопроса въ «психологіи народной массы», т.-е. въ настроеніи толпы, увлекающейся «героемъ» и за нимъ идущей.

Собственно говоря, въ теоріи прагматическаго процесса, занимающей насъ въ этомъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія, только и можетъ рѣшаться вопросъ объ единицѣ и массѣ, о «герояхъ» и толпѣ, такъ какъ лишь онъ одинъ и относится къ главному предмету прагматической теоріи, къ дѣйствію человѣка на человѣка; вопросъ объ отношеніи личности къ совершающейся въ исторіи переработкѣ образовъ и формъ матеріальной, духовной и общественной жизни человѣчества, т.-е. къ тому, что только и можетъ составлять содержаніе «безличной эволюціи»,—входитъ уже въ число вопросовъ теоріи культурнаго процесса, которой отведено другое мѣсто въ нашемъ трудѣ. Обѣ теоріи, разсматриваемыя въ этой главѣ, дѣйствительно обращаютъ

все свое вниманіе на культурную сторону исторіи. Но это не должно намъ мѣшать подвергнуть обѣ теоріи анализу именно здѣсь: дѣло въ томъ, что онѣ берутъ вопросъ все-таки въ формѣ настолько общей, что заключающіяся въ нихъ рѣшенія съ удобствомъ могутъ быть перенесены и на прагматическую сторону исторіи. Если ихъ авторы отвѣчаютъ на общій вопросъ въ примѣненіи преимущественно къ культурному, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, развитію человѣческихъ обществъ, тогда какъ Карлейль и Толстой, напротивъ, особенно интересуются или прямо историческимъ прагматизмомъ, или лежащимъ въ его основѣ дѣйствіемъ человѣка на человѣка, то на это, конечно, были свои причины: художественный темпераментъ Карлейля и Толстого могъ находить полное удовлетвореніе лишь въ живомъ драматизмѣ историческихъ событій, въ личномъ или массовомъ дѣйствіи людей; ихъ не могла въ такой степени привлекать къ себѣ, такъ сказать, отвлеченная эволюція культуры (не говоря уже о скептицизмѣ автора «Войны и мира» по части «всевозможныхъ преобразованій»); между тѣмъ, въ исторической наукѣ нашего времени, несомнѣнно, преобладаніе принадлежитъ культурному направленію, и авторы, коихъ мы будемъ разбирать, выдвигая на первый планъ роль личности въ исторіи культурной, только слѣдуютъ въ этомъ отношеніи господствующему направленію исторической науки.

Заговоривъ о различіи, какое существуетъ между теоріями, разсмотрѣнными въ предыдущей главѣ, и теоріями, составляющими предметъ главы настоящей, отмѣтимъ еще, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ воззрѣніями не дилеттантовъ исторической философіи,—каковыми должны быть признаны и Карлейль, и Толстой, — а соціологовъ-спеціалистовъ, принадлежащихъ притомъ если не къ одной школѣ въ узкомъ значеніи этого слова, то къ одному направленію, исходнымъ пунктомъ коего была внесшая столь много жизни и обновленія въ науку о человѣкѣ и обществѣ попытка Ог. Конта создать позитивную соціологію, какъ статику и динамику человѣческаго общества. Въ сравненіи съ этимъ различіемъ между теоріями Карлейля и Толстого и тѣми, къ которымъ мы теперь переходимъ, всякое другое различіе не имѣетъ особенно важнаго значенія.

Новая противоположность во взглядахъ на роль личности въ исторіи, представляемая теоріями, разбирающимися въ настоящей главѣ, стоитъ въ связи съ тою великою противоположностью въ исторіи теорій общества и государства, которую не разъ уже отмѣчали авторы, писавшіе объ этомъ предметѣ: я говорю о различномъ пониманіи политическими писателями прежняго времени и современными соціологами отношеній между индивидуумомъ и государствомъ или обществомъ. Начиная съ Платона и кончая Спенсеромъ, можно назвать цѣлый рядъ мыслителей, исходящихъ изъ понятія общества, какъ цѣлаго,

тогда какъ исходнымъ пунктомъ другихъ мыслителей является личность, какъ самостоятельная единица; это различіе отражается одинаково и на пониманіи того, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ должны находиться между собою личность и общество, и на пониманіи дѣйствительнаго значенія индивидуума въ жизни общества. Гоббзъ и Локкъ, при общемъ имъ представленіи о возникновеніи общества путемъ договора между совершенно свободными одна отъ другой личностями, сумѣли, однако, создать двѣ совершенно различныя теоріи: у одного всѣ личности, такъ сказать, безъ остатка поглощаются одною великою личностью—государствомъ (civitas est persona una), у другого государство, наоборотъ, растворяется въ частномъ союзѣ индивидуумовъ, сохраняющихъ за собою наибольшее количество своихъ прежнихъ естественныхъ правъ. Если бы во времена обоихъ этихъ англійскихъ мыслителей существовалъ научный вопросъ о сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго, они, несомнѣнно, дали бы двѣ совершенно различныя формулы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ: мы, конечно, не ошибемся, если скажемъ, что Гоббзъ создалъ бы какую-нибудь историческую теорію, въ которой не нашлось бы мѣста для самобытнаго дѣйствія личности, тогда какъ Локкъ, напротивъ, именно въ указаніи на это дѣйствіе видѣлъ бы разрѣшеніе научной задачи опредѣлить, какъ происходитъ движеніе исторіи. Однимъ словомъ, двумъ направленіямъ политическаго мышленія, нашедшимъ двѣсти лѣтъ тому назадъ такихъ яркихъ и крайнихъ представителей, каковы Гоббзъ и Локкъ, и въ настоящее время раздѣляющихъ между собою соціологовъ, должны соотвѣтствовать и соотвѣтствуютъ въ дѣйствительности и двѣ совершенно различныя исторіософическія концепціи: теорія «безличной эволюціи» и теорія личнаго дѣйствія. Если первое понятіе зарождается и развивается главнымъ образомъ на почвѣ культурной исторіи, на почвѣ изученія того, какъ перерабатываются образы и формы матеріальной, духовной и общественной жизни народовъ, а съ личнымъ дѣйствіемъ, наоборотъ, приходится имѣть дѣло главнымъ образомъ въ прагматической исторіи, при изученіи событій и движеній, складывающихся изъ человѣческихъ «дѣяній», то, съ другой стороны, та или иная концепція общества оказываетъ сильное вліяніе на различное пониманіе сущности даже одной и той же, напр., культурной, стороны исторіи. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, что мы и увидимъ при разборѣ взглядовъ на роль личности въ исторіи, высказывавшихся Гербертомъ Спенсеромъ и П. Л. Лавровымъ.

Спенсеръ является въ наше время однимъ изъ главныхъ представителей такъ называемой органической теоріи общества. Логическое слѣдствіе уподобленія обществъ организмамъ, составляющаго основу этой теоріи, заключается въ отрицаніи самостоятельнаго значенія личности. Я не буду здѣсь разбирать теорію Спенсера вообще по существу

и въ частности съ этой стороны [1]): для нашей цѣли важно только отмѣтить здѣсь это обстоятельство вотъ почему. Разъ личность уподобляется клѣткѣ общественнаго организма, развивающагося закономѣрно, подобно организмамъ біологическимъ, личность обрекается играть чисто пассивную роль въ этой безличной эволюціи общества, въ этомъ, говоря словами Спенсера, «саморегулирующемся соціальномъ процессѣ». Послѣдній, однако, весьма легко отождествляется въ теоретическомъ пониманіи предмета съ тѣмъ, что Толстой называетъ «закономъ исторіи». По этой концепціи именно не личности измѣняютъ общество, а общество само собою измѣняется, помимо желанія личностей. Уже Ог. Контъ разумѣлъ, конечно, не иное что, когда сводилъ исторію къ понятію объ «évolution spontanée» [2]).

Спенсеру не въ одномъ мѣстѣ своихъ многочисленныхъ и обширныхъ сочиненій приходилось высказываться по интересующему насъ предмету, хотя нигдѣ онъ не высказывался объ этомъ съ желательною полнотою. Одно изъ мѣстъ, гдѣ онъ все-таки довольно подробно говоритъ о роли личности въ исторіи, мы находимъ въ его книгѣ «Изученіе соціологіи» [3]). Это именно глава вторая, отвѣчающая на вопросъ: «существуетъ ли соціальная наука»? Спенсеръ разсматриваетъ здѣсь, между прочимъ, два класса пассивныхъ, какъ онъ выражается, отрицателей соціальной науки. Первый классъ — провиденціалисты, воображающіе, что они проникли въ пути Провидѣнія. «Другой,—продолжаетъ Спенсеръ,—близкій къ этому классъ людей, точно такъ же не приготовленный къ научному пониманію соціологическихъ явленій, видитъ въ ходѣ цивилизаціи немного больше простой лѣтописи о замѣчательныхъ людяхъ и ихъ дѣяніяхъ». Одинъ изъ важнѣйшихъ представителей этого взгляда пишетъ: «По моему мнѣнію, всеобщая исторія, исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, въ сущности, есть исторія великихъ людей, дѣйствовавшихъ въ немъ [4]). И въ этомъ понятіи, можетъ быть, не такъ рѣзко выраженномъ, но вездѣ подразумѣваемомъ, воспитываются почти всѣ». Писатель, котораго авторъ здѣсь имѣетъ въ виду, есть, конечно, не кто иной, какъ Карлейль. Далѣе Спенсеръ слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе такого взгляда: «собравшись,—говоритъ онъ,—вокругъ своего лагеря, дикари передаютъ другъ другу охотничьи приключенія послѣдняго дня, и тотъ изъ нихъ, кто выказалъ особенную ловкость или искусство, получаетъ заслуженныя похвалы. По возвращеніи съ войны проницательность вождя и сила или храбрость того или другого изъ

[1]) Объ этомъ весьма много пришлось говорить въ О. В. Ф. И. II, 69 sq. (100 sq.).

[2]) *Comte*. Cours de philosophie positive. Ср. О. В. Ф. И. II, 192 (278).

[3]) *Г. Спенсеръ*. Изученіе соціологіи. Спб. 1874. Томъ I.

[4]) Ibid., 44.

воиновъ составляютъ самыя интересныя темы для разговоровъ. Когда окончившійся день или близкое прошлое не представляютъ никакихъ замѣчательныхъ происшествій, предметомъ разсказа становятся подвиги какого-нибудь знаменитаго вождя, недавно умершаго, или извѣстнаго по преданіямъ родоначальника племени, иногда эти разсказы сопровождаются пляской, драматически изображающей побѣды, о которыхъ поется въ пѣснѣ. Такіе разсказы, относящіеся къ благосостоянію и самому существованію племени, возбуждаютъ живѣйшій интересъ, и въ нихъ-то мы находимъ общій корень музыки, драмы, поэзіи, біографіи, исторіи и вообще литературы. Жизнь дикарей представляетъ мало другихъ событій, заслуживающихъ вниманія, и въ хроникахъ племенъ едва-ли найдется что-нибудь, еще достойное памяти. Древнія историческія расы представляютъ то же самое. Египетскія фрески и стѣнная скульптура ассиріянъ изображаютъ дѣянія ихъ повелителей, и надписи, въ родѣ той, которая высѣчена на моабитскомъ камнѣ, говорятъ только о подвигахъ царей; что-нибудь другое въ этихъ живописныхъ, гіероглифическихъ или писанныхъ памятникахъ встрѣчается только въ формѣ намековъ. Точно то же мы видимъ и въ греческомъ эпосѣ: хотя и встрѣчаются въ немъ случайныя упоминанія о томъ, что были города, военные корабли, военныя колесницы, матросы и воины, которыхъ можно было вести на бой, но главнымъ предметомъ его было все-таки прославленіе побѣдъ Ахиллеса, храбрости Аякса, мудрости Одиссея и т. п. Уроки, которые даются каждому цивилизованному ребенку, подобно преданіямъ у нецивилизованныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ, внушаютъ ему, что во всемъ прошедшемъ человѣческаго рода достойны воспоминанія одни только дѣянія выдающихся личностей. Разсказъ о томъ, какъ Авраамъ препоясалъ чресла и отправлялся въ то или другое мѣсто; какъ Самуилъ передавалъ велѣнія божіи, которымъ Саулъ не повиновался; какъ Давидъ разсказывалъ свои приключенія, когда онъ былъ пастухомъ, и какъ его упрекали за беззаконія, когда онъ былъ царемъ,—эти или подобные имъ разсказы о личностяхъ, — вотъ факты, на которыхъ преимущественно останавливается вниманіе молодого человѣка, изучающаго Библію. Между тѣмъ, указанія на еврейскія учрежденія, которыя по необходимости входятъ въ разсказъ, одинаково считаются и ученикомъ, и его учителемъ не представляющими важности. Точно такъ же, когда ученикъ стоитъ, заложивши руки за спину, и готовится сказать свой урокъ изъ исторіи, мы знаемъ, что ему задано было выучить: когда и кѣмъ сдѣлано было вторженіе въ Англію, кто изъ правителей сопротивлялся вторженію и кто изъ нихъ былъ убитъ, что̀ сдѣлалъ Альфредъ и что̀ сказалъ Канутъ, кто участвовалъ въ сраженіи при Азенкурѣ и кто побѣдилъ при Флодденѣ, который изъ королей отказался отъ престола и который насильно завладѣлъ имъ,

и проч.; и если какъ-нибудь встрѣчалось извѣстіе, что въ тѣ времена существовало рабство, что бароны были вассалами другихъ, что подчиненіе ихъ центральной власти произошло лишь постепенно, то такіе факты считаются относительно неважными. Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, когда мальчикъ переходитъ въ руки учителя-классика, дома или въ другомъ мѣстѣ. «Оружіе и мужъ» составляютъ начало и конецъ исторіи. Послѣ миѳологіи, которая, конечно, считается самой важной, слѣдуютъ разсказы о подвигахъ правителей и воиновъ, отъ Агамемнона и до Цезаря; что же касается свѣдѣній о соціальномъ устройствѣ, обычаяхъ, понятіяхъ, нравственности, то они пріобрѣтаются почти лишь настолько, насколько встрѣчаются въ біографіяхъ. Самое достоинство знанія оцѣнивается такимъ образомъ, что ошибка въ перечисленіяхъ любовныхъ похожденій Зевса считается непростительной, незнаніе именъ предводителей въ Мараѳонской битвѣ непохвальнымъ, а незнаніе соціальныхъ условій временъ до Ликурга или происхожденія и обязанностей ареопага считается извинительнымъ» [1]). Что исключительная теорія великихъ людей ведетъ свое происхожденіе изъ древнѣйшихъ временъ человѣческой исторіи, и что она поддерживается школьнымъ преподаваніемъ исторіи, тамъ, гдѣ въ его основу положены однѣ біографіи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, хотя нельзя допустить, чтобы только въ одномъ этомъ или чемъ-либо подобномъ заключались всѣ основы разсматриваемой теоріи. Но не будемъ прерывать изложенія. «Такимъ образомъ, продолжаетъ Спенсеръ, историческая теорія великихъ людей вездѣ находитъ хорошо подготовленную почву и на самомъ дѣлѣ составляетъ лишь болѣе опредѣленное выраженіе тѣхъ мыслей, которыя таятся въ головѣ дикаря, предполагаются во всѣхъ преданіяхъ древнихъ временъ и сообщаются каждому ребенку въ безчисленномъ множествѣ примѣровъ. Готовность, съ какою принимаютъ эту теорію, имѣетъ и много другихъ спеціальныхъ причинъ. Это, во-первыхъ, всеобщая любовь къ личности, сильная у первобытныхъ людей и господствующая еще до сихъ поръ,— любовь, которая обнаруживается въ ребенкѣ, когда онъ проситъ васъ разсказать ему какую-нибудь исторію, подразумѣвая подъ этимъ приключенія какого-нибудь лица; любовь, которая у взрослыхъ удовлетворяется полицейскими извѣстіями, придворными новостями, бракоразводными дѣлами, описаніями происшествій, объявленіями о родившихся, вступившихъ въ бракъ и умершихъ, которая обнаруживается даже въ уличныхъ разговорахъ, гдѣ отрывочныя фразы, услышанныя мимоходомъ, доказываютъ, что въ разговорахъ мужчинъ очень часто, а въ разговорахъ женщинъ всегда, безпрестанно повторяется личное мѣстоименіе. Если вы хотите быстро измѣрить умственный калибръ

[1]) Ibid., 44—46.

какого-нибудь лица, вы всего лучше сдѣлаете, если будете замѣчать, въ какомъ отношеніи находятся въ его разговорѣ общія понятія и личныя имена, и насколько простыя истины объ отдѣльныхъ лицахъ замѣняются у него абстрактными истинами, извлеченными изъ многочисленныхъ наблюденій надъ людьми и предметами. Если такимъ способомъ, заключаетъ авторъ эту часть разсужденія, вы измѣрите многіе умы, то найдете, что лишь небольшое число ихъ способно идти далѣе исключительно біографическаго взгляда на человѣческія дѣла.— Во-вторыхъ, говоритъ онъ далѣе, эта теорія великихъ людей рекомендуетъ себя тѣмъ, что обѣщаетъ соединить полезное съ пріятнымъ. Тому, кто любитъ слушать разсказы о людскихъ дѣлахъ и словахъ, очень пріятно узнать, что для пониманія хода цивилизаціи нужно только прилежно прочесть жизнеописанія замѣчательныхъ людей. Что̀ можетъ быть привлекательнѣе ученія, которое говоритъ, что вы, удовлетворяя своему инстинкту, немногимъ отличающемуся отъ инстинкта деревенскаго сплетничества, и получая, вмѣсто изустныхъ, печатныя свѣдѣнія о замѣчательныхъ фактахъ, касающихся извѣстныхъ особъ, пріобрѣтаете вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе, которое сдѣлаетъ для васъ яснымъ, почему на свѣтѣ событія шли такъ или иначе, и научитъ васъ составлять правильное мнѣніе о каждомъ вопросѣ, который представится вамъ въ гражданской жизни. Наконецъ, въ-третьихъ, подобный способъ объясненія вещей восхитительно простъ и кажется такимъ легкимъ для пониманія. Если вы довольствуетесь понятіями, не особенно ясными, каковы понятія большинства, то рѣшенія, даваемыя вамъ этой теоріей, покажутся совершенно удовлетворительными» [1]). Такимъ образомъ, по объясненію Спенсера, и спеціальныя причины готовности, съ какою принимаютъ теорію великихъ людей, имѣютъ довольно низменный характеръ: другихъ болѣе логическихъ основаній для теоріи рѣшительно не существуетъ.

Указавъ на эти общія и спеціальныя причины оспариваемой теоріи, Спенсеръ даетъ нѣсколько замѣчаній, составляющихъ уже принципіальную ея критику. «Происхожденіе обществъ, вслѣдствіе дѣятельности великихъ людей возможно, говоритъ онъ, принимать до тѣхъ поръ, пока вы, останавливаясь на общихъ понятіяхъ, не требуете подробностей. Но если мы, продолжаетъ онъ, не удовлетворяясь такой неопредѣленностью, пожелаемъ, чтобы наши идеи были освѣщены, какъ слѣдуетъ, и получили необходимую точность и ясность, тогда мы увидимъ, что эта гипотеза крайне неудовлетворительна. Если, не останавливаясь на томъ объясненіи соціальнаго прогресса, которое приписываетъ его вліянію великаго человѣка, мы ступимъ шагъ назадъ и спросимъ, откуда же явился этотъ человѣкъ, — наша теорія совер-

[1]) Ibid., 46—48.

шенно рушится. Вопросъ, очевидно, имѣетъ два рѣшенія: или происхожденіе этого человѣка сверхъестественное, или оно естественное. Положимъ, оно сверхъестественное. Въ такомъ случаѣ, онъ является посланникомъ Бога, и мы имѣемъ покинутую уже или, скорѣе, совсѣмъ непокинутую теократію; мы должны тогда согласиться съ приведеннымъ выше (авторъ ссылается на предыдущую часть главы) мнѣніемъ Шомберга, что «рѣшеніе Цезаря вторгнуться въ Британію» внушено было ему свыше и что, начиная съ него и до Георга III «Великаго и Добраго», послѣдовательный рядъ правителей предназначенъ былъ для послѣдовательнаго ряда предпріятій. Но если нельзя допустить такого рѣшенія вопроса, тогда надо принять, что происхожденіе великаго человѣка естественное; въ послѣднемъ случаѣ, *его должно ставить на-ряду со всѣми другими явленіями въ обществѣ, давшемъ ему жизнь*, и считать его продуктомъ всей предшествующей жизни этого общества. *Вмѣстѣ со всѣмъ поколѣніемъ, котораго онъ составляетъ лишь ничтожную долю, вмѣстѣ съ его учрежденіями, языкомъ, знаніями, обычаями, вмѣстѣ со множествомъ его искусствъ и ремеслъ, онъ является результатомъ громадной аггрегаціи силъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ.* Правда, если вамъ нравится не знать всего, чему учитъ всеобщій опытъ, подтверждаемый физіологіей, если вы допускаете, что отъ европейскихъ родителей можетъ родиться ребенокъ-негръ, или отъ папуаса съ курчавыми, похожими на шерсть волосами, — красивый прямоволосый ребенокъ кавказскаго типа, вы можете принять, что появленіе великаго человѣка возможно вездѣ и при всякихъ условіяхъ. Если вы, пренебрегая этими результатами опыта, которые одинаково выражаются въ ходячихъ пословицахъ и въ обобщеніяхъ психологовъ, предположите, что Ньютонъ могъ родиться въ готтентотскомъ семействѣ, что Мильтонъ могъ появиться между андоманцами, что Говардъ и Клэрксонъ могли имѣть родителями жителей острововъ Фиджи,—тогда вамъ легко будетъ объяснять соціальный прогрессъ дѣятельностью великаго человѣка. Но если біологическая наука, подтверждающая всѣ народныя вѣрованія, убѣждаетъ васъ, что нѣтъ никакой возможности, чтобы Аристотель могъ родиться отъ отца и матери, у которыхъ лицевой уголъ составляетъ пятьдесятъ градусовъ, и что нѣтъ даже отдаленной надежды, чтобы Бетховенъ могъ явиться изъ племени каннибаловъ, которыхъ пѣніе во время приготовленій къ пиршеству человѣческимъ мясомъ напоминаетъ размѣренный ревъ,—тогда вы должны допустить, что *происхожденіе великаго человѣка зависитъ отъ длиннаго ряда сложныхъ вліяній, произведшихъ ту расу, среди которой онъ появляется, и то соціальное состояніе, до котораго эта раса дошла медленнымъ путемъ.* Если признать, кто великій человѣкъ можетъ измѣнить свой народъ въ его строѣ, образѣ дѣйствій, то нельзя не

признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что *появленію этого человѣка должны были предшествовать предварительныя измѣненія, составляющія національный прогрессъ. Прежде чѣмъ онъ передѣлаетъ свое общество, это послѣднее должно произвести его самого, такъ что всѣ измѣненія, ближайшимъ началомъ которыхъ считается онъ, произведены главнымъ образомъ тѣми поколѣніями, отъ которыхъ онъ самъ происходитъ.* Если можетъ быть дано какое-нибудь дѣйствительное объясненіе этимъ измѣненіямъ, то его должно искать въ соединеніи условій, отъ котораго произошли и онъ самъ, и эти измѣненія» [1]). Собственно говоря, въ приведенныхъ словахъ Спенсеръ обращаетъ вниманіе преимущественно на то, какое объясненіе (сверхъестественное или естественное) слѣдуетъ давать факту появленія великихъ людей. Теорія великихъ людей, случайно связанная у Карлейля съ сверхъестественнымъ объясненіемъ, не разрушается отъ соприкосновенія съ объясненіемъ естественнымъ: въ великомъ человѣкѣ исторія можетъ сконцентрировать великія соціальныя силы и такимъ образомъ сдѣлать его главнымъ орудіемъ производимыхъ ею перемѣнъ. Какъ же смотритъ Спенсеръ на этотъ предметъ?

«Если даже,—говоритъ онъ,—мы допустимъ нелѣпое предположеніе, что происхожденіе великаго человѣка не зависитъ отъ предшествовавшихъ перемѣнъ въ обществѣ, въ которомъ онъ рожденъ, у насъ все-таки будетъ совершенно достаточно фактовъ въ пользу убѣжденія, что онъ *безсиленъ при отсутствіи матеріальнаго и умственнаго капитала, наслѣдуемаго его обществомъ отъ прошедшаго, и безсиленъ при отсутствіи соотвѣтственнаго населенія, извѣстнаго характера умственнаго развитія и общественнаго устройства.* Возьмемъ Шекспира. Какую драму могъ бы онъ написать безъ множества преданій цивилизованной жизни, безъ разнообразныхъ опытовъ, которые, доходя до него отъ прошедшаго, обогатили его мысль, безъ языка, который развивался сотнями поколѣній и обогащался постояннымъ употребленіемъ? Представимъ себѣ Уатта, со всею силою его изобрѣтательности, живущимъ среди племени, которому неизвѣстно желѣзо или которое можетъ добыть его лишь столько, сколько можно расплавить на огнѣ, раздуваемомъ простыми ручными мѣхами; вообразимъ его даже и среди насъ, въ то время, когла еще не существовало токарныхъ станковъ. Возможно ли было въ этихъ случаяхъ изобрѣтеніе паровой машины? Вообразимъ себѣ Лапласа, лишеннаго помощи медленно развивавшейся математики, которую мы можемъ прослѣдить до ея зачатковъ у египтянъ. Какъ далеко могъ бы онъ уйти съ своей «Небесной механикой»? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать много, если даже ограничиться только тѣми группами великихъ людей. на которыхъ

---

[1]) Ibid., 48—51.

особенно останавливаются поклонники «героевъ», именно: правителями и полководцами. Ксенофонтъ не могъ бы совершить своего знаменитаго подвига, если бы его десятитысячная армія состояла изъ людей слабыхъ, трусливыхъ и непокорныхъ. Цезарь никогда не могъ бы совершить своихъ завоеваній безъ дисциплинированнаго войска, наслѣдовавшаго свою славу, свою тактику и свою организацію отъ римлянъ, которые жили до него. Наконецъ, если взять недавній примѣръ, стратегическій геній Мольтке не могъ бы выиграть великихъ сраженій, если бы не было націи въ сорокъ милліоновъ, которая снабжала его солдатами, и если бы эти солдаты не были люди крѣпкаго сложенія, смѣлые, послушные и способные разумно выполнять приказанія. Если бы,—продолжаетъ Спенсеръ,—кто-нибудь сталъ удивляться силѣ крупинки пороха, которая вспыхиваетъ въ пушкѣ, выбрасываетъ снарядъ и своимъ ударомъ потопляетъ корабль, и если онъ сталъ разпространяться объ изумительныхъ качествахъ пороха, ни слова не упоминая о зажигательномъ снарядѣ, о ядрѣ, пушкѣ и о всей огромной совокупности труда, посредствомъ котораго произведены всѣ эти вещи, включая сюда и самый порохъ, его объясненіе нельзя было бы признать основательнымъ. Но оно очень могло бы идти въ уровень съ толкованіемъ соціальныхъ явленій, не принимающимъ въ расчетъ при оцѣнкѣ *важныхъ измѣненій*, *вызванныхъ великимъ человѣкомъ*, существовавшаго до него громаднаго запаса скрытой силы, *которой онъ даетъ исходъ*, и того неизмѣримаго количества предшествовавшихъ явленій, благодаря которымъ явились и онъ самъ, и эта сила» [1]). Вотъ мѣсто, въ которомъ Спенсеръ, повидимому, имѣлъ цѣлью унизить значеніе личности въ исторіи, слишкомъ преувеличенное теоріей великихъ людей въ той ея формѣ, какую она получила у Карлейля. Едва-ли была надобность доказывать то, что доказываетъ здѣсь Спенсеръ: его аргументы—рядъ трюизмовъ, сводящихся къ тому, что самый великій полководецъ безсиленъ, если онъ воюетъ безъ арміи. Мы привели, однако, цѣликомъ это разсужденіе, чтобы показать, какія простыя истины приходится излагать въ сочиненіяхъ, имѣющихъ философскій характеръ, едва только рѣчь заходитъ о роли личности въ исторіи. Отмѣтивъ притомъ признаніе Спенсеромъ того, что великій человѣкъ можетъ вызвать важныя измѣненія, дать исходъ скрытой общественной силѣ, приведемъ теперь конецъ разсужденія. «При опредѣленіи степени справедливости этой теоріи «великихъ людей», —такъ заканчиваетъ Спенсеръ этотъ отдѣлъ II главы «Изученія соціологіи»,—мы можемъ замѣтить, что *въ примѣненіи исключительно къ древнимъ обществамъ*, исторія которыхъ состоитъ почти изъ однихъ только усилій уничтожитъ или покорить другъ друга, *она при-*

[1]) Ibid., 51—52.

близительно выражаетъ дѣйствительность, представляя способнаго предводителя главнѣйшимъ лицомъ, хотя даже и въ этомъ случаѣ она слишкомъ мало обращаетъ вниманія на число и способности его сподвижниковъ. Но *огромная ошибка этой теоріи заключается въ предположеніи, что все, бывшее нѣкогда справедливымъ, останется справедливымъ навсегда*, и что извѣстныя отношенія правителя къ управляемымъ, возможныя и полезныя въ одно время, возможны и полезны во всѣ времена. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ хищнической дѣятельности древнихъ племенъ, съ образованіемъ большихъ общественныхъ группъ посредствомъ завоеваній или другимъ путемъ, съ наступленіемъ времени, когда война перестаетъ быть занятіемъ всего мужского населенія,—общества начинаютъ развиваться и обнаруживаютъ зачатки учрежденій и дѣятельностей, невозможныхъ въ прежнее время; *вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія возрастаетъ сложность отношеній, появляются новыя учрежденія, новыя отрасли дѣятельности, новыя идеи, безъ всякихъ заботъ со стороны какого-нибудь короля или законодателя*. И если вы желаете понять эти явленія соціальнаго развитія, вы не достигнете этого, хотя бы до слѣпоты зачитывались всѣми упоминаемыми въ исторіи біографіями великихъ правителей до Фридриха Жаднаго и Наполеона Вѣроломнаго»[1]). Здѣсь Спенсеръ такимъ образомъ дѣлаетъ новую уступку оспариваемой теоріи: послѣдняя признается правильною для древнѣйшихъ временъ, и только высказывается мысль, что съ историческимъ развитіемъ все, совершающееся въ общественной жизни, начинаетъ дѣлаться къ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе само собою «безъ всякихъ заботъ со стороны какого-нибудь короля или законодателя».

Мы нарочно привели здѣсь все разсужденіе Спенсера, почти безъ пропусковъ и лишь мѣстами сопровождая его взгляды своими замѣчаніями, имѣвшими цѣлью обратить вниманіе читателя на нѣкоторыя частныя мысли, которыя главнымъ образомъ и будутъ предметомъ нашего обсужденія: критика теоріи великихъ людей, содержащаяся въ приведенномъ разсужденіи, принадлежа такому крупному представителю современной соціологіи, какъ Спенсеръ, отличается, какъ можетъ убѣдиться всякій, перечитавъ предыдущія страницы, крайнею поверхностностью. На нашъ взглядъ, одна изъ причинъ послѣдняго обстоятельства заключается въ томъ, что авторъ, не поставивъ себѣ вообще вопроса о роли личности въ исторіи, сталъ разсматривать то, что̀ назвалъ «теоріей великихъ людей», въ самой рѣзкой ея формѣ и вдобавокъ приписалъ ей такія воззрѣнія, какихъ въ ней вовсе не заключается. Для Спенсера весь вопросъ свелся къ тому, чтобы объяснить великаго человѣка естественнымъ, а не сверхъестественнымъ

---

[1]) Ibid., 52—53.

образомъ, чтобы доказать невозможность появленія Ньютоновъ и Бетховеновъ среди низшихъ расъ и чтобы распространиться на ту тему, что Шекспиръ, Уаттъ или Лапласъ ничего не могли бы сдѣлать безъ предварительнаго развитія литературы, техники и науки, какъ Ксенофонтъ, Цезарь или Мольтке не могли бы прославиться военными подвигами, если бы не имѣли въ своемъ распоряженіи уже ранѣе существовавшихъ военныхъ силъ. Теорію, взятую въ столь рѣзкой формѣ, что опровергать ее пришлось просто трюизмами, Спенсеръ связалъ съ біографико-прагматическимъ направленіемъ исторической литературы, ведущимъ, по его представленію, свое начало отъ охотничьихъ разсказовъ дикарей и поддерживающимся, благодаря не особенно высокимъ интересамъ притомъ большею частью менѣе развитой части общества, въ родѣ страсти къ пересудамъ на счетъ ближняго, а потому. съ точки зрѣнія Спенсера, не имѣющимъ болѣе разумнаго оправданія. Будучи соціологомъ по преимуществу, интересуясь исключительно культурно-соціальными формами (въ противоположность Толстому, интересующемуся только индивидуальною жизнью), Спенсеръ особенно долженъ быть возставать противъ дѣйствительно ненаучнаго сведенія исторіи къ простой лѣтописи о замѣчательныхъ людяхъ и ихъ дѣяніяхъ, хотя этимъ еще отнюдь не требуется исключеніе изъ исторіи біографическаго и прагматическаго элементовъ съ психологическимъ анализомъ и съ драматическимъ синтезомъ: стать вполнѣ на точку зрѣнія Спенсера значило бы, пожалуй, вооружиться и противъ искусства, въ которомъ «любовь къ личности» и страсть къ личнымъ «исторіямъ» играетъ важную роль. Видя въ прагматическомъ (и тѣсно съ нимъ связанномъ біографическомъ) направленіи исторіографіи занятіе только одною стороною исторіи, болѣе интересною для однихъ, менѣе интересною для другихъ, не сводя къ этому направленію всей исторіи, но и не исключая его изъ послѣдней, мы различаемъ двѣ вещи, т.-е. именно сведеніе всѣхъ историческихъ занятій къ біографіи и прагматизму и объясненіе всѣхъ историческихъ явленій одною дѣятельностью выдающихся единицъ, «великихъ людей»: можно (и это въ дѣйствительности бываетъ) ставить на первый планъ изученіе культурно-соціальныхъ измѣненій (а не «arma virumque», пользуясь выраженіемъ Виргилія, взятымъ Спенсеромъ для обозначенія цѣлаго направленія) и все-таки объяснять названныя измѣненія одною дѣятельностью лишь выдающихся единицъ. Спенсеръ интересуется исключительно соціологической стороной исторіи (какъ Толстой — психологическою), а исходя изъ понятія общества, какъ саморазвивающагося организма, онъ (на этотъ разъ совершенно какъ Толстой) весьма естественно не придаетъ никакого значенія личнымъ усиліямъ единицъ направлять культурно-соціальныя измѣненія въ ту или другую сторону.

Спенсеръ, впрочемъ, противополагаетъ «великаго человѣка» не массѣ: и единичная личность, и цѣлыя совокупности личностей являются у него одинаково продуктами одной и той же соціальной эволюціи, совершающей исторію, такъ что для него не особенно важно, черезъ кого эта эволюція дѣйствуетъ—черезъ единицу ли, или черезъ массу. Онъ признаетъ, правда, возможность такихъ явленій, какъ измѣненіе общества однимъ человѣкомъ или нахожденіе скрытою соціальною силою своего исхода въ дѣятельности одного лица, но его не интересуетъ вопросъ о томъ, благодаря чему и какимъ образомъ единица можетъ играть такую роль: не выдѣляя ее изъ массы, какъ все-таки особенную личность, подѣйствовавшую не такъ, какъ другія, напротивъ, настаивая на томъ, что «одинъ въ полѣ не воинъ», и что потому отдѣльная личность безсильна безъ содѣйствія другихъ, Спенсеръ все вниманіе свое сосредоточиваетъ на томъ, что и такая особенная единица есть продуктъ исторіи же наравнѣ со всѣмъ остальнымъ, что только существуетъ въ обществѣ, какъ будто все въ обществѣ существующее совершенно однородно и имѣетъ совершенно одинаковое значеніе въ историческомъ движеніи. Конечно, мы не станемъ оспаривать вѣрность слѣдующихъ мѣстъ въ разбираемомъ разсужденіи Спенсера: 1) великаго человѣка «должно ставить на-ряду со всѣми другими явленіями въ обществѣ, давшемъ ему жизнь, и считать его продуктомъ всей предшествующей жизни этого общества»; 2) «вмѣстѣ со всѣмъ поколѣніемъ, котораго онъ составляетъ лишь ничтожную долю, вмѣстѣ съ его учрежденіями, языкомъ, знаніями, обычаями, вмѣстѣ съ множествомъ его искусствъ и ремеслъ, онъ является результатомъ громадной аггрегаціи силъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ»; 3) «происхожденіе великаго человѣка зависитъ отъ длиннаго ряда сложныхъ вліяній, произведшихъ ту расу, среди которой онъ появляется, и то соціальное состояніе, до котораго эта раса дошла медленнымъ путемъ»; 4) «прежде чѣмъ онъ передѣлаетъ свое общество, это послѣднее должно произвести его самого, такъ что всѣ измѣненія, ближайшимъ началомъ которыхъ считается онъ, произведены главнымъ образомъ тѣми поколѣніями, отъ которыхъ онъ происходитъ»; 5) при оцѣнкѣ важныхъ измѣненій, вызванныхъ великимъ человѣкомъ, нужно принимать въ расчетъ «существовавшій до него громадный запасъ скрытой силы, которой онъ даетъ исходъ, и то неизмѣримое количество предшествовавшихъ явленій, благодаря которымъ явились и онъ самъ, и эта сила». На эти мѣста мы уже обратили вниманіе читателя, особеннымъ образомъ ихъ отмѣтивъ въ длинной выпискѣ изъ «Изученія соціологіи»; мы позволили себѣ повторить ихъ, собравши ихъ всѣ вмѣстѣ, такъ какъ въ нихъ заключается основная мысль Спенсера; мы, кромѣ того, только-что высказали и свое согласіе принять эту мысль въ ея общей формѣ.

И единицы, и массы, съ одной стороны, и личности, и культурно-соціальныя формы, съ другой, суть несомнѣннѣйшимъ образомъ въ равной степени продукты исторіи. Спенсеръ на такомъ положеніи и успокоивается, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ «естественное объясненіе» великаго человѣка. Общество есть организмъ: какъ всѣ измѣненія въ организмѣ обусловлены предыдущими его состояніями, такъ и всѣ общественныя перемѣны суть результаты предыдущей исторіи общества,—вотъ главная мысль Спенсера, и онъ удовлетворяется такимъ рѣшеніемъ вопроса о сущности историческаго процесса. Но мы можемъ и должны идти далѣе. Пусть, скажемъ мы, отдѣльныя единицы, входящія въ составъ соціальнаго организма, или отдѣльныя стороны ихъ матеріальнаго, духовнаго и общественнаго существованія будутъ, всѣ вмѣстѣ взятыя, не чѣмъ инымъ, какъ, говоря коротко, продуктами исторіи, но каждый изъ такихъ продуктовъ необходимо имѣетъ, такъ сказать, и свою особую физіономію и сравнительно съ другими занимаетъ не одинаковое положеніе или играетъ не одинаковую роль въ обществѣ, а затѣмъ между ними происходитъ взаимодѣйствіе, весьма часто обнаруживается антагонизмъ, возникаетъ борьба: въ этомъ-то взаимодѣйствіи, въ этомъ-то антагонизмѣ, въ этой борьбѣ отдѣльныхъ продуктовъ исторіи, отдѣльныхъ соціальныхъ силъ и явленій,—человѣческихъ личностей и культурно-соціальныхъ формъ,—и заключается механизмъ историческаго процесса. У Спенсера онъ поглощается въ понятіи соціальной эволюціи: Спенсеръ, выражаясь образно, видитъ теченіе рѣки, такое плавное, спокойное, ровное, и какъ-бы не подозрѣваетъ, что отдѣльныя частицы воды, повинуясь силѣ тяжести, заставляющей ихъ скатываться по наклонной плоскости, оказываютъ еще давленіе однѣ на другія или однѣ другимъ мѣшаютъ двигаться и т. д. Если логическимъ слѣдствіемъ органической концепціи общества является (въ теоріи, конечно) поглощеніе личности соціальнымъ цѣлымъ, то и уподобленіе исторіи общества развитію организма естественно и необходимо приводитъ къ такому пониманію историческаго процесса, въ которомъ дѣйствія личностей, такъ сказать, сливаются въ безличную эволюцію самого общества, разсматриваемаго, какъ единый и цѣльный организмъ. Съ такой точки зрѣнія для Спенсера вопросъ объ отношеніи дѣятельности великаго человѣка къ дѣятельности народной массы не представляетъ особаго интереса: и та, и другая есть не что иное, какъ продуктъ исторіи, одинъ изъ моментовъ соціальной эволюціи, всецѣло обусловленный предыдущимъ моментомъ. Въ одномъ мѣстѣ, правда, онъ условно допускаетъ вѣрность оспариваемаго взгляда, но только, повидимому, для того, чтобы еще рельефнѣе выдвинуть собственный тезисъ о саморегулирующемся соціальномъ процессѣ. Опровергая «теорію великихъ людей», Спенсеръ, какъ уже мы это видѣли, сдѣлалъ

одну уступку: онъ призналъ именно, что въ примѣненіи къ древнимъ обществамъ критикуемая имъ теорія приблизительно выражаетъ дѣйствительность, такъ какъ при постоянныхъ усиліяхъ такихъ обществъ покорить другъ друга способный предводитель является главнѣйшимъ лицомъ въ событіи; только, по словамъ автора, было бы ошибочно переносить такое наблюденіе и на позднѣйшія времена. Эту мысль онъ повторяетъ подробнѣе въ «Развитіи политическихъ учрежденій» [1]). Въ главѣ о «воинственномъ типѣ общества», въ которомъ весьма силенъ инстинктъ повиновенія [2]) и, наоборотъ, очень стѣсняется индивидуальная инціатива [3]), доказывается, между прочимъ, слѣдующее: умственное состояніе, которое возникаетъ въ воинственномъ обществѣ, есть состояніе пассивнаго согласія и ожиданія, затрудняющее развитіе понятія безличной причинности [4]). Какъ это доказывается, для насъ не важно: для насъ могутъ быть интересны только противоположеніе личной и безличной причинности и выводъ, дѣлаемый авторомъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу. По словамъ Спенсера, явленіе имъ отмѣченное (неразвитость въ ранніе эпохи понятія безличной причинности) главнымъ образомъ «порождается нагляднымъ и постояннымъ опытомъ личнаго средоточія силы, существующаго при воинственномъ режимѣ. Въ арміи каждое движеніе, начиная отъ движеній главнаго командира и до мельчайшихъ движеній рекрута, направляются однимъ главою; точно такъ же въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ вырабатывается региментація, люди видятъ ежечасно, что все совершается такъ или иначе сообразно съ регулирующей волей правителя и его подчиненныхъ агентовъ. Отсюда, продолжаетъ Спенсеръ, *при объясненіи соціальныхъ явленій признается только одна личная причинность.* Исторія становится собраніемъ дѣяній замѣчательныхъ людей, и молчаливо подразумѣвается, что общество сформировано ими. Понятно, что если нѣтъ еще и признаковъ того умственнаго состоянія, при которомъ мысль о безличной причинности является общепринятой, то и движеніе соціальнаго развитія не можетъ быть замѣчено. *Естественный генезисъ* соціальныхъ структуръ и ихъ функцій есть понятіе, свойственное совершенно другому умственному состоянію, и всякая ссылка на него кажется абсурдомъ. Мысль о саморегулирующемся соціальномъ процессѣ непонятна» [5]). Послѣднее понятіе Спенсеръ долженъ считать однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній научнаго развитія вообще и въ частности однимъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ своей общественной философіи [6]). Его

---

[1]) *Спенсеръ*, Развитіе политическихъ учрежденій. Спб. 1882.

[2]) Ibid., 278. [3]) Ibid., 280. [4]) Ibid., 280 sq. [5]) Ibid., 282.

[6]) *Lester Ward* въ «Динамической соціологіи» (Dynamic sociology. New-York. 1883), признающій въ соціальной эволюціи генетическую и телеологиче-

любимая идея—идея невмѣшательства человѣка въ естественный ходъ вещей, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Толстого въ исторической философіи «Войны и мира» [1]): практически совѣтъ самаго широкаго «laisser passer, laisser faire» онъ даетъ въ своей извѣстной брошюрѣ «The man versus the state», являющейся защитой индивидуальной свободы противъ всепоглощающей государственности, хотя по существу дѣла органическій взглядъ на государство, основанный на естественно-исторической аналогіи, именно требовалъ бы, наоборотъ, защиты правъ государства противъ притязаній личности [2]). Главное у Спенсера, однако, не столько защита «человѣка противъ государства», сколько идея невмѣшательства, съ точки зрѣнія коей онъ не станетъ оправдывать и единичную личность, если она, ради достиженія собственныхъ своихъ, т.-е. чисто индивидуальныхъ цѣлей, тоже задумаетъ по-своему направить естественный ходъ вещей, какъ это дѣлаетъ и государственная власть, когда регулируетъ общественныя отношенія по извѣстному сознательному плану. Другими словами, Спенсеръ одинаково оберегаетъ саморегулирующійся соціальный процессъ отъ вторженія въ него какого бы то ни было вмѣшательства, будетъ ли оно идти со стороны правительства или исходить изъ частной иниціативы: исторія дѣлается сама собою, а великіе люди и народныя массы, правительства и частныя лица должны только пассивно исполнять ея велѣнія [3]). Между тѣмъ, онъ самъ долженъ былъ бы

скую стороны (по категоріямъ причины и цѣли), совершенно вѣрно говоритъ о философіи Спенсера, какъ о системѣ, игнорирующей то, что самъ онъ называетъ телеологическимъ (или антропо-телеологическимъ) прогрессомъ общества. «Онъ,—замѣчаетъ Уордъ,—считаетъ своимъ дѣломъ изслѣдовать явленія общества, законы, стремящіеся сохранить его отъ разрушенія и дѣйствующіе на его видоизмѣненія. Для этого онъ сравниваетъ соціальный организмъ съ животнымъ и упорно держится этой аналогіи. *Его уклоненіе отъ идеи вмѣшательства человѣка въ естественный ходъ вещей не есть результатъ невозможности для него понять эту идею.* Она постоянно появляется на пути его разсужденія, и *онъ употребляетъ всю свою діалектическую ловкость, чтобы изгнать ее съ этого запрещеннаго имъ пути*».

[1]) Ср. выше, стр. 38 и 44 и слѣд.

[2]) *Herbert Spencer.* The man versus the state. London. 1885. Русскій читатель можетъ найти анализъ взглядовъ Спенсера въ книгѣ г. *Слонимскаго*: Основные вопросы политики. Спб. 1889, стр. 154 sq. Нельзя при этомъ не вспомнить ту теорію невмѣшательства, которую развиваетъ Бокль въ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» (Спб. 1883. I, 199—209).

[3]) Ср. опредѣленіе правительства въ «Развитіи политическихъ учрежденій» на стр. 100—106. «Правительства не сами по себѣ обладаютъ силою, а суть лишь орудія силы... Политическая власть въ ея примитивной формѣ есть чувство общественности, дѣйствующее черезъ неоформившуюся,—или уже принявшую опредѣленную форму,—агентуру,.. правящее же чувство является накопленнымъ и организованнымъ чувствомъ прошлаго... Когда уже развилась политическая агентура, ея власть въ широкой степени зависитъ отъ современнаго обще-

понимать, что въ послѣднемъ анализѣ исторія дѣлается все-таки людьми, и что если они такъ или иначе зависятъ отъ даннаго хода исторіи, то и сами предъявляютъ ей тѣ или другія требованія, такъ сказать, диктуютъ ей свою волю, извѣстнымъ образомъ направляютъ ея теченіе: ему, повторяю, слѣдовало бы хорошо понимать это, потому что у него самого есть одно соображеніе, которое, по его же собственнымъ словамъ [1]), должно считаться отклоненіемъ отъ аргументаціи въ пользу отождествленія общества съ организмомъ, лежащаго въ основѣ его взгляда на исторію. Онъ замѣчаетъ именно между тѣмъ и другимъ контрастъ, «имѣющій, какъ говоритъ онъ самъ, очень знаменательный смыслъ и вліяющій основнымъ образомъ на нашу идею относительно той цѣли, къ осуществленію которой должна стремиться общественная жизнь». Контрастъ этотъ—отсутствіе «соціальнаго чувствилища»: чувствуетъ не общество, а отдѣльныя единицы. «Слѣдуетъ всегда помнить, прибавляетъ Спенсеръ, что какъ бы ни были велики усилія, направленныя къ благосостоянію политическаго аггрегата, всѣ притязанія этого политическаго аггрегата сами по себѣ суть ничто, и что они *становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ агрегатъ единицъ*» [2]). Притязанія, которымъ самъ Спенсеръ приписываетъ столь важное значеніе, какъ разъ и бываютъ причиною незаконнаго, съ его точки зрѣнія, вмѣшательства въ естественный ходъ вещей, въ саморегулирующійся соціальный процессъ. Разъ эти притязанія признаны самимъ философомъ вполнѣ разумными по отношенію «къ той цѣли, къ осуществленію которой должна стремиться общественная жизнь», слѣдовало бы имъ отвести и очень широкое мѣсто въ самомъ процессѣ этой жизни, т.-е. въ исторіи, но въ такомъ случаѣ обнять послѣднюю своей формулой эволюціонная теорія Спенсера сама должна была бы отказаться [3]).

ственнаго мнѣнія, а съ другой стороны, находится почти въ полной зависимости отъ общественнаго мнѣнія прошлаго времени».

[1]) *Спенсеръ*. Основанія соціологіи. Спб. 1877, II, 511.

[2]) Ibid., II, 513. Ср. въ «Изученіи соціологіи» того же Спенсера: «въ обществѣ происходитъ только то, что имѣетъ начало въ побужденіяхъ отдѣльнаго лица или въ соединенныхъ однородныхъ побужденіяхъ многихъ лицъ или въ столкновеніяхъ побужденій нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ извѣстные интересы, съ противоположными побужденіями другихъ лицъ, имѣющихъ другіе интересы». Это только одно изъ многихъ на нашъ взглядъ противорѣчій Спенсера.

[3]) Въ О. В. Ф. И. II, 89—90 (124—127; данное мѣсто во второмъ изданіи сокращено), см. разборъ взгляда на исторію другого представителя органической школы, именно *Шэффле*. Онъ самъ находитъ пробѣлъ въ современномъ ученіи о развитіи, состоящій въ игнорированіи «внутренняго, душевнаго, духовнаго начала» въ эволюціи формъ и функцій, самъ видитъ отличіе соціальной эволюціи отъ органической въ томъ, что въ первой роль эволюціоннаго

На органической теоріи общества въ томъ видѣ, какъ она излагается у Спенсера [1]), сказалось вліяніе современнаго естествознанія, въ свою очередь, разсматривающаго самый организмъ, какъ общество [2]), но сама по себѣ органическая теорія гораздо древнѣе, нежели это приложеніе біологической философіи къ соціологіи [3]). Не касаясь здѣсь всей исторіи этого предмета, мы должны, однако, упомянуть о томъ, что въ XIX вѣкѣ ученія, приравнивающія возникновеніе и развитіе общества (или отдѣльныхъ элементовъ культуры, особенно, напр., языка и права) къ генезису и эволюціи естественныхъ организмовъ, явились отчасти, какъ реакція противъ господствовавшаго въ прошломъ столѣтіи воззрѣнія, по которому какъ самое общество, такъ и отдѣльные элементы культуры были искусственно созданы или сознательно изобрѣтены людьми [4]). Этой противоположности теорій о происхожденіи общества соотвѣтствуютъ и два различные взгляда на роль человѣческой личности въ культурно-соціальной исторіи: одинъ изъ нихъ выдвигаетъ на первый планъ органичность всякаго развитія, происходящаго въ обществѣ, а другой, наоборотъ, приписываетъ въ культурной исторіи главное значеніе человѣческому творчеству. Во второмъ отдѣлѣ настоящаго труда, гдѣ рѣчь будетъ идти именно о роли личности въ культурной исторіи, мы разсмотримъ подробно оба эти противоположныя воззрѣнія и по отношенію къ культурѣ вообще, и по отношенію къ ея отдѣльнымъ элементамъ въ частности; здѣсь же отмѣтимъ только то явленіе, что вообще въ XIX вѣкѣ, а въ особенно сильной степени съ возникновенія позитивной соціологіи, усвоившей основы своего ученія изъ естествознанія, господствующее положеніе, несомнѣнно, принадлежитъ теоріямъ, исходящимъ изъ идеи объ органичности всякаго культурно-соціальнаго развитія. Органическія воззрѣнія въ области изученія общественныхъ явленій произвели цѣлый переворотъ въ соотвѣтственныхъ наукахъ, ибо впервые эти воззрѣнія внесли въ послѣднія идею закономѣрности, и даже писатели, примыкающіе къ философской традиціи о сознательномъ изобрѣтеніи и свободномъ творчествѣ общественныхъ формъ, должны бываютъ признать въ обществѣ существованіе органическаго элемента [5]). Но, съ другой стороны, съ органической теоріей случи-

---

фактора играетъ *стремленіе человѣка къ реформѣ* (Reformtrieb), конечно, и составляющее «внутреннее начало» въ развитіи формъ и функцій.

[1]) И у другихъ соціологовъ, какъ, напр., у Шэффле и Лиліенфельда. Ibid., II, 74—76 (106—108).

[2]) Ibid., II, 72 sq. (104 sq.).

[3]) См. особенно *Espinas*. Des sociétés animales. P. 1882, стр. 5—155, гдѣ представлена исторія взглядовъ на общество.

[4]) Ср. противоположеніе механической и органической теоріи общества у г. *Коркунова* въ «Лекціяхъ по общей теоріи права». Спб. 1887. I, 167—168.

[5]) Напр., *Fouillée*. La science sociale contemporaine. Paris. 1880.

лось то, что происходитъ обыкновенно со всякой реакціей: заключая въ себѣ, собственно говоря, довольно вѣрную мысль лишь относительно одной стороны явленія, она захотѣла объяснить съ точки зрѣнія этой идеи все явленіе, цѣликомъ отвергнувъ воззрѣніе, которое должна была бы лишь дополнить, какъ воззрѣніе одностороннее, а не замѣнить вполнѣ, какъ нѣчто не имѣющее уже рѣшительно никакого смысла. Въ результатѣ и получились довольно разнообразныя ученія, основная идея коихъ заключается въ принятіи тезиса о безличной эволюціи культурно-соціальныхъ формъ, какъ о настоящей сущности историческаго процесса. Какъ общее убѣжденіе XVIII в. въ томъ, что культура и соціальныя формы суть продукты сознательнаго человѣческаго изобрѣтенія, представляетъ собою только преувеличеніе,—скажемъ, пожалуй, непомѣрное преувеличеніе,—мысли, въ сущности, однако, совершенно вѣрной, такъ и теоріи, отождествляющія историческій процессъ съ органической эволюціей, равнымъ образомъ придаютъ слишкомъ исключительное значеніе вполнѣ справедливой мысли и тѣмъ создаютъ также сильное преувеличеніе.

Обратимся теперь къ современной исторіософической литературѣ: въ ней мы, однако, можемъ указать и на теорію, совершенно противоположную основной концепціи органическаго направленія вообще, а въ частности и взгляду Спенсера, и кромѣ того до извѣстной степени примыкающую къ философской традиціи XVIII в., притомъ еще на такую вдобавокъ теорію, исходнымъ пунктомъ которой было понятіе индивидуума, личности, а не понятіе соціальнаго аггрегата, общества. Я имѣю въ виду историко-философское воззрѣніе, высказанное въ извѣстныхъ «Историческихъ письмахъ» (1870) Миртова (псевдонимъ П. Л. Лаврова) и повторенное (хотя, какъ увидимъ, и не буквально) въ нѣсколькихъ его соціологическихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ журналахъ семидесятыхъ годовъ. Поставивъ цѣлью историческаго прогресса «развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи», авторъ названной книги придалъ всей своей исторической теоріи чисто индивидуалистическую окраску, дозволившую одному изъ его позднѣйшихъ критиковъ упрекнуть его въ томъ, что онъ изъ чисто личнаго произвола дѣлаетъ даже мѣрило нравственной истины [1]). Вѣра въ силу личной инициативы въ дѣлѣ общественной перестройки роднитъ его исторіософическія воззрѣнія съ господствовавшимъ убѣжденіемъ XVIII вѣка. Поэтому, взглядъ, проводимый въ этой теоріи на роль личности въ исторіи, и представляетъ полную противоположность ученію органической школы. Вотъ почему мы на немъ здѣсь и останавливаемся.

---

[1]) *Н. Г. Дебольскій.* О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Спб. 1886. Стр. 27.

Изъ «Историческихъ писемъ» Лаврова мнѣ придется взять здѣсь лишь очень немногія мѣста, имѣющія прямое отношеніе къ нашему предмету, не касаясь остального содержанія книжки, какъ болѣе или менѣе посторонняго вопросу о роли личности въ исторіи. Книжка именно написана такъ, что даже въ главахъ, по своему названію обѣщающихъ дать матеріалъ, пригодный, чтобы сдѣлаться предметомъ обсужденія въ настоящемъ трудѣ, мы весьма часто не находимъ, однако, ничего такого, надъ чѣмъ могли бы здѣсь остановиться. Напр., «письмо» второе, прямо озаглавленное «Процессъ исторіи», по мысли автора, должно служить отвѣтомъ на вопросъ о томъ, въ чемъ состоятъ особенности исторіи, какъ процесса, какъ явленія въ ряду другихъ явленій [1]), но, на самомъ дѣлѣ, здѣсь говорится гораздо болѣе о реальномъ содержаніи исторіи, нежели о той формѣ, въ какой она совершается, т.-е. нежели о ея механизмѣ, да и самое это содержаніе берется главнымъ образомъ съ субъективной стороны, такъ какъ связывается съ вопросомъ о прогрессѣ, разсматриваемымъ въ слѣдующихъ двухъ «письмахъ». По заглавію своему — именно «Дѣйствіе личностей»—для насъ должно было бы имѣть особый интересъ и «письмо» пятое, но и тутъ предметъ разсматривается съ субъективной стороны (и притомъ по отношенію къ одной культурной исторіи). «Послѣднія два письма мои,—такъ начинаетъ авторъ эту главу,—приводятъ въ концѣ къ одному и тому же результату. Обществу угрожаетъ опасность застоя, *если оно заглушитъ въ себѣ критически-мыслящія личности.* Его цивилизаціи грозитъ гибель, если эта цивилизація, какова бы она ни была, сдѣлается исключительнымъ достояніемъ небольшого меньшинства. *Слѣдовательно, какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ:* безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ» [2]). Если авторъ и говоритъ «объ этихъ личностяхъ, единственныхъ орудіяхъ человѣческаго прогресса» [3]), въ главѣ о «дѣйствіи личностей», то исключительно съ точки зрѣнія того, что, по его мнѣнію, должно быть, а не съ той чисто объективной точки зрѣнія, которая принята нами въ настоящемъ сочиненіи; въ сущности, во всей главѣ доказывается одно положеніе, которымъ она и заключается: «всякій человѣкъ, критически мыслящій и рѣшающійся воплотить свою мысль въ жизнь, можетъ быть дѣятелемъ прогресса» [4]). Съ такой субъективной точки зрѣнія авторъ готовъ, далѣе, признать, что «передъ этими незамѣтными героями человѣчества (именно, просто людьми, «сохранившими человѣческое достоинство»), не совершившими ни одного

---

[1]) *П. Л. Миртовъ.* Историческія письма. Спб. 1870. Стр. 13.
[2]) Ibid., 65. [3]) Ibid., 66, sq. [4]) Ibid., 77.

яркаго дѣла, *по историческому значенію ничтожны величайшіе историческіе двигатели»* [1]). И въ слѣдующемъ «письмѣ» («Культура и мысль») ставится вопросъ о томъ, *какъ обязана поступать* личность, критически мыслящая, сознавъ въ себѣ возможнаго и обязательнаго дѣятеля на пользу прогресса человѣчества, какъ она обязана поступать именно во имя этого самаго сознанія, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ органомъ прогресса [2]). Тутъ есть, впрочемъ, и нѣкоторыя объективныя указанія на сущность историческаго процесса, взятаго съ культурной стороны: «исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіей культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли,— вотъ вся исторія цивилизаціи», говоритъ авторъ [3]). Это уже объективная формула историческаго процесса, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи авторомъ приведенной мысли опять выступаетъ на первый планъ субъективный элементъ: «*въ разумную исторію человѣчества,* продолжаетъ онъ, могутъ войти лишь событія, уясняющія исторію культуры и мысли въ ихъ взаимодѣйствіи... Итакъ, прибавляетъ онъ въ заключеніи, передъ нами опредѣленная задача прогресса: культура *должна быть* переработана мыслью. Передъ нами также опредѣленный, единственный реальный дѣятель прогресса: личность, опредѣляющая свои силы и дѣло ей доступное. Мысль реальна лишь въ личности,—читаемъ мы далѣе. Культура реальна въ общественныхъ формахъ. Слѣдовательно, личность остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ общественными формами» [4]). Послѣднія слова составляютъ переходъ къ «письму» седьмому, трактующему о «личностяхъ и общественныхъ формахъ» опять-таки съ чисто субъективнымъ пониманіемъ поднятыхъ тутъ вопросовъ: «народный духъ,—сказано, напр., здѣсь,—народный духъ въ данную эпоху *есть духъ критически мыслящихъ личностей этой эпохи, понимающихъ исторію народа и желающихъ внести въ его настоящее возможно болѣе истины и справедливости.* Точно такъ же опытъ человѣчества *есть не что иное, какъ пониманіе его исторіи тѣми же критически мыслящими и энергически желающими личностями»* [5]). Но идемъ за авторомъ далѣе. Одинъ въ полѣ не воинъ, и личность, какъ безсильная единица, ничтожна, признаетъ онъ: «тѣмъ не менѣе, по его собственнымъ словамъ, подобныя личности создали исторію, сдѣлавшись силою, двигателями общества. Какъ же онѣ это сдѣлали» [6])? Такимъ разсужденіемъ и такимъ вопросомъ начинается «письмо» восьмое, имѣющее цѣлью изобразить, какъ «растетъ общественная сила, переходя отъ слабой личности сначала въ сочувствіе другихъ личностей, потомъ въ нестройное ихъ содѣйствіе, пока не организуется партія,

---

1) Ibid., 67. 2) Ibid., 78. 3) Ibid., 91. 4) Ibid., 92—93.
5) Ibid., 105. 6) Ibid., 107.

придающая борьбѣ направленіе и единство» [1]). Въ этой главѣ, дѣйствительно, уже объективно описывается процессъ чисто политической борьбы, къ которому, конечно, нельзя свести *весь* историческій процессъ, но который совершенно непонятенъ съ точки зрѣнія теоріи органической эволюціи,—говорится о вліяніи слова, о заразительности примѣра, о дѣйствіи на массу легенды, обыкновенно окружающей «героя», объ организаціи силъ для борьбы и т. п. Этимъ, собственно говоря, и заканчиваются «письма», въ коихъ мы находимъ извѣстное пониманіе роли личности въ исторіи [2]). Больше ничего по интересующему насъ вопросу мы и не могли бы извлечь изъ всей книжки: противоположность взглядовъ Спенсера и автора «Историческихъ писемъ» вполнѣ выясняется изъ всего только-что приведеннаго. Но прежде нежели мы перейдемъ къ вышеупомянутымъ статьямъ, въ которыхъ повторяется основной взглядъ «Историческихъ писемъ», мы еще должны остановиться на одной особенности послѣдняго труда, нами уже отмѣченной.

Авторъ «Историческихъ писемъ» стоитъ, какъ мы видѣли, на субъективной точкѣ зрѣнія: на первомъ планѣ у него вопросъ о томъ, какъ *должна* идти исторія, какъ *должны* вести себя отдѣльныя личности, тогда какъ для насъ особую цѣну имѣло бы изслѣдованіе того, какъ совершается исторія и какую въ ней роль играютъ эти личности. Дѣло, однако, въ томъ, что въ данномъ случаѣ, какъ это весьма часто бываетъ, въ основѣ субъективнаго взгляда лежитъ извѣстный, чисто объективный тезисъ: требовать вообще позволительно лишь того, что считаешь возможнымъ, а за возможное принимается лишь то, что—въ порядкѣ вещей или, по крайней мѣрѣ, ему не противорѣчитъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Спенсеръ требуетъ, чтобы со стороны человѣка не было никакого вмѣшательства въ ходъ соціальной эволюціи, то поступаетъ такъ лишь въ силу своего убѣжденія въ возможности подобнаго невмѣшательства, въ силу убѣжденія, основаннаго на представленіи исторіи, какъ безличнаго процесса. Если, наоборотъ, авторъ «Историческихъ писемъ» предъявляетъ людямъ извѣстныя требованія по отношенію къ ходу исторіи, то, очевидно, дѣлаетъ это лишь потому, что вѣритъ въ возможность такого дѣйствія личностей, которое

---

[1]) Ibid., 119. «Письмо» это озаглавлено: «Растущая общественная сила».

[2]) Самъ авторъ такъ въ началѣ «письма» IX (стр. 121) резюмируетъ свою мысль: «я изложилъ въ послѣднихъ письмахъ мое мнѣніе о томъ, что *весь общественный прогрессъ неизбѣжно зависитъ отъ дѣятельности личностей;* что онѣ лишь могутъ придать цивилизаціи прочность и спасти ее отъ застоя; что онѣ имѣютъ право и возможность относиться критически къ общественнымъ формамъ, въ которыхъ живутъ; что путь борьбы за новое противъ стараго, за растущее противу отживающаго неизбѣжно ведетъ къ группировкѣ партій подъ знаменами разныхъ идей и къ столкновенію ихъ во имя этихъ идей».

направляетъ ходъ исторіи, вѣритъ же онъ въ это въ силу своего основного взгляда, сводящаго историческій процессъ къ дѣятельности личностей. Ради этого, уже чисто объективнаго взгляда, наиболѣе рѣзкимъ образомъ противоположнаго воззрѣнію Спенсера, мы и остановились на «Историческихъ письмахъ», хотя ихъ субъективный характеръ не соотвѣтствуетъ нашей постановкѣ вопроса. Попробуемъ же теперь на основаніи только-что сдѣланныхъ соображеній устранить субъективную сторону всѣхъ приведенныхъ мѣстъ книжки, дабы узнать, въ чемъ на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію ея автора, заключается процессъ исторіи. Было бы излишнимъ настаивать на томъ, что прежде всего онъ видитъ послѣдній въ «дѣйствіи личностей», ибо самое важное въ томъ, какъ понимаетъ онъ вопросъ. Мы не сдѣлаемъ никакой натяжки и не припишемъ автору того, чего онъ и не думалъ, если передадимъ вкратцѣ его основную мысль такимъ образомъ: культурно-соціальныя формы всегда измѣняются подъ вліяніемъ мысли, но мысль реальна только въ личности, которая и остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ этими формами; обыкновенно единичная личность приходитъ къ какой-либо мысли, встрѣчаетъ у другихъ сначала сочувствіе, потомъ и содѣйствіе, которое, наконецъ, получаетъ организацію, необходимую для осуществленія данной мысли; въ дѣйствительности результатомъ побѣды и бываетъ соотвѣтственное этой мысли культурно-соціальное измѣненіе. Мы не будемъ здѣсь говорить, насколько полно выражена въ этой формулѣ роль личности въ историческомъ движеніи; обратимъ лишь вниманіе на то, что въ такомъ оборотѣ мысль автора «Историческихъ писемъ» можетъ быть предметомъ чисто объективнаго обсужденія безотносительно къ тому, имѣетъ ли личная дѣятельность прогрессивное или регрессивное значеніе [1]).

Вотъ эта-то мысль и развивалась въ нѣсколькихъ родственныхъ «Историческимъ письмамъ» статьяхъ, появлявшихся въ нашихъ журналахъ, около времени выхода въ свѣтъ разсмотрѣнной книжки. Если мы приведемъ теперь изъ нихъ довольно значительныя выдержки, то, во-первыхъ, ради того, что історіософическій взглядъ автора «Историческихъ писемъ» представляется здѣсь безъ рѣзко-субъективистической краски, а во-вторыхъ, ради дальнѣйшаго развитія, какое въ этихъ же статьяхъ получаетъ упомянутый взглядъ. Къ сожалѣнію, и тутъ намъ придется имѣть дѣло съ работами, посвященными въ цѣломъ не нашему вопросу, такъ какъ онъ въ нихъ трактуется только между прочимъ. Въ виду этого обстоятельства, намъ нѣтъ, конечно, и никакой надобности излагать содержаніе тѣхъ статей, съ отрывками коихъ придется знакомить читателя.

---

[1]) Ср. *П. М—овъ.* Научныя основы исторіи цивилизаціи. Журн. «Знаніе» за 1872 г., стр. 95—96. Статья тоже принадлежитъ Лаврову.

Начнемъ съ анонимной статьи «Цивилизація и дикія племена», печатавшейся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1869 г. Въ ней прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе имѣющее для насъ важный смыслъ сравненіе человѣческаго общества съ общежитіями животныхъ [1]): и люди, и животныя, какъ высшія, такъ и низшія, въ своей общественной жизни представляютъ много общихъ чертъ и много пунктовъ различія [2]). Къ числу первыхъ авторъ относитъ, главнымъ образомъ, рутинность. «Когда однажды, говоритъ онъ, новое существо является въ жизнь, въ общество опредѣленнаго строя, уже самое существованіе среды, въ которой это существо явилось, предполагаетъ, что есть средства удовлетворить потребностямъ его организаціи, что есть преданіе для ихъ удовлетворенія, что ему могутъ сообщить рутинную технику, назначенную для этой цѣли, и что новое существо найдетъ цѣлую систему привычныхъ потребностей, привычныхъ соображеній, привычныхъ пріемовъ жизни, привычнаго общественнаго строя. Сдѣлавшись органомъ этого строя, это существо будетъ передавать всю эту привычную систему новымъ существамъ, и *ничто не мѣшаетъ подобнымъ процессамъ повторяться неопредѣленно длинное количество времени, переходя отъ одного поколѣнія къ другому*». Это соображеніе, продолжаетъ авторъ, «совершенно одинаково приложимо къ государству насѣкомыхъ, какъ къ бѣдной жизни какого-нибудь племени островитянъ или къ разнообразнымъ явленіямъ жизни государства, имѣющаго сложное законодательство, обширную промышленность, великолѣпное богослуженіе, даже обширную литературу. Всюду здѣсь, по выраженію Вундта, общественный строй даннаго поколѣнія опирается на поколѣнія, жившія до него, и, прибавимъ, опирается *только* на нихъ» [3]). Однимъ словомъ, авторъ признаетъ въ человѣческой цивилизаціи существованіе элементовъ, допускающихъ окоченѣніе: «формы общественной жизни, говоритъ онъ, насколько онѣ получаются по преданію и передаются по привычкѣ, *отличаются отъ строя животной жизни лишь по сложности, а не по существеннымъ признакамъ*. Человѣческій муравейникъ можетъ обладать администраціей, законодательствомъ, промышленностью, искусствомъ, религіей, даже въ извѣстной степени наукою и оставаться не болѣе, какъ человѣческимъ муравейникомъ». Это — черта сходства между человѣческимъ и животнымъ обществами, а вотъ въ чемъ, по автору, состоитъ различіе, опять въ данномъ же отношеніи: «до сихъ поръ

---

[1]) См. §§ 5 (происхожденіе общественной связи у животныхъ), 6 (культура животныхъ), 14 (общественный элементъ безпозвоночныхъ), 16 (общественный элементъ позвоночныхъ). Авторъ статьи также Лавровъ.

[2]) Мы коснулись этого предмета съ точки зрѣнія, близкой къ точкѣ зрѣнія автора, въ О. В. Ф. И. II, 102 sq. (141 sq.).

[3]) Цивилизація и дикія племена, стр. 297.

именно не встрѣчалось въ обществахъ, достигшихъ извѣстной степени развитія, примѣровъ полнаго и окончательнаго застоя». «Какія старанія, говоритъ авторъ, ни употребляли, чтобы упрочить человѣческій муравейникъ того или другого развитія, они не удавались», и причина этого, по его опредѣленію, въ сущности всегда бывала одна и та же, именно «*протестъ личности* во имя новыхъ потребностей, сдѣлавшихся для этой личности столь побудительною силою, что эта сила превозмогла силу привычки и преданія и *заставила личность возстать противу строя, еще не вызывавшаго протеста со стороны другихъ личностей*“ [1]). Такой индивидуальный протестъ, совершенно немыслимый, какъ думаетъ авторъ, у безпозвоночныхъ, появляется впервые въ обществахъ позвоночныхъ животныхъ съ болѣе развитою индивидуальностью [2]).

Въ приведенныхъ мѣстахъ вопросъ о человѣческой исторіи ставится въ связь съ измѣненіями, происходящими въ обществахъ животныхъ. О послѣднихъ (т.-е. о животныхъ общежитіяхъ) существуетъ цѣлая латература [3]), изучающая ихъ, впрочемъ, исключительно въ статическомъ отношеніи: авторъ статьи «Цивилизація и дикія племена» первый, сколько намъ извѣстно, сдѣлалъ сравненіе между человѣческимъ и животнымъ обществами съ динамической точки зрѣнія. Вопреки ходячему мнѣнію, будто въ быту животныхъ не можетъ происходить никакихъ перемѣнъ, онъ признаетъ существованіе исторіи и у животныхъ, но у нихъ-то, по его представленію, она дѣлается сама собою, тогда какъ въ человѣческомъ обществѣ исторія совершается посредствомъ дѣятельности личностей. Въ этомъ онъ и видитъ одно изъ преимуществъ человѣка передъ остальнымъ животнымъ міромъ, хотя первые зародыши названнаго преимущества обнаруживаются среди позвоночныхъ животныхъ. «Отъ ряда млекопитающихъ, бывшихъ до него, т.-е. до человѣка, читаемъ мы еще все въ той же статьѣ,—онъ получилъ въ наслѣдство не только возможность жить въ данныхъ формахъ общества, а еще способность лично приноравливаться къ обстановкѣ, пользоваться лично болѣе или менѣе выгоднымъ положеніемъ, для достиженія себѣ большихъ благъ, для поставленія себя въ выгоднѣйшее положеніе относительно своихъ собратій. Онъ живетъ въ обществѣ подобно муравьямъ и пчеламъ, но онъ готовъ, подобно позвоночнымъ, каждую минуту выйти изъ условій этого общества, если ему это лучше; онъ можетъ уклониться отъ обычая, лицемѣрить и употреблять обычаи не какъ священный законъ, а какъ щитъ для своихъ цѣлей, и, подчиняясь обычаю, онъ можетъ это сдѣлать потому, что онъ лично, какъ особь, вѣритъ въ высокое значеніе обычая, или потому, что онъ сознаетъ свое безсиліе противиться обы-

---

[1]) Ibdi., 299.

[2]) Cf. О. В. Ф. И. II, 107 (147).

[3]) Ibid., II, 102 (141—142), примѣчаніе

чаю. Опять-таки онъ можетъ это сдѣлать, но въ дѣйствительности достигаютъ этого лишь немногіе. Другіе живутъ въ данныхъ формахъ, но не обсуждая этихъ формъ, подобно муравьямъ. *Спасеніе человѣческихъ обществъ отъ застоя*, продолжаетъ авторъ, *заключается именно въ томъ, что въ нихъ есть всегда первые.* Эти дерзкіе критики существующаго, эти лицемѣры, относящіеся съ тайнымъ эгоистическимъ расчетомъ къ священному обычаю, эти львы, идущіе за другими не потому, что и тѣ идутъ, а потому, что имъ лично видна цѣль въ этомъ направленіи—*это люди мысли*, *работники прогресса, или реакціи, но*, *во всякомъ случаѣ*, *враги закона.* Они мѣшаютъ своимъ присутствіемъ другимъ останавливаться навсегда на той или другой ступени общественнаго развитія и хранятъ ихъ традицію позвоночныхъ животныхъ среди общества, готоваго опуститься на ступень безпозвоночныхъ» [1]). Итакъ, вотъ гдѣ ищетъ авторъ *primum movens* исторіи, и мысль эта какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тому представленію о личныхъ притязаніяхъ въ общественномъ организмѣ, коимъ самъ Спенсеръ ограничиваетъ вѣрность своей аналогіи. Съ своей стороны во II томѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* мы проводили ту мысль, что между сложнымъ организмомъ и человѣческимъ обществомъ можно установить цѣлый рядъ соединеній живыхъ существъ, въ коемъ замѣчаются, съ одной стороны, ослабленіе физической связи и возрастаніе связи психической, а съ другой, ослабленіе цѣльности съ возрастаніемъ самостоятельности частей [2]): если наша формула вѣрна,—а въ этомъ мы, конечно, не сомнѣваемся,—то и она можетъ служить объясненіемъ невозможности для человѣческаго общества развиваться такимъ путемъ, какой ему предписываетъ Спенсеръ.

Въ той же статьѣ, въ которой исторія, какъ измѣненіе культурно-соціальныхъ формъ, сводится къ личному протесту противъ соціальной необходимости, мы отмѣтимъ еще одно мѣсто, стоящее въ тѣсной связи съ главнымъ нашимъ вопросомъ. Дѣло идетъ, такъ сказать, о классификаціи личностей по степени ихъ самостоятельности въ ихъ отношеніяхъ къ культурно-соціальнымъ формамъ. Авторъ беретъ именно современное европейское общество и въ немъ обращается прежде всего къ меньшинству, поставленному въ наивыгоднѣйшее положеніе, такъ какъ оно пользуется всѣми благами того, что мы называемъ нашею цивилизаціей, и ему открыты всѣ дороги жизни. «Легко замѣтить, говоритъ онъ, что личности этого меньшинства распадаются на три весьма различныя группы по своей общественной дѣятельности. *Собственно дѣятельными*, продолжаетъ онъ, *можно*

---

[1]) Цивилизація и дикія племена, стр. 307.

[2]) О. В. Ф. И., II, 106 (146).

назвать очень немногихъ. Это люди, выработавшіе себѣ болѣе или менѣе основательный, болѣе или менѣе широкій взглядъ на задачи теоретическія и практическія, встрѣчающіяся въ обществѣ. Взглядъ этотъ они вынесли изъ фактовъ знанія и изъ событій жизни, а если и получили отъ другихъ, то усвоили его во всѣхъ его частностяхъ; они вносятъ этотъ взглядъ въ свои дѣйствія, пріобрѣтаютъ ему приверженцевъ или подчиняютъ ему другихъ, какъ орудія. Измѣняя свой взглядъ на теоретическіе и практическіе вопросы, они точно также распространяютъ свою новую точку зрѣнія на другихъ и вовлекаютъ этихъ другихъ въ стремленіе, вызванное ихъ мыслью. *Ихъ разнообразныя стремленія и разнообразные процессы мысли, лежащіе въ основѣ этихъ стремленій, составляютъ, въ сущности, всю движущую силу современнаго цивилизованнаго меньшинства.* Близко къ нимъ, читаемъ мы далѣе, стоитъ другая, уже болѣе многочисленная группа, безъ которой первые ничего бы не сдѣлали. Эти люди находятся въ подобной же обстановкѣ, какъ и первые, даже иногда въ гораздо выгоднѣйшей, но живутъ мыслію первой группы. *Они повторяютъ слова двигателей общества, дѣйствуютъ по ихъ указанію, усвоиваютъ ихъ привычки и составляютъ ихъ самую прочную поддержку.* Даже въ нѣкоторой степени они усваиваютъ себѣ мысль общественныхъ дѣятелей, особенно въ ея практическомъ значеніи защиты существующихъ порядковъ или нападенія на эти порядки. Но эти люди сами не были бы способны придать обществу жизнь и движеніе, точно также какъ дикая коза не вздумаетъ укрыться отъ непогоды на скотный дворъ, куда бѣжитъ ея одомашненная родня. *Это участники въ цивилизаціи современнаго европейскаго меньшинства, но ужъ никакъ не дѣятели.* Наконецъ, заключаетъ авторъ, самое большее число личностей въ этомъ меньшинствѣ принадлежитъ третьей группѣ. Эта послѣдняя пользуется не менѣе другихъ, а пожалуй и болѣе, всѣми ощутимыми выгодами современной общественной жизни, но не участвуетъ вовсе мыслію въ современномъ движеніи. *Она лишь присутствуетъ при европейской цивилизаціи.* Люди этой группы потому лишь принадлежатъ къ цивилизованному обществу, что родились въ немъ, родились при условіяхъ, поставившихъ ихъ рядомъ съ двигателями и участниками цивилизаціи. *Они получили по наслѣдству нѣкоторыя формы жизни и привычки и сохранятъ ихъ, подобно тому, какъ австраліецъ до конца жизни сохранитъ обычай и привычки семьи, въ которой родился, какъ муравей сохранитъ тотъ или другой строй унаслѣдованнаго имъ муравейника»* [1]).

Тѣ же идеи были повторены въ статьѣ г. П. М—ова «Введеніе въ исторію мысли», печатавшейся въ журналѣ «Знаніе» за 1873 годъ [2]).

[1]) Цивилизація и дикія племена, стр. 292—293.

[2]) Ср. въ этой статьѣ стр. 34—41. Это также статья Лаврова.

Кромѣ того, въ этой статьѣ авторъ касается вопроса и въ болѣе общей формѣ. Посвящая отдѣльный параграфъ «матеріалу исторіи мысли», онъ между прочимъ говоритъ и о біографическомъ элементѣ въ исторіи мысли, а это приводитъ его къ небольшому разсужденію «и вообще о той роли, которую слѣдуетъ придать личностямъ въ общемъ историческомъ развитии человѣчества» [1]). Обходя вопросъ о томъ, въ чемъ можетъ заключаться научное значеніе монографической обработки біографій вліятельныхъ личностей, мы приведемъ здѣсь только тѣ слова автора, которыя прямо касаются спорнаго, какъ самъ онъ выражается, вопроса. «Роль личностей въ исторіи человѣчества, говоритъ онъ именно, — оцѣнивалась весьма различно. Если въ младенчествѣ исторіи этой роли придавали слишкомъ большое значеніе, то впослѣдствіи, прямо наоборотъ, *стали слишкомъ отрицать личный элементъ въ исторіи.* Вмѣсто преобразователей, создателей государствъ, создателей законовъ, создателей культуры, въ исторіи воцарился безличный законъ событій, неизбѣжная сила идей, двигающая массы. Личностямъ отмежевано лишь скромное мѣсто глашатаевъ того, что развилось внутри общества, болѣе или менѣе полныхъ представителей жизни идей. Но при всякомъ подобномъ противоположеніи двухъ принциповъ, почти неизмѣнно повторяется законъ Гегеля: умъ человѣческій, схвативъ одну сторону предмета, непосредственно вѣрную, замѣчаетъ ея неполноту, разрушаетъ ее, противополагая ей то начало, которое въ ней не было взято въ разсмотрѣніе, и затѣмъ переходитъ къ болѣе полному воззрѣнію, гдѣ удержана вся непосредственная вѣрность перваго начала, но дополненная усвоеннымъ противоположеніемъ. Воспринятое отдѣльное явленіе сдѣлалось явленіемъ понятнымъ въ его отдѣльности, именно потому, что оно временно разсматривалось, какъ эфемерная случайность закона, въ которомъ исчезла всякая отдѣльность явленій. Съ личнымъ элементомъ исторіи, продолжаетъ авторъ, повторяется то же самое. Безспорно, что *реальны въ исторіи лишь личности;* лишь онѣ желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, совершаютъ исторію. Это—первобытное воспріятіе, само собою бросающееся въ глаза, и потому самому первое доступное хроникеру, писателю мемуаровъ, точно также какъ оно первое доступно изъ исторіи ребенку. Біографическій элементъ въ преподаваніи исторіи есть могущественнѣйшее орудіе педагога, точно также какъ сильнѣйшее побужденіе для хроникера перейти отъ безсмысленной записи событій къ ихъ оживленію. Но едва-ли не столь же очевидно для мыслящаго историка, что, начиная съ мелкихъ и доходя до важныхъ человѣческихъ мыслей и дѣйствій, *все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ.* Неизбѣжные

[1]) Ibid., 92.

законы физики, химіи, физіологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія данныя, преемство расы, культурныя привычки общества, его окружающаго, преданія и вѣрованія, передаваемыя ему съ дѣтства, составляютъ неотвратимую обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обусловливающую всякое его физическое и нравственное движеніе. Наконецъ, вѣчная борьба теоретическихъ и практическихъ міросозерцаній, кипящая въ обществѣ, вѣчное столкновеніе экономическихъ интересовъ бросаетъ развивающагося человѣка въ рядъ той или другой партіи, возбуждаетъ въ немъ самостоятельную личность, опредѣляетъ размѣръ его знаній, твердость его убѣжденій, энергію его характера, округляетъ его міросозерцаніе и обособляетъ его жизнь въ жизни его современниковъ. *Наука исторіи начинается лишь съ усвоенія этого подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни.* Историкъ, для котораго оно не вошло въ плоть и кровь, можетъ быть весьма интереснымъ разсказчикомъ, весьма полезнымъ критикомъ отдѣльныхъ фактовъ, сочиненій, памятниковъ; но онъ столь же мало заслуживаетъ названіе ученаго критика, какъ туристъ, описывающій иногда весьма мѣтко природу страны, но не знающій законовъ физики и физіологіи, мало заслуживаетъ названіе ученаго ботаника, зоолога, климатолога. Неизмѣнность закона въ разнообразіи явленій, неизбѣжность факта, какъ слѣдствія предшествующихъ причинъ, слѣдовательно, исчезаніе самостоятельности причинъ и слѣдствій, это—первое слово науки во всѣхъ ея сферахъ, въ исторіи, какъ въ химіи» [1]).

Становясь на такую точку зрѣнія, авторъ «Введенія въ исторію мысли», въ концѣ-концовъ, возвращается, однако, къ тому общему своему положенію, что «историческія событія *сами собою* не происходятъ. Что бы, говоритъ онъ, ни писали о духѣ времени, о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но, въ концѣ-концовъ, *все-таки, дѣлаютъ исторію личности, духъ времени составляется изъ настроенія мысли личностей; потокъ событій, увлекающій одних, образуется другими опять-таки личностями.* Отсюда, продолжаетъ авторъ,—отсюда біографическій элементъ, совершенно неизбѣжно проникающій во всеобщую исторію и образующій ея реальную основу, такъ что исторія народовъ, исторія государствъ, исторія культуры, исторія мысли, исторія науки представляютъ лишь *идеальныя обобщенія событій, принадлежащихъ съ реальной точки зрѣнія къ области разныхъ біографій* [2]). Авторъ совершенно справедливо считаетъ «соединеніе въ надлежащей мѣрѣ обоихъ элементовъ исторіи», которые онъ называетъ «идеально-обобщающимъ» и «реально-біографическимъ»,—одною изъ труднѣйшихъ задачъ для историка, желающаго

---

[1]) Ibid., 93—94. [2]) Ibid., 95.

понять какую-либо эпоху въ жизни человѣчества, въ истинномъ ея значеніи и возсоздать ее во всей ея жизненности. «Понять эпоху, говоритъ онъ, можно лишь тогда, когда подъ картиною ея жизни мы угадываемъ безсознательные процессы, служащіе основаніемъ этой картинѣ... [1]). Возсоздать жизнь, возсоздать реальную мысль эпохи можно лишь при пособіи біографическаго элемента» [2]).

Аналогичныя мысли мы могли бы привести и изъ другихъ журнальныхъ статей тѣхъ же годовъ, когда печатались «Цивилизація и дикія племена» и «Введеніе въ исторію мысли» [3]). Если «Историческія письма» стоятъ на односторонней точкѣ зрѣнія XVIII в., столь противоположной одностороннему же безличному эволюціонизму, который проявляется въ разныхъ научныхъ направленіяхъ нашего столѣтія, то въ упомянутыхъ статьяхъ сдѣлана попытка синтеза этихъ противоположностей съ удачною, на нашъ взглядъ, ссылкою на законъ Гегеля. Не разбирая здѣсь въ подробности приведенныя нами мѣста, такъ какъ рѣчь въ нихъ идетъ все-таки не о прагматической исторіи, занимающей насъ въ этой части нашего труда, а о исторіи культурной, о которой намъ придется говорить еще подробно въ своемъ мѣстѣ, мы можемъ удовольствоваться пока общимъ принятіемъ мысли о дѣйствіи личностей въ историческомъ движеніи въ той ея формѣ, которую она получаетъ уже подъ вліяніемъ противоположнаго воззрѣнія. Задачею оканчиваемой нами главы было представить противоположность между теоріями безличной эволюціи и личнаго дѣйствія въ исторіи: пока достаточно намѣтить возможность синтеза между ними, получающагося путемъ внесенія нѣкоторой, хотя и весьма важной поправки въ первоначальное воззрѣніе на сущность историческаго процесса. На теоріи безличной эволюціи мы именно смотримъ, какъ на эту поправку: сами по себѣ, какъ окончательное рѣшеніе вопроса о сущности историческаго процесса, онѣ не выдерживаютъ критики. Исторія въ послѣднемъ анализѣ заключается въ дѣятельности людей: безличная эволюція сама по себѣ, т.-е. внѣ этой дѣятельности, есть одна изъ научныхъ фикцій [4]). Въ слѣдующей главѣ намъ предстоитъ остановиться на двухъ противоположныхъ воззрѣніяхъ, одинаково признающихъ, что исторію совершаютъ личности: весь вопросъ тутъ лишь въ томъ, суть ли эти личности, производящія движеніе исторіи,— отдѣльныя единицы, т.-е. «герои», или же это — народныя массы, «толпа».

---

[1]) Ibid., 96. [2]) Ibid., 97.

[3]) Ср. *П. М—овъ.* Научныя основы исторіи цивилизаціи, 95—96.

[4]) Во второмъ томѣ О. В. Ф. И., стр. 174—175 (260—261) нами были приведены нѣкоторыя слова *Лотце* (Микрокозмъ), заключающія въ себѣ критику органическаго взгляда на исторію. Страницы, на которыхъ онъ трактуетъ о роли личности въ исторіи, принадлежатъ къ лучшимъ въ книгѣ, и намъ придется еще на нихъ ссылаться.

ГЛАВА IV.

„Герои“ и „толпа“ въ исторіи.

Нѣчто о постановкѣ вопроса.—«Психологія великихъ людей» А. Жоли.—Великій человѣкъ, геній и вдохновеніе.—Великій человѣкъ и среда.—Общія замѣчанія объ идеяхъ Жоли.—«Научная критика» Геннекена.—Художникъ и его поклонники.—Историческая теорія Геннекена и общія о ней замѣчанія.—Независимость личности отъ среды по Геннекену.—«Исторія и историки» Л. Бурдо.—Его постановка вопроса о «знаменитостяхъ» въ исторіи.—Критика теоріи великихъ людей.—Пренебреженіе къ прагматической сторонѣ исторіи.—Смѣшеніе «многихъ» и «всѣхъ».—Вредъ и безполезность великихъ людей.—Разсужденіе Бурдо о «знаменитостяхъ» въ моральной жизни, политикѣ и религіи.—Разборъ аргументаціи Бурдо.—Еще одно замѣчаніе по поводу постановки вопроса объ индивидуальномъ и коллективномъ дѣйствіи въ исторіи.—«Герои и толпа» Михайловскаго.—Опредѣленіе «героя» и «толпы» и цѣли изслѣдованія.—Взглядъ автора на споръ о великихъ людяхъ.—Заразительность примѣра.—Психическія эпидеміи и массовыя движенія.—Процессъ психической заразы.—Объясненіе Михайловскаго.—Замѣчанія на его теорію.—Собственныя его къ ней дополненія по поводу теорій Гальтона (стадные и рабскіе инстинкты), Ромбоссона (сила подражанія) и Ломброзо (массовыя движенія и великіе люди).—Заключительное замѣчаніе о «Герояхъ и толпѣ» Михайловскаго.

Выше мы уже говорили о томъ, какъ возникъ вопросъ о герояхъ и толпѣ въ исторіи. Постановку этого вопроса я нашелъ не совсѣмъ вѣрною [1]). Объясню теперь вкратцѣ, въ чемъ дѣло. Начать съ того, что нельзя провести строгой границы между «героями» и толпою, такъ какъ «всѣ—люди, всѣ—человѣки», и среди нихъ существуетъ цѣлая градація, такъ что едва-ли возможно указать на такую черту, которая отдѣляла бы людей, способныхъ быть только «героями», отъ людей, годныхъ лишь для образованія толпы. Во-вторыхъ, истинно великій человѣкъ часто остается безъ достаточнаго количества послѣдователей, которые позволили бы ему играть въ исторіи соотвѣтствующую ему роль, тогда какъ, наоборотъ, масса нерѣдко устре-

[1]) См. выше, стр. 17—18.

мляется за героями весьма сомнительнаго качества, т.-е. за людьми, попадающими въ историческіе дѣятели совершенно случайно, въ силу какихъ-нибудь чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, а не по присущимъ имъ высокимъ качествамъ ума или характера. Наконецъ, историческая жизнь до такой степени разнообразна, что мы въ ней найдемъ явленія, такъ сказать, и болѣе индивидуальнаго, и болѣе массоваго характера, и оба воззрѣнія на исторію получатъ одинаковую возможность оправдать себя ссылками на факты. Одно вѣрно: это—то, что между отдѣльными людьми происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, въ коемъ особый случай представляетъ собою совокупное дѣйствіе одного и многихъ, при чемъ иногда вся сила заключается, повидимому, въ качествахъ единичной личности, увлекающей за собою массу иногда—въ настроеніи массы, готовой увлекаться отдѣльной единицей совершенно случайно. Въ первомъ отношеніи можно поставить наукѣ задачу психологіи великаго человѣка, уже намѣченной, хотя болѣе поэтически, чѣмъ научно, у Карлейля [1]), или, говоря общѣе, психологіи индивидуальныхъ особенностей (типа, темперамента, характера, таланта, генія), создающихъ «героевъ», вторымъ же отношеніемъ ставится задача психологіи толпы, тѣхъ массовыхъ движеній, производимыхъ «роевою силою», которыя такъ прекрасно изображаетъ Толстой, хотя и отказывается дать этимъ явленіямъ какое бы то ни было подобіе теоретическаго объясненія. Эти двѣ точки зрѣнія должны не исключать одна другую, какъ исключаютъ другъ друга воззрѣнія Карлейля и Толстого, а служить дополненіемъ одна другой. Въ этомъ смыслѣ мы и займемся въ настоящей главѣ взглядами, высказывавшимися въ литературѣ какъ по отношенію къ психологіи великаго человѣка, увлекающаго за собою массу, такъ и по отношенію къ психологіи толпы, создающей себѣ героя.

Къ сожалѣнію, обѣ эти психологіи относятся къ числу наименѣе изслѣдованныхъ областей нашего знанія о духовной сторонѣ человѣка. Несмотря на существованіе нѣсколькихъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ индивидуальныя психическія особенности, талантъ, геніальность и т. п. [2]), мы можемъ, собственно говоря, назвать только одну книгу, которая прямо посвящена «психологіи великихъ людей»,

---

[1]) См. выше стр. 28.

[2]) См., напр., *Бэнъ.* Объ изученіи характера. Спб. 1866.—*Th. Weschniakoff.* Ébauche d'une théorie des travaux scientifiques. Moscou. 1860. Recherches sur les conditions anthropologiques de la production scientifique et esthétique. St.-Pétersbourg. 1865. Introduction aux recherches sur l'économie des travaux scientifiques et ésthetiques. Paris. 1870. Contribution à une histoire générale et encyclopédique des sciences considérée au point de vue anthropologique. Moscou. 1872.—*Гальтонъ.* Наслѣдственность таланта.—*Henle.* Von den Temperamenten (въ Anthropologische Vorträge. Braunschweig. 1876).—*James.* Les grands hommes, les grandes pensées et le milieu. (Critique philosophique). 1881 и мн. др.

разсматривая, въ то же время, и ихъ историческое значеніе: я имѣю въ виду здѣсь сочиненіе Анри Жоли, такъ и озаглавленное—«Психологія великихъ людей» [1]). Къ сожалѣнію, попытка, сдѣланная авторомъ этой книги, далеко не относится къ числу удачныхъ какъ по постановкѣ вопроса, такъ и по способу его рѣшенія. Мы остановимся, однако, на главныхъ идеяхъ Жоли, такъ какъ многимъ изъ нихъ нельзя отказать ни въ вѣрности, ни въ интересѣ для нашей специальной темы.

«Великій человѣкъ, говоритъ Жоли,—вотъ сложная дѣйствительность, конкретное существованіе, которому мы болѣе всего удивляемся въ исторіи. Что же такое для насъ великій человѣкъ? Несомнѣнно, *это—тотъ, кто превосходитъ громадное большинство насъ величіемъ своихъ мыслей, своихъ чувствъ, своихъ дѣйствій;* это—тотъ, кто прославился или системами, заключающими болѣе истины, или произведеніями искусства, заключающими болѣе красоты, или дѣйствіями, свидѣтельствующими о большей мощи или проявляющими болѣе вліянія, *нежели могъ бы всего этого произвести не только средній человѣкъ, но и то, что обыкновенно называютъ умомъ, талантомъ, доблестью.* Самая выдающаяся черта этихъ необыкновенныхъ существъ, читаемъ мы далѣе,—это та самая способность, которую обозначаютъ, какъ *геній*, т.-е. даръ творчества (le don de créer). Но творить, въ томъ чисто относительномъ смыслѣ, какой позволительно дать здѣсь этому слову, *значитъ создавать нѣчто такое, чего раньше не могли найти соединенныя усилія другихъ людей*, значитъ передавать въ распоряженіе человѣчества что-либо новое или въ средствахъ выраженія мыслей, или въ способахъ изслѣдованія и изобрѣтенія, или въ образахъ дѣйствія, прибавляющее нѣчто къ общему разумѣнію, къ общей силѣ всѣхъ. Однако, продолжаетъ Жоли, великій человѣкъ не во всѣхъ вещахъ и не во всякое время великъ; его геній проявляется не во всемъ, что онъ дѣлаетъ... Только нѣкоторыя изъ его мыслей носятъ на себѣ печать генія. Но тогда контрастъ между обыденною жизнью и этими исключительными моментами такъ великъ, что почти во всѣ времена видѣли здѣсь проявленія таинственной, сверхъестественной, во всякомъ случаѣ особой силы, не поддающейся анализу, въ одно и то же время чуждой правиламъ логики и ихъ превосходящей. Нѣкоторые называютъ ее интуиціей (intuition), но большинство—вдохновеніемъ. Эти слова были облечены тѣмъ же священнымъ и таинственнымъ мракомъ, коимъ охотно окружаютъ слова—творить, твореніе, творчество... Какъ бы тамъ ни было, здѣсь есть фактъ, объяснимый или нѣтъ, котораго нельзя отрицать. Названіе *вдохновеніе* прилагалось и теперь слишкомъ часто прилагается ко всякаго рода

---

[1]) *Henri Joly*. Psychologie des grands hommes. Paris. 1883.

идеямъ, произведеніямъ, открытіямъ; оно занимаетъ слишкомъ важное мѣсто въ самомъ языкѣ ученой критики для того, чтобы изученіе великихъ людей могло имъ пренебречь. Примемъ же, что вдохновеніе есть обыкновенный признакъ мыслей генія, какъ геній есть удѣлъ великихъ людей. Эти три термина несомнѣнно не могутъ быть отдѣляемы одинъ отъ другого» [1]). Въ своей книгѣ авторъ и изучаетъ три указанныя явленія, начиная «великимъ человѣкомъ» и кончая «вдохновеніемъ». Онъ становится при этомъ, однако, на такую точку зрѣнія, что большая часть его разсужденій имѣетъ мало значенія собственно для рѣшенія задачи, занимающей насъ въ настоящемъ изслѣдованіи: великій человѣкъ изучается въ книгѣ Жоли почти исключительно въ самомъ себѣ, тогда какъ насъ онъ интересуетъ въ своемъ дѣйствіи на другихъ людей, въ своемъ отношеніи къ историческому движенію [2]). Поэтому мы извлечемъ изъ «Психологіи великихъ людей» лишь то сравнительно немногое, что нами въ ней было найдено болѣе или менѣе подходящаго къ нашей темѣ.

Если въ такомъ неполномъ изложеніи идей Жоли мы станемъ, однако, придерживаться порядка, въ какомъ онѣ слѣдуютъ однѣ за другими въ самой книгѣ, то на первомъ мѣстѣ мы съ совершеннымъ правомъ поставимъ сдѣланное имъ указаніе на относительность (un sens tout relatif) самого понятія—великій человѣкъ. «Что нужно, спросятъ, чтобы человѣка можно было назвать великимъ? *Нужно только, чтобы онъ былъ выше* (s'élève plus haut) *тѣхъ людей, среди которыхъ онъ живетъ*. Въ такомъ случаѣ тотъ, кто сумѣлъ когда-то обработать кремень или положилъ основу какому ни на есть счету, быть можетъ, не менѣе умножилъ средства дѣйствія, самыя способности своихъ современниковъ, нежели тотъ, кто позднѣе довелъ до интегральнаго счисленія усвоенныя имъ математическія знанія. Но какая другая мѣрка можетъ у насъ быть для оцѣнки значенія (la grandeur) людей, какъ не та чисто эмпирическая мѣрка, которая насъ заставляетъ ставить ихъ, такъ сказать, рядомъ и среди тѣхъ людей, съ коими они жили, среди той же природы, тѣхъ же традицій, той же общественной обстановки» [3]). Съ этой точки зрѣнія, «нѣтъ націи, нѣтъ эпохи, нѣтъ цивилизаціи, которая не была бы способна про-

---

[1]) Ibid., 5—8.

[2]) Въ первой главѣ (la préparation par la race) рѣшается главнымъ образомъ вопросъ: во всякой ли расѣ возможно появленіе великаго человѣка? Вторая глава (la préparation par l'hérédité dans la famille) занята примѣненіемъ законовъ наслѣдственности къ великому человѣку. Третья глава (le grand homme et le milieu contemporain) имѣетъ уже нѣсколько больше отношенія къ нашей темѣ. Наконецъ, глава четвертая имѣетъ чисто психологическое содержаніе (le génie et l'inspiration).

[3]) Ibid., 13.

извести великаго человѣка» [1]). Сказаннымъ, однако, не исключается возможность и необходимость сравнивать то или другое историческое лицо не только съ его современниками, но и съ тѣмъ, что самаго лучшаго, самаго значительнаго дали другіе народы и племена [2]), т.-е. измѣряя величіе человѣка, судить одновременно какъ о немъ, такъ и объ его средѣ. «Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ Жоли, не служитъ ли для народа признакомъ цивилизаціи или, когда хотите, рождающагося величія, то, что въ немъ является возможность для нѣкоторыхъ возвыситься надъ другими? Это важная сторона вопроса. Намъ нѣтъ необходимости напоминать здѣсь все, что извѣстно о первобытныхъ племенахъ, члены коихъ, замкнутые и стѣсненные, какъ муравьи, ведутъ сообща однообразную жизнь подъ руководствомъ преданій, обычаевъ, суевѣрій, оспаривать которыя никто и не думалъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ» [3]).

Общій тезисъ, къ какому приводитъ Жоли это разсужденіе,— тотъ, что по мѣрѣ развитія цивилизаціи все болѣе и болѣе открывается возможность для отдѣльныхъ личностей выдвигаться изъ общей массы, для каждой изъ нихъ, конечно, въ отношеніи, наиболѣе соотвѣтствующемъ ея способностямъ, и вообще, разумѣется, въ направленіяхъ, допускаемыхъ даннымъ состояніемъ общества [4]). Въ этомъ смыслѣ Жоли говоритъ о *подготовкѣ* великаго человѣка средой; значеніе же великаго человѣка въ связи съ этою подготовкою онъ понимаетъ такимъ образомъ. Великія вещи, говоря его собственными словами, не дѣлаются ни тогда, когда общество продолжаетъ довольно долгое время пользоваться системой, нѣкогда славной, ни тогда, когда наудачу ищутъ первыя очертанія новой системы, ясное опредѣленіе которой еще не дается. Что нужно, дабы въ области литературы и политики произвести возрожденіе или, вѣрнѣе, вызвать появленіе чего-нибудь дѣйствительно новаго и великаго? Сначала будутъ мелькать, какъ сны, тамъ и сямъ неясныя и туманныя идеи; потомъ станутъ, какъ неожиданности, возникать попытки, которыя осуждаются, какъ преждевременныя; но мало-по-малу эти движенія начнутъ все болѣе между собою сближаться и находить поддержку; эти облака, разбросанныя отъ одного края неба до другого, соберутся и скучатся: *тотъ, кто имъ дастъ опредѣленную связь, форму, направленіе, и будетъ жданнымъ великимъ человѣкомъ*" [5]). Изъ окружающей среды, продолжаетъ нашъ авторъ, «великій человѣкъ получаетъ массу впечатлѣній, которыя онъ дѣлаетъ болѣе ясными, претворяетъ въ выпуклыя и яркія представленія, массу слабыхъ порывовъ (vélleités), которые онъ именно при помощи этихъ образовъ усиливаетъ до степени твердыхъ и послѣдовательныхъ хотѣній, наконецъ, массу стремленій, но безпорядоч-

---

[1]) Ibid., 15. [2]) Ibid., 17. [3]) Ibid., 19. [4]) Ibid., 24 sq. [5]) Ibid., 36—37.

ныхъ, несогласованныхъ, быстро пропадающихъ или ненадлежащимъ образомъ направленныхъ, которыя онъ соединяетъ, организуетъ, дабы заставить ихъ сообща выполнять великій планъ... Именно такимъ образомъ, поясняетъ авторъ, рапсоды находятъ своего Гомера, комментаторы Аристотеля получаютъ своего св. Θому, обожатели античныхъ обломковъ, страстные искатели разбитыхъ торсовъ — своего Рафаэля и своего Микель-Анджело, составители и защитники наказовъ 1789 г.—своего Мирабо, а генералы революціи—своего Бонапарта» [1]). Съ этимъ мѣстомъ, въ которомъ Жоли излагаетъ свой общій взглядъ на значеніе дѣятельности великихъ людей въ историческомъ движеніи, слѣдуетъ сопоставить другое, гдѣ задается вопросъ не менѣе интересный вопроса о подготовкѣ: мы назвали бы его вопросомъ о *содѣйствіи*. Насилуетъ ли великій человѣкъ обстоятельства? спрашиваетъ именно Жоли. «Имѣетъ ли онъ въ этомъ надобность и могъ ли бы онъ это сдѣлать? *Великій человѣкъ управляетъ своимъ временемъ* (dirige son époque), *онъ имъ руководитъ и надъ нимъ господствуетъ*,— это несомнѣнно. Но насилуетъ ли онъ свое время, взятое въ цѣломъ, заставляетъ ли онъ его, противъ собственнаго его желанія, возвратиться на верхъ той покатости, по которой оно спустилось? Ни одинъ историкъ этому не повѣритъ. Часто геній появляется въ минуту кризиса, и онъ ускориваетъ разрѣшеніе послѣдняго, притомъ болѣе благополучнымъ и блестящимъ образомъ, нежели можно было надѣяться. Часто онъ находитъ у современниковъ два противоборствующія теченія, двѣ враждебныя силы, держащія одна другую въ равновѣсіи или своей борьбой приводящія въ безпокойство, раздирающія, разстраивающія отечество; *онъ присоединяется къ одной изъ двухъ партій, становится въ ея главѣ, дисциплинируетъ ее и ведетъ ее къ побѣдѣ:* вотъ въ двухъ-трехъ словахъ исторія всѣхъ извѣстныхъ великихъ людей. Ни одинъ изъ нихъ, сколько мы знаемъ, не одерживалъ побѣды (n'a triomphé) одинъ; ни одинъ не имѣлъ противъ себя большинство своихъ согражданъ или, по крайней мѣрѣ, самую просвѣщенную либо самую энергичную часть тѣхъ людей, которые могли бы оказать ему помощь или серьезное сопротивленіе... Не сдѣлалось ли общимъ мѣстомъ то, что революція, посредствомъ коей Цезарь нанесъ смертельный ударъ республикѣ, имѣла великое множество сообщниковъ въ арміи, въ провинціяхъ, въ энтузіазмѣ его солдатъ и въ слабости его противниковъ? Развѣ неизвѣстно, на какое количество страстей и интересовъ опирался Кромвель?... И историки далеко не упускаютъ изъ виду этого могущественнаго содѣйствія (cette aide puissante), какое великій человѣкъ умѣетъ найти въ своей средѣ... Намъ нужно даже защищаться

[1]) Ibib., 37—38. Ces faits, des milliers d'individus les voient et les subissent: un seul les explique, si c'est un savant; les exprime, si c'est un artiste; les dirige, si c'est un homme d'état, un politique ou un guerrier, 168—169.

отъ крайняго анализа, который, преувеличивая значеніе второстепенныхъ фактовъ, пожалуй, въ концѣ-концовъ насъ убѣдилъ бы, что не Конде одержалъ побѣду при Рокруа, ни Вилляръ при — Денэнѣ, ни Наполеонъ—при Маренго, Эйлау, Экмюлѣ и Ваграмѣ. Великіе писатели, заключаетъ Жюли это разсужденіе,—великіе художники не могутъ быть названы болѣе одинокими, болѣе лишенными поощреній и помощи. Результаты литературной критики на этотъ счетъ столь же рѣшительны, какъ и результаты историческаго изслѣдованія» [1]). Черезъ нѣсколько страницъ авторъ возвращается къ этому, какъ онъ выражается, «постоянному сотрудничеству, соединяющему усилія великаго человѣка съ усиліями его современниковъ» [2]). Видя «признакъ истиннаго генія» въ двойномъ умѣніи «распознавать стремленія своихъ современниковъ, дабы давать имъ удовлетвореніе,—и соединять усилія съ ихъ усиліями, дабы ихъ дисциплинировать и вести къ какой-либо желанной побѣдѣ» [3]), онъ отмѣчаетъ еще то явленіе, что одинъ «*геній бываетъ достаточно силенъ, чтобы обезпечить за собой содѣйствіе выдающихся умовъ и менѣе универсальныхъ геніевъ своей эпохи*».— «Взглянемъ сначала на людей дѣйствія, говоритъ онъ. Ихъ дѣло всегда сложно, и исполненіе ихъ великаго предпріятія бываетъ возможно только при содѣйствіи извѣстнаго числа помощниковъ и подручниковъ, вполнѣ преданныхъ дѣлу. Фактъ столь хорошо установленъ, что его не мало разъ обращали противъ славы многихъ знаменитыхъ людей» [4]). Общее мнѣніе, однако, продолжаетъ «утверждать, что для привлеченія къ себѣ наиболѣе выдающихся людей эпохи нужно быть болѣе великимъ, нежели каждый изъ нихъ» [5]). Жоли идетъ еще далѣе, замѣчая, что многіе выдающіеся помощники и подручники великаго человѣка имъ же самимъ бываютъ и образованы (formés). «Конечно, поясняетъ онъ свою мысль, онъ не создалъ ихъ ума и ихъ сердца, но *онъ для нихъ приготовилъ средства дѣйствія и назначилъ для нихъ достойную ихъ роль въ драмѣ, которую онъ задумалъ и которую выполняетъ*... Но почему же, ставится дальше вопросъ, подручники великаго человѣка съ такимъ энтузіазмомъ и съ такою преданностью служатъ его славѣ? Онъ ихъ убѣдилъ, что съ нимъ они лучше воспользуются его талантами, чѣмъ безъ него, что они не такъ хорошо сдѣлаютъ собственное дѣло, оставаясь независимыми, какъ въ средѣ, которую онъ для нихъ открываетъ. Вотъ и вся тайна его власти» (ascendant), прибавляетъ авторъ [6]). «Геній, однако, продолжаетъ онъ, не ограничивается тѣмъ, что образовываетъ, надѣляетъ средствами дѣйствія и увлекаетъ за собой своихъ сотрудниковъ. Онъ ихъ защищаетъ отъ нихъ же самихъ, удерживаетъ ихъ отъ увлеченій и па-

---

[1]) Ibid., 110—113. [2]) Ibid., 114. [3]) Ibid., 154. [4]) Ibid., 155.
[5]) Ibid., 156. [6]) Ibid., 157.

деній, что само собою разумѣется, но особенно *онъ устанавливаетъ между ними согласіе, необходимое въ общемъ дѣлѣ*» [1]). Это положеніе иллюстрируется нѣсколькими примѣрами изъ французской исторіи, а изъ нихъ въ свою очередь выводится слѣдующее заключеніе: «таково единство, которое великій человѣкъ умѣетъ придавать усиліямъ, имъ получаемымъ; таково это вліяніе, столь могущественное и благодѣтельное, что иногда лица, его испытывающія, находятъ въ немъ средства, позволяющія имъ самимъ подняться на высоту генія и славы» [2]). Эти разсужденія Жоли примѣняетъ и къ людямъ мысли [3]).

Таково все существенное, что мы можемъ извлечь изъ «Психологіи великихъ людей». Во взглядахъ Жоли прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе та рѣзкая граница, которую онъ проводитъ между великимъ человѣкомъ и обыкновенными смертными. Этому, однако, противорѣчитъ указываемая самимъ авторомъ относительность понятія—великій человѣкъ, не позволяющая, какъ намъ думается, такъ рѣзко выдѣлять великаго человѣка изъ окружающей среды тѣмъ болѣе, что почти никогда не бываетъ такого «героя», у котораго не было бы своего рода соперниковъ въ томъ же обществѣ. Считая необходимымъ анализировать самое явленіе, называемое великимъ человѣкомъ (впрочемъ, главнымъ образомъ для его изученія въ немъ самомъ), Жоли вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти беретъ это явленіе и въ его отношеніи къ окружающей средѣ [4]). Во-первыхъ, заслуживаетъ вниманія мысль автора о томъ, что называется у него подготовкою великаго человѣка, которую совершаетъ среда, порождающая послѣдняго: этимъ устраняется представленіе «героя», являющагося какъ deus ex machina безъ всякаго отношенія къ средѣ, въ коей ему приходится дѣйствовать, — вспомнимъ «объясненіе» Карлейля. Во-вторыхъ, онъ разсматриваетъ то, что мы, съ своей стороны, назвали бы содѣйствіемъ, оказываемымъ великому человѣку окружающими его лицами: если забвеніе упомянутой подготовки приводило часто къ преувеличеннымъ представленіямъ о роли великихъ людей въ исторіи, то, наоборотъ, мысль о только-что указанномъ содѣйствіи весьма часто ложилась въ основу тезиса о ничтожности великихъ людей. Къ сожалѣнію, разсужденія автора на обѣ эти темы слишкомъ общи и поверхностны, и онъ едва даже коснулся интереснаго вопроса о причинахъ того содѣйствія, которое встрѣчаетъ великій человѣкъ въ окружающей его средѣ. Существенный недостатокъ всей теоріи Жоли въ ея примѣненіи къ исторіи — тотъ, что онъ, какъ мы видѣли, слишкомъ рѣзко выдѣляетъ les grands hommes изъ окружающей его среды и даже изъ числа «выдающихся умовъ и менѣе универсальныхъ геніевъ» эпохи,

---

[1]) Ibid., 158. [2]) Ibid., 159. [3]) Ibid., 160.

[4]) Здѣсь, между прочимъ, отмѣтимъ сходство нѣкоторыхъ идей Жоли съ тѣми, которыя мы встрѣтили у автора «Цивилизаціи и дикихъ племенъ».

и что у него на каждую эпоху какъ бы полагается не болѣе *одного* дѣйствительно великаго человѣка: на самомъ дѣлѣ, повторяемъ, въ обществѣ существуетъ извѣстная градація человѣческихъ способностей, такъ что рядомъ съ бросающимся въ глаза «творческимъ даромъ» наиболѣе одаренныхъ единицъ всегда дѣйствуетъ и минимальная инціатива болѣе обыкновенныхъ смертныхъ, весьма часто суммирующаяся, однако, въ очень крупные факты, а съ другой стороны, великій человѣкъ въ смыслѣ всякой значительно выдающейся надъ массою единицы никогда не бываетъ въ полномъ одиночествѣ, какъ этого требуетъ строгое противоположеніе «героя и толпы».

На этомъ мы и покончимъ съ книгою Жоли, чтобы перейти къ другому новому сочиненію, касающемуся того же предмета, именно къ небольшой работѣ Эмиля Геннекена о «Научной критикѣ» [1]), въ которой есть не только нѣсколько интересныхъ страницъ по занимающему насъ вопросу, но даже цѣлый параграфъ, представляющій изъ себя набросокъ цѣлой теоріи исторіи. И здѣсь для насъ имѣетъ значеніе сначала только одна часть всего труда [2]), та, въ которой авторъ разсматриваетъ «художника» (l'artiste) въ связи съ «поклонниками (admirateurs) его твореній», исходя изъ положенія, что *поклонники писателя обладаютъ такою же, какъ и онъ самъ, «совокупностью способностей», аналогичною съ нимъ душою* [3]). Тотъ или другой романъ, говоритъ онъ, наприм., «будетъ нравиться не въ силу выражаемой въ немъ объективной истины, а пропорціонально количеству людей, для которыхъ онъ будетъ въ себѣ воплощать ихъ субъективную истину, заключать ихъ идеи, не противорѣчить ихъ воображенію» [4]). Или, указывая еще на малое число лицъ, способныхъ восторгаться возвышенной лирикой, онъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что для пониманія подобныхъ произведеній нужно такое же особое благородство души, какое необходимо для ихъ созиданія [5]). Однимъ словомъ, по мнѣнію Геннекена, «*поклонники какого-либо произведенія искусства должны обладать психической организаціей, аналогичною организаціи его творца*, и разъ мы узнаемъ душу послѣдняго, посредствомъ анализа, будетъ вполнѣ законнымъ дѣломъ приписать поклонникамъ этого автора способности, недостатки, излишества (les excès), всѣ выдающіяся особенности умственнаго склада, который будетъ признанъ у него самого» [6]). Каждому писателю Геннекенъ приписываетъ только бо̀льшую напряженность способностей, отличающихъ его поклонниковъ. «Творческая способность, говоритъ

---

[1]) *Hennequin*. La critique scientifique. Paris, 1888.

[2]) Сюда относятся два параграфа: 1) «Pratique de l'analyse sociologique; faits particuliers» и 2) «Pratique de l'analyse sociologique; faits généraux» (стр. 128—162).

[3]) Ibid., 128, 129. [4]) Ibid., 135. [5]) Ibid., 138. [6]) Ibid., 139.

онъ, есть просто способность, достаточно сильная для того, чтобы вызывать желаніе и совершеніе проявленій (manifestations); отъ чисто воспринимательной способности того же порядка она отличается только большей интенсивностью» [1]). Доказывая внутреннее сходство писателя и его поклонниковъ, Геннекенъ идетъ и далѣе. «Соціальную среду», въ зависимость отъ которой ставитъ посателей, напр., Тэнъ, онъ разлагаетъ на отдѣльныя среды, представляющія собою цѣлыя совокупности поклонниковъ одного и того же писателя [2]): il y a autant de milieux que d'artistes, говоритъ онъ. Мало того: по его словамъ, всѣ эти отдѣльныя среды не создаютъ художниковъ, такъ какъ сами не имѣютъ бытія до появленія послѣднихъ, но именно ими-то, наоборотъ, и создаются: «писатель отдѣляетъ отъ безформенной массы публики и привлекаетъ къ себѣ какъ бы магнетической силой цѣлую толпу людей. Толпа эта его окружаетъ, потому что онъ является ея выразителемъ (il l'exprime); она существуетъ, потому что онъ появился; *средоточіе силы находится въ художникѣ, а не въ массѣ, или вѣрнѣе — оно въ отвлеченномъ характерѣ сходства, которое можетъ существовать между художникомъ и его современниками*» [3]). Геній, впрочемъ, влечетъ къ себѣ однихъ, другихъ отъ себя, напротивъ, отталкиваетъ. «Души, находящія въ его произведеніи свою душу, ему поклоняются, около него группируются и отдѣляются отъ людей, имѣющихъ совсѣмъ отличную душу. Если привлеченная кучка внушительна и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи, произведеніе писателя получаетъ высокое общественное значеніе, пріобрѣтаемое имъ только въ этотъ моментъ, часто медлящее къ нему придти или быстро преходящее» [4]).

За этими соображеніями Геннекенъ и видитъ цѣлую, какъ самъ онъ выражается, «общую теорію исторіи», теорію «героя и массы», которой онъ и посвящаетъ упомянутый небольшой параграфъ своей книжки, составляющій другую часть всего труда, которая должна насъ интересовать [5]): изложенный взглядъ авторъ распространяетъ на «всю исторію», на исторію «политическую, религіозную и военную», полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что его теорія даже можетъ быть названа новою, какъ нѣчто среднее между теоріями, бывшими въ ходу въ нашемъ столѣтіи [6]). «Лѣтописцы и историки, говоритъ онъ, до начала нынѣшняго вѣка, судя о фактахъ, какъ они представляются съ пер-

---

[1]) Ibid., 140—141. Въ другомъ мѣстѣ Геннекенъ говоритъ: Il existe une analogie extrême entre les facultés d'un auteur et la moyenne de celles de la classe dans laquelle il est populaire, 147.

[2]) Ibid., 155 sq. [3]) Ibid., 156—158. [4]) Ibid., 161—162.

[5]) Подъ заглавіемъ: «Théorie générale de l'histoire; l'artiste, le héros, la masse», стр. 185—200.

[6]) Ibid., 187.

ваго взгляда, и объясняя ихъ съ поверхностной, но относительно вѣрной точки зрѣнія, сосредоточивали весь интересъ и заслугу каждаго предпріятія въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ короляхъ, министрахъ, полководцахъ, имена коихъ были съ нимъ связаны. Пытаясь улучшить и обновить эти взгляды и подъ вліяніемъ либеральной реакціи, коему подчинялись выдающіеся умы первой половины нашего вѣка, историки пришли къ противоположному и болѣе ложному воззрѣнію», т.-е., поясняетъ авторъ, отняли главную заслугу у великихъ людей, чтобы перенести ее на толпы, которыя часто дѣйствовали по принужденію и всегда были невѣжественны (forcées souvent, ignorantes toujours) [1]. «Трудно было бы, продолжаетъ онъ, найти другое *болѣе ложное, а вмѣстѣ съ тѣмъ столь легко принимаемое воззрѣніе, какъ то, которое отдѣляетъ одно отъ другого оба элемента, производящіе каждое историческое событіе, вождей (les chefs) и массу, и даетъ перевѣсъ второму надъ первымъ*» [2]. По теоріи Геннекена, возможность совершенія великаго дѣла обусловливается психическимъ сродствомъ (la similitude des âmes) вождя и массы, и это же сродство указываетъ на распредѣленіе заслугъ [3]: вождь задумываетъ (conçoit), но безсиленъ исполнить, масса, наоборотъ, исполняетъ то, что не могла бы сама вообразить (imaginer). «Слава художника и побѣда героя суть аналогичныя явленія и расчленяются на два факта: *одинъ—индивидуація, реализующая и воздвигающая въ массѣ типъ; другой—подражаніе, присоединеніе, одобреніе, удивленіе, пріобщающее (qui agrège) къ этому типу всѣ низшія его подобія*; послѣднія присоединяются къ художнику или герою подъ вліяніемъ дѣйствія первичной и всеобщей силы притяженія, соединяющаго всѣхъ между собою сходныхъ и сосредоточивающаго ихъ вокругъ наиболѣе сходнаго (autour du plus semblable)... Художникъ и герой (люди, обладающіе, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, *особымъ душевнымъ складомъ и, вѣроятно, особымъ устройствомъ мозга)* суть въ одно и то же время *и причины, и типы вызываемаго ими движенія; они его вызываютъ, даютъ ему характеръ и направленіе* (le qualifient et l'orientent); создаетъ его толпа; толпа и художникъ, толпа и герой его образуютъ, потому что взаимно въ немъ участвуютъ» [4]. Одно отъ другого неотдѣлимо: «отдѣлять силу отъ ея направленія, волю отъ представленія ея цѣли, животную разновидность отъ ея первообраза—вотъ что значило бы различать армію отъ ея генерала, массу послѣдователей отъ предпріятія того, кто его задумалъ, народъ отъ его вождей, классъ отъ его энергичныхъ членовъ. Въ каждомъ изъ этихъ соединеній оба элемента важны, оба безусловно необходимы для совершенія; они неразрывно соединены въ силу узъ, идущихъ отъ перваго ко второму и образую-

[1]) Ibid., 187—188. [2]) Ibid., 189. [3]) Ibid., 191. [4]) Ibid., 193—194.

щихъ самую энергію этого соединенія, раздѣльные элементы котораго остались бы безсильными, и въ которомъ *только одинъ первый элементъ имѣетъ существованіе самобытное (une existence autonome), но бездѣятельное»* [1]).

Иниціатива и подражаніе — таковы два фактора историческаго движенія, по Геннекену, при чемъ главнымъ изъ этихъ факторомъ является у него все-таки первый. «Всякое человѣческое отношеніе, говоритъ онъ, особливо каждое совокупное дѣйствіе (toute coopération) есть внушеніе (une suggestion). Слава, власть, богатство, успѣхъ, въ концѣ-концовъ пріобрѣтаются только посредствомъ возбужденія въ чужихъ душахъ образовъ, ассоціацій мыслей и чувствъ, которые, замѣщая или усиливая собственное умственное состояніе этихъ порабощенныхъ существъ, даютъ ихъ волѣ, ихъ мускуламъ, чувственной сторонѣ ихъ бытія импульсы, полезные ихъ господину. Будетъ ли эта подстановка одного лица на мѣсто другого (cette substitution d'une personne à une autre) производиться властно, посредствомъ страха наказаній, лишеній, или будетъ она совершаться путемъ любви, инстинктивнаго пожертвованія собою въ пользу другого, паче себя предпочитаемаго существа, или же наконецъ, что дѣйствительнѣе всего, будетъ происходить потому, что герой либо художникъ представляетъ собою не иное что, какъ народъ, имъ къ себѣ привлекаемый, болѣе совершенный его первообразъ, и проникаетъ въ него въ силу своего съ нимъ тождества,—внушеніе, проникновеніе человѣка въ человѣка въ одинаковой степени реально. *Душа великаго человѣка такова, что можетъ привести въ движеніе милліонъ рукъ, какъ свои собственныя; душа великаго художника такова, что можетъ трепетать въ милліонѣ индивидуальныхъ чувствованій и создавать радость и горе цѣлаго народа.* Исторія націи, литературы есть исторія величественныхъ сообщеній жизненныхъ волнъ, взятыхъ и описанныхъ въ ихъ источникѣ, въ душѣ, откуда онѣ извергаются, измѣренныхъ въ ихъ теченіи, въ тѣхъ душахъ, гдѣ онѣ дѣйствуютъ, раскрывая своимъ распространеніемъ и числомъ, сколько въ народѣ людей, существъ, имѣющихъ собственное бытіе или бытіе въ другихъ» [2]).

Ради этого наброска общей теоріи исторіи, отводящей столь важное мѣсто въ общественной жизни отдѣльнымъ лицамъ, «героямъ», и даже какъ бы допускающей существованіе особой психологіи великихъ людей [3]), мы и обратились здѣсь къ книжкѣ Геннекена, которая, собственно говоря, имѣетъ главною задачею выработать принципы «научной» критики литературныхъ произведеній. Авторъ въ изложен-

[1]) Ibid., 197. [2]) Ibid., 198—200.

[3]) Ср. выше мѣсто объ «особомъ душевномъ складѣ и, вѣроятно, особомъ устройствѣ мозга», которыми обладаютъ герои, хотя въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ только о большей интенсивности способностей героя.

номъ параграфѣ распространяетъ на всю исторію свой взглядъ относительно художника и его поклонниковъ: единица притягиваетъ къ себѣ родственные ей въ психическомъ отношеніи элементы общества, и, вмѣстѣ взятые, они составляютъ неразрывное соединеніе, всегда являющееся въ исторіи въ качествѣ особой движущей силы, но такъ, что единицѣ принадлежитъ инициатива, группѣ родственныхъ ей элементовъ—подражаніе, и, такимъ образомъ, главнымъ членомъ этого соединенія является «герой», конечно, именно въ силу того, что ему принадлежитъ инициатива. Мы еще не разъ будемъ имѣть случай говорить о важномъ значеніи подражанія въ самомъ механизмѣ историческаго процесса и даже о «внушеніи», на которое также ссылается Геннекенъ, какъ на факторъ, участвующій въ этомъ процессѣ; здѣсь отмѣтимъ только, что авторъ «Научной критики» гораздо ближе, нежели Жоли, подходитъ къ настоящей постановкѣ вопроса о причинахъ содѣйствія, встрѣчаемаго великимъ человѣкомъ въ окружающей его средѣ. Въ представленіи Геннекена герой является центромъ, притягивающимъ къ себѣ извѣстную группу людей въ силу ихъ внутренняго психическаго съ нимъ родства,—случай, дѣйствительно бывающій въ жизни, хотя этимъ не исключается, какъ скоро увидимъ, другой случай, когда движеніе идетъ не отъ центра къ периферіи, а наоборотъ. Становясь на такую точку зрѣнія, онъ весьма естественно оправдываетъ «поверхностное, но относительно вѣрное», какъ самъ онъ выражается, воззрѣніе прежнихъ историковъ, сосредоточивавшихъ весь интересъ и заслугу каждаго предпріятія въ отдѣльныхъ личностяхъ, имена коихъ были съ нимъ предпріятіемъ этимъ связаны; аргументація Геннекена напоминаетъ то, что было нами приведено выше изъ «Введенія въ исторію мысли», съ тѣмъ лишь различіемъ, что автору послѣдняго пришлось стать на защиту личности противъ теоріи безличной эволюціи, а Геннекенъ отстаиваетъ права отдѣльныхъ единицъ противъ воззрѣнія, приписывающаго все въ исторіи толпамъ.

Мы не можемъ оставить «теорію исторіи», изложенную въ «Научной критикѣ», не коснувшись того, какъ авторъ этой книжки смотритъ еще на зависимость «героя» отъ среды. Въ настоящее время ни одна теорія, выдвигающая (подобно тому, какъ это дѣлаетъ Геннекенъ) на первый планъ отдѣльную личность какъ primum movens исторіи, какъ главный элементъ людскихъ соединеній, создающихъ событія, — ни одна такая теорія, говорю я, не можетъ въ настоящее время считаться вполнѣ законченною, если не касается и вопроса о зависимости отдѣльной личности отъ окружающей среды. Тѣмъ менѣе можетъ въ настоящее время расчитывать на признаніе историческая теорія, прямо отрицающая такую зависимость. Между тѣмъ, «Научная критика» какъ разъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи,—новое

доказательство того, съ какою легкостью авторы, трактующіе о роли личности въ исторіи, впадаютъ въ ту или другую односторонность. Какъ изъ того, что великій человѣкъ находитъ въ окружающей его средѣ извѣстную подготовку своего дѣла и извѣстное содѣйствіе своему предпріятію, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ былъ совершенное ничто или, выражаясь словами Толстого, только ярлыкъ событія, такъ оригинальность, отмѣчающая великаго человѣка, не исключаетъ его зависимости въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи отъ окружающей его среды. Геннекенъ относительно этого вопроса высказывается въ упомянутомъ уже отрицательномъ смыслѣ, разбирая извѣстную теорію Тэна (въ началѣ «Исторіи англійской литературы») о зависимости писателя отъ расы, соціальной среды и историческаго момента [1]).

Многія замѣчанія Геннекена совершенно вѣрны, особенно, когда онъ отстаиваетъ фактъ самобытности писателей отъ воззрѣнія, черезчуръ въ концѣ-концовъ подчиняющаго личность нивеллирующему вліянію среды [2]), но онъ дѣлаетъ слишкомъ смѣлый выводъ, утверждая, что «невозможно установить прямую связь (un rapport direct) между обществомъ и художниками, его украшающими, разсматривая послѣднихъ, какъ зависящихъ отъ перваго, или представляя себѣ общество и художниковъ, какъ зависящихъ отъ общихъ причинъ» [3]). Онъ даже перевертываетъ тезисъ зависимости писателя отъ среды, его образующей, въ тезисъ объ образованіи каждымъ писателемъ своей собственной среды. Художнику, «герою» Геннекенъ приписываетъ поэтому, какъ мы видѣли, une existence autonome [4]). Въ какомъ смыслѣ (конечно, чисто относительномъ) еще можно принять это съ нѣкоторыми оговорками, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ современной литературѣ Жоли и Геннекенъ являются защитниками исторіософической идеи, наиболѣе рѣзкую форму которой мы видѣли у Карлейля. Едва-ли мы ошибемся, однако, если скажемъ, что въ настоящее время защита этой идеи имѣетъ значеніе скорѣе исключенія, чѣмъ общаго правила, особенно если не считать отсталыхъ взглядовъ, выражающихъ einen schon überlebenen Standpunkt. Едва-ли также по этой именно причинѣ есть необходимость въ усиленной, такъ сказать, критикѣ воззрѣнія, давно пережитаго исторической литературой: теперешніе историки (я говорю о тѣхъ, которые идутъ наравнѣ съ вѣкомъ) менѣе всего повинны въ преувеличеніи

---

[1]) Этотъ разборъ у *Hennequin*'а занимаетъ стр. 93—128.

[2]) Ibid., 106 sqq. Тутъ очень много важныхъ мыслей, которыя будутъ разсмотрѣны нами въ своемъ мѣстѣ.

[3]) Ibid., 122—123. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 128) читаемъ: un artiste ne dépend pas essentiellement de son milieu, de sa race, de son pays.

[4]) Ibid., 197.

роли великихъ людей въ исторіи, и если ужъ критиковать этихъ историковъ по данному предмету, то скорѣе, пожалуй, они заслужили бы упрекъ въ томъ, что, наоборотъ, не всегда съ достаточнымъ вниманіемъ выдѣляютъ и оттѣняютъ индивидуальные элементы историческихъ событій и движеній. Между тѣмъ въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи Луи Бурдо подъ заглавіемъ «Исторія и историки» [1]), заключающемъ въ себѣ длинный рядъ обвиненій противъ историковъ, программу цѣлой реформы исторической науки, есть особая большая глава, называющаяся—«дѣятели исторіи» [2]) и прямо касающаяся главнаго вопроса, который насъ теперь интересуетъ, и въ ней-то историки обвиняются какъ разъ въ чрезмѣрномъ поклоненіи великимъ людямъ. Авторъ разсматриваетъ здѣсь «относительное значеніе знаменитыхъ и безвѣстныхъ людей» (la valeur respective des hommes célébres et des inconnus), при чемъ посвящаетъ особые параграфы «знаменитостямъ» въ полезныхъ искусствахъ, въ художествахъ, въ наукѣ, въ моральной жизни, въ политикѣ и религіи. Разумѣется, мы должны разобрать здѣсь аргументацію Бурдо, тѣмъ болѣе, что въ ней мы найдемъ повтореніе именно многихъ взглядовъ, высказывающихся о роли великихъ людей въ современной литературѣ. Во второй части настоящаго тома, гдѣ мы будемъ разсматривать значеніе личности въ исторической эволюціи тѣхъ элементовъ культуры, о которыхъ говоритъ Бурдо, намъ придется не разъ обращаться къ его книгѣ; тутъ же мы познакомимся лишь съ общимъ его взглядомъ на предметъ и съ тѣми отдѣльными мѣстами, въ коихъ идетъ рѣчь о роли «знаменитостей» въ прагматической исторіи. Подъ «знаменитостями», какъ всякій догадается, Бурдо разумѣетъ то же самое, что другіе обозначаютъ словами: «великій человѣкъ», «герой» и т. п. Возставая противъ того, что историки, по его мнѣнію, слишкомъ внимательно занимаются «знаменитостями» и слишкомъ много имъ приписываютъ значенія, авторъ высказываетъ не мало вѣрныхъ мыслей, дѣлаетъ не мало справедливыхъ замѣчаній, коими, конечно, не слѣдуетъ пренебрегать при обсужденіи предмета, но въ общей постановкѣ вопроса господствуетъ нѣкоторое недоразумѣніе, подрывающее все разсужденіе автора объ этомъ предметѣ, взятое въ цѣломъ. Бурдо приходитъ къ тому общему выводу, что въ будущемъ *исторія должна сдѣлаться безличной и общей* (l'histoire est tenue désormais de se faire impersonnelle et générale): пусть, прибавляетъ онъ, исторія государей останется королямъ, а мы будемъ изучать исторію человѣчества [3]). Здѣсь именно очевиднѣйшимъ образомъ смѣшаны двѣ вещи: изъ того, что нужно

---

[1]) *Louis Bourdeau.* L'Histoire et les historiens. Paris. 1888.

[2]) L. I, chap. II. Agents de l'histoire. Глава эта занимаетъ около ста страницъ (13—109).

[3]) Ibid., 109.

интересоваться исторіей человѣчества, а не однихъ королей и «знаменитостей» вообще, отнюдь еще не слѣдуетъ, будто и тѣ, и другія совсѣмъ не играютъ роли особенно важныхъ дѣятелей исторіи. Авторъ прямо даже говоритъ, что историческая наука изъ аристократической, какою она была до сей поры, должна сдѣлаться демократической, сообразно-де съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ политической жизни [1]); демократизацію же исторіи онъ видитъ не въ одномъ обращеніи особаго вниманія на судьбу народныхъ массъ, но и въ томъ, чтобы, совершенно развѣнчавъ «знаменитости», на мѣсто ихъ, какъ главныхъ дѣятелей исторіи, поставить безвѣстныхъ смертныхъ. Невольно вспоминаешь при этомъ приведенныя выше слова Геннекена о «либеральной реакціи», подчиняясь коей, по его мнѣнію, «выдающіеся умы первой половины нашего вѣка» и стали переносить на толпы то, что прежніе историки приписывали отдѣльнымъ личностямъ. Бурдо, дѣйствительно, такимъ аргументомъ, заимствованнымъ изъ области практической политики и только тамъ имѣющимъ свое значеніе, пользуется для подкрѣпленія чисто теоретическаго положенія, долженствующаго заключать въ себѣ въ сущности отвѣтъ на научный, отвлеченный вопросъ о томъ, кѣмъ совершается движеніе исторіи. Разумѣется, что здѣсь этому аргументу нѣтъ мѣста. Съ другой стороны, авторъ ошибается, утверждая, будто рѣшеніе вопроса о великихъ людяхъ и толпѣ, какъ дѣятеляхъ исторіи, содержитъ въ себѣ и рѣшеніе вопроса о томъ, на чемъ же должно сосредоточиться вниманіе историковъ [2]). Предположимъ, что въ исторіи я интересуюсь исключительно судьбами народныхъ массъ и движеніями, въ ней происходящими,—развѣ въ то же время я не могу думать, что эти судьбы устрояются главнымъ образомъ все-таки дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, и что народныя движенія и вызываются, и направляются все-таки нѣсколькими «героями»? Одно другому, безъ сомнѣнія, не противорѣчитъ.

«Исторія человѣческаго рода, говоритъ Бурдо въ началѣ разбираемой нами главы, — должна быть, насколько возможно, исторіей всѣхъ человѣческихъ существъ». Между тѣмъ историки «довольствуются изученіемъ только нѣкоторыхъ» [3]), ошибаясь въ распредѣленіи ролей между немногими «знаменитостями» и толпою безвѣстныхъ и безыменныхъ людей [4]). Принимая часто извѣстность (la renommée) за признакъ истиннаго величія [5]), они вообще придаютъ великимъ людямъ чрезмѣрное, превосходящее ихъ заслуги значеніе. «Начинаютъ

---

[1]) Ibid., та же страница.

[2]) Suivant que l'on décidera dans l'un ou dans l'autre sens, le point de vue général de l'histoire sera diamétralement changé, puisque dans le premier cas *l'attention devra se concentrer sur une élite de héros et dans le second se disperser sur les masses*. Ibid., 30.

[3]) Ibid., 13. [4]) Ibid., 19. [5]) Ibid., 19 sq.

даже вѣрить, что весь прогрессъ есть дѣло ихъ рукъ, и что инертная масса живетъ ихъ благодѣяніями, за которыя платитъ имъ прославленіемъ. Это, прибавляетъ Бурдо, — страшнѣйшее заблужденіе. *Противоположный взглядъ ближе къ истинѣ. Первая роль принадлежитъ всѣмъ и въ сравненіи съ общимъ дѣломъ личное дѣло героевъ имѣетъ побочное и второстепенное значеніе* (est accessoire et subalterne). *Прогрессъ объясняется лучше совокупностью множества анонимныхъ дѣятельностей, чѣмъ вмѣшательствомъ нѣсколькихъ геніевъ, совершающихъ откровенія*». Вотъ основная точка зрѣнія Бурдо. Находя вообще, что въ идеальной концепціи великихъ людей «больше вымысла, чѣмъ правды», онъ довольно резонно замѣчаетъ, что «различіе между геніемъ и посредственностью не качественное, а количественное» и что «крайности не такъ далеко одна отъ другой отстоятъ, какъ это предполагаютъ [1]): родъ человѣческій состоитъ не изъ гигантовъ и пигмеевъ» [2]),—замѣчаетъ, повторяю, резонно, если имѣть въ виду преувеличенія, противъ которыхъ авторъ главнымъ образомъ иногда только и ратуетъ. Но, къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ удаляется отъ истины, когда начинаетъ, наоборотъ, уже донельзя умалять значеніе великихъ людей. Величіе «героевъ», по его словамъ, бываетъ результатомъ прогрессивной идеализаціи по мѣрѣ удаленія отъ нихъ: великіе люди много теряютъ при взглядѣ на нихъ вблизи [3]), и въ сущности *они оказываются только «людьми, которыхъ считаютъ великими»*. Настолько же, насколько въ послѣднемъ случаѣ геній, и дѣло «героевъ» не имѣетъ тѣхъ безпредѣльныхъ размѣровъ, которые принимаетъ оно подъ перомъ историковъ. Человѣкъ, предоставленный однѣмъ собственнымъ силамъ, не совершитъ крупныхъ дѣяній. Если *кажется*, что онъ ихъ совершилъ, то потому, что много народа ему помогало. У великихъ людей никогда не бываетъ недостатка въ помощникахъ (auxiliaires): всѣ на нихъ работаютъ [4]). Не задаваясь здѣсь вопросомъ, почему же такъ бываетъ, что люди считаютъ ихъ великими и имъ охотно помогаютъ, Бурдо еще разъ нападаетъ на историковъ за то, что они «*присуждаютъ одному славу, которую заслужили всѣ*», дѣлая изъ «результата общихъ усилій личную заслугу единицы» [5]). Онъ называетъ простымъ признакомъ невѣжества—олицетвореніе въ великихъ людяхъ могущества разума. Послѣдній принадлежитъ всему человѣческому роду [6]). Опять возставая противъ преувеличеній только, Бурдо и здѣсь совершенно вѣрно разсуждаетъ, что «великіе люди принимаютъ участіе въ работѣ прогресса, а не одни его дѣлаютъ» [7]), и, опять же увлекаясь своимъ тезисомъ, онъ

[1]) Ibid., 22. [2]) Ibid., 23. [3]) Ibid., 24. [4]) Ibid., 25. [5]) Ibid., 26.

[6]) Ibid., 27. La raison n'est entière que chez tous les hommes—этими словами Бурдо начинаетъ главу, стр. 13.

[7]) Ibid., 28.

не хочетъ, съ другой стороны, признать за этимъ участіемъ самостоятельной роли: по его словамъ, «*толпа, которую представляютъ себѣ управляемою ими, толкаетъ ихъ и увлекаетъ непреодолимымъ стремленіемъ. Геній получаетъ отъ нея свое призваніе и свое порученіе*». Отсюда «главною личностью въ исторіи, героемъ, достойнѣйшимъ предпочтительно передъ другими прославленія», Бурдо и называетъ «толпу безвѣстныхъ людей» [1]). Далѣе въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ параграфовъ слѣдуетъ развитіе этой мысли и примѣненіе ея къ разнымъ сторонамъ исторической жизни.

Бурдо имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, культурную исторію, принципіально пренебрегая прагматической [2]). Поэтому всѣ его примѣры заимствованы, главнымъ образомъ, изъ исторіи техническихъ изобрѣтеній, художественнаго и литературнаго творчества, научныхъ открытій, но, касаясь «знаменитостей» въ моральной жизни, равно какъ въ политикѣ и религіи, онъ не можетъ обойти совершеннымъ молчаніемъ и того, что составляетъ прагматическую сторону исторіи. Въ параграфахъ объ искусствахъ, художествѣ и наукѣ Бурдо умаляетъ значеніе отдѣльныхъ изобрѣтателей, художниковъ и литераторовъ, а также ученыхъ въ развитіи той или другой изъ названныхъ культурныхъ областей, чтобы поставить на видъ коллективную работу цѣлой толпы болѣе незначительныхъ спеціалистовъ каждаго дѣла, хотя напрасно иногда эти все-таки малочисленныя въ сравненіи съ народными массами группы изобрѣтателей, художниковъ, литераторовъ и ученыхъ выступаютъ у него какъ бы въ роли *всѣхъ* [3]). «Великій, истинный поэтъ, говоритъ онъ, напр., это—въ концѣ-концовъ публика. Авторы суть только инструментъ, отражающій звукъ» [4]). Двѣ вещи различныя—противополагать одному крупному дѣятелю въ извѣстной сферѣ (напр., поэту) множество болѣе незначительныхъ дѣятелей въ той же сферѣ или всѣхъ такихъ дѣятелей, вмѣстѣ взятыхъ, тому,

---

[1]) Ibid., 29.

[2]) Въ особой главѣ (l. I, chap. III, стр. 110—146), подъ названіемъ «Faits de l'histoire», онъ раздѣляетъ историческіе факты на происшествія (évènements) и функціи (fonctions) или на факты исключительные и правильные, что соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе нашему дѣленію на факты прагматическіе и культурные. Первые Бурдо считаетъ мало достойными вниманія: l'intérêt des évènements, toujours circonscrit dans le détail et donc négligeable dans l'ensemble, говоритъ онъ въ заключеніи къ параграфу объ этихъ фактахъ (стр. 122). Особый § посвящается доказательству того, что суть исторіи—въ изученіи постоянныхъ явленій. Это относится къ обнаруживавшемуся иногда антагонизму между прагматическими и культурными историками, и намъ придется еще вернуться къ этому предмету въ III части настоящаго тома.

[3]) Tout le monde a travaillé, стр. 32. L'auteur d'un chef-d'oeuvre, c'est tout le monde, стр. 38. Leur (поэтовъ) création en apparence personnelle, est en réalité collective et plus ou moins tout le monde y collabore, стр. 56.

[4]) Ibid., 48.

что авторъ обозначаетъ подъ словомъ—публика, а между тѣмъ Бурдо постоянно смѣшиваетъ эти двѣ вещи и *коллективную* работу многихъ спеціалистовъ превращаетъ въ *безличную* работу de tout le mond. Такое смѣшеніе нерѣдко вообще встрѣчается въ разсужденіяхъ о роли личности въ исторіи [1]). Положимъ, что геніальный полководецъ одерживаетъ побѣду при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и вотъ нѣкоторые писатели, не довольствуясь умаленіемъ значенія личной доли полководца въ этомъ дѣлѣ для того, чтобы приписать все храбрости солдатъ,—начинаютъ еще утверждать, что за побѣду народъ обязанъ въ сущности только самому себѣ: одержали побѣду всѣ, tout le mond a vaincu, какъ сказалъ бы Бурдо; вотъ, на самомъ дѣлѣ къ чему должны приводить подобныя разсужденія. Послѣ такихъ положительныхъ заявленій только съ удивленіемъ можно читать въ заключительномъ параграфѣ главы о «дѣятеляхъ исторіи» [2]) нѣчто вовсе уже не вытекающее изъ того, что говорилось впереди. «Есть нѣкоторыя задачи, разсуждаетъ здѣсь нашъ авторъ,—которыя, требуя особыхъ способностей и усилій, *въ видѣ привилегіи остаются на долю* (sont réservées par privilège) *людямъ лучше одареннымъ и счастливымъ, нежели другіе.* Есть, продолжаетъ онъ, трудныя изобрѣтенія, честь коихъ принадлежитъ только рѣдкой геніальности... Первый встрѣчный неспособенъ играть роль великаго человѣка: рѣдкость героевъ служитъ тому доказательствомъ». Поэтому, заключаетъ Бурдо, за людьми, совершившими что-либо великое, нужно признавать «дѣйствительное, хоть всегда и ограниченное превосходство» [3]). Онъ даже опредѣляетъ здѣсь ихъ значеніе совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ представители оспариваемой теоріи: по его же собственнымъ словамъ, великіе люди «помогаютъ переступать препятствія, которыя, не будучи въ состояніи остановить прогрессъ, могли бы на время замедлить его шествіе... Ихъ вмѣшательство подвигаетъ дѣла и облегчаетъ общую задачу». Мало того: Бурдо признаетъ здѣсь, что «герои» увлекаютъ за собою толпу,—впрочемъ, признаетъ это для того, чтобы тотчасъ же съ новой точки зрѣнія напасть на великихъ людей: «эти вожди, говоритъ онъ, за коими слѣдуетъ толпа, часто увлекаютъ ее на ложный путь» (l'égarent [4])... «Величайшія заблужденія и величайшія бѣдствія обязаны своимъ происхожденіемъ обыкновенно великимъ людямъ», заявляетъ онъ еще [5]). Тутъ уже авторъ, какъ мы видимъ, не отрицаетъ самостоятельнаго значенія великихъ людей, но аргументируетъ противъ нихъ обвиненіемъ въ томъ, что чаще они бываютъ источникомъ зла, нежели блага. «Было бы благоразумнѣе, восклицаетъ онъ, устроиться такъ, чтобы совсѣмъ

---

[1]) Ср. выше по поводу историческихъ взглядовъ Льва Толстого, стр. 33 и слѣд.

[2]) Considérations générales sur les agents de l'histoire, стр. 95 sq.

[3]) Ibid., 95. [4]) Ibid., 96. [5]) Ibid., 97.

безъ нихъ обходиться!.. Въ большинствѣ случаевъ прогрессъ осуществляется прекрасно и безъ нихъ... Задача, которую исполняетъ со славою одинъ геніальный человѣкъ, будетъ разрѣшена многими менѣе шумнымъ, но столь же вѣрнымъ образомъ, лишь бы этого требовала логика положенія. *Великія дѣянія имѣютъ личный характеръ лишь случайно... Всѣ выигрыши, какими мы обязаны знаменитымъ личностямъ, могли бы быть получены съ легонькимъ замедленіемъ при помощи другихъ дѣятелей, число которыхъ уравновѣшивало бы ихъ меньшую значительность*» [1]). Въ послѣднихъ словахъ вопросъ ставится на весьма своеобразную точку зрѣнія: вопросъ ставится не о томъ, какъ дѣлается исторія, а о томъ, какъ было бы выгоднѣе и удобнѣе, чтобы она дѣлалась, и потому въ рѣшеніе вопроса замѣшивается своеобразный субъективный элементъ. Бурдо постоянно такимъ образомъ сбивается на свою излюбленную идею—доказать, что великимъ людямъ дѣлаютъ слишкомъ много чести, и беретъ если не мытьемъ, такъ катаньемъ. «Если герои, говоритъ онъ, совершаютъ больше, чѣмъ кто-либо, то взятые всѣ вмѣстѣ они все-таки дѣлаютъ гораздо меньше, чѣмъ всѣ [2])... Если великіе люди полезны, то толпы особенно необходимы и могли бы обойтись легче безъ нихъ, нежели первые безъ послѣднихъ» [3]). Словно есть двѣ разныя породы людей—«герои» и обыкновенные смертные!

Приведенныя разсужденія довольно ясно свидѣтельствуютъ, что взглядъ Бурдо не отличается особою послѣдовательностью и логичностью. Въ этихъ разсужденіяхъ, повторяемъ, встрѣчаются, конечно, и совершенно вѣрныя мысли, скажемъ даже—трюизмы, но онѣ перемѣшаны съ ложными выводами и парадоксами. То же самое можно сказать о двухъ спеціальныхъ параграфахъ [4]), которые, трактуя о «знаменитостяхъ» въ моральной жизни, въ политикѣ и религіи, заключаютъ въ себѣ, какъ мы упомянули, и нѣкоторыя мысли, относящіяся къ роли личности въ прагматической исторіи. «Историки думаютъ, говоритъ Бурдо въ первомъ изъ этихъ параграфовъ, — что совершатели знаменитыхъ дѣяній должны нести за нихъ полную отвѣтственность“ [5]). Критикъ исторической науки и историковъ съ этимъ не соглашается, такъ какъ—и совершенно справедливо — отрицаетъ безусловность нашей иниціативы и совершенность нашей свободы. «Въ томъ, что мы дѣлаемъ хорошаго или дурного, мы имѣемъ безчисленное множество сотрудниковъ, подстрекателей, помощниковъ или сообщниковъ, которые должны раздѣлять съ нами наши ошибки и наши заслуги» [6]). Человѣкъ является продуктомъ своей эпохи, это—вѣрно,

[1]) Ibid., 98—99. [2]) Idib., 104. [3]) Ibid., 107.

[4]) Celébrités de la vie morale, 67 sq. Celébrités de la politique et de la religion, 76 sq.

[5]) Ibid., 67. [6]) Ibid., 68.

но слѣдуетъ ли изъ этого, какъ того хочетъ Бурдо, чтобы наша нравственность была исключительно коллективнымъ дѣломъ [1]), хотя бы и вѣрно было его другое положеніе — о томъ именно, что *«дѣйствіе каждаго на всѣхъ безконечно мало, тогда какъ дѣйствіе всѣхъ на каждаго почти безпредѣльно»*? [2]). Тутъ опять та же основная идея: если такой-то NN совершилъ поступокъ, то послѣдній въ сущности принадлежитъ не ему, этому NN, а «всѣмъ». Это положеніе Бурдо примѣняетъ къ «героямъ политики», которыхъ «особенно охотно прославляютъ историки»: кто только имѣетъ честь командовать людьми, тотъ непремѣнно находитъ себѣ мѣсто въ исторіи [3]) и особенно, прибавимъ мы, въ исторіи прагматической, которая съ самаго начала была, какъ извѣстно, главнымъ образомъ повѣствованіемъ о дѣяніяхъ царей, министровъ, полководцевъ, народныхъ вождей и т. д. Общая мысль автора та, что *«великіе политическіе дѣятели, далеко не дѣйствуя сами по себѣ, выполняютъ соціальную функцію и получаютъ извѣстное порученіе отъ тѣхъ самыхъ народовъ, которыми, повидимому, повелѣваютъ*" [4]). Крупный политическій дѣятель самъ по себѣ ничто: онъ имѣетъ значеніе лишь особаго органа, посредствомъ коего дѣйствуетъ толпа. Вотъ какъ это доказывается. «Основа общественной власти находится въ тѣхъ людяхъ, которые ее признаютъ и тѣмъ самымъ ее создаютъ... Деспотизмъ, напр., имѣетъ происхожденіе не въ насиліи одного, а въ раболѣпствѣ всѣхъ... Въ силу ли ясно выраженнаго порученія у свободныхъ народовъ или въ силу нѣмой покорности у народовъ, признаваемыхъ порабощенными, всегда существуетъ передача вліянія отъ всѣхъ одному, и сама автократія есть делегація народнаго верховенства» [5]). Бурдо клонитъ это разсужденіе къ тому, чтобы выставить «героевъ политики», какъ дѣйствующихъ чуть ли не исключительно по делегаціи народныхъ массъ, какъ будто не бываетъ такъ, что, наоборотъ, политическіе дѣятели навязываютъ свою волю массамъ и какъ будто именно массы дѣйствительно диктуютъ свою программу этимъ призваннымъ или непризваннымъ къ власти вождямъ. Авторъ ссылается на то, что «не было еще примѣра, чтобы какой-нибудь деспотъ заставилъ цѣлую націю идти по дорогѣ, на которую она отказывалась вступить, чтобы онъ по своей личной волѣ (de son autorité privée) даже измѣнилъ чувства, идеи и нравы своихъ подданныхъ». Конечно, такихъ примѣровъ не было, но именно потому, что Бурдо какъ нарочно требуетъ здѣсь чрезмѣрной силы отъ крупныхъ политическихъ дѣятелей, чтобы потомъ обнаружить отсутствіе такой

---

[1]) La moralité humaine est donc essentiellement collective, стр. 72.

[2]) Ibid., 73. [3]) Ibid., 76—77.

[4]) Ibid., 89. La vocation des grands hommes est donc moins spontanée que commandée, сказано въ другомъ мѣстѣ, стр. 105.

[5]) Ibid., 81.

силы и побѣдоносно заявить объ этомъ обстоятельствѣ: если, какъ самъ онъ говоритъ, «объемъ власти вождей есть въ сущности объемъ народнаго согласія» [1]), то вѣдь и согласіе это дается на весьма различныхъ условіяхъ въ зависимости отъ очень многочисленныхъ и сложныхъ причинъ, и то, чего не могъ бы сдѣлать «вождь» въ одной странѣ, не встрѣтивъ неповиновенія, въ другой странѣ могло бы быть и безнаказанно совершено самимъ «вождемъ», и принято безпрекословно подчиненными ему людьми. «Короли,—разсуждаетъ далѣе нашъ критикъ историковъ, — имѣютъ силу только тогда, когда народы говорятъ *да*. Тогда ихъ могущество кажется безграничнымъ... *Съ рвеніемъ исполняются ихъ приказанія*, *потому что приказываютъ они то*, *что всѣ желали дѣлать*. Дабы ихъ декреты имѣли силу закона, они заранѣе должны быть одобрены. *Поэтому въ тѣхъ случаяхъ*, *когда болѣе всего удивляются инціативѣ предводителей народовъ*, *не нужно забывать*, *что эти предводители ведутъ народы туда*, *куда послѣдніе сами хотѣли идти. Толпа за ними идетъ и ихъ прославляетъ*, *потому что они ее направляютъ къ ея собственной цѣли. Вмѣсто того*, *чтобы увлекать народъ*, *они уступаютъ его натиску и*, *уносимые теченіемъ, воображаютъ, что они-то его и направляютъ*. Миссія великихъ политиковъ, продолжаетъ Бурдо, состоитъ въ томъ, чтобы осуществлять желаніе *всѣхъ* при *всеобщемъ* побужденіи и содѣйствіи (à l'instigation et avec le concours de tous). Конечно, прибавляетъ онъ, для совершенія великихъ дѣлъ ничто не можетъ быть такъ дѣйствительно, какъ совокупное дѣйствіе великаго народа и великаго человѣка, но второй является только подчиненнымъ дѣятелемъ. *Сила инціативы и направленія* (la force initiale et directrice) *находится въ первомъ*» [2]). Это общее разсужденіе иллюстрируется нѣсколькими историческими примѣрами (Петра Великаго, Вашингтона, Наполеона, Александра Македонскаго, Цезаря, называя приведенныя имена въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ книгѣ), а примѣры эти сопровождаются опять общими замѣчаніями, которыя служатъ какъ-бы продолженіемъ и развитіемъ приведеннаго разсужденія. Всю славу названныхъ историческихъ лицъ Бурдо видитъ въ томъ, что «въ извѣстные моменты героической лихорадки *они прилагали усилія цѣлыхъ народовъ* (ils ont appliqué... l'effort des peuples entiers) къ желанному, настоятельному, почти необходимому дѣлу [3])... Въ эпохи кризисовъ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—когда зарождается новый порядокъ, люди, облеченные верховною властью, становятся великими безъ особаго труда (à peu de frais). Все, что они пытаются сдѣлать, имъ удается... Дѣло, ими исполненное, исполнилось бы и безъ нихъ въ необходимой своей сторонѣ другими дѣятелями и

[1]) Ibid., 82. [2]) Ibid., 83. [3]) Ibid., 85.

при помощи другихъ событій» [1]). Послѣднюю мысль нѣсколько далѣе онъ выражаетъ еще въ такой формѣ: «если бы великій человѣкъ въ нужный часъ не отвѣтилъ на зовъ судьбы, явились бы другіе герои, ибо положеніе ихъ требуетъ, и никогда при серьезныхъ обстоятельствахъ (un grande situation) не было недостатка въ великомъ человѣкѣ. Въ кризисахъ, рѣшающихъ судьбу царствъ, народы съ весьма вѣрнымъ инстинктомъ отыскиваютъ вождей, требуемыхъ обстоятельствами. Волна общественнаго расположенія выноситъ ихъ на вершину власти какъ-бы дѣйствіемъ прилива. Чтобы ея достигнуть, имъ остается только предоставить себя вести» [2]). Если Бурдо и не рѣшается идти такъ далеко въ своемъ преклоненіи передъ «роевою силою массъ», какъ Толстой, и не объявляетъ, подобно послѣднему, что великіе люди суть только «ярлыки событій», то все-таки онъ называетъ ихъ, довольно близко къ такому опредѣленію ихъ роли въ прагматической исторіи, знаменоносцами (les portedrapeaux) массовыхъ движеній [3]) и въ томъ же смыслѣ, какъ мы видѣли, отрицая ихъ самостоятельность, признаетъ въ нихъ лишь людей, qui remplissent une fonction sociale et reçoivent leur mandat des peuples auxquels ils paraissent commander [4]). Подобныя разсужденія прилагаетъ Бурдо равнымъ образомъ къ основателямъ и преобразователямъ религій: они лишь «исполняютъ соціальную функцію», получая на то какъ-бы особый мандатъ со стороны своихъ современниковъ. «Собственно говоря, разсуждаетъ, напр., Бурдо, ихъ устами пророчествуетъ народъ: они только громко заявляютъ то, что думали многіе, сами того не зная или не осмѣливаясь это сказать... Каждый основатель религіи имѣетъ предшественниковъ, которые его предвозвѣщаютъ, учениковъ, которые его сопровождаютъ, продолжателей, доводящихъ его дѣло до конца» [5]). «Синтезы идей, составляющіе религіи, говоритъ еще авторъ, создаются не одиночными мыслителями, а цѣлыми циклами... Что могъ бы сдѣлать архитекторъ самъ по себѣ? Планъ на бумагѣ и больше ничего» [6]).

Приведенныя мѣста, въ коихъ заключается центръ тяжести всей аргументаціи Бурдо по вопросу о роли личности въ прагматической исторіи, заслуживаютъ подробнаго разбора, потому что критикъ исторической науки и ея работниковъ собралъ здѣсь чуть ли не все, что обыкновенно приводится и въ книгахъ, и въ разговорахъ, когда хотятъ доказать то же самое, къ чему клонятся всѣ доводы разсматриваемой главы сочиненія объ исторіи и историкахъ. Кромѣ того, разборъ этотъ,—подобно тому, какъ и разборы другихъ взглядовъ, сдѣланные раньше,—доставитъ намъ нѣкоторый матеріалъ для собственныхъ заключеній, когда придется подводить окончательные итоги подъ

[1]) Ibid., 86. [2]) Ibid., 88. [3]) Ibid., 86. [4]) Ibid., 89.
[5]) Ibid., 93. [6]) Ibid., 90.

всѣмъ этимъ споромъ на тему, кто больше двигаетъ исторію—отдѣльныя личности или народныя массы?

Я не буду возвращаться къ тѣмъ мыслямъ Бурдо, противъ которыхъ трудно было бы что-либо возразить: это, какъ было отмѣчено, большею частью тѣ мѣста книги, гдѣ вообще говорится только противъ дѣйствительныхъ преувеличеній оспариваемой теоріи или дѣлаются совершенно вѣрныя замѣчанія относительно участія въ исторіи не однѣхъ знаменитостей, но и многихъ (или всѣхъ, какъ большею частью выражается авторъ) обыкновенныхъ смертныхъ, въ частности же указывается на существованіе ложныхъ величій [1]) и чрезмѣрной оцѣнки величій дѣйствительныхъ [2]). Я не буду также повторять большей части замѣчаній, сдѣланныхъ мною мимоходомъ при передачѣ мыслей Бурдо: разобраны должны быть главнымъ образомъ тѣ соображенія автора, излагая которыя я удерживался отъ возраженій, чтобы сопоставить всѣ эти соображенія въ цѣломъ, дать имъ общую оцѣнку. Тутъ рѣчь будетъ идти почти исключительно объ упомянутыхъ спеціальныхъ параграфахъ.

Бурдо прежде всего заявляетъ, что каждый поступокъ каждаго человѣка не составляетъ его исключительной личной собственности: въ моемъ поведеніи вмѣстѣ со мною участвуютъ многіе другіе или, какъ предпочитаетъ выражаться авторъ, «всѣ». Этому тезису онъ придаетъ весьма широкое значеніе, включая въ число этихъ «всѣхъ» и предковъ моихъ, отъ которыхъ я унаслѣдовалъ извѣстныя способности и предрасположенія, и воспитателей, привившихъ мнѣ извѣстные взгляды, наклонности и привычки, и всю соціальную среду, продолжающую на меня постоянно оказывать свое вліяніе [3]), а все это, конечно, нужно отличать отъ моихъ сотрудниковъ (collaborateurs) въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Другими словами, говоря о зависимости единицы отъ «всѣхъ», авторъ не считаетъ нужнымъ указывать на то, что и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи зависимость эта бываетъ весьма и весьма различная. «Дѣйствіе всѣхъ на каждаго», которое, по Бурдо, «почти безпредѣльно», не есть нѣчто такое, что не поддается анализу, а затѣмъ квалификаціи и измѣренію. Я могу при совершеніи своихъ поступковъ зависѣть отъ всѣхъ, отъ многихъ, отъ нѣсколькихъ, отъ очень незначительнаго числа, могу зависѣть отъ нихъ во всемъ или только кое въ чемъ, вообще или въ данномъ случаѣ, при чемъ степень этой зависимости, обратно пропорціональная моей самостоятельности, будетъ также весьма различна, какъ будетъ очень различною и самая форма зависимости, такъ какъ послѣдняя можетъ быть непосредственная и посредственная, которая въ свою

[1]) См., напр., стр. 20.
[2]) См., напр., стр. 22.
[3]) Ibid., 68 sq.

очередь будетъ насчитывать большее или меньшее число посредствующихъ звеньевъ. Не принимая въ расчетъ всѣхъ этихъ неодинаковыхъ обстоятельствъ «дѣйствія всѣхъ на каждаго», Бурдо, конечно, долженъ былъ невѣрно поставить, а потому невѣрно рѣшить и вопросъ о зависимости, напр., «героевъ политики» отъ народныхъ массъ. Основу ихъ власти онъ видитъ въ признаніи этой власти всѣми, едва затрогивая то важное обстоятельство, что въ указываемомъ имъ признаніи все бываетъ различно—и источникъ, и сила, и граница и т. п. По словамъ Бурдо выходитъ, будто дѣятели въ области политики совершаютъ свои дѣянія по делегаціи отъ народныхъ массъ, хотя самъ же онъ, замѣтимъ мимоходомъ, въ полное противорѣчіе съ собою говоритъ о возможности увлеченія народныхъ массъ «героями политики» на ложные пути, откуда, по его мнѣнію, происходитъ столько вреда: вѣдь и делегація въ такомъ смыслѣ,—если ужъ ее принимать за нѣчто реальное,—бываетъ весьма различная, начиная съ тѣхъ случаевъ, когда массы не выбираютъ дѣятелей политики и предоставляютъ веденіе дѣлъ на полное ихъ усмотрѣніе, и кончая тѣми, когда рѣчь можетъ идти о дѣйствительной делегаціи и о настоящемъ мандатѣ безъ непомѣрнаго расширенія смысла этихъ словъ.

Далѣе, самъ собою напрашивается вопросъ: для чего нужны такіе делегаты, такіе органы массъ, «исполняющіе соціальную функцію»? Бурдо не хочетъ признать за ними ни малѣйшей иниціативы, оставляя у массы «la force initiale et directrice». «Вождь» приказываетъ, и ему повинуются лишь потому, что всѣ желаютъ дѣлать то, что приказывается. Такъ ли? Не бываетъ ли случаевъ, когда повинуются не потому, что горятъ желаніемъ дѣлать приказываемое, а потому, что, такъ сказать, желаютъ только повиноваться или по привычкѣ, или по убѣжденію, а не по принужденію, т.-е. противъ воли, или же по какимъ-либо постороннимъ соображеніямъ безотносительно къ желательности или нежелательности приказываемаго дѣла? Да иначе какъ могъ бы «герой политики» увлекать народы на ложные пути, что допускается вѣдь самимъ авторомъ? И если масса желаетъ сама дѣлать то, что ей приказываетъ вождь, то спрашивается, въ чемъ же именно онъ ее направляетъ, какую роль играетъ эта его дѣятельность, почему масса не идетъ сама по себѣ къ своей цѣли? Тутъ, кромѣ того, опять Бурдо приписываетъ всѣмъ то, что принадлежитъ лишь нѣкоторымъ, да и то въ разной мѣрѣ и съ разною силою, т.-е. извѣстныя политическія желанія и стремленія. Наконецъ, бываетъ ли такъ, чтобы «воля всѣхъ» (volonté de tous), говоря терминами Руссо, была не суммою часто весьма несходныхъ между собою и даже противорѣчивыхъ одно другому желаній, а именно «общею волею» (volonté générale), ищущею лишь такого человѣка, который приложилъ бы къ дѣлу усиліе всѣхъ достигнуть общей цѣли? Впрочемъ, Бурдо, пожалуй,

и не могъ бы объяснить, какъ совершается это приложенiе, разъ онъ допускаетъ возможность совсѣмъ обойтись безъ великихъ людей.

Авторъ, однако, опять противорѣчитъ себѣ, когда говоритъ, что если бы не явились на сцену исторiи такiе-то и такiе-то герои, то ихъ дѣло, какъ настоятельно требуемое временемъ, было бы все-таки исполнено другими дѣятелями. Положимъ, что это вѣрно, но тутъ Бурдо почему-то не рѣшается сказать, что все обошлось бы безъ всякихъ индивидуальныхъ дѣятелей, и, даже, наоборотъ, замѣчаетъ, что при другихъ дѣятеляхъ и самое дѣло было бы, вѣроятно (для насъ—несомнѣнно), исполнено нѣсколько иначе [1])! Едва-ли, однако, вѣрно, чтобы обстоятельства, какъ онъ думаетъ, всегда порождали и «героя», вполнѣ имъ соотвѣтствующаго. Если даже забыть собственное ученiе Бурдо объ излишности (безполезности) великихъ людей, ему можно было бы возразить указанiемъ на то, что въ данномъ случаѣ существованiе спроса еще не есть причина существованiя и предложенiя: сплошь и рядомъ исторiя знаетъ критическiе моменты, когда нужный-то человѣкъ и не являлся. Вѣруя далѣе въ непогрѣшимость своего рода общей воли, нашъ авторъ все въ появленiи великихъ людей приписываетъ безошибочному инстинкту народа, который и выдвигаетъ кого слѣдуетъ на первый планъ, будто притомъ такой человѣкъ не дѣлаетъ самъ никакихъ усилiй, чтобы подняться на высоту (вспомнимъ хоть бы Наполеона I), и безъ особаго собственнаго труда дѣлаетъ свое или, вѣрнѣе, общее дѣло, не говоря уже о томъ, что при такомъ объясненiи историческихъ фактовъ безошибочностью народнаго инстинкта дѣлается непонятною возможность увлеченiя народовъ излюбленными героями на ложные пути.

Масса есть сила вообще косная. Всякая иницiатива зарождается въ умѣ одного или немногихъ. У Бурдо, наоборотъ, именно массѣ, «всѣмъ» принадлежитъ инициатива, и, напр., по его представленiю, пророкъ высказываетъ лишь то, что думаютъ всѣ, сами того не зная или боясь громко высказать свою мысль. И тутъ, собственно говоря, «всѣ» отвѣчаютъ у него за нѣкоторыхъ: если Лютеръ былъ не одинъ, если у него были предшественники и помощники, то это были все-таки лишь нѣкоторыя опредѣленныя (извѣстныя и неизвѣстныя лица), а не всѣ нѣмцы вообще. Въ числѣ этихъ «всѣхъ» были, наконецъ, и люди, думавшiе совершенно иначе, чѣмъ Лютеръ, и даже боровшiеся съ его реформацiей. Бурдо совсѣмъ забываетъ, что «всѣ», масса, толпа не есть нѣчто однородное, и что разсматривать ее, какъ силу, дѣйствующую по одной идеѣ и въ одномъ направленiи, поэтому нѣтъ никакой возможности. Да и великому человѣку вообще приходится довольствоваться поддержкой только одной части общества (да и то по весьма различнымъ мотивамъ отдѣльныхъ его членовъ) и рядомъ

---

[1]) Ibid., 88, 98.

со сторонниками имѣть вокругъ себя и противниковъ, тоже входящихъ въ составъ этого tout le monde.

Одна изъ ошибокъ авторовъ, которые, подобно Бурдо, выдвигаютъ на первый планъ идею коллективнаго характера дѣйствій, двигающихъ впередъ исторію, заключается въ томъ, что, противоположивъ крупному историческому дѣятелю народную массу, толпу или «всѣхъ», какъ выражаются Левъ Толстой и Бурдо, они не идутъ далѣе, не разлагаютъ эту массу на ея составные элементы, которые, конечно, далеко не однородны, не расчленяютъ ее на болѣе или менѣе обособленныя группы, стоящія въ весьма неодинаковыхъ отношеніяхъ къ однимъ и тѣмъ же событіямъ, не входятъ, наконецъ, въ болѣе подробный анализъ всѣхъ тѣхъ отношеній, какія только возможны вообще въ дѣйствительности между «героемъ» и толпою. Съ другой стороны, представители теоріи великихъ людей, равнымъ образомъ пренебрегая только-что упомянутымъ анализомъ, роль котораго у нихъ большею частью заступаютъ общія мѣста,—исходятъ всегда изъ того положенія, что «герой», увлекающій за собою толпу, во всѣхъ случаяхъ есть непремѣнно человѣкъ, превосходящій эту толпу, а потому по праву занимающій свое мѣсто впереди всѣхъ. Въ ихъ представленіяхъ великій человѣкъ рисуется неизбѣжно въ видѣ своего рода центра, въ силу своихъ особыхъ духовныхъ свойствъ подчиняющаго себѣ и группирующаго около себя общественные элементы для совокупнаго съ ними дѣйствія: обыкновенно при этомъ упускается изъ виду возможность другого случая, когда именно дѣйствіе идетъ не отъ центра къ периферіи, а, наоборотъ, отъ периферіи къ центру, когда не «герой» создаетъ идущую за нимъ группу, а какъ-бы сама собою образуется толпа и она-то уже создаетъ себѣ «героя», хотя-бы послѣдній былъ на самомъ дѣлѣ обыкновеннѣйшимъ изъ смертныхъ. Впереди намъ предстоитъ еще говорить о несовершенствѣ всей вообще постановки вопроса объ индивидуальномъ и коллективномъ дѣйствіи въ исторіи, и тогда только-что высказанной мысли будетъ дано надлежащее развитіе: здѣсь мы считали необходимымъ объ этомъ упомянуть, дабы отмѣтить особую, на нашъ взглядъ, важность одной соціологической работы, посвященной также занимающему насъ вопросу, но задуманной гораздо глубже, чѣмъ только-что разсмотрѣнныя теоріи. Притомъ, вдобавокъ, подлежащая теперь нашему разсмотрѣнію работа имѣетъ своимъ содержаніемъ то, что мы назвали бы «психологіей толпы»: разбирая попарно въ каждой изъ трехъ послѣднихъ главъ противоположныя воззрѣнія, мы противопоставили въ настоящей главѣ новѣйшимъ защитникамъ теоріи великихъ людей новѣйшаго же теоретика коллективности историческихъ дѣяній, но не меньшій интересъ можетъ намъ представить и дополненіе своего рода «психологіи героевъ» также своего рода «психологіей толпы».

Именно какъ-разъ подъ заглавіемъ «Герои и толпа» въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1882 г. была помѣщена большая статья Н. К. Михайловскаго, уже раньше бывшаго извѣстнымъ по своимъ интереснымъ соціологическимъ работамъ. Впослѣдствіи она вошла въ составъ VI тома собранія его сочиненій [1]). Нѣкоторыя дополненія къ «Героямъ и толпѣ», оставшимся, къ сожалѣнію, неоконченными, авторъ сдѣлалъ въ «Научныхъ письмахъ», которыя печатались въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» (1884 г.), а потомъ въ статьѣ «Патологическая магія», помѣщенной въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1887 г.). «Научныя письма» также вошли въ составъ VI тома собранія сочиненій. Останавливаясь, главнымъ образомъ, на первой изъ названныхъ работъ, мы воспользуемся и дополненіями къ ней, насколько послѣднія прямо относятся къ нашей темѣ; дѣло въ томъ, что Михайловскій ставитъ вопросъ такъ широко, что выходитъ за предѣлы интересующаго насъ здѣсь предмета, хотя, съ другой стороны, и разсматриваетъ только одинъ случай изъ многообразныхъ взаимныхъ отношеній единицы и массъ въ исторіи, вслѣдствіе чего при изложеніи воззрѣній автора мы по неволѣ должны будемъ до извѣстной степени ихъ сузить тамъ, гдѣ Михайловскій ставитъ свой предметъ въ болѣе тѣсную связь съ однимъ общефилософскимъ вопросомъ, по существу своему болѣе широкимъ, чѣмъ наша все-таки спеціальная тема.

Авторъ «Героевъ и толпы» съ самаго начала опредѣляетъ, что будетъ онъ понимать подъ терминами, стоящими въ заголовкѣ статьи, и на этотъ счетъ никакія недоразумѣнія невозможны. «*Героемъ*, говоритъ именно Михайловскій, мы будемъ называть человѣка, увлекающаго своимъ примѣромъ массу на хорошее или дурное, благороднѣйшее или подлѣйшее, разумное или безсмысленное дѣло. *Толпой* будемъ называть массу, способную увлекаться примѣромъ, опять-таки высоко-благороднымъ или низкимъ, или нравственно безразличнымъ» [2]). Авторъ сознательно устраняетъ то, что мы назвали выше субъективной точкой зрѣнія на «героя»: «имѣя, заявляетъ онъ между прочимъ,—имѣя собственное свое мѣрило величія, вполнѣ пригодное для тѣхъ или другихъ цѣлей, мы не можемъ имъ руководиться при изученіи поставленнаго нами вопроса» [3]). По совершенно вѣрному его опредѣленію, «*задача состоитъ въ изученіи механики отношеній между толпою и тѣмъ человѣкомъ, котораго она признаетъ великимъ*, а не въ изысканіи мѣрила величія. Поэтому, продолжаетъ онъ, завѣдомый злодѣй, глупецъ, ничтожество, полуумный для насъ такъ же важны, въ предѣлахъ поставленной задачи, какъ и всемірный геній

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1885. Томъ VI. По этому изданію мы и будемъ цитировать.

[2]) Герои и толпа, 282.

[3]) Ibid., 283.

или ангелъ во плоти, если за ними шла толпа, если она имъ искренне, а не по внѣшнимъ побужденіямъ повиновалась, если она имъ подражала и молилась» [1]). Если бы, прибавляетъ еще авторъ, для уясненія занимающаго насъ вопроса «оказались въ какомъ-нибудь смыслѣ пригодными отношенія между передовымъ бараномъ и бросающимся за нимъ бараньимъ стадомъ, такъ и ихъ изслѣдователь не можетъ исключить изъ своей работы» [2]). «Наша задача, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, исчерпывается взаимными отношеніями двухъ факторовъ: героя и толпы. Мы постараемся уяснить себѣ эти отношенія и опредѣлить условія ихъ возникновенія, будутъ ли эти условія заключаться въ характерѣ даннаго историческаго момента, даннаго общественнаго строя, *личныхъ свойствъ героя*, *психическаго настроенія массы*, или какихъ иныхъ элементовъ» [3]). Уже изъ приведенныхъ мѣстъ явствуетъ, что въ своемъ изслѣдованіи Михайловскій остается въ области прагматической исторіи, не касаясь исторіи культурной, при чемъ изъ всѣхъ возможныхъ воздѣйствій единицы на массу онъ беретъ только случай увлеченія толпы примѣромъ «героя» и притомъ увлеченія искренняго, чуждаго постороннихъ соображеній. Далѣе, изслѣдуя взаимныя отношенія «героевъ» и толпы, какъ двухъ факторовъ, авторъ несомнѣнно интересуется болѣе вторымъ, чѣмъ первымъ, болѣе «психическимъ настроеніемъ массъ», нежели «личными свойствами героя». Послѣднія онъ объявляетъ для себя безразличными не только съ точки зрѣнія нравственной оцѣнки, но и съ точки зрѣнія просто одного размѣра способностей «героя» сравнительно съ увлекаемою имъ толпою: Михайловскому не нужно, чтобы «личными своими свойствами» «герой» непремѣнно превосходилъ толпу, разъ онъ, Михайловскій, считаетъ возможнымъ появленіе въ такой роли «глупца, ничтожества, полуумнаго» человѣка. «Если, замѣчаетъ онъ еще въ одномъ мѣстѣ,— если читателю не нравится такое употребленіе слова «герой», то я прошу извиненія, но другого подходящаго слова я не нашелъ. Это, продолжаетъ онъ, не мѣшаетъ увлекать толпу и истинно великимъ людямъ. *Сами по себѣ мотивы, двинувшіе героя на геройство, для насъ безразличны:... для насъ важенъ герой только въ его отношеніи къ толпѣ, только какъ двигатель*». Михайловскій знаетъ, конечно, что въ исторіи есть не мало случаевъ, когда личные мотивы героевъ бросаютъ свѣтъ на весь эпизодъ, и что тогда нельзя отказываться отъ изученія этихъ мотивовъ [4]), но въ данной работѣ не они его интересуютъ. Вотъ почему мы сказали, что авторъ «Героевъ и толпы» изслѣдуетъ только частный случай дѣйствія единицы на массу и притомъ ищетъ объясненія этого дѣйствія, такъ сказать, не въ «психологіи героя», а въ «психологіи толпы». Ставя, какъ мы увидимъ далѣе,

---

[1]) Ibid., 284. [2]) Ibid., 285. [3]) Ibid., 289. [4]) Ibid., 289.

эту послѣднюю въ связь со многими явленіями, выходящими за предѣлы компетенціи исторической науки, онъ въ то же время, однако, не обходитъ молчаніемъ и общій исторіософическій вопросъ о роли личности въ исторіи, въ той формѣ, въ какой онъ обыкновенно ставится. Дабы у нашего читателя, не знакомаго, быть можетъ, съ статьей Михайловскаго, не было никакого недоразумѣнія относительно излагаемыхъ идей, мы приведемъ еще одно мѣсто изъ «Героевъ и толпы» внѣ связи съ цѣлымъ, такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ держаться уже того порядка, въ какомъ самъ Михайловскій излагаетъ свои соображенія, хотя, по его собственному признанію, порядокъ этотъ не можетъ быть названъ строго систематическимъ. Итакъ, вотъ еще одно мѣсто, относящееся къ постановкѣ вопроса.

«Читатель, говоритъ Михайловскій на одной изъ первыхъ же страницъ своей работы, *не найдетъ у насъ такъ называемаго культа героевъ*, *но не найдетъ онъ и отрицательнаго отношенія къ героямъ въ смыслѣ великихъ людей*. Безъ сомнѣнія, великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ. Ихъ создаетъ та же среда, которая выдвигаетъ и толпу, только концентрируя и воплощая въ нихъ разрозненно бродящія въ толпѣ силы, чувства, инстинкты, мысли, желанія. Безъ сомнѣнія, можно идти логическимъ путемъ даже гораздо дальше и въ такой же мѣрѣ умалить роль великихъ людей, въ какой Карлейль ее превозвысилъ. Но, становясь на эту точку зрѣнія въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ вѣрную, легко пропустить сквозь пальцы цѣлую обширную область явленій, крайне важныхъ и въ теоретическомъ, и въ практическомъ смыслѣ, *именно всю область отношеній между великимъ человѣкомъ и тѣми*, *кто слѣдуетъ по его стопамъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на эти отношенія*, *но они—фактъ*. Они возникаютъ, существуютъ, прекращаются или разрѣшаются извѣстными результатами и, значитъ, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ другими фактами подлежатъ изученію. Пусть съ какой-нибудь очень возвышенной и вполнѣ оправдываемой логикою точки зрѣнія, великій человѣкъ есть даже просто нуль или, самое большое, безсознательное орудіе осуществленія высшихъ и общихъ историческихъ законовъ; но, кромѣ нихъ, *существуютъ же какіе-нибудь частные законы отношеній между великимъ человѣкомъ и движущейся за нимъ массою*. Конечно, самые факты этого рода, въ ихъ голой, эмпирической наготѣ, записываются въ исторію во множествѣ, но отъ голой записи еще далеко не только до пониманія явленія, но даже до пониманія его важности. Этого-то пониманія мы напрасно бы стали искать у историковъ культуры или цивилизаціи нынѣшняго времени, у политиковъ, соціологовъ и вообще людей, ex professo занимающихся изслѣдованіями человѣческихъ дѣлъ и отношеній. *Это*, *можно сказать,—непочатой вопросъ*», совершенно справедливо при-

бавляетъ авторъ [1]), съ полнымъ правомъ повторяя послѣднее замѣчаніе и въ другихъ мѣстахъ своей работы [2]): «*поставить и разрѣшить его во всемъ объемѣ наука даже не пыталась*». Такимъ образомъ Михайловскій въ главномъ спорѣ придерживается нейтралитета: у него нѣтъ ни «культа героевъ», ни «отрицательнаго отношенія къ великимъ людямъ». Положимъ, что нейтралитетъ этотъ можно назвать болѣе благосклоннымъ къ послѣднему отношенію [3]), но и въ болѣе все-таки для него сочувственной теоріи онъ обнаруживаетъ крупный пробѣлъ: она, дѣйствительно, «пропускаетъ сквозь пальцы» обширную область явленій, достойныхъ сдѣлаться предметомъ особаго изученія, ибо, довольствуясь для доказательства своихъ положеній самыми общими соображеніями, она, какъ и нами было не разъ отмѣчено, не входитъ въ болѣе подробный анализъ отношеній между великимъ человѣкомъ и тѣми людьми, которые за нимъ слѣдуютъ. Своей работой Михайловскій и задумалъ восполнить отмѣченный имъ пробѣлъ, совершенно справедливо указывая на то, что до сихъ поръ на весь этотъ вопросъ не обращали того вниманія, какого онъ въ дѣйствительности заслуживаетъ. Мы привѣтствуемъ здѣсь попытку Михайловскаго, впервые отрѣшившагося отъ чисто идеологическаго способа рѣшенія спорной задачи, хотя попытка эта, повторяемъ, не охватываетъ всего вопроса и, къ сожалѣнію, была брошена авторомъ, такъ сказать, на полпути. Что касается до указаннаго нейтралитета Михайловскаго между «культомъ героевъ» и «отрицательнымъ отношеніемъ къ великимъ людямъ», то такой нейтралитетъ весьма естественно объясняется невозможностью для каждаго непредубѣжденнаго писателя стать опредѣленно на одну изъ такихъ двухъ точекъ зрѣнія, изъ коихъ каждая заключаетъ въ себѣ значительное преувеличеніе хотя-бы и вѣрной мысли. Мы уже сами высказывались за подобный же нейтралитетъ, хотя—не скроемъ этого—болѣе благосклонный, нежели у Михайловскаго, къ теоріи великихъ людей: на почвѣ этого нейтралитета, думаемъ мы, только и возможенъ синтезъ тѣхъ вѣрныхъ положеній, непомѣрныя преувеличенія которыхъ и легли въ основу двухъ діаметрально-противоположныхъ воззрѣній на роль личности въ исторіи. Впрочемъ, авторъ «Героевъ и толпы» не объ этомъ синтезѣ думаетъ: его цѣлью является—внести необходимое дополненіе въ теорію, противоположную теоріи Карлейля. Вотъ почему воззрѣнія Михайловскаго мы все-таки противопола-

---

[1]) Ibid., 282—283. [2]) Ibid., 289.

[3]) Обращаемъ вниманіе на слѣдующее: Михайловскій въ приведенномъ мѣстѣ называетъ умаленіе роли великихъ людей «точкой зрѣнія въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ вѣрной» и съ этой «вполнѣ оправдываемой логикою точки зрѣнія» соглашается признавать, что «великій человѣкъ есть просто нуль или, самое большое, безсознательное орудіе» etc.

гаемъ воззрѣніямъ, выдвигающимъ на первый планъ отдѣльную личность, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы ихъ приравнивали къ разобраннымъ нами взглядамъ Бурдо. Указавъ на общее, по нашему мнѣнію, значеніе «Героевъ и толпы» въ литературѣ предмета, перейдемъ къ изложенію и обсужденію содержанія этой статьи.

Изслѣдованіе Михайловскаго начинается съ разсмотрѣнія тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, «когда какая-то непреодолимая сила гонитъ людей къ подражанію» [1]). Нѣкоторыя отрасли науки не могли не обратить вниманія на кое-какіе спеціальные случаи этого общаго явленія. Авторъ, довольно много порывшійся въ нѣсколькихъ спеціальныхъ литературахъ для того, чтобы собрать интересующіе его факты указаннаго характера, прежде всего приводитъ здѣсь свидѣтельства криминалистовъ о томъ, что нерѣдко публично совершаемыя казни побуждаютъ зрителей самихъ совершать убійства [2]),—затѣмъ обращается къ психіатрамъ, равнымъ образомъ указывающимъ на заразительность, напр., самоубійства [3]), переходитъ потомъ отъ этой категоріи фактовъ (подражательности) къ явленію, носящему въ зоологіи названіе мимичности (соотвѣтствіе между окраской животнаго и цвѣтомъ его убѣжища или обыкновенной обстановки, копированіе однимъ животнымъ цвѣта, формы, размѣра частей другого животнаго и т. п.) [4]), и возвращается снова къ міру людскихъ отношеній, приводя нѣсколько фактовъ, указывающихъ на несомнѣнное существованіе нравственныхъ эпидемій съ подражательнымъ характеромъ, которыя охватываютъ иногда громадныя массы народа [5]). Прежде нежели мы укажемъ, какую цѣльность и какое

---

[1]) Ibid., 293 sq.

[2]) Ibid., 295 sq. Выписываемъ по возможности названія всѣхъ сочиненій, на которыя ссылается Михайловскій: желаемъ отмѣтить разнообразіе научныхъ сферъ, изъ которыхъ авторъ «Героевъ и толпы» почерпалъ свой матеріалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать читателю, не имѣющему подъ руками работы г. Михайловскаго, указанія на литературу частныхъ вопросовъ по данному предмету.—*Миттермайеръ*. Смертная казнь по результатамъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. *Кистяковскій*. Изслѣдованіе о смертной казни.

[3]) «Герои и толпа», 304 sq. *Esquirol*. Des maladies mentales.—*Lisle*. Du suicide.—*Brierre de Boismont*. Du suicide et de la folie suicide.

[4]) «Герои и толпа», 304 sq. Не приводимъ литературныхъ указаній, такъ какъ явленія этого рода, при всей своей связи съ подражательностью, не представляютъ интереса собственно въ цѣляхъ нашего труда.

[5]) Ibid., 319 sq. *Constans*. Relation sur une épidémie d'histéro-démonopathie. *Calmel*. De la folie considérée au point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire. *Hecker*. Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters. *Гезеръ*. Исторія повальныхъ болѣзней (перев. Манассеина). *Кандинскій*. Общепонятные психологическіе этюды. *Иламъ*. Заразительность умственныхъ заблужденій. *Пеликанъ*. Судебно-медиц. изслѣдованія скопчества. *Штейнбергъ*. Кликушество и его судебно-медицинское значеніе, и др. Кромѣ того, г. Михайловскій въ

единство представляютъ собою для автора пестрота и многочисленность собранныхъ имъ фактовъ, мы должны привести нѣкоторыя его соображенія именно о явленіяхъ, подходящихъ подъ понятіе нравственныхъ эпидемій, такъ какъ эти явленія должны имѣть для насъ наибольшій интересъ. «Подражательный характеръ, говоритъ Михайловскій, всякаго рода коллективныхъ судорогъ, конвульсій, нелѣпыхъ плясокъ, въ родѣ средневѣковой неистовой пляски или радѣній квакеровъ, шэкеровъ, нашихъ сектантовъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. *Но читатель, можетъ быть, усумнится ввести элементъ подражанія въ объясненіе такихъ массовыхъ движеній, какъ крестовые походы или періодическое истребленіе евреевъ.* Повидимому, эти движенія управляются совершенно опредѣленною идеею; повидимому, можно подыскать такія пружины, которыя дѣйствовали одинаково сильно на всѣхъ и каждаго изъ участниковъ движенія совершенно помимо подражанія... Повидимому, признать подражаніе единственнымъ двигателемъ массовыхъ движеній до такой степени невозможно, что всякія оговорки тутъ излишни. И, конечно, никто прямо такой нелѣпости не скажетъ... Тѣмъ не менѣе, однако, было бы большою ошибкою изгонять роль подражанія изъ такихъ движеній, какъ быстрый ростъ магометанства или какъ крестовые походы» [1]). Указавъ вкратцѣ на существованіе многихъ причинъ, которыя заставляли средневѣковыхъ людей уходить съ насиженныхъ мѣстъ, куда глаза глядятъ, Михайловскій упоминаетъ «еще о какихъ-то *намъ пока неизвѣстныхъ причинахъ, которыя обращали людей въ автоматовъ* и заставляли ихъ повторять все, что продѣлывалъ передъ ними какой-нибудь «герой» въ его условномъ смыслѣ слова». Присутствіе элемента подражанія въ крестовыхъ походахъ авторъ доказываетъ, между прочимъ, ссылкою на слѣдующія слова одного современника перваго похода: «нѣкоторые не имѣли сначала никакого желанія идти въ походъ; они смѣялись надъ тѣми, кто торопился распродать свое имущество, и предсказывали имъ печальное путешествіе и еще болѣе печальное возвращеніе. А черезъ день сами насмѣшники, движимые внезапнымъ порывомъ, отдавали свое имущество за гроши и присоединялись къ тѣмъ, кого осмѣивали». — «Здѣсь, замѣчаетъ Михайловскій, очень характерно передана сила подражанія, увлекавшая многихъ крестоносцевъ почти помимо воли и сознанія» [2]). Онъ не признаётъ только вѣрности сравненія, которое дѣлаетъ средневѣковой лѣтописецъ передъ приведенными словами, цитируя изреченіе Соломона: «у саранчи нѣтъ

своей работѣ пользовался многими историческими сочиненіями: *Voss.* Der Tanz und seine Geschichte. *Maury* La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen âge. *Lecky.* Entstehungsgeschichte und Charakteristik des Methodismus и др.

[1]) «Герои и толпа», 322—324.

[2]) Ibid., 324.

вождя, но выступаетъ вся она стройно». — «Напротивъ, говоритъ Михайловскій, никогда, быть можетъ, герой не былъ такъ нуженъ толпѣ, какъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ вообще и во время крестовыхъ походовъ въ особенности... въ средніе вѣка мы сплошь и рядомъ видимъ толпу въ состояніи какого-то безпредметнаго напряженія, въ состояніи готовности подражать чему бы то ни было вплоть до неистовой пляски, и повиноваться кому бы то ни было, вплоть до капрала, взявшаго палку» [1]). На этомъ основаніи авторъ приходитъ къ такому заключенію, что «не совсѣмъ-де неправы тѣ наивные историки добраго стараго времени, которые, по мѣрѣ своихъ художественныхъ силъ и умѣнія, разсказывали, какъ вдохновенная Жанна д'Аркъ спасла Францію, какъ папа Урбанъ и Петръ Пустынникъ возбудили своими пламенными рѣчами крестовый походъ, какъ фанатическіе цвиккаускіе пророки взволновали массы крестьянъ, какъ непомѣрное честолюбіе Наполеона залило Европу моремъ крови и пр. и пр. Эти наивные историки, оговаривается Михайловскій, понимали, правда, дѣло очень узко и плоско. Они описывали внѣшнюю исторію событій, не задаваясь изслѣдованіемъ ихъ причинъ и довольствуясь прибавкой похвальныхъ или неодобрительныхъ эпитетовъ къ именамъ вождей: необузданный честолюбецъ такой-то увлекъ, вдохновенная дѣва такая-то воодушевила, яростный фанатикъ такой-то возбудилъ и пр. Историки новѣйшаго типа, продолжаетъ онъ, поступаютъ, разумѣется, гораздо раціональнѣе, изыскивая причины историческихъ явленій въ общихъ условіяхъ культуры даннаго момента или данной страны. Но вѣдь необузданный честолюбецъ дѣйствительно увлекъ, а яростный фанатикъ дѣйствительно возбудилъ. Это факты, съ которыми надо считаться. Слѣдовательно, заключаетъ Михайловскій, *въ любомъ массовомъ движеніи мы должны различать такія общія условія, которыя непосредственно воздѣйствуютъ на всѣхъ и каждаго изъ участниковъ, и такія, которыя толкаютъ ихъ къ безсознательному подражанію*» [2]). Первыя, конечно, могутъ быть весьма разнообразны, но въ нихъ авторъ находитъ «какую-то единообразную струю, опредѣляющую подражательный характеръ всѣхъ массовыхъ движеній, всѣхъ, безъ различія ихъ происхожденія и причинъ»,—прибавляя, что «эта струя дѣйствительно можетъ быть схематически выражена словами наивныхъ историковъ добраго стараго времени: ненасытный честолюбецъ увлекъ, вдохновенная дѣва воодушевила». По вѣрному для многихъ случаевъ замѣчанію Михайловскаго, «выраженія эти только неправильно устанавливаютъ центръ тяжести явленія, ибо ненасытный честолюбецъ и вдохновенная дѣва сплошь и рядомъ оказываются людьми крайне малаго калибра, а слѣдовательно дѣло прежде всего

[1]) Ibid., 325. [2]) Ibid., 326.

не въ нихъ, а въ особенностяхъ настроенія или положенія тѣхъ массъ, которыя за ними идутъ» [1]).

Мы остановились на нѣсколькихъ разсужденіяхъ автора «Героевъ и толпы», коими онъ сопровождаетъ разсмотрѣніе массовыхъ движеній, поставленныхъ имъ въ родственную связь съ психическими эпидеміями, поскольку въ послѣднихъ заключается элементъ подражанія [2]), обнаруживающій и въ единичныхъ случаяхъ убійства подъ вліяніемъ зрѣлища казни или подобныхъ же случаяхъ заразительности самоубійства. Приведенныя разсужденія имѣютъ особый интересъ, такъ какъ цѣликомъ относятся къ нашей темѣ, и намъ еще придется дополнить ихъ другими соображеніями автора съ совершенно такимъ же содержаніемъ. Но Михайловскій привлекъ еще къ разсмотрѣнію явленія зоологической «мимичности»: объясняя послѣднюю тѣмъ, что «зрительное впечатлѣніе предмета или предметовъ, почему-либо обращающихъ на себя особенное вниманіе животнаго, вызываетъ такую группу рефлексовъ, которая въ большей или меньшей степени уподобляетъ животное созерцаемому предмету», онъ находитъ возможнымъ «безъ большого труда устранить пропасть (кажущуюся) между спеціальными явленіями мимичности, занимающими дарвинистовъ, и тѣми фактами подражанія, которые мы знаемъ изъ исторіи человѣчества и обыденной жизни» [3]). Соединительнымъ мостомъ служатъ для автора случаи такъ называемой стигматизаціи, т.-е. воспроизведенія «язвъ гвоздиныхъ» распятаго Христа на рукахъ и ногахъ подъ вліяніемъ постоянной мысли о томъ, что происходило на Голгоѳѣ [4]). Мы не послѣдуемъ за Михайловскимъ въ эту область: упоминаемъ объ этомъ лишь для того, чтобы показать, какъ широко ставитъ онъ вопросъ о подражаніи, т.-е. о вліяніи зрительныхъ впечатлѣній на все живущее. Ему хочется попутно освѣтить явленія и мимичности, и стигматизаціи, и патологическаго состоянія единицъ или народныхъ массъ; мы же для цѣлей своего изслѣдованія должны, какъ было сказано выше, съузить предметъ съ этой стороны, дабы, наоборотъ, расширить его въ другую, которой не имѣлъ въ виду (да и не могъ по своей темѣ) авторъ «Героевъ и толпы». Оставляя безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія всѣ изучаемыя Михайловскимъ явленія зоологическаго, физіологическаго или психіатрическаго содержанія, мы сосредоточимъ все вниманіе наше на той части его теоріи, которая охватываетъ, такъ ска-

---

[1]) Ibid., 327.

[2]) «Въ патологическихъ случаяхъ струна подражанія звучитъ особенно сильно. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она молчала въ тѣхъ явленіяхъ, которыя мы не можемъ или не рѣшаемся признать завѣдомо болѣзненными». Ibid., 328.

[3]) Ibid., 330. [4]) Ibid., 330 sq.

зать, факты нормальной психической жизни человѣка, какъ обыденной, такъ и исторической.

Сейчасъ только-что было упомянуто, какое важное значенiе приписывается авторомъ «Героевъ и толпы» вліянію зрительныхъ (и слуховыхъ) впечатлѣній на все живущее, какъ именно основному источнику подражанія. Съ этой точки зрѣнія онъ и объясняетъ всѣ явленія коллективнаго увлеченія и нравственныхъ эпидемій, приводя еще примѣръ оратора или проповѣдника, увлекающаго слушателей до совершеннаго забвенія дѣйствительности, видя въ послѣднемъ случаѣ нѣчто такое, что «до извѣстной степени уясняетъ самый процессъ заразы» [1]). «Задача изящнаго искусства, говоритъ онъ, состоитъ, между прочимъ, въ такомъ воздѣйствіи на воображенiе зрителя, читателя, слушателя, чтобы онъ до извѣстной степени лично пережилъ изображаемое положенiе или психическій моментъ. Великому художнику это удается, а великому оратору или проповѣднику изъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ главнымъ образомъ на чувство, а не на разумъ, удается нѣчто большее. Ему удается воочію видѣть, что сотни, тысячи слушателей заражаются его личнымъ настроенiемъ или же относятся къ его образамъ и картинамъ, какъ къ чему-то живому, здѣсь сію минуту присутствующему съ плотью и кровью» [2]). Михайловскій обращаетъ при этомъ вниманiе еще на то, что когда произносится волнующая слушателей рѣчь, каждый изъ нихъ видитъ не только взволнованнаго оратора, а и еще множество напряженно внимательныхъ или взволнованныхъ своихъ товарищей по аудиторіи: «это зрѣлище, продолжаетъ онъ, будетъ въ свою очередь усиливать, что называется въ парламентахъ *движенiемъ*, sensation» [3])... «Что касается самого оратора, этого центра, къ которому со всѣхъ сторонъ возвращается потокъ возбужденнаго имъ волненія съ преувеличенною силою, то онъ можетъ быть даже совершенно подавленъ этимъ потокомъ, какъ оно часто и бываетъ съ неопытными, неприспособившимися ораторами» [4]). Въ приведенныхъ словахъ авторъ затрогиваетъ интересный предметъ, также подражанiе, но уже не одностороннее подражанiе толпы «герою», а взаимное, происходящее въ самой толпѣ.

Всѣмъ предыдущимъ изложенiемъ (на цѣлыхъ шестидесяти страницахъ) авторъ хотѣлъ главнымъ образомъ убѣдить читателя въ чрезвычайной силѣ и распространенности безсознательнаго или мимовольнаго подражанія. Вторая половина работы (почти такихъ же размѣровъ, какъ и первая), представляетъ изъ себя попытку «разрѣшить вопросъ объ условiяхъ, при которыхъ склонность къ подражанію присутствуетъ и отсутствуетъ, появляется и исчезаетъ, выражается съ большею и меньшею силою, при какихъ, слѣдовательно, условiяхъ

[1]) Ibid., 337—340. [2]) Ibid., 337. [3]) Ibid., 339. [4]) Ibid., 340.

складывается» то, что авторъ называетъ толпою, т.-е. «податливая масса, готовая идти за героемъ куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся съ ноги на ногу въ ожиданіи его появленія» [1]). Вопросъ, поставленный Михайловскимъ, дѣйствительно, весьма интересенъ. Авторъ «Героевъ и толпы» справедливо жалуется на полную неразработанность этого вопроса. «Потрудитесь, говоритъ онъ на одной изъ первыхъ еще страницъ своей работы,—потрудитесь припомнить весь циклъ существующихъ такъ называемыхъ соціальныхъ наукъ—и вы увидите, что ни на одну изъ нихъ нельзя возложить обязанности изученія массовыхъ движеній, какъ таковыхъ, т.-е. въ ихъ существенныхъ и самостоятельныхъ чертахъ» [2]): «массовое движеніе, какъ общественное явленіе, въ своихъ интимныхъ, самостоятельныхъ чертахъ, какъ явленіе, имѣющее свои законы, по которымъ оно возникаетъ, продолжается и прекращается,—остается совершенно даже незатронутымъ» соціальными науками, которымъ приходится говорить о такихъ явленіяхъ, какъ соучастіе въ преступленіи, бунтъ, возстаніе (уголовное право), стачка, эмиграціонное движеніе (политическая экономія), война, сраженіе (международное право) и т. п. [3]).

«Изъ какихъ людей составляется *толпа*? спрашиваетъ Михайловскій, приступая къ рѣшенію поставленнаго выше вопроса. Въ чемъ заключается секретъ ихъ непреодолимаго стремленія къ подражанію? Нравственныя ли ихъ качества опредѣляютъ это стремленіе, или умственныя, или какія другія особенности» [4])? Такимъ образомъ авторъ хочетъ заняться тутъ прямо уже самой психологіей толпы. Онъ перебираетъ нѣсколько отвѣтовъ, дававшихся на эти вопросы людьми, которые спеціально занимались подобными вопросами, но находитъ въ этихъ отвѣтахъ «необычайную разноголосицу и цѣлый рядъ противорѣчій» [5]). Мы не послѣдуемъ за Михайловскимъ и въ его разсмотрѣніи мнѣній Адама Смита, Герберта Спенсера и др. писателей, высказывавшихся по данному предмету, а изложимъ прямо собственныя соображенія автора «Героевъ и толпы». Исходя изъ того положенія, что «подражательность, даже въ наивысшихъ своихъ болѣзненныхъ

---

[1]) Ibid., 340.

[2]) Ibid., 290. Съ нашей точки зрѣнія, это дѣло коллективной психологіи, о которой мы говоримъ въ О. В. Ф. И. II, 2 sq. (5 sq.).

[3]) Герои и толпа, 291. Михайловскій полагаетъ, что вопросъ подлежитъ вѣдѣнію исторіи. Думаемъ, что исторія можетъ доставлять только матеріалъ для рѣшенія такихъ теоретическихъ вопросовъ. Ср. наше раздѣленіе наукъ на феноменологическія и номологическія. О. В. Ф. И. I. 9 sq. (105 sq.).

[4]) Герои и толпа, 341.

[5]) Ibid., 341 sq. *Адамъ Смитъ.* Теорія нравственныхъ чувствъ. *Гербертъ Спенсеръ.* Основанія психологіи (глава объ общественности и симпатіи въ IV томѣ). *Кандинскій.* Общепонятные психологическіе этюды.

формахъ, есть лишь спеціальный случай омраченія сознанія и слабости воли, обусловленный какими-то специальными обстоятельствами», онъ приходитъ къ тому выводу, что въ послѣднихъ долженъ находиться ключъ къ уразумѣнію всѣхъ разнообразныхъ явленій, обзоръ которыхъ былъ сдѣланъ въ первой части работы. «Найдя этотъ ключъ, говоритъ онъ далѣе, мы откроемъ себѣ далекія перспективы въ глубь исторіи и въ область практической жизни, ибо узнаемъ, *какъ, когда и почему толпа шла и идетъ за героями*» [1]. Тутъ вводится въ изслѣдованіе еще одна категорія явленій, раньше авторомъ еще не затрогивавшихся, явленій, въ коихъ подражаніе также играетъ громадную роль, именно явленія гипнотическія: «*здѣсь-то,* замѣчаетъ Михайловскій, *быть можетъ и лежитъ ключъ къ уразумѣнію всей тайны героевъ и толпы*» [2]. Ученыя объясненія гипнотизма сводятся къ весьма простому положенію. «Вульгарно выражаясь, можно сказать, что гипнотикъ, поставленный экспериментаторомъ въ условія крайне скудныхъ и однообразныхъ впечатлѣній, начинаетъ жить однообразною жизнью и, очень быстро исчерпавъ самого себя, превращается въ выѣденное яйцо, которое собственнаго содержанія не имѣетъ, а наполняется тѣмъ, что случайно вольется въ него со стороны». Но, спрашиваетъ Михайловскій, «въ какой мѣрѣ можно допустить, что и въ другихъ случаяхъ подражанія самостоятельная жизнь индивидуума поѣдается скудостью и однообразіемъ впечатлѣній?» Отвѣтъ заключается въ указаніи на состоянія «экзальтаціи и экстаза, весьма часто сопровождающія нѣкоторыя поразительныя формы подражательности» (напр., стигматизацію): «экстатикъ весь поглощенъ однимъ какимъ-нибудь предметомъ, образомъ, идеей, почему-нибудь сосредоточившимъ на себѣ его вниманіе. Все остальное онъ видитъ и не видитъ, слышитъ и не слышитъ, т.-е. впечатлѣнія отъ постороннихъ предметовъ, хотя, можетъ быть, и доходятъ до него, но не сознаются имъ. Вслѣдствіе чего на высшихъ ступеняхъ экстаза замѣчаются та же потеря чувствительности и та же потеря чувства боли, которое характеризуетъ гипнотическое состояніе» [3]. Пояснивъ послѣднее нѣсколькими примѣрами, Михайловскій дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «такимъ образомъ, для вызова и обнаруженія склонности къ подражанію, а слѣдовательно, и для образованія того, что мы называемъ толпой, нужно, повидимому, одно изъ двухъ: или впечатлѣніе, столь сильное, чтобы оно временно задавило всѣ другія впечатлѣнія, или постоянная, хро-

---

[1]) Герои и толпа, 350.

[2]) Ibid., 353. *Гейденгайнъ.* Такъ называемый животный магнетизмъ. *Бенедиктъ.* Каталепсія и месмеризмъ. *Шнейдеръ.* О психическихъ причинахъ гипнотическихъ явленій.

[3]) Герои и толпа, 357.

ническая скудость впечатлѣній. Соединеніе этихъ двухъ условій должно, понятное дѣло, еще усиливать эффектъ подражательности» [1]).

Дальнѣйшее въ статьѣ «Герои и толпа» представляетъ собою провѣрку этого принципа и новыя его приложенія. Авторъ снова перебираетъ приведенные имъ примѣры подражанія, разсматриваетъ условія, среди какихъ происходили описанные случаи, и доказываетъ, что эти условія сводятся къ однообразію личной жизни [2]). Для историка особый интересъ имѣетъ глава IX, въ которой Михайловскій съ устанавливаемой имъ точки зрѣнія разсматриваетъ условія жизни средневѣкового человѣка, особенно часто подвергавшагося нравственнымъ эпидеміямъ и притомъ весьма разнообразнымъ: характерными особенностями этой жизни авторъ считаетъ «однообразіе, скудость и постоянство впечатлѣній» [3]). Въ небольшой десятой главѣ, которою и оканчивается статья, дѣлаются нѣкоторые выводы изъ всего предыдущаго, именно въ примѣненіи къ средневѣковымъ же нравственнымъ эпидеміямъ. «*Средневѣковая масса*, — читаемъ мы здѣсь, между прочимъ,—*представляла*, *можно сказать*, *идеальную толпу*. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до послѣдней возможной степени подавленная однообразіемъ впечатлѣній и скудностью личной жизни, она находилась какъ-бы въ хроническомъ состояніи ожиданія героя. Чуть только мелькнетъ какой-нибудь особенный, выдающійся образъ на постоянно сѣромъ, томительно ровномъ фонѣ ея жизни, и это уже герой, и толпа идетъ за нимъ, готовая, однако, свернуть съ половины дороги, чтобы идти за новымъ бросившимся въ глаза образомъ. Но именно вслѣдствіе этой необыкновенной податливости толпы, средневѣковые герои весьма мало интересны, говоря вообще. *Чтобы сдѣлаться въ ту пору героемъ*, *не нужно было обладать специфическими чертами вожака*. Не нужно было, наприм., быть носителемъ той или другой идеи, которая концентрировала бы бродящіе въ толпѣ инстинкты или позывы; не нужно было обладать планомъ дѣйствія, надменною дерзостью побѣдителя или мягкостью искуснаго ловца умовъ и сердецъ. Сталъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего плясать на улицѣ—и онъ герой; пошелъ освобождать гробъ Господень—герой; сталъ хлестать себя публично по обнаженному тѣлу—герой; пошелъ бить жидовъ—герой и т. д., и т. д. Словомъ, отношенія между толпой и героями были самыя элементарныя, а потому мало поучительныя. Поучительно здѣсь именно только то, что *героемъ могъ оказаться первый встрѣчный*» [4]). Послѣднее, по представленію Михайловскаго, бываетъ, конечно, не всегда. «Кто хочетъ, говоритъ онъ, властвовать надъ людьми, заставить ихъ подражать или повиноваться, тотъ долженъ поступать, какъ поступаетъ магнетизеръ, дѣлающій

---

[1]) Ibid., 358. [2]) Ibid., 361. [3]) Ibid., 373—390. [4]) Ibid., 392—393.

гипнотическій опытъ. Онъ долженъ произвести моментально столь сильное впечатлѣніе на людей, чтобы оно ими овладѣло всецѣло и, слѣдовательно, на время задавило всѣ остальныя ощущенія и впечатлѣнія, чѣмъ и достигается односторонняя концентрація сознанія; или же онъ долженъ поставить этихъ людей въ условія постоянныхъ однообразныхъ впечатлѣній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ можетъ дѣлать чуть не чудеса, заставляя плясать подъ свою дудку массу народа и вовсе не прибѣгая для этого къ помощи грубой физической силы. *Но бываютъ обстоятельства, когда этотъ эффектъ достигается въ извѣстной степени личными усиліями героя, и бываютъ обстоятельства, когда нѣтъ никакой надобности въ такихъ личныхъ усиліяхъ и соотвѣтственныхъ имъ умственныхъ, нравственныхъ или физическихъ качествахъ.* Тогда героемъ можетъ быть всякій, что мы и видимъ въ средніе вѣка» [1]).

Характеризуя общую постановку вопроса о «герояхъ и толпѣ» въ работѣ Михайловскаго, я уже отмѣтилъ слѣдующія частности: авторъ, во-первыхъ, имѣетъ дѣло съ одними дѣйствіями, или поступками людей, составляющими прагматическую сторону исторіи, что особенно теперь для насъ пригодно; изъ всѣхъ людскихъ дѣйствій онъ, во-вторыхъ, выбираетъ лишь тѣ, которыя являются результатомъ подражанія и притомъ подражанія не по внѣшнимъ побужденіямъ; наконецъ, для него безразлично, кому подражаетъ толпа, будетъ ли «герой»—нѣчто выдающееся надъ массой или нѣчто весьма и весьма заурядное. Намъ еще не разъ придется говорить о значеніи подражанія и притомъ не только въ прагматической, но и въ культурной исторіи, хотя придется (если уже не приходилось) видѣть, что, конечно, однимъ подражаніемъ, особенно же однимъ подражаніемъ безсознательнымъ, мимовольнымъ не исчерпываются всѣ отношенія между «героями и толпою». Собственно говоря, главный предметъ всей статьи Михайловскаго — сила подражанія, вслѣдствіе чего для него не особенно важенъ вопросъ, кто и чѣмъ вызываетъ подражаніе. Изложивши теперь содержаніе его работы, мы, дѣйствительно, видимъ, что въ ней изучаются разные виды одного и того же общаго явленія—подражанія: зоологическая мимичность, рядъ физіологическихъ явленій, одинъ изъ случаевъ коего представляетъ собою стигматизація, далѣе психическія явленія гипнотизаціи, заразительности самоубійства, дѣйствія оратора на слушателей, наконецъ, нравственныя эпидеміи въ родѣ средневѣкового флагеллантства и массовыя движенія въ родѣ перваго крестоваго похода. Подражаніе берется Михайловскимъ автоматичное, мимовольное, безсознательное; толпа—податливая, находящаяся въ безпредметномъ напряженіи, готовая подражать кому бы то ни

---

[1]) Ibid., 393.

было, «герой»—безразличныхъ качествъ, первый встрѣчный. Авторъ самъ, однако, въ разныхъ мѣстахъ оговаривается, что въ массовыхъ движеніяхъ люди поступаютъ такъ, а не иначе, не въ силу одной подражательности, что послѣдняя не всегда бываетъ искренняя, мимовольная, что не всякая толпа бываетъ «идеальной толпой» въ смыслѣ сдѣланнаго имъ опредѣленія, и что, наконецъ, въ извѣстномъ смыслѣ и «герой» бываетъ небезразличенъ для самой сущности факта, съ коимъ связано его имя. Слѣдовательно, Михайловскій, какъ мы и говорили въ началѣ, подвергъ своему изслѣдованію только одинъ частный случай изъ всего разнообразія возможныхъ отношеній между единицей и массой, притомъ, прибавимъ, такой случай, гдѣ «герой» находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ толпою или гдѣ вообще одинъ человѣкъ подражаетъ другому, получая отъ него непосредственное впечатлѣніе.

Разсматривая массовыя движенія, авторъ, какъ мы видѣли, ставитъ на первое мѣсто настроеніе самихъ массъ: это, пожалуй, вполнѣ соотвѣтствуетъ той благосклонности, съ какою онъ при всемъ своемъ нейтралитетѣ между теоріей «великихъ людей» и противоположнымъ воззрѣніемъ относится къ этому послѣднему. Но именно нѣкоторые взгляды самого Михайловскаго какъ нельзя болѣе могли бы служить для подкрѣпленія теоріи, ставящей на первый планъ «героевъ»: его «толпа» есть нѣчто лишенное собственнаго содержанія, tabula rasa, на которой можетъ писать первый встрѣчный все, что ему угодно. Перечитывая изложеніе статьи, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указаній на это: наприм., мы видѣли, что тутъ рѣчь шла о «причинахъ, которыя обращаютъ людей въ автоматовъ и заставляютъ ихъ повторять» и т. д., о «безпредметномъ напряженіи толпы», о ея «готовности подражать чему бы то ни было», о «податливой массѣ, готовой идти за героемъ куда бы то ни было», объ «омраченіи сознанія и слабости воли», лежащихъ въ основѣ подражательности и т. д., и мы видѣли также, что все это было поставлено въ связь съ гипнотическими явленіями, въ коихъ человѣкъ, по объясненію автора, «превращается въ выѣденное яйцо, которое собственнаго содержанія не имѣетъ, а наполняется тѣмъ, что случайно вольется въ него со стороны». Прибавимъ ко всѣмъ подобнымъ заявленіямъ еще и то, что сказано было авторомъ о средневѣковой массѣ. Съ другой стороны, въ тѣхъ же мѣстахъ работы Михайловскаго говорится о томъ, что «герой толпѣ нуженъ», что она «томительно и напряженно переминается съ ноги на ногу въ ожиданіи его появленія», о томъ, какъ великій ораторъ или проповѣдникъ «заражаетъ своимъ личнымъ настроеніемъ сотни, тысячи слушателей», или какъ можно произвести на массу столь сильное впечатлѣніе, что оно временно подавляетъ всѣ другія и т. д. Кромѣ того, готовой подражать и повиноваться

массѣ авторъ противополагаетъ, напр., или «какой-нибудь особенный, выдающійся образъ», или человѣка съ «спеціальными чертами вожака», носителя той или другой идеи, концентрирующей бродящие въ массѣ идеи и позывы, обладателя плана совокупныхъ дѣйствій, властную натуру повелителя или «ловца умовъ и сердецъ», а потому и оправдываетъ «наивныхъ историковъ добраго стараго времени», стоявшихъ всецѣло на точкѣ зрѣнія «теоріи великихъ людей». Правда, лично его самого интересуютъ болѣе случаи, когда «героями» являются не такіе все-таки особенные люди, а первые встрѣчные, но за это-то именно и нельзя не поблагодарить автора «Героевъ и толпы»: онъ показалъ, что въ исторіи не всегда бываетъ такъ, какъ представляютъ себѣ дѣло сторонники культа героевъ. Во всякомъ случаѣ, однако, и «первый встрѣчный» для того, чтобы стать «героемъ», долженъ же чѣмъ-нибудь выдаться, сдѣлать что-нибудь особенное, чего до него не дѣлалъ никто, т.-е. все-таки долженъ проявить нѣкоторую иниціативу. Въ послѣдней-то и все дѣло. Такимъ образомъ, заявивъ сначала о большомъ своемъ расположеніи къ теоріи, противоположной какому бы то ни было намеку на культъ героевъ, Михайловскій, въ концѣ концовъ, высказываетъ взгляды, которые и лежатъ въ основѣ этого культа, если только устранить непомѣрное ихъ преувеличеніе, характеризующее послѣдній. Въ обѣихъ теоріяхъ, повторяемъ, есть вѣрныя стороны, и только-что указанное противорѣчіе въ отношеніи Михайлойскаго къ «героямъ» и толпѣ сводится въ сущности къ тому, что въ разныхъ мѣстахъ онъ имѣлъ въ виду разныя стороны одного и того же процесса. Пусть это служитъ доказательствомъ необходимости такой формулы, которая представляла бы собою синтезъ двухъ воззрѣній, только въ своей односторонности уничтожающихъ одно другое. Такого синтеза авторъ «Героевъ и толпы» не даетъ, и мы не будемъ ставить ему это въ вину, такъ какъ въ данномъ вопросѣ его мысль была направлена на разрѣшеніе совершенно иной задачи, именно задачи болѣе психологической, нежели исторіософической.

Разобранная нами работа Михайловскаго, къ сожалѣнію, осталась неоконченной, хотя, спустя нѣкоторое время, онъ возвратился къ тому же предмету въ статьѣ «Научныя письма». Между этой статьей и предыдущей работой есть несомнѣнная связь. Указавъ въ началѣ перваго письма на содержаніе «Героевъ и толпы», авторъ продолжаетъ: «Эта попытка (очень бѣглая и уже потому неудовлетворительная, да вдобавокъ и неоконченная) привести къ одному знаменателю явленія, столь разнообразныя и во многихъ отношеніяхъ столь важныя, остается до сихъ поръ, къ сожалѣнію, вполнѣ одинокою. Не только въ русской литературѣ не было сказано за эти два года ни одного разъяснительнаго и вообще сколько-нибудь цѣннаго

слова по этому поводу, но и въ Европѣ этотъ вопросъ чрезвычайной важности въ сущности очень мало подвинулся впередъ къ своему разрѣшенію. Едва-ли даже хоть сколько-нибудь подвинулся, потому что подвинуться онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если будетъ взятъ во всей своей многосложной обширности, а этого-то и нѣтъ» [1]). Къ этимъ словамъ слѣдуетъ прибавить, что и впослѣдствіи, т.-е. много времени спустя послѣ того, какъ они были написаны, Михайловскій могъ бы сказать то же самое [2]). Дали Михайловскому поводъ возвратиться къ затронутому имъ вопросу сочиненія трехъ писателей разныхъ національностей, почти единовременно (1883 г.) и почти совсѣмъ другъ отъ друга независимо остановившихъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонахъ той обширной группы явленій, которую авторъ формулируетъ словами: «герои и толпа». Первое письмо и посвящено цѣликомъ разбору взглядовъ этихъ писателей, а именно, во-первыхъ, Гальтона, отведшаго цѣлую главу «стаднымъ и рабскимъ инстинктамъ» въ своей книгѣ «Inquiries into human faculty and its development», затѣмъ Рамбоссона, трактующаго о психической заразѣ и автоматическомъ подражаніи въ книгѣ «Phénomènes nerveux, intellectuels et moraux, leur transmission par contagion» и, наконецъ, Ломброзо, обнародовавшаго цѣлую теорію массовыхъ народныхъ волненій въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Due tribuni studiati da un alienista». Второе (и послѣднее) письмо представляетъ изъ себя равнымъ образомъ разборъ взглядовъ трехъ писателей: того же Ломброзо, Жоли (La psychologie des grands hommes) и проф. Брикнера (Zur Naturgeschichte der Prätendenten). Такъ какъ въ названныхъ письмахъ заключаются нѣкоторыя дополненія къ фактамъ и взглядамъ, приведеннымъ въ «Герояхъ и толпѣ», то мы и остановимся здѣсь еще и на этой статьѣ Михайловскаго.

---

[1]) См. VI томъ сочиненій Н. К. Михайловскаго, стр. 396.

[2]) Мы не говоримъ о нѣкоторыхъ спеціальныхъ работахъ въ родѣ, наприм., статьи д-ра *Легрэна* въ Archives de neurologie за 1889 годъ, гдѣ доказывается, что вліяніе сильныхъ, хотя и разстроенныхъ организацій на слабыя, хотя, повидимому, и здоровыя, бываетъ весьма значительно. Позже вышедшая книга *Реньяра* «Les maladies epidémiques de l'esprit», переведенная и по-русски (Умственныя эпидеміи. Спб. 1889), обильная фактами, не заключаетъ въ себѣ сколько-нибудь выработанной теоріи. Авторъ только констатируетъ существованіе «извѣстнаго рода *соціальнаго мимицизма*, увлекающаго насъ» (стр. II рус. пер.); его вліянію авторъ приписываетъ, между прочимъ, «внезапныя рѣшенія, увлекающія цѣлыя націи въ войну, революцію или возмущеніе, въ то время, когда онѣ, повидимому, пользуются полнѣйшимъ миромъ и покоемъ. Исторія, продолжаетъ онъ, кишитъ подобными внезапными пробужденіями, вызванными небольшой группой людей рѣшительныхъ, *увлекающихъ массу своимъ примѣромъ*» (стр. III). Реньяръ только описываетъ разные случаи умственныхъ эпидемій. Приложенная къ русскому переводу статья д-ра *Португалова* «Повальныя чудачества» отличается полемическимъ характеромъ и уже совсѣмъ не имѣетъ отношенія къ нашему предмету.

Попутно намъ, кромѣ того, придется познакомиться съ воззрѣніями новѣйшихъ писателей, книги которыхъ въ ней разбираются (и до извѣстной степени излагаются).

Михайловскій привелъ значительныя выдержки изъ той главы книги Гальтона, которая имѣетъ отношеніе къ интересующему его вопросу [1]). Въ указанной главѣ, по словамъ самого Гальтона, «рѣчь идетъ *о рабскихъ склонностяхъ, несвойственныхъ вождямъ людей, но составляющихъ характеристическій элементъ жизни заурядныхъ личностей.* Значительное большинство представителей нашей расы, продолжаетъ онъ, обладаетъ *естественнымъ стремленіемъ уклоняться отъ отвѣтственности, сопряженной съ самостоятельною дѣятельностью;* они возводятъ vox populi въ vox Dei даже и тогда, когда имъ извѣстно, что этотъ vox populi исходитъ отъ ничтожной толпы; они всегда являются податливыми рабами традиціи, авторитета и обычая. Умственный недостатокъ, соотвѣтствующій этому нравственному пороку, обнаруживается *рѣдкостью свободныхъ и оригинальныхъ идей,* сравнительно съ часто встрѣчающеюся *готовностью принимать мнѣнія людей авторитетныхъ и подчинять имъ свои собственныя сужденія*». Гальтонъ пытается доказать, что «рабскія наклонности человѣка являются прямымъ послѣдствіемъ стадности его природы, которая, въ свою очередь, есть результатъ его первобытнаго варварства и формъ послѣдующей цивилизаціи». Аргументъ Гальтона состоитъ въ томъ, что «стадныя животныя въ значительной степени лишены самостоятельности, что условія жизни этихъ животныхъ сдѣлали для нихъ этотъ недостатокъ необходимостью и что въ силу закона естественнаго подбора стадные инстинкты эти и сопутствующія имъ рабскія наклонности постепенно достигли высокаго развитія». Англійскій ученый для доказательства своего тезиса ссылается на примѣръ нѣкоторыхъ дикарей, но противъ такой ссылки его русскій критикъ весьма резонно выставляетъ на видъ то обстоятельство, что есть дикари, отличающіеся, наоборотъ, необыкновеннымъ свободолюбіемъ и личною самостоятельностью. «Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ Михайловскій, исходная точка всего разсужденія Гальтона, моментъ возникновенія стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ, не обставленъ никакими сколько-нибудь солидными доказательствами» [2]). Критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ еще, что на основаніи однихъ только принциповъ дарвинизма мы никогда не узнаемъ, откуда ведутъ начало стадные и рабскіе инстинкты вообще, въ томъ числѣ и въ человѣческомъ обществѣ, потому что естественный подборъ, на который ссылается Гальтонъ, «по самой сущности своей, можетъ разъяснять только укрѣ-

[1]) Изложеніе и разборъ Гальтона занимаетъ стр. 397—411 въ VI т. сочиненій Михайловскаго.

[2]) Ibid., 407.

пленіе и распространеніе какого бы то ни было явленія, а никогда его происхожденія. Возьмемъ для примѣра, продолжаетъ Михайловскій, паническій ужасъ, внезапно охватывающій толпу, или чисто рабское преклоненіе огромнаго количества людей передъ авторитетомъ Наполеона I. Неужели читатель будетъ удовлетворенъ, если явленія эти будутъ ему объяснять тѣмъ, что когда-то, много вѣковъ тому назадъ, предки европейцевъ жили на манеръ дамарскихъ быковъ, и что какъ тогда, такъ и впослѣдствіи обстоятельства способствовали подбору несамостоятельныхъ личностей, пропитанныхъ стадными и рабскими инстинктами? Спора нѣтъ, дарвинистъ можетъ сообщить въ этихъ рамкахъ много важнаго и интереснаго. Но, исчерпавъ даже всѣ обстоятельства, способствовавшія въ теченіе всего историческаго процесса истребленію самостоятельныхъ характеровъ и выживанію прирожденныхъ рабовъ, онъ не укажетъ намъ все-таки непосредственныхъ причинъ паникѣ или обожествленію Наполеона. Дѣло идетъ объ извѣстномъ психическомъ настроеніи, а намъ разсказываютъ о томъ, какъ люди противоположнаго настроенія истреблялись, не оставляли потомства и проч. Мы хотимъ знать, почему видъ бѣгущей толпы увлекаетъ и насъ, не имѣющихъ ни надобности, ни желанія принимать участіе въ бѣгствѣ, или почему человѣкъ падаетъ ницъ передъ представленіемъ гигантскаго образа Наполеона, а намъ отвѣчаютъ: это—наслѣдіе прошлаго; когда-то людямъ было полезно бѣгать стадомъ и преклоняться передъ тѣмъ, кто взялъ въ руки палку и энергически ею дерется; поэтому экземпляры человѣческой породы, которые не имѣли этихъ склонностей, погибали. Ясно, что это—не отвѣтъ, и что получить этимъ путемъ отвѣтъ безусловно невозможно» [1]). Михайловскаго интересуетъ психологическій вопросъ о происхожденіи стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ, и онъ не удовлетворяется объясненіемъ англійскаго ученаго, не отвергая существованія фактовъ, легшихъ въ основу обобщенія, сдѣланнаго Гальтономъ, и ничего не говоря противъ правильности этого обобщенія, самого по себѣ.

Покончивъ съ Гальтономъ, Михайловскій разбираетъ названную выше книгу Рамбоссона [2]). Если англійскій ученый для явленій, интересующихъ и русскаго соціолога, ищетъ объясненія въ теоріи Дарвина, то французскій авторъ сочиненія на аналогичную тему обращается за тѣмъ же объясненіемъ къ теоріи единства и превращенія физическихъ силъ. Кромѣ фактовъ нравственной заразы (contagion morale), онъ вводитъ въ кругъ своего изслѣдованія вліяніе музыки, мимики, пластическихъ искусствъ, каковое вмѣстѣ съ вліяніемъ примѣра въ случаѣ нравственной заразы объясняется для него «закономъ передачи и превращенія выразительнаго движенія». «Мозговое

---

[1]) Ibid., 410. [2]) Ibid., 412—423.

или психическое движенiе (такъ формулируется этотъ законъ) можетъ, проходя различныя среды, превращаться въ чисто физiологическое, затѣмъ въ физическое, затѣмъ опять въ физiологическое, и, наконецъ, опять въ мозговое или психическое, ни мало при этомъ не извращаясь, т.-е. сохраняя способность воспроизводить всѣ свойственныя ему явленiя». Съ точки зрѣнiя Рамбоссона, «весь феноменъ заразительности зѣвоты, говоритъ Михайловскiй, представляется такъ. Видъ и звукъ зѣвоты не есть что-нибудь условное, въ родѣ буквъ азбуки, цифръ, словъ и т. п. Она выражаетъ извѣстное состоянiе; но узнаемъ мы объ этомъ потому, что мимическое движенiе, превратившись въ звуковое и свѣтовое и войдя затѣмъ въ организмъ присутствующаго черезъ посредство специальныхъ аппаратовъ, здѣсь вновь превращается въ то же самое физiологическое, а затѣмъ и психическое движенiе; волны свѣта и звука пронесли его полностью отъ одной человѣческой души до другой. Зараза есть, слѣдовательно, точное и полное воспроизведенiе даннаго движенiя въ зрителѣ или слушателѣ» [1]). Критикъ считаетъ степень доказательности теорiи невысокою, хотя и признаетъ въ ней большую привлекательность, но, прибавляетъ онъ, хотя-бы Рамбоссонъ «даже съ гораздо большею доказательностью расширилъ предѣлы великой теорiи единства силъ, въ приложенiи къ занимающему насъ предмету, объясненiе его слишкомъ грубо и недостаточно». Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Михайловскiй, «сила заразительности хотя-бы той же зѣвоты, какъ всякiй по личному опыту знаетъ, не непреодолима; видъ бѣгущей со страху толпы увлекаетъ зрителей не всегда и не непремѣнно, и даже наиболѣе поразительныя нравственныя эпидемiи встрѣчаютъ на пути своего распространенiя организацiи, слишкомъ стойкiя для того, чтобы поддаться общему теченiю; наконецъ, для нѣкоторыхъ особенно рѣзкихъ формъ автоматическаго подражанiя нужно совершенно особое состоянiе, завѣдомо патологическое. Очевидно, все явленiе останется для насъ темнымъ, пока не будетъ объяснена эта его, если можно такъ выразиться, разностепенность. Почему влiянiе заразы такъ сильно отражается на Петрахъ и отскакиваетъ отъ Ивановъ? Почему и на Петрахъ оно оказывалось вчера и не оказывается сегодня? Чѣмъ отличается то состоянiе организма или духа, которое способствуетъ воспринятiю заразы, и чѣмъ отличается то, которое ей противостоитъ? Отвѣтъ на эти вопросы дастъ анализъ условiй, при которыхъ явленiе обязательно возникаетъ, и тѣхъ, при которыхъ оно возникнуть не можетъ. Больше этого наука для объясненiя явленiя дать не въ состоянiи, но никакъ не должна довольствоваться меньшимъ. Отъ Рамбоссона мы не узнаёмъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго» [2]), прибавляетъ

---

[1]) Ibid., 415. [2]) Ibid., 418.

Михайловскій. Такимъ образомъ, и послѣ Рамбоссона, говоритъ онъ еще, «специфическая тайна героевъ и толпы остается все-таки тайной и,—такъ заключаетъ критикъ свой разборъ,—останется таковою вплоть до тѣхъ поръ, пока не будутъ выяснены условія, при которыхъ создаются герои и создается толпа, или, говоря терминологіей Рамбоссона, условія, при которыхъ процессъ передачи и превращенія мимическаго движенія происходитъ съ различною степенью интенсивности, то поднимаясь до совершеннаго помраченія разума въ толпѣ, то опускаясь до нуля, до полнаго бездѣйствія» [1]).

Переходимъ къ разбору теоріи Ломброзо, который Михайловскій дѣлаетъ въ концѣ перваго и въ началѣ второго письма [2]),—оставляя въ сторонѣ Жоли и проф. Брикнера, такъ какъ о первомъ изъ нихъ Михайловскій говоритъ слишкомъ мало [3]), а «Естественную исторію претендентовъ» второго привлекаетъ къ разсмотрѣнію скорѣе по фактическому матеріалу, заключающемуся въ этой статьѣ, нежели ради ея теоретическихъ положеній. Теорію Ломброзо, которая называется у самого итальянскаго ученаго «психіатро-зоологическою», Михайловскій излагаетъ по «Двумъ трибунамъ» и по «Генію и помѣшательству» [4]); «явленія автоматической подражательности и повиновенія, говоритъ онъ, т.-е. стадные и рабскіе инстинкты по Гальтону, или факты передачи мимическаго движенія по Рамбоссону занимаютъ Ломброзо исключительно въ формѣ массовыхъ народныхъ волненій, при чемъ, однако, центръ тяжести его изслѣдованія, въ связи съ его прежними работами, лежитъ не въ толпѣ, а въ герояхъ». Сущность теоріи итальянскаго психіатра можно вмѣстѣ съ Михайлов-

---

[1]) Ibid., 422—423. [2]) Ibid., 423—431.

[3]) Ibid., 425—427. Г. Михайловскій касается Жоли только по одному частному поводу.

[4]) *C. Lombroso*. Due tribuni studiati da un alienista. 1883. Genio e follia in rapporto alla medicina legale, alla critica ed alla storia. Собственно говоря, Михайловскій излагаетъ эту теорію не по самымъ сочиненіямъ, а по статьѣ о нихъ г-жи *Е. Лѣтковой* въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1884 г. (кн. III), подъ заглавіемъ: «Психіатро-зоологическая теорія массовыхъ движеній». Г-жа Лѣткова передаетъ самую суть теоріи Ломброзо нѣсколько подробнѣе на стр. 5—6, 17, 21 и 27 своей статьи, но все главное удержано въ изложеніи автора «Героевъ и толпы». Я обращался непосредственно къ указаннымъ книгамъ Ломброзо и нашелъ, что г-жа Лѣткова передала его теорію вѣрно. Въ Genio e follia см. главу X (I profeti e rivoluzionari, стр. 176 и слѣд., по 4 изд. 1882 г.), гдѣ приведено нѣсколько примѣровъ дѣйствія на массы «пророковъ и революціонеровъ», а также главы VI (Esempi di genii alienati, стр. 59 и слѣд.) и XI (caratteri speciali degli uomini di genio che furoro nello stesso tempo alienati, стр. 225 и слѣд.). Другую книгу Ломброзо мы имѣли въ изданіи 1887 г. уже подъ заглавіемъ «Tre tribuni». Здѣсь (стр. 22—23) авторъ буквально повторяетъ одно мѣсто изъ «Genio e follia», а сама теорія, изложенная въ главѣ VI (una nuova teoria psichiatro-zoologica delle rivoluzioni), занимаетъ только 8 страницъ (143—150). Мы вернемся къ Ломброзо въ другой связи.

скимъ передать слѣдующимъ образомъ: «Въ природѣ царитъ законъ инерціи. Подчинено ему и человѣчество. *Оно въ высшей степени консервативно* и отчасти безсознательно, а иногда и сознательно *противится всякимъ нововведеніямъ*, приспособляясь къ которымъ, нервные центры испытываютъ утомленіе, доходящее иногда до настоящаго страданія. Правда, разныя мелочныя новинки пріятно ласкаютъ чувства обыкновеннаго, средняго человѣка, но *крупныя нововведенія завоевываютъ себѣ мѣсто лишь съ величайшимъ трудомъ. Консерватизмъ есть общій законъ исторіи*, революціонныя же массовыя движенія составляютъ исключенія, нѣчто несоотвѣтственное нормальной природѣ человѣка, а потому и для возникновенія ихъ нужны особыя ненормальныя условія. Нужно, во-первыхъ, чтобы лишенія и страданія, доставляемыя даннымъ порядкомъ вещей, достигли высокой степени. Но за всѣмъ тѣмъ, *масса, задерживаемая силою консерватизма, лишь безсознательно стремится къ перемѣнѣ, и для вызова ея на поле дѣйствія нуженъ примѣръ энергическихъ, но опять-таки ненормальныхъ людей.* Такой особенный ненормальный человѣкъ открыто *борется съ нормальною силою консерватизма, увлекая за собою толпу*, и либо падаетъ въ этой борьбѣ съ титуломъ безумца, либо, въ случаѣ удачи, завоевываетъ себѣ въ исторіи имя великаго человѣка» [1]) Къ этой теоріи Михайловскій относится весьма критически. Изъ нея «не видно, говоритъ онъ, почему въ природѣ царитъ законъ инерціи, въ смыслѣ неподвижности, когда съ гораздо большимъ правомъ можно сказать, что въ природѣ царитъ законъ неустаннаго движенія. Переводъ слова *инерція* словомъ *консерватизмъ,* противопоставленіе *ненормальнаго* человѣка *нормальности* консерватизма [2]), подведеніе разстроеннаго ума и альтруистическихъ чувствъ, доведенныхъ до извѣстнаго градуса, за одну скобку ненормальности, — все это болѣе остроумно, чѣмъ доказательно» [3]). Критикъ замѣчаетъ еще, что у Ломброзо «самое понятіе массоваго движенія оказывается очень неопредѣленнымъ, потому что оно, очевидно, не можетъ быть отожествлено непремѣнно съ революціей, по крайней мѣрѣ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ были революціонныя движенія, вызванныя ди-Ріенци и Мазаньелло» [4]). Наконецъ, Михайловскій находитъ проблематичнымъ и основной тезисъ о близости сумасшествія и геніальности [5]). Тѣмъ не менѣе, въ теоріи итальянскаго ученаго онъ отмѣчаетъ нѣчто,

---

[1]) *Михайловскій,* 423.

[2]) Въ своемъ мѣстѣ мы постараемся защитить Ломброзо по поводу инерціи и консерватизма.

[3]) Ibid., 424—425. [4]) Ibid., 425.

[5]) О томъ, что многіе ученые давно уже говорили о существованіи точекъ соприкосновенія между геніальностью и помѣшательствомъ, см. историческую справку въ началѣ (стр. 1—3) книги *Lombroso* «Genio et follia».

что заслуживаетъ полнаго вниманія: это—ученіе о маттоидахъ, какъ о герояхъ или вожакахъ массовыхъ движеній (маттоидъ, тронутый, отъ итальянскаго слова «matto»—помѣшанный—обозначаетъ у Ломброзо ненормальнаго человѣка, способнаго увлекать толпу). «Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—отнюдь не всегда, но очень часто все-таки во главѣ толпы становятся эти безкорыстные, хотя и самолюбивые, и властолюбивые, и честолюбивые, увлекательные, хотя и полубезумные люди, которыхъ я, впрочемъ, предпочелъ бы характеризовать не двусмысленнымъ и слишкомъ одностороннимъ словомъ «маттоидъ», а цѣлымъ выраженіемъ, именно тѣмъ удивительнымъ выраженіемъ, которое лѣтописецъ Выговской старообрядческой пустыни употребляетъ, говоря объ Андреѣ Денисовѣ: «И тако Богомъ поставляемъ, приходитъ самозванъ, паче же рещи богозванъ, къ подвигу». Какъ ни дерзко это выраженіе, но оно едва покрываетъ дерзость и безуміе самихъ лже-пророковъ», которые, — говоритъ Михайловскій нѣсколько далѣе,—«всѣ самозванны для здравомыслящаго посторонняго наблюдателя и богозванны съ своей точки зрѣнія или, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія своихъ послѣдователей» [1]). Михайловскій находитъ Ломброзо въ значительной степени правымъ и по отношенію къ великимъ людямъ, оставляя въ сторонѣ проблематическій тезисъ о родственности геніальности и сумасшествія. Правъ именно «итальянскій психіатръ *въ своей постановкѣ вопроса о великихъ людяхъ, какъ герояхъ, увлекающихъ толпу*. Когда, — продолжаетъ критикъ, — когда говорятъ о великихъ людяхъ, то имѣютъ обыкновенно въ виду либо *размѣры ихъ силъ*, превышающіе средній уровень человѣческихъ способностей, либо *размѣры вклада*, сдѣланнаго, по мнѣнію изслѣдователя или апологета, великимъ человѣкомъ въ сокровищницу человѣчества. Но, независимо отъ этихъ двухъ, совершенно законныхъ точекъ зрѣнія, стоитъ еще вопросъ объ *отношеніяхъ, существующихъ между великимъ человѣкомъ и его послѣдователями, количество и степень увлеченія которыхъ, какъ волны, выносятъ великаго человѣка изъ житейскаго моря на берегъ, въ исторію*. Не разъ и не два, не тысячу и не милліонъ разъ въ этомъ житейскомъ морѣ тонули великія дарованія, способныя, быть можетъ, затмить собою всѣхъ исторически извѣстныхъ намъ звѣздъ первой величины. И, наоборотъ, на историческомъ берегу мы часто видимъ то самое, что бываетъ и на настоящемъ морскомъ берегу послѣ отлива: копошатся разные слизняки» [2]). Такое «неравновѣсіе судебъ» самъ авторъ «Научныхъ писемъ» сводитъ къ причинамъ трехъ родовъ, а именно къ вліянію разныхъ мелкихъ случайностей (напр., великіе полководцы

---

[1]) *Михайловскій,* 427—428.
[2]) Ibid., 429.

становятся великими, только переживъ много опасностей), къ соціальнымъ условіямъ, которыя могутъ «сплошь и рядомъ заставлять сильныхъ людей исчезать въ темныхъ глубинахъ житейскаго моря» (при рабствѣ, напр., на одного Эзопа, Эпиктета, Шевченку приходились, можетъ быть, тысячи затертыхъ дарованій), и къ степенямъ своевременности и умѣстности предпринимаемаго дѣла [1]). «Ломброзо, продолжаетъ Михайловскій, натурально долженъ былъ придти къ заключенію объ условности понятія «великихъ людей», а вмѣстѣ съ тѣмъ для него изъ-за «великаго человѣка» выдвинулся просто «вожакъ, герой», увлекающій толпу на большое или малое, глупое или умное, доброе или злое дѣло. При этомъ, однако, Ломброзо, въ качествѣ психіатра, ограничился только одною стороною отношеній героя и толпы или, точнѣе говоря, однимъ изъ способовъ вліянія героя на толпу, тѣмъ именно способомъ, который находится въ распоряженіи маттоида», т.-е. самозванствомъ. Выводъ критика — тотъ, что «Ломброзо слишкомъ поторопился обобщеніемъ, говоря, что во главѣ *всякаго* массоваго движенія становится маттоидъ» [2]). Въ концѣ статьи Михайловскій опять возвращается къ этому выводу: указавъ на Наполеона, какъ на завѣдомо нормальнаго «великаго человѣка», онъ замѣчаетъ, что «едва-ли нужно искать въ исторіи болѣе осязательное фактическое опроверженіе теоріи, полагающей, что во главѣ всякаго массоваго движенія стоитъ непремѣнно маттоидъ, и мы, прибавляетъ авторъ, еще вернемся къ Наполеону, когда окончательно подойдемъ къ вопросу о секретѣ вліянія героя на толпу» [3]). Послѣднія слова (и нѣкоторыя другія обѣщанія) [4]) показываютъ, что Михайловскій думалъ продолжать свое изслѣдованіе вопроса о «герояхъ и толпѣ», и тѣмъ болѣе нужно сожалѣть, что онъ это дѣло оставилъ, не сказавъ своего послѣдняго слова [5]). Статьи о «Патологической магіи» являются продолженіемъ интересующей насъ работы лишь постольку, поскольку Михайловскій разсматриваетъ въ нихъ разныя психіатрическія явленія, привлеченныя имъ для объясненія тайны «героевъ и толпы».

Пересматривая дополненія, сдѣланныя авторомъ «Героевъ и толпы» въ «Научныхъ письмахъ», мы не можемъ не обратить вниманіе читателя на то, что обѣ особенно для насъ важныя теоріи (именно Гальтона и Ломброзо) сходны между собою въ томъ, что самымъ рѣзкимъ образомъ противополагаютъ «героя» толпѣ, хотя и расходятся въ

---

[1]) Ibid., 429—430. [2]) Ibid., 431. [3]) Ibid., 447—448.

[4]) См., напр., стр. 430.

[5]) Статья оканчивается словами: «За дальнѣйшими поисками разгадки нашей задачи намъ пришлось бы сдѣлать отступленіе въ совсѣмъ другія научныя сферы». Въ первоначальномъ изд. (въ «От. Зап.»), вмѣсто «пришлось бы», стояло — «придется».

своихъ характеристикахъ толпы, не говоря уже о томъ, что за народныхъ вождей Гальтонъ не принимаетъ тронутыхъ людей, какъ это дѣлаетъ Ломброзо. Если англійскій психологъ противополагаетъ вождямъ, обладающимъ свободными и оригинальными идеями и принимающимъ на себя отвѣтственность за коллективныя дѣйствія заурядныхъ людей съ стадными инстинктами, податливыхъ рабовъ традиціи, авторитета и обычая, то и итальянскій психіатръ выставляетъ на видъ противоположность, существующую между ненормальнымъ инициаторомъ и нормально-консервативною толпою. Характеризуя толпу, и Гальтонъ приписываетъ ей консерватизмъ (рабское подчиненіе традиціи, авторитету и обычаю), но въ то же время онъ говоритъ и о готовности толпы подчинять свои сужденія чужимъ мнѣніямъ, что уже нельзя назвать консерватизмомъ; въ этомъ-то отношеніи характеристика Гальтона отличается отъ характеристики Ломброзо. Несогласные между собою въ опредѣленіи специфическихъ свойствъ вожака, они оставляютъ открытымъ вопросъ и о томъ, что составляетъ отличительный признакъ толпы.

Мы остановились довольно подробно на статьяхъ Михайловскаго, посвященныхъ интересующему насъ вопросу, какъ на единственной въ своемъ родѣ попыткѣ. Этимъ статьямъ очень много вредитъ крайняя несистематичность изложенія и недосказанность основной мысли: можно подумать, что авторъ только еще подбиралъ матеріалъ для своей интересной работы и печаталъ его въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ накоплялся, и что, приступая къ изложенію своихъ мыслей, скорѣе предчувствовалъ окончательное рѣшеніе своего вопроса, чѣмъ имѣлъ уже опредѣленную формулировку этого рѣшенія. Съ другой стороны, по отношенію къ той специальной цѣли, ради которой мы занялись здѣсь статьями Михайловскаго, въ нихъ слишкомъ много посторонняго матеріала, заимствованнаго изъ разныхъ научныхъ областей; и тутъ можно сказать, что авторъ подъ конецъ сильно уклонился въ сторону отъ «героевъ и толпы» по направленію къ «патологической магіи», его только попутно, повидимому, заинтересовавшей, но зато отвлекшей его отъ прямой задачи работы. При несистематичности изложенія, при недосказанности основной мысли, при постоянныхъ отклоненіяхъ отъ главной темы изложить взгляды Михайловскаго и нельзя было иначе, нежели какъ мы это сдѣлали: о «Герояхъ и толпѣ» съ обоими ихъ продолженіями нельзя говорить, какъ о чемъ-то цѣльномъ и единомъ. Но авторъ, несомнѣнно, много читалъ и собралъ довольно значительный матеріалъ; онъ немало и думалъ объ этомъ предметѣ и высказалъ цѣлый рядъ положеній, съ которыми можно соглашаться или не соглашаться, но которымъ нельзя отказать въ оригинальности. Ради этого матеріала статей о «герояхъ и толпѣ» и этихъ соображеній Михайловскаго мы такъ подробно

и изложили его работу. Въ крайне бѣдной литературѣ о роли личности въ исторіи статьи Михайловскаго представляютъ изъ себя уже по одному тому довольно замѣтную величину, что даютъ цѣлый рядъ фактовъ и взглядовъ, которые могутъ быть подвергнуты критикѣ или приняты въ разсчетъ теоретикомъ историческаго процесса. Объ этомъ вопросѣ, повторяемъ, существуетъ такъ мало разсужденій, не сводящихся къ повторенію избитыхъ общихъ мѣстъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ статьи Михайловскаго заслуживали быть разсмотрѣнными такъ подробно въ нашемъ трудѣ. Нѣтъ нужды, что авторъ «Героевъ и толпы» не разрѣшилъ задачу «психологіи толпы»: послѣднее можетъ быть дѣломъ только цѣлаго ряда изслѣдователей, а иногда, именно, важна самая постановка вопроса.

ГЛАВА V.

Переводъ вопроса на другую почву.

Отрицательный результатъ трехъ послѣднихъ главъ.—Ненаучность постановки вопроса объ единицѣ и массѣ.—Связь этого вопроса съ переворотомъ въ исторіографіи.—Условность и произвольность противоположенія героевъ и толпы.—Степень доказательности обѣихъ теорій.—Недостаточность идеи взаимодѣйствія героя и толпы.—Три вида прагматическаго взаимодѣйствія.—Сущность взаимодѣйствія между отдѣльными личностями.—Двѣ частныя формы этого взаимодѣйствія.—Группы личностей въ прагматической исторіи.—Взглядъ Гумпловича на групповой характеръ соціальныхъ явленій.—Перенесеніе имъ этой точки зрѣнія на исторію.—Поглощеніе личности въ группѣ.—Мысль Гумпловича о совершенно новой постановкѣ вопроса о личности и обществѣ.—Разборъ взгляда Гумпловича.—Переходъ къ слѣдующимъ главамъ.—Замѣчаніе о моментѣ борьбы въ прагматической исторіи.

Послѣднія три главы были посвящены нами обзору весьма значительной части той небольшой литературы, которая имѣетъ своею задачей рѣшеніе вопроса: кто производитъ движеніе исторіи—единицы или массы, «герои» или толпа? Въ первой главѣ было показано, что вопросъ этотъ есть частный, входящій въ составъ общаго вопроса о дѣйствіи человѣка на человѣка, которое создаетъ весь прагматизмъ исторіи [1]). Въ послѣдней формѣ, единственно, на нашъ взглядъ, правильной, онъ, какъ мы упоминали, не былъ рѣшаемъ, тогда какъ только на почвѣ именно такого общаго вопроса и можетъ быть разрѣшенъ частный, кажущійся обыкновенно самымъ основнымъ во всей теоріи прагматическаго движенія исторіи. Въ трехъ предыдущихъ главахъ мы привели цѣлый рядъ воззрѣній, высказывавшихся по данному вопросу, и если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній, часто весьма цѣнныхъ для теоріи историческаго прагматизма, весь этотъ обзоръ подвинулъ насъ слишкомъ мало впередъ по направленію къ намѣченной цѣли. Два противоположныя основныя воззрѣнія, къ коимъ

---

[1]) См. выше, стр. 16.

сводится все разнообразіе разсмотрѣнныхъ нами взглядовъ, такъ и остаются непримиренными въ высшей синтетической формулѣ, а отдѣльныя воззрѣнія страдаютъ еще внутренними противорѣчіями [1]). Приходя къ такому отрицательному результату, невольно начинаешь думать, что въ вопросѣ о томъ, кѣмъ—единицами или массами — двигается исторія, человѣческой мысли суждено вѣчно вращаться въ какомъ-то заколдованномъ кругу, переходя отъ одного рѣшенія, карлейлевскаго—къ другому, толстовскому. Если даже найти выходъ изъ этого колебанія въ идеѣ синтеза противоположностей, на которую мы уже указывали [2]), то для осуществленія такой идеи и самому вопросу нужно дать иную, болѣе правильную постановку. Я именно думаю,—и на это мною уже обращалось вниманіе читателя,—что самая постановка вопроса, разными рѣшеніями коего мы занимались въ предыдущихъ главахъ, невѣрна: отрицательный результатъ попытокъ рѣшить, кѣмъ совершается движеніе исторіи—великими людьми или народными массами, объясняется этою невѣрною формулировкою основной задачи — опредѣлить роль личности въ прагматической исторіи. Когда мы еще не приступали къ настоящему спеціальному изслѣдованію нашего предмета, намъ весь споръ, возбужденный вопросомъ о «герояхъ» и толпѣ, какъ взаимно исключающихся факторахъ историческаго движенія, казался «не имѣющимъ научнаго значенія. Что такое великій человѣкъ? сказано было у насъ въ одномъ мѣстѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*. Человѣческая личность. Что такое народная масса? Совокупность человѣческихъ личностей. Въ чемъ же споръ? Одна ли личность двигаетъ исторію или многія личности? Скажемъ: одна, но это значитъ, что масса нѣчто инертное, пассивное. Скажемъ: всѣ, но это значитъ, что всѣ одинаковы, всѣ одновременно приходятъ къ одной мысли и идутъ впередъ безъ вожаковъ. Одно вѣрно: главный факторъ движенія суть личности вообще, но между ними есть безконечная градація и т. д.» [3]). Теперь, вникнувши глубже въ сущность вопроса, я еще болѣе убѣждаюсь въ томъ, что споръ, о которомъ шла рѣчь въ трехъ послѣднихъ главахъ, дѣйствительно, не имѣетъ строго научной подкладки. Объ этомъ мнѣ приходилось говорить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предыдущихъ главъ: соберемъ въ одно цѣлое уже прежде высказанныя нами по этому поводу соображенія, чтобы ихъ развить и дополнить новыми аргументами.

Въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія было показано, въ чемъ заключается основной вопросъ о роли личности къ прагматической исторіи: постановка нашего вопроса имѣетъ чисто теоретиче-

[1]) Примѣры противорѣчій см. выше.

[2]) См. выше стр. 48 и 121.

[3]) О. В. Ф. II. II, 181 (268).

скую подкладку, вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. Нельзя, однако, какъ мы видѣли, то же самое сказать о возникновенiи вопроса, обзоромъ рѣшенiй котораго мы до сихъ поръ главнымъ образомъ и занимались: его происхожденiе связано тѣснѣйшимъ образомъ съ переворотомъ, происшедшимъ въ исторiографiи, которымъ по существу совсѣмъ не затрогивалась строго теоретическая сторона дѣла. Излагая отдѣльныя теорiи, мы не разъ имѣли случай [1]) вообще приводить прямыя указанiя на то, что вопросъ о «героѣ» и толпѣ возникъ въ зависимости отъ болѣе, такъ сказать, практическаго вопроса—о томъ, какъ должно писать исторiю, слѣдуетъ ли изображать только «дѣянiя» великихъ людей, героевъ, царей, полководцевъ, законодателей, и пр., и пр., или же нужно изслѣдовать жизнь общества, исторiю народныхъ массъ. Такой вопросъ совершенно понятенъ; онъ не заключаетъ въ себѣ ничего нелогическаго и легко рѣшается, хотя отдѣльные историки и теперь ставятъ на первый планъ и впредь будутъ ставить въ своихъ работахъ или отдѣльныя личности, или народныя массы, и притомъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не въ силу ясно-сознанной теорiи, а по большей или меньшей способности лучше понимать или все индивидуальное, психологическое, или все коллективное, соцiологическое, и по соотвѣтственной ей склонности интересоваться больше либо драматизмомъ исторiи, въ которомъ такъ раздѣльно наблюдаются индивидуальныя дѣйствiя, либо общими ея теченiями, въ коихъ, такъ сказать, сливаются во-едино усилия и дѣйствiя отдѣльныхъ личностей. Да и не дай Богъ, чтобы историки работали по одному шаблону! И вотъ этотъ-то болѣе практическiй вопросъ о томъ, чѣмъ слѣдуетъ заниматься, и переведенъ на чисто теоретическую почву безъ всякихъ измѣненiй: «*кого слѣдуетъ изображать?*» превратилось въ—«*кто производитъ?*» — а при этомъ сдѣлана была двоякая ошибка.

Во-первыхъ, въ томъ, что историки стали переносить свое вниманiе съ отдѣльныхъ личностей на общество, съ великихъ людей на народныя массы, съ «героевъ» на толпу, заключался несомнѣнный прогрессъ науки. Говоримъ это не съ какой-либо субъективной точки зрѣнiя, которую можно было бы, напр., заподозрить въ пристрастiи къ «народу» въ ущербъ «интеллигенцiи», а потому, что, благодаря указанной перемѣнѣ, шире и полнѣе стала пониматься чисто объективная задача исторической науки. Именно, помимо того, что на сцену историческаго изображенiя выступили теперь люди, разсматривавшiеся прежде, какъ простая обстановка «героевъ», въ связи съ этимъ произошелъ и другой переворотъ: признавъ себя обязанными говорить объ обыкновенныхъ смертныхъ, историки часто не нахо-

---

[1]) Указываемъ именно на стр. 33, 36, 53 и слѣд., 73, 94.

дили бы даже, что же о нихъ сказать, если бы ограничивались одними громкими дѣяніями, коихъ всегда хватало съ избыткомъ для повѣствованія о великихъ людяхъ, именно если бы не обратились къ изученію фактовъ обыденной жизни народа, т.-е. къ культурной сторонѣ исторіи. Съ подлежащимъ историческихъ сужденій такимъ образомъ измѣнилось отчасти и ихъ сказуемое: исторія отдѣльныхъ личностей по существу своему была вся прагматическая, въ исторію массъ необходимо долженъ былъ войти культурный элементъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Другими словами, историки перемѣнили взглядъ не только на то, *кого* слѣдуетъ изображать, но и на то, *что* слѣдуетъ изображать: вмѣсто задачи разсказывать, *какія* громкія *дѣянія совершали великіе люди,* явилась задача описывать, *какъ жили различныя общественныя группы народа.* Признавая сами, что одна задача не исключаетъ другой, мы не можемъ не усмотрѣть логической ошибки и въ томъ перенесеніи стараго сказуемаго на новое подлежащее, которымъ сопровождали переводъ вопроса съ практической почвы *(кого слѣдуетъ изображать?)* на почву теоретическую (*кто производитъ?).* Раньше у историковъ составилось убѣжденіе,—весьма основательное для прагматической исторіи,—что изображенія достойны только дѣятели, каковыми имъ представлялись лишь тѣ, дѣйствія коихъ прямо бросаются въ глаза, но изъ того, что историки расширили свою задачу, признавъ достойными изображенія не однихъ «героевъ», вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы «толпою» они заинтересовались непремѣнно только съ той же точки зрѣнія, съ какой интересовались «героями», и чтобы они должны были перенести на первую все то, что говорили раньше о послѣднихъ, т.-е., другими словами, изъ того, что нужно изучать массу, отнюдь не вытекаетъ, что масса-то одна и дѣйствуетъ въ исторіи, ибо для необходимости историческаго изученія массъ могутъ быть нѣсколько иныя основанія, нежели тѣ, которыя заставляли прежнихъ историковъ обращать все свое вниманіе на однихъ «героевъ». Такимъ образомъ, первая изъ упомянутыхъ двухъ ошибокъ заключается въ томъ, что изъ перемѣны предмета историографіи, — сопровождавшагося, впрочемъ, измѣненіемъ самой ея задачи,—сдѣлали выводъ, который этою перемѣною совсѣмъ не требуется. Всякій, кто отрицаетъ историческую роль отдѣльной личности, ссылаясь, главнымъ образомъ, на примѣръ современныхъ историковъ, все болѣе и болѣе проникающихъ въ исторію народныхъ массъ, но упуская при этомъ изъ виду, что послѣдняя берется ими почти исключительно съ культурной, а не съ прагматической стороны,—долженъ поискать иныхъ аргументовъ для своего мнѣнія: ссылаться на переворотъ въ исторіографіи тутъ было бы невыгодно и потому, что на почвѣ того же изученія исторической жизни массъ и культурныхъ измѣненій, въ ней совершающихся, выросло и такое представленіе историческаго про-

цесса, которое прямо отвергаетъ даже и значеніе дѣятельности «всѣхъ» (долженствующей замѣнить дѣятельность единицъ) во имя идеи безличной эволюціи, подчиняющей себѣ пассивно двигающіяся массы [1]).

Разсмотримъ теперь другую ошибку, сдѣланную при превращеніи вопроса о томъ, кѣмъ должны заниматься историки, въ вопросъ: кто производитъ движеніе исторіи?

Мы думаемъ, что и самое противоположеніе великаго человѣка и народной массы, «героя» и толпы въ спорномъ вопросѣ возникло не въ силу существованія какихъ-либо теоретическихъ основаній для рѣзкаго раздѣленія всего рода человѣческаго на великихъ людей и обыкновенныхъ смертныхъ, а вслѣдствіе все того же поворота въ воззрѣніяхъ историковъ на предметъ и задачу науки, заставившаго ихъ довольно въ сущности грубо отнести къ двумъ различнымъ категоріямъ, съ одной стороны, отдѣльныя личности, коими главнымъ образомъ только и занимались прежніе историки, а съ другой, всѣхъ остальныхъ людей, образующихъ изъ себя тѣ самыя массы, которыя впредь должны были представлять изъ себя чуть не единственный предметъ, достойный вниманія настоящихъ ученыхъ. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ такой границы, по одну сторону коей стояли бы особаго рода существа, называемыя великими людьми, въ родѣ «героевъ» Карлейля, имѣющихъ одну общую природу, совершенно отличную отъ природы обыкновенныхъ смертныхъ [2]), а по другую сторону находились бы совершенно однородныя по своему составу массы: великіе люди не всѣ одинаково велики, такъ что между ними можно установить своего рода градацію, цѣлый рядъ ступеней отъ самыхъ крупныхъ величинъ до величинъ, болѣе уже приближающихся къ среднему размѣру человѣка, а эту градацію «героевъ», въ свою очередь, позволительно продолжить новымъ рядомъ ступеней, по которымъ пришлось бы размѣстить отдѣльныя особи изъ такъ-называемой толпы, такъ какъ вѣдь и массы состоятъ изъ далеко не одинаковыхъ элементовъ. Скажемъ болѣе: обѣ эти лѣстницы составляютъ изъ себя одну въ сущности непрерывную лѣстницу: только условныя представленія или совершенно внѣшнее удобство даютъ намъ возможность или заставляютъ насъ разсѣкать ее на двѣ части, яко-бы вполнѣ отличныя одна отъ другой, при чемъ вдобавокъ каждый изъ насъ болѣе или менѣе произвольно раздѣлитъ ее совсѣмъ не такъ и не тамъ, какъ и гдѣ сдѣлаетъ это другой. Такимъ образомъ, чисто условныя выраженія, весьма, пожалуй удобныя, пока дѣло идетъ о томъ, кѣмъ должны заниматься историки, поскольку каждый понимаетъ, что слѣдуетъ тутъ подъ ними разумѣть, — выраженія, однако, весьма неопредѣленныя, такъ

---

[1]) См. выше, стр. 52 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 27.

какъ имъ не соотвѣтствуютъ какія-либо вполнѣ точныя понятія, были перенесены въ чисто теоретическую область, и результатомъ такого перенесенія явилось образованіе только двухъ категорій людей тамъ, гдѣ научный анализъ,—начнись дѣло прямо съ него,—долженъ былъ бы открыть существованіе длиннѣйшей градаціи. Конечно, бываютъ случаи, когда мы имѣемъ полное право противопоставить «героя» толпѣ, говорить о дѣйствіи перваго на вторую или о дѣйствіи обратномъ [1]), но эти случаи суть, такъ сказать, отдѣльные, эпизодическіе моменты, и не изъ нихъ однихъ складывается прагматическая исторія, а кромѣ того, въ нихъ интересна психологическая сторона явленія, разъясненіе коей само по себѣ ничуть не даетъ намъ общаго отвѣта на вопросъ о роли личности въ исторіи и о сущности историческаго процесса [2]). Въ общемъ прагматическомъ движеніи идутъ всѣ вмѣстѣ—и «герои», и толпа,—идутъ, такъ сказать, увлекая и отталкивая другъ друга: тутъ нѣтъ ни единицъ, влекущихъ за собою пассивныя массы или, напротивъ, движущихся лишь подъ напоромъ единственно активныхъ массъ, смотря по тому, какъ представляетъ себѣ дѣло,—ни массъ, увлекаемыхъ единственно активными единицами или, наоборотъ, только и сообщающихъ имъ движеніе, смотря опять-таки по тому, какъ кѣмъ дѣло понимается; тутъ видимъ мы все только отдѣльныя личности, влекущія и влекомыя, толкающія другихъ и отъ нихъ получающія толчки,—съ тѣмъ только различіемъ въ частностяхъ, что не всѣ проявляютъ одинаковую силу и энергію, одинаковую пропорцію активности и пассивности въ этомъ общемъ движеніи, и идутъ они всѣ, образуя изъ себя одну сплошную массу, а не такъ, чтобы «героевъ» отъ толпы отдѣляло какое-либо пространство. Условное и произвольное отдѣленіе единицъ отъ массы, въ какую бы при этомъ сторону ни рѣшался вопросъ о томъ, кто кого за собою тащитъ или выталкиваетъ впередъ, всегда будетъ вносить въ изображеніе общаго движенія погрѣшность двоякаго рода: разъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ, увлекаетъ ли «герой» толпу за собою или же толпа выдвигаетъ передъ собой «героя», для отвѣчающаго останется безразличнымъ, что происходитъ среди самой двигающейся массы, такъ какъ все его вниманіе въ такомъ случаѣ будетъ направлено на отношеніе массы къ находящейся внѣ ея отдѣльной личности, да и масса эта будетъ необходимо представляться довольно грубо, именно въ видѣ матеріальной массы, внутри которой не совершается никакого взаимодѣйствія, съ другой же стороны, отдѣльная личность, поставленная совсѣмъ внѣ толпы, т.-е. внѣ совокупности людей, но находящаяся вмѣстѣ съ ними въ движеніи, будетъ прини-

[1]) См. выше, стр. 68 и слѣд.

[2]) Этой стороной главнымъ образомъ и занятъ Михайловскій.

маться или за нѣчто большее, или за нѣчто меньшее, чѣмъ обыкновенный человѣкъ, если только не за то и за другое одновременно, какъ это случилось въ исторической философіи Толстого [1]). Оба эти невѣрныя представленія о массѣ и единицѣ исчезнутъ, т.-е. первая перестанетъ быть чѣмъ-то подобнымъ совсѣмъ однородному тѣлу, внутри котораго нѣтъ ни перемѣщенія частицъ, ни взаимодѣйствія силъ, а вторая—чѣмъ-то, смотря по точкѣ зрѣнія, то бо̀льшимъ, то меньшимъ, нежели вообще человѣкъ,—оба эти представленія, повторяемъ, исчезнутъ, разъ мы откажемся отъ проведенной первоначально вовсе не въ видахъ рѣшенія нашего теоретическаго вопроса, притомъ отъ совершенно условной и произвольной границы между единицею, яко бы могущею находиться внѣ массы, и массою, будто бы и на самомъ дѣлѣ состоящею не изъ такихъ же единицъ, и, разъ мы вмѣсто грубаго раздѣленія всѣхъ людей на двѣ категоріи, примемъ, что «великій Патроклъ» и «презрительный Ѳерситъ» стоятъ только на двухъ крайнихъ ступеняхъ одной и той же лѣстницы, на которой нѣтъ, однако, ступени съ надписью: «конецъ героямъ, начало толпы».

При общей обѣимъ теоріямъ невѣрности въ постановкѣ вопроса и каждая изъ этихъ теорій сама по себѣ, т.-е. взятая въ отдѣльности, ненаучна и въ сущности недоказательна.

Такъ называемая «теорія великихъ людей», несомнѣнно развившаяся на почвѣ «культа героевъ» старинной исторіографіи, не можетъ быть признана научной именно въ силу самаго своего происхожденія. Пришедшая къ ней на смѣну противоположная теорія, какъ это случается со всякой реакціей, впала въ ненаучную тоже крайность «отрицанія великихъ людей», т.-е. отрицанія очевидности. Само собою разумѣется, что обѣ онѣ стремятся себя доказать, и на самомъ дѣлѣ обѣ находятъ фактическіе аргументы въ свою пользу,—обстоятельство, доказывающее, однако, лишь то, что въ дѣйствительной жизни бываютъ случаи, особенно благопріятные для одной теоріи и особенно неблагопріятные для другой. Степень доказательности каждой изъ нихъ поэтому совершенно одинакова: обѣ обобщаютъ лишь факты одного рода, игнорируя противоположные, и обѣ одинаково, пожалуй, вѣрны, поскольку основываются на дѣйствительныхъ фактахъ, будучи въ то же самое время и одинаково невѣрными, поскольку вообще не дополняютъ одна другую, а хотятъ одна другую исключить. Дѣло обыкновенно тутъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Берется рядъ тождественныхъ или сходныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ болѣе или менѣе несомнѣнно о дѣйствіи единицы на массу, и отсюда дѣлается двоякій выводъ: 1) всегда такъ бываетъ и 2) бываетъ такъ потому, что великій человѣкъ есть самостоятельная сила, полная соб-

[1]) См. выше, стр. 41.

ственнаго содержанія, тогда какъ толпа есть пассивная масса, tabula rasa, на которой «герой» можетъ начертывать все, что ему угодно [1]). Совершенно такимъ же образомъ изъ другихъ идентичныхъ и аналогичныхъ фактовъ дѣлается общій же для всѣхъ случаевъ выводъ, которымъ, наоборотъ, уже не массѣ приписывается, а герою придается значеніе лишь особаго рода пустоты, наполняемой извнѣ приходящимъ содержаніемъ [2]). Съ другой стороны, возникши изъ «культа героевъ», сколько-нибудь послѣдовательная «теорія великихъ людей» не въ состояніи допустить, не измѣняя себѣ, не только такихъ случаевъ, чтобы вождемъ народнаго движенія могъ быть, напр., маттоидъ (въ смыслѣ Ломброзо), но и такихъ, когда «герой» есть, дѣйствительно, лишь простое созданіе массы, хотя и то, и другое бываетъ въ исторической жизни: въ затруднительныхъ для себя случаяхъ она спасается за субъективнымъ пониманіемъ величія, различая между величіемъ истиннымъ и величіемъ ложнымъ, и въ этомъ-то субъективномъ элементѣ «теоріи великихъ людей» заключается одинъ изъ признаковъ ея происхожденія изъ «культа героевъ» [3]). Но и въ реакціи противъ этого культа, иногда доходящей даже до представленія о безличности исторіи, бываютъ своего рода субъективные элементы, подрывающіе научную доказательность строго коллективистической теоріи [4]).

Такимъ образомъ, и постановка вопроса, и способъ его рѣшенія, приводящій къ двумъ діаметрально-противоположнымъ отвѣтамъ, не могутъ быть признаны научными. Мы, однако, далеки отъ намѣренія отрицать, чтобы самый вопросъ въ иной нѣсколько постановкѣ не имѣлъ никакого значенія и чтобы оба извѣстные намъ отвѣта не содержали въ себѣ ни малѣйшей доли истины. Относительно послѣдняго мы не разъ уже говорили, что единственнымъ выходомъ изъ противорѣчія, раздѣляющаго теоретиковъ историческаго процесса, можетъ быть лишь признаніе взаимодѣйствія между «героемъ» и толпой, вмѣсто односторонняго дѣйствія того или другого элемента: мало именно одного допущенія, что иногда бываетъ такъ, и иногда иначе, а особенно нужно принимать въ расчетъ, что и вообще тутъ возможно, и на самомъ дѣлѣ происходитъ и взаимодѣйствіе обѣихъ сторонъ, хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ преобладало только дѣйствіе одной стороны на другую. Но, спрашивается, правильна ли будетъ и такая формулировка отвѣта, разъ мы отвергаемъ безусловность самаго противоположенія этихъ сторонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правильность такой постановки вопроса, которая основывается на этомъ про-

---

[1]) См. выше, стр. 23 и слѣд., 86, 89.

[2]) См. выше, стр. 36—37 и слѣд., 58, 117.

[3]) Ср. выше, стр. 70, 95 и слѣд.

[4]) Ср. выше, стр. 93, 98—99.

тивоположенiи? Мы имѣемъ право, конечно, вполнѣ противопоставить единичную личность обществу, но не какъ совокупности другихъ подобныхъ личностей, а тому, что есть общаго во всѣхъ нихъ, вмѣстѣ взятыхъ, или тому, что служитъ ихъ общею связью, соединяющею ихъ въ одно цѣлое, т.-е. имѣемъ право противопоставить индивидуумъ культурно-соцiальнымъ формамъ общества, и въ такомъ лишь смыслѣ говорить о взаимодѣйствiи между личностью и обществомъ, *какъ единымъ цѣлымъ:* въ такомъ-то именно смыслѣ и будетъ у насъ идти рѣчь о взаимодѣйствiи культурнаго процесса, въ коемъ участвуютъ личности, съ одной стороны, и культурно-соцiальныя формы— съ другой [1]). Иное дѣло — прагматическая исторiя: тутъ взаимодѣйствiе личности («героя») съ обществомъ (толпою) нужно понимать въ смыслѣ взаимодѣйствiя, происходящаго между единицей, съ одной стороны, и нѣкоторою суммою другихъ единицъ, отдѣльно взятыхъ, съ другой, ибо прагматическая сторона исторiи состоитъ изъ дѣянiй, совершаемыхъ отдѣльными личностями. Дѣйствiе «героя» на толпу сводится къ дѣйствiю его не на нѣкоторую абстрактную величину, а на извѣстное количество реальныхъ единицъ, равно какъ обратное дѣйствiе есть опять-таки дѣйствiе на единицу не нѣкотораго абстрактнаго цѣлаго, а совокупности отдѣльныхъ личностей, если только подъ всѣми этими дѣйствiями мы будемъ разумѣть именно прагматическiе факты, т.-е. «дѣянiя», поступки единицы (или массы), вызывающiе какiе-либо поступки со стороны массы (или единицы). Становясь на такую точку зрѣнiя, мы должны увидѣть во взаимодѣйствiи «героя» и толпы не что иное, какъ взаимодѣйствiе единицы, съ одной стороны, и массы единицъ—съ другой, но, рядомъ съ этой формой, конечно, могутъ существовать и другiя, т.-е. взаимодѣйствiе цѣлыхъ массъ между собою, и—что составляетъ самую общую форму—взаимодѣйствiе отдѣльныхъ единицъ, подъ каковое въ послѣднемъ анализѣ подведутся и обѣ первыя формы, какъ простыя осложненiя этой самой общей формы.

«Механизмъ исторiи, писали мы раньше, сводится къ взаимодѣйствiю личностей и надъ-органической среды, *къ взаимодѣйствiю людей между собою* подъ влiянiемъ среды и къ взаимодѣйствiю ея элементовъ подъ влiянiемъ дѣятельности человѣка» [2]). Если, какъ мы уже видѣли, первое взаимодѣйствiе представляетъ собою самую сущность историческаго процесса [3]), а послѣднее, какъ еще увидимъ,— сущность культурной его стороны, то прагматическая сторона сводится именно ко второму изъ указанныхъ взаимодѣйствiй, т.-е. къ особаго рода взаимодѣйствiю отдѣльныхъ людей между собою, бу-

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 170 sq. (252 sq.).

[2]) Ibid., II, 196 (283).

[3]) Ср. выше «введенiе».

демъ ли мы ихъ брать одиночками или группами. *Оно-то и должно быть главнымъ предметомъ нашего вниманія, если мы хотим правильнымъ образомъ понять роль личности въ прагматической исторіи.*

Въ самомъ началѣ настоящей книги дано было опредѣленіе прагматической исторіи, какъ «совокупности отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, относящихся одни къ другимъ, какъ причины и слѣдствія». Сводя теперь прагматическую исторію къ каузальному взаимодѣйствію людей между собою, мы тѣмъ самымъ вносимъ существенную прибавку къ только-что приведенному опредѣленію: составляющіе содержаніе прагматической исторіи поступки, относясь одни къ другимъ, какъ причины и слѣдствія, совершаются многими людьми, находящимися между собою во взаимодѣйствіи. Это значитъ, другими словами, что каждый человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ другихъ людей и самъ своими дѣйствіями вліяетъ на другихъ людей (взаимодѣйствіе между людьми), такъ что поступки одного человѣка являются слѣдствіями и причинами поступковъ другихъ людей (каузальная связь поступковъ). Конечно, взаимодѣйствіе это имѣетъ степени и границы: оно можетъ быть непосредственное и посредственное, охватывать бо̀льшую или меньшую группу индивидуумовъ. Формы его равнымъ образомъ бываютъ весьма различныя, соотвѣтственно тому, что вообще существуетъ нѣсколько видовъ такихъ отношеній между людьми, въ силу которыхъ какой-нибудь поступокъ одного человѣка необходимо влечетъ за собою тотъ или иной поступокъ другого человѣка. Все это и многое еще подобное этому можетъ быть предметомъ классификаціи, но подъ крайнимъ разнообразіемъ относящихся сюда фактовъ скрывается въ послѣднемъ анализѣ одна и та же вещь—дѣйствіе человѣка на человѣка, при которомъ поступокъ или рядъ поступковъ одного бываетъ причиною поступка или ряда поступковъ другого. Это—основное явленіе, которое прежде всего слѣдуетъ подвергнуть научному анализу, при чемъ попутно рѣшится вопросъ и о томъ, почему не всѣ людскіе поступки становятся причинами другихъ поступковъ, какъ мы это уже приняли въ началѣ настоящей книги [1]).

Итакъ, вотъ первая задача, подлежащая нашему рѣшенію,—разсмотрѣть, *какимъ образомъ поступки однихъ людей могутъ быть причинами поступковъ, совершаемыхъ другими людьми.* Въ этой общей формѣ вопросъ относится, конечно, не къ однимъ тѣмъ человѣческимъ дѣяніямъ, которыя имѣютъ, какъ говорится, историческое значеніе, а вообще ко всему людскому поведенію: раздѣленіе всѣхъ совершонныхъ когда-либо поступковъ на историческіе и не истори-

---

[1]) Стр. 2.

ческіе происходитъ на основаніи того вліянія, какое они оказываютъ или вѣрнѣе мы имъ приписываемъ въ жизни отдѣльнаго народа или всего человѣчества, слѣдовательно, относится къ *содержанію* исторіи [1]), тогда какъ здѣсь насъ долженъ интересовать только исключительно вопросъ о *формальной* сторонѣ дѣла, которая не можетъ быть разная, смотря по тому, какое значеніе получитъ для насъ тотъ или другой поступокъ. Законы человѣческаго поведенія [2]) не измѣнятся отъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ по той или другой причинѣ мы должны обращать на это поведеніе особое вниманіе: крупная политическая интрига подготовляется и ведется, удается или не удается совершенно такъ же, какъ самая незначительная интрига частная, годная только для воспроизведенія въ легкой комедіи или водевилѣ. Взаимодѣйствіе людей, изображаемое въ прагматической исторіи, есть только частный случай происходящаго вообще въ людскомъ общежитіи взаимодѣйствія личностей: съ формальной стороны историкъ-прагматистъ описываетъ по существу дѣла то же самое, что изображаютъ и романистъ, и драматургъ, какъ ни различны сферы, въ коихъ вращаются интересы перваго и послѣднихъ.

Задача, которую я только-что намѣтилъ, далеко не исчерпываетъ всего вопроса. Разсматривая взаимодѣйствіе людей,—въ частной ли ихъ жизни, не попадающей большею частію въ исторію, или въ жизни публичной, наоборотъ, и составляющей предметъ исторіи,—мы должны обратить особое вниманіе еще на одно основное явленіе, правильное пониманіе котораго въ высшей степени важно именно для историка. Если въ вопросѣ о «герояхъ» и толпѣ, нами разобранномъ выше, есть какой-нибудь дѣйствительно научный смыслъ, то смыслъ этотъ сводится цѣликомъ къ упомянутому явленію, именно къ неравенству, существующему между отдѣльными элементами прагматическаго взаимодѣйствія. Между людьми, дѣйствующими на другихъ людей, а потому и между поступками, какъ причинами другихъ поступковъ, существуетъ извѣстная градація: человѣкъ оказываетъ вліяніе на большее или меньшее количество людей, на большемъ или меньшемъ пространствѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, въ большемъ или меньшемъ числѣ отношеній, и тотъ или другой отдѣльный поступокъ бываетъ равнымъ образомъ причиною не одинаковаго количества другихъ поступковъ, совершонныхъ неодинаковымъ количествомъ людей на неодинаковыхъ пространствахъ и въ неодинаковые періоды времени. Если въ высшей степени важно узнать, какимъ образомъ одна личность дѣйствуетъ на другую, вызывая своимъ поступкомъ ея поступокъ, то не менѣе важно объяснить себѣ *ука-*

[1]) Объ этомъ см. О. В. Ф. И., I 156 sq. (285 sq.). Ср. выше, стр. 13–14.
[2]) О. В. Ф. И. I, 40 (139).

занное неравенство отдѣльныхъ элементовъ прагматическаго взаимодѣйствія. Двѣ слѣдующія главы и будутъ содержать въ себѣ анализъ, съ одной стороны, причинной связи прагматическихъ фактовъ, съ другой—неравенства дѣйствія отдѣльныхъ личностей.

Какъ мы только-что видѣли, общая форма прагматическаго процесса, т.-е. каузальное взаимодѣйствіе осложняется еще двумя частными формами. Первую изъ этихъ двухъ формъ представляетъ собою случай взаимодѣйствія «героя» и толпы, но только понимаемый нѣсколько иначе, чѣмъ въ большей части разсмотрѣнныхъ теорій, рѣшается ли въ нихъ спорный вопросъ въ пользу единицы или массы. Дѣло въ томъ, что великому человѣку, какъ отдѣльному члену общества или народа, обыкновенно въ теоріяхъ этихъ противополагается *все* общество, *весь* народъ или, какъ выражаются, напр., Толстой и Бурдо, «всѣ», tout le monde» [1]). Отвергая одностороннія теоріи исключительнаго дѣйствія единицы на массу и массы на единицу, находя единственно правильнымъ признаніе ихъ взаимодѣйствія, мы и послѣднее должны понимать не въ смыслѣ грубой противоположности между однимъ лицомъ, дѣйствующимъ на одной сторонѣ, и «всѣми», дѣйствующими на другой сторонѣ. Эти «всѣ», изъ числа коихъ изъемлется одинъ, не могутъ находиться къ нему,—равно какъ и онъ къ нимъ,—въ совершенно одинаковыхъ отношеніяхъ, что упускается изъ виду при такой постановкѣ вопроса: масса, включающая въ себя «всѣхъ», представляется съ этой точки зрѣнія столь же простою величиною, какъ и единица, наоборотъ, изъемлемая изъ числа этихъ «всѣхъ». Взаимоотношенія между однимъ лицомъ и другими лицами бываютъ весьма различныя, вслѣдствіе чего масса необходимо распадается на отдѣльныя личности и на особыя группы личностей, послѣднее въ томъ случаѣ, если повторяются нѣкоторое количество разъ однѣ и тѣ же взаимоотношенія. Среди извѣстнаго общества, т.-е. между «всѣми», есть лица, съ коими данное лицо *A* не находится ни въ какихъ прагматическихъ отношеніяхъ: поступки *A* не вызываютъ ни одного поступка этихъ лицъ, и наоборотъ поступки этихъ лицъ не вызываютъ ни одного поступка *A*, такъ что изъ «всѣхъ» приходится выдѣлить только нѣкоторыхъ. Послѣдніе сами раздѣляются на группы, едва-ли подлежащія поэтому перечисленію. Съ группою, положимъ, *M* я нахожусь въ непосредственномъ взаимодѣйствіи, съ группою *N*—въ косвенномъ; на группу *O* дѣйствую только я, не подчиняясь никакому дѣйствію съ ея стороны, и наоборотъ, группа *P* дѣйствуетъ на меня, не подчиняясь никакому дѣйствію съ моей стороны; группа *Q* мнѣ содѣйствуетъ, группа *R* противодѣйствуетъ; или я помогаю поступкамъ одной и мѣшаю поступкамъ другой. Всѣ эти

---

[1]) См. выше, стр. 33, 97, 99.

группы уже существуютъ въ обществѣ въ силу основныхъ условій соціальной жизни (каковы всѣ отдѣльныя общественныя организаціи или въ какомъ бы то ни было отношеніи отличающіеся между собою общественные классы) или же возникаютъ только подъ вліяніемъ даннаго прагматическаго факта для совершенія того или другого совокупнаго дѣянія. Поэтому тотъ случай прагматическаго взаимодѣйствія, который обозначается словами: «съ одной стороны—одинъ, съ другой—всѣ»,—по нашему мнѣнію, долженъ пониматься, какъ такой случай, когда мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ право говорить объ особыхъ прагматическихъ отношеніяхъ, существующихъ не между отдѣльными личностями, порознь взятыми, а между до извѣстной степени одиноко стоящею, т.-е. особенною единицею (великимъ человѣкомъ, «героемъ») и тою или другою группою, тѣми или другими группами общества. Только въ такой постановкѣ и можно еще оправдать вопросъ о «героѣ» и толпѣ: обыкновенно же дѣло разсматривается такъ, какъ будто единица и масса могутъ быть поставлены рядомъ, какъ $A+B$, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это есть $a+B$, при чемъ $B=b+c+d+e+f....+z$.

Другая болѣе сложная форма прагматическаго взаимодѣйствія, это—взаимодѣйствіе отдѣльныхъ группъ, внутри коихъ, какъ и при только-что разсмотрѣнномъ случаѣ, происходитъ, конечно, и индивидуальное взаимодѣйствіе. Эта форма весьма рѣдко принимается въ расчетъ авторами, анализирующими историческій процессъ, отвлеченно взятый [1]). Если общую форму взаимодѣйствія мы назовемъ индивидуальнымъ взаимодѣйствіемъ, а первую частную—индивидуально-коллективнымъ, то только-что указанную можемъ обозначить, какъ взаимодѣйствіе коллективное par excellence. Изъ этихъ трехъ формъ въ особомъ почетѣ у теоретиковъ историческаго процесса была средняя, но было такъ вообще по причинамъ, какъ мы видѣли, не теоретическаго свойства, вслѣдствіе чего, повторяемъ еще разъ, и самый вопросъ объ этой формѣ и ставился, и рѣшался на нашъ взглядъ не надлежащимъ способомъ. Послѣдняя форма только недавно обратила на себя вниманіе одного соціолога, который, однако, отвергая то, что мы называемъ взаимодѣйствіемъ индивидуальнымъ и индивидуально-коллективнымъ, сдѣлалъ попытку свести все вообще совершающееся въ соціальномъ мірѣ къ одному лишь взаимодѣйствію общественныхъ группъ. Такая попытка заслуживаетъ особаго вниманія, какъ единственная въ своемъ родѣ.

Высказано было подобное воззрѣніе въ «Очеркѣ соціологіи» Гумпловича, книгѣ, оставшейся почти незамѣченною въ нашей литературѣ [2]). Авторъ этого сочиненія принадлежитъ къ числу писателей,

---

[1]) См. выше, стр. 75—76.

[2]) *Gumplowicz*. Grundriss der Sociologie. Wien. 1885.

исходящихъ въ построеніи соціологіи не изъ понятія личности, а изъ понятія общежитія [1]), съ тѣмъ только отличіемъ отъ другихъ мыслителей родственнаго направленія, что принимаетъ за исходный пунктъ не цѣлое общество, а отдѣльную соціальную группу, составляющую вмѣстѣ съ другими подобными же группами организованное общество. Мы увидимъ, что въ понятіи такой группы онъ думаетъ даже примирить противоположность соціологическихъ системъ, берущихъ за исходный пунктъ или индивидуумъ, или общество. Во многихъ мѣстахъ книги и по весьма разнообразнымъ поводамъ приходится ему заявлять объ исключительно групповомъ, съ его точки зрѣнія, характерѣ соціальныхъ явленій, и мы отмѣтимъ здѣсь наиболѣе важныя и характерныя мѣста. Уже во вступительной главѣ, содержащей въ себѣ краткій очеркъ исторіи соціологіи, критикуя систему извѣстнаго этнолога Бастіана, въ которой за «природою» слѣдуютъ «человѣкъ и мысль», а за ними—«общество и общественная мысль» (gesellschaftlicher Gedanke»), Гумпловичъ находитъ, что все дѣло нужно было бы поставить совершенно иначе: по его мнѣнію, долженъ стоять на первомъ планѣ не человѣкъ, а соціальный фактъ, въ коемъ человѣкъ исчезаетъ и отъ коего онъ получаетъ свою мысль. Система самого Гумпловича поэтому была бы такова: a) *соціальные элементы* (*скопища*, *орды*, *группы и т. д.)*, b) *человѣкъ (тѣлесно и духовно*), *какъ ихъ произведеніе*, c) соціальный процессъ и его соціальныя образованія и d) соціально-этическія образованія, какъ продуктъ взаимодѣйствія между единицей и обществомъ. «Здѣсь всегда,—поясняетъ Гумпловичъ свою схему,—соціальные явленіе и фактъ суть первичное, изъ коего, уже какъ вторичное, происходитъ мысль единицы и соціально-этическія образованія, каковы, напр., религія, мораль, право» [2]). Въ другомъ мѣстѣ того же введенія Гумпловичъ приводитъ слѣдующія, по собственному его выраженію, «золотыя слова» самого Бастіана: «*отдѣльный человѣкъ есть небылица* (Unding), въ лучшемъ случаѣ идіотъ; только въ обществѣ посредствомъ словеснаго обмѣна мысль приходитъ въ сознаніе, проявляется природа человѣка. Такимъ образомъ, какъ первичное, дается намъ мысль общества, общественная мысль, и только изъ нея, посредствомъ позднѣйшаго анализа извлекается мысль единицы» [3]). Съ этой точки зрѣнія индивидуумъ цѣликомъ является продуктомъ общежитія, но по Гумпловичу, то, что образовываетъ индивидуумъ, есть не все общество, взятое въ цѣломъ, а только отдѣльная соціальная группа.

Ставъ на такую точку зрѣнія, Гумпловичъ отрицаетъ индивидуальное взаимодѣйствіе, поскольку сама единица есть лишь нераз-

[1]) См. выше, стр. 51—52.
[2]) *Gumplowicz*, 22.
[3]) Ibid., 29.

рывная часть своей группы. Однимъ изъ общихъ законовъ общественной жизни, обозрѣнію коихъ въ книгѣ посвященъ особый параграфъ [1]) главы объ основныхъ понятіяхъ соціологіи, авторъ считаетъ «взаимодѣйствіе разнороднаго» (Wechselwirkung des Heterogenen), или «взаимодѣйствіе гетерогенныхъ, одинъ на другой реагирующихъ элементовъ», въ коемъ заключается «первая и важнѣйшая пружина всякаго развитія». По словамъ Гумпловича, и прежде сознавали значеніе такого взаимодѣйствія, но ошибались, заставляя участвовать въ немъ отдѣльныхъ людей, тогда какъ реагирующими одинъ на другой элементами являются только цѣлыя соціальныя группы [2]). «Разъ, продолжаетъ онъ, мы хотимъ найти всегда и вездѣ приложимый законъ для силъ взаимодѣйствія, присущихъ общественнымъ явленіямъ, необходимо принимать за таковые элементы не единичные индивидуумы, а единичныя соціальныя группы, и тогда-то получится одна общеприложимая формула для взаимодѣйствія этихъ гетерогенныхъ элементовъ» [3]). Формулируя еще одинъ общій законъ соціологіи, именно о тождествѣ ея явленій по существу (Wesensgleichheit der Vorgänge), авторъ замѣчаетъ, что такое тождество, никогда не отрицавшееся по отношенію къ духовной жизни, не признавалось достаточно въ приложеніи къ чисто соціальной сферѣ, такъ какъ за «истинно конститутивные элементы соціальныхъ явленій» принимали отдѣльныя личности, а не естественныя соціальныя группы», вслѣдствіе чего и «не могли обнаружить существенное тождество силъ, дѣйствующихъ въ соціальной области» [4]). Оставляемъ въ сторонѣ и аргументы Гумпловича, и выводы, которые онъ изъ своего взгляда дѣлаетъ для пониманія самой природы человѣческаго общества, чтобы ограничиться лишь тѣми мѣстами его книги, гдѣ есть хотя бы малѣйшій намекъ на особое, обусловленное такой точкой зрѣнія пониманіе исторіи. Въ послѣднемъ отношеніи его теорія сводится къ слѣдующимъ тезисамъ. Въ жизни отдѣльныхъ соціальныхъ группъ царствуетъ законъ косности (Beharrungsgesetz), и «каждая такая группа до тѣхъ поръ коснѣетъ въ данномъ состояніи, пока не будетъ переведена изъ него насильно въ другое состояніе воздѣйствіемъ (Einwirkung) на нее со стороны другой группы, воздѣйствіемъ», которое Гумпловичъ называетъ соціальнымъ по преимуществу. «Другими словами, говоритъ онъ, всякое измѣненіе въ состояніи соціальной группы должно имѣть всегда достаточное соціальное основаніе (einen zureichenden socialen Grund), а таковое заключается всегда въ воздѣйствіи со стороны другой соціальной группы». Поэтому соціальный процессъ наступаетъ лишь тогда, когда «двѣ или нѣсколько соціальныхъ группъ приходятъ между собою въ соприкосновеніе, вступаютъ въ обоюдную сферу дѣйствія» [5]).

---

[1]) Ibid., 66 sq. [2]) Ibid., 66. [3]) Ibid., 67. [4]) Ibid., 69. [5]) Ibid., 73.

Параграфъ объ общихъ законахъ соціологіи самъ авторъ заканчиваетъ примѣненіемъ добытыхъ имъ выводовъ къ исторіографіи и къ политикѣ. Между прочимъ, Гумпловичъ указываетъ здѣсь на то, что пока исторіографія занимается отдѣльными личностями, она остается простымъ искусствомъ, не превращаясь въ науку: для превращенія въ послѣднюю она должна заниматься соціальными группами, никогда не дѣйствующими по индивидуальнымъ мотивамъ или свойствамъ, но всегда и единственно по естественно-историческимъ и соціологическимъ законамъ [1]). Единица, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, не можетъ быть субстратомъ соціальныхъ законовъ, носителемъ силъ, отъ проявленія коихъ мы заключаемъ къ существованію самыхъ законовъ: въ отдѣльной личности можетъ проявиться психическій или физическій законъ, но отнюдь не соціальный [2]).

Что же такое представляютъ собою эти группы? По опредѣленію Гумпловича, моменты, создающіе субъективно чувство принадлежности индивидуума къ группѣ, а объективно—основу для признанія за нимъ этой принадлежности, суть происхожденіе отъ членовъ группы и особенно воспитаніе въ ней, сообщающее индивидууму ея языкъ, нравы, религію, воззрѣнія и привычки. На почвѣ этихъ моментовъ выростаетъ извѣстный общій интересъ, связывающій всѣхъ членовъ группы между собою, а потому и каждаго въ отдѣльности къ ней привязывающій; чувство же этого общаго интереса есть патріотизмъ въ своей первоначальной формѣ. «Такія объединенныя (einheitliche) сингенетическія группы суть *простые элементы*, *изъ коихъ исходятъ соціальныя дѣйствія* (die socialen Actionen); названныя дѣйствія прежде всего имѣютъ своимъ послѣдствіемъ соціальныя компликаціи двухъ или многихъ такихъ элементовъ. Эти вторичные и затѣмъ все болѣе и болѣе разнохарактерные соціальные комплексы, поводъ и основу для образованія коихъ даютъ въ дальнѣйшемъ ходѣ вещей самые разнообразные политическіе, экономическіе, національные и духовные интересы, вступаютъ потомъ всегда на путь тѣхъ же самыхъ закономѣрныхъ дѣйствій, которыя прирождены и простѣйшимъ элементамъ въ силу ихъ соціальной природы [3])...... *Эти соціальные элементы и ихъ компликаціи суть субъекты историческаго процесса*, *а эти вѣчно себя производящія и усложняющія дѣйствія составляютъ его содержаніе*». Съ такой точки зрѣнія, соціальнымъ закономъ Гумпловичъ называетъ «норму, по которой соціальные элементы, т.-е. сингенетическія группы дѣйствуютъ одна на другую и развиваются» [4]). Прежніе философствующіе историки, замѣчаетъ авторъ, прилагали понятіе закона къ цѣлому человѣчеству [5]), что, однако, невозможно; статистики

---

[1]) Ibid., 77. [2]) Ibid., 81. [3]) Ibid., 93. [4]) Ibid., 94.
[5]) Ibid., 95. Ср. О. В. Ф. И., I, 18 sq. (114 sq.).

примѣнили его къ «обществу» или къ «общественной системѣ» (le système social, выраженіе Кетле), не замѣчая, что этимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ никакого реальнаго предмета, доступнаго наблюденію, ибо каждый реальный предметъ въ природѣ имѣетъ границы (ist begrenzt) и только таковой можно научно наблюдать [1]). Поэтому Гумпловичъ, вмѣсто слишкомъ неопредѣленныхъ понятій «человѣчество» и «общество», для научнаго наблюденія и изслѣдованія предлагаетъ взять конкретныя единицы (concrete Einheiten), каковыми для него послѣ всего сказаннаго, конечно, не могутъ быть отдѣльныя личности [2]): такимъ предметомъ является для него соціальная группа, болѣе или менѣе рѣзко отграниченная отъ другихъ подобныхъ группъ.

Объясняя общественное развитіе дѣйствіемъ «специально соціальнаго закона», сводящагося къ стремленію каждой соціальной группы (jeder socialen Gemeinschaft) подчинить себѣ и заставить себѣ служить всякую другую соціальную группу, приходящую съ нею въ соприкосновеніе [3]), Гумпловичъ видитъ всю, выражаясь терминами Конта, статику и динамику общества въ описаніи взаимоотношеній между этими соціальными элементами, начиная съ первобытныхъ ордъ и кончая сложнѣйшими государствами, состоящими изъ множества разнородныхъ группъ [4]). Съ этой точки зрѣнія, всѣ «*соціальныя дѣйствія* (Actionen), *происходящія внутри государства*, *разыгрываются между отдѣльными его соціальными элементами*, естественно и необходимо возникая изъ положеній, занимаемыхъ ими въ государствѣ и по отношенію другъ къ другу» [5]). Дѣйствія одного общественнаго круга противъ другого ведутся съ такою же неумолимою послѣдовательностью, какъ дѣйствія одной орды противъ другой, одного государства противъ другого [6]). Исторія и дѣйствительная жизнь на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ намъ «объ ошибкахъ и неудачахъ даже самыхъ мудрѣйшихъ индивидуумовъ и о демонической мудрости и свойственной только закону природы (naturgesetzliche) непогрѣшимости общества (=группы). *Отдѣльная личность попадетъ въ цѣль или промахнется, ее сбиваютъ съ толку доктрины и чувства; общество (=группа) идетъ всегда по своей единственно вѣрной дорогѣ*—почему? потому, что оно не разсуждаетъ и не выбираетъ, но слѣдуетъ, какъ естественному закону (naturgesetzlich), могучему давленію своихъ интересовъ» [7]). Въ борьбѣ соціальныхъ группъ *индивидуальныя намѣренія*

---

[1]) *Gumplowicz*, 96.

[2]) Ibid., 97.

[3]) Ibid., 100. Отсюда опредѣленіе государства: all und jeder Staat ist ein Inbegriff von Einrichtungen, welche die Herrschaft der Einen über die Andern zum Zwecke haben und zwar wird diese Herrschaft von einer Minorität über eine Majorität geübt, стр. 115—116.

[4]) См. всю четвертую главу книги Гумпловича, стр. 106—161.

[5]) Ibid., 114. [6]) Ibid., 148. [7]) Ibid., 149.

не играютъ никакой роли, борьба эта ведется не индивидуумами; здѣсь только съ неумолимой послѣдовательностью стремятся къ своему удовлетворенію и преобладанію соціальные интересы, т.-е. интересы отдѣльныхъ общественныхъ круговъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Гумпловичъ даже говоритъ, что разумны лишь такіе поступки людей, которые соотвѣтствуютъ тенденціямъ господства природы, сообразны съ ними и ихъ дополняютъ [2]). Въ сущности, въ такихъ воззрѣніяхъ мы узнаемъ то же самое, что представляетъ собою всякое ученіе, отрицающее самостоятельность личности во имя соціальнаго цѣлаго, къ которому личность принадлежитъ, и съ этой-то точки зрѣнія мы и имѣемъ право причислить Гумпловича къ политическимъ и соціологическимъ писателямъ, исходящимъ изъ понятія общества, а не изъ понятія личности [3]). Авторъ «Очерка соціологіи» съ нами, однако, не согласился бы, ибо онъ самъ, какъ мы уже отчасти видѣли, находитъ, что можно возразить противъ принятія общества за нѣкоторое *prius*, впрочемъ, отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть подобное *prius* и въ индивидуумѣ: между послѣднимъ и обществомъ онъ создаетъ свое собственное первичное начало—соціальную группу—и думаетъ, что такимъ способомъ примирилъ односторонности двухъ магистральныхъ направленій въ пониманіи общества, «индивидуалистическаго и коллективистическаго», какъ самъ онъ выражается. Этотъ интересный для насъ вопросъ затронутъ Гумпловичемъ въ четвертой главѣ его книги, носящей названіе—«индивидуумъ и соціально-психическія явленія» [4]).

Въ самомъ началѣ этой главы Гумпловичъ указываетъ на то, что способъ разсматриванія соціальныхъ явленій всегда колебался между двумя противоположностями, между индивидуализмомъ и его противнымъ полюсомъ—коллективизмомъ; третьей точки зрѣнія, говоритъ онъ, не было, середины между единицей и человѣчествомъ или обществомъ (die «Gesammtheit», die «Gesellschaft») не находили, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Но эта, доселѣ остававшаяся незамѣченной середина существуетъ, и въ ней-то заключается «не больше и не меньше, какъ настоящая дѣйствительность (die thatsächliche Wirklichkeit), выраженіе коей единственно и составляетъ истину. Оба принципа, продолжаетъ Гумпловичъ, или, если угодно, ни одинъ изъ нихъ, т.-е. и эгоизмъ, и симпатія, или ни эгоизмъ, ни симпатія, составляютъ или не составляютъ источники нашихъ поступковъ и основы соціальнаго развитія, именно ни одинъ изъ этихъ обоихъ моментовъ, въ отдѣльности взятый (allein), и ни одинъ въ той мѣрѣ, въ какой это доселѣ принимали. Присоединимъ къ каждому изъ этихъ двухъ словъ прилагательное «соціальный» и придадимъ этому прилагатель-

---

1) Ibid., 152. 2) Ibid., 187.

3) Ср. у насъ выше, стр. 51—52.

4) *Gumplowicz*, 165—210.

ному значеніе не отвлеченнаго общественнаго цѣлаго (der abstracten Gesammtheit), а ограниченнаго соціальнаго круга (des beschränkten socialen Kreises), сингенетическаго круга, и мы найдемъ тотъ средній путь, который просматривала до сихъ поръ всякая соціальная философія»[1]. Т.-е., по Гумпловичу выходитъ такъ, что человѣкъ руководится не личнымъ, а групповымъ эгоизмомъ, совпадающимъ съ групповою же, а не общечеловѣческою симпатіей. Мысль свою доказываетъ онъ ссылкою на то, что естественныя узы кровнаго родства, общности нравовъ и образа мыслей привязываютъ человѣка всегда къ извѣстной общественной группѣ, а потому его эгоизмъ и его симпатія становятся соціальными: «въ соціальномъ эгоизмѣ заключается соціальная симпатія, а соціальная симпатія есть соціальный эгоизмъ. Назовемъ, говоритъ онъ еще, единство обоихъ этихъ чувствъ сингенизмомъ и въ немъ мы найдемъ основную пружину всякаго соціальнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ истинный ключъ къ его уразумѣнію»[2]. Признавая утопіями и свободный, вполнѣ самоопредѣляющійся индивидуумъ, и единую общину, всецѣло опекающую индивидуумъ, Гумпловичъ какъ-бы допускаетъ реальное существованіе только отдѣльныхъ общественныхъ группъ. «Правда заключается въ томъ, говоритъ онъ, что *соціальный міръ съ самаго начала всегда и вездѣ движется только группами* (*gruppenweise*), *группами вступаетъ въ дѣйствіе, группами борется и стремится*». Онъ даже думаетъ, что «въ гармоническомъ взаимодѣйствіи общественныхъ группъ лежитъ единственно возможное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, насколько, прибавляетъ онъ, оно вообще возможно». Индивидуалистическую точку зрѣнія Гумпловичъ—понятное дѣло—отвергаетъ безусловно, считая величайшею ошибкою индивидуальной психологіи положеніе: человѣкъ мыслитъ. «То, что мыслитъ въ человѣкѣ, говоритъ онъ, *это вовсе не онъ*, а его соціальная группа (seine sociale Gemeinschaft); источникъ его мышленія заключается *вовсе не въ немъ*, а въ соціальной средѣ, въ коей онъ живетъ, въ соціальной атмосферѣ, коею онъ дышетъ, и *онъ не можетъ иначе думать*, *нежели такъ*, *какъ это съ необходимостью вытекаетъ изъ концентрирующихся въ его мозгу вліяній окружающей его соціальной среды!*..[3]. При этомъ, говоритъ Гумпловичъ нѣсколько далѣе, индивидуумъ играетъ только роль призмы, которая воспринимаетъ извнѣ лучи и, преломивъ ихъ по точнымъ законамъ, снова ихъ выпускаетъ въ опредѣленномъ направленіи и съ опредѣленнымъ цвѣтомъ, .. *и лишь весьма рѣдкой головѣ*, замѣчаетъ онъ, *удается въ зрѣломъ возрастѣ настолько эманципироваться отъ этой духовной среды*, *что только теперь получаетъ она возможность мыслить далѣе самостоятельно*»[4]. Послѣднее—исклю-

---

[1]) Ibid., 165. [2]) Ibid., 166. [3]) Ibid., 167. [4]) Ibid., 168.

ченіе, общее правило не таково: «вся вѣра, говоритъ Гумпловичъ,— вся вѣра въ свободу человѣка, въ его свободное поведеніе (Handeln) коренится въ воззрѣніи, будто поступки человѣка суть плоды его мыслей, а мысли составляютъ собственную область индивидуума, его исключительную собственность. Человѣкъ столь же мало производитъ самъ себя духовно, какъ и физически. *Его мысли, его духъ суть произведеніе его соціальной среды, соціальнаго элемента, въ которомъ онъ рождается, живетъ и движется»* [1]). «Индивидуумъ въ своей моральной сторонѣ, въ своихъ мысляхъ и воззрѣніяхъ образуется группою; онъ только часть группы; возросши въ ея моральной атмосферѣ, въ кругѣ ея идей, онъ извлекаетъ всѣ соки своей духовной жизни изъ этой почвы» [2]).

Наконецъ, на одной изъ послѣднихъ страницъ своей книги Гумпловичъ прямо заявляетъ, что *«историческія событія не создаются людьми»* (geschichtliche Ereignisse werden nicht von Menschen gemacht), что *у событій нѣтъ никакихъ виновниковъ* (diese Ereignisse haben keine Verursacher) и т. п. [3]), т.-е. приходитъ къ разсматривавшемуся нами въ главѣ III ученію о безличности историческаго процесса.

Таковы главныя идеи Гумпловича по интересующему насъ предмету. Рѣшая вопросъ о томъ, кто дѣйствуетъ въ исторіи, кто является ея субъектомъ, и онъ ставитъ свой отвѣтъ на этотъ вопросъ въ нѣкоторую зависимость отъ рѣшенія вопроса: кѣмъ должна заниматься историческая наука? Изъ того, что послѣдней подобаетъ имѣть своимъ объектомъ соціальныя группы, а не отдѣльныхъ лицъ, и изъ того, что индивидуумъ самъ по себѣ не можетъ быть субстратомъ соціальныхъ законовъ, авторъ «Очерка соціологіи» выводитъ, что личность, какъ таковая, и не дѣйствуетъ совсѣмъ въ исторіи. Мы только-что сейчасъ привели его мнѣніе о безличности исторіи, а оно стоитъ въ несомнѣнной связи съ такими воззрѣніями автора, каковы слѣдующія: группы никогда не дѣйствуютъ по индивидуальнымъ мотивамъ или свойствамъ, а всегда и единственно по естественно-историческимъ и соціологическимъ законамъ; борьба группъ ведется не между индивидуумами, а, такъ сказать, между самыми интересами этихъ группъ, стремящихся къ своему удовлетворенію съ неумолимою послѣдовательностью естественнаго закона и т. п. Свое рѣшеніе вопроса о сущности историческаго процесса Гумпловичъ считаетъ принципіально новымъ, и дѣйствительно многіе его взгляды отличаются большою оригинальностью, но онъ, конечно, положительно не правъ, когда утверждаетъ, что нашелъ какой-то новый научный путь, идя по которому онъ достигаетъ совершеннѣйшей истины, избѣгая односторонностей «индивидуализма» и «коллективизма»: по существу дѣла вѣдь

---

[1]) Ibid., 170. [2]) Ibid., 177. [3]) Ibid., 227.

и его собственная теорія—коллективистическая же. Въ соціологическихъ построеніяхъ дѣйствительно приходится брать за исходный пунктъ либо личность, либо общежитіе: tertium non datur. Если средней точки зрѣнія, какъ говоритъ Гумпловичъ, до сихъ поръ не находили, то это лишь потому, что ея нѣтъ да и быть не можетъ: соціальная группа, на которую онъ указываетъ, какъ на это третье, не есть нѣчто среднее между личностью и обществомъ, ибо и она есть общество же, да и самъ Гумпловичъ часто обозначаетъ ее словомъ Gemeinschaft. Это уже второстепенный вопросъ, какое общество, большое или малое, принимать за единицу, т.-е., напримѣръ, все ли человѣчество, какъ это дѣлаютъ одни [1]), или единичную семью, какъ этого, наприм., хочетъ Шэффле [2]), или же такія «среднія» между человѣчествомъ и семьей единицы, каковыми являются государство, народъ и т. п. Гумпловичъ принимаетъ за такую единицу отдѣльную соціальную группу, въ формѣ первобытной орды или современнаго общественнаго класса, и въ этомъ только заключается все его отличіе отъ другихъ «коллективистовъ», останавливающихъ свой выборъ на другихъ формахъ общенія. Во всемъ остальномъ онъ заходитъ столь же далеко, какъ и самые крайніе представители теоріи, имѣющей своимъ исходнымъ пунктомъ то положеніе, что общество, какъ цѣлое, существуетъ раньше отдѣльныхъ личностей, т.-е. своихъ частей. И у него индивидуумъ есть продуктъ общежитія. Соглашаясь, далѣе, съ тѣмъ, что мотивами нашихъ поступковъ являются и эгоизмъ (моментъ личный), и симпатія (моментъ общественный), онъ, однако, страннымъ образомъ отождествляетъ эти два момента въ понятіи сингенизма, тождественнаго и съ «соціальнымъ эгоизмомъ», и съ «соціальной симпатіей», какъ будто у личности не бываетъ собственныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ ея группы и даже прямо иногда этимъ интересамъ противоположныхъ, и какъ будто, съ другой стороны, личность не можетъ переносить свою симпатію за предѣлы собственной группы, хотя бы даже и вопреки требованіямъ этой группы. Наконецъ, Гумпловичъ самымъ уже недвусмысленнымъ образомъ отрицаетъ и духовную самостоятельность личности, какъ будто у нея не можетъ явиться собственныхъ идей, отличныхъ отъ идей группы, хотя послѣднее и самъ онъ вынужденъ допустить въ видѣ исключенія изъ общаго правила.

Тезисы Гумпловича несомнѣнно представляютъ собою выводы изъ обобщенія громаднаго количества фактовъ, но онъ напрасно вовремя не остановился и сталъ утверждать, что, во-первыхъ, всегда и вездѣ такъ бываетъ и что, во-вторыхъ, происходитъ это отъ груп-

---

[1]) Ibid., 227.

[2]) О. В. Ф. И., II, 76 (108).

повой по самому существу своему природы общества: въ данномъ случаѣ Гумпловичъ дѣлаетъ ту же самую ошибку, которую мы уже отмѣтили у представителей двухъ противоположныхъ теорій о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ людей и народныхъ массъ [1]). Мы сами признаемъ взаимодѣйствіе соціальныхъ группъ, какъ одну изъ формъ прагматическаго взаимодѣйствія вообще, но считаемъ ошибочнымъ утвержденіе Гумпловича, будто соціальный міръ движется только группами, ибо яко-бы только изъ группъ лишь и могутъ исходить всѣ соціальныя дѣйствія. У самого автора этой теоріи проскакиваютъ тамъ и сямъ выраженія, находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ его основнымъ тезисомъ. Напр., онъ, говорящій о полномъ исчезновеніи личности въ соціальной группѣ, о поглощеніи первой второю, считаетъ, однако, въ то же самое время утопіей общину, всецѣло опекающую индивидуумъ. Или еще, отрицая значеніе индивидуальнаго элемента въ общественномъ взаимодѣйствіи, онъ тѣмъ не менѣе въ своей схемѣ, противополагаемой схемѣ Бастіана, говоритъ еще о «соціально-этическихъ образованіяхъ, какъ о продуктѣ взаимодѣйствія между единицей и обществомъ» (Wechselwirkung zwischen dem Einzelnen und der Gesellschaft). Такимъ образомъ желаніе автора объяснить всѣ соціальныя явленія и вывести всѣ соціологическіе законы изъ природы общественной группы, какъ первичнаго и единственнаго соціальнаго элемента, приводитъ его къ заключеніямъ, прямо не выдерживающимъ критики именно въ силу той исключительности, какую онъ внесъ въ пониманіе анализированныхъ имъ явленій.

Мы видѣли еще, что Гумпловичъ остановился на понятіи соціальной группы, какъ главнаго объекта соціологіи, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что научно наблюдать и описывать можно лишь конкретныя единицы, рѣзко отграниченныя однѣ отъ другихъ, а таковыми, по его представленію, и являются соціальныя группы. Это представленіе вполнѣ приложимо только къ первобытнымъ ордамъ, ибо съ того момента, какъ одна группа соединяется съ другою, хотя бы и въ формѣ господства побѣдителей надъ побѣжденными, начинается та постепенная соціальная компликація, которая оканчивается потерею отдѣльными группами всякихъ сколько-нибудь рѣзкихъ границъ. Дѣло усложняется тѣмъ, что вслѣдствіе дискретности общества одна и та же личность можетъ принадлежать одновременно, но въ разныхъ отношеніяхъ къ весьма различнымъ группамъ, на которыя раздѣляется всякое сколько-нибудь сложное общество [2]). Соціальные классы, наприм., не совпадаютъ съ культурными слоями, а тѣ и другіе—съ сословіями тамъ, гдѣ таковыя существуютъ, и всѣ они, вмѣстѣ взятые,

---

[1]) Ср. выше, стр. 138—139.
[2]) Ср. О. В. Ф. И., II, 84 sq. (117 sq).

не покрываются политическими партіями въ обществахъ, въ коихъ послѣднія организовались. Лица, принадлежащія къ одному и тому же соціальному классу, могутъ въ культурномъ отношеніи относиться къ двумъ совершенно различнымъ слоямъ общества; политическія партіи набираются изъ людей, входящихъ въ составъ разныхъ общественныхъ слоевъ и круговъ. Не говоримъ уже о разныхъ подраздѣленіяхъ и соединеніяхъ группъ, дающихъ въ результатѣ подгруппы или новыя комбинаціи, не отвергаемыя самимъ Гумпловичемъ. Исключительно къ своей группѣ индивидуумъ привязанъ, исключительно только ея продуктомъ онъ является лишь тогда, когда эта группа—первобытная орда или замкнутая каста. Поскольку, однако, единичный членъ отдѣльной группы находится въ общеніи съ членами другихъ группъ общества, постольку онъ не можетъ считаться продуктомъ только одной своей группы, и чѣмъ съ большимъ количествомъ разнородныхъ личностей соприкасается та или другая личность, тѣмъ большую она имѣетъ возможность выработать свою собственную физіономію взамѣнъ общаго шаблона группы, выдвигаемаго на первый планъ Гумпловичемъ.

Заглянемъ, кромѣ того, и во внутреннюю жизнь каждаго изъ такихъ яко-бы неразложимыхъ «соціальныхъ элементовъ» Гумпловича. Авторъ «Очерка соціологіи» принимаетъ, какъ мы уже знаемъ, два положенія, объясняющія, по его мнѣнію, всю исторію группъ: во-первыхъ, по закону косности каждая группа не выходитъ изъ даннаго состоянія, пока не будетъ выведена изъ него воздѣйствіемъ другой группы, а во-вторыхъ, это воздѣйствіе всегда имѣетъ одинъ и тотъ же мотивъ—желаніе однихъ людей подчинить себѣ и заставить на себя работать другихъ людей. Не касаясь односторонности такого представленія, мы обратимъ вниманіе читателя лишь на то, что, по мнѣнію Гумпловича, въ самихъ группахъ не зарождается никогда никакого движенія, если, конечно, не считать тѣхъ случаевъ, когда группа нападаетъ на другую, чтобы ее себѣ подчинить,—хотя, замѣтимъ, самопроизвольный переходъ отъ пассивности къ активности въ подобныхъ случаяхъ также противорѣчитъ основному тезису Гумпловича. Остановимся на самомъ этомъ тезисѣ. Авторъ «Очерка соціологіи» весьма послѣдовательно учитъ объ естественной косности соціальныхъ группъ, разъ онъ отрицаетъ всякое значеніе индивидуальнаго взаимодѣйствія, происходящаго въ обществѣ вообще, слѣдовательно, въ частности и въ отдѣльныхъ группахъ. Первой и важнѣйшей пружиной соціальнаго развитія онъ самъ называетъ «взаимодѣйствіе разнородныхъ, другъ на друга реагирующихъ элементовъ», но отдѣльныя личности не могутъ, конечно, съ его точки зрѣнія играть роль такихъ элементовъ по причинѣ присущей имъ однородности, такъ какъ каждая изъ этихъ личностей есть лишь отдѣльный экземпляръ общаго

групповаго типа. Отсюда понятенъ и выводъ, нами уже отмѣчавшійся, тотъ именно выводъ, что соціальныя группы не дѣйствуютъ по индивидуальнымъ мотивамъ, что индивидуальныя намѣренія не играютъ никакой роли въ междугрупповой борьбѣ. Гумпловичъ даже противополагаетъ индивидуальной способности не попадать въ намѣченную цѣль и сбиваться съ прямого пути групповую безошибочность и непогрѣшимость, какъ будто даже цѣлыя общества всегда достигаютъ своей цѣли или, по крайней мѣрѣ, стремятся къ ней по вѣрной дорогѣ, и какъ будто, наоборотъ, именно отдѣльныя личности такъ-таки никогда и не помогаютъ своимъ группамъ выбраться на вѣрный путь или не содѣйствуютъ своею дѣятельностью прямо достиженію общественной цѣли. Въ междугрупповой борьбѣ, въ коей Гумпловичъ полагаетъ сущность историческаго прагматизма, способность или неспособность вождей имѣетъ немаловажное значеніе: отъ личныхъ качествъ послѣднихъ весьма часто зависитъ или побѣда, или пораженіе. Въ особомъ параграфѣ, посвященномъ разсмотрѣнію того, что собственно можетъ составлять силу отдѣльнаго «общественнаго круга въ соціальной борьбѣ» [1]), т.-е. тамъ, гдѣ автору, повидимому, прежде всего слѣдовало бы вспомнить о вождяхъ, ведущихъ къ побѣдѣ или причиняющихъ пораженіе, все дѣло сводится имъ къ сплоченности (die Innigkeit des Verbandes) и вытекающимъ изъ нея организаціи и дисциплинѣ, какъ къ моментамъ, заступающимъ мѣсто численности и весьма часто дающимъ меньшей группѣ перевѣсъ надъ большею [2]). Гумпловичъ говоритъ объ организаціи, но не хочетъ знать организаторовъ,—говоритъ о дисциплинѣ, но не обращаетъ никакого вниманія на то, что дисциплина предполагаетъ и создающаго ее, и пользующагося ею. О вождяхъ онъ, однако, въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ, но только тамъ, гдѣ ему нужно объяснить, почему народныя массы плохо организуются сравнительно съ господствующимъ меньшинствомъ: именно, по мнѣнію Гумпловича, чѣмъ тѣснѣе общественный кругъ, тѣмъ легче онъ организуется; народнымъ же массамъ мѣшаетъ ихъ громадная численность, и если тѣмъ не менѣе въ нихъ возникаютъ организаціи, то онѣ, какъ думаетъ нашъ авторъ, бываютъ «большею частью эфемерными и искусственными созданіями эгоистическихъ и стремящихся къ эгоистическимъ цѣлямъ вождей» [3]). Послѣдовательность требовала бы, кажется, чтобы о вождяхъ авторъ не забылъ и тогда, когда они имѣютъ дѣло съ болѣе подходящими для организаціи элементами, чѣмъ народныя массы. Съ другой стороны, Гумпловичъ самъ признаетъ случаи, когда отдѣльные члены ведущихъ между собою борьбу соціальныхъ группъ «уклоняются вправо или влѣво»

---

[1]) *Gumplowicz*, 147—149.
[2]) Ibid., 147. [3]) Ibid., 150.

отъ общаго дѣйствія, но ему и въ голову не приходитъ, что иногда «уклоненіе» одного-двоихъ такихъ «abnormen Genossen» равняется для группы полному пораженію: напротивъ, онъ сравниваетъ ихъ съ метеоритами, отрывающимися отъ планетъ и разлетающимися въ разныя стороны, что, однако, ни малѣйшимъ образомъ не нарушаетъ закономѣрнаго теченія этихъ планетъ [1]). Между тѣмъ дѣло здѣсь иногда не въ числѣ отпадающихъ, а въ ихъ индивидуальномъ значеніи, и такимъ образомъ и тутъ Гумпловичъ упускаетъ изъ виду неоднородность, гетерогенность отдѣльныхъ членовъ одной и той же соціальной группы.

Гумпловичъ, къ сожалѣнію, весьма мало распространяется о механизмѣ взаимодѣйствія соціальныхъ группъ. При болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу онъ могъ бы замѣтить, что въ этомъ взаимодѣйствіи очень нерѣдко играютъ непосредственную роль не всѣ члены каждой отдѣльной группы. Онъ весьма часто сравниваетъ взаимныя отношенія двухъ соціальныхъ группъ со взаимными отношеніями двухъ государствъ; о послѣднихъ же онъ, между прочимъ, говоритъ такъ: «совокупныя дѣйствія государства сосредоточиваются (haben ihren Sitz) въ господствующемъ классѣ или группѣ, который ихъ и совершаетъ, въ той или другой формѣ опираясь на подчиненные классы или увлекая ихъ за собою. Эти совокупныя дѣйствія бываютъ направлены большею частью на другія государства» и т. д. [2]). Если во взаимодѣйствіи государствъ, народовъ и т. п. участвуютъ только отдѣльныя ихъ группы да и то, прибавимъ, не въ полномъ своемъ составѣ, а опять-таки чрезъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ, то и взаимодѣйствіе отдѣльныхъ группъ въ одномъ и томъ же государствѣ или народѣ должно было бы пониматься Гумпловичемъ не иначе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ государство или народъ, такъ сказать, концентрируются или въ своихъ правительственныхъ лицахъ, или въ своихъ ученыхъ и литераторахъ, или въ своихъ промышленныхъ и торговыхъ элементахъ, и подобно этому бываютъ также случаи, когда соціальныя группы до извѣстной степени воплощаются въ своихъ вліятельныхъ элементахъ, въ своихъ вождяхъ.

Теорія Гумпловича, конечно, одностороння и не свободна отъ крупныхъ погрѣшностей, но въ ней есть нѣчто, заслуживающее сочувственнаго вниманія: это именно и есть та черта, ради которой мы и предприняли ея разборъ. Прагматическая исторія представляется обыкновенно либо какъ дѣятельность обособленныхъ единицъ, либо какъ дѣятельность цѣлаго общества, «всѣхъ», de tout le monde. Авторъ «Очерка соціологіи» разрѣшаетъ эту дѣятельность «всѣхъ» въ дѣятель-

---

[1]) Ibid., 148. Ср. о переходѣ изъ одной группы въ другую стр. 170.
[2]) Ibid., 114.

ность нѣкоторыхъ, соединенныхъ въ особыя соціальныя группы, и такое представленіе является болѣе вѣрнымъ, чѣмъ представленіе о совокупной дѣятельности всего общества: послѣдняя проявляется во взаимодѣйствіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его элементовъ, каковыми могутъ быть и отдѣльныя личности, и отдѣльныя соціальныя группы. Разложивъ на таковыя группы все общество, Гумпловичъ тѣмъ не менѣе допустилъ въ свою систему истинный πρῶτον ψεῦδος оспариваемаго имъ самимъ «коллективизма», т.-е. невнимательное отношеніе къ возможной самостоятельности положенія отдѣльныхъ личностей и среди цѣлаго общества (среди «всѣхъ» Толстого), и среди обособленныхъ соціальныхъ группъ. То, что мы нашли вѣрнымъ въ теоріи Гумпловича, и наши собственныя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ его мыслей, какъ и многое иное въ трехъ предыдущихъ главахъ,—все это пригодится намъ при разсмотрѣніи вопроса о личности въ прагматической исторіи въ той новой постановкѣ, которую мы ему даемъ въ этой главѣ, убѣжденные, что прежняя постановка съ принципіальной точки зрѣнія не можетъ считаться правильной. Между прочимъ, въ двухъ слѣдующихъ главахъ, которыя, какъ было уже сказано, посвящаются причинной связи прагматическихъ фактовъ и неравенству дѣйствія отдѣльныхъ личностей, мы должны будемъ принимать въ расчетъ, что, съ одной стороны, не только поступки личностей, но и дѣйствія цѣлыхъ группъ бываютъ причинами и слѣдствіями таковыхъ же поступковъ и дѣйствій и что, съ другой стороны, подъ неравенствомъ дѣйствія отдѣльныхъ личностей мы имѣемъ право разумѣть и неравенство ихъ дѣйствія и въ томъ случаѣ, когда онѣ составляютъ особыя группы.

Возвращаемся еще разъ къ Гумпловичу. Въ своемъ представленіи о прагматической исторіи этотъ писатель выдвигаетъ на первый планъ моментъ борьбы. Подобное представленіе мы встрѣчаемъ и у другихъ авторовъ, рѣшавшихъ вопросъ о сущности историческаго процесса. Мало того: иногда къ этому именно моменту и сводится все взаимодѣйствіе между личностями и группами, происходящее въ обществѣ. Мы могли бы прибавить къ этой первой «книгѣ» настоящаго труда еще одну главу, въ которой разсмотрѣли бы прагматическій процессъ съ только-что указанной стороны, если бы сами думали, что все прагматическое взаимодѣйствіе сводится къ борьбѣ, что борьба, происходящая въ обществѣ, всецѣло объясняется одною игрою своекорыстныхъ личныхъ и групповыхъ интересовъ, и что понять эту борьбу можно было бы внѣ ея отношенія къ культурѣ и соціальному строю народа. Этого-то всего мы и не думаемъ, а потому вопросу о борьбѣ, какъ объ одной изъ сторонъ прагматическаго процесса, мы отводимъ другое мѣсто.

ГЛАВА VI.

Причинная связь прагматическихъ фактовъ.

Предметъ этой главы.—Зависимость прагматическаго процесса отъ другихъ процессовъ, совершающихся на землѣ.—Три рода непрагматическихъ причинъ прагматическихъ фактовъ.—Ихъ случайный характеръ по отношенію къ прагматическому процессу. — Частныя поясненія этой общей мысли.—Важность идеи причинности въ примѣненіи къ исторіи.—Идея причинности съ общефилософской точки зрѣнія.—Ученіе Шопенгауера о трехъ формахъ причинности.—Статья Лааса.—Логическое ученіе о причинности.—Различеніе между условіями и причиной, между причиной и поводомъ.—Психологическое ученіе о мотиваціи поступковъ.—Причинная связь съ точки зрѣнія науки уголовнаго права.—Неразработанность этого вопроса въ такъ называемыхъ «историкахъ».—Пріемы историческихъ писателей.—Психологическая задача исторіи.—Характеры дѣйствующихъ лицъ.—Вліяніе человѣка на человѣка.—Какъ одни поступки зависятъ отъ другихъ?—Къ вопросу о свободѣ воли и законахъ исторіи.—Выводы для рѣшенія вопроса о роли личности въ прагматическомъ процессѣ.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить о причинной связи прагматическихъ фактовъ, сводящихся въ послѣднемъ анализѣ къ отдѣльнымъ поступкамъ отдѣльныхъ личностей. Людскіе поступки составляютъ содержаніе прагматическаго процесса исторіи, связь между ними опредѣляется словами — *причина* и *слѣдствіе*, т.-е. прагматическій процессъ представляется намъ, какъ длинная цѣпь человѣческихъ дѣяній, отдѣльныя звенья которой имѣютъ двоякое значеніе, именно, значеніе причинъ по отношенію къ фактамъ послѣдующимъ и слѣдствій по отношенію къ фактамъ предыдущимъ. Признаемся съ самаго начала во избѣжаніе недоразумѣній, что такое пониманіе прагматическаго процесса до извѣстной степени—и до степени притомъ довольно значительной — искусственно, насколько, впрочемъ, искусственно все, что является результатомъ анализа живой и сложной дѣйствительности. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ обстоятельствѣ.

Нельзя, конечно, представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, чтобы прагматическій процессъ исторіи былъ, такъ сказать, замкнутъ въ самомъ себѣ: не говоря уже о взаимодѣйствіи его съ процессомъ культурнымъ, которое, по нашему опредѣленію, составляетъ сущность историческаго процесса, отвлеченно взятаго въ обоихъ своихъ проявленіяхъ, исторія находится еще въ постоянной зависимости отъ другихъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ явленій. Мы лишь тогда имѣли бы право признать полную замкнутость прагматическаго процесса, если бы единственными причинами и единственными слѣдствіями человѣческихъ поступковъ были непремѣнно поступки же, если бы поведеніе однихъ людей зависѣло исключительно отъ поведенія другихъ людей и равнымъ образомъ только на таковое и вліяло, т.-е. если бы въ прагматическій процессъ не привходило нѣчто ему постороннее въ видѣ причинъ, не представляющихъ изъ себя человѣческихъ поступковъ, и если бы процессъ этотъ, такъ сказать, не выходилъ изъ самого себя въ тѣхъ изъ своихъ слѣдствій, которыя не имѣютъ прагматическаго характера. На самомъ дѣлѣ такъ, однако, не бываетъ. Строго говоря, прагматическій процессъ, какъ нѣчто въ самомъ себѣ обособленное, есть отвлеченіе нашего ума, но въ томъ же самомъ смыслѣ лишь какъ наши отвлеченія могутъ существовать и всякіе иные, какіе бы то ни было, обособленные отъ другихъ и сами въ себѣ замкнутые процессы. Итакъ, если, съ одной стороны, какъ нами уже было принято [1]), не всѣ поступки людей входятъ въ цѣпь причинъ и слѣдствій прагматическаго процесса, то, съ другой, и эта цѣпь, строго говоря, состоитъ не изъ однихъ людскихъ поступковъ. Обѣ эти истины тѣсно связаны между собою, ибо имѣютъ общую основу въ той болѣе общей истинѣ, что причина или слѣдствіе поступка не есть непремѣнно поступокъ же: отсюда возможность существованія поступковъ, стоящихъ изолированно отъ тѣхъ, которые находятся въ причинной связи между собою, отсюда же и только-что указанная незамкнутость самого прагматическаго процесса, вхожденіе въ него и выхожденіе изъ него непрагматическихъ причинъ и слѣдствій.

Интересуясь пока тѣмъ, какъ происходитъ прагматическій процессъ, а не тѣмъ, что имъ производится, мы должны здѣсь остановиться лишь на разсмотрѣніи привходящихъ въ него извнѣ причинъ, оставивъ въ сторонѣ выходящія за его предѣлы слѣдствія, въ числѣ коихъ, замѣтимъ мимоходомъ, бываютъ, конечно, слѣдствія и культурнаго характера,—сторона дѣла, еще подлежащая нашему разсмотрѣнію въ другомъ мѣстѣ. Постороннія прагматическому процессу причины, т.-е. причины поступковъ, которыя сами не суть поступки, мо-

---

[1]) См. выше, стр. 13—14.

гутъ быть раздѣлены на три категоріи. «Въ жизни народа,—писали мы въ другомъ мѣстѣ,—можно найти извѣстныя господствующія теченія, объясняющіяся изъ нѣкоторыхъ общихъ причинъ, дѣйствующихъ постоянно или очень продолжительно на всѣхъ членовъ народа или на громадное ихъ большинство. Эти причины,—сказано у насъ далѣе,—всегда раздѣляются на три категоріи: самая постоянная и общая—окружающая природа со всѣми ея вліяніями на человѣка; менѣе постоянная и общая, т.-е. быстрѣе измѣняющаяся и допускающая исключенія,—есть раса, т.-е. прирожденныя свойства народа; самая измѣнчивая и не на всѣхъ одинаково дѣйствующая есть культура. Личность—единственный факторъ исторіи, но есть нѣкоторыя общія условія, которыя вносятъ въ дѣятельность многихъ личностей, т.-е. народа—извѣстное общее направленіе. Личность опредѣляется либо извнутри прирожденными свойствами, либо извнѣ разными обстоятельствами: первыя условія мы назовемъ *органическими*, вторыя, т.-е. окружающую природу и культурно-соціальныя формы—условіями *неорганическими* и *надъ-органическими*, разумѣя подъ послѣдними вообще продукты человѣческаго творчества, опредѣляющіе дѣятельность человѣка» [1]). Въ томъ мѣстѣ перваго тома *Основныхъ вопросовъ*, откуда выписаны эти строки, объяснялось, почему мы наблюдаемъ нѣчто общее въ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ и цѣлыхъ поколѣній одного и того же народа [2]), но здѣсь намъ нужно взглянуть на указанныя категоріи причинъ съ новой точки зрѣнія: дѣло идетъ не о постоянномъ и многостороннемъ вліяніи внѣшней природы, прирожденныхъ свойствъ народа и его духовно-общественной атмосферы на всю исторію народа, а, такъ сказать, о дѣйствіи единичныхъ физическихъ, біологическихъ и культурныхъ факторовъ на отдѣльныя звенья прагматической цѣпи причинъ и слѣдствій. Прагматическій процессъ исторіи совершается въ извѣстной физической, біологической и культурной средѣ, такъ или иначе на него дѣйствующей, но въ каждой изъ нихъ происходитъ свой процессъ, свои измѣненія, которыя могутъ оказывать то или другое вліяніе на исторію. И это обстоятельство было уже нами прежде отмѣчено слѣдующимъ образомъ: «историческій процессъ, сказано было нами въ одномъ мѣстѣ перваго тома *Основныхъ вопросовъ*, — историческій процессъ самъ по себѣ есть нѣчто сложное, какъ различно обусловленная дѣятельность множества личностей, оказывающихъ на него самыя разнообразныя вліянія и въ смыслѣ степени, и въ смыслѣ направленія, но, кромѣ того, *извнѣ въ его ходъ вторгаются другіе процессы:* геологическій—опредѣляетъ его сцену, біологическій—постоянно доставляетъ ему актеровъ, не спра-

---

[1]) О. В. Ф. П., I, 53 (155).

[2]) Подробно вопросъ этотъ разсматривается на стр. 53 sq. (155 sq.).

шивая, удобна ли сцена, годны ли актеры; человѣчество посѣщаютъ землетрясенія, наводненія, засухи, эпидеміи и пр. и пр., не обращая вниманія на историческій моментъ, имъ переживаемый» [1]). И эти строки, которыя мы тутъ приводимъ, взяты изъ разсужденія, не имѣющаго прямого отношенія къ нашему теперешнему предмету: о вторженіи, такъ сказать, другихъ процессовъ въ процессъ историческій мы говорили, возражая противъ идеи исторической планомѣрности, по которой въ исторіи будто бы не бываетъ ничего случайнаго: «рядомъ съ однимъ необходимымъ и въ своей необходимости намъ понятнымъ существуетъ и другое, и третье, и сотое, и тысячное такое необходимое, взаимодѣйствіе коихъ, тоже необходимое, но уже для насъ непонятное, и производитъ рядъ случайностей въ каждомъ процессѣ» [2]). По отношенію къ каузальному сцѣпленію человѣческихъ поступковъ, составляющему всю суть прагматическаго процесса, дѣйствіе причинъ, входящихъ какъ звенья въ причинныя цѣпи, которыя существуютъ внѣ этого процесса, будетъ, конечно, случайнымъ, употребляя послѣднее слово въ томъ чисто относительномъ смыслѣ, въ какомъ оно только и можетъ употребляться въ наукѣ [3]). Въ прагматическомъ процессѣ, разсматриваемомъ, какъ человѣческая дѣятельность, все должно вытекать изъ прагматическихъ же фактовъ, и только съ такой точки зрѣнія всѣ его моменты, объясняемые изъ событій, въ коихъ дѣйствуютъ силы природы, могутъ считаться случайными. Не распространяясь далѣе на эту тему, мы ограничимся только нѣсколькими поясненіями нашей общей мысли, чтобы перейти потомъ къ главному предмету настоящей главы, къ причинной связи, существующей между одними человѣческими поступками.

Во-первыхъ, не можетъ, разумѣется, подлежать никакому сомнѣнію, что отдѣльные прагматическіе факты бываютъ слѣдствіемъ тѣхъ или другихъ чисто физическихъ событій. Человѣкъ вообще находится въ многообразной зависимости отъ природы, а потому нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ случаи, заставляющіе историка объяснять какое-нибудь прагматическое явленіе посредствомъ указанія на фактъ, взятый изъ процесса внѣшней природы. Такіе случаи бываютъ очень часты и весьма притомъ разнороднаго характера. Напримѣръ, атмосферическія явленія, отъ коихъ зависитъ урожай или неурожай хлѣба, имѣютъ свою особую исторію, и эта исторія, въ настоящее время научно наблюдаемая и даже какъ бы составляемая, благодаря записи метеорологическихъ наблюденій, — вліяя вообще на

---

[1]) Ibid., I, 93 (205). Ср. мою брошюру «Личное начало и роковыя силы въ исторіи». Спб. 1889.

[2]) О. В. Ф. И. I, 92 (204).

[3]) Ibid., I, 86 sq. (198 sq.). Ср. мою статью «Случайность въ жизни и исторіи». *Дѣло*. 1884.

жизнь человѣка, въ частности имѣетъ иногда отдѣльныя чисто прагматическія слѣдствія: исключительная засуха, имѣвшая въ результатѣ страшный неурожай въ цѣлой странѣ, можетъ сдѣлаться причиной народнаго волненія, котораго не было бы при болѣе благопріятной для произрастанія хлѣбовъ погодѣ. Съ другой стороны, не менѣе многочисленны и разнообразны бываютъ случаи привхожденія въ прагматическій процессъ причинъ, находящихся въ мірѣ явленій біологическихъ. Параллельно съ историческою жизнью въ обществѣ совершается біологическій процессъ обновленія поколѣній, такъ сказать, поставляющій прагматическому процессу новыхъ дѣятелей и вмѣстѣ съ тѣмъ уносящій изъ него старыхъ, при чемъ дѣятели сами не остаются неизмѣнными въ теченіе всей своей жизни въ силу біологическаго процесса индивидуальнаго существованія, т.-е. процесса, совершающагося въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ [1]). Называемая прагматической исторіей цѣпь человѣческихъ поступковъ, вытекающихъ одни изъ другихъ, какъ слѣдствія изъ своихъ причинъ, тянется черезъ цѣлые ряды поколѣній: появленіе въ этой исторіи однихъ дѣятелей, которыхъ не было вчера, исчезновеніе другихъ, которые, наоборотъ, еще наканунѣ оказывали громадное вліяніе на ходъ дѣлъ міра сего, усложняетъ прагматическую ткань исторіи вплетеніемъ въ нее нитей, имѣющихъ свое начало внѣ этой ткани. Быть можетъ, ни о чемъ не слѣдовало бы такъ подумать писателямъ, отрицающимъ личное начало въ исторіи во имя ли роевой силы Толстого, или безличной эволюціи Спенсера, какъ о томъ значеніи, какое въ ходѣ историческихъ событій можетъ принадлежать чисто біологическому факту рожденія или смерти какого-либо лица. Опять въ томъ же мѣстѣ перваго тома *Основныхъ вопросовъ*, гдѣ говорится о необходимомъ и случайномъ въ исторіи, есть нѣсколько строкъ, которыя хотя и были написаны по другому совсѣмъ поводу, могутъ тѣмъ не менѣе пригодиться и въ настоящемъ случаѣ. «Общество переживаетъ кризисъ, является необыкновенно геніальный человѣкъ, который проводитъ общество благополучно между Сциллой и Харибдой, но это — случайность, ибо великаго человѣка могло бы и не явиться, а посредственности, дюжинныя личности спасовали бы передъ задачей: если бы человѣкъ, особенно способный, и родился, онъ могъ бы тысячу разъ умереть въ дѣтствѣ, но онъ могъ бы и не родиться, *если бы въ біологическомъ процессѣ общества*, *отличномъ отъ историческаго*, *не было достаточныхъ основаній для возможности* появленія на свѣтъ такого человѣка, и если бы эта возможность *не перешла въ дѣйствительность* вслѣдствіе чисто случай-

[1]) Говоря въ I т. О. В. Ф. И. о сложности исторіи, я между прочимъ указывалъ на это: «однѣ и тѣ же личности не остаются неизмѣнными въ теченіе всей своей жизни, а въ теченіи исторіи личности смѣняются однѣ другими» стр. 51 (153).

наго брака двухъ субъектовъ, которые по своимъ прирожденнымъ качествамъ могли произвести такого человѣка» [1]). Третья категорія непрагматическихъ причинъ прагматическихъ слѣдствій состоитъ изъ фактовъ культурныхъ, — сторона дѣла, которая именно можетъ и должна быть разсмотрѣна отдѣльно. И тутъ позволительно говорить о случайности, когда какое-либо культурное явленіе, стоявшее до поры до времени внѣ прагматическаго процесса, вызываетъ какіе-либо поступки, дѣлающіеся началами новыхъ прагматическихъ цѣпей. Несомнѣнно, однако, что прагматическій и культурный процессы находятся въ болѣе тѣсной связи между собою, чѣмъ съ явленіями физическими и біологическими, въ силу того, что оба они суть лишь разныя стороны въ сущности одного процесса—историческаго.

Моею цѣлью при этомъ упоминаніи о вліяніи на прагматизмъ исторіи фактовъ физическаго, біологическаго и культурнаго свойства вовсе не было ни воспроизводить въ новой формѣ изложенную въ первыхъ двухъ томахъ *Основныхъ вопросовъ* теорію о неорганическихъ, органическихъ и надъ-органическихъ вліяніяхъ на жизнь и дѣятельность народовъ, ни еще менѣе перечислять всѣ возможные случаи, когда причиной прагматическаго факта является фактъ непрагматическій: дальнѣйшая разработка упомянутой теоріи была бы здѣсь не у мѣста, такъ что намѣченные случаи должны были служить лишь иллюстраціей общаго положенія о томъ, что прагматическій процессъ въ смыслѣ цѣпи вызванныхъ одинъ другимъ поступковъ не есть процессъ, замкнутый въ самомъ себѣ. Положеніе это важно для насъ и потому еще, что имъ, между прочимъ, освѣщается одна важная сторона идеи причинности въ примѣненіи къ историческимъ фактамъ: именно, слѣдя за ходомъ событій, намъ постоянно приходится вводить въ него новыя причины, т.-е. нѣчто изъ него самого не вытекающее. Этого-то обстоятельства во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могло бы породить искусственное представленіе прагматизма, забывать отнюдь не слѣдуетъ, и только съ такой оговоркой мы считаемъ позволительнымъ разсматривать причинную связь прагматическихъ фактовъ такъ, какъ будто бы въ нее извнѣ ничто не вторгалось.

То, о чемъ теперь мы будемъ говорить, могло бы быть предметомъ особаго сочиненія, и сочиненіе это могло бы разсматриваться, какъ нѣчто совершенно новое въ историсофической литературѣ. Несмотря на то, что историческіе писатели, начиная съ Ѳукидида и Полибія, всегда ставили себѣ задачей находить причинную связь между описываемыми событіями, несмотря на то, что теоретики исторической науки всегда указывали на исканіе этой связи, какъ на обязанность историка, и даже терминъ *прагматизмъ* сдѣлался почти сино-

---

[1]) Ibid., I, 92—93 (204).

нимомъ *изслѣдованія причинъ и слѣдствій* историческихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе идея причинности въ примѣненіи къ исторіи никогда не подвергалась обстоятельному изслѣдованію: прямѣе всего мы должны были бы искать послѣдняго въ такъ называемыхъ «историкахъ», какъ называютъ нѣмцы теоріи исторіи (die Historik), но именно въ нихъ-то вопросъ о причинной связи историческихъ событій совершенно неразработанъ,—какъ это будетъ нами показано, между прочимъ, въ настоящей же главѣ,—вслѣдствіе чего, какъ это мы также увидимъ, нѣкоторые теоретическіе вопросы исторіи (въ числѣ ихъ вопросы о свободѣ воли, о закономѣрности, а—главное—о роли личности) неудовлетворительно и ставятся, и рѣшаются. Само собою разумѣется, что въ виду спеціальной цѣли, съ какою мы завели здѣсь рѣчь о причинности, именно — выяснить роль личности въ прагматическомъ процессѣ—мы не имѣемъ теперь настоятельной необходимости рѣшать въ настоящей главѣ вопросъ о причинности въ исторіи во всемъ его объемѣ, такъ что все дальнѣйшее въ этой главѣ можетъ быть разсматриваемо, только какъ простая попытка лишь самой общей постановки упомянутаго вопроса и отчасти его рѣшенія, поскольку послѣднее необходимо для опредѣленія роли личности въ прагматическомъ процессѣ. Такъ какъ, однако, авторы «историкъ» совершенно обходятъ этотъ существенно важный предметъ, то мы волей-неволей должны обратиться къ другимъ научнымъ сферамъ, въ которыхъ идея причинности подвергалась болѣе или менѣе подробной разработкѣ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить *общую философію*, разсматривающую вопросъ о причинности съ самыхъ общихъ и принципіальныхъ точекъ зрѣнія. Затѣмъ идетъ *логика наукъ*, которая, какъ мы увидимъ, занимается идеей причинности главнымъ образомъ въ связи съ теоріей индукціи, основывающейся на этой идеѣ. *Психологіи* точно также приходится обращаться къ послѣдней, когда заходитъ рѣчь о мотиваціи человѣческихъ поступковъ, и тутъ психологическій вопросъ весьма близко соприкасается съ вопросомъ исторической теоріи. Наконецъ, есть еще одна область, въ которой идея причинной связи играетъ довольно важную роль: это—*наука уголовнаго права*, ставящая, между прочимъ, вопросъ о томъ, когда дѣйствія человѣка могутъ считаться причиною явленія, дабы послѣднее могло быть вмѣнено ему въ вину. Въ эти четыре отдѣльныя области мы и сдѣлаемъ здѣсь небольшія экскурсіи съ троякою цѣлью: во-первыхъ, показать, какъ много работали надъ идеей причинности философы въ широкомъ смыслѣ слова и юристы-криминалисты въ сравненіи съ историками-теоретиками, коимъ тоже надлежало бы поглубже вникнуть въ сущность такой важной идеи; во-вторыхъ, отмѣтить тотъ фактъ, что общефилософскія, логическія, психологическія и тѣмъ болѣе криминалистическія ученія о причинной связи заключаютъ въ себѣ

весьма мало такихъ понятій и теоремъ, которыя могли быть цѣликомъ перенесены въ теорію исторіи, и тѣмъ подчеркнуть необходимость особой, спеціально-исторической теоріи причинности; въ-третьихъ, заимствовать у авторовъ сочиненій по философіи, логикѣ, психологіи и уголовному праву отдѣльныя мысли и положенія, которыя могутъ быть примѣнены къ прагматической исторіи. Прежде чѣмъ остановиться на каждой изъ упомянутыхъ научныхъ сферъ въ отдѣльности, я укажу на то, что должно было бы отличать историческую теорію причинности отъ теорій чисто-философской, логической, психологической и криминалистической. Конечно, прежде всего нельзя требовать, чтобы философія и теорія исторіи относились къ этому предмету совершенно одинаково: первая изслѣдуетъ идею въ ея основоначалахъ и во всевозможныхъ примѣненіяхъ, вторая—именно только въ примѣненіи и притомъ лишь къ одной категоріи явленій, къ историческимъ фактамъ. Философія поэтому не могла взять на себя спеціальной разработки предмета, по существу своему долженствовавшаго обратить на себя особое вниманіе историковъ. Все, чего мы можемъ тутъ требовать отъ философовъ, это—то, чтобы было опредѣлено, въ чемъ заключается особенность причинности, царящей въ мірѣ исторіи. Ближе, повидимому, къ нашей задачѣ должны были бы подойти авторы сочиненій по логикѣ, особенно по логикѣ наукъ, но въ двухъ отношеніяхъ рѣшенія вопроса о причинности, даваемыя ими, оказываются мало примѣнимыми къ задачамъ историка: во-первыхъ, упомянутые авторы строятъ свои логическія ученія главнымъ образомъ на основаніи данныхъ и въ виду требованій естествознанія, отводя лишь самое небольшое мѣсто логикѣ нравственныхъ наукъ (см., напр., у Милля или у Бэна), а во-вторыхъ, идея причинности занимаетъ ихъ по отношенію къ индукціи, которая должна открывать неизмѣнныя связи между двумя явленіями, т.-е. общіе законы повторяющихся явленій, тогда какъ прагматическій историкъ ищетъ причинную связь не между повторяющимися элементами событій, а между событіями, только одинъ разъ случившимися, такъ что относительно ихъ уже не можетъ быть рѣчи о неизмѣнной связи. Для читателя, знакомаго съ первымъ томомъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, мы сошлемся на то, что авторы логикъ разсматриваютъ идею причинности съ точки зрѣнія наукъ номологическихъ, изучающихъ законы повторяющихся явленій, тогда какъ исторія, возстановляющая факты прошлаго, есть наука феноменологическая, изучающая событія въ ихъ индивидуальности, т.-е. нѣчто бывшее только разъ и болѣе не повторявшееся [1]). — Что касается до психологіи, то ея точка зрѣнія опредѣляется понятіемъ мотива, какъ причины поступка,

[1]) О. В. Ф. И. I, 9 sq. (105 sq.).

тогда какъ историку приходится искать причины самихъ мотивовъ, порождающихъ поступки, и притомъ искать ихъ именно въ другихъ поступкахъ или вообще въ поведенiи другихъ людей. Мотивы + поступки суть настоящiя звенья прагматическихъ цѣпей исторiи, но психологiя всегда разсматриваетъ поступки, лишь какъ слѣдствiя, едва затрогивая вопросъ о поступкахъ, какъ о причинахъ, что, впрочемъ, выходитъ за предѣлы индивидуальной психологiи. Наконецъ, если уголовное право и беретъ поступокъ (дѣйствiе), какъ причину, то лишь какъ причину такого слѣдствiя, которое есть явленiе, запрещенное положительнымъ законодательствомъ: для историка, конечно, послѣдняго ограниченiя не существуетъ, хотя и ему приходится произносить своего рода судъ надъ людьми, «вмѣняя» имъ тѣ или другiя ихъ дѣйствiя [1]), но особенно важно то, что съ чисто прагматической точки зрѣнiя у историка слѣдствiемъ одного поступка одного человѣка является уже другой поступокъ другого человѣка (послѣднiя четыре слова могутъ быть здѣсь поставлены и во множественномъ числѣ). Указавъ на то, какъ разрѣшаютъ вопросъ о причинности названныя спецiальности (если только позволительно подвести подъ послѣднее понятiе и философiю), мы коснемся и упомянутой уже неразработанности этого предмета въ «историкахъ», или теорiяхъ исторической науки и заключимъ главу нѣкоторыми общими выводами о законѣ причинности по отношенiю къ прагматической исторiи вообще, въ особенности же по отношенiю къ вопросу о роли личности въ прагматическомъ процессѣ.

Переходя теперь по только-что принятому мною плану дальнѣйшаго содержанiя этой главы къ философскому въ широкомъ смыслѣ и къ юридическому ученiямъ о причинности, я долженъ оговориться, что заглядывалъ въ гораздо большее количество сочиненiй, трактующихъ объ этомъ предметѣ, нежели то, которымъ воспользовался для настоящей главы. Выбравъ то, что оказывалось наиболѣе подходящимъ, я долженъ былъ иное оставить ради экономiи мѣста, иное вслѣдствiе совершенной непригодности для нашей теперешней цѣли. Не ручаюсь, однако, чтобы въ обширной научной литературѣ не нашлось болѣе ничего, о чемъ слѣдовало бы здѣсь, по крайней мѣрѣ, упомянуть, и во всякомъ случаѣ я былъ бы очень благодаренъ за всякое указанiе на пропускъ чего-нибудь существенно важнаго, чѣмъ я могъ бы съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ воспользоваться и для настоящей главы, и для болѣе обстоятельной разработки вопроса, если бы я когда-либо за нее принялся. Приступимъ теперь къ обзору ученiй о причинности и начнемъ съ философiи.

«Идея причинности, говоритъ А. И. Введенскiй, авторъ въ 1888 г. вы-

---

[1]) Ср. статью мою «Судъ надъ исторiей». *Русская Мысль*. 1884.

шедшаго въ свѣтъ «Опыта построенія теоріи матеріи»,—идея причинности должна подвергнуться всестороннему изслѣдованію. Можетъ быть, продолжаетъ онъ, законъ причинности ложенъ. Или если онъ и вѣренъ, то, можетъ быть, сфера его примѣненія гораздо у́же, чѣмъ мы предполагаемъ; напримѣръ, онъ, можетъ быть, *не пригоденъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается человѣка, такъ какъ, можетъ быть, послѣдній обладаетъ свободной волей.* Съ другой стороны, можетъ быть, сфера его дѣйствія гораздо шире, чѣмъ мы думаемъ. Во всякомъ случаѣ, знаніе, построенное на непровѣренныхъ и неоцѣненныхъ всестороннимъ образомъ принципахъ, по остроумному сравненію Канта, есть то же самое, что владѣніе имуществомъ по документамъ, подлинность которыхъ ничѣмъ не удостовѣрена. Изслѣдованіе этихъ общихъ принциповъ должно подготовить почву, основываясь на которой, мы могли бы придать *достовѣрное содержаніе и взаимную связь* (по крайней мѣрѣ, отсутствіе обоюдныхъ противорѣчій) *принципамъ каждой отдѣльной науки*» [1]). Философія изслѣдуетъ главнымъ образомъ происхожденіе идеи причинности [2]), относительно которой, замѣтимъ кстати, мы принимаемъ тотъ философскій выводъ, что идея причинности, будучи идеей апріорной, составляетъ форму дѣятельности сознанія, совершенно неизбѣжную и логически отъ него неотдѣлимую, т.-е. какъ только мы имѣемъ какое-либо воспріятіе, мы тотчасъ же обсуждаемъ его по этой идеѣ [3]). «Такъ какъ, говоритъ Шопенгауеръ въ своемъ изслѣдованіи «О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія», о которомъ намъ здѣсь придется еще говорить,—такъ какъ только постоянно нами составляемое a priori предположеніе, что все имѣетъ свое основаніе, даетъ право спрашивать: *почему,* то можно *почему* назвать матерью всѣхъ наукъ [4]). Конечно, и историкъ не пожелаетъ владѣть «имуществомъ по документамъ, подлинность которыхъ ничѣмъ не удостовѣрена», не пожелаетъ, чтобы принципы его науки были лишены достовѣрнаго содержанія и взаимной связи, не пожелаетъ, чтобы то *почему*, которое сопровождаетъ его при научномъ разсмотрѣніи изучаемыхъ имъ событій, не имѣло своей теоріи: въ общей философіи онъ и найдетъ для этой основной своей идеи твердую почву. Для историка, какъ таковаго, довольно, пожалуй, безразлично, въ какую бы сторону ни рѣшился вопросъ о происхожденіи идеи причинности, но,

---

[1]) *А. Введенскій.* Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. Спб. 1888. I, 6—7.

[2]) Этому и посвящена, наприм., вся первая глава книги *Введенскаго.*

[3]) Мы только позволяемъ себѣ предполагать, что впервые идея эта познается во внутреннемъ опытѣ. См. О. В. Ф. И. II, 274 sq. (371 sq.).

[4]) *А. Шопенгауеръ.* О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Переводъ А. Фета. М. 1886. Стр. 4

разумѣется, нельзя то же самое сказать относительно примѣнимости закона причинности, т.-е. относительно вопроса, пригоденъ ли онъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается человѣка, или же человѣкъ обладаетъ свободной волей, т.-е. способностью къ безпричиннымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова поступкамъ. Признавая, что идея причинности есть необходимая форма нашего мышленія, мы отвергаемъ самую мыслимость безпричинныхъ поступковъ, т.-е. дѣйствій, не имѣющихъ достаточнаго основанія, а для того изъ историковъ, кто допускаетъ возможность свободной воли въ только-что означенномъ смыслѣ, въ сущности остается лишь объявить, что исторія лишена малѣйшаго признака научности, ибо возможно ли научно изслѣдовать совершающіеся въ мірѣ явленій процессы, въ коихъ есть дѣйствія, не вытекающія ни изъ какихъ причинъ? [1]). «Законъ достаточнаго основанія, говоритъ Шопенгауеръ въ только-что названномъ сочиненіи своемъ объ этомъ законѣ, во всѣхъ своихъ формахъ, есть единственный принципъ и единственный носитель всякой и каждой необходимости, *ибо необходимость не имѣетъ никакого другого истиннаго и яснаго смысла, кромѣ неизбѣжности слѣдствія, когда дано основаніе.* Поэтому каждая необходимость обусловлена; абсолютная, т.-е. безусловная необходимость есть, слѣдовательно, contradictio in adjecto. Ибо быть необходимымъ никогда не можетъ обозначать чего-либо другого, какъ слѣдовать изъ даннаго основанія [2])... Существуетъ, продолжаетъ онъ, четвероякая необходимость: 1) логическая, по закону основанія познанія, въ силу коей, когда допущены посылки, то и заключеніе признано безспорно; 2) физическая, по закону причинности, въ силу коей, какъ скоро наступила причина, дѣйствіе не произойти не можетъ; 3) математическая, по закону основанія бытія, въ силу коей каждое условіе, высказанное о справедливой геометрической теоремѣ, таково, какимъ она его высказываетъ, и каждое правильное вычисленіе остается неопровержимымъ, и 4) моральная, въ силу коей всякій человѣкъ и всякое животное, при наступившемъ мотивѣ, должны исполнить дѣйствіе, которое одно согласно съ ихъ прирожденнымъ и неизмѣннымъ характеромъ и поэтому теперь слѣдуетъ такъ же неминуемо, какъ всякое другое дѣйствіе причины, хотя его не такъ легко предсказать, какъ всякое другое, по причинѣ трудности разслѣдованія и полнаго познанія индивидуальнаго эмпирическаго характера и приданной ему сферы познанія» [3]). Именно то, что философъ называетъ здѣсь моральною необходимостью, и есть та форма закона достаточнаго основанія, которая царствуетъ въ мірѣ прагма-

---

[1]) Ср. то, что объ этомъ говорится въ О. В. Ф. И., т. I, стр. 36 и слѣд (135 и слѣд.).

[2]) *Шопенгауеръ.* О четвертомъ корнѣ, 148.

[3]) Ibid., 149.

тическихъ фактовъ. Въ параграфѣ, озаглавленномъ: «Каждая наука имѣетъ руководящею нитью одну изъ формъ закона основанія передъ другими», самъ Шопенгауеръ, между прочимъ, говоритъ, что «законъ мотиваціи, когда всѣ мотивы и максимы, каковы бы они ни были, принимаются, какъ данное, изъ котораго объясняется дѣйствіе, — *составляетъ руководящую нить исторіи*, политики, прагматической психологіи и другихъ наукъ» [1]), хотя въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, замѣтимъ мимоходомъ, онъ и отрицалъ научный характеръ исторіи [2]).

Въ ученіи Шопенгауера о причинности, котораго мы главнымъ образомъ и держимся съ философской точки зрѣнія, особеннаго вниманія съ точки зрѣнія исторической науки заслуживаетъ указаніе на особенный характеръ причинности въ мірѣ человѣческихъ дѣйствій. «При каждой подмѣченной рѣшимости, говоритъ Шопенгауеръ нѣсколько раньше приведеннаго мѣста, — какъ въ другихъ, такъ и въ насъ самихъ, мы считаемъ себя въ правѣ спросить: почему? т.-е. предполагаемъ необходимымъ, чтобы ей нѣчто предшествовало, изъ чего она произошла и что мы называемъ основаніемъ, точнѣе, мотивомъ слѣдующаго теперь дѣйствія. Безъ такого послѣднее для насъ столько же немыслимо, какъ движеніе безжизненнаго тѣла безъ толчка или тяги». Въ тѣлесномъ мірѣ причинность «есть, однако, связь измѣненій между собою, при чемъ причиною каждаго событія является извнѣ приходящее условіе. Внутреннее такихъ событій, напротивъ того, остается тамъ для насъ тайною: ибо тамъ мы стоимъ постоянно внѣ. Мы, дѣйствительно, видимъ тамъ, что эта причина необходимо производитъ такое дѣйствіе, но какъ она это собственно можетъ, что именно при этомъ происходитъ внутри, мы не узнаемъ. Такъ мы видимъ, что механическія, физическія, химическія дѣйствія и дѣйствія, происходящія отъ раздраженія, всегда слѣдуютъ за своими соотвѣтственными причинами; но мы никогда при этомъ не понимаемъ причины насквозь; а главное при этомъ дѣло остается для насъ тайной: мы приписываемъ его тогда качествамъ тѣлъ, силамъ природы, также и жизненной силѣ, которыя тѣмъ не менѣе представляютъ qualitates occultae. Не лучше было бы и наше пониманіе движеній и дѣйствій животныхъ и людей, и мы видѣли бы и ихъ вызванными непонятнымъ образомъ ихъ причинами (мотивами), если бы здѣсь проникновеніе во внутрь процесса не было открыто, ибо мы знаемъ, по собственному внутреннему опыту, что это — *актъ воли, вызванный мотивомъ, состоящимъ въ одномъ представленіи*. Воздѣйствіе мотива, слѣдовательно, познается нами, не какъ всѣ другія причины, только извнѣ и потому только посредственно, но въ то же

---

[1]) Ibid., 150.

[2]) См. объ этомъ О. В. Ф. И. I, 116 sq. (226 sq.).

время и изнутри, совершенно непосредственно и поэтому во всемъ его образѣ дѣйствія. Здѣсь мы какъ-бы стоимъ за кулисами и узнаёмъ тайну, какимъ образомъ причина по сокровеннѣйшему своему существу приводитъ дѣйствіе, ибо здѣсь мы познаемъ на совершенно другомъ пути, поэтому совершенно въ иномъ родѣ. Этимъ разъясняется важное положеніе: *мотивація есть причинность, видимая изнутри*. Поэтому она здѣсь выступаетъ совершенно инымъ образомъ, въ совершенно иной средѣ, для совершенно другого рода познанія: поэтому необходимо провести ее, *какъ особую и самобытную форму закона достаточнаго основанія*, который здѣсь выступаетъ, какъ законъ достаточнаго основанія дѣйствія, principium rationis sufficientis agendi, короче—какъ законъ мотиваціи» [1]). Рядомъ съ этою формою Шопенгауеръ признаетъ еще существованіе двухъ другихъ формъ: причинности въ тѣсномъ смыслѣ и раздраженія, какъ это можно было уже видѣть изъ приведеннаго мѣста.

Ученіе о трехъ формахъ причинности впервые изложено было Шопенгауеромъ въ его извѣстномъ сочиненіи «Ueber die Freiheit des menschlichen Willens» [2]), а потомъ сокращенно было имъ повторено въ цитированномъ уже сочиненіи о законѣ достаточнаго основанія [3]). Этимъ сокращеннымъ изложеніемъ мы и воспользуемся, дополнивъ его тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ, непосредственно выдержками изъ трактата о свободѣ воли: такая надобность представится именно по отношенію къ той формѣ причинности, которая наиболѣе для насъ важна. Итакъ, вотъ въ чемъ заключается самая суть этого ученія. «Причинность, говоритъ Шопенгауеръ,—эта руководительница всѣхъ и каждой перемѣны,—проявляется въ природѣ подъ тремя различными формами: какъ причина въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ раздраженіе и какъ мотивъ. Причина въ тѣснѣйшемъ смыслѣ есть та форма, по которой исключительно слѣдуютъ перемѣны въ неорганическомъ царствѣ, слѣдовательно, дѣйствія, которыя составляютъ тему механики, физикохиміи. Только къ ней одной относится третій основной законъ Ньютона: «дѣйствіе и противодѣйствіе равны между собою». Имъ выражается то, что предшествующее состояніе (причина) испытываетъ перемѣну, равняющуюся по величинѣ съ тою, которую оно произвело (съ дѣйствіемъ). Далѣе, только при этой формѣ причинности степень дѣйствія постоянно строго соотвѣтствуетъ причинѣ, такъ

---

[1]) *Шопенгауеръ*. О четверномъ корнѣ, 140—141.

[2]) См. о немъ въ О. В. Ф. И. I, 37 sq. (136 sq.). Сочиненіе это существуетъ въ переводѣ на русскій языкъ, г. *Черниговца* (Свобода воли и основы морали. Спб. 1887). Ученіе о трехъ формахъ причинности см. на стр. 39 и слѣд. русскаго перевода.

[3]) Есть также въ русскомъ переводѣ, нами уже указанномъ, на который мы и ссылаемся.

что по послѣдней можно расчитать первую и наоборотъ. Вторая форма причинности есть раздраженіе (Reiz): она владычествуетъ надъ органическою жизнью, какъ таковою, слѣдовательно, надъ жизнью растеній и надъ растительною, поэтому безсознательною частью животной жизни, которая и есть именно растительная жизнь. Она характеризуется отсутствіемъ признаковъ первой формы. Такъ, дѣйствіе здѣсь не равно противодѣйствію, и интенсивность дѣйствія никакъ не слѣдуетъ по всѣмъ степенямъ за интенсивностью причины; напротивъ, посредствомъ усиленія причины, дѣйствіе можетъ даже превратиться въ свою противоположность. Третья форма причинности есть мотивъ: подъ этою формою причинность руководитъ собственно анимальную жизнь, *слѣдовательно, поступки, т.-е. внѣшніе, сознательно совершаемые акты всѣхъ животныхъ существъ*. Среда (medium) мотивовъ есть познаніе: ихъ воспріятіе требуетъ, слѣдовательно, интеллекта. Поэтому истинная характеристика животнаго есть познаніе, представленіе. Животное постоянно, какъ таковое, движется преднамѣренно къ извѣстной цѣли; поэтому оно должно прежде таковую познать, т.-е. таковая должна ему представляться, какъ нѣчто отъ него самого отличное, которое оно тѣмъ не менѣе сознаетъ [1]). Образъ дѣйствія мотива до очевидности различенъ отъ дѣйствія раздраженія: вліяніе перваго можетъ именно быть очень короткое, оно даже можетъ быть мгновенно, ибо его дѣйствіе не имѣетъ, подобно дѣйствію раздраженія, какого-либо отношенія къ его продолжительности, къ близости предмета и т. п.; мотиву нужно только быть воспринятымъ, чтобы дѣйствовать, тогда какъ раздраженіе постоянно требуетъ контакта, часто даже внутренняго воспріятія (intussusception), но каждый разъ извѣстной продолжительности... *Мотивація есть только черезъ познаніе проходящая причинность*; интеллектъ есть среда (medium) мотивовъ, потому что онъ есть высшая степень воспріемливости. *Но этимъ законъ причинности ни мало не теряетъ своей вѣрности и строгости. Мотивъ есть причина и дѣйствуетъ съ необходимостью, какую приводятъ съ собой всѣ причины*. У животнаго, съ его несложнымъ интеллектомъ, производящимъ лишь познаніе настоящаго, такая необходимость кидается въ глаза. Интеллектъ человѣка двойственъ: у него, кромѣ созерцательнаго, есть еще и абстрактное познаніе, не связанное настоящимъ, т.-е. у него есть разумъ. Поэтому онъ обладаетъ выборомъ, при ясномъ сознаніи: именно онъ можетъ взвѣшивать между собою другъ друга исключающіе мотивы, какъ таковые, т.-е. дозволить имъ испытывать свою силу надъ его волей, послѣ чего сильнѣйшій ее опредѣляетъ, и его поступокъ слѣдуетъ съ тою же необходимостью, съ какой катится толкнутый шаръ» [2]). Вотъ

---

[1]) *Шопенгауеръ*. О четверномъ корнѣ.

[2]) Ibid., 46—47.

что между прочимъ говорится еще о мотиваціи въ трактатѣ «Ueber die Freiheit des menschlichen Willens», гдѣ, какъ мы упомянули, и развивается излагаемое ученіе. Установляя съ большими подробностями различіе между раздраженіемъ и мотивомъ, Шопенгауеръ указываетъ, кромѣ всего другого, и на то, что «для дѣйствующаго, какъ мотивъ объекта, не требуется ничего болѣе, какъ быть усмотрѣннымъ, познаннымъ, при чемъ рѣшительно все равно, скоро ли, далеко или близко и насколько отчетливо онъ проникъ въ сознаніе. Всѣ эти различія, продолжаетъ онъ, ничуть и отнюдь не измѣняютъ степени дѣйствія. Коль скоро онъ опознанъ, онъ дѣйствуетъ совершенно одинаковымъ образомъ, предполагая, что онъ вообще есть опредѣляющее основаніе возбуждаемой здѣсь воли» [1]). Пропуская все, что далѣе говорится Шопенгауеромъ о различіи мотиваціи у животныхъ и у человѣка [2]), мы приведемъ еще слѣдующія мѣста изъ трактата «о свободѣ воли». Именно, во-первыхъ, тутъ обращается наше вниманіе и еще на одно важное обстоятельство. «Поднимаясь, говоритъ Шопенгауеръ, въ ряду существъ снизу вверхъ, причина и дѣйствіе все болѣе и болѣе разъединяются, явственно разграничиваются и становятся разнороднѣе, при чемъ причина дѣлается все менѣе матеріальной и ощутительной, почему кажется, что *дѣло все менѣе заключается въ причинѣ и все болѣе въ дѣйствіи.* Все это, вмѣстѣ взятое, ведетъ къ тому, что связь между причиною и дѣйствіемъ теряетъ свою непосредственную ясность и вразумительность. Это обстоятельство менѣе всего имѣетъ мѣсто при механической причинности, которая поэтому и есть самая удобопонятная изъ всѣхъ прочихъ... Ударяющее тѣло приводитъ въ движеніе покоящееся и сколько сообщитъ движенія, столько и само потеряетъ; здѣсь мы видимъ, что причина какъ-бы превращается въ дѣйствіе: и та, и другое совершенно однородны, строго соизмѣримы и притомъ очевидны. И то же самое собственно повторяется при всѣхъ чисто-механическихъ дѣйствіяхъ. Но мы замѣтимъ, что это будетъ имѣть все менѣе и менѣе мѣста, чѣмъ выше мы станемъ подниматься, разсматривая каждую ступень отношеній между причиною и дѣйствіемъ, напримѣръ, между теплотою, какъ причиною, и ея различными дѣйствіями, каковы: расширеніе, каленіе, плавленіе, улетучиваніе, сгораніе, термоэлектричество и т. д., или между испареніемъ, какъ причиною, и охлажденіемъ, или кристаллизацией, какъ дѣйствіями, или между треніемъ стекла, какъ причиною, и свободнымъ электричествомъ съ его феноменами, какъ дѣйствіемъ... Такимъ образомъ, причина и дѣйствіе все болѣе и болѣе разъединяются, становятся разнороднѣе, ихъ связь дѣлается непонятнѣе и ка-

---

[1]) О свободѣ воли, 45.
[2]) Объ этомъ см. О. В. Ф. И. I, 38 (137).

жется, что *дѣйствіе содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ могла дать причина*, такъ какъ эта послѣдняя является все менѣе и менѣе матеріальной и очевидной. Все это обнаруживается еще явственнѣе, если мы перейдемъ къ органическимъ тѣламъ, гдѣ причинами являются простыя раздраженія, а ихъ дѣйствіями—жизнь въ ея безконечныхъ компликаціяхъ и въ безчисленныхъ различіяхъ породъ, въ разнообразныхъ фигурахъ растительнаго и животнаго міра» [1]). Замѣтивъ, что при всемъ томъ, однако, необходимость, узаконяемая отношеніемъ между причиною и дѣйствіемъ, ни малѣйшемъ образомъ не уменьшается, и указавъ еще на то, что въ раздраженіяхъ долженъ все-таки существовать контактъ, Шопенгауеръ переходитъ къ разсмотрѣнію происходящаго въ данномъ отношеніи при мотиваціи. «Совершенное расторженіе, говоритъ онъ, обнаруживается впервые въ животной жизни, дѣйствія которой вызываются мотивами, чрезъ что причина, все еще имѣвшая доселѣ матеріальную связь съ дѣйствіемъ, является окончательно отъ него оторванной, совершенно иной природы, чѣмъ-то нематеріальнымъ, простымъ представленіемъ. Такимъ образомъ въ мотивѣ, вызывающемъ движеніе животнаго, *разнородность причины и дѣйствія, взаимное ихъ разъединеніе, ихъ несоизмѣримость, нематеріальность причины и кажущаяся чрезъ это слишкомъ малая содержательность ея сравнительно съ дѣйствіемъ, достигаютъ высшей степени*, и непонятность отношеній между обоими сдѣлалась бы абсолютной, если бы мы и ихъ, какъ всѣ прочія причинныя отношенія, познавали только извнѣ». Мотивація, говоритъ онъ еще, вполнѣ «аналогична съ двумя другими формами причинности и является только высшею ступенью, до которой она достигаетъ вполнѣ постепенными переходами» [2]). Развивъ подробно послѣднюю мысль. Шопенгауеръ возвращается къ общей характеристикѣ мотиваціи. «Тамъ, гдѣ сознаніе разумно, а слѣдовательно способно къ несозерцательному познаванію, т.-е. къ понятіямъ и мыслямъ, тамъ *мотивы дѣлаются вполнѣ независимы отъ наличной реальной обстановки* и остаются скрыты отъ наблюдателя. Они становятся теперь простыми мыслями, которыя человѣкъ носитъ въ своей головѣ, но источникъ которыхъ заключается внѣ ея, зачастую даже далеко отъ нея, именно или въ собственномъ опытѣ минувшихъ годовъ, или въ чужомъ, устномъ или письменномъ сообщеніи, иногда даже изъ самыхъ отдаленныхъ временъ... Притомъ человѣкъ часто скрываетъ отъ другихъ мотивы своихъ дѣяній, а подчасъ даже и отъ самого себя, именно тогда, когда онъ боится распознать, что собственно побуждаетъ его поступать такъ или этакъ. Между тѣмъ, видя, какъ совершаются его

---

[1]) О свободѣ воли, 52—54.
[2]) Ibid., 54—55.

дѣянія, *человѣкъ старается, путемъ догадокъ, обосновать ихъ мотивы, существованіе которыхъ онъ такъ же твердо и достовѣрно предполагаетъ, какъ существованіе причины всякаго видимаго имъ движенія неорганическаго тѣла*, въ томъ убѣжденіи, что ни то, ни другое безъ причины невозможно. Сообразно съ этимъ и наоборотъ, при соображеніи собственныхъ плановъ и предпріятій, *мы принимаемъ въ расчетъ дѣйствія мотивовъ на другихъ людей* съ увѣренностью, которая вполнѣ равнялась бы той, съ какою мы расчитываемъ механическое дѣйствіе механическихъ сооруженій, если бы только личный характеръ принимаемыхъ въ соображеніе людей былъ такъ же точно извѣстенъ, какъ длина и толщина балокъ, діаметръ колесъ, вѣсъ грузовъ и т. д. Каждый человѣкъ *придерживается этихъ предположеній, пока взоры его направлены во внѣшній міръ, пока онъ имѣетъ дѣло съ другими людьми* и преслѣдуетъ практическія цѣли» [1]).

Многія изъ частныхъ мыслей Шопенгауера въ этомъ разсужденіи о трехъ формахъ причинности могутъ безъ особыхъ разъясненій прямо войти въ теорію исторической причинности, тогда какъ другія могли бы получить примѣненіе къ историческимъ фактамъ только въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Отличеніе мотиваціи какъ отъ причинности въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, такъ и отъ раздраженія заслуживаетъ особаго вниманія, но, къ сожалѣнію, Шопенгауеръ останавливается на понятіи мотива, какъ причинѣ движенія, не идя далѣе, т.-е. не разсматривая мотивъ, лежащій въ основѣ дѣйствія того или иного лица, какъ слѣдствіе въ свою очередь опять-таки нѣкоторыхъ причинъ, среди коихъ могутъ быть и, конечно, дѣйствительно бываютъ поступки другихъ людей, извѣстнымъ образомъ дѣйствующихъ на данное лицо. Для теоріи прагматической каузальности эта сторона вопроса имѣетъ особенно важное значеніе, и какъ разъ она-то оказывается совершенно, сколько мнѣ извѣстно, даже незатронутой въ философскихъ изслѣдованіяхъ о причинности. Для примѣра я могу сослаться на одну довольно значительную работу, спеціально посвященную разсмотрѣнію обусловленности человѣческаго *я* разными причинами, среди коихъ важное значеніе принадлежитъ—еще разъ повторяемъ—дѣйствіямъ другихъ лицъ, вліяющимъ на это *я*: эта единственная въ своемъ родѣ работа едва касается предмета, насъ теперь интересующаго, да и касается-то лишь его съ одной стороны, не самой главной. Именно въ издаваемой Авенаріусомъ «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie за 1880 г. была помѣщена большая статья Лааса (Laas) подъ заглавіемъ «Причинность *я*» [2]), а въ ней между прочимъ есть небольшой параграфъ о «власти отдѣль-

---

[1]) Ibib 57—59. Ср. 65—66.

[2]) *Laas*. Die Causalität des Ich. I Heft, S. 1 sq., II Heft, S. 185 sq., III Heft, S. 311 sq.

наго *я* надъ другими *я*» [1]). Для стремленій отдѣльнаго *я*, по словамъ автора, другіе *я* являются либо подмогой, либо помѣхой, такъ что каждый индивидуумъ, стремясь къ собственнымъ цѣлямъ, оказываетъ въ свою очередь извѣстное вліяніе на нѣкоторый кругъ другихъ чувствующихъ существъ. Лаасъ, какъ на средства, къ коимъ прибѣгаетъ въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ,—указываетъ на употребленіе грубой принудительной силы, на воспитаніе, на образованіе и т. п., но, разумѣется, однимъ этимъ далеко не исчерпываются всѣ случаи, когда дѣйствія однихъ людей вызываютъ поступки другихъ: человѣкъ не только принуждаетъ или побуждаетъ человѣка, пользуясь физическими и моральными средствами въ виду тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей, но и многообразно своими дѣйствіями вызываетъ дѣйствія другихъ людей, безъ прямого намѣренія съ своей стороны ихъ вызвать, а это-то обстоятельство Лаасъ и просматриваетъ въ своей весьма, впрочемъ, интересной статьѣ, едва посвящая и указываемымъ имъ самимъ формамъ дѣйствія одного *я* на другія *я* небольшой параграфъ.

Переходимъ теперь къ другой категоріи сочиненій, касающихся вопроса о причинности.

Авторы большихъ трудовъ по логикѣ занимаются идеей причинности преимущественно въ связи съ теоріей индукціи, въ основѣ коей главнымъ образомъ и лежитъ эта идея. Правда, взамѣнъ причинности они ставятъ иногда «единообразіе порядка природы» [2]), отъ котораго легче перейти къ понятію закона, добываемаго индукціей, но это не упраздняетъ того обстоятельства, что реальною основою индуктивныхъ пріемовъ служитъ все-таки идея причинности: «сама идея однообразнаго порядка природы, говоритъ уже цитированный нами авторъ «Опыта построенія теоріи матеріи», есть не основная, а выводная—именно одинъ изъ моментовъ идеи причинности подразумѣвается въ ней. Нѣтъ дѣйствія безъ причины; поэтому результатъ однихъ и тѣхъ же условій долженъ быть всегда одинъ и тотъ же, такъ какъ иначе всякая перемѣна въ немъ была бы безпричинной» [3]). Хотя идея причинности, взятая съ такой точки зрѣнія, имѣетъ главное свое значеніе въ наукахъ номологическихъ, къ каковымъ исторія сама-по-себѣ не относится [4]), мы все-таки укажемъ здѣсь на эту сторону дѣла въ виду необходимости выяснить, какое значеніе должно приписывать понятію *закона* въ примѣненіи къ прагматическимъ фактамъ исторіи, такъ какъ отъ ненадлежащаго примѣненія этого понятія происте-

---

[1]) Die Macht des einzelnen Ichs über andere Ichs. II Heft, S. 219—223.

[2]) Предложеніе, что порядокъ природы единообразенъ, какова бы ни была его лучшая форма выраженія, составляетъ основной законъ или общую аксіому наведенія. *Дж. Ст. Милль.* Система логики, Спб. 1878 (изд. 2). I, 366.

[3]) *А. Введенскій.* Опытъ постр. теор. матеріи. I, 6, примѣч.

[4]) Ср. выше, стр. 165.

каетъ, какъ мы увидимъ, между прочимъ, и невѣрное пониманіе роли личности въ прагматической исторіи: *закономѣрная связь существуетъ только между дѣйствіями и мотивами, какъ элементами прагматическихъ фактовъ*, а между самими прагматическими фактами—лишь при посредствѣ этихъ элементовъ, вслѣдствіе чего въ *Основныхъ вопросахъ философіи исторіи* мы и высказали ту мысль, что нѣтъ надобности въ признаваніи особыхъ историческихъ законовъ, когда дѣло можетъ объясняться законами психологіи и соціологіи [1]). Другой пунктъ, на который обращаютъ большое вниманіе авторы логикъ, это — различеніе между причиной и условіями, имѣющее аналогію въ различеніи между причинами и поводомъ, которое играетъ довольно замѣтную роль въ разсужденіяхъ многихъ историковъ и у нѣкоторыхъ криминалистовъ: тутъ-то постановка вопроса о причинности уже довольно близко подходитъ къ тому, что спеціально должно интересовать всѣхъ, занимающихся теоретическими вопросами исторіи.

Мы можемъ здѣсь остановиться на одной «Системѣ логики» Милля, въ которой есть нѣсколько отдѣловъ, посвященныхъ разсмотрѣнію причинности [2]), хотя примѣненія этой идеи собственно къ историческимъ фактамъ Милль касается только слегка въ небольшой главѣ, составляющей часть VI книги («О логикѣ нравственныхъ наукъ») и обозначенной, какъ «добавочныя поясненія относительно исторической науки». Собственно говоря, для Милля «законъ связи причины со слѣдствіемъ» вмѣстѣ съ законами чиселъ и законами пространства есть не что иное, какъ «законъ *единообразной* связи единовременныхъ или послѣдовательныхъ явленій» [3]). «Мы,—говоритъ онъ,— не можемъ довольствоваться тѣмъ, что законы пространства, которые суть только законы явленій одновременныхъ, и законы чиселъ, которые, хотя и истинны относительно послѣдовательныхъ явленій, но не касаются ихъ послѣдовательности,—что эти законы обладаютъ строгою достовѣрностью и всеобщностью, которой мы ищемъ. Мы должны стараться найти какой-либо законъ послѣдовательности, который обладаетъ тѣми же свойствами и потому *способенъ стать основаніемъ процессовъ для открытія всѣхъ другихъ единообразій послѣдовательности* и признакомъ для ихъ провѣрки. Этотъ основной законъ *дол-*

---

[1]) О. В. Ф. И., I, 17—18 (113). См. также ниже, къ концу настоящей главы.

[2]) *Дж. Ст. Милль.* Система логики. Спб. 1878 (изд. 2). Кн. III, гл. V— о законѣ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, гл. VI — о составленіи причинъ, гл. X—о множественности причинъ и о смѣшеніи дѣйствій, гл. XV—о наростаніи дѣйствій и непрерывной дѣятельности причинъ, гл. XVII — о случайности и ея исключеніи, гл. XVIII—исчисленіе случайностей и гл. XXI—о доказательствѣ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ. Кн. VI, гл. II—о свободѣ и необходимости.

[3]) Ibid., I, 353—356.

женъ походитъ на истины геометрiи въ ихъ самой замѣчательной особенности, именно: что онѣ *никогда*, *ни въ одномъ случаѣ*, *ни при какой перемѣнѣ обстоятельствъ не перестаютъ быть неопровержимыми и приложимыми*. Изъ всѣхъ тѣхъ *единообразiй въ послѣдовательности явленiй*, для открытiя которыхъ достаточно обыкновеннаго наблюденiя, лишь весьма немногiя единообразiя имѣютъ какое-либо, хотя бы только кажущееся притязанiе на такую строгую неопровержимость, и изъ этихъ немногихъ только одно оказалось способнымъ поддержать это притязанiе. Но въ этомъ одномъ мы узнаемъ законъ, который всеобщъ еще и въ другомъ смыслѣ: онъ распространяется на все поле послѣдовательныхъ явленiй, такъ какъ всѣ, какiе бы то ни было, случаи послѣдовательности суть лишь примѣры этого закона. Этотъ законъ есть *законъ связи причины со слѣдствiемъ*» [1]). Такимъ образомъ Милль интересуется единообразными связями послѣдовательныхъ явленiй и беретъ «понятiе причины, какъ корень всей теорiи наведенiя» [2]): «законъ связи причины со слѣдствiемъ, говоритъ онъ еще, признанiе котораго составляетъ главную опору индуктивной науки, есть лишь та обыкновенная истина, что *неизмѣнная послѣдовательность* каждаго факта въ природѣ за какимъ-либо другимъ, предшествовавшимъ ему фактомъ обнаруживается наблюденiемъ *независимо отъ всякаго соображенiя относительно конечнаго способа*, *какимъ производятся явленiя*». Эта-то «неизмѣнная послѣдовательность» постоянно выдвигается Миллемъ на первый планъ, когда только у него заходитъ рѣчь о причинности: «между явленiями, существующими въ какое-либо мгновенiе, и явленiями, существующими въ наступающее затѣмъ мгновенiе, есть *неизмѣнный порядокъ послѣдовательности*»; «за нѣкоторыми фактами нѣкоторые факты *постоянно слѣдуютъ* и, какъ мы думаемъ, будутъ слѣдовать»; «соотвѣтственно каждому событiю существуетъ какое-либо сопряженiе предметовъ или событiй, какая-либо данная совокупность обстоятельствъ, положительныхъ и отрицательныхъ, наступленiе которыхъ *всегда сопровождается* этимъ явленiемъ» [3]); «мы опредѣляемъ причину чего-либо *(единственно въ томъ смыслѣ, въ какомъ настоящее изслѣдованiе касается причинъ)* тѣмъ, что она есть предшествующее, за которымъ это что-либо *неизмѣнно* слѣдуетъ» [4]).

Въ другихъ научныхъ трудахъ, подобныхъ «Системѣ логики» Милля, мы встрѣчаемся съ совершенно такою же постановкою вопроса о причинности. Укажу для примѣра еще на «Логику» Бэна, въ которой главнымъ образомъ обращаю вниманiе читателя на IV главу третьей книги, посвященной именно теорiи индукцiи. Законъ причин-

---

1) Ibid., I, 355—356. 2) Ibid., I, 356. 3) Ibid., I, 358.
4) Ibid., I, 368. Ср. 370. См. особенно первыя строки главы XXI книги 3-й

ности формулируется авторомъ въ самомъ же началѣ этой главы такимъ образомъ: «въ каждой перемѣнѣ происходитъ *единообразное соединеніе* между явленіями предыдущими и послѣдующими». Пояснивъ эту общую мысль, Бэнъ и заключаетъ первый параграфъ слѣдующими словами: «однимъ словомъ, законъ причинности состоитъ въ томъ, что *явленія слѣдуютъ однѣ за другими единообразно*». Дальнѣйшее есть простое развитіе этой общей мысли. Кромѣ того, и въ другихъ мѣстахъ сочиненія Бэна мы могли бы указать на подобное же опредѣленіе причинности. Въ концѣ настоящей главы намъ придется еще воспользоваться этимъ пониманіемъ причинности, пониманіемъ спеціально номологическимъ, чтобы мимоходомъ коснуться вопроса объ историческихъ законахъ въ ихъ отношеніи къ личному дѣйствію, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другой стороны предмета, также изслѣдуемой въ логикахъ.

Весьма многіе историки различаютъ (а нѣкоторые теоретики исторіи и особенно настаиваютъ на необходимости принципіально различать) между причиною и поводомъ, хотя намъ, сколько помнится, ни у одного историческаго писателя не приходилось встрѣчать сколько-нибудь подробное развитіе такой мысли. Различеніе это извѣстно, хотя и въ иной нѣсколько формѣ и авторамъ научныхъ логикъ: такой именно смыслъ имѣетъ, на нашъ взглядъ, противоположеніе причины факта его условіямъ, критикуемое очень часто въ сочиненіяхъ по логикѣ. Обращаемся опять къ Миллю, довольно долго остановившемуся и на этомъ предметѣ. «Если, говоритъ онъ, неизмѣнная послѣдовательность и существуетъ когда-либо между послѣдующимъ фактомъ и *однимъ* предшествующимъ, то весьма рѣдко. Обыкновенно она бываетъ между послѣдующимъ фактомъ и *суммою нѣсколькихъ предшествующихъ*. Совокупность ихъ требуется для произведенія послѣдующаго факта, т.-е. для того, чтобы онъ непремѣнно за ними слѣдовалъ. Въ такомъ случаѣ весьма обычно *выбирать для названія причиной лишь одинъ изъ предшествующихъ фактовъ*, другіе же называть только условіями... Настоящую причину составляетъ совокупность предшествовавшихъ фактовъ, и, говоря философски, мы не имѣемъ никакого права называть причиною одинъ изъ нихъ, исключая другіе». Бываютъ, конечно, случаи, когда, пользуясь опять словами Милля, условія суть «не *событія* (т.-е. не мгновенныя перемѣны или послѣдовательные ряды мгновенныхъ перемѣнъ), а *состоянія,* обладающія большимъ или меньшимъ постоянствомъ», но это не можетъ служить основаніемъ для такого права: «они, т.-е. состоянія, говоритъ Милль, могли предшествовать слѣдствію въ теченіе неопредѣленнаго времени, за недостаткомъ событія, которое требовалось для восполненія необходимой совокупности условій. А какъ скоро наступило это событіе, не ожидается уже никакая другая причина, и тотчасъ же

начинаетъ наступать слѣдствіе. Оттого между слѣдствіемъ и однимъ изъ предшествовавшихъ фактовъ, повидимому, существуетъ болѣе непосредственная и тѣсная связь, чѣмъ между слѣдствіемъ и остальными условіями. Но хотя мы находимъ удобнымъ называть причиною это одно условіе, наступленіе котораго пополняетъ счетъ и безъ дальнѣйшаго замедленія производитъ дѣйствіе,—однако, на дѣлѣ это условіе не стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ дѣйствію, чѣмъ которое-либо изъ другихъ условій. Для произведенія послѣдующаго факта требовалось, чтобы всѣ они *существовали* непосредственно передъ тѣмъ, хотя и не требовалось того, чтобы всѣ они *начали* существовать непосредственно передъ тѣмъ»[1]... «Если, говоритъ еще Милль нѣсколько далѣе,—если, стремясь къ точности, мы не исчисляемъ всѣхъ условій, то лишь потому, что въ большей части случаевъ нѣкоторыя изъ нихъ будутъ подразумѣваемы и безъ упоминанія, или потому, что они могутъ быть упущены изъ виду безъ ущерба для предложенной цѣли». Между другими примѣрами для поясненія только-что приведенныхъ словъ Милль указываетъ на случай, когда постановленіе законодательнаго собранія опредѣляется рѣшительнымъ голосомъ предсѣдателя: въ такомъ случаѣ «мы иногда говоримъ, что одно это лицо было причиною всѣхъ послѣдствій постановленія. Однако, замѣчаетъ онъ, на дѣлѣ мы не полагаемъ, чтобы голосъ одного этого лица способствовалъ результату болѣе голоса какого-либо другого лица, поддерживавшаго постановленіе. Но для имѣющейся въ виду цѣли—обратить вниманіе на отвѣтственность одного предсѣдателя—участіе всякаго другого лица въ томъ же дѣйствіи неважно». Было бы, впрочемъ, прибавляетъ Милль, ошибочно думать, что фактомъ, удостоиваемымъ названія причины, бываетъ всегда то условіе, которое исполнено послѣ другихъ: въ употребленіи термина не придерживаются никакого опредѣленнаго правила, и именно, по собственнымъ словамъ Милля, «ничто не можетъ лучше показать отсутствіе всякаго научнаго основанія въ различеніи причины явленія отъ его условій, чѣмъ прихотливость, съ которою мы выбираемъ изъ условій то, которое намъ вздумается назвать причиной»[2]. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что «обыкновенно *причиною называется то особенное условіе, котораго участіе въ дѣлѣ на поверхностный взглядъ наиболѣе замѣтно или на необходимость котораго для произведенія слѣдствія мы случайно напираемъ въ данную минуту*»[3]. По мнѣнію Милля, послѣднее соображеніе и побуждаетъ насъ иногда называть причиною даже одно изъ отрицательныхъ условій, напр., когда мы говоримъ, что армія была застигнута врасплохъ по причинѣ отлучки часового съ своего поста, т.-е. когда утверждаемъ, что событіе не наступило бы, если бы

---

[1]) *Милль*, I, 359. [2]) Ibid., I, 360. [3]) Ibid., I, 361.

часовой былъ на своемъ посту. «Его отсутствіе, поясняется далѣе, было не производящею причиною, а только отсутствіемъ предупреждающей причины: оно было лишь разнозначаще небытію часового. Изъ ничего, изъ простого отрицанія не можетъ произойти послѣдствій. По закону связи причины со слѣдствіемъ, всѣ слѣдствія связаны съ какимъ-либо рядомъ положительныхъ условій, хотя, правда, вдобавокъ къ послѣднимъ почти всегда требуются условія отрицательныя». Поэтому Милль такъ формулируетъ свою мысль: «всякій фактъ или всякое явленіе неизмѣнно возникаетъ, когда существуетъ нѣкоторая совокупность положительныхъ фактовъ и притомъ не существуетъ нѣкоторыхъ другихъ положительныхъ фактовъ» [1]). Отрицательныя условія могутъ быть обозначены, какъ «отсутствія предупреждающихъ или противодѣйствующихъ причинъ» [2]), а такъ какъ причинамъ всякаго рода принадлежитъ свойство предотвращать дѣйствіе другихъ причинъ, и потому всѣ причины могутъ взаимно противодѣйствовать, то можно совершенно пренебречь соображеніемъ отрицательныхъ условій явленія и ограничить понятіе о причинѣ совокупностью положительныхъ: «при суммѣ послѣднихъ, говоритъ Милль, достаточно одного, неизмѣнно подразумѣваемаго условія (того же самаго во всѣхъ случаяхъ: отсутствія противодѣйствующихъ причинъ), чтобы составить совокупность обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ явленіе» [3]). Наконецъ, еще небольшое замѣчаніе. Одинъ изъ англійскихъ рецензентовъ «Системы логики» Милля въ свое время оспаривалъ мнѣніе, что о каждомъ изъ условій явленія можно говорить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для нѣкоторыхъ цѣлей и говорится, какъ о причинѣ,— оспаривалъ это, исходя именно изъ утвержденія, что мы всегда называемъ причиной предпочтительно тотъ элементъ предшествующаго явленія, который проявляетъ силу и во всякое время стремился бы произвести то же или подобное же дѣйствіе, которое онъ дѣйствительно произвелъ бы при нѣкоторыхъ условіяхъ. Такъ отлучка часового не есть причина пораженія арміи, но такъ могла бы быть названа сила, отвлекшая часового съ его поста (напр., подкупъ). Возражая на это, Милль замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ могла бы идти рѣчь лишь о ближайшей и отдаленной причинѣ.

Приведенные мною взгляды Милля раздѣляются и такими писателями, которые касались вопроса о причинности не съ спеціально логической точки зрѣнія. Разъ мы уже обращались въ настоящей главѣ къ Шопенгауеру, то и теперь не лишнимъ будетъ привести его взглядъ на различеніе, которое дѣлаютъ между причиною и условіями. «Когда,

---

[1]) Ibid., I, 362. Ср. другую формулу: причина есть сумма всѣхъ условій положительныхъ и отрицательныхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Ibid., I, 364.

[2]) Ibid., I, 364. [3]) Ibid., I, 365—366.

говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія о законѣ достаточнаго основанія,—когда наступаетъ новое состояніе одного или многихъ реальныхъ объектовъ, ему должно было предшествовать другое, за которымъ новое правильно, т.-е. каждый разъ при наличности перваго, слѣдуетъ. Такое слѣдованіе называется послѣдствіемъ, и первое состояніе причиной, второе дѣйствіемъ. Если, напр., тѣло воспламеняется, то такому состоянію горѣнія должно было предшествовать состояніе 1) сродства съ кислородомъ, 2) соприкосновенія съ кислородомъ, 3) извѣстной температуры. Такъ какъ, коль скоро такое состояніе стало наличнымъ, воспламенѣніе должно было непосредственно послѣдовать, а оно лишь теперь послѣдовало, то слѣдовательно и то состояніе не могло быть всегдашнимъ, а должно было наступить только теперь. Такое наступленіе называется перемѣною. Поэтому *законъ причинности находится въ исключительномъ отношеніи къ перемѣнамъ и постоянно имѣетъ дѣло только съ ними. Каждое дѣйствіе, при своемъ наступленіи, есть перемѣна* и даетъ, потому именно, что оно не прежде наступило, безошибочное указаніе на другую, предшествовавшую ей перемѣну, которая, по отношенію къ нему, называется причиной, а по отношенію къ третьей, опять таки необходимо ей самой предшествовавшей перемѣнѣ—дѣйствіемъ [1])... Если, читаемъ мы нѣсколько далѣе, извѣстное состояніе, чтобы стать условіемъ для наступленія новаго, *заключаетъ всѣ факторы* (Restimmungen), *кромѣ одного, этотъ одинъ, когда онъ наступаетъ лишь теперь, слѣдовательно подъ конецъ, называютъ причиной* κατ᾽ ἐξοχήν, *хотя и правильно въ томъ отношеніи, что держатся при этомъ за послѣднюю, здѣсь безъ сомнѣнія рѣшающую перемѣну;* но помимо этого, для утвержденія причинной связи вещей вообще, извѣстный факторъ причиннаго состоянія, потому только, что онъ привходитъ послѣднимъ, не имѣетъ передъ остальными никакихъ преимуществъ... Но, продолжаетъ Шопенгауеръ, при внимательномъ разсмотрѣніи мы, напротивъ, находимъ, что все состояніе есть причина послѣдующаго, при чемъ въ сущности безразлично, въ какой послѣдовательности сходились его факторы. Поэтому можно, *по отношенію къ данному отдѣльному случаю*, послѣдній приведшій факторъ состоянія, какъ восполняющій число необходимыхъ здѣсь условій, коего присоединеніе, слѣдовательно, *становится здѣсь рѣшающей перемѣной*, назвать причиной κατ᾽ ἐξοχήν, но для общаго сужденія можетъ только цѣлое, т.-е. состояніе, приводящее наступленіе слѣдующаго, считаться причиной. Различные же отдѣльные факторы, которые только въ совокупности пополняютъ и составляютъ причину, можно назвать причинными моментами, или же

---

[1]) *А. Шопенгауеръ.* О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія, стр. 32—33.

условіями, и поэтому разложить причину на таковые» [1]). Нѣсколько далѣе Шопенгауеръ оговаривается, что «законъ этотъ единственно и исключительно относится къ перемѣнамъ матеріальныхъ состояній и рѣшительно ни къ чему другому» [2]). — Встрѣчающееся въ историческихъ сочиненіяхъ различеніе между причинами и поводомъ не только находитъ свою аналогію въ разсматривавшемся противоположеніи причины факта его условіямъ: оно буквально повторяется у нѣкоторыхъ криминалистовъ, которые, какъ мы уже упомянули, вообще довольно много занимались вопросомъ о причинной связи. Авторъ одного изъ юридическихъ сочиненій, посвященныхъ этому предмету, проф. Сергѣевскій, классифицируя разныя ученія о причинной связи въ уголовномъ правѣ, прямо обозначаетъ одну изъ группъ этихъ ученій, какъ «теоріи различенія причины и повода». Вотъ какъ передаетъ онъ самъ сущность ученій, отнесенныхъ имъ къ этой группѣ. «Условія, совокупность которыхъ образуетъ собою предыдущее извѣстнаго послѣдствія, какъ причину его, *не равны между собою по своему объективному значенію:* одни изъ нихъ, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ быть признаны причинами послѣдствія (Ursache); другія, наоборотъ, являются лишь поводами или условіями въ тѣсномъ смыслѣ (Veranlassung, Bedingung). Это различіе условій явленія въ ихъ отношеніяхъ къ послѣднему основывается главнѣйшимъ образомъ *на большей или меньшей самостоятельности и независимости присоединяющихся силъ*, а затѣмъ и на нѣкоторыхъ другихъ, второстепенныхъ признакахъ того же рода. Соотвѣтственно этому и дѣйствія человѣка, входящія въ число условій преступнаго послѣдствія, могутъ имѣть значеніе или причины, или только повода; въ первомъ случаѣ человѣкъ можетъ быть признанъ, при наличности субъективныхъ условій вмѣненія, виновникомъ преступленія (Urheber); во второмъ, очевидно — нѣтъ. Такимъ образомъ, заключаетъ проф. Сергѣевскій, весь центръ тяжести теорій этой группы сводится къ различенію отношеній дѣйствія къ послѣдствію» [3]). Одною изъ новѣйшихъ попытокъ различенія причины или повода является теорія Пфицера (Pfizer) «Zur Lehre vom Causalzusammenhang» (1875), о которой у проф. Сергѣевскаго читаемъ слѣдующее: «причина и условіе послѣдствія или явленія по Пфицеру должны быть различаемы: причина производитъ (bewirkt), условіе дѣлаетъ возможнымъ (ermöglicht) явленіе: только причина, но не условіе обладаетъ продуктивной силой (ist productiv): *для того, чтобы послѣдствіе, сдѣланное возможнымъ чрезъ условіе, дѣйствительно возникло, необходимо присоединеніе дальнѣйшаго обстоятельства, отъ условія независимаго.* Для того, чтобы человѣку

---

[1]) Ibid., 33—34. [2]) Ibid., 34.

[3]) *Н. Сергѣевскій.* О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ. Ярославль. 1880. II, 79.

могъ быть вмѣненъ возникшій противоправный результатъ, необходимо прежде всего, чтобы между его дѣйствіемъ и возникшимъ послѣдствіемъ существовала причинная связь, т.-е. чтобы дѣйствіе этого человѣка являлось посредственной или непосредственной причиной послѣдствія» [1]). Въ поясненіе сказаннаго приводится, между прочимъ, такой примѣръ. *А* стоитъ подъ деревомъ, приготовившись къ выстрѣлу: курокъ ружья взведенъ; палецъ лежитъ на собачкѣ. Въ тотъ самый моментъ, когда *В*, товарищъ его по охотѣ, стоялъ на линіи выстрѣла, упалъ съ дерева сучекъ на руку *А*, рука вздрогнула, палецъ нажалъ собачку, курокъ опустился, произошелъ выстрѣлъ, пуля попала въ сердце, и *В* былъ убитъ. «Здѣсь движеніе руки причинено паденіемъ сучка; отъ этого произошло движеніе собачки, отъ движенія собачки—спускъ курка. отъ спуска курка—выстрѣлъ, отъ выстрѣла—причиненіе раны *В*,—всѣ эти обстоятельства суть причины смерти *В*, и можно идти еще дальше и спросить: отчего упалъ сучекъ?» Для того, чтобъ эти причины произвели свое дѣйствіе, необходимъ былъ цѣлый рядъ обстоятельствъ: «если бъ *А* не стоялъ подъ деревомъ, то сучекъ не попалъ бы на него, если бъ онъ не держалъ пальца на собачкѣ, то эта послѣдняя не была бы приведена въ движеніе его рукой, если бъ курокъ не былъ взведенъ, то движеніе собачки не имѣло бы своимъ послѣдствіемъ выстрѣла. Всѣ эти обстоятельства, которыхъ можно прибавить еще цѣлыя дюжины, суть условія возникшаго послѣдствія, но ни въ какомъ случаѣ не причина его: не потому сучекъ попалъ въ *А*, что онъ стоялъ подъ деревомъ, а потому, что этотъ сучекъ упалъ; собачка приведена была въ движеніе не потому, что его рука находилась вблизи, а потому, что рука вздрогнула; курокъ упалъ не потому, что онъ былъ взведенъ, а потому, что была тронута собачка; ружье выстрѣлило не потому, что курокъ былъ взведенъ, а потому, что взведенный курокъ опустился. Эти обстоятельства: что *А* стоялъ подъ деревомъ и палецъ держалъ на собачкѣ, что курокъ былъ взведенъ, сами по себѣ не произвели ничего. Они лишь дали возможность произвести свое дѣйствіе другимъ, отъ нихъ независящимъ обстоятельствамъ, именно,—что сучекъ упалъ, что рука вздрогнула, что собачка была прижата. Изъ сказаннаго вытекаетъ слѣдующее понятіе причины: причина явленія (послѣдствія) есть то обстоятельство, которое его производитъ (bewirkt), т.-е. вызываетъ (hervorbringt) такое измѣненіе во внѣшнемъ или внутреннемъ мірѣ, результатъ котораго составляетъ то явленіе, о которомъ идетъ рѣчь» [2]). Мы не будемъ приводить здѣсь замѣчаній, которыми проф. Сергѣевскій сопровождаетъ изложеніе теоріи Пфицера (онъ указываетъ на то, что не существуетъ-де никакихъ объектив-

[1]) Ibid., 109. [2]) Ibid., 110—111.

ныхъ признаковъ для такого различенія), такъ какъ сдѣлали эту маленькую экскурсію въ область уголовнаго права пока съ единственною цѣлью показать, какія разнообразныя формы принимаетъ стремленіе обособлять отдѣльные элементы сложной причины, не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Предметъ этотъ имѣетъ важное значеніе не только по отношенію къ столь неразработанной теоріи исторической причинности вообще, но и по отношенію къ вопросу о роли личности въ прагматическомъ процессѣ. Не высказывая теперь своего мнѣнія объ этомъ предметѣ, такъ какъ вернемся къ нему въ другой связи, мы не можемъ не обратить здѣсь же вниманія читателя на то, что Шопенгауеръ, отрицающій правильность разсматриваемаго различенія, самъ, однако, распространяетъ свои сужденія лишь на перемѣны матеріальныхъ состояній. Дѣло въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ логическія изслѣдованія причинной связи имѣютъ въ виду одну физическую причинность (каковая играетъ роль и въ примѣрѣ Пфицера), тогда какъ та форма причинности, которая царитъ въ прагматическомъ процессѣ, имѣетъ свои особенности, до сихъ поръ неизслѣдованныя въ логикахъ [1]).

Теперь очередь за постановкой вопроса о причинности въ психологической литературѣ. Между психологіей и исторіей существуетъ весьма тѣсная связь, такъ что нѣкоторые писатели прямо сводятъ всякое историческое изслѣдованіе къ разрѣшенію психологическихъ вопросовъ: «подобно тому, читаемъ мы напр., у Тэна, какъ астрономія есть въ сущности механическая задача, а физіологія — задача химическая, такъ и исторія въ сущности есть только психологическая задача» [2]). «Историкъ, говоритъ онъ еще, изучаетъ прикладную психологію, а психологъ—общую исторію» [3]). По Дольфюсу, «исторія есть истинная психологія нашего рода» [4]). «Ясно, разсуждаетъ Рибо, что всѣ соціальные, моральные, религіозные факты, вся исторія есть лишь слѣдствіе, причина котораго — человѣческая душа; психологія имѣетъ свои корни въ наукахъ о жизни и распускается въ наукахъ

---

[1]) Этимъ объясняется и то, что въ большинствѣ случаевъ логики говорятъ о «причинахъ перемѣнъ» (ср. стр. 178 и др.), къ числу каковыхъ (т.-е. перемѣнъ) нельзя отнести прагматическихъ фактовъ. Съ другой стороны, авторы логикъ (напр. Милль) ставятъ и рѣшаютъ въ общей формѣ такіе вопросы о причинности, которые имѣютъ только частное значеніе, именно по отношенію къ однимъ матеріальнымъ явленіямъ. «Всегда ли причина стоитъ къ своему дѣйствію въ отношеніи предшествующаго къ послѣдующему?» Система логики. I, 373 sq. «Можно ли принимать за аксіому, что дѣйствія соразмѣрны своимъ причинамъ?» I, 406 sq.

[2]) *Тэнъ.* Англійская литература. Спб. 1871. I, 27.

[3]) *Taine.* De l'intelligence. I, 8.

[4]) *Dollfus.* Concidérations sur l'histoire. P. 1872. Стр. 19.

историческихъ» [1]). Съ цѣлью научнаго объясненія исторіи возникла даже лѣтъ тридцать тому назадъ особая *психологія народовъ* (Völkerpsychologie): «какъ біографія отдѣльной личности, говорятъ основатели этого направленія Штейнталь и Лацарусъ, основывается на законахъ индивидуальной психологіи, такъ исторія, эта біографія человѣчества, должна получить свое раціональное обоснованіе въ психологіи народовъ» [2]). Даже можно было бы указать на нѣсколько сочиненій, гдѣ этотъ вопросъ трактуется болѣе или менѣе подробно [3]), но, къ сожалѣнію, тѣ, такъ сказать, отдѣлы психологіи, коими наука эта наиболѣе соприкасается съ исторіей, относятся къ числу наименѣе разработанныхъ, несмотря на то, что, какъ мы только-что упомянули, для научнаго объясненія исторіи возникла даже особая психологія народовъ. Мысль о послѣдней впервые зародилась у Гербарта, высказавшагося однажды въ томъ смыслѣ, что психологія останется всегда наукою односторонней, пока будетъ разсматривать человѣка, взятаго особнякомъ. Что же именно значитъ человѣкъ, взятый не особнякомъ? Это, во-первыхъ, человѣкъ въ *народѣ:* каждый народъ имѣетъ свой духъ, свой характеръ,—такъ отвѣтили на вопросъ упомянутые основатели психологіи народовъ [4]): какъ видовая жизнь особей обусловливаетъ извѣстное ихъ взаимодѣйствіе, отражающееся и на каждой особи въ отдѣльности, и на всемъ видѣ, такъ точно и жизнь народная вызываетъ между людьми взаимодѣйствіе психическое, результатомъ котораго является культура. Человѣкъ, взятый не особнякомъ, во-вторыхъ, есть членъ *общества:* въ обществѣ отъ психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ возникаютъ явленія, описать и объяснить которыя составляетъ задачу соціальной психологіи (Social-Psychologie), или психологіи общества; эти явленія суть общественныя отношенія. Такъ понялъ дѣло гербартіанецъ Линднеръ въ своихъ «Ideen zur Psychologie der Gesellschaft» [5]). Мысль о недостаточности одной только индивидуальной психологіи для историка и соціолога весьма распространена въ настоящее время. Шэффле, напр., часто ссылается на трудности, которыя вытекаютъ для соціолога изъ современнаго состоянія (индивидуальной) психологіи [6]). «Мы нуждаемся, говорилъ еще раньше Лотце, въ такой механикѣ общества, которая

---

[1]) *Ribot.* La psychologie allemande contemporaine. P. 1879. Стр. 40.

[2]) Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1860 I, 19.

[3]) См. напр., *Vacherot.* Essais de philosophie critique. P. 1864, стр. 151—246 (livre II: la psychologie et l'histoire).

[4]) *Lazarus und Steinthal.* Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie въ 1 томѣ Zeitschr. für Volkerpsychologie.

[5]) *Lindner.* Ideen zur Psychologie der Gesellschaft, 13—14.

[6]) *Schäffle.* Bau und Leben des socialen Körpers. T. I, стр. VII и др.

вывела бы психологію за предѣлы единичнаго лица и познакомила насъ съ ходомъ, условіями и результатами тѣхъ взаимодѣйствій, какія должны происходить между внутренними состояніями многихъ недѣлимыхъ, связанныхъ узами природныхъ и общественныхъ отношеній» [1]). Всѣ подобныя заявленія, однако, подвигаютъ дѣло впередъ очень мало. Въ другомъ мѣстѣ мы уже имѣли случай коснуться только-что упомянутыхъ попытокъ основать особую коллективную психологію [2]), и здѣсь было бы слишкомъ долго объяснять, почему мы считаемъ ихъ въ общемъ не вполнѣ удавшимися. Но если бы о нихъ мы даже и имѣли право говорить совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, то и тогда онѣ не давали бы ничего по вопросу, интересующему насъ въ этой главѣ. Дѣло въ томъ, что психологія народовъ и психологія общества поставили себя задачей изучать то взаимодѣйствіе между индивидуумами, которое даетъ въ результатѣ культуру и соціальную организацію, тогда какъ примѣненіе принципа причинности къ историческимъ фактамъ приводитъ насъ къ понятію такого взаимодѣйствія, результатомъ коего является порожденіе однихъ поступковъ другими. Напр., даже въ спеціальной работѣ Штейнталя, одного изъ основателей Völkerpsychologie, о «Филологіи, исторіи и психологіи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» [3]), въ которой авторъ на вопросъ о томъ, «какія задачи можетъ ставитъ психологіи филологъ и историкъ» или «какой помощи можетъ историкъ ожидать отъ психологіи» [4]), — предметъ, насъ теперь интересующій, совершенно не затрогивается, хотя психологія и объявляется по отношенію къ исторіи, какъ ея ««specielle Principien-Lehre», объясняющая историку «das ihm eigenthümliche Rustzeug» [5]).

Итакъ, по самому существу дѣла для нашей цѣли могла бы быть особенно важна коллективная, какъ мы ее называемъ, психологія: она, между прочимъ, изучала бы и прагматическое взаимодѣйствіе между индивидуумами, сущность коего, какъ мы уже не разъ повторяли, заключается въ томъ, что дѣйствія однихъ людей становятся причинами (или входятъ въ составъ причинъ) дѣйствій другихъ людей. Конечно, изучать въ психологіи идею причинности съ такой точки

---

[1]) *Лотце*. Микрокозмъ. III, 84.

[2]) О. В. Ф. И. II 2 sq. (6 sq.).

[3]) *H. Steinthal*. Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegengeitigen Beziehungen. Berlin. 1864.

[4]) Ibid., 1.

[5]) Ibid., 16. Самъ Штейнталь говоритъ еще въ концѣ своей брошюры (стр. 75—76): Eine Psychologie, — *welche die Geschichte erklären will*, mag Völkerpsychologie heissen, weil die Völker der reale Boden oder die realen Factoren der Geschichte sind. Indem aber bestimmter ausgedrückt ihre Aufgabe überall liegt, wo *Seelen, Subjecte mit und in einander wirken sich einen* so gehört jede Gemeinsamkeit geistigen Lebens in ihren Bereich etc.

зрѣнія можно именно лишь въ томъ отдѣлѣ этой науки, въ которомъ разсматривается человѣкъ, взятый не особнякомъ, а рядомъ съ другими людьми (не говоримъ—въ народѣ или обществѣ, такъ какъ тутъ вопросъ переводится на почву культурной и соціальной исторіи), ибо индивидуальная психологія касается вопроса съ совершенно иной точки зрѣнія. Напримѣръ, изъясненіе человѣческой воли въ «Психологіи» Бэна происходитъ только на основаніи однообразія порядка, наблюдаемаго между мотивомъ и дѣйствіемъ. «Во всѣхъ предшествующихъ главахъ, говоритъ онъ самъ въ одномъ мѣстѣ своего труда,—или открыто утверждалось, или молча предполагалось, что *одинъ и тотъ же мотивъ въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ будетъ сопровождаться однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ*. Однообразіе порядка, продолжаетъ онъ, признанное господствующимъ въ физическомъ мірѣ, принимается и въ духовномъ... Никто никогда не думалъ, прибавляетъ онъ еще, что человѣческія дѣйствія возникаютъ безъ мотивовъ, или что одни и тѣ же мотивы дѣйствуютъ различно при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ» [1]). Указывая на господство единообразія какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ, вслѣдствіе чего «предсказаніе человѣческаго поведенія не менѣе надежно, чѣмъ предсказаніе физическихъ явленій» [2]), онъ отмѣчаетъ, однако, и нѣкоторую разницу, существующую между проявленіемъ физическихъ силъ и произвольнымъ дѣйствіемъ, разумѣя подъ самопроизвольностью, напр., движенія—дѣйствія органовъ независимо отъ стимуловъ ощущенія [3]). «Особенность произвольнаго дѣйствія, говоритъ онъ, — въ сравненіи съ силами неодушевленнаго міра,—та, что предшествующее и послѣдующее явленія суть сознательныя и духовныя состоянія... Въ этомъ процессѣ присутствуютъ всегда два различныя явленія», которыя «послѣдовательно преемственны во времени: прежде чувствованіе, потомъ движеніе. Наша психическая жизнь, продолжаетъ Бэнъ, содержитъ въ себѣ великое множество такихъ послѣдовательностей», хотя, съ другой стороны, ихъ не всегда легко бываетъ обнаружить. «Нерѣдко, замѣчаетъ онъ, два, три или четыре чувствованія, противодѣйствующія или содѣйствующія одно другому, встрѣчаются вмѣстѣ, и тогда дѣйствіе есть не то, которымъ обыкновенно сопровождалось извѣстное чувствованіе само-по-себѣ, а является результатомъ различныхъ чувствованій», а это-то и «приводитъ въ замѣшательство зрителя, который не можетъ допустить множества импульсовъ» [4]). Единственно

---

[1]) *А. Бэнъ*. Психологія. Спб. 1887. Стр. 435.

[2]) Ibid., 436.

[3]) Ibid., 347—351. «Замѣчателенъ фактъ, что движенія возникаютъ и помимо воздѣйствія на нихъ внѣшнихъ предметовъ, въ силу нѣкоторой энергіи самыхъ нервныхъ центровъ или въ виду чисто внутренняго возбужденія», стр. 15.

[4]) Ibid., 438.

на основанiи этого ученiя объ единообразномъ слѣдованiи мотива и дѣйствiя Бэнъ и объясняетъ такiе термины, какъ выборъ, обдумыванiе, самоопредѣленiе, нравственное дѣйствiе, отвѣтственность [1]),— все такiе термины, которые прилагаются почти исключительно къ дѣйствiямъ единицы [2]).

Само собою разумѣется, однако, что въ психологическихъ сочиненiяхъ мы встрѣчаемся нерѣдко и съ указанiями на различные роды влiянiй, испытываемыхъ одними людьми со стороны другихъ: когда подъ влiянiемъ одного человѣка (т.-е. подъ влiянiемъ какого бы то ни было его дѣйствiя или нѣсколькихъ дѣйствiй), другой человѣкъ совершаетъ тотъ или другой поступокъ (или цѣлый рядъ поступковъ), мы и имѣемъ интересующiй насъ случай. Къ сожалѣнiю, всѣ явленiя этого рода весьма мало до сихъ поръ обращали на себя вниманiе психологовъ. Разъ заговоривъ объ этомъ предметѣ, мы не можемъ здѣсь не коснуться одной его стороны, имѣющей весьма близкое отношенiе къ теорiи причинности. Дѣло въ томъ, что съ перваго взгляда, въ случаѣ вызова поступкомъ одного человѣка поступковъ со стороны другихъ лицъ, мы имѣемъ передъ собою какъ бы двѣ различныя роли: активную роль того, кто вызвалъ дѣйствiе, и пассивную роль того, у кого оно вызвано. Съ своей точки зрѣнiя авторы логикъ такого противоположенiя не оправдываютъ. «Въ большинствѣ случаевъ связи причины со слѣдствiемъ, говоритъ, напр., Милль, обыкновенно установляется различiе между чѣмъ-либо производящимъ дѣйствiе и какою-либо другою вещью, испытывающею дѣйствiе, между началомъ *дѣятельнымъ* (agens) и *страдательнымъ* (patiens). Всѣ признаютъ то и другое условiями явленiя, но сочтутъ нелѣпымъ, если послѣднему будетъ придано названiе причины,—названiе, присвоенное исключительно первому». Между тѣмъ, продолжаетъ Милль, «различiе это исчезаетъ при изслѣдованiи или скорѣе оказывается только словеснымъ» [3]): «страдательныя начала всегда дѣятельны», замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ и между разными примѣрами, взятыми среди явленiй неодушевленной природы, указываетъ и на то, что наблюдается въ процессѣ воспитанiя, въ которомъ «мы можемъ назвать наставника дѣятелемъ, а ребенка лишь матерiаломъ, испытывающимъ дѣйствiе»: дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности «всѣ факты, существовавшiе въ духѣ ребенка, или содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ усилiямъ наставника» [4]).

Вотъ эти-то явленiя людского взаимодѣйствiя, въ коихъ мы имѣемъ все-таки право съ нѣкоторой, хотя бы и чисто относитель-

---

[1]) Ibid., 439 sq.

[2]) Ср. и обширное сочиненiе *Bain'a* The emotions and the will.

[3]) *Милль*. Система логики, I, 366.

[4]) Ibid., I, 368.

ной точки зрѣнія, различать моменты активности и пассивности, по нашему мнѣнію, могли бы и даже должны были бы сдѣлаться предметомъ болѣе тщательнаго изученія психологовъ. Конечно, мы не смѣемъ утверждать, чтобы психологи совсѣмъ обходили молчаніемъ явленія этого рода, но въ томъ-то и дѣло, что въ большинствѣ случаевъ они ограничиваются лишь ихъ перечисленіемъ, классификаціей, внѣшнимъ описаніемъ. Для примѣра я сошлюсь здѣсь на то, какъ разсматривается этотъ предметъ въ «Наукѣ о духѣ» проф. Троицкаго, въ сочиненіи, цѣль коего охватить все содержаніе духовной жизни человѣка. Съ одной стороны, мы находимъ въ этомъ трудѣ только простое перечисленіе разныхъ акцій и реакцій, встрѣчающихся во взаимныхъ отношеніяхъ людей. «Къ активнымъ элементамъ общественности, говоритъ авторъ, относятся явленія простой активности, активной производительности и готовности, обусловленныя цѣлью общества и составляющія установленныя прямыя или косвенныя средства къ ея достиженію, иначе сказать, обусловленныя общественными чувствами, идеями и другими видами общественной пассивности. Сюда принадлежатъ общественныя дѣйствія вызова и подавленія въ другихъ—чувствъ, идей, готовностей, дѣйствій и т. д.; напр., общественныя явленія угрозы или устрашенія, ободренія или успокоенія; общественныя явленія передачи, извѣщенія, поощренія, побужденія, приказанія, воспрещенія, управленія; общественныя явленія воспитанія, обученія, образованія; общественныя явленія предположеній, обдумыванія, колебаній, рѣшеній и т. д. Къ реактивнымъ элементамъ общественности принадлежатъ обусловленныя подобно предъидущимъ явленія простой реакціи, реактивной производительности, готовности и возвратности, напр., общественныя явленія сопротивленія, борьбы, уступки, согласія, исполненія, служенія, одобренія, обвиненія, оправданія; общественныя явленія матеріальной производительности; общественныя явленія любви, ненависти, зависти, ревности, наконецъ, самомнѣнія, самодовольства, самолюбія и т. д.» [1]). Совершенно такой же характеръ имѣетъ и то мѣсто «Науки о духѣ», гдѣ авторъ раздѣляетъ «психическія вліянія людей другъ на друга» на «производительныя, творческія» и на «непроизводительныя, иначе просто дѣятельныя». Подъ послѣдними проф. Троицкій разумѣетъ именно «*дѣйствіе вызова и подавленія въ другихъ людяхъ психическихъ явленій ихъ существованія, именно чувствъ, идей, готовностей, дѣйствій* и т. д. Органомъ, продолжаетъ онъ, такого рода вліяній служатъ движенія, возбуждаемыя въ собственномъ тѣлѣ, и перемѣны, производимыя ими прямо или косвенно въ тѣлѣ другихъ. *Примѣры дѣятельныхъ психическихъ явленій мы имѣемъ въ случаяхъ, когда*

---

[1]) *Троицкій.* Наука о духѣ. М. 1882. I, 45—46.

дѣйствіями однихъ вызываются въ другихъ какія-нибудь ощущенія, напр., слуховыя—дѣйствіями рѣчи или крика; зрительныя—дѣйствіями показыванія; осязательныя и мускульныя—дѣйствіями прикосновеній, удара и т. д. Тѣ же вліянія открываются *въ примѣрахъ вызова и подавленія волненій*—когда тревожатъ, сердятъ, веселятъ, или успокаиваютъ, укрощаютъ; *въ вызовѣ и подавленіи идей*, когда постороннія вліянія содѣйствуютъ припоминанію, предусмотрѣнію, догадкѣ, или бываютъ причинами забвенія, неумѣстнаго довѣрія, разсѣянности; *въ вызовѣ и подавленіи психическихъ готовностей*, когда увлекаютъ, соблазняютъ, побуждаютъ, или отговариваютъ, приводятъ въ раздумье, колеблютъ, и наконецъ, *въ вызовѣ и подавленіи дѣйствій и возвратныхъ отношеній*, когда распоряжаются, повелѣваютъ, воспрещаютъ, когда льстятъ, внушаютъ надменность или скромность и т. д.». Что касается до психическихъ производительныхъ или творческихъ вліяній, то такъ проф. Троицкій называетъ «отношенія, которыя созидаютъ въ другихъ тѣ или другіе вторичные законы ихъ психическаго существованія, знанія, навыки, свойства, способности, и которыя входятъ въ составъ воспитанія и обученія» [1],—словомъ отношенія, настоящая роль коихъ, по нашему пониманію дѣла, въ культурной исторіи. Мы не станемъ, конечно, разсматривать ту классификацію и ту терминологію, съ коими у автора «Науки о духѣ» соединено это перечисленіе разнородныхъ вліяній, оказываемыхъ одними людьми на другихъ, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ подобная критика была бы совершенно неумѣстна. Притомъ (для насъ, по крайней мѣрѣ) суть дѣла—не въ классификаціи (и еще менѣе въ терминологіи), а въ теоретическомъ изученіи перечисляемыхъ явленій. Между тѣмъ въ послѣднемъ отношеніи «Наука о духѣ» какъ разъ даетъ намъ очень мало, если не сказать: не даетъ почти ничего. Въ этомъ виноватъ, впрочемъ, не одинъ авторъ книги, а, такъ сказать, общее состояніе психологіи, не выдѣлившей до сихъ поръ названныя явленія въ самостоятельный предметъ изученія. Для полноты отмѣтимъ, впрочемъ, въ «Наукѣ о духѣ» еще одно мѣсто, гдѣ мы встрѣчаемся съ кое-какими пригодными для насъ мыслями. Проф. Троицкій, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на то, что внѣшнія психическія вліянія «не всегда бываютъ дѣствительными, и никогда безусловно полными. Внѣшнія психическія вліянія не всегда бываютъ дѣйствительны, поясняетъ онъ, въ томъ смыслѣ, что не всегда сопровождаются зависящими отъ нихъ психи-

[1]) Ibid., I, 41—42. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о зависимости чувствъ (могущихъ превращаться въ мотивы) отъ дѣйствій, проф. Троицкій имѣетъ въ виду чувства и дѣйствія одного и того же человѣка. «Выводя, говоритъ онъ, ощущенія человѣка изъ внѣшнихъ условій его психическаго существованія, легко забываютъ, что въ числѣ этихъ условій стоятъ его собственныя движенія и дѣйствія». I, 224.

ческими послѣдствіями. Есть два рода случаевъ, въ которыхъ эти вліянія остаются простыми стремленіями къ дѣйствію и произведенію. Первые случаи,—когда *въ реагентѣ или человѣкѣ, на котораго простирается вліяніе, нѣтъ внутреннихъ условій для внѣшняго въ немъ дѣйствія и произведенія*, *или, какъ говорятъ*, *нѣтъ способностей къ воспріятію посторонняго вліянія*. Примѣры такихъ случаевъ недѣйствительности внѣшнихъ психическихъ вліяній можно наблюдать въ обращеніи людей взрослыхъ съ дѣтьми, знающихъ съ невѣждами, здоровыхъ съ больными. Второй родъ случаевъ, *когда внѣшнія психическія дѣйствія встрѣчаютъ въ реагентѣ отрицательныя внутреннія условія — противодѣйствіе*, *или борьбу противъ себя*. Такая борьба бываетъ не только прямою, т.-е. противъ самихъ внѣшнихъ явленій, но и косвенною, т.-е. противъ ихъ психическихъ послѣдствій, противъ вызываемыхъ ими волненій, идей, психической готовности и т. д. Въ обоихъ видахъ противодѣйствія или борьбы внѣшнія психическія вліянія могутъ остаться безъ соотвѣтствующихъ психическихъ послѣдствій. Внѣшнія психическія вліянія, оказывающіяся дѣйствительными, продолжаетъ проф. Троицкій, бываютъ или неполными, или относительно-полными. Они бываютъ неполными, когда присоединяются къ дѣйствующимъ внутреннимъ и заявляютъ свое присутствіе какимъ-нибудь видоизмѣненіемъ ихъ послѣдствій. Когда *состояніе нерѣшительности разрѣшается вслѣдствіе чужого поощренія или предостереженія*, и мысль о дѣйствіи осуществляется или оставляется, оба вліянія будутъ послѣдствіями условій не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ; слѣдовательно, внѣшнее психическое вліяніе въ обоихъ случаяхъ будетъ неполнымъ. Внѣшнія психическія вліянія бываютъ относительно-полными, когда не *встрѣчаютъ въ реагентѣ содѣйствія со стороны внутреннихъ условій*. Отсутствіе содѣйствія со стороны внутреннихъ условій означаетъ отсутствіе не самыхъ условій,—такъ какъ безъ этого внѣшнее вліяніе осталось бы недѣйствительнымъ,—а только той комбинаціи этихъ условій, которая дѣлаетъ ихъ причиною какого-нибудь психическаго послѣдствія. Слѣдовательно, относительно-полнымъ внѣшнимъ психическимъ вліяніемъ мы называемъ то, въ силу котораго *въ реагентѣ слагается комбинація внутреннихъ условій, неизбѣжно сопровождающаяся извѣстнымъ психическимъ послѣдствіемъ*. Такимъ образомъ, дѣйствія, прекращенныя только вслѣдствіе угрозы со стороны другихъ, будутъ примѣромъ относительно-полнаго внѣшняго психическаго вліянія, хотя послѣдствіе его недостижимо безъ помощи собственныхъ наблюденій и идей реагента» [1]). Прибавивъ эту выдержку изъ «Науки о духѣ» къ другимъ мѣстамъ, приведеннымъ

---

[1]) Ibid., I, 42—44.

изъ той же книги, мы, собственно говоря, извлекли изъ нея все, что только въ ней есть имѣющаго отношеніе къ нашему вопросу.

Кромѣ такъ называемыхъ философскихъ наукъ (т.-е. философіи самой-по-себѣ, логики и психологіи) вопросомъ о причинности довольно много интересовалась одна спеціальная юридическая дисциплина—наука уголовнаго права: въ ней вопросъ этотъ получилъ особую постановку, тѣмъ болѣе представляющую для насъ интересъ, что причинность изслѣдуется здѣсь спеціально по отношенію только къ человѣческимъ дѣяніямъ (хотя бы и по отношенію къ дѣяніямъ лишь извѣстнаго рода), т.-е. изслѣдуется по отношенію къ тому, изъ чего складываются и прагматическіе факты исторіи. Дѣлая теперь маленькую экскурсію въ область криминалистики, мы можемъ ограничиться ознакомленіемъ съ сочиненіемъ проф. Сергѣевскаго, къ которому намъ уже пришлось разъ обратиться [1]). Мы останавливаемся именно на этомъ трудѣ [2]) по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, самъ авторъ говоритъ, что задачей его было не «выставить какую-либо собственную теорію объ этомъ вопросѣ», а «построить такое ученіе, которое представляло бы собою общій выводъ изъ всего матеріала, образуемаго литературой вопроса» [3]). Во-вторыхъ, весь второй выпускъ своего труда авторъ посвящаетъ обзору исторіи вопроса въ литературѣ уголовнаго права: послѣднее обстоятельство дало мнѣ лично возможность лучше вникнуть въ вопросъ. Просматривая историческій очеркъ проф. Сергѣевскаго и отмѣчая въ немъ тѣ мѣста, которыя не имѣютъ строго криминалистическаго характера и потому могли бы быть приняты въ расчетъ теоріей исторической причинности [4]), я не разъ сожалѣлъ, что исторіософическая литература совершенно почти игнорировала столь важный предметъ, хотя, съ другой стороны, криминалисты пускались нерѣдко въ излишнія тонкости, скорѣе запутывавшія, чѣмъ уяснявшія дѣло.

Основной вопросъ, который рѣшается въ криминалистическихъ теоріяхъ причинности, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, когда дѣйствіе лица можетъ быть признано причиною извѣстнаго явленія [5]).

---

[1]) См. выше стр. 159 и слѣд.

[2]) *Н. Сергѣевскій.* О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ. Ярославль, 1880. Два выпуска.

[3]) Ibid., I, стр. 3.

[4]) См. особенно вып. II, стр. 17—18, 31 sq., 35 sq., 70 sq., 79 sq., 99 sq. 109 sq., 128 sq. 160 sq., гдѣ изложены взгляды разныхъ писателей на причинность вообще, на чуждыя содѣйствующія силы, на различіе между поводомъ и причиною или причиною и условіемъ, на борьбу содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ силъ и т. п.

[5]) О причинной связи см. также въ Курсѣ русскаго уголовнаго права *Таганцева* (Спб. 1878. Часть общая, кн. I, стр. 297—324). Вопросъ здѣсь поставленъ въ самыхъ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: «въ тѣхъ престу-

«Констатированіе причинной связи между явленіемъ и дѣйствіемъ человѣка, говоритъ проф. Сергѣевскій, есть необходимый предварительный актъ при разрѣшеніи вопроса о вмѣненіи этого явленія этому лицу». Поэтому, продолжаетъ онъ, «задачей теоріи является выработать такія общія *правила, которыя служили бы руководствомъ для разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса о томъ, находится ли явленіе въ причинной связи съ дѣйствіями лица, или нѣтъ»* [1]). Какъ же рѣшается эта задача? Слѣдуя за проф. Сергѣевскимъ, мы должны основной вопросъ—когда дѣйствія человѣка бываютъ причиной явленій? — разложить на три элементарныхъ по отношенію къ нему, но тѣмъ не менѣе весьма общихъ вопроса. Авторъ «Причинной связи въ уголовномъ правѣ» формулируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) «существуетъ ли гдѣ-либо предѣлъ въ цѣпи развитія явленія, за которымъ теряется связь явленія и дѣйствія; иначе: существуетъ ли предѣлъ причинной цѣпи, и если да, то гдѣ онъ находится и какъ опредѣляется? 2) Производитъ ли на положеніе дѣйствующаго лица, какъ причины, какое-либо вліяніе присоединеніе самостоятельныхъ силъ и, если да, то при какихъ условіяхъ и какое? 3) Имѣетъ ли какое-либо значеніе то обстоятельство, что эти самостоятельныя силы образуются дѣйствіями второго лица и, если да, то какое значеніе, каковы должны быть эти дѣйствія и каково ихъ взаимное отношеніе»? [2]). Разрѣшенія этихъ трехъ вопросовъ, которые могутъ быть поставлены и историкомъ, добивающимся узнать, кто былъ виновникомъ того или другого событія, проф. Сергѣевскій ближайшимъ образомъ ищетъ «въ разсмотрѣніи того значенія, которое вообще можетъ имѣть дѣятельность человѣка въ области явленій внѣшняго міра, уничтожая одни изъ нихъ и вызывая къ бытію другія, независимо отъ юридическаго характера этихъ явленій, ихъ закономѣрности или противоправности» [3]). Эти слова не заключаютъ въ себѣ еще никакого указанія на криминалистическое содержаніе изслѣдованія, а потому могли бы быть повторены и въ теоріи исторической причинности. Въ общемъ своемъ разсужденіи о причинной связи авторъ существеннымъ образомъ воспроизводитъ ученіе Милля объ этомъ предметѣ съ ссылками на аналогичныя мнѣнія и въ литературѣ уголовнаго права. Здѣсь есть, однако, важное замѣчаніе, особенно для насъ пригодное въ виду задачи этой главы. «Обыкновенно

пленіяхъ, для полнаго состава которыхъ требуется наличность извѣстныхъ результатовъ, для вмѣненія виновному совершоннаго, безусловно необходимо доказать, что между дѣйствіемъ и результатомъ существуетъ причинная связь». Авторъ ставитъ вопросъ: «какую роль должно играть дѣйствіе лица, чтобы за нимъ можно было сохранить значеніе причины явленія»? Стр. 297—298.

[1]) *Н. Сергѣевскій.* I, 15.

[2]) Ibid., I, 18. [3]) Ibid., I, 19.

(именно въ области криминалистики), говоритъ проф. Сергѣевскій, силы или свойства, присущія предметамъ неодушевленной природы, не принимаются въ расчетъ», и «это игнорированіе, если можно такъ выразиться, вѣчно дѣйствующихъ законовъ природы получаетъ нѣкоторое значеніе для изслѣдованій юридическихъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ дѣйствія человѣка. *Съ точки зрѣнія этихъ наукъ представляется вполнѣ возможнымъ признавать за причину только дѣйствія человѣка*, все же остальное подводить подъ общее понятіе необходимыхъ условій и спеціальному разсмотрѣнію не подвергать» [1]). Такое отношеніе къ дѣлу, какъ это видно изъ подстрочнаго примѣчанія къ приведенному мѣсту, уже раньше установилось въ наукѣ уголовнаго права. Совершенно такъ же, по нашему мнѣнію, должна относиться къ вопросу и теорія прагматическаго процесса, не выходящая за предѣлы изслѣдованія человѣческихъ дѣйствій. Но уголовное право еще болѣе ограничиваетъ свою задачу по отношенію къ изслѣдованію причинной связи. «Уголовное право, говоритъ проф. Сергѣевскій, сообразно своимъ спеціальнымъ цѣлямъ, вводитъ два ограниченія: съ одной стороны, *оно разсматриваетъ въ качествѣ причины только человѣческія дѣйствія*, все же остальное подводитъ подъ общее понятіе условій, съ другой—оно интересуется этими причинными человѣческими дѣйствіями лишь настолько, насколько явленіе, ими вызываемое, составляетъ предметъ запрещенія въ законѣ» [2]). Первое ограниченіе относится и къ теоріи историческаго прагматизма, а потому поскольку тѣ или другіе частные вопросы изъ этой области подымаются криминалистами безъ второго ограниченія, ихъ отвѣты могутъ быть пригодны для исторической теоріи. Mutatis mutandis, къ историческимъ событіямъ вполнѣ прилагается, наприм., указываемый проф. Сергѣевскимъ «способъ, посредствомъ котораго можетъ быть опредѣлено въ каждомъ данномъ случаѣ, представляетъ ли дѣйствіе человѣка, о которомъ идетъ рѣчь, причину явленія или нѣтъ: *слѣдуетъ только мысленно выдѣлить это дѣйствіе изъ всей суммы предшествующихъ фактовъ, и если окажется, что несмотря на то, послѣдствія наступили бы въ томъ же порядкѣ, то это значитъ, что послѣдствія эти не могутъ быть приписаны обвиняемому; если же, напротивъ того, окажется, что, за выдѣленіемъ дѣйствій обвиняемаго, результатъ не воспослѣдовалъ бы или хотя бы и воспослѣдовалъ, но не въ томъ порядкѣ, то это значитъ, что данное лицо есть причина происшедшаго результата*» [3]). Разница историческаго и юридическаго взгляда та, что криминалистъ подъ явленіемъ, вызываемымъ человѣческими дѣйствіями, всегда разумѣетъ нѣчто составляющее предметъ запрещенія въ законѣ, тогда какъ для историка

---

[1]) Ibid., I, 23—25. [2]) Ibid., I, 25—26. [3]) Ibid., I, 26—27.

это явленіе—есть новое дѣйствіе въ непрерывной цѣпи поступковъ-причинъ и поступковъ-слѣдствій. Поэтому вполнѣ можно было бы воспользоваться для теоріи прагматической причинности выработаннымъ криминалистами опредѣленіемъ причиняющей дѣятельности по ея содержанію, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе это въ области уголовнаго права не имѣетъ никакого непосредственнаго значенія. Вотъ какъ передается это въ книгѣ самого проф. Сергѣевскаго. «По содержанію своему причиняющія дѣйствія могутъ быть двухъ родовъ: во-первыхъ, человѣкъ своимъ дѣйствіемъ *создаетъ положительныя условія для возникновенія послѣдствія*, вызывая къ дѣйствію новыя силы или усиливая наличныя силы, если онѣ существуютъ и дѣйствуютъ въ извѣстномъ направленіи, или, наконецъ, создавая такую обстановку, которая влечетъ за собою присоединеніе постороннихъ силъ; во-вторыхъ, онъ можетъ направить свою дѣятельность къ тому, чтобы дать возможность проявить свое дѣйствіе силамъ уже существующимъ, но нейтрализованнымъ въ своемъ стремленіи къ произведенію послѣдствія какими-либо противодѣйствующими силами; иначе говоря, онъ *устраняетъ условія отрицательныя* и тѣмъ даетъ возможность дѣйствовать существующимъ уже условіямъ положительнымъ [1])... Внѣ этихъ способовъ дѣйствованія, продолжаетъ авторъ, невозможно причиненіе, такъ какъ невозможно произведеніе какого бы то ни было измѣненія во внѣшнемъ мірѣ. Итакъ, становясь въ причинное отношеніе къ извѣстному послѣдствію, человѣкъ или поставляетъ для него положительныя условія, вызывая новыя силы или усиливая уже существующія, или уничтожая отрицательныя условія, ослабляя или устраняя силы ему противодѣйствующія» [2]). Наука уголовнаго права не можетъ «вмѣнять» человѣку всѣ дѣйствія, въ причиненіи коихъ онъ участвовалъ, и поскольку историки тоже возлагаютъ отвѣтственность за событія на отдѣльныя лица, постольку и имъ, по примѣру криминалистовъ, слѣдовало бы выработать принципы своего рода прагматическаго вмѣненія, т.-е. опредѣлить область исторической отвѣтственности, хотя бы послѣдняя не имѣла ни моральнаго, ни юридическаго значенія. Что касается до криминалистовъ, то у нихъ въ данномъ случаѣ играетъ роль субъективный моментъ. «Субъективная виновность лица, говоритъ, напр., проф. Сергѣевскій, по отношенію къ послѣдствіямъ его дѣйствій... предполагаетъ, что *лицо это имѣло возможность предвидѣть результаты своихъ дѣйствій*, имѣло возможность предвидѣть то явленіе, которое произойдетъ изъ нихъ, какъ изъ причины. Возможность предвидѣнія результатовъ (или дѣйствительное предвидѣніе) въ періодъ дѣйствованія есть необходимое условіе

---

[1]) Ibid., I, 35. [2]) Ibid., I, 36.

субъективной виновности; безъ него она немыслима» [1]). Въ этомъ отношенiи согласны, кажется, всѣ криминалисты, что «только тѣ явленiя могутъ быть вмѣнены человѣку, которыя проистекли изъ дѣйствiй его, совершавшихся при возможности ихъ предвидѣнiя» [2]). Есть ли такой ясный признакъ у историковъ? Возможно ли вообще его установить?. Нужно ли наконецъ такое установленiе? — Называя «причиной въ смыслѣ уголовнаго права такое дѣйствiе, которое, во-первыхъ, является причиной въ общемъ смыслѣ для запрещеннаго явленiя, а во-вторыхъ, совершалось при возможности предвидѣнiя этого явленiя, какъ послѣдствiя» [3]), криминалисты тѣмъ самымъ даютъ отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ проф. Сергѣевскимъ элементарныхъ вопросовъ о предѣлѣ причинной цѣпи. Нужно ли историкамъ искать этотъ предѣлъ и если да, то въ чемъ должны они его полагать? Вотъ рядъ вопросовъ, которыхъ никто изъ историковъ еще не ставилъ, и какъ разъ по вопросу о предѣлѣ причинной цѣли только литература уголовнаго права въ состоянiи дать нѣкоторый отвѣтъ, который, конечно,. цѣликомъ не можетъ быть перенесенъ въ историческую теорiю. «Всякое явленiе, говоритъ объ этомъ предметѣ цитируемый авторъ, необходимо слѣдуетъ за совокупностью всѣхъ его условiй. *Пока совокупность условiй не закончена или одно изъ условiй не достигло надлежащаго развитiя, до тѣхъ поръ и явленiе невозможно; какъ только всѣ условiя оказываются въ наличности*, *явленiе становится необходимостью*. Причина только тогда производитъ послѣдствiе, когда она достигаетъ полнаго развитiя; но зато въ этотъ моментъ послѣдствiе становится необходимостью. Поэтому причина можетъ считаться законченною только тогда, когда явленiе сдѣлалось необходимостью, когда оно или вовсе неотклонимо, или можетъ быть отклонено лишь съ помощью новой силы, въ комбинацiи не участвовавшей... Пока явленiе не сдѣлалось неизбѣжнымъ, до тѣхъ поръ дѣйствiя человѣка не могутъ считаться законченной причиной. Законченной причиной дѣйствiя человѣка могутъ быть признаны только тогда, когда развитiе явленiя дошло до того предѣла, за которымъ отклоненiе его уже не во власти субъекта, за которымъ, слѣдовательно, оно становится необходимымъ послѣдствiемъ своего предыдущаго... Причина можетъ считаться возникшею и дѣйствiе законченнымъ лишь тогда, когда явленiе неизбѣжно, неотклонимо» [4]). Отсюда таковъ отвѣтъ на первый изъ трехъ приведенныхъ выше вопросовъ: «предѣлъ причинной цѣпи для уголовнаго права устанавливается возможностью предвидѣнiя послѣдствiй въ перiодъ дѣйствiя; дѣйствiе же оканчивается тогда, когда явленiе становится неотклонимымъ».

---

[1]) Ibid., I, 44. [2]) Ibid., I, 45. [3]) Ibid., I, 46. [4]) Idib., I, 57—59.

Мы оставляемъ въ сторонѣ два другіе вопроса автора «Причинной связи», такъ какъ рѣшеніе ихъ авторомъ имѣетъ уже спеціально-юридическій интересъ. Еще менѣе могутъ здѣсь насъ интересовать формы преступнаго дѣйствія, о которыхъ проф. Сергѣевскій трактуетъ во второй части перваго выпуска. Несмотря на спеціально-юридическій характеръ изслѣдованій о причинной связи въ уголовномъ правѣ, они по необходимости подымаютъ нѣкоторые общіе вопросы, которые тѣмъ болѣе могутъ интересовать историка-прагматиста, что и онъ, и криминалистъ имѣютъ передъ собой одну и ту же вещь—человѣческое дѣйствіе.

Переходимъ къ послѣдней категоріи сочиненій, въ которыхъ можно встрѣтиться съ вопросомъ о причинности: это, какъ мы видѣли,—такъ называемыя «историки», или теоріи исторической науки, которыхъ особенно много можно найти въ нѣмецкой ученой литературѣ [1]). Пересмотрѣвъ ихъ весьма большое количество, мы могли, однако, отмѣтить лишь очень немногія, трактующія о причинности, да и въ нихъ, вдобавокъ, она разсматривается довольно бѣгло и поверхностно, что и дало намъ право сказать выше о неразработанности интересующаго насъ вопроса въ этой спеціальной дисциплинѣ [2]). Дѣйствительно, вопросъ о причинности въ сочиненіяхъ такого рода едва только намѣчается, а ихъ авторы при его рѣшеніи удовлетворяются въ большинствѣ случаевъ самыми общими мѣстами. Притомъ авторы эти весьма часто бываютъ несогласны между собою относительно терминологіи, разумѣя подъ прагматизмомъ далеко неодинаковыя вещи, тогда какъ именно съ понятіемъ о прагматической исторіи, какъ объ исторіи дѣяній [3]), неразрывно соединено представленіе о той между ними связи, въ силу которой они являются причинами и слѣдствіями одни другихъ. Наконецъ, у авторовъ «историкъ» (особенно

[1]) О. В. Ф. И., въ обзорахъ литературы предмета.

[2]) Ср. выше, стр. 163—164 и 166.

[3]) Pragmatisch bezeichnet überhaupt das was zum Handeln und zur Betreibung der Geschäfte gehört. Eine besondere Bedeutung erhält das Wort in der Geschichtschreibung, wo man diejenige Darsteilungsweise, welche *die Begebenheiten nach ihrem ursachlichen Zusammenhang entwickelt* und somit die Geschichte für das Leben und Handeln lehrreicher macht, die pragmatische Darstellung (den historischen Pragmatismus) nennt. Такъ толкуется слово въ извѣстной нѣмецкой энциклопедіи Брокгауза. *Георгъ Веберъ* во введеніи къ своей многотомной «Всеобщей исторіи» прагматическое направленіе противополагаетъ лѣтописному. По его опредѣленію, «прагматическое направленіе слѣдитъ внутреннюю нить исторіи, отыскивая въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, въ ихъ характерѣ, способностяхъ, стремленіяхъ, *мотивы событій*, и, находя, что событія суть лишь произведенія движущихъ силъ и человѣческой дѣятельности, оно полагаетъ, что разрѣшитъ свою задачу тѣмъ полнѣе, чѣмъ полнѣе *выставитъ на лицо отношенія между причиной и слѣдствіемъ, мыслью и дѣломъ, намѣреніемъ и исполненіемъ*». См. русск. пер. Андреева (М. 1885). I, 1.

у болѣе старыхъ) самый вопросъ о причинности ставится въ связь не столько съ философской или научной стороной дѣла, сколько (и иногда почти исключительно) съ вопросомъ о болѣе внѣшней, формальной сторонѣ историографіи, или о такъ называемомъ «историческомъ искусствѣ». Въ дальнѣйшемъ изложеніи я позволю себѣ познакомить читателя чуть не со всѣмъ, что только даетъ по этому предмету литература «историкъ», бывшихъ первоначально именно теоріями историческаго искусства (artis historicae).

Подъ «историческимъ искусствомъ» (die historische Kunst) Рюсъ, одинъ изъ старинныхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, разумѣетъ именно «теорію историческаго изображенія или представленія» (die Theorie der historischen Darstellung) [1]). Въ весьма небольшомъ, посвященномъ этой теоріи, отдѣлѣ своего «Наброска пропедевтики историческихъ занятій» онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что въ новѣйшія времена часто указываютъ на «извѣстный прагматизмъ», какъ на одно изъ основныхъ требованій историческаго представленія, но, прибавляетъ онъ, «von dem Begriff des Pragmatischen hatte man nur eine sehr undeutliche Vorstellung». Обративъ вниманіе еще на то, какъ понимали это выраженіе въ древности («прагматическій» и «политическій»—синонимы), онъ продолжаетъ: позднѣе подъ этимъ разумѣли «*тщательное развиваніе и доказываніе причинъ и поводовъ* (Ursachen und Veranlassungen), *изъ коихъ происходили событія и дѣйствія*». Находя, что изъ-за такого изслѣдованія причинъ и слѣдствій многіе историки забывали свое настоящее дѣло—возстановлять въ представленіи прошлое, Рюсъ прибавляетъ, что прагматизмъ долженъ явствовать самъ собою изъ совершеннаго представленія исторіи [2]), ибо высочайшая задача историческаго искусства заключается въ томъ, чтобы «die Thatsachen, die den egentlichen Pragmatismus bilden, aufzufassen». Авторъ «Наброска» и даетъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи, а именно совѣтовъ не злоупотреблять разсужденіемъ (Räsonement), остерегаться стремленія къ парадоксамъ, «überhaupt nicht eine pragmatische Tendenz als die Absicht seiner Darstellung zeigen». Въ еще ближайшее къ намъ время, продолжаетъ онъ, понятіе прагматизма было видоизмѣнено въ томъ смыслѣ, что стали требовать «объясненія событій и дѣяній изъ ихъ внутренней необходимости», но, «къ несчастью, прибавляетъ Рюсъ, эта внутренняя необходимость является всегда только продуктомъ индивидуальнаго воззрѣнія» [3]). Вотъ и все, что нашелъ нужнымъ сказать объ этомъ

---

[1]) *Rühs*. Entwurf einer Propädeutik des historischen Studiums. Berlin, 1811. Стр. 248.

[2]) Ibid., 252. [3]) Ibid. 253.

предметѣ Рюсъ въ своей «историкѣ», составляющей, между тѣмъ, книжку въ триста безъ малаго страницъ. Въ другомъ старинномъ же «Наброскѣ теоріи исторіи», авторъ коего былъ проф. Вахсмутъ [1]), и гдѣ также «историческое искусство» понимается въ смыслѣ «der Darstellung des Stoffes» [2]), такимъ же образомъ указывается на неопредѣленность выраженія—«прагматизмъ» [3]), хотя авторъ книжки и оправдываетъ внесеніе въ слово, пущенное въ ходъ Полибіемъ, новаго смысла [4]). По интересующему насъ вопросу и онъ одинаково говоритъ слишкомъ мало, да и то главнымъ образомъ имѣя въ виду «die künstlerische Anordnung der Thatsachen nach dem innern Zusammenhange durch Ursache und Wirkung», т.-е. опять-таки касается предмета скорѣе въ смыслѣ практическихъ совѣтовъ, чѣмъ въ смыслѣ чисто теоретическаго разсужденія [5]). Нѣсколько болѣе позднія «Основанія историки» Гервинуса [6]) точно такъ же разсматриваютъ историческое сочиненіе, какъ «ein Kunstwerk» [7]), при чемъ и въ этой книжкѣ, равнымъ образомъ, мы находимъ указаніе на неопредѣленность термина—«прагматическій» [8]). Въ новѣйшемъ значенія слова, «прагматикъ, говоритъ Гервинусъ, *объясняетъ психологически поводы и дѣйствія историческихъ фактовъ и сводитъ ихъ къ человѣческимъ побужденіямъ* (Triebfedern)». Прагматику, по дальнѣйшимъ его словамъ, свойственно «*открывать отдаленные мотивы*, *вскрывать тайныя склонности и страсти*, *разбираться въ лабиринтѣ человѣческихъ сердецъ и головъ*, *прослѣживать по самымъ темнымъ и сокровеннымъ дорожкамъ каждое дѣяніе до его первоисточника*, *равно какъ и черезъ длинную цѣпь слѣдствій*, *въ которую уже вплетены сотнями новыхъ отношеній ихъ звенья*, *доводить исходный пунктъ и конечную цѣль до моментовъ*, *видимыхъ и другими*, *быть одновременно здѣсь и вездѣ, знать всѣ человѣческія побужденія*» [9]). Въ заключеніе и Гервинусъ, подобно своимъ предшественникамъ, даетъ историку-прагматику нѣсколько практическихъ совѣтовъ [10]), не имѣющихъ ровно никакого теоретическаго значенія.

Въ зависимости отъ этихъ и подобныхъ имъ нѣмецкихъ «историкъ» въ старыя времена писались и у насъ книжки, заключавшія

---

[1]) *W. Wachsmuth*, Entwurf einer Theorie der Geschichte. Halle. 1820.

[2]) Ibid., 119. [3]) Ibid., 131 sq.

[4]) Was die neuern pragmatische Geschichte nennen, stimmt also zwar nicht mit Polybius Erklärung des Wortes überein, ist aber doch das Wesen von Polybius Geschichte, 133.

[5]) Ibid., 145 sq.

[6]) *G. G. Gervinus*. Grundzüge der Historik. Leipzig. 1837.

[7]) Ibid., 31 sq.

[8]) Der Ausdruck pragmatisch wird mit didactisch ungefähr gleichbedeutend, 39.

[9]) Idid., 43. [10]) Ibid., 44 sq.

въ себѣ общія разсужденія объ исторической наукѣ [1]). Одною изъ такихъ книжекъ, которая притомъ до извѣстной степени подводила итоги подъ результатами нѣмецкихъ работъ по «историческому искусству» и представляла, кромѣ того, кое-что и оригинальное, было разсужденіе Рославскаго-Петровскаго «объ истинномъ значеніи прагматической исторіи». И онъ находилъ въ свое время, что «не такъ легко опредѣлить, въ чемъ заключается сущность исторіи прагматической: въ каждой почти исторической книгѣ, говоритъ онъ самъ, встрѣчается это слово и всегда съ болѣе или менѣе различными толкованіями, нерѣдко произвольными, такъ что, повидимому, писатели не имѣли яснаго сознанія о томъ, что они говорили» [2]). Давая этому понятію собственное опредѣленіе, онъ ссылается прежде всего на мнѣніе Полибія, по которому «историкъ долженъ *обращать вниманіе на ходъ событій, ихъ причины и слѣдствія* и къ тому присовокупить еще свое собственное замѣчаніе» [3]), но такое мнѣніе онъ не считаетъ вѣрнымъ: всякое событіе, говоритъ онъ, допускаетъ *не одну, а нѣсколько причинъ, условившихъ его бытіе,* и, слѣдовательно, историкъ *легко можетъ заблудиться*, если только не изберетъ одного твердаго начала, изъ котораго бы необходимымъ образомъ развивались всѣ частныя событія. Еще можно употреблять этотъ способъ при изображеніи эпохи къ намъ близкой, но онъ совершенно неудобенъ, когда дѣло идетъ о вѣкахъ отдаленныхъ, ибо человѣческія вѣрованія, коими опредѣляется ходъ дѣйствій, въ теченіе времени измѣняются,— то, что намъ теперь кажется неважнымъ, нѣкогда сильно занимало умы, и, наоборотъ, предметы, живо интересующіе насъ, не обратили бы вниманія людей, упредившихъ насъ нѣсколькими тысячелѣтіями на поприщѣ жизни. И здѣсь наблюдателю легко сбиться съ дороги и, при изложеніи происшествій, принять такія причины, которыя въ самомъ дѣлѣ не существовали, какъ то неоднократно случалось уже на опытѣ» [1]). Поэтому онъ находитъ, что «*одно показаніе причинъ и слѣдствій излагаемыхъ фактовъ еще не составляетъ прагматической исторіи въ ея истинномъ значеніи.* Какъ анатомикъ, продолжаетъ онъ, сколько бы онъ ни былъ искусенъ, не можетъ возсоздать человѣческаго организма изъ оторванныхъ частей тѣла, такъ и дѣеписателю не воскресить минувшаго, если онъ не разгадаетъ самой души, которая нѣкогда оживляла цѣлое, и не спрыснетъ мертвыхъ костей водою жизни» [5]). Въ сущности самъ Рославскій-Петровскій рекомендуетъ то, что можно назвать культурно-соціальнымъ эволюціонизмомъ,

---

[1]) См. О. В. Ф. И., изд. 2, т. I, стр. 335—339.

[2]) *А. Рославскій-Петровскій.* Объ истинномъ значеніи прагматической исторіи и соотвѣтственномъ тому способѣ ея обработки. Харьковъ. 1839. Стр. 25.

[3]) Ibid., 26. [4]) Ibid., 26—27. [5]) Ibid., 28—29.

а именно онъ высказываетъ желаніе, чтобы историкъ старался «вникнуть въ идею, выражаемую извѣстнымъ народомъ, или государствомъ, и слѣдить за развитіемъ ея въ различные періоды, не останавливаясь на однихъ только политическихъ измѣненіяхъ, но принимая во вниманіе состояніе всего общества... Потомъ, продолжаетъ онъ, когда дѣеписатель разгадаетъ общій характеръ цѣлаго, на второмъ планѣ могутъ стоять политическія перемѣны; но и здѣсь онъ не долженъ ограничиваться однимъ изложеніемъ ихъ, а стараться, по возможности, опредѣлить ихъ вліяніе на судьбу всего общества, тѣмъ болѣе, что государственные перевороты, какъ-то: уничтоженіе прежняго образа правленія и т. п. всегда сопровождались важными послѣдствіями для цивилизаціи народа, особенно: если они были условлены духомъ времени. Далѣе, третье мѣсто на картинѣ его могутъ занять разныя достопамятныя происшествія въ жизни внѣшней, каковы, напр., вступленіе на престолъ знаменитыхъ государей, мирные трактаты, войны» [1]. Потомъ уже, по словамъ автора, «когда будетъ постигнутъ духъ цѣлаго и распредѣлены массы, историку предстоитъ трудъ заняться индивидуальностями, дотронуться магическимъ жезломъ своимъ до каждаго изъ представителей эпохъ и изъяснить его дѣйствія изъ духа времени... Наконецъ, отъ вниманія его не должны ускользнуть и лица менѣе важныя по своему вѣсу въ обществѣ, если только они имѣли какое-нибудь вліяніе на ходъ излагаемаго имъ происшествія, тѣмъ болѣе, что самые великіе перевороты часто начинались событіями маловажными, подобно громовой тучѣ, зарождающейся изъ тонкаго облака» [2]. Это краткое разсужденіе автора одной изъ русскихъ «историкъ», писавшихся подъ вліяніемъ нѣмецкихъ книжекъ объ «историческомъ искусствѣ», мы привели, какъ образчикъ того, въ какомъ направленіи большая ихъ часть трактуетъ о принципѣ причинности въ исторіи.

Болѣе новыя «историки» въ сущности очень недалеко ушли отъ старыхъ. Наприм., въ одной изъ такихъ болѣе новыхъ «историкъ», именно въ небольшой книжкѣ Дройзена [3], посвященной, однако, уже тому, что самъ авторъ называетъ «ein Organon des historischen Denkens und Forschens [4], мы, какъ и въ старинныхъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ, не находимъ по нашему вопросу ничего такого, на чемъ особенно стоило бы остановиться. Отмѣтимъ лишь для примѣра нѣкоторыя мысли Дройзена. Какъ въ процессѣ ходьбы важны:

---

[1]) Ibid., 30—31. [2]) Ibid., 33—34.

[3]) *Ioh. Gust. Droysen.* Grundriss der Historik. Zweite Auflage. Leipzig, 1875. На правахъ рукописи книжка эта была напечатана въ 1858 и 1862 гг., а первое ея изданіе появилось въ 1867 г.; послѣ 1875 г. она перепечатывалась.

[4]) Ibid., 12.

а) механизмъ органовъ ходьбы, b) обусловленное особенностями дороги напряженіе мускуловъ, c) воля, движущая тѣло, и d) цѣль движенія, такъ и въ исторіи бываетъ четыре «интерпретаціи»: а) прагматическая, b) интерпретація условій, c) психологическая и d) интерпретація идей [1]). Первая изъ нихъ пользуется критически установленнымъ матеріаломъ, «дабы *воспроизвести на основаніи причинной связи, лежащей въ природѣ вещи* (nach dem in der Natur der Sache liegenden Causalnexus) *внѣшнюю картину нѣкогда дѣйствительнаго отношенія вещей* [2]), тогда какъ психологическая «ищетъ въ ходѣ дѣлъ акты воли, его породившіе» [3]). Такъ понимается Дройзеномъ прагматизмъ по отношенію къ объясненію фактовъ. Въ главѣ, трактующей о способахъ историческаго изображенія, Дройзенъ дѣлаетъ изъ изображенія прагматическаго одно изъ подраздѣленій повѣствовательнаго способа. Послѣдній воспроизводитъ ходъ событій, какъ генетическую картину, и здѣсь именно возможны представленія: а) прагматическое, показывающее, *какъ произошло* (wurde), *могло и должно было произойти заключительное событіе изъ движенія вещей, сошедшихся въ извѣстномъ пунктѣ*, b) монографическое, c) біографическое и d) катастрофическое, указывающее на относительно самостоятельныя силы, направленія, интересы, партіи и т. д. въ борьбѣ, результатомъ коей являются новыя отношенія [4]). Кое-какія отдѣльныя фразы могутъ быть здѣсь также, пожалуй, отмѣчены. Напримѣръ: «dass aus Zuständen neue Gedanken, aus den Gedanken neue Zustände werden, ist die Arbeit der Menschen... In der sittlichen Welt reiht sich in unendlicher Kette von Ringen Zweck an Zweck. Jeder dieser Zwecke hat zunächst seinen Weg und sein Werden für sich; aber zugleich ist jeder für die anderen bedingend, durch die anderen bedingt» и т. п. [5]). Вотъ и все! Правда, въ извиненіе «Историки» Дройзена можно сказать, что это — небольшая брошюрка, въ которой не могло быть достаточно и мѣста для подробныхъ разсужденій, но вотъ передъ нами послѣдній трудъ по «историкѣ», большая (болѣе 500 страницъ) книга грейфсвальдскаго профессора Бернгейма подъ заглавіемъ «Lehrbuch der historischen Methode» [6]), сочиненіе, болѣе или менѣе подводящее итоги подъ всѣмъ, что только до сихъ поръ было сдѣлано въ области названной дисциплины: и тутъ вопросъ о причинности въ историческомъ процессѣ самъ по себѣ какъ бы совершенно не затрогивается. Замѣтимъ прежде всего, что Бернгеймъ отождествляетъ прагматизмъ съ поученіемъ [7]), придавая тѣмъ не менѣе важное значеніе изслѣдованію причинъ въ

---

[1]) Ibid., 19—22. [2]) Ibid., 20. [3]) Ibid., 21. [4]) Ibid., 23—24. [5]) Ibid., 36.

[6]) *Ernst Bernheim*. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig. 1889.

[7]) Auf dieser Stufe (die lehrhafte oder pragmatische Geschischte) gilt der Stoff, nicht nur um seiner selbst Willen als wissenswerth, sondern um bestimmter Nutzanwendungen willen, man möchte etwas aus dem Geschehenen lernen, 15.

этомъ родѣ бытописанія: «для прагматической исторіи, по его собственнымъ словамъ, *недостаточно знать о томъ*, *что происходило*, *но она хочетъ знать, какъ*, *по какимъ основаніямъ*, *въ какихъ видахъ* (mit welchen Absichten) *все происходило*» [1]). То, что мы называемъ прагматической исторіей, подводится у него, однако (вмѣстѣ съ исторіей культурной), подъ понятіе генетической исторіи, которую онъ называетъ еще «die entwickelnde Geschichte», разъ цѣлью историка является установленіе преемственной (причинной или эволюціонной) связи между явленіями исторіи [2]). Указываемъ на это, какъ на новый примѣръ произвольности въ употребленіи терминовъ: прагматизмъ, прагматическій. Опредѣливъ понятіе и сущность исторической науки, Бернгеймъ переходитъ къ методологіи, объявляя при этомъ, что одною изъ главныхъ задачъ историческаго метода является *установленіе связи между фактами* (die Erkenntniss des Zusammenhangs der betreffenden Thatsachen), и что связь эта въ исторіи имѣетъ особый характеръ сравнительно съ другими науками [3]). Свою методологію онъ даже такимъ образомъ и подраздѣляетъ, что одинъ ея отдѣлъ посвящается именно изслѣдованію значенія и связи фактовъ: это—то, что онъ называетъ «die Auffassung», которая у него слѣдуетъ за источниковѣдѣніемъ (die Heuristik) и критикой, сама же предшествуетъ «der Darstellung», т.-е. уже изображенію дознанной связи фактовъ [4]). Этотъ важный для насъ отдѣлъ занимаетъ въ книгѣ Бернгейма и довольно значительное мѣсто, около 120 страницъ [5]). Мы не имѣемъ, разумѣется, надобности входить здѣсь въ подробности содержанія отдѣла объ «Auffassung»: достаточно будетъ указать на то, что послѣднюю авторъ опредѣляетъ, какъ задачу «den Zusammenhang der Thatsachen zu erkennen», въ свою очередь распадающуюся на болѣе частныя задачи интерпретаціи (значенія источниковъ и ихъ свидѣтельствъ для связи фактовъ), комбинаціи, репродукціи, познанія общихъ условій и исторической философіи [6]). Болѣе внимательнаго расмотрѣнія заслуживаютъ только тѣ мѣста этой большой главы, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашему предмету, хотя, на нашъ взглядъ, несмотря на такое детальное изслѣдованіе, главный-то вопросъ здѣсь и обходится молчаніемъ, какъ будто-бы его вовсе и не существовало: до такой степени «историка» имъ мало всегда интересовалась! «Само

---

[1]) Ibid., 16. Demgemäsz liegt es im Charakter dieser Art der Geschichtsbetrachtung, die im Gange der Ereignisse hervortretenden Motive, Zwecke und Ziele in den Mittelpunkt zu stellen und dieselbe als Resultate bewuszter Absichten der Handelnden abzusehen, dieselben vorwiegend auf menschliche Wünschen und Leidenschaften, auf rein psychologische Momente zurückzuführen, 17. При этомъ есть опасность die persönlichen Triebfedern zu überschätzen, 18.

[2]) Ibid., 20 sq. [3]) Ibid., 101. [4]) Ibid., 151—152.

[5]) Ibid., 391—510. [6]) Ibid., 391.

собою разумѣется, говоритъ Бернгеймъ въ началѣ параграфа о комбинаціи, что *способъ и образъ соединенія историческихъ фактовъ между собою обусловливаютъ способъ и образъ ихъ методическаго соединенія*» [1]). Отославъ читателя къ двумъ дальнѣйшимъ параграфамъ, въ коихъ выясняется «die Natur des geschichtlichen Zusammenhangs, авторъ обратилъ все свое вниманіе на вопросъ о «духовной функціи, которою мы пользуемся» при комбинаціи фактовъ; это, какъ онъ опредѣляетъ, есть, кромѣ проницательности, особая, до сихъ поръ не вполнѣ выясненная способность, «даръ комбинаціи» (die Verknünpfungsgabe, по В. Гумбольдту), родственный фантазіи [2]). Безъ фантазіи, говоритъ Бернгеймъ въ другомъ мѣстѣ, невозможна и репродукція, посредствомъ которой мы, по его опредѣленію, представляемъ себѣ факты въ связи [3]). Вотъ съ какой, совершенно особенной, стороны разсматриваетъ авторъ новѣйшаго труда по «историкѣ» вопросъ о комбинаціи и репродукціи историческихъ фактовъ. Многія его замѣчанія, относящіяся къ отмѣченной сторонѣ дѣла, вѣрны и могли бы имѣть для насъ особую цѣну въ виду того указанія на психологическое творчество историковъ, которое нами будетъ сдѣлано въ своемъ мѣстѣ, но это нисколько не подвигаетъ насъ впередъ въ пониманіи самой причинной связи между историческими фактами. Столь же мало значенія собственно для этого главнаго нашего предмета имѣетъ и параграфъ, озаглавленный «Auffassung der allgemeinen Bedingungen» [4]), хотя именно въ немъ, равно какъ и въ слѣдующемъ, посвященномъ исторической философіи [5]), Бернгеймъ и обѣщалъ читателю выяснить сущность исторической связи [6]). Въ параграфѣ объ общихъ условіяхъ авторъ говоритъ о вліяніи на исторію такихъ факторовъ внѣшней природы, каковы климатъ, почва, общій видъ страны, распредѣленіе суши и водъ, атмосферическія явленія, флора и фауна, физическія свойства расы, или духовныхъ особенностей, и всего того, что мы обобщили подъ названіемъ надъ-органической среды [7]); все это, конечно, весьма важно и интересно, но не въ разсмотрѣніи этихъ вліяній должно заключаться изслѣдованіе самого существа той связи, которая наблюдается между отдѣльными историческими фактами, какъ причинами и слѣдствіями. Лишь кое-что изъ всего длиннаго параграфа могло бы быть нами отмѣчено, какъ имѣющее болѣе прямое отношеніе къ главному предмету настоящей главы нашего труда, хотя опять-таки непосредственно и не касающееся причинной связи историческихъ фактовъ самой по себѣ [8]). Къ сожалѣнію, и въ

---

[1]) Ibid., 428. [2]) Ibid., 429. [3]) Ibid., 437. [4]) Ibid., 442 sq.
[5]) Ibid., 466 sq. [6]) Ibid., 428.
[7]) О. В. Ф. И. II, 52 sq. (75 sq.).
[8]) Напр., Бернгеймъ резонно замѣчаетъ: Es geht uns wenig an, ob die Psychologie mehr auf physiologischer oder philosophischer Grundlage aufgebaut

параграфѣ о «Geschichtsphilosophie» Бернгеймъ не даетъ намъ ничего по интересующему насъ предмету. Онъ того мнѣнія, что вся историко-философская литература приводитъ къ двумъ вопросамъ, именно къ вопросамъ о сущности и о результатахъ историческаго процесса. «Wie kommt die geschichtliche Entwicklung zu Stande?»—такъ формулируетъ онъ первый изъ этихъ вопросовъ [1]) и прибавляетъ, что лишь слегка намѣтитъ (wir wollen... kurz skizzieren) частные вопросы, входящіе въ его составъ: одной страницы [2]) съ ссылками на предыдущій параграфъ оказалось достаточнымъ для Бернгейма, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, но именно и тутъ главные-то вопросы и не затронуты авторомъ сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ.

Обще всѣмъ «историкамъ» по вопросу о причинности въ исторіи то, что всѣ онѣ указываютъ на необходимость возстановленія причинной связи, существующей между историческими фактами въ дѣйствительности, и даютъ историческимъ писателямъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ (большею частью отрицательныхъ—чего избѣгать) относительно примѣненія общаго правила къ частнымъ случаямъ, болѣе же глубокаго и подробнаго изслѣдованія вопроса въ сочиненіяхъ этого рода мы не находимъ, тѣмъ болѣе, что нигдѣ онъ и не выдѣляется въ вопросъ вполнѣ самостоятельный и, такъ сказать, основной. Послѣднее мы можемъ повторить сбъ одной книгѣ, которая также мимоходомъ, если можно такъ выразиться, не разъ задѣла предметъ, насъ занимающій, но притомъ коснулась нѣкоторыхъ такихъ сторонъ, на которыя не обращали большого вниманія (вѣрнѣе даже, не обращали никакого вниманія) авторы «историкъ». Мы говоримъ здѣсь

---

wird und wie man das Seelenleben erklären mag, wenn man nur zugesteht, dass die psychischen Prozesse nicht mechanische Resultate äusserer Bedingungen, sondern spontane Rückwirkungen auf innerlich erfahrene Eindrücke äusserer Bedingungen sind und daher neben diesen Bedingungen als selbstständige Faktoren des menschlichen Thuns und Lassens gelten müssen. *Bernheim*, 447. Или вотъ еще мѣсто, относящееся къ психологическому творчеству: der weitaus häufigste und wichtigste Gebrauch, den der Historiker von den psychischen Bedingungen zu machen hat, betrifft die kombinatorische und reproduktive Ergänzung von Motiven der Handlungen, da diese selten mit genügender Vollständigkeit in der Ueberlieferung selbst gegeben zu sein pflegen. Ibid., 449. Важно и слѣдующее мѣсто. Und noch einen höchst wichtigen Dienst leistet uns die socialpsychologische Betrachtungsweise. Wir vermögen dadurch das psychische Verhältniss des Einzelnen zu den verschiedenen Gemeinschaften, innerhalb deren er steht, zu bestimmen, zu scheiden was von den Eigenschaften und Leistungen des Einzelnen eigenartig, was Gemeingut seiner Zeit und Umgebung, seiner ganzen Kultur ist, zu erkennen was der Einzelne seiner Zeit, was seine Zeit ihm verdankt. Ibid., 457. О послѣднемъ предметѣ Бернгеймъ говоритъ здѣсь только на двухъ страницахъ, замѣчая, что вопросъ объ отношеніи генія къ эпохѣ есть по существу своему вопросъ историософическій, стр. 459.

[1]) Ibid., 485. [2]) Ibid., 486.

объ отчасти уже знакомомъ намъ по главѣ IV сочиненіи Бурдо «Исторія и историки» [1]), заключающемъ въ себѣ критику историческихъ пріемовъ. Авторъ ея — принципіальный противникъ прагматической исторіи, а потому подвергаетъ критикѣ и тѣ пріемы, которые въ ходу у историковъ-прагматиковъ, между прочимъ, и примѣненіе ими идеи причинности къ событіямъ исторіи. Не разсматривая послѣдняго предмета самого по себѣ, Бурдо не разъ имѣлъ поводъ попутно его затрогивать. Прежде всего представлялся ему случай заговорить о причинности въ параграфѣ объ относительной важности прагматическихъ и культурныхъ фактовъ. Мы еще будемъ имѣть случай познакомиться подробнѣе съ высказанными здѣсь взглядами (именно въ связи съ вопросомъ о взаимодѣйствіи между прагматизмомъ и культурою) [2]); тутъ же мы остановимся лишь на одномъ обвиненіи, которое авторъ распространяетъ на всѣхъ вообще историковъ, по его мнѣнію, прямо высказывающихъ или молча признающихъ, что крупныя слѣдствія могутъ проистекать изъ мелкихъ причинъ. Бурдо приводитъ тутъ прежде всего изреченія Тита Ливія [3]) и Тацита [4]) и длинныя выписки изъ «Исторіи Франціи» Мезерэ, «Опытовъ» Монтаня и «Мыслей» Паскаля, въ коихъ выражается какъ разъ такая идея [5]), потомъ ссылается на Мишле, говорившаго, что «le règne de Louis XIV se partage en deux parts: avant la fistule, après la fistule», и что «François I varie deméme: avant l'abcès, après l'abcès» а также и на другихъ историковъ, утверждавшихъ, что реформація произведена была монахомъ, которому надоѣлъ целибатъ. «Чтобы опровергнуть эти парадоксы, говоритъ Бурдо, *нужно различать въ исторіи причины производящія и причины случайныя* (les causes efficientes et les causes occassionnelles). Поводъ (l'occasion) крупнаго слѣдствія можетъ быть мелкимъ; истинная его причина никогда не можетъ быть незначительной и, чтобы его объяснить, должна быть съ нимъ равносильной. Когда снѣгъ, накопившійся на склонѣ горы, готовъ сдвинуться внизъ, самое легкое сотрясеніе, скатившійся камень, нога прохожаго, сѣвшая птица, дуновеніе вѣтра, звукъ голоса, бываютъ въ состояніи произвести обвалъ; но то изъ обстоятельствъ (accidents), которое къ этому приводитъ, отнюдь не составляетъ причины обвала: оно есть только поводъ. Настоящая причина—тяжесть накопившагося снѣга и состояніе неустойчиваго равновѣсія, въ какомъ онъ находится. Естественная сила производитъ (ordonne) слѣдствіе, случайность (un hasard) его вызываетъ (détermine). Не будь послѣд-

---

[1]) *Bourdeau.* L'histoire et les historiens.

[2]) См. ниже въ концѣ настоящаго труда.

[3]) Ex parvis rebus saepe magnarum momenta pendent.

[4]) Non sine usu fuerit introspicere illa primo aspectu levia, ex quis magnarum saepe rerum monitus oriuntur.

[5]) *Bourdeau*, 134.

ней, какая-либо другая случайность черезъ нѣсколько времени имѣла бы тотъ же результатъ, а если бы не было ни одной такой случайности, масса скатилась бы сама собою въ силу единственно своего собственнаго вѣса. Великіе перевороты, продолжаетъ Бурдо, могли быть произведены самыми незначительными происшествіями, въ дѣйствительности же они всегда соотвѣтствуютъ крупнымъ интересамъ, которые такъ или иначе должны въ концѣ-концовъ восторжествовать. Настаивать на случайныхъ обстоятельствахъ (accidents de circonstance) значитъ ничего не видѣть [1])... Читая, говоритъ онъ еще нѣсколько далѣе, о сцѣпленіяхъ случайностей, безконечно тянущихся въ исторіяхъ, каждую минуту спрашиваешь себя съ авторами, что вышло бы, если бы не было такого-то происшествія (incident), или если бы оно совершилось нѣсколько иначе. Другія происшествія случились бы, вмѣсто нихъ, и тѣмъ *открыли бы новые пути для цѣлаго ряда частностей,* но отъ этого *совокупность общихъ результатовъ не перестала бы развиваться въ подобномъ же или весьма близкомъ направленіи.* Вообразите себѣ, что любого какого-нибудь событія не было, или что оно совершилось не такъ, какъ было въ дѣйствительности: никакой существенной перемѣны въ порядкѣ міра не произошло бы, если бы то, что вы вообразили, было бы дѣйствительностью. Среди другихъ событій господствующая надъ всѣмъ сила вещей не перестанетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ рѣка, которая, встрѣтивъ препятствіе, обходитъ или сноситъ его и продолжаетъ непреодолимо течь по своему склону» [2]). Общій выводъ тотъ, что «les causes et les effets d'ordre général doivent être étudiés de préférence aux épisodes et aux incident particuliers» [3]). Нельзя сказать, чтобы выводъ отличался новизной и особой плодотворностью. Поводъ вернуться къ вопросу объ исторической причинности Бурдо имѣлъ еще въ третьей «книгѣ» своего труда, трактующей о способахъ воспроизведенія фактовъ. Этихъ способовъ онъ признаетъ два: повѣствовательный и статистическій [4]), изъ коихъ первый авторомъ порицается, второй, наоборотъ, объявляется за истинный. Въ главѣ о повѣствовательномъ методѣ Бурдо могъ бы коснуться нашего вопроса на томъ простомъ основаніи, что «la méthode narrative» примѣнимѣе всего именно къ прагматическимъ фактамъ, которые связываются между собою, какъ причины и слѣдствія, но онъ совершенно обошелъ здѣсь этотъ предметъ, и содержаніе всей длинной главы [5]) о повѣствовательномъ методѣ сводится къ ряду доказательствъ яко-бы полной негодности этого метода вслѣдствіе примѣси субъективныхъ элементовъ и въ разсказахъ первоисточниковъ, и въ позднѣйшихъ обработкахъ.

---

[1]) Ibid., 135. [2]) Ibid., 136. [3]) Ibid., 140.
[4]) Ibid., 175. [5]) Ibid., 175—288.

Только въ четвертой «книгѣ» своего труда, посвященной «законамъ исторіи», онъ снова затрогиваетъ вопросъ о причинности. Примѣняя это понятіе только къ культурнымъ, а не прагматическимъ фактамъ исторіи [1]), Бурдо раздѣляетъ «спеціальные законы исторіи» на «законы порядка» («ce que la production des faits a de général dans l'étendue et de persistant dans la durée»), что открывается главнымъ образомъ статистикой [2]) и «законы отношенія», изъ коихъ послѣдніе и объясняютъ измѣненія фактовъ. «Всѣ науки, говоритъ онъ, стремятся къ открытію въ явленіяхъ того отношенія между причиною и слѣдствіемъ, которое подчиняетъ однѣ другимъ серіи сходныхъ фактовъ и позволяетъ разсматривать ихъ совокупность, какъ сцѣпленіе отношеній» (un enchainement de rapports). Возможность такого изслѣдованія онъ отрицаетъ по отношенію къ событіямъ (т.-е. прагматическимъ фактамъ), ограничивая его одною областью культуры (l'ordre des fonctions по его терминологіи), изучать которую онъ совѣтуетъ статистическимъ методомъ. «Событіе, поясняетъ онъ свою мысль, есть продуктъ множества вліяній, которыя скрещиваются, содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ одно другому и разрѣшаются въ безчисленныя комбинаціи слѣдствій [3]). Какимъ же образомъ въ этой безконечной путаницѣ происшествій разузнать, какія событія отъ какихъ зависятъ въ прямомъ или посредственномъ отношеніи причинности. Это представляетъ крайнее затрудненіе, и всѣ историки это понимали [4])... Случайные факты (les faits accidentels), продолжаетъ нашъ авторъ, не могутъ быть научно объяснены, такъ какъ нужно было бы знать всѣ вліянія, сошедшіяся для ихъ произведенія, и размѣрить съ точностью долю участія каждаго. Между тѣмъ, эти вліянія безчисленны и всегда плохо опредѣлимы. Историки признаются, что не слѣдуетъ пренебрегать и самыми мелкими вліяніями. Но въ какія бы подробности они ни пускались, они никогда не въ состояніи отмѣтить всѣ эти вліянія и еще менѣе—точно опредѣлить изъ значеніе. Масса обстоятельствъ отъ нихъ ускользаетъ, а между тѣми, которыя даетъ недостаточное само по себѣ разслѣдованіе, они дѣлаютъ случайный выборъ, притомъ весьма рѣдко соглашаясь между собою. Такимъ образомъ, заключаетъ Бурдо, они не обладаютъ всѣми данными проблемы, и въ то самое время, какъ для науки причина слѣдствія есть хорошо извѣстная совокупность причинъ, его вызывающихъ, въ исторіи *предполагаемая причина событія есть не что иное, какъ обстоятельство, принимаемое*

[1]) Ibid., 344. Ср. у насъ въ послѣднемъ отдѣлѣ этого труда то мѣсто, гдѣ приводится дѣленіе Бурдо историческихъ фактовъ на «событія» (прагматическіе факты) и «отправленія» (культурные).

[2]) *Bourdeau*, 345.

[3]) Ibid., 348.

[4]) Ibid., 349.

за главное сравнительно со многими другими, изъ коихъ большая часть остается неизвѣстной, а это оставляетъ все подъ сомнѣніемъ». Поэтому, думаетъ нашъ критикъ исторической науки, для случайныхъ происшествій, каковыми онъ считаетъ всѣ прагматическіе факты, можно устанавливать только гипотетическія отношенія: здѣсь «все подчинено безконечному числу обстоятельствъ, и стоитъ лишь не случиться одному изъ нихъ, какъ это повлекло бы за собой безпредѣльные ряды новыхъ слѣдствій. Паскаль утверждаетъ, что, будь у Клеопатры носъ короче, дѣла этого міра приняли бы другой оборотъ. Уступимъ ему, что эта причина вліяла на ходъ событій, и онъ вынужденъ будетъ признать, что безконечное множество подобныхъ причинъ содѣйствовало образованію современнаго состоянія міра и теперь еще стремится его измѣнить. Та, которую онъ обособляетъ, преувеличивая въ то же время ея значеніе ради цѣлей философской ироніи, могла оказать только безконечно малую долю вліянія на совокупность фактовъ. Гдѣ будетъ истинная причина? Въ суммѣ всѣхъ маленькихъ случайностей подобнаго рода, никому неизвѣстныхъ. А это значитъ все равно, что сказать, что *по отношенію къ причинамъ мы обречены въ жертву неизлѣчимому незнанію.* Событія, наполняющія наши исторіи, стоятъ въ нихъ рядомъ или слѣдуютъ одни за другими, не поддаваясь подведенію подъ законы, и имѣютъ видъ безсмысленнаго дѣла случая» [1]). Такимъ образомъ, чуть не единственный теоретикъ исторіи, довольно много все-таки распространявшійся о причинности въ прагматическомъ процессѣ, приходитъ къ совершенно отрицательному выводу, и въ той спеціальной литературѣ, къ которой нужно отнести книгу Бурдо, я не знаю ни одного труда, гдѣ можно было бы найти что-нибудь такое, что мы имѣли бы право противопоставить, какъ научное возраженіе парадоксамъ новаго французскаго историка.

Этимъ мы и кончимъ нашъ обзоръ разработки въ разныхъ научныхъ сферахъ вопроса о причинности. Читатель можетъ самъ убѣдиться, до какой степени постановка и рѣшеніе этого вопроса въ теоріяхъ исторической науки отстали отъ постановки и рѣшенія его въ иныхъ научныхъ областяхъ, несмотря на то, что одною изъ главныхъ задачъ историка давнымъ-давно сдѣлалось связываніе изучаемыхъ имъ фактовъ по принципу причинности. Съ другой стороны, читатель могъ самъ убѣдиться, что общефилософскія, логическія, психологическія и криминалистическія ученія о причинности, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, не могутъ дать для теоріи исторіи всего того, въ чемъ въ данномъ случаѣ она нуждалась бы: во-первыхъ, всѣ эти

[1]) Ibid., 350. Ср. доказательства въ пользу непредвидимости событій [Ibid., 413—428] въ отличіе отъ фактовъ культурныхъ, которые, наоборотъ, подлежатъ предвидѣнію (стр. 428—460).

ученія разсматриваютъ много частныхъ вопросовъ, для историка совершенно безразличныхъ, да и болѣе общимъ вопросамъ даютъ онѣ такую постановку, что иногда она бываетъ совершенно непримѣнима къ потребностямъ исторической науки; во-вторыхъ, въ этихъ ученіяхъ часто, и наоборотъ, совсѣмъ не обращается вниманія на такія стороны интересующаго насъ предмета, которыя какъ-разъ имѣютъ особенно важное значеніе для исторической науки. Приступая къ только-что оконченному обзору ученій о причинности, мы указали на то, что должно было бы отличать историческую теорію причинности отъ теорій чисто-философской, логической, психологической и криминалистической [1]); теперь, окончивъ этотъ обзоръ, мы могли бы, конечно, еще разъ отмѣтить и тѣ недостатки, которые были обнаружены нами въ разныхъ постановкахъ вопроса о причинности уже при самомъ ихъ обзорѣ, но мы ограничимся общею ссылкою на нѣкоторыя относящіяся сюда замѣчанія, сдѣланныя на послѣднихъ страницахъ [2]). Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, теорію исторической причинности предстоитъ еще создать. Предпринявъ пересмотръ этого вопроса въ настоящей главѣ, самъ я имѣлъ въ виду исключительно выясненіе роли личности въ прагматическомъ процессѣ, вслѣдствіе чего и не думалъ рѣшать вопросъ о причинности въ исторіи во всемъ его объемѣ [3]); какъ мы своевременно еще увидимъ, довольно значительное число выдержекъ изъ разныхъ сочиненій сдѣлано въ этой главѣ только въ виду указанной цѣли—выяснить роль личности въ прагматическомъ процессѣ на почвѣ ученія о причинной связи человѣческихъ дѣйствій [4]). Тѣмъ не менѣе мы не можемъ, однако, не коснуться здѣсь же вопроса о томъ, на что между прочимъ должна обратить вниманіе историко-философская теорія причинности, не можемъ потому именно, что та сторона дѣла, на которую мы сейчасъ укажемъ, имѣетъ отношеніе и къ главной нашей задачѣ — выясненію роли личности въ прагматическомъ процессѣ. Дѣло заключается вотъ въ чемъ. Уже было упомянуто, что, начиная съ Ѳукидида и Полибія, историческіе писатели всегда ставили себѣ задачу—находить причинную связь между описываемыми событіями, и что даже самый терминъ *прагматизмъ* сдѣлался какъ бы синонимомъ изслѣдованія причинной связи историческихъ фактовъ [5]); теперь къ этому можно прибавить, что никому однако, не приходило въ голову подвергнуть изслѣдованію всѣ тѣ пріемы, коими пользуются историческіе писатели, соединяя причинною связью изучаемые ими факты прошлаго. Ни авторы «историкъ», столь

[1]) См. выше, стр. 164—166.
[2]) См. выше, стр. 165—166, 173—175, 184 и др.
[3]) Ср. выше, стр. 163.
[4]) См. выше, стр. 141, 158 и 163.
[5]) См. выше, стр. 163.

мало интересовавшіеся теоретическимъ вопросомъ о причинности, ни составители обзоровъ исторической литературы не обращали ни малѣйшаго вниманія на этотъ предметъ. Причина такого явленія понятна. То, что обычно и потому на первый взглядъ очень просто, вообще никогда не подаетъ повода къ длиннымъ разсужденіямъ, а къ числу именно самыхъ элементарныхъ и наиболѣе привычныхъ пріемовъ историческаго мышленія принадлежитъ связываніе историческихъ событій и человѣческихъ дѣйствій, изъ коихъ эти событія складываются, какъ причинъ и слѣдствій. Между историками установился самъ собою нѣкоторый *tacitus consensus*, въ силу коего они и прибѣгаютъ къ извѣстнымъ, можно сказать, нигдѣ и никогда ясно не формулировавшимся пріемамъ, когда имъ приходится соединять въ одно цѣлое разрозненные факты науки: историческіе писатели понимаютъ другъ друга съ перваго слова, а потому никогда не поднимаютъ спора по поводу всѣхъ этихъ пріемовъ, не поднимаютъ спора, по крайней мѣрѣ, по существу, ибо если между ними и возникаютъ разногласія, имѣющія предметомъ историческую причинность, то касаются такія разногласія не методической, а реальной стороны дѣла, когда, наприм., различнымъ образомъ понимаются дѣйствительныя причины того или другого отдѣльнаго факта, той или другой категоріи явленій. Между тѣмъ было бы въ высшей степени интересно изучить съ методологической точки зрѣнія примѣненіе принципа причинной связи у разныхъ историковъ, особенно же у тѣхъ, труды которыхъ могутъ считаться образцами прагматическаго изображенія. Логика такъ называемыхъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, — къ числу коихъ относится и исторія, — вообще очень мало разработана, особенно же мало изучалась въ частности логика исторіи. Послѣдняя, на нашъ взглядъ, должна была бы начать не съ чего иного, какъ съ изслѣдованія историческаго мышленія и притомъ не столько у теоретиковъ, формулировавшихъ извѣстныя требованія научности, сколько у самихъ историческихъ писателей, примѣнявшихъ къ воспроизведенію прошлаго интересующіе насъ пріемы: пріемы эти развивались съ теченіемъ времени, мѣнялись и продолжаютъ мѣняться у отдѣльныхъ историковъ или въ цѣлыхъ направленіяхъ исторической науки, и ихъ детальный анализъ могъ бы дать весьма богатый матеріалъ для теоретика, занимающагося изслѣдованіемъ метода историческаго мышленія. Намѣчая эту новую для теоріи исторіи задачу, мы можемъ ограничиться здѣсь указаніемъ на одинъ общій характеръ тѣхъ пріемовъ, къ которымъ обращаются историки, когда соединяютъ описываемые факты, какъ причины и слѣдствія. Именно я позволилъ бы себѣ примѣнить къ данному случаю выраженіе «психологическое творчество», какъ характеризующее самую сущность этихъ пріемовъ или, говоря точнѣе, ихъ общей основы: разъ непосредственная причина поступка заключается

въ его мотивѣ [1]), а послѣдній въ большинствѣ случаевъ скрытъ отъ прямого наблюденія, историку волей-неволей приходится путемъ догадки обосновывать причину поступка [2]), и, такимъ образомъ, историкъ возсоздаетъ тотъ мотивъ, который могъ вызвать извѣстный поступокъ. Въ этомъ отношеніи работа историка напоминаетъ до извѣстной степени работу эпическаго поэта, драматурга или романиста, изображающаго человѣческія дѣйствія: если литературная критика ставитъ въ вину автору романа или драмы, когда у него поступки дѣйствующихъ лицъ не мотивированы (или даже только недостаточно мотивированы), то съ такимъ же упрекомъ можетъ обращаться научная критика къ авторамъ историческихъ сочиненій, когда они не доискиваются внутреннихъ пружинъ поведенія своихъ героевъ, ибо, подобно тому, какъ поэтъ долженъ творчески возсоздавать психическій процессъ, завершившійся тѣмъ или другимъ поступкомъ, и историку приходится, какъ мы только-что сказали, творчески же возсоздавать тѣ побужденія, которыя заставляли людей совершать извѣстныя дѣянія. «Мотивація есть причинность, видимая изнутри» [3]), но именно такая видимая изнутри причинность можетъ познаваться только путемъ своего рода психологическаго творчества, которое, конечно, принимаетъ весьма разнообразныя формы у отдѣльныхъ индивидуумовъ. Авторы старыхъ «историкъ» весьма любили сравнивать работу историковъ и поэтовъ [4]), при чемъ нерѣдко высказывали мысли, аналогичныя нашей, напирая, однако, главнымъ образомъ лишь на то обстоятельство, что историкъ менѣе свободенъ въ своемъ творчествѣ, нежели поэтъ, но никто изъ нихъ до такой степени рельефно не выставлялъ на видъ характеръ психологическаго творчества, отмѣчающій комбинированіе историческихъ фактовъ, какъ Бернгеймъ, который, что мы и видѣли [5]), прямо настаиваетъ на родствѣ «дара исторической комбинаціи» съ фантазіей. Этимъ, разумѣется, мы нисколько не думаемъ умалять достоинства исторической науки, такъ какъ воображеніе играетъ довольно видную роль и въ естествознаніи, справедливо гордящемся своею научностью: мы указываемъ лишь на то, что въ наукѣ, которой приходится изучать мотивацію данныхъ человѣческихъ дѣйствій, нѣтъ никакой возможности обойтись безъ психологическаго творчества, дабы, какъ выражается Тэнъ, за внѣшнимъ человѣкомъ открыть человѣка внутренняго. Въ этомъ только смыслѣ,—т.-е. не

---

[1]) Ср. выше, стр. 165—166.

[2]) Ср. слова Шопенгауера, приведенныя на стр. 173—174. См. также стр. 204, прим. 8.

[3]) См. выше, стр. 169—170.

[4]) Кое-что изъ этого указано было въ первомъ изданіи О. В. Ф. И. I, стр. 47, 54, 56 и др.

[5]) См. выше, стр. 204.

касаясь другихъ сторонъ исторической жизни, для объясненія коихъ мало одной психологіи,—мы готовы признать, что задача исторіи есть по существу своему задача психологическая. Къ такому результату сводятся въ сущности и многія изъ приведенныхъ нами разсужденій о причинности, разъ мы, напр., вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ отличаемъ моральную необходимость, царящую въ мірѣ исторіи [1]), отъ необходимостей другого рода или вмѣстѣ съ криминалистами будемъ выдвигать на первый планъ субъективный моментъ поступка [2]). Не иное что разумѣлъ и Тэнъ, когда сводилъ всю исторію къ одной психологической задачѣ, конечно, забывая при этомъ соціологическую сторону исторіи, что составляетъ уже недостатокъ его общаго опредѣленія исторіи. Въ своемъ извѣстномъ историческомъ обзорѣ англійской литературы Тэнъ вполнѣ вѣрно указалъ на то, что «изученіе литературъ совершенно преобразило исторію», такъ какъ «съ помощью литературныхъ памятниковъ можно воскресить мысленное и чувственное міровоззрѣніе» прежнихъ людей [3]). Для него «историческіе документы» суть поэтому «не болѣе, какъ указатели, при помощи которыхъ нужно возсоздать видимую личность» [4]), «человѣкъ же тѣлесный и видимый служитъ только указаніемъ, посредствомъ котораго должно изучать человѣка невидимаго и внутренняго» [5]). «Наблюдая глазами за видимымъ человѣкомъ, спрашиваетъ онъ, что вы ищете въ немъ? Человѣка невидимаго. Слова, которыя достигаютъ до вашего слуха, тѣлодвиженія, покачиванія головой, одежда, поступки и видимыя произведенія всякаго рода *служатъ для васъ выраженіемъ чего-то другого, скрытаго—именно души*. Подъ внѣшнимъ человѣкомъ сказывается внутренній человѣкъ, и первый служитъ объясненіемъ второго». Поэтому «всѣ внѣшнія проявленія» человѣка Тэнъ сравниваетъ съ «дорогами, сходящимися къ одному центру: вы идете по нимъ, чтобы достигнуть этого центра и найти настоящаго человѣка, т.-е. *группу способностей и чувствъ, которая производитъ все остальное*». Когда, по словамъ знаменитаго критика, историкъ обладаетъ достаточнымъ образованіемъ, онъ способенъ бываетъ «подмѣтить подъ каждымъ архитектурнымъ украшеніемъ, въ каждой чертѣ картины, фразѣ литературнаго произведенія то особенное *настроеніе духа, которое породило украшеніе, черту, фразу;* онъ присутствуетъ *при внутренней драмѣ, совершившейся въ художникѣ или писателѣ*... Въ то время, когда глаза слѣдятъ за текстомъ, душа его и умъ *слѣдуютъ за постепеннымъ развитіемъ и смѣняющимся рядомъ душевныхъ*

---

[1]) См. выше, стр. 168—169.

[2]) См. выше, стр. 195.

[3]) Цитирую по русскому переводу, изданному подъ заглавіемъ: «Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи». Спб. 1871. Т. I, стр. 1.

[4]) Ibid., I, 2. [5]) Ibid., I, 5.

ощущеній и понятій, давшихъ начало тексту: это, прибавляетъ Тэнъ, — *психологическое изслѣдованіе*» [1]). Эти вполнѣ, повторяемъ, вѣрныя соображенія Тэнъ иллюстрируетъ примѣрами. Указывая на Карлейлева Кромвелля, онъ говоритъ слѣдующее: читатель этого произведенія «увидитъ, съ какою точностью, вѣрностью, глубиной можно *раскрыть душу изъ поступковъ и дѣяній;* какъ подъ оболочкой стараго генерала, вмѣсто обыденнаго и лицемѣрнаго честолюбца, вы встрѣчаете человѣка, котораго волнуютъ неясныя черты меланхолическаго воображенія, но вмѣстѣ положительнаго по инстинкту и способности, англичанина до конца ногтей... Читатель увидитъ, какъ съ помощью какой-нибудь сотни разрозненныхъ писемъ и десятковъ двухъ неполныхъ рѣчей можно прослѣдить его отъ фермы до генеральской палатки и протекторскаго престола, въ его превращеніяхъ и развитіи, въ безпокойствѣ его совѣсти и въ рѣшеніяхъ государственнаго человѣка, и прослѣдить до такой степени, что *механизмъ его мыслей и поступковъ* становится яснымъ, что *безпрерывная и измѣнчивая внутренняя драма, тревожившая эту великую и темную душу, проникаетъ, какъ драма Шекспира, въ душу зрителя*» [2]). Но, спросимъ мы, что такое это такъ настоятельно рекомендуемое Тэномъ изученіе внутренняго человѣка, какъ не изученіе его характера, который играетъ весьма важную роль въ прагматической причинности? Къ числу пріемовъ, къ коимъ прибѣгаютъ историческіе писатели для объясненія изображаемыхъ ими событій, принадлежатъ именно и характеристики отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этихъ событіяхъ. Дѣло въ томъ, что почти всегда недостаточно еще бываетъ указать на мотивъ поступка и на внѣшнія вліянія, вызвавшія самый мотивъ: является, кромѣ того, и положительная необходимость объяснить, почему данный мотивъ могъ возникнуть у даннаго лица и оказать вліяніе на его волю, или почему лицо это, подчиняясь въ отдѣльныхъ своихъ дѣйствіяхъ мотивамъ извѣстнаго рода, дѣйствовало вообще въ опредѣленномъ направленіи, тѣмъ самымъ вліяя извѣстнымъ образомъ на ходъ исторіи [3]). Научное значеніе историческихъ характеристикъ, которыя сами могутъ быть продуктомъ только психологическаго творчества, въ томъ, между прочимъ, и заключается, что, благодаря имъ, мы яснѣе понимаемъ, какимъ образомъ извѣстные мотивы у людей съ опредѣленными свойствами становятся причинами тѣхъ или другихъ поступковъ. «Никакая причина въ мірѣ, говоритъ Шопенгауеръ, не производитъ своего дѣйствія вполнѣ сама собою. Напротивъ, всякій разъ существуетъ нѣчто, на что она дѣйствуетъ. Она лишь причи-

---

[1]) Ibid., I, 6. [2]) Ibid., I, 7—8.

[3]) Мы уже опредѣляли задачу прагматической исторіи, какъ задачу связывать причинною связью событія, принимая въ расчетъ характеры дѣйствующихъ лицъ. См. выше, стр. 3.

няетъ измѣненіе въ это время, на этомъ мѣстѣ и въ этомъ опредѣленномъ существѣ. Измѣненіе это всегда сообразно съ природою даннаго существа, и такимъ образомъ сила для него должна была уже заключаться въ самомъ существѣ. Слѣдовательно, *всякое дѣйствіе слагается изъ двухъ факторовъ, одного внутренняго и одного внѣшняго*, именно изъ первоначальной силы, присущей тому, на что дѣйствуютъ,— и опредѣляющей причины, которая понуждаетъ ту силу здѣсь обнаружиться» [1]). Это совершенно вѣрное разсужденіе Шопенгауеръ примѣняетъ и къ мотиваціи, въ данномъ случаѣ видя упомянутую силу въ волѣ [2]), чтобы сдѣлать нѣкоторые выводы, которые могутъ имѣть важное значеніе для исторіи исторической причинности. Только подъ тѣмъ условіемъ, продолжаетъ онъ, что таковая воля существуетъ и, въ отдѣльномъ случаѣ, что она имѣетъ опредѣленныя свойства,—дѣйствуютъ направленныя на нее причины, называемыя здѣсь мотивами. *Эти спеціально и индивидуально опредѣленныя свойства воли, въ силу которыхъ ея реакція на одни и тѣ же мотивы у каждаго человѣка иная, и составляютъ то, что называется его характеромъ*, и именно эмпирическимъ характеромъ, такъ какъ онъ дѣлается извѣстенъ не a priori, а только по опыту. Имъ прежде всего опредѣляется *образъ дѣйствія разнородныхъ мотивовъ на характеръ даннаго человѣка.* Онъ точно такъ же лежитъ въ основѣ всѣхъ дѣйствій, вызываемыхъ мотивами, какъ всеобщія силы природы — въ основѣ дѣйствій, вызываемыхъ причинами въ тѣсномъ смыслѣ, и жизненная сила—въ основѣ дѣйствія раздраженія» [3]). Не воспроизводя здѣсь всего ученія Шопенгауера о характерѣ, тѣмъ болѣе, что въ немъ много еще подлежащаго спору, отмѣтимъ только первый, по Шопенгауеру, признакъ характера, именно его индивидуальность, т.-е., то, что особенно можетъ пригодиться при опредѣленіи роли личности въ исторіи. «У каждаго человѣка онъ другой, читаемъ мы далѣе, хотя въ основѣ у всѣхъ лежитъ характеръ рода, почему главныя свойства повторяются въ каждомъ. Но, однако же, здѣсь господствуетъ *такая значительная разница градацій, такое разнообразіе видоизмѣненій и сочетаній свойствъ между собою,* что можно принять, что нравственное различіе характеровъ не уступаетъ различію умственныхъ способностей— чѣмъ много сказано,—и оба эти различія несравненно значительнѣе тѣлеснаго различія между великаномъ и карликомъ, между Аполлономъ и Терситомъ. Поэтому *дѣйствія одного и того же мотива на различныхъ людей совершенно различны;* все равно какъ солнечный свѣтъ окрашиваетъ воскъ въ бѣлый цвѣтъ, а хлористое серебро—въ черный, или теплота воскъ размягчаетъ, а глину уплотняетъ. Такимъ

---

[1]) *Шопенгауеръ* О свободѣ воли, 67—68.
[2]) Ibid., 69. [3]) Ibid., 69—70.

образомъ, *изъ знанія одного мотива нельзя предсказать дѣянія; для этого также нужно еще точно знать характеръ»* [1]). Отсюда понятенъ и выводъ, дѣлаемый Шопенгауеромъ, тотъ именно выводъ, что каждое дѣйствіе человѣка производится его характеромъ и наступившимъ мотивомъ. «Необходимость, говоритъ онъ, съ какою дѣйствуютъ мотивы, какъ и всѣ причины вообще, не такая, которая бы ничѣмъ не предполагалась и не обусловливалась. Основа и почва, на которой она стоитъ, есть прирожденный индивидуальный характеръ. Какъ въ неоживленной природѣ всякое дѣйствіе есть необходимое произведеніе двухъ факторовъ, именно проявляющейся въ дѣйствіи общей силы природы и вызывающей это проявленіе отдѣльной причины, точно также и *каждое дѣяніе человѣка есть необходимое произведеніе его характера и наступившаго мотива.* Разъ оба эти фактора даны, дѣяніе слѣдуетъ неизбѣжно. Чтобы послѣдовало иное дѣяніе, надлежало бы дать или иной мотивъ, или другой характеръ. Можно бы съ точностью предсказать всякое дѣяніе, если бы, съ одной стороны, не было очень трудно понимать характеръ, а съ другой, если бы мотивы не были зачастую сокровенны и не подвергались постоянно противодѣйствію другихъ мотивовъ, лежащихъ единственно въ недоступной для другихъ сферѣ мыслей человѣка. *Прирожденнымъ характеромъ человѣка въ существенномъ уже опредѣлены вообще цѣли, къ которымъ онъ неуклонно стремится;* употребляемыя имъ для этого средства опредѣляются отчасти внѣшними обстоятельствами, отчасти его пониманіемъ этихъ послѣднихъ, правильность котораго опять-таки зависитъ отъ силы и степени образованія его ума. *Конечнымъ результатомъ всего этого являются его отдѣльныя дѣянія, а слѣдовательно, и вся роль, которую предстоитъ ему играть на свѣтѣ»* [2]). Въ другомъ мѣстѣ Шопенгауеръ прибавляетъ къ сказанному еще слѣдующее: «каждый поступокъ человѣка есть произведеніе двухъ факторовъ, его характера и мотива. Это отнюдь не значитъ, что онъ есть нѣчто среднее, какъ бы компромиссъ между мотивомъ и характеромъ; но онъ вполнѣ удовлетворяетъ обоимъ, основываясь всею своею возможностью сразу на обоихъ, именно на томъ, что дѣйствующій мотивъ палъ на этотъ характеръ и этотъ характеръ опредѣляемъ такимъ мотивомъ» [3]). Теорія исторической причинности не могла бы быть вполнѣ законченной, если бы въ ней не было обращено вниманія на только-что указанную сторону вопроса, тѣмъ более, что вниманіе изслѣдователя прагматическаго процесса, отвлеченно-

---

[1]) Ibid., 71. [2]) Ibid., 82—83.

[3]) Ibid., 98. Въ настоящее время нерѣдко совершенно не принимается въ расчетъ существованіе прирожденныхъ характеровъ: человѣкъ является цѣликомъ продуктомъ своей соціальной среды. Ср. разсужденіе Гумпловича, приведенное на стр. 150—151.

взятаго, привлекается къ индивидуальнымъ характерамъ, какъ важнымъ факторамъ этого процесса, не только теоретическими соображеніями въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ въ приведенныхъ словахъ Шопенгауера, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что и историческіе писатели издавна прибѣгаютъ (кто какъ умѣетъ) къ характеристикамъ дѣйствующихъ въ событіяхъ лицъ, ища въ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ этихъ лицъ общаго объясненія ихъ поведенія. Можно даже сказать безъ преувеличенія, что ученіе о характерахъ должно было бы составить одинъ изъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ теоріи исторической причинности: такъ какъ поступки людей опредѣляются ихъ характеромъ и мотивомъ, и такъ какъ характеръ представляетъ изъ себя факторъ, болѣе или менѣе постоянный, то мы имѣемъ полное право разсматривать поступки одного и того же человѣка или вообще то, что мы называемъ его поведеніемъ, какъ нѣкоторую однородную, хотя и сложную величину въ той совокупности человѣческихъ дѣйствій, которая въ каждую данную минуту является для насъ совокупностью причинъ послѣдующихъ дѣйствій. Другими словами, для исторической теоріи причинности важно знать не только то, какъ возникъ отдѣльный поступокъ этого или того лица, вошедшій въ качествѣ особаго звена въ прагматическую цѣпь причинъ и слѣдствій, но и то, какъ сложилось все поведеніе даннаго человѣка, поскольку оно тоже играло роль въ порожденіи новыхъ прагматическихъ фактовъ. Отдѣльные поступки представляютъ изъ себя элементы историческихъ событій, т.-е. нѣсколько человѣческихъ дѣйствій должно суммироваться для того, чтобы въ результатѣ получилось нѣчто, заслуживающее названіе событія [1]). Поступки разныхъ лицъ, суммирующіеся такимъ образомъ въ историческихъ событіяхъ, входятъ помимо этого и въ составъ другихъ суммъ, именно и въ составъ суммъ поступковъ однихъ и тѣхъ же лицъ, или ихъ поведенія, т.-е. дѣйствія одного и того же человѣка находятся въ извѣстной внутренней связи между собою, и его поведеніе (формула коего выражается его характеристикой), какъ нѣчто внутренне единое, поскольку мы наблюдаемъ въ немъ нѣкоторую послѣдовательность,—играетъ роль, такъ сказать, обособленнаго фактора въ прагматическомъ процессѣ исторіи. Чѣмъ крупнѣе событіе, тѣмъ въ большей степени является оно результатомъ не отдѣльныхъ, случайныхъ поступковъ людей, а всего ихъ поведенія, тѣмъ значительнѣе изъ двухъ, такъ сказать, множителей — характера и мотива, произведеніе коихъ порождаетъ дѣйствіе, возрастаетъ значеніе перваго множителя. Въ особенности не отдѣльные поступки, а все поведеніе людей участвуетъ въ созданіи тѣхъ прагматическихъ фактовъ, которые въ отличіе отъ историческихъ событій носятъ названіе

---

[1]) Ср. выше, стр. 14.

историческихъ движеній: подобно тому какъ первыя, будучи своего рода дѣйствіями совершеннаго вида (какъ бываютъ глаголы вида совершеннаго), складываются изъ отдѣльныхъ, законченныхъ поступковъ, такъ и историческія движенія, имѣющія характеръ дѣйствій вида несовершеннаго, складываются изъ отдѣльныхъ длящихся поведеній. Прагматическому историку приходится гораздо больше обращать вниманія на движенія, чѣмъ на событія, поскольку послѣднія сами бываютъ часто лишь поворотными и кульминаціонными пунктами, конечными результатами первыхъ: каждое крупное событіе всегда стоитъ въ связи съ извѣстнымъ движеніемъ, или имъ подготовляясь, или будучи однимъ изъ его симптомовъ [1]), а потому и отдѣльные поступки отдѣльныхъ лицъ, суммирующіеся въ событія, находятся въ той или иной связи и съ предыдущимъ поведеніемъ этихъ лицъ, т.-е. со всей совокупностью прежнихъ поступковъ, въ которой и выражается характеръ человѣка [2]).

Итакъ, обычные историкамъ пріемы заключаются въ творческомъ воспроизведеніи: 1) мотивовъ отдѣльныхъ поступковъ и 2) характеровъ, лежащихъ въ основѣ цѣлаго поведенія отдѣльныхъ лицъ. Эти пріемы выработались безъ помощи какой бы то ни было теоріи, путемъ своего рода исторической практики, въ свою очередь, имѣющей корень въ обыденномъ обсужденіи нами человѣческихъ дѣйствій и свойствъ, но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы указанные пріемы не могли быть предметомъ теоретическаго изученія. Если бы даже такое изученіе и не было въ состояніи дать въ результатѣ какія-либо твердыя правила, которыми стали бы руководиться историки, оно все-таки принесло бы пользу чистой теоріи историческаго процесса, самой по себѣ представляющей большой интересъ. Изъ краткаго обзора постановки вопроса о причинности въ такъ называемыхъ «историкахъ», который мы сдѣлали выше, читатель могъ самъ убѣдиться въ томъ, что теорія исторіи въ современномъ ея со-

---

[1]) См. объ этомъ ниже, въ заключеніи.

[2]) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести одно мѣсто изъ книжки *Тэна* о Титѣ Ливіи. «Ученый, говоритъ онъ, наблюдаетъ, какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и въ народахъ характеръ, потому что *характеръ есть истинная причина частныхъ и общественныхъ поступковъ*. Для этого онъ подмѣчаетъ самобытныя страсти, потому что его призваніе открывать новыя истины, а чувства, свойственныя всѣмъ, общеизвѣстны; онъ связываетъ ихъ въ одно цѣлое какою-нибудь преобладающею наклонностью, потому что его дѣло сгруппировать и связать факты. Величайшій же талантъ поэта заключается въ пластичномъ изображеніи характеровъ, потому что безъ этого дѣйствующія лица—наряженныя куклы, а не люди». См. рус. перев. (М. 1885), стр. 211. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать на книжку Тэна о Титѣ Ливіи, какъ на образецъ того, въ какомъ родѣ желательно было бы изслѣдовать пріемы выдающихся историковъ. Съ собственными взглядами знаменитаго французскаго критика, историка и психолога намъ еще придется встрѣтиться.

стояніи не можетъ дать намъ ничего положительнаго, какъ по вопросу объ исторической причинности, такъ и по вопросу о тѣхъ пріемахъ, которыми пользуются историки, когда устанавливаютъ причинныя связи между изучаемыми фактами.

Какіе же общіе выводы можемъ мы сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ нами чужихъ соображеній и собственныхъ замѣчаній о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ, не упуская изъ виду главной задачи настоящаго труда—выяснить роль личности въ историческомъ процессѣ? Припомнимъ прежде всего, что самый вопросъ о причинности въ исторіи былъ поставленъ нами въ зависимости отъ вопроса о томъ, какимъ образомъ поступки однихъ людей бываютъ причинами поступковъ, совершаемыхъ другими людьми,—вопроса, на почвѣ котораго, по нашему мнѣнію, только и можетъ разрѣшиться старый споръ о «герояхъ» и толпѣ въ исторіи [1]). Съ этого вопроса мы теперь и начнемъ, чтобы перейти потомъ къ установленію нѣкоторыхъ общихъ положеній, касающихся мѣста, занимаемаго въ исторіи личнымъ началомъ при существованіи какъ причинности вообще, такъ въ частности и законовъ, господствующихъ въ духовной и общественной жизни человѣка, ибо это только и позволитъ намъ приблизиться къ сколько-нибудь вѣрному рѣшенію вопроса о роли личности въ прагматическомъ процессѣ [2]).

То вліяніе одного человѣка на другого, о которомъ мы будемъ здѣсь теперь говорить, есть исключительно вліяніе прагматическое и притомъ болѣе или менѣе непосредственное. Мы называемъ это вліяніе прагматическимъ не только въ томъ смыслѣ, что имъ порождаются дѣянія, но и въ томъ, что и само оно порождается въ свою очередь дѣяніями же. Вліяніе вліянію рознь: и въ наслѣдственности физическихъ и психическихъ свойствъ мы имѣемъ случай вліянія (родителей на дѣтей); и въ воспитаніи, какое человѣкъ получаетъ въ семьѣ, въ школѣ, въ обществѣ, заключаются тоже извѣстнаго рода вліянія однихъ людей на другихъ; и тѣ черты національнаго характера, которыя насъ отличаютъ отъ чужеземцевъ, суть результаты вліянія на насъ данной культурной обстановки, дѣйствующаго на насъ опять-таки чрезъ отдѣльныхъ людей,—но во всѣхъ этихъ случаяхъ результатомъ вліянія бываетъ не отдѣльный поступокъ или не рядъ поступковъ, а какая-либо черта характера или весь характеръ, какая-либо мысль, склонность, привычка или весь образъ мыслей, весь складъ привычекъ. Есть вліянія органическія (наслѣдственность), есть вліянія культурныя

---

[1]) См. выше, стр. 139—140.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ главы II (стр. 47) нами было уже замѣчено, что въ основу общаго опредѣленія роли личности въ исторіи должно лечь изслѣдованіе дѣйствія однихъ людей на другихъ.

(воспитаніе, обученіе, традиція и т. п.) [1]), и есть особаго рода вліянія прагматическія, сущность коихъ въ томъ и состоитъ, что дѣйствіе ихъ сводится къ вызову поступкомъ одного человѣка поступка другого человѣка. Разбирая взгляды Бурдо о роли «знаменитостей» въ исторіи мы отмѣтили [2]) такую мысль этого автора: во всемъ томъ, что только мы ни дѣлаемъ, мы должны раздѣлять свою отвѣтственность со многими другими, ибо поступокъ человѣка не составляетъ его исключительной собственности, такъ какъ въ его поведеніи участвуютъ съ нимъ многіе другіе или даже «всѣ». Утверждая это, Бурдо, какъ мы видѣли, не устанавливаетъ существеннаго различія среди этихъ «всѣхъ», напр., между предками человѣка, отъ которыхъ онъ унаслѣдовалъ тѣ или другія свойства, и воспитателями, передавшими ему извѣстные взгляды, а также и окружающими его людьми, такъ или иначе на него вліявшими, которые въ свою очередь не отдѣляются у Бурдо отъ сотрудниковъ (подстрекателей, пособниковъ и сообщниковъ) въ болѣе широкомъ или болѣе тѣсномъ смыслѣ слова [3]). Такое, позволимъ себѣ такъ выразиться, сваливаніе въ одну кучу разныхъ вліяній однихъ лицъ на другихъ или разныхъ соотвѣтствующихъ имъ зависимостей безъ анализа ихъ видовъ, степеней и формъ [4]) въ цѣляхъ теоріи, стремящейся переносить отвѣтственность за все съ одного на «всѣхъ», съ единицы на общество въ цѣломъ рядѣ его поколѣній, мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей [5]) Разъ, однако, мы считаемъ нужнымъ обратиться къ анализу этихъ вліяній, мы должны, наприм., отличать вліяніе наслѣдственности, которою человѣку передаются тѣ или другія свойства его родичей, отъ вліянія подстрекательства, подвигающаго человѣка на совершеніе какого-либо опредѣленнаго поступка, или вліяніе воспитателей, коимъ человѣкъ обязанъ своими взглядами, отъ вліянія, оказываемаго на его поведеніе непріятными или вредными для него поступками его врага, который, по Бурдо, тоже вѣдь долженъ быть включенъ въ составъ tout le monde. Изъ разныхъ случаевъ вліянія однихъ людей на другихъ мы и выдѣляемъ теперь одну категорію, именно разрядъ вліяній прагматическихъ, и только ее подвергаемъ здѣсь разсмотрѣнію, такъ какъ къ ней-то и относятся спе-

---

[1]) О культурномъ вліяніи говорится особо во второй части.

[2]) См. выше, стр. 99—100 и особенно 103.

[3]) Dans ce que nous accomplissons de bien ou de mal, nous avons des collaborateurs sans nombre, instigateurs, auxiliaires ou complices, qui doivent entrer en partage de nos mérites et de nos fautes. Les hommes sont ce que l'hérédité, l'éducation, je milieu et les circonstances les font. *Bourdeau*, 68. Ср. и дальнѣйшія страницы, изъ коихъ явствуетъ, что авторъ не видитъ разницы въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя перечисляетъ.

[4]) См. выше, стр. 103—104.

[5]) Сравни выше стр. 57, гдѣ приведены слова Спенсера, которыя можно поставить въ параллель съ заявленіемъ Бурдо.

ціально насъ пока интересующіе факты исторіи: остальныя категоріи подобныхъ случаевъ или совсѣмъ не интересны для историка, или выходятъ за предѣлы его научной компетенціи (напр., наслѣдственность), или же могутъ интересовать его только по отношенію къ теоріи культурной исторіи. Тотъ же анализъ приводитъ насъ къ различенію и степеней вліянія (или зависимости), которыя могутъ быть весьма неодинаковы, что имѣетъ важное значеніе при объясненіи неравенства человѣческихъ дѣйствій, какъ звеньевъ прагматическаго процесса [1]). Наконецъ, и самая форма вліянія любой категоріи бываетъ весьма различна: оно можетъ быть непосредственное или посредственное, при чемъ въ свою очередь послѣднее можетъ нуждаться для болѣе или менѣе полнаго и дѣйствительнаго проявленія [2]) въ неодинаковомъ числѣ посредствующихъ звеньевъ, опять-таки играющихъ весьма неодинаковую роль при передачѣ вліянія. Выше [3]) мы еще прибавили, что, собираясь говорить здѣсь исключительно о вліяніи прагматическомъ, мы будемъ имѣть въ виду вліяніе болѣе или менѣе непосредственное. Выражаясь такимъ образомъ, мы заранѣе исключали изъ своего разсмотрѣнія такіе случаи, когда между поступкомъ, вызвавшимъ въ конечномъ результатѣ другой поступокъ, помѣщается, въ качествѣ посредствующихъ звеньевъ, цѣлая цѣпь другихъ поступковъ, которые, будучи всѣ слѣдствіями перваго и причинами второго, равно какъ причинами и слѣдствіями послѣдовательно одни другихъ, въ то же самое время имѣютъ каждый свои, постороннія этой каузальной цѣпи, причины и слѣдствія. Другими словами, подъ болѣе или менѣе непосредственными, какъ мы выражаемся, прагматическими вліяніями слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ случаи дѣйствія человѣка на человѣка, когда поступокъ одного составляетъ одну изъ ближайшихъ причинъ поступка другого даже въ томъ случаѣ, если бы между обоими поступками не было непосредственной связи въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Напр., мы отнесемъ сюда исполненіе солдатомъ приказанія высшаго военнаго начальника, хотя бы между первымъ дѣйствіемъ (отданіемъ приказа) и вторымъ (его исполненіемъ) помѣстился цѣлый рядъ другихъ дѣйствій (послѣдовательныхъ передачъ приказа), все назначеніе которыхъ, впрочемъ, только въ томъ бы и заключалось, чтобы быть проводниками вліянія. Конечно, этотъ случай никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ такими, когда между дѣйствіемъ и однимъ изъ его послѣдствій помѣщается рядъ поступковъ съ самостоятельнымъ значеніемъ: въ послѣднихъ случаяхъ, изслѣдуя причины человѣческихъ дѣйствій, можно было бы, безъ преувеличенія говоря, уйти въ безконечность и разсуждать о зависимости нашего поведенія

[1]) См. слѣдующую главу.

[2]) Ср. вышеприведенныя слова проф. Троицкаго (стр. 190—191).

[3]) Стр. 219.

отъ «всѣхъ» людей вообще или отъ общества вообще со всѣмъ его прошлымъ, т.-е., какъ мы уже сказали, сваливая всѣ вліянія въ одну кучу. Общія разсужденія о роли личности въ исторіи, какъ читатель не разъ имѣлъ случай видѣть, повинны какъ разъ въ томъ, что ставятъ поведеніе отдѣльной личности въ зависимость не отъ частныхъ, хотя зато весьма опредѣленныхъ вліяній, которымъ она подвергается, притомъ еще въ весьма различныхъ степеняхъ и формахъ, а отъ вліяній общихъ и весьма неопредѣленныхъ въ силу того, что въ качествѣ вліяющихъ факторовъ являются цѣлое общество, tout le monde, предыдущія поколѣнія, всѣ современники и т. п., какъ будто каждый изъ насъ находится подъ совершенно одинаковымъ вліяніемъ «всѣхъ» и какъ будто вмѣстѣ съ тѣмъ въ «обществѣ» нѣтъ никакихъ противоположностей, которыя, конечно, и вліять должны на отдѣльныя единицы въ направленіяхъ совершенно различныхъ. Если, однако, такого упрека заслуживаютъ разсужденія, выдвигающія на первый планъ вліяніе «всѣхъ» на одного или пассивную сторону вліянія, т.-е. зависимость лица отъ другихъ, то вполнѣ аналогичный упрекъ можно съ бóльшимъ правомъ сдѣлать и тѣмъ авторамъ, которые, наоборотъ, выставляютъ на видъ независимость отдѣльнаго лица отъ другихъ, а только его на нихъ вліяніе: и они очень часто говорятъ слишкомъ вообще о вліяніи историческаго дѣятеля на общество, на современниковъ, на потомство, не различая ни степеней, ни формъ вліянія и не упоминая о тѣхъ общественныхъ различіяхъ и противоположностяхъ, благодаря коимъ одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ имѣть одинаковаго значенія для «всѣхъ».

На такихъ слишкомъ общихъ результатахъ не можетъ оканчиваться анализъ явленія, играющаго столь важную роль въ прагматическомъ процессѣ исторіи; онъ и еще долженъ быть продолженъ, потому что и сами случаи прагматическаго, болѣе или менѣе непосредственнаго вліянія однѣхъ личностей на другія, образуя особую категорію соціальныхъ явленій, представляютъ изъ себя крайнее разнообразіе. Вовсе не предполагая исчерпать весь вопросъ,—особенно посредствомъ «перечисленія до конца», какъ не могущаго замѣнить «углубленія» въ предметъ,—мы позволимъ себѣ только намѣтить здѣсь теперь еще нѣкоторыя подробности дѣла, все-таки еще настолько общія, что имъ нельзя было бы отказать въ важномъ значеніи для отвлеченной теоріи исторической причинности.

Въ самомъ дѣлѣ, случаи такого вліянія одного человѣка на другого, въ силу котораго это или то дѣйствіе одного замѣтнымъ образомъ вызываетъ такое или иное дѣйствіе другого, сами могли бы быть классифицированы на основаніи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ принциповъ. Вліяніе, насъ интересующее, можетъ быть постояннымъ и случайнымъ; можетъ зависѣть или отъ психическихъ, или отъ со-

ціальныхъ средствъ, коими располагаетъ одно лицо по отношенію къ другому; можетъ разсматриваться, какъ преднамѣренное со стороны лица, своимъ поступкомъ вызывающаго извѣстный поступокъ другого лица, или какъ проявляющееся помимо всякаго намѣренія съ чьей-либо стороны; можетъ, наконецъ, осуществляться весьма различными способами и въ весьма различныхъ видоизмѣненіяхъ. Примѣръ, положимъ, постояннаго вліянія мы имѣемъ въ случаѣ многократнаго исполненія подчиненнымъ приказаній, даваемыхъ ему тѣмъ, кто имѣетъ право ему приказывать, тогда какъ подъ случайнымъ вліяніемъ дѣйствуетъ тотъ, кто, напр., совершитъ какой-либо поступокъ въ силу просьбы, обращенной къ нему какимъ-нибудь совсѣмъ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, который расположитъ его такъ или иначе въ свою пользу. (Соотвѣтственно этому чужое вліяніе можетъ распространяться на все наше поведеніе, на цѣлый рядъ нашихъ поступковъ или проявиться лишь въ одномъ какомъ-либо нашемъ дѣйствіи). Въ этихъ же двухъ примѣрахъ мы имѣемъ случаи дѣйствія соціальными и психическими средствами, о коихъ рѣчь будетъ идти впереди: приказаніе начальника исполняется подчиненнымъ въ силу опредѣленнаго соціальнаго отношенія, существующаго между ними, именно отношенія, дающаго одному возможность приказывать и заставляющаго другого повиноваться, между тѣмъ какъ незнакомый человѣкъ добивается исполненія своей просьбы только тогда, когда расположитъ насъ къ себѣ или убѣдитъ насъ въ нашей обязанности сдѣлать то, о чемъ насъ проситъ, т.-е. подѣйствуетъ на насъ морально. Равнымъ образомъ, если я прошу, совѣтую, поощряю, подбиваю, приказываю сдѣлать что-либо, я сознательно своимъ вліяніемъ вызываю у другого лица желательный мнѣ поступокъ, и, наоборотъ, могутъ быть случаи, когда безъ моего даже вѣдома мои слова или дѣйствія становятся (въ извѣстномъ условномъ смыслѣ) причинами чужихъ проступковъ, какъ это бываетъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ подражаютъ, когда видятъ въ моемъ поступкѣ своего рода поощреніе къ тому, чтобы поступить такъ же, поощреніе, безъ коего даннаго поступка могло бы и не быть, или когда мое дѣйствіе безъ всякаго съ моей стороны намѣренія кому-либо мѣшаетъ, разстраиваетъ чьи-либо планы и тѣмъ самымъ заставляетъ заинтересованныхъ принять извѣстныя мѣры, въ которыхъ не было бы никакой надобности, если бы я не совершилъ своего поступка. Только-что сдѣланное нами указаніе на способы, какими одни люди могутъ вызывать дѣйствія другихъ лицъ или сознательно, или даже безъ своего вѣдома, разсчитано нами и на то, чтобы служить поясненіемъ и еще одного различенія, которое мы обязаны установить, разъ заговорили о вліяніи человѣка на человѣка. Нами было уже замѣчено вообще, что подъ послѣднимъ мы разумѣемъ всякій случай, въ которомъ замѣтнымъ образомъ поступокъ

одного лица вызванъ поступкомъ другого: расширяя такимъ образомъ наше понятіе, дабы обобщить подъ нимъ всѣ случаи дѣйствій, вызванныхъ чужими поступками, мы будемъ говорить о существованіи вліянія человѣка на человѣка не только тогда, когда одно лицо дѣйствуетъ, такъ сказать, въ одномъ направленіи съ другимъ, напр., исполняетъ его просьбу, совѣтъ, наущеніе, приказаніе, подражаетъ его поступкамъ и поведенію, присоединяется къ его дѣятельности и т. д., находясь постоянно или временно подъ его преднамѣреннымъ или безсознательнымъ вліяніемъ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, но и тогда, когда поступками одного лица вызываются поступки другого съ характеромъ діаметрально-противоположнымъ первымъ, когда дѣйствія возникаютъ изъ другихъ дѣйствій, такъ сказать, въ цѣляхъ борьбы: я поднимаю руку, чтобы отвратить наносимый мнѣ ударъ, и такъ какъ одного изъ этихъ дѣйствій (поднятія руки) не было бы безъ другого (попытки нанести мнѣ ударъ), то, несомнѣнно, первое было вызвано вторымъ, и въ такомъ случаѣ мой поступокъ былъ совершенъ подъ вліяніемъ поступка другого лица и именно не съ цѣлью содѣйствія его намѣренію, а какъ разъ наоборотъ—съ цѣлью противодѣйствія. Въ послѣднемъ отношеніи одинъ человѣкъ можетъ не только своимъ дѣйствіемъ намѣренно или ненамѣренно вызвать отдѣльный поступокъ другого человѣка, но и вообще влiять своимъ поведеніемъ на чужое поведеніе, вызывая своими дѣйствіями цѣлый рядъ такихъ поступковъ, которые становятся понятными лишь тогда, когда мы разсматриваемъ ихъ, какъ своего рода отвѣты одной стороны на рядъ сдѣланныхъ вызововъ съ другой стороны. Политическая исторія особенно богата примѣрами такого рода: и отдѣльные поступки, и цѣлое поведеніе историческаго дѣятеля объясняются часто его антагонизмомъ съ другимъ дѣятелемъ, въ силу котораго первый совершаетъ тѣ или другіе поступки въ зависимости отъ того, что дѣлаетъ и какъ ведетъ себя второй, хотя и самъ онъ своими дѣйствіями вліяетъ въ свою очередь на образъ дѣйствій своего противника. Мы можемъ, напр., объяснять себѣ поведеніе Цезаря въ извѣстную пору его жизни поведеніемъ Помпея (въ дѣйствительности, конечно, поведеніемъ не одного Помпея и не однимъ поведеніемъ какихъ бы то ни было лицъ), такъ какъ несомнѣнно, что Цезарь велъ себя такъ, а не иначе подъ вліяніемъ такого, а не иного поведенія Помпея. Мы, нужно признаться, затрудняемся выбрать подходящія названія для вліяній обоего рода, т.-е. такихъ, когда одно лицо поступаетъ извѣстнымъ образомъ въ зависимости отъ дѣйствій другого лица, какъ бы, напр., повинуясь или помогая ему, и для такихъ, когда, напротивъ, одинъ человѣкъ совершаетъ поступокъ тоже въ зависимости отъ дѣйствій другого человѣка, но уже какъ бы, напр., отъ него обороняясь или сопротивляясь ему. Мы могли бы, напр., назвать одни вліянія положительными,

другія — отрицательными, одни — просто активными, другія — реактивными, одни — вліяніями содѣйствія, другія—вліяніями противодѣйствія и т. п., если бы названія эти сами по себѣ не давали повода къ недоразумѣніямъ. Намъ остается поэтому обозначить ихъ, какъ вліянія первой и второй категоріи, позволяя себѣ, впрочемъ, употреблять и другіе термины, когда это покажется намъ болѣе удобнымъ. Каждая изъ двухъ только-что установленныхъ категорій распадается въ свою очередь на отдѣльные классы случаевъ. При изложеніи разныхъ взглядовъ на личное дѣйствіе въ исторіи мы не разъ должны были называть всевозможныя формы вліянія однихъ людей на другихъ, но едва-ли мы нашли бы гдѣ-либо такое мѣсто, гдѣ подъ-рядъ было бы перечислено столько этихъ формъ, сколько мы ихъ встрѣтили на тѣхъ страницахъ «Науки о духѣ» проф. Троицкаго, гдѣ почтенный авторъ говоритъ о «вызовѣ или подавленіи въ другихъ — чувствъ, идей, готовностей, дѣйствій и т. д.» и о «дѣятельныхъ психическихъ вліяніяхъ». Самая выписка этого мѣста изъ книги проф. Троицкаго сдѣлана была съ нашей стороны не безъ задней мысли сослаться на него при настоящемъ случаѣ, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы принимали терминологію и классификацію проф. Троицкаго, находили его списокъ активныхъ и реактивныхъ (въ нашемъ смыслѣ) вліяній совершенно полнымъ. Впрочемъ, заботиться теперь о систематическомъ каталогѣ формъ вліяній обѣихъ категорій было бы и излишне, такъ какъ мы завели рѣчь объ этомъ предметѣ вовсе не для того, чтобы разсматривать всѣ формы, въ какихъ только можетъ проявляться вліяніе однихъ людей на другихъ, а для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, въ какихъ смыслахъ мы имѣемъ право говорить о вызовѣ поступками однихъ лицъ поступковъ другихъ. Уже дѣломъ коллективной психологіи было бы изучить отдѣльныя формы; нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, начинаютъ обращать на себя особое вниманіе: это можно сказать, напр., относительно вліянія, выражающагося въ формѣ подражанія [1]), одной изъ самыхъ важныхъ и даже основныхъ формъ первой категоріи, особенно если принять въ расчетъ роль подражанія въ культурной исторіи, о чемъ рѣчь будетъ идти впереди. Продолжая разсуждать объ этомъ предметѣ, мы и здѣсь ограничимся лишь тою его стороною, которою онъ соприкасается съ нашимъ главнымъ вопросомъ.

Въ исторіи необходимо различать двѣ стороны, именно отличать сторону чисто психологическую отъ стороны соціологической [2]), соотвѣтственно чему и дѣйствіе человѣка на человѣка можетъ быть явленіемъ либо психическимъ, либо соціальнымъ и потому относиться

---

[1]) См. стр. 107, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121.

[2]) Ср. выше, стр. 32—33.

или къ области вѣдѣнія коллективной психологіи, которая по нашему опредѣленію должна изучать духовныя явленія, возникающія въ человѣческомъ общежитіи [1]), или же къ области соціологіи, которая занимается изученіемъ явленій, происходящихъ въ организованномъ обществѣ [2]). Въ первомъ случаѣ, т.-е. въ случаѣ чисто психическаго дѣйствія человѣка на человѣка однѣ личности вызываютъ поступки другихъ, оставаясь на почвѣ одного духовнаго вліянія, т.-е. не прибѣгая къ соціальнымъ средствамъ, какія могутъ быть у того и другого человѣка въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго имъ въ общественномъ строѣ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ чисто психическаго взаимодѣйствія, происходящаго въ человѣческомъ обществѣ, кромѣ простого вліянія «души» на «душу» со всѣми его прагматическими слѣдствіями, въ обществѣ происходитъ еще взаимодѣйствіе другого рода, въ силу котораго у людей есть особыя внѣшнія средства дѣйствовать другъ на друга, средства, даваемыя имъ соціальной организаціей, въ составъ коей они входятъ. Такъ какъ основнымъ предметомъ соціологіи, въ отличіе отъ коллективной психологіи, занимающейся процессомъ и результатами *психическаго взаимодѣйствія* личностей въ обществѣ, и является, по нашему опредѣленію, *соціальная организація*, т.-е. строй общества въ политическомъ, юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, то мы и выдѣляемъ средства дѣйствовать на людей, даваемыя тѣмъ или другимъ положеніемъ лица въ соціальной организаціи, въ особую категорію, подраздѣляя ихъ еще на политическія, юридическія и экономическія. Внутри каждаго общественнаго строя происходитъ также постоянное взаимодѣйствіе отдѣльныхъ его элементовъ, каковыми въ послѣднемъ анализѣ являются, конечно, человѣческія личности, хотя и складывающіяся въ группы [3]), взаимодѣйствіе ихъ уже не какъ индивидуальныхъ «душъ», вліяющихъ одна на другую, а именно какъ атомовъ соціальнаго тѣла, притомъ дѣйствующихъ уже другъ на друга не одною силою духа, но и внѣшними средствами, какія можетъ дать только соціальная организація. Эти два рода дѣйствія человѣка на человѣка необходимо различать и вообще при изслѣдованіи нашего предмета, и въ частности для того, чтобы лучше понять причины еще подлежащаго нашему разсмотрѣнію неравенства между слагаемыми, общія суммы которыхъ представляютъ изъ себя историческія событія и движенія. Мы видѣли, напр., что Толстой, обращая самъ главное вниманіе на психологическую сторону исторіи, остановился въ своей исторической философіи исклю-

[1]) Ср. выше, стр. 184 и слѣд.

[2]) О. В. Ф. И. II, 18 sq. (31 sq.)

[3]) Мы не можемъ признать вмѣстѣ съ Гумпловичемъ, чтобы соціальнымъ элементомъ, т.-е. чѣмъ-то неразложимымъ была группа. Ср. выше, стр. 144 и слѣд.

чительно на соціальномъ моментѣ *власти*, какъ такой именно вещи, обладанію которою приписывается сила вызывать у людей тѣ или другіе поступки [1]). Наоборотъ, г. Михайловскій, рѣшая аналогичный вопросъ объ источникѣ той силы, какую одинъ человѣкъ имѣетъ иногда надъ цѣлою массою, идущею за нимъ и ему повинующеюся, пробуетъ изслѣдовать психическій моментъ *обаянія*, подчиняющаго толпу «герою» [2]). На самомъ дѣлѣ люди дѣйствуютъ другъ на друга и психическими, и соціальными средствами [3]), а такъ какъ у отдѣльныхъ лицъ эти средства, въ силу громаднаго различія прирожденныхъ людямъ свойствъ и неменьшаго различія ихъ жизненныхъ судебъ, далеко не одни и тѣ же, то отсюда и возникаетъ то неравенство элементовъ прагматическаго взаимодѣйствія, которыми намъ предстоитъ еще заняться, какъ одною изъ важнѣйшихъ сторонъ историческаго процесса. Понятное дѣло, каждый человѣкъ, дѣйствующій въ обыденной жизни и въ исторіи, обладая извѣстными, большими или малыми, психическими средствами для воздѣйствія на другихъ людей, въ то же время находитъ для достиженія той же цѣли въ своемъ распоряженіи тѣ или другія, опять-таки большія или малыя, соціальныя средства, которыя ему даются его положеніемъ въ обществѣ, въ свою очередь бывающимъ наслѣдственнымъ или благопріобрѣтеннымъ, при чемъ вдобавокъ психическія и соціальныя средства одного и того же индивидуума могутъ находиться въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ между собою, давая въ результатѣ громадное количество комбинацій, коими и опредѣляются столь между собою несходныя историческія роли отдѣльныхъ личностей. Разнообразныя умственныя и нравственныя качества, прирожденныя и привитыя воспитаніемъ, соединяются въ однихъ и тѣхъ же лицахъ съ не менѣе разнообразными положеніями въ обществѣ, и часто человѣкъ, лишенный большихъ психическихъ средствъ для того, чтобы оказывать вліяніе на поведеніе другихъ людей, обладаетъ, наоборотъ, немалыми средствами соціальными, позволяющими ему, напр., вызывать желательные для него поступки у цѣлой массы лицъ, и, напротивъ, бываетъ такъ, что человѣкъ безъ всякаго вліятельнаго положенія въ обществѣ, единственно силою своего ума и характера, направляетъ дѣйствія немалаго количества людей, вызывая по своему желанію тѣ или другіе ихъ поступки. Говоря о существованіи психическихъ и соціальныхъ *средствъ*, коими можетъ располагать одинъ человѣкъ, чтобы оказывать дѣятельное вліяніе на другихъ, мы не должны забывать, что, соотвѣтственно этому, и *условія*, заставляю-

[1]) См. выше, стр. 40 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 107 и слѣд.

[3]) «Личность можетъ вносить въ жизнь что-либо новое, либо вслѣдствіе своего особаго положенія въ соціальной организаціи, либо по своимъ идеямъ». О. В. Ф. И., II (238).

щія людей подчиняться постороннему вліянію, могутъ быть распредѣлены между двумя категоріями—психическихъ и соціальныхъ условій, которыя, въ свою очередь, способны комбинироваться самымъ различнымъ образомъ, то усиливая дѣйствіе одни другихъ (напр., пассивность характера и зависимое положеніе въ обществѣ), то, наоборотъ, парализуя другъ друга. Соотношеніе средствъ и условій, на которое мы только-что указали, имѣетъ болѣе широкое примѣненіе, нежели это можетъ показаться съ перваго раза: фактъ вліянія опредѣляется вообще не только психическими или соціальными средствами активнаго элемента, но и психическими или соціальными условіями, какія представляются въ элементѣ пассивномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе одного на другой не остается въ строгомъ смыслѣ одностороннимъ. По отношенію къ личностямъ, оказывающимъ дѣятельное вліяніе на другія личности, послѣднія, безъ сомнѣнія, играютъ роль страдательную. Такъ какъ причина возникновенія поступковъ, совершаемыхъ индивидуумами, коимъ мы приписываемъ такую роль, лежитъ, разумѣется, не въ однихъ тѣхъ лицахъ, которыя оказываютъ дѣйствіе на другихъ, но и въ послѣднихъ [1]), то психическимъ и соціальнымъ средствамъ дѣйствія человѣка на человѣка должны соотвѣтствовать у лица, подвергающагося дѣйствію, также двоякаго рода,—т.-е. психическія и соціальныя,—условія, благопріятныя для того, чтобы вліяніе человѣка на человѣка могло быть болѣе или менѣе дѣйствительно и полно [2]). Другими словами, психическія и соціальныя средства, обладая коими, человѣкъ можетъ вызывать поступки другихъ лицъ, сами-по-себѣ, т.-е. безъ содѣйствія психическихъ же и соціальныхъ условій, представляемыхъ тѣми лицами, которыя совершаютъ поступки подъ чужимъ вліяніемъ,—не могутъ ничего сдѣлать. Для того, чтобы кто-либо безсознательно или сознательно подчинилъ свое поведеніе другому лицу, необходимо не одно то, чтобы послѣднее обладало извѣстными умственными и нравственными свойствами или занимало извѣстное мѣсто въ политическомъ или экономическомъ строѣ общества, но и то, чтобы страдательный индивидуумъ или по своимъ психическимъ свойствамъ, или по своему соціальному положенію былъ доступенъ такому-то и такому-то постороннему вліянію. Если *А* не совершилъ бы даннаго поступка безъ психическаго и соціальнаго дѣйствія на него со стороны *В*, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы вся причина поступка была въ умѣ, характерѣ, власти или богатствѣ этого *В*, чтобы въ совершеніи поступка не участвовали вмѣстѣ съ тѣмъ и недальновидность, слабость воли, подчиненное по-

---

[1]) См. приведенное выше (стр. 188) разсужденіе Милля объ этомъ предметѣ.

[2]) Ср. приведенное выше (стр. 190—191) разсужденіе проф. Троицкаго о психическихъ вліяніяхъ.

ложеніе, матеріальная несостоятельность самого *А*. Внутреннимъ или внѣшнимъ свойствамъ агента должны соотвѣтствовать также и особыя, внутреннія же и внѣшнія, свойства реагента: умному, сильному волей, властному и обладающему матеріальными средствами легче оказывать вліяніе на человѣка, который во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его, чѣмъ на человѣка, ему равнаго, а тѣмъ болѣе на превосходящаго его въ тѣхъ же отношеніяхъ. Такимъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ фактѣ вліянія человѣка на человѣка мы имѣемъ средства активности, съ одной стороны, и условія пассивности, съ другой. Мы имѣемъ право идти и далѣе, т.-е. признать еще извѣстнаго рода воздѣйствіе реагента на самого агента. Хотя Шопенгауеръ не безъ остроумія отрицаетъ всякую возможность «взаимодѣйствія въ строгомъ смыслѣ», такъ какъ это понятіе «предполагаетъ, что дѣйствіе въ свою очередь есть причина своей причины, и что, слѣдовательно, послѣдующее было въ то же время предшествовавшимъ» [1]), мы не можемъ не признавать существованія взаимодѣйствія вообще и въ частности взаимодѣйствія въ данномъ случаѣ, поскольку не слѣдствіе вызываетъ свою причину, что, конечно, нелѣпо, а дѣйствуютъ одна на другую двѣ самостоятельныя силы. Подъ осмѣяннымъ Шопенгауеромъ терминомъ, столь часто попадающимся читателю на страницахъ настоящей книги, мы именно и разумѣемъ всѣ такія отношенія, въ коихъ наблюдается взаимное вліяніе двухъ существъ другъ на друга. Наприм., если бы мы записали споръ, который вели между собою два лица, то увидѣли бы, что послѣдовательность мыслей, высказанныхъ въ этомъ спорѣ, зависѣла не отъ одного изъ спорщиковъ, а отъ обоихъ, при чемъ каждый, возражая своему противнику, т.-е. отвѣчая на мысль, принадлежащую не самому ему, въ сущности вызывался на отвѣтъ своимъ противникомъ, говорилъ въ зависимости отъ его словъ и въ то же самое время самъ вызывалъ возраженія съ его стороны, заставлялъ его говорить въ зависимости отъ своихъ словъ. Это—простѣйшій примѣръ взаимодѣйствія, существованіе коего оправдывается, впрочемъ, и съ логической точки зрѣнія. Тутъ именно мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, аналогичнымъ тому, что Милль называетъ реакціей слѣдствій на ихъ причины, находя, что она происходитъ постоянно и въ обширныхъ размѣрахъ

---

[1]) *Шопенгауеръ.* О четверномъ корнѣ, стр. 40. Шопенгауеръ, доказывавшій несостоятельность этого понятія и въ своей «Критикѣ Кантовской философіи», говоритъ еще слѣдующее нѣсколько ниже приведенныхъ словъ: «Нужно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ писатели тогда начинаютъ употреблять это понятіе, когда собственное ихъ воззрѣніе становится смутно, почему его и употребляютъ такъ часто. Дѣйствительно, когда у писаки полное отсутствіе понятій, то нѣтъ слова болѣе готоваго къ услугамъ, какъ взаимодѣйствіе; поэтому читатель можетъ принимать его за родъ сигнальныхъ выстрѣловъ, указывающихъ, что заѣхали въ бездонное пространство».

именно въ области соціальныхъ явленій, гдѣ обстоятельства вліяютъ на людей, а люди образуютъ и измѣняютъ обстоятельства [1]).

Что вліяніе человѣка на человѣка не всегда можетъ разсматриваться, какъ одностороннее дѣйствіе, что во многихъ случаяхъ его можно подвести подъ категорію взаимодѣйствій, доказать это, на нашъ взглядъ, не трудно. Положимъ, что *A* приказываетъ, *B* повинуется повидимому, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ одностороннее дѣйствіе *A* на *B* и только, въ дѣйствительности же повиновеніе *B* само можетъ, да и должно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оказывать свое вліяніе на *A*, напр., укрѣпляя въ послѣднемъ самоувѣренность, усиливая въ немъ привычку къ властвованію, поощряя его къ новымъ приказываніямъ тому же *B* или къ расширенію сферы своего дѣйствія и на другихъ лицъ, которымъ онъ прежде не рѣшался приказывать, не сдѣлавъ удачнаго опыта на *B*. Такимъ образомъ, и тѣ лица, которыя, повидимому, играютъ лишь чисто страдательную роль, способны вызывать дѣйствія со стороны лицъ, на первый взглядъ только активныхъ, хотя бы тутъ дѣйствіе и имѣло уже совсѣмъ не тотъ характеръ, какъ въ первомъ случаѣ: люди, склонные по тѣмъ или другимъ причинамъ подчиняться постороннему вліянію, сами въ свою очередь оказываютъ вліяніе на тѣхъ людей, коимъ подчиняются, поощряя ихъ самою своею пассивностью къ тѣмъ или инымъ поступкамъ. Нѣтъ никакой необходимости распространяться о томъ, что во всѣхъ случаяхъ вліяній, которыя мы назвали вліяніями второй категоріи (реактивными) взаимодѣйствіе еще рѣзче бросается въ глаза: каждый ходъ шахматнаго игрока зависитъ отъ предыдущаго шага (или вообще отъ предыдущихъ шаговъ) его противника и въ свою очередь вліяетъ на послѣдующій его шагъ (или даже на цѣлый рядъ такихъ шаговъ) [2]).

Дальнѣйшія соображенія, которыя можно было бы сдѣлать по поводу крайняго разнообразія случаевъ, представляемыхъ прагматическими, болѣе или менѣе непосредственными вліяніями съ активнымъ или реактивнымъ характеромъ, съ результатами односторонняго дѣйствія или взаимодѣйствія, должны были бы касаться уже самыхъ дробныхъ категорій дѣйствія человѣка на человѣка. Ихъ, конечно, можно было бы сгруппировать въ извѣстные классы, представивъ характеристику каждаго такого класса: отношенія между обѣими сторонами бываютъ не одни и тѣ же, когда дѣйствіемъ одного человѣка вызывается дѣйствіе другого вслѣдствіе подражанія (безсознательнаго или сознательнаго) послѣдняго первому или когда поступокъ внушается (въ широкомъ смыслѣ слова), при чемъ самое внушеніе можетъ со-

---

[1]) *Милль.* Система логики. II, 492 sq., по 2 изд. 494 sq.

[2]) Говоря о взаимодѣйствіи, не мѣшаетъ оговариваться, что при немъ возможно преобладаніе только дѣйствія одной стороны на другую. Ср. выше, стр. 139.

вершаться самыми разнообразными способами и благодаря весьма неодинаковымъ средствамъ (просьба, совѣтъ, подговоръ, приказаніе и т. п.). Перечисляя и классифицируя всѣ подобные случаи, мы должны были бы вступить въ область коллективной психологіи, въ которой, однако, сдѣлано слишкомъ мало,—чтобы не сказать: не сдѣлано ровно ничего,—въ смыслѣ даже подготовительныхъ только работъ по интересующему насъ предмету [1]). Для теоріи историческаго процесса, впрочемъ, были бы важны не столько перечни и рубрики, сколько общія соображенія о томъ, какимъ образомъ одни поступки зависятъ отъ другихъ, разумѣя подъ поступками не только дѣйствія въ прямомъ смыслѣ этого слова, но и произнесенныя или написанныя слова просьбы, угрозы, совѣта, отговариванія и т. д. Какъ разъ въ область этого именно вопроса и вступаемъ мы, переходя отъ болѣе общихъ соображеній о видахъ, формахъ, степеняхъ и родѣ средствъ вліянія человѣка на человѣка къ соображеніямъ болѣе частнымъ о томъ, какимъ образомъ тотъ или другой поступокъ, совершенный такимъ-то *A*, зависитъ отъ поступка, совершеннаго нѣкіимъ *B*, т.-е. почему данное дѣйствіе *B* вызвало такое-то дѣйствіе *A*, и въ какомъ смыслѣ первое можетъ разсматриваться, какъ причина послѣдняго. Дѣло въ томъ, что такой вопросъ, по нашему мнѣнію, не можетъ рѣшаться въ общей формѣ вслѣдствіе крайняго разнообразія, сложности, запутанности относящихся сюда случаевъ: ихъ именно и слѣдовало бы сначала классифицировать, разсмотрѣть потомъ каждый классъ въ отдѣльности и только въ концѣ работы можно было бы придти къ нѣкоторымъ общимъ формуламъ. Пока это не сдѣлано, мы имѣемъ право быть менѣе требовательны и удовлетвориться всякимъ сколько-нибудь вѣроятнымъ или только приблизительно вѣрнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, лишь бы такой отвѣтъ содержалъ въ себѣ какія-либо данныя для рѣшенія главнаго нашего вопроса о роли личности въ прагматическомъ процессѣ. Если бы каждое человѣческое дѣйствіе зависѣло всецѣло, т.-е. безъ всякаго остатка, и исключительно, т.-е. съ устраненіемъ всѣхъ другихъ причинъ, отъ какого-либо другого дѣйствія, такъ что совершающему поступокъ въ немъ ничего не принадлежало бы, мы были бы готовы видѣть вмѣстѣ съ Бурдо въ личности простой органъ, чрезъ который дѣйствуютъ «всѣ» [2]), но именно этого-то допустить мы не имѣемъ ни малѣйшаго права и притомъ какъ-разъ по основаніямъ, которыя находимъ въ разсмотрѣніи вопроса о зависимости одного поступка отъ другихъ поступковъ. Тутъ-то намъ и пригодятся нѣкоторыя мѣста изъ приведенныхъ въ первой половинѣ настоящей главы ученій о причинности.

---

[1]) См. выше, стр. 185 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 96 и слѣд.

Прежде всего напомнимъ читателю, что, говоря о зависимости одного поступка отъ другого, какъ слѣдствія отъ причины, мы не имѣемъ никакого права утверждать, чтобы поступокъ-слѣдствіе зависѣлъ единственно отъ поступка-причины, такъ какъ обыкновенно причинная связь существуетъ «между послѣдующимъ фактомъ и суммою нѣсколькихъ предыдущихъ», а потому поступокъ-причина есть только одна изъ причинъ поступка-слѣдствія [1]). Далѣе, и то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ разсматриваемомъ случаѣ отношеніе, существующее между двумя поступками, вовсе не такъ просто, какъ это кажется съ перваго взгляда. Во-первыхъ, поступокъ А можетъ вызвать тотъ или другой поступокъ *В* только въ томъ случаѣ, если самъ *В* представляетъ извѣстныя условія для того, чтобы поступокъ *А* подѣйствовалъ на него опредѣленнымъ образомъ [2]), т.-е. должно существовать нѣчто, на что поступокъ, принимаемый за причину, могъ бы дѣйствовать, и это нѣчто должно быть таково, чтобы дѣйствіе дало извѣстный результатъ [3]). На этомъ основаніи поступокъ-причину мы можемъ назвать внѣшнимъ факторомъ явленія въ отличіе отъ внутренняго фактора, о которомъ только-что сказали. Но, во-вторыхъ, непосредственной внутренней причиной каждаго человѣческаго поступка оказывается мотивъ поступка [4]), который приводитъ къ соотвѣтственному дѣянію только вмѣстѣ съ другимъ внутреннимъ факторомъ, т.-е. характеромъ человѣка [5]). Такимъ образомъ въ причинной цѣпи между поступкомъ, вызвавшимъ другой, и этимъ вызваннымъ поступкомъ, какъ двумя звеньями самой цѣпи, нѣтъ, строго говоря, непосредственнаго соприкосновенія: поступокъ А дѣйствуетъ на ранѣе его данный характеръ В и вызываетъ въ душѣ В мотивъ его поступка, который и есть такимъ образомъ произведеніе наступившаго мотива и характера самого В [6]). Слѣдовательно, причинный процессъ представляется намъ здѣсь въ такомъ видѣ: первый моментъ—поступокъ *А*, второй—дѣйствіе этого поступка на характеръ В, состоящее въ появленіи у В мотива, который и приводитъ за собой

---

[1]) См. выше, стр. 178.

[2]) См. выше, стр. 188, 190—191.

[3]) См. выше, стр. 215.

[4]) См. выше, стр. 168 и слѣд.

[5]) См. выше, стр. 216—217.

[6]) Это простѣйшее отношеніе. Дѣло можетъ еще усложниться такимъ образомъ. Поступокъ *А*, вызвавшій поступокъ *В*, въ свою очередь могъ быть вызванъ характеромъ *В*: положимъ, что изъ какого-либо ранняго дѣйствія В А заключилъ, что отъ *В* можно добиться того-то и того-то, и поступилъ именно потому, что поведеніе *В* при характерѣ *А* необходимо вызвало мотивъ, и бывшій непосредственною причиною его поступка, который въ свою очередь вызвалъ описаннымъ выше путемъ поступокъ *В*. Пусть это послужитъ также однимъ изъ примѣровъ прагматическаго взаимодѣйствія.

его поступокъ, третій моментъ—поступокъ *B*. Въ-третьихъ, всѣ эти три момента суть событія въ томъ смыслѣ, въ какомъ Милль противополагаетъ извѣстные факты состояніямъ [1]). *A* совершилъ поступокъ, у *B* наступилъ мотивъ, *B* совершилъ поступокъ, но каждое изъ событій-причинъ предполагаетъ существованіе нѣкотораго состоянія-причины, безъ котораго событіе не могло бы произвести своего слѣдствія. Для того, чтобы поступокъ *A* могъ подѣйствовалъ на *B*, требуется пребываніе *A* и *B* въ такомъ внѣшнемъ положеніи (состояніи) одинъ по отношенію къ другому, чтобы второй, говоря фигурально, былъ въ сферѣ дѣйствія перваго, а для того, чтобы поступокъ *A* подѣйствовалъ на *B* въ опредѣленномъ смыслѣ, нужно еще, чтобы въ генезисѣ событія приняло участіе внутреннее состояніе самого *B*, постоянное (характеръ и т. п.) или временное (то, что мы называемъ настроеніемъ духа). Съ строго логической точки зрѣнія, мы не имѣемъ права за причины признавать одни лишь событія, оставляя за состояніями названіе условій [2]), но разъ мы разумѣемъ подъ прагматическимъ процессомъ причинную послѣдовательность однихъ лишь событій, къ числу каковыхъ отнесемъ вмѣстѣ съ дѣйствіями и наступленія состояній, т.-е. факты, подводящіеся подъ миллевскія «мгновенныя перемѣны» [3]), и разъ мы обособляемъ этотъ процессъ отъ другихъ параллельныхъ процессовъ, принимая какъ за слѣдствія, такъ и за причины лишь дѣйствія людей [4]), мы можемъ для спеціальныхъ цѣлей теоріи историческаго процесса называть причинами лишь дѣйствія людей, обозначая, напротивъ, всѣ состоянія, какъ условія. Съ этой точки зрѣнія, наступленіе мотива можетъ быть и исключено изъ цѣпи причинъ въ чистѣйшемъ смыслѣ (причинъ-дѣйствій), тѣмъ болѣе, что и самый мотивъ есть не событіе, а состояніе, и, наоборотъ, включено въ названную причинную цѣпь, поскольку наступленіе мотива есть перемѣна (миллевская «мгновенная перемѣна») въ психическомъ состояніи субъекта, т.-е. событіе же, только совершившееся въ его внутреннемъ мірѣ [5]). Такъ какъ мотивы человѣческихъ поступковъ бываютъ часто слишкомъ сокровенны (особенно всѣ безсознательные мотивы) или, наоборотъ, до такой степени ясны, что «подразумѣваются и безъ упоминанія» [6]), то въ извѣстныхъ случаяхъ мы имѣемъ право не упоминать о ихъ наступленіи и такимъ только образомъ говорить о томъ, что поступокъ *A* непосредственно вызвалъ

---

[1]) См. выше, стр. 178.

[2]) См. выше, стр. 178—182.

[3]) См. выше, стр. 178.

[4]) См. выше, стр. 158 и слѣд.

[5]) Дѣло, конечно, не въ названіяхъ, но мы могли бы, какъ мнѣ кажется различать причины динамическія (событія) и причины статическія (состоянія).

[6]] См. выше, стр. 179.

поступокъ *B*. Въ-четвертыхъ, принявъ это раздѣленіе причинъ на причины въ строго прагматическомъ смыслѣ (событія) и на условія (состоянія), мы имѣемъ возможность придать тремъ моментамъ прагматическаго процесса, установленнымъ нами выше, болѣе общій характеръ. Первый и третій моменты (поступки *A* и *B*) суть дѣйствія, т.-е. событія, второй (наступленіе мотива у *B*) есть тоже событіе, отличное отъ первыхъ двухъ не только въ томъ отношеніи, что есть событіе, совершающееся во внутреннемъ мірѣ субъекта, но и въ томъ, что заключается оно въ перемѣнѣ состоянія, т.-е. въ созданіи новаго условія (хотя съ строго логической, а тѣмъ болѣе психологической точки зрѣнія, мотивъ и странно было бы называть условіемъ, а не причиной, тѣмъ не менѣе, мы остаемся здѣсь вѣрны только-что принятому дѣленію). Такимъ образомъ, одно дѣйствіе (первый моментъ) вызываетъ перемѣну въ нѣкоторомъ состояніи,—въ данномъ случаѣ во внутреннемъ мірѣ *B* (второй моментъ),—которая въ свою очередь влечетъ за собою другое дѣйствіе (третій моментъ). Эту послѣдовательность мы имѣемъ право распространить на всѣ случаи причинности въ исторіи и принять за общее правило, что между двумя событіями, какъ звеньями прагматической цѣпи, всегда помѣщается, въ качествѣ третьяго звена, извѣстная перемѣна въ нѣкоторомъ состояніи. Это положеніе найдетъ свое развитіе въ другомъ мѣстѣ [1]), а здѣсь мы его касаемся лишь для того, чтобы упомянуть еще объ одной категоріи вызова поступками однихъ людей поступковъ со стороны другихъ, о которой менѣе удобно было говорить въ другой связи. Дѣло въ томъ, что въ случаѣ, на разсмотрѣніи коего мы остановились, второй моментъ процесса заключается въ перемѣнѣ, происходящей во внутреннемъ мірѣ дѣйствующаго субъекта, въ его психическомъ состояніи, отнесенномъ нами къ числу условій, но, кромѣ внутреннихъ условій, каждое дѣйствіе зависитъ отъ условій внѣшнихъ, въ коихъ точно также могутъ наступать перемѣны, вызванныя чьимъ-либо дѣйствіемъ и сами побуждающія другихъ совершать извѣстные поступки. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ поступокъ можетъ быть вызванъ другимъ не потому, что лицо, совершившее послѣдній, повліяло тѣмъ самымъ на внутренній міръ лица, совершившаго первый, а потому, что оказало извѣстное дѣйствіе на обстоятельства, окружающія это лицо, произведши въ нихъ такую перемѣну, слѣдствіемъ коей необходимо и долженъ былъ быть упомянутый поступокъ. Бываютъ такіе случаи, что совершенію того или другого дѣянія *B* препятствуютъ только какія-либо внѣшнія условія, а внутреннія условія (характеръ и мотивъ) давно стремятся его произвести: если какое-либо дѣйствіе *A* устранитъ эту помѣху для дѣйствія *B*, то этимъ самымъ получитъ

---

[1]) См. въ заключеніи.

значеніе событія, которое, какъ выражается Милль, «требовалось для восполненія необходимой (чтобы дѣйствіе произошло) совокупности условій» [1]), или значеніе, какъ говоритъ Шопенгауеръ, «рѣшающей перемѣны», поэтому и принимаемой за причину κατ' ἐξοχήν [2]). Въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ случай прагматическаго вліянія, о которомъ у насъ не было еще рѣчи, не потому, чтобы мы не имѣли права отнести его къ вліянію непосредственному, когда поступокъ одного составляетъ одну изъ ближайшихъ причинъ поступка другого [3]), а потому, что останавливались главнымъ образомъ на болѣе элементарныхъ явленіяхъ, когда посредствующимъ звеномъ между двумя дѣйствіями является только одна внутренняя перемѣна, каковою мы главнымъ образомъ считаемъ наступленіе мотива. Эту именно категорію вызывовъ однихъ поступковъ другими чрезъ произведеніе перемѣнъ во внѣшнихъ условіяхъ, окружающихъ человѣка, имѣютъ въ виду, напр., криминалисты, когда говорятъ, что «человѣкъ своимъ дѣйствіемъ создаетъ положительныя условія для возникновенія послѣдствія» (которое у насъ есть новое дѣйствіе), между прочимъ, «создавая такую обстановку, которая влечетъ за собою присоединеніе новыхъ силъ», или когда онъ «устраняетъ условія отрицательныя», тѣмъ самымъ давая «возможность проявить свое дѣйствіе силамъ уже существующимъ, но нейтрализованнымъ въ своемъ стремленіи къ произведенію послѣдствія какими-либо противодѣйствующими силами» [4]). Нельзя, однако, не прибавить, что посредствующій моментъ перемѣны во внутреннемъ мірѣ того лица, у коего вызванъ поступокъ дѣйствіемъ другого человѣка, отнюдь не устраняется изъ процесса, разъ это послѣднее дѣйствіе имѣетъ непосредственнымъ результатомъ не возникновеніе мотива, приводящаго къ поступку, а такое или иное измѣненіе въ обстановкѣ, окружающей лицо, которое этотъ поступокъ совершаетъ. Самой, повторяемъ, непосредственной причиной человѣческаго дѣйствія всегда является его мотивъ [5]), такъ что тутъ можетъ возникнуть только вопросъ, есть ли мотивъ извѣстнаго поступка прямой результатъ чужого дѣйствія (примѣръ: нанесеніе оскорбленія, желаніе отомстить и самое отмщеніе), или же онъ возникаетъ не изъ этого чужого дѣйствія, и послѣднее лишь устраняетъ одно изъ условій, которое препятствовало осуществиться ранѣе существовавшему стремленію къ дѣйствію,—или создаетъ такое новое условіе, которое дѣлаетъ давно задуманный поступокъ возможнымъ; въ обоихъ же послѣднихъ случаяхъ перемѣна во внѣшней обстановкѣ субъекта,

---

[1]) См. выше, стр. 178.
[2]) См. выше, стр. 182.
[3]) См. выше, стр. 221.
[4]) См. выше, стр. 194—195.
[5]) См. выше, стр. 168 и слѣд.

переводя его изъ состоянія недѣятельности въ состояніе дѣятельности, отражается, прежде чѣмъ дѣйствіе будетъ совершено, на внутреннемъ его мірѣ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе *A* имѣетъ результатомъ перемѣну во внѣшнемъ положеніи *B*, влекущую за собою нѣкоторое измѣненіе въ его внутреннемъ мірѣ, въ свою очередь порождающую извѣстный поступокъ [1]). Въ-пятыхъ, степень зависимости одного поступка отъ другого, его вызвавшаго, бываетъ весьма различна. Чѣмъ отъ большаго числа причинъ зависитъ дѣйствіе или чѣмъ важнѣе роль тѣхъ условій, которыя въ прагматическомъ процессѣ составляютъ посредствующій моментъ между поступкомъ-причиной и поступкомъ-слѣдствіемъ [2]), тѣмъ менѣе исключительною бываетъ связь, существующая между послѣдними, т.-е. тѣмъ меньшею бываетъ зависимость одного отъ другого, или тѣмъ болѣе самостоятельнымъ дѣлается слѣдствіе по отношенію къ своей прагматической причинѣ. Наприм., между приказаніемъ начальника и его исполненіемъ со стороны подчиненнаго связь до такой степени тѣсна, что мы имѣемъ полное право говорить о почти исключительной зависимости послѣдняго дѣйствія отъ перваго, и такое же право мы получаемъ и тогда, когда нами наблюдается случай безсознательнаго подражанія чужому примѣру. Дѣло усложняется, если дѣйствіе вызывается сразу двумя разными поступками, изъ коихъ ни одинъ, отдѣльно взятый, не былъ бы въ состояніи вызвать это дѣйствіе, ибо тогда связь слѣдствія съ каждой изъ причинъ уже менѣе исключительна, а потому поступокъ уже менѣе зависимъ по отношенію къ вызвавшимъ его прагматическимъ причинамъ. Еще болѣе усложняется дѣло, когда между первымъ и третьимъ моментами процесса (т.-е. между прагматической причиной и прагматическимъ слѣдствіемъ) съ особою силою развивается посредствующій моментъ, измѣненіе какихъ-либо внутреннихъ и внѣшнихъ условій: тогда поступокъ-слѣдствіе до такой степени разобщается съ поступкомъ-причиною, что является передъ нами какъ бы совершенно самопроизвольнымъ, вполнѣ независимымъ. Тогда-то и происходитъ то, что Шопенгауеръ возводитъ на степень черты, особенно характерной для моральной причинности: въ подобныхъ именно случаяхъ «связь между причиною и дѣйствіемъ теряетъ свою непосредственную ясность и вразумительность», такъ что дѣйствіе кажется «содержащимъ въ себѣ болѣе, чѣмъ могла дать причина» [3]). Поступокъ *A* дѣйствуетъ на *B*, какъ всегда, производя нѣкоторое измѣненіе въ его внутреннемъ мірѣ [4]), но это измѣненіе не

---

[1]) Здѣсь формула процесса такова: событіе+внѣшняя перемѣна+внутренняя перемѣна+событіе.

[2]) Ср. стр. 232 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 172 и 173—174.

[4]) Ср. стр. 234—235.

есть простое наступленіе мотива, которое и вызываетъ поступокъ *B*, а составляетъ лишь начало цѣлаго психическаго процесса, наприм., обдумыванія, какъ поступить въ виду дѣйствія *A*, взвѣшиванія возможныхъ послѣдствій отъ этого дѣйствія и отъ тѣхъ или другихъ мѣръ, которыя могъ бы принять самъ *B*, составленія цѣлаго плана будущаго поведенія съ эвентуальными отъ него отклоненіями, принятія окончательнаго рѣшенія и т. д., и вотъ *B*, въ концѣ-концовъ, поступаетъ такъ, что его дѣйствіе, будучи въ послѣднемъ анализѣ вызвано дѣйствіемъ *A*, т.-е., будучи его слѣдствіемъ, и причина этого дѣйствія разобщаются между собою до такой степени, что ихъ взаимное отношеніе сдѣлалось бы абсолютно непонятнымъ, если бы мы его познавали только извнѣ [1]). Между тѣмъ, одна изъ особенностей мотиваціи въ томъ и состоитъ, что мотивы могутъ быть, какъ выражается Шопенгауеръ, вполнѣ независимыми отъ наличной реальной обстановки [2]) и до такой степени разобщать прагматическую причину съ ея прагматическимъ слѣдствіемъ, что послѣднее будетъ казаться абсолютно самопроизвольнымъ. Въ зависимости однихъ поступковъ отъ другихъ есть, слѣдовательно, разныя степени, которымъ, только въ обратномъ порядкѣ, соотвѣтствуютъ разныя степени самостоятельности прагматическихъ фактовъ,—обстоятельство, всю важность коего мы вполнѣ оцѣнимъ только въ слѣдующей главѣ. Здѣсь мы лишь вообще замѣтимъ, что, разъ поступокъ вызванъ почти исключительно другимъ какимъ-либо поступкомъ, онъ есть вполнѣ зависимое звено прагматической цѣпи (начальникъ приказалъ, подчиненный исполнилъ), и лишь тогда такое звено можетъ получить самостоятельное (въ относительномъ смыслѣ) значеніе, когда въ прагматическую цѣпь, т.-е. въ каузальное сцѣпленіе поступковъ привзойдетъ нѣчто непрагматическое, т.-е. входящее въ составъ другихъ процессовъ: значеніе такого привхожденія принадлежитъ всякому сложному психическому процессу, вызываемому однимъ поступкомъ и заканчивающемуся другимъ, такъ какъ, будучи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ посредствующимъ моментомъ между поступкомъ-причиной и поступкомъ-слѣдствіемъ, въ то же самое время процессъ этотъ всегда бываетъ и однимъ изъ моментовъ того длиннаго психичесскаго процесса, который составляетъ внутреннюю жизнь субъекта и, слѣдовательно, имѣетъ свое, самостоятельное по отношенію къ прагматическому процессу, бытіе. Излагая въ первой половинѣ настоящей главы разныя теоріи причинности, мы имѣли уже случай указать на то, какое важное значеніе приписываютъ нѣкоторые криминалисты «большей или меньшей самостоятельности и независимости, присоединяющихся

---

[1]) Ср. слова Шопенгауера, приведенныя на стр. 172—173.

[2]) См. выше, стр. 173.

силъ»[1]). То, на что здѣсь обращаютъ вниманіе представители науки уголовнаго права, есть не что иное, какъ одинъ изъ частныхъ случаевъ болѣе общаго явленія. Никогда не нужно забывать, что разъ человѣкъ дѣйствуетъ по цѣлямъ, которыя себѣ ставитъ, и средствами, которыя выбираетъ для осуществленія своихъ цѣлей, и разъ постановка цѣлей и выборъ средствъ, составляя въ каждомъ случаѣ результатъ цѣлаго психическаго процесса, обусловливаются характеромъ человѣка, образомъ его мыслей, чувствами его и стремленіями, его знаніями и жизненнымъ опытомъ, не говоря уже о его внѣшнемъ положеніи въ обществѣ, во всемъ этомъ мы имѣемъ значительное количество присоединяющихся (къ поступку-причинѣ) силъ, которыя являются самостоятельными и независимыми по отношенію къ тому, къ чему онѣ присоединяются. Словомъ, въ душѣ человѣка происходитъ такая переработка поступающаго въ нее извнѣ матеріала, въ томъ числѣ и впечатлѣній отъ чужихъ поступковъ, вызывающихъ его на дѣятельность, что не считаться съ процессами и результатами этой переработки нельзя и, слѣдовательно, нельзя отождествлять дѣятельность человѣка съ движеніями матеріальныхъ тѣлъ, происходящими въ случаѣ толчковъ, получаемыхъ ими отъ другихъ тѣлъ. Для опредѣленія роли личности въ прагматической исторіи этотъ выводъ мы можемъ считать главнымъ: дѣйствія человѣка подъ вліяніемъ дѣйствій другихъ людей представляютъ изъ себя столь сложные факты, и внутреннимъ моментамъ прагматическаго процесса принадлежитъ въ нихъ столь важная роль, что, признавая причинную связь между прагматическими фактами исторіи, мы не можемъ мыслить ее, какъ просто механическое сцѣпленіе событій, дѣятели коихъ являются передаточными аппаратами, принимающими отъ однихъ такихъ же аппаратовъ и сообщающими другимъ движеніе, не внося въ него ничего новаго, что имѣло бы свое начало (не абсолютное, конечно) въ нихъ самихъ.

Переходимъ къ свободѣ волѣ и такъ-называемымъ историческимъ законамъ.

Разсматривая вопросъ о роли личности въ исторіи въ связи съ причинностью или, что то же, необходимостью, мы можемъ, конечно, обойти здѣсь молчаніемъ вопросъ о свободѣ воли, который весьма часто подымался въ исторіософическихъ разсужденіяхъ, хотя послѣднее обстоятельство отнюдь не содѣйствовало правильному его рѣшенію, по крайней мѣрѣ, въ спеціально историко-философской литературѣ. Намъ даже особенно часто приходится наблюдать нѣкоторое противорѣчіе между сильно распространеннымъ среди историковъ теоретическимъ убѣжденіемъ въ свободѣ человѣческой воли и тѣмъ, какъ

---

[1]) См. выше, стр. 192 и слѣд.

они въ дѣйствительности понимаютъ происхожденіе подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію человѣческихъ дѣйствій, противорѣчіе, могущее найти свое объясненіе только въ какомъ-либо изъ многочисленныхъ недоразумѣній, порождаемыхъ понятіями свободной воли и необходимости. Если отрѣшиться отъ того, какъ высказываются историки по этому вопросу, и обратить все вниманіе на то, какъ громадное ихъ большинство представляетъ себѣ отдѣльные человѣческіе поступки, съ коими имѣетъ дѣло, изучая ту или другую эпоху, то или другое историческое событіе или движеніе, ту или другую біографію, мы увидимъ, что всѣ они вообще вполнѣ раздѣляютъ точку зрѣнія ученія о философской необходимости, какъ бы безъ малѣйшихъ оговорокъ принимая слѣдующее разсужденіе Милля: «если даны мотивы, присутствующіе въ душѣ недѣлимаго, и даны также характеръ и настроеніе недѣлимаго, то безошибочно можно вывести, какъ онъ поступитъ; если мы вполнѣ знаемъ человѣка и знаемъ всѣ побужденія, дѣйствующія на него, то мы можемъ предсказать его поведеніе съ такою же достовѣрностью, съ какою предсказываемъ какое-нибудь физическое событіе. Всякій, кто думаетъ, что онъ совершенно знакомъ съ обстоятельствами какого-нибудь случая и съ характеромъ различныхъ лицъ, до которыхъ онъ касается, не затруднится предсказать, какъ всѣ они будутъ дѣйствовать. Какое бы сомнѣніе онъ дѣйствительно ни имѣлъ въ этомъ отношеніи, оно проистекаетъ отъ неувѣренности, что онъ вполнѣ знаетъ обстоятельства, что онъ знакомъ въ надлежащей степени съ характеромъ того или другого лица, но никакъ не отъ мысли, что если бы онъ зналъ эти вещи, то все-таки не могъ бы быть увѣренъ, какой выйдетъ поступокъ. И полная увѣренность эта, продолжаетъ Милль, отнюдь не противорѣчитъ тому, что называется нашимъ чувствомъ свободы. Мы чувствуемъ себя нисколько не менѣе свободными оттого, что тѣ, кто насъ хорошо знаетъ, увѣрены, какъ мы поступимъ въ частномъ случаѣ. Напротивъ, мы часто смотримъ на сомнѣніе въ томъ, какъ мы поступимъ, какъ на признакъ незнанія нашего характера, а иногда даже обижаемся сомнѣніемъ» [1]). Откуда же происходитъ то противорѣчіе историковъ, о которомъ мы только-что упомянули? Милль, напр., не безъ основанія полагаетъ, что ученіе о причинности, какъ о «неизмѣнной, достовѣрной и безусловной послѣдовательности» отвергается многими (въ томъ числѣ, прибавимъ отъ себя, и историками, теоретически высказывающимися, какъ было указано, обыкновенно за свободу) вслѣдствіе передачи понятія о причинности словомъ «необходимость». «Это слово, поясняетъ онъ свою мысль, въ другихъ своихъ значеніяхъ заключаетъ гораздо болѣе простого однообразія послѣдовательности; подъ нимъ раз-

---

[1]) Система логики. II, 385.

умѣется непреодолимость. Въ примѣненіи къ волѣ, оно значитъ только что *за данною причиною будетъ слѣдовать результатъ, подверженный, впрочемъ, всѣмъ возможностямъ противодѣйствія другихъ причинъ;* но въ обыкновенномъ употребленіи подъ нимъ разумѣется дѣйствіе исключительно этихъ причинъ, которыя *предполагаются до того сильными, что вовсе не допускаютъ противодѣйствія.* Когда мы говоримъ, продолжаетъ онъ, что всѣ человѣческія дѣйствія происходятъ необходимо, то разумѣемъ только, что они навѣрное случатся, если ничто не помѣшаетъ; если же мы говоримъ, что кто не получаетъ пищи, тотъ необходимо умретъ съ голоду, то думаемъ, что это непремѣнно случится, что бы мы ни дѣлали въ предупрежденіе слѣдствія. Приложеніе того же термина и къ силамъ, отъ которыхъ зависятъ человѣческія дѣйствія, и къ тѣмъ силамъ природы, которыя дѣйствительно непреодолимы, при долгомъ употребленіи, непремѣнно произведетъ мнѣніе о непреодолимости и первыхъ..... Люди, хотя помнятъ умомъ, но забываютъ чувствомъ, что человѣческія дѣйствія никогда (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ маніи) *не управляются какимъ-нибудь мотивомъ такъ абсолютно, чтобы не допускать вліянія другихъ мотивовъ.* Итакъ, заключаетъ онъ, причины, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе, никогда не бываютъ непреодолимы, и всякій данный результатъ необходимъ лишь тогда, когда причины, которыя стремятся произвести его, не встрѣчаютъ противодѣйствія» [1]). Въ другомъ мѣстѣ Милль формулируетъ свою мысль по поводу того же самаго предмета еще въ томъ смыслѣ, что «ученіе о причинности человѣческихъ дѣйствій, неправильно называемое ученіемъ о необходимости, не признаетъ никакого таинственнаго nexus, или господствующаго рока; оно утверждаетъ лишь, что дѣйствія людей суть совокупный результатъ общихъ законовъ и обстоятельствъ человѣческой природы и собственныхъ характеровъ людей, а эти характеры въ свою очередь суть слѣдствія естественныхъ и искусственныхъ обстоятельствъ, составлявшихъ ихъ воспитаніе, къ каковымъ обстоятельствамъ нужно причислить и ихъ собственныя сознательныя усилія [2]). Дѣйствительно, высказываясь за свободу воли, многіе историки прямо отождествляютъ противоположное ученіе съ ученіемъ о непреодолимости, съ какою будто бы господствуютъ нѣкоторыя силы надъ человѣческимъ поведеніемъ, исключая всякую возможность вліянія на него со стороны другихъ факторовъ. Кто хочетъ познакомиться съ воззрѣніемъ, противъ котораго, собственно говоря, главнымъ образомъ и возстаютъ историки, защищающіе свободу воли, но въ дѣйствительности сами стоящіе на точкѣ зрѣнія ученія о философской необходимости, тотъ не можетъ сдѣлать лучше, какъ прочесть или самыя разсужденія Л. Толстого объ этомъ предметѣ, или,

---

[1]) Ibid., II, 387—388. [2]) Ibid., II, 484.

за неимѣніемъ подъ руками «Войны и мира», перечитать тѣ страницы настоящаго труда, на которыхъ вкратцѣ передается сущность фаталистической концепціи нашего знаменитаго писателя [1]). Наоборотъ, кто захотѣлъ бы убѣдиться въ томъ, что защита свободы воли у историко-философскихъ писателей объясняется до извѣстной степени именно указаннымъ недоразумѣніемъ, тому мы посовѣтовали бы прочесть цѣлый отдѣлъ въ «Философіи исторіи» Лорана, отстаивающаго человѣческую свободу отъ разнаго рода фатализмовъ [2]). Съ своей стороны, уже раньше мы указывали [3]) на то, что понятіе свободы воли, какъ отсутствія необходимости, есть понятіе отрицательное, положительную противоположность которому составляетъ именно понятіе необходимости, т.-е. того, что вытекаетъ изъ достаточнаго основанія. Правда, какъ противоположность необходимому, мыслится еще случайное, но тутъ какъ-разъ не это разумѣется: все случайное таково лишь относительно, ибо въ реальномъ мірѣ все́ необходимо по отношенію къ своей причинѣ и случайно только по отношенію ко всему остальному, съ чѣмъ совпадаетъ по мѣсту и времени; свобода же воли была бы не относительною, а безусловною случайностью, разъ подъ нею мы стали бы понимать ея способность самой по себѣ начинать новый рядъ измѣненій. Можно поэтому говорить только о свободѣ относительной и сравнительной. Сравнивая мотивацію воли у человѣка и у животныхъ, мы найдемъ, что первый свободнѣе относительно непосредственнаго принужденія со стороны непосредственно воспринимаемыхъ предметовъ, дѣйствующихъ на его волю, какъ мотивы, но такая свобода измѣняетъ только способъ мотиваціи, не устраняя ни малѣйшимъ образомъ необходимости дѣйствія мотивовъ. Если же въ природѣ все подчинено необходимости, то, значитъ, есть и необходимыя, а потому постоянныя отношенія между извѣстными причинами и ихъ слѣдствіями (каковыя отношенія мы и называемъ законами). Вотъ почему признаніе законовъ исключаетъ, дѣйствительно, свободу воли въ абсолютномъ смыслѣ. Но если подъ закономъ мы будемъ разумѣть нѣчто иное, подобно многимъ писателямъ [4]), то будемъ лишены права отрицать свободу воли. Напр., эмпирическое обобщеніе, часто принимаемое за законъ, показываетъ лишь, что воля людей въ данныхъ случаяхъ мотивируется такъ-то, но это не исключаетъ возможности иной мотиваціи. Или, положимъ еще, что из-

---

[1]) См. выше, стр. 43 и слѣд.

[2]) *Laurent*. La Philosophie de l'histoire. P. 1870. Стр. 75, sq.

[3]) О. В. Ф. И. I, 37—42 (137). Ср. выше страницы, на которыхъ говорится объ отожествленіи съ законами силы вещей (стр. 43 и 44) и о необходимости разбирать при ученіи о несвободѣ воли, *чему* и въ *какой степени* воля подчиняется (стр. 38, 43 и 45).

[4]) О. В. Ф. И., кн. I, гл. II.

вѣстныя традиціи такъ сильно дѣйствуютъ на волю всѣхъ членовъ какого-либо общества, что роковымъ образомъ заставляютъ ихъ поступать всегда и вездѣ одинаково, но это опять-таки не значитъ, что отдѣльныя личности, вслѣдствіе какихъ бы то ни было особыхъ причинъ, не могли бы освободиться отъ вліянія этихъ традицій, и чтобы тогда надъ такими личностями не пересталъ тяготѣть своего рода рокъ, держащій все общество въ оковахъ; съ другой стороны, многіе думаютъ, что отрицаніе абсолютной свободы воли равносильно отрицанію личной иниціативы, роли самобытнаго дѣйствія личности въ исторіи. Пусть, напримѣръ, воля большинства личностей въ каждомъ народѣ въ общемъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ и мотивируется приблизительно одинаковымъ образомъ, что зависитъ отъ прирожденныхъ свойствъ расы и пріобрѣтенныхъ привычекъ и традицій, это еще не исключаетъ возможности появленія личностей, или лучше одаренныхъ, или вслѣдствіе особенностей воспитанія, избѣжавшихъ нивеллирующаго вліянія рутины, и онѣ мотивируютъ свою волю не традиціонными принципами, а выработанными болѣе или менѣе самобытно. Конечно, у этихъ личностей измѣняется только способъ мотиваціи воли, и само это измѣненіе есть опять же результатъ какихъ-либо причинъ, т.-е. большей одаренности личности, особенно благопріятныхъ для развитія ея самобытности, условій воспитанія и т. п. Итакъ, если закономъ исторіи считать господствующее ея направленіе въ каждомъ данномъ случаѣ, то отъ такого закона, повторяемъ, личность можетъ быть свободна, но тутъ и нѣтъ закона въ научномъ смыслѣ: господствующее направленіе исторіи есть лишь общій фактъ, а его формула—лишь результатъ эмпирическаго обобщенія посредствомъ простого перечисленія одинаковыхъ фактовъ. Поэтому совершенно неосновательно думаютъ нѣкоторые историки, что самымъ ходомъ исторіи управляетъ какой-то законъ, который заставляетъ дѣйствовать людей всегда именно такъ-то и такъ-то [1]). Переводя дилемму необходимости и свободы воли на дилемму фатализма и личной иниціативы въ исторіи, мы не должны упускать изъ виду и другую сторону дѣла. Защитники свободы воли часто указываютъ на неправильность хода исторіи, которая не позволяетъ выводить историческіе законы. Они правы въ констатированіи факта, но ошибаются въ его объясненіи: если нѣтъ историческихъ законовъ, какъ таковыхъ, т.-е. отличныхъ отъ законовъ психологіи и соціологіи, то происходитъ это никакъ не отъ того, чтобы воля была свободна отъ законовъ мотиваціи. Исторію совершаетъ дѣятельность личностей, изъ коихъ каждая такъ или иначе обусловлена, при чемъ поведеніе людей вообще подчинено законамъ, и въ немъ, кромѣ того, мы можемъ различать разныя сте-

---

[1]) Ср. выше, стр. 38—39, 43—46.

пени развитія. Конечно, въ каждомъ обществѣ поведеніе всѣхъ его членовъ находится далеко не на одинаковой степени развитія, что зависитъ отъ неодинаковости ихъ прирожденныхъ свойствъ, воспитанія въ широкомъ смыслѣ этого слова, внѣшнихъ условій дѣятельности, жизненныхъ обстоятельствъ, и вотъ, принимая все это въ расчетъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ совокупной дѣятельности извѣстнаго общества происходятъ такія разнообразныя и сложныя сочетанія поступковъ, что нѣтъ ни малѣйшей возможности подвести эти сочетанія подъ однообразныя и простыя формулы. Движеніе цѣлаго общества совершается, такъ сказать, по равнодѣйствующей, суммирующей поведеніе его членовъ, но эта равнодѣйствующая сама измѣняется опять-таки самымъ неправильнымъ образомъ, поскольку самыя сочетанія всѣхъ поступковъ въ обществѣ будутъ тѣ или другія. Есть такія изогнутыя и кривыя линіи, относительно которыхъ невозможно рѣшать задачи математическимъ путемъ: нельзя найти никакихъ *опредѣленныхъ* пространственныхъ отношеній для извилистаго теченія рѣки, для линіи, нацарапанной ребенкомъ на грифельной доскѣ, для безцѣльнаго блужданія рыбы въ водѣ, для протоптанныхъ въ лѣсу тропинокъ, для рысканья лягавой собаки на охотѣ и т. п., хотя, наоборотъ, мы опредѣляемъ линію полета ядра изъ пушки; поэтому остается только изслѣдовать въ данныхъ случаяхъ не самую линію, но нѣкоторыя опредѣленныя линіи, искусственно поставленныя въ яко-бы опредѣленныя отношенія: совершенно такъ же и линія каждаго историческаго движенія неправильна, ибо силы, направляющія движеніе, никогда не бываютъ подчинены одному опредѣленному закону, хотя и можно изслѣдовать эту линію по отношенію къ линіямъ, совершенно правильнымъ, т.-е. поддающимся опредѣленію, каковы и суть общіе законы психологіи и соціологіи. Поведеніе общества, создающее исторію, не подчинено одному закону, но есть результатъ цѣлой массы причинъ. Историкъ откроетъ нѣкоторыя опредѣленныя теченія, но обнаружитъ и множество изъ нихъ исключеній. Ошибочно назвавъ первыя законами, онъ припишетъ вторыя дѣйствію человѣческой свободы: историческіе законы, изъ которыхъ есть исключенія, и абсолютная свобода воли суть понятія коррелативныя. Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ въ ходѣ историческихъ событій замѣтенъ бываетъ нѣкоторый опредѣленный порядокъ, правильность котораго и вызываетъ мысль о закономѣрности прагматическаго процесса, совершающагося въ обнаруженномъ порядкѣ, но при этомъ забываются двѣ вещи, а именно: во-первыхъ, исключенія изъ общаго правила, не принимаемыя въ расчетъ при его формулированіи, во-вторыхъ, вліяніе на него со стороны разныхъ случайностей, т.-е. тоже отдѣльныхъ звеньевъ какихъ-нибудь причинныхъ рядовъ, но такихъ рядовъ, которые не представляютъ никакой правильности, не подчинены никакому опре-

дѣленному порядку. Воля однихъ людей можетъ обусловливаться или этими опредѣленными теченіями, правильными порядками, которые неточно обозначаютъ, какъ историческіе законы, или же, наоборотъ, именно этими исключеніями и случайностями. Само-собою разумѣется, что случайность мы понимаемъ здѣсь не въ абсолютномъ, а въ относительномъ смыслѣ. «Конечно, писали мы въ другомъ мѣстѣ [1]), все происходящее въ мірѣ имѣетъ достаточныя основанія, т.-е. происходитъ необходимымъ образомъ, необходимо же то, противоположное чему невозможно въ одномъ изъ двухъ отношеній: или по природѣ вещи, или вслѣдствіе извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. Первая необходимость вытекаетъ изъ законовъ природы (смерть отъ лишенія пищи), вторая зависитъ отъ условій, которыя могутъ быть устранены (лишеніе въ пищѣ отъ бѣдности). Одну необходимость можно назвать номологическою, другую—феноменологическою: одна безусловна, другая условна. Условная необходимость предполагаетъ и условную случайность: условно-необходимо то, что не можетъ быть иначе не по существу дѣла, а вслѣдствіе извѣстныхъ условій, т.-е. то, что могло бы быть иначе при другихъ стороннихъ обстоятельствахъ. Только такой необходимости можно противополагать случайность: совпаденіе во времени причинно между собою не связанныхъ явленій случайно, но оно таково только относительно, ибо оно необходимо по отношенію къ своей причинѣ и *не* необходимо по отношенію къ другимъ. Случайность нужно противополагать феноменологической, но не номологической необходимости, вытекающей изъ законовъ природы (невозможность жить безъ пищи), а не изъ извѣстнаго совпаденія причинныхъ рядовъ (напр., *одинъ* рядъ причинъ заставилъ отъ карниза дома оторваться камень и упасть на голову человѣка, котораго *другой* рядъ причинъ заставилъ проходить мимо), существованію же законовъ (т.-е. номологической необходимости) случайность не противорѣчитъ: случайно проходилъ человѣкъ мимо дома, отъ карниза котораго оторвался кирпичъ, попавшій прохожему на голову и его убившій, но ни движеніе человѣка, ни паденіе кирпича не нарушили законовъ природы; для паденія кирпича была своя необходимость, но изъ нея не вытекала необходимость паденія его на голову прохожаго, и для прохожденія послѣдняго была своя необходимость, но изъ нея не вытекала необходимость того, что онъ попалъ подъ падающій кирпичъ,—вотъ случайность, а за тѣмъ всѣмъ, при этой случайности дѣйствовали законы природы: камень падалъ по извѣстному физическому закону, черепъ прохожаго не выдержалъ удара и размозжился по физическому же закону и т. д., и т. д. Итакъ, случайнымъ мы называемъ вообще совпаденіе во времени при-

---

[1]) О. В. Ф. И. I, 86—87 и 90 (198, 202).

чинно между собою несвязанныхъ явленій; безусловно случайнаго не существуетъ, ибо даже само случайное есть въ сущности необходимое, такъ какъ рѣшающія, далеко въ каузальной цѣпи лежащія причины издавна уже опредѣлили, въ какое время должно что-либо совершиться, а потому произвели и совпаденія однихъ событій съ другими. Каждое событіе есть отдѣльное звено въ цѣпи причинъ и слѣдствій, которыя связаны во времени, но такихъ цѣпей существуетъ безчисленное множество одна около другой въ пространствѣ, переплетаясь между собою самыми разнообразными способами въ цѣлую сѣть причинныхъ цѣпей..... Конечно, сказано было у насъ нѣсколько дальше, можно придти къ установленію общей необходимости такой, а не иной встрѣчи причинныхъ цѣпей, и съ этой точки зрѣнія ничто не случайно, но для этого нужно выйти за предѣлы всякой исторіи и стать на абсолютную точку зрѣнія, въ данныхъ же предѣлахъ историческаго опыта и въ границахъ доступнаго нашему познанію мы вездѣ видимъ эту относительную случайность. Съ послѣдней точки зрѣнія случайно въ исторіи все, поскольку вся она есть сѣть самымъ неожиданнымъ образомъ перекрещивающихся причинныхъ цѣпей, дѣйствующихъ на все человѣчество, на отдѣльныя націи, на нѣкоторыя группы особей въ націяхъ и т. д. до отдѣльнаго индивидуума,—необходима только связь причины со слѣдствіемъ: линія можетъ пересѣчь и не пересѣчь кругъ на двѣ равныя части, но разъ она такъ его пересѣкаетъ, уголъ построенный на ней въ предѣлахъ круга съ вершиной на окружности, будетъ непремѣнно прямой»..... Историку нужно только «*отличить причины, общія для цѣлыхъ народовъ*, *отъ причинъ*, *даннымъ образомъ сложившихся только для одного лица,* и уловить ихъ эмпирическую связь, и постараться открыть постоянныя отношенія между однородными явленіями, т.-е. законы. И это задача нелегкая: только тогда мы можемъ сказать, что данное *A* есть слѣдствіе данныхъ *B*, *C* и *D*, когда анализируемъ эти данныя и найдемъ, что ихъ элементы именно находятся въ такой постоянной связи. Изобразить всю сѣть одна другую обусловливающихъ случайностей, классифицировать ихъ по степени важности въ общей ихъ совокупности, связать ихъ причинною связью, объяснивъ внутреннюю необходимость результата отъ случайнаго совпаденія двухъ обстоятельствъ,—только это можетъ сдѣлать исторія, опирающаяся на фактическихъ данныхъ и освѣщающая эти данныя законами наукъ номологическихъ».

Итакъ, по вопросу о свободѣ воли и причинности мы стоимъ и противъ сторонниковъ свободы воли въ смыслѣ неподчиненности ея дѣйствію причинности, и противъ сторонниковъ полнаго подчиненія ея какимъ-то направляющимъ ходъ событій историческимъ законамъ, самое существованіе которыхъ мы отрицаемъ категорическимъ образомъ. Обыкновенно, съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія ходъ событій, со-

здающихся изъ людскихъ дѣяній, думаютъ подчинить закономѣрному порядку. Съ одною изъ нихъ мы уже познакомились при разборѣ исторической философіи Толстого: эта точка зрѣнія, становясь на которую, уничтожаютъ всякую самостоятельность личнаго дѣйствія въ исторіи потому, что дѣйствіе это вплетается въ ходъ событій, приводя за собою такія слѣдствія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ первоначальными цѣлями самого дѣйствія, и отсюда дѣлается тотъ выводъ, что человѣкъ поступаетъ такъ, а не иначе не по собственному произволу, а безсознательно осуществляя нѣкоторыя совершенно постороннія для него цѣли, и въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ совершенно несвободно, т.-е. повинуясь принужденію рока. Этотъ телеологическій фатализмъ прикрывается у Толстого научнымъ понятіемъ *закона*, и играющимъ главную роль въ отрицаніи самостоятельности лица со второй изъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Послѣдняя состоитъ именно въ слѣдующемъ: все, совершающееся въ мірѣ, подчинено непреложнымъ законамъ, не исключая и исторіи, въ которой поэтому и всѣ событія должны быть такъ закономѣрны, что каждое изъ нихъ только видимымъ образомъ бываетъ произведено такими-то и такими-то дѣятелями, стремившимися къ тому-то и тому-то, въ сущности же представляетъ изъ себя не что иное, какъ выполненіе одного изъ требованій непреложнаго историческаго закона. Обѣ эти точки зрѣнія, столь сходныя между собою, мы и подвергнемъ анализу.

Во-первыхъ, многіе писатели указываютъ на то, что отдѣльныя личности ставятъ себѣ свои собственныя цѣли, а между тѣмъ достигаютъ нѣкоторыхъ цѣлей общихъ [1]). Цѣлые народы, прибавляютъ къ этому, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ собственныхъ дѣяній: съ какимъ бы яснымъ разумѣніемъ ни совершалось дѣйствіе, оно совершается только ради самыхъ непосредственныхъ слѣдствій, а между тѣмъ рядъ слѣдствій уходитъ въ безконечность. У философствующихъ историковъ мы весьма часто встрѣчаемся съ тою мыслью, что люди и народы, дѣлая то-то и то-то, же-

---

[1]) Указываемъ здѣсь, между прочимъ, на теорію Толстого, который придаетъ особое значеніе тому, что человѣкъ не понимаетъ значенія событій, въ которыхъ участвуетъ (см. выше, стр. 35). Ср. его же противоположеніе жизни личной, свободной, и жизни общественной, въ которой человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы (выше, стр. 31 и слѣд.). Однако, говоря объ единой фатальной силѣ, направляющей людей къ одной цѣли (стр. 33), самъ Толстой указываетъ на крайнее разнообразіе личныхъ мотивовъ (произволовъ, по его терминологіи), заставляющихъ людей принимать участіе въ историческихъ событіяхъ (стр. 34). Лоранъ въ своихъ историко-философскихъ разсужденіяхъ весьма часто и съ особенною охотою указываетъ на то, что изъ человѣческихъ дѣйствій возникаютъ вовсе не тѣ результаты, къ которымъ стремились дѣйствовавшіе. См. въ О. В. Ф. И. въ изложеніи историософіи Лорана. I, 58 (163).

лаютъ одного, а выходитъ изъ ихъ дѣятельности нѣчто совсѣмъ другое, часто для нихъ и вовсе нежелательное, и изъ такого наблюденія извлекаются самые разнообразные выводы, сходящіеся въ одномъ пунктѣ, именно въ отрицаніи самостоятельности личнаго дѣйствія въ исторіи. Изъ человѣка дѣлали поэтому простое орудіе, безсознательно исполняющее планъ исторіи [1]), и философы, и философствующіе историки. Достаточно изъ прежнихъ писателей вспомнить Гегеля съ его своеобразнымъ пониманіемъ роли великихъ людей въ исторіи, какъ орудій «всемірнаго духа» въ процессѣ его самопониманія [2]), а изъ теперешнихъ авторовъ сослаться на Гартмана, замѣняющаго «всемірный духъ» своимъ Безсознательнымъ. Такъ какъ аргументація Гартмана довольно близко подходитъ къ разсужденіямъ другихъ авторовъ, стоящихъ на той же точкѣ зрѣнія, то мы здѣсь съ нею и познакомимся. Авторъ «Философіи Безсознательнаго» касается вопроса въ главѣ этого своего сочиненія, которая трактуетъ о «Безсознательномъ» въ исторіи. Признавая планомѣрность хода послѣдней [3]), онъ находитъ, что если бы мы при этомъ и допустили эмпирическую свободу воли, то историческое движеніе «только тогда могло бы быть результатомъ этой допущенной свободы индивидуумовъ, когда *во всякомъ его свободномъ участникѣ было бы сознаніе о каждомъ ближайшемъ будущемъ шагѣ во всемъ его значеніи и со всѣми его послѣдствіями* прежде, нежели онъ занесетъ ногу на этотъ шагъ. Конечно, продолжаетъ Гартманъ, въ послѣднее столѣтіе мы приближаемся къ тому идеальному состоянію, когда человѣчество дѣлаетъ свою исторію съ сознаніемъ, но все еще только издалека и въ выдающихся изъ ряда людяхъ, и никто не станетъ утверждать, что несравненно большая часть уже пройденной цѣлой дороги пройдена именно этимъ способомъ (т.-е. сознательно). Вѣдь цѣли каждаго все еще своекорыстны, всякій ищетъ только своего блага, и если изъ этого выходитъ благо общее, то онъ въ томъ неповиненъ... Удивительно здѣсь то, что даже и тотъ, кто хочетъ зла, все-таки дѣлаетъ добро, такъ что результаты многихъ различныхъ своекорыстныхъ помысловъ черезъ ихъ взаимную комбинацію становятся совершенно иными, чѣмъ думалъ то каждый въ отдѣльности» [4]). Выводъ дѣлается Гартманомъ такой: «если, говоритъ онъ, заключая краткій обзоръ прогресса всемірной исторіи,—если мы въ историческомъ развитіи, взятомъ въ его цѣломъ, не можемъ не признать единаго плана, ясно предначертанной цѣли, на которую мѣтятъ всѣ ступени развитія; если мы притомъ

---

[1]) Критику этого понятія см. въ О. В. Ф. И. I, 55 sq. (158 sq).

[2]) См. тамъ же I, 176 (308).

[3]) *Гартманъ.* Сущность мірового процесса или философія Безсознательнаго. Переводъ А. А. Козлова. М. 1873. I, 260.

[4]) Ibid., I, 261—262.

должны допустить, что *отдѣльныя дѣйствія, которыми созданы эти ступени, нисколько не имѣли этой цѣли въ сознаніи*, но что почти всегда люди хотѣли другого и дѣлали другое, — то мы должны признать, что въ исторіи скрытно дѣйствуетъ нѣчто иное, чѣмъ случайная комбинація отдѣльныхъ дѣйствій» [1]). Въ этомъ Гартманъ видитъ «господство Безсознательнаго, господство историческаго инстинкта въ дѣйствіяхъ людей до тѣхъ поръ, пока сознательный разсудокъ еще не созрѣлъ настолько, чтобы цѣли исторіи сдѣлать своими цѣлями» [2]), какъ будто бываетъ такая зрѣлость разсудка, при которой человѣкъ сознаетъ все значеніе каждаго своего шага со всѣми его послѣдствіями. Вотъ почему Гартманъ считаетъ возможнымъ говорить прямо о «намѣреніяхъ исторіи», осуществлявшихся большими движеніями массъ подъ вліяніемъ темнаго слѣпого влеченія или «посредствомъ инициативы отдѣльныхъ выдающихся людей, результаты коей вовсе не лежали въ намѣреніяхъ этихъ людей». «Таково, напримѣръ, поясняетъ онъ, плодотворное сліяніе различныхъ народныхъ культуръ, сліяніе, которое въ прежнія времена замкнутости могло совершиться только въ силу большихъ завоевательныхъ движеній Александра Македонскаго, Цезаря, германскихъ императоровъ въ Римъ, даже въ наши времена Наполеона I. Нѣкоторыхъ цѣлей, продолжаетъ онъ, достигаетъ Безсознательное мирнымъ путемъ, пробуждая въ нужное время генія, способнаго разрѣшить именно ту задачу, рѣшеніе которой настоятельно требуется его временемъ... Въ должное время никогда не бываетъ недостатка въ нужномъ человѣкѣ, и если иногда раздаются жалобы, что нѣтъ людей для нѣкоторыхъ настоятельныхъ вопросовъ, то онѣ доказываютъ только, что эти вопросы ошибочно поставлены человѣческимъ сознаніемъ, что они не включены въ планъ исторіи (или по крайней мѣрѣ, не включены на настоящее время) и что вслѣдствіе этого на рѣшеніе *этихъ* вопросовъ даромъ потратили бы время самые геніальные люди (или, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту) [3])». Мы воздерживаемся здѣсь отъ разбора того, что въ приведенномъ взглядѣ Гартмана имѣетъ чисто гипотетическій характеръ, такъ какъ подобная работа уже сдѣлана была нами раньше [4]). Для насъ интересны здѣсь лишь кое-какія соображенія Гартмана, которыя въ иной формулировкѣ встрѣчаются и у другихъ писателей. Нѣмецкій философъ придаетъ особое значеніе тому именно обстоятельству, что человѣкъ, совершая какой-либо поступокъ, не можетъ знать всего его значенія и всѣхъ его послѣдствій; совершенно такъ же и Толстой заявляетъ, что человѣкъ не понимаетъ смысла тѣхъ событій, въ

---

[1]) Ibid., I, 267. [2]) Ibid., I, 268. [3]) Ibid., I, 309—310.

[4]) Въ одной изъ предыдущихъ ссылокъ мы уже указали на нашу критику идеи планомѣрнаго хода исторіи.

которыхъ участвуетъ [1]). Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что личность, «ища только своего блага» и поступая по собственному произволу (Гартманъ), т.-е. являясь источникомъ своихъ поступковъ, въ сущности, дѣйствуетъ во имя неизвѣстной ей цѣли, побуждаемая къ дѣятельности ради именно этой цѣли нѣкоторою роковою силою [2]). Такое разсужденіе основано на ошибочномъ представленіи, будто всѣ слѣдствія какой-либо причины необходимо суть въ то же время цѣли, во имя коихъ она сама существовала, т.-е. будто слѣдствіе является основой своей собственной причины. Если, однако, не допускать телеологическаго взгляда на все теченіе исторіи, оставаясь на почвѣ ученія о строгой причинности всего совершающагося въ исторіи, то всѣ недоумѣнія, порождаемыя тѣмъ, что люди не знаютъ всѣхъ слѣдствій своихъ поступковъ, что они не понимаютъ смысла событій, въ коихъ принимаютъ участіе, что изъ ихъ дѣятельности выходятъ не тѣ результаты, коихъ они ожидали,—все это устраняется: человѣкъ не всевѣдущъ и не непогрѣшимъ, а разъ онъ по собственному изволенію (не безпричинному, конечно) совершилъ поступокъ, послѣдній, такъ сказать, перестаетъ быть его личнымъ достояніемъ, дѣлается одною изъ причинъ поступковъ другихъ людей и такимъ образомъ входитъ въ составъ иныхъ каузальныхъ цѣпей. Изъ взаимодѣйствія между людьми и изъ дѣйствія на нихъ общихъ условій, въ какія они бываютъ поставлены, и происходитъ то, что ихъ поступки складываются въ цѣлыя системы, въ коихъ мы потомъ открываемъ нѣкоторый смыслъ, и комбинируются для произведенія совершенно ни для кого неожиданныхъ результатовъ. Еще одно важное соображеніе. Когда говорятъ, что люди не понимаютъ смысла событій, въ которыхъ участвуютъ, слово «смыслъ» употребляется въ очень неопредѣленномъ значеніи, при чемъ не обращается вниманія на всю условность выраженія «смыслъ событія». Что событія могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ смыслъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но таковой заключается не въ нихъ самихъ, а приписывается имъ нами и притомъ только по отношенію къ чему-либо: ничто не можетъ имѣть безотносительнаго смысла. Смыслъ событію придаетъ для насъ то или иное отношеніе его къ другому событію, къ цѣлому ряду событій, къ общему ихъ ходу, при чемъ онъ будетъ мѣняться сообразно съ тѣмъ, какое отношеніе будетъ приниматься нами за главное: событіе будетъ казаться болѣе или менѣе важнымъ, и реальное значеніе его будетъ въ одномъ одно, въ другомъ—другое и т. д., смотря по вещи, которую мы будемъ имѣть въ виду, его оцѣнивая. Съ этой точки зрѣнія весьма важно опредѣлить, отношенія къ чему и какого именно

---

[1]) Война и миръ.

[2]) Въ сущности это—взглядъ Гегеля, о которомъ см. О. В. Ф. И. I, 176 (308).

отношенія не понимаютъ люди въ томъ событіи, въ которомъ принимаютъ участіе. Конечно, менѣе всего они могутъ понимать отношеніе событія къ фактамъ будущаго, поскольку послѣдніе непредвидимы, и чѣмъ отдаленнѣе это будущее или чѣмъ большій періодъ времени оно охватываетъ, тѣмъ менѣе можетъ человѣкъ понимать смыслъ событія, въ коемъ принимаетъ участіе, т.-е. тѣмъ менѣе можетъ безошибочно угадать, какое значеніе будетъ принадлежать событію по отношенію къ какому-либо отдаленному во времени факту или къ какому-либо болѣе или менѣе продолжительному періоду времени въ будущемъ вообще. Чѣмъ болѣе близкое будущее мы будемъ имѣть въ виду, оцѣнивая событіе по отношенію къ непосредственнымъ его слѣдствіямъ именно въ томъ будущемъ, которое только однимъ «завтра» отдѣлено отъ настоящаго, тѣмъ болѣе смыслъ событія будетъ дѣлаться для насъ понятнѣе, и тѣмъ сознательнѣе мы будемъ принимать въ немъ участіе въ формѣ содѣйствія или противодѣйствія извѣстнымъ усиліямъ, желая или не желая осуществленія того, что несетъ съ собою событіе, началомъ чего оно является. Правда, и здѣсь возможны ошибки, но это и будутъ *ошибки въ пониманіи*, а не *полное непониманіе*, какъ въ первомъ случаѣ. Событіе, далѣе, можетъ стоять въ извѣстномъ отношеніи прямо къ фактамъ настоящаго, какъ одна изъ причинъ, дѣйствующихъ рядомъ съ другими причинами, и тотъ, кто способенъ сообразить, въ чемъ заключается это отношеніе, лучше пойметъ смыслъ событія и съ этой точки зрѣнія. Оцѣнивать историческіе факты можно, наконецъ, и по отношенію къ фактамъ прошлаго: событіе, въ которомъ я сознательно принимаю участіе, можетъ быть или завершеніемъ цѣлаго ряда менѣе удачныхъ усилій, или естественнымъ слѣдствіемъ сдѣланныхъ раньше ошибокъ, или возвратомъ къ пережитому состоянію, вызваннымъ такими-то и прежде дѣйствовавшими причинами. Конечно, и во всѣхъ этихъ случаяхъ мое пониманіе событій (если только я не участвую въ нихъ, творя чужую волю) можетъ быть и болѣе полнымъ, болѣе всестороннимъ, болѣе широкимъ, болѣе точнымъ, болѣе вѣрнымъ и, наоборотъ, болѣе ограниченнымъ, одностороннимъ, узкимъ, ошибочнымъ, но оно все-таки будетъ пониманіемъ, разъ мнѣ прямо дана та вещь, относительно которой я долженъ брать смыслъ событія. Такому пониманію, конечно, положены извѣстныя границы, за коими дѣйствительно начинается уже совершенное непониманіе, но сами-то границы эти то расширяются, то суживаются, смотря по событію, смотря по отношенію, какое берется въ расчетъ, смотря по разнымъ условіямъ мѣста и времени и, конечно, смотря и по человѣку. Именно такъ: смотря и по человѣку. Въ полтавскомъ боѣ участвовали и Петръ Великій и Карлъ XII, и великое множество другихъ людей, русскихъ и шведовъ, но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что одинъ Петръ

наилучшимъ образомъ понялъ смыслъ этой битвы. Вотъ на такомъ-то, согласимся, что и ограниченномъ пониманіи смысла (смысла, конечно, относительнаго) совершающихся вокругъ насъ историческихъ фактовъ, принимаемъ ли мы въ нихъ участіе или нѣтъ, и основаны бываютъ наши ожиданія, расчеты, планы, безъ коихъ мы не можемъ себѣ представить себя самихъ дѣйствующими, если только, какъ солдаты на войнѣ, не идемъ безпрекословно туда, куда насъ ведутъ другіе, полагаясь на одно то, что «такъ нужно». Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ не одинаково должно быть пониманіе совершающихся событій у разныхъ людей, а между тѣмъ, каждый поступаетъ такъ или иначе во всякомъ положеніи сообразно со своимъ о немъ сужденіемъ, которое поэтому и входитъ въ число посредствующихъ психическихъ моментовъ, неизбѣжно помѣщающихся между дѣйствіемъ-причиной и дѣйствіемъ-слѣдствіемъ, разъ послѣднее не есть простой рефлексъ, отвѣчающій на то или другое внѣшнее раздраженіе. Такимъ образомъ мы можемъ даже утверждать, что отъ того или другого пониманія смысла событій зависитъ самый ихъ ходъ, говорить же, что никто такъ-таки этого смысла изъ участвующихъ въ событіяхъ не понимаетъ, значитъ либо требовать отъ этого пониманія слишкомъ многаго (напр., опредѣленія значенія событія въ цѣломъ всемірно-историческаго процесса), либо отказывать людямъ даже въ сознательности, съ какою они совершаютъ свои поступки въ виду требованій такъ или иначе понятаго положенія. Самъ Гартманъ вноситъ въ свое ученіе о «Безсознательномъ въ исторіи» важную оговорку: онъ признаетъ развитіе элемента сознательности въ историческомъ процессѣ и даже допускаетъ возможность того, чтобы «сознательный разсудокъ сдѣлалъ цѣли исторіи своими цѣлями», т.-е., какъ мы понимаемъ истину, заключенную въ послѣдней фразѣ, чтобы человѣкъ ставилъ себѣ общія цѣли и не ошибался какъ въ оцѣнкѣ положенія, при коемъ ихъ приходится осуществлять, такъ и въ выборѣ средствъ для достиженія этихъ цѣлей, въ чемъ наилучшимъ образомъ и сказывается пониманіе событій.

Нѣсколько другой характеръ имѣетъ воззрѣніе, которое отрицаетъ личное начало въ исторіи, не во имя телеологическаго фатализма, заключающагося въ ученіи о планомѣрности историческаго процесса, а во имя такой общей истины, что индивидуумъ зависитъ отъ общества, въ коемъ живетъ, отъ историческаго момента, переживаемаго этимъ обществомъ. Конечно, все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ [1]), многія изъ которыхъ ле-

---

[1]) См. выше, стр. 77 и 103. Ср. 93, гдѣ указывается и на то, что «оригинальность, отмѣчающая великаго человѣка, не исключаетъ его зависимости, въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи, отъ окружающей его среды».

жатъ въ окружающемъ ее обществѣ, и мы никогда не скажемъ, чтобы человѣкъ былъ абсолютно-свободною силою, какъ это думаетъ Карлейль [1]), но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ безусловнымъ рабомъ окружающей его соціальной среды. Намъ именно говорятъ нерѣдко, что великаго человѣка создаетъ время, что самъ онъ ни при чемъ въ томъ дѣлѣ, которое его прославляетъ [2]). Съ этой точки зрѣнія единица не выдѣляется изъ другихъ явленій, представляемыхъ тѣмъ же обществомъ, въ коемъ она существуетъ, разсматриваясь на-ряду съ ними лишь какъ «результатъ громадной аггрегаціи силъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ» [3]), или какъ простое отраженіе окружающей современности, органъ, посредствомъ коего дѣйствуетъ, собственно говоря, общество, «tout le monde» [4]). Въ такомъ взглядѣ нужно различать два оттѣнка, только-что нами слегка намѣченныхъ: въ его формулировкѣ личная дѣятельность ставится въ исключительную зависимость либо отъ прошлаго, либо отъ настоящаго общества. Это далеко не одно и то же, и совершенно напрасно писатели, затрогивавшіе вопросъ о зависимости личности отъ общественной среды, не отмѣчали никогда указаннаго различія [5]). Личность совершенно безсильна противъ причинъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошломъ, которыя создали и ее, и окружающую среду такими, а не иными, но за то эти причины дѣйствуютъ на личность не непосредственно,—такъ какъ ихъ уже не существуетъ, онѣ уже миновали, — а чрезъ тѣ явленія настоящаго, въ коихъ мы имѣемъ право видѣть произведеніе фактовъ прошлаго. Зато условія настоящаго, дѣйствующія на личность непосредственно, подвержены воздѣйствію со стороны личности, т.-е. способны измѣняться въ ту или другую сторону въ зависимости отъ дѣятельности самой личности, ибо послѣдняя, наприм., въ состояніи принимать свои мѣры противъ однихъ изъ нихъ, опираясь на другія, или же по-своему ихъ комбинировать для полученія болѣе желательныхъ для себя обстоятельствъ. Однимъ словомъ, отношеніе личности къ прошлому и настоящему неодинаково: во-первыхъ, только настоящее отражаетъ она на себѣ непосредственно, и въ этомъ смыслѣ зависимость ея отъ прошлаго является болѣе отдаленной, и, конечно, въ обоихъ случаяхъ можно говорить о разныхъ степеняхъ [6]); во-вторыхъ, прошлое, подготовив-

[1]) См. выше, стр. 23.

[2]) Ср. выше, стр. 23, 57—58, 97 и слѣд., 102.

[3]) Точка зрѣнія Спенсера (стр. 57—58), которую раздѣляютъ и другіе авторы.

[4]) Точка зрѣнія Бурдо (стр. 96—97), которую также раздѣляютъ многіе авторы.

[5]) Ср. разсужденіе Бурдо о дѣйствіи «всѣхъ» на каждаго, о чемъ см. выше, стр. 103—104 и 220.

[6]) См. гл. VII.

шее то или другое настоящее, находится не во власти личности, тогда какъ будущее, подготовляемое настоящимъ и само безпрерывно послѣднимъ становящееся,—до извѣстной степени, конечно, совершенно различной въ отдѣльныхъ случаяхъ [1]), зависитъ отъ самой личности. Говоря еще короче, съ тѣмъ, отъ чего личность бываетъ въ непосредственной зависимости, она вступаетъ во взаимодѣйствіе: будучи одинаково продуктами прошлаго, которое, какъ таковое, не подлежитъ измѣненію, и сама личность, и то, что можно назвать внѣ ея существующимъ настоящимъ, являются двумя отдѣльными силами, неравновеликими, разумѣется, но тѣмъ не менѣе одна на другую дѣйствующими, при чемъ, понятно, и сила дѣйствія, и сила сопротивленія каждой различны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не развивая здѣсь въ подробности этой общей мысли, имѣющей, какъ увидимъ, очень широкое примѣненіе, мы можемъ удовольствоваться только однимъ изъ нея выводомъ: отъ прошлаго въ совершенно одинаковой мѣрѣ зависятъ и личность, и среда, а именно зависятъ обѣ безусловно, такъ что одна не имѣетъ преимущества передъ другою; но, съ другой стороны, завися отъ современной среды, личность въ то же время можетъ и сопротивляться ея дѣйствію, если обладаетъ для этого достаточнымъ количествомъ силъ, которыя въ ней накопляло ея прошлое, и при томъ же, понятно, условіи — воздѣйствовать на среду, такимъ образомъ, въ послѣднемъ случаѣ сама участвуя въ созданіи будущихъ условій какъ своей собственной, такъ и чужой дѣятельности. Говоря о зависимости человѣка отъ общественной среды на всемъ протяженіи ея существованія [2]) или имѣя при этомъ въ виду либо только предыдущіе моменты, либо только современность, авторы, о коихъ у насъ шла рѣчь, не подвергаютъ далѣе самую среду эту анализу. Спенсеръ, напр., противополагаетъ отдѣльной личности «всѣ другія явленія въ обществѣ, давшемъ ей жизнь», включая сюда и «все поколѣніе, лишь ничтожную долю котораго она составляетъ», съ одной стороны, и его (т.-е. этого поколѣнія) «учрежденія, языкъ, знанія, обычаи, искусства и ремесла», съ другой [3]), т.-е. включая въ понятія среды и другихъ людей, и культурно-соціальныя формы. Мы имѣемъ право противополагать личность отдѣльно обществу, какъ простой суммѣ другихъ личностей (массѣ), и обществу, какъ нѣкоторому цѣлому съ извѣстными культурно-соціальными формами (народу, государству), и мы уже видѣли [4]), что въ случаѣ перваго противоположенія мы можемъ говорить о взаимодѣйствіи прагматическомъ, сущность котораго состоитъ въ вызовѣ поступками однихъ людей—по-

[1]) См. также гл. VII.

[2]) Такъ именно смотритъ на дѣло Бурдо, на что только-что было указано.

[3]) Ср. выше, стр. 57.

[4]) См. выше, стр. 139—140.

ступковъ другихъ [1]), а въ случаѣ второго — о взаимодѣйствіи культурномъ, дающемъ въ результатѣ измѣненія культурно-соціальныхъ формъ. Вотъ именно, когда говорятъ о зависимости единицъ отъ общества, никогда и не различаютъ, какую зависимость разумѣютъ, обѣ ли вмѣстѣ или одну изъ нихъ и какую именно, ту ли, въ силу которой человѣкъ совершаетъ извѣстныя дѣянія, вызванныя тѣми или другими дѣяніями окружающихъ его лицъ, или ту, въ силу которой человѣкъ имѣетъ такія-то и такія-то идеи, раздѣляемыя имъ съ другими, подчиняется вмѣстѣ съ другими такимъ-то и такимъ-то правиламъ поведенія, не переступаетъ, какъ и всѣ, такихъ-то и такихъ-то условій общественнаго быта. Одна зависимость есть зависимость прагматическая, непосредственная зависимость личнаго поведенія въ широкомъ смыслѣ этого слова отъ *событій*, состоящихъ изъ поступковъ; другая — есть зависимость культурная, непосредственная зависимость того же поведенія отъ общественныхъ *состояній*, образуемыхъ комбинаціями культурно-соціальныхъ формъ [2]). Оставляя разсмотрѣніе культурной зависимости личности отъ общества для второй «книги» настоящаго труда, мы выскажемъ здѣсь нѣсколько общихъ соображеній по поводу одной только прагматической зависимости, которая можетъ быть, какъ только-что было показано, зависимостью отъ событій прошлаго и отъ событій настоящаго.

Прагматическій процессъ заключается въ причинной связи поступковъ, вызываемыхъ взаимодѣйствіемъ личностей. Данная личность въ извѣстный моментъ вступаетъ въ это взаимодѣйствіе, т.-е. начинаетъ принимать участіе въ его процессѣ: все, что происходило до означеннаго момента, является безусловно прошлымъ по отношенію къ указанному участію, но затѣмъ личность становится самостоятельнымъ факторомъ, и уже отъ ея, индивидуально ей принадлежащихъ силъ, средствъ и условій будетъ зависѣть, насколько и въ какую сторону будетъ она направлять дальнѣйшее теченіе исторіи, подчиняя своему прагматическому вліянію другихъ людей и тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ участвуя въ созданіи дальнѣйшихъ условій своей будущей дѣятельности, или насколько и почему, наоборотъ, будетъ лишь плыть по образовавшемуся раньше теченію, вѣчно дѣйствуя подъ чужимъ прагматическимъ вліяніемъ и вслѣдствіе этого играя чисто пассивную роль въ составленіи новыхъ причинъ своихъ дальнѣйшихъ поступковъ. И Наполеона, и послѣдняго капрала его арміи одинаково создало прошлое, и оно же одинаково поставило ихъ въ извѣстную среду, тѣмъ самымъ обусловивъ дѣятельность каждаго изъ нихъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что зависимость

---

[1]) Ср. выше, стр. 219—220.

[2]) Ср. стр. 178 и 232 и слѣд.

ихъ поведенія отъ событій настоящаго и зависимость этихъ событій отъ ихъ поведенія была совершенно различная. Гдѣ можетъ идти рѣчь о большей или меньшей зависимости, тамъ можетъ она идти и о большей или меньшей самостоятельности; въ данномъ же случаѣ самостоятельность есть синонимъ личнаго начала въ противоположность «времени», которому самому по себѣ приписывается способность производить все, что на дѣлѣ совершается тою или другою личностью. Конечно, мы не станемъ защищать противоположнаго тезиса, что «время» ни при чемъ въ дѣлѣ, прославившемъ великаго человѣка: послѣдній находитъ уже готовымъ, а не самъ создаетъ ходъ событій («время» въ данномъ случаѣ), въ который вкладывается своими дѣяніями, но онъ только не плыветъ по теченію, а самъ даетъ ему извѣстное направленіе, безусловно такимъ образомъ завися лишь отъ всѣхъ моментовъ, предшествовавшихъ его появленію на исторической сценѣ. И въ другомъ отношеніи человѣкъ можетъ зависѣть отъ «времени», даже отъ прошлаго времени, именно когда его дѣятельность направляется не событіями настоящаго, а традиціями прошлаго,— мы здѣсь только упоминаемъ объ этомъ случаѣ, чтобы разсмотрѣть его въ другомъ мѣстѣ,—но и тутъ возможнымъ бываетъ, что, подчиняясь отжившимъ, всѣми позабытымъ традиціямъ, такъ сказать, воскрешая ихъ въ себѣ, личность оказывается какъ бы стоящею внѣ своего собственнаго «времени», дѣлающею дѣло, которое никакъ не есть дѣло «времени». Нельзя здѣсь не упомянуть и о томъ, что если поведеніе можетъ зависѣть въ извѣстномъ смыслѣ больше отъ прошедшаго, нежели отъ настоящаго, т.-е. стоять въ связи болѣе со старыми явленіями общественной жизни, нежели съ новыми, пришедшими къ нимъ на смѣну, то оно можетъ, такъ сказать, и антиципировать будущее, участвуя въ созданіи явленій, только еще имѣющихъ замѣнить собою современность, и въ такомъ случаѣ дѣятельность, направленная въ эту сторону (съ успѣхомъ ли, или безуспѣшно), также не имѣетъ права разсматриваться, какъ отраженіе «времени».

Многіе думаютъ, что идея закономѣрности историческихъ явленій, къ которой мы сейчасъ и перейдемъ, заключаетъ въ себѣ логическое требованіе не противополагать личность, какъ нѣчто самостоятельное, обществу и не приписывать ей на правахъ собственности того, что должно (будто бы) принадлежать именно обществу. Вопросъ объ этомъ ставится ребромъ въ одномъ параграфѣ «Лекцій по общей теоріи права» Н. М. Коркунова, въ параграфѣ, такъ и озаглавленномъ «Общество и личность» [1]). Авторъ исходитъ изъ идеи закономѣрности общественныхъ явленій. «Но если такъ, говоритъ онъ, если и духовныя явленія, и явленія общественности опредѣляются закономъ при-

---

[1]) *Коркуновъ*. Лекціи по общей теоріи права. Спб. 1887. I, 202—207.

чинной связи, *возможно ли противополагать обществу человѣческую личность, возможно ли говорить объ ея самостоятельности?*... Не выдѣляя личности изъ ряда явленій, связанныхъ между собою, какъ причины и слѣдствія, спрашиваетъ онъ нѣсколько далѣе, *не низводимъ ли мы личность къ положенію полной подчиненности, гдѣ она перестаетъ существовать сама для себя и существуетъ лишь какъ средство для послѣдующихъ звеньевъ цѣпи* [1])? Отвѣчая на этотъ вопросъ, почтенный авторъ исходитъ изъ того положенія, что рѣшеніе вопроса обусловлено исключительно принципомъ, коимъ мы пользуемся при объясненіи явленій. Именно тотъ, кто допускаетъ существованіе объективной цѣли, опредѣляющей все въ мірѣ,—необходимо долженъ низводить личность на степень средства, такъ какъ тогда въ мірѣ все—средство. Напротивъ, при объясненіи дѣйствительности принципомъ причинности не можетъ быть и рѣчи о средствахъ: тутъ все—или продуктъ, или причина [2]). Но, могутъ намъ сказать, пусть личность и не будетъ средствомъ для внѣ ея лежащихъ цѣлей, все-таки она «*ничего не вноситъ въ міръ своего, новаго*», и «если всякое движеніе воли такъ же опредѣляется причинами, какъ и все совершающееся во внѣшней природѣ, то *чѣмъ личность отличается отъ любой вещи*»? Конечно, отвѣчаетъ г. Коркуновъ, нельзя «отстаивать самостоятельность личности въ смыслѣ ея независимости отъ тѣхъ условій, при которыхъ она существуетъ. Принципъ причинной связи непримиримъ съ такою независимостью. Нельзя сказать, чтобы *личность вносила въ міръ что-либо абсолютно новое:* это противорѣчило бы принципу сохраненія силы. Рѣчь можетъ идти только объ относительной самостоятельности. Различіе можетъ быть только въ степени. Какъ живыя существа представляютъ относительно бóльшую самостоятельность сравнительно съ частями мертвой матеріи, такъ надѣленная самосознаніемъ личность—сравнительно съ другими существами [3])».—Мы и перейдемъ теперь къ вопросу о закономѣрности историческихъ явленій, во имя которой, какъ сейчасъ только видѣли, тоже отрицается личное начало въ исторіи. Тутъ, по нашему мнѣнію, все зависитъ отъ невѣрнаго пониманія того, что такое законъ въ научномъ смыслѣ. Разсуждая объ отношеніи человѣческой воли къ необходимости, мы уже нѣсколько разъ употребляли это выраженіе, указывая и на тотъ смыслъ, который ему придаемъ [4]), но для большей ясности мы позволимъ себѣ привести здѣсь съ легкими измѣненіями нѣсколько строкъ изъ начала II главы первой «книги» *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи.* «Законъ въ строгомъ смыслѣ слова, сказано было тамъ, есть выраженіе опредѣленнаго постоянства въ отношеніи между

---

[1]) Ibid., I, 203. [2]) Ibid., I, 204. [3]) Ibid., I, 205.
[4]) См. выше, стр. 175 и слѣд.

двумя одновременными или послѣдовательными явленіями, наблюдаемаго каждый разъ, когда это отношеніе дается. Чтобы открыть какое-либо неизмѣнное и постоянное отношеніе подобнаго рода, необходимо имѣть прежде всего рядъ повторяющихся или имѣющихъ возможность повторяться въ неизмѣнной связи однородныхъ явленій». Но именно дѣло въ томъ и заключается, что «исторія есть процессъ, состоящій изъ послѣдовательной смѣны явленій, которыя даются намъ лишь одинъ разъ въ данной совокупности; другими словами, историческіе факты не повторяются, они вполнѣ индивидуальны. Возьмемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, всемірную исторію въ ея цѣломъ или исторію отдѣльныхъ народовъ, мы тотчасъ же увидимъ, что въ первомъ случаѣ передъ нами находится весьма сложный фактъ, имѣвшій мѣсто только одинъ разъ, а во второмъ—нѣсколько единичныхъ фактовъ, не похожихъ одни на другіе и, слѣдовательно, точь-въ-точь не повторяющихся... Если, однако, факты исторіи не повторяются въ ихъ сложной индивидуальности, это не мѣшаетъ разложить каждый такой фактъ на отдѣльные элементы, которые уже повторяются, хотя и въ иныхъ комбинаціяхъ: мы говоримъ здѣсь вообще о явленіяхъ духовной и общественной жизни, о постоянно повторяющихся элементахъ историческихъ фактовъ, разнообразныхъ процессовъ въ жизни народовъ, событій въ существованіи всего человѣчества. Въ природѣ и исторіи, конечно, все закономѣрно, все подчинено извѣстнымъ постояннымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ, но въ опытѣ эти отношенія рѣдко даются намъ въ чистомъ видѣ: мы не имѣемъ исторической закономѣрности, но только психологическую и соціологическую. Мы можемъ, напр., найти нѣкоторые постоянные пути, по которымъ совершается развитіе того или другого элемента культуры, той или другой формы соціальной организаціи, поскольку изучаемыя нами явленія повторяются у разныхъ народовъ и по самой своей природѣ должны повторяться именно въ такой, а не въ иной послѣдовательности: эту-то только послѣдовательность мы и называемъ закономѣрной» [1]). Въ приведенныхъ словахъ было упомянуто только объ эволюціонной закономѣрности, имѣющей значеніе въ культурной исторіи, въ которой мы дѣйствительно наблюдаемъ нѣкоторое (да и то относительное) единообразіе, т.-е. повтореніе однихъ и тѣхъ же процессовъ въ исторіи отдѣльныхъ странъ и народовъ. Другое дѣло—прагматическая исторія: то, что можно назвать ходомъ событій, бываетъ вполнѣ индиви-

---

[1]) О. В. Ф. И., I, 17—18 (113—114). Мы позволяемъ себѣ употреблять выраженіе—«законы человѣческаго поведенія» (см. выше, стр. 142). Въ этомъ отношеніи мы находимъ ненаучнымъ утвержденіе Гумпловича, будто только «группы» дѣйствуютъ по законамъ, а отдѣльныя личности какъ-то иначе (выше, стр. 147 и 149). И это можетъ служить примѣромъ употребленія слова — «законъ» въ какомъ-то странномъ смыслѣ.

дуально у каждаго народа въ силу необыкновенной сложности дѣйствующихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причинъ и разнообразія опять-таки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ существующихъ условій, такъ что безрасудно было бы даже думать объ открытіи такого закона, по которому располагался бы ходъ всѣхъ событій или, что то же, прагматическій процессъ въ исторіи всякаго народа. Такого закона (одного) или такихъ законовъ (многихъ) нѣтъ: прагматическій процессъ обусловливается великимъ множествомъ причинъ, комбинаціи коихъ вполнѣ индивидуальны для каждой страны, народа, государства. Единообразно связаны въ явленіяхъ, представляемыхъ дѣятельною стороною жизни каждаго людского общежитія, только причины съ своими слѣдствіями, но то, какъ составляются причинныя цѣпи и ихъ сплетенія въ исторіи отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, т.-е. народовъ и государствъ, зависитъ уже отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, а потому не можетъ быть подведено подъ одну какую-либо формулу съ значеніемъ общаго для всѣхъ научнаго закона. Если выше мы остановились на логическомъ ученіи о причинности, какъ основѣ «единообразія порядка природы», то сдѣлали это не для того, чтобы показать, какъ ставится самый вопросъ въ логикахъ, но и для того, чтобы впослѣдствіи на него сослаться при рѣшеніи вопроса о законахъ по отношенію къ прагматической исторіи. Логическое ученіе, ставя во главу угла научнаго зданія идею «единообразія порядка природы», отнюдь не утверждаетъ, чтобы ходъ событій вездѣ и всегда совершался въ единообразномъ порядкѣ, имѣющемъ значеніе закона. Единообразіе послѣдовательности у Милля [1]), да и у другихъ авторовъ логикъ, стоящихъ на той же точкѣ зрѣнія, вовсе не обозначаетъ единообразія въ чередованіи цѣлаго ряда фактовъ: оно простирается только на два сосѣдніе факта, изъ коихъ одинъ есть причина другого. Прагматическій процессъ исторіи только въ томъ смыслѣ долженъ считаться закономѣрнымъ, что отдѣльные элементы отдѣльныхъ его моментовъ, т.-е. людскіе поступки, складывающіеся въ событія и движенія, возникаютъ изъ своихъ причинъ вполнѣ закономѣрно. Если же бы мы стали искать какой-то особой закономѣрности, не сводящейся къ указанной причинной связи, т.-е. законовъ для всей послѣдовательности событій и движеній, какъ моментовъ этого процесса, или для соединенія въ одно цѣлое человѣческихъ дѣйствій, этихъ элементовъ каждаго историческаго событія или движенія, то въ концѣ-концовъ мы должны были бы отказаться отъ самой идеи о закономѣрности въ исторіи. Закономѣрная послѣдовательность цѣлыхъ рядовъ фактовъ, какъ мы увидимъ, существуетъ лишь въ области культуры, взятой въ нашемъ, широкомъ смыслѣ слова, но для объясненія прагматической исторіи

---

[1]) См. выше, стр. 176 и слѣд.

намъ приходится довольствоваться такими законами, общая формула коихъ дается въ словахъ *если—то* [1]), тогда какъ общей формулой эволюціонныхъ законовъ можно было бы назвать прохожденіе въ извѣстномъ порядкѣ отдѣльныхъ стадій развитія. *Если* на порохъ попадетъ искра, *то* онъ вспыхнетъ, это—законъ, но онъ не требуетъ, чтобы порохъ непремѣнно вспыхнулъ въ тотъ же моментъ при всѣхъ остальныхъ условіяхъ, только не противящихся его воспламененію, а потому законъ этотъ имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели тотъ, въ силу котораго, напр., растительный или животный организмъ, конечно, подъ условіемъ отсутствія причинъ, мѣшающихъ ему жить, проходитъ въ опредѣленномъ порядкѣ послѣдовательныя стадіи своего существованія. Закона или законовъ въ послѣднемъ родѣ для прагматическаго процесса исторіи, еще разъ повторяю, не существуетъ, и внѣ отдѣльныхъ причинъ отдѣльныхъ человѣческихъ дѣйствій, т.-е. внѣ мотивовъ поступковъ и внѣ индивидуальныхъ характеровъ со всѣми ихъ собственными причинами и условіями, со всѣми вліяніями, которыя они испытываютъ, нѣтъ поэтому такихъ факторовъ, которые направляли бы волю людей для порожденія событій и движеній въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ, который притомъ былъ бы единообразнымъ для всѣхъ странъ и народовъ. Если подъ законами исторіи разумѣютъ такіе факторы, то, дѣйствительно, остается только сказать, что индивидуальная воля есть лишь призрачная причина того или другого дѣянія, что данное дѣяніе въ сущности произведено нѣкоторою силою, господствующею въ исторіи, и что какъ сама воля, такъ и все, ее опредѣляющее и обусловливающее, суть лишь простыя орудія этой силы. Но отсутствіе единообразія въ ходѣ событій и въ чередованіи движеній, представляемыхъ исторіями отдѣльныхъ странъ и народовъ, съ одной стороны, и возможность въ принципѣ объяс-

[1]) Мы развиваемъ здѣсь, въ сущности, тотъ взглядъ на законы, который былъ нами высказанъ во второй главѣ первой «книги» О. В. Ф. И. Въ свое время онъ подвергся нападенію со стороны нѣкоторыхъ критиковъ, о чемъ см. брошюру «Моимъ критикамъ» (Варшава. 1884. Стр. 41—54). Нѣкоторыя возраженія были основаны на недоразумѣніи, и къ ихъ числу нужно отнести одно изъ тѣхъ, которыя сдѣланы мнѣ были г. *Слонимскимъ* (см. въ означенной брошюрѣ 44—45), подвергшимъ интересующій насъ вопросъ пересмотру въ «Основныхъ вопросахъ политики» (1889, стр. 22). Теперь его возраженіе относится къ термину: онъ считаетъ возможнымъ называть историческими законами то, что я обозначаю именемъ законовъ психологіи и соціологіи, по существу же я никогда не утверждалъ противнаго тому, что г. Слонимскій формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ на стр. 6—7: «Всякій законъ явленій выражается въ видѣ условной формулы: если даны такія-то условія, произойдетъ такой-то результатъ... Мы предсказываемъ результатъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду извѣстныя условія, безъ которыхъ оно не возникнетъ», и т. д. Оговоримся только, что мы не сказали бы этого о *всякомъ* законѣ явленій (см. главу II второй части настоящаго труда).

нить каждое человѣческое дѣйствіе (а слѣдовательно и всѣ историческія событія и движенія) изъ его частныхъ причинъ, какъ ихъ закономѣрный результатъ, съ другой,—устраняютъ не только необходимость, но и самую возможность признанія такихъ факторовъ.

Съ нѣсколько иной точки зрѣнія разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ и Милль въ своей «Системѣ Логики». Вотъ въ чемъ заключается его аргументація. «Теорія подчиненія общественнаго прогресса неизмѣннымъ законамъ, говоритъ онъ, часто соединяется съ ученіемъ, что на соціальный прогрессъ *не могутъ имѣть существеннаго вліянія отдѣльныя лица* или дѣйствія правительства». Милль ни въ какомъ случаѣ не соглашается съ такимъ толкованіемъ. «Что бы ни случилось, все будетъ дѣйствіемъ причинъ, включая сюда и человѣческія желанія; но *отсюда не слѣдуетъ, что желанія, даже желанія частныхъ лицъ не имѣютъ большой силы*, *какъ принципы*... Какъ бы ни были общи законы соціальнаго развитія, они не могутъ быть общѣе и строже, чѣмъ законы физическихъ силъ природы, однако же *человѣческая воля можетъ обратить и эти послѣдніе законы въ орудія своихъ намѣреній* [1])... Человѣческіе и соціальные факты, по своей сложной природѣ, не менѣе, а *болѣе способны къ измѣненію, чѣмъ факты механическіе и химическіе;* и, слѣдовательно, человѣческая сила имѣетъ надъ ними еще большую власть. А потому тѣ, которые утверждаютъ, что развитіе общества зависитъ исключительно или почти исключительно, отъ общихъ причинъ, всегда включаютъ въ ихъ число коллективныя знанія и умственное развитіе племени. Если же такъ, то почему же не развитіе какого-нибудь могучаго монарха, или мыслителя, или правящей части какого-нибудь политическаго общества? Хотя разницы въ характерѣ между обыкновенными людьми нейтрализуютъ одна другую на большой скалѣ, но исключительные недѣлимые, занимающіе важное положеніе, не нейтрализуютъ другъ друга... Сверхъ того, какъ кажется, желанія исключительныхъ лицъ или мнѣнія и намѣренія недѣлимыхъ, которые въ данное время составляютъ правительство, могутъ быть необходимыми звеньями въ цѣпи причиненія, чрезъ которыя даже общія причины производятъ свое дѣйствіе» [2]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ «Системы логики» разсуждаетъ еще такъ: «Нельзя заключать, что вліяніе выдающихся недѣлимыхъ или правительства мало, если они не могутъ дать того, чего общество получить не приготовлено общими обстоятельствами и ходомъ своей прежней исторіи. Ни правительство, ни мыслители не достигаютъ всего, къ чему стремятся; но въ вознагражденіе за это они часто производятъ важные результаты, которыхъ ни малѣйшимъ образомъ не предвидѣли. Великіе люди и великія дѣя-

---

[1]) Система логики. II, 489. [2]) Ibid., II, 490.

нія рѣдко бываютъ тщетны, они *производятъ тысячи невидимыхъ вліяній*, болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ видимыя; и хотя девять изъ десяти вещей, сдѣланныхъ съ добрымъ намѣреніемъ тѣми, кто впереди своего вѣка, не производятъ никакого существеннаго дѣйствія, зато десятая вещь *производитъ дѣйствія въ двадцать разъ большія, чѣмъ кто-нибудь могъ предвидѣть.* Даже люди, которые, за недостаткомъ удовлетворительно-благопріятныхъ обстоятельствъ, не производили никакого впечатлѣнія на свой собственный вѣкъ, часто *имѣли величайшую важность для потомства»* [1]). Поэтому онъ приписываетъ большое вліяніе великимъ людямъ. «Достовѣрно, какъ только можетъ быть достовѣрно сужденіе, относящееся къ историческимъ событіямъ, что если бы не было Ѳемистокла, то не было бы побѣды при Саламинѣ, а если бы не было ея, какова была бы вся наша цивилизація? Какой различный вышелъ бы результатъ, если бы при Херонеѣ вмѣсто Хареса и Лизикла командовали Эпаминондъ или Тимолеонъ или даже Ификратъ... *Общія причины много значатъ; но индивидуумы также производятъ великія перемѣны въ исторіи* и даютъ цвѣтъ всему ея составу долго спустя послѣ своей смерти» [2]). Приведенное разсужденіе Милля важно для убѣжденія всѣхъ, признающихъ отдѣльные отъ общихъ законовъ психологіи и соціологіи историческіе законы и отрицающихъ во имя ихъ личное начало въ исторіи, но въ сущности принимающихъ за такіе законы дѣйствіе въ исторіи причинъ болѣе или менѣе постоянныхъ и общихъ, которыя мы можемъ противополагать причинамъ случайнымъ и частнымъ,—ибо и въ такомъ смыслѣ часто понимаются историческіе законы [3]). Но если цѣлые народы, обыкновенно принимаемые въ расчетъ при упоминаніи о такихъ законахъ, и подчиняются въ своей дѣятельности нѣкоторымъ долговременно и на всѣхъ дѣйствующимъ причинамъ, то это не мѣшаетъ тому, чтобы дѣятельность отдѣльныхъ личностей могла обусловливаться причинами, которыя складываются только въ извѣстный моментъ и только для извѣстныхъ личностей, и тогда такія личности, представляя собою исключенія изъ общаго правила, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться дѣйствующими въ зависимости отъ того, что принимается за историческій законъ народа, къ коему онѣ принадлежатъ.

Итакъ, разъ подъ законами по отношенію къ прагматической сторонѣ исторіи мы разумѣемъ только единообразныя связи причинъ съ ихъ слѣдствіями, а не силы, которыя производятъ явленія, и не данныя теченія исторіи, производимыя дѣйствіемъ постоянныхъ и об-

---

[1]) Ibid., II, 493—494. [2]) Ibid., II, 495.

[3]) О. В. Ф. И. I, 33 (131 sq.). О дѣйствіи общихъ причинъ см. ниже (часть II, гл. II).

щихъ причинъ, мы не должны видѣть противорѣчія между признаніемъ законовъ и признаніемъ воли, какъ одной изъ причинъ въ мірѣ явленій, дѣйствующей притомъ по собственнымъ мотивамъ. Только тогда, когда закономъ называютъ нѣчто иное, а именно принудительно дѣйствующую силу, которая и является причиной явленія, понятіе воли, какъ причины явленія, противорѣчитъ понятію закона, но надѣюсь, нами доказано, что такое пониманіе послѣдняго неправильно. Съ другой стороны, мы признали также и то, что въ мірѣ явленій, гдѣ все расположено по цѣпи причинъ и слѣдствій, т.-е. каждое явленіе, будучи причиной одного, необходимо бываетъ слѣдствіемъ другого, и самая воля всегда бываетъ слѣдствіемъ чего-либо, т.-е. должна имѣть свою причину. Къ сожалѣнію многіе смѣшиваютъ эти двѣ различныя вещи, ничего между собою общаго не имѣющія: служитъ ли воля причиною явленія и имѣетъ ли она сама причину? Эти два вопроса нужно раздѣлить и на каждый отвѣтить порознь: воля можетъ служить причиною явленія; воля сама имѣетъ причину [1]).

Однако пора сдѣлать и окончательный выводъ для рѣшенія вопроса о роли личности въ прагматическомъ процессѣ изъ всего, что было разсмотрѣно въ оканчиваемой теперь главѣ, задачею которой было опредѣлить, какъ дѣйствуетъ человѣкъ на человѣка, отдѣльная личность (или группа личностей) на отдѣльную личность (или группу же личностей?) [2]) Но имѣемъ ли мы, прежде всего, еще право говорить о такомъ выводѣ?

Историческія событія и движенія, какъ и все совершающееся въ мірѣ явленій, подчинены закону причинности. Каждая категорія явленій, складывающихся въ разнаго рода процессы, имѣетъ свои отличительныя черты [3]), соотвѣтственно чему и законъ причинности проявляется неодинаково въ процессахъ разныхъ категорій, принимая въ нихъ, такъ сказать, различныя формы. Хотя разнообразіе формъ причинности само-по-себѣ совершенно не изслѣдовано вообще, а въ частности до сихъ поръ не существуетъ еще спеціальной теоріи причинности историческихъ фактовъ, мы все-таки имѣемъ нѣкоторое право разсуждать объ особенностяхъ причинной связи, проявляющейся въ историческомъ

---

[1]) Въ 80-хъ годахъ въ русской литературѣ вопросъ о личности и законахъ исторіи поднимался *Каблицемъ (Юзовымъ)* и *Л. З. Слонимскимъ*. Первый въ своихъ «Основахъ народничества» (Спб. 1888. Изд. 2) посвятилъ цѣлую главу (стр. 1—58) разбору этого предмета, второй—нѣсколько страницъ (17—22) въ своихъ «Основныхъ вопросахъ политики». Оба отстаиваютъ самостоятельность личнаго начала, и я только могу рекомендовать заинтересованному вопросомъ читателю обратиться и къ ихъ аргументаціи.

[2]) Ср. постановку этой задачи на стр. 13, 141 и 157.

[3]) См. выше, стр. 1.

процессѣ, и примѣнять выводы, полученные изъ такого разсужденія, къ рѣшенію отдѣльныхъ теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Поэтому и позволительно теперь собрать вмѣстѣ все, что только говорилось въ настоящей главѣ, объ особенностяхъ исторической причинности, чтобы на основаніи такихъ данныхъ придти къ нѣкоторымъ выводамъ, важнымъ и для рѣшенія вопроса о роли личности въ прагматическомъ процессѣ исторіи. Послѣдній, какъ мы уже его опредѣляли, складывается изъ людскихъ дѣяній, находящихся между собою въ отношеніяхъ причинъ и слѣдствій. Но это только видимая, доступная наблюденію извнѣ сторона процесса, за которою скрывается другая, внутренняя [1]), т.-е., говоря иначе, какъ въ основѣ отдѣльныхъ поступковъ лежатъ ихъ мотивы, такъ въ основѣ всего историческаго прагматизма научный анализъ открываетъ цѣлую совокупность индивидуальныхъ психическихъ процессовъ, безъ которыхъ никакимъ образомъ человѣческіе поступки не могли бы вызываться одни другими [2]). Въ обозначеніи задачи исторіи, какъ задачи психологической (хотя бы, по нашему мнѣнію, и не психологической par excellence) много по существу дѣла справедливаго [3]), а разъ это такъ, теорія исторической причинности должна основываться главнымъ образомъ на ученіи о томъ видѣ необходимости, которая господствуетъ въ человѣческомъ поведеніи [4]). Принимая въ расчетъ, что между двумя дѣйствіями, изъ коихъ съ точки зрѣнія строго прагматической одно—причина, а другое—слѣдствіе, связывающимъ звеномъ является мотивъ [5]), и что съ болѣе общей, а потому менѣе исключительной точки зрѣнія истинная причина и заключается въ мотивѣ [6]), мы должны обратить особое вниманіе на возникновеніе самихъ мотивовъ подъ вліяніемъ чужихъ дѣйствій, т.-е. на такую сторону вопроса, которая неособенно интересовала авторовъ, разсуждавшихъ о законѣ причинности въ дѣлахъ человѣческихъ [7]). Между тѣмъ для общаго опредѣленія роли личности въ прагматическомъ процессѣ небезразлично, какъ отвѣтила бы наука на вопросъ о возникновеніи мотивовъ, суть ли они простые передаточные аппараты въ механизмѣ дѣйствія поступка-причины на поступокъ-слѣдствіе, не видоизмѣняющіе этого дѣйствія и не привносящіе въ него ничего отъ себя, или же въ нихъ нужно видѣть нѣчто большее, такъ сказать, механическія приспособленія съ самостоятельною работою, и если, — какъ это должно и

---

[1]) Ср. разсужденіе *Тэна*, приведенное на стр. 213—214.

[2]) См. выше, стр. 232 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 184 и слѣд., 212 и слѣд.

[4]) Мы, конечно, разумѣемъ тутъ ту форму, которую Шопенгауеръ называетъ «моральной необходимостью». См. выше стр. 168—174.

[5]) См. выше, стр. 234 [6]) См. выше, стр. 168. [7]) Ср. выше, стр. 165, 175.

казаться съ перваго взгляда, и быть принято наукою послѣ тщательнаго разслѣдованія,—если по существу дѣла болѣе вѣрнымъ можетъ считаться лишь второе рѣшеніе, то въ чемъ заключается эта работа, каковы причины ея возможности, условія ея наступленія, ея процессы и результаты? Мы не имѣемъ ни времени, ни возможности рѣшать этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, считая достаточнымъ высказать только нѣсколько общихъ о немъ соображеній, поскольку они вызываются необходимостью понять роль личности въ прагматическомъ процессѣ.

Изъ обусловленности поступковъ каждой личности или всего ея поведенія разными внѣшними обстоятельствами, къ числу каковыхъ относятся отдѣльные поступки и вообще все поведеніе другихъ людей, отнюдь нельзя дѣлать того вывода, что личность въ своихъ дѣйствіяхъ только проявляетъ чисто пассивнымъ образомъ воспринятыя ею извнѣ вліянія, не подвергая ихъ внутренней переработкѣ, не комбинируя ихъ съ другими вліяніями, ранѣе воспринятыми [1]), или съ другими психическими продуктами своей собственной жизни. Представляясь намъ въ подобныхъ случаяхъ началомъ страдательнымъ, личность есть въ сущности начало дѣятельное не только въ томъ смыслѣ, что она должна заключать въ себѣ нѣкоторыя условія, безъ содѣйствія коихъ внѣшнія вліянія не могли бы въ ней ничего произвести [2]), но и въ томъ, что обладаетъ способностью дѣйствовать не по однимъ внѣшнимъ стимуламъ, но и по внутреннимъ побужденіямъ. Физіологи, признающіе въ рефлексѣ, т.-е. въ движеніи, вызванномъ внѣшнимъ раздраженіемъ, чуть не первый корень нашей психической жизни, во имя этого не отрицаютъ, однако, существованія такихъ движеній, которыя возникаютъ самостоятельно въ самомъ организмѣ, хотя бы имъ и приписывалось значеніе задержанныхъ и преобразованныхъ рефлексовъ [3]). Психологи отличаютъ разницу, существующую между проявленіемъ физическихъ силъ и самопроизвольнымъ, т.-е. независимымъ отъ стимуловъ ощущенія дѣйствіемъ органовъ [4]). Вмѣстѣ съ психологами и философы указываютъ на то, что люди въ своихъ дѣйствіяхъ являются болѣе свободными отъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяній, нежели, напр., животныя [5]). Если все это справедливо

[1]) Припомнимъ слова Шопенгауера, приведенныя на стр. 173: мотивы «становятся простыми мыслями,... источникъ которыхъ заключается... зачастую.. или *въ собственномъ опытѣ минувшихъ годовъ*, или въ чужомъ устномъ или письменномъ сообщеніи, иногда даже *изъ самыхъ* отдаленныхъ временъ».

[2]) Въ этомъ смыслѣ Милль и говоритъ, что «страдательныя начала всегда дѣятельны». См. выше, стр. 188.

[3]) Ср. *Сѣченовъ*. Рефлексы головного мозга. Изд. 2. Спб. 1871, стр. 131 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 188.

[5]) *Шопенгауеръ*. О свободѣ воли, стр. 46 и слѣд.

даже относительно, такъ сказать, самыхъ элементарныхъ проявленій нашей психической жизни въ простѣйшихъ нашихъ дѣйствіяхъ, то что же сказать о такихъ, въ которыхъ обнаруживаются наиболѣе сложныя движенія нашей души, самыя важныя стороны нашего характера [1]), о такихъ дѣйствіяхъ, которыя нами совершаются только послѣ цѣлаго ряда психическихъ состояній и актовъ, каковы разнообразныя чувства, вызываемыя въ насъ или самими дѣйствіями другихъ людей, или ихъ результатами (либо уже достигнутыми, либо ожидаемыми), столь же разнообразныя желанія и стремленія, соотвѣтствующія этимъ чувствамъ, изысканіе средствъ для осуществленія желательныхъ цѣлей и выборъ между ними, принятіе того или другого рѣшенія, обдумываніе способа дѣйствій въ подробностяхъ, взвѣшиваніе обстоятельствъ, при которыхъ было бы удобнѣе наконецъ приступить къ дѣйствію и т. д.? Что сказать, тѣмъ еще болѣе, о дѣйствіяхъ, входящихъ въ составъ цѣлаго плана, заранѣе обдуманнаго, постепенно осуществляемаго и лишь несущественнымъ образомъ измѣняемаго въ зависимости отъ непредвидѣвшихся прежде поступковъ другихъ лицъ? Во всемъ, на что мы сейчасъ указали, принимаетъ участіе громадное количество силъ, совершенно независимыхъ отъ того дѣйствія другого лица, отвѣтомъ на который является нашъ поступокъ, — силъ, являющихся продуктами множества процессовъ, связанныхъ съ даннымъ прагматическимъ процессомъ лишь одновременностью, и чѣмъ сложнѣе бываетъ внутренняя работа, коей подвергаются внѣшнія вліянія, т.-е. чѣмъ больше въ ней моментовъ, отдѣляющихъ эти вліянія отъ поступковъ, чѣмъ большее количество независимыхъ отъ даннаго прагматическаго процесса силъ въ ней участвуетъ съ одной стороны, и чѣмъ сильнѣе зависитъ поступокъ отъ характера личности, т.-е. чѣмъ болѣе эти моменты будутъ опредѣляться психическими условіями самой личности, а эти условія — ея собственными силами [2]), тѣмъ съ большимъ правомъ мы будемъ говорить о томъ, что дѣйствіе имѣетъ личный источникъ, что въ немъ личность проявила свое *я*, что имъ привнесено въ процессъ нѣчто новое, въ немъ самомъ прежде не заключавшееся даже in potentia [3]).

---

[1]) О значеніи характера см. выше стр. 214 и слѣд.

[2]) Дѣлаемъ это различіе между двумя категоріями моментовъ и силъ въ виду того, что внѣ прагматическаго процесса въ тѣсномъ смыслѣ могутъ находиться и такія условія и причины его отдѣльныхъ звеньевъ, которыя заключаются во внутренней жизни личности, и наоборотъ, такія, мѣсто коихъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ непрагматическаго характера, т.-е. главнымъ образомъ въ культурно-соціальныхъ отношеніяхъ.

[3]) Это-то и позволяетъ нѣкоторымъ авторамъ говорить о свободѣ воли, но если поступокъ прямо не вытекаетъ изъ даннаго хода событій, то лишь потому, что причины его коренятся въ другихъ сферахъ; онъ свободенъ только

Ученія о причинности, которыя мы разсматривали, признаютъ существованіе особыхъ, рѣшающихъ моментовъ; положимъ, даны всѣ условія, сочетаніе коихъ можетъ произвести извѣстное дѣйствіе, если только будетъ совершенъ такой-то актъ [1]), но изъ существованія этихъ условій еще вовсе не слѣдуетъ, что послѣдній будетъ совершенъ, т.-е. явится ли онъ или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ того, найдется ли или нѣтъ лицо, которое его совершитъ, поставивъ себѣ такую задачу, какая другому не пришла бы въ данный моментъ въ голову, придумавъ для задачи, уже разрѣшаемой другими, такой способъ, о какомъ до него опять-таки никто не думалъ и т. д. Въ существованіи извѣстныхъ условій лежитъ возможность множества слѣдствій, и какое изъ нихъ наступитъ, это опредѣлится характеромъ извнѣ приходящей «мгновенной перемѣны» съ характеромъ «рѣшающаго событія»: въ отверстіе бочки съ порохомъ можетъ и попасть искра, и просочиться вода. Среди однихъ и тѣхъ же условій разные люди ставятъ себѣ не одинаковыя цѣли и дѣйствуютъ не одинаковыми средствами, способствуя поэтому произведенію разныхъ же и результатовъ. Разъ человѣкъ поступаетъ такъ или иначе въ зависимости отъ своихъ цѣлей, являющихся непосредственными внутренними причинами его поступковъ, какое право принадлежитъ кому бы то ни было утверждать, что тѣ цѣли, какія ставитъ себѣ человѣкъ въ своей дѣятельности, прямо продиктованы ему внѣшними обстоятельствами, что онъ только уясняетъ въ своемъ сознаніи желанія и требованія, безсознательно предъявляемыя ему другими людьми, что онъ не творитъ своихъ цѣлей самъ, перерабатывая, какъ говорится, «въ горнилѣ своего духа» впечатлѣнія, получаемыя изъ внѣшняго міра, и черпая матеріалъ для образованія этихъ цѣлей изъ своей собственной природы, изъ прирожденнаго характера, привитыхъ воспитаніемъ и жизнью привычекъ, изъ духовнаго достоянія своего, накопленнаго собственнымъ прошлымъ опытомъ или унаслѣдованнаго отъ людей отдаленнаго прошлаго? [2]).

Какъ же, въ концѣ-концовъ, дѣйствуетъ человѣкъ на человѣка въ прагматическомъ смыслѣ?

Признавая, что поступки однихъ людей порождаются поступками другихъ, мы должны непремѣннѣйшимъ образомъ принимать въ расчетъ, что при этомъ въ большей или меньшей мѣрѣ происходитъ въ сущ-

---

по отношенію къ данному частному процессу, что не только не исключаетъ зависимости его отъ другихъ процессовъ, а наоборотъ, заставляетъ ее предполагать.

[1]) См. выше, стр. 178—179, 181—182.

[2]) Ср. что говорится ниже о причинности и цѣлесообразности (часть II, гл. II).

ности внутренняя, совершающаяся по законамъ психологіи переработка впечатлѣній, производимыхъ поступками однихъ людей на другихъ. Отдѣльный поступокъ человѣка не есть необходимо продуктъ только одного внѣшняго впечатлѣнія, произведеннаго на него посторроннимъ дѣйствіемъ, какъ отвѣтъ на которое и можетъ разсматриваться этотъ поступокъ: въ немъ есть нѣчто, привнесенное въ него внутреннимъ актомъ, происшедшимъ въ самомъ человѣкѣ въ зависимости отъ предыдущихъ условій его психической жизни. Для простоты мы постоянно разсуждали такъ, какъ будто бы поступокъ человѣка, вызванный извнѣ или самъ вызывающій постороннее дѣйствіе, всегда стоитъ въ связи только съ однимъ поступкомъ одного человѣка, какъ съ своими причиной или слѣдствіемъ, смотря по тому, какое отношеніе мы разсматриваемъ, но на дѣлѣ нужно брать въ расчетъ множество поступковъ множества лицъ, что вноситъ въ предметъ цѣлый рядъ усложненій. Чѣмъ большее количество дѣйствій и большаго количества людей разсматривается, какъ причина поступка, тѣмъ менѣе онъ зависитъ отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и тѣмъ сложнѣе непосредственно его вызвавшая внутренняя переработка впечатлѣній, полученныхъ отъ этихъ дѣйствій, а чѣмъ сложнѣе такая работа, тѣмъ болѣе поступокъ долженъ разсматриваться не какъ слѣдствіе однихъ внѣшнихъ вліяній, а какъ результатъ въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ и личнаго психическаго процесса. Дѣйствія Наполеона зависѣли менѣе отъ дѣйствій каждаго изъ его офицеровъ и солдатъ въ отдѣльности, нежели дѣйствія каждаго изъ нихъ отъ его дѣйствій, и всѣ дѣла, совершенныя Наполеономъ, въ гораздо большей степени обусловливались его собственными соображеніями, чѣмъ все, что ни дѣлали его подчиненные, опредѣлялось ихъ соображеніями. Съ другой стороны, чѣмъ большее количество дѣйствій большаго количества людей и въ большей степени можетъ быть принято за непосредственныя слѣдствія единичнаго поступка, тѣмъ крупнѣе его значеніе въ сравненіи съ другими одновременными поступками, и тѣмъ болѣе, конечно, выростаетъ оно въ нашихъ глазахъ, чѣмъ болѣе самый поступокъ будетъ заслуживать права на то, чтобы считаться поступкомъ личнымъ. И съ точки зрѣнія относительной независимости дѣйствія отъ другихъ дѣйствій, и съ точки зрѣнія порожденія поступкомъ другихъ поступковъ и разные люди, и одни и тѣ же люди въ разныхъ обстоятельствахъ играютъ неодинаковую роль въ исторіи: разнообразіе-то этой роли и давало одинъ изъ поводовъ къ возникновенію одностороннихъ ученій. Подчеркните возможность самобытности дѣйствій одного человѣка и зависимости отъ нихъ поступковъ многихъ, и вы получите «теорію героя», и, наоборотъ, обратите все вниманіе на то, что дѣйствія отдѣльнаго человѣка не могутъ быть названы абсолютно самобытными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на то,

что самыя условія подчиненія ему массы лежатъ въ самихъ же подчиняющихся, и у васъ будетъ основная мысль «теоріи толпы». И въ той, и въ другой есть доля истины, односторонне преувеличенная: и самобытность «героя», и дѣйствіе его на толпу, и зависимость его отъ толпы, и самостоятельность послѣдней въ своихъ дѣйствіяхъ не суть величины постоянныя, не суть величины, всегда и вездѣ между собою и однѣ съ другими равныя.

ГЛАВА VII.

Неравенство дѣйствія отдѣльныхъ личностей.

Предметъ главы.—Три категоріи причинъ неравенства отдѣльныхъ элементовъ прагматическаго процесса.—Неодинаковыя отношенія между причинами и слѣдствіями.—Зависимость и независимость характеровъ и соціальныхъ положеній.—Зависимость поступковъ отъ различной степени пониманія событій.—Неравенство составныхъ элементовъ сложной причины.—Разборъ логическаго ученія «о составленіи причинъ».—Изъ ученія криминалистовъ о соучастіи.—Прагматическія причины имѣютъ неодинаковое количество прагматическихъ слѣдствій и прагматическія слѣдствія этихъ причинъ бываютъ разныхъ категорій.—Разнообразные способы участія людей въ событіяхъ.—Классификація дѣятелей исторіи.—Примѣненіе къ ней нѣкоторыхъ данныхъ криминалистическаго ученія о соучастіи.—Разборъ одного взгляда Толстого.—Невозможность общей классификаціи.—Нѣкоторыя особыя понятія, встрѣчающіяся въ исторической литературѣ.—Нѣсколько взглядовъ на роль великихъ людей.—Причины общественнаго содѣйствія.—Что такое личный элементъ въ исторіи?

Значеніе отдѣльныхъ поступковъ въ причинной ихъ цѣпи и роль отдѣльныхъ личностей въ прагматическомъ процессѣ неодинаковы,—вотъ основная тема настоящей главы, тема, которую мы намѣтили въ самомъ началѣ первой части нашего труда [1]) и которой потомъ не разъ еще имѣли случай касаться [2]). Намъ теперь предстоитъ именно объяснить значеніе неравенства отдѣльныхъ элементовъ прагматическаго процесса въ видахъ установленія научнаго взгляда на роль разныхъ личностей въ прагматическомъ процессѣ. Въ предыдущей главѣ было показано, что если въ поведеніи каждаго лица болѣе или менѣе и участвуютъ другія лица своимъ на него

---

[1]) См. выше, стр. 13—16.

[2]) Ср. стр. 37—38, 63, 142—143, 161. Сравни также стр. 34, 40, 42, гдѣ рѣчь идетъ о неодинаковомъ значеніи отдѣльныхъ личностей, весьма часто вовсе не отмѣчающемся писателями, которые касаются роли личности въ исторіи (ср. стр. 57, 62, 103 и др.). Ср. о неравныхъ дѣйствіяхъ группъ на стр. 157.

вліяніемъ, то все-таки такое участіе не есть еще полное исключеніе самого лица изъ числа агентовъ, создающихъ его собственное поведеніе, да и странно было бы доводить до такого предѣла умаленіе личнаго начала: одну изъ причинъ своего поступка человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ, и какъ бы ни были сильны посторонія вліянія, эта самая причина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть равна нулю [1]). Само собою разумѣется, что въ суммѣ причинъ и условій, приводящихъ къ поступку, отдѣльныя слагаемыя (или разныя категоріи слагаемыхъ) представляютъ изъ себя элементы неравновеликіе, да и отношенія ихъ однихъ къ другимъ не остаются постоянными, различаясь между собою въ отдѣльныхъ случаяхъ чуть не до безконечности: равнымъ образомъ и отношеніе тѣхъ причинъ и условій поведенія личности, которыя она носитъ въ себѣ самой, ко всѣмъ постороннимъ вліяніямъ, на нее дѣйствующимъ и вызывающимъ съ ея стороны тѣ или другіе поступки, не есть величина во всѣхъ случаяхъ постоянная, а потому и прагматическая зависимость одного лица отъ другихъ допускаетъ разныя степени, т.-е. разныя степени (относительной, конечно) личной самостоятельности, о которой также шла рѣчь въ предыдущей главѣ [2]). Чѣмъ менѣе исключительна зависимость какого-либо поступка отъ другого поступка, т.-е. чѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ привхожденія въ прагматическій процессъ—непрагматическихъ причинъ (или условій по терминологіи, принятой на стр. 263), не имѣющихъ съ поступкомъ-причиною общихъ причинъ, тѣмъ самостоятельнѣе поступокъ-слѣдствіе, какъ обособленное звено въ каузальной цѣпи прагматическихъ фактовъ [3]). Равнымъ образомъ, чѣмъ менѣе исключительны вліянія, коимъ подвергается отдѣльный человѣкъ со стороны другихъ людей, т.-е. чѣмъ болѣе онъ имѣетъ возможности по психическимъ и соціальнымъ условіямъ своей дѣятельности (принимая эти условія въ самомъ широкомъ смыслѣ) опредѣляться въ своемъ поведеніи иными вліяніями, кромѣ прагматическихъ вліяній, идущихъ отъ другихъ людей, тѣмъ самостоятельнѣе онъ, какъ отдѣльный агентъ въ прагматическомъ процессѣ исторіи [4]). Какъ между поступкомъ, слишкомъ очевидно вызваннымъ почти исключительно другимъ поступкомъ, съ одной стороны, и, наоборотъ, поступкомъ, происхожденіе коего до такой степени сложно, что нѣтъ никакой возможности поставить его въ исключительную связь съ какимъ-либо однимъ поступкомъ, вслѣдствіе чего самъ онъ для поверхностнаго взгляда кажется вполнѣ самопроизвольнымъ (въ смыслѣ spontané), — какъ между двумя такими поступками существуетъ цѣлая градація ступеней уменьшающейся зависимости и увеличивающейся самостоя-

---

[1]) См. выше, стр. 188 и особенно 235.
[2]) См. выше, стр. 236 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 264 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 227—228 и 254.

тельности, такъ существуетъ цѣлая градація и между двумя стоящими на крайнихъ ступеняхъ лѣстницы людьми, изъ коихъ одинъ не дѣлаетъ ни единаго шага безъ того, чтобы послѣдній не былъ вызванъ какимъ-либо постороннимъ прагматическимъ вліяніемъ, тогда какъ поведеніе другого отличается, наоборотъ, наиболѣе возможною для отдѣльнаго члена общества самостоятельностью въ томъ смыслѣ, что поступки его не являются непремѣнно подражательными или рефлективными отвѣтами на чужіе поступки. Объ этой сторонѣ нашего главнаго вопроса, выступающей для насъ съ особою ясностью только послѣ разсмотрѣнія причинной связи прагматическихъ фактовъ, мы и будемъ прежде всего говорить въ настоящей главѣ, чтобы перейти потомъ къ другой сторонѣ вопроса, ей родственной, коей, собственно говоря, мы только и касались, затрогивая прежде этотъ предметъ. Именно раньше мы упоминали почти исключительно о неодинаковомъ значеніи отдѣльныхъ поступковъ, какъ причинъ, и о неодинаковой роли отдѣльныхъ личностей, какъ агентовъ, *въ отношеніи количества произведеннаго ими дѣйствія*, неравнаго, понятное дѣло, для отдѣльныхъ причинъ и агентовъ, теперь же рѣчь у насъ шла о неодинаковой *самостоятельности и дѣйствій, и дѣятелей.* Роль личности въ прагматическомъ процессѣ можетъ опредѣлиться (а вмѣстѣ съ этимъ — рѣшиться и вопросъ о «героѣ» и толпѣ) не только тогда, когда мы узнаемъ лишь, что дѣйствія отдѣльныхъ лицъ неодинаковы по своимъ прагматическимъ слѣдствіямъ, но и тогда вдобавокъ, когда мы еще установимъ, что эти дѣйствія возникаютъ и неодинаковымъ путемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Вотъ разсмотрѣвши эту-то послѣднюю сторону дѣла, открытую намъ изслѣдованіемъ причинности прагматическихъ фактовъ [1]), какъ весьма важную для всесторонняго сужденія о роли личности въ исторіи, мы и перейдемъ къ другой сторонѣ, тоже весьма важной и уже раньше обращавшей на себя наше вниманіе, хотя большею частью въ связи съ одностороннимъ вопросомъ о «героѣ» и толпѣ, къ которому также намъ предстоитъ возвратиться въ настоящей главѣ, разъ мы рѣшаемъ вопросъ болѣе общій, столь тѣсно съ нимъ связанный. Все это должно составить существенное дополненіе теоріи исторической причинности, набросокъ которой мы сдѣлали въ предыдущей главѣ.

Основныя причины неравенства дѣйствія личностей въ прагматическомъ процессѣ исторіи бываютъ весьма различныя. Мы думаемъ, что онѣ съ удобствомъ могутъ быть подведены подъ три категоріи. Отдѣльные поступки получаютъ разное значеніе въ прагматическомъ процессѣ или 1) смотря по тому, какъ велика ихъ непосредственная (конечно, въ условномъ смыслѣ слова) зависимость отъ другихъ по-

---

[1]) См. конецъ предыдущей главы, стр. 267 и слѣд.

ступковъ, или 2) въ зависимости отъ того, какъ опредѣляется участіе того или другого поступка въ произведеніи какого-либо явленія, разъ причина послѣдняго заключается въ совокупности нѣсколькихъ дѣйствій, или же 3) въ связи съ вопросомъ о томъ, какое количество слѣдствій произвелъ поступокъ, разсматриваемый, какъ причина, и въ этомъ отношеніи сравниваемый съ другими поступками. Въ послѣднихъ двухъ изъ указываемыхъ отношеній, съ точки зрѣнія коихъ можно изслѣдовать весь вопросъ, отдѣльные поступки берутся, либо какъ составныя части сложной причины, либо какъ самостоятельныя причины сложныхъ слѣдствій, составляющихся изъ цѣлой совокупности отдѣльныхъ актовъ: въ первомъ случаѣ поступокъ-причина умаляется въ своемъ значеніи тѣмъ, что производитъ слѣдствіе не одна, но въ то же время возникаетъ вопросъ о равенствѣ или неравенствѣ отдѣльныхъ элементовъ составной причины; во второмъ случаѣ значеніе поступка-причины, напротивъ, возрастаетъ въ силу того, что онъ порождаетъ нѣсколько фактовъ, такъ что и тутъ дѣлается возможнымъ нѣкоторое сравненіе. Такимъ образомъ въ обоихъ этихъ случаяхъ берется отношеніе поступковъ, какъ причинъ, къ своимъ сопричинамъ, если позволено будетъ такъ выразиться, и къ своимъ слѣдствіямъ. Но не менѣе интересно и третье отношеніе, т.-е. отношеніе поступка къ своимъ причинамъ, будетъ ли онъ результатомъ одной причины или нѣсколькихъ и будетъ ли онъ единственнымъ результатомъ ихъ дѣйствія или же однимъ изъ многихъ, чѣмъ опредѣляются съ одной стороны, какъ мы знаемъ [1]), большая или меньшая степень самостоятельности поступка, съ другой—большая или меньшая степень его оригинальности. Вопросъ о самостоятельности мы уже поставили, какъ первый при разсмотрѣніи причинъ неравенства элементовъ прагматическаго процесса, и мы могли бы тутъ же прибавить къ тремъ указаннымъ вопросамъ и четвертый — объ оригинальности, если бы не считали болѣе удобнымъ для цѣлей нашего изслѣдованія отнести его разсмотрѣніе въ отдѣлъ нашего труда, посвященный культурной исторіи [2]), хотя совсѣмъ обойти его въ этой главѣ намъ все-таки не удастся.

Первой категоріей причинъ того, что мы обозначаемъ, какъ неравенство человѣческихъ дѣйствій въ прагматическомъ процессѣ, мы назвали неодинаковыя отношенія, въ какихъ могутъ находиться отдѣльные поступки къ другимъ поступкамъ, такъ или иначе ихъ вызвавшимъ: прямая зависимость однихъ отъ другихъ и, слѣдовательно, сравнительная самостоятельность слѣдствій по отношенію къ своимъ прагматическимъ причинамъ можетъ быть большею или меньшею. Въ своемъ мѣстѣ [3]) мы уже говорили, чѣмъ обусловливается большая

---

[1]) Ср. выше, стр. 267 и слѣд. [2]) См. часть II, гл. III.

[3]) См. выше, стр. 267 и слѣд.

или меньшая самостоятельность поступка въ разсматриваемомъ смыслѣ: двѣ вещи различныя—будетъ ли дѣйствіе человѣка вызвано безсознательнымъ подражаніемъ другому человѣку [1]), явится ли оно только выполненіемъ даннаго приказанія, произойдетъ ли оно даже, какъ простой рефлексъ, въ смыслѣ мимовольнаго отвѣта на чужой поступокъ, или же, наоборотъ, истинной его причины, хотя бы находящейся въ связи съ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ посторонняго дѣйствія, нужно будетъ искать въ мысли лица, совершающаго поступокъ. Въ первыхъ трехъ изъ указанныхъ случаевъ причина дѣйствій съ непререкаемою очевидностью лежитъ внѣ дѣйствующаго, т.-е. въ случаѣ подражательности *A* не сдѣлалъ бы того-то и того-то, если бы *B* не подалъ ему примѣра; въ случаѣ исполненія приказанія онъ не совершилъ бы такого-то поступка, если бы послѣдній не былъ ему внушенъ; въ случаѣ рефлекса онъ, наприм., не поднялъ бы палки для отраженія удара, если бы на него самого не замахнулись палкой. Само собою разумѣется, что и въ такихъ случаяхъ въ вызовѣ дѣйствій участвуетъ психическій элементъ [2]), но роль его минимальна, и мы имѣемъ тутъ какъ бы своего рода примѣры того, что Шопенгауеръ, въ отличіе отъ мотиваціи, называетъ раздраженіемъ [3]). Его ученіе о трехъ формахъ причинности мы, согласно съ часто встрѣчающеюся у насъ мыслью о необходимости замѣнять рѣзкія границы постепенными градаціями, дополнили бы только указаніемъ на то, что отъ элементарнѣйшаго случая механической причинности до сложнѣйшаго случая мотиваціи существуетъ масса переходныхъ ступеней [4]), въ силу чего возможно говорить о такихъ примѣрахъ самой мотиваціи, которые стоятъ на рубежѣ съ раздраженіемъ и потому имѣютъ черты, присущія только послѣднему. На верхней ступени лѣстницы мы, конечно, поставили бы всѣ случаи, когда мотивы поступковъ, какъ выражается Шопенгауеръ, наиболѣе независимы отъ наличной реальной обстановки [5]), когда центръ тяжести производящей причины мы обязаны перенести во внутренній міръ дѣйствующаго лица. И уголовныя теоріи отвѣтственности основываются на соображеніяхъ подобнаго же рода, считая возможнымъ въ иныхъ случаяхъ говорить о вмѣненіи поступковъ въ вину, въ иныхъ же — о невмѣняемости, смотря по объектив-

[1]) Примѣры подражательности приводились выше при разборѣ взглядовъ Михайловскаго, стр. 111 и слѣд.

[2]) Ср. выше то, что говорилось о трехъ моментахъ прагматическаго процесса, стр. 232, 233, 234, 236.

[3]) См. выше, стр. 171. Ср. вообще ученіе его о трехъ формахъ прининности, 170 sq.

[4]) Мысль объ этомъ брошена самимъ Шопенгауеромъ (см. выше, стр. 172—196), но не получила у него надлежащаго развитія.

[5]) См. выше, стр. 174.

ному состоянію дѣйствующаго лица, вообще, какъ мы видѣли, играющему роль въ криминалистической теоріи причинности [1]). То, что сказано было тутъ нами объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, можетъ быть перенесено на цѣлое поведеніе людей: и оно способно находиться въ разныхъ степеняхъ зависимости (прямой или косвенной) отъ дѣятельности другихъ лицъ, быть простымъ ея отраженіемъ или отраженіемъ переработаннымъ и получившимъ въ переработкѣ черты самобытности въ силу привнесенія въ него элементовъ, имѣющихъ независимое отъ наличной реальной обстановки (=дѣятельности другихъ лицъ) происхожденіе. Поведеніе человѣка въ общемъ обусловливается внутренними (духовными) и внѣшними (общественными) условіями, въ какія онъ поставленъ [2]), его характеромъ и его соціальнымъ положеніемъ, говоря коротко. Есть организаціи, болѣе податливыя на внѣшнія вліянія [3]), и есть организаціи, болѣе устойчивыя: среди разныхъ качествъ характера наиболѣе высоко цѣнимыхъ въ людяхъ, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ независимость. Человѣкъ съ независимымъ характеромъ въ большей степени имѣетъ право считаться источникомъ своихъ собственныхъ поступковъ, чѣмъ человѣкъ, какъ обыкновенно говорится, дряблый; авторитетъ или того, что «всѣ такъ дѣлаютъ», или приказанія, принужденія и т. д., для него не существуетъ, и въ этомъ смыслѣ воля его наиболѣе свободна. Но независимость образа дѣйствій можетъ быть большею или меньшею, смотря и по общественному положенію человѣка: оно бываетъ самостоятельнымъ или даже властнымъ, бываетъ вполнѣ подневольнымъ, при чемъ и степени властности, самостоятельности или подневольности бываютъ разныя. Одинъ изъ еще неотмѣченныхъ нами недостатковъ въ обычной постановкѣ вопроса о «героѣ» и толпѣ заключается въ томъ, что личнсстъ, выдѣляемая изъ массы, какъ особливый историческій дѣятель, разсматривается всегда, какъ великій человѣкъ, т.-е. какъ человѣкъ, одаренный особыми качествами духа, при чемъ забывается, что и по отношенію къ большей, сравнительно съ обыкновенными смертными, независимости поступковъ, насъ въ данную минуту занимающей, и по отношенію къ силѣ вліянія на другихъ людей, выдающіяся личности обязаны бываютъ своею историческою ролью не только своему характеру, но и своему соціальному положенію. Для человѣка съ сильнымъ характеромъ или съ вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ всегда есть нѣкоторая возможность выбора: онъ можетъ поступить и такъ, и этакъ, и это находится въ его власти въ большей степени, нежели у человѣка по характеру своему пассивнаго или по своему положенію

---

[1]) См. выше, стр. 195.

[2]) Ср. то, что говорилось выше объ этомъ предметѣ, стр. 225 и слѣд.

[3]) Отсылаю еще разъ къ кое-какимъ указаніямъ и соображеніямъ на этотъ счетъ у *Михайловскаго*.

въ обществѣ подневольнаго. Конечно, отношенія между характерами и соціальными положеніями бываютъ довольно разнообразныя, и въ каждомъ особомъ случаѣ поведеніе лица будетъ различное, смотря по тому, что съ чѣмъ соединяется, независимый ли характеръ съ независимымъ положеніемъ, или независимый характеръ съ зависимымъ положеніемъ, или же независимое положеніе съ безхарактерностью и т. д. Комбинаціи этихъ факторовъ обусловливаютъ то или другое поведеніе лица, но во всякомъ случаѣ мало еще искать объясненія дѣятельности человѣка въ одномъ его характерѣ: послѣдній производитъ то или другое лишь подъ условіемъ соединенія съ извѣстнымъ соціальнымъ положеніемъ, которое создается лицу весьма разнообразными обстоятельствами, хотя бы оно и само участвовало (между прочимъ, своимъ характеромъ) въ устроеніи своихъ судебъ. Это, впрочемъ, само собою и подразумѣвается и безъ упоминанія, когда рѣчь идетъ о томъ или другомъ историческомъ дѣятелѣ, подвизавшемся на опредѣленномъ общественномъ поприщѣ. Если современная, такъ сказать, ходячая историческая философія и относится съ пренебреженіемъ къ «прежнимъ историкамъ», находившимъ достойными изображенія одни лишь дѣянія царей, полководцевъ, государственныхъ людей, словомъ, лицъ, въ силу своего положенія руководившихъ дѣйствіями другихъ людей, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы у «прежнихъ историковъ» не было никакихъ основаній выдѣлять такихъ людей изъ массы: не все въ дѣятельности нашей объяснимо изъ однихъ психическихъ условій, важны и соціальныя.

Но возвратимся къ нашей темѣ. Писатели, которые подчиняютъ всецѣло дѣйствія человѣка нѣкоему внѣшнему року, въ роли каковаго является у нихъ, между прочимъ, и дѣятельность «общества» [1]), т.-е., въ сущности, дѣйствія другихъ людей,—для доказательства несамостоятельности роли, играемой въ событіяхъ отдѣльными лицами, ссылаются на то, что люди-де сами не понимаютъ смысла тѣхъ событій, въ коихъ участвуютъ. Надѣюсь, этотъ аргументъ былъ съ достаточною силою отраженъ выше: понимать смыслъ событій можно, если подъ пониманіемъ мы будемъ разумѣть ту или иную ихъ оцѣнку, даваемую имъ человѣкомъ, который въ нихъ принимаетъ участіе. Мало того: по правдѣ сказать, и немыслимо, чтобы лицо, дѣйствующее въ исторіи, никакъ не понимало того, что дѣлаетъ, ибо само его участіе въ томъ ли, въ этомъ ли сложномъ дѣлѣ обусловлено тѣмъ, какъ человѣкъ его понимаетъ. Но индивидуальное пониманіе,—хорошо ли оно или дурно,—можетъ быть или пониманіемъ, самостоятельно выработаннымъ, или пониманіемъ, внушеннымъ извнѣ, соотвѣтственно съ чѣмъ, и обусловленный такимъ или инымъ пониманіемъ поступокъ

---

[1]) См. выше стр. 245 и слѣд.

будетъ имѣть характеръ самостоятельный или несамостоятельный. Конечно, бываетъ пониманіе крайне превратное, но если мы станемъ принимать въ расчетъ въ своихъ разсужденіяхъ одно пониманіе, болѣе или менѣе адэкватное дѣйствительности, то и по отношенію къ нему должны будемъ признать большое разнообразіе возможностей, представляемыхъ отдѣльными лицами.

Настоящее пониманіе совершающихся событій, какъ каждаго въ отдѣльности, такъ и общаго ихъ хода, пониманіе ихъ значенія, ихъ внутренней связи, ихъ отношеній къ другимъ событіямъ и обстоятельствамъ, пониманіе вытекающихъ изъ всего этого прагматическихъ задачъ съ ихъ ближайшими цѣлями и средствами, различнымъ образомъ обусловливаемое и степенью знанія фактовъ прошлаго и настоящаго, и освѣщеніемъ, какое послѣдніе получаютъ въ нашемъ умѣ въ зависимости отъ разныхъ его свойствъ и другихъ обстоятельствъ, обусловливаемое и нашею способностью ихъ запоминать, сопоставлять, обобщать и на основаніи ихъ что-либо предугадывать, предусматривать, прямо даже предвидѣть и предсказывать,— такое пониманіе совершающихся событій, безъ котораго и нельзя играть въ нихъ отвѣтственной роли, доступно, конечно, далеко не всѣмъ людямъ, да и у тѣхъ, кому оно доступно, оно не можетъ быть одинаковымъ. Далеко не всѣмъ доступное и не у всѣхъ одинаковое, оно, между тѣмъ, играетъ важную роль въ историческомъ процессѣ, и чѣмъ большимъ количествомъ факторовъ создается пониманіе, проявляющееся въ дѣйствіи, чѣмъ продолжительнѣе и сложнѣе была умственная работа, результатомъ коей оно явилось, тѣмъ болѣе самобытнымъ представляется намъ поступокъ, въ основу котораго оно легло.

Мы особенно настаиваемъ на томъ, что всякое дѣйствіе человѣка, способное получить историческое значеніе, въ значительной степени обусловлено именно посредствующими психическими моментами, каковы, напр., извѣстная оцѣнка положенія, созданнаго данными событіями, то или другое пониманіе вытекающихъ изъ него требованій, болѣе или менѣе опредѣленная постановка задачи, подлежащей практическому разрѣшенію, выработка плана дѣйствій, въ виду такихъ-то и такихъ-то данныхъ условій или въ виду такихъ-то и такихъ-то могущихъ случиться обстоятельствъ и т. д.: смотря по тому, какъ человѣкъ, или призванный дѣйствовать на широкой сценѣ исторіи своимъ положеніемъ, своими способностями, случайными обстоятельствами, или самъ послѣ долгихъ усилій добившійся дѣятельнаго участія въ разыгрывающейся «исторической драмѣ», оцѣнитъ положеніе дѣлъ, вытекающее изъ только-что минувшихъ событій, или пойметъ настроеніе минуты, созданное этимъ положеніемъ, и т. д., и т. д.,—и дѣйствіе его будетъ то или иное. Данное положе-

ніе само себя, разумѣется, оцѣнить не можетъ, какъ не можетъ опредѣлить само себя и данное настроеніе общества, какъ не могутъ сами собою формулироваться задачи эпохи и тѣмъ болѣе планы совокупнаго дѣйствія; эта оцѣнка, это опредѣленіе, эта формулировка совершаются въ чьей-либо головѣ, а по пословицѣ quot capita, tot sensus.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый не только по-своему понимаетъ объективный смыслъ событій, положеніе дѣлъ, настроеніе, какое можетъ быть принято общественною жизнью при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, но и различнымъ образомъ относится къ предмету своего знанія, пользуясь послѣднимъ въ своекорыстныхъ видахъ или въ цѣляхъ «общественнаго служенія», ради защиты интересовъ и поддержки притязаній той или другой соціальной группы и пр. Два человѣка, послѣдовательно занимающіе вліятельное мѣсто въ обществѣ, непремѣнно будутъ дѣлать неодинаковую объективную оцѣнку положенія дѣлъ и направлять дальнѣйшій ходъ событій съ неодинаковыхъ субъективныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ разница будетъ, конечно, заключаться въ иныхъ случаяхъ только въ оттѣнкахъ пониманія и стремленій, въ иныхъ же, напротивъ, будетъ разницей по существу. Изъ того, что данное положеніе, — да и то извѣстнымъ образомъ понятое,—требуетъ такихъ-то дѣятелей,—еще вовсе не слѣдуетъ, что послѣдніе «явятся на зовъ судьбы» [1]). Говорятъ, что «война родитъ героевъ», но вѣдь она въ томъ же смыслѣ «родитъ» и трусовъ, и, конечно, для конечнаго результата не безразлично, кого она народитъ больше: положеніе дѣлъ можетъ требовать тысячи героевъ, а война (разумѣется, не сама война; это такъ только говорится) на это требованіе можетъ отвѣтить тысячами трусовъ [2]). Только въ томъ смыслѣ и позволительно еще понимать поговорку о войнѣ и герояхъ, что для проявленія геройства нужно военное время, но вѣдь можетъ и

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду мысль, которую *Bourdeau* (стр. 98—99) формулируетъ такъ: «Si même, l'heure venue, il (великій человѣкъ) avait manqué à l'appel du destin, d'autres héros auraient surgi, *car la situation en exigeait* et jamais grand homme n'a fait défaut à une grande situation».

[2]) Въ одной изъ журнальныхъ статей по поводу смерти крупнаго русскаго писателя мы читаемъ слѣдующее совершенно вѣрное разсужденіе: «Появленіе великихъ умовъ и талантовъ составляетъ задачу для общественной психологіи; но исторія указываетъ столько фактовъ, что съ возникающими историческими задачами совпадаетъ и появленіе людей, которые становятся ихъ исполнителями, что давно уже составился *фаталистическій взглядъ объ ихъ необходимо совмѣстномъ нарожденіи,* создалось даже извѣстное «поклоненіе героямъ», будто бы однимъ совершающимъ работу человѣчества. *Къ сожалѣнію, исторія разсказываетъ и другое: проходятъ цѣлые вѣка историческихъ ожиданій, вѣка народныхъ бѣдствій, ищущихъ измѣненія, но герои и цѣлители не приходятъ*». *А. Н. Пыпинъ.* Идеализмъ Салтыкова (Вѣстн. Евр. 1889. VI, 831—832).

такъ быть, что, говоря фигурально, урожай на героевъ совпадетъ съ мирными временами, когда храбрецамъ нѣтъ подходящей работы, что на войну, наоборотъ, придется урожай трусовъ, такъ что для предстоящей работы тогда не окажется подходящихъ рукъ. Ученіе о совмѣстномъ нарожденіи крупныхъ задачъ и крупныхъ дѣятелей, которымъ выпадаетъ на долю ихъ исполнять, есть своего рода ученіе о предустановленной гармоніи, основанное на внесеніи въ объясненіе хода исторіи гипотетическихъ началъ. Даже Бурдо, проповѣдующій теорію появленія нужныхъ людей на зовъ критическихъ минутъ [1]), сознается, что одинъ крупный человѣкъ иногда можетъ быть замѣненъ только цѣлымъ рядомъ менѣе значительныхъ дѣятелей, которые притомъ, по его мнѣнію, исполнятъ свою задачу нѣсколько иначе [2]), нежели онъ, и что есть задачи, въ видѣ привилегіи остающіяся на долю однѣхъ рѣдкихъ геніальностей, роль которыхъ совсѣмъ уже не по плечу первому встрѣчному [3]). Отчего же? А оттого, что нѣтъ двухъ людей, которые могли бы совершенно одинаково понять такую сложную вещь, какъ всякое данное «положеніе дѣлъ», и одинаково отнестись къ допускающей столько толкованій вещи, каковою являются требованія этого положенія: отъ человѣка зависитъ, какъ онъ «пойметъ» и какъ «отнесется», а человѣкъ человѣку рознь, пониманіе же имъ положенія дѣлъ, повторяемъ, составляетъ весьма важный моментъ въ прагматическомъ процессѣ.

Только съ чисто фаталистической точки зрѣнія, признающей неизбѣжность какого-либо событія при какихъ бы то ни было условіяхъ и обстоятельствахъ, возможно защищать тезисъ, по которому разъ чего-либо требуетъ «логика положенія» (будто она есть нѣчто объективно данное), ея требованіе будетъ непремѣнно исполнено, кто бы ни явился исполнителемъ, сколько бы ихъ ни было, и что бы они ни думали и ни дѣлали, словно исполненіе не зависитъ отъ объективнаго пониманія и субъективнаго къ нему отношенія дѣятелей и словно все равно, возьмется ли за дѣло—скажемъ просто—умѣлый человѣкъ, буде таковой находится на-лицо, или примется за него хотя бы цѣлая дюжина людей, къ которымъ можно было бы приложить «мораль» такихъ крыловскихъ басенъ, какъ «Лебедь, щука и ракъ», «Щука и котъ», «Квартетъ», и т. п. Бурдо, взгляды котораго мы имѣемъ здѣсь главнымъ образомъ въ виду, да и не онъ одинъ, но и другіе писатели, высказывавшіе аналогичныя мнѣнія, прибѣгаютъ, въ сущности, къ той гипотезѣ, что крупные историческіе дѣятели дѣйствуютъ не сами по себѣ, а какъ бы выполняя порученіе своего общества [4]), но эта гипотеза—очень плохая гипотеза: порученіе это,—насколько о немъ еще

---

[1]) См. выше, стр. 97—98 и 227.
[2]) См. выше, стр. 94.
[3]) См. выше, стр. 93.
[4]) См. выше, стр. 95—96.

позволительно говорить, — формулируется не самимъ обществомъ, а самимъ тѣмъ, кто его исполняетъ, насколько же произвольно можетъ быть и тутъ толкованіе мыслей, чувствъ, желаній, стремленій, нуждъ и потребностей общества, явствуетъ изъ признанія самимъ же Бурдо того, что вожди часто увлекаютъ толпу на ложный путь, ведутъ ее вовсе не туда, куда она хотѣла идти и сама пошла бы безъ посторонняго руководительства [1]). Все, что составляетъ настроеніе общества, все, чего оно для себя требуетъ, не переводится общественнымъ дѣятелемъ прямо въ дѣйствіе: все это и проходитъ чрезъ его пониманіе и оцѣнку, и ложится въ основу его дѣятельности только сообразно съ его характеромъ; каждый отдѣльный человѣкъ можетъ и понять, и оцѣнить болѣе или менѣе вѣрно или въ общихъ отношеніяхъ сдѣлать большую или меньшую ошибку, можетъ согласиться или не согласиться съ мыслями, господствующими въ окружающей его средѣ, раздѣлить или не раздѣлить ея чувства, признать законными или отвергнуть ея желанія, почувствовать охоту содѣйствовать, или, наоборотъ, противодѣйствовать тѣмъ или другимъ развивающимся въ ней стремленіямъ, поставить своею задачею удовлетвореніе ея нуждъ или достиженіе личныхъ своихъ цѣлей, опираясь на эти же самыя нужды, успѣшно или неуспѣшно составить планъ совокупнаго дѣйствія въ виду общихъ потребностей; можетъ равнымъ образомъ такъ или иначе желать воздѣйствовать на общественное настроеніе въ необходимомъ въ виду тѣхъ или другихъ цѣлей смыслѣ, поддерживая или разрушая иллюзіи, возбуждая или подавляя инстинкты и пр. и пр., и только послѣ всего этого въ результатѣ получится поступокъ или рядъ поступковъ, въ которыхъ теоретики «соціальной функціи» усмотрятъ не что иное, какъ исполненіе будто бы данныхъ обществомъ порученій, и объявятъ, что въ дѣлѣ, въ которое было вложено столько личнаго психическаго труда, нѣтъ ничего личнаго [2]). Мы понимаемъ вопросъ иначе: по нашему мнѣнію (и по мнѣнію, надѣемся, не бездоказательному), разъ въ сколько-нибудь значительной степени отъ пониманія одного человѣка зависитъ что-либо въ ходѣ событій, нѣтъ никакихъ основаній отказывать этому человѣку въ правѣ считаться однимъ изъ главныхъ виновниковъ этихъ событій, проявятся ли въ нихъ высокія качества или крупные недостатки пониманія, будетъ ли вліяніе человѣка зависѣть отъ его личныхъ свойствъ, или отъ его соціальнаго положенія, окажется ли онъ дѣйствующимъ во имя широкихъ общественныхъ задачъ, или въ виду исключительныхъ групповыхъ интересовъ, или же ради удовлетворенія собственныхъ прихотей, будетъ ли его дѣйствіе совпадать съ ходомъ событій, или идти наперекоръ ему, возникнетъ ли оно изъ консервативныхъ или либе-

---

[1]) См. выше, стр. 98--99. [2]) См. выше, стр. 98—99.

ральныхъ побужденій и съ какимъ характеромъ явится въ исторіи, съ прогрессивнымъ или реакціоннымъ. Чѣмъ болѣе сознательно дѣйствуетъ человѣкъ, тѣмъ свободнѣе его поведеніе, и въ этомъ заключается первая категорія причинъ неравнаго значенія отдѣльныхъ поступковъ, какъ элементовъ прагматическаго процесса.

Второю причиною ихъ неравенства является, какъ мы сказали, неодинаковое значеніе ихъ въ томъ случаѣ, когда они входятъ въ составъ сложной причины какого-либо событія. Одно и то же историческое явленіе можетъ разсматриваться, какъ слѣдствіе не одного какого-либо поступка, а нѣкоторой суммы поступковъ, и въ такомъ сложномъ процессѣ, каковъ прагматическій процессъ исторіи, такое отношеніе между слѣдствіемъ и его причинами, на что нами не разъ уже указывалось, возникаетъ сплошь и рядомъ. Разъ мы подъ причинами дѣйствія считаемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удобнымъ разумѣть главнымъ образомъ только людскія дѣйствія, относя все остальное къ категоріи условій [1]), мы должны подвергнуть эти дѣйствія сравненію между собою, дабы оцѣнить ихъ относительное значеніе въ составленіи сложной причины. Въ своемъ мѣстѣ былъ разобранъ парадоксъ Л. Н. Толстого, по которому совершенно такою же причиною войны 1812 г., какою было желаніе Наполеона начать эту войну, является и желаніе тысячнаго капрала и солдата идти воевать [2]): въ дѣйствительности это были далеко неравновеликія причины. Даже въ приведенныхъ нами въ свое время разсужденіяхъ разныхъ авторовъ [3]), клонящихся къ тому, чтобы защитить право всѣхъ причинъ на одинаковое названіе, мы находимъ косвенныя указанія на ихъ неодинаковое значеніе. Милль, напр., выдѣляетъ изъ другихъ причинъ событіе, которымъ «восполняется необходимая совокупность условій», такъ что, разъ оно наступило, «уже не ожидается болѣе никакая другая причина», для того, чтобы наступило слѣдствіе; его «наступленіе, говоритъ еще Милль, пополняетъ счетъ и безъ дальнѣйшаго замедленія производитъ дѣйствіе» [4]). И Шопенгауеръ называетъ такое событіе «послѣднею, безъ сомнѣнія, рѣшающею перемѣною» въ томъ случаѣ, если сложная причина, чтобы перейти въ слѣдствіе, заключаетъ въ себѣ всѣ факторы, кромѣ одного, именно этого событія [5]). Пусть всѣ эти факторы одинаково носятъ названіе причинъ, на чемъ особенно настаиваютъ оба указанные писателя, различіе между причинами, такъ сказать, подготовляющими слѣдствіе, и причинами, окончательно его производящими, тѣмъ не менѣе существуютъ. Далѣе идутъ аналогичныя различенія между причинами непосредственными и посредственными, между ближайшими и отдаленными и т. д., различенія, также встрѣ-

---

[1]) Ср. выше, стр. 233. [2]) Ср. выше, стр. 39. [3]) См. выше, стр. 178 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 178—179. [5]) См. выше, стр. 182.

ченныя нами у писателей, выставляющихъ на видъ одинаковое право всѣхъ причинъ называться причинами [1]). Кромѣ того, мы находимъ у нихъ еще и другія различенія. Милль, наприм., раздѣляетъ условія (и причины) на положительныя и отрицательныя, на производящія и предупреждающія, на содѣйствующія и противодѣйствующія [2]), на дѣятельныя и страдательныя и т. д. [3]).

Все это мы напоминаемъ въ виду того, что разъ человѣческія дѣйствія суммируются въ сложную причину какого-либо слѣдствія, для историка обязательно разобрать относительное значеніе каждаго поступка, какъ отдѣльнаго слагаемаго въ этой суммѣ. Вотъ въ чемъ теперь заключается весь вопросъ. Было уже отмѣчено, что историки привыкли различать между причинами и поводами событій [4]); было также приведено и мнѣніе объ этомъ предметѣ, высказанное Бурдо, который совершенно основательно совѣтуетъ различать въ исторіи, какъ самъ онъ выражается, les causes efficientes et les causes occasionnelles [5]). Если съ этимъ сопоставить взгляды Милля и Шопенгауера на попытки выдѣлить причину, какъ нѣчто особенное, изъ остальныхъ условій, порождающихъ явленіе, то у насъ неизбѣжно явится недоумѣніе: съ одной стороны, намъ доказываютъ, что всѣ причины суть одинаково причины и что только условно, а не по существу дѣла нѣкоторыя изъ нихъ мы имѣемъ право называть условіями, а съ другой, доказываютъ намъ также, что существуетъ принципіальное различіе между истинною причиною и случайностью (un hasard, un accident de circonstance, un incident). Перечитывая оба мнѣнія, внутренне соглашаешься съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности: не указываетъ ли это на то, что они не находятся въ непримиримомъ противорѣчіи; не идетъ ли въ нихъ рѣчь о нѣсколько различныхъ вещахъ? Совершенно вѣрно, что мы обыкновенно болѣе или менѣе произвольно противополагаемъ одинъ изъ предыдущихъ фактовъ, вызвавшихъ послѣдующій, другимъ такимъ же фактамъ, какъ причину условіямъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы по существу дѣла мы между причинами не имѣли права дѣлать никакого различія: пусть всѣ причины суть причины, а не нѣкоторыя только, при чемъ другія яко бы суть только условія, поводы, случайныя обстоятельства, но пусть въ то же время не принимается за истину, наприм., положеніе Толстого, въ силу котораго «такой же причиной войны 1812 г., какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство ольденбургское», было «и желаніе или нежеланіе перваго капрала поступить на вторичную службу» [6]). Да, оно было причиной, но дѣло въ томъ, что не такой же. Самъ Милль въ разныхъ мѣстахъ, такъ

---

[1]) См. выше, стр. 178 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 178—181.
[3]) См. выше, стр. 188. [4]) См. выше, стр. 178. [5]) См. выше, стр. 206
[6]) См. выше, стр. 39.

сказать, проговаривается, что отношеніе каждаго элемента сложной причины къ ея слѣдствію можетъ быть различное, и если бы онъ обратилъ на это больше вниманія, то, нисколько не противорѣча своей основной мысли, могъ бы написать особый параграфъ о неравномъ значеніи сопричинъ одного и того же слѣдствія, и вопросъ не исчерпался бы указаніемъ на одни тѣ различія, которыя мимоходомъ имъ были отмѣчены въ разныхъ мѣстахъ. По всей вѣроятности, онъ нѣсколько измѣнилъ бы и формулировку одного мѣста въ своихъ разсужденіяхъ: пришлось бы именно внести нѣкоторое ограниченіе въ указаніе на ту «прихотливость, съ какою мы выбираемъ изъ условій то, которое намъ вздумается назвать причиной», такъ какъ, вопреки мнѣнію Милля, есть одинъ случай, когда не «повидимому» только, а по существу «между слѣдствіемъ и однимъ изъ предшествовавшихъ фактовъ существуетъ болѣе непосредственная и тѣсная связь, чѣмъ между слѣдствіемъ и остальными условіями» [1]. Высказывая свои общія положенія, онъ мыслитъ при этомъ примѣры, взятые изъ міра матеріальныхъ перемѣнъ, но въ мірѣ человѣческихъ дѣйствій, гдѣ существуютъ бокъ-о-бокъ причины внутреннія и внѣшнія, сознательныя и безсознательныя, заключающія въ себѣ стремленіе къ цѣли, осуществленіемъ коей и будетъ слѣдствіе, и этого стремленія въ себѣ не заключающія однѣ изъ причинъ находятся въ болѣе тѣсной и непосредственной связи съ своими слѣдствіями. Напр., я ставлю себѣ цѣль и ея достигаю; достиженіе цѣли будетъ слѣдствіемъ моихъ усилій, коренящихся въ извѣстномъ моемъ настроеніи, т.-е. сдѣланное мною будетъ стоять въ самой тѣсной и непосредственной связи съ моимъ внутреннимъ, въ данномъ случаѣ сознательнымъ движеніемъ. Съ другой стороны, я не могъ ничего совершить безъ помощи извнѣ, и она въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ заключаться въ благопріятно для меня сложившихся внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ безсознательномъ и преднамѣренномъ содѣйствіи другихъ людей или въ содѣйствіи преднамѣренномъ, но обусловленномъ вовсе не стремленіемъ къ той цѣли, которую я себѣ поставилъ и которой достигаю. И внѣшнія обстоятельства непрагматическаго характера, и людскіе поступки, безъ содѣйствія коихъ не произошло бы явленія, бывшаго цѣлью моихъ стремленій, входятъ въ составъ сложной причины слѣдствія, но одинъ только я сознательно стремился его достигнуть, поставивъ его, какъ цѣль своихъ дѣйствій, расположивъ эти дѣйствія такъ, чтобы извлечь для себя пользу изъ такъ или иначе сложившихся обстоятельствъ, привлекши на свою сторону вольныхъ или невольныхъ помощниковъ, сдѣлавшись своего рода центральнымъ агентомъ и настоящимъ творцомъ факта. Вотъ этотъ-то элементъ и упущенъ изъ виду Миллемъ,

---

[1]) См. выше, стр. 179.

вращающимся въ области понятій физическаго міра. Правда, въ его разсужденіи приводятся примѣры и изъ человѣческихъ отношеній. Онъ замѣчаетъ, наприм., что нельзя же серьезно говорить, будто одинъ голосъ предсѣдателя, давшій въ собраніи перевѣсъ какому-либо мнѣнію, «способствовалъ результату болѣе голоса какого-либо другого лица, поддерживавшаго постановленіе» [1]). Конечно, нѣтъ, но Милль напрасно выбралъ примѣръ ариѳметическаго свойства: онъ забываетъ, что постановленіе кѣмъ-нибудь задумано, кто-нибудь склонилъ большинство къ его принятію защитой его отъ нападокъ противника и т. д., и что такой человѣкъ, дѣйствительно, болѣе способствовалъ результату, чѣмъ кто-либо другой изъ разсматривавшихъ въ собраніи вопросъ. Намъ нѣтъ надобности еще разъ развивать ту мысль, что прагматическіе факты имѣютъ внутреннія причины въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ единицъ, группъ и массъ, и что эти мысли, чувства и желанія проявляются въ дѣяніяхъ въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ: историки, настаивающіе на необходимости различать причины отъ поводовъ, имѣютъ въ виду не что иное, какъ различіе, наприм., между желаніемъ что-либо совершить (имѣющимъ, конечно, свои причины) и внѣшнимъ обстоятельствомъ, позволяющимъ осуществить это желаніе: не явись это обстоятельство, человѣкъ, стремящійся къ данной цѣли, воспользовался бы другимъ. То же самое можно распространить на мысли, настроенія, привычки, стремленія группъ и массъ, поскольку эти душевныя состоянія выражаются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ: состоянія эти и будутъ, выражаясь терминами Бурдо, les causes efficientes, тогда какъ внѣшнія обстоятельства, имъ сопутствующія въ произведеніи слѣдствій, легко замѣнимыя другими, будутъ les causes occasionnelles [2]). Въ одномъ только указанномъ смыслѣ мы и согласны видѣть между тѣми и другими существенную разницу, не отказывая тѣмъ и другимъ въ названіи причинъ; въ одномъ только этомъ смыслѣ мы готовы признать, что однѣ изъ нихъ производятъ (bewirken), другіе дѣлаютъ возможнымъ (ermöglichen) [3]), при чемъ за основу различенія берется нами вопросъ, связано ли слѣдствіе съ причиной, какъ достиженія цѣли съ ея постановкой, обладаніе предметомъ съ желаніемъ имъ обладать, внѣшнее выраженіе чувства съ самимъ чувствомъ и т. д. или нѣтъ. Едва-ли это,—условное, конечно,—различеніе можно назвать произвольнымъ, дѣломъ прихоти, лишенной всякой объективной основы. Помимо этого и всѣ другіе случаи различія между сопричинами одного и того же факта могли бы быть классифицированы. Этотъ же самый вопросъ

---

[1]) См. выше, стр. 179. [2]) См. выше, стр. 188 и слѣд.

[3]) См. выше воззрѣніе Пфицера въ изложеніи профессора Сергѣевскаго, стр. 182—183.

мы попробуемъ освѣтить и съ иной стороны. Когда мы тянемъ грузъ по двумъ различнымъ направленіямъ, онъ начнетъ двигаться по нѣкоторому среднему направленію, которое тѣмъ болѣе будетъ приближаться къ одному изъ нихъ, чѣмъ значительнѣе будетъ въ сравненіи съ другою сила, влекущая грузъ по этому послѣднему направленію. Въ механикѣ существуетъ цѣлый отдѣлъ, изслѣдующій совокупныя дѣйствія нѣсколькихъ силъ, приложенныхъ къ одной и той же точкѣ. Авторы сочиненій по логикѣ равнымъ образомъ изслѣдуютъ соединенное дѣйствіе причинъ. Въ области наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ человѣка, какъ моральное и соціальное существо, точно также есть отдѣлы, разсматривающіе совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ лицъ, вкладывающихся въ одно и то же дѣло: это, во-первыхъ, политическая экономія съ своимъ ученіемъ о простомъ и сложномъ сотрудничествѣ, а во-вторыхъ, уголовное право съ своимъ ученіемъ о соучастіи въ преступленіи. Всѣ эти науки, говоря о явленіяхъ, въ каждомъ изъ коихъ участвуетъ нѣсколько факторовъ (силъ, причинъ, лицъ), всегда должны имѣть дѣло или съ такими случаями, когда значеніе этихъ факторовъ въ явленіи совершенно одинаково, или, наоборотъ, съ такими, когда каждому фактору (или каждой ихъ категоріи) въ томъ или другомъ отношеніи принадлежитъ особое значеніе. Въ обоихъ классахъ случаевъ изслѣдованію совокупнаго дѣйствія предстоитъ не только указать на то, какъ дѣйствуетъ каждая сила въ отдѣльности, но и опредѣлить способъ соединенія ихъ дѣйствій въ конечномъ результатѣ. Понятное дѣло, что механика слишкомъ далека отъ исторіи для того, чтобы можно было извлечь изъ ея ученій что-либо непосредственно пригодное для теоріи историческаго процесса; что же касается до политической экономіи, то аналогію изучаемому ею сотрудничеству представляетъ изъ себя въ исторіи не прагматическая, а культурная дѣятельность человѣка, создающая тоже своего рода «цѣнности», только не вещественныя, такъ что изъ четырехъ названныхъ наукъ представляютъ для насъ въ настоящую минуту интересъ лишь логическое ученіе о составленіи причинъ и криминалистическое ученіе о соучастіи. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Въ особой главѣ своей «Системы логики», именно въ главѣ «О составленіи причинъ» Милль различаетъ между механическимъ и химическимъ видомъ соединеннаго дѣйствія причинъ. Такихъ дѣйствій, которыя производились бы не болѣе, какъ однимъ дѣятелемъ, очень мало. Предположимъ, что данное послѣдствіе произведено двумя различными дѣятелями, дѣйствующими «совокупно подъ извѣстнымъ рядомъ побочныхъ условій» (самъ же Милль говоритъ еще о побочныхъ условіяхъ): «если бы который-либо изъ нихъ дѣйствовалъ не вмѣстѣ съ другимъ, а отдѣльно, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ подъ тѣмъ же

рядомъ условій, то, вѣроятно, *получилось бы какое-либо послѣдствіе, отличное отъ соединеннаго дѣйствія обоихъ дѣятелей и болѣе или менѣе несходное съ нимъ.* И если мы случайно знаемъ, каковы были бы послѣдствія отдѣльнаго дѣйствія каждой причины, то часто можемъ придти путемъ вывода или a priori и къ вѣрному предсказанію того, что произойдетъ отъ ихъ совокупнаго дѣйствія» [1]), разъ «тотъ же законъ, который выражаетъ дѣйствіе каждой причины въ отдѣльности, такъ же правильно выражалъ бы и принадлежащую ей долю дѣйствія, производимаго обѣими причинами вмѣстѣ». Подъ такое условіе подходятъ явленія механическія, т.-е. явленія «состоящія въ передачѣ движенія (или давленія, которое есть стремленіе къ движенію) однимъ тѣломъ другому. Въ этомъ важномъ отдѣлѣ случаевъ связи причины со слѣдствіемъ, говоритъ Милль, одна причина, строго говоря, никогда не уничтожаетъ и не ослабляетъ другой: *обѣ производятъ свое полное дѣйствіе*». По образцу извѣстнаго въ динамикѣ начала составленія силъ Милль называетъ «составленіемъ причинъ то начало, примѣрами котораго служатъ всѣ случаи, когда *совокупное дѣйствіе различныхъ причинъ тождественно съ суммою ихъ отдѣльныхъ дѣйствій*». Химическія и біологическія явленія, въ коихъ дѣйствуютъ сложныя причины, такому закону, наоборотъ, не подчиняются [2]). Возвращаясь къ механическому способу въ главѣ о «Множественности причинъ и о смѣшеніи дѣйствій», Милль указываетъ на крайнюю сложность этого способа. «Здѣсь, говоритъ онъ, дѣйствія отдѣльныхъ причинъ не оканчиваются и не уступаютъ мѣста другимъ, переставая такимъ образомъ входить какою-либо частью въ изслѣдуемое явленіе; напротивъ, онѣ всѣ еще имѣютъ мѣсто, но смѣшиваются съ однородными и тѣсно съ нимъ связанными дѣйствіями другихъ причинъ и заслоняются этими дѣйствіями. Они уже не a, b, c, d, e, стоящія рядомъ и по-прежнему различимыя отдѣльно, но $+a$, $-a$, $\frac{1}{2}b$, $-b$, $2b$ и пр.; нѣкоторыя изъ дѣйствій уничтожаютъ одно другое, между тѣмъ какъ многія другія не проявляются отдѣльно, а теряются въ одной суммѣ; они образуютъ вмѣстѣ одинъ результатъ и между нимъ и произведшими его причинами *часто непреодолимо трудно прослѣдить наблюденіемъ какое бы то ни было опредѣленное отношеніе*» [3]).

Къ историческимъ явленіямъ до извѣстной степени примѣнима отмѣчаемая Миллемъ возможность «предсказанія того, что произойдетъ отъ совокупнаго дѣйствія» двухъ (или болѣе) агентовъ, отдѣльныя дѣйствія коихъ намъ извѣстны, и съ этой точки зрѣнія мы должны были бы подвести прагматическіе факты подъ категорію явленій механическихъ, состоящихъ въ передачѣ движенія однимъ тѣломъ другому. Мы видѣли, однако, что прагматическіе факты

---

[1]) Система логики, I, 399. [2]) Ibid., I, 400. [3]) Ibid., I, 477.

не въ этомъ состоятъ [1]), и тѣмъ болѣе мы не можемъ сказать, чтобы прагматическія причины не ослабляли или не уничтожали одна другой. Равнымъ образомъ рѣшится ли кто-либо утверждать, чтобы поступки людей для произведенія результата только суммировались, какъ независимыя одно отъ другого слагаемыя, если между людьми происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, тогда какъ Милль и считаетъ тождество совокупныхъ дѣйствій различныхъ причинъ съ суммою ихъ отдѣльныхъ дѣйствій признакомъ механическаго соединенія причинъ? Слѣдовательно, прагматическія причины соединяются не по механическому способу. Но Милль, кромѣ него, знаетъ только одинъ способъ — химическій. Если бы мы имѣли возможность изложить здѣсь все ученіе Милля объ этомъ предметѣ (слишкомъ длинное), то увидѣли бы, что и химическій способъ не лучше подходитъ къ тому, что можно было бы назвать составленіемъ причинъ въ исторіи. Значитъ, послѣдней присущъ свой собственный способъ, который вытекаетъ изъ особенностей закона достаточнаго основанія въ мірѣ человѣческаго поведенія, отмѣченныхъ, напр., Шопенгауеромъ [2]), хотя бы отдѣльныя черты того или другого изъ низшихъ способовъ (возможность предсказанія, большая сложность и т. п.) и могли быть переносимы и сюда. Въ разсужденіяхъ Милля, изъ которыхъ мы привели сейчасъ два отрывка, всѣ примѣры и всѣ понятія взяты изъ области естествознанія, и характерно то, что, признавая въ самомъ соединенномъ дѣйствіи причинъ только два способа—механическій и химическій, онъ упоминаетъ еще лишь о біологическихъ явленіяхъ, въ коихъ, по его представленію, причины соединяются по химическому способу, и ни единымъ словомъ не указываетъ на явленія историческія (т.-е. въ сущности психическія и соціальныя). Мы, впрочемъ, уже отмѣчали тотъ фактъ, что миллева теорія причинности имѣетъ въ виду главнымъ образомъ явленія міра физическаго [3]): это сказалось и на его разсужденіяхъ о соединенномъ дѣйствіи причинъ. Другіе авторы логикъ, аналогичныхъ его «Системѣ», въ этомъ отношеніи отъ него не отличаются [4]). Понятно, что, заключая въ себѣ и идеи, примѣнимыя ко всѣмъ случаямъ причинности, такое ученіе либо должно невольно распространять на неподходящіе случаи положенія, выведенныя изъ ограниченнаго круга наблюденій, либо совсѣмъ не подозрѣваетъ возможности иныхъ случаевъ, къ коимъ положенія эти относиться не могутъ. То, что изучаетъ, напр.,

---

[1]) См. выше, стр. 237—239.

[2]) См. выше, стр. 169 и слѣд. Ср. наше разсужденіе о трехъ большихъ отдѣлахъ міра явленій. О. В. Ф. И., II, 72 (104).

[3]) См. выше, стр. 184.

[4]) См., напр., Логику *Бэна*, изъ которой между прочимъ былъ переведенъ и изданъ редакціей «Юрид. Вѣстн.» цѣлый отдѣлъ по логикѣ политическихъ наукъ.

наука уголовнаго права, подвергая изслѣдованію вопросъ о стеченіи многихъ преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, не входило въ соображенія Милля, когда онъ разсматривалъ вопросъ о составленіи причинъ.

Обращаемся теперь по принятому выше порядку къ криминалистическому ученію о «соучастіи». Въ немъ мы обратимъ особое вниманіе, конечно, не на тѣ отношенія, которыя выдвигаются на первый планъ самими криминалистами, имѣющими въ виду при изслѣдованіи этого предмета свои спеціальныя цѣли, а на то, что должно насъ особенно интересовать, на неодинаковую роль участниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, хотя бы съ точки зрѣнія науки уголовнаго права различные оттѣнки соучастія объявлялись наказуемыми совершенно одинаковымъ образомъ. Проф. Таганцевъ, авторъ одного изъ наиболѣе извѣстныхъ въ нашей ученой литературѣ изслѣдованій о соучастіи въ преступленіи (онъ и будетъ руководить нами въ этой чуждой для насъ области) [1]), стоитъ, напр., именно на точкѣ зрѣнія одинаковой наказуемости всѣхъ участниковъ, доказывая свой тезисъ основными принципами науки уголовнаго права, что не мѣшаетъ ему, однако, отмѣчать реальное различіе между отдѣльными видами соучастія и классифицировать эти виды. Не имѣя ни малѣйшей надобности рѣшать здѣсь самый вопросъ о наказуемости въ ту или другую сторону, мы указываемъ на это обстоятельство вотъ почему: если криминалистъ, не приписывающій никакого значенія различію ролей соучастниковъ при общемъ рѣшеніи вопроса о ихъ наказуемости, — тѣмъ не менѣе останавливается на этомъ различіи, то съ тѣмъ бо́льшимъ правомъ мы можемъ искать въ его разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ чисто объективныхъ указаній на то, какъ вкладывается нѣсколько человѣкъ въ одно и то же преступленіе. Прибавимъ еще, что по самой сущности дѣла наука уголовнаго права весьма суживаетъ понятіе «соучастія», понимая подъ нимъ не всѣ случаи «стеченія преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи» [2]), а только извѣстную ихъ категорію, и что тѣмъ не менѣе сама эта категорія, по отзыву криминалистовъ же, оказывается мало изслѣдованною. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что въ уголовномъ правѣ обращается большое вниманіе на особыя обстоятельства тѣхъ случаевъ, когда въ томъ или другомъ фактѣ роль содѣйствующихъ или привходящихъ силъ [3]) играютъ не силы природы, а дѣйствія другого лица [4]). Положимъ, что это разли-

---

[1]) *Н. С. Таганцевъ*. Соучастіе въ преступленіи. Спб. 1880. Это изслѣдованіе представляетъ собою «выпускъ III и послѣдній» общей части его «Курса русскаго уголовнаго права».

[2]) Такъ называется изданное въ 1850 г. сочиненіе *А. Жиряева*.

[3]) См. выше, стр. 182—183.

[4]) *Таганцевъ*. Курсъ. Спб. 1878. Ч. I, кн. II, стр. 310 sq.

ченіе между силами природы и дѣйствіями людей при опредѣленіи дѣйствія составныхъ причинъ не приходило въ голову авторовъ логикъ, но у криминалистовъ не это — главное. Сама эта категорія явленій подраздѣляется еще на нѣсколько классовъ [1]), при чемъ для криминалистовъ особенно кажутся важными различіе между содѣйствіемъ безъ соглашенія и содѣйствіемъ по соглашенію (каковое они и принимаютъ за соучастіе въ собственномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ) [2]),—и различіе между присоединеніемъ дѣятельности, не имѣющей въ себѣ ничего преступнаго, и присоединеніемъ дѣятельности, наоборотъ, преступной [3]). Не касаясь опять вопроса о преступности, останавливаясь лишь на понятіи соглашенія, мы должны были бы особенно заинтересоваться содѣйствіемъ безъ соглашенія, какъ формой, составляющей въ исторіи чуть не общее правило составленія причинъ, но эта-то форма, по отзыву проф. Таганцева, «оказывается наименѣе разработанною», хотя она и представляетъ, какъ самъ онъ говоритъ, во многихъ отношеніяхъ значительный интересъ: «нельзя не пожалѣть, скажемъ и мы вмѣстѣ съ нимъ, что мы не имѣемъ по данному предмету обстоятельной монографіи, не только въ нашей, но и въ западной литературѣ» [4]). Поэтому приходится довольствоваться изслѣдованіемъ другой формы, болѣе интересной для криминалиста и менѣе интересной для историка, которой исключительно и посвящено изслѣдованіе проф. Таганцева, касающееся именно лишь одной группы тѣхъ случаевъ, когда преступленіе оказывается «продуктомъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ лицъ», т.-е. «только такого совпаденія нѣсколькихъ лицъ въ преступленіи, при которомъ, благодаря общности ихъ вины, каждый отвѣчаетъ за все дѣяніе въ полномъ объемѣ», при чемъ вдобавокъ, съ точки зрѣнія криминалистовъ, «такая общая виновность предполагаетъ не только наличность преступнаго умысла въ дѣйствующихъ, но и однородное направленіе воли», внѣшнимъ же признакомъ, безъ котораго немыслимо соучастіе, является соглашеніе на преступленіе [5]).

Переходя отъ общихъ указаній на постановку вопроса въ литературѣ уголовнаго права къ изложенію взглядовъ проф. Таганцева, мы еще разъ напоминаемъ, что по самому свойству нашей задачи мы должны обратить особое вниманіе не на тѣ мѣста его книги, которымъ самъ авторъ придаетъ главное значеніе. Можно сказать, что основная тема его изслѣдованія, это—общность вины и одинаковость наказанія, тогда какъ для насъ въ его взглядахъ могутъ имѣть интересъ лишь указанія на то, что мы называемъ неравенствомъ дѣйствія. Ради ихъ-то мы и будемъ разсматривать воззрѣнія почтеннаго автора, постоянно, при всякомъ случаѣ возвращающагогя къ той мысли, что съ

---

[1]) Ibid., 315 sq. [2]) Ibid., 316. [3]) Ibid., 321. [4]) Ibid., 316.
[5]) *Н. С. Таганцевъ*. Соучастіе въ преступленіи, 3-4.

точки зрѣнія уголовнаго права это неравенство не должно имѣть особенно важнаго значенія. Уже на одной изъ первыхъ страницъ своей книги проф. Таганцевъ весьма опредѣленно высказывается въ этомъ смыслѣ. «Такое общеніе, говоритъ онъ, естественно предполагаетъ извѣстное обоюдное вліяніе, взаимодѣйствіе, въ чемъ бы ни выражалась эта *доля участія*, какъ бы ни была *сравнительно мала* его интенсивность. Взаимность и общность вины, продолжаетъ онъ, существуютъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *одно лицо является преобладающимъ, направляющимъ, а другія сознательно подчиняющимися ему, и въ тѣхъ, гдѣ энергія и вліяніе каждаго приблизительно равны*» [1]). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о трехъ типахъ соучастія (скопъ, сговоръ и шайка), онъ замѣчаетъ, что «во всѣхъ этихъ видахъ *участвующіе могутъ или играть главную роль, или же дѣятельность однихъ можетъ быть главною, другихъ второстепенною*» [2]). Само собою разумѣется, что въ виду этого наука уголовнаго права и должна была заняться классификаціей соучастниковъ [3]). «Дѣятельность лицъ, говоритъ самъ проф. Таганцевъ, вкладывающихся въ общее преступленіе, можетъ представлять *многочисленные оттѣнки.* Въ видахъ этого, какъ въ доктринѣ, такъ и въ кодексахъ явилось стремленіе *разбить соучастниковъ на категоріи* [4]). Какъ ни несходны между собою виды участвующихъ, встрѣчающіеся въ отдѣльныхъ кодексахъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи они, по мнѣнію проф. Таганцева, легко сводятся къ тремъ типамъ. «Во-первыхъ, говоритъ онъ, это—*физическіе исполнители*, принимавшіе участіе въ самомъ совершеніи преступленія, во-вторыхъ, *пособники*, словомъ или дѣломъ оказавшіе содѣйствіе исполнителямъ, и, въ-третьихъ, *подстрекатели*, вовлекшіе другихъ въ сообщество» [5]). Мало того, проф. Таганцевъ оговаривается мѣстами въ томъ еще смыслѣ, что принадлежность отдѣльныхъ лицъ къ одной и той же категоріи еще не обозначаетъ равенства ихъ дѣйствія. «Выполнителями преступленія,—читаемъ мы, напр., о первомъ видѣ,—могутъ быть названы тѣ лица, которыя сами непосредственно выполнили дѣйствія, составляющія данное преступленіе, *хотя объемъ личной дѣятельности каждаго изъ нихъ можетъ быть неодинаковъ.* Такъ физическими совершителями убійства будутъ всѣ наносившіе убитому удары, хотя бы смертельнымъ былъ ударъ, нанесенный однимъ изъ соучастниковъ... Если преступленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ актовъ или является продолжающимся... то физическими виновными будутъ всѣ лица, *выполнившія какое-либо изъ дѣйствій, входящихъ въ составъ этихъ преступленій*, хотя бы

[1]) Ibid., 5. [2]) Ibid., 10.

[3]) По словамъ проф. Таганцева (стр. 31) это—«наиболѣе запутанный вопросъ всего ученія о соучастіи». Ср. стр. 31—46, гдѣ сдѣланъ обзоръ разныхъ законодательствъ, показывающій, какъ несходны въ нихъ принципы классификаціи.

[4]) Ibid., 30. [5]) Ibid., 48.

оно не было ни первымъ, ни послѣднимъ» [1]). Съ другой стороны, отличая отъ выполнителей пособниковъ, т.-е. «всѣхъ лицъ, вкладывающихся какъ-либо въ преступленіе, но не участвующихъ въ совершеніи самаго преступнаго дѣйствія», авторъ не признаетъ возможнымъ съ точки зрѣнія теоріи уголовнаго права противополагать послѣднихъ первымъ, какъ второстепенныхъ дѣятелей главнымъ, тѣмъ не менѣе тутъ же прибавляетъ: «такое *отдѣленіе маловажныхъ участниковъ отъ главныхъ* можетъ быть дѣлаемо только судомъ, *сообразно съ индивидуальными условіями дѣятельности каждаго изъ соучаствующихъ*» [2]). Не считая себя компетентнымъ разрѣшать вопросъ о теоретическомъ дѣленіи соучастниковъ на главныхъ и второстепенныхъ, я не могу, однако, не обратить вниманія на то, что критикуемыя проф. Таганцевымъ теоріи, различающія главныхъ и второстепенныхъ виновниковъ [3]), конечно, имѣютъ свои основанія, хотя, быть можетъ, и недостаточно важныя, чтобы быть принятыми въ науку уголовнаго права, но во всякомъ случаѣ довольно интересныя, когда рѣчь идетъ просто о неравенствѣ человѣческаго дѣйствія. «Всякій участникъ, говоритъ самъ авторъ, вкладывается въ преступленіе своею дѣятельностью и своею волею, оттого *и различіе между главными и второстепенными совиновниками можно искать или въ свойствахъ ихъ дѣятельности, или въ особенностяхъ ихъ виновности, или же въ признакахъ, относящихся и къ той, и къ другой сторонѣ преступленія*» [4]). Быть можетъ,—согласимся съ проф. Таганцевымъ,—все это само по себѣ безразлично для рѣшенія вопроса о наказуемости, разъ теорія уголовнаго права пришла къ тому убѣжденію, что все преступленіе должно вмѣняться каждому изъ участвующихъ въ полномъ объемѣ,—во всякомъ случаѣ не лишено своего интереса и то, что проф. Таганцевъ называетъ «теоретическимъ изученіемъ оттѣнкомъ соучастія», высказываясь при этомъ въ такомъ смыслѣ, что и пособники могутъ «*играть самую разнообразную роль въ выполненіи преступленія*» [5]). Наприм. еще, возвращаясь къ вопросу о правѣ и даже обязанности суда выдѣлять участниковъ, дѣятельность коихъ оказалась маловажною, дабы мѣра отвѣтственности измѣнялась въ зависимости отъ индивидуальной обстановки каждаго соучастника, авторъ самъ перечисляетъ обстоятельства, которыя должны приниматься въ расчетъ при опредѣленіи этой мѣры (побужденія, коими руководствовался обвиняемый, его вліяніе на другихъ, степень его энергіи, преступной рѣшимости и т. п.), ссылаясь для вящшаго подкрѣпленія своего тезиса на двухъ французскихъ ученыхъ, такъ сказать, особенно подчеркивавшихъ неравенство дѣйствія. Одинъ изъ нихъ (Ортоланъ) проводитъ аналогію между преступленіемъ и драмою, въ которой каждый актеръ имѣетъ

[1]) Ibid., 49. [2]) Ibid., 52. [3]) Ibid., 52—59. [4]) Ibid., 52. [5]) Ibid., 59.

свою роль, но такимъ образомъ, что *роли эти далеко не одинаковой важности.* «Если преступленіе, говоритъ другой (Эли), совершено по сговору, по заранѣе обдуманному плану, то очевидно, что каждый изъ согласившихся будетъ принимать въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, *сообразно съ его характеромъ и съ сущностью той роли, которая выпала на его долю.* Выказавшіе наиболѣе смѣлости получатъ и назначеніе болѣе опасное; обнаружившимъ наиболѣе колебаній и сомнѣній поручатъ только оберегать безопасность соучастниковъ; одни изъ вовлеченныхъ не понимаютъ всей важности своихъ поступковъ, другіе дѣйствуютъ подъ вліяніемъ возбужденія или принужденія; наконецъ, третьи даютъ только наставленія исполнителямъ, не присутствуя даже при совершеніи. Всѣ они содѣйствуютъ совершенію одного и того же преступленія, но внимательный наблюдатель *откроетъ между ними оттѣнки болѣе или менѣе рѣзкіе, откроетъ въ характерѣ ихъ участія—различія болѣе или менѣе существенныя*» [1]). И еще въ одномъ мѣстѣ проф. Таганцевъ замѣчаетъ, что дѣятельность пособниковъ «является *крайне разнообразною*, а потому допускаетъ *многочисленныя подраздѣленія на виды и категоріи*»,—придавая, впрочемъ, этимъ дѣленіямъ опять-таки «лишь классификаціонное, а не практическое значеніе, такъ какъ, прибавляетъ онъ, существеннымъ условіемъ отвѣтственности пособниковъ является ихъ соглашеніе на преступленіе, а не особенности ихъ дѣйствія». Но по сущности нашего вопроса, насъ, повторяемъ, какъ разъ и должна интересовать классификаціонная, а не какая иная сторона. Съ этой-то точки зрѣнія проф. Таганцевъ и различаетъ: 1) «пособниковъ интеллектуальныхъ, которые разными способами и средствами *содѣйствуютъ созданію преступнаго умысла*, давая, напр., совѣты и указанія, когда и гдѣ удобнѣе выполнить преступленіе; *укрѣпляютъ рѣшимость* главныхъ виновниковъ, или своими замѣчаніями, указаніями *облегчаютъ выполненіе* преступленія; *даютъ обѣщаніе скрытія слѣдовъ* и т. п.; 2) пособниковъ физическихъ, которые *вкладываются своею физическою дѣятельностью*, предполагая, конечно, что они участвуютъ сознательно и по соглашенію» [2]). Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя и моментъ, въ который соучастники примыкаютъ къ соучастію. Наконецъ, важно и то, что бываютъ случаи, когда роль пособничества имѣетъ пассивный характеръ, являясь простымъ невмѣшательствомъ [3]). Вотъ все существенное по нашему вопросу, что намъ даетъ разсужденіе проф. Таганцева о неодинаковости объема личной дѣятельности соучастниковъ первыхъ двухъ типовъ, т.-е. физическихъ исполнителей и пособниковъ. Ученіе о подстрекательствѣ въ книгѣ проф. Таганцева (да и вообще въ криминалистической ли-

---

[1]) Ibid., 60. [2]) Ibid., 62. [3]) Ibid., 63.

тературѣ) должно имѣть для насъ тѣмъ большій интересъ, что въ этомъ видѣ соучастія мы встрѣчаемся съ однимъ изъ случаевъ дѣйствія человѣка на человѣка. Подстрекательство нашъ авторъ опредѣляетъ, какъ «умышленное вовлеченіе другого въ участіе въ преступленіи» [1]), и если вмѣстѣ съ нимъ разсматривать подстрекателей съ точки зрѣнія того вклада, который они вносятъ въ общую дѣятельность участниковъ, т.-е. въ интересахъ классификаціи совиновниковъ, то они, какъ думаетъ самъ проф. Таганцевъ, рѣзко отличатся и отъ исполнителей, и отъ пособниковъ. Выдѣляя такимъ образомъ подстрекателей въ совершенно особый типъ соучастниковъ, онъ подвергаетъ своему анализу три категоріи условій этого вида соучастія, условія, характеризующія или подстрекателя, или подстрекаемаго, или самое дѣйствіе подговора [2]). Правда, въ этомъ анализѣ прежде всего ограничивается самое понятіе подстрекательства, и при этомъ перечисляется нѣсколько такихъ случаевъ вызова словами одного человѣка преступнаго дѣйствія со стороны другого, которые не могутъ быть подведены подъ это понятіе, но за всѣмъ тѣмъ остается еще весьма многое, что не лишено для насъ своего интереса. Исходя изъ общаго принципа соучастія, по коему «подстрекатель долженъ быть виновникомъ и совиновникомъ, дѣйствующимъ по соглашенію съ другими» [3]), проф. Таганцевъ не считаетъ возможнымъ назвать подстрекателемъ, напр., того, «кто разгласитъ при другихъ придуманный имъ планъ какого-нибудь артистическаго мошенничества, кражи, не имѣя въ виду возбудить кого-нибудь къ преступленію, хотя бы кто-либо изъ присутствующихъ воспользовался разсказомъ и осуществилъ этотъ планъ». Съ той же точки зрѣнія онъ не признаетъ подстрекательствомъ и «развитіе въ лицѣ преступныхъ наклонностей, пріученіе къ порочной жизни, даже подготовку къ преступнымъ занятіямъ, если въ немъ не содержится вовлеченія въ опредѣленное преступленіе», и т. п. Эти и подобные имъ случаи суть, однако, случаи такого дѣйствія человѣка на человѣка, которое является причиною того или иного поступка, и съ чисто классификаціонной точки зрѣнія было бы весьма, конечно, интересно исчерпать всѣ категоріи подобныхъ случаевъ [4]), чего, разумѣется, не могла сдѣлать наука уголовнаго права, хотя ея представителямъ и приходилось указывать на нѣкоторыя изъ этихъ категорій при опредѣленіи того, что считать подстрекательствомъ и что относить къ преступленіямъ иныхъ родовъ, если только разсматриваемое дѣйствіе человѣка на человѣка относится вообще къ числу наказуемыхъ [5]). Суживая понятіе подстрекательства, проф. Таганцевъ, съ другой стороны, говоритъ о спеціальныхъ особенностяхъ

[1]) Ibid., 64. [2]) Ibid, 66. [3]) Ibib., 67. [4]) Ср. выше, стр. 188.

[5]) См. разборъ нѣкоторыхъ такихъ случаевъ у проф. *Таганцева*, стр. 67 и сл.

умысла подстрекателя, такъ какъ и тутъ возможны весьма разнообразные оттѣнки, которые, будучи, наоборотъ, весьма интересны для изслѣдователя человѣческой жизни вообще, однако, оказываются неинтересными для теоріи уголовнаго права [1]). Разъ подстрекательство, продолжаетъ проф. Таганцевъ, «предполагаетъ сознательное вовлеченіе кого-либо въ преступленіе, опредѣленіе чьей-либо воли къ совершенію преступленія» [2]), то «какъ, спрашиваетъ онъ, соединить подобное понятіе о подстрекательствѣ съ доктриною о свободѣ воли и о произвольности человѣческихъ дѣйствій?» Отвѣтъ на вопросъ этотъ дается тотъ, что при признаніи индетерминизма бытіе подстрекательства немыслимо, такъ какъ тогда не будетъ существовать причинной связи между подговоромъ *B* со стороны *A* и убійствомъ, совершеннымъ *B*; но, продолжаетъ авторъ, «если каждое лицо въ своей дѣятельности опредѣляется мотивами, вытекающими частью изъ собственнаго опыта, характера, привычекъ дѣйствующаго, частью изъ обстоятельствъ, окружающихъ виновнаго въ данный моментъ, то, конечно, въ числѣ послѣднихъ можетъ быть и *прямое воздѣйствіе третьяго лица*» [3]). Далѣе, признавая, на основаніи общаго понятія о соучастіи, что подстрекательство можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ дѣеспособному субъекту, проф. Таганцевъ снова перечисляетъ нѣкоторые случаи, аналогичные съ подстрекательствомъ, но съ строго юридической точки зрѣнія не подходящіе подъ это понятіе [4]): такъ, онъ не считаетъ возможнымъ говорить о подстрекательствѣ, «если кто-либо побудилъ другого къ совершенію какого-либо дѣянія посредствомъ обмана, возбужденія заблужденія или пользованія его ошибкою»: для насъ интересны не тѣ основанія, по коимъ подобные случаи изъемлются проф. Таганцевымъ изъ понятія подстрекательства [5]), а самыя указанія на то, какъ одинъ человѣкъ можетъ вызывать поступки другого. Особымъ моментомъ подстрекательства являются его средства. Въ старыхъ теоріяхъ уголовнаго права на этотъ вопросъ обращалось особливое вниманіе: изслѣдовалась природа каждаго отдѣльнаго средства подговора, опредѣлялось ихъ сравнительное значеніе, но новая доктрина отбросила всѣ эти попытки, ибо, спрашиваетъ г. Таганцевъ, можно ли перечислить a priori средства «воздѣйствія одного лица на другое», такъ какъ «ихъ сила и значеніе безусловно зависятъ отъ разнообразныхъ отношеній, въ которыхъ находятся эти лица» [6])? Для подстре-

---

[1]) Ibid., 70, 73. «Для юридическаго понятія подстрекательства безразлично, было ли преступленіе результатомъ психическаго воздѣйствія одного лица или же подстрекателями являлись нѣсколько лицъ», стр. 83.

[2]) Ibid., 73. [3]) Ibid., 74. [4]) Idib., 75, [5]) Ibid., 76.

[6]) Ibid., 76. «Часто, говоритъ Жиряевъ, самое сильное въ другихъ случаяхъ средство, наприм., приказаніе, соединенное съ угрозою, разбивается, какъ волна о скалу, встрѣчаясь съ желѣзною волею или случайнымъ капри-

кательства, говоритъ онъ нѣсколько далѣе, необходимо только, чтобы данное лицо опредѣлило другого къ совершенію преступленія, какимъ бы путемъ оно этого ни достигло. Родъ и характеръ выбраннаго средства могутъ имѣть только процессуальное значеніе, какъ *доказательство* наличности умышленности и *причинной связи*» [1]). Тѣмъ не менѣе, проф. Таганцевъ разсматриваетъ нѣкоторыя изъ средствъ, перечисляемыхъ въ законодательствѣ [2]): это именно просьба, порученіе, убѣжденіе, одобреніе, подкупъ, обѣщаніе выгодъ, обольщеніе, обманъ, принужденіе, угрозы, приказаніе, злоупотребленіе властью и проч. Съ классификаціонной точки зрѣнія, забываемой авторомъ «Соучастія въ преступленіи» при разсмотрѣніи подстрекательства, всѣ эти различія также имѣютъ значеніе.

Въ книгѣ, изъ которой мы привели столько выдержекъ, есть еще одинъ предметъ, небезынтересный для теоріи прагматическаго процесса съ точки зрѣнія участія многихъ лицъ въ одномъ и томъ же событіи. Отъ соучастія въ тѣсномъ смыслѣ уголовное право отличаетъ «прикосновенность къ преступленію», означающую, по опредѣленію автора, «крайне *разнообразную* преступную *дѣятельность, вызываемую актомъ совершившагося преступленія*» [3]). Разсмотрѣвъ дѣянія, относимыя законодательствами отдѣльныхъ странъ къ прикосновенности, проф. Таганцевъ обращаетъ вниманіе «на кажущуюся, какъ самъ онъ отзывается, тѣсную связь ихъ съ предшествующими преступленіями». Такъ напр., «укрывательство убійцы или вещей, имъ добытыхъ, конечно, немыслимо безъ существованія факта убійства». Отсюда и возникло ученіе, господствовавшее въ нѣмецкой литературѣ начала XIX столѣтія, что «всѣ лица, вкладывавшіяся въ преступленіе до момента наказанія, могутъ разсматриваться, какъ соучастники», а потому этихъ лицъ названное ученіе и дѣлило вообще на виновниковъ, пособниковъ и прикосновенныхъ [4]). Указавъ на причины, заставившія криминалистовъ середины прошлаго вѣка выдѣлить прикосновенность изъ соучастія, какъ самостоятельный видъ совиновничества [5]), и высказавъ свой взглядъ, по которому прикосновен-

---

зомъ того, относительно кого оно употребляется, и, наоборотъ, иногда одно просительное слово, одно высказанное желаніе заставляютъ другого рѣшаться на предпріятія самыя отчаянныя, бросаться, какъ говорятъ, въ огонь и воду».— «Безразлично, замѣчаетъ Гейеръ, заключается ли подстрекательство въ какомъ-либо мимолетномъ дѣйствіи, въ какъ бы случайно брошенномъ словѣ, въ знакѣ, или же для вовлеченія понадобилась хитро-сплетенная махинація, рядъ заранѣе обдуманныхъ дѣйствій, мало-по-малу подготовлявшихъ другого къ принятію роковой рѣшимости». Оба мѣста приведены у проф. *Таганцева* на стр. 77.

[1]) Ibid., 77. [2]) Ibid., 78—82. [3]) Ibid., 120.
[4]) Ibid., 125. [5]) Ibid., 126 sq.

ность не должна составлять особой формы виновничества [1]), проф. Таганцевъ тѣмъ не менѣе разсматриваетъ подробно вопросъ о прикосновенности, касаясь и нѣкоторыхъ такихъ его сторонъ, которыя какъ разъ не лишнимъ будетъ здѣсь отмѣтить. Во-первыхъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что «умыселъ прикосновенныхъ является *независимымъ отъ умысла главныхъ виновныхъ*», вслѣдствіе чего «и самое дѣйствіе ихъ имѣетъ *такой же самостоятельный характеръ*» [2]). Но, замѣчаетъ онъ далѣе, «если объективная сторона представляется независимою отъ главнаго дѣянія, то можно говорить о покушеніи на прикосновенность, о соучастіи въ ней и даже о прикосновенности къ прикосновенности и т. д.», и въ случаѣ соучастія прикосновенныхъ (напр., въ скрытіи преступника) ихъ «дѣятельность можетъ быть *крайне разнообразна*» (подстрекательство къ укрывательству, физическое виновничество, пособничество и т. п.) [3]). Другое мѣсто, заслуживающее быть отмѣченнымъ, это—то, гдѣ рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ типахъ прикосновенныхъ по русскому уложенію, различающему попустителей, укрывателей, лицъ, воспользовавшихся плодами преступленія, и недоносителей [4]). Оно интересно съ классификаціонной точки зрѣнія.

Мы подробно остановились, насколько это было возможно, на криминалистическомъ ученіи о соучастіи: несмотря на специальную постановку вопроса, самъ проф. Таганцевъ, наприм., не забываетъ того, что вопросъ этотъ составляетъ часть другого, болѣе общаго. Именно разсматриваемое въ его изслѣдованіи стеченіе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ и томъ же дѣяніи подводится подъ болѣе общее понятіе дѣйствія нѣсколькихъ причинъ, могущихъ заключаться или въ проявленіи силъ природы, или въ человѣческихъ поступкахъ [5]): въ одномъ мѣстѣ онъ прямо указываетъ на то, что «*ученіе о соучастіи можетъ быть разсматриваемо только въ соотношеніи съ теоріею причинной связи*», такъ какъ никто не можетъ быть виновникомъ преступленія, коль скоро онъ не является «одною изъ силъ, вкладывающихся въ преступленіе». Ради этого-то соотношенія специальнаго вопроса уголовнаго права съ теоріею причинной связи мы и обратились къ ученію о соучастіи, устранивъ изъ его изложенія всѣ юридическія контроверзы, для нашей цѣли не имѣющія существеннаго значенія. Намъ предстоитъ еще въ этой же главѣ вернуться къ нѣкоторымъ изъ приведенныхъ взглядовъ проф. Таганцева, обращавшаго вниманіе на разныя классификаціонныя подробности, хотя и отрицавшаго

[1]) Ibid., 130—131. Всѣ случаи, входящіе въ понятіе прикосновенности, должны быть отдѣлены одни отъ другихъ и перенесены въ соотвѣтствующія рубрики преступленій.

[2]) Ibid., 142. [3]) Ibid., 143. [4]) Ibid., 150 sq.

[5]) *Н. С. Таганцевъ.* Курсъ, вып. II, стр. 304 и слѣд.

за ними практическое значеніе; тутъ же намъ да будетъ позволено ограничиться немногими соображеніями, касающимися вопроса о составленіи причинъ. Криминалисты не безъ основанія выдѣляютъ въ особую категорію дѣйствія нѣсколькихъ причинъ тѣ его случаи, когда послѣднія заключаются не въ проявленіи силъ природы, а въ человѣческихъ поступкахъ: способъ составленія причинъ въ этихъ случаяхъ не можетъ уже по одному тому подходить подъ миллевскіе механическій и химическій способы, что въ человѣческихъ поступкахъ, складывающихся въ общее дѣло, играютъ роль такіе моменты, каковы, выражаясь терминами уголовнаго права, умыселъ, подговоръ, соглашеніе и т. п., т.-е. нѣчто такое, чего не заключаютъ въ себѣ ни механическія, ни химическія, ни біологическія явленія. Къ сожалѣнію, уголовныя теоріи занимались не всею этою категоріей случаевъ, отмежевавъ себѣ область случаевъ строго квалифицированныхъ признакомъ взаимнаго соглашенія соучастниковъ, и изслѣдовали послѣднюю не изъ теоретическаго интереса къ вопросу о составленіи прагматическихъ причинъ, а въ виду извѣстныхъ практическихъ цѣлей, опредѣляющихъ самое бытіе науки уголовнаго права. Тѣмъ не менѣе, мимоходомъ они даютъ довольно много такихъ понятій и взглядовъ, которые не могутъ остаться безслѣдными для теоріи исторической науки, до сихъ поръ не представившей ни одного изслѣдованія причинности въ исторіи [1]). Конечно, понятія и взгляды эти не могутъ заключать въ себѣ всего ученія о составленіи причинъ въ мірѣ человѣческихъ дѣйствій: такое ученіе предстоитъ еще создать, если только среди историковъ будетъ настолько силенъ интересъ къ теоретическимъ вопросамъ ихъ науки, что они займутся этимъ предметомъ. Тѣмъ не менѣе криминалисты, сами того не подозрѣвая, уже положили начало такому ученію: вѣдь и они изучаютъ причинность человѣческихъ поступковъ, ставя, между прочимъ, вопросъ и о составленіи причинъ. Говоря о разныхъ «доляхъ участія», «объемахъ личной дѣятельности» и о другихъ тому подобныхъ различіяхъ ролей въ совокупномъ дѣйствіи, криминалисты имѣютъ дѣло въ сущности съ тѣмъ же «неравенствомъ» дѣйствія, которое должно интересовать и историка. Они видятъ, что одни индивидуумы являются «преобладающими, направляющими» и съ этой точки зрѣнія главнымъ образомъ и причиняющими совокупное дѣйствіе, тогда какъ другіе — имъ только подчиняются. Отсюда и раздѣленіе ролей на главныя и второстепенныя. Они знаютъ далѣе, что совокупное дѣйствіе можетъ происходить и безъ всякаго предварительнаго соглашенія, что исходнымъ пунктомъ оно имѣетъ умыселъ, способный передаваться другимъ, что у лица, присоединяющагося къ данному дѣлу, умыселъ можетъ имѣть независимое про-

[1]) Ср. аналогичное замѣчаніе выше, стр. 192.

исхожденіе, что между соучастниками бываетъ обоюдное вліяніе, взаимодѣйствіе, что результатомъ послѣдняго является однородное направленіе воли и т. д. Они, наконецъ, разбиваютъ соучастниковъ на категоріи, не упуская изъ виду многочисленныхъ оттѣнковъ, какіе представляетъ каждый видъ, не забывая индивидуальныхъ условій дѣятельности каждаго изъ участвующихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ относительную важность ролей, какія отдѣльные люди играютъ въ совокупномъ дѣйствіи, отмѣчая и тѣ средства, которыми одинъ человѣкъ можетъ склонить другого къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ существующихъ научныхъ воззрѣній одно только ученіе уголовнаго права въ достаточной мѣрѣ освѣщаетъ вопросъ о неравенствѣ человѣческихъ дѣйствій, какъ сопричинъ какого-либо явленія или событія.

Но возвратимся къ тому, по поводу чего зашла рѣчь и о логическомъ «составленіи причинъ», и о криминалистическомъ «соучастіи». Рѣчь объ этомъ будетъ коротка: о разныхъ дѣйствіяхъ, какъ причинахъ какого-либо факта, мы дѣйствительно можемъ говорить, что одни суть des causes officientes, другія—des causes occasionelles, что одни bewirken, другіе ermöglichen и т. п. [1]). Разъ слѣдствіе производится многими прагматическими причинами, которыя не представляютъ собою величинъ равнозначныхъ, то и роли людей, совершившихъ дѣйствія, разсматриваемыя нами, какъ эти причины, будутъ различны. Это самый общій выводъ изъ всего сказаннаго, выводъ, конечно, отдающій трюизмомъ.

Какъ на третью категорію причинъ неравенства человѣческихъ дѣйствій по отношенію къ прагматическому процессу, который изъ нихъ складывается, нами было уже указано на то, что разные поступки, разсматриваемые нами, какъ причины, могутъ имѣть не одинаковое количество слѣдствій, при чемъ, прибавимъ еще, и слѣдствія совершенно однородныхъ поступковъ еще могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть весьма разнородны. Подобно тому, какъ каждое явленіе почти всегда зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ, и каждая причина обыкновенно имѣетъ нѣсколько слѣдствій. Каждый изъ насъ однимъ и тѣмъ же своимъ поступкомъ можетъ вызвать нѣсколько поступковъ другихъ лицъ, и эти нѣсколько поступковъ будутъ или однородны, если нашъ поступокъ подѣйствуетъ на всѣхъ одинаково, или, наоборотъ, разнородны, если онъ будетъ различно принятъ отдѣльными лицами. Когда лицо, облеченное властью, приказываетъ и его приказаніе исполняется множествомъ подвластныхъ ему людей, мы имѣемъ случай перваго рода. Случай второго рода мы имѣли бы, напротивъ, тогда, когда какой-либо нашъ посту-

[1]) См. выше, стр. 182—183 и 197.

покъ вызвалъ бы у одного подражаніе, другого заставилъ бы сдѣлать что-нибудь для извлеченія изъ него личной выгоды, побудилъ бы третьяго совершить что-либо для помощи намъ, четвертаго подвигъ бы, наоборотъ, на противодѣйствіе намъ и т. п. Чѣмъ большее, съ одной стороны, количество дѣйствій обусловлено нашимъ поступкомъ и чѣмъ разнообразнѣе, съ другой стороны, сами эти дѣйствія, тѣмъ большее значеніе должно принадлежать нашему поступку въ причинной цѣпи прагматическихъ фактовъ. Вопросъ сводится тутъ къ количеству и качеству дѣйствія человѣка на человѣка [1]). Конечно, первое не поддается строго математическому опредѣленію, но это не мѣшаетъ намъ говорить, что такой-то поступокъ вызвалъ большее или меньшее количество поступковъ сравнительно съ другимъ, и что вызванные имъ поступки зависятъ отъ него опять-таки въ большей или меньшей степени, чѣмъ отъ другого. Приказанія Наполеона исполнялись большимъ числомъ людей, чѣмъ приказанія любого капрала; его произвольныя дѣйствія вооружали противъ себя большее же число людей въ Испаніи, въ Россіи, въ Германіи, чѣмъ дѣйствія любого изъ солдатъ его арміи. Равнымъ образомъ, повиновеніе ему или ненависть къ нему, заставлявшія однихъ сражаться за него, другихъ противъ него, имѣли разныя степени и оттѣнки, такъ какъ у однихъ дѣйствовалъ расчетъ, у другихъ—чувство долга, у третьихъ—благоговѣніе къ его личности, у четвертыхъ—личная непріязнь, у пятыхъ—оскорбленное національное чувство, и пр., и пр., такъ что тѣ или другіе поступки людей, вызванные дѣйствіями Наполеона, имѣя различное происхожденіе въ ихъ внутреннемъ мірѣ,—что уже касается качественныхъ различій дѣйствія личности на личность,—находились далеко не въ одинаковой зависимости и отъ его дѣйствій: все дѣло заключалось въ томъ, насколько каждый поступокъ обусловливался тѣмъ или другимъ его дѣйствіемъ въ сравненіи съ другими причинами этого поступка. Что касается до качественной стороны, т.-е. до содержанія поступковъ-слѣдствій, то она опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ множествомъ обстоятельствъ, изъ коихъ отмѣтимъ два: внутреннія и внѣшнія условія дѣятельности лицъ, совершающихъ эти поступки, и взаимныя отношенія между этими лицами и тѣмъ, кто ихъ поступки вызываетъ. Во избѣжаніе недоразумѣній напомнимъ, что рѣчь идетъ у насъ вообще лишь о прагматическомъ и болѣе или менѣе непосредственномъ вліяніи человѣка на другихъ людей, но еще большее значеніе получаетъ неодинаковое количество и качество слѣдствій одного и того же дѣйствія, разсматриваемаго какъ причина, когда мы беремъ еще въ расчетъ культурныя измѣненія, вызванныя какимъ-либо поступкомъ, и притомъ на протяженіи иногда очень про-

---

[1]) Ср. выше, стр. 15—16.

должительныхъ періодовъ времени. Впрочемъ, и въ области прагматическихъ фактовъ мы не лишены права различать поступки, такъ сказать, пропадающіе безслѣдно послѣ вызова извѣстныхъ слѣдствій, и поступки, наоборотъ, продолжающіе дѣйствовать, какъ причины, въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе длиннаго времени, т.-е. какъ бы не теряющіе способности вызывать все новыя и новыя слѣдствія.

Насколько многочисленны и разнообразны слѣдствія того или другого поступка, какъ велика ихъ зависимость отъ него и какъ продолжительно время, въ теченіе коего онъ можетъ вызывать новыя слѣдствія, все это бываетъ обусловлено множествомъ разнообразныхъ причинъ. Историческая роль личности опредѣляется съ этой стороны количествомъ, качествомъ, степенью зависимости и продолжительностью слѣдствій ея поведенія, но поведеніе отдѣльной личности можетъ вызывать большое число болѣе или менѣе разнообразныхъ, болѣе или менѣе отъ него зависимыхъ поступковъ и притомъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, когда, съ одной стороны, сама личность обладаетъ особыми средствами, ставящими ее въ исключительное положеніе, средствами психическими и соціальными, т.-е. когда къ ней приложимы выраженія: «геній», «талантъ», «великій человѣкъ», «герой», «недюжинная личность», «ловкій человѣкъ» и т. д., или когда она обладаетъ властью, пользуется довѣріемъ по своему положенію въ обществѣ, располагаетъ матеріальными средствами, а съ другой стороны, когда и люди, поведеніе коихъ складывается подъ ея вліяніемъ, представляютъ собою условія, при которыхъ это вліяніе, какъ нельзя болѣе, естественно и понятно [1]).

---

[1]) Въ упоминавшейся выше книгѣ г. Слонимскаго «Основные вопросы политики» нѣсколько страницъ статьи «Законы исторіи» (стр. 17—22) посвящено вопросу о значеніи личности въ исторіи. «Виновниками великихъ событій, говоритъ, между прочимъ, авторъ, могутъ оказаться отдѣльныя лица только потому, что они имѣютъ въ своемъ распоряженіи *сложный механизмъ власти* или обладаютъ *способностью увлекать* народы силою своего таланта, энергіи и ловкости... Существуетъ, продолжаетъ онъ, три разряда историческихъ дѣятелей, имѣющихъ возможность вліять на исторію: во-первыхъ, великіе люди— или, вѣрнѣе великіе характеры—въ собственномъ смыслѣ этого слова; во-вторыхъ, лица, облеченныя властью, и въ-третьихъ, честолюбивые искатели власти, эксплуататоры народныхъ инстинктовъ, слабостей и увлеченій» (стр. 18). Г. Слонимскій отмѣчаетъ здѣсь двѣ категоріи средствъ, которыми располагаютъ видные историческіе дѣятели: средства соціальныя (сложный механизмъ власти) и средства психическія (способность увлекать), и это очень резонно при существованіи взглядовъ, берущихъ въ расчетъ одни психическія или они соціальныя средства (ср. выше, стр. 225 и слѣд.), но онъ далеко, конечно, не перечислилъ всѣхъ главныхъ средствъ, что и отразилось на его классификаціи историческихъ дѣятелей, страдающей, кромѣ того, внесеніемъ въ нее субъективнаго элемента (противоположеніе истинно великихъ людей честолюбивымъ эксплуататорамъ).

Изъ всего, что до сихъ поръ было сказано въ этой главѣ, явствуетъ вообще, что значеніе отдѣльныхъ поступковъ въ прагматическомъ процессѣ бываетъ крайне разнообразно, и что роли, которыя играютъ въ немъ отдѣльныя личности, представляютъ также великое разнообразіе, съ какой бы стороны мы на эти роли ни посмотрѣли. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждой точки зрѣнія, съ какой только можно характеризовать способы участія отдѣльнаго человѣка въ историческихъ событіяхъ, предъ нами является масса случаевъ, разнящихся между собою то въ количественныхъ, то въ качественныхъ отношеніяхъ, и, конечно, было бы задачею совершенно неразрѣшимою перечислить всѣ эти точки зрѣнія, способы и случаи. Отмѣтимъ для примѣра только нѣкоторые. Не подлежитъ, прежде всего, сомнѣнію, что человѣкъ можетъ самъ (безсознательно или преднамѣренно) создавать будущія условія какъ своей собственной, такъ и чужой дѣятельности [1]). Въ этомъ отношеніи разные люди, конечно, находятся далеко не въ одинаковомъ положеніи: одинъ дѣйствуетъ при условіяхъ, до извѣстной степени имъ самимъ и созданныхъ, тогда какъ другой всецѣло подчиняется теченію, образовавшемуся помимо его воли. Съ точки зрѣнія большей активности или пассивности люди могли бы представить собою цѣлую градацію, цѣлую лѣстницу увеличивающагося въ одну сторону и уменьшающагося въ другую вліянія человѣка на условія его дѣятельности параллельно съ уменьшеніемъ и увеличеніемъ зависимости его отъ обстоятельствъ. Или вотъ гдѣ еще возможно большое разнообразіе. Знаніе того, что принято называть «человѣческимъ сердцемъ», знаніе окружающихъ людей, ихъ характеровъ, стремленій и слабостей, пониманіе общественнаго настроенія въ данную минуту, умѣніе воспользоваться для достиженія своихъ цѣлей (личныхъ ли, или общественныхъ—все равно) иногда часто минутными обстоятельствами, такъ или иначе подѣйствовавшими на людей, съ одной стороны, а съ другой, опытность въ дѣлахъ той или другой категоріи, обладаніе спеціальными свѣдѣніями, необходимыми въ данномъ дѣлѣ, знакомство съ фактами прошлаго, помогающими разумѣть смыслъ настоящаго или заключающими въ себѣ своего рода уроки для будущаго, способность обнимать однимъ взглядомъ современную дѣйствительность въ ея существенныхъ отношеніяхъ, находчивость въ случаѣ непредвидѣнныхъ событій, проницательность относительно будущаго,—все это также вѣдь не въ равной мѣрѣ распредѣлено между людьми вообще и въ частности между историческими дѣятелями, призванными руководить прагматическою дѣятельностью обществъ. Не всѣ люди могутъ похвастаться, наприм., одинаковымъ знаніемъ «человѣческаго сердца» или одинаковою проницательностью

---

[1]) См. выше, стр. 254 и слѣд.

относительно будущаго, да и не во всякомъ положенiи эти качества требуются въ одной и той же степени. Одно и то же положенiе будетъ оцѣнено двумя людьми болѣе или менѣе различно; различно будетъ понято то, что требуется даннымъ положенiемъ, а потому поставлены будутъ несходныя задачи, и каждый при исполненiи своего дѣла будетъ имѣть различный успѣхъ, смотря по тому, насколько вѣрно онъ разгадалъ то, что называется «требованiемъ положенiя», насколько умѣло намѣтилъ себѣ цѣль и насколько искусно подобралъ средства. Люди, далѣе, вкладываютъ въ свои предпрiятiя неодинаковое постоянство, неодинаковую настойчивость, неодинаковую энергiю, неодинаковой способъ дѣйствiя въ разныхъ другихъ отношенiяхъ. Одни скорѣе другихъ бываютъ способны охладѣвать къ своему дѣлу, ища новизны или легко отвлекаясь отъ него ради иногда совершенно минутныхъ преимуществъ, представляемыхъ новыми, случайно возникающими дѣлами, тогда какъ и эти другiе тоже въ различной степени способны бываютъ «втягиваться» въ свои предпрiятiя, сживаться съ своими дѣлами. Неудачи, временной неуспѣхъ, необходимость долго ждать результатовъ работы, опять-таки различнымъ образомъ дѣйствуютъ на разные характеры: у одного «опускаются руки», другой, наоборотъ, «не унываетъ»; одинъ своею торопливостью портитъ дѣло, другой выигрываетъ отъ одного умѣнiя терпѣть. При всякой дѣятельности встрѣчаются препятствiя, передъ которыми одинъ «пассуетъ», или прямо не рѣшаясь взяться за дѣло, съ ними соединенное, или бросая его задолго до конца, и которыя другихъ, напротивъ, какъ бы подзадориваютъ и подзадориваютъ опять-таки различнымъ образомъ, смотря по тому, что больше нравится человѣку—прибѣгать ли къ «военнымъ хитростямъ», чтобы обходить препятствiя, или же употреблять матерiальную силу, чтобы ихъ сокрушать. И отношенiе къ собственному успѣху бываетъ неодинаковое у людей различнаго характера: иной, «опьяненный успѣхами», «зарвется» и потеряетъ «плоды своихъ побѣдъ», другой благоразумно «во-время остановится», чтобы не рисковать своими прiобрѣтенiями; иной, достигши цѣли своихъ стремленiй, считаетъ возможнымъ «почить на лаврахъ», иной же «не видитъ конца своей работѣ», ставя себѣ новыя и новыя цѣли или продолжая работать надъ большимъ закрѣпленiемъ результатовъ своихъ прежнихъ усилiй. Отъ быстроты и медлительности, отъ смѣлости и нерѣшительности человѣка, руководящаго совокупными дѣйствiями, зависитъ исходъ предпрiятiя, если было важно уловить минуту, не потерять времени или, наоборотъ, важно было выждать благопрiятныхъ обстоятельствъ, произвести впечатлѣнiе рѣшительностью своего поведенiя или не обнаружить своей слабости образомъ дѣйствiй, указывающимъ на колебанiя, и проч., и проч. Въ первомъ томѣ *Основныхъ вопросовъ философiи исторiи* мы имѣли

нѣсколько разъ случай отмѣчать это разнообразіе личнаго дѣйствія въ исторіи, дѣлая изъ этого такіе выводы, которые и теперь нелишнимъ считаемъ напомнить. Дѣло идетъ о томъ, что мы обозначали, вслѣдъ за Спенсеромъ, какъ разныя степени развитія поведенія [1]).

«Въ каждомъ обществѣ, сказано въ одномъ мѣстѣ, поведеніе всѣхъ его членовъ находится далеко не на одинаковой степени развитія, а потому, въ совокупной дѣятельности членовъ общества происходятъ *такія разнообразныя и сложныя сочетанія поступковъ*, *что нѣтъ возможности подвести эти сочетанія подъ однообразныя и простыя формулы*. Движеніе общества будетъ совершаться по равнодѣйствующей, суммирующей поведеніе его членовъ, но эта равнодѣйствующая будетъ необходимо *измѣняться опять-таки самымъ неправильнымъ образомъ*, поскольку сочетанія поступковъ членовъ общества будутъ тѣ или другія» [2]). Въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о томъ, что нельзя сравнивать общественнаго движенія съ движеніемъ матеріальнаго тѣла: когда «происходитъ, наприм., паденіе тѣла, падаютъ одновременно и вмѣстѣ всѣ его частицы, всѣ его атомы, т.-е. каждый изъ нихъ, такъ-сказать, утрачиваетъ свою собственную тяжесть ради одного общаго, идеальнаго центра», между тѣмъ какъ «*каждый человѣкъ въ своей дѣятельности повинуется только извѣстной, для него только такимъ именно образомъ сложившейся, силѣ обстоятельствъ*». Самый ходъ исторіи «*вліяетъ на каждую личность*» *болѣе или менѣе* «*особеннымъ образомъ, а потому и каждая личность особеннымъ образомъ его направляетъ*»... «Движеніе исторіи, сказано далѣе, не стройные марши войска на ученіи, а уличная толкотня, то *va-et-vient*, въ которомъ *каждый спѣшитъ по своему дѣлу или просто безцѣльно шатается*, *не подчиняясь одной общей причинѣ*, *одной общей волѣ*. Общество не имѣетъ центра воли, какъ падающее тѣло имѣетъ центръ тяжести. Воля человѣка, конечно, свободна лишь отъ того, что на нее не дѣйствуетъ, а на волю всѣхъ людей именно не дѣйствуетъ никакая единая и общая причина, какъ мы это видимъ при паденіи тѣла относительно его частицъ. Всѣ атомы увлекаютъ тѣло по одному направленію; *люди*, *такъ-сказать*, *двигаютъ исторію въ разныя стороны*, и ходъ ея зависитъ отъ того, въ какую сторону склоняетъ ее большинство... Исторія не прямая линія, не правильный узоръ, построенный по математическому плану, а живая ткань линій, неправильныхъ и извилистыхъ, переплетающихся самыми разнообразными и неожиданными способами, то спутывающихся до безконечности, то

---

[1]) «Исторію совершаетъ дѣятельность личностей; каждая изъ личностей, создающихъ исторію, такъ или иначе обусловлена. Но поведеніе людей вообще подчинено извѣстнымъ законамъ, и въ немъ, въ поведеніи этомъ, вообще мы можемъ различать разныя степени развитія». О. В. Ф. И. I, 40 (139).

[2]) Ibid., I, 41 (140).

слагающихся въ нѣсколько отграниченныхъ системъ, то сближающихся, то удаляющихся, то идущихъ по одному направленію, то по разнымъ,—ткань, полная узловъ, обрывковъ, причудливыхъ узоровъ, невообразимой путаницы и невѣроятнаго хаоса. *Изученіе ея во всѣхъ мелочахъ даже немыслимо: это значило бы возсоздать всю дѣятельность всѣхъ людей со всѣми ея причинами и слѣдствіями.* Историку приходится поэтому ограничиться господствующими линіями, существенными направленіями, наиболѣе важными узлами, подобно тому, какъ географъ изучаетъ не всѣ неровности на земной поверхности, а только тѣ, которыя достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ. И подобно тому, какъ атомы матеріи образовали земную поверхность, повинуясь не одной причинѣ, а массѣ общихъ и частныхъ причинъ, *такъ и исторію дѣлали люди подъ вліяніемъ великаго множества причинъ, дѣйствовавшихъ на отдѣльныя личности и на цѣлыя ихъ группы.* Человѣческую волю мотивировала не одна причина, а нѣсколько, *и разныя ихъ комбинаціи мотивировали волю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ*» [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ теперь возможности остановиться на разъясненіи всѣхъ послѣдствій разнообразія, представляемаго участіемъ личнаго элемента въ историческомъ движеніи, и на разъясненіи того, въ чемъ заключается задача историка, который не можетъ же въ самомъ дѣлѣ возсоздавать всю дѣятельность всѣхъ людей со всѣми ея причинами и слѣдствіями. Замѣтимъ только, что рядомъ съ индивидуальными причинами, т.-е. причинами, существующими только для отдѣльныхъ личностей, въ исторіи дѣйствуютъ еще причины общія, оказывающія вліяніе на цѣлыя группы и массы, но и онѣ не поглощаютъ въ себѣ причинъ индивидуальныхъ, къ числу коихъ нужно отнести какъ характеры людей, такъ и особенности ихъ внѣшняго положенія. Достойно примѣчанія, что и тѣ писатели, которые стремятся, такъ сказать, вычеркнуть изъ исторіи всякое личное дѣйствіе, сводя всѣ явленія цѣликомъ къ однѣмъ общимъ причинамъ, не забываютъ, однако, прибавлять, что то или другое событіе либо движеніе при другихъ дѣятеляхъ совершилось бы нѣсколько иначе [2]). Весь вопросъ въ томъ, насколько иначе. Конечно, онъ не подлежитъ одному общему отвѣту: все зависитъ и отъ свойствъ событія, и отъ характера дѣятеля, а потому, принимая въ расчетъ возможность весьма разныхъ отношеній между событіемъ и дѣятелемъ, позволительно думать, что это «нѣсколько иначе» весьма растяжимо. Чѣмъ особеннѣе долженъ былъ быть дѣятель, котораго требовало событіе, чтобы совершиться, и чѣмъ менѣе, съ другой стороны, само событіе требовалось общими причинами, тѣмъ скорѣе оно могло бы

---

[1]) О. В. Ф. И. I, 51—52 (153—154).

[2]) См. выше, стр. 99, 102, 106 и др.

и вовсе не совершиться безъ этого дѣятеля, и наоборотъ, чѣмъ больше подготовлялось оно въ зависимости отъ дѣйствія общихъ причинъ и чѣмъ менѣе роль послѣдней рѣшающей перемѣны должна была принадлежать чему-то особенному, рѣдко встрѣчающемуся, тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ утверждать, что событіе произошло бы и при другомъ дѣятелѣ безъ существеннаго измѣненія. Такимъ образомъ это «нѣсколько иначе» допускаетъ цѣлую градацію толкованій: «почти такъ же», «не совсѣмъ такъ», «нѣсколько не такъ», «вовсе не такъ» и, въ концѣ концовъ, даже «совсѣмъ никакъ». Взаимныя отношенія дѣятеля и событія, отъ каковыхъ отношеній, между прочимъ, зависитъ, произошло ли бы событіе безъ даннаго дѣятеля вообще и въ частности произошло ли бы оно безъ него такъ же или почти такъ же, какъ и при немъ, и должны были бы приниматься въ расчетъ при классификаціи участниковъ историческихъ событій. Послѣдніе, дѣйствительно, могли бы быть раздѣлены на отдѣльныя категоріи по характеру своего участія въ прагматическомъ процессѣ (классификація въ собственномъ смыслѣ), что еще, однако, не обозначало бы абсолютнаго равенства дѣйствія лицъ одной и той же категоріи, такъ какъ характеризующій каждую категорію способъ участія личности въ событіяхъ проявляется въ отдѣльныхъ случаяхъ въ большей или меньшей мѣрѣ (градація).

Мы уже раньше не разъ говорили о возможности поставить вопросъ о классификаціи и градаціи и отдѣльныхъ поступковъ, какъ элементовъ событій или движеній, и отдѣльныхъ лицъ, какъ историческихъ дѣятелей [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ встрѣчались и съ попытками классифицировать людей, дѣйствующихъ въ исторіи [2]). Самое раздѣленіе историческаго человѣчества на «героевъ» (въ условномъ смыслѣ), великихъ людей, знаменитостей и т. п., съ одной стороны, и на толпу или массу, на обыкновенныхъ смертныхъ, безвѣстныхъ дѣятелей и т. д., съ другой, уже представляетъ изъ себя попытку классификаціи, хотя и очень грубую попытку. Но все, что ни дѣлалось въ этомъ отношеніи отдѣльными писателями, не шло далѣе очень поверхностныхъ указаній на существованіе различій въ томъ, какъ отдѣльныя единицы участвуютъ въ историческихъ событіяхъ, и почти никогда въ эти указанія не вносилось никакой системы. Исключенія очень рѣдки. Съ однимъ изъ нихъ мы уже встрѣтились раньше, разсматривая взгляды П. Л. Лаврова на роль личности въ исторіи [3]), но его классификація имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду культурную исторію, поскольку принимаетъ въ расчетъ исключительно

---

[1]) См., напр., стр. 14—15, 136, 142 и др.

[2]) См. выше, стр. 22, 27, 75, 76 и др.

[3]) См. выше, стр. 75 и слѣд.

степень самостоятельности личностей въ ихъ отношеніяхъ къ культурнымъ формамъ. Собственно дѣятельными личностями здѣсь являются очень немногія: это, сказали бы мы, инціаторы культурныхъ перемѣнъ, происходящихъ отъ общественной дѣятельности, ибо только они одни вырабатываютъ себѣ новый взглядъ на вещи, «вносятъ его въ свои дѣйствія, пріобрѣтаютъ ему приверженцевъ или подчиняютъ ему другихъ, какъ орудія», и такимъ образомъ «вовлекаютъ ихъ въ стремленіе, вызванное ихъ мыслью». Къ этой группѣ близко ставится другая, представители коей «живутъ мыслью первой группы», «повторяя слова двигателей общества и дѣйствуя по ихъ указанію», въ силу чего они и «составляютъ самую прочную поддержку» первой группы: «эти люди, говоритъ о нихъ авторъ, сами не были бы способны придать обществу жизнь и движеніе». Наконецъ, третью группу составляютъ люди, живущіе неизмѣнными традиціями [1]). Расчитанная на то, чтобы служить цѣлямъ теоріи культурнаго процесса, классификація эта можетъ, однако, найти примѣненіе и по отношенію къ прагматической исторіи: авторъ говоритъ и о дѣйствіяхъ, въ которыя вносится новый взглядъ, т.-е. прежде небывалый, выработанный извѣстною только личностью, говоритъ о вовлеченіи ею другихъ въ кругъ своихъ стремленій, что немыслимо безъ прагматическаго съ ея стороны на нихъ вліянія, говоритъ и о дѣйствіяхъ, ими совершаемыхъ по ея указанію, и т. д. Нѣкоторыя выраженія, употребляемыя авторомъ, напоминаютъ намъ термины криминалистическаго ученія о соучастіи: одни вовлекаютъ, другіе дѣйствуютъ по указаніямъ. Сходство это не случайное: не случайно, вѣдь, и мы два раза въ настоящемъ трудѣ дѣлали небольшія экскурсіи въ область уголовнаго права, изучающаго, между прочимъ, соединенное дѣйствіе нѣсколькихъ участвующихъ въ одномъ и томъ же преступленіи. Мало того: мы ограничились бы гораздо меньшимъ количествомъ выдержекъ изъ «Курса русскаго уголовнаго права» проф. Таганцева по вопросу о соучастіи, если бы не предполагали воспользоваться, такъ сказать, классификаціонными мѣстами его ученія о послѣднемъ въ интересахъ теоріи прагматическаго процесса. Законодательства и судебная практика разныхъ странъ, равно какъ и уголовныя теоріи различаютъ, какъ извѣстно, виды и степени участія отдѣльныхъ лицъ въ преступленіи, преступленіе же есть само по себѣ фактъ прагматическаго характера: оно, какъ и всякое историческое событіе, складывается изъ дѣяній, и уже дальнѣйшія подробности составляетъ то, запрещены или не запрещены закономъ эти дѣянія, важно или совсѣмъ не важно по своимъ общественнымъ послѣдствіямъ это событіе. Долговременное

[1]) Замѣтимъ, что авторъ здѣсь дѣлитъ такъ лишь меньшинство цивилизованнаго общества, но это относится и ко всему обществу.

занятіе законодателей, судей и юристовъ вопросомъ о соучастіи дало въ результатѣ такую массу классификацій совиновничества, что сами по себѣ онѣ могли бы сдѣлаться предметомъ критическаго разсмотрѣнія. До извѣстной степени такую критику мы и находимъ въ книгѣ проф. Таганцева, такъ сказать, упрощающаго разныя классификаціи и на основаніи ихъ строющаго свою, сообразуясь съ нѣкоторыми общими принципами, которые могутъ имѣть болѣе широкое примѣненіе, нежели въ области одного уголовнаго права. Съ своей стороны, и мы можемъ, устраняя изъ классификаціи проф. Таганцева все, что важно съ строго юридической точки зрѣнія, еще болѣе ее упростить, еще болѣе внести въ нее широкаго обобщенія: то, что получится у насъ въ результатѣ отъ этой несложной работы, будетъ, такимъ образомъ, своего рода квинтъ-эссенціей изъ цѣлой спеціальной литературы, въ которой трудилась масса теоретиковъ и практиковъ уголовнаго права. Видоизмѣняя приведенную выше классификацію проф. Таганцева, мы поставили бы на первомъ мѣстѣ подстрекателей, «вовлекающихъ другихъ въ сообщество» [1]): имъ принадлежитъ *иниціатива* дѣянія, они являются *интеллектуальными его виновниками*. Въ указанномъ отношеніи, по нашему мнѣнію, ближе всего къ нимъ стоятъ «интеллектуальные пособники» проф. Таганцева, которые до извѣстной степени раздѣляютъ съ ними иниціативу дѣянія («содѣйствуютъ созданію преступнаго умысла», какъ выражается авторъ «Соучастія въ преступленіи») [2]) или помогаютъ тому, чтобы мысль перешла въ дѣло («укрѣпляютъ рѣшимость», «облегчаютъ выполненіе» и т. д.). Мы включили бы и подстрекателей, и интеллектуальныхъ пособниковъ въ одну категорію, отличную отъ категоріи исполнителей и «физическихъ пособниковъ»: одни являются лицами «направляющими» [3]), по скольку на ихъ сторонѣ иниціатива дѣянія, планъ дѣйствій, организація силъ, психическое воздѣйствіе на исполнителей при помощи всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя вообще пускаются въ ходъ, когда одинъ преднамѣренно вызываетъ желательные ему поступки среди окружающихъ его людей [4]); другіе, наоборотъ, подъ прямымъ ли постороннимъ вліяніемъ или по собственному побужденію, все-таки, однако, нуждавшемуся въ поощреніи со стороны, совершаютъ самое дѣяніе или помогаютъ его совершенію непосредственною своею дѣятельностью, играютъ роль сознательныхъ или безсознательныхъ, болѣе самостоятельныхъ или болѣе зависимыхъ орудій чужой воли. Собственно говоря, мы отказались бы даже отъ подраздѣленія каждой изъ данныхъ категорій на дѣятелей и пособниковъ, такъ какъ трудно на основаніи какого-либо объективнаго принципа провести рѣзкую раз-

---

[1]) См. выше, стр. 289. [2]) См. выше, стр. 291.
[3]) См. выше, стр. 289. [4]) См. выше, стр. 201 и 254.

граничительную черту между созданіемъ преступнаго умысла и содѣйствіемъ такому созданію [1]), между совершеніемъ дѣянія и содѣйствіемъ этому совершенію [2]), тѣмъ болѣе, что каждая категорія соучастниковъ заключаетъ въ себѣ, какъ выражается проф. Таганцевъ, «многочисленные оттѣнки» [3]), въ силу опять-таки имъ же указываемой неодинаковости «объема личной дѣятельности» или «индивидуальныхъ условій дѣятельности каждаго изъ соучаствующихъ» [4]). Можно поэтому принять существованіе цѣлой градаціи, съ одной стороны, между самыми главными и наименѣе важными иниціаторами и организаторами того или другого предпріятія и, съ другой стороны, такой же градаціи между прямыми исполнителями и наиболѣе отдаленными ихъ помощниками въ томъ или другомъ предпріятіи, при чемъ до извѣстной степени одна градація будетъ какъ бы только продолженіемъ другой [5]). Въ этой-то большой градаціи соучастниковъ, составленной изъ градаціи главныхъ, съ нашей точки зрѣнія, и второстепенныхъ виновниковъ, мы можемъ различить, такъ сказать, отдѣльныя ступени въ разныхъ отношеніяхъ, существующихъ между дѣятелемъ и совершаемымъ имъ дѣяніемъ: послѣднее бываетъ самостоятельно имъ задумано или внушено, при чемъ и степень самостоятельности замысла, и степень его зависимости отъ посторонняго вліянія бываетъ весьма различна; съ другой стороны, такъ или иначе задуманное дѣяніе можетъ быть выполнено непосредственно самимъ лицомъ или другими лицами, какъ его орудіями, и опять-таки возможны тутъ разныя степени какъ въ посредственности собственнаго участія въ дѣлѣ, такъ и въ подчиненіи чужой волѣ и т. д. Въ одномъ мѣстѣ своей исторической философіи Толстой даже высказалъ такую мысль, что наименьшее участіе въ событіи принимаютъ люди, приказывающіе исполненіе дѣйствій, изъ коихъ оно складывается [6]). «Для общей дѣятельности, говоритъ онъ, люди складываются всегда въ извѣстныя соединенія, въ которыхъ, несмотря на различіе цѣли, поставленной для совокупнаго дѣйствія, *отношеніе между людьми, участвующими въ дѣйствіи, всегда бываетъ одинаковое.* Складываясь въ эти соединенія, люди всегда становятся между собою въ такое отношеніе, что наибольшее количество людей принимаютъ наибольшее прямое участіе и наимень

[1]) См. выше, стр. 291 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 289 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 288. [4]) См. выше, стр. 289.

[5]) Ср. подобную же мысль о двухъ градаціяхъ, стр. 136.

[6]) «По самому свойству своему приказывающіе принимаютъ наименьшее участіе въ самомъ событіи, и ихъ дѣятельность исключительно направлена на приказываніе» («Война и миръ», VI, 261). Приказываніе Толстой не считаетъ въ числѣ причинъ событія (VI, 257 sq.), ибо исполненіе приказанія зависитъ отъ того, соотвѣтствуетъ ли приказаніе событіямъ или нѣтъ, будто условія выполнимости того, что приказывается, произвели бы свое дѣйствіе и безъ приказанія. См. объ этомъ у насъ выше, стр. 40.

шее количество людей—наименьшее прямое участіе въ томъ совокупномъ дѣйствіи, для котораго они складываются». Толстой ссылается на примѣръ войска. «Всякое войско составляется изъ низшихъ по военному званію членовъ: рядовыхъ, которыхъ всегда самое большое количество; изъ слѣдующихъ по военному званію болѣе высшихъ чиновъ — капраловъ, унтеръ-офицеровъ, которыхъ число меньше перваго; еще высшихъ, число которыхъ еще меньше и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Военное устройство, поясняетъ онъ, можетъ быть совершенно точно выражено фигурой конуса, въ которомъ основаніе съ самымъ большимъ діаметромъ будутъ составлять рядовые; высшее, меньшее основаніе,—высшіе чины арміи и т. д. до вершины конуса, точку которой будетъ составлять полководецъ. Солдаты, которыхъ наибольшее число, составляютъ низшія точки конуса и его основаніе. Солдатъ самъ непосредственно колетъ, рѣжетъ, жжетъ, грабитъ, и всегда на эти дѣйствія получаетъ приказаніе отъ выше стоящихъ лицъ; самъ же никогда не приказываетъ. Унтеръ-офицеръ (число унтеръ-офицеровъ уже меньше) рѣже совершаетъ самое дѣйствіе, чѣмъ солдатъ, но уже приказываетъ. Офицеръ еще рѣже совершаетъ самое дѣйствіе и еще чаще приказываетъ. Генералъ уже только приказываетъ идти войскамъ, указывая цѣль, и почти никогда не употребляетъ оружія. Полководецъ уже никогда не можетъ принимать прямого участія въ самомъ дѣйствіи и только дѣлаетъ общія распоряженія о движеніи массъ. То же отношеніе лицъ между собою обозначается во всякомъ соединеніи людей для общей дѣятельности,—въ земледѣліи, торговлѣ и во всякомъ управленіи. И такъ, заключаетъ Толстой, не раздѣляя искусственно всѣхъ сливающихся точекъ конуса и чиновъ арміи или званій и положеній какого бы то ни было управленія, или общаго дѣла, отъ низшихъ до высшихъ, обозначается законъ, по которому люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій слагаются между собою въ такомъ отношеніи, что чѣмъ непосредственнѣе люди участвуютъ въ совершеніи дѣйствія, тѣмъ менѣе они могутъ приказывать и тѣмъ ихъ большее число; и что чѣмъ меньше то прямое участіе, которое люди принимаютъ въ самомъ дѣйствіи, тѣмъ они больше приказываютъ и тѣмъ число ихъ меньше; такимъ образомъ, восходя отъ низшихъ слоевъ до одного послѣдняго человѣка, принимающаго наименьшее прямое участіе *въ событіи* и болѣе всѣхъ направляющаго свою дѣятельность на приказываніе» [1]).

Какъ бы тамъ ни было на верхней ступени лѣстницы, о которой мы говоримъ, мы поставили бы людей, самостоятельно задумывающихъ совокупное дѣйствіе и выполняющихъ его лишь при помощи

---

[1]) Ibid., VI, 259—260.

постороннихъ силъ, на нижней же ступени—людей, настолько чуждыхъ самому замыслу и настолько лишенныхъ самостоятельности, что безъ обиняковъ мы могли бы говорить о нихъ, какъ объ орудіяхъ чужой воли. Такое раздѣленіе лицъ, участвующихъ въ историческихъ событіяхъ, конечно, далеко не является простымъ повтореніемъ, только въ иной формѣ раздѣленія людей на «героевъ» и массу. Во-первыхъ, при нашемъ раздѣленіи, принимающемъ въ расчетъ постепенность переходовъ отъ одной категоріи къ другой, сглаживается та граница, которая совершенно произвольно установляется между единицей и толпою: «герой» не выдѣляется изъ массы, какъ нѣчто отъ нея отдѣльное, ей противоположное; онъ признается составною ея частью, находящеюся въ такомъ же взаимодѣйствіи съ другими, какъ и всѣ остальные люди, хотя бы непосредственное дѣйствіе на него чужихъ воль и было неизмѣримо мало въ сравненіи съ его на нихъ вліяніемъ [1]). Во-вторыхъ, противоположеніе между одною «знаменитостью» и «всѣми» обыкновенными смертными (какое мы находимъ, наприм., у Бурдо) среди этихъ «всѣхъ» не различаетъ лицъ, совокупно съ «знаменитостью» участвующихъ въ событіи, коему она даетъ названіе, и лицъ, прямо въ событіяхъ не участвующихъ, и тѣмъ болѣе не проводитъ еще болѣе тонкаго различія между, такъ сказать, исполнителями, пособниками и просто прикосновенными людьми среди самихъ участниковъ въ событіяхъ, т.-е. между отдѣльными группами людей, на которыя естественно и необходимо распадается участвующая въ событіяхъ масса, разъ дѣйствительно таковая выступаетъ на сцену, какъ это бываетъ въ войнахъ, возстаніяхъ, народныхъ движеніяхъ, ограниченныхъ выборахъ или всеобщихъ голосованіяхъ и т. п. Дѣло въ томъ, что непосредственное участіе въ исторіи со стороны или большаго, или меньшаго числа лицъ обусловливается сущностью самыхъ дѣйствій (сравнимъ, напр., число участниковъ въ дипломатическихъ «кампаніяхъ» съ числомъ лицъ, принимающихъ участіе въ настоящихъ кампаніяхъ военныхъ), государственнымъ устройствомъ (непосредственное вліяніе массъ на внутреннюю политику въ монархіяхъ и демократіяхъ), наконецъ, переживаемымъ моментомъ (различіе между временами общественнаго спокойствія, затишья, застоя и временами возбужденія, подъема духа, броженія). Изъ «общества» для прагматическаго дѣйствія выдѣляются группы съ большимъ или меньшимъ количествомъ членовъ, съ большимъ или меньшимъ кругомъ дѣйствія, группы постоянныя, т.-е. существующія въ силу извѣстнаго соціальнаго строя и другихъ общихъ условій, или случайныя, нарождающіяся только для извѣстнаго случая, группы организованныя и не имѣющія организаціи и т. д., при чемъ какъ сами группы эти въ цѣломъ обществѣ,

[1]) Ср. выше, стр. 135 и слѣд.

такъ и отдѣльные члены въ отдѣльныхъ группахъ играютъ далеко неодинаковую роль, какъ самостоятельные факторы прагматическаго процесса. Если бы историческій прагматизмъ не былъ вещью столь сложной и запутанной, мы могли бы распредѣлить всѣхъ людей, участвующихъ въ событіяхъ, на отдѣльныя группы, расположивъ ихъ одна надъ другою или около другой на разныхъ ступеняхъ нѣкоторой мысленной лѣстницы и размѣстивъ отдѣльныя личности въ каждой группѣ также различнымъ образомъ на основаніи одного и того же принципа. Тогда и доминирующая личность эпохи, Цезарь, Лютеръ, Наполеонъ нашли бы для себя помѣщеніе среди другихъ дѣятелей, а не внѣ ихъ [1]). Наконецъ, и потому наше раздѣленіе не есть простое видоизмѣненіе стараго противоположенія «героевъ» и толпы, что стоящіе на верху лѣстницы иниціаторы и организаторы совокупныхъ прагматическихъ дѣйствій или вообще дѣятели, имѣющіе за собою массы, которыя въ той или иной формѣ даютъ, съ своей стороны, предварительное согласіе на ихъ дѣйствія и въ случаѣ нужды ихъ поддерживаютъ,—не суть необходимо великіе люди въ смыслѣ выдающихся по своимъ дарованіямъ личностей: соціальныя средства даютъ возможность лицу самостоятельно рѣшать вопросы, касающіеся прагматическаго дѣйствія цѣлыхъ обществъ, будетъ ли это дѣйствіе непосредственно совершаться нѣсколькими людьми, расчитывающими во всякій моментъ на дѣйствительную поддержку массъ, или же въ немъ примутъ непосредственное участіе эти самыя массы. — Съ точки зрѣнія, съ какой мы смотримъ на дѣло, конечно, нѣтъ никакой возможности представить какую-либо общую для всѣхъ случаевъ классификацію дѣятелей прагматическаго процесса. Послѣдній въ отдѣльныхъ своихъ моментахъ до̀-нельзя разнообразится въ зависимости отъ сферъ, въ коихъ происходятъ событія (война, дипломатія, придворныя интриги, борьба политическихъ партій, парламентскія битвы, народныя возстанія, религіозныя движенія, переселенія народовъ и т. п.), отъ величины, устройства и т. д. обществъ, въ коихъ они совершаются, отъ разныхъ другихъ обстоятельствъ и среди нихъ отъ появленія или непоявленія крупныхъ личностей въ родѣ Вашингтоновъ или Наполеоновъ. Возможнѣе было бы путемъ сравнительнаго изученія прагматическихъ фактовъ исторіи, т.-е. такимъ путемъ, на который еще не вступала наша наука, самые эти факты раздѣлить на извѣстныя категоріи съ болѣе или менѣе одинаковой группировкой личностей, принимающихъ въ нихъ участіе, но это можетъ быть дѣломъ только отдаленнаго будущаго, если теоріи историческаго процесса посчастливится вступить на болѣе вѣрные пути для рѣшенія своихъ задачъ и найти достаточное количество научныхъ дѣятелей, которые стали бы

---

[1]) Ср. выше, стр. 137.

браться за такія задачи. Позволяемъ себѣ пока довольствоваться болѣе скромнымъ результатомъ—указаніемъ на общій принципъ классификаціи (и градаціи) историческихъ дѣятелей безъ грубаго противоположенія «героевъ» и толпы [1]). Большое количество недоразумѣній и споровъ, возникающихъ между историками по поводу историческаго значенія отдѣльныхъ личностей, прекратилось бы, если бы существовали болѣе ясныя и опредѣленныя понятія для обозначенія разныхъ способовъ, видовъ, оттѣнковъ личнаго участія въ событіяхъ и движеніяхъ исторіи. Можно надѣяться, что съ теченіемъ времени многимъ словамъ, употребляемымъ историками при оцѣнкѣ той роли, какую данное лицо играло въ исторіи, будетъ приданъ вполнѣ точный смыслъ, т.-е. смыслъ, не допускающій разныхъ толкованій. Одно изъ неудобствъ соціологическихъ и исторіософическихъ изслѣдованій заключается въ томъ, что для нихъ не существуетъ общепринятаго терминологическаго словаря [2]),—обстоятельство, указывающее на недостаточную выработанность и самыхъ понятій, надъ коими приходится оперировать изслѣдователямъ общества и исторической жизни. Эти изслѣдователи употребляютъ извѣстныя слова, вкладывая въ нихъ каждый свой смыслъ, мало заботясь о томъ, въ какомъ значеніи пользуются ими другіе писатели, такъ какъ весьма часто за этими словами нѣтъ установившагося и общепринятаго смысла, какъ это

---

[1]) Это противоположеніе уже прежде не удовлетворяло нѣкоторыхъ, касавшихся предмета. Напр., въ одной статьѣ М. К. Цебриковой («Наши недоразумѣнія» въ «Рус. Богатствѣ», 1889 г., кн. V—VI), разсматривающей вопросъ о роли личности въ исторіи, мы прочли слѣдующія строки: «Герой—человѣкъ, овладѣвающій настроеніемъ массы, дающій ей толчокъ, необходимый для открытія исхода изъ даннаго положенія. Не явится толчка, настроеніе можетъ измѣниться, удобная минута утрачена и годами придется ждать возрожденія ея. Но разъ въ массѣ было такое настроеніе, оно повторится, если налицо будутъ всѣ данныя, вызывавшія его, и повторится въ болѣе интенсивной силѣ оттого, что копилось годами. Это несомнѣнно; несмотря на всѣ декламаціи о коснѣніи массъ, въ нихъ во всѣхъ странахъ идетъ неуловимое по медленности, но неоспоримое движеніе. *Въ массахъ идетъ своя работа мысли, есть свои учителя, къ которымъ оффиціальная исторія относится съ пренебреженіемъ; въ массахъ есть много личностей, сильныхъ умомъ, энергіей, творчествомъ.* Большею частью онѣ переживаютъ трагическую участь людей, открывающихъ во второй разъ Америку или одинъ крошечный уголокъ ея. Есть учителя, не открывающіе ничего, но приносящіе вѣсти изъ другихъ краевъ, темные слухи, въ которыхъ желанное, возможное и невозможное перепутано съ суевѣрными представленіями, и все это падаетъ, какъ сѣмена или плевелы на почву народнаго ума и медленно перерабатываетъ его понятія и чрезъ нихъ и самый складъ жизни» (стр. 133—134).

[2]) См. объ этомъ наше замѣчаніе въ подробной рецензіи книги *Стронина* «Исторія общественности» (Спб. 1885), помѣщенной въ «Рус. Богатствѣ» за 1886 г. (кн. II, стр. 25—26).

мы видимъ въ другихъ наукахъ, напр., въ физикѣ [1]). Было бы весьма интересной задачей разсмотрѣть, рядомъ съ пріемами, къ коимъ прибѣгаютъ историки для связыванія разрозненныхъ историческихъ фактовъ въ научное цѣлое [2]), и ту терминологію, которой они пользуются для обозначенія нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій: въ основѣ этой терминологіи, какъ и въ основѣ указанныхъ пріемовъ, нѣтъ никакой общей теоріи, тогда какъ только такая теорія, достаточно выработанная и всѣми признанная, могла бы внести свѣтъ въ тѣ потемки, въ коихъ по общимъ вопросамъ приходится блуждать представителямъ исторической науки.

При разработкѣ вопроса о роли личности въ исторіи, начатой мною очень давно, я постоянно искалъ общихъ указаній у выдающихся историковъ нашего столѣтія, но долженъ былъ оставить такіе поиски по случаю крайней скудости результатовъ: цѣльнаго ничего вынести изъ этой работы не пришлось. Быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю мы все-таки воспользуемся тѣмъ, что извлекли изъ ученія историковъ съ этой стороны, тутъ же мы ограничимся бѣглымъ указаніемъ на нѣкоторыя понятія, которыя встрѣчаются у историковъ, когда они имѣютъ дѣло съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ въ одномъ и томъ же событіи или движеніи. Такое участіе можетъ быть послѣдовательное (разновременное) и совмѣстное (одновременное). Въ первомъ случаѣ, различая отдѣльные фазисы явленія, историки склонны выдавать за настоящихъ дѣятелей лишь тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ данномъ явленіи въ пору наибольшаго его развитія: всѣ предыдущіе моменты, когда явленіе только зарождалось, представляются, какъ его подготовительныя стадіи [3]), а люди, связавшіе свое имя съ этими моментами, являются въ качествѣ «предшественниковъ». Мы не можемъ говорить здѣсь объ этомъ предметѣ подробно, такъ какъ, во-первыхъ, подобное различеніе всегда связано съ исторіей какого-либо культурнаго (или соціальнаго) явленія, а во-вторыхъ, вопросъ объ образованіи историческихъ движеній представляетъ собою совершенно особый вопросъ въ теоріи историческаго процесса, могущій съ нашей точки зрѣнія получить надлежащую постановку только послѣ установленія общаго

---

[1]) Напомнимъ, что и сами мы употребляемъ, напр., термины «прагматизмъ» или «культура» въ нѣсколько своеобразномъ смыслѣ, считая себя въ правѣ такъ поступать, такъ какъ общепринятаго и вполнѣ установившагося значенія слова эти не имѣютъ.

[2]) Ср. выше, стр. 211.

[3]) Нѣсколько въ иныхъ смыслахъ о подготовкѣ дѣятельности великихъ людей говорятъ нѣкоторые писатели, нами выше цитированные. См. стр. 58—59 (Спенсеръ), 82 и слѣд. (Жоли). Впрочемъ, кое-что изъ указаннаго имѣетъ и болѣе прямое отношеніе къ нашему предмету, т.-е. къ вопросу о распредѣленіи ролей, столь занимающему Бурдо (стр. 95).

взгляда на сущность этого процесса [1]). Изслѣдованы ли въ общей формѣ, спросимъ мы здѣсь только, отношенія историческаго дѣятеля къ его предшественникамъ? Нѣтъ. Сколько намъ извѣстно, даже вопросъ объ этомъ не ставился. Съ другой стороны, говоря о дѣятеляхъ другъ другу современныхъ, историки нерѣдко отмѣчаютъ существующія между ними различія, смотря по тому, насколько тотъ или другой былъ лучшимъ или худшимъ выразителемъ своего времени, отражалъ на себѣ духъ эпохи, и въ подобныхъ случаяхъ пальма первенства отдается тому, кто ярче характеризуется чертами своего времени. Но опять-таки не изслѣдуется, въ чемъ заключается разница между крупною личностью, какъ бы резюмирующей въ себѣ эпоху, и человѣкомъ, плывущимъ по теченію, слѣдовательно, тоже являющимся выразителемъ своего времени. Выяснено ли, насколько успѣхъ историческаго дѣятеля зависитъ отъ выраженія имъ его эпохи? Многіе историки отмѣчали несоотвѣтствіе между характеромъ Наполеона I и духомъ той эпохи, когда онъ явился, а между тѣмъ не онъ ли имѣлъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ успѣховъ въ своей политической карьерѣ? Вотъ эти-то особыя понятія, встрѣчающіяся въ исторической литературѣ, иногда составляющія собственность одного какого-либо писателя или школы, иногда, наоборотъ, довольно распространенныя, чтобы имѣть право назваться ходячими, и подлежатъ еще изслѣдованію: только послѣ ихъ анализа и критики возможно было бы воспользоваться заключающимся въ нихъ научнымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго возведенія зданія теоріи историческаго процесса. Только для примѣра мы остановимся здѣсь на разборѣ нѣкоторыхъ, высказывавшихся въ исторической (и отчасти въ философской) литературѣ, взглядовъ на роль великихъ людей, тѣмъ болѣе, что это намъ дастъ нѣкоторый матеріалъ, разсмотрѣніе коего подвинетъ нѣсколько дальше наше рѣшеніе вопроса о роли личности въ исторіи.

Воспользуемся прежде всего тѣмъ, что намъ уже было извѣстно. Въ первыхъ четырехъ главахъ настоящей «книги» мы не разъ имѣли случай видѣть, въ чемъ полагаютъ разные писатели историческое значеніе великихъ людей: мы именно и сопоставимъ теперь уже разъ приводившіяся нами мѣста, въ коихъ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ. Наприм., по мнѣнію Жоли («Psychologie des grands hommes»), великій человѣкъ «даетъ опредѣленную связь, форму и направленіе» массѣ стремленій, существующихъ въ обществѣ, но неясныхъ, несогласованныхъ между собою, ненадлежащимъ образомъ направленныхъ, и дѣлаетъ онъ это, распознавая названныя стремленія, умѣя найти или создать себѣ содѣйствіе въ окружающей средѣ, организуя обще-

[1]) Этому вопросу я предполагалъ посвятить особый томъ своихъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи».

ственныя силы для общаго дѣла, давая удовлетворенiе желанiямъ современниковъ [1]). По теорiи Геннекена («La critique scientifique»), великому человѣку принадлежитъ заслуга иницiативы: онъ задумываетъ, но безсиленъ исполнить, и, наоборотъ, масса исполняетъ то, чего не могла бы сама задумать. Поэтому, думаетъ Геннекенъ, великiе люди вызываютъ общественныя движенiя, будучи ихъ причинами, и ихъ опредѣляютъ, будучи и «типами вызванныхъ ими движенiй». Происходитъ это потому, что великiй человѣкъ обладаетъ свойствомъ притягивать къ себѣ родственные элементы общества [2]). Бурдо, направившiй все свое сочиненiе («L'histoire et les historiens») противъ культа великихъ людей, тѣмъ не менѣе признаетъ, что «есть нѣкоторыя задачи, которыя, требуя особыхъ способностей и усилiй, остаются на долю людей, лучше одаренныхъ и счастливыхъ, нежели другiе»: они, по мнѣнiю критика историковъ, своимъ вмѣшательствомъ ускоряютъ ходъ дѣлъ, «прилагая къ нему усилiя цѣлыхъ народовъ», «помогая переступать препятствiя» и «облегчая общую задачу», такъ что отсутствiе великихъ людей необходимо замедляетъ движенiе [3]). Касаясь этого вопроса только мимоходомъ, и г. Михайловскiй въ своей статьѣ о «Герояхъ и толпѣ» высказываетъ ту мысль, что великихъ людей «создаетъ та же среда, которая выдвигаетъ и толпу, только концентрируя и воплощая въ нихъ разрозненно бродящiя въ толпѣ силы, чувства, инстинкты, мысли, желанiя». Въ одномъ мѣстѣ онъ мелькомъ упоминаетъ еще о специфическихъ свойствахъ вожака: послѣднiй является въ представленiи г. Михайловскаго «носителемъ той или другой идеи, которая концентрируетъ бродящiе въ толпѣ инстинкты и порывы», «обладаетъ планомъ дѣйствiя, надменною дерзостью побѣдителя или мягкостью искуснаго ловца умовъ и сердецъ» [4]). Вотъ нѣсколько уже раньше бывшихъ намъ извѣстными отвѣтовъ на вопросъ о значенiи великихъ людей, при чемъ великiй человѣкъ является въ нихъ, главнымъ образомъ, либо въ роли инициатора (Геннекенъ), либо въ роли, такъ сказать, фокуса, въ которомъ собираются и уясняются общественныя мысли, чувства и стремленiя (Жоли, Бурдо, Михайловскiй). Послѣднiй взглядъ можно назвать преобладающимъ, и даже Карлейль становится на такую же точку зрѣнiя, когда говоритъ, что обыкновенные смертные сами бываютъ недалеко отъ того, чтобы сказать или сдѣлать то же, что сказалъ или сдѣлалъ великiй человѣкъ [5]). Та же въ сущности мысль встрѣчается и у Спенсера, въ противоположность Карлейлю унижающаго роль личнаго дѣйствiя въ исторiи: по его опредѣленiю, великiй человѣкъ вызываетъ общественныя измѣненiя, давая исходъ существовавшему до него гро-

[1]) См. выше, стр. 84 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 89—91.
[3]) См. выше, стр. 98 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 109 и 119. [5]) См. выше, стр. 29.

мадному запасу скрытой силы [1]). Самъ Геннекенъ, приписывающій особое значеніе личной иниціативѣ великаго человѣка, по существу дѣла недалекъ отъ подобнаго же пониманія. То или другое лицо, по его мнѣнію, выдвигается (въ области ли художественнаго творчества, или въ области политическаго дѣйствія) потому, что является выразителемъ (il exprime) цѣлой группы лицъ, которыя находятъ въ немъ свое сосредоточіе [2]). Такимъ образомъ, по одному пункту разные писатели какъ бы сговорились одинаково понимать роль великихъ людей. Отсюда недалеко и до признанія, что великіе люди главнымъ образомъ только ускоряютъ ходъ событій, давая исходъ запасу скрытой силы, устраняя препятствія, создавая планъ дѣйствія, организуя общественныя силы; но каждый писатель по-своему понимаетъ, какъ и почему происходитъ это ускореніе, въ силу чего великій человѣкъ находитъ себѣ содѣйствіе въ обществѣ. Въ общемъ мы остаемся неудовлетворенными: объясненія сводятся къ метафорамъ, въ сущности ничего не объясняющимъ. Причина такого явленія, по моему мнѣнію, въ томъ, что каждый писатель беретъ въ расчетъ только одинъ изъ признаковъ, встрѣчающихся у великихъ людей, обобщая частные случаи и распространяя свои впечатлѣнія, полученныя отъ немногихъ великихъ людей, на всѣхъ, какіе только были когда-либо и когда-либо будутъ. То же самое представляютъ намъ еще нѣкоторые образцы пониманія разными мыслителями историческаго значенія великихъ людей.

На той точкѣ зрѣнія, что крупныя личности играютъ роль ускорителей историческаго процесса, стоитъ, напр., и Милль. Признавая въ исторіи существованіе закономѣрнаго порядка, англійскій мыслитель не допускаетъ, чтобы таковой нарушался вліяніемъ на исторію со стороны великихъ людей. «Рѣшительное вліяніе замѣчательныхъ недѣлимыхъ, говоритъ онъ, болѣе всего проявляется *въ опредѣленіи скорости движенія.* Въ большей части состояній общества существованіе великихъ людей *рѣшаетъ даже то, будетъ ли прогрессъ...* ...Но въ опредѣленіи того, какъ и въ какомъ порядкѣ происходилъ бы прогрессъ въ человѣчествѣ, если бъ только происходилъ, дѣло гораздо менѣе зависитъ отъ характера недѣлимыхъ. Въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая необходимость, установляемая общими законами человѣческой природы и свойствомъ человѣческой души. Извѣстныхъ истинъ нельзя открыть, извѣстныхъ изобрѣтеній нельзя сдѣлать, пока не найдены другія истины и не совершены другія изобрѣтенія; извѣстныя соціальныя улучшенія, по самой природѣ дѣла, могутъ только слѣдовать за другими улучшеніями, а не предшествовать имъ. Итакъ, порядокъ человѣческаго прогресса можетъ, до извѣстной степени, подчиняться опредѣленнымъ законамъ: *но относительно скорости прогресса или даже просто относительно его существованія нельзя*

[1]) См. выше, стр. 59. [2]) См. выше, стр. 88 и слѣд.

сдѣлать никакого обобщенія, простирающагося вообще на человѣческій родъ; можно сдѣлать только весьма шаткія, приблизительныя обобщенія, ограничивающіяся малыми частями человѣчества, въ которыхъ было нѣчто подобное послѣдовательному прогрессу въ теченіе историческаго періода,—обобщенія изъ ихъ особеннаго положенія или изъ ихъ особенной исторіи. Даже когда мы разсматриваемъ способъ прогресса, порядокъ послѣдовательности соціальныхъ состояній, необходима большая гибкость въ нашихъ обобщеніяхъ» [1]). Изъ этого разсужденія Милля устранимъ прежде всего субъективный элементъ, которому здѣсь нѣтъ мѣста [2]): англійскій мыслитель говоритъ о «прогрессѣ», а въ другомъ мѣстѣ, которое еще будетъ приведено нами, употребляетъ выраженіе «настоящій великій человѣкъ». Именно, мы можемъ замѣнить слово «прогрессъ» такими выраженіями, какъ ходъ событій, прагматическій процессъ, движеніе исторіи, пожалуй, даже культурная эволюція и т. п. безотносительно къ тому, имѣетъ ли само явленіе, обозначаемое такимъ образомъ, прогрессивный или регрессивный характеръ, а вмѣсто «настоящаго великаго человѣка» возьмемъ вообще болѣе крупнаго, чѣмъ другіе, историческаго дѣятеля. Значитъ, Милль думаетъ, что крупные историческіе дѣятели вообще ускоряютъ ходъ событій, но при этомъ онъ самъ, однако, готовъ приписать имъ и нѣчто большее, когда говоритъ, что существованіе крупныхъ дѣятелей («великихъ людей») рѣшаетъ даже то, совершится ли движеніе («будетъ ли прогрессъ») [3]), т.-е произойдутъ ли событія. Два раза въ приведенномъ мѣстѣ оговаривается онъ въ этомъ смыслѣ, и мы думаемъ, что такая оговорка была подсказана смутнымъ, быть можетъ, но все-таки нѣкоторымъ сознаніемъ, что дѣло тутъ не въ одномъ ускореніи событій, идущихъ по извѣстному направленію, но и въ самомъ ихъ направленіи въ зависимости отъ дѣятельности великаго человѣка. Стоя на точкѣ зрѣнія ускоренія, Милль въ сущности предвосхищаетъ главную идею Бурдо, думающаго, что «знаменитости» лишь помогаютъ поскорѣе совершиться тому, что и безъ нихъ пришло бы, хотя бы и болѣе медленнымъ образомъ [4]); оговариваясь же въ пользу того, что великіе люди какъ-бы создаютъ нѣчто, чего безъ нихъ, пожалуй, и не было бы, онъ склоняется къ той мысли, однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ глашатаевъ коей явился за послѣднее время Геннекенъ [2]). Итакъ, первая идея: крупный дѣятель ускоряетъ ходъ событій, уже готовыхъ совершиться въ силу дѣйствія общихъ причинъ, но не совершающихся лишь за отсутствіемъ рѣшаю-

---

[1]) Система логики. II, 491—492. [2]) См. выше, стр. 2.

[3]) Ср. также его слова: «относительно скорости прогресса или даже просто относительно его существованія».

[4]) См. выше, стр. 97 и слѣд. [5]) См. выше, стр. 88 и слѣд.

щаго элемента [1]), каковымъ и является великій человѣкъ. Милль, повидимому, дѣло такъ и понимаетъ. Отмѣтивъ за приведенными словами непредвидимость того, что «зависитъ отъ особенностей недѣлимыхъ» въ соединеніи съ положеніемъ, въ которомъ они находятся, онъ высказываетъ мысль, что всѣ случайныя комбинаціи могутъ быть исключены, если взять въ расчетъ очень длинный періодъ времени [2]). «Мы, говоритъ онъ, не можемъ предвидѣть появленія великихъ людей, но зато наука въ состояніи указать въ прошлой исторіи общія причины, приводящія человѣчество въ *то приготовительное состояніе, въ которомъ оно при появленіи настоящаго великаго человѣка способно подвергнуться его вліянію.* Если, продолжаетъ еще Милль, это состояніе продолжается, то опытъ дѣлаетъ достаточно вѣроятнымъ, что въ большій или меньшій періодъ великій человѣкъ явится, при чемъ предполагается, что общія обстоятельства страны и народа совмѣстимы съ его существованіемъ (чего часто не бываетъ) [3]); этотъ вопросъ тоже, въ извѣстной мѣрѣ, можетъ быть также рѣшенъ наукою. Такимъ образомъ, заключаетъ Милль, результаты прогресса, *за исключеніемъ скорости ихъ появленія,* могутъ быть до извѣстной степени приведены къ правильности и закону» [4]). Другими словами, дѣйствія общихъ причинъ подготовляютъ извѣстныя явленія, наступленіе коихъ обусловливается, однако, тѣмъ, возникнутъ ли или нѣтъ особыя личности, которыя въ состояніи ихъ произвести, т.-е. будетъ ли процессъ ускоренъ ихъ появленіемъ или замедленъ ихъ отсутствіемъ. Не касаясь здѣсь культурныхъ перемѣнъ, могущихъ тоже ускоряться или замедляться, имѣя въ виду исключительно одни прагматическіе факты, т.-е. событія, мы всегда должны помнить, что не сами же собою они происходятъ, что совершаются они людьми, и что каждый человѣкъ одинаково двигаетъ впередъ ихъ ходъ, помогая своими дѣйствіями существующимъ уже причинамъ производить свои слѣдствія. Скорѣе или медленнѣе одни факты рождаются изъ другихъ, зависитъ отъ общихъ условій страны, народа, времени, зависитъ это также и отъ жизненной энергіи дѣятелей, при чемъ послѣдними бываютъ не только выдающіяся личности, но и лица, занимающія въ обществѣ такое положеніе, которое дозволяетъ имъ своими дѣйствіями вызывать наибольшее количество прагматическихъ фактовъ; не даромъ Милль ставитъ во многихъ своихъ разсужденіяхъ на эту тему великихъ людей рядомъ съ правительствами [5]). Кто своимъ поступкомъ можетъ, оказывая на другихъ чисто психическое или соціальное вліяніе, вызвать множество постороннихъ дѣйствій, тотъ и обусловливаетъ ходъ событій. Но есть ли это необходимое только ускореніе? Развѣ

---

[1]) Ср. объ этомъ, стр. 235, 280—281. [2]) *Милль*, II, 492.

[3]) Оговорка самого Милля. Ср. выше, стр. 277, примѣч. 2.

[4]) *Милль*, II, 493. [5]) Ср., напр., выше, стр. 260—261.

поставленныя въ особыя условія личности не могутъ совершенно такимъ же образомъ замедлять теченіе, задерживая событія, готовыя совершиться, даже предотвращая то, что безъ ихъ вмѣшательства неминуемо произошло бы? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ: идея ускоренія подсказана была Миллю субъективнымъ пониманіемъ роли «настоящаго великаго человѣка» въ человѣческомъ прогрессѣ, хотя, собственно говоря, истинный благодѣтель человѣчества есть и тотъ, кто ускоряетъ наступленіе хорошаго, и тотъ, кто задерживаетъ приходъ разныхъ золъ. Всякій изъ насъ своими поступками, хоть немножко, что-либо ускоряетъ или замедляетъ въ мірѣ исторіи: весь вопросъ въ размѣрахъ, во-первыхъ, а потомъ и въ томъ, въ какомъ именно смыслѣ мы оказываемъ вліяніе. Каждый данный моментъ въ историческомъ существованіи общества представляетъ изъ себя, правда, ограниченную, но тѣмъ не менѣе довольно обширную совокупность разныхъ возможностей, изъ коихъ многія одна другой діаметрально противоположны, и люди своими поступками приближаютъ или отдаляютъ ихъ превращеніе въ дѣйствительные факты, при чемъ часто та или другая сегодняшняя возможность, не успѣвшая превратиться въ дѣйствительность, становится завтра невозможностью, и, наоборотъ, вчерашняя невозможность дѣлается возможностью сегодня, благодаря какому-либо нашему поступку. Тѣмъ, что мы осуществляемъ или дѣлаемъ возможнымъ, тѣмъ, что, благодаря намъ, замедляется или устраняется,—и опредѣляется направленіе прагматическаго процесса. Великій человѣкъ не только тотъ, кто въ особенно сильной степени ускоряетъ событія, готовыя совершиться и безъ его вмѣшательства, но и тотъ, кто даетъ имъ такое направленіе, какого они безъ него не получили бы. Если каждый изъ насъ такъ или иначе содѣйствуетъ (или противодѣйствуетъ) наступленію развязки событій, то вмѣстѣ съ этимъ и привноситъ свой способъ этой развязки, но то же дѣлаетъ и личность, имѣющая особую возможность вліять на ходъ исторіи: однимъ и тѣмъ же толчкомъ можно ускорить движеніе катящагося шара и сооообщить ему новое направленіе. Въ жизни общества совершается масса движеній и съ разной интензивностью, и въ разныхъ направленіяхъ: одно ускоряется, другое замедляется, одно выпрямляется, другое уклоняется въ сторону и пр., и великіе люди въ этомъ хаосѣ перепутывающихся движеній играютъ столь же разнообразныя роли, какъ и обыкновенные смертные, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣйствіе первыхъ (какъ, впрочемъ, и дѣйствіе людей, обладающихъ соціальными средствами вліянія на другихъ) превосходитъ размѣрами дѣйствіе вторыхъ [1]).

---

[1]) Самъ Милль говоритъ не объ ускореніи только, когда высказываетъ ту мысль, что «общія причины много значатъ, но индивидуумы также произ-

Весьма любопытный матеріалъ для критики представляютъ собою мнѣнія о великихъ людяхъ, высказывавшіяся мимоходомъ разными историками. Остановимся здѣсь на двухъ-трехъ примѣрахъ, наиболѣе выдающихся. Первый—общее представленіе о роли великихъ людей, которое себѣ составилъ Гизо; случай его формулировать онъ нашелъ, говоря о дѣятельности Карла Великаго, которую обвиняли въ безрезультатности [1]). Гизо—поклонникъ великихъ людей вообще и Карла Великаго въ частности: защищая послѣдняго, онъ написалъ, между прочимъ, небольшое разсужденіе, которое мы тутъ цѣликомъ и приведемъ. «Въ дѣятельности каждаго великаго человѣка,—такъ начинаетъ онъ опредѣленіе значенія великихъ людей,—есть *двѣ стороны;* онъ выполняетъ *двѣ роли*, и потому въ его поприщѣ можно отличить *двѣ эпохи*. Онъ лучше всякаго другого понимаетъ *потребности своего времени*, настоятельныя, дѣйствительныя потребности, то, что необходимо современному ему обществу для его существованія и дальнѣйшаго развитія. Онъ, говорю я, понимаетъ это лучше всякаго другого; но это не все: онъ лучше всякаго другого сумѣетъ овладѣть всѣми общественными силами и направить ихъ къ должной цѣли. На этомъ основывается его власть и слава; вслѣдствіе того же его понимаютъ, при первомъ его появленіи, *одобряютъ и слѣдуютъ*; всѣ предлагаютъ ему свои услуги и помогаютъ дѣйствовать для общаго блага. Но, къ несчастію, онъ *на этомъ не останавливается:* по удовлетвореніи дѣйствительныхъ и всеобщихъ нуждъ своего времени, мысль и воля великаго человѣка идутъ далѣе. Великій человѣкъ бросается впередъ, далѣе самой дѣйствительности, начинаетъ преслѣдовать *свои личныя воззрѣнія*; его увлекаютъ соображенія, болѣе или менѣе обширныя, болѣе или менѣе благовидныя, но эти *соображенія уже не основываются*, подобно его прежнимъ подвигамъ, *на дѣйствительномъ положеніи вещей*, на всеобщемъ сочувствіи, на опредѣленныхъ стремленіяхъ общества, и потому дѣлаются чуждыми всѣмъ и произвольными; однимъ словомъ, великій человѣкъ обнаруживаетъ желаніе расширить безконечно предѣлъ своей дѣятельности и овладѣть будущимъ, какъ онъ владѣлъ настоящимъ. Съ этой минуты начинается господство эгоизма и фантазерство: нѣкоторое время, по довѣрію, которое вызывалось прошедшимъ, всѣ продолжаютъ слѣдовать за великимъ человѣкомъ; въ него вѣрятъ, ему повинуются; поддаются, такъ сказать, его фантазіямъ, и льстецы даже удивляются имъ и прославляютъ ихъ, какъ высокіе замыслы. Между тѣмъ, общество, *которое никогда не*

водятъ перемѣны въ исторіи и *даютъ цвѣтъ* всему ея составу долго спустя послѣ своей смерти». II, 495. Замѣтимъ, что Милль обращаетъ еще вниманіе на одну сторону вопроса, которую можно изслѣдовать только въ теоріи историческихъ эпохъ. Ср. его слова, приведенныя на стр. 260 и слѣд.

[1]) *Guizot*. Hist. de la civilisation en France. II, 111—112 (по изд. 1846 г.).

можетъ жить долго въ разлукѣ съ истиной, начинаетъ наконецъ замѣчать, что его завлекаютъ туда, куда оно не имѣетъ вовсе намѣренія идти, и злоупотребляютъ его терпѣніемъ. До того времени великій человѣкъ прилагалъ *весь свой умъ, всю свою могучую волю на служеніе общественной мысли и всеобщимъ стремленіямъ;* съ этой минуты онъ начинаєтъ употреблять публичную силу на служеніе собственной мысли и собственнымъ желаніямъ; онъ одинъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Сначала въ обществѣ обнаруживается безпокойство; но затѣмъ скоро слѣдуетъ утомленіе; за нимъ еще идутъ нѣкоторое время, но лѣниво и неохотно; потомъ начинаютъ роптать, жаловаться; затѣмъ обнаруживается разрывъ; *великій человѣкъ остается одинъ и падаетъ*; тогда падаетъ вмѣстѣ съ нимъ и та часть его подвига, которую онъ замышлялъ и желалъ одинъ, часть чисто личнаго и произвольнаго *характера*».

Дѣлая свою характеристику великихъ людей, Гизо не хотѣлъ судить поверхностно: онъ хотѣлъ проникнуть въ самую суть дѣла [1]). Нельзя, однако, сказать, чтобы ему это удалось, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ общей формулѣ, которую онъ выставилъ: подъ нее можно подвести случай Карла Великаго, пожалуй, еще случай Наполеона I, къ коему самъ Гизо обращается за подтвержденіемъ своей общей мысли [2]), нѣсколько аналогичныхъ случаевъ еще—и только. По отношенію къ каждому ли великому человѣку можно говорить о двухъ сторонахъ, двухъ роляхъ, двухъ эпохахъ? Всегда ли его понимаютъ при первомъ его появленіи? всѣ ли предлагаютъ ему свои услуги? Всегда ли такъ бываетъ, что, удовлетворивъ потребностямъ времени, великій человѣкъ поступаетъ подъ власть соображеній, не основанныхъ на дѣйствительномъ положеніи вещей? Необходимо ли, чтобы въ концѣ онъ оставался одинъ и падалъ? Блестящая страница Гизо заключаетъ въ себѣ обобщеніе только нѣсколькихъ случаевъ, которое не можетъ распространиться на всѣ случаи. Притомъ въ общемъ его воззрѣніи есть не мало субъективныхъ элементовъ. Кто «лучше другихъ понимаетъ потребности своего времени», тѣмъ самымъ еще не пріобрѣтаетъ всеобщаго содѣйствія, хотя бы онъ «весь свой умъ, всю могучую волю отдалъ на служеніе общественной мысли и всеобщимъ стремленіямъ», ибо часто «понимаютъ» при первомъ его появленіи, «одобряютъ» такого человѣка, «слѣдуя за нимъ и предлагая ему свои услуги», который «преслѣдуетъ свои личныя воз-

---

[1]) Gardez vous cependant d'en croire ici les apparences: pour comprendre le sens des événements et mesurer l'action des grands hommes, il faut pénétrer plus avant. Ibid., II, 111. Такія слова Гизо предпосылаетъ приведенному разсужденію.

[2]) Ibid., II, 112—113.

зрѣнія» и эксплоатируетъ общество, хотя бы оно и не могло «жить долго въ разлукѣ съ истиною» [1]).

Другой примѣръ—разсужденіе Соловьева о великихъ людяхъ вообще по поводу разныхъ взглядовъ на крупнѣйшую личность нашей новой исторіи, на Петра Великаго. «Думая о Петрѣ,—говоритъ онъ,—думая о томъ, за что̀ называютъ его великимъ человѣкомъ, русскій человѣкъ долженъ былъ подумать и о томъ, что такое великій человѣкъ вообще [2])». Такимъ образомъ и Соловьевъ, отвѣчая на послѣдній вопросъ, имѣетъ въ виду опредѣленную историческую личность, при чемъ и онъ не устраняетъ субъективной оцѣнки величія. Въ его взглядѣ мы встрѣчаемъ какъ бы повтореніе тѣхъ мыслей, которыя высказаны были Миллемъ и Гизо. «Наука указываетъ намъ,—говоритъ онъ,—что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ, болѣе или менѣе сильныхъ, иногда отзывающихся болѣзненно на организмѣ, смотря по ходу развитія, по причинамъ, коренящимся во всей предшествовавшей исторіи народа. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа отъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, движенія, перехода, и силою своей воли, своей неутомимой дѣятельности побуждаютъ и влекутъ меньшую братью, тяжелое на подъемъ большинство, робкое передъ новымъ и труднымъ дѣломъ» [3]). Соловьевъ подчеркиваетъ, кромѣ того, особенно сильно связь великаго человѣка съ его эпохой, выразителемъ коей онъ и является, хотя, прибавимъ, въ идеѣ о томъ, что человѣкъ выражаетъ свое время, вообще много не вполнѣ яснаго, чуть только мы начинаемъ ее анализировать [4]). «Такимъ образомъ,—говоритъ Соловьевъ, развивая свою мысль,—великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, его дѣятельность теряетъ характеръ случайности, произвола, онъ высоко поднимается, какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли; дѣятельность его получаетъ великое значеніе, какъ удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народъ на новую дорогу, необходимую для продол-

---

[1]) Ср. классификацію *Л. З. Слонимскаго*, стр. 336.

[2]) *Соловьевъ*. Публичныя лекція о Петрѣ Великомъ. М. 1872 (юбил. изд.), стр. 1.

[3]) Ibid., 2. [4]) См. выше, стр. 251 и слѣд.

женія его исторической жизни»[1]). Дѣлая великаго человѣка сыномъ своего времени, нашъ знаменитый историкъ указываетъ на его подготовку и въ прошломъ развитіи. «Всякое явленіе, говоритъ онъ, какъ бы оно ни было громко, какъ бы ни измѣняло, повидимому, народный строй и образъ, есть необходимо результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Дѣйствительно, возьмемъ народъ, находящійся на первоначальной ступени развитія, какой-нибудь кочевой народъ въ Средней Азіи, какихъ-нибудь монголовъ. Такіе народы, по простотѣ своего быта, особенно бываютъ подвержены сильному вліянію внѣшнихъ случайныхъ явленій, произволу отдѣльныхъ лицъ. Мы видимъ, что среди этихъ народовъ являются иногда владѣльцы, ханы, одаренные необыкновенною энергіею, честолюбіемъ, которые въ болѣе или менѣе продолжительное время успѣваютъ одолѣть, уничтожить другихъ хановъ, сплотить мелкія, до тѣхъ поръ раздѣленныя орды въ одну огромную массу и двинуть ее на опустошеніе, завоеваніе отдѣльныхъ странъ, вслѣдствіе чего образуются обширныя владѣнія. Здѣсь дѣйствительно мы видимъ, что народы страдательно подчиняются вліянію своихъ великихъ людей, своихъ Чингизъ-хановъ и Тамерлановъ О народѣ не слышно до появленія этого Чингизъ-хана или Тамерлана, онъ ничто для исторіи, находится въ небытіи; одною волею знаменитаго хана приводится въ бытіе, дѣлается извѣстнымъ, сильнымъ, господствующимъ. Но и здѣсь мы видимъ, что эти великіе люди степей, Чингизъ-ханы и Тамерланы суть дѣти своего народа, не дѣлаютъ ничего, что̀ бы выходило изъ границъ его быта, его потребностей, не измѣняютъ ничего въ этомъ дѣлѣ. Народъ и до нихъ былъ хищный, и до нихъ обнаруживалъ свое существованіе чисто-физическими движеніями, грабежами, опустошеніями, только въ малыхъ размѣрахъ; благодаря способностямъ, сильной волѣ одного человѣка, они это дѣлаютъ теперь въ бо̀льшихъ размѣрахъ, и въ этомъ заключается вся разница. Умираетъ великій человѣкъ, и основанное имъ, громадное владѣніе начинаетъ распадаться, и народъ, всколыханный имъ, приходитъ въ прежнее состояніе, къ прежнему историческому небытію. Что̀ же дѣлаетъ здѣсь великій человѣкъ? Только то, на что способенъ его народъ, на что даетъ ему средства; народъ можетъ внѣшнимъ механическимъ образомъ соединиться волею, силою одного лица; при отсутствіи этой воли распадается: только-то мы и видимъ въ степной исторіи; внутреннихъ перемѣнъ, перемѣнъ въ бытѣ великій человѣкъ произвести не можетъ; если бы захотѣлъ, то ничего бы не сдѣлалъ, погибъ бы въ безплодныхъ попыткахъ; но въ томъ-то и дѣло, что онъ и не хочетъ этого, не чувствуетъ и не сознаетъ потребности въ этомъ, ибо онъ сынъ своего народа, не можетъ чув-

[1]) *Соловьевъ*, 2.

ствовать и сознавать того, чего не чувствуетъ и не сознаетъ самъ народъ, къ чему не приготовленъ предшествовавшимъ развитіемъ, предшествовавшею исторіею. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала, отъ того, что скопилъ народъ отъ своей предшествовавшей работы; отъ соединенія труда и способностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни. Но если произволъ одного лица, какъ бы сильно это лицо ни было, не можетъ перемѣнить теченіе народной жизни, выбить народъ изъ его колеи при самыхъ простыхъ, первоначальныхъ формахъ быта, не можетъ сдѣлать этого съ народомъ-младенцемъ, народомъ неисторическимъ, то тѣмъ менѣе это возможно въ народѣ, который уже прожилъ много вѣковъ историческою жизнію, который развилъ свои силы въ многотрудной дѣятельности внутренней, и какимъ былъ русскій народъ до Петра» [1]). Соловьевъ хорошо понималъ зависимость лица отъ историческихъ условій, но его формулы опять-таки не охватываютъ всѣхъ случаевъ, когда приходится говорить о дѣйствіи великихъ людей. Оно и понятно: его разсужденіе, какъ и разсужденіе Гизо, вызвано было необходимостью объяснить единичный случай, и то, что давалось въ этомъ объясненіи, распространялось потомъ на всѣ случаи вообще. Дѣлая такое замѣчаніе, мы имъ не умаляемъ цѣнности подобныхъ соображеній, каковы только-что приведенныя: собираніе аналогическаго матеріала не можетъ пройти безслѣдно для дальнѣйшей разработки теоріи историческаго процесса. Къ сожалѣнію, весь такой матеріалъ складывается изъ болѣе или менѣе случайныхъ, большею частью очень короткихъ замѣтокъ. Каждая изъ нихъ, однако, вноситъ какую-либо новую черту, новый оттѣнокъ въ пониманіе роли великихъ людей. «Присматриваясь внимательно, — говоритъ, напр., проф. Бестужевъ-Рюминъ,—къ каждой личности, нельзя не видѣть, какъ много ея дѣятельность обусловлена состояніемъ общества, посреди котораго она дѣйствуетъ, и соединеніемъ разныхъ обстоятельствъ, при которыхъ она дѣйствуетъ. Значеніе личности состоитъ въ томъ, чтобы умѣть воспользоваться обстоятельствами, подчинить ихъ своей цѣли и устранить тѣ, которыя могутъ быть вредны для этой цѣли. Кто же ставитъ эту цѣль? Сама ли дѣйствующая личность? Съ перваго взгляда, конечно, нельзя не признать этихъ цѣлей произведеніями единичнаго ума, единичной воли; но, вглядываясь пристальнѣе, мы увидимъ, что сами цѣли коренятся въ общественномъ сознаніи болѣе или менѣе глубоко, что лицу принадлежитъ болѣе или менѣе удачное формулированіе ихъ—и только. Словомъ, лицо можетъ понять, угадать, но ничего не можетъ создать... Рядомъ съ фактомъ, отмѣчен-

[1]) Ibid., 4—5.

нымъ личнымъ именемъ,—говоритъ онъ нѣсколько далѣе,—стоитъ фактъ безъименный, выражающій собою дѣятельность цѣлаго ряда людей. Таковъ, напр., фактъ колонизаціи не только доисторической, но и совершающейся на глазахъ исторіи: толпы американскихъ скуатеровъ и нашихъ казаковъ, искателей «новыхъ землицъ», представляются не отдѣльными личностями, а цѣлыми массами, дѣйствующими совершенно сходно, и если выдаются между ними лица, положимъ Ермакъ, Хабаровъ и т. п., то они скорѣе являются типами извѣстнаго рода дѣятельности, чѣмъ отдѣльными личностями, и исторія заноситъ ихъ на свои страницы, какъ типы представители множества и множества безъименныхъ дѣятелей» [1]). Въ этихъ немногихъ строкахъ заключается цѣлое историческое міровоззрѣніе, болѣе общее, чѣмъ въ болѣе длинныхъ разсужденіяхъ Гизо и Соловьева, но именно благодаря тому, что оно общѣе, оно и большее количество возраженій можетъ вызвать. Примѣры Соловьева и Бестужева-Рюмина показываютъ, кромѣ того, какъ въ наше время историки, умѣющіе понимать и цѣнить личное начало въ исторіи, умѣютъ въ то же время такъ или иначе связывать его дѣйствія съ дѣйствіемъ общихъ условій, хотя въ подробностяхъ ихъ общая мысль и представляется намъ иногда не опирающеюся на какія-либо теоретическія доказательства: все очень коротко, обще, аподиктично! Тѣмъ не менѣе эти воззрѣнія даютъ намъ кое-что для размышленія [2]).

И Милль, и Гизо, и Соловьевъ, и проф. Бестужевъ-Рюминъ гово-

---

[1]) *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія. Спб. 1872. I, 6—7.

[2]) Весьма интересно было бы собрать и разобрать побольше такихъ мнѣній разныхъ историковъ. Въ примѣръ мы можемъ привести еще слова *А. Н. Пыпина* по поводу Александра I. «Въ обществахъ,—говоритъ онъ,—гдѣ власть правителя не имѣетъ никакихъ границъ, его *личные взгляды и даже капризы становятся могущественнымъ факторомъ всей жизни общественной и государственной:* естественный ходъ развитія постоянно нарушается вмѣшательствами власти, иногда благотворными, иногда вредными. Личность правителя пріобрѣтаетъ поэтому особенную историческую важность. Но, оцѣняя ее, нельзя забывать также, что она сама, *при всей видимой ея независимости, не есть что-либо совершенно случайное.* Напротивъ, если въ самыхъ самостоятельныхъ личностяхъ, какъ Петръ Великій,—стоявшій съ своими планами почти одиноко, дѣйствовавшій съ чисто революціонными пріемами и наперекоръ огромной массѣ народа измѣнявшій привычныя формы жизни,—нельзя не видѣть согласія съ основными потребностями націи и вѣка, то *еще больше бываютъ связаны съ характеромъ времени люди обыкновенные.* Они не господствуютъ надъ теченіемъ національной жизни, и, напротивъ, воспринимая впечатлѣнія общества, сами очень часто становятся только тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ все окружающее и при всей видимой возможности быть тѣмъ, чѣмъ сами они захотѣли бы быть, подчиняются общему свойству времени, и въ борьбѣ общественныхъ элементовъ *дѣлаются отголоскомъ того или другого направленія*». Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885 (изд. 2), стр. 1—2.

рятъ о соціальной обусловленности дѣятельности великаго человѣка, о томъ, что мы назвали въ одномъ мѣстѣ подготовкой и содѣйствіемъ [1]). Подготовка въ болѣе широкомъ смыслѣ,—это вообще зависимость отъ прошлаго какъ самой личности, такъ и хода событій, въ которомъ она принимаетъ участіе, со всѣми условіями этого участія. Интереснѣе вопросъ о содѣйствіи. Великій человѣкъ тѣмъ и великъ, что ему помогаютъ другіе дѣлать его дѣло. Между тѣмъ вопросъ о содѣйствіи едва ставится теоретиками исторіи, разсуждающими о роли великихъ людей въ исторіи [2]). Гдѣ нужно искать причинъ этого содѣйствія? Разные писатели отвѣчаютъ на только-что поставленный вопросъ различнымъ образомъ, и каждый отвѣтъ, будучи болѣе или менѣе вѣрнымъ, въ то же время кажется намъ недостаточнымъ. Дѣло въ томъ, что, рѣшая вопросъ о причинахъ общественнаго содѣйствія великимъ людямъ, во-первыхъ, обращаютъ вниманіе только на то содѣйствіе, которое дается «героямъ», тогда какъ слѣдовало бы подумать вообще о причинахъ тѣхъ содѣйствій и противодѣйствій, съ коими приходится имѣть въ жизни дѣло каждому человѣку, а во-вторыхъ, такъ сказать, держать въ умѣ только нѣкоторые конкретные случаи содѣйствія, извѣстные изъ исторіи, обобщая потомъ эти случаи и распространяя полученныя потомъ такимъ образомъ формулы на всѣ отношенія между «героями» и толпой. Мы попытаемся дать иную постановку этому вопросу.

Возьмемъ простѣйшій примѣръ. Положимъ, что *A* что-либо предпринимаетъ и находитъ содѣйствіе со стороны *B*, *C*, *D* и т. д. Почему, спрашивается, эти люди помогаютъ предпріятію? Тутъ могутъ дѣйствовать, конечно, разныя причины. Наприм., такой-то *B* содѣйствуетъ *A* потому, что находится въ особомъ отношеніи къ личности *A* и будетъ ему оказывать помощь въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ, какія бы онъ ни затѣялъ, если только они въ сильной степени, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ убѣжденіямъ, привычкамъ, интересамъ *B*. Такихъ отношеній бываетъ много: *B* состоитъ съ *A* въ дружбѣ и готовъ ему всегда оказать одолженіе, хотя бы предпріятіе *A* его лично не интересовало; *B* находится подъ властью *A* и обязанъ ему повиноваться, не особенно разсуждая о содержаніи даннаго ему приказанія; *B* почему-либо нуждается въ *A* и потому заискиваетъ у него, дѣлая ему пріятное; *B* прямо на основаніи «do ut des» исполняетъ какое-либо условіе въ пользу *A*, потому что и *A* нѣчто дѣлаетъ въ пользу *B* или обѣщаетъ сдѣлать и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, помощь, оказываемая однимъ человѣкомъ другому, вызывается не тѣмъ, что содѣйствующій стремится къ той же цѣли, какую ставитъ себѣ предпринимающій, а тѣмъ, что первый имѣетъ безко-

[1]) См. выше, стр. 84—85. [2]) См. выше, стр. 87—93 и др.

рыстное или корыстное побужденіе дѣлать то, что входитъ въ планы второго. На такія отношенія и не обращаютъ вниманія писатели, касавшіеся вопроса [1]): для нихъ содѣйствіе имѣетъ причину только въ томъ, что предпринимающій дѣлаетъ дѣло, въ совершеніи коего заинтересованы содѣйствующіе. Нашему *А*, положимъ, *С* помогаетъ именно не по одной изъ тѣхъ причинъ, по которымъ ему оказываетъ помощь *В*, а потому, что *А* предпринимаетъ нѣчто такое, что само по себѣ входитъ въ мысли *С*. Пусть *В* старался угодить *А*, имѣя лично его самого въ виду или какую-нибудь постороннюю цѣль, отличную отъ цѣли стремленій самого *А*: *С* хочетъ самъ того же, къ чему стремится *А*, ихъ связываетъ общая идея, общій интересъ, общая цѣль. Гизо думаетъ, что содѣйствіе, встрѣчаемое великимъ человѣкомъ, именно только такимъ образомъ и объясняется. Великій человѣкъ понимаетъ, что нужно обществу, и сообразно съ этимъ ставитъ извѣстную цѣль, которую общество одобряетъ, какъ ведущую къ общему благу, вслѣдствіе чего и предлагаетъ ему свои услуги; но лишь только великій человѣкъ начинаетъ преслѣдовать свои личныя воззрѣнія, какъ его понемногу оставляютъ. Гизо еще допускаетъ, что нѣкоторое время за нимъ слѣдуютъ по довѣрію, вызывающемуся прошедшимъ, и что льстецы продолжаютъ прославлять его замыслы. Но для того, чтобы человѣку содѣйствовали по довѣрію къ нему, т.-е. ради него самого, не входя въ разборъ и оцѣнку его плановъ, или изъ лести, т.-е. ради собственныхъ выгодъ, какія бы предпріятія ни замышлялись лицомъ, которому служить выгодно, нѣтъ надобности, чтобы человѣкъ этотъ предварительно встрѣчалъ поддержку только, какъ «носитель и выразитель народной мысли», по выраженію Соловьева, стоящаго въ этомъ отношеніи на точкѣ зрѣнія общей съ Гизо, какъ личность, дѣятельность которой, опять по словамъ нашего же историка, удовлетворяетъ сильной потребности народной. Въ этомъ взглядѣ на отношенія, существующія между «героемъ» и толпой, чувствуется значительная идеализація. Народная мысль, народная потребность, все это—абстракціи, которыя въ переводѣ на языкъ реальныхъ фактовъ значатъ далеко не то, что подъ ними разумѣется въ такомъ взглядѣ. Мысль русскаго народа была скорѣе противоположна мысли Петра Великаго, и то, въ чемъ онъ полагалъ потребность народную, вовсе не сознавалось, какъ потребность, самимъ народомъ. Есть вѣдь и содѣйствіе по принужденію. Если *В* содѣйствовалъ *А* по дружбѣ, по чувству долга, по заключенному договору, въ своекорыстномъ расчетѣ, а *С* — раздѣляя идеи *А*, сочувствуя его стремленіямъ, видя въ его цѣли свою цѣль и т. п., то *D*, быть можетъ, просто вынужденъ былъ содѣйствовать: у него почти не могло быть выбора, чтобы по-

---

[1]) См. выше, стр. 87, 93 и друг.

ступить иначе, или его заставили силой, угрозой и т. д. Все ли тутъ? Нѣтъ еще: вотъ, наконецъ, цѣлая область явленій, наиболѣе характерные случаи которыхъ обратили на себя вниманіе Михайловскаго, именно, случаи безсознательнаго подражанія, въ родствѣ съ которыми находится и то сродство душъ, которымъ, повидимому, все въ исторіи пытается объяснить Геннекенъ [1]). Какой-нибудь *E* могъ содѣйствовать *A* именно такъ, что мы подвели бы этотъ фактъ подъ послѣднюю категорію. Въ исторіи, несомнѣнно, увлеченіямъ принадлежитъ немалая роль, и элементъ обаянія объясняетъ многое: тутъ мы видимъ какъ бы превращеніе людей въ безсознательныя орудія чужой воли, какую-то гипнотизацію, хотя въ самомъ явленіи много темнаго, неразслѣдованнаго. «Конечно, говорили мы уже раньше, видимое подчиненіе массъ какой-либо личности, будетъ ли это Лютеръ или Наполеонъ, возможно лишь тогда, когда въ массахъ есть данныя для того, чтобы подчиниться ея вліянію» [2]). Къ числу такихъ данныхъ и нужно отнести, напримѣръ, состояніе пассивнаго согласія и ожиданія, о которомъ говорятъ нѣкоторые изъ цитированныхъ нами писателей [3]), или наоборотъ, безсознательное броженіе силъ, ищущихъ исхода, о чемъ также упоминаютъ многіе писатели при объясненіи массовыхъ движеній, во главѣ коихъ стоятъ отдѣльныя личности [4]). Нѣтъ тѣхъ или другихъ изъ подобныхъ данныхъ для дѣйствія выдающейся единицы на массу — и великій человѣкъ остается безъ послѣдователей, тогда какъ при существованіи извѣстнаго рода предрасположеній масса идетъ за такимъ человѣкомъ, который самъ по себѣ объясняетъ весьма немногое въ движеніи, имъ самимъ, повидимому, вызванномъ [5]). — Вотъ сколько различныхъ причинъ, коими можно объяснять содѣйствіе, встрѣчаемое отдѣльными личностями въ обществѣ. Если не различать всего этого, то и можетъ показаться, что содѣйствіе имѣетъ причину въ томъ, что великій человѣкъ, предпринимая то-то и то-то, только выполняетъ общее желаніе, какъ будто, напр., вся западная Европа или вся Франція, или, по крайней мѣрѣ вся «великая армія» желала, чтобы Наполеонъ въ 1812 г. шелъ непремѣнно въ Москву. Наконецъ и условія того, что Толстой обозначаетъ, какъ «выраженіе однимъ лицомъ воли всѣхъ людей» [6]), бываютъ крайне разнообразны, такъ что и тѣ изъ нихъ, которыя возможны въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, оказываются невозможными въ другихъ мѣстахъ и временахъ [7]), да и при однихъ и тѣхъ же общихъ обстоятельствахъ различные люди выражаютъ волю другихъ (при томъ тоже

---

[1]) См. выше, стр. 93. [2]) См. выше, стр. 40.

[3]) См. стр. 63—64 (Спенсеръ), 112, 118, 120 (Михайловскій), 123 (Гальтонъ) и др.

[4]) Ср. главнымъ образомъ теорію Ломброзо, изложенную у насъ на стр. 126—127.

[5]) См. выше, стр. 78 и 128. [6]) См. выше, стр. 47. [7]) См. выше, стр. 60.

различныхъ) людей въ различной степени и въ зависимости отъ весьма многочисленныхъ и сложныхъ частныхъ причинъ [1]). Тѣмъ болѣе нужно различать случаи, когда воля одного лица лишь внѣшнимъ образомъ совпадаетъ съ волей другихъ лицъ для произведенія извѣстнаго результата. Мы уже и раньше видѣли, что при обсужденіи этого предмета не всѣ писатели, его касавшіеся, обращаютъ одинаковое вниманіе на отдѣльныя его стороны. Карлейль, напр., едва затрогиваетъ вопросъ о власти, какую можетъ имѣть личность заставлять другихъ дѣлать то, что сама она считаетъ нужнымъ [2]), тогда какъ для Толстого нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія именно объ единой силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли [3]), и съ этой точки зрѣнія онъ очень интересуется вопросомъ о власти [4]).

Рядомъ съ содѣйствіемъ встрѣчается и противодѣйствіе. Одинъ мнѣ помогаетъ изъ личной пріязни, другой — расчитывая на помощь съ моей стороны, третій—сочувствуя моему дѣлу и т. д., но рядомъ съ ними есть одинъ, другой и третій, которымъ пріятно мнѣ досадить, выгодно разстроить мои планы и т. д. Гизо, идеализируя отношенія между великимъ человѣкомъ и массой, говоритъ, что всѣ ему помогаютъ. Это «всѣ» слишкомъ часто фигурируетъ въ исторіи, вмѣсто «нѣкоторыхъ». При той неоднородности массъ, на которой мы не разъ уже настаивали, при расчлененіи общества на отдѣльныя культурныя и соціальныя группы [5]) одинъ и тотъ же историческій дѣятель однихъ къ себѣ влечетъ, другихъ отъ себя отталкиваетъ: у него есть поклонники и помощники, за нимъ идущіе, но есть и соперники, оспаривающіе у него вліяніе, и противники, вступающіе съ нимъ въ борьбу [6]). Мы уже видѣли, что поступки одного лица способны вызывать въ другихъ лицахъ поступки содѣйствующіе и противодѣйствующіе [7]). Часто содѣйствіе кажется всеобщимъ только потому, что противодѣйствующіе элементы не могутъ проявиться наружу вслѣдствіе малочисленности, дезорганизаціи, упадка духа и другихъ причинъ. «Общество» заключаетъ въ себѣ такое великое разнообразіе элементовъ, что изъ того, кто находитъ себѣ въ томъ или другомъ обществѣ содѣйствіе, еще нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ касательно стремленій даннаго общества: одни содѣйствуютъ *A* потому, что нашелся человѣкъ, ищущій этого содѣйствія; другіе въ то же время никому не содѣйствуютъ, ибо нѣтъ такого *B*, который привлекалъ

---

[1]) См. выше, стр. 100—101. [2]) См. выше, стр. 29.

[3]) См. выше, стр. 33. [4]) См. выше, стр. 40 и 227.

[5]) См. указанія на эти группы выше на стр. 88, 89, 92 (Геннекенъ) и 144 и слѣд. (Гумпловичъ).

[6]) Ср. выше, стр. 84 и слѣд., 87, 97, 107 и др.

[7]) См. выше, стр. 224 и слѣд.

бы ихъ къ себѣ. Съ другой стороны, каждый человѣкъ вовсе не такая струна, на которой можно играть только одну ноту: сегодня онъ содѣйствуетъ этому, завтра будетъ содѣйствовать другому, смотря по тѣмъ его струнамъ, какія затрогиваютъ первый и второй. Историки же и тутъ нерѣдко злоупотребляютъ идеей общества, ссылаясь на его желанія и стремленія, будто бы всецѣло объясняющія появленіе или успѣхъ того или другого крупнаго дѣятеля, въ свою очередь будто бы только и основывающаго свое значеніе на удовлетвореніи этихъ желаній и стремленій. Въ другомъ мѣстѣ мы уже говорили о неправильномъ пониманіи зависимости, въ какой находится дѣятельность «героя» отъ желаній и стремленій общества [1]), и то же разсужденіе можно примѣнить къ теоріи, видящей въ содѣйствіи, какое отдѣльныя лица находятъ своимъ планамъ,—доказательство того, что эти лица только осуществляютъ болѣе иле менѣе всеобщія желанія, словно рядомъ съ содѣйствіемъ со стороны одной части общества не бываетъ противодѣйствія или, по крайней мѣрѣ, простого попустительства со стороны другой, словно содѣйствіе это не можетъ быть основано на недоразумѣніи, на самообманѣ, на сознательномъ введеніи однихъ другими въ заблужденіе, на желаніи путемъ содѣйствія, напр., «восходящему свѣтилу» добиться личныхъ цѣлей, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ предпріятіемъ, которое нуждается въ содѣйствіи, даже словно массы неспособны ошибаться, принимая своихъ «героевъ» не за то, что они есть, ожидая отъ нихъ не того, что они только могутъ и хотятъ дать, понимая ихъ дѣятельность не такъ, какъ слѣдовало бы понимать, словно, наконецъ, иногда и сами дѣятели, ищущіе содѣйствія, «не отводятъ глаза» общества отъ настоящихъ своихъ намѣреній, «не напускаютъ на него тумана», когда собираются «ловить рыбу въ мутной водѣ», или сами не возбуждаютъ въ толпѣ тѣхъ или другихъ инстинктовъ, не подсказываютъ ей тѣхъ или другихъ желаній, которыя въ ней спали бы, не возникали, если бы ее не соблазнили блестящими обѣщаніями и «открывающимися перспективами».

Если одни, указывая на фактъ содѣйствія, стараются придать ему значеніе обстоятельства, возвышающаго великаго человѣка, то другіе толкуютъ его въ противоположномъ смыслѣ. И то, и другое невѣрно. Если фактъ содѣйствія не возноситъ необходимо историческаго дѣятеля на высоту какого-то живого олицетворенія народнаго духа, то онъ и не принижаетъ его, какъ этого хотѣло бы другое толкованіе, превращающее крупнаго дѣятеля въ нуль, относящее все къ содѣйствію и ничего не оставляющее на долю самого человѣка. Къ послѣднему помощь со стороны другихъ не приходитъ безъ всякихъ съ его стороны заслугъ и усилій; ему приходится ее себѣ создавать

---

[1]) См. выше, стр. 251 и слѣд.

сознательно вызывая одни дѣйствія людей, препятствуя возникновенію другихъ, такъ или иначе комбинируя людей и обстоятельства. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя личности дѣйствуютъ весьма различно, и отъ нихъ зависитъ, найдутъ ли они содѣйствующіе элементы, удержатъ ли ихъ за собой, сумѣютъ ли ихъ организовать, воспользуются ли вполнѣ ихъ услугами, подчинятъ ли ихъ себѣ или сами имъ подчинятся и пр. и пр. Говорятъ еще, что многое изъ того, на что опирается историческій дѣятель, создано не имъ самимъ, а потому не ему нужно приписывать дѣйствіе, совершаемое имъ съ готовою уже помощью: при этомъ большею частью имѣется въ виду соціальная организація, сообщающая человѣку средства вліять на поступки другихъ, ставящая его въ возможность пользоваться ихъ содѣйствіемъ. Положимъ, что организація, на которую опирается историческій дѣятель, бываетъ дѣломъ рукъ великаго множества его предшественниковъ [1]), и что она держится силами, лежащими въ основѣ каждой культурной формы [2]), но вѣдь дѣятель, призванный къ управленію ея дѣйствіями, можетъ ее или укрѣплять, сплочивать, усиливать или, напротивъ, разслаблять, расшатывать, разрыхлять: «каковъ попъ, таковъ и приходъ». Притомъ людей, способныхъ поддерживать готовую организацію, не хватаетъ часто на то, чтобы быть реформаторами плохо функціонирующихъ организацій или организаторами новыхъ общественныхъ силъ, не вылившихся еще ни въ какую новую форму. Это — задача болѣе трудная, но еще труднѣйшей задачей является творчество новыхъ формъ среди полнаго соціальнаго броженія, среди хаоса дезорганизаціи, когда, повидимому, общество готово возвратиться къ аморфному состоянію дообщественнаго быта. Конечно, матеріалъ для новыхъ организацій создаетъ исторія, и у организатора нѣтъ недостатка ни въ помощникахъ, ни въ образцахъ, но въ дѣло все-таки вкладывается личная мысль, и различіе результатовъ зависитъ не только отъ различія общихъ условій, но и отъ различія главныхъ дѣятелей: Франція сто лѣтъ тому назадъ, конечно, не была похожа на Америку, но и Наполеонъ не былъ похожъ на Вашингтона. Оба организовали не только, что могли, но и то, что хотѣли организовать.

Это личное начало, о разнообразіи котораго мы говорили въ настоящей главѣ, мы противополагаемъ, какъ нѣчто внутреннее въ человѣкѣ и какъ нѣчто ему индивидуально принадлежащее, отличающее его отъ другихъ,—всему, что по отношенію къ нему является внѣшнимъ, хотя бы на него и дѣйствующимъ, и всему, что характеризуетъ большую или меньшую группу индивидуумовъ, отличаетъ ее отъ другихъ группъ [3]). Съ такой точки зрѣнія можно усматривать

[1]) Ср. разсужденія Спенсера, выше стр. 58 и слѣд.

[2]) Объ этомъ см. въ слѣдующей части главу III.

[3]) Для дальнѣйшаго см. подробнѣе въ нашей брошюрѣ „Личное начало и роковыя силы въ исторіи“ (Спб. 1889).

отрицаніе личнаго начала во всякой теоріи, которая стремится объяснить въ исторіи все одними внѣшними факторами безъ участія внутреннихъ силъ и способностей человѣка или однѣми общими причинами и условіями помимо частныхъ причинъ и условій, опредѣляющихъ характеръ и поведеніе отдѣльныхъ личностей. Наприм., такое значеніе принадлежитъ теоріямъ «климата» и «расы» [1]), поскольку первая изъ нихъ въ былыя времена вліяніямъ на человѣка внѣшней природы не противопоставляла внутреннія свойства самого человѣка, а другая, наоборотъ, выводя все изъ этихъ внутреннихъ свойствъ, понимаетъ ихъ исключительно какъ свойства расы, присущія въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ индивидуумамъ общаго происхожденія. Конечно, мы говоримъ здѣсь о каждой теоріи, взявъ ее въ ея односторонности и исключительности, но въ томъ и дѣло, что въ такомъ видѣ онѣ немыслимы. Уже самый видный представитель «теоріи климата» въ XIX в., Бокль сдѣлалъ въ ней важную поправку сравнительно съ своимъ предшественникомъ изъ XVIII вѣка, Гердеромъ, видѣвшимъ въ исторіи почти только одно дѣйствіе природы (и культуры) на человѣка, пассивно воспринимающаго ихъ вліяніе. Поправка Бокля касается другой стороны дѣла, т.-е. активной роли человѣка по отношенію къ природѣ, такъ что въ воззрѣніи англійскаго мыслителя исторія утратила характеръ односторонняго дѣйствія физической среды на личность, а явилась въ видѣ взаимодѣйствія между человѣкомъ и природою: по словамъ Бокля, «всѣ перемѣны, которыми полна исторія, всѣ перевороты въ человѣчествѣ, развитіе и паденіе народовъ, ихъ счастіе и бѣдствіе,—все это—результатъ двоякаго дѣйствія: вліянія внѣшнихъ явленій (природы) на духъ человѣка и вліянія духа человѣческаго на внѣшнія явленія. Вотъ тѣ матеріалы, прибавляетъ онъ, изъ которыхъ должна быть построена философія исторіи» [2]). Такимъ образомъ писатель, наиболѣе въ наши дни преувеличивавшій вліяніе природы на исторію, въ то же время призналъ активную роль человѣка по отношенію къ природѣ,—роль, въ которой человѣкъ выступалъ уже задолго до начала исторіи, когда первобытнымъ дикаремъ сдѣланы были первыя попытки подчиненія себѣ природы. Признавая вмѣстѣ съ Боклемъ совершающееся въ исторіи взаимодѣйствіе между человѣкомъ и природою, хотя и не сводя къ этому всю исторію, мы тѣмъ самымъ признаемъ за личностью самостоятельное значеніе по отношенію къ неорганической средѣ, какъ бы ни было мало дѣйствіе первой на послѣднюю. Въ концѣ-концовъ важна способность человѣка къ самостоятельной и активной дѣятельности по отношенію къ той самой природѣ, въ рабскую зависимость отъ которой ставила человѣка

---

[1]) Ср. ихъ разборъ въ О. В. Ф. И. II, кн. III, гл. 4.

[2]) *Бокль*. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Спб. 1863. I, 115.

«теорія климата». «Теорія расы» съ иной точки зрѣнія отрицаетъ въ исторіи личное начало.

Для «теоріи климата», взятой во всей ея односторонности, отдѣльный человѣкъ и цѣлый народъ представляютъ изъ себя лишь то, чѣмъ имъ повелѣваютъ быть физическія условія страны, въ которой они живутъ, такъ что какъ за единичною особью, такъ и за массою индивидуумовъ отрицается всякая самостоятельность по отношенію къ внѣшней природѣ, и человѣкъ является какою-то tabula rasa, могущею получать содержаніе отъ однихъ только условій физической его обстановки. По «теоріи расы» совсѣмъ наоборотъ, у этой обстановки отнимается всякое значеніе сравнительно съ тою ролью, какую заставляетъ играть принадлежность человѣка къ тому или другому племени: онъ уже не tabula rasa, а—если можно такъ выразиться—сосудъ, наполненный множествомъ духовныхъ качествъ, свойственныхъ только извѣстной расѣ, передаваемыхъ исключительно путемъ органической наслѣдственности, такъ что съ этой точки зрѣнія и отдѣльная личность, и цѣлая нація суть лишь то, что изъ нихъ дѣлаетъ ихъ происхожденіе, слѣды коего онѣ и носятъ на себѣ въ продолженіе всего своего существованія, противустоя всѣмъ инымъ вліяніямъ. Одно изъ основныхъ понятій этой теоріи, безъ котораго она не имѣла бы никакого смысла, есть представленіе расы, какъ совокупности совершенно однородныхъ особей, одаренныхъ какими-либо специфическими качествами, встрѣчающимися только у этихъ особей и притомъ, если не у всѣхъ, то у громаднаго ихъ большинства [1]). Логически развивая такое воззрѣніе, пришлось бы въ каждой личности даннаго народа видѣть лишь единичный экземпляръ общаго типа, не заключающій въ себѣ ничего оригинальнаго. Повидимому, «теорія климата», считающая человѣка неспособнымъ противустоять идущимъ на него извнѣ вліяніямъ, и «теорія расы», приписывающая ему, наоборотъ, необычайную устойчивость передъ дѣйствіемъ на него внѣшнихъ вліяній, должны были бы быть столь же противоположны и въ отношеніи своемъ къ личному началу въ исторіи, но на самомъ дѣлѣ обѣ теоріи одинаково заключаютъ въ себѣ отрицаніе личнаго начала, одна—отнимая у человѣка возможную для него самостоятельность, другая—лишая личность возможной для него оригинальности. Факты опровергаютъ такую гипотезу, ибо одинаковые человѣческіе типы и темпераменты встрѣчаются въ самыхъ различныхъ расахъ, а потому въ предѣлахъ одной и той же расы возможно большое разнообразіе личностей. Наконецъ, индивидуальная измѣнчивость вообще есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, если бы мы даже и не стали ему придавать такого значенія, какое приписываетъ ему Дарвинъ въ процессѣ образованія новыхъ видовъ: индивидуальная измѣнчивость свойствъ, при-

[1]) О. В. Ф. И. II, 128 (175—176).

рожденныхъ семьѣ, роду, племени, расѣ, есть та основа, на которой развивается личная оригинальность въ жизни. Обѣ теоріи, каждая въ своей исключительности, не разъ уже подвергались болѣе или менѣе основательной критикѣ, и въ одной изъ такихъ критикъ обѣ теоріи были прямо обвинены въ фатализмѣ [1]). Дѣйствительно, здѣсь есть доля фатализма, если подъ послѣднимъ разумѣть невозможность для отдѣльной личности или для цѣлаго народа освободиться отъ нѣкоего историческаго рока, проявляющагося въ природѣ страны или въ свойствахъ расы, т.-е. въ условіяхъ, которымъ приписывается непреодолимость по отношенію къ другимъ условіямъ, равнымъ образомъ окружающимъ человѣка или сопровождающимъ его появленіе на свѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что противъ силъ природы, дѣйствующихъ на человѣка, послѣдній выдвигаетъ собственныя силы, которыя онъ и прилагаетъ къ природѣ съ цѣлью подчинить ее себѣ, и что рядомъ съ силами, создавшими и поддерживающими единство расоваго типа, существуютъ другія силы, производящія въ немъ разнообразіе и многочисленныя индивидуальныя отъ него уклоненія, т.-е. создающія особенности, которыя принадлежатъ только отдѣльнымъ личностямъ. На этихъ двухъ примѣрахъ читатель можетъ видѣть, въ какомъ смыслѣ мы понимаемъ личное начало въ исторіи. Внѣшнія вліянія, опредѣляющія личное дѣйствіе, подвергаются личностью внутренней переработкѣ, и въ то же время личность оказываетъ свое вліяніе на внѣшнія обстоятельства, среди коихъ ей приходится дѣйствовать, и подъ внѣшними вліяніями и обстоятельствами мы имѣемъ право разумѣть не только дѣйствіе природы на человѣка, физическія условія, его окружающія, но и все остальное, т.-е. прагматическія и культурныя вліянія на него, идущія со стороны другихъ людей, всѣ обстоятельства прагматическаго свойства, среди коихъ онъ дѣйствуетъ, всѣ культурно-соціальныя формы, въ коихъ онъ вращается. Съ другой стороны, общія свойства, опредѣляющія поведеніе и дѣятельность цѣлой группы людей, усложняются проявленіемъ индивидуальныхъ свойствъ, которыя зависятъ отъ причинъ, извѣстнымъ образомъ сложившихся только для данныхъ лицъ, и сами такія личности, дѣйствуя по особымъ причинамъ, создаютъ новыя общія условія для дѣятельности другихъ личностей, тѣмъ самымъ видоизмѣняя прежнія общія свойства, и это опять-таки мы можемъ утверждать не только по отношенію къ прирожденнымъ свойствамъ расы, но и по отношенію къ общимъ признакамъ культурнаго характера, присущимъ отдѣльнымъ народамъ, общественнымъ классамъ, профессіямъ и т. п. Чѣмъ болѣе человѣкомъ перерабатываются дѣйствующія на него внѣшнія вліянія,—которыя въ иныхъ случаяхъ, наоборотъ, непосредственно проявляются въ его поступкахъ,—

[1]) *Laurent*. Philosophie de l'histoire. Paris. 1870.

чѣмъ болѣе онъ приспособляетъ къ своимъ цѣлямъ окружающія его обстоятельства,—коимъ, однако, иные всецѣло подчиняются, чтобы плыть по теченію,—чѣмъ болѣе дѣйствуетъ онъ по собственной мысли, а не по рутинѣ,—господствующей иногда безраздѣльно въ людскомъ поведеніи,—и чѣмъ болѣе, наконецъ, онъ способствуетъ тому, чтобы измѣнялась эта рутина, — вообще стремящаяся къ застою, — тѣмъ сильнѣе проявляется въ немъ личное начало. Въ каждой отдѣльной исторической личности это начало соединено въ разныхъ пропорціяхъ съ началами противоположными: не всѣ внѣшнія вліянія, на нее дѣйствующія, подвергаются въ личности внутренней переработкѣ, и не всѣ общія ей съ другими свойства, такъ сказать, затираются свойствами, индивидуально ей принадлежащими, такъ что иныя внѣшнія вліянія проявляются въ ней непосредственно, иныя общія свойства вдвигаютъ ее въ среду всѣхъ. Съ другой стороны, нѣтъ настолько безличнаго индивидуума, чтобы онъ въ своей дѣятельности былъ только пассивнымъ орудіемъ внѣшнихъ вліяній безъ всякой активной роли, только пассивнымъ носителемъ общихъ свойствъ безъ малѣйшей особенности: и въ немъ есть личное начало, по крайней мѣрѣ, то, что можно признать минимумомъ такого начала. Между «героями», въ коихъ оно достигаетъ своихъ максимумовъ, и послѣдними изъ послѣднихъ въ толпѣ, обладающихъ имъ въ минимальныхъ дозахъ, существуетъ цѣлая градація: дѣйствіе противоположныхъ началъ и въ «герояхъ» только и позволяетъ (хотя и неосновательно) выставлять тезисъ, діаметрально противоположный ихъ «культу». Наивысшее свое выраженіе личное начало получаетъ въ индивидуальной оригинальности, которая есть не что иное, какъ особенно самостоятельная и совершенно отъ другихъ отличная внутренняя переработка личностью всѣхъ жизненныхъ вліяній, на нее дѣйствующихъ: гдѣ мало самодѣятельности, тамъ сильнѣе проявляются болѣе или менѣе для всѣхъ общія вліянія, нивеллирующія личности. Вполнѣ оцѣнить значеніе этой истины можно, только разсмотрѣвъ роль личностей въ культурной исторіи. Вопросъ о значеніи личнаго начала въ исторіи далеко не исчерпывается одной прагматической стороной жизненнаго процесса народовъ и государствъ [1]).

---

[1]) Оговариваемся, что подъ личнымъ началомъ мы не должны необходимо разумѣть личныя побужденія, личныя стремленія, личные интересы, личныя цѣли въ смыслѣ эгоизма, честолюбія и властолюбія, своекорыстія, прихоти и произвола: личное начало можетъ проявляться въ побужденіяхъ альтруистическихъ, въ служеніи стремленіямъ, интересамъ, цѣлямъ народа, общества, государства, лишь бы только въ мотивахъ и въ поведеніи обнаруживалась индивидуальная иниціатива и оригинальность. Конечно, бываетъ и то, и другое съ преобладаніемъ эгоизма или альтруизма. Это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ роли великихъ людей. И общественное содѣйствіе не всегда бываетъ на сторонѣ альтруизма: часто выигрываетъ человѣкъ, болѣе всего заботящійся только о себѣ.

Общій обзоръ предыдущаго.

Бросимъ бѣглый взглядъ на пройденный путь прежде, чѣмъ приступимъ къ новому вопросу, входящему въ составъ нашей задачи. До сихъ поръ мы разсматривали сущность прагматическаго процесса, состоящаго въ порожденіи дѣйствій однихъ людей дѣйствіями другихъ, при чемъ интересовались главнымъ образомъ ролью личности въ этомъ механизмѣ прагматическихъ фактовъ. Задача наша заключалась въ томъ, чтобы узнать, какъ дѣйствуетъ личность на другія личности и почему отдѣльные случаи такого дѣйствія представляютъ собою крайнее неравенство [1]). Обыкновенно вопросъ о роли личности въ исторіи ставился, однако, въ иной формѣ, именно въ формѣ вопроса болѣе частнаго. Главы II, III, IV и V и были посвящены нами преимущественно изложенію и критикѣ спора о томъ, отдѣльныя ли исключительныя личности двигаютъ исторію или же это дѣлаютъ народныя массы. Нами этотъ спорный вопросъ о «герояхъ» и толпѣ, какъ вопросъ частный, по нашему мнѣнію, былъ включенъ, далѣе, въ болѣе общій—о дѣйствіи человѣка на человѣка, создающемъ весь историческій прагматизмъ [2]). Только на почвѣ такого общаго вопроса, замѣчали мы не разъ, можетъ быть разрѣшаемъ и частный, который до сихъ поръ не выходитъ изъ области противорѣчивыхъ отвѣтовъ [3]): самый синтезъ противоположностей, намѣчавшійся нами, какъ единственно вѣрное рѣшеніе [4]), возможенъ лишь при переводѣ задачи на болѣе подходящую для ея научнаго анализа почву [5]). Намъ нужно было именно противопоставить «героя», какъ единицу (a), другимъ единицамъ (b, c, d, f и т. д.), т.-е. однороднымъ и соизмѣримымъ съ нею величинамъ, а не толпѣ (B), составляющей изъ себя въ сущности сумму единицъ ($b+c+d+e...+z$), т.-е. отнюдь не какое-то неразложимое цѣлое [6]). На каждую единицу, будетъ ли то великій человѣкъ или обыкновенный смертный, дѣйствуютъ другія единицы тоже весьма раз-

[1]) См. выше, стр. 16 и 143; ср. стр. 312 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 16.
[3]) См. выше, стр. 132—133. [4]) См. выше, стр. 48.
[5]) См. выше, стр. 133, 140, 218, 219. [6]) См. выше, стр. 144.

личнаго значенія и въ свою очередь подвергаются дѣйствію съ ея стороны: поступки одной личности такъ или иначе вызываются поступками другихъ, что и составляетъ собою прагматическое вліяніе личности на личность [1]). Это соображеніе привело насъ къ необходимости заняться вопросомъ о прагматической причинности, которымъ, какъ мы показали, пренебрегали вообще всѣ прежнія теоріи исторіи. Послѣднее обстоятельство въ свою очередь заставило насъ обратиться къ другимъ наукамъ, разрабатывавшимъ вопросъ о причинности вообще и въ примѣненіи къ человѣческой дѣятельности въ частности,— къ философіи [2]), къ логикѣ наукъ [3]), къ психологіи [4]), къ наукѣ уголовнаго права [5]): разсмотрѣвъ все это, мы еще болѣе могли подтвердить нашу общую мысль о неразработанности вопроса о причинности въ теоріяхъ исторіи краткимъ указаніемъ на то, какъ недостаточно ставился и какъ поверхностно рѣшался нашъ вопросъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ теорій [6]). Считая пока полную и законченную теорію исторической причинности дѣломъ преждевременнымъ [7]), мы сочли себя, однако, обязанными ею заняться, поскольку, выясняя вообще сущность прагматическаго процесса, теорія исторической причинности въ состояніи пролить еще свѣтъ и на вопросъ о роли личности въ этомъ процессѣ. Мы нашли именно, что, хотя въ послѣднемъ одни поступки и вызываются другими, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ зависитъ еще отъ личнаго психическаго процесса, результаты коего могутъ вносить и дѣйствительно вносятъ нѣчто новое въ процессъ прагматическій [8]). И «герой» перерабатываетъ въ себѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ дѣйствій толпы, и впечатлѣнія, производимыя его поступками на отдѣльныхъ индивидуумовъ толпы, въ нихъ перерабатываются болѣе или менѣе своеобразно, прежде чѣмъ въ свою очередь вызовутъ съ ихъ стороны какія-либо дѣйствія.

Понятно, что какъ вызовъ поступками однихъ людей поступковъ со стороны другихъ, такъ и внутренняя переработка людьми получаемыхъ ими извнѣ впечатлѣній (между прочимъ и впечатлѣній, производимыхъ чужими дѣйствіями) совершаются по опредѣленнымъ законамъ, представляющимъ собою, впрочемъ, только частные случаи общаго закона—единообразной связи причины со слѣдствіемъ [9]). Лишь въ этомъ смыслѣ понимаемъ мы закономѣрность прагматиче-

---

[1]) См. выше, стр. 158 и слѣд., 219 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 166—174.

[3]) См. выше, стр. 175—184. [4]) См. выше, стр. 184—192.

[5]) См. выше, стр. 192—196.

[6]) См. выше, стр. 197—209. Сравни также разсмотрѣніе нѣкоторыхъ пріемовъ прагматическихъ историковъ на стр. 210—219.

[7]) Мы вѣдь еще не коснулись вопроса о причинности въ фактахъ культурныхъ, о чемъ см. ниже (часть II, гл. II).

[8]) См. выше, стр. 238.

[9]) См. выше, стр. 176 и слѣд., 241 и слѣд., особенно 256 и слѣд.

скаго процесса, а потому въ этомъ же только смыслѣ допускаемъ подчиненіе индивидуальныхъ воль законамъ, отказываясь, однако, называть именемъ законовъ всѣ тѣ общія правила людского поведенія въ данномъ обществѣ, изъ коихъ могутъ быть индивидуальныя и групповыя исключенія, объясняемыя тѣмъ, что отдѣльныя личности могутъ освобождаться отъ нихъ, дѣйствуя по новымъ для большинства даннаго общества мотивамъ. Личность не есть необходимо пассивное орудіе, посредствомъ коего историческія причины производятъ свои слѣдствія, и еще менѣе позволительно видѣть въ ней такое же пассивное орудіе, посредствомъ котораго исторія достигаетъ своихъ цѣлей [1]). Равнымъ образомъ нельзя приравнивать личность и къ простому отраженію окружающей среды [2]), ибо ея зависимость отъ послѣдней можетъ быть большею или меньшею и притомъ весьма неодинаковою въ разныхъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ, мы признаемъ относительную самостоятельность и оригинальность личности, не отрицая дѣйствія на нее общихъ причинъ и общихъ вліяній: и тѣ, и другія могутъ перерабываться въ личности въ зависимости отъ частныхъ причинъ, только для нея извѣстнымъ образомъ и сложившихся, и отъ ея собственныхъ индивидуальныхъ свойствъ. Несходство и этихъ частныхъ причинъ, дѣйствію коихъ подлежатъ личности, и этихъ индивидуальныхъ свойствъ, ими проявляемыхъ, и есть главная основа неравенства дѣйствія отдѣльныхъ индивидуумовъ, неравенства не только по отношенію ихъ къ прагматическимъ слѣдствіямъ, но и въ смыслѣ того значенія, какое они имѣютъ, какъ дѣйствія болѣе или менѣе самостоятельныя [3]). Вотъ та общая точка зрѣнія, съ которой мы разсматривали въ VII глвѣ неравенство дѣйствія отдѣльныхъ личностей. Но рядомъ съ вопросомъ о большей или меньшей независимости однихъ поступковъ отъ другихъ и самихъ личностей отъ окружающей среды [4]), мы обратили еще вниманіе на неравенство отдѣльныхъ дѣйствій, какъ сопричинъ одного и того же слѣдствія [5]), и на количественную неодинаковость слѣдствій, порождаемыхъ отдѣльными причинами [6]), дабы имѣть общее понятіе о частныхъ основахъ того великаго разнообразія отношеній между отдѣльными поступками и совершающими ихъ людьми, какое вообще наблюдается въ прагматическомъ процессѣ исторіи [7]). Задача науки, конечно, въ томъ и заключается,

---

[1]) См. стр. 245 и слѣд. Вопросъ о цѣлесообразности въ исторіи разсматривается у насъ ниже (часть II, гл. II), не говоря уже о первыхъ двухъ томахъ О. В. Ф. И.

[2]) См. выше, стр. 251 и слѣд., 255 и слѣд.

[3]) См. стр. 270. [4]) См. выше стр. 271—280. [5]) Стр. 280—297.

[6]) Стр. 297—299.

[7]) На стр. 300—301 въ видѣ примѣровъ приведены нѣкоторыя общія категоріи этого разнообразія, но внимательный читатель найдетъ гораздо большее количество такихъ примѣровъ и въ другихъ мѣстахъ нашего труда.

чтобы подвести все это разнообразіе подъ нѣкоторыя общія рубрики и расположить послѣднія въ извѣстной системѣ, которою по отношенію къ разсматриваемой области фактовъ можетъ быть, какъ мы думаемъ, только ихъ градація [1]), или говоря точнѣе — градаціи, такъ какъ отдѣльныя личности могутъ быть ставимы одна рядомъ съ другою или одна надъ другою въ весьма различныхъ отношеніяхъ [2]), хотя, конечно, изъ всѣхъ отношеній можно выбрать одно главное и этимъ упростить свою систематизацію. Въ связи со всѣми предыдущими разсужденіями мы выдвигаемъ на первый планъ бо́льшую или меньшую самостоятельность замысла и независимость дѣйствія [3]), а въ градаціи, основанной на этомъ принципѣ, найдетъ свое мѣсто и грубая противоположность между «героемъ» и толпою, не принимающая въ расчетъ всей сложности и всего разнообразія, представляемыхъ исторической дѣйствительностью [4]). Стоя на разныхъ ступеняхъ того, что мы позволимъ себѣ назвать прагматической градаціей, отдѣльныя личности находятся между собою въ весьма сложномъ и разнообразномъ взаимодѣйствіи [5]), при чемъ и «герои» дѣйствуютъ на толпу, и толпа на «героевъ» [6]), но дѣйствіе дѣйствію рознь, на что мы обратили особое вниманіе (преимущественно со стороны большей или меньшей переработки дѣйствія одного лица на другое во внутреннемъ мірѣ того, кто поступаетъ подъ вліяніемъ другого) [7]). Опредѣляя историческое значеніе великихъ людей вообще, историки и философы стараются отвѣтить на вопросъ, *что* они производятъ [8]), мало интересуясь тѣмъ, *какъ* они это дѣлаютъ, т.-е., другими словами, стремятся понять ихъ роль только въ результатахъ ихъ дѣятельности, предполагающихъ ихъ вліяніе на другихъ, а не въ ея основахъ, которыя заключаются въ томъ, что крупные историческіе дѣятели не просто воспроизводятъ въ своей дѣятельности прагматическія вліянія, коимъ подвергаются со стороны общества, но самостоятельно ихъ перерабатываютъ сообразно съ особыми психическими и соціальными условіями своей дѣятельности. Между прочимъ, многіе мыслители прямо высказываютъ мысль, что крупныя историческія личности только ускоряютъ ходъ исторіи, не обращая достаточнаго вниманія на то, что онѣ своею дѣятельностью могутъ не только ускорять (по нашему мнѣнію, и замедлять), но и направлять ходъ событій [9]), такъ какъ ускореніе или замедленіе однѣхъ сторонъ историческаго движенія отражается на самомъ его характерѣ и такъ какъ то или другое вліяніе личности на событія обусловлено тѣмъ, какъ она понимаетъ ихъ ходъ и въ

---

[1]) Стр. 304 и слѣд., а также первая сноска на стр. 304, гдѣ указаны другія мѣста, содержащія въ себѣ ту же мысль.

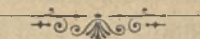
[2]) Стр. 307, 309—310. [3]) Стр. 308. [4]) Стр. 308—310. [5]) Стр. 299 и др

[6]) Стр. 319 и слѣд. [7]) См. объ этомъ въ разныхъ мѣстахъ.

[8]) Стр. 314—317, 319—324. [9]) Стр. 318—319.

какомъ направленіи стремится на него дѣйствовать. Притомъ, говоря вообще о роли личности въ исторіи, многіе писатели, къ сожалѣнію, даютъ въ сущности только обобщенія частныхъ случаевъ, вслѣдствіе чего ихъ формулы часто отличаются односторонностью. Послѣдняя весьма часто обнаруживается при анализѣ воззрѣній, стремящихся объяснить причину того содѣйствія, которое встрѣчаютъ со стороны общества крупныя историческія личности: на нашъ взглядъ въ эту область вносится слишкомъ много идеализаціи, дѣлающей изъ каждаго историческаго дѣятеля выразителя народной думы, да еще такой думы, которая сама непремѣнно направлена на общественное благо, тогда какъ на дѣлѣ всѣ историческіе дѣятели, какъ крупные, такъ и мелкіе, встрѣчаютъ со стороны другихъ людей не только содѣйствіе, но и противодѣйствіе, при чемъ и то, и другое можетъ имѣть весьма разнообразныя причины, на что большая часть писателей, касавшихся предмета, опять не обращала никакого вниманія [1]). Отсюда возникаютъ одностороннія и ложныя представленія объ отношеніяхъ между героемъ и толпой, между историческимъ дѣятелемъ и окружающимъ его обществомъ, представленія, требующія значительныхъ дополненій и поправокъ [2]). Послѣднія могутъ быть даны лишь признаніемъ личнаго начала въ смыслѣ всего, составляющаго внутреннюю сущность человѣка и отличающаго его отъ другихъ людей [3]). Оканчивая опредѣленіемъ личнаго начала первую часть настоящаго тома, мы разрѣшаемъ вопросъ о «героѣ» и толпѣ указаніемъ на то, что личное начало проявляется въ весьма неодинаковыхъ дозахъ въ отдѣльныхъ индивидуумахъ [4]), и поставили одинъ изъ главныхъ вопросовъ второй части, вопросъ о личной оригинальности.

Итакъ, разсматривая прагматическій процессъ, какъ дѣятельность общества, въ которой поступками однихъ его членовъ вызываются поступки другихъ, мы, въ концѣ концовъ, находимъ, что прагматическія вліянія однихъ людей на другихъ подвергаются большей или меньшей внутренней переработкѣ, прежде чѣмъ стать причинами новыхъ поступковъ. Не всѣ люди по степени своего развитія и по соціальному положенію бываютъ одинаково способны или бываютъ вообще въ состояніи значительно перерабатывать эти вліянія и тѣмъ вносить въ особенно замѣтной мѣрѣ свое *я* въ ходъ событій, не играя роли простого отраженія чужой дѣятельности или орудій чужой воли, но въ этой-то внутренней переработкѣ прагматическихъ вліяній и состоитъ роль личности, какъ таковой, въ историческомъ процессѣ, взятомъ съ его прагматической стороны.

[1]) Стр. 325—330. [2]) Стр. 329 и слѣд. [3]) Стр. 330 и слѣд. [4]) Стр. 334.

ЧАСТЬ II.

ЛИЧНОСТЬ ВЪ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ.

ГЛАВА I.

Постановка новаго вопроса о роли личности въ исторіи.

Предварительныя замѣчанія о содержаніи второй части.—Въ какомъ смыслѣ употребляется здѣсь терминъ «культура»?—Элементы культуры и культурныя группы.—Отношеніе къ культурѣ со стороны общей исторіи и теоріи историческаго процесса.—Вопросъ о культурномъ вліяніи.—Творчество элементовъ культуры по представленію философовъ XVIII в.—Идея саморазвитія въ лингвистикѣ и политикѣ.—Эволюціонизмъ вообще.—Необходимость выяснить роль личнаго начала при принятіи эволюціоннаго ученія.

Вторая часть настоящаго труда, которую мы цѣликомъ посвящаемъ вопросу о роли личности въ культурной исторіи, вслѣдствіе трехъ причинъ, имѣющихъ сейчасъ быть указанными, выходитъ болѣе короткою, нежели первая, посвященная вопросу о роли личности въ прагматической исторіи. Прежде всего, обратимъ вниманіе на то, что въ первой части, хотя и занятой ролью личности въ прагматическомъ процессѣ, намъ пришлось знакомиться съ разными взглядами на значеніе личнаго начала въ исторіи вообще, а не въ одной только прагматической, такъ какъ всѣ авторы, касавшіеся этого предмета, не различали двухъ отдѣльныхъ сторонъ историческаго процесса и высказывали свои соображенія, имѣя въ виду одинаково и сцѣпленіе событій, и измѣненіе культурно-соціальныхъ условій жизни, а иногда даже интересовались послѣднимъ въ большей степени, нежели первымъ, такъ что въ настоящей части нашего труда мы уже имѣемъ право освободить себя отъ такого разбора чужихъ воззрѣній, какой

сдѣланъ былъ нами въ первой части. Во-вторыхъ, многія мысли, высказанныя нами самими относительно прагматическаго процесса и роли личности въ этомъ процессѣ, могутъ имѣть нѣкоторое примѣненіе и къ личному началу въ культурной исторіи, вслѣдствіе чего часть нашей задачи по рѣшенію послѣдняго вопроса можно считать уже выполненною попутно при изслѣдованіи перваго вопроса, а это также, разумѣется, сокращаетъ предстоящую намъ работу. Въ-третьихъ, въ томъ лишь случаѣ мы могли бы не такъ скоро исчерпать предметъ, если бы, кромѣ изслѣдованія вопроса въ общей формѣ (роль личности въ эволюціи культуры вообще), у насъ была возможность заняться изслѣдованіемъ нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ—именно о значеніи личнаго начала въ историческомъ развитіи отдѣльныхъ элементовъ въ культурѣ, каковы языкъ и техническія искусства, религія и мораль, философія и наука, художества и литература, политическія учрежденія, право и экономическое устройство, но такой возможности мы, къ сожалѣнію, лишены, такъ какъ научныя дисциплины, спеціально занимающіяся перечисленными элементами культуры, большею частью совершенно игнорировали интересующій насъ предметъ, вслѣдствіе чего онъ и разсматривался почти всегда только въ общей формѣ (исключенія представляютъ изъ себя главнымъ образомъ исторія права и исторія литературы, въ теорію коихъ мы только и сдѣлаемъ экскурсію въ концѣ настоящей части). И тутъ, какъ и въ первой части, намъ слѣдуетъ прежде всего поставить вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію: этому-то и будетъ посвящена первая глава. Самымъ вопросомъ мы займемся въ двухъ слѣдующихъ главахъ, которыя должны соотвѣтствовать двумъ послѣднимъ главамъ предыдущей части, послѣ чего мы и сдѣлаемъ упомянутую экскурсію въ область теоріи развитія права и литературы [1]). Если въ дальнѣйшемъ намъ и придется касаться предметовъ, уже разсматривавшихся въ предыдущихъ главахъ (напр., о причинности, о законахъ и т. д.), то лишь по той причинѣ, что теорія культурной эволюціи открываетъ въ этихъ предметахъ такія стороны, которыхъ какъ-бы совершенно не существуетъ для теоріи прагматическаго процесса, и потому еще, что разсмотрѣніе нѣкоторыхъ ихъ сторонъ, важныхъ и для теоріи послѣдняго, съ большимъ удобствомъ можетъ быть сдѣлано только при изслѣдованіи особенностей культурной эволюціи. Итакъ, напомнимъ въ общихъ чертахъ, какого рода фактами занимается культурная исторія, въ чемъ

---

[1]) Между главами первой и второй частей есть, такимъ образомъ, извѣстный параллелизмъ, если изъ первой исключить главы II—IV, какъ содержащія въ себѣ изложеніе и разборъ чужихъ мнѣній, а изъ второй—главу IV, какъ имѣющую характеръ спеціальнаго дополненія: первой главѣ второй части въ первой части соотвѣтствуютъ первая и пятая, второй—шестая и третьей—седьмая.

заключается сущность изучаемыхъ ею конкретныхъ процессовъ и сообразно со всѣмъ этимъ какой вопросъ о личности въ культурной исторіи можетъ быть поставленъ при изслѣдованіи сущности культурной эволюціи, отвлеченно взятой.

Факты, совокупность коихъ составляетъ культурную въ широкомъ смыслѣ слова сторону исторіи, суть, какъ мы знаемъ, не историческія событія и движенія, т.-е. не дѣйствія, не поступки людей, а, такъ сказать, формы и образы матеріальной, духовной и общественной жизни и дѣятельности людей, сводящіяся въ послѣднемъ анализѣ къ извѣстнымъ жизненнымъ привычкамъ и къ извѣстнымъ навыкамъ въ разнаго рода дѣятельностяхъ. Задача культурной исторіи — представить свой научный матеріалъ въ такой системѣ, чтобы каждый могъ прослѣдить, какъ одни формы и образы людской жизни и дѣятельности возникали изъ другихъ и переходили въ новые и новые, т.-е. въ сущности, какъ измѣнялись лежащіе въ основѣ этихъ образовъ и формъ привычки и навыки [1]). Такъ какъ культурный процессъ состоитъ въ измѣненіяхъ явленій, совокупность коихъ составляетъ то, что мы называемъ культурой, то теорія этого процесса, отвлеченно взятаго, должна заняться вопросомъ о томъ, какъ происходятъ эти измѣненія. Безъ причинъ ничто не совершается нигдѣ, а потому идея причинности должна быть изслѣдована не только по отношенію къ прагматическимъ фактамъ, но и по отношенію къ фактамъ культурнымъ. Мы видѣли, что если каузальная связь господствуетъ въ разсмотрѣніи прагматическихъ фактовъ, то для изслѣдователя фактовъ культурныхъ особое значеніе имѣетъ связь эволюціонная [2]), которая также представляетъ свои особенности: между прочимъ, мы покажемъ, что столь тѣсно связанный съ идеей причинности вопросъ о законахъ получаетъ въ культурной исторіи нѣсколько иную постановку вслѣдствіе того, что здѣсь подъ законами разумѣются формулы, содержаніемъ коихъ является не связь причины со слѣдствіемъ, а связь двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ моментовъ въ развитіи какой-либо формы. Измѣненія, эволюціонную связь коихъ прослѣживаетъ культурная исторія, немыслимы безъ измѣненій въ человѣческихъ дѣятельностяхъ, вслѣдствіе чего дальнѣйшая задача теоріи культурнаго процесса заключается въ томъ, чтобы постичь взаимоотношенія, существующія между тѣми и другими измѣненіями: какія изъ

---

[1]) О задачахъ культурной исторіи было писано довольно много. Отмѣтимъ спеціально посвященныя этому сочиненія: *Du Bois-Reymond*. Culturgeschichte und Naturwissenschaft 1878. *Jodl*. Die Culturgeschichtsschreibung, ihre Entwickelung und ihre Problem. 1878. *Ottokar Lorenz*. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. 1886. *Gothein*. Die Aufgabe der Kulturgeschichte. Leipzig. 1889, и мн. др.

[2]) См. выше, стр. 4—5.

нихъ суть причины, какія — слѣдствія, или же и тѣ, и другія могутъ быть въ однихъ случаяхъ причинами, въ другихъ слѣдствіями? Если, далѣе, измѣненія въ дѣятельностяхъ могли бы разсматриваться, какъ причины измѣненій въ культурѣ, то возникаетъ еще вопросъ: насколько и всегда ли вызываются послѣднія сознательными стремленіями людей къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ? Съ другой стороны отношенія личности къ окружающей ее средѣ, въ смыслѣ зависимости первой отъ послѣдней и зависимости послѣдней отъ первой, и взаимныя отношенія личностей между собою, въ смыслѣ культурнаго вліянія однѣхъ на другія [1]), становятся весьма важными предметами изслѣдованія, разъ нами будетъ дознано, что измѣненія въ дѣятельностяхъ бываютъ причинами и слѣдствіями культурныхъ перемѣнъ, и что во многихъ случаяхъ перемѣны эти были бы немыслимы, если бы люди не были способны перенимать другъ отъ друга свои взгляды, подражать другъ другу въ своей дѣятельности и т. п. Все это наконецъ прямо подводитъ насъ къ вопросу, который мы дѣлаемъ центральнымъ въ настоящей «книгѣ»: какую роль играетъ личность въ наступленіи перемѣнъ, происходящихъ въ культурныхъ формахъ?

Прежде нежели, однако, мы дадимъ этому вопросу болѣе обстоятельную формулировку, намъ нужно опредѣлить, въ какомъ смыслѣ мы будемъ говорить въ этой части нашего труда о культурѣ, предоставляя себѣ право дать понятію культуры научное опредѣленіе лишь въ той главѣ, гдѣ мы будемъ разсматривать ея взаимоотношенія съ личностью. Такое указаніе на значеніе слова безъ болѣе точнаго его опредѣленія было бы, пожалуй, излишне, если бы существовалъ общепринятый словарь соціологическихъ и исторіософическихъ терминовъ. Намъ уже извѣстно, напримѣръ, что слова—«прагматизмъ», «прагматическій» имѣютъ весьма неодинаковое значеніе у разныхъ писателей [2]): было бы неудобно употреблять эти слова, не указавши на тотъ смыслъ, какой мы съ ними соединяемъ. То же самое слѣдуетъ сдѣлать и по отношенію къ другому термину, играющему аналогическую роль въ нашемъ трудѣ. Терминъ «культура» заимствованъ былъ русской литературой у нѣмцевъ: французы употребляютъ слово «цивилизація» во многихъ изъ тѣхъ случаевъ, когда нѣмцы пользуются выраженіемъ «культура», и, напримѣръ, нѣмецкому—«культурные народы» (Kulturvölker) почти вполнѣ соотвѣтствуетъ французское — «цивилизованныя націи» (nations civilisées). У насъ въ ходу оба слова, но каждое порознь и оба въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ опредѣляются различнымъ образомъ. Иногда у насъ культура и цивилизація—одно и то же, иногда различаются: мы пріурочиваемъ иногда первое понятіе къ быту дикарей и варварскихъ народовъ вопреки нѣ-

[1]) См. выше, стр. 219. [2]) См. выше, стр. 197 и слѣд.

мецкому словоупотребленію, а второе ко всей образованности и гражданственности передовыхъ націй; иногда видимъ въ культурѣ совокупность формъ жизни, характеризующихъ данное общество въ данный моментъ, а въ цивилизаціи — процессъ переработки низшихъ формъ въ высшія [1]); иногда разумѣемъ подъ однимъ словомъ одну сторону общественности у каждаго народа, подъ другимъ—другую и т. п. И безотносительно къ понятію цивилизаціи слово «культура» мѣняетъ свой смыслъ, получая то болѣе широкое, то болѣе узкое значеніе, служа для обозначенія то однихъ, то другихъ явленій исторической жизни. Напримѣръ, культурную исторію весьма часто противополагаютъ политической, разумѣя подъ послѣднею не одну исторію политическихъ дѣяній, но и исторію политическихъ формъ, общественнаго строя, учрежденій, и тогда подъ понятіе культуры народа особенно подводятся его религія, философія, поэзія, искусство и т. д Это, однако, не мѣшаетъ намъ въ иныхъ случаяхъ встрѣчаться съ отдѣленіемъ культуры отъ религіи, литературы и т. п., какъ чего-то особаго, но безъ болѣе точнаго опредѣленія, что̀ же разумѣется тогда подъ культурой, подъ культурнымъ и т. п. Напримѣръ, каждому изъ насъ попадаются въ книгахъ такія выраженія, какъ «религіозныя, литературныя и культурныя вліянія», «національныя, религіозныя и культурныя связи», «литература, искусство и культура» и т. п. Съ другой стороны, одни при словахъ—«культура народа» готовы прежде всего мыслить внѣшнія стороны общественнаго быта (жилища, одежду, домашнюю утварь, технику, обычаи); другимъ, наоборотъ, приходятъ въ голову явленія, въ коихъ заключается духовное содержаніе жизни (религія, философія, литература, искусство и т. п.), тогда какъ третьи сверхъ всего этого мыслятъ подъ культурой и содержаніе всей общественности (т.-е. въ томъ числѣ и чисто-соціальныя явленія политики, права, народнаго хозяйства). Мы употребляемъ слово въ самомъ широкомъ значеніи, подразумѣвая подъ нимъ совокупность всѣхъ формъ матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта народовъ, все, что понимается подъ русскими словами: бытъ, образованность, гражданственность, общественность и т. п. Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ право говорить о разныхъ элементахъ культуры, каковыми будутъ отдѣльныя системы формъ, характеризующихъ то или другое общество, т.-е. система взаимодѣйствія его членовъ (рѣчь, письменность, печать и т. д.), системы его міровоззрѣній (религія и мораль, философія и наука), поведенія и дѣятельностей (нравы, обычаи, техника, искус-

[1]) Въ русской соціологической литературѣ сдѣлана была попытка установить именно такое различіе между культурой и цивилизаціей. См., напримѣръ, уже раньше указывавшуюся (стр. 73) статью «Цивилизація и дикія племена», особый § которой (по счету 17) подъ заглавіемъ «Два элемента цивилизаціи» посвященъ этому предмету.

ство), соціальныхъ отношеній (политическій, юридическій, экономическій бытъ) и пр. Въ такомъ смыслѣ уже давнымъ давно разные писатели, анализируя понятіе культуры, пытались классифицировать ея элементы [1]), и мы съ своей стороны представили собственную классификацію во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* [2]). Въ нѣсколько измѣненной формѣ мы можемъ передать ее здѣсь такимъ образомъ: культуру народа составляютъ его *идеи* (религія, философія, мораль, наука, политическія традиции, правовыя воззрѣнія и т. п.), *учрежденія*, въ основѣ коихъ лежатъ отношенія (политическій и соціальный строй, дѣйствующее право, экономическія отношенія) и *навыки* въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. формы, въ коихъ обычнымъ образомъ проявляются разныя дѣятельности членовъ общества (языкъ, жизненныя привычки, обычаи, общественныя приличія, пріемы промышленной и художественной техники, научные методы и т. п.); матеріальные же предметы (жилища, одежда, домашняя утварь, оружіе, орудія труда, машины и т. п.) суть только показатели культуры (именно культуры навыковъ), а не сама культура [3]). Вовсе не думая, что наша классификація элементовъ культуры наилучшая изъ всѣхъ классификацій, мы ее приводимъ главнымъ образомъ для того, чтобы указать на то, какія явленія охватываются понятіемъ культуры въ нашемъ смыслѣ, а отчасти и для того, чтобы, не давая пока точнаго опредѣленія нашему понятію (что удобнѣе будетъ сдѣлать въ другой связи) [4]), тѣмъ не менѣе дать понять, что въ основѣ культуры мы видимъ, такъ сказать, обычное содержаніе, направленіе и форму человѣческихъ дѣятельностей, будутъ ли онѣ происходить во внутреннемъ мірѣ человѣка, въ мірѣ *идей*, или выступать наружу, тѣмъ самымъ либо поддерживая установившіяся между членами общества отношенія, коими обусловлено существованіе его *учрежденій*, либо привычные способы (*навыки*) достигать тѣхъ или другихъ цѣлей, какія только можетъ себѣ ставить человѣкъ. Этимъ, конечно, не исключается возможность иныхъ классификацій, основанныхъ на другихъ принципахъ [5]); для

---

[1]) О. В. Ф. И. II, 55 (80 sq.). Одну изъ лучшихъ системъ соціологическихъ понятій даетъ «Исторія общественности» Стронина (Спб., 1886), о чемъ см. въ III главѣ нашей критической статьи, помѣщенной въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1886 г. подъ заглавіемъ: «Чѣмъ должна быть теорія прогресса?»

[2]) О. В. Ф. И. II, 56 sq. (79 sq.).

[3]) Мы еще увидимъ (см. ниже, гл. III), что понятіе культуры шире понятія соціальной организаціи.

[4]) См. ниже, гл. III.

[5]) Напримѣръ, въ человѣческой жизни Бурдо различаетъ столько же классовъ фактовъ, т.-е. «отправленій», сколько у разума спеціальныхъ способностей, а по его счету такихъ «функцій» существуетъ шесть: индустріальная, аффективная, эстетическая, интеллектуальная, моральная и соціальная, коимъ соотвѣтствуютъ понятія пользы, добра (le bon), красоты, истины, блага (le bien) и справед-

цѣлей же нашей работы важно было распредѣлить отдѣльные элементы культуры по классамъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ различія въ дѣятельностяхъ, содержаніе, направленіе и форма коихъ, болѣе или менѣе постоянныя и общія для многихъ индивидуумовъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усвоиваются путемъ подражанія и поддерживаются путемъ привычки.

Коллективнымъ носителемъ культуры для этнографа, историка, психолога и соціолога является обыкновенно народъ, или нація, но это еще не значитъ, чтобы отдѣльные элементы культуры не могли быть, съ одной стороны, международными, т.-е. универсальными въ противоположность строго-національнымъ, а съ другой, болѣе или менѣе групповыми въ противоположность общенароднымъ. Значеніе интернаціональнаго культурнаго элемента принадлежитъ, наприм., такъ называемымъ универсальнымъ религіямъ: хотя православіе, положимъ, есть одинъ изъ элементовъ русской культуры, оно не есть столь же національно-русское явленіе, какимъ всякій считаетъ русскій языкъ, такъ какъ въ культурную группу православныхъ народовъ входятъ, кромѣ русскихъ, болгары, сербы, румыны, греки и т. д. Съ другой стороны, есть элементы культуры, характеризующіе не цѣлый народъ, а отдѣльные его классы или группы: общенароднымъ элементомъ является, наприм., языкъ, самъ, однако, состоящій изъ отдѣльныхъ говоровъ и нарѣчій и представляющій разныя степени обработки (простонародная рѣчь, разговорный языкъ образованнаго общества, литературный языкъ), потому что умѣніе говорить на извѣстномъ языкѣ принадлежитъ всѣмъ членамъ народа, тогда какъ, положимъ, та или другая обычная и популярная литературная форма характеризуетъ только классъ писателей (и отчасти читателей), тотъ или другой научный методъ—только классъ ученыхъ, тѣ или другія философскія воззрѣнія—лишь то меньшинство, въ которомъ они вырабатываются и распространяются. Научная точность требуетъ, чтобы мы, говоря объ отдѣльныхъ элементахъ культуры, не дѣлали носителями ихъ непремѣнно весь народъ или все общество въ полномъ составѣ: носительницами отдѣльныхъ элементовъ являются бо̀льшія или меньшія группы, которыя иногда выступаютъ за предѣлы народа, охватывая собою нѣсколько націй, иногда включаютъ въ себя лишь дробныя части одного и того же народа, иногда образуются изъ дробныхъ частей разныхъ націй (примѣръ: біологи-дарвинисты, соціологи-позитивисты, философы-пессимисты, романисты-натуралисты, экономисты-протекціонисты и т. п., разныхъ націй). Каждому элементу культуры соотвѣтствуетъ такимъ образомъ особая культурная группа,

ливости, 170. Каждая изъ этихъ главныхъ функцій можетъ подраздѣляться на болѣе простыя «функціи», при чемъ, между прочимъ, къ «функціи аффективной» отнесены у Бурдо религіозное чувство, а къ эстетической—языкъ, 171.

и личность въ силу дискретности общественныхъ тѣлъ [1]) можетъ одновременно въ разныхъ отношеніяхъ принадлежать къ разнымъ группамъ. Вмѣстѣ съ этимъ каждая группа способна раздѣляться на подгруппы вслѣдствіе того, что ихъ особенности могутъ варьироваться въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ причинъ, не говоря уже о томъ, что отдѣльныя личности, входящія въ составъ тѣхъ или другихъ языковыхъ, вѣроисповѣдныхъ, профессіональныхъ, партійныхъ, школьныхъ (въ смыслѣ школъ философскихъ, эстетическихъ, литературныхъ и т. п.) и всякихъ иныхъ группъ, равнымъ образомъ могутъ представлять большія особенности, дѣлающія изъ нихъ какъ бы исключенія изъ общаго правила, господствующаго въ данныхъ группахъ. Отсюда же возможность и иногда едва замѣтныхъ переходовъ между отдѣльными группами или подгруппами. Все это необходимо имѣть въ виду, разъ мы не хотимъ приписывать «всѣмъ» того, что относится только къ «нѣкоторымъ»: точность прежде всего, и огульныя ссылки на народъ, на общество, на всѣхъ—тамъ, гдѣ завѣдомо рѣчь должна была бы идти только о части народа, объ одномъ классѣ, сословіи, группѣ, о нѣкоторыхъ (многихъ или немногихъ) лицахъ, не имѣютъ права на значительную роль въ исторіи и въ политикѣ. И тогда, когда мы говоримъ о культурномъ вліяніи, которому подчиняется личность или которое она сама оказываетъ, нужно различать, кто на нее вліяетъ и на кого она вліяетъ. Въ языкѣ я больше завишу отъ всѣхъ, чѣмъ въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ, и общепонятная, общедоступная идея, которую я выскажу, можетъ сдѣлаться достояніемъ очень многихъ, тогда какъ какое-либо спеціальное воззрѣніе можетъ только повліять на небольшую профессіональную группу.

Замѣтимъ еще, что съ точки зрѣнія общей исторіи народа или человѣчества, съ точки зрѣнія человѣческой жизни, такъ или иначе обусловливающейся культурою, мы имѣемъ право дѣлить культурные элементы на существенные и несущественные, на важные и неважные. Съ этой точки зрѣнія уже давно возникалъ вопросъ о существенномъ содержаніи исторіи, въ которой, конечно, идеямъ принадлежитъ болѣе важное значеніе, чѣмъ способамъ приготовлять кушанья, учрежденіямъ болѣе важное значеніе, чѣмъ покроямъ платья, перемѣнамъ въ промышленной техникѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ измѣненіямъ въ произношеніи словъ или въ орѳографіи. Но для теоріи культурной эволюціи, изслѣдующей, какъ происходятъ перемѣны въ элементахъ культуры вообще, они всѣ имѣютъ одинаковое значеніе. Однако, нѣкоторыя соображенія, высказанныя нами въ первомъ томѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* по вопросу о существенномъ содержаніи

---

[1]) См. О. В. Ф. И., II, 81 sq. (114 sq.).

культурной исторіи, заключаютъ въ себѣ кое-что пригодное и для интересующей насъ теоріи. «Въ классификаціи, писали мы тамъ, существенное получается посредствомъ отвлеченія мысли отъ несходныхъ признаковъ у однородныхъ предметовъ: сравнивая между собою исторіи отдѣльныхъ народовъ, мы найдемъ общій ихъ признакъ—*постоянныя перемѣны въ состояніи общества, въ его культурѣ и соціальной организаціи;* тамъ, гдѣ нѣтъ этого признака, нѣтъ исторіи; существенное, слѣдовательно, въ исторіи—постоянная измѣняемость общественныхъ состояній. Но неизмѣннаго, собственно говоря, ничего не существуетъ, и важно знать, какія именно перемѣны существенны, чѣмъ одно состояніе общества существенно отличается отъ другого. О состояніи общества мы судимъ *по дѣйствію въ немъ общихъ причинъ:* пока онѣ остаются тѣ же, онѣ вызываютъ повтореніе однородныхъ фактовъ,—измѣнились причины, и факты начинаютъ повторяться другіе. Существенное въ каждомъ періодѣ историческаго бытія народа заключается въ *суммѣ наибольшаго количества однородныхъ фактовъ:* статистическое обобщеніе фактовъ, повторяющихся въ наибольшемъ количествѣ, рѣшаетъ вопросъ съ этой стороны, давая характеристику культурнаго и соціальнаго состоянія общества. У номологіи точка зрѣнія иная—обособленіе процессовъ отъ постороннихъ вліяній, и существеннымъ въ процессѣ является *необходимая послѣдовательность его моментовъ.* Если исторія есть рядъ перемѣнъ въ состояніи общества, или въ однородныхъ фактахъ, повторяющихся въ наибольшемъ количествѣ, то съ точки зрѣнія номологической наиболѣе существенна та смѣна однихъ повторяющихся фактовъ другими, которая происходитъ по закону историческаго развитія, т.-е. когда между смѣнившимися фактами существуетъ не внѣшнее только различіе, но и внутреннее. Соединивъ все сказанное, мы получимъ такое опредѣленіе существеннаго содержанія исторической науки: изображеніе перемѣнъ въ состояніи общества, измѣненій въ общихъ теченіяхъ его дѣятельности, его переходовъ на высшія ступени развитія [1])». Говоря это, я имѣлъ, какъ было сказано, въ виду исключительно общую исторію и притомъ, поскольку она подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія идеи прогресса. Поэтому особенно важно было опредѣлить, какіе факты существенны съ этой точки зрѣнія и какіе—нѣтъ. Сказавъ, что исторія должна заниматься перемѣнами, что перемѣна наступаетъ тогда, когда одни повторяющіеся факты смѣняются другими, я этимъ еще не опредѣлялъ, какіе повторяющіеся факты существенны. Для этого требовались новыя соображенія, которыя и были изложены нами въ другомъ мѣстѣ. «Люди ложатся спать въ десять часовъ вечера и встаютъ въ шесть утра—вотъ рядъ повторяющихся въ громадномъ

---

[1]) О. В. Ф. И. I, 159—160 (288—289).

количествѣ фактовъ; съ теченіемъ времени люди стали ложиться въ одиннадцать и вставать въ половинѣ восьмого — вотъ перемѣна. Должна ли общая исторія отмѣчать всѣ подобныя перемѣны или можетъ ограничиться только нѣкоторыми? Если существеннымъ мы назовемъ то, что чаще всего повторяется, то можетъ ли что-нибудь повторяться чаще, какъ обыденныя привычки? Статистическій принципъ въ такомъ примѣненіи привелъ бы насъ къ самымъ страннымъ результатамъ: мы нашли бы замѣну одного мелочного, но очень часто повторяющагося факта другимъ, болѣе важною, нежели замѣну болѣе крупнагс факта, сравнительно рѣдко повторявшагося, другимъ фактомъ. Не въ этомъ смыслѣ мы можемъ говорить о важности перемѣны, а совсѣмъ въ другомъ. Въ каждомъ предметѣ есть признаки существенные и несущественные, и важно только измѣненіе первыхъ: люди не перестаютъ быть людьми, въ которомъ бы часу ни ложились и ни вставали. Исторія, напр., фонетики и морфологіи какого-либо языка есть исторія не человѣка, а одного изъ его несущественныхъ признаковъ: вотъ если бы, вмѣсто рѣчи, люди стали для взаимныхъ объясненій прибѣгать къ жестамъ, это было бы существенною перемѣною. Во-вторыхъ, каждое измѣненіе въ существенномъ признакѣ предмета вызываетъ массу другихъ измѣненій: важною поэтому мы можемъ назвать ту перемѣну, которая дѣлается причиной многихъ другихъ перемѣнъ. Но то же самое можетъ произойти и безъ перемѣны существеннаго признака: дѣятельность великаго человѣка, т.-е. совокупность повторяющихся, но сравнительно очень нечасто однородныхъ по значенію фактовъ, не составляетъ существеннаго признака жизни народа въ извѣстную эпоху, а между тѣмъ наступленіе такой дѣятельности можетъ имѣть вліяніе на возникновеніе многихъ перемѣнъ. Существенна поэтому перемѣна, на которую можно смотрѣть, какъ на причину, вызвавшую многія другія. Итакъ, важны перемѣны въ существенныхъ признакахъ предмета и по своимъ результатамъ. Но мы еще все-таки не знаемъ, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь, результаты для кого мы имѣемъ въ виду. Кто же въ концѣ концовъ—предметъ исторіи, какъ не человѣкъ, какъ не люди, и для кого результаты разныхъ перемѣнъ, съ которыми имѣетъ дѣло исторія, бываютъ такъ важны, какъ не для человѣка? Можно, слѣдовательно, сказать, что въ исторіи важно все, что вызываетъ перемѣну въ существенныхъ признакахъ человѣка или такъ или иначе отражается на его бытіи» [1]). Отсюда и сдѣланъ былъ нами переходъ къ вопросу о прогрессивности или регрессивности перемѣнъ, т.-е. къ ихъ оцѣнкѣ. «Какъ можетъ измѣняться существенный признакъ? Подмѣна его другимъ немыслима, ибо тогда вещь перестала бы быть собою и

---

1) Ibid., II, 164—165 (295—296).

сдѣлалась бы другою. Остается признать измѣненіе только количественное, а не качественное, т.-е. усиленіе или ослабленіе существеннаго признака, его развитіе или постепенную атрофію. Первое измѣненіе мы назовемъ прогрессивнымъ, второе регрессивнымъ. Но для прогресса и регресса необходимы извѣстныя условія, которыя и даются измѣнчивою надъ-органическою средою; поэтому въ послѣдней важны только тѣ элементы, которые являются условіями прогресса или регресса, и только тѣ перемѣны, которыя отражаются на прогрессѣ или регрессѣ. Съ другой стороны, перемѣны въ важныхъ для человѣка условіяхъ существованія, каковыми являются системы повторяющихся фактовъ, отражаются на немъ и иначе, создавая для него средства или лишая его средствъ удовлетворенія его существенныхъ потребностей. Развитіе и удовлетвореніе потребностей идутъ рука-объ-руку: не можетъ развиваться то, что страдаетъ отъ лишеній. Поэтому важны въ исторіи всѣ факты, которые создаютъ новыя условія, худшія или лучшія, для развитія человѣчества и удовлетворенія его потребностей» [1]).

Приводя эти мѣста изъ *Основныхъ вопросовъ*, я имѣлъ цѣлью не только выяснить разницу, которая должна существовать въ отношеніи къ культурѣ со стороны общей исторіи и со стороны теоріи историческаго процесса, но указать на нѣкоторыя стороны этого процесса. Существенное эволюціи каждаго элемента культуры есть также его измѣняемость; и здѣсь также повтореніе членами культурной группы извѣстныхъ фактовъ замѣняется повтореніемъ другихъ фактовъ (хотя бы и происшедшихъ изъ прежнихъ), когда однѣ общія причины, дѣйствующія въ группѣ, замѣняются другими; и здѣсь весьма важна статистика повторяющихся фактовъ, которая рѣшаетъ вопросъ, произошло ли измѣненіе, началось ли измѣненіе или же все осталось по-старому [2]), и по отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ культуры—и, пожалуй, именно только по отношенію къ нимъ — возникаетъ вопросъ о закономѣрной смѣнѣ старыхъ формъ новыми. Но для теоріи культурнаго процесса, поскольку она задается вопросомъ о томъ, *какъ* происходятъ измѣненія, безразлично, какую роль и сами элементы культуры, и ихъ трансформаціи играютъ въ жизни людей. Для этой теоріи, пожалуй, особеннно важны, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ, какъ-разъ такіе факты, которыми пренебрегаетъ общая исторія: чѣмъ большее число разъ въ пространствѣ и времени повторяется фактъ, тѣмъ, значитъ, онъ привычнѣе, тѣмъ болѣе подчинены этой привычкѣ дѣйствія тѣмъ бóльшаго числа людей. За всѣмъ тѣмъ, однако, и на исторію отдѣльныхъ элементовъ

---

[1]) Ibid., I, 165—166 (296).

[2]) Большое значеніе статистическому методу въ исторіи приписываетъ Бурдо.

культуры мы имѣемъ право распространить то, что по отношенію къ общей исторіи говорилось объ особой важности измѣненій въ существенныхъ сторонахъ предмета, насъ интересующаго, о вызовѣ одними измѣненіями другихъ, о созданіи новыхъ условій для существованія этого предмета. Наконецъ, теоріи культурнаго процесса, занимающейся лишь изслѣдованіемъ «quo modo» культурныхъ перемѣнъ, совершенно чужды должны быть соображенія о ихъ прогрессивности и регрессивности: не отказываясь отъ прежняго своего взгляда на то, какъ должна относиться къ культурѣ общая исторія и тѣмъ болѣе философія исторіи, мы сознательно устраняемъ изъ теоріи культурнаго процесса (какъ теоріи эволюціи, а не прогресса) [1]) элементъ субъективной оцѣнки составляющихъ этотъ процессъ перемѣнъ. Объ этомъ мы, впрочемъ, заявили во вступленіи къ настоящему труду [2]) и на то же самое указывали при разсмотрѣніи вопроса о роли личности въ прагматической исторіи.

Переходимъ теперь къ самому главному.

Если вопросъ о роли личности въ прагматической исторіи мы свели вопросъ о дѣйствіи человѣка на человѣка, т.-е. одной личности на другія, вмѣстѣ съ нею совершающія исторію, то въ настоящее время намъ предстоитъ заняться изслѣдованіемъ вопроса о дѣйствіи человѣка на окружающую его культуру. Правда, тому, что мы назвали прагматическимъ вліяніемъ, мы противопоставили не это послѣднее дѣйствіе, а вліяніе человѣка на человѣка же, но только такое, въ силу котораго однимъ человѣкомъ сообщается другому то, что ихъ обоихъ причисляетъ къ опредѣленнымъ культурнымъ группамъ, когда, напр., взрослые обучаютъ дѣтей языку, учителя передаютъ ученикамъ знанія, родители воспитываютъ дѣтей въ извѣстныхъ привычкахъ, правилахъ поведенія, взглядахъ на жизнь, чувствахъ по отношенію къ людямъ и т. п. Мы противопоставили это вліяніе вліянію прагматическому, какъ культурное [3]), но не оно главнымъ образомъ здѣсь насъ интересуетъ. Хотя и оно достойно само по себѣ сдѣлаться предметомъ болѣе тщательнаго изученія со стороны коллективной психологіи [4]), но это касается только способовъ распространенія элементовъ культуры, а не способовъ ихъ измѣненія. Разъ измѣняемость этихъ элементовъ есть существенное культурной исторіи (какъ вызовъ одними поступками другихъ поступковъ есть существенное исторіи прагматической), то является вопросъ: кто и какъ производитъ куль-

---

[1]) Различіе между этими двумя понятіями съ нашей точки зрѣнія читатель можетъ найти въ О. В. Ф. И., passim.

[2]) См. стр. 2.

[3]) См. выше, стр. 219.

[4]) См. выше, стр. 188 и слѣд. Ср. стр. 174—175.

турныя перемѣны, сила ли вещей, или люди [1]), всѣ ли члены данной группы или немногія исключительныя личности? Еще проще: вопросъ ставится о томъ, производятся ли культурныя перемѣны людьми, которые передаютъ новыя формы другимъ, или онѣ происходятъ сами собою и притомъ болѣе или менѣе одновременно для всѣхъ людей. Еще короче: творчество или саморазвитіе? Философія XVIII вѣка вѣрила въ творчество, философія XIX вѣка выдвинула идею саморазвитія. Между двумя противоположными взглядами и приходится выбирать, если только не предвидится возможности примирить ихъ въ высшемъ синтезѣ [2]).

XVIII столѣтіе въ умственной жизни Европы было героическимъ вѣкомъ раціонализма. Направленіе мысли, ничего, повидимому, не принимавшее на вѣру, для всего требовавшее доказательства, основаннаго на доводахъ разума, само покоилось на вѣрѣ, именно на вѣрѣ въ силу разума, въ его всемогущество, въ его способность все объяснить въ области теоретическаго мышленія и все создать въ области практической дѣятельности: это была вѣра въ творческія силы человѣка, вѣра въ самое творчество, руководимое сознаніемъ. Добываніе истины исключительно одною дѣятельностью разума мы противополагаемъ не только принимайію чего бы то ни было на вѣру, но и научнымъ разысканіямъ, опирающимся главнымъ образомъ на опытѣ и наблюденіи. Хотя «философія XVIII в.» внесла въ моральныя и политическія науки мнѣнія и воззрѣнія, выработанныя естествознаніемъ [3]), въ одномъ существенномъ отношеніи она не шла по пути, указывавшемся ей науками о природѣ: она отвергла опытъ и наблюденіе ради того, что по всей справедливости можно назвать идеологіей [4]). Въ этомъ смыслѣ раціонализмъ XVIII в. былъ антиисториченъ, поскольку отрицалъ все исторически сложившееся, какъ искусственное, придуманное и созданное человѣкомъ, которому были еще неизвѣстны «законы природы», и этому искусственному противопоставлялъ естественное, открываемое разумомъ и ждущее только своего возстановленія въ жизни. «Естественная религія» деистовъ, «естественное право» юристовъ и политиковъ, «естественный порядокъ» экономистовъ, назвавшихся физіократами, такъ какъ ими требовалось возвращеніе къ власти природы, къ установленію правленія естественнаго порядка, «естественный человѣкъ» морали и педагогики, «естественное состояніе», которое Руссо противополагалъ исторически сложившемуся гражданскому обществу, — всѣ эти и иныя имъ аналогичныя понятія хорошо характеризуютъ одну изъ наиболѣе распро-

---

[1]) Ср. выше вообще всю III главу первой части.

[2]) Ср. такую же альтернативу въ теоріи прагматизма, стр. 48.

[3]) Cf. *Taine*. Origines de la France contemporaine t. I, 1. III, ch. I.

[4]) Ibid., 1, III, ch. II, § III.

страненныхъ въ XVIII в. концепцій человѣка. Въ немногихъ словахъ она сводится къ такому разсужденію: человѣкъ создалъ сознательно всю свою культуру, но онъ сдѣлалъ это крайне искусственно, такъ какъ, не руководимый просвѣщеннымъ разумомъ, уклонялся отъ велѣній природы, но разумъ вступилъ въ свои права, открылъ, что все естественное есть именно то, что сообразно съ его требованіями, и тѣмъ самымъ указалъ на то, какъ долженъ поступать человѣкъ въ дальнѣйшемъ сознательномъ творчествѣ культуры. Съ этой точки зрѣнія, исторія культуры представляется исторіей сознательныхъ изобрѣтеній или открытій въ области разныхъ «искусствъ», принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ [1]). Умственное настроеніе, дававшее пищу вѣрѣ въ силу и могущество человѣческаго творчества, измѣнилось, и послѣ французской революціи, унесшей съ «старымъ порядкомъ» и многія иллюзіи «философскаго вѣка», принесшей съ новыми явленіями жизни разочарованіе во многихъ старыхъ идеяхъ, стала выдвигаться на первый планъ идея зависимости человѣка и всего имъ создаваемаго отъ историческихъ условій, отъ той окружающей дѣйствительности, на которую философы XVIII в. за немногими исключеніями, въ родѣ Монтескье, смотрѣли, какъ на искусственное созданіе человѣка, какъ на нѣчто такое, что онъ сдѣлалъ, но можетъ и передѣлать. Наоборотъ, теперь стали думать, что культура вовсе не представляетъ собою совокупности созданій свободнаго человѣческаго творчества, а есть тоже своего рода естественный продуктъ, подобно, напр., растенію [2]). Самое понятіе объ естественномъ измѣнилось: это не то, что открываетъ разумъ путемъ чистой идеологіи, противополагая вмѣстѣ съ тѣмъ естественному все созданное исторіей, какъ нѣчто ему противорѣчащее, это—то, что представляетъ изъ себя исторически сложившаяся дѣйствительность, столь отличная отъ искусственныхъ идеологическихъ построеній человѣка. Г-жа Сталь, во многихъ отношеніяхъ проявлявшая большую чуткость, такъ отмѣтила совершившійся въ ея время переворотъ: «XVIII столѣтіе высказывало свои принципы слишкомъ безусловно; XIX будетъ слишкомъ

[1]) См., напр., *Condorcet*. Tableau historique des progrès de l'esprit humain. P. 1867. I, 32, 41 (l'art de tromper les hommes... et d'usurper sur leurs opinions une autorité), 62 sq. (происхожденіе вѣрованій) и мн. др.

[2]) Ср. выше, стр. 67—68. Cf. *Шаховъ*. Французская литература въ первые годы XIX вѣка. М. 1875, стр. 179 и слѣд. Говоря о переворотѣ въ исторической наукѣ, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Миѳическіе всесильные законодатели—Миносы, Ликурги, Солоны, Нумы, дальновидные жрецы и ловкіе властелины, о которыхъ постоянно твердили вольнодумцы XVIII в., теперь отступаютъ на задній планъ. Личныя намѣренія, козни и выдумки теряютъ интересъ; историческія событія объясняются не изъ проектовъ отдѣльныхъ лицъ, а изъ всего характера эпохи; подвергаютъ изслѣдованію расу, національность, сословіе, общественную группу“.

покорно пояснять факты. Первое вѣрило въ абсолютную природу вещей, второе будетъ вѣрить только въ обстоятельства. Первое хотѣло повелѣвать будущностью, второе ограничивается изученіемъ человѣчества» [1]).

Перемѣна воззрѣній на происхожденіе культуры можетъ быть прослѣжена на отдѣльныхъ примѣрахъ. Самые выдающіеся философы XVIII вѣка энергически защищали тотъ взглядъ на происхожденіе языка, по которому послѣдній «есть изобрѣтеніе человѣческое, что слова суть искусственные знаки, и что разнообразіе человѣческой рѣчи произошло отъ различныхъ націй, согласившихся употреблять различные звуки, какъ наиболѣе выразительные знаки для ихъ различныхъ идей» [2]). По словамъ извѣстнаго лингвиста Макса Мюллера, общепринятымъ мнѣніемъ о происхожденіи языка долгое время было то, «которое имѣлъ Локкъ, которое сильно защищалъ Адамъ Смитъ въ своемъ «Essay on the origin of Language» (прибавленіе къ его сочиненію «Treatise on Moral Sentiments») и которое съ его незначительными измѣненіями принялъ Дугальтъ Стюэртъ». Именно, «по ихъ мнѣнію, продолжаетъ Максъ Мюллеръ, человѣкъ долженъ былъ жить нѣкоторое время въ нѣмомъ состояніи, и единственнымъ средствомъ его сообщеній съ другими служили движенія тѣла и измѣненія въ выраженіи лица, пока, наконецъ, когда идеи умножились и на нихъ нельзя уже было указывать пальцами, *человѣкъ нашелъ необходимымъ изобрѣсть искусственные знаки, значеніе которыхъ было установлено соглашеніемъ.* Намъ нечего, прибавляетъ знаменитый лингвистъ, останавливаться на маловажныхъ различіяхъ въ мнѣніяхъ касательно точнаго процесса образованія этого искусственнаго языка [3]). Дѣло, дѣйствительно, не въ подробностяхъ, а въ общей концепціи». Критикуя эту наивную теорію, Максъ Мюллеръ, между прочимъ, замѣчаетъ, что «еще никто не объяснилъ, какимъ образомъ безъ языка возможно было разсуждать о достоинствѣ каждаго слова, а это непремѣнно должно было предшествовать взаимному условію» [4]). Весьма понятно, что такое возраженіе приходило въ голову и мыслителямъ XVIII вѣка: оно и составляло одно изъ затрудненій теоріи, не мѣшавшее имъ, однако, признавать ея вѣрность въ принципѣ. Руссо, объясняющій происхожденіе государства договоромъ, коснулся, напр., вопроса о происхожденіи языка въ своемъ знаменитомъ «Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes» [5]). Его

---

[1]) Приведено у *Шахова*, 180.

[2]) Такъ формулируетъ взглядъ этотъ *Максъ Мюллеръ*. Лекціи по наукѣ о языкѣ. Спб. 1865, стр. 22.

[3]) Ibid., 23. [4]) Ibid., 23—24.

[5]) Petits chefs-d'oeuvre de *J. J. Rousseau*. P. 1864. Стр. 59—64.

уму представлялось такое же соображеніе [1]), но это не помѣшало ему описывать происхожденіе языка, какъ процессъ сознательнаго исканія (ils cherchèrent des signes plus nombreux), сознательнаго изобрѣтенія (ils multiplièrent, on s'avisa и т. п.), взаимнаго соглашенія (substitution qui ne put se faire que d'un commun consentement), усилій ума (ce qui ne fut pas un médiocre effort de génie) [2]). Правда, Руссо отказывается понять, какъ многое тутъ происходило, но онъ увѣренъ, что, дѣлая въ языкѣ усовершенствованія, люди поступали, какъ грамматисты (grammairiens), какъ изобрѣтатели, хотя и невѣжественные, чѣмъ и объясняется, по его мнѣнію, несовершенство языка [3]). Въ началѣ XIX столѣтія это воззрѣніе, дѣлающее языкъ искусственнымъ изобрѣтеніемъ человѣка, уступаетъ мѣсто другому, по которому языкъ сталъ представляться, какъ естественный продуктъ народной жизни, развивающійся, подобно естественнымъ организмамъ, по извѣстнымъ законамъ. Авторъ самой подробной исторіи научнаго языкознанія, Бенфей, къ сожалѣнію, весьма кратко касающійся теоретическихъ вопросовъ лингвистики, совершенно основательно усматриваетъ въ этой перемѣнѣ вліяніе тогдашней философіи и естествознанія [4]). Въ 1816 г. Францъ Боппъ издаетъ свое сочиненіе о системѣ спряженій въ санскритѣ, на которое справедливо смотрятъ, какъ на первый научный трудъ, положившій начало современной лингвистики [5]), въ философскихъ своихъ воззрѣніяхъ несомнѣнно заимствовавшей весьма многое у В. фонъ-Гумбольдта [6]). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи новая наука все болѣе и болѣе сближалась съ естествознаніемъ. Максъ Мюллеръ, открывая въ 1861 г. курсъ лекцій по наукѣ о языкѣ въ королевскомъ Британскомъ институтѣ, прямо заявилъ, что лингвистика есть одна изъ наукъ естественныхъ [7]), въ силу чего и противоположилъ ростъ языка его исторіи [8]). «Если, говоритъ онъ, языкъ есть произведеніе человѣка въ томъ смыслѣ, какъ его произведеніями называютъ статую, храмъ, стихотвореніе или законъ, то науку о языкѣ слѣдовало бы причислить къ историческимъ наукамъ. Мы имѣли бы исторію языка, какъ имѣемъ исторію искусства, поэзіи и юриспруденціи, но мы не могли бы требовать для нея мѣста на-ряду съ различными вѣтвями естественной исторіи» [9]). Максъ Мюллеръ именно и старается доказать, что «*языкъ не есть произведеніе человѣческаго искусства* въ томъ смыслѣ, какъ живопись, архитектура, письменность и книгопечатаніе» [10]). Вся сила доказательства основана у него на различеніи между «*исторической*

---

[1]) Ibid., 61. [2]) Ibid., 61—62. [3]) Ibid., 63.

[4]) *Theodor Benfey*. Geschichte der Sprachwissenschaft. München. 1869. Стр. 320 и слѣд.

[5]) Ibid., 373—374. [6]) Ibid., 520 sq. [7]) М. Мюллеръ. О. с. 1—20.

[8]) Ibid., 21 sq. [9]) Ibid., 22. [10]) Ibid., 24.

перемѣной и *естественнымъ* ростомъ» [1]): «искусство, поясняетъ онъ свою мысль, наука, философія и религія всѣ имѣютъ исторію; языкъ или какое-либо другое произведеніе природы допускаетъ только ростъ... Хотя языкъ подверженъ безпрерывной перемѣнѣ, однако, не во власти человѣка ни произвесть, ни отвратить ее» [2]). Если въ языкѣ и произойдетъ какая-либо перемѣна, «то не по *произволу* одной личности или по *взаимному соглашенію* многихъ... Царь можетъ измѣнять общественные законы, религіозныя формы, правила искусства; одно поколѣніе или даже одна личность можетъ поднять какое-либо искусство до высшей степени совершенства, между тѣмъ какъ при слѣдующемъ поколѣніи оно можетъ придти въ упадокъ, пока новый геній съ возобновленнымъ рвеніемъ снова его не подыметъ. Во всемъ этомъ мы имѣемъ дѣло съ сознательными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и оттого находимся на исторической почвѣ [3])... Хотя, замѣчаетъ Максъ Мюллеръ нѣсколько далѣе, — хотя *отдѣльное лицо представляется, повидимому, первымъ дѣятелемъ* въ произведеніи новыхъ словъ и новыхъ грамматическихъ формъ, однако, онъ является имъ лишь послѣ того, какъ *индивидуальность его исчезла въ общей дѣятельности* семейства, племени или націи, къ которой онъ принадлежитъ. Самъ по себѣ онъ ничего не можетъ сдѣлать, и если первый толчекъ къ новому образованію въ языкѣ данъ отдѣльнымъ лицомъ, то онъ почти всегда, если не всегда, неумышленъ, безсознателенъ. *Отдѣльное лицо само по себѣ немощно*, и результаты, повидимому, имъ произведенные, зависятъ отъ законовъ, лежащихъ внѣ его власти, и отъ содѣйствія всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ съ нимъ одинъ классъ, одно тѣло или одно органическое цѣлое» [4]). Всѣ приведенныя здѣсь идеи Макса Мюллера уже высказывались, въ иной только формѣ, въ началѣ развитія новой науки, высказывались, кромѣ того, по отношенію не къ одному языку (наприм., Савиньи, основатель исторической школы права, проводилъ параллель между органическимъ развитіемъ языка и права), такъ что напрасно Максъ Мюллеръ такъ рѣзко противополагаетъ языкъ другимъ элементамъ культуры. Находя самъ «чрезвычайно труднымъ объяснить, что именно производитъ возрастаніе языка», онъ указываетъ на сравненіе съ возрастаніемъ дерева, хотя и считаетъ опаснымъ вносить въ лингвистику метафорическія выраженія, грозящія превратиться въ миѳологію, а это сравненіе съ органическимъ ростомъ или развитіемъ можно прослѣдить до самыхъ начатковъ современной лингвистической литературы, да и не одинъ Максъ Мюллеръ предостерегалъ отъ увлеченій аналогіями [5]). Между

---

1) Ibid., 27. 2) Ibid., 28. 3) Ibid., 29. 4) Ibid., 30.

5) См. особенно вступительную лекцію проф. *Бодуэна-де-Куртенэ* «Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.

тѣмъ отождествленіе языка съ организмомъ составляетъ чуть ли не исходный пунктъ языкознанія [1]). Одинъ изъ видныхъ представителей лингвистики въ Германіи, Шлейхеръ, особенно на этомъ настаивалъ [2]). Въ 1863 г. онъ издалъ весьма интересную брошюру «Теорія Дарвина въ примѣненіи къ наукѣ о языкѣ» [3]). «Языки, писалъ онъ здѣсь, представляютъ естественные организмы, которые происходили, возрастали и развивались независимо отъ воли человѣка по извѣстнымъ законамъ, потомъ точно также старѣлись и умирали, представляя собою весь тотъ рядъ явленій, который подразумѣвается подъ названіемъ жизни» [4]). И нѣсколько далѣе: «законы, установленные Дарвиномъ для видовъ животныхъ и растеній, примѣнимы, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ своихъ—и къ организмамъ языковъ» [5]). Происхожденіе новыхъ формъ изъ прежнихъ и есть то, что, по Шлейхеру, роднитъ дарвинизмъ съ новымъ лингвистическимъ ученіемъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ языку, признанъ былъ принципъ эволюціи, противоположный принципу творчества, которымъ объясняли возникновеніе языка мыслители прошлаго вѣка.

Та же идея приложена была къ области миѳологіи и религіи, которыя изъ созданій сознательнаго творчества поэтовъ, умышленнаго изобрѣтенія жрецовъ превратились тоже въ своего рода естественные продукты, органически выростающіе изъ народнаго духа. Извѣстно, какъ аналогичная точка зрѣнія была примѣнена къ области поэзіи, гдѣ также было признано коллективное творчество, совершающееся, однако, по извѣстнымъ законамъ развитія, и, какъ мы еще увидимъ, въ теоріи литературы возникло даже цѣлое направленіе, крайне неблагопріятно относящееся къ личному творчеству во имя эволюціоннаго начала. Право, въ которомъ прежде видѣли созданіе индивидуальныхъ законодателей въ родѣ Миносовъ, Ликурговъ, Солоновъ и т. п., въ исторической школѣ юриспруденціи, возникшей одновременно съ лингвистикой, стало разсматриваться, какъ органически развивающійся продуктъ народнаго духа, стало уподобляться языку и т. п., къ чему мы еще вернемся въ спеціальной главѣ.

Наконецъ, и происхожденіе самого гражданскаго общества стало въ XIX вѣкѣ пониматься иначе, чѣмъ въ XVIII столѣтіи, когда

1871, февр., стр. 312 и слѣд.). Авторъ противъ отождествленія языка съ организмомъ.

[1]) См. замѣчаніе *Штейнталя* въ Zeitschr. für Völkerpsychologie. I, 432. Ср. статью *Штейнберга* «Органическая жизнь языка» (Вѣстн. Евр. 1871, апрѣль).

[2]) *Schleicher*. Die deutsche Sprache. Stuttgart. 1860. См. главу vom Leben der Sprache (33—71) и главу von der Sprachwissenschaft (117—128).

[3]) Есть и въ русскомъ переводѣ (Спб., 1884).

[4]) Стр. 3. [5]) Ibid., 5.

объяснили себѣ его возникновеніе путемъ общественнаго договора, а его организацію, его учрежденія—опять-таки свободнымъ творчествомъ мудрыхъ или хитрыхъ законодателей. Руссо, несомнѣнно, наиболѣе рельефнымъ образомъ выразилъ эту идею и въ своемъ трактатѣ о неравенствѣ, и въ «Общественномъ договорѣ». Сколько уже разъ приводились изъ перваго сочиненія такія мѣста: «le premier qui ayant enclos un terrain s'avisa de dire, *ceci est à moi*, et trouva des gens assez simples pour le croire, fut le vrai fondateur de la société civile»; «le riche... concut le projet le plus réfléchi qui soit jamais entré dans l'esprit humain; ce fut d'employer en sa faveur les forces mêmes de ceux qui l'attaquaient, de faire ses défenseurs de ses adversaires, de leur inspirer d'autres maximes, et de leur donner d'autres institutions qui lui fussent aussi favorables que le droit naturel lui était contraire» [1]). Здѣсь установленіе гражданскаго общества съ его разными учрежденіями объясняется произволомъ одного человѣка, составившаго строго обдуманный планъ съ своекорыстною цѣлью. Въ «Contrat social» произволъ единицы замѣняется взаимнымъ соглашеніемъ всѣхъ [2]), но и здѣсь признается необходимость въ законодателѣ, котораго Руссо сравниваетъ съ изобрѣтателемъ машины (le mécanicien qui invente la machine). Конечно, рѣдкій геній только дерзаетъ давать народу учрежденія (celui qui ose entreprendre d'instituer un peuple), но онъ именно является ихъ творцомъ, и лишь необходимость сообщить имъ прочность и незыблемость заставляла законодателей сознательно ставить созданныя ими учрежденія подъ покровъ религіи. «Но, прибавляетъ Руссо, не каждому человѣку дано заставлять говорить боговъ и находить вѣру, объявляя себя истолкователемъ ихъ воли. Великая душа законодателя есть истинное чудо, которое должно доказывать истинность его миссіи. Каждый можетъ сдѣлать каменныя таблицы или подкупить оракулъ, или выдумать таинственныя сношенія съ богиней, или пріучить птицу говорить ему на ухо, или придумать какія-либо другія грубыя средства для того, чтобы обманывать народъ. Тотъ, кто сумѣетъ только это сдѣлать, пожалуй, и соберетъ случайную кучку безумцевъ, но онъ никогда не будетъ основателемъ государства, и его дѣло скоро съ нимъ и погибнетъ». Пусть, говоритъ еще Руссо, «надменная философія и слѣпой партійный духъ видятъ въ законодателяхъ лишь счастливыхъ обманщиковъ, le vrai politique admire dans leurs institutions ce grand et puissant génie qui préside aux établissements durables». Сравнивая законодателя съ «механикомъ, изобрѣтающимъ машину», даже въ крупномъ государственномъ человѣкѣ (l'homme civil ou royal) онъ видитъ лишь «рабочаго, который приводитъ ее въ

---

[1]) Вышеуказанное изданіе, 76 и 89.
[2]) Contrat social, l. I, ch. V et VI.

движеніе» [1]). Такимъ образомъ, теорія сознательнаго творчества соціальныхъ формъ соединяется у Руссо вдобавокъ съ своеобразнымъ культомъ героевъ.

Уже не разъ въ исторіяхъ политическихъ ученій отмѣчалось то обстоятельство, что этотъ взглядъ былъ замѣченъ другимъ отчасти подъ вліяніемъ общей реакціи, происшедшей послѣ французской революціи въ умственной сферѣ противъ самаго духа XVIII в. Напримѣръ, Эспинасъ, излагая въ обширномъ «историческомъ введеніи» къ своему извѣстному труду «Les sociétés animales» исторію взглядовъ на общество, какъ на дѣло искусства и какъ на естественный продуктъ [2]), не безъ основанія усматриваетъ даже самое зарожденіе новѣйшихъ взглядовъ на общество, какъ на организмъ, именно во французской антиреволюціонной школѣ начала XIX в., полемизировавшей противъ Руссо, находя вмѣстѣ съ тѣмъ самое полное выраженіе ея тенденцій въ политической доктринѣ Жозефа де-Местра [3]). Въ доказательство своего тезиса изъ его сочиненій Эспинасъ приводитъ цѣлый рядъ выписокъ. «Политическія тѣла..... родятся, развиваются и умираютъ буквально, какъ живыя тѣла..... Произведеніе природы, т.-е. Бога, оно (общество) почти всегда даетъ ростокъ и развивается такъ же незамѣтно, какъ растеніе, вслѣдствіе взаимодѣйствія безчисленнаго множества условій, которыя мы называемъ случайными..... Всякая такъ называемая конституція *есть твореніе въ полномъ смыслѣ этого слова, а твореніе превышаетъ силы человѣка*» [4]), и т. д. Такія мысли Жозефа де-Местра Эспинасъ сопоставляетъ съ аналогичными воззрѣніями другихъ реакціонныхъ писателей. Онъ указываетъ именно на «смѣлыя», какъ самъ онъ выражается, слова, сказанныя Бональдомъ: «не индивидуумы создаютъ общество, но общество создаетъ индивидуумовъ, потому что они существуютъ только въ обществѣ и для общества» [5]). Онъ цитируетъ еще слова другого реакціоннаго писателя той эпохи, Людвига Галлера, которыя послѣдній самъ обозначилъ какъ «настоящія основы своей теоріи»: «пресловутый выходъ изъ естественнаго состоянія и составленіе общественнаго договора, будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на фактъ, какъ на гипотезу или какъ на идеалъ,—во всякомъ случаѣ есть ложная, невозможная и противорѣчивая химера. Напротивъ, *природа*, путемъ неодинаковости естественныхъ потребностей и средствъ, *вырабатываетъ тѣ разнообразныя общественныя отношенія между людьми*, которыя мы наблюдаемъ въ нашей ежедневной практикѣ», и т. д. [6]). Высказывая затѣмъ общій приговоръ свой надъ рѣшеніемъ вопроса о происхо-

[1]) Ibid., livre II, ch. VII.

[2]) *Espinas*. Des sociétés animales. P. 1882, стр. 5—155. См. рус. пер. подъ заглавіемъ «Соціальная жизнь животныхъ» (Спб. 1882), стр. 1—124.

[3]) Рус. пер., 45. [4]) Ibid., 47. [5]) Ibid., 51. [6]) Ibid., 49—50.

жденіи общества—въ реакціонной школѣ, Эспинасъ прямо называетъ это рѣшеніе «однимъ изъ самыхъ глубокихъ между доктринами, предшествовавшими тѣмъ великимъ системамъ» Конта и Спенсера, которыя онъ также подвергаетъ анализу въ своемъ «историческомъ введеніи». Онъ даже видитъ весьма характерный фактъ въ открываемомъ имъ «согласіи теологической школы съ доктриной, смотрящей на общество, какъ на произведеніе природы» [1]), подчеркивая и еще въ одномъ мѣстѣ своего введенія родство «соціальныхъ теорій, энергическими представителями которыхъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ являются Контъ и Спенсеръ», съ идеями Жозефа де-Местра [2]). Но въ этомъ вопросѣ Эспинаса болѣе всего занимаютъ двѣ вещи: естественность происхожденія общества и его органическій характеръ. Обращаясь непосредственно къ Жозефу де-Местру, мы найдемъ у него еще третью идею, которой суждено было также играть важную роль въ историческихъ, политическихъ и соціологическихъ воззрѣніяхъ XIX вѣка. Идея эта у Жозефа де-Местра имѣетъ значеніе одной изъ основныхъ для его политической теоріи [3]): это есть идея преемственности (continuité). Полемизируя съ Руссо, разсматривая государство, какъ живой организмъ, онъ прямо высказываетъ ту мысль, что силы и свойства благодаря коимъ государство существуетъ, имѣютъ свой корень въ далекомъ прошломъ, хотя само государство не имѣетъ о нихъ совершенно яснаго понятія, такъ какъ повинуется нѣкоему внутреннему творческому началу, остающемуся также весьма мало извѣстнымъ [4]). «Въ основѣ его единства, говоритъ Жозефъ де-Местръ, лежитъ тайна, и также таинственъ руководящій его дѣятельностью принципъ преемственности». Пусть это ученіе, продолжаетъ онъ, не вполнѣ ясно, тогда какъ воззрѣніе Руссо отличается, наоборотъ, какъ-разъ понятностью, изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы былъ правъ именно Руссо: путемъ соглашенія государства еще никогда не возникали. Указывая и на то, что государства не могутъ основываться на писанныхъ конституціяхъ, онъ замѣчаетъ, что происхожденіе послѣднихъ слишкомъ ясно, чтобы имъ люди могли повиноваться, такъ какъ «люди уважаютъ и повинуются активно въ глубинѣ сердца тому, что сокровенно, такимъ именно темнымъ и могучимъ силамъ, какъ нравы, обычаи, предразсудки, господствующія идеи, которыя держатъ насъ

---

[1]) Ibid., 51. [2]) Ibid., 115.

[3]) Его политическая теорія есть обращеніе отъ отвлеченной философіи къ исторіи. *Jos. de Maistre.* Essai sur le principe générateur des constitutions politiques. Oeuvres complètes. Lyon. 1884. I, ср. 426. Особенно статья въ Étude sur la souveraineté; см. главу о происхожденіи общества. Ibid., 315 sq.

[4]) Ibid., 246 sq. Lorsque la société se trouve deja constituée *sans qu'on puisse dire comment,* 265. Ср. сравненія происхожденія правительствъ съ прозябаніемъ растеній въ Étude sur la souveraineté, 344.

въ своей власти, увлекая насъ и господствуя надъ нами безъ нашего вѣдома и согласія». Признавая, что государства держатся народнымъ духомъ своихъ гражданъ [1]), и тутъ де-Местръ отказывается дать точное опредѣленіе народному духу вслѣдствіе его неуловимости; онъ намѣчаетъ только нѣкоторые его признаки, а именно патріотизмъ въ смыслѣ чувства преданности отечеству и историческую традицію страны, и въ ней-то, въ этой исторической традиціи, онъ видитъ живую связь между поколѣніями одного и того же народа [2]). Уже многіе писатели отмѣчали, что, представляя собою ретроградную реакцію противъ XVIII в., идеи Ж. де-Местра въ то же время заключали въ себѣ въ зародышѣ многія воззрѣнія, полное развитіе коихъ выразилось въ научномъ движеніи XIX вѣка [3]). Принципъ преемственности и лежитъ въ основѣ идеи эволюціи, въ силу которой все вновь возникающее въ жизни является результатомъ не свободнаго творчества, а развитіемъ свойствъ и силъ, коренящихся въ далекомъ прошломъ, при чемъ у того же Жозефа де-Местра само творческое начало этого развитія представляется безсознательнымъ: существуетъ въ обществѣ

---

[1]) Глава de l'âme nationale въ Étude sur la souveraineté I, 375 и слѣд.

[2]) Ibid., 377 sq.

Paul Janet въ своей книжкѣ «Philosophie de la révolution française» такъ характеризуетъ основную идею Жозефа де-Местра: «elle consiste à considérer la société comme *un organisme vivant, où tout se développe spontanément* et non par un mécanisme artificiel et abstrait *ou les institutions sont l'oeuvre du temps et de l'histoire,* où toutes choses, aussi bien le progrès que la chute, sont le resultat du passé», стр. 41. Въ книгѣ *M. Ferraz* «Histoire de la philosophie pendant la révolution» (P. 1889) о Ж. де-Местрѣ также говорится еще слѣдующее: «Suivant lui une constitution *n'est pas une oeuvre mecanique;... c'est une production organique, qui nait et se développe d'elle même, par une végétation spontanée et naturelle»*, стр. 358. Напомнимъ еще извѣстныя слова Ж. де-Местра: «la révolution mène les hommes plus que les hommes ne la mènent», какъ тоже заключающія въ себѣ идею объ évolution spontanée. *Jos. de Maistre.* Oeuvres complètes. I, 4, ср. стр. 7. См. также главу VI Considérations (стр. 67 и слѣд.), гдѣ, однако, идетъ рѣчь и о великихъ законодателяхъ въ смыслѣ пониманія XVIII в. Здѣсь выставляется, между прочимъ, тотъ принципъ, что иногда конституціи ont pour ainsi dire germé d'une manière insensible par la réunion d'une foule de ces circonstances, que nous nommons fortuites, a иногда онѣ, напротивъ, имѣютъ un auteur unique (67), но и онъ только собираетъ des éléments préexistants dans les coutumes (71).

[3]) Наприм., только что цитированный *Ferraz*, называющій Ж. де-Местра съ его ненавистью къ XVIII в. «la négation incarnée et l'antithèse vivante» послѣдняго (стр. 356), находитъ многія его воззрѣнія достойными вниманія, оставляя въ сторонѣ всю реакціонную сторону его ученія. «C'est ici le sentiment du réel concret, qui réclame contre celui de l'idéal, mais aussi de l'abstrait et du chimérique; ou plûtot, *c'est déjà l'esprit historique du dix-neuvième siècle, qui proteste contre l'esprit ultra-philosophique du dix-huitième»*, стр. 360—361. Идеи Ж. де-Местра разбросаны въ массѣ его сочиненій. Сводъ главныхъ его взглядовъ см. зо второй статьѣ о немъ г. П. М—ева (Русск. Вѣстн. 1889, іюнь).

извѣстная преемственность традицій, держащихъ человѣка въ своей власти и потому лишающихъ его той свободы, которою надѣлялъ его раціоналистическій взглядъ XVIII в. Аналогичныя идеи въ области юриспруденціи были высказаны и нѣмецкой исторической школой, примѣнившей къ праву органическое воззрѣніе [1]).

Въ новомъ общемъ воззрѣніи на общество и его культуру, каждый элементъ послѣдней является какъ-бы естественнымъ продуктомъ, на который распространяется идея организма не только въ смыслѣ, наприм., грубыхъ аналогій между государствомъ и животнымъ, но и въ смыслѣ болѣе тонкаго пониманія основной сущности всего органическаго, какъ мы это видимъ, наприм., въ примѣненіи къ языку или праву. Прежде въ исторіи отдѣльныхъ элементовъ культуры приписывалось слишкомъ много человѣческому произволу, свободному творчеству, болѣе или менѣе случайному, безъ всякаго почти правильнаго порядка, безъ всякой внутренней послѣдовательности; теперь стали смотрѣть на каждое новое явленіе, не какъ на дѣло случая, не какъ на произведеніе личнаго вмѣшательства, но какъ на новый фазисъ, подготовленный предыдущимъ моментомъ, какъ на форму, естественно и необходимо возникшую изъ прежней формы. Такъ именно совершается развитіе органическое, и именно эта идея была приложена къ измѣненіямъ элементовъ культуры, при чемъ уже раньше Спенсера проповѣдовалось невмѣшательство человѣка въ естественный ходъ вещей [2]): не человѣкъ такъ сдѣлалъ, разсуждали писатели реакціонной школы въ политикѣ, не человѣку и измѣнять, да и историческая школа права прямо становилась на ту точку зрѣнія, что сама жизнь должна вырабатывать право, человѣку же не слѣдуетъ насиловать эту жизнь; противоположное ученіе объявлялось даже революціоннымъ. Здѣсь-то и зародилась та идея эволюціи, которая сдѣлалась однимъ изъ главныхъ научныхъ пріобрѣтеній XIX в.

Въ настоящее время понятія эволюціи, эволюціонизма, эволюціоннаго ученія многіе совершенно напрасно пріурочиваютъ къ одному дарвинизму. Эволюція значитъ вѣдь вообще развитіе или, если хотите, «развертываніе», возникновеніе чего-либо, такъ сказать, изъ самого себя, своими собственными силами, средствами, и нѣтъ надобности суживать это понятіе, называя эволюціей, напр., только способъ происхожденія растительныхъ и животныхъ формъ, считая эволюціонизмъ исключительной принадлежностью біологической теоріи, лишь par complaisance уступаемой послѣднею на надобности другихъ научныхъ сферъ. Идея эволюціи въ широкомъ смыслѣ уже существовала у родоначальниковъ лингвистики и обновителей юриспруденціи въ началѣ XIX столѣтія (въ исторической школѣ), и основная кон-

---

[1]) См. ниже главу IV. [2]) См. выше, стр. 64.

цепція дарвинизма не была для этихъ научныхъ сферъ совершенною новостью. Когда, наприм., лингвистъ Шлейхеръ по настоянію зоолога-дарвиниста Геккеля прочиталъ трактатъ «О происхожденіи видовъ», то прямо заявилъ этому ученому о совпаденіи своихъ прежнихъ идей съ только-что вычитанными. «Я долженъ замѣтить, писалъ онъ ему, что взгляды, которые Дарвинъ высказываетъ о живыхъ существахъ вообще, *частью уже общеприняты въ примѣненіи къ организмамъ языка*, частью же я самъ... высказалъ... многое такое, что за исключеніемъ разницы въ выраженіяхъ вполнѣ согласно со взглядами Дарвина.. Надѣюсь, прибавляетъ онъ, что указаніе, какимъ образомъ главныя черты дарвинова ученія могутъ прилагаться, или вѣрнѣе сказать, *уже прилагались какъ бы безсознательно къ жизни языка*, будетъ для тебя, какъ ревностнаго поборника выводовъ Дарвина, весьма интересно» [1]). Самый трудъ Дарвина, по вѣрному замѣчанію Шлейхера, «обусловленъ умственнымъ направленіемъ нашего времени», поскольку главную роль въ немъ играетъ «представленіе о постепенномъ развитіи естественныхъ организмовъ» [2]). Конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что современнымъ эволюціоннымъ ученіямъ тонъ задаютъ главнымъ образомъ біологическія науки, но не нужно забывать и того, что теперешнему эволюціонизму, развивавшемуся преимущественно на почвѣ естествознанія, задолго предшествовалъ ціалектическій эволюціонизмъ нѣмецкихъ метафизиковъ начала XIX столѣтія, въ основѣ коего лежало не наблюденіе надъ трансформизмомъ растеній, животныхъ, языковъ или другихъ элементовъ культуры, а проникновеніе въ тайны человѣскаго духа, открытіе коихъ чаялось въ логическомъ развитіи однѣхъ идей изъ другихъ. Шеллингъ и Гегель были главными представителями этого діалектическаго эволюціонизма, подъ вліяніемъ воззрѣній коего складывались основныя концепціи лингвистики и исторической юриспруденціи. Мало того, задолго еще до появленія труда Дарвина идея самопроизвольнаго развитія (évolution spontanée) получала уже широкое примѣненіе къ исторіи духовной и общественной жизни народовъ и безъ той метафизической подкладки, съ какою являлась въ философскихъ системахъ Шеллинга или Гегеля, и безъ ограниченія лишь нѣкоторыми элементами культуры, напр., однимъ языкомъ или однимъ правомъ или же только этими двумя элементами, какъ это было въ языкознаніи или исторической школѣ права. Говоря о такомъ примѣненіи идеи эволюціи къ исторіи, мы разумѣемъ имѣвшій такое громадное вліяніе на всю область нравственныхъ и политическихъ наукъ трудъ Огюста Конта, о своемъ отно-

---

[1]) *Шлейхеръ.* Теорія Дарвина въ примѣненіи къ наукѣ о языкѣ. Спб. 1864. Стр. 2.

[2]) Ibid., 3.

шеніи къ коему достаточно говорили въ первыхъ двухъ томахъ *Основныхъ вопросовъ.*

Примыкая самъ къ современному эволюціонизму, я нахожу, что общая его теорія въ примѣненіи къ фактамъ духовной и общественной жизни народовъ до сихъ поръ весьма мало разработана и что въ особенности очень мало выяснена роль личнаго начала въ исторіи, понимаемой съ точки зрѣнія культурно-соціальной эволюціи. Въ крайнемъ своемъ проявленіи эволюціонизмъ приводитъ къ такому пониманію историческаго процесса, которое отождествляетъ его съ évolution spontanée, саморегулирующимся общественнымъ процессомъ, съ чисто біологическимъ саморазвитіемъ [1]). Старая теорія сознательнаго творчества видѣла въ исторіи отдѣльныхъ элементовъ культуры *проявленіе воли отдѣльныхъ личностей, не опредѣляемое и не ограничиваемое никакимъ объективнымъ началомъ*, тогда какъ новая теорія саморазвитія, аналогичнаго развитію органическому, разсматриваетъ ту же исторію, какъ строго объективный процессъ, *влекущій отдѣльныя личности, помимо ихъ воли и сознанія*, къ тому, чтобы онѣ созидали элементы культуры такъ, а не иначе [2]). Вотъ къ чему, въ сущности, сводится для насъ различіе между двумя концепціями, о смѣнѣ коихъ одной другою мы сейчасъ говорили. Такую же, на нашъ взглядъ, противоположность по отношенію къ прагматическому процессу представляютъ изъ себя, съ одной стороны, ученіе объ абсолютной свободѣ воли личностей, якобы дѣйствующей въ исторіи, а съ другой, фаталистическій взглядъ, съ точки зрѣнія котораго прагматическій процессъ имѣетъ чисто-механическій характеръ, въ силу чего личность играетъ роль простого колесика, приводимаго въ движеніе другими такими же колесиками и передающаго это движеніе третьимъ, но не вносящаго въ процессъ ничего новаго, ничего такого, что имѣло бы свое начало внѣ этого процесса, т.-е. въ какихъ-либо другихъ процессахъ, напримѣръ, въ психическихъ явленіяхъ индивидуальнаго бытія. Мы уже видѣли, что, дѣйствуя всегда подъ извѣстными прагматическими вліяніями, человѣкъ во многихъ случаяхъ болѣе или менѣе перерабатываетъ эти вліянія въ своемъ внутреннемъ мірѣ, вырабатываетъ себѣ извѣстное пониманіе хода событій, въ коихъ участвуетъ, извѣстную субъективную ихъ оцѣнку, и въ зависимости отъ этого ставитъ тѣ или другія цѣли для своихъ будущихъ дѣйствій, создаетъ болѣе или менѣе опредѣленные планы для ихъ выполненія, придумываетъ тѣ или другія средства, ведущія къ цѣли, и что все это происходитъ въ личности сообразно съ ея характеромъ, съ ея умственными способностями, съ ея развитіемъ и другими условіями ея индивидуальнаго бытія, ея *я* [3]). Неужели, спрашиваемъ мы,

[1]) См. выше, стр. 62 и слѣд. [2]) Ср. *Коркуновъ.* I, 206.

[3]) См. выше, стр. 219 и слѣд.

культурныя вліянія человѣкъ только пассивно воспринимаетъ и, воспринявъ, передаетъ механически другимъ? Неужели разъ при этой передачѣ наблюдается нѣкоторое измѣненіе въ передаваемомъ, такое измѣненіе всегда происходитъ помимо воли и сознанія передающаго, могущихъ обусловливаться вліяніями, независимыми отъ этой передачи? Какъ прагматическій процессъ отличается отъ строго-механическаго особаго рода переработкой прагматическихъ вліяній во внутреннемъ мірѣ индивидуумовъ, такъ и культурный процессъ долженъ, по нашему мнѣнію, отличаться отъ процесса органическаго, съ коимъ его сравниваютъ, и отличаться не чѣмъ инымъ, какъ аналогичною переработкою культурныхъ вліяній въ томъ же внутреннемъ мірѣ субъектовъ исторіи. Подвергая раньше своей критикѣ отождествленіе общества съ организмомъ [1]), мы высказали ту мысль, что въ обществѣ есть, дѣйствительно, органическій элементъ, но еще *плюсъ* нѣчто, дѣлающее общество противоположностью организма [2]). Такъ какъ нельзя не признать, что въ культурномъ развитіи обнаруживаются нѣкоторыя свойства органической эволюціи [3]), не имѣемъ ли мы право и тутъ высказать предположеніе, что рядомъ съ чертами органической эволюціи, присущими культурному процессу, въ немъ дѣйствуетъ и нѣчто, этой эволюціи противоположное, т.-е. творчество? Вѣдь и въ прагматическомъ процессѣ есть, такъ сказать, и нѣчто механическое, и нѣчто психическое: какъ же не быть послѣднему въ процессѣ культурномъ, создающемъ то, что въ общемъ всегда признавалось созданіями духа, который самъ имѣетъ реальное бытіе лишь въ индивидуальныхъ, личныхъ душахъ? Если въ сферѣ культурныхъ фактовъ многое возникаетъ и измѣняется безсознательно въ силу дѣйствія извѣстныхъ причинъ, то многія явленія, съ другой стороны, прямо указываютъ на преднамѣренность и въ своемъ происхожденіи, и въ своей трансформаціи, т.-е. требуютъ для своего объясненія принципа цѣли; постановка же человѣкомъ цѣлей своей дѣятельности немыслима безъ внутренней переработки тѣхъ впечатлѣній, которыя человѣкъ получаетъ извнѣ, безъ переработки притомъ болѣе или менѣе оригинальной, поскольку каждый не есть самъ по себѣ простое повтореніе всѣхъ другихъ и поскольку комбинація вліяній, которымъ онъ подвергается, не есть простое же повтореніе другихъ такихъ комбинацій.

---

[1]) О. В. Ф. И., т. II, кн. III, гл. 3. [2]) Ibid., II, 82—83 (116—117).
[3]) О различіи между обоими *тамъ же*, II, 88 (122).

ГЛАВА II.

Причинность, закономѣрность и цѣлесообразность въ культурномъ процессѣ.

Причинность, закономѣрность и цѣлесообразность въ прагматической и культурной исторіи.—Отношеніе эволюціонизма къ каузальности.—Каузальные и эволюціонные законы.—Отсутствіе строгаго единообразія въ исторіи отдѣльныхъ народовъ.—Мнѣніе Лотце объ отождествленіи культурнаго процесса съ органическимъ.— Общія и частныя причины культурныхъ измѣненій.—Естественное и искусственное въ человѣческой культурѣ.—Причинность и цѣлесообразность.—Ученіе Фулье о договорномъ организмѣ.—Отвѣтъ на одно критическое замѣчаніе.—Ученіе о сложеніи цѣлей.

Разсматривая въ главѣ VI первой «книги» вопросъ о причинности (и отчасти о закономѣрности) въ исторіи, мы имѣли въ виду исключительно исторію прагматическую. Хотя въ отличіе отъ послѣдней, соединяющей свои факты главнымъ образомъ по способу каузальному, культурная исторія пользуется способомъ эволюціоннымъ, связывая свои факты одни съ другими, не какъ причины и слѣдствія, а какъ измѣняющіеся образы и формы одного и того же явленія, какъ фазисы и моменты его эволюціи [1]), тѣмъ не менѣе причинность господствуетъ и въ области культурныхъ фактовъ, такъ какъ она есть всеобщій законъ явленій. Съ своей эволюціонной точки зрѣнія культурное направленіе исторической науки изучаетъ переходъ однѣхъ формъ образованности и гражданственности въ другія, τὴν εἰς τἀναντία μεταβολήν Полибія [2]), слѣдя за тѣмъ, *какъ* онѣ измѣняются однѣ въ другія, но это не избавляетъ ее отъ обязанности изслѣдовать и то, *почему* происходятъ эти измѣненія. Само собою разумѣется, что причины отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ *(событій)* и измѣненій въ культур-

---

[1]) См. выше, стр. 3—4.

[2]) *Polybius.* VI, 5, § 1; 9, § 13; 57, § 3. Ср. О. В. Ф. И., I, 22 (118). Самая идея принадлежитъ Аристотелю.

ныхъ формахъ общества (въ его *состояніяхъ*) [1]) не однѣ и тѣ же и дѣйствуютъ не одинаковымъ образомъ, поэтому-то разсужденія наши о причинности въ прагматическомъ процессѣ не могутъ быть цѣликомъ перенесены на процессъ культурный. Въ связи съ вопросомъ о причинности, какъ намъ уже хорошо извѣстно, стоитъ вопросъ о закономѣрности [2]), который также требуетъ особаго разсмотрѣнія по отношенію къ культурной исторіи, такъ какъ въ этой области онъ нѣсколько усложняется. Въ культурномъ процессѣ господствуетъ общая для него съ процессомъ прагматическимъ связь каузальная съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о цѣпи внѣшнихъ *событій*, въ другомъ—о рядѣ измѣненій во внутреннихъ *состояніяхъ* общества, но кромѣ того культурное направленіе изучаетъ и въ особенности ему принадлежащую связь эволюціонную, въ которой усматриваются извѣстные опредѣленные порядки, также носящіе названіе законовъ вообще и въ частности имя историческихъ законовъ, и этой-то стороны вопроса о закономѣрности историческихъ фактовъ мы не имѣли поводовъ касаться, разсматривая вопросъ о причинности въ прагматическомъ процессѣ. Есть, наконецъ, еще одинъ предметъ, хотя и связанный съ вопросомъ объ исторической причинности вообще, т.-е. о причинности не въ томъ или другомъ изъ двухъ основныхъ процессовъ исторіи, тѣмъ не менѣе, однако, возбуждающій особый интересъ съ нашей стороны лишь тогда, когда рѣчь заходитъ о культурной исторіи. Явленіямъ, вызываемымъ причинами, нѣкоторые писатели противополагаютъ, какъ мы увидимъ дальше, явленія, обусловленныя цѣлями, которыя ставитъ себѣ человѣкъ: это противоположеніе заслуживаетъ того, чтобы мы и на немъ остановились нѣсколько подробнѣе именно въ настоящей «книгѣ», гдѣ намъ предстоитъ говорить не просто о человѣческой дѣятельности, а о дѣятельности творческой, уже прямо совершающейся по заранѣе поставленнымъ цѣлямъ [3]).

Существованіе эволюціонной связи между послѣловательными явленіями не исключаетъ необходимости примѣнять къ этимъ явленіямъ идею причинности. Въ мірѣ не существуетъ ничего и не происходитъ никакихъ перемѣнъ безъ того, чтобы мы имѣли право спросить себя: *почему?* Пусть *A* и *B* будутъ двѣ послѣдовательныя формы одного и того же предмета, т.-е. пусть фактъ *A* и фактъ *B* находятся между собою въ эволюціонной связи, будучи одинъ *(B)* видоизмѣненіемъ другого *(A)*,—это не устраняетъ возможности того, чтобы оба факта находились въ каузальной связи съ иными фактами:

---

[1]) См. выше, стр. 233, прим. 5.

[2]) См. выше, стр. 176 и слѣд., 256 и слѣд.

[3]) См. что объ этомъ было сказано выше, именно на стр. 246 и слѣд. и т. п.

существовали причины, вызвавшія и поддерживавшія бытіе *A*; существовали причины того, что *A* должно было видоизмѣниться; не безъ достаточныхъ основаній это видоизмѣненіе заключалось въ превращеніи *A* въ *B*, а не во что-либо другое; если *B* продолжаетъ существовать въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго промежутка времени, не уступая мѣста какому-либо новому факту *C*, то и для этого должны быть свои причины. Другими словами, и для того, чтобы фактъ возникъ, и для того, чтобы онъ исчезъ, необходимы извѣстныя условія: это, такъ сказать, общее правило, имѣющее примѣненіе и къ тому особому отношенію между фактами, которое насъ теперь интересуетъ. Форма *(B)* возникаетъ путемъ видоизмѣненія другой формы *(A)* и исчезаетъ путемъ видоизмѣненія въ третью форму *(C)*: почему, спрашивается, *A* переходитъ въ *B*, а не во что-либо другое, почему и *B* переходитъ въ *C*, а опять-таки не въ иное что-нибудь? Есть ли, можно спросить далѣе, каждое изъ этихъ измѣненій всегда нѣчто, такъ сказать, внутренне необходимое по существу дѣла при дѣйствіи извѣстныхъ условій (переходъ льда въ воду и потомъ въ паръ подъ дѣйствіемъ жара и обратный переходъ пара въ воду и, наконецъ, въ ледъ подъ вліяніемъ охлажденія) или же бываютъ случаи, когда измѣненіе обусловливается побочными обстоятельствами, коихъ при процессѣ можетъ и не быть (напр., пріобрѣтеніе при таяніи льда происшедшею изъ него водою краснаго цвѣта, если на льду лежало случайно красящее вещество, легко растворимое въ водѣ)? Наконецъ, и въ томъ случаѣ, когда мы измѣненію приписываемъ внутреннюю необходимость [1]), мы можемъ еще спросить себя, лежатъ ли измѣняющія причины внѣ измѣняемаго предмета или же онѣ представляютъ изъ себя силы самого предмета, заставляющія его измѣняться? На этомъ основано различіе между измѣненіями въ мертвой и живой природѣ: ледъ превращается въ воду, вода въ паръ подъ дѣйствіемъ внѣшней теплоты, но и ледъ и вода лишены способности къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя происходятъ съ организмами, когда они растутъ, развиваются, проходя въ этомъ развитіи извѣстныя стадіи. Главное различіе здѣсь, конечно, не въ томъ, что ледъ, наприм., растопившійся подъ дѣйствіемъ жара въ воду, возвращается въ прежнее свое состояніе, когда на воду, изъ него происшедшую, начнетъ дѣйствовать холодъ, тогда какъ юноша никогда не вернется въ состояніе ребячества, старикъ никогда не вернетъ своей молодости, — не въ этомъ, говоримъ мы, различіе между перемѣнами въ мертвой и живой природѣ: и съ неорганическими предметами случаются перемѣны, послѣ которыхъ они не могутъ вернуться въ прежнее состояніе cessante causa ихъ новаго состоянія. Главное различіе въ томъ именно

[1]) Ср. выше о номологической и феноменологической необходимостяхъ, стр. 244.

и состоитъ, что перемѣны, происходящія съ предметами міра неорганическаго, вызываются исключительно причинами внѣшними, тогда какъ организму присущи нѣкоторыя внутреннія силы, которыя заставляютъ его расти, развиваться, измѣняться, такъ сказать sua sponte, хотя, конечно, для всего этого и требуются внѣшнія благопріятныя обстоятельства. Когда мы говоримъ объ эволюціонной связи двухъ фактовъ, мы мыслимъ, главнымъ образомъ, именно такое отношеніе, какое существуетъ между двумя фазисами въ развитіи одного и того же живого существа, между двумя эпохами въ развитіи одного и того же растительнаго или животнаго вида. Мы даже не спрашиваемъ, почему такой-то Петя или Саша, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ маленькимъ мальчикомъ, превратился теперь въ бородатаго мужа; мы просто ссылаемся на законъ развитія, какъ бы совершенно не приписывая никакого значенія внѣшнимъ условіямъ и причинамъ такого превращенія. Но ростъ, развитіе зависятъ, конечно, и отъ внѣшнихъ условій и причинъ: послѣднія могутъ не только ему благопріятствовать или препятствовать, но вызывать и прекращать его. Для того, чтобы изъ яйца вылупился цыпленокъ, нужно, чтобы яйцо было поставлено въ извѣстныя условія, безъ которыхъ яйцо совершенно такъ же останется яйцомъ, какъ ледъ останется льдомъ, вода—водой и т. д. То же самое мы имѣемъ право повторить и относительно растительнаго сѣмени. Въ яйцѣ in potentia заключена цѣлая птица со всѣми фазисами индивидуальнаго птичьяго существованія, и если внѣшнія условія будутъ благопріятствовать тому, чтобы птица прошла весь свой жизненный путь отъ зародыша до естественной смерти въ глубокой (для птицы, конечно) старости, то она и совершитъ рядъ перемѣнъ въ извѣстной эволюціонной послѣдовательности, но какъ бы одной стадіей ни подготовлялась другая стадія, за ней слѣдующая, переходъ изъ одной въ другую не независимъ отъ дѣйствія внѣшнихъ условій. Во всякомъ случаѣ, такой переходъ немыслимъ безъ дѣйствія тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ причинъ, особыхъ для каждой категоріи случаевъ, хотя бы внутреннія причины и преобладали надъ внѣшними. Если все это имѣетъ силу по отношенію къ перемѣнамъ, совершающимся уже вслѣдствіе однихъ законовъ органическаго развитія, то еще съ большимъ правомъ мы можемъ говорить то же самое по отношенію къ перемѣнамъ, вызываемымъ исключительно внѣшними вліяніями. Такимъ образомъ, если въ исторіи элементовъ культуры мы и интересуемся эволюціонною связью, открываемою между послѣдовательными формами этихъ элементовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы законъ причинности совершенно не дѣйствовалъ въ культурномъ процессѣ: всѣ состоянія и измѣненія въ матеріальномъ, духовномъ и общественномъ быту народовъ должны имѣть свои причины. И наоборотъ, эволюціонную точку зрѣнія можно прилагать не только

къ исторіи элементовъ культуры, но и къ длящимся, а потому и сложнымъ прагматическимъ фактамъ. Отдѣльныя событія могутъ быть не только причинами одни другихъ (главное ихъ отношеніе между собою), но и моментами или фазисами развивающагося процесса— общественнаго движенія, историческаго теченія. Такъ, напр., прагматическій процессъ «собиранія Руси» складывается изъ ряда присоединеній отдѣльныхъ княжествъ къ постепенно возраставшей территоріи московскаго государства. Или еще: борьба гуманистовъ со схоластиками въ Германіи во второмъ десятилѣтіи XVI в., религіозное броженіе, вызванное проповѣдью Лютера послѣ 1517 г., рыцарское возстаніе 1523 г., крестьянская война 1525 г., т.-е. четыре движенія, изъ коихъ каждое имѣетъ свои особыя причины, представляютъ изъ себя какъ бы отдѣльные фазисы въ исторіи того кризиса, который тогда переживала Германія. Въ такомъ же смыслѣ мы можемъ говорить о различныхъ фазисахъ французской революціи, событія коей, завися одни отъ другихъ, какъ слѣдствія отъ своихъ причинъ, въ то же время развивались въ извѣстной послѣдовательности, поддающейся эволюціонной формулировкѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, въ коемъ можно прослѣдить какъ бы дѣйствіе какого-то общаго правила, чего-то въ родѣ закона, если только слова эти позволительно прилагать къ конкретнымъ случаямъ, никогда не повторявшимся въ данной совокупности обстоятельствъ. Каждый разъ, однако, когда мы наблюдаемъ въ ходѣ событій порядокъ, поддающійся эволюціонной формулировкѣ, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ процессомъ измѣненія состояній, проявляющимся въ этомъ ходѣ или имъ создаваемымъ. «Собираніе Руси» Москвою, состоящее изъ отдѣльныхъ событій, каковыми являются послѣдовательныя присоединенія такихъ-то и такихъ-то княжествъ, было постепеннымъ переходомъ русскаго народа отъ одной политической формы бытія къ другой, т.-е. тѣмъ, чему мы даемъ названіе культурнаго измѣненія. Германія въ первой четверти XVI в. и Франція въ концѣ XVIII равнымъ образомъ переживали критическое время перехода отъ однѣхъ формъ быта къ другимъ. Вотъ когда такой переходъ, совершающійся съ нѣкоторою постепенностью, болѣе или менѣе рѣзко проявляется въ отдѣльныхъ событіяхъ (что, конечно, не всегда бываетъ), послѣднія, связываясь въ одно цѣлое не только причинными отношеніями, но и нѣкоторою общностью проявляющихся въ нихъ стремленій и достигаемыхъ ими результатовъ, являются, какъ моменты и фазисы процесса съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ содержаніемъ.

Отношеніе эволюціонизма къ причинности представляетъ изъ себя одну изъ весьма интересныхъ проблемъ философіи, что особенно ясно можно видѣть по отношенію къ идеѣ научныхъ законовъ, которые могутъ имѣть не только прямо каузальное значеніе, но и

значеніе эволюціонное. Одинъ изъ критиковъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, коснувшійся главнымъ образомъ нашего взгляда на законы въ исторіи, указываетъ на то, что науки по отношенію къ устанавливаемымъ ими законамъ распадаются на два различные отдѣла. Есть явленія повторяющіяся, и *законы такихъ явлений устанавливаютъ условія ихъ повторяемости*. Съ другой стороны, есть явленія, которыя лишены признака повторяемости: напр., цыпленокъ вылупляется изъ яйца и никогда уже не вернется къ формамъ, которыя онъ имѣлъ въ яйцѣ, т. е. то, что имъ пережито, не можетъ уже для него повториться, какъ повторяется, положимъ, нагрѣваніе и охлажденіе желѣзной полосы со всѣми ихъ слѣдствіями. Рядъ формъ, черезъ которыя проходитъ каждое явленіе второй категоріи, имѣетъ необходимую послѣдовательность: каждая форма подготовляетъ форму за ней слѣдующую и подготовляется предыдущею. Вотъ къ такимъ-то явленіямъ и относится понятіе *закона необходимой послѣдовательности смѣняющихъ другъ друга формъ, какъ членовъ ряда неповторяющихся явлений*. Мы весьма хорошо понимаемъ, что хотѣлъ сказать критикъ въ этомъ замѣчаніи по поводу нашего пониманія законовъ, тѣмъ болѣе, что и у насъ, рядомъ съ опредѣленіемъ законовъ, какъ формулъ неизмѣнныхъ связей, существующихъ между причинами и слѣдствіями, встрѣчаются указанія на законы въ смыслѣ формулъ, выражающихъ постоянныя послѣдовательности въ смѣнѣ формъ разныхъ явленій [1]). Если мы особенно настаивали на первомъ пониманіи, то именно въ виду своего отрицанія историческихъ законовъ, какъ формулъ, по коимъ якобы могутъ располагаться событія, совокупность которыхъ составляетъ ходъ исторіи [2]): событія зависятъ одни отъ другихъ, какъ слѣдствія отъ причинъ, т.-е. если дается *A*, то за нимъ наступаетъ *B*, и законы такихъ связей по всей справедливости можно назвать каузальными; имъ-то и принадлежитъ главная роль въ прагматическомъ процессѣ исторіи. Это не исключаетъ существованія иныхъ законовъ, проявляющихся особенно въ органическомъ мірѣ, въ которомъ отдѣльные предметы проходятъ въ постоянномъ порядкѣ, общемъ для всѣхъ предметовъ одного и того же класса, извѣстныя стадіи развитія,—законовъ, формулы коихъ уже не выражаются прямо чрезъ *если—то*: это—законы эволюціонные, ибо въ нихъ выражается не постоянство связи между двумя фактами, какъ причиной и слѣдствіемъ, а постоянство послѣдовательности двухъ или болѣе фактовъ, какъ стадій, моментовъ, формъ въ развитіи одной и той же вещи. Замѣчаніе критика позволило намъ яснѣе представить себѣ различіе между каузальными и эволюціонными законами, которое мы дѣлали и раньше, не отдавая себѣ въ этомъ строгаго

---

[1]) О. В. Ф. И. I, 18 (114). [2]) Ibid., I, 34—36 (133—134).

отчета. Тѣмъ не менѣе, приведенное возраженіе мы не можемъ оставить и безъ другихъ замѣчаній съ нашей стороны. Въ этомъ возраженіи совершенно напрасно различіе между законами обѣихъ категорій основывается на признакахъ повторяемости и неповторяемости. Вылупленіе цыплятъ изъ яицъ и прохожденіе ими затѣмъ всѣхъ фазисовъ развитія курицы или пѣтуха повторяется безчисленное количество разъ, и если для индивидуальнаго цыпленка не можетъ повториться то, что имъ уже пережито, то и для отдѣльнаго полѣна, сгорѣвшаго въ печкѣ, не можетъ повториться то, чѣмъ оно было, пока его въ печку не клали, нагрѣванія же и охлажденія желѣзной полосы со всѣми ихъ послѣдствіями способны повторяться совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ голодъ и насыщеніе повторяются въ жизни любого живого существа. Разница не въ этомъ, а въ томъ, что въ одномъ случаѣ законъ имѣетъ формулировку каузальную (*A* есть причина *B*), а въ другомъ—эволюціонную (*A* превращается въ *B*). Первый, кто думалъ объ эволюціонныхъ законахъ въ жизни человѣческихъ обществъ, былъ Аристотель, искавшій именно того, что послѣдовавшій за нимъ Полибій называлъ естественнымъ превращеніемъ однѣхъ государственныхъ формъ въ другія (εἰς τἀναντία κατὰ φύσιν μεταβολή [1]). Мы отвергли идею такой общей послѣдовательности хода исторіи отдѣльныхъ народовъ, ибо ходъ исторіи есть совокупность ея событій, а послѣднія суть слѣдствія условій, весьма неодинаковымъ образомъ сложившихся для отдѣльныхъ народовъ, и вдобавокъ еще разныхъ случайныхъ обстоятельствъ [2]). По той же причинѣ мы отвергли примѣненіе этой идеи и къ общей внутренней исторіи отдѣльныхъ народовъ, поскольку каждый развивается такъ или иначе, въ зависимости отъ природы своей страны, отъ своихъ расовыхъ особенностей, отъ другихъ условій, вліяющихъ на его жизнь, и поскольку все это у отдѣльныхъ народовъ различно [3]). Но мы все-таки признали возможность формулировки эволюціонныхъ законовъ для отдѣльныхъ элементовъ культуры [4]), не говоря уже о томъ, что такую именно идею положили въ основу своихъ формулъ прогресса, совершающагося въ отдѣльныхъ сферахъ духовной и общественной жизни народовъ. Мы, однако, не изслѣдовали самой сущности эволюціонныхъ законовъ, да и никто, сколько намъ извѣстно, этого не дѣлалъ, такъ какъ авторы логикъ подъ законами разумѣютъ исключительно каузальныя связи. Въ вопросѣ, который мы тутъ ставимъ, предстоитъ еще устранить нѣкоторыя трудности, мѣшающія его правильному рѣшенію. Прежде всего эволюціонные законы далеко не пользуются всеобщимъ признаніемъ. Никто въ настоящее время не станетъ оспари-

---

[1]) См. выше, стр. 4 и 366. [2]) О. В. Ф. И. I, 86 и слѣд. (198 и слѣд.).
[3]) Ibid., I, 53 и слѣд. (155 и слѣд.). [4]) Ibid., passim.

вать существованія каузальныхъ законовъ, такъ какъ мысль, лежащая въ основѣ того, что мы такъ называемъ, вошла въ общее сознаніе: нѣтъ дѣйствія безъ причины, одна и та же причина при неизмѣнныхъ постороннихъ условіяхъ можетъ имѣть только извѣстное слѣдствіе, и это-то единообразіе связи между двумя явленіями есть законъ. Наоборотъ, идея эволюціонныхъ законовъ возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія; даже есть писатели, прямо ее отвергающіе. Напр., по словамъ Штейнталя, *«эти законы развитія едва заслуживаютъ названія законовъ*. Они, говоритъ онъ, обозначаютъ просто равномѣрное или аналогичное возвращеніе двухъ событій, повторяющееся теченіе и связь двухъ исторій, напр., то, что поэзія предшествуетъ прозѣ, что она начинается лирикой или эпикой. *На чемъ, однако, основано это теченіе и связь въ дѣйствительности*, *объ этомъ упомянутые законы ничего не говорятъ.* Ибо, продолжаетъ онъ, они суть только соединенія (Zusammenfassungen) весьма многихъ, различнымъ образомъ одинъ съ другимъ связанныхъ процессовъ, дающихъ въ результатѣ, повидимому, простое отношеніе между двумя факторами». Поэтому Штейнталь и требуетъ отъ психолога, чтобы онъ показалъ, «auf welchen thatsächlichen Bedingungen und welchen psychologischen Gesetzen jener zu einem Entwicklungsgesetz formulirte Verlauf und Verband zweier Ereignisse beruht»[1]). Аналогичное возраженіе дѣлаетъ и Л. З. Слонимскій (кстати, также критиковавшій мое пониманіе законовъ и съ особою силою напиравшій на то, что всѣ законы соціологіи имѣютъ каузальный характеръ) [2]). «Законы исторіи, пишетъ онъ въ статьѣ своей, посвященной этому вопросу, законы исторіи—если бы они были установлены—являлись бы въ той же формѣ, какъ и законы природы, въ сопровожденіи неизбѣжныхъ «*если*». Государственная власть получаетъ сосредоточенную монархическую организацію, если народъ поглощенъ заботами о внѣшней борьбѣ; это былъ бы общій историческій законъ, если бы онъ вытекалъ изъ анализа историческихъ фактовъ. *Но ненаучно было бы утверждать, что извѣстныя формы государственнаго устройства возникаютъ въ такомъ-то послѣдовательномъ порядкѣ, независимо отъ условій, съ которыми они неразрывно связаны*» [3]). Въ послѣднихъ словахъ заключается какъ-бы опроверженіе приведенной выше мысли Аристотеля объ естественномъ переходѣ государственныхъ формъ однѣхъ въ другія и въ сущности выражается та же мысль, что у Штейнталя, только яснѣе высказывавшагося въ

---

[1]) *H. Steinthal.* Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. Berlin. 1864, стр. 53.

[2]) *Л. Слонимскій.* Законы исторіи и соціальный прогрессъ. «Вѣстникъ Европы». 1883, ноябрь, стр. 265 и слѣд.

[3]) *Л. Слонимскій.* Основные вопросы политики, 7. Ср. у насъ стр. 259 примѣч.

томъ смыслѣ, что, повидимому, простое отношеніе между предъидущимъ и послѣдующимъ зависитъ отъ дѣйствія многихъ силъ. Съ этой точки зрѣнія эволюціонные законы должны были бы свестись въ послѣднемъ анализѣ къ законамъ каузальнымъ, какъ къ отношеніямъ, именно и лежащимъ въ ихъ основѣ, но противъ этого говоритъ несомнѣнное существованіе законовъ эволюціонныхъ въ органическомъ мірѣ, гдѣ метаморфозы существъ происходятъ въ извѣстныхъ послѣдовательностяхъ, въ закономѣрныхъ порядкахъ. Идея органическаго развитія прилагалась не безъ основанія и къ исторіи элементовъ культуры, да и эта самая исторія представляетъ не мало случаевъ, когда развитіе совершается, дѣйствительно, закономѣрно, какъ-бы по аналогіи съ органическою эволюціею. Къ сожалѣнію, мы не компетентны рѣшать вопросъ объ эволюціонныхъ законахъ во всемъ его объемѣ: царство этихъ законовъ—міръ растительныхъ и животныхъ организмомъ, хозяева въ этомъ царствѣ—біологи. Къ сожалѣнію также, мы не можемъ указать ни на одну біологическую теорію, гдѣ вопросъ объ эволюціонныхъ законахъ былъ бы поставленъ именно такъ, какъ это было бы желательно для опредѣленія того отношенія, въ какомъ разсматриваемые законы находятся къ законамъ каузальнымъ. То, что можно сказать обо всемъ этомъ съ точки зрѣнія исторіи развитія элементовъ культуры, по необходимости будетъ крайне недостаточно, такъ какъ до сихъ поръ и въ указанной области мы имѣемъ слишкомъ мало научно препарированнаго матеріала, слишкомъ мало сколько-нибудь удовлетворительно рѣшенныхъ частныхъ вопросовъ, не говоря уже о томъ, что многіе вопросы, коимъ давнымъ-давно было бы нужно получить формулировку, до сихъ поръ остаются даже непоставленными. Впрочемъ, намъ здѣсь и не предстоитъ углубляться въ этотъ предметъ, такъ какъ та его сторона, которая необходимо должна быть принята въ расчетъ при опредѣленіи роли личности въ культурной исторіи, на нашъ взглядъ не заключаетъ такихъ затрудненій, какъ другія его стороны.

Если одни писатели отвергаютъ «законы развитія», тѣмъ самымъ отрицая возможность наблюденія нѣкоторой правильности въ рядахъ смѣняющихся фактовъ, то другіе, наоборотъ, сильно держатся за эту идею и притомъ не по однимъ тѣмъ соображеніямъ, которыя вытекаютъ изъ аналогіи между органическимъ и соціальнымъ развитіемъ,—аналогіи, впрочемъ, не для всѣхъ обязательной,—а потому, что, какъ мы выше сказали, эволюціонныя формулы номологическаго характера уже устанавливаются науками, изучающими народную, общественную и историческую жизнь, при чемъ формулы эти являются выводами, сдѣланными иногда на основаніи громаднаго фактическаго матеріала. Какъ на одного изъ новѣйшихъ защитниковъ идеи эволюціонныхъ законовъ, мы можемъ указать на Бурдо. Въ особомъ параграфѣ своей

книги объ «Исторіи и историкахъ», озаглавленномъ «Modes spéciaux de progression» [1]), онъ проводитъ ту мысль, что «такъ какъ каждая спеціальная функція разума происходитъ въ совершенно особыхъ условіяхъ, то слѣдовало бы различать столько же категорій законовъ, сколько существуетъ родовъ дѣятельности» [2]). Онъ находитъ, напр., что «весьма легко возстановить порядокъ фазисовъ, которые логически долженъ былъ пройти прогрессъ полезныхъ искусствъ» [3]). Извѣстный порядокъ наблюдается въ развитіи художествъ вообще и каждаго изящнаго искусства въ частности [4]). То же самое примѣняетъ авторъ къ наукѣ, къ языку [5]), къ общественнымъ формамъ [6]). Къ сожалѣнію, у Бурдо преобладаетъ здѣсь стремленіе доказать не столько единообразіе хода развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры, сколько прогрессивность этого развитія, и въ этомъ отношеніи онъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ и другіе авторы, касавшіеся предмета. Если бы и Бурдо и всѣ писатели, коихъ интересовалъ предметъ, устранивъ изъ его разсмотрѣнія элементъ субъективной оцѣнки, все свое вниманіе сосредоточили на вопросѣ о томъ, насколько мы имѣемъ право говорить объ единообразіи развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры у разныхъ народовъ, то имъ пришлось бы придти къ отрицательнымъ выводамъ: въ однихъ случаяхъ они обнаружили бы только единообразіе въ самомъ общемъ съ крайнимъ разнообразіемъ въ частностяхъ; въ другихъ они должны были бы указать, что и эти единообразія могутъ быть примѣняемы только къ извѣстнымъ народамъ, тогда какъ остальные подъ найденныя формулы не подходятъ; еще въ иныхъ случаяхъ они не нашли бы никакихъ явныхъ единообразій и въ общемъ и т. д. Пусть кто-нибудь докажетъ противное. Не говоря уже о томъ, что у каждаго народа есть, такъ сказать, свой особый планъ развитія, вытекающій изъ условій, извѣстнымъ образомъ сложившихся только для этого народа,—и каждый отдѣльный элементъ культуры у каждаго народа имѣетъ нѣсколько иную исторію, нежели у всѣхъ остальныхъ. Съ другой стороны, однако, какъ ни бросаются въ глаза различія, такъ называемое сравнительное изученіе находитъ и массу сходнаго: эти сходства касаются отдѣльныхъ процессовъ въ цѣломъ, хотя бы подробности представляли собою большую пестроту, не поддающуюся никакимъ обобщеніямъ, или касаются, наоборотъ, именно нѣкоторыхъ только элементовъ разныхъ процессовъ, которые въ цѣломъ какъ разъ и оказываются не совсѣмъ похожими одинъ на другой. Сравнительное изученіе не устанавливаетъ правилъ для всѣхъ случаевъ, такъ-какъ каждое правило знало бы гораздо больше исключеній, чѣмъ нормальныхъ случаевъ, но зато оно обнаруживаетъ су-

---

[1]) *Bourdeau*, 368—385. [2]) Ibid., 368. [3]) Ibid., 369—370.
[4]) Ibid., 373—374. [5]) Idid., 376. [6]) Ibid., 380 sq.

ществованіе нѣкоторыхъ общихъ направленій какъ въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры, такъ и въ эволюціи цѣлыхъ обществъ. Прохожденіе языками стадій радикальной, агглютинативной и флексивной и переходъ флексивныхъ языковъ изъ состоянія аналитическаго въ синтетическое, равно какъ другія аналогіи въ исторіи отдѣльныхъ языковъ указываютъ на нѣкоторую закономѣрную послѣдовательность въ лингвистической эволюціи. Такія же закономѣрныя послѣдовательности открываются сравнительнымъ изученіемъ религій (послѣдовательность фетишизма, политезма и монотеизма) [1]), литературъ (постепенность обособленія эпоса, лирики, драмы), права и т. п., и именно только путемъ такого сравнительнаго изученія возможно устанавливать формулы эволюціонныхъ законовъ [2]). Какимъ же образомъ объясняются съ точки зрѣнія этого изученія какъ замѣчаемое имъ разнообразіе частныхъ исторій со всѣми индивидуальными уклоненіями отъ общихъ формулъ, такъ и возможность, несмотря на это, формулированія нѣкоторыхъ общихъ положеній? Отвѣчая на вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ мы наблюдаемъ сходства у разныхъ народовъ, представители названнаго направленія указываютъ на 1) общее происхожденіе отдѣльныхъ народовъ, у коихъ эти сходства обнаружены, въ силу чего сходное является общимъ исконнымъ ихъ достояніемъ, на 2) заимствованія, какія одинъ народъ дѣлаетъ у другихъ, и на 3) то, что «одинаковыя причины, какъ выражается Фриманъ въ своей «Сравнительной политикѣ», какъ бы велико ни было различіе времени и мѣста, ведутъ къ одинаковымъ результатамъ» [3]). Если устранить сходства двухъ первыхъ категорій, которыя могутъ касаться только культурныхъ формъ, а не культурныхъ процессовъ, то останется признать, что съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія сходство отдѣльныхъ процессовъ объясняется исключительно на основаніи закона причинности: одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Насъ, однако, такой выводъ удовлетворить не можетъ, если дѣлать изъ него основаніе для другого вывода, именно для отрицанія эволюціонныхъ законовъ въ томъ же смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Штейнталь. Мы согласны, что при одинаковыхъ условіяхъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ будутъ повторяться извѣстныя послѣдовательности формъ, принимавшихся отдѣльными элементами культуры, а при условіяхъ неодинаковыхъ эти послѣдовательности будутъ различныя, и даже пойдемъ дальше, указавъ на то, что при каждомъ сравненіи непремѣнно найдутся черты сходства и черты различія, поскольку одни условія совпадаютъ, другія же нѣтъ. Но весь вопросъ въ томъ, что разумѣть подъ одинаковыми или неодинаковыми условіями? Каждая

[1]) О. В. Ф. И. II, 274 и слѣд. (370 и слѣд.).

[2]) Ibid., II, 11—12 (23—24).

[3]) *Фриманъ.* Сравнительная политика. Спб. 1880, стр. 20.

вещь зависитъ отъ двоякаго рода условій, именно отъ внѣшнихъ, въ каковыя она попадаетъ случайно, въ силу необходимости, которую мы назвали феноменологической, и отъ условій внутреннихъ, присущихъ самой вещи въ силу необходимости номологической [1]). Движеніе падающаго тѣла обусловливается дѣйствіемъ тяжести (внутренній моментъ) и свойствами среды, въ коей происходитъ движеніе (внѣшній моментъ): дѣйствіе тяжести подчинено извѣстному закону, въ силу коего наблюдается извѣстная правильность въ послѣдовательности моментовъ паденія тѣла, но проявляться этому закону въ чистомъ видѣ и единообразно во всѣхъ случаяхъ мѣшаетъ разнообразіе тѣхъ средъ, въ коихъ тѣла въ дѣйствительности падаютъ. И ростъ организма обусловливается, съ одной стороны, внутренними свойствами живыхъ существъ, съ другой—свойствами внѣшней среды, въ которой приходится жить организму, и какъ ни отступаютъ внутреннія свойства растеній или животныхъ одного и того же вида въ ту или другую сторону отъ нѣкоторой средней величины,—что тоже является причиной разнообразія на-ряду съ различіями во внѣшней обстановкѣ,—все-таки есть нѣчто общее въ этихъ свойствахъ. Подобно тому, далѣе, какъ падающее тѣло пріобрѣтаетъ такую-то скорость только въ такой-то моментъ своего движенія, т.-е. прошедши извѣстное количество моментовъ въ извѣстной послѣдовательности, такъ и организмъ можетъ достигнуть извѣстной стадіи только послѣ другой опредѣленной стадіи, которая въ свою очередь бываетъ возможна лишь послѣ третьей, имѣющей также свой особый характеръ. Это разсужденіе мы можемъ примѣнить и къ элементамъ культуры. Каждый изъ нихъ въ своей исторіи обусловленъ великимъ множествомъ внѣшнихъ по отношенію къ его сущности обстоятельствъ: сущность языка, права, поэзіи, государства, т.-е. то, что составляетъ *quid proprium* каждаго элемента культуры, вездѣ одна и та же, но каждый такой конкретный элементъ существуетъ въ условіяхъ весьма неодинаковыхъ сравнительно съ другимъ тождественнымъ по существу элементомъ: условія физической природы, прирожденныя свойства расы, комбинаціи другихъ элементовъ культуры и т. д., все это бываетъ весьма различно, и этимъ объясняется, почему одинъ и тотъ же элементъ въ одномъ случаѣ имѣлъ одну исторію, въ другомъ другую. Но вѣдь и элементу самому что-нибудь да принадлежитъ, присущи же ему нѣкоторыя свойства, дѣлающія изъ него то, чѣмъ онъ есть, отличающія вездѣ — языкъ отъ права, поэзію отъ государства, промышленную технику отъ философіи, и этими внутренними свойствами каждаго элемента, одинаковыми у каждой націи, тоже обусловливается его эволюція: постольку же, поскольку эти свойства одинаковы для каждаго

---

[1]) См. выше, стр. 244. Ср. стр. 368.

элемента у всѣхъ народовъ, и должна замѣчаться нѣкоторая правильность въ культурномъ развитіи. Языкъ, религія, государство могли возникнуть только извѣстнымъ образомъ, болѣе или менѣе общимъ у всѣхъ народовъ, и явившись въ силу этого съ извѣстными свойствами, они тѣмъ самымъ могли пріобрѣтать новыя только въ извѣстной последовательности, въ нѣкоторомъ естественномъ порядкѣ, внутренняя необходимость котораго была бы очевидна. Разъ первая стадія развитія каждаго элемента вездѣ одинакова при общности человѣческой природы и сходствахъ условій жизни первобытныхъ народовъ, и разъ каждая стадія подготовляетъ другую, которая изъ нея должна произойти чисто естественнымъ путемъ, мы могли бы вездѣ имѣть единообразный ходъ развитія, если бы внѣшнія условія были бы тожественны съ самаго начала и съ теченіемъ времени не порождалось все большее и большее ихъ разнообразіе. — Вотъ наше рѣшеніе вопроса объ эволюціонныхъ законахъ. Оно, конечно, слишкомъ общо, но мы и не имѣли въ виду иной цѣли, какъ установить различіе между тѣмъ, что въ каждой эволюціи обусловлено свойствами самой развивающейся вещи и что зависитъ отъ внѣшнихъ условій. Весь дальнѣйшій вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собой для отдѣльныхъ элементовъ культуры присущія имъ свойства и вліяющія на нихъ внѣшнія условія (и какія именно условія), но этотъ вопросъ нескоро еще получитъ свое разрѣшеніе, хотя можно предположительно высказать, что есть элементы культуры, менѣе, чѣмъ другіе, доступные внѣшнему воздѣйствію, а потому дѣйствительно саморазвивающіяся (напримѣръ, языкъ), и есть, наоборотъ, элементы, сильно зависящіе отъ постороннихъ условій и ими, такъ сказать, развиваемые (напр., философія). Въ числѣ внѣшнихъ воздѣйствій мы должны поставить дѣйствіе сознательной человѣческой воли, сила которой по отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ культуры далеко неодинакова, а это можетъ зависѣть лишь отъ степени устойчивости внутреннихъ свойствъ различныхъ элементовъ культуры, какъ по отношенію къ этому воздѣйствію, такъ и по отношенію къ другимъ. Вообще было бы крайне рискованно и утверждать, что каждый элементъ культуры развивается только изъ самого себя безъ всякаго участія постороннихъ по отношенію къ нему силъ, а признавъ дѣйствіе послѣднихъ, и говорить, что во всѣхъ эволюціяхъ вообще и въ каждой эволюціи на всемъ ея протяженіи въ частности отношеніе между внутреннимъ и внѣшнимъ остается одно и то же. Противополагая безсознательному процессу саморазвитія культуры изъ собственныхъ началъ сознательное дѣйствіе личности, какъ нѣчто по отношенію къ ней внѣшнее, мы обязаны признать, что не вездѣ и не всегда это дѣйствіе одинаково безсильно (или сильно). Мы полагаемъ даже, что тамъ, гдѣ сознательныя дѣйствія личностей могутъ

быть особенно сильны, позволительно было бы ожидать не только ускоренія культурнаго процесса, какъ думаетъ Милль [1]), но и болѣе существенныхъ на него вліяній [2]). Во всякомъ случаѣ эволюціонные законы, какъ бы слабо они ни проявлялись и въ чемъ бы ни заключалась ихъ реальная основа, должны быть признаны исторической наукою, какъ отличные отъ строго каузальныхъ.

Это признаніе не обязываетъ насъ, однако, отождествлять культурные процессы съ органическими. По поводу такого отождествленія мы позволимъ себѣ здѣсь привести мнѣніе нѣмецкаго философа Лотце, коснувшагося въ своемъ «Микрокозмѣ», между прочимъ, и взгляда, который сближаетъ представленіе объ образованіи культуры съ мыслью объ естественномъ развитіи [3]). Когда, по его словамъ, впала въ немилость раціоналистическая привычка строить всякую связную цѣлость образованія культуры изъ извѣстнаго числа маловажныхъ случаевъ и изобрѣтеній, тогда начали объяснять формы общества, возникновеніе нравовъ, строеніе языка и связь религіозной вѣры органическимъ развитіемъ. Въ этомъ взглядѣ Лотце выставляетъ на видъ два пункта: во-первыхъ, то, что все, происходящее органически, должно, *не завися отъ нашей сознательной и свободной дѣятельности*, *развиваться съ необходимостью изъ природы нашего духовнаго существа*, а во-вторыхъ, то, что все, составляющее общее культурное достояніе различныхъ личностей, *происходитъ не изъ ихъ сознательнаго и очевиднаго взаимодѣйствія*, *а является непосредственнымъ произведеніемъ одного общаго всѣмъ ихъ духа*. Лотце не отрицаетъ господства въ насъ безсознательной необходимости, которая возбуждаетъ наше стремленіе и даетъ ему точно опредѣленное направленіе. Но, говоритъ онъ, если научному изслѣдованію когда-нибудь и удастся объяснить этотъ темный процессъ, трудность естественнаго объясненія возникновенія культуры этимъ не облегчится. Она заключается именно не въ томъ, что въ отдѣльной душѣ развивается связное цѣлое духовной жизни, а въ томъ, что такія развитія, совершаясь въ разныхъ душахъ, образуютъ своимъ соединеніемъ общее духовное достояніе. Аналогія съ органическимъ происхожденіемъ какъ-разъ здѣсь не объясняетъ ничего. Для доказательства своей мысли Лотце обращается къ примѣру языка. «Безсознательное стремленіе природы, говоритъ онъ, можетъ выну-

---

[1]) См. выше, стр. 313 и слѣд.

[2]) Въ этомъ отношеніи мы совершенно не соглашаемся съ Марксомъ, который, установивъ свою формулу экономической эволюціи, думаетъ, что это—законъ, его же не прейдеши.

[3]) *Лотце*. Микрокозмъ. Мысли о естественной и бытовой исторіи человѣчества. М. 1867. III, 71—83. Ср. Философскіе этюды (Смыслъ исторіи и матерія и духъ). Спб. 1865. Здѣсь (стр. 11—25) сокращенно изложено это мѣсто изъ книги Лотце безъ указанія источника.

ждать каждаго индивидуума къ выраженію своего внутренняго состоянія посредствомъ опредѣленныхъ звуковъ. Какъ бы ни были однородны возбуждаемость, построеніе мыслей и теченіе представленій у членовъ одного племени, *никогда это согласіе не подастъ съ механическимъ однообразіемъ повода къ выбору тѣхъ же звуковъ для тѣхъ же представленій и тѣхъ же флексій для выраженія тѣхъ же отношеній*. Словесный звукъ непосредственно изображаетъ не предметы, одинаковые для всѣхъ, а ихъ впечатлѣнія, различныя у различныхъ лицъ. Даже у одного лица, сообразно съ смѣной настроеній, впечатлѣніе отъ одинаковаго раздраженія бываетъ одинаково не во всѣ мгновенія; поэтому языкъ, при своемъ происхожденіи, долженъ былъ бы всегда называть предметы разными именами, если бы уже существующее имя не сливалось въ нашемъ воспоминаніи съ представленіемъ самого предмета. Слѣдовательно, съ какой бы торжественной темнотой мы ни представляли себѣ силы органическаго стремленія къ языку, конечно, слово всегда сначала выговаривалось отдѣльнымъ ртомъ съ тонкими или толстыми губами. *Первоначально оно принадлежало только тому, кто образовалъ его, и дѣлалось общимъ достояніемъ только тогда, когда другіе угадывали его значеніе и повторяли то же слово въ томъ же смыслѣ*. Если бы въ образованіи языка участвовали *вмѣстѣ и съ одинаковыми правами многіе индивидуумы*, то они создали бы для многихъ представленій очень много различныхъ словъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга». Но этого-то Лотце и не признаетъ. По его словамъ, происхожденіе языка изъ соединенія работъ многихъ индивидуумовъ должно было умножить поводы къ подобному разнообразію, которое дошло бы до невозможности взаимнаго пониманія, если бы число равноправныхъ изобрѣтателей словъ было значительно. «Безъ сомнѣнія, языкъ произошелъ не такъ, какъ происходятъ постановленія какого-нибудь внезапно собравшагося общества; уже образовавшееся сокровище словъ съ такимъ же авторитетомъ, какъ и другія жизненныя учрежденія, переходящія по преданію, медленно распространялось въ предѣлахъ семьи, группы семей, племени и естественнаго преемства родовъ. *Творческое стремленіе во всѣхъ областяхъ быстро исчезаетъ, лишь только находится образецъ, подражая которому можно удовлетворить его потребностямъ*. Поэтому существующее слово препятствовало происхожденію другихъ для обозначенія того же содержанія; или они и происходили, но исчезали подобно многимъ словамъ, которыя изобрѣтаются нашими дѣтьми и забываются, когда ходъ ихъ мыслей входитъ въ связь съ ходомъ мыслей у взрослыхъ. Такимъ образомъ въ остаткѣ получалось только то многоразличіе языка, которое было *результатомъ взаимнаго уравненія между работами немногочисленныхъ семей, образовавшихъ его независимо другъ отъ друга*». Отъ лексической стороны языка Лотце

переходитъ къ грамматической. Указавъ на то, что есть много средствъ для обозначенія различныхъ отношеній (сочетаніе, сліяніе корней, перемѣны въ нихъ звуковъ) и что каждое изъ этихъ средствъ допускаетъ безчисленное множество различныхъ приложеній, онъ ставитъ вопросъ о томъ, какъ при такомъ множествѣ возможностей происходитъ послѣдовательное построеніе языка, т.-е., какъ въ преемствѣ различныхъ родовъ и при значительномъ уже количествѣ народа могла быть признана и получить господство именно одна изъ многихъ формъ языка. Онъ предполагаетъ, что долгое время дѣлались многія попытки къ образованію формъ, и что онѣ, даже отъ уравненія, производимаго взаимнымъ приспособленіемъ, не слились въ одно послѣдовательное построеніе языка, и въ связи съ такимъ предположеніемъ онъ ставитъ рядъ вопросовъ, интересныхъ только для лингвиста. «Какъ бы, однако, продолжаетъ онъ, ни рѣшился частный вопросъ объ языкѣ, наше общее положеніе отъ этого не теряетъ своей силы. Происхожденіе каждаго общаго духовнаго достоянія предполагаетъ періодъ времени, въ который *части работы, органически произведенныя отдѣльными индивидуумами по необходимости ихъ природы, сливаются въ связное цѣлое посредствомъ ихъ взаимнаго приспособленія. Только отдѣльныя живыя души составляютъ дѣятельные пункты въ теченіи исторіи; все общее получаетъ дѣйствительное бытіе и становится силой только тогда, когда является въ какомъ-нибудь изъ индивидуумовъ и потомъ въ процессѣ взаимодѣйствія между ними признается всѣми*».

Лотце критикуетъ органическій взглядъ на исторію и съ другой стороны, находя, что взглядъ этотъ хочетъ удалить изъ судебъ человѣчества не только этотъ механизмъ взаимодѣйствія, но и все случайное, одинъ изъ самыхъ тутъ любимыхъ пріемовъ доказывать о событіяхъ,—конечно, послѣ того, какъ они случились,—что эти именно событія необходимо должны были случиться, и что никакой индивидуальный произволъ не могъ задержать этихъ послѣдовательныхъ развитій духа времени. Конечно, оговаривается авторъ «Микрокозма», никакая индивидуальная сила не можетъ получить значенія въ исторіи, пока не сумѣетъ подчинить себѣ какія-нибудь изъ побужденій къ дѣятельности или пассивныхъ наклонностей, заключающихся въ человѣческой природѣ, но, съ другой стороны, по его теоріи, и тѣ сильные люди, которые съ умственною изобрѣтательностью или съ упорнымъ постоянствомъ воли вторгались въ ходъ исторіи, какъ рѣшители ея судебъ, вовсе не были только дѣтьми и выраженіями своего времени. Въ бо̀льшей части случаевъ *всеобщій духъ человѣчества, прославляемый за свое органическое развитіе, доходилъ только до чувства существующаго гнета и желанія перемѣны; онъ ставилъ задачи, которыя нужно было разрѣшить; но выполненіе этихъ желаній и его*

особенный видъ составляетъ заслугу и дѣло немногихъ индивидуумовъ. Въ иныхъ случаяхъ ему даже не предшествовало безсильное чувство потребности, а только удавшіяся духовныя стремленія немногихъ съ трудомъ побѣждали лѣнивое безсмысленное сопротивленіе массы и давали новое направленіе ея движенію. Наконецъ, и тамъ, гдѣ индивидуальная сила дѣйствительно бралась за разрѣшеніе задачъ времени, быть можетъ, только немногія изъ ея дѣйствій точно удовлетворяли требованіямъ минуты; большая ихъ часть въ высшей степени дѣятельно производитъ много такого добра и зла, которое далеко превосходитъ потребность минуты, или не стоитъ съ ней ни въ какой связи. Въ безчисленныхъ случаяхъ развитіе, которое слѣдовало предвидѣть, прерывалось; искусный расчетъ дальновидныхъ умовъ часто заставлялъ даже глубоко возбужденный потокъ настроенія совершенно забывать о своей первоначальной цѣли и надолго подчинялъ его искусственнымъ цѣлямъ. Конечно, прибавляетъ Лотце, человѣчество имѣло однородныя расположенія и потребности, но *не всѣ принимали одинаковое участіе въ удовлетвореніи его стремленій; немногіе индивидуумы первоначально указывали и помогали достигать ихъ ошибающемуся, неспособному, лишенному творчества большинству.* Лотце указываетъ далѣе на то, что это вліяніе личностей имѣетъ различную силу, *сообразно съ различіемъ областей человѣческой дѣятельности* [1], съ различнымъ характеромъ историческихъ временъ и съ многоразличіемъ условій для взаимодѣйствія индивидуальной силы съ массой человѣчества. Въ большинствѣ случаевъ человѣческое остроуміе возбуждается къ изобрѣтенію зависимостью отъ природы, и мысли, производящія здѣсь самую необходимую часть дѣла, происходятъ изъ такихъ простыхъ сочетаній обыкновенныхъ опытовъ, что первоначальное хозяйство, встрѣчаемое нами у самыхъ различныхъ народовъ, оружія, сосуды, плетенья, украшенья—*легко объясняются всеобщимъ инстинктомъ безъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ индивидуумами.* Но всѣ болѣе утонченныя и высшія средства, въ большей степени подчинявшія природу человѣку, *приписываются отдѣльнымъ изобрѣтателямъ;* и въ этомъ отношеніи жизнь имѣетъ свой вѣкъ героевъ между первыми началами культуры и періодомъ ея всеобщаго распространенія. Если какой-нибудь кругъ мыслей, какъ, напр., современное естествознаніе, достигаетъ высокой степени развитія, и владѣетъ не только безчисленными фактическими знаніями, но и разными способами изслѣдованія и ясными указаніями на области, въ которыхъ нужно искать разрѣшенія существующихъ задачъ, то однажды пришедшій въ движеніе потокъ изслѣдованія быстро приноситъ другъ за другомъ множество полезныхъ изобрѣтеній. Эти изобрѣтенія,

---

[1]) На это мы сами только-что указали, стр. 378—379.

повидимому, *происходятъ изъ всеобщаго духа, такъ какъ множество индивидуумовъ, получившихъ возможность къ дѣятельности, и живость ихъ взаимодѣйствія скрываютъ отъ насъ особенное участіе каждаго изъ нихъ.* Дурныя слѣдствія отъ противорѣчія съ общеизвѣстными законами, открываемыми наукой, дѣйствуютъ такъ убѣдительно на каждое отдѣльное лицо, что большое число небольшихъ поправокъ въ способѣ дѣйствія непосредственно слѣдуетъ за каждой неудавшейся попыткой, и такимъ образомъ *кажется, что вся система удовлетворенія нашихъ потребностей сама постепенно улучшаетъ себя собственной силой, а не изобрѣтеніями индивидуумовъ.* Тѣмъ не менѣе эти законы дѣлаются неясными: ихъ нужно бываетъ приложить къ новымъ случаямъ. Наука неоспоримо совершила великое дѣло, показавъ ихъ приложеніе и при такихъ обстоятельствахъ; а *она явилась не безъ личныхъ творческихъ талантовъ отдѣльныхъ лицъ.* Лотце прилагаетъ то же и къ учрежденіямъ. Всеобщая однородность человѣческой природы и ея потребностей, безъ сомнѣнія, сначала необходимо *приводитъ къ порядкамъ отношеній, которыя вездѣ одинаково развиваются и смѣняются другъ другомъ.* Но если бы естественное развитіе общества было предоставлено на самомъ дѣлѣ органическому совокупному дѣйствію его собственныхъ отдѣльныхъ силъ, то *все-таки политическое руководство ими при сложности внѣшнихъ условій, выборъ надлежащаго пути въ надлежащее мгновеніе должны опять принадлежать мудрости или ошибкѣ отдѣльныхъ лицъ.* Поэтому-то, прибавляетъ Лотце, древность вездѣ въ началѣ своихъ политическихъ исторій ставитъ имена отдѣльныхъ законодателей и при этомъ выводитъ изъ индивидуальной силы высшаго ума—не первое основаніе порядка, который могъ развиться только изъ взаимодѣйствій народной массы, а первое прочное его утвержденіе. Наконецъ, говоритъ онъ еще, едва-ли нужно прибавлять, что неясныя формы мечтательности часто имѣютъ темное происхожденіе, но никогда религіи не являются въ исторіи безъ личныхъ основателей: и здѣсь удовлетвореніе потребностей, однородно происходящихъ при подобныхъ отношеніяхъ въ однородной массѣ человѣчества, принадлежитъ силѣ отдѣльныхъ душъ.

Въ концѣ Лотце устраняетъ одно возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ его взгляда. Именно неопредѣленность, съ какою, по крайней мѣрѣ, для человѣческихъ глазъ, входятъ въ нашу жизнь индивидуальныя силы, повидимому, можетъ быть опасною для послѣдовательности всякаго историческаго развитія, разлагая его въ постоянное колебаніе по направленіямъ, не имѣющимъ между собою никакой связи. Лотце указываетъ на то, что каждая личная сила нуждается для своей дѣятельности въ воспріимчивости массъ, а недостатокъ въ послѣдней или существованіе противоположныхъ настроеній не позво-

ляетъ осуществиться ни всѣмъ полезнымъ, ни всѣмъ вреднымъ, или однимъ какъ полезнымъ, такъ и вреднымъ дѣйствіямъ, которыя заключаются въ тенденціи отдѣльной личности,—по крайней мѣрѣ не дозволяетъ обнаружиться тѣмъ изъ нихъ, которыя противорѣчатъ или остаются чуждыми современнымъ потребностямъ. Чѣмъ живѣе взаимныя сношенія въ обществѣ, чѣмъ развитѣе въ немъ обмѣнъ мыслей, и чѣмъ далѣе и то, и другое распространяется на большіе союзы народовъ, тѣмъ болѣе измѣняются условія для вліянія личностей. Конечно, поприще ихъ возможныхъ дѣйствій увеличивается, но вѣроятная величина ихъ дѣйственности уменьшается въ отношеніи ко всему тому, что не стоитъ въ непосредственной связи съ существующими уже направленіями и потребностями. Все это находитъ себѣ противодѣйствіе въ совокупной силѣ общественнаго мнѣнія и настроенія; оно уже подвергло своему суду всѣ возможныя жизненныя отношенія, произнесло о нихъ какое-нибудь рѣшеніе и не легко позволяетъ произволу индивидуальнаго вліянія увлекать себя отъ своихъ многочисленныхъ корней къ совершенно новымъ развитіямъ. Такимъ образомъ, съ умноженіемъ руководящихъ личностей, и во внѣшнемъ образѣ исторіи исчезаетъ ихъ перевѣсъ, и *общая работа возбуждающихъ и возбужденныхъ элементовъ получаетъ видъ органическаго произрастанія*.

На приведенное разсужденіе Лотце мы уже ссылались во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ*, передавъ тамъ мысль его только вкратцѣ [1]). По нашему мнѣнію, она заслуживаетъ большого вниманія. Наибольшую органичность развитія видѣли всегда въ языкѣ, и въ этомъ была доля истины, но Лотце именно и показываетъ на примѣрѣ языка, что, строго говоря, органическаго развитія этотъ элементъ культуры не представляетъ. Историческая школа права любила сравнивать съ лингвистическою эволюціей и юридическую, особенно выдвигая на первый планъ обычное право, но мы еще увидимъ, что въ современной юриспруденціи и на возникновеніе обычая высказывается взглядъ, аналогичный тому, какой мы находимъ у Лотце относительно языка [2]). Кромѣ того, мы сами установляемъ тотъ взглядъ, что въ отдѣльныхъ элементахъ культуры вліяніе личности имѣетъ далеко не одинаковое значеніе. Наконецъ, важно и сдѣланное Лотце различеніе между случаями, когда культурные факты объясняются «всеобщимъ инстинктомъ» и когда на сцену являются изобрѣтатели, при чемъ, съ его точки зрѣнія, всеобщій инстинктъ не можетъ объяснить культурнаго движенія, хотя для того, чтобы единичный изобрѣтатель могъ нѣчто создать, нужна и воспріимчивость массъ. Послѣднія соображенія при-

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 174 и слѣд. (260 и слѣд.).

[2]) См. ниже, гл. IV (взглядъ проф. Сергѣевича).

водятъ насъ къ новому вопросу относительно причинности и закономѣрности въ культурномъ процессѣ.

Поскольку культурныя состоянія и культурныя измѣненія касаются, главнымъ образомъ, не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ соціальныхъ группъ [1]), причины этихъ фактовъ не могутъ быть индивидуальныя: онѣ суть всегда причины соціальныя или коллективныя. Въ культурѣ той или другой группы не можетъ произойти измѣненія, которое отразилось бы на всей группѣ или какой-либо ея части, если на то нѣтъ причинъ, лежащихъ во всѣхъ или нѣкоторыхъ членахъ группы: индивидуальная причина въ состояніи произвести только такое слѣдствіе, которое и значеніе будетъ имѣть индивидуальное же. Эта истина была, къ сожалѣнію, источникомъ разныхъ недоразумѣній, внесшихъ въ теорію общества и исторіи ненаучные взгляды. Оспариваемая въ приведенномъ разсужденіи Лотце идея, въ силу которой культурное достояніе народа есть непосредственное произведеніе нѣкотораго общаго духа, вытекаетъ отчасти изъ того соображенія, что вещь, всѣхъ касающаяся, и причину должна имѣть, всѣхъ касающуюся. Этотъ общій духъ называется духомъ народа, духомъ времени, всеобщимъ духомъ человѣчества, всеобщимъ инстинктомъ и т. п. (всѣ эти выраженія взяты у Лотце, но они, конечно, употребляются и другими писателями), и ему самому по себѣ приписывается способность порождать новые культурные факты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ общее духовное достояніе является всегда результатомъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ душъ, изъ коихъ каждая, конечно, не есть необходимымъ образомъ простое повтореніе другихъ. «Только отдѣльныя живыя души, говоритъ Лотце, составляютъ дѣятельные пункты въ теченіи исторіи», и только немногимъ индивидуумамъ, говоритъ онъ еще, принадлежитъ честь разрѣшенія задачъ, ставимыхъ духомъ времени, т.-е., выражаясь проще, наличностью общихъ условій эпохи. Общій духъ, какъ нѣчто самобытное, нужно отнести къ числу созданій соціологической метафизики, хотя бы послѣдняя и принимала наукообразную форму и въ основѣ ея лежала (фальшивая на нашъ взглядъ) аналогія съ организмомъ, заставляющая въ pendant къ соціальному тѣлу придумывать и особую соціальную душу [2]). Но и съ болѣе реальнымъ понятіемъ общихъ условій нужно обращаться осторожно: общимъ условіямъ можно легко приписать такую силу, какой они въ дѣйствительности не имѣютъ, или распространивъ ихъ дѣйствіе, ограниченное извѣстнымъ, хотя и очень большимъ кругомъ индивидуумовъ, и на тѣ лица, для коихъ они какъ-бы не существуютъ вовсе, или упустивъ изъ виду дѣйствіе частныхъ причинъ, безъ коихъ

[1]) См. выше, стр. 346 и слѣд.

[2]) Ср. О. В. Ф. И., II, 76 и слѣд. (108 и слѣд.).

общія не были бы въ состояніи произвести то, что относится исключительно на ихъ счетъ. Другими словами, общія условія (обозначимъ ихъ, какъ A) бываютъ таковыми (т.-е. общими), иногда только относительно, т.-е. общими не всѣмъ членамъ группы, а только извѣстной ея части, да и въ послѣдней ихъ дѣйствіе сопровождается дѣйствіемъ условій относительно частныхъ, т.-е. существующихъ только для нѣкоторыхъ категорій лицъ, или даже условій прямо индивидуальныхъ (пусть это будутъ b, c, d, e и т. д.). Между условіями абсолютно общими, т.-е. равными для всѣхъ, и условіями, абсолютно индивидуальными, т.-е. сложившимися опредѣленнымъ образомъ только для единицъ, располагается цѣлая градація условій по убывающей общности и возрастающей частности, при чемъ дѣйствіе болѣе общихъ условій усложняется дѣйствіемъ условій болѣе частныхъ, пока, наконецъ, мы не дойдемъ до условій самыхъ частныхъ, до условій индивидуальныхъ. Въ концѣ концовъ окажется, что общее, какъ таковое, одно и само по себѣ никогда не существуетъ. Но обратимся къ культурнымъ измѣненіямъ и посмотримъ, какой выводъ можно по отношенію къ нимъ сдѣлать изъ только-что приведеннаго разсужденія. Критикуя органическій взглядъ, Лотце еще допускаетъ возможность объясненія нѣкоторыхъ явленій изъ «всеобщаго инстинкта»: возникаетъ новый культурный фактъ, по этому представленію, иногда просто въ силу того, что всѣ, побуждаемые одною и тою же причиною, дѣлаютъ одно и то же. Мы и этого допустить не можемъ. По нашему мнѣнію, и въ природѣ, и въ исторіи уклоненія отъ общаго типа происходятъ постепенно, при чемъ всегда есть первые и есть послѣдніе, есть раньше другихъ уходящіе впередъ и есть отсталые. Случай, когда бы всѣ одновременно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же общихъ условій что-либо измѣнили въ своей дѣятельности въ одномъ и томъ же направленіи, совершенно невозможенъ въ дѣйствительности. Культурныя группы состоятъ изъ индивидуумовъ, которые при всей общности элементовъ, связывающихъ ихъ воедино, чѣмъ-нибудь другъ отъ друга да отличаются. Различіе внѣшнихъ и внутреннихъ условій дѣятельности отдѣльныхъ личностей (т.-е. частныхъ причинъ) необходимѣйшимъ образомъ скажется на томъ, что та или другая перемѣна общихъ условій, коей мы приписываемъ значеніе причины культурнаго измѣненія, неодинаково отразится на отдѣльныхъ личностяхъ: однѣ почувствуютъ перемѣну раньше, другія позже, и тѣ, которыя почувствуютъ ее раньше, чѣмъ другія, а потому окажутся первые способными выступить на новый путь, отнесутся къ почувствованной перемѣнѣ далеко не одинаково, такъ какъ дѣйствіе общихъ причинъ всегда усложняется дѣйствіемъ причинъ частныхъ, такъ что для одного общая причина (A) въ соединеніи съ частною (b) получитъ одно значеніе ($A + b = B$), для другого же та же общая причина въ соединеніи

съ иною частною причиною *(с)* пріобрѣтетъ и значеніе совершенно уже не такое *(A + c = C)*, вслѣдствіе чего отдѣльные члены группы измѣнятъ свою дѣятельность не въ одномъ какомъ-либо направленіи *(X)*, котораго мы имѣли бы право ожидать, а въ направленіяхъ, отличныхъ одно отъ другого (*B*, *D*, *C*, и т. д.). Разъ одни выступаютъ на новый путь раньше другихъ, позволительно видѣть въ нихъ иниціаторовъ, людей, подающихъ примѣръ, а во всѣхъ остальныхъ лицахъ, вступившихъ впослѣдствіи на тотъ же путь, лишь подражателей, которые хотя и дѣйствовали подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, что и первые, все-таки пожали плоды чужой мысли. Не всѣ одинаково способны пролагать новые пути въ жизни, хотя бы этого и требовали обстоятельства: одинъ просто не почувствуетъ такого требованія, другой не сумѣетъ сдѣлать изъ него логическаго вывода, третій остановится передъ новизной дѣла, четвертый не сумѣетъ практически за него приняться и т. п. Равнымъ образомъ и тогда, когда пути проложены, не всѣ съ одинаковою охотою пойдутъ за новаторами: не говоря уже о томъ, что инымъ самый фактъ существованія новыхъ путей останется неизвѣстнымъ или самые пути будутъ невполнѣ понятны, и по другимъ причинамъ многіе предпочтутъ старое новому, потому ли, что новое противорѣчитъ привычнымъ взглядамъ на вещи, потому ли, что оно затрогиваетъ дорогіе интересы, потому ли, что требуетъ большей энергіи. Какъ ни настоятельны бываютъ требованія времени, чувствуются они не всѣми въ одинаковой степени: рядомъ съ ними отдѣльныя личности испытываютъ на себѣ вліянія, которыя суживаютъ кругъ людей, способныхъ самостоятельно отозваться на эти требованія, а послѣ того, какъ послѣднія получили первое свое удовлетвореніе, суживаютъ и кругъ людей, способныхъ увлечься чужимъ примѣромъ. Но и это еще не все: такъ какъ требованія времени понимаются однимъ такъ, другимъ иначе [1]) въ силу того, что общія причины дѣйствуютъ не на всѣхъ одинаково не только въ смыслѣ интенсивности, но и прямо въ отношеніи своего содержанія, и иниціаторы сами пойдутъ по разнымъ новымъ путямъ, при чемъ у каждаго могутъ быть (но могутъ и не быть) свои подражатели, у одного въ одномъ количествѣ, у другого въ другомъ. Между разными направленіями произойдетъ борьба: побѣдитъ, конечно, то новое направленіе, которое охватитъ наибольшую сферу дѣйствія, а это будетъ зависѣть отъ того, въ какую сторону наиболѣе будутъ дѣйствовать общія условія, хотя этимъ не исключается возможность ни существованія стараго рядомъ съ новымъ, ни появленія параллельно съ главнымъ измѣненіемъ измѣненій второстепенныхъ. Нужно мыслить понятіями, а не словами: духъ народа или эпохи, общія условія или

---

[1]) Ср. выше, стр. 275 и слѣд., а также 300—301.

причины, потребности времени, задачи того или другого историческаго момента и всякія иныя выраженія, имѣющія аналогичный смыслъ, суть простыя слова, пока мы не превращаемъ ихъ въ логическія понятія съ реальнымъ содержаніемъ, пока не анализируемъ явленій, ими обозначаемыхъ, на ихъ составные элементы. Именно въ томъ-то и дѣло, что каждое изъ этихъ явленій представляетъ изъ себя нѣчто сложное, а это обстоятельство требуетъ анализа, анализа и еще анализа при всѣхъ объясненіяхъ фактовъ изъ общихъ причинъ. Конечно, историческая наука сдѣлала громадный шагъ впередъ, перешедши къ такимъ объясненіямъ отъ прежнихъ индивидуалистическихъ воззрѣній, въ коихъ на первомъ планѣ стояло всегда только одно частное, индивидуальное, случайное, но, къ сожалѣнію, она не всегда должнымъ образомъ манипулируетъ новымъ оружіемъ: все общее является для нея нерѣдко чѣмъ-то неразлагаемымъ на составные элементы. Въ главѣ VI первой части настоящаго труда мы уже указывали на то, что до сихъ поръ нѣтъ даже намека на существованіе теоріи исторической причинности по отношенію къ прагматическимъ фактамъ, и вотъ теперь намъ представляется случай обнаружить новый пробѣлъ: теоріи причинности и для культурнаго процесса равнымъ образомъ не существуетъ. И тутъ приходится еще все создавать чуть не съизнова. Я позволю себѣ здѣсь обратить вниманіе читателя только на нѣкоторыя частности общаго вопроса, безъ разсмотрѣнія которыхъ мы не можемъ подвинуться впередъ въ рѣшеніи главной задачи.

Говоря о возникновеніи новыхъ культурныхъ фактовъ, мы обязаны различать въ явленіи двѣ стороны: одной изъ нихъ касается вопросъ о томъ, кому принадлежитъ иниціатива новаго факта, или какъ онъ именно произошелъ; къ другой относится вопросъ о сферѣ его примѣненія, т.-е. о томъ, насколько онъ получилъ распространеніе. Когда всѣ члены общества одновременно подвергаются дѣйствію какихъ-либо новыхъ условій, заставляющихъ всѣхъ и каждаго въ одномъ и томъ же направленіи измѣнить что-либо или въ своихъ мысляхъ, или въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, или въ своихъ навыкахъ, не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи вопроса объ инициативѣ новаго факта отъ вопроса о сферѣ его распространенія: всѣ одинаково являются инициаторами, и этимъ рѣшается вопросъ о томъ, какъ великъ кругъ лицъ, коего коснулась перемѣна. Но такой случай возможенъ только въ теоріи: на практикѣ, строго говоря, его не бываетъ, и мы уже видѣли [1]), что, во-первыхъ, каждое культурное измѣненіе имѣетъ инициаторовъ и подражателей, и что, во-вторыхъ, подражателями не бываютъ (по крайней мѣрѣ сразу) всѣ члены культурной группы. Такимъ образомъ и приходится отдѣлять вопросъ

---

[1]) См. выше, стр. 386.

объ иниціативѣ отъ вопроса о распространеніи. Хотя въ буквальномъ смыслѣ иниціатива перемѣны и не можетъ принадлежать всѣмъ членамъ группы, тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, когда трудно провести границу между иниціаторами и подражателями: какъ однихъ, такъ и другихъ бываетъ такъ много, что измѣненіе и кажется непосредственнымъ продуктомъ общей дѣятельности. Совершенную противоположность этимъ случаямъ представляютъ изъ себя тѣ, когда, наоборотъ, и граница между иниціаторами и подражателями обозначается рѣзко, и число первыхъ бываетъ весьма незначительно, если даже не сводится прямо къ одной личности. Какъ по отношенію къ другимъ явленіямъ исторической жизни, и здѣсь мы должны признать своего рода градацію уменьшающагося числа иниціаторовъ параллельно съ усиленіемъ разницы между этими послѣдними и имитаторами: отдѣльные случаи помѣщаются на разныхъ ступеняхъ этой градаціи, такъ что общаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ бываетъ всегда, быть не можетъ. Т.-е. бываетъ и такъ, бываетъ и не такъ, и задачей науки было бы опредѣлить, въ какихъ именно случаяхъ какъ бываетъ. Съ другой стороны, при болѣе или менѣе ограниченномъ числѣ иниціаторовъ и число подражателей можетъ быть весьма различно, начиная съ однихъ случаевъ, когда таковыми являются чуть не всѣ, и кончая другими случаями, когда иниціаторъ находитъ лишь очень немногихъ имитаторовъ, если только вообще ихъ находитъ. Понятное дѣло, что и къ этимъ отношеніямъ примѣнима идея градаціи, такъ что и тутъ возможны крайне разнообразные случаи, и это равнымъ образомъ позволяетъ намъ сказать, что бываетъ и такъ, бываетъ и не такъ, и что наука должна дознаться, при какихъ условіяхъ необходимо ожидать тѣхъ или другихъ отношеній. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что даръ инноваціи не есть удѣлъ всѣхъ: есть такія сферы мысли и жизни, гдѣ явиться иниціаторомъ значитъ обнаружить рѣдкую геніальность, хотя бы новая теоретическая или практическая идея и осталась личнымъ достояніемъ человѣка, ее высказавшаго. Если бы одни общія условія даннаго времени заключали въ себѣ рѣшительно всѣ элементы для произведенія такой мысли и не требовалось для этого еще одного, въ данномъ случаѣ рѣшающаго все дѣло элемента [1]), т.-е. исключительной личности, съ ея творческими силами, всѣ люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, одновременно производили бы одно и то же новое. Но это невозможно, и невозможно еще въ большой степени, чтобы всѣ портные одновременно пришли къ одной и той же мысли измѣнить покрой платья, хотя бы извѣстное измѣненіе отвѣчало на извѣстный запросъ со стороны обстоятельствъ, сопровождающихъ ношеніе платья, или чтобы всѣ сельскіе хозяева сразу и оди-

---

[1]) См. выше, стр. 180 и слѣд.

наковымъ образомъ измѣнили сѣвооборотъ, хотя бы и тутъ измѣненіе соотвѣтствовало какимъ-нибудь общимъ требованіямъ времени, или чтобы всѣ говорящіе на какомъ-либо языкѣ стали употреблять совершенно одинаковымъ образомъ каждымъ изъ нихъ составленное новое слово, хотя бы въ словѣ этомъ и чувствовалась дѣйствительно нужда. Но если общія условія сами собою, т.-е. безъ творческой иниціативы единицы или многихъ, не порождаютъ новыхъ фактовъ, то съ другой стороны новые факты не распространяются путемъ подражанія, если этому не содѣйствуютъ, а особенно если имъ противорѣчатъ—общія условія. Конечно, никакая геніальность безъ дѣйствія на нее общихъ условій ничего произвести не можетъ, но участіе послѣднихъ въ генезисѣ инноваціи еще не гарантируетъ, что эту инновацію, такъ сказать, подхватитъ имитація: одни условія соціальной жизни (беря условія въ широкомъ смыслѣ вообще культурныхъ фактовъ) могли натолкнуть исключительную натуру на новую плодотворную мысль, которая и явится такимъ образомъ продуктомъ личности и эпохи, но рядомъ съ этими условіями въ обществѣ существуютъ другія, дѣйствіе коихъ выразится, наприм., или въ томъ, что новая идея не получитъ достаточнаго распространенія, не войдетъ въ жизнь, если это идея практическая, или даже въ томъ, что ее встрѣтитъ вражда. Говоря объ условіяхъ распространенія всякихъ инновацій, мы должны помнить, что подъ условіями мы имѣемъ право разумѣть не только наличность однихъ обстоятельствъ, но и отсутствіе другихъ: новизна принимается не только потому, что на то существуютъ положительныя причины, но и потому, что просто нѣтъ причинъ отрицательныхъ, совершенно такъ же, какъ новизна часто не распространяется не потому, чтобы тому что-либо препятствовало, а по той причинѣ, что ей ничто не содѣйствуетъ. Наличность общихъ условій, необходимыхъ для возникновенія инноваціи, можетъ существовать рядомъ или съ наличностью столь же общихъ условій, неблагопріятныхъ для ея распространенія, или только съ отсутствіемъ такихъ условій (опять-таки, конечно, общихъ), которыя должны были бы содѣйствовать принятію новизны обществомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что общія условія, порождающія черезъ нѣкоторыя личности идеи новыхъ культурныхъ фактовъ, могутъ не совпадать въ одномъ и томъ же обществѣ и въ одно и то же время съ общими условіями, необходимыми для того, чтобы другія личности приняли и реализировали эти идеи. Характерно для эпохи появленіе данной идеи (или непоявленіе той или другой идеи, когда по нѣкоторымъ даннымъ ея можно было бы ожидать), но характерно и то, будетъ ли она принята или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы говоримъ о преждевременности идеи (какъ въ иныхъ случаяхъ выражаемся въ томъ смыслѣ, что она пришла слишкомъ поздно), но что это значитъ, какъ не то, что въ данный моментъ общія условія

не благопріятствуютъ ея распространенію? Только по отношенію къ нимъ она можетъ быть несвоевременной, но никакъ не по отношенію къ тѣмъ общимъ условіямъ, которыя ее породили: по отношенію къ своимъ причинамъ все является въ надлежащее время, и было бы чудо, если бы что-либо въ исторіи возникло прежде своего времени, т.-е. прежде того, какъ сложатся всѣ обстоятельства, совокупность коихъ необходима для того, чтобы это «что-либо» произошло. Это, однако, отнюдь не мѣшаетъ данному факту возникнуть раньше или позже по отношенію къ другимъ фактамъ, съ которыми онъ могъ бы сочетаться такъ или иначе: для того, чтобы явленіе, вполнѣ своевременное по отношенію къ своимъ причинамъ, могло породить другія явленія, нужно, чтобы къ этому подогнались, такъ сказать, благопріятныя обстоятельства. Разъ инициатива получаетъ весь свой историческій смыслъ лишь тогда, когда влечетъ за собою культурную инновацію, возможную только путемъ имитаціи, вопросъ о времени инициативы играетъ важную роль: идея можетъ явиться слишкомъ рано, чтобы получить соціальное значеніе (какъ можетъ явиться и слишкомъ поздно, когда оказывается безсильной дать тѣ практическіе результаты, коихъ отъ нея можно было бы ожидать). Во всякомъ случаѣ, говоря о новомъ культурномъ фактѣ, мы можемъ спрашивать себя отдѣльно о томъ, какія общія условія (въ содѣйствіи съ частными, индивидуальными, конечно) его породили и какія общія условія (и насколько вмѣстѣ съ тѣмъ) его распространили.

Распространеніе инноваціи путемъ подражанія не есть единственный способъ, которымъ новая идея входитъ въ жизнь. Имитаціонный путь приложимъ ко всѣмъ элементамъ культуры, коимъ можно обучиться или которые поддерживаются исключительно однимъ психическимъ культурнымъ вліяніемъ. Бываетъ еще культурное вліяніе, пользующееся соціальными средствами: когда общественною властью вводится новое установленіе, то требуемыя имъ новыя отношенія распространяются не въ силу подражанія поданному примѣру, а въ силу повиновенія данному приказанію. Идея новыхъ отношеній, возникновеніе и распространеніе коей въ извѣстной части общества вполнѣ оправдывается нѣкоторыми общими условіями, по другимъ общимъ условіямъ можетъ быть усвоена или отвергнута политическимъ авторитетомъ страны, равно какъ принятіе или непринятіе ея послѣднимъ, объясняющееся изъ дѣйствія такихъ-то и такихъ-то условій, еще не рѣшаетъ вопроса, распространятся или не распространятся требуемыя этой идеей отношенія въ обществѣ, привьется ли задуманное установленіе къ жизни: это будетъ зависѣть отъ того, насколько будутъ тутъ благопріятствовать иныя общія условія. Идея политической и общественной реформы возникла въ польскомъ обществѣ XVIII вѣка несомнѣнно не по личному капризу нѣсколькихъ поляковъ, а въ силу

общихъ условій, въ какихъ находилась Рѣчь Посполитая, и подобныя же общія условія сначала дѣлали законодательное осуществленіе преобразованій невозможнымъ, потомъ — возможнымъ, но иныя опять-таки общія же условія производили то, что новые законы не передѣлали старыхъ отношеній. И тутъ можно говорить о несвоевременности явленій, о ихъ, такъ сказать, разновременности, хотя всѣ они произошли въ одно время, были порождены его общими условіями: идея реформы въ Польшѣ пришла и слишкомъ поздно въ одномъ отношеніи (именно для спасенія государства), и слишкомъ рано въ другомъ (именно вслѣдствіе неподготовленности общества).

Итакъ, нѣтъ понятія болѣе растяжимаго, чѣмъ, напримѣръ, духъ времени, и нѣтъ ссылки болѣе голословной, чѣмъ ссылка на общія причины и условія, когда не показывается, кому и насколько они общи, какъ на кого они дѣйствуютъ, въ соединеніи съ какими и въ какихъ общественныхъ группахъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ частными и индивидуальными причинами и условіями они производятъ свои слѣдствія, въ какомъ отношеніи одни изъ общихъ обстоятельствъ находятся къ другимъ, что и какъ именно порождается ими, что и чего способствуетъ распространенію. Подобный же анализъ нужно примѣнять и къ понятію самой культуры, на которую, какъ мы увидимъ, позволительно смотрѣть, и какъ на совокупность условій дѣятельности отдѣльныхъ личностей, и какъ на совокупность результатовъ этой дѣятельности. То, что мы называемъ общими условіями по отношенію къ однимъ элементамъ культуры, можетъ и не имѣть этого значенія по отношенію къ другимъ. Дѣло въ томъ, что каждый элементъ культуры имѣетъ свои особенности, которыя касаются весьма многихъ сторонъ общественной жизни: потребности, удовлетворяемыя тѣмъ или другимъ элементомъ культуры, способъ и средства удовлетворенія, группа лицъ, являющаяся его носительницей, условія его устойчивости и измѣнчивости, зависимость его измѣненій отъ сознательной дѣятельности человѣка, роль въ нихъ личной иниціативы и подражанія въ широкомъ смыслѣ, степень самостоятельности по отношенію къ другимъ элементамъ, вліяніе на послѣдніе и пр. и пр., все это различно для разныхъ элементовъ, и то, что справедливо относительно условій существованія и измѣненій грамматическихъ формъ, можетъ быть вовсе непримѣнимо къ формамъ политическимъ, и что вѣрно для идей, можетъ оказаться ложнымъ по отношенію къ навыкамъ. Теорія причинности культурныхъ фактовъ только тогда будетъ вполнѣ законченной теоріей, когда изслѣдуетъ законы взаимодѣйствія элементовъ культуры: намъ уже извѣстно, что историческій процессъ, взятый во всѣхъ своихъ существенныхъ проявленіяхъ, заключается не только во взаимодѣйствіи личностей между собою и взаимодѣйствіи между личностями и культурою, но и во взаимодѣйствіи между

элементами культуры [1]). Впрочемъ, эту задачу теоріи исторической причинности я здѣсь только намѣчаю, такъ какъ она уже выходитъ за предѣлы нашего главнаго вопроса.

Въ главѣ, посвященной прагматическому каузализму, мы не разсмотрѣли одного вопроса, который хотя и имѣетъ общее значеніе въ теоріи исторической причинности, съ особеннымъ удобствомъ можетъ быть разсмотрѣнъ только теперь. Понятію причины противополагается понятіе цѣли, и каузальное объясненіе представляетъ изъ себя антитезу объясненія телеологическаго. Если послѣднее безъ ущерба для полноты и точности знанія изгоняется изъ теорій физическихъ процессовъ, то при объясненіи явленій, происходящихъ въ мірѣ духа, безъ понятія цѣли обойтись нельзя: человѣкъ дѣйствуетъ и въ прагматическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ не безцѣльно. Для теоріи культурныхъ феноменовъ это обстоятельство имѣетъ особое значеніе: прежде говорили, что элементы культуры суть произведенія искусства, сознательно созданныя человѣкомъ въ виду такихъ-то и такихъ-то цѣлей, потомъ стали говорить, что они суть только естественные продукты безсознательно дѣйствующихъ въ человѣческомъ обществѣ общихъ причинъ. Это возвращаетъ насъ къ тому вопросу, съ котораго мы и начали разсмотрѣніе роли личности въ культурномъ процессѣ. Ему-то и посвятимъ мы окончаніе настоящей главы.

Элементы культуры, какъ было сказано, отожествляются нерѣдко съ организмами, въ ихъ развитіи видятъ органическую эволюцію. Если уже нужно вопросъ о культурѣ ставить на естественно-историческую почву, если ужъ нельзя обойтись безъ натуралистическихъ аналогій въ теоріи культурнаго процесса исторіи, то прямѣе всего и съ большею пользою для самого дѣла слѣдовало бы обратиться къ тѣмъ явленіямъ въ животномъ мірѣ, которыя строго соотвѣтствуютъ культурѣ въ мірѣ человѣческомъ, представляя, конечно, лишь, зачаточную ея стадію. За послѣднее время изученіе нравовъ и формъ общежитія соціальныхъ животныхъ сдѣлало большіе успѣхи [2]), и если мы имѣемъ право говорить объ обществахъ животныхъ, то съ не меньшимъ правомъ можемъ употреблять и выраженіе «культура животныхъ» [3]). Отъ нея черезъ культуру первобытнаго человѣка и современнаго ди-

---

[1]) См. уже приведенныя выше (стр. 140) слова изъ О. В. Ф. И.: «механизмъ исторіи сводится къ взаимодѣйствію личностей и надъорганической среды къ взаимодѣйствію людей между собою подъ вліяніемъ среды и къ взаимодѣйствію ея элементовъ подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка».

[2]) Главныя сочиненія названы у насъ въ О. В. Ф. И. II, 102 (141—142).

[3]) Конечно, тутъ необходимы нѣкоторыя оговорки, хотя бы и вытекающія изъ тѣхъ соображеній, которыя не позволяли одному изъ знатоковъ психической жизни животныхъ распространить на эту жизнь понятіе обычая. *В. Вундтъ.* Этика. Спб. 1887. Стр. 118.

каря мы восходимъ къ культурѣ историческихъ народовъ по длинной лѣстницѣ прогрессивной эволюціи: обращеніе къ тому, что завѣдомо составляетъ эмбріональныя формы данныхъ явленій, для исторической теоріи можетъ быть, разумѣется, гораздо полезнѣе всѣхъ аналогій между двумя вещами, которыя только благодаря натяжкамъ бываютъ относимы къ одному и тому же классу предметовъ [1]). На такую точку зрѣнія въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ сталъ, между прочимъ, Вундтъ, авторъ извѣстныхъ «Vorlesungen über die Menschen und Thierseele» [2]), который и въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, посвященныхъ «изслѣдованію фактовъ и законовъ нравственной жизни», рекомендуетъ по вопросу о началѣ общества обратиться къ изслѣдованію животныхъ общежитій. «Такъ какъ, говоритъ онъ, мы должны признать, что простѣйшія чувства и побужденія у животнаго и человѣка въ существенномъ обладаютъ сходными свойствами, то намъ приходится допустить, что въ извѣстныхъ явленіяхъ общественной жизни животныхъ мы видимъ по меньшей

---

[1]) Въ русской литературѣ разсмотрѣніе вопроса объ анимальной культурѣ мы нашли въ двухъ работахъ, очевидно, одного и того же автора. Въ статьѣ «До человѣка» (*Отеч. Зап.*, т. CLXXXIX, отд. I) есть глава о происхожденіи культуры въ зоологическомъ ряду существъ, при чемъ подъ культурою авторъ разумѣетъ «тѣ формы жизни, которыя образуются привычками и унаслѣдованными преданіями», т.-е. «общежительныя привычки и преданія общественной техники», происхожденіе же ихъ ищетъ «въ элементарныхъ психическихъ процессахъ, а не въ сознательной, цѣлесообразной дѣятельности мысли» (стр. 68 и слѣд.). Въ другой работѣ, на которую мы уже прежде ссылались именно въ «Цивилизаціи и дикихъ племенахъ» важны главы 5 (происхожденіе общественной связи у животныхъ), 6 (культура животныхъ), 15 (общественный элементъ безпозвоночныхъ), 16 (общественный элементъ позвоночныхъ). Въ главѣ 6 мы читаемъ тутъ, между прочимъ, слѣдующее объ общественности и техникѣ животныхъ: «физическія потребности или личныя влеченія производятъ сближеніе особей въ большемъ или меньшемъ числѣ. Физическія условія или случайности обстановки устанавливаютъ обычай, обращаютъ его въ привычку, иногда видоизмѣняютъ его и даютъ начало новой системѣ обычаевъ и привычекъ, обращающихся въ столь неизмѣнное преданіе, что естествоиспытатель можетъ принять его за инстинктъ животнаго. Развитіе общественной жизни ведетъ за собою болѣе или менѣе обширную технику, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе подробное раздѣленіе труда. Какъ только обычай установился, особь ему подчиняется безусловно тамъ, гдѣ общественная жизнь наиболѣе развита (у осъ, пчелъ, муравьевъ). Всякая личная свобода немыслима; всякая личная критика невозможна; всякое отступленіе отъ обычая влечетъ за собою смерть. *Обычай измѣняется и можетъ измѣняться лишь отъ внезапнаго измѣненія общихъ условій*».—«Животный міръ, говоритъ еще авторъ, могъ создать общество, семью, государство и технику въ формѣ обычая и преданія, *опирающихся на потребности и привычки*» (стр. 152).

[2]) Есть въ рус. пер. подъ заглавіемъ «Душа человѣка и животныхъ». Съ своей стороны мы уже пользовались тѣмъ же пріемомъ во второмъ томѣ О. В. Ф. И, 102—110 (141—152).

мѣрѣ первыя ступени тѣхъ сторонъ нравственной жизни, которыя связаны съ формами жизни совмѣстной»[1]). Къ какому же выводу онъ приходитъ? «Всѣ союзы животныхъ, читаемъ мы нѣсколько далѣе, согласуются между собою въ томъ, что посредствомъ ихъ достигаются извѣстныя цѣли, благопріятныя для отдѣльныхъ индивидуумовъ или, по крайней мѣрѣ, для большинства. Относительно всѣхъ случаевъ подобнаго рода, продолжаетъ Вундтъ, теперь встрѣчается обыкновенно *та ошибка, что достигнутая цѣль принимается за дѣйствующую причину или спеціально въ данномъ случаѣ за мотивъ, который-де сознательно лежалъ въ основѣ дѣятельности*». Вундтъ находитъ, что «въ примѣненіи къ человѣческому обществу это заблужденіе получаетъ подтвержденія во многихъ фактахъ, *происшедшихъ несомнѣнно путемъ цѣлесообразной дѣятельности*», но что «относительно животныхъ такое мнѣніе не можетъ удержаться долго, благодаря *громадному несоотвѣтствію между достигнутыми результатами и тѣмъ сознательнымъ размышленіемъ, которое требовалось бы, если бы эти результаты были достигнуты преднамѣренно*». И «невозможность такого сознательнаго достиженія цѣли» онъ доказываетъ нѣсколькими примѣрами[2]). Это разсужденіе мы можемъ приложить и къ происхожденію человѣческаго общества съ разными элементами его культуры, хотя этимъ еще не отрицается возможность въ дальнѣйшемъ развитіи—полученія разныхъ результатовъ именно путемъ цѣлесообразной дѣятельности: одно мы и называемъ въ общественной культурѣ естественнымъ, другое—искусственнымъ, такъ что возникновеніе перваго объясняемъ чисто причиннымъ путемъ (непреднамѣреннымъ), другое—путемъ цѣлевымъ (преднамѣреннымъ), при чемъ въ наукѣ все болѣе и болѣе утверждается привычка искать причиннаго объясненія тамъ, гдѣ прежде давалось объясненіе цѣлевое, особенно когда дѣло касается наиболѣе раннихъ формъ матеріальнаго, моральнаго и соціальнаго быта народовъ. Изученіе животныхъ общежитій съ зачатками анимальной культуры параллельно съ изученіемъ жизни современныхъ дикарей и первобытнаго состоянія всего человѣчества, сдѣлавшія вообще такіе успѣхи за послѣднія десятилѣтія, только укрѣпляютъ насъ въ этомъ общемъ представленіи, и для нѣкоторыхъ изслѣдователей область искусственнаго, требующая чисто цѣлевого объясненія своихъ фактовъ, сама по себѣ, съ этой точки зрѣнія не очень обширная, является какъ-бы какой-то фикціей, съ которою наукѣ пора было бы распрощаться. Такъ ли это, однако?

Въ естествознаніи, несомнѣнно, преобладаетъ въ настоящее время тенденція—чисто причиннымъ способомъ объяснять такія явленія, которыя прежде иначе не объяснялись, какъ телеологически: даже въ

---

[1]) *Вундтъ*. Этика, 115.

тѣхъ случаяхъ, когда въ строеніи какого-либо органа наблюдаются приспособленія, какъ бы преднамѣренно расчитанныя на выполненіе имъ извѣстной функціи, натуралисты предпочитаютъ прибѣгать къ той общей идеѣ, что подобныя приспособленія складываются мало-помалу сами собою путемъ дѣйствія извѣстныхъ причинъ, а не являются сразу созданными по заранѣе придуманному плану для достиженія заранѣе поставленныхъ цѣлей. Многими объясненіями, полученными вслѣдствіе примѣненія такой точки зрѣнія, естествознаніе имѣетъ полное право гордиться, какъ наилучшими результатами усилій человѣческаго ума проникнуть въ тайны природы. Мысль о такомъ же естественномъ происхожденіи проникла въ науки о духовномъ и общественномъ человѣчествѣ, именно по вопросу о возникновеніи отдѣльныхъ элементовъ культуры: то, что поражаетъ въ растительныхъ и животныхъ организмахъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, наблюдается, напр., въ языкѣ, но въ настоящее время никому уже не придетъ въ голову утверждать, чтобы кѣмъ-либо преднамѣренно былъ придуманъ грамматическій строй языка, чтобы способы словообразованія посредствомъ суффиксовъ—и словоизмѣненія посредствомъ флексій были дѣломъ сознательнаго расчета, чтобы тѣ или другія фонетическія измѣненія были приняты, какъ говорилось прежде, въ цѣляхъ благозвучія. Но, принимая все это, имѣемъ ли мы право утверждать, чтобы въ дальнѣйшемъ развитіи элементовъ культуры, имѣющихъ такое происхожденіе, совсѣмъ не дѣйствовали преднамѣренность, сознательный расчетъ и основанное на немъ искусство въ широкомъ смыслѣ этого слова, и чтобы совсѣмъ не существовало такихъ элементовъ, трансформація коихъ именно прежде всего требуетъ преднамѣренности? Изъ того, что новыя породы растеній и животныхъ происходятъ путемъ естественнаго подбора, вовсе вѣдь не вытекаетъ невозможность подбора искусственнаго, т.-е. того, чтобы и человѣкъ сознательно и преднамѣренно, именно руководясь извѣстными соображеніями и въ виду извѣстныхъ цѣлей, исполнялъ дѣло, обыкновенно совершаемое еинственно путемъ причиннаго дѣйствія силъ природы [1]). Мы говоримъ здѣсь не объ искусствѣ, стремящемся поддѣлаться подъ природу, а объ искусственномъ созданіи того, чего сама природа сдѣлать не въ состояніи, не объ искусственныхъ зубахъ, напр., которые всегда будутъ хуже естественныхъ, а объ искусственныхъ, культивированныхъ породахъ плодовыхъ деревьевъ или домашнихъ животныхъ, или объ искусственныхъ способахъ передвиженія. Есть, несомнѣнно, два способа для возникновенія всего, что окружаетъ человѣка: одно происходитъ при самомъ широкомъ со стороны человѣка примѣненіи требованія, заключающагося въ *laissez faire*, *laisser passer*, другое воз-

---

[1]) Мы уже обращали вниманіе на это въ О. В. Ф. И. II, 199 (285).

никаетъ путемъ сознательнаго и преднамѣреннаго его вмѣшательства въ «естественный ходъ вещей», благодаря чему человѣкъ измѣняетъ самую природу. Кто желаетъ охватить сразу все значеніе этого различія между естественнымъ и искусственнымъ въ культурной жизни человѣчества, тотъ найдетъ массу указаній на этотъ счетъ въ одномъ обширномъ соціологическомъ трудѣ, на который мы уже имѣли случай сослаться, критикуя воззрѣніе Спенсера объ естественномъ ходѣ вещей [1]), оставивъ болѣе подробное ознакомленіе читателя съ главною мыслью этого труда до настоящей главы. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, называется «Динамическая соціологія»; авторомъ его является американецъ Lester Ward, одною же изъ красныхъ нитей его книги нужно считать именно различеніе между процессами, совершающимися въ силу простого дѣйствія причинъ, и процессами, объясняющимися только изъ понятія цѣли. Современный эволюціонизмъ, выросшій на почвѣ естествознанія, далъ и въ области соціологіи нѣсколько попытокъ объясненія общественнаго развитія исключительно изъ дѣйствія однѣхъ внѣшнихъ причинъ и условій какъ бы безъ всякаго сознательнаго расчета со стороны людей: въ III главѣ первой «книги» мы и разсмотрѣли вытекающее отсюда представленіе исторіи, какъ совершенно безличной эволюціи. Уордъ является принціальнымъ противникомъ такой концепціи, и съ этой стороны его «Динамическая соціологія» для насъ весьма важна [2]). Американскій соціологъ особенно настаиваетъ на различіи между естественнымъ и искусственнымъ развитіемъ, поясняя это различіе весьма понятной въ данномъ случаѣ ссылкой на естественный и искусственный подборъ, какъ ихъ опредѣляетъ Дарвинъ, при чемъ Уордъ предлагаетъ еще ввести въ науку понятія антропотелеологіи, телеологическаго дѣйствія человѣка или общества, ихъ телеологическихъ плановъ и мѣръ: съ такой точки зрѣнія искусственный, или телеологическій прогрессъ и отличается имъ отъ естественнаго, или генетическаго [3]). «*Человѣкъ*, говоритъ поэтому Уордъ, *есть κατ' ἐξοχήν настоящій телеологическій агентъ*». Признавая, однако, что въ болѣе широкомъ смыслѣ «дѣйствія человѣка суть слѣдствія сложныхъ предшествовавшихъ причинъ», и что «въ такомъ смыслѣ нѣтъ и не можетъ быть телеологическаго дѣйствія», онъ оговаривается, что это тѣмъ не менѣе все-таки не должно мѣшать тому, чтобы «разсматривать человѣческія дѣйствія, какъ вытекающія изъ мотивовъ, которые заключаются въ каждомъ

[1]) См. выше, стр. 64—65, примѣч. 6.

[2]) Во второмъ изданіи О. В. Ф. И. (I, 333—334) мы отмѣтили эту книгу, указавъ на сходство ея воззрѣній на историческую эволюцію съ тѣми, которыя высказаны были и нами самими. Dynamic Sociology вышла въ свѣтъ въ одномъ году съ О. В. Ф. И.

[3]) *Lester Ward*. Dynamic Sociology. New-Iork. 1883. I, 27—28.

индивидуумѣ», такъ какъ «*намѣреніе или предположеніе есть существенный базисъ телеологическаго дѣйствія*» [1]). Съ той точки зрѣнія, что соціальный прогрессъ есть прогрессъ телеологическій, Уордъ и полемизируетъ противъ принципа *laissez faire* [2]), разсматривая, между прочимъ, напр., законодательство, какъ изобрѣтеніе [3]). Обыкновенно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, все искусственное принимается за нѣчто худшее сравнительно съ естественнымъ, но, несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ искусство превосходитъ природу. Въ практическихъ искусствахъ, имѣющихъ цѣлью не подражаніе природѣ, не ея измѣненіе или приспособленіе къ нашимъ нуждамъ, весь прогрессъ искусства и заключается прямо въ удаленіи отъ природы [4]). Особеннымъ образомъ и постоянно настаивая на необходимости создать себѣ ясное представленіе о различіи между естественнымъ и искусственнымъ прогрессомъ [5]), Уордъ установляетъ еще слѣдующія понятія. Во-первыхъ, прогрессъ есть, по его опредѣленію, результатъ соотношенія (correspondence) между организмомъ и измѣнившейся средой, т.-е. приспособленія въ широкомъ смыслѣ, имѣющаго притомъ двѣ формы: пассивную, или консенсуальную и активную, или превизіональную. Первая представляетъ естественный прогрессъ, вторая—искусственный. Первая есть генетическій прогрессъ, вторая—телеологическій [6]). Въ связи съ этимъ мѣстомъ находится другое, гдѣ Уордъ также дѣлаетъ различіе между пассивнымъ и активнымъ прогрессомъ [7]). Послѣ этого и понятно, почему авторъ «Динамической соціологіи» является антагонистомъ Спенсера въ пониманіи соціальнаго процесса [8]). Въ главѣ, посвященной обзору синтетической философіи англійскаго мыслителя [9]), американскій соціологъ и подвергаетъ своей критикѣ его воззрѣніе. «Спенсеровская философія, говоритъ онъ..... никогда не признаетъ того, что я называю антропо-телеологическимъ прогрессомъ въ обществѣ. Она трактуетъ соціологію такъ, что никогда не касается ея активной или положительной динамической фазы и ограничивается почти исключительно ея статическими законами. На человѣческій прогрессъ Спенсеръ смотритъ съ совершенно такой же точки зрѣнія, съ какой разсматриваетъ про-

---

[1]) Ibid., I, 29. Уордъ прибавляетъ: human acts are as truly *causae finales* as if they emanated from a First Cause.

[2]) Ibib., I, 31 sq. Ср. у насъ выше, стр. 64—65, прим. 6.

[3]) *Ward.* I, 36 sq. О терминахъ *teleology* и *genesis* см. еще стр. 64--65.

[4]) Ibid, I, 71.

[5]) It is therefore important to gain a clear conception of the distinction between natural und and artificial progress. Ibid., I, 71.

[6]) Ibid., I, 72. [7]) Ibid., I, 56—58.

[8]) Ср. у насъ стр. 64—65, примѣч. 6.

[9]) Названіе главы: Brief survey of the synthetic philosophy of Herbert Spencer. I, 139.

грессъ біологическаго дифференцированія»[1]). Вообще Уордъ весьма часто возвращается къ установляемой имъ противоположности «генетическаго» и «телеологическаго», напримѣръ, прилагая эти понятія даже къ общей классификаціи явленій (именно на явленія генетическія и телеологическія). «Первое слово (genetic), говоритъ онъ, лучше, чѣмъ какое бы то ни было другое, соединяетъ идею причиненія (causation) съ идеей преемственности (continuance), безъ того, чтобы внушать при этомъ идею о происхожденіи (origin) или цѣли (purpose). Оно составляетъ прилагательное для нѣмецкаго Werden, которое прекрасно передается греческимъ γένεσις (genesis)». Не отрицая генетичности психическихъ явленій, Уордъ однако съ особою силою указываетъ на ту ихъ особенность, что въ нихъ проявляются цѣли, дѣлающіяся сами причинами измѣненій: въ этомъ-то смыслѣ психическія явленія онъ называетъ телеологическими[2]), такъ какъ ихъ признаки—произвольность, сознательность, цѣлесообразность, употребленіе усилій для достиженія цѣли, употребленіе извѣстныхъ средствъ[3]). Цѣли тутъ являются причинами, но въ отличіе отъ причинъ, лежащихъ въ основѣ генетическихъ феноменовъ, производимыхъ своими антецедентами (causae efficientes), онѣ должны называться конечными (causae finales)[4]). Или, напр., въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ тотъ тезисъ, что искусственность есть основной характеръ цивилизаціи[5]), повторяя, впрочемъ, и въ иныхъ мѣстахъ, что progress is an artificial phenomenon, i. e., it is the result entirely of human action[6]).

Приведенныя разсужденія американскаго соціолога вносятъ въ теорію исторической причинности важное дополненіе, впрочемъ, вполнѣ гармонирующее съ принятымъ нами въ VI главѣ первой части воззрѣніемъ на мотивацію, какъ на особый видъ достаточнаго основанія, царствующій вообще въ дѣлахъ человѣческихъ[7]). Въ книгѣ Уорда собрано громадное количество примѣровъ, подтверждающихъ и иллюстрирующихъ и безъ того, впрочемъ, достаточно обоснованную и самоё по себѣ ясную мысль[8]). Въ общемъ, конечно, новаго онъ ничего не

---

[1]) Ibid., I, 150. [2]) Ibid., II, 80. [3]) Ibid., II, 89—93.
[4]) Ibid., II, 91. [5]) Ibid., II, 205 sq. [6]) Ibid., II, 310.
[7]) См. выше, стр. 168 и слѣд.
[8]) Въ русской литературѣ впервые обстоятельное изложеніе идей Уорда сдѣлано въ статьѣ г. П. Н. «Прикладная соціальная наука и теорія прогресса» (Русская Мысль. 1889. Кн. XI—XII). Авторъ этой статьи отожествляетъ «антитезу генетическаго и телеологическаго процессовъ съ антитезой объективнаго и субъективнаго методовъ», о которыхъ было столько спора въ нашей соціологической литературѣ (Р. М. XI, 54 и 64), что мы находимъ и въ статьѣ В. В. Лесевича «Что такое научная философія?» (Ibid., 17). Не смѣшивая процессовъ со способами нашего отношенія къ нимъ, мы должны согласиться съ тѣмъ, что признаніе антропотелеологизма оправдываетъ субъективизмъ въ соціологіи. Отсюда то сходство между воззрѣніями Уорда и многихъ русскихъ соціологовъ-

сказалъ, но иногда бываетъ необходимымъ повторять истины, кажущіяся избитыми. Идея, въ сущности аналогичная той, которая составляетъ одну изъ основъ «Динамической соціологіи» Уорда, въ сущности развивается и Іерингомъ въ его «Zweck im Recht». Этотъ нѣмецкій юристъ является однимъ изъ главныхъ антагонистовъ исторической школы права, развивавшей, выражаясь терминомъ Уорда, строго генетическое воззрѣніе на происхожденіе и развитіе права. Хотя въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе разсмотримъ противоположность двухъ концепцій, къ которымъ сводятся разныя ученія о правовой эволюціи [1]), мы позволимъ себѣ привести здѣсь общія соображенія Іеринга объ интересующемъ насъ предметѣ. Пусть читатель самъ сравнитъ мысли американскаго соціолога и нѣмецкаго юриста. Отмѣтимъ только одно: оба они берутъ за исходный пунктъ ту истину, что человѣкъ есть настоящій телеологическій агентъ. Указавъ именно на то, что въ мірѣ ничего не происходитъ безъ причины, и что законъ этотъ примѣнимъ и къ волѣ [2]), Іерингъ прибавляетъ, что въ природѣ достаточнымъ основаніемъ бываетъ нѣчто механическаго свойства, именно причина, тогда какъ для воли оно должно быть свойства психологическаго, именно цѣль. «Сколь невозможно, говоритъ онъ, движеніе камня безъ причины, «*столь же мало возможно и движеніе воли безъ цѣли*». Видя въ цѣли «единственное психологическое основаніе проявленія воли», онъ и называетъ психологическій законъ причинности цѣлевымъ закономъ, который гласитъ: «нѣтъ хотѣнія, или, что то же, нѣтъ дѣянія безъ цѣли» [3]). Іерингъ даже полагаетъ, что «хотѣніе, внутренній процессъ образованія воли, не подчинено закону причинности», ибо, по его опредѣленію, «основою этого процесса служитъ не причина, а цѣль», и только «осуществленіе воли, проявленіе ея во внѣшнемъ мірѣ подчиняется закону причинности» [4]), хотя самъ же онъ говоритъ о причинѣ возникновенія такого представленія, которое становится цѣлью. Дѣло въ томъ, что авторъ «Цѣли въ правѣ» подъ причинами, повидимому, понимаетъ, главнымъ образомъ, внѣшнія вліянія, отстаивая такимъ образомъ внутреннее происхожденіе цѣлей: «внѣшнія вліянія, говоритъ онъ, не имѣютъ непосредственной, прямой власти надъ волею, а пріобрѣтаютъ эту власть лишь тогда, когда имъ удастся превратиться въ психологическіе мотивы», при чемъ «такая удача или

субъективистовъ (Ibid., 55). Отмѣчая книгу Уорда во второмъ изданіи О. В. Ф. И., я указалъ и на совпаденіе въ нашихъ воззрѣніяхъ (т. I, стр. 333—334). Въ статьѣ г. П. Н. обращается вниманіе на критику Уордомъ философіи Спенсера (XI, стр. 58 и слѣд.), на изложеніе противоположности между генетическимъ и телеологическимъ прогрессами (стр. 63 и слѣд.) и т. п.

[1]) См. ниже, въ главѣ IV.

[2]) *Р. Ф. Іерингъ*. Цѣль въ правѣ. Спб. 1881. I, 1.

[3]) Ibid., I, 2. [4]) Ibid., I, 6.

неудача зависитъ отъ степени сопротивленія, встрѣчаемаго ими во внутренней сферѣ субъекта [1])..... Въ какой бы, однако, связи ни находилась цѣль съ дѣяніемъ, говоритъ онъ еще, и какого бы рода она ни была, *безъ цѣли дѣяніе немыслимо. Дѣйствовать и дѣйствовать ради какой-либо цѣли — значитъ одно и то же*» [2]). Отрицая свободу воли въ томъ смыслѣ, чтобы воля могла придти въ движеніе самопроизвольно, безъ какого-либо побудительнаго основанія, «какъ сказочный Мюнхгаузенъ, извлекающій самого себя изъ болота за волосы» [3]), Іерингъ съ своей точки зрѣнія считаетъ тѣмъ не менѣе возможнымъ утверждать слѣдующее: «безконечная цѣль причинъ и слѣдствій во внѣшнемъ мірѣ прерываются при всякомъ столкновеніи съ человѣческою волею, надъ послѣднею законъ причинности не имѣетъ никакой власти, по отношенію къ природѣ воля свободна, не подчинена ея закону, она повинуется лишь своему—цѣлевому закону [4])..... Мы, поясняетъ онъ свою мысль, утверждаемъ лишь, что внѣшнія вліянія не имѣютъ надъ волею непосредственной, *прямой* (механической) власти, или,—что то же,—что воля подчиняется не закону причинности, а лишь цѣлевому закону» [5]). Сводя цѣль къ чистому представленію, онъ ищетъ причины возникновенія такого представленія прежде всего «въ самомъ субъектѣ, его индивидуальности, его характерѣ, его принципахъ, его воззрѣніяхъ на жизнь» [6]). Отсюда онъ и признаетъ волю «поистинѣ *творческою, т.-е. изъ самой себя зиждущею силою въ мірѣ*» [7]). Въ процессѣ образованія воли Іерингъ притомъ различаетъ слѣдующіе моменты: во-первыхъ, самоопредѣленіе [8]), во-вторыхъ, «*лежащую въ самомъ субъектѣ причину цѣли*», въ-третьихъ, цѣлеотношеніе или установленіе связи между цѣлью и самимъ собою (субъектомъ) [9]), въ-четвертыхъ, внѣшнее дѣйствіе. Не касаясь перваго и послѣдняго моментовъ, мы обратимъ вниманіе читателя лишь на пониманіе Іерингомъ сущности моментовъ второго и третьяго, которые онъ формулируетъ такъ: «причина и цѣль воли заключается въ самомъ животномъ» [10]). Такъ смотритъ на вопросъ знаменитый нѣмецкій юристъ. Лично мы отдаемъ предпочтеніе формулировкѣ телеологическаго принципа у Уорда, хотя, какъ мы увидимъ главнымъ образомъ въ слѣдующей главѣ, обѣ нуждаются въ значительномъ дополненіи: Іерингъ даже какъ будто хочетъ появленіе цѣлей въ сознаніи человѣка изъять изъ дѣйствія причинъ, какъ предшествующихъ событій или состояній, что мы и отмѣтили, излагая его воззрѣнія. За исключеніемъ этого несомнѣнно слабаго пункта все остальное, приведенное нами изъ его мыслей, заслуживаетъ признанія,

---

[1]) Ibid., I, 7. Cf. 16—17, а особенно стр. 1, гдѣ Іерингъ рѣшительнѣйшимъ образомъ высказывается противъ свободы воли.

[2]) Ibid., I, 9. [3]) Ibid., I, 1. [4]) Ibid., I, 16. [5]) Ibid., I, 17. [6]) Ibid., I, 7. [7]) Ibid., I, 17. [8]) Ibid., I, 19. [9]) Ibid., I, 20. [10]) Ibid., I, 22.

поскольку выдвигаетъ на первый планъ цѣль, расчетъ, преднамѣренность человѣческихъ дѣйствій: все, что въ этомъ воззрѣніи не можетъ быть безусловно принято и кажется противорѣчащимъ признаваемому самимъ Іерингомъ принципу невозможности безпричинныхъ явленій, нужно отнести на счетъ той односторонности, которая часто возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда съ какой-либо точки зрѣнія оспариваютъ другую односторонность.

Впрочемъ, воззрѣніе Іеринга заслуживаетъ вниманія и съ другой точки зрѣнія. Авторъ «Цѣли въ правѣ» дѣлаетъ нѣкоторую попытку опредѣлить то отношеніе, которое существуетъ между цѣлевымъ и причиннымъ законами,—въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ самъ допускаетъ существованіе этого отношенія. Во-первыхъ, онъ думаетъ, что лишь проявленіе воли во внѣшнемъ мірѣ, а не ея образованіе подчинено закону причинности, при чемъ, какъ мы видѣли, подъ причинами разумѣетъ, кажется, одни только внѣшнія вліянія, превращеніе коихъ въ психологическіе мотивы допустимо для него лишь подъ извѣстными условіями, представляемыми внутреннимъ міромъ субъекта. Во-вторыхъ, признавая, съ другой стороны, подчиненіе цѣлей, какъ слѣдствій, причинамъ, коренящимся лишь въ самомъ субъектѣ, Іерингъ характеризуетъ волю, причина и цѣль коей заключены въ самомъ субъектѣ, какъ творческую силу, способную созидать изъ самой себя. Короче говоря, онъ не допускаетъ непосредственной зависимости цѣлей отъ внѣшнихъ причинъ и, ища для первыхъ причинъ внутри самого индивидуума, подчеркиваетъ самобытность волевого акта. Но это вѣрно (съ оговорками, разумѣется) лишь относительно нѣкоторыхъ случаевъ. Прежде всего, Іерингъ не беретъ въ расчетъ всѣ непроизвольныя дѣйствія, происходящія по типу раздраженій [1]), напр., когда человѣкъ во снѣ смахиваетъ рукой муху, сѣвшую ему на лицо. Во-вторыхъ, если человѣкъ дѣлаетъ то же самое съ сознаніемъ, т.-е. движенію своей руки ставитъ опредѣленную цѣль,—согнать надоѣдливую муху съ лица, то и тутъ цѣль дѣйствія находится въ слишкомъ тѣсной связи съ вызвавшей ее внѣшней причиной. Значитъ, и такой случай не подошелъ бы подъ опредѣленіе Іеринга. Онъ правъ только относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ между чѣмъ-либо внѣшнимъ, какъ причиной, и постановкою какой-либо цѣли, какъ слѣдствіемъ, помѣщается цѣлый психическій процессъ, перерабатывающій всѣ внѣшнія вліянія до неузнаваемости въ какое-либо представленіе, которое и становится, какъ цѣль, непосредственною причиною дѣйствія [2]). Однимъ словомъ, когда Іерингъ говоритъ о цѣли вообще, онъ имѣетъ въ виду только такія цѣли, которыя мало зависятъ или вовсе не зависятъ непосред-

---

[1]) См. выше классификацію Шопенгауера, стр. 168 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 236—237.

ственно отъ внѣшнихъ причинъ; на самомъ же дѣлѣ разсмотрѣнное имъ отношеніе допускаетъ крайнее разнообразіе случаевъ, могущихъ быть расположенными въ извѣстной градаціи: нижнюю ступень ея представляютъ собою тѣ случаи, когда цѣль дѣйствія, такъ сказать, прямо указана внѣшней причиной, его вызвавшей, верхнюю ступень— тѣ, когда процессъ образованія цѣли происходитъ внутри субъекта путемъ сложной переработки внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, безъ совокупности коихъ данная цѣль никогда бы не представилась сознанію. Чѣмъ непосредственнѣе зависимость той или другой цѣли отъ какой-либо внѣшней причины, тѣмъ больше дѣйствіе, обусловленное существованіемъ этой цѣли, имѣетъ характеръ простого механическаго слѣдствія этой причины, и, наоборотъ, чѣмъ сложнѣе психическій процессъ образованія цѣли, т.-е., чѣмъ большее количество причинъ соединилось для этого образованія и чѣмъ большее количество психическихъ агентовъ отдѣляетъ ея возникновеніе въ сознаніи отъ внѣшнихъ причинъ, безъ коихъ она не могла бы появиться, тѣмъ болѣе опредѣляемая ею воля кажется дѣйствующею въ силу свободно родившагося въ душѣ представленія, въ силу одной цѣли. Все это логически вытекаетъ изъ нашихъ разсужденій о причинности на стр. 266—7 настоящаго труда. Доказывать здѣсь снова высказанную тамъ мысль, конечно, не приходится, ибо здѣсь важенъ только новый изъ нея выводъ. Дѣло въ томъ, что причинность и цѣлесообразность не исключаютъ одна другую, какъ это до извѣстной степени представляется Іерингу: телеологическія дѣйствія входятъ всецѣло въ составъ генетическаго процесса, употребляя терминъ Уорда, ибо все различіе между причинными и цѣлевыми дѣйствіями заключается въ томъ, что въ однихъ случаяхъ внѣшняя причина непосредственно вызываетъ внѣшнее свое слѣдствіе, тогда какъ во второмъ между внѣшними причинами и ихъ внѣшними слѣдствіями, какъ было показано выше, помѣщаются внутренніе, психическіе акты, значеніе коихъ заключается въ сложной переработкѣ внѣшнихъ вліяній во внутренніе мотивы. Чѣмъ менѣе ролью человѣка въ генетическихъ процессахъ обыденной и исторической жизни напоминается намъ роль механизмовъ, передающихъ полученное извнѣ движеніе, т.-е. чѣмъ болѣе человѣкъ производитъ изъ самого себя цѣли своей дѣятельности, тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ мы можемъ примѣнять къ такой дѣятельности антропо-телеологическую точку зрѣнія. Если бы можно было выражать въ какихъ-либо единицахъ присутствіе въ историческихъ явленіяхъ этого телеологическаго элемента, то мы могли бы говорить, напр., что въ такомъ-то фактѣ намъ данъ этого элемента только 1%, въ такомъ-то—25%, въ такомъ-то—50% и т. п. Въ сущности, всѣ старыя воззрѣнія, сводившія чуть не все въ исторіи культуры къ сознательному, преднамѣренному, т.-е. телеологическому творчеству, какъ-бы исходили изъ той мысли,

что возможно присутствіе въ дѣйствіи, такъ сказать, ста процентовъ упомянутаго элемента. Этого, конечно, быть не можетъ, но не вѣрно и то воззрѣніе, которое подъ именемъ органическаго развитія разумѣетъ, въ сущности, то, что Уордъ называетъ генетическимъ процессомъ безъ малѣйшаго присутствія телеологическаго начала. Истина, какъ намъ кажется, ни здѣсь, ни тамъ: ложно и воззрѣніе, которое, исходя изъ того, что сознательныя дѣйствія человѣка немыслимы безъ вызывающихъ ихъ цѣлей, забываетъ, что и цѣли должны же имѣть свои причины, но ложно и другое воззрѣніе, во имя принципа причинности, понимаемаго слишкомъ внѣшнимъ образомъ, упускающее изъ виду, что вызовъ причинами своихъ слѣдствій чрезъ посредствующій моментъ цѣли есть только особый видъ дѣйствія этого закона, а не нѣчто ему противорѣчащее, его устраняющее [1]).

Ни одной телеологіей, ни однимъ генетизмомъ нѣтъ никакой возможности объяснить развитіе элементовъ культуры. Думать, что въ этомъ развитіи каждый новый шагъ дѣлается всегда сознательно въ виду заранѣе намѣченной цѣли, значитъ не знать ни строго-генетическаго происхожденія культуры, ни того, что ея дальнѣйшая исторія зависитъ отъ массы условій, вовсе не находящихся во власти человѣка, въ томъ числѣ отъ всего безсознательнаго, непреднамѣреннаго, мимовольнаго въ дѣятельности отдѣльнаго человѣка и отъ всего, не подлежащаго предвидѣнію и предрасчисленію въ томъ, что получается въ результатѣ совокупной дѣятельности членовъ общества. Но значило бы также нарочно, въ угоду предвзятой идеи представлять себѣ дѣло такъ, что все въ культурномъ процессѣ происходитъ безъ всякаго вліянія со стороны того, какого рода цѣли ставятъ себѣ люди, какъ-будто сама культура не служитъ никакимъ человѣческимъ цѣлямъ, какъ-будто сознаніе, намѣренія, стремленія отдѣльныхъ личностей

---

[1]) Въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1889 годъ (май, стр. 1—22) напечатана была статья *г. Розанова* подъ заглавіемъ: «Органическій процессъ и механическая причинность». Авторъ разсматриваетъ здѣсь причинность и цѣлесообразность, какъ «два различные способа соединенія звеньевъ, которыя слагаютъ изъ себя процессъ, совершеніе», при чемъ, какъ онъ выражается, «присутствіе одного или другого способа налагаетъ опредѣленныя черты на самый процессъ». Различіе г. Розановъ видитъ въ томъ, что въ процессѣ причинномъ основаніе измѣненія предшествуютъ самому измѣненію или съ нимъ одновременно, а въ цѣлесообразномъ оно слѣдуетъ за нимъ во времени (стр. 1), главнымъ же образомъ въ томъ, что царство механической причинности есть «царство безпредѣльнаго, неограниченнаго, могущаго всѣмъ стать, но ничѣмъ по необходимости», тогда какъ царство цѣлесообразности есть «міръ живыхъ формъ, вѣчнаго стремленія осуществить то или иное», а то, что ихъ сохраняетъ или движетъ и направляетъ, онъ называетъ «предѣломъ», какъ уже осуществленнымъ (тогда-то онъ и сохраняетъ) или какъ ищущимъ осуществленія (тогда онъ движетъ и направляетъ, стр. 12). Къ сожалѣнію, мы уже не успѣли воспользоваться этой статьей, дающей кое-какой матеріалъ для размышленія.

ничто, и какъ-будто нельзя достигать поставленныхъ цѣлей общественными усиліями, цѣлесообразно организованными. Къ сожалѣнію, вопросъ о томъ, что въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры происходитъ, можетъ происходить или должно происходить естественно, органически, генетически, какъ бы мы тамъ ни называли одинъ способъ, и что—искусственно, творчески (или механически, какъ предпочитаютъ говорить многіе), телеологически,—вопросъ этотъ не только далекъ отъ рѣшенія, но даже серьезно и не ставился. Пусть все въ культурѣ, начиная языкомъ и кончая философіей, возникло и развивалось сначала генетически, но можемъ ли мы сказать, что во всѣхъ случаяхъ одинаково отсутствовало телеологическое начало, можемъ ли мы утверждать, кромѣ того, чтобы цѣлевые процессы, совершающіеся въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, не завладѣвали потомъ продуктами генетическаго развитія, дабы путемъ телеологическаго творчества превратить культуру естественную въ культуру искусственную?

Одну изъ попытокъ примиренія двухъ противоположныхъ доктринъ, которыя мы для краткости обозначили, какъ концепціи XVIII и XIX вѣка, представляетъ собою книга Фулье «Современная соціальная наука». Не считая эту попытку вполнѣ удачной [1]), мы не можемъ не выразить желанія, чтобы такія попытки повторялись и не только по отношенію къ обществу вообще, но и по отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ культуры. Излагать здѣсь теорію Фулье было бы слишкомъ долго [2]), и намъ достаточно будетъ представить лишь общій смыслъ этой теоріи, которая подверглась кстати общей критикѣ съ однимъ моимъ воззрѣніемъ, заключающимъ въ себѣ также попытку примиренія между идеей общества, какъ естественнаго организма, и идеей общества, какъ произведенія искусства. Цѣлью «Современной соціальной науки» Фулье было доказать, что теоріи добровольнаго договора и органической эволюціи не только не должны считаться противоположными одна другой, но, напротивъ, могутъ быть приняты за двѣ истины, составляющія въ сущности одну соціологическую истину [3]): Фулье думаетъ примирить обѣ теоріи въ понятіи договорнаго организма (l'organisme contractuel), играющемъ важную роль въ его собственной теоріи [4]). Различая между историческимъ происхожденіемъ и раціональной основой государства, онъ замѣчаетъ, что одно не вытекаетъ необходимо изъ другого: «показать, говоритъ

---

[1]) Особенно неудачно понятіе «договорнаго организма», заключающее въ себѣ противорѣчіе (contradictionem in adjecto).

[2]) Мы дали о ней нѣкоторое понятіе въ О. В. Ф. И. II, 68 (96, прим.).

[3]) *Alfred Fouillée.* La science sociale contemporaine. P. 1880. Introduction, XII.

[4]) Ibid., 111 sq. См. также стр. XII, XIII прим., 2, 6, 8, 12, 29, 31, 345, 392 sq.

онъ, что договоръ не былъ историческимъ началомъ государства, еще не значитъ доказать, что онъ не служитъ его идеальною цѣлью и наиболѣе нравственной формой» [1]). Признавъ, что въ обѣихъ теоріяхъ есть доля истины, онъ именно и характеризуетъ общество, какъ организмъ, который находитъ основу своего бытія въ мысли и волѣ своихъ членовъ (un organisme qui se réalise en se concevant et en se voulant lui même) [2]). И развитіе такого организма происходитъ иначе, нежели развитіе организма животнаго: общество, говоритъ Фулье, «не развивается въ силу дѣйствія безсознательнаго и отъ него самого независимаго закона, потому что тутъ само *общество со всѣми своими индивидуумами является факторомъ развитія*», т.-е. «оно развивается при помощи своей собственной идеи, присущей всѣмъ его членамъ и всѣми ими принимаемой» [3]). Исходя изъ той же самой идеи, т.-е. изъ того, что и въ воззрѣніи на общество, какъ на произведеніе искусства, и въ отождествленіи его съ естественнымъ организмомъ есть и вѣрныя, и невѣрныя стороны, и я во второй части *Основныхъ вопросовъ* сдѣлалъ попытку найти формулу, которая, включивъ въ себя доли истины, заключающіяся въ двухъ противоположныхъ взглядахъ, тѣмъ самымъ устранила бы односторонность и, слѣдовательно, невѣрность обѣихъ точекъ зрѣнія. Отсылаю за развитіемъ своего взгляда на этотъ предметъ ко второму тому *Основныхъ вопросовъ*, ограничиваясь здѣсь одной короткой выпиской мѣста, давшаго поводъ появиться тому критическому замѣчанію, разборомъ котораго мы и окончимъ настоящую главу. Человѣкъ, было нами сказано въ этомъ мѣстѣ, *стремится* своею мыслью, дѣятельностью *переработать цѣлое*, къ которому принадлежитъ, *превратить соціальную машину*, *соціальный организмъ*, *построенные слѣпыми силами природы, въ произведеніе искусства*». Общество, говорится нѣсколько далѣе,—«не машина и не животное, а нѣчто высшее сравнительно съ тѣмъ и другимъ, дѣйствительный продуктъ надмеханическаго и надъорганическаго развитія, *стремящійся сдѣлаться произведеніемъ искусства*,... ибо въ исторіи общества является новый факторъ, назовемъ ли мы его духомъ, идеей, разумомъ, т.-е. умъ человѣка, *способный дѣйствовать разумно и цѣлесообразно*, а не такъ, какъ движутся небесныя свѣтила, повинуясь законамъ тяготѣнія, или развиваются организмы, повинуясь законамъ своего роста» [4]). Мы могли бы привести и другія мѣста, гдѣ говорится о томъ же стремленіи, существующемъ рядомъ съ другой тенденціей общества—превратиться въ организмъ, но изъ въ этой выписки видно, въ чемъ мы недалеки отъ воззрѣнія Фулье, когда онъ высказываетъ ту мысль, что общество есть un organisme qui se réalise en se con-

[1]) Ibid., 6—7. [2]) Ibid., 115. [3]) Ibid., 189.
[4]) О. В. Ф. И. II, 82 и 83 (116).

cevant et en se voulant lui-même [1]). Этотъ нашъ взглядъ и именно въ связи со взглядомъ Фулье и былъ подвергнутъ критикѣ проф. Коркуновымъ въ его «Лекціяхъ по общей теоріи права», на которыя намъ уже приходилось ссылаться.

Говоря о современномъ воззрѣніи на общество, какъ на организмъ, проф. Коркуновъ замѣчаетъ, между прочимъ, что въ послѣднее время «крайности органическаго воззрѣнія вызвали въ литературѣ попытки, какъ онъ выражается, возвратиться опять къ механическому пониманію общества, но въ значительно измѣненномъ видѣ». «Механическая теорія, продолжаетъ онъ, въ современномъ ея видоизмѣненіи признаетъ, что *общество возникло и сложилось первоначально независимо отъ человѣческой воли*, но что постепенное общественное развитіе въ томъ только и заключается, что *общество все болѣе и болѣе, все полнѣе и безусловнѣе становится произведеніемъ человѣческой воли*». Какъ представителей такого взгляда, проф. Коркуновъ называетъ Фулье и меня. «Фулье, говоритъ онъ, считаетъ общество *договорнымъ организмомъ* въ томъ смыслѣ, что преобладавшій первоначально въ обществѣ органическій характеръ постепенно уступаетъ мѣсто договорному характеру отношеній». Ту же мысль, но въ иной только формѣ, высказываю, по его словамъ, и я, такъ какъ и по моему воззрѣнію «общество въ постепенномъ своемъ развитіи стремится стать изъ естественнаго факта произведеніемъ человѣческаго искусства». «Оба взгляда, говоритъ проф. Коркуновъ далѣе, *основываются на несомнѣнномъ фактѣ вліянія человѣческихъ воззрѣній и стремленій на складъ общественной жизни*. Человѣкъ, видя себя членомъ такого общества, строй котораго не соотвѣтствуетъ его идеаламъ, старается устранить это противорѣчіе, старается измѣнить общественныя отношенія сообразно своимъ идеаламъ». Мой критикъ признаетъ, что «одно поколѣніе за другимъ непрерывно продолжаютъ эту *работу сознательнаго переустройства общества*», и что «работа эта *не можетъ остаться безрезультатной*. Мало-по-малу, поясняетъ онъ, человѣческія идеи *осуществляются въ общественныхъ формахъ*, и общество такимъ образомъ дѣлается все болѣе и болѣе *результатомъ совмѣстной воли всѣхъ тѣхъ людей, которые работали надъ его переустройствомъ,* результатомъ какъ бы ихъ соглашенія и въ этомъ смыслѣ получаетъ договорный характеръ. Или, выражаясь иначе, общество все болѣе становится *воплощеніемъ человѣческихъ идей и въ этомъ смыслѣ произведеніемъ человѣческаго искусства*...» [2]). «Едва-ли, однако, оговаривается самъ проф. Коркуновъ, можно при-

---

[1]) *Fouillée*, 115. Ce qui charactérise essentiellement le corps social, говоритъ онъ еще, c'est d'avoir pour principal ressort une idée qui d'actualise par celà seul qu'elle est conçue.

[2]) *Коркуновъ*, I, 171—172.

нять такое воззрѣніе»—и, указавъ на недостатки взгляда Фулье, онъ разбираетъ мое опредѣленіе природы общества, находя его болѣе удачнымъ, нежели опредѣленіе Фулье: въ той формѣ, въ какой я выразилъ свое воззрѣніе на общество, «не заключается, по его словамъ, такого бьющаго въ глаза противорѣчія, какъ въ опредѣленіи общества *договорнымъ организмомъ*». Но и оно вызываетъ съ его стороны «серьезныя возраженія». Прежде всего, онъ указываетъ на то, что «произведеніемъ искусства называется только то, что всецѣло опредѣляется сознательною мыслью человѣка. Случайный, непредвидѣнный результатъ человѣческаго дѣйствія не составляетъ произведенія искусства. Между тѣмъ, даже имѣвшія наиболѣе глубокое и сильное вліяніе на общественную жизнь идеи даютъ, какъ показываетъ исторія, результаты, являющіеся для проповѣдниковъ этихъ идей въ самой значительной степени непридвидѣнными». Критикъ ссылается на примѣръ великой французской революціи. «Ходъ самой революціи и тотъ общественный порядокъ, который ею былъ подготовленъ, конечно, не представляютъ послѣдовательнаго осуществленія идей, руководившихъ дѣятелями революціи. Если кому разсказать только внѣшній ходъ революціонныхъ событій и описать государственное устройство наполеоновской имперіи, онъ не въ состояніи будетъ изъ этихъ данныхъ составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе объ общественной теоріи Руссо. А если мы имѣемъ предъ собою произведеніе искусства, мы изъ него самого непосредственно познаёмъ вызвавшую его мысль художника». Во-вторыхъ, проф. Коркуновъ полагаетъ, что «говорить объ обществѣ, какъ о произведеніи человѣческаго искусства, можно было бы лишь подъ тѣмъ условіемъ, если бы человѣчество, какъ таковое въ его цѣломъ, было носителемъ единой общей мысли, постепенно воплощающейся въ общественныхъ формахъ и въ отношеніи къ которой идеалы отдѣльныхъ личностей и поколѣній были бы лишь частными ея проявленіями. Но мы, говоритъ онъ, не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать существованіе одной такой мысли всего человѣчества». Независимо отъ этихъ соображеній мое воззрѣніе вызываетъ со стороны критика и другое возраженіе. Это воззрѣніе, думаетъ онъ, предполагаетъ постоянное вытѣсненіе вліяніемъ человѣческихъ стремленій—дѣйствія другихъ объективныхъ факторовъ общественнаго развитія. «Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, въ дѣйствительности такіе объективные факторы, какъ вліяніе природы, неурожаевъ, голодовокъ, случайныхъ открытій продолжаютъ дѣйствовать и теперь съ неменьшей силой, какъ прежде. Нерѣдко чисто техническія изобрѣтенія, не имѣющія никакого отношенія къ общественнымъ идеаламъ людей, какъ, напр., изобрѣтеніе пороха и паровой машины, оказываютъ на общественный строй болѣе глубокое вліяніе, чѣмъ любая соціальная теорія. Нѣтъ никакого основанія утверждать, чтобъ въ будущемъ по-

добные факторы перестали вліять на общественное развитіе. А если такъ, нельзя утверждать, чтобы общество съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дѣлалось произведеніемъ искусства» [1]).

Разбирая эти возраженія, мы прежде всего укажемъ на то, что почтенный критикъ не вполнѣ точно передалъ мой взглядъ, когда сказалъ, что по этому взгляду общество «все полнѣе и безусловнѣе становится произведеніемъ человѣческой воли». Дѣло въ томъ, что я говорилъ не столько о становленіи, сколько о стремленіи: если я и признаю, что послѣднее осуществляется, а потому естественно возникшее общество подвергается искусственной переработкѣ, то никогда не высказывалъ я такой мысли, которую можно было бы истолковать такъ, будто бы общество могло сдѣлаться вполнѣ и безусловно произведеніемъ искусства. Во-вторыхъ, я держусь не того же самаго взгляда, что и Фулье, хотя бы и въ иной лишь формѣ, какъ говоритъ критикъ, а высказываю мысли, лишь приближающіяся къ воззрѣніямъ французскаго ученаго, не раздѣляя самаго существеннаго въ его ученіи, т.-е. идеи о договорномъ организмѣ. Въ сущности, однако, и самъ проф. Коркуновъ находитъ вѣрную сторону въ обѣихъ мысляхъ, хотя и не безъ оговорокъ, не безъ возраженій. Разберемъ теперь эти послѣднія. Мы согласны, что произведеніемъ искусства называется только то, что опредѣляется сознательною мыслью человѣка, такъ что непредвидѣнный результатъ человѣческаго дѣйствія не составляетъ произведенія искусства; но мы не можемъ принять, чтобы произведеніе искусства «всецѣло», какъ говоритъ мой критикъ, зависѣло отъ сознательной мысли: многое и даже очень многое во всякомъ произведеніи искусства обусловливается природою матеріала, существующаго безъ всякаго участія со стороны сознательной воли творца такого произведенія, будетъ ли послѣднимъ мраморная статуя, форма культивированнаго цвѣтка, сортъ искусственно облагороженныхъ плодовъ, порода усовершенствованнаго домашняго скота, способъ передвиженія, общественное учрежденіе, разъ они выработаны или созданы по извѣстной мысли. Какъ бы, далѣе, вліяніе человѣческихъ стремленій ни вытѣсняло «объективные факторы общественнаго развитія», оно, конечно, не въ состояніи «вполнѣ», «безусловно» и «всецѣло» стать на ихъ мѣсто, а потому, разумѣется, нѣтъ «никакого основанія утверждать, чтобы въ будущемъ подобные факторы перестали вліять на общественное развитіе», но этого-то никто и не утверждаетъ, ибо изъ того, что статуя, сдѣланная изъ мрамора, есть произведеніе искусства, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мысль художника, въ нее вложенная, вытѣснила всѣ «объективныя» свойства мрамора. И то невѣрно въ воззрѣніи проф. Коркунова, чтобы «вліяніе природы, неурожаевъ, голодовокъ,

---

[1]) Ibid. 172—173.

случайныхъ открытій» (мы могли бы еще прибавить: наводненій, эпидемій, эпизоотій и т. п.)—дѣйствовало и теперь съ неменьшей силой, чѣмъ прежде, ибо къ чему же тогда послужили всѣ искусственныя мѣры, которыя были придуманы для отвращенія разныхъ золъ и бѣдствій, причиняемыхъ всѣми этими вещами? Мы согласны, далѣе, что общественный строй «вполнѣ», «безусловно» и «всецѣло» не опредѣляется соціальными теоріями, но мы и не утверждали противнаго. Критикъ указываетъ на весьма частую непредвидимость результатовъ, получающихся отъ проповѣди тѣхъ или другихъ общественныхъ воззрѣній, но онъ напрасно ссылается на примѣръ французской революціи: государственное устройство, данное Франціи Наполеономъ, именно и можетъ разсматриваться, какъ нѣчто, созданное сознательною мыслью одного человѣка или нѣсколькихъ человѣкъ, дѣйствовавшихъ сообща, ибо въ учрежденіяхъ имперіи мы познаемъ вызвавшую ихъ идею, каковою была мысль Наполеона. Можно фактически доказать, что у него существовалъ въ представленіи весь политическій строй, опредѣленный конституціей VIII г., когда еще не былъ совершенъ coup d'état 18 брюмера [1]). Это устройство и нужно ставить въ непосредственную связь съ политической теоріей Наполеона, а никакъ не съ общественнымъ договоромъ Руссо, т.-е. не съ тою политическою идеей, которая осуществлена была въ конституціи 1793 г. и въ порядкахъ якобинской диктатуры. Учрежденія имперіи стоятъ въ такой же прямой связи съ воззрѣніями самого Наполеона, въ какой находится якобинская диктатура съ воззрѣніями Руссо: это два разные факта, не находящіеся въ прямой причинной связи между собою, ибо *post hoc* не есть *propter hoc,* т.-е. теорія Руссо породила не учрежденія имперіи, какъ должно выходить по представленію моего критика, а якобинскіе порядки, ставшіе однимъ изъ условій, которыя подготовили наполеоновскую диктатуру, тогда какъ формы послѣдней являются уже осуществленіемъ политической идеи не Руссо, а самого Наполеона. Все, на что ссылается критикъ, доказываетъ только одно: есть идеи примѣнимыя и непримѣнимыя къ данному матеріалу; есть творцы умѣлые и неумѣлые; есть условія благопріятныя для созданія чего-либо прочнаго и условія неблагопріятныя; есть произведенія искусства, необладающія свойствомъ противостоять внѣшнимъ вліяніямъ, и есть такія, которыя какъ-бы созданы на вѣки-вѣчные. Одно соображеніе въ воззрѣніяхъ автора «Лекцій» кажется намъ дѣйствительно вѣскимъ, это—указаніе на разрозненность дѣйствія отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ каждая осуществляетъ свою идею, тогда какъ произведеніе искусства предполагаетъ единство плана, но это

---

[1]) Объ этомъ см. у *Lanfrey* въ его Histoire de Napoléon I, а также въ извѣстномъ этюдѣ *Тэна.*

касается уже вопроса о личномъ и коллективномъ творчествѣ, нами пока не рѣшаемаго.

Въ книгѣ проф. Коркунова мы находимъ, кромѣ того, частныя соображенія, весьма удобныя, чтобы въ спорѣ съ нимъ служить для насъ въ качествѣ своего рода *argumenta ad hominem*. Соображенія эти, впрочемъ, представляютъ и болѣе общій интересъ: они касаются вопроса о причинности и цѣлесообразности и притомъ съ такой точки зрѣнія, которая, какъ я думаю, только подтверждаетъ существенное содержаніе взгляда, оспариваемаго авторомъ «Лекцій». Въ одномъ мѣстѣ своего труда онъ устанавливаетъ различіе процессовъ механическихъ, органическихъ и соціальныхъ, при чемъ указываетъ на то, что въ послѣднихъ отдѣльныя явленія опредѣляются не только прошедшимъ и настоящимъ, но и будущимъ, подъ послѣднимъ же онъ разумѣетъ идеи, идеалы, цѣли, планы, какъ представленія о будущемъ. Поскольку этотъ элементъ дѣйствительно существуетъ въ общественномъ развитіи, постольку мы и можемъ, какъ намъ кажется, говорить о творчествѣ и объ искусствѣ. «Если, такъ разсуждаетъ самъ проф. Коркуновъ,—если мы обратимся къ наукамъ, изслѣдующимъ явленія неорганическаго міра, то мы увидимъ, что тамъ всегда изслѣдованіе отправляется отъ изученія данныхъ въ настоящемъ условій, такъ что каждое явленіе опредѣляется наличностью тѣхъ условій, которыя дѣйствуютъ въ данное время... Мы можемъ разсматривать данное движеніе, совершенно игнорируя источникъ движенія, тотъ толчокъ, которымъ оно вызвано. Такимъ образомъ, въ неорганическомъ мірѣ все опредѣляется настоящимъ. Въ механикѣ, физикѣ, химіи нѣтъ ученія о развитіи, нѣтъ исторіи или чего-нибудь такого, что можно было бы назвать эмбріологіей». Въ видѣ примѣра, проф. Коркуновъ ссылается на кучу камней, которая можетъ существовать неопредѣленное время, если не нарушены условія равновѣсія, или, наоборотъ, распасться въ любой моментъ, если эти условія нарушены, ибо прошлое не даетъ ей энергіи, которая поддерживала бы ея существованіе вопреки измѣнившимся условіямъ. «Словомъ, заключаетъ онъ, прошлое нисколько не вліяетъ на ея судьбу». Обращаясь къ явленіямъ органическаго міра, проф. Коркуновъ указываетъ на то, что тутъ уже изученіе отдѣльныхъ явленій немыслимо безъ разсмотрѣнія послѣдовательнаго развитія. «Для изученія природы живыхъ существъ, говоритъ онъ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію индивидуальнаго ихъ образованія, но этого мало: необходимо указать еще мѣсто, занимаемое даннымъ видомъ животныхъ въ общей цѣпи органическихъ твореній, указать, какъ они развиваются изъ зародыша, такъ что изслѣдованіе генезиса является необходимою принадлежностью всякой науки данной области» [1]). Сравнивая затѣмъ условія существованія механиче-

[1]) *Коркуновъ* I, 183.

скихъ аггрегатовъ и органическихъ тѣлъ, онъ отмѣчаетъ ту между ними разницу, что у организма есть нѣчто такое, чего лишенъ механическій аггрегатъ, а именно «жизненность, данная ему при рожденіи, способность приспособляться къ измѣняющейся внѣшней обстановкѣ, оказывать сопротивленіе неблагопріятнымъ условіямъ»: «всякое животное, говоритъ онъ, можетъ приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, такъ какъ его существованіе опредѣляется прошлымъ, т.-е. той энергіей, которая имъ получена при рожденіи». Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что органическій міръ опредѣляется настоящимъ и прошедшимъ, тогда какъ неорганическій—однимъ прошедшимъ. Что касается до общественныхъ явленій, то они опредѣляются, по воззрѣнію проф. Коркунова, не только настоящимъ и прошедшимъ [1]), но и будущимъ, въ чемъ онъ и видитъ «отличительную черту общественныхъ явленій». Говоря это, онъ разумѣетъ способность человѣка создавать «представленіе о будущемъ, создавать идеалы, существованіе или отсутствіе и самый характеръ коихъ суть чрезвычайно важные моменты, опредѣляющіе общественную жизнь» [2]). Съ этой точки зрѣнія проф. Коркуновъ совершенно такъ же, какъ и Уордъ, критикуетъ теорію Герберта Спенсера, остановившуюся, какъ онъ выражается, на полдорогѣ: обративъ свое вниманіе на прошлое, Спенсеръ не пошелъ далѣе, упуская изъ виду то, что «*общество въ своемъ развитіи опредѣляется не только настоящимъ и прошедшимъ, но и представленіемъ о будущемъ*» [3]). Оставляя дальнѣйшую аргументацію автора, мы приведемъ только конечный выводъ изъ его разсужденія. «Если общественныя отношенія, говоритъ онъ, опредѣляются силою и степенью развитія идеаловъ, *выставляемыхъ отдѣльными лицами* [4]), то нужно признать, что общественная жизнь при настоящихъ данныхъ условіяхъ *можетъ измѣниться сообразно съ идеалами, выставленными отдѣльными членами общества*, и что на развитіе общественной жизни могутъ имѣть вліяніе ложныя, ошибочныя представленія о будущемъ» [5]). Все это заключается implicite и въ нашемъ взглядѣ съ тѣмъ только различіемъ, что если проф. Коркуновъ счелъ нужнымъ подчеркнуть генетическую сторону соціальныхъ явленій противъ воззрѣнія свободнаго творчества, то мы, наоборотъ, подчеркиваемъ сторону телеологическую

---

[1]) Ibid., I, 184. [2]) Ibid., I, 185. [3]) Ibid., I, 187.

[4]) Выше на той же страницѣ (189) было сказано: «тотъ кругъ людей, гдѣ представленіе о будущемъ играетъ первенствующую роль, представляется крѣпко связаннымъ и потому могущимъ дать надлежащій отпоръ временнымъ неблагопріятнымъ условіямъ».

[5]) Ibid., I, 189. Ср. еще слѣдующее замѣчаніе: «въ общеніяхъ, основанныхъ на единствѣ происхожденія, первое мѣсто занимаетъ вліяніе прошлаго; въ общеніяхъ, основанныхъ на совмѣстной жизни,—вліяніе настоящаго; въ общеніяхъ, основанныхъ на единствѣ интересовъ,—вліяніе будущаго». Ibid., I, 210.

въ виду того, что современный эволюціонизмъ склоненъ ее игнорировать. Еще въ одномъ мѣстѣ, но уже по другому поводу, мой критикъ дѣлаетъ замѣчаніе, также относящееся къ вопросу и говорящее въ пользу нашего взгляда. «Объективный общественный порядокъ, говоритъ онъ, слагается подъ вліяніемъ *не однихъ только стремленій отдѣльныхъ личностей*, но и объективныхъ факторовъ, независящихъ отъ человѣческой воли и постоянно дѣйствующихъ. Поэтому наше пониманіе соотношенія личности и общества не допускаетъ принятія того предположенія, чтобы общество съ теченіемъ времени становилось произведеніемъ человѣческаго искусства» [1]. Мы могли бы выразить свою мысль даже въ тѣхъ же самыхъ словахъ, лишь нѣсколько измѣнивши ихъ порядокъ и въ зависимости отъ этого передѣлавъ конецъ приведеннаго мѣста. «Объективный общественный порядокъ слагается подъ вліяніемъ не однихъ только объективныхъ факторовъ, не зависящихъ отъ человѣческой воли и постоянно дѣйствующихъ, но и отъ *стремленій отдѣльныхъ личностей*. Поэтому наше пониманіе соотношенія личности и общества не допускаетъ принятія того предположенія, чтобы общество когда-либо было только естественнымъ продуктомъ». Обѣ эти мысли могутъ быть приведены къ нѣкоторому высшему единству, именно посредствомъ признанія того, что въ культурной жизни происходятъ два параллельные процесса, препятствующіе превращенію общества и въ организмъ, и въ чистое произведеніе искусства, ибо тенденція одного какъ-разъ противоположна тенденціи другого. Объ этомъ мы уже много говорили во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ*, съ общефилософской точки зрѣнія [2]). Въ слѣдующей главѣ намъ предстоитъ заняться тѣмъ же предметомъ главнымъ образомъ для опредѣленія роли личности въ культурной исторіи, но прежде мы еще разъ возвратимся къ вопросу о причинности и цѣлесообразности, именно къ такой его сторонѣ, которая не была затронута раньше, когда мы имѣли въ виду противоположность между идеей безличной эволюціи (процесса генетическаго) и идеей личнаго творчества (явленія телеологическаго).

Ни Уордъ, ни Іерингъ, выдвигая телеологическій принципъ, не касаются вопроса о томъ, какъ относятся цѣли однихъ людей къ цѣлямъ другихъ, разъ изъ совокупныхъ усилій первыхъ и послѣднихъ получаются извѣстные результаты, а вопросъ этотъ имѣетъ большую важность въ исторіи элементовъ культуры, создающихся и измѣняющихся, благодаря дѣятельности не изолированныхъ единицъ, а группъ и массъ. Ученіе о «составленіи причинъ», о которомъ у насъ шла

---

[1]) Ibid., I, 206—207.

[2]) Ссылаемся еще на статью свою «Общество и организмъ», помѣщенную въ іюньской книжкѣ *Юридическаго Вѣстника* за 1883 г. (см. особенно стр. 219 и слѣд.).

рѣчь въ VII главѣ первой части [1]), должно быть именно дополнено ученіемъ о «сложеніи цѣлей», и въ параллель къ этому обращеніе за указаніями къ криминалистической теоріи «соучастія» [2]) могло бы дополниться аналогичнымъ обращеніемъ къ экономической теоріи «сотрудничества», въ коемъ каждый ставитъ себѣ свою цѣль, а между тѣмъ служитъ и нѣкоторымъ болѣе общимъ цѣлямъ, заключающимъ въ себѣ цѣли отдѣльныхъ личностей. Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу мы уже указывали на то, какой неблагопріятный выводъ для личнаго начала въ исторіи дѣлается нѣкоторыми писателями изъ того обстоятельства, что, ставя себѣ свои собственныя цѣли, люди достигаютъ нѣкоторыхъ результатовъ, даже и не бывшихъ въ ихъ помышленіи [3]): возражая противъ этого вывода, мы между прочимъ указали словами проф. Коркунова, что личность перестанетъ представляться намъ дѣйствующею во имя невѣдомыхъ ей общихъ цѣлей, разъ мы будемъ объяснять дѣйствительность принциповъ причинности, а «не принципомъ объективной цѣли, опредѣляющей все въ мірѣ» [4]). Спрашивается, не оправдываемъ ли мы теперь сами того, что прежде отвергали, коль скоро вносимъ въ объясненіе культурной эволюціи телеологическую идею. Нѣсколько замѣчаній, которыя мы сдѣлаемъ о томъ, что мы сейчасъ назвали «сложеніемъ цѣлей», не только укажутъ намъ на отсутствіе противорѣчія между нашими мыслями, но и послужатъ какъ-бы первымъ наброскомъ ученія о «сложеніи цѣлей», безъ коего, какъ намъ кажется, нѣтъ возможности вполнѣ понять роль личности въ культурномъ процессѣ. Дѣло вотъ въ чемъ прежде всего. По воззрѣнію, оспаривавшемуся нами, цѣли, ставимыя себѣ личностями, подчиняются цѣли общей, какъ части своему цѣлому, существующему раньше этихъ частей и ихъ опредѣляющему, тогда какъ по нашему представленію то, что называется общей цѣлью, есть по отношенію къ цѣлямъ личностей то же самое, чѣмъ является сумма по отношенію къ раньше ея существовавшимъ и своимъ соединеніемъ ее образовавшимъ слагаемымъ. Другими словами, мы имѣемъ здѣсь то, что криминалисты обозначаютъ, какъ содѣйствіе безъ соглашенія [5]), или то, что наблюдается въ экономическомъ сотрудничествѣ, происходящемъ чисто естественнымъ путемъ, т.-е. безъ искусственной организаціи. Дѣлая ту или другую вещь въ виду той или другой своей цѣли, я не могу предвидѣть ни того, возникновенію какихъ цѣлей у другихъ людей она будетъ содѣйствовать, ни того, какое изъ нея употребленіе можно будетъ сдѣлать разнымъ лицамъ для достиженія ихъ цѣлей, ни того, наконецъ, что выйдетъ изъ комбинацій ея съ иными вещами, тоже создававшимися въ виду опредѣленныхъ цѣлей. Дости-

[1]) См. выше, стр. 284 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 287.
[3]) См. выше, стр. 245 и слѣд. [4]) См. выше, стр. 256.
[5]) См. выше, стр. 288.

женіе мною извѣстной цѣли можетъ быть причиной, вызывающей чужой поступокъ, вовсе даже и не бывшій въ моихъ мысляхъ, можетъ помочь совсѣмъ даже незнакомому мнѣ лицу осуществить давнишнее его намѣреніе, общаго съ моей цѣлью ничего не имѣющее, можетъ, соединившись съ достиженіемъ совсѣмъ иной цѣли, какую поставилъ себя независимо отъ меня еще кто-либо, дать въ результатѣ нѣчто такое, къ чему не стремились ни онъ, ни я. Съ другой стороны, разъ *A*, *B*, *C*, *D* и т. д. ставятъ себѣ одну и ту же цѣль, они уже являются сотрудниками, если бы даже не вступали въ соглашеніе между собою: въ такомъ сотрудничествѣ находятся, наприм., ученые одной и той же спеціальности, не раздѣляющіе между собою трудъ такъ или иначе во имя какой-либо ясно сознанной конечной цѣли, а ставящіе себѣ каждый ту или другую задачу въ зависимости отъ своихъ интересовъ, способностей, привычекъ и т. п., что не мѣшаетъ имъ осуществлять и общую цѣль. Замѣтимъ, что сотрудничество это имѣетъ мѣсто и между разными поколѣніями, безъ чего и не было бы самой исторіи.

Еще лишній разъ приходится мнѣ заявить, что вопросъ, только-что мною затронутый, можно назвать подобно многимъ другимъ важнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношенія къ нашему главному предмету,—совсѣмъ неразработаннымъ. Позволю себѣ остановиться тутъ еще на ученіи Вундта о гетерономіи воли, на которое прямо было мнѣ указано однимъ изъ моихъ критиковъ [1]), тѣмъ болѣе, что оно, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія, хотя, быть можетъ, и не въ томъ смыслѣ, какъ это представляется моему критику.

Въ одномъ мѣстѣ своей «Этики» Вундтъ прямо заявляетъ свое несогласіе съ Іерингомъ относительно его попытки «свести исторію возникновенія нравовъ на изслѣдованіе ихъ соціальныхъ цѣлей» (во второмъ томѣ «Zweck in Recht»): «это, говоритъ онъ,—пріемъ, благодаря которому къ первоначальному образу воззрѣнія неизбѣжно примѣняется нынѣшній», тогда какъ, по его мнѣнію, исторія возникновенія нравовъ должна «дать отчетъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя собственно невозможны на почвѣ нынѣшнихъ воззрѣній. Въ нынѣшнее время никто больше не изобрѣтетъ поклона такъ же, какъ государства и языка». Вундтъ полагаетъ, что Іерингъ «перенесъ до извѣстной степени въ область исторической этики тѣ ошибки старыхъ теорій естественнаго права, которыя онъ самъ въ другомъ мѣстѣ такъ ясно замѣтилъ» [2]). Это возраженіе автору «Цѣли въ правѣ» не мѣшаетъ Вундту признавать цѣлевой характеръ, наприм., государства [3]). Но именно на примѣрѣ государственной жизни, въ которой онъ допускаетъ въ большей степени, нежели въ «другихъ развитіяхъ», суще-

[1]) См. рецензію на первыя главы настоящаго тома въ ноябрской книжкѣ *Русскаго Богатства* за 1889 г.

[2]) *Вундтъ*. Этика, 192—193, примѣч. [3]) Ibid., 235 и 237.

ствованіе цѣлесознательныхъ намѣреній, онъ и показываетъ, что достигнутая цѣль не вполнѣ тождественна съ мотивомъ дѣйствія [1]). «Во-первыхъ, говоритъ онъ, сознательное преслѣдованіе цѣлей имѣетъ мѣсто только въ опредѣленномъ пунктѣ развитія государства; въ началѣ правового устройства достигнутые результаты вообще далеко превосходятъ намѣренія, изъ которыхъ они вышли [2]). Эти слова напоминаютъ намъ другія, также приведенныя нами слова Вундта, въ которыхъ онъ выражаетъ свою мысль о нецѣлевомъ происхожденіи многихъ цѣлесообразныхъ явленій въ соціальной жизни животныхъ [3]). Но, думаемъ мы, изъ того, что государственныя учрежденія сознательно ставятъ теперь себѣ такія цѣли, какихъ никто не имѣлъ въ виду во время ихъ возникновенія, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы у нихъ не было своихъ цѣлей до указываемаго Вундтомъ «пункта развитія», да и самъ онъ, въ сущности, говоритъ то же самое, отмѣчая осуществленіе большаго, чѣмъ предполагалось. «Во-вторыхъ, продолжаетъ Вундтъ, и въ дальнѣйшемъ ходѣ, совпаденіе цѣли и мотива случается всегда лишь для ближайшихъ цѣлей, но никогда не касается тѣхъ, которыя являются въ дальнѣйшихъ событіяхъ, хотя тотъ, кто смотритъ назадъ въ прошедшее, можетъ считать эти отдаленные результаты внутренне необходимыми» [4]). Указаніе на несовпаденіе мотивовъ и цѣлей (и вообще ихъ противопоставленіе однихъ другимъ) мы находимъ не въ одномъ приведенномъ мѣстѣ «Этики» [5]), но въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается нѣкоторое смѣшеніе понятій. Вундтъ не различаетъ, именно, понятія цѣли, какъ причины человѣческаго дѣйствія, отъ понятія цѣли, какъ назначенія, ради котораго существуетъ та или другая вещь: достигая въ своей дѣятельности какой-либо цѣли, я могу дать въ результатѣ вещь, которая окажется пригодною для такихъ назначеній, какія и въ голову ко мнѣ первоначально не приходили, а представились моему уму только тогда, когда вещь была уже готова. Это не значитъ, чтобы моею цѣлью были эти назначенія, и чтобы то, что было моею цѣлью, являлось только мотивомъ. Самъ Вундтъ даетъ намъ примѣръ: «когда, говоритъ онъ вслѣдъ за приведенными словами,—когда государство уничтожило кровавую месть, оно старалось быть третейскимъ судьей между спорящими партіями: политическое и нравственное значеніе карательной

---

[1]) Ср. и стр. 239; «мотивомъ, говоритъ Вундтъ, который первоначально приводитъ единичную волю къ подчиненію волѣ, стоящей надъ нимъ, не было разумное предвидѣніе того, что незначительное ограниченіе собственной свободы выгоднѣе необузданной борьбы эгоистическихъ стремленій, этимъ мотивомъ было послушаніе повелѣніямъ, которыя человѣкъ почиталъ какъ бы божескими, а также и благоговѣніе, которое онъ чувствовалъ къ главѣ семейства и къ выдающимся членамъ своего общества».

[2]) Ibid., 236. [3]) См. у насъ выше, стр. 395 и слѣд.

[4]) *Вундтъ*, 236. [5]) Ibid., 214 sq., 221, 424 и др.

власти оно сознало постепенно, когда увидѣло себя ея обладателемъ» [1]), т.-е. государство, по нашему мнѣнію, дѣйствовало не безцѣльно, когда уничтожало кровавую месть, хотя цѣлью его вовсе не были тѣ конечные результаты, коихъ оно достигло, вступивъ на путь развитія своей карательной власти. Между тѣмъ Вундтъ обобщаетъ это явленіе, какъ-бы говоря, что достигнутые результаты и суть цѣль, тогда какъ то, что было непосредственно цѣлью, имѣетъ значеніе только мотива [2]). На такомъ смѣшеніи понятій очень легко, однако, утвердить такое воззрѣніе на объективныя цѣли историческаго процесса, противъ котораго мы уже возражали. Вундтъ именно это и дѣлаетъ. Онъ высказываетъ такую мысль, что тотъ несомнѣнно ошибся бы, кто вздумалъ бы считать самыми причинами развитія тѣ цѣли, которыхъ стараются достигнуть. «Рѣшительное доказательство противъ подобнаго предположенія» Вундтъ видитъ въ томъ, что «для предшествующихъ ступеней неизвѣстны позднѣйшія», и что «потому какая-либо цѣль можетъ стать предметомъ стремленій лишь послѣ того, какъ она хотя бы отчасти была уже достигнута. Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, *отдѣльные люди и народы служатъ цѣлямъ нравственной культуры, не подозрѣвая тѣхъ цѣлей, которымъ идутъ навстрѣчу и нерѣдко противъ собственной воли*» [3]). Этимъ Вундтъ ставитъ историческому процессу объективную цѣль, отожествляемую имъ съ конечнымъ назначеніемъ культуры, но мы вносимъ телеологическій принципъ въ объясненіе культурныхъ измѣненій не въ этомъ смыслѣ, а въ другомъ,—не въ такомъ, при которомъ личность низводится на степень простого орудія историческаго фатума, а въ такомъ, который сообщаетъ ей значеніе самостоятельнаго агента: измѣненія въ культурѣ происходятъ не ради какой-то объективной цѣли, а вслѣдствіе достиженія цѣлей, ставимыхъ себѣ отдѣльными людьми, при чемъ результатами ихъ достиженія могутъ явиться совершенно неожидавшіяся вещи. Никто не скажетъ, чтобы цѣлью первыхъ попытокъ человѣка записывать фигурами какія-либо происшествія, съ нимъ случившіяся, была наша азбука, развившаяся изъ изобразительнаго письма: цѣль этихъ попытокъ явствуетъ изъ непосредственнаго намѣренія, и въ этомъ-то, а не въ томъ, что безъ нихъ не было бы, въ концѣ концовъ, нашей азбуки, заключается ихъ цѣлевая сторона. Ошибка, ко-

---

[1]) Ibid., 236.

[2]) «Цѣль, которая можетъ быть достигнута соціальнымъ учрежденіемъ, является вездѣ лишь одною стороною сущности послѣдняго; другая, не менѣе существенная его сторона заключается во внѣшнихъ причинахъ и внутреннихъ мотивахъ, которые приводятъ къ ней и которые, вообще, далеко уклоняясь отъ указанныхъ цѣлей, много если приближаются къ нимъ въ окончательныхъ результатахъ», 215.

[3]) Ibid., 221—222. Ср. у насъ выше, стр. 246 и слѣд.

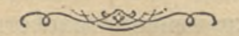
торую, какъ мы думаемъ, сдѣлалъ Вундтъ, объясняется на нашъ взглядъ совершенною неразработанностью вопроса о сложенiи цѣлей, хотя самъ Вундтъ коснулся этого интереснаго предмета, формулируя свой «законъ подготовки новыхъ жизненныхъ цѣлей изъ формъ дѣятельности, существовавшихъ прежде, но первоначально служившихъ другимъ цѣлямъ» [1]). Къ сожалѣнiю, онъ именно только коснулся этого предмета (по поводу религiозныхъ обрядовъ съ измѣнившимся смысломъ) [2]): «если, говоритъ онъ, мы станемъ разсматривать результаты такихъ измѣненiй независимо отъ ихъ историческаго прошедшаго, мы можемъ ошибочно включить ихъ въ кругъ нашихъ современныхъ представленiй *и приписать имъ тѣ цѣли, которыя они теперь выполняютъ или могли бы выполнить; мы легко можемъ эти современныя намъ цѣли считать за причину ихъ происхожденiя*» [3]). Такимъ образомъ для вновь нарождающихся цѣлей люди пользуются вещами, которыя при своемъ возникновенiи должны были служить другимъ цѣлямъ, и совершенно вѣрно, что нельзя видѣть причину возникновенiя такихъ вещей въ тѣхъ цѣляхъ, которымъ онѣ начинаютъ служить впослѣдствiи, но это только говоритъ противъ Вундта въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ высказываетъ мысль, будто люди служатъ извѣстнымъ *цѣлямъ*, не подозрѣвая ихъ существованiя и часто противъ собственной воли. Мы не отрицаемъ того, что такъ бываетъ сплошь и рядомъ, но въ томъ, что Вундтъ называетъ здѣсь цѣлями, мы видимъ просто непреднамѣренные *результаты*. Такое толкованiе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что самъ Вундтъ въ одномъ мѣстѣ своей «Этики» называетъ «закономъ гетерогенiи цѣлей», обозначая такъ «то общее явленiе, замѣчаемое во всей произвольной человѣческой дѣятельности, по которому воля всегда проявляется такъ, что *результаты поступковъ болѣе или менѣе далеко выходятъ за предѣлы первоначальныхъ мотивовъ воли*» [4]).

Въ своей дѣятельности люди ставятъ себѣ цѣли. Многiя изъ нихъ вовсе не достигаются по самымъ разнообразнымъ причинамъ, наприм., по своей невыполнимости—вообще или при данныхъ обстоятельствахъ, а также потому, что могутъ взаимно уничтожаться, какъ $a+(-a)$, сумма которыхъ равна нулю. Другiя изъ этихъ цѣлей достигаются только благодаря тому, что для этого такъ или иначе складываются одновременныя и послѣдовательныя усилiя многихъ лично-

[1]) *Вундтъ*, 125. [2]) Ibid., 124 sq. [3]) Ibid., 125.

[4]) Ibid., 282. Отсылаю еще къ краткому изложенiю нѣкоторыхъ воззрѣнiй Лотце, сдѣланному въ настоящей главѣ. Авторъ «Микрокозма» касается того же любопытнаго вопроса о сложенiи цѣлесообразныхъ дѣйствiй, дающемъ непредвидѣнные (и очень сложные) результаты, который затронули и мы. Ср. также въ настоящей же главѣ замѣчанiе проф. Коркунова о коллективной дѣятельности. О томъ же кое-что въ концѣ главы III.

стей, дѣйствующихъ по соглашенію или безъ таковаго. Наконецъ, бываютъ случаи, когда достиженіе цѣлей, ставимыхъ себѣ людьми, даетъ такіе результаты, какихъ вовсе не было въ виду, т.-е. достигая своей цѣли, отдѣльныя личности тѣмъ самымъ осуществляютъ нѣчто большее, чѣмъ желали осуществить, вслѣдствіе того, что каждый думаетъ только о своей цѣли, не задавая себѣ вопроса о томъ, что получится въ суммѣ такихъ слагаемыхъ. Личности, составляющія общество, преслѣдуютъ большею частію свои личныя цѣли, но въ результатѣ ихъ стремленій получается соціальная организація, которая, конечно, не была сознательно изобрѣтена людьми. Способы сложенія цѣлей весьма разнообразны, и ихъ еще предстоитъ изслѣдовать въ дальнѣйшемъ развитіи теоріи историческаго процесса; для насъ же пока важенъ тотъ результатъ этого сложенія, который мы называемъ надъ-органической средою. Ея формы, или культура имѣютъ исторію, заключающуюся въ измѣненіяхъ, которыя происходяхъ либо безъ всякаго намѣренія со стороны человѣка, либо вслѣдствіе его намѣренныхъ дѣйствій, при чемъ именно эти измѣненія бываютъ цѣлью его стремленій или, наоборотъ, даютъ ему нѣчто большее (или меньшее), чѣмъ то, чего онъ хотѣлъ, во всякомъ случаѣ нѣчто непредвидѣнное. Роль личности въ исторіи съ этой стороны оцѣнивается, смотря по тому, насколько сознательно, преднамѣренно, цѣлесообразно дѣйствовала личность, и насколько ея дѣятельность проявила при этомъ чертъ самостоятельности, самобытности, оригинальности. Объ этомъ мы и поведемъ рѣчь въ слѣдующей главѣ, гдѣ, развивая свою теорію взаимныхъ отношеній личности и надъ-органической среды, дадимъ посильное рѣшеніе нѣкоторымъ вопросамъ, отвѣты на которые нами были только намѣчены въ самыхъ общихъ чертахъ.

ГЛАВА III.

Культурная традиція и личная инициатива.

Двоякое противоположеніе личности обществу.—Надъ-органическая среда.—Исключеніе личности изъ надъ-органическаго порядка явленій.—Взаимныя отношенія личности и среды.—Объективированіе культуры.—Общественность и народный духъ.—Культура, какъ система повтореній и результатъ коллективной дѣятельности.—Вѣрная сторона органическихъ и безлично-эволюціонныхъ воззрѣній на культуру.—Культурная дѣятельность въ собственномъ смыслѣ.—Непреднамѣренность и преднамѣренность культурныхъ перемѣнъ.—Традиція и инициатива.—Соціологическая теорія Тарда.—Сила подражанія и косность въ культурной традиціи.—Условія возможности личной инициативы.—Усвоеніе индивидуальныхъ инновацій другими людьми.—Крупныя и мелкія, единичныя и коллективныя инноваціи.

Не разъ приходилось намъ въ настсящемъ трудѣ указывать на то, что отдѣльную личность можно противополагать обществу въ двоякомъ смыслѣ, именно либо въ смыслѣ единицы, рядомъ съ которою живутъ и дѣйствуютъ другія такія же единицы (будемъ ли мы брать ихъ разрозненными или сгруппированными въ какіе-нибудь соціальные аггрегаты), либо, наоборотъ, въ смыслѣ человѣческаго индивидуума, окруженнаго извѣстною общественною обстановкою, разумѣя подъ послѣднею не что иное, какъ культурно-соціальныя формы общества [1]). Зависимость личности отъ другихъ личностей, какъ таковыхъ, и ея собственное на нихъ дѣйствіе мы разсматривали, когда рѣчь шла о роли личности въ прагматической исторіи, т.-е. въ исторіи личныхъ дѣяній: теперь намъ предстоитъ, изслѣдуя процессъ безличной эволюціи культурно-соціальныхъ формъ, подвергнуть анализу взаимоотношенія другого рода, а именно зависимость личности отъ этихъ формъ и воздѣйствіе на нихъ съ ея стороны.

---

[1]) См. выше, стр. 139.

Намъ прежде всего надлежитъ здѣсь заняться тѣмъ, что мы называемъ надъ-органическою средою. Заимствовавъ терминъ—«надъ-органическій» (super-organic) у Спенсера [1]), мы примѣнили его къ культурно-соціальнымъ явленіямъ, какъ къ средѣ особаго рода, окружающей человѣка въ обществѣ и обусловливающей его дѣятельность, подобно тому, какъ вся природа по отношенію къ нему составляетъ среду физическую [2]). Ученіе о надъ-органической средѣ было изложено нами во второй главѣ третьей «книги» *Основныхъ вопросовъ*, и мы позволимъ себѣ повторить здѣсь наиболѣе важныя мѣста этого изложенія, чтобы затѣмъ дополнить его новыми соображеніями, которыя будутъ необходимы для дальнѣйшаго развитія нашей теоріи о роли личнаго начала въ культурномъ процессѣ исторіи.

Итакъ, обращаемся ко второй главѣ третьей «книги» *Основныхъ вопросовъ*. «Съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, сказано было тамъ, мы можемъ разсматривать явленія надъ-органическаго развитія: съ одной стороны, мы имѣемъ здѣсь *нѣкоторую высшую единицу*, *къ которой человѣческій индивидуумъ относится, какъ часть къ цѣлому*, *съ другой—нѣкоторыя системы повторяющихся фактовъ*, *которыя объединяютъ людей въ особыя группы;* эта высшая единица есть соціальная организація, эти системы повторяющихся фактовъ суть культура. Понятіе культуры гораздо шире понятія соціальной организаціи: послѣдняя равнымъ образомъ сводится на системы повторяющихся фактовъ, именно на повтореніе извѣстныхъ отношеній въ постоянныхъ формахъ, и соціальныя формы входятъ потому въ понятіе культуры. Съ другой стороны, культура есть также принципъ, объединяющій особи, но культурное объединеніе отличается отъ соціальнаго отсутствіемъ организаціи. *Въ соціальной организаціи личность есть членъ общества*, *часть цѣлаго*, *по отношенію къ культурѣ она есть носительница ея формъ*, *одна изъ представительницъ извѣстной группы*..... Напр., разъ мы говоримъ на какомъ-нибудь языкѣ, мы, повторяя въ своей рѣчи одни и тѣ же звуки, формы, обороты, какъ и остальные наши соплеменники, являемся носителями извѣстной лингвистической системы. То же самое можетъ быть и въ области идей: наприм., повтореніе однихъ и тѣхъ же религіозныхъ представленій въ умахъ множества индивидуумовъ производитъ особую культурную группу единовѣрцевъ, которая является, какъ нѣчто особое, даже при отсутствіи въ ней общей политической или религіозной организаціи (церкви). *Принадлежность индивидуумовъ къ соціальной организаціи необходимо обусловлена ихъ коопераціей для какихъ бы то ни было цѣлей, тогда какъ культурныя формы держатся на подражаніи однѣхъ особей другимъ*: національность воз-

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 70 (100). [2]) Ibid., I, 53 и слѣд. (155 и слѣд.).

можна только, наприм., потому, что у отдѣльныхъ особей существуетъ общій языкъ, и общій языкъ возможенъ лишь на томъ основаніи, что въ актахъ рѣчи одни подражаютъ другимъ. Если государство покоится на солидарномъ подчиненіи отдѣльныхъ личностей общему авторитету, то форма государства (какъ элементъ культуры) держится подражаніемъ однихъ другимъ во всѣхъ поступкахъ по отношенію ихъ къ этому авторитету. Таковы двѣ стороны надъ-органической среды: она реально есть либо соціальная организація, либо культурная группа. *Для индивидуума и та, и другая одинаково—извѣстнаго рода среда: это—цѣлое, которое обусловливаетъ его бытіе, это—извѣстныя постоянныя системы, которыя обусловливаютъ форму, содержаніе и направленіе его дѣятельности.* И въ томъ, и въ другомъ отношеніи индивидуумъ можетъ находиться въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ этого цѣлаго и отъ этихъ системъ—до потери своей индивидуальности, будетъ ли то выражаться въ безусловномъ подчиненіи личнаго *я* соціальной организаціи или въ безусловномъ сходствѣ индивидуума съ другими индивидуумами одной и той же культурной группы.... Соціальная организація и культурная группа..... составляютъ надъ-органическую среду въ собственномъ смыслѣ, такъ что культура есть не что иное, какъ совокупность ея формъ. По двойному составу надъ-органической среды, и формы ея двоякія—духовныя и общественныя. Культурныя группы приближаются къ біологическимъ видамъ; только здѣсь отличительные признаки—дѣло не природы, а привычки, подражанія и воспитанія. И развитіе этихъ группъ аналогично видовому, когда происходитъ расхожденіе признаковъ, ведущее къ образованію новыхъ группъ посредствомъ появленія разновидностей, которыя сами становятся видами..... Соціальныя организаціи, напротивъ, приближаются къ организмамъ, и дифференцированіе частей сопровождается здѣсь интегрированіемъ цѣлаго» [1]). Далѣе, между прочимъ, было сдѣлано еще нѣсколько разъясненій приведеннаго взгляда по отношенію къ нѣкоторымъ подробностямъ. Особенное вниманіе читателя мы позволяемъ себѣ обратить на тотъ признакъ культуры, что въ основѣ ея лежитъ повторяемость фактовъ. «*Культура общества есть не что иное, какъ совокупность постоянно и единообразно повторяемыхъ его членами мыслей, поступковъ и отношеній* въ зависимости отъ психическаго взаимодѣйствія этихъ членовъ и отъ условій общежитія. Она возможна вездѣ, гдѣ существуетъ такое взаимодѣйствіе и общежитіе. Сами группы и организаціи не принадлежатъ къ понятію культуры, а только ихъ формы: государство, наприм., или семья не составляютъ изъ себя элементовъ культуры, къ ней относятся лишь ихъ формы, какъ системы отношеній. Это понятіе

---

[1]) О. В. Ф. И. II, 53—55 (76—78).

обнимаетъ всѣ явленія духовной и общественной жизни, которыя повторяются въ обществѣ, обусловливая форму, содержаніе и направленіе мысли и поступковъ отдѣльныхъ личностей» [1]). Кромѣ этого, тамъ же было еще указано на то, что «каждая система однородныхъ культурныхъ признаковъ или соціальныхъ формъ составляетъ особый элементъ культуры. Сообразно съ этимъ расчлененіемъ продуктовъ надъ-органическаго развитія, разные виды соединенія индивидуумовъ и разные виды повторяемости явленій духовной и общественной жизни мы противополагаемъ одни другимъ, наприм., народъ его языку, организованное общество его политическимъ, юридическимъ и экономическимъ отношеніямъ» [2]). Еще болѣе важнымъ считаемъ мы «различеніе двоякаго отношенія между надъ-органическою средою и личностью. *Соціальная организація*, опредѣляли мы, *есть предѣлъ личной свободы, культурная группа есть предѣлъ личной оригинальности*. Соціальная форма опредѣляетъ мѣсто личности въ обществѣ, культурный признакъ отличаетъ ее отъ личностей другой культурной группы» [3]). Помимо всего этого, нѣсколько далѣе было нами указано на то, что надъ-органическая среда въ отличіе отъ среды физической «*не имѣетъ бытія, независимаго отъ людей, и внѣ ихъ общежитія*, но въ то же время ея формы (т.-е. культура) для каждой отдѣльной личности отличаются отъ природно принадлежащихъ личности качествъ тѣмъ, что являются чѣмъ-то приходящимъ къ ней извнѣ и независимо отъ нея существующимъ. Возьмемъ, напр., языкъ. Прирождена человѣку только способность къ особой формѣ дѣятельности, которая называется рѣчью: въ какихъ формахъ будетъ онъ проявлять эту способность, т.-е. на какомъ языкѣ человѣкъ станетъ говорить, будетъ зависѣть уже отъ того, въ какой культурной группѣ онъ воспитался. Тотъ или другой языкъ есть не что иное для способности къ рѣчи у единицы, какъ результатъ вліянія нѣкотораго рода среды, обусловливающей формы проявленія этой способности. *Противополагая субъективному акту рѣчи языкъ, какъ нѣчто объективно существующее*, мы въ то же время должны признать, что это объективно существующее, съ одной стороны, есть продуктъ коллективнаго творчества цѣлыхъ поколѣній народа, а съ другой, само состоитъ лишь изъ повторяющихся въ одной формѣ актовъ рѣчи. Поэтому мы можемъ опредѣлить языкъ, какъ созданную совокупностью личностей постоянную форму для актовъ рѣчи, внѣ этихъ актовъ не имѣющую существованія, но тѣмъ не менѣе подчиняющую себѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ рѣчь отдѣльныхъ единицъ и даже постоянно переживающую цѣлыя поколѣнія народа. И въ области идей *отдѣльнымъ актамъ мышленія мы противополагаемъ нѣкоторыя*

---

[1]) Ibid., II, 55 (78). [2]) Ibid., II, 55—56 (78). [3]) Ibid., II, 56 (78—79).

общія, постоянно въ данномъ обществѣ повторяющіяся мысли, какъ нѣчто объективно существующее, хотя и помнимъ, что онѣ—продукты мышленія и существуютъ лишь, какъ содержаніе отдѣльныхъ его актовъ. Господствующія въ обществѣ идеи суть поэтому созданныя коллективнымъ мышленіемъ постоянно повторяющіяся состоянія сознанія, извѣстнаго рода умственный капиталъ, внѣ актовъ мышленія не существующій, но въ то же время опредѣляющій содержаніе мысли отдѣльныхъ единицъ и, какъ нѣкоторая система постоянно повторяющихся фактовъ, переживающая цѣлыя поколѣнія общества. Равнымъ образомъ *и прирожденному соціальному инстинкту человѣка, т.-е. способности къ извѣстному поведенію, котораго требуетъ общественная жизнь, мы противополагаемъ, какъ нѣчто объективно существующее, извѣстный соціальный строй*, въ которомъ, однако, не можемъ не видѣть продукта совокупной дѣятельности личностей, съ одной стороны, и повторенія ими извѣстныхъ актовъ, вытекающихъ изъ потребности къ общежитію, съ другой стороны. На основаніи этого соціальный строй можетъ быть разсматриваемъ, какъ созданныя коллективнымъ поведеніемъ многихъ поколѣній общества формы соціальныхъ отношеній, т.-е. этого самаго поведенія, внѣ указанныхъ отношеній не существующія и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляющія поведеніе отдѣльной личности въ качествѣ нѣкотораго по отношенію къ ней внѣшняго условія, равно какъ переживающія цѣлыя поколѣнія въ качествѣ особой системы постоянно повторяющихся фактовъ» [1]). Независимое, объективное существованіе этой среды и ея развитіе есть одинъ изъ основныхъ фактовъ соціологіи.

«Если, сказано у насъ далѣе, мы будемъ разсматривать только это общее, постоянное и повторяющееся, которое, такъ сказать, *навязывается отдѣльной личности извнѣ и переживаетъ цѣлыя поколѣнія общества*, то получимъ культуру, которая есть продуктъ надъ-органическаго развитія и, поскольку вліяетъ на всю жизнь общества, постольку играетъ роль особой среды. Нарождаются въ обществѣ новые индивидуумы, прежніе вымираютъ, т.-е. составъ его постоянно измѣняется, но жизнь его остается неизмѣнною, пока его окружаетъ та же природа, и пока новыя особи, являясь на свѣтъ, находятъ ту же надъ-органическую среду, которая существовала при рожденіи ихъ родителей,—сами ея не измѣняя: тѣ же звуки рѣчи, то же содержаніе мысли, тѣ же отношенія между людьми! *Простая смѣна поколѣній (т.-е. чисто біологическое явленіе) не измѣняетъ надъ-органической среды,* потому что каждое поколѣніе необходимо ей подчиняется, перенимаетъ языкъ своихъ отцовъ, воспитывается въ ихъ взглядахъ, пріучается жить въ тѣхъ же отношеніяхъ. Формы надъ-органической

---

[1]) Ibid., II, 62—64 (91—92).

среды держатся подражаніемъ, переходящимъ въ привычку, и повиновеніемъ авторитету, которое въ сущности есть только особая форма подражанія».

Именно послѣднему фактору мы приписываемъ особенно важное значеніе. «*Роль органической наслѣдственности, этого повторенія потомками организаціи и способностей предковъ, здѣсь играетъ надъ-органическая традиція, повтореніе по подражанію:* бытіе языка, господствующихъ идей, соціальнаго строя заключается въ подражаніи постепенно выработавшимся движеніямъ голосовыхъ органовъ, въ воспроизведеніи постепенно установившихся состояній сознанія, въ перениманіи постепенно возникшихъ формъ взаимныхъ отношеній между людьми» [1]).

Вотъ все существенное, что для ученія о надъ-органической средѣ представляетъ собою указанная глава второго тома *Основныхъ вопросовъ.* Для дальнѣйшихъ цѣлей нашего изслѣдованія намъ необходимо развить съ большею подробностью нѣкоторыя отдѣльныя положенія, заключающіяся въ приведенныхъ мѣстахъ нашего прежняго труда, отвѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыя возраженія, намъ дѣлавшіяся, и указать на взгляды, аналогичные нашимъ у другихъ писателей, чтобы подкрѣпить свое ученіе и съ нѣсколько иныхъ, нежели наша, точекъ зрѣнія. Главное вниманіе по самой сущности интересующаго насъ общаго вопроса мы должны обратить на отношенія, существующія между надъ-органическою средою и личностью. Первый частный вопросъ, который мы здѣсь ставимъ, касается нашего права противополагать личность надъ-органической средѣ. Быть можетъ, мы не нашли бы нужнымъ на этомъ останавливаться, если бы не встрѣтились съ нѣкоторыми возраженіями.

Только-что приведенный нами взглядъ на надъ-органическую среду, несмотря на всю его важность для пониманія излагаемой нами теоріи исторіи, не обратилъ на себя вниманія со стороны многочисленныхъ критиковъ *Основныхъ вопросовъ:* тѣмъ, которые упоминали объ этомъ предметѣ, казалось, что самое понятіе это принадлежитъ Спенсеру, хотя, какъ я замѣтилъ уже, у него былъ заимствованъ только терминъ—«надъ-органическій», который, конечно, легко могъ бы быть замѣненъ выраженіемъ — «культурно-соціальный», суть же дѣла заключается не въ этомъ прилагательномъ, а въ существительномъ «среда». Исключеніе представилъ собою только одинъ критикъ, именно и указавшій на то, что «среда» принадлежитъ мнѣ, хотя въ этомъ-то и увидѣвшій поводъ обвинить меня въ искаженіи мысли Спенсера. «Если, возражаетъ онъ мнѣ, если говорятъ о надъ-органической эволюціи или надъ-органическомъ порядкѣ явленій, разумѣя подъ этимъ

---

[1]) Idib., II, 64 (92—93).

всю совокупность явленій соціальной и коллективной психологіи, то этимъ включаютъ сюда и личность; личность оказывается въ такомъ случаѣ подлежащею изслѣдованію въ тѣхъ же рамкахъ надъ-органическаго порядка явленій. Но г. К. личность нужна, какъ факторъ прогресса; поэтому онъ ее исключаетъ изъ надъ-органическаго порядка. *Для этого прежде всего онъ измѣняетъ терминологію: онъ говоритъ о надъ-органической средѣ;* среда предполагаетъ дѣятеля». Нѣсколько выше критикъ замѣтилъ, что противъ всего сказаннаго мною о надъ-органическихъ явленіяхъ, объ идеяхъ и учрежденіяхъ, о культурной группѣ и соціальной организаціи «ничего нельзя было бы возразить», если бы я «въ эти понятія не вводилъ нѣкоторыхъ признаковъ, существенно ихъ искажающихъ въ видахъ моей теоріи». Искаженіе онъ и видитъ въ выдѣленіи личности изъ среды или, какъ онъ неточно выражается, «изъ рамокъ культуры» и въ противопоставленіи личности культурѣ, какъ начала дѣятельнаго, творческаго, движущаго [1]). Изложивши вкратцѣ мой взглядъ на взаимныя отношенія личности и надъ-органической среды, критикъ такимъ образомъ формулируетъ мою мысль: «граница между надъ-органическою средою и личностью проходитъ не между реформаторомъ и массой, а въ каждомъ индивидуумѣ между системой его привычекъ и его способностью къ иниціативѣ. Корни этой иниціативы личности, продолжаетъ критикъ, всѣ въ надъ-органической средѣ и все-таки личность является творцомъ исторіи. Психологически такого раздѣленія быть не можетъ. Методически (?) оно невыполнимо (не говоря уже о его безполезности, на что могутъ быть различные взгляды)». Кромѣ того, онъ находитъ, что здѣсь у меня «смѣшана теоретическая точка зрѣнія съ практической. Надъ-органическая среда, поясняетъ онъ,—понятіе теоретическое; а личность у автора понятіе практическое; если держаться послѣдовательно теоретической точки зрѣнія, протестующая (?) личность потонетъ среди явленій надъ-органическаго порядка, куда рядомъ съ явленіями психической традиціи должны быть отнесены и явленія личной иниціативы. Если выдерживать точку зрѣнія идеала, тогда нечего претендовать на научное значеніе термина личности. Совмѣстить же употребленіе термина надъ-органическая среда въ теоретическомъ смыслѣ съ употребленіемъ термина личность въ практическомъ невозможно, ибо первое поглощаетъ второе, а второе исключаетъ первое» [2]).

Мнѣ уже пришлось отвѣчать критику, дѣлающему приведенное возраженіе, и въ отвѣтѣ своемъ я коснулся, между прочимъ, и этого

---

[1]) *П. М.* Историсофія г. Карѣева. *Русская Мысль*, 1887 г., ноябрь, 98.

[2]) Ibid., 99. На стр. 101 г. П. М. возлагаетъ на меня onus probandi научности отдѣленія личности отъ надъ-органической среды.

возраженія [1]), обѣщавъ, впрочемъ, разобрать его подробнѣе въ настоящей главѣ. По моему мнѣнію, то, что мой критикъ называетъ искаженіемъ спенсеровскаго «надъ-органическаго порядка явленій», есть скорѣе поправка этого понятія, такъ какъ, благодаря ей, только и можно поставить вопросъ объ отношеніи индивидуума къ названному порядку, вопросъ объ отношеніи единичныхъ организмовъ къ тому «надъ-органическому», которое по отношенію къ нимъ является своего рода средою: по крайней мѣрѣ, въ приведенныхъ мѣстахъ изъ одной главы второго тома *Основныхъ вопросовъ* (да и въ другихъ мѣстахъ этого сочиненія) я указываю на основанія, позволяющія намъ (если не сказать: заставляющія насъ) видѣть въ надъ-оргиническомъ порядкѣ явленій не что иное, какъ своего рода среду, окружающую человѣческія единицы. Критикъ не входитъ въ разборъ этихъ основаній, а просто заявляетъ, что мой взглядъ есть лишь искаженіе спенсеровскаго: указывая на то, какъ «говорятъ» о надъ-органическомъ порядкѣ явленій и что «разумѣютъ» подъ этимъ выраженіемъ, объявляя, что сюда (т.-е. въ понятіе это) «включаютъ» и личность, онъ оставляетъ безъ всякаго отвѣта весьма естественный съ нашей стороны вопросъ, кто же все это «говоритъ», «разумѣетъ» и «включаетъ», равно какъ не приводитъ никакихъ аргументовъ въ пользу того, что такъ говорить, разумѣть и включать можно и должно. «Личность, заключаетъ онъ, оказывается въ такомъ случаѣ подлежащею изслѣдованію въ тѣхъ же рамкахъ надъ-органическаго порядка явленій», т.-е., по его мнѣнію, выходитъ такъ, что личность (= индивидуальный организмъ) должна быть включена въ понятіе «надъ-органическаго», а это требованіе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Не разсмотрѣвъ дѣйствительныхъ основаній, заставившихъ меня исключить личность изъ надъ-органическаго порядка явленій, мой критикъ предположилъ, что сдѣлалъ я это въ угоду извѣстной предвзятой мысли: но будемъ ли мы видѣть въ личности «факторъ прогресса» или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ мы должны сдѣлать то, что критикомъ мнѣ ставится въ вину, т.-е. должны исключить личность изъ понятія культуры и первую противоположить послѣдней, такъ какъ личность, конечно, не есть ни культура, ни ея часть. Критикъ хорошо понимаетъ, въ какомъ смыслѣ я представляю одну изъ сторонъ этого противоположенія, говоря о границѣ, отдѣляющей систему привычекъ индивидуума, данныхъ ему окружающей средой, и его способности къ иниціативѣ, лежащей, по нашему мнѣнію, въ немъ самомъ, и я даже могу высказать удовольствіе по поводу того, что въ словахъ, выражающихъ такую идею, моей мысли данъ весьма удачно но-

[1]) См. статью «Новые отвѣты критикамъ» (*Русское Богатство*. 1889. XII, 130 — 132). Статью эту мнѣ не пришлось выпустить въ видѣ отдѣльной книжки, какъ продолженія «Моимъ критикамъ».

вый оборотъ, самому мнѣ въ голову не приходившій, но далѣе ничѣмъ не доказывается, чтобы всѣ корни личной иниціативы (и что въ данномъ случаѣ значатъ эти «корни?») находились въ надъ-органической средѣ. Почему «психологически» раздѣленія между личностью, какъ субъектомъ, и объективно существующими культурно-соціальными формами, каковы языкъ, религія, право и т. д., быть не можетъ, критикъ мой не объясняетъ: напротивъ, мы прямо обязаны «раздѣлять», наприм., человѣка, говорящаго на извѣстномъ языкѣ, и самый языкъ, на которомъ онъ говоритъ, о чемъ тоже вѣдь сказано было въ приведенныхъ мѣстахъ (и къ чему мы еще вернемся), тѣмъ болѣе, что логически это выполнимо, и, какъ мы позволяемъ себѣ утверждать, это не только полезно для науки, но было бы, напротивъ, въ высшей степени вредно смѣшивать въ одно такія вещи, какъ народъ (=совокупность личностей), говорящій на томъ или другомъ языкѣ, и языкъ (совокупность формъ актовъ рѣчи), на которомъ онъ говоритъ. Въ смѣшеніи понятій, въ коемъ меня упрекаетъ мой критикъ, повиненъ скорѣе онъ самъ, разъ онъ сознательно вооружается противъ раздѣленія того, что именно смѣшивать-то и не слѣдуетъ.

И съ другой еще стороны критикомъ, вооружившимся противъ раздѣленія понятій личности и надъ-органической среды, дѣлается на меня нападеніе. Я долженъ признаться, что не вполнѣ понимаю его точку зрѣнія, когда онъ говоритъ о смѣшеніи мною теоретическаго понятія среды съ практическимъ понятіемъ личности. Разъ, однако,— по моей ли винѣ или по винѣ читателя—могло возникнуть недоразумѣніе, давшее поводъ утверждать то, что съ этой стороны говорится о моей теоріи, я считаю нужнымъ заявить, что для меня самого и понятіе личности, и понятіе среды одинаково имѣютъ теоретическое значеніе. На отвѣтственности самого критика я оставляю «протестующую личность»: проявленіе личнаго начала въ исторіи я не ограничиваю однимъ протестомъ, да и самый протестъ не всегда бываетъ проявленіемъ личнаго начала, такъ какъ можетъ совершаться во имя началъ традиціонныхъ. Не понимаю я также, почему понятіе личности не можетъ имѣть теоретическаго значенія, если оно и способно получать практическій смыслъ съ точки зрѣнія идеала: съ послѣдней точки зрѣнія для многихъ практическій смыслъ получаетъ и среда, разъ проповѣдуется, наприм., мораль преклоненія личности передъ тѣмъ, что «не нами начато и не нами кончится».

Вооружаясь противъ основъ моего пониманія исторіи и притомъ съ цѣлью доказать, что моя теорія есть простая забава, критикъ долженъ былъ бы во всякомъ случаѣ разобрать мои аргументы въ пользу необходимости отдѣлять личность отъ среды и тѣмъ доказать вѣрность своей мысли о томъ, что «корни, какъ онъ выражается, личной иниціативы всѣ находятся въ надъ-органической средѣ», и что

потому къ явленіямъ надъ-органическаго порядка «рядомъ съ явленіями психической традиціи должны быть отнесены и явленія личной иниціативы». Впрочемъ, мы не стали бы здѣсь такъ долго останавливаться на разсмотрѣнныхъ мнѣніяхъ одного изъ нашихъ критиковъ, если бы они не стояли въ тѣсной связи съ двумя другими взглядами, заключающими въ себѣ хотя и косвенное только несогласіе съ нашимъ взглядомъ на взаимныя отношенія между личностью и надъорганической средой. По поводу одного изъ этихъ взглядовъ мнѣ уже приходилось раньше объясняться въ печати, что осталось небезъизвѣстнымъ критику, возраженія котораго были только-что разсмотрѣны, и онъ даже сослался на происходившую по этому вопросу полемику, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что *onus probandi* необходимости отдѣлять личность отъ среды долженъ лежать на мнѣ. Другой взглядъ былъ высказанъ недавно однимъ изъ рецензентовъ перваго выпуска настоящаго труда. Я остановлюсь вкратцѣ на обоихъ.

Среди критиковъ *Основныхъ вопросовъ*, съ которыми мнѣ приходилось обмѣниваться возраженіями, былъ извѣстный популяризаторъ естествознанія, пишущій подъ псевдонимомъ Эльпе [1]), и имъ-то высказано было нѣсколько мыслей, которыя заставили меня коснуться отдѣленія надъ-органической среды, какъ совокупности системъ повторяющихся въ обществѣ идей, поступковъ и отношеній, отъ самой совокупности личностей, составляющихъ общество. Споръ шелъ у насъ, между прочимъ, о личной иниціативѣ, и нѣкоторыя изъ возраженій моего оппонента я объяснилъ себѣ тѣмъ, что мы противополагаемъ личность обществу въ двухъ различныхъ смыслахъ: мой критикъ противополагалъ личность—единицу обществу—аггрегату, тогда какъ у меня на первомъ планѣ стояло противоположеніе личной иниціативы (инноваціи) культурной традиціи (подражательному повторенію), при чемъ иниціативу я понималъ въ смыслѣ освобожденія личности отъ подчиненія средѣ. Подобно другимъ критикамъ, г. Эльпе не затронулъ моего взгляда на взаимныя отношенія личности и надъорганической среды, безъ чего, конечно, не могъ надлежащимъ образомъ понять, что разумѣю я подъ личной иниціативой. Критикуя взглядъ моего оппонента, по которому идеи зарождаются въ обществѣ и затѣмъ уже подхватываются, формулируются и развиваются

---

[1]) На замѣтку его въ *Новомъ Времени* (отъ 8 дек. 1883 г.) я отвѣчалъ статьей «Кризисы и личная иниціатива въ исторической эволюціи» (*Русскія Вѣдомости*. 1884. № 14). Г. Эльпе возражалъ мнѣ статьей «Внезапные перевороты и идея развитія» (*Нов. Вр.* отъ 31 янв. 1884), вызвавъ съ моей стороны «Два слова объ исторической эволюціи», помѣщенныя съ «Примѣчаніемъ къ отвѣту» г. Эльпе въ *Новомъ Времени* (№ 2868). Споръ былъ воспроизведенъ въ разныхъ мѣстахъ брошюры «Моимъ критикамъ». Затронутый здѣсь вопросъ см. на стр. 72—73 брошюры.

при содѣйствіи личности (какъ будто общество не изъ личностей же состоитъ и какъ будто идеи зарождаются безъ содѣйствія личностей) и защищая свое воззрѣніе, я и спрашивалъ г. Эльпе, правильно ли сдѣланное мною отдѣленіе личности отъ надъ-органической среды, которое не позволяетъ смотрѣть на общество, какъ на простую сумму личностей. Вопросъ этотъ остался безъ отвѣта, и новый критикъ говоритъ, что такъ и должно было быть, потому что *onus probandi* лежалъ на мнѣ.

На сдѣланномъ мною отдѣленіи личности отъ надъ-органической среды основано не только противоположеніе между иниціативой, какъ инновацiей, и традицiей, какъ повтореніемъ, но и опредѣленіе сущности историческаго процесса, какъ взаимодѣйствія личности и надъ-органической среды. Одинъ изъ рецензентовъ, писавшихъ о моей исторіологической теоріи, взялъ подъ свою защиту Шопенгауера, находившаго понятіе «взаимодѣйствія» нелѣпымъ [1]), замѣтивъ еще, что оно не можетъ соединить противорѣчиваго, «какъ мы не можемъ заставить вступить въ соединеніе масло и воду, вливъ ихъ въ одинъ стаканъ». Дѣло, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что, по его словамъ, взаимодѣйствіе и невозможно, «разъ не признаешь самостоятельности силъ или историческихъ явленій, а смотришь на нихъ, какъ на продуктъ исторіи». Но я и не смотрю на личность, какъ на продуктъ *только* исторіи, ибо то, что въ личности есть продуктъ исторіи, — привносится къ ней изъ надъ-органической среды, а то, что дѣлаетъ ее оригинальной, дается ей не исторіей, а природой, не воспитаніемъ, а рожденіемъ. Пусть даже и не такъ будетъ, а такъ, какъ хочетъ Спенсеръ [2]), личности и культурно-соціальныя формы суть разнородные продукты исторіи, которые могутъ находиться между собою во взаимодѣйствіи хотя бы уже потому, что силы исторіи, продуцирующія общество, какъ совокупность личностей, и общество, какъ совокупность культурно-соціальныхъ формъ, не однѣ и тѣ же. Впрочемъ, все это мы разовьемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, отмѣчая здѣсь сдѣланное намъ рецензентомъ возраженіе вслѣдствіе его родства съ двумя другими, тоже коснувшимися отдѣленія личности отъ надъ-органической среды.

Въ виду, однако, того, что одни критики (и притомъ большинство ихъ) обошли молчаніемъ изложенный нами взглядъ на надъ-органическую среду, а другіе сдѣлали противъ него возраженія, объясняющіяся (по крайней мѣрѣ, лично для меня) не вполнѣ точнымъ пониманіемъ этого воззрѣнія, и въ виду того, что дальнѣйшее разсмотрѣніе роли личности въ историческомъ процессѣ находится въ

---

[1]) См. объ этомъ у насъ выше, стр. 229—230. Рецензія, на которую я тутъ ссылаюсь, появилась въ декабр. книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1889 г.

[2]) См. выше, стр. 62—63.

самой тѣсной зависимости отъ опредѣленія взаимныхъ отношеній между личностью и надъ-органическою средою, мы и разовьемъ теперь нѣкоторыя изъ мыслей, лежащихъ въ основѣ ученія. Первый вопросъ— что такое личность по отношенію къ явленіямъ, совокупность коихъ составляетъ надъ-органическую среду и ея формы? Съ нашей точки зрѣнія человѣческій индивидуумъ, разсматриваемый по отношенію къ упомянутымъ явленіямъ, получаетъ значеніе части нѣкоего высшаго цѣлаго, будетъ ли этимъ цѣлымъ соціальная организація, въ составъ коей входитъ личность, или культурная группа, къ которой она принадлежитъ. Такъ какъ, однако, индивидуумъ есть все-таки самостоятельное существо, ставящее себѣ свои собственныя цѣли, независимыя отъ стремленій соціальной организаціи, и повинующееся личнымъ мотивамъ, независимымъ отъ характерныхъ признаковъ культурной группы, то и соціальная организація, и культурная группа играютъ по отношенію къ личности роль нѣкоторой среды. Составляя часть окружающей насъ природы, мы тѣмъ не менѣе противополагаемъ себя ей, какъ самостоятельныя существа своей внѣшней обстановкѣ, или средѣ: и здѣсь тоже мы имѣемъ дѣло со средою, но только не съ физическою, матеріальною, а со средою духовною и общественною. Моя культурно-соціальная среда въ цѣломъ есть то общество (народъ и государство), къ которому я принадлежу, и то же значеніе имѣетъ оно для каждаго изъ моихъ соплеменниковъ и соотечественниковъ, при чемъ для каждаго изъ нихъ и я самъ составляю уже часть этой среды. Противополагая такимъ образомъ нѣкое отвлеченное *я* (личность) тому, что представляетъ изъ себя *не-я* (среда), мы этимъ еще не опредѣляемъ тѣхъ отношеній, въ коихъ могутъ находиться между собою эти *я* и *не-я*. Индивидуумъ вообще зависитъ отъ окружающей его обстановки, но степени этой зависимости бываютъ разныя: отдѣльное *я* бываетъ похоже на окружающее его *не-я* (т.-е. на другихъ членовъ группы) въ большей или меньшей степени, то представляя собою простое отраженіе *не-я* безъ рѣзко выдающихся индивидуальныхъ чертъ, то, наоборотъ, весьма значительно отличаясь отъ своего *не-я* при всей общей съ нимъ основѣ; съ другой стороны, въ разныхъ же степеняхъ отдѣльное *я* бываетъ подчинено окружающему его *не-я* (въ данномъ случаѣ соціальной организаціи), то дѣлаясь простымъ ея орудіемъ (поглощеніе личности государствомъ, какъ говорится), то, наоборотъ, сохраняя большую долю своей «естественной свободы». Съ этой точки зрѣнія мы и указали на ограниченіе средою личности въ ея самобытности (оригинальности) и самостоятельности (автономости), говоря, что соціальная организація есть предѣлъ личной свободы, а культурная группа есть предѣлъ личной оригинальности, и весь вопросъ заключается въ томъ, есть ли этотъ предѣлъ одинъ и тотъ же для отдѣльныхъ обществъ во всѣхъ мѣстахъ и во

всѣ времена и для отдѣльныхъ личностей во всякомъ обществѣ. По нашему мнѣнію, на вопросъ этотъ не можетъ быть иного отвѣта, какъ тотъ, который естественно и необходимо вытекаетъ изъ принципа разнообразія личностей, принятаго нами въ основу всѣхъ разсужденій послѣдней главы въ предыдущей «книгѣ», и изъ признаваемаго всѣми историками принципіальнаго несходства соціально-культурныхъ формъ, характеризующихъ отдѣльныя общества и эпохи. Не всѣ люди родятся съ одинаковыми задатками къ самобытности и самостоятельности, и не всѣ культурно-соціальныя формы даютъ одинаковый просторъ проявленіямъ личнаго начала или одинаково его стѣсняютъ. Принципъ градаціи личностей по степенямъ ихъ самобытности и самостоятельности въ силу врожденныхъ имъ качествъ и принципъ градаціи, какую могутъ представлять изъ себя отдѣльные случаи надъ-органической среды по степени своей силы надъ личностью, вполнѣ приложимы и къ этого рода историческимъ явленіямъ. Другими словами, и личность, и надъ-органическая среда въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ не суть величины постоянныя: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отношеніе между ними мѣняется, хотя сущность дѣла остается одна и та же при всемъ разнообразіи возникающихъ въ этой сферѣ явленій, а сущность дѣла — въ томъ, что личность стремится къ самоопредѣленію, тогда какъ тенденція среды—ассимилировать себѣ личность. Среда живетъ традиціями, въ основѣ коихъ мы видимъ подражательныя повторенія, тогда какъ личность только тогда является сама собою, когда не повторяетъ, а видоизмѣняетъ, когда не подражаетъ, а приноситъ свое, когда не просто отражаетъ окружающее, а перерабатываетъ его въ себѣ, сообразно со своими индивидуальными особенностями. Напомнимъ, что таковъ былъ послѣдній результатъ всѣхъ соображеній нашихъ о роли личности и въ прагматической исторіи [1]).

Идемъ теперь далѣе и обратимся къ изложенному выше взгляду на культуру. Читателю уже извѣстно, что по отношенію къ надъ-органической средѣ въ ея двойномъ составѣ (группы и организаціи) культуру мы разсматриваемъ, какъ совокупность формъ среды. Мы противополагаемъ себя средѣ (народу и государству), часть которой сами составляемъ, но въ культурѣ мы противополагаемъ себѣ уже нѣчто такое, части чего сами мы не составляемъ, но что имѣетъ значеніе признаковъ, характеризующихъ нашу духовно-общественную среду: въ этомъ смыслѣ мы говорили выше о противоположеніи народа его языку или государства его формамъ. Рождаясь среди извѣстнаго народа (= культурной группы), ребенокъ (= личность) попадаетъ въ опредѣленную среду, однимъ изъ признаковъ которой является языкъ, и

---

[1]) См. выше, стр. 332.

этимъ опредѣляется форма актовъ его рѣчи на всю его жизнь. Родясь въ извѣстномъ государствѣ (= соціальной организаціи), человѣкъ попадаетъ также въ извѣстную среду, характеризуемую опредѣленными формами быта, чѣмъ и опредѣляется (въ связи съ разными случайностями рожденія) сфера и направленіе его общественной дѣятельности. Для личности, какъ субъекта, и формы языка, на которомъ онъ говоритъ, и формы государства, къ коему онъ принадлежитъ, имѣютъ одинаково значеніе чего-то объективнаго, и то же самое мы можемъ сказать относительно общества, какъ совокупности личностей, съ одной стороны, и его культуры, какъ совокупности формъ быта этого общества, съ другой стороны, беря слово—«бытъ» въ самомъ широкомъ смыслѣ. Мы и представить себѣ не въ состояніи, что можно было бы возразить противъ такого противоположенія съ точки зрѣнія яко бы ничѣмъ неискаженнаго пониманія явленій надъ-органическаго порядка. Люди—сами по себѣ, соціально-культурныя формы—сами по себѣ: объективированіе послѣднихъ въ нѣкоторыхъ направленіяхъ доходило до того, что въ нихъ видѣли какъ бы реальные организмы, носящіе названія языка, права или государства. Для объективированія культуры, конечно, существуютъ свои основанія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы «объективный порядокъ», называемый у насъ надъ-органической средой, существовалъ и измѣнялся независимо отъ личностей, отъ него зависящихъ и его поддерживающихъ. Мнѣ кажется, что тѣ мѣста изъ второго тома *Основныхъ вопросовъ*, которыя были приведены въ началѣ этой главы, заключаютъ въ себѣ въ общемъ приблизительно вѣрное пониманіе какъ зависимости личности отъ культуры, такъ и зависимости культуры отъ личности.

Обращаемъ, прежде всего, вниманіе на сдѣланное тамъ противоположеніе субъективныхъ актовъ рѣчи, мышленія, общественной дѣятельности — объективнымъ формамъ языка, объективно-существующимъ въ обществѣ идеямъ, объективному строю государства. Субъективные акты принадлежатъ личности, объективные элементы культуры—надъ-органической средѣ. Личности смѣняются однѣ другими, культура остается, и каждая новая личность подчиняется этому перманентному началу, чѣмъ и поддерживается преемственность культурно-соціальныхъ формъ. Эту сторону исторической жизни человѣка впервые съ достаточною силою отмѣтили реакціонныя ученія начала прошлаго вѣка, пустивъ въ обращеніе нѣсколько идей, усвоенныхъ впослѣдствіи и тѣми новыми направленіями науки о человѣческомъ обществѣ, которыя не имѣли ничего общаго съ тенденціями реакціи [1]). Объективируя культуру, нерѣдко забывали, однако, о тѣхъ привычныхъ основахъ, на которыхъ держатся всѣ «объективные порядки» въ человѣче-

---

[1]) См. выше, стр. 359 и слѣд.

скихъ обществахъ. Даннымъ нами выше опредѣленіемъ культуры мы ставимъ ее въ зависимость отъ психическаго взаимодѣйствія членовъ общества и отъ условій общежитія. Оставивъ послѣднія въ сторонѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ идеѣ психическаго взаимодѣйствія. Въ приведенныхъ мѣстахъ изъ второго тома *Основныхъ вопросовъ* мы показали на примѣрахъ языка, идей и соціальнаго строя, что, будучи продуктомъ коллективнаго творчества цѣлыхъ поколѣній народа, культура въ то же время сама состоитъ лишь изъ повторяющихся въ одной формѣ актовъ его дѣятельности. Въ обществѣ происходитъ взаимное подражаніе однихъ его членовъ другимъ, человѣкъ же способенъ не только подражать, но и перерабатывать внѣшнія впечатлѣнія настолько, чтобы давать нѣчто новое: всякій «объективный порядокъ» лишь настолько остается неизмѣннымъ, насколько подчиняющіяся ему личности лишены возможности отъ него отступать или подражать уже возникшимъ индивидуальнымъ отступленіямъ. Другими словами, и поддерживается, и измѣняется объективная культура не иначе, какъ посредствомъ субъективной дѣятельности, переходящей въ психическое взаимодѣйствіе. «Объективный порядокъ» есть нѣчто производное по отношенію къ тому первичному, которое мы обозначаемъ, какъ субъективную дѣятельность, хотя бы послѣдняя и подчинялась сама нѣкоторымъ объективнымъ формамъ. Выросши, однако, на такой почвѣ, это производное объективируется настолько, что получаетъ какъ бы самостоятельное бытіе. Вотъ какъ, напр., описывается процессъ объективаціи права однимъ изъ русскихъ юристовъ, къ воззрѣніямъ котораго намъ уже приходилось обращаться раньше. «Разъ юридическая норма, говоритъ онъ, выразилась въ обычаѣ, она уже перестаетъ быть только фактомъ субъективнаго сознанія. *Она получаетъ объективное существованіе, становится внѣшнимъ фактомъ, съ которымъ субъективное сознаніе должно считаться, какъ съ независящимъ отъ него, объективно-даннымъ фактомъ.* Зарождаясь въ сознаніи, норма постепенно съ помощью *силы привычки и инстинкта подражанія* получаетъ вполнѣ объективное значеніе, выразившись въ обычаѣ» [1]). Съ этой точки зрѣнія и можно вмѣстѣ съ цитируемымъ авторомъ противоположить «положительное право, какъ продуктъ общественной жизни, субъективному правосознанію, какъ продукту индивидуальнаго духа», при чемъ, пожалуй, нельзя не принять и еще одного его замѣчанія, указывающаго на то, что «обычно-правовая норма, являясь результатомъ дѣятельности цѣлаго народа, не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать ничьему индивидуальному правосознанію, такъ какъ при образованіи обычая *всѣ индивидуальныя особенности стираются»* [2]). Проф. Коркуновъ, которому принадлежатъ приведенныя

---

[1]) *Коркуновъ*, I, 255. [2]) Ibid., I, 256.

слова, отмѣчаетъ еще одну особенность «объективнаго порядка», отличающую его отъ субъективной дѣятельности (внутренней и внѣшней) не въ одной только области права. Культура характеризуется началомъ косности: это—повтореніе одного и того же, привычка, проторенные пути, традиціонная рутина, коимъ подчиняется человѣкъ, тогда какъ все, имѣющее происхожденіе въ личностяхъ, столь вообще отличныхъ одна отъ другой, способно представлять собою большое разнообразіе. Именно, по словамъ названнаго автора, объективированіе юридическихъ нормъ въ обычаяхъ, судебной практикѣ и законахъ приводитъ къ раздвоенію права на право, непосредственно выражающееся въ субъективномъ сознаніи, и на право, объектировавшееся, существующее независимо отъ субъективнаго сознанія [1]). Первое, говоритъ онъ, отличается неопредѣленностью, измѣнчивостью, подвижностью, второе опредѣленно и малоподвижно. «Одно идетъ какъ бы нога въ ногу съ развитіемъ общества, со всѣми совершающимися въ его средѣ измѣненіями; другое то отстаетъ отъ жизни, то ее опережаетъ, никогда не идя вровень съ нею» [2]). Опредѣленность и малоподвижность объективированнаго права есть только частный случай общаго правила—устойчивости соціально-культурныхъ формъ: чѣмъ болѣе онѣ объективируются, тѣмъ менѣе начинаютъ зависѣть отъ субъективныхъ дѣятельностей и, наоборотъ, чѣмъ болѣе ихъ себѣ подчиняютъ.

Все, что до сихъ поръ говорилось въ разъясненіе нашего взгляда на взаимныя отношенія личности и надъ-органической среды, имѣло въ виду, главнымъ образомъ, наше право отдѣлять одну отъ другой,—право, подвергавшееся сомнѣнію въ критикѣ. Самъ по себѣ предметъ этотъ до такой степени сложенъ, что могъ бы быть вполнѣ исчерпывающимъ образомъ изслѣдованъ въ отдѣльномъ сочиненіи. Защищая свое право отдѣлять личное отъ надъ-органическаго (или культурнаго), мы могли бы привести цѣлый рядъ аналогическихъ соображеній, встрѣчавшихся нами у разныхъ писателей [3]). Ограничимся двумя примѣрами, изъ коихъ въ одномъ мы имѣемъ дѣло съ противоположеніемъ личности и общественности, въ другомъ—индивидуальной души и народнаго духа, при чемъ въ обоихъ случаяхъ исходнымъ пунктомъ является особая идея, а въ результатѣ и здѣсь, и тамъ получается опредѣленіе

---

[1]) Ibid., I, 255. [2]) Ibid., I, 256.

[3]) Интересующимся вопросомъ могу рекомендовать, между прочимъ, старую статью *Lazarus'a* «Einige synthetischen Gedanken zur Völkerpsychologie», помѣщенную въ первомъ выпускѣ «*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*» за 1864 годъ. Хотя многое мы понимаемъ иначе, чѣмъ авторъ этой статьи, но считаемъ ее весьма важною для ученія о надъ-органической средѣ, которую онъ называетъ объективнымъ духомъ (der objective Geist), разумѣя, впрочемъ, подъ нимъ только духовную культуру въ отличіе отъ субъективнаго духа отдѣльныхъ личностей и не подводя подъ то же понятіе другихъ сторонъ надъ-органической среды (т.-е. главнымъ образомъ соціальныхъ формъ).

личнаго начала въ его отличіи отъ начала противоположнаго, довольно близкое къ нашему пониманію. «Общественность и личность людей, говоритъ проф. Троицкій, суть два вида ихъ психическаго существованія, прямо противоположные другъ другу или взаимно исключающіеся: *насколько въ немъ содержится общественности, настолько же нѣтъ личности, и наоборотъ*..... Оба термина въ приложеніи къ индивидуальнымъ фактамъ психическаго существованія людей не означаютъ, въ послѣднемъ анализѣ, ничего другого, кромѣ различной условности или зависимости этихъ фактовъ. Факты индивидуальныхъ психическихъ отношеній всякаго рода, *насколько они зависятъ отъ извѣстныхъ внутреннихъ условій—суть факты или явленія личности.* Но тѣ же факты психическихъ отношеній, *насколько они зависятъ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ психическихъ условій, суть факты или явленія общественности.* Личность, какъ извѣстная внутренняя психическая зависимость, заключаетъ въ себѣ отрицаніе извѣстной внѣшней зависимости,—психическую самостоятельность человѣка, живущаго въ обществѣ, — слѣдовательно, его индивидуальную психическую свободу относительно послѣдняго, свободу отъ всякаго общественнаго насилія или принужденія. Общественность, какъ извѣстная внѣшняя психическая зависимость людей, есть отрицаніе нѣкоторой доли ихъ психической самостоятельности,—есть область опредѣленной психической связанности ихъ, слѣдовательно, необходимость нѣкоторыхъ психическихъ отношеній, или обязательность ихъ» [1]). А вотъ другой рядъ мыслей, въ которомъ та же противоположность взята съ иной стороны. «Такъ какъ, говоритъ Штейнталь въ своемъ сочиненіи о взаимныхъ отношеніяхъ филологіи, исторіи и психологіи,—такъ какъ *не существуетъ никакой субстанціональной народной души*, но носителями народнаго духа являются люди, принадлежащіе къ извѣстному народу, то отличіе между самосознаніемъ историческаго духа отъ самосознанія духа неисторическаго должно быть найдено въ духѣ индивидуума и притомъ, съ одной стороны, въ отношеніяхъ индивидуальнаго сознанія самого по себѣ, а съ другой, во взаимныхъ отношеніяхъ индивидуумовъ; и то, и другое находится во взаимодѣйствіи, равно какъ въ томъ и другомъ дается нѣкое третье, *національное совокупное сознаніе* (das nationale Gesammtbewusztsein), которое, хотя и имѣетъ носителей своихъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, *возвышается надъ каждою изъ нихъ и составляетъ почву для развитія индивидуумовъ*» [2]). «Что понимаютъ, спрашиваетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, подъ духомъ и опредѣленнѣе подъ народнымъ духомъ? Болѣе глубокимъ образомъ подъ народнымъ духомъ разумѣютъ извѣстныя

---

[1]) *М. Троицкій.* «Наука о духѣ». М. 1882. I, 39—40.

[2]) *H. Steinthal.* Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. Berlin. 1864. Стр. 37.

характерныя черты, особенныя качества въ формахъ и продуктахъ духовной жизни» [1]).

Переходимъ теперь къ понятію культуры, какъ объективнаго порядка въ самомъ себѣ. Здѣсь намъ предстоитъ указать подробнѣе, въ какомъ смыслѣ мы понимаемъ сведеніе всей культуры къ системамъ повторяющихся фактовъ, особенно же то, въ какомъ смыслѣ мы рекомендуемъ разсматривать культуру, какъ продукты коллективнаго творчества, результаты совокупной дѣятельности. Это насъ поставитъ прямо передъ вопросомъ о томъ, какъ происходятъ измѣненія въ системахъ повторяющихся фактовъ и какую роль играютъ отдѣльныя личности въ созиданіи и переработкѣ культурныхъ формъ.

Итакъ, обращаемъ теперь вниманіе читателя прежде всего на идею «повторяющихъ фактовъ», къ коимъ мы сводимъ понятія культуры и соціальной организаціи,—послѣдней постольку, поскольку она основывается на повтореніи извѣстныхъ отношеній въ постоянныхъ формахъ. Факты вообще повторяются, поскольку причины, ихъ вызывающія, остаются неизмѣнными, но въ примѣненіи собственно къ культурѣ мы должны принять въ соображеніе дѣйствіе еще одного фактора, вообще въ дѣлахъ человѣческихъ могучаго, каковымъ является подражаніе: повтореніе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, есть повтореніе подражательное, будетъ ли человѣкъ подражать прежнимъ своимъ дѣйствіямъ (привычка) или же дѣйствіямъ другихъ (воспитаніе въ широкомъ смыслѣ). Культурныя формы, усвоенныя личностью, отличаются отъ природно-принадлежащихъ ей качествъ тѣмъ, что приходятъ къ ней извнѣ именно путемъ подражанія (или повиновенія, представляющаго изъ себя лишь особую форму подражанія). Съ этой точки зрѣнія, культурною группою (въ смыслѣ совокупности носителей извѣстныхъ культурныхъ формъ) является группа подражателей однимъ и тѣмъ же образцамъ. Мы уже видѣли, что такихъ группъ, крупныхъ и мелкихъ, охватывающихъ многіе элементы культуры или объединенныхъ только однимъ какимъ-либо элементомъ, отличныхъ одна отъ другой въ большей или меньшей степени, во всякомъ сложномъ общежитіи существуетъ великое множество и крайнее разнообразіе [2]), такъ что личность можетъ уже въ силу одного этого находиться въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ къ надъ-органической средѣ, слагающейся для цѣлаго общества изъ совокупности всѣхъ существующихъ въ немъ культурныхъ группъ, не говоря уже о томъ, что даже совершенно однородная для многихъ личностей среда не для всѣхъ имѣетъ одинаковое значеніе въ силу разнообразія прирожденныхъ свойствъ самихъ личностей. Поскольку личности одна другую не повторяютъ по только-что указаннымъ причинамъ, по-

---

[1]) Ibid., 48. [2]) См. выше, стр. 346 и слѣд.

стольку въ объективныя системы повторяющихся фактовъ дѣятельностью личностей вносится нѣчто, нарушающее опредѣленность и неподвижность этихъ системъ. Въ обществѣ сколько-нибудь сложномъ одна и та же для всѣхъ его членовъ среда обращена къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ сказать, разными своими сторонами, тѣмъ болѣе, что личности эти входятъ въ составъ меньшихъ группъ, одна отъ другой отличныхъ, и представляютъ собою индивидуальныя особенности, позволяющія имъ по-своему перерабатывать дѣйствующія на нихъ культурныя вліянія. Чѣмъ богаче культура общества, чѣмъ сложнѣе его составъ, тѣмъ легче для индивидуума выбиться изъ заколдованнаго круга подражательныхъ повтореній, но богатство культуры и сложность соціальной организаціи суть только внѣшнія условія, благопріятствующія личной эманципаціи: этими внѣшними условіями лучше всего и полнѣе всего могутъ воспользоваться лишь тѣ индивидуумы, которые и по внутреннимъ условіямъ своей натуры психически призваны къ тому, чтобы пролагать новые пути. Противополагая личность культурѣ, какъ совокупности повторяющихся фактовъ, мы противополагаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ иниціативу традиціи.

Этимъ двумъ явленіямъ, главнымъ образомъ, мы и посвящаемъ настоящую главу, но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ихъ взаимныхъ отношеній въ культурномъ процессѣ, мы должны остановиться еще на одной сторонѣ изложеннаго нами въ началѣ этой главы пониманія надъ-органической среды и культуры, какъ совокупности ея формъ.

Во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ* мы позволили себѣ разсматривать отдѣльные элементы культуры, какъ «продукты коллективнаго творчества цѣлыхъ поколѣній народа», какъ «результаты совокупной дѣятельности личностей», но отсюда отнюдь еще мы не дѣлаемъ того вывода, чтобы отдѣльные моменты такого творчества, отдѣльные акты такой дѣятельности имѣли непремѣнно своею цѣлью именно эти продукты, эти результаты, ихъ возникновеніе, ихъ поддержку, ихъ измѣненіе. Дѣятельность человѣка предполагаетъ, конечно, постановку имъ себѣ извѣстныхъ цѣлей, но было бы странно думать, наприм., что люди говорятъ для того, чтобы поддерживать существованіе языка, или вступаютъ въ разнообразныя общественныя отношенія между собою, чтобы тѣмъ поддерживать соціальный строй. Люди, какъ мы уже говорили [1]), ставятъ себѣ цѣли, которыхъ болѣе или менѣе достигаютъ, но независимо отъ этого ихъ дѣятельность даетъ нѣкоторые результаты, которыхъ они прямо не имѣли въ виду. Для насъ, быть можетъ, останется на вѣчныя времена неизвѣстнымъ, какъ произошелъ языкъ, но мы и теперь имѣемъ полное

---

[1]) См. выше, стр. 415 и слѣд.

право утверждать, что, выражая посредствомъ звуковъ и жестовъ свои мысли, чувства и желанія, первобытные люди ставили своей цѣлью каждый разъ именно выраженіе той или другой мысли, того или другого чувства, того или другого желанія, а не созданіе языка, которое было уже результатомъ громаднаго количества такихъ актовъ. Во-первыхъ, наши собственныя дѣти не инымъ образомъ создаютъ свой языкъ: они даютъ знать, что видятъ тотъ или другой предметъ, они изъявляютъ радость или удивленіе, они выражаютъ желаніе, чтобы имъ дали то или другое лакомство, ту или эту игрушку, и всѣ произносимые ими звуки являются съ этой точки зрѣнія цѣлесообразными, но, достигая своей цѣли—выраженія своихъ мыслей, чувствъ и желаній посредствомъ повторенія въ аналогичныхъ случаяхъ однихъ и тѣхъ же звуковъ, каждый ребенокъ создаетъ свой маленькій словарь, который, какъ таковой, отнюдь не могъ быть его цѣлью, когда онъ заявлялъ, что видитъ собаку, или просилъ дать ему яблоко. Во-вторыхъ, когда взрослые говорятъ, они каждый разъ имѣютъ что-либо сообщить опредѣленное, и это-то сообщеніе является цѣлью актовъ ихъ рѣчи, а между тѣмъ, только такимъ образомъ поддерживаютъ они существованіе языка, т.-е. достигаютъ результата, коего вовсе не имѣютъ въ виду, разговаривая между собою.

Возникновеніе соціальнаго строя такъ же, какъ и происхожденіе языка, не можетъ быть предметомъ нашего непосредственнаго наблюденія, но это не мѣшаетъ намъ съ увѣренностью высказывать ту мысль, что и въ этомъ случаѣ отдѣльныя личности вели себя одна по отношенію къ другой такъ или иначе въ виду извѣстныхъ единичныхъ жизненныхъ цѣлей, вовсе не имѣя и въ помышленіи тѣхъ соціальныхъ формъ, въ которыя сложатся возникшія такимъ путемъ индивидуальныя отношенія. Люди поступаютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ извѣстнымъ образомъ ради извѣстныхъ цѣлей: повторяясь, распространяясь посредствомъ подражанія поданному примѣру, закрѣпляясь санкціей общественнаго авторитета («всѣ такъ дѣлаютъ»), эти поступки получаютъ значеніе обычая, но когда *A*, *B*, *C* и т. д. поступали такимъ-то и такимъ-то образомъ, стремясь къ такимъ-то и такимъ-то цѣлямъ, они только ради этихъ цѣлей и совершали свои поступки, отнюдь не для того, чтобы установить обычай, обязанный своимъ происхожденіемъ ихъ поведенію [1]). Крестьянинъ ведетъ на рынокъ продать корову, чтобы на вырученныя деньги купить разныхъ принадлежностей домашняго обихода, но изъ множества аналогичныхъ актовъ, совершаемыхъ съ аналогичными цѣлями, складываются формы экономическаго оборота цѣлой страны: не ради ихъ осуществленія,

---

[1]) Ср. ниже (въ главѣ IV) объясненіе проф. Сергѣевичемъ происхожденія обычаевъ.

конечно, нашъ крестьянинъ продавалъ корову на рынкѣ и покупалъ соль, косы, кумачъ и т. п. Итакъ, человѣкъ говоритъ, поступаетъ извѣстнымъ образомъ, занимается продажей и куплей и т. д., отнюдь не ради творчества языка, обычаевъ, формъ экономическаго оборота и т. п.: онъ ставитъ себѣ цѣли, достиженіе коихъ,—благодаря психическому взаимодѣйствію, совершающемуся въ обществѣ, и другимъ условіямъ общежитія,—сопровождается такими объективными результатами коллективной дѣятельности, каковы суть формы актовъ рѣчи (языка) или формы общественныхъ отношеній. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, ихъ создававшихъ, была большая или меньшая сознательность, преднамѣренность, цѣлесообразность, но она не была направлена на выработку этихъ результатовъ: послѣдніе возникли безсознательно, мимовольно, чисто причиннымъ путемъ. Къ этой сторонѣ культурной и соціальной жизни, собственно говоря, только и приложимы идеи органическаго развитія, безличной эволюціи, генетическаго процесса Правда, въ основѣ этого органическаго развитія мы видимъ отдѣльные акты сознательной дѣятельности личностей, осуществляющихъ свои цѣли, но сознаніе, сопровождающее эти акты, не касается тѣхъ результатовъ, которые изъ нихъ получаются безъ всякаго намѣренія со стороны дѣйствующихъ личностей, такъ какъ послѣднія совершаютъ тѣ или другіе свои поступки ради индивидуальныхъ цѣлей, лишь изъ сложенія коихъ путемъ чисто причиннаго процесса возникаютъ эти результаты, затѣмъ и подвергающіеся безличной эволюціи въ зависимости отъ общихъ условій и отъ присущихъ отдѣльнымъ элементамъ культуры законовъ развитія. Въ этомъ процессѣ, гдѣ перемѣны вызываются безсознательною и непреднамѣренною дѣятельностью личностей, хотя и бывающею и сознательной и преднамѣренной въ иныхъ отношеніяхъ (т.-е. не по отношенію къ этимъ перемѣнамъ, не являющимся ея цѣлью), личность не играетъ роли самостоятельнаго агента исторіи [1]). Все, что есть вѣрнаго въ современныхъ органическихъ и, такъ сказать, безлично-эволюціоныхъ ученіяхъ, касаются ли они отдѣльныхъ элементовъ культуры или всей культуры вообще, касаются ли они соціальной жизни вообще или въ частности соціальной организаціи, касаются ли они, наконецъ, просто теченія исторіи, взятой вообще же,—все это относится именно къ такимъ культурнымъ процессамъ, которые происходятъ по видимости какъ бы сами собою, хотя въ сущности и они совершаются не иначе, какъ путемъ все же человѣческой дѣятельности, въ которой есть и сознаніе, и преднамѣренность, и цѣлесообразность, только направленныя не на эти процессы. Нравственныя, общественныя и историческія науки нашего вѣка сдѣлали очень много для общаго пониманія этихъ про-

[1]) Что мы разумѣемъ подъ самостоятельностью, см. выше, стр. 236 и слѣд.

цессовъ, особенно въ сравненіи съ ученіями XVIII вѣка, но до сихъ поръ нѣтъ еще сколько-нибудь полной теоретической разработки основныхъ принциповъ такого пониманія. Мало того: становясь на органическую или эволюціонную точку зрѣнія, многіе писатели думаютъ, что этимъ исчерпывается вопросъ о сущности культурнаго процесса, *какъ будто не бываетъ такой сознательной, преднамѣренной и цѣлесообразной дѣятельности людей, которая прямо направлена на культуру и ея отдѣльные элементы* въ цѣляхъ ихъ созиданія, поддержки, измѣненія, т.-е. какъ будто не существуетъ того, что мы называемъ культурною (въ тѣсномъ смыслѣ), общественною, политическою дѣятельностью, когда человѣкъ отдѣльнымъ актамъ своей дѣятельности или всей ей вообще ставитъ прямо цѣли, лежащія въ культурѣ и соціальномъ строѣ общества, а не внѣ ихъ [1]). Если въ однихъ случаяхъ измѣненія въ основныхъ признакахъ надъ-органической среды происходятъ какъ-бы сами собою, будучи непреднамѣренными результатами стремленія людей къ какимъ-либо единичнымъ цѣлямъ (или результатами ихъ достиженія людьми), то въ другихъ культурныя измѣненія бываютъ не чѣмъ инымъ, какъ желательными результатами дѣйствій, совершавшихся именно ради ихъ полученія, хотя и тутъ, замѣтимъ мимоходомъ, достиженіе поставленной цѣли можетъ сопровождаться возникновеніемъ и совершенно постороннихъ, непредвидѣнныхъ слѣдствій. Въ подобныхъ случаяхъ мы уже можемъ говорить о роли личности, какъ самостоятельнаго фактора въ культурномъ процессѣ: разъ мы замѣчаемъ, что такое-то культурное измѣненіе произошло благодаря дѣятельности лица, знавшаго, что дѣлало, желавшаго именно того, чего достигло, и дѣйствовавшаго въ виду своей цѣли подходящими, болѣе или менѣе заранѣе обдуманными средствами, мы уже не можемъ говорить, что измѣненіе совершилось само собою (хотя сознательность, преднамѣренность и цѣлесообразность дѣйствія еще не свидѣтельствуютъ, чтобы лицо, его совершившее, непремѣнно было и его иниціаторомъ: это уже другое дѣло). Выше мы касались вопроса объ естественномъ процессѣ и искусственномъ творчествѣ въ исторіи элементовъ культуры: только-что установленное различеніе двухъ родовъ дѣятельностей, соприкасающихся съ

---

[1]) Спенсеръ, одинъ изъ главныхъ представителей ученія о безличной эволюціи (см. выше, часть I, гл. III), самъ дѣлаетъ различіе между общественными коопераціями двоякаго рода. «Есть, говоритъ онъ, кооперацiи безсознательныя, развивающіяся *безъ участія мысли во время преслѣдованія частныхъ цѣлей*, и есть кооперацiи, придуманныя *сознательно, предполагающія ясное признаніе общественныхъ цѣлей*». Развитіе политическихъ учрежденій. Спб. 1882. Стр. 18. По его мнѣнію, одна есть кооперація экономическая, другая—политическая, что, на нашъ взглядъ, невѣрно, такъ какъ и въ экономической, и въ политической жизни одинаково возможны оба пути развитія коопераций. Обращаемъ лишь вниманіе на общую мысль о двоякомъ происхожденіи соціальной организаціи.

культурою, вполнѣ соотвѣтствуетъ различенію между естественнымъ и искусственнымъ. Все это необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія того смысла, какой мы соединяемъ съ представленіемъ культуры, какъ продуктовъ коллективнаго творчества, какъ результатовъ совокупной дѣятельности личностей. Для большаго уясненія нашей мысли мы могли бы привести великое множество общихъ, такъ сказать, отвлеченныхъ, и частныхъ, конкретныхъ примѣровъ. Ограничимся немногими. Рядомъ съ безсознательными перемѣнами, происходящими въ языкѣ, въ силу непреднамѣренныхъ уклоненій отъ его формъ, мы можемъ указать на сознательныя, преднамѣренныя измѣненія въ немъ, производимыя писателями и учеными. Когда предки теперешнихъ французовъ, произнося латинскія слова, какъ бы проглатывали всѣ слоги, слѣдовавшіе за слогомъ ударяемымъ, они повиновались безсознательному стремленію облегчать себѣ выговоръ отдѣльныхъ реченій и этимъ непреднамѣренно содѣйствовали установленію системы удареній на послѣднихъ слогахъ словъ, вовсе не имѣя въ виду именно этой системы: такъ естественно возникли формы *combler* изъ *cumulare*, *homme* изъ *hominem*. Съ другой стороны, когда родоначальники французскаго литературнаго языка обратились къ латыни за лексическимъ матеріаломъ и стали вводить въ свою рѣчь такія слова, какъ *accumuler* (рядомъ съ *combler*), *cause* (рядомъ съ *chose*), они дѣйствовали преднамѣренно и искусственно передѣлывали латинскія слова во французскія. Особенно замѣтна искусственная обработка языка у такихъ реформаторовъ литературнаго слога, какими въ исторіи нашей словесности являются Ломоносовъ или Карамзинъ. Исторія народныхъ идей, наприм., въ области миѳа, представляетъ, равнымъ образомъ, примѣръ безсознательной эволюціи, независимо отъ которой мы встрѣчаемся съ исторіей сознательной переработки миѳовъ поэтами и философами, вкладывающими въ нихъ моральный или метафизическій смыслъ. Разныя теоріи происхожденія и развитія миѳа сходятся въ томъ общемъ представленіи, что въ основѣ процесса лежитъ забвеніе того первоначальнаго значенія, какое могло имѣть баснословное сказаніе [1]): миѳъ возникаетъ съ этой точки зрѣнія самъ собою, и самъ же собою, помимо человѣческой воли, измѣняется. Другое дѣло, когда онъ попадаетъ подъ руки поэту и особенно философу, дающему ему искусственную обработку: здѣсь уже видна преднамѣренность, и ея результатомъ бываетъ нѣкоторая искусственность, отсутствіе той непосредственности, которою характеризуется миѳъ въ устахъ народа. То же различіе представляютъ изъ себя естественныя, народныя религіи въ отличіе отъ религій искусственныхъ, жреческихъ. Переходя отъ культурныхъ идей къ соціальнымъ формамъ, мы

---

[1]) Ср. О. В. Ф. И., II, 281—282 (379—381).

можемъ, прежде всего, противоположить, наприм., обычное право, возникающее и развивающееся естественнымъ путемъ (хотя и чрезъ дѣятельность личностей), праву искусственному, т.-е. праву юристовъ и законодателей. Такая же противоположность существуетъ между естественными и искусственными кооперацiями въ области экономической жизни, а въ сферѣ отношенiй политическихъ—между органами власти и управленiя, сложившимися безсознательно и установленными преднамѣренно.

Границу между этими двумя способами культурнаго процесса провести крайне трудно, и даже съ полною очевидностью обнаруживая въ отдѣльныхъ случаяхъ тотъ или другой способъ, не слѣдуетъ преувеличивать его значенiе. Дѣло въ томъ, что всѣ отношенiя, съ точки зрѣнiя которыхъ мы имѣемъ право разсматривать культурный процессъ, крайне разнообразны и способны къ образованiю весьма сложныхъ комбинацiй. Во-первыхъ, очень не одинакова бываетъ разница между частными цѣлями, которыя ставятъ люди для своихъ дѣятельностей, и общими результатами, отъ нихъ получающимися, т.-е. иногда, повидимому, между тѣми и другими нѣтъ ничего общаго, иногда, наоборотъ, частныя цѣли болѣе или менѣе совпадаютъ съ общими результатами. Въ принципѣ мы имѣемъ право принять существованiе цѣлой градацiи между случаями, когда, съ одной стороны, процессъ отличается наибольшею естественностью и когда, съ другой, въ немъ наблюдается наибольшее количество чертъ искусственности. Равнымъ образомъ по чисто апрiорнымъ соображенiямъ мы имѣемъ право высказать такiя два предположенiя, что между отдѣльными элементами культуры (наприм., между языкомъ и философiей) существуетъ громадная разница по отношенiю къ ихъ способности быть предметами безсознательной эволюцiи или сознательнаго творчества, и что то же самое можно распространить на отдѣльные послѣдовательные фазисы въ развитiи однихъ и тѣхъ же элементовъ культуры. Къ сожалѣнiю, спецiальныя теорiи культурной эволюцiи такъ мало разработаны, что дальше этой общей мысли мы почти и не въ состоянiи идти. Во-вторыхъ, каждый процессъ, въ отдѣльности взятый не можетъ разсматриваться, какъ цѣликомъ естественный или какъ цѣликомъ искусственный: во всѣхъ процессахъ въ большей или меньшей степени перемѣшаны черты естественности или искусственности [1]), такъ что, строго говоря, мы имѣемъ право отмѣчать только преобладанiе тѣхъ или другихъ чертъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже однимъ тѣмъ, что всякая человѣческая дѣятельность предполагаетъ преднамѣренность, вносятся въ естественные культурные процессы такiя черты, которыхъ лишены естественные процессы въ буквальномъ смыслѣ этого

---

[1]) Ср. выше, стр. 393 и слѣд.

слова, а съ другой стороны, естественное возникновеніе непредвидѣнныхъ результатовъ изъ преслѣдованія культурныхъ же цѣлей сообщаетъ и искусственному процессу нѣкоторыя черты естественности. И тутъ мы опять должны говорить о градаціи между случаями, гдѣ примѣрно на 90% естестественности приходится 10% искусственности, и случаями, въ которыхъ обнаруживается обратное процентное отношеніе [1]). Въ третьихъ, дѣло усложняется взаимодѣйствіемъ элементовъ культуры, о которомъ мы лишь упоминаемъ въ настоящемъ томѣ [2]). Перемѣна, сознательно произведенная въ одномъ элементѣ культуры, можетъ отразиться на другомъ, помимо всякаго съ чьей бы то ни было стороны намѣренія, и совершенно такъ же измѣненіе, происшедшее само собою въ третьемъ элементѣ, можетъ оказаться весьма важнымъ подспорьемъ, безъ котораго нельзя было бы ничего сдѣлать для преднамѣреннаго вызова измѣненій въ четвертомъ. Не исчерпывая всѣхъ этихъ отношеній и комбинацій, мы только указываемъ на ихъ существованіе, дабы читатель видѣлъ, какъ сложенъ и запутанъ этотъ вопросъ.

На этомъ мы и кончаемъ свой комментарій къ данному нами раньше опредѣленію надъ-органической среды и культуры. Имѣя самостоятельное значеніе, онъ въ то же время долженъ служить вступленіемъ въ разсмотрѣніе вопроса о культурной традиціи и личной иниціативѣ. Наше опредѣленіе отношеній, существующихъ между личностью и надъ-органической средой, даетъ такимъ образомъ возможность не только объяснить, что есть вѣрнаго въ объективаціи продуктовъ человѣческой дѣятельности, внѣ этой дѣятельности не существующихъ, и что есть вѣрнаго въ признаніи безличной эволюціи элементовъ культуры, обязанныхъ своимъ развитіемъ дѣятельности личностей,—но и опредѣлить ту силу, которая подчиняетъ личность «объективному духу», выражаясь терминомъ нѣмецкой философіи, и ставитъ цѣлыя поколѣнія людей въ зависимость отъ моментовъ культурной эволюціи. Сила эта — общественная традиція въ широкомъ смыслѣ этого слова: подобно тому, какъ надъ-органической средѣ мы противополагаемъ личность, такъ культурно-соціальной традиціи, вызывающей повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ, мы противополагаемъ личную иниціативу. Эта послѣдняя мысль высказана была нами еще во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ*, гдѣ, между прочимъ, была проведена параллель между явленіями біологическими и соціальными по отношенію къ ихъ повторяемости (путемъ наслѣдственности въ однихъ случаяхъ и путемъ подражанія въ другихъ) и по отношенію къ ихъ измѣняемости. «Изъ дарвиновой теоріи вытекаетъ, чи-

[1]) Ср. выше во многихъ мѣстахъ примѣненіе идеи градаціи.

[2]) Ср. общее опредѣленіе сущности историческаго процесса, приведенное выше на стр. 140 изъ О. В. Ф. И.

таемъ мы въ указанномъ мѣстѣ [1]), что измѣняемость видовъ животнаго царства *была бы невозможна безъ измѣнчивости особей*, закрѣпляемой наслѣдственностью въ ихъ потомствѣ, если то или другое измѣненіе въ организаціи, уклоненіе отъ общаго типа выгодно для борьбы за существованіе, т.-е. лучше приспособляетъ особь къ условіямъ среды. То же, но совершенно иначе мы видимъ и въ исторіи: *здѣсь роль индивидуальнаго отклоненія отъ общаго типа играетъ личная иниціатива единицъ, переходящая въ общественную традицію*, если условія психическаго взаимодѣйствія, совершающагося въ обществѣ, благопріятствуютъ этой передачѣ; безъ личной иниціативы, безъ переработки культуры личностями невозможна была бы измѣняемость культуры. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ органическая наслѣдственность поддерживаетъ единство видового типа, такъ традиція поддерживаетъ единство культуры, а соціальная устойчивость — единство общественной организаціи: безъ этой устойчивости мы не имѣли бы общества, какъ особаго бытія, ибо постоянное сохраненіе въ теченіе цѣлыхъ поколѣній и даже вѣковъ извѣстнаго общаго сходства въ группировкѣ единицъ, изъ коихъ состоитъ общество въ предѣлахъ занимаемой каждымъ обществомъ мѣстности, и составляетъ его единство». Назвавъ эту устойчивость *соціальной консерваціей*, для большей наглядности мы представили эту параллель въ слѣдующей таблицѣ:

	Біологія.	*Психологія.*	*Соціологія.*
1. *Объекты.*	Видъ.	Культурная группа.	Соціальная организація.
2. *Признаки.*	Органическое строеніе.	Культура.	Соціальныя формы.
3. *Факторы единенія.*	Физическая наслѣдственность строенія.	Психическая традиція культуры.	Консервація соціальныхъ формъ.
4. *Факторы измѣнчивости.*	Индивидуальная измѣнчивость.	Личная иниціатива.	Свобода личности.
5. *Главное явленіе.*	Борьба за существованіе.	Психическое взаимодѣйствіе.	Соціальная солидарность.

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же *Основныхъ вопросовъ* [2]) эта мысль была выражена еще такимъ образомъ: «Какъ въ природѣ индивидуальная измѣнчивость есть факторъ измѣняемости вида, такъ *въ исторіи личная иниціатива измѣняетъ культуру и соціальную организацію*. Культура и строй общества существуютъ не сами по себѣ: носителями первой являются индивидуумы, послѣдній держится, пока слагающіеся въ общество индивидуумы безсознательно или сознательно его поддерживаютъ. *Разъ появилось безсознательное или сознательное уклоненіе отъ данной культуры и данныхъ формъ общественной*

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 99—100 (138—139). [2]) Ibid., II, 181—182 (268—269).

организаціи, есть уже личная инициатива. Чѣмъ больше это уклоненіе, чѣмъ оно сознательнѣе и чѣмъ большее количество людей способно за собою увлечь, т.-е. чѣмъ въ большемъ количествѣ личностей вызывается это уклоненіе, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ личная инициатива» [1]). Нѣсколько далѣе мы возражали еще противъ взгляда, по которому «единица—только зеркало, отражающее въ себѣ состояніе массы, какъ будто, поясняли мы, у выдающагося человѣка нѣтъ болѣе совершеннаго умственнаго аппарата, который перерабатываетъ бродящія въ обществѣ идеи такъ, какъ не переработали бы ихъ миріады заурядныхъ личностей, или словно единица соціальными отношеніями (властью, способами, дающими имѣть особую опытность, всестороннимъ образованіемъ и т. п.) не можетъ быть поставлена въ особыя условія, которыя позволяютъ ей произвести работу, массамъ недоступную. Каждый, сказано далѣе,—сынъ своего народа и своего времени, но каждый имѣетъ и нѣчто индивидуальное». Указавъ за тѣмъ на то, что «каждый продуктъ личной инициативы носитъ на себѣ слѣды индивидуума и на себѣ запечатлѣваетъ ихъ въ исторіи», мы привели нѣсколько примѣровъ личной инициативы въ доказательство невозможности ее отрицать. «Мы знаемъ, напр., какъ палъ греческій политеизмъ. Отражалъ ли на себѣ своихъ современниковъ Ксенофанъ, когда за 6 вѣковъ до Р. Х., за тысячу лѣтъ до полнаго паденія вѣры въ боговъ Олимпа, отрицалъ ихъ существованіе? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ, такія-то отдѣльныя личности и подкопали вѣру въ античную миѳологію. Отражалъ ли на себѣ свою эпоху Ѳалесъ, когда проповѣдовалъ политическую конфедерацію городовъ? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ, идея эта осуществилась позднѣе въ ахейскомъ союзѣ, когда явились новые проповѣдники идеи и нашли уже болѣе благопріятныя условія для ея осуществленія» [2]). «Тамъ, говоримъ мы еще, несомнѣнно быстрѣе измѣняется общество, гдѣ есть болѣе личностей, стремящихся измѣнить данныя его формы и дѣйствующихъ въ томъ или другомъ направленіи, безразлично по отношенію къ прогрессивности или регрессивности послѣдняго. Наоборотъ, тамъ, гдѣ особенно много такихъ людей, которые стремятся сохранить *status quo* и для этого имѣютъ силы и средства, или которые живутъ изо дня въ день,—движенія быть не можетъ, тамъ мы видимъ застой» [3]). Идея о культурной традиціи и личной инициативѣ, какъ о двухъ факторахъ культурной эволюціи, изъ которыхъ одинъ есть факторъ консервативный, другой инноваторскій, лежитъ и въ осно-

---

[1]) Это мѣсто стоитъ въ прямой связи съ рѣшеніемъ вопроса о роли личности.

[2]) Ibid., II, 183—184 (270—271). Ср. на указанныхъ страницахъ оговорки относительно сознательности и безсознательности инициативы.

[3]) Ibid., II, 184—185 (272).

вахъ нашей теоріи литературнаго развитія, изложенной въ книгѣ *Литературная эволюція на Западѣ*, изъ которой нами была уже сдѣлана выдержка во вступленіи къ настоящему тому [1]). Въ этой книгѣ мы дали общее опредѣленіе традиціи въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляемъ это слово и теперь, вслѣдствіе чего и позволяемъ себѣ привести здѣсь тѣ двѣ—три страницы, на которыхъ говорится о традиціи, такъ какъ опредѣленіемъ послѣдней мы должны дополнить то, что сказано было нами о другомъ факторѣ, такъ какъ на нихъ высказывается основная идея всего дальнѣйшаго разсужденія этой главы.

«Традиція въ широкомъ смыслѣ существуетъ во всѣхъ дѣятельностяхъ: *ихъ формы не прирождены намъ, онѣ результатъ нашего воспитанія* въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Когда вы передаете свое непосредственное впечатлѣніе отъ хорошаго лѣтняго вечера фразой: «сегодня прекрасный вечеръ»,—этотъ актъ вашей рѣчи не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго: не сами выдумали вы эти три слова, не сами вы изобрѣли синтаксическую форму этого предложенія, не вы первые составили эту самую фразу, а тысячи разъ слышали ее при подобныхъ же обстоятельствахъ. Это только самый простой примѣръ значенія традиціи. Но въ пустой, повидимому, фразѣ вы найдете двѣ вещи: во-1-хъ, каждый произноситъ ее по-своему, съ особой силой, высотой, тембромъ голоса, съ особой интонаціей и мимикой лица, т.-е. вноситъ въ фразу нѣчто свое, индивидуальное; во-2-хъ, вы, немного подумавши, вспомните, что за сотни лѣтъ передъ этимъ та же фраза должна была произноситься иначе какъ-нибудь, потому что произношеніе словъ мѣняется, одни слова замѣняются другими, въ синтаксисѣ происходятъ перемѣны. Отсюда вы дѣлаете выводъ: при существованіи традиціонной фразы каждый произноситъ ее не совсѣмъ такъ, какъ другой, и сама фраза не остается всегда совершенно одной и той же,—*значитъ, не все въ каждомъ традиціонномъ актѣ традиціонно, и самая традиція, значитъ, не остается неподвижной.* Другими словами, каждый вноситъ въ традиціонное—нѣчто свое, и само оно, это традиціонное, подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя были бы немыслимы, если бы отдѣльныя личности самыми минимальными своими уклоненіями отъ традиціонныхъ формъ не производили въ нихъ нѣкоторыхъ перемѣнъ. Или возьмите другой примѣръ: никто не выдумываетъ начертанія, изображающія звуки на бумагѣ, т.-е. буквы; каждый пользуется въ письмѣ традиціоннымъ алфавитомъ, но у каждаго вы найдете особенности почерка, а затѣмъ увидите, что и самыя начертанія постепенно измѣняются изъ одного вѣка въ другой: почеркъ *A* не похожъ на почеркъ *B*, на-

---

1) См. выше, стр. 6 и слѣд.

чертанія однѣхъ и тѣхъ же буквъ въ нашемъ уставѣ, полууставѣ, скорописи или—на меньшемъ промежуткѣ времени—въ письмѣ XVIII и XIX вѣка измѣнились, и вы можете прослѣдить тутъ постепенность измѣненія начертанія каждой буквы, заключая, что буквы писались бы всегда одинаково, если бы пишущія личности не уклонялись отъ данныхъ, традиціонныхъ образцовъ. То же самое вы встрѣтите во всякой культурной эволюціи: *традиціонная форма не остается вѣчно въ одномъ и томъ же видѣ, въ ней накопляются маленькія измѣненія, изъ которыхъ каждое, быть можетъ, едва примѣтно, и каждое изъ этихъ измѣненій есть результатъ инноваторской дѣятельности многихъ лицъ, поставленныхъ въ новыя одинаковыя условія и одновременно подвергшихся дѣйствію одинаковыхъ новыхъ причинъ, или результатъ личной иниціативы одного индивидуума, нашедшаго послѣдователей и подражателей»*...

«Итакъ, *при господствѣ традиціи личному творчеству предоставляется въ ея предѣлахъ извѣстный просторъ и, благодаря дѣйствію измѣненій, вносимыхъ въ традиціонныя формы коллективною или единичною иниціативой, сама традиція не остается неизмѣнной.* Представьте себѣ, что такихъ измѣненій накопляется масса и происходятъ они очень-очень долгое время, и эта эволюція до такой степени перерождаетъ культурную форму, что вы перестаете ее узнавать. Языкъ—хорошій примѣръ. Что, кажется, можетъ быть традиціоннѣе его звуковъ, грамматическихъ формъ; въ чемъ, кажется, каждая личность создаетъ менѣе всего новаго, какъ именно въ звукахъ и грамматическихъ формахъ языка, и въ чемъ менѣе всего она властна, какъ въ его передѣлкѣ; что въ наиболѣе неизмѣнномъ видѣ передаетъ одно поколѣніе слѣдующему полученное отъ предшествовавшаго, какъ не языкъ съ его фонетикой, морфологіей, лексикой и синтаксисомъ, а между тѣмъ развѣ русскій языкъ XIX вѣка тотъ же, на которомъ говорили наши предки въ IX вѣкѣ, развѣ языкъ предковъ нашихъ, жившихъ тысячу лѣтъ тому назадъ, тотъ же, на которомъ говорили ихъ предки, когда не было еще ни славянъ, ни литовцевъ, ни германцевъ, ни римлянъ, ни грековъ, ни испанцевъ, ни индусовъ, а было одно арійское племя? Мы нашли два общихъ положенія, которыя можно формулировать такъ: даже дѣятельность, подчиненная традиціи, обладаетъ относительной свободой, и даже самая прочная традиція не остается неизмѣнной. Сдѣлаемъ логическіе выводы изъ обоихъ положеній».

«Если творчество или дѣятельность вообще, подчиненныя традиціоннымъ формамъ, обладаютъ все-таки извѣстной долей свободы, значитъ, есть нѣчто, что ихъ освобождаетъ. Что же это такое? А вотъ что. Наша дѣятельность всегда находится въ подчиненіи разнымъ причинамъ и условіямъ, однимъ въ однихъ отношеніяхъ, дру-

гимъ въ другихъ, и въ числѣ этихъ причинъ и условій мы находимъ дѣйствіе традиціи: *дѣятельность подчинена и ей*, *но не во всѣхъ отношеніяхъ*, а потому она относительно свободна; подчиненіе дѣятельности другимъ причинамъ и условіямъ освобождаетъ ее отъ полнаго рабства у традиціи. Но разъ дѣятельность подчинена не одной только традиціи, но и многому другому, это другое можетъ съузить дѣйствіе данной традиціи до minimum'a, т.-е. совсѣмъ почти освободить отъ нея дѣятельность или заставить данную традицію уступить мѣсто другой» [1]).

Такъ мы понимаемъ значеніе личной иниціативы и культурной традиціи въ явленіяхъ исторической жизни народовъ. По отношенію къ этимъ явленіямъ то, что объясняется вторымъ изъ этихъ факторовъ, въ нашихъ глазахъ получаетъ значеніе правила, тогда какъ то, что вытекаетъ изъ личной иниціативы, играетъ роль исключенія. Конечно, и здѣсь,—какъ вездѣ, гдѣ существуютъ какія бы то ни было правила и исключенія изъ этихъ правилъ,—исключенія не суть необходимо факты единичные, а потому, кромѣ исключеній, объясняемыхъ дѣйствіемъ личной иниціативы, бываютъ еще такія, которыя сами имѣютъ традиціонное происхожденіе и являются своего рода правилами, только по отношенію къ меньшему количеству фактовъ сравнительно съ правилами, по отношенію къ коимъ они сами составляютъ исключенія. Мы уже видѣли [2]), что, строго говоря, было бы ошибочно связывать понятіе культуры съ понятіемъ народа, или націи, ибо каждая группа, члены которой объединяются какой-либо обычной формой дѣятельности (между прочимъ, и мыслительной) или отношеній, есть уже обособившаяся культурная единица, при чемъ то, что въ ней имѣетъ значеніе правила, играетъ роль исключенія по отношенію къ тому, что составляетъ правило для большей группы, въ коей эта меньшая группа достигла обособленнаго существованія. Пусть общимъ правиломъ для русскаго народа будетъ традиціонное объясненіе грозы поѣздками по небу Ильи пророка: обладаніе научнымъ взглядомъ на причину молніи и грома, встрѣчаемое у меньшинства, будетъ исключеніемъ, но оно все-таки является общимъ правиломъ по отношенію къ этому меньшинству, все-таки будетъ въ немъ традиціоннымъ (не касаясь, конечно, того, что одно традиціонное объясненіе ложно, другое—истинно, одно принимается на вѣру, въ другомъ убѣждаются путемъ научныхъ доказательствъ). Совсѣмъ иное дѣло—та категорія исключеній, которую представляютъ намъ факты личной иниціативы. Разъ личность повторяетъ что-либо не свое, намъ нѣтъ дѣла до того, откуда она это заимствовала, т.-е. отъ большинства или отъ меньшинства:

---

[1]) Литературная эволюція на западѣ, 47—50. Ср. выше, стр. 72 и слѣд., 83—84.
[2]) См. выше, стр. 346 и слѣд.

во всякомъ случаѣ она подводится подъ извѣстное правило, тогда какъ проявленіе личной иниціативы въ томъ и состоитъ, что все создаваемое ею представляетъ изъ себя исключеніе даже по отношенію къ минимальной группѣ, въ которой совершается это проявленіе. Правда, возможны случаи, когда одновременно возникаетъ нѣсколько тождественныхъ или сходныхъ исключеній, и благодаря этому, изъ обширной группы личностей, остающихся на сторонѣ прежняго правила, выдѣляется небольшая группа индивидуумовъ, отклонившихся отъ этого правила и тѣмъ создавшихъ себѣ новое правило, но и въ такихъ случаяхъ мы должны признавать дѣйствіе личной иниціативы, если однородныя исключенія обязаны своимъ происхожденіемъ всѣмъ личностямъ маленькой группы, пришедшимъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ вслѣдствіе дѣйствія на нихъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, а не были заимствованы одними у другихъ, т.-е. не распространились путемъ подражанія. Измѣненія въ общественныхъ положеніяхъ въ томъ и заключаются, что исключенія дѣлаются правилами, а прежнія правила превращаются въ исключенія, при чемъ исключенія появляются сначала въ жизни немногихъ единицъ и отъ нихъ распространяются путемъ подражанія на большинство или на всѣхъ, поскольку лишь возможно говорить что-либо «обо всѣхъ» вообще. Въ сущности, къ такому же общему заключенію приходимъ мы, перебирая разсматривавшіяся нами въ первой «книгѣ» настоящаго труда мнѣнія разныхъ писателей о роли великихъ людей въ исторіи [1]): для многихъ они именно суть прежде всего иниціаторы, за коими слѣдуютъ массы, и съ этой точки зрѣнія механизмъ историческихъ перемѣнъ сводится къ личнымъ инноваціямъ, подхватываемымъ массовымъ подражаніемъ. Мало того: эта самая мысль была не такъ давно положена въ основу цѣлой теоріи общества, оставшейся, къ сожалѣнію, мало разработанной въ частностяхъ. Считаемъ нужнымъ на ней остановиться въ виду цѣнныхъ мыслей, встрѣченныхъ нами въ этой теоріи.

Во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ,* говоря о различныхъ способахъ пониманія историческаго процесса [2]), мы уже изложили вкратцѣ главныя мысли «заслуживающей особаго вниманія», какъ мы тогда выразились, статьи Тарда, носящей названіе «Общія черты природы и исторіи» [3]). «Можно сказать, писали мы, что вся статья Тарда имѣетъ цѣлью выставить на видъ существенно подражательный характеръ соціальныхъ фактовъ», но такъ, однако, что авторъ сводитъ все существующее въ соціальномъ мірѣ не къ однимъ подражаніямъ, но и къ изобрѣтеніямъ, или инноваціямъ, вносящимъ разнообразіе въ соціальныя повторенія. Къ сожалѣнію, съ статьей Тарда я познако-

[1]) Ср. стр. 351 и слѣд. [2]) О. В. Ф. И., II, 178—179 (265—266).

[3]) Les traits communs de la nature et de l'histoire (*Revue philosophique.* 1882. № 9).

мился тогда слишкомъ поздно для того, чтобы могъ ею воспользоваться болѣе обстоятельнымъ образомъ и привлечь вмѣстѣ съ нею къ разсмотрѣнію и другія его работы: у меня едва хватило времени сдѣлать небольшую ссылку на эту работу, съ отмѣткою совпаденія моихъ мыслей съ мыслями ея автора о повтореніяхъ и изобрѣтеніяхъ. Весьма интересной темы объ изобрѣтеніи и подражаніи Тардъ уже касался раньше въ статьѣ подъ заглавіемъ «Психологія въ политической экономіи» [1]) и возвращался къ ней впослѣдствіи въ новыхъ статьяхъ: «Археологія и статистика» [2]), «Дарвинизмъ естественный и дарвинизмъ общественный» [3]) и «Что такое общество?» [4]). Съ работой, которую я отмѣтилъ въ *Основныхъ вопросахъ*, названныя статьи составляютъ набросокъ цѣлой соціологической теоріи, тѣмъ болѣе меня заинтересовавшей,—когда я съ нею познакомился болѣе подробно, чѣмъ это можно было сдѣлать по одной статьѣ,—что совпаденіе нашихъ мыслей относительно личной инціативы и культурной традиціи оказалось еще большимъ, нежели мнѣ представлялось, когда я на-скоро прочитывалъ статью «Общія черты природы и исторіи» передъ печатаніемъ *Основныхъ вопросовъ*. Дѣло въ томъ, что тогда я обратилъ, пожалуй, особенно большое вниманіе на заявленіе Тарда противъ пониманія исторіи, какъ безличной эволюціи: статью эту, какъ было уже мною отмѣчено въ названномъ сочиненіи, Тардъ прямо и начинаетъ съ указанія на соціологическую путаницу, произведенную забвеніемъ того, что исторію создаетъ человѣческая дѣятельность, т.-е. того, что единственные факторы исторіи суть человѣческіе поступки. Но это только общая тема, допускающая весьма различныя толкованія. Гораздо важнѣе развитіе мысли о подражательномъ характерѣ соціальныхъ фактовъ, выражаясь словами автора, и объ изобрѣтеніяхъ, вносящихъ измѣненія въ постоянныя повторенія одного и того же. Такъ какъ намъ нигдѣ не приходилось встрѣчаться съ такимъ подробнымъ развитіемъ идеи, къ которой пришли и мы, рѣшая вопросъ объ отношеніи личности къ надъ-органической средѣ, то мы именно поэтому и представимъ здѣсь изложеніе соціологической теоріи Тарда.

«Соціальный индивидуумъ, говоритъ Тардъ въ статьѣ своей о «Психологіи въ политической экономіи», по существу своему *склоненъ*

---

[1]) La psychologie en économie politique (*Rev. phil.*, 1881. №№ 9 et 10).

[2]) L'archéologie et la statistique (*Rev. phil.* 1883).

[3]) Le darwinisme naturel et le darwinisme social. (*Rev. phil.* 1884. № 6).

[4]) *Rev. phil.* 1884. № 11. Вмѣстѣ съ этими и нѣкоторыми другими статьями талантливаго французскаго философа познакомилъ русскихъ читателей проф. Козловъ въ своемъ «Философскомъ трехмѣсячникѣ», издавъ потомъ свои «переводъ, изложеніе и замѣчанія» особой брошюрой. *Проф. А. А. Козловъ.* Тардъ (G. Tard) и его теорія общества. Кіевъ. 1887. При изложеніи воззрѣній Тарда мы будемъ пользоваться готовыми переводами проф. Козлова.

къ подражанію; онъ только случайно бываетъ изобрѣтателемъ. Всѣ его соціальныя отношенія съ членами своей группы суть сознательныя или безсознательныя подражанія. Начиная съ языка и ходьбы и до музыки и аэростатики, нѣтъ ни одного соціальнаго акта, которому бы онъ не былъ наученъ. Всѣ общественныя животныя подражаютъ другъ другу, и всѣ животныя, подражающія другъ другу,—общественныя» [1]). «Въ обществахъ прогрессирующихъ въ промышленности, говорится въ другомъ мѣстѣ той же статьи, *обычай*, гордое подражаніе предкамъ, слабѣетъ; оно замѣняется тщеславнымъ подражаніемъ современникамъ, *модой*, а въ итогѣ соціальное дѣйствіе подражанія становится вообще со дня на день глубже и значительнѣе..... Обыкновенно люди освобождаются отъ традиціонныхъ идей только для того, чтобы принять ходячія современныя идеи, освобождаются отъ обычая, чтобы подчиняться модѣ» [2]). Въ той же статьѣ мы встрѣчаемся еще съ одною мыслью Тарда, которую онъ повторяетъ и послѣ, именно съ тою мыслью, что «подражаніе для общества имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ радіація волнъ для физики и наслѣдственность въ органической жизни» [3]). Основная тема Тарда та же, что и у Михайловскаго [4]), поставившаго себѣ задачей указать на громадную силу подражанія въ жизни общества, съ тѣмъ только различіемъ, что русскій соціологъ обратилъ все свое вниманіе на силу подражанія въ прагматическихъ фактахъ, тогда какъ французскій философъ, занявшійся тѣмъ же предметомъ, говоритъ главнымъ образомъ о значеніи подражанія въ соціально-культурной сторонѣ исторіи. Въ одной изъ болѣе позднихъ статей своихъ («Что такое общество»?) онъ даже пользуется установленнымъ имъ существенно подражательнымъ характеромъ соціальныхъ фактовъ для опредѣленія самого понятія общества. Перебравъ именно разные отвѣты на вопросъ: *что такое общество*?—отвѣты экономистовъ, юристовъ и политиковъ, «основывающихъ общество на принципѣ взаимной пользы», и сказавъ что-либо противъ каждаго изъ этихъ отвѣтовъ, Тардъ отъ себя даетъ слѣдующее опредѣленіе соціальной группѣ: «она есть собраніе существъ, готовыхъ подражать другъ другу, или такихъ, которыя, не подражая другъ другу, сходны одни съ другими и имѣютъ общія черты, представляющія старинныя копіи съ одного и того же образца» [5]). По его словамъ, всю эту его статью можно прямо резюмировать въ одномъ положеніи: «общество, это — подражаніе, а подражаніе, это — видъ сомнамбулизма» [6]). Что касается до второй части тезиса, въ которой самъ авторъ видитъ «нѣкоторое преувеличеніе», мы оставляемъ ее въ сторонѣ, не излагая соображеній, приведшихъ Тарда къ этой, по

[1]) Переводъ *проф. Козлова*, стр. 25. [2]) Ibid., 28. [3]) Ibid., 30.
[4]) См. выше, стр. 107 и слѣд. [5]) Пер. *проф. Козлова*, стр. 60.
[6]) Ibid., 74.

меньшей мѣрѣ, рискованной гипотезѣ, а потому и не подвергая своей критикѣ формулу, объявляющую соціальное подражаніе видомъ сомнабулизма [1]). Для насъ только важно здѣсь сведеніе общества на подражаніе, при чемъ, замѣтимъ кстати, авторъ и тутъ прибѣгаетъ къ любимому имъ пріему проводить параллель между тремя мірами, неорганическимъ, органическимъ и соціальнымъ. «Общество, говоритъ онъ, это всегда въ различныхъ степеняхъ ассоціація, а ассоціація по отношенію къ общественности и *подражательности* есть то же, что организація по отношенію къ жизненности или молекулярное строеніе по отношенію къ эластичности эѳира. Все это, прибавляетъ онъ, новыя аналогіи, которыя нужно присоединить къ тѣмъ, которыя въ такомъ большомъ количествѣ представляютъ намъ три великія формы всемірнаго повторенія, т.-е. волнообразное движеніе, воспроизведеніе-питаніе и подражаніе..... Если мы хотимъ поддержать аналогію между тремя мірами, сказано еще нѣсколькими строками ниже, нужно разсматривать жизнь только какъ организацію возбудительности протоплазмы, а матерію только какъ организацію эластичности эѳира, подобно тому, какъ общество есть лишь организація подражательности [2]). Не заходя такъ далеко, мы не можемъ, однако, не отмѣтить совпаденія нашихъ мыслей и по поводу аналогій, существующихъ между органической наслѣдственностью и подражательностью, съ одной стороны, и между индивидуальною измѣнчивостью и личной иниціативой, съ другой [3]).

Проводя въ своихъ соціологическихъ статьяхъ идею о существенно подражательномъ характерѣ культурныхъ явленій, Тардъ признаетъ дѣйствіе въ исторіи культуры и другого начала—личной иниціативы.

Въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, свою мысль о значеніи этого фактора онъ высказалъ въ статьѣ «Увѣренность и желаніе и возможность ихъ измѣренія» [4]),—высказалъ мимоходомъ, отвѣчая на вопросъ: «отчего соціальный прогрессъ долженъ быть, насколько воз-

---

[1]) Тардъ очень рѣзко провозглашаетъ свою теорію, несмотря на оговорку. Вотъ между прочимъ собственныя его слова: «Разсматривая соціальнаго человѣка, какъ настоящаго сомнамбулу, я не фантазирую и думаю, напротивъ, что не отклоняюсь отъ самаго точнаго научнаго метода, когда стараюсь объяснить сложное посредствомъ простого, комбинацію посредствомъ элемента и соціальную сложную и спутанную связь, какою мы ее знаемъ, соціальной связью въ ея самомъ чистомъ и простомъ выраженіи, которое реализовано въ состояніи сомнамбулизма какъ бы для поученія соціологамъ». Ibid., стр. 67. Отмѣтимъ, что и Н. К. Михайловскій независимо отъ Тарда также связалъ вопросъ о подражаніи съ вопросомъ о гипнотизмѣ (см. выше, стр. 117).

[2]) Перев. *проф. Козлова*, 62. [3]) Ср. выше, стр. 501—502.

[4]) La croyance et le désir et la possibilité de leur mésure (*Rev. Phil.* 1880 №№ 8 et 9).

можно, постепеннымъ»? Между прочимъ, онъ приводитъ тутъ отвѣтъ «эволюціонистовъ», подсказанный имъ отождествленіемъ общества съ организмомъ: «они, продолжаетъ Тардъ, заимствуютъ у Жозефа де-Местра [1]) *блестящее заблужденіе* (курсивъ нашъ), заключающееся въ той мысли, что всякій институтъ есть дѣло анонимное и что исполненіе, хотя бы медленное и постепенное, какого-либо систематическаго плана соціальнаго переустройства, порожденнаго ex abrupto индивидуальнымъ умомъ, есть не что иное, какъ химера и мечта. Но тѣмъ не менѣе, очевидно, замѣчаетъ онъ, что всѣ соціальныя модификаціи, крупныя или мелкія, въ сущности *истекаютъ изъ индивидуальныхъ иниціативъ, изъ болѣе или менѣе разрозненныхъ личныхъ плановъ* [2]). Затѣмъ въ статьѣ о «Психологіи въ политической экономіи» мы уже встрѣчаемся съ цѣлымъ наброскомъ теоріи изобрѣтенія, т.-е. личной иниціативы, инноваціи въ системѣ фактовъ, повторяющихся въ силу подражанія. Авторъ еще не ставитъ вопроса о томъ, какъ возможна инновація при существенно подражательномъ характерѣ соціальныхъ явленій, онъ только даетъ опредѣленіе изобрѣтенію, называя такъ «всякое новое (и полезное) соединеніе образовъ или идей въ человѣческомъ умѣ», но за то онъ указываетъ и на роль изобрѣтенія, которое, какъ онъ самъ выражается, производитъ «новыя желанія и новыя увѣренности, распространяющіяся и распредѣляющіяся потомъ путемъ подражанія». Вотъ какъ происходитъ послѣднее: «всѣ, безъ исключенія, говоритъ Тардъ, человѣческія изобрѣтенія, всѣ центры подражанія имѣютъ то общее свойство, что возбуждаютъ новые вкусы и новыя идеи. Раздѣлимъ ихъ на способствующія по преимуществу увеличенію суммы желаній и на способствующія по преимуществу увеличенію суммы увѣренностей и поговоримъ сначала о первыхъ. Они двухъ родовъ. Одни (изобрѣтенія артистическія, литературныя, иногда даже промышленныя, напр., кулинарныя) вносятъ въ человѣчество новыя комбинаціи ощущеній и образовъ, скоро становящіяся предметомъ спеціальнаго желанія; драматурги создали вкусъ къ театру, каждый оригинальный драматическій писатель вызвалъ вкусъ къ своему спеціальному роду драматическаго творчества и т. п. Другія (почти всѣ промышленныя изобрѣтенія: ткацкій станокъ, типографія, фотографія и проч.), понижая цѣну, за которую могутъ предлагаться предметы, удовлетворяющіе прежде существовавшимъ желаніямъ, дѣлаютъ ихъ доступными многимъ лицамъ, которыя безъ дешевизны никогда бы и не подумали ихъ пріобрѣсти. Значитъ, эти изобрѣтенія возбуждаютъ у людей соотвѣтствующія желанія, которыхъ они не имѣли до ихъ появленія..... Что касается до открытій, увеличивающихъ

[1]) По поводу ссылки на Жозефа де Местра указываемъ на стр. 359 и слѣд. настоящаго труда.

[2]) Перев. *проф. Козлова*, 9.

сумму увѣренностей, то они или научныя, или политическія, юридическія, административныя и военныя. Громоотводъ, это—гарантія отъ молніи, о которой и не мечтали до Франклина. Вѣковой прогрессъ законодательства, администраціи, вооруженія можетъ разсматриваться, какъ рядъ настоящихъ изобрѣтеній, посредствомъ которыхъ государство,—это громадное общество взаимнаго страхованія,—то создаетъ новые способы гарантіи, совершенно неизвѣстные прежде (какъ, напримѣръ, привилегіи, охраняющія такой-то городъ, такой-то классъ или такую-то профессію отъ произвола другихъ, или гарантіи личныя, изобрѣтенныя нашими современными конституціонными учрежденіями), то распространяетъ на большее количество гражданъ какія-либо гарантіи, уже предоставленныя небольшому числу лицъ (распространеніе на Италію, а потомъ и на всю Римскую имперію права римскаго гражданства, освобожденіе крестьянъ въ Россіи или въ другихъ мѣстахъ, ночь 4 августа, обобщающая привилегіи, ставшія вольностями, всеобщая подача голосовъ, и проч.») [1]). Та же мысль, только иными словами, высказывается авторомъ и въ слѣдующихъ строкахъ той же статьи: «Впрочемъ, повторимъ это здѣсь, подражаніе всегда работаетъ надъ изобрѣтеніемъ, а изобрѣтеніе хотя отчасти создаетъ желаніе, которому удовлетворяетъ. Несомнѣнно, что какое-либо открытіе принимается и распространяется, благодаря его относительной полезности; но въ чемъ же его польза? Всего чаще въ удовлетвореніи желанія, которое не существовало бы безъ него или безъ предыдущаго изобрѣтенія. Книгопечатаніе распространилось потому, что оно лучше удовлетворяло желаніе чтенія, нежели искусство переписчиковъ; но изобрѣтеніе письма породило эту потребность одновременно съ удовлетвореніемъ ея. Я скажу то же самое о телефонѣ, фонографѣ и проч.» [2]).

Вотъ сущность ученія Тарда. Такимъ образомъ, по его воззрѣнію, въ области культуры («въ соціальномъ мірѣ», по его терминологіи) все сводится къ изобрѣтеніямъ и подражаніямъ, при чемъ всякое подражательное повтореніе происходитъ въ концѣ концовъ отъ инновоціи. Что касается до послѣдней, то въ статьѣ «Les tratis communs de la nature et de l'histoire» Тардъ сводитъ ее къ «интерференціи повтореній», т.-е. къ встрѣчѣ двухъ соціальныхъ фактовъ, существовавшихъ нѣкоторое время при помощи подражанія отдѣльно одинъ отъ другого,—мысль, заслуживающая особаго вниманія [3]).

Надъ-органическая среда и индивидуумъ, культурная традиція и личная иниціатива, подражательное повтореніе и инновирующее изобрѣ-

---

[1]) Ibid., 25—26. [2]) Ibid., 32.

[3]) Она была уже отмѣчена въ О. В. Ф. И., но подробнѣе объ этомъ ниже. Ученіе Тарда напоминаетъ намъ теорію Геннекена, къ сдѣланному нами изложенію котораго и отсылаемъ. См особенно стр. 90, гдѣ говорится объ индивидуаціи и подражаніи.

теніе—вотъ тѣ основныя понятія, къ которымъ мы сводимъ теорію культурныхъ измѣненій. Культурная традиція, или подражательное повтореніе есть существенное явленіе надъ-органической среды, личная иниціатива, или инновирующее изобрѣтеніе можетъ имѣть корень лишь въ индивидуальной жизни. До сихъ поръ мы разсматривали ихъ вмѣстѣ, одно по отношенію къ другому, помня всегда, что одно составляетъ противоположность и вмѣстѣ съ тѣмъ границу другого, но мы можемъ говорить и о культурной традиціи, и о личной иниціативѣ отдѣльно. Мало того: мы обязаны это сдѣлать, особенно по отношенію къ личной иниціативѣ, потому что этого прямо требуетъ предметъ нашего труда и потому что до сихъ поръ мы говорили о личной иниціативѣ, какъ противоположности культурной традиціи, т.-е. не наполняя понятія о ней положительнымъ содержаніемъ.

Но прежде о культурной традиціи, по отношенію къ которой мы должны остановиться на двухъ явленіяхъ, играющихъ большую роль въ соціальной жизни,—на силѣ подражанія и на силѣ косности [1]). «Исторія, говоритъ Штейнталь въ своемъ сочининіи о взаимныхъ отношеніяхъ филологіи, исторіи и психологіи, не есть издѣліе индивидуальнаго произвола, равно какъ и не есть безсмысленный (geistloser) случай. Именно противъ воззрѣнія, по которому историческія личности дѣйствуютъ въ силу субъективной свободы, просто по собственному разсужденію и по личной страсти, было совершенно вѣрно выставлено на видъ, что существуютъ общія идеальныя силы (allgemeine ideale Mächte), коимъ сознательно или безсознательно подчиняется отдѣльная личность и изъ-подъ власти коихъ она не можетъ уйти». Указывая на это новое воззрѣніе, Штейнталь замѣчаетъ, что остались однако неясными «сущность этихъ идеальныхъ силъ или идей, способъ и форма ихъ бытія и ихъ дѣйствія на единицы. Поэтому, продолжаетъ онъ, не была вѣрно познана и сущность отдѣльной личности, съ одной стороны, *ея зависимость отъ этихъ идей, съ другой*, *ея дѣйствіе на нихъ*, *даже ея творчество* (Erzeugung) *этихъ идей*. Вообще, прибавляетъ Штейнталь, не имѣли передъ собою дѣйствительныя отношенія во всемъ ихъ объемѣ. Ибо то, что называютъ силой и господствомъ идей, есть только особенно выдающійся пунктъ того общаго духа (jenes Gesammtgeistes), коему единичный духъ обязанъ своимъ опредѣленнымъ содержаніемъ и своей формой. Тутъ мы не забудемъ только о томъ, что идеи суть необходимо идеи субъекта, должны находиться въ какой-либо душѣ, въ какомъ-либо сознаніи. Не нужно допускать, чтобы метафорическое выраженіе о носящихся въ воздухѣ

---

[1]) Отсылаю къ табличкѣ на стр. 445, гдѣ сопоставлены понятія культурной традиціи и соціальной консерваціи.

идеяхъ, вдыхаемыхъ нами съ воздухомъ, превратилось въ химеру» [1]). Читатель понимаетъ, что «общія идеальныя силы», на существованіе которыхъ ссылается нѣмецкій авторъ, относятся къ нашему понятію традиціи, и что онъ совершенно вѣрно опредѣлилъ задачу изслѣдованія отношеній, существующихъ между этими силами и единицами, т.-е. необходимость узнать сначала дѣйствіе первыхъ на послѣднія, а потомъ дѣйствіе въ обратномъ направленіи. Первый вопросъ есть вопросъ о томъ, какъ подчиняется единичный духъ общему духу, и Штейнталь предрѣшаетъ отвѣтъ, указывая на то, что общій духъ содержится въ индивидуальныхъ душахъ. Другими словами, личность подчиняется надъ-органической средѣ, культурѣ, традиціи, подпадая на дѣлѣ подъ непосредственное вліяніе другихъ личностей, которое мы въ отличіе отъ другого вліянія, именно прагматическаго, порождающаго поступки и тѣмъ вводящаго личность въ исторію событій, назвали культурнымъ [2]) и сущность котораго поняли, какъ вліянія, дающаго въ результатѣ подражаніе въ разнообразныхъ формахъ обычая, моды, симпатіи, послушанія, обученія, воспитанія и т. п. [3]). Въ разныхъ мѣстахъ этого тома намъ уже приходилось указывать какъ на важность изслѣдованія силы подражанія, такъ и на само громадное значеніе, какое эта сила имѣетъ въ исторіи. Не касаясь этого предмета во всемъ его объемѣ, укажемъ только на ту власть, какую надъ большинствомъ членовъ каждаго общества имѣютъ традиціонныя начала его міросозерцанія и быта именно въ силу того, что раздѣляются «всѣми» и привычны каждому.

Изъ нашего опредѣленія отношеній между личностью и надъ-органической средой вытекаетъ, что культурная традиція обусловливаетъ форму, содержаніе и направленіе дѣятельности отдѣльныхъ личностей, вслѣдствіе того, что въ жизни человѣка играетъ весьма важную роль элементъ подражанія и привычки. Сила подражанія (беря послѣднее слово въ самомъ широкомъ смыслѣ) такъ велика, что многіе писатели разсматриваютъ индивидуумъ исключительно, какъ продуктъ окружающей его духовно-общественной среды, а одинъ изъ новѣйшихъ соціологовъ, какъ мы видѣли, признаётъ за первичный соціальный элементъ не единицу, а общественную группу [4]). Мы отнюдь не думаемъ умалять значеніе этого фактора коллективной жизни людей. Мало того: мы сами думаемъ, что имъ объясняются многія изъ такихъ фактовъ, основу которыхъ ищутъ въ иныхъ явленіяхъ, представляемыхъ человѣческимъ существованіемъ. Наприм., критикуя во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ* такъ называемую «теорію расы»,

---

[1]) *H. Steinthal.* Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. Berlin. 1864, стр. 69.

[2]) См. выше, стр. 219—220. [3]) См. выше, стр. 174, 188 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 144 и слѣд.

мы высказали сомнѣніе въ томъ, чтобы расы или народы состояли изъ однородныхъ по прирожденнымъ качествамъ особей [1]) и чтобы потому національные характеры, т.-е. общія цѣлымъ народамъ черты объяснялись наслѣдственностью [2]): мы высказали именно ту мысль, что многое, приписываемое органической передачѣ прирожденныхъ признаковъ, должно найти объясненіе въ той формѣ психическаго взаимодѣйствія, которую представляетъ изъ себя безсознательная подражательность, и въ пользу этой мысли нами приведено было нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ людской жизни, и сдѣлано нѣсколько ссылокъ на сочиненія, говорящія о силѣ подражанія. Среди разныхъ формъ психическаго взаимодѣйствія, подлежащаго изученію коллективной психологіи [3]), мы особенно должны выдвинуть для объясненія тѣхъ случаевъ, когда многія личности объединяются общими чертами, взаимодѣйствіе культурныхъ вліяній: каждый изъ насъ получаетъ и передаетъ — отъ разныхъ лицъ разнымъ или отъ однихъ и тѣхъ же однимъ и тѣмъ же—всѣ тѣ формы дѣятельностей, совокупность коихъ составляетъ культуру, т.-е. мы сами усвоиваемъ эти формы посредствомъ подражанія, и отъ насъ ихъ перенимаютъ посредствомъ подражанія, такъ что, подражая одни другимъ (односторонне) или прямо другъ другу (взаимно), мы пріобрѣтаемъ сами и сообщаемъ другимъ тѣ общія черты, которыя характеризуютъ ту или другую культурную группу [4]). Культурная традиція есть сумма психическихъ вліяній, совершающихся въ обществѣ (или въ отдѣльныхъ его группахъ), и ея тенденція заключается въ нивеллированіи личностей, входящихъ въ составъ общества (или его группъ): стремясь, такъ сказать, всѣхъ приводить къ одному знаменателю, она находитъ поддержку въ той наклонности нашей къ подражанію, которая передается по наслѣдству, прививается воспитаніемъ, вызывается всѣми условіями нашей дѣятельности, такъ какъ для достиженія своихъ цѣлей мы не можемъ не прибѣгать къ средствамъ уже готовымъ, не нами выработаннымъ, т.-е. не можемъ не слѣдовать чужому примѣру. Во многихъ случаяхъ мимовольная зависимость наша отъ окружающей насъ среды возводится въ принципъ сознательнаго поведенія, и въ этомъ обстоятельствѣ находитъ свое объясненіе сила общественнаго мнѣнія: это—вѣра въ авторитетъ большинства или того, что за таковое принимается, и многіе люди раздѣляютъ тѣ или другія идеи не потому, что внутренне съ ними соглашаются, а потому, что онѣ безпрестанно навязываются этимъ людямъ извнѣ, и они, такъ сказать, привыкаютъ къ такимъ идеямъ, а съ другой стороны, пріобрѣтеніе идеями новыхъ приверженцевъ становится однимъ изъ благопріятныхъ условій для ихъ даль-

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 128 и слѣд. (176 и слѣд.).

[2]) Ibid., II, 140 и слѣд. (191 и слѣд.). [3]) См. выше, стр. 185—186.

[4]) Ср. выше, стр. 346 и слѣд.

нѣйшаго распространенія, такъ какъ люди очень часто принимаютъ идею не ради ея содержанія и не по собственному размышленію, но ради того, что она находитъ поддержку со стороны другихъ, со стороны своего рода соціальнаго авторитета [1]). Конечно, источникъ вѣры въ непогрѣшимость такого авторитета, въ чемъ бы ни видѣли его воплощеніе, заключается въ интеллектуальной (и соціальной) несостоятельности, но онъ имѣетъ нѣкоторую силу и надъ самостоятельными умами. Нѣкоторыми писателями дѣлалось не разъ указаніе на то, что нелѣпая идея кажется намъ менѣе нелѣпой, когда мы узнаёмъ, что ее раздѣляютъ цѣлыя массы людей, хотя бы ея внутреннее достоинство было совершенно такое же, какое мы приписываемъ индивидуальнымъ идеямъ единичныхъ маніаковъ. Съ другой стороны, мы тѣмъ болѣе утверждаемся въ истинности собственныхъ мыслей, чѣмъ большее число послѣдователей онѣ пріобрѣтаютъ: если мнѣ извѣстно, что не я одинъ такъ думаю, но что со мною такъ думаютъ другіе, мои мысли, не составляющія моей исключительной собственности, получаютъ для меня большее значеніе, нежели тѣ, которыя принимаются только однимъ мною. Весьма многіе люди оказываются нетвердыми въ своихъ убѣжденіяхъ лишь потому, что не находятъ для нихъ сочувствія въ окружающихъ лицахъ,—и подчиняются воззрѣніямъ, въ которыя мало сами вѣрятъ, лишь въ силу ихъ соціальной авторитетности. Къ этой же категоріи явленій относятся тиранничность обычая (usus tyrannus est) въ связи со всякаго рода нетерпимостью къ какимъ бы то ни было отступленіямъ отъ того, что принято всѣми: культурныя традиціи не только навязываются путемъ безсознательной подражательности, но и сознательно поддерживаются путемъ физическаго или моральнаго принужденія личностей, проявляющихъ самостоятельность въ мысляхъ или въ поведеніи. Тутъ уже традиція господствуетъ не въ силу одного того, что находитъ для себя благопріятную почву въ условіяхъ, создающихъ поголовную подражательность, убивающихъ въ зародышѣ способность къ оригинальности, но и въ силу того, что ее поддерживаетъ общее убѣжденіе въ недозволительности отъ нея отступать, соотвѣтственные такому убѣжденію нравы, подчиненіе ему органовъ общественнаго вліянія и политической власти.

---

[1]) Интересныя соображенія объ этомъ читатель можетъ найти въ «Ideen zur Psychologie der Gesellschaft» *Lindner*'а (Wien, 1871), стр. 141 и слѣд. Прибавимъ, что книга эта была въ свое время изложена по-русски *Онгирскимъ* въ журналѣ «Дѣло» за 1872 г. (№№ 5—6), при чемъ авторъ статьи передалъ довольно подробно взгляды Линднера по этому предмету. Напомнимъ кстати еще о взглядѣ *Гальтона* на «рабскія склонности», какъ на «характеристическій элементъ жизни заурядныхъ личностей». См. выше, стр. 123 и слѣд. Все это— явленія одного порядка, возникающія на нѣкоторой общей психической почвѣ.

Большинство, а тѣмъ болѣе «всѣ», имѣютъ громадную силу надъ единицею [1]). Caeteris paribus мы скорѣе подчиняемся большинству, чѣмъ меньшинству, уже по одному тому, что первое чаще подаетъ намъ примѣры для подражанія, чѣмъ второе, и мы, имѣя передъ глазами и безсознательно повторяя одни дѣйствія сотни разъ, тогда какъ съ другими встрѣчаемся, лишь какъ съ исключеніями, привыкаемъ къ тому, что чаще всего на насъ дѣйствуетъ: на сторонѣ «всѣхъ» или большинства уже одно количество единичныхъ культурныхъ вліяній. Съ другой стороны, въ человѣкѣ имѣется и наслѣдственное предрасположеніе, и развивается воспитаніемъ, а также поддерживается необходимостью дѣйствовать при невозможности придумывать каждый разъ свои способы,—привычка полагаться во всемъ на соціальный авторитетъ, на коллективный разумъ. Наконецъ, это большинство или поддерживаемые имъ индивидуумы имѣютъ силу моральнаго или физическаго давленія на личность съ цѣлью заставить ее повторять уже нѣчто существующее, а не придумывать своего новаго. Само это большинство является въ такой роли именно потому, что все въ немъ есть результатъ подражательныхъ повтореній, соединенный, такъ сказать, съ безсознательною вѣрою въ собственную непогрѣшимость и въ свое право не допускать ничего, что не было бы повтореніемъ идущихъ изъ старины фактовъ. Отсюда та косность, которая справедливо приписывается массамъ въ отличіе отъ большей подвижности отдѣльныхъ личностей, косность культурныхъ формъ и традицій, какъ способа ихъ перехода отъ однѣхъ личностей къ другимъ, отъ старшихъ поколѣній общества къ поколѣніямъ младшимъ. Излагая разныя воззрѣнія на роль личности въ исторіи, мы уже не разъ отмѣчали воззрѣнія, имѣющія въ виду эту косность массъ [2]), и между прочимъ, мы отмѣтили одну теорію массовыхъ движеній, изложенную въ статьѣ Михайловскаго о «Герояхъ и толпѣ»: исходный ея пунктъ—указаніе на консервативность человѣчества и его исторію. Михайловскій не соглашается съ этимъ воззрѣніемъ, находя, что въ окружающемъ насъ мірѣ царитъ законъ неустаннаго движенія [3]), но и въ оспариваемой имъ теоріи заключается, тѣмъ не менѣе, истина, если мы станемъ на ту точку зрѣнія, съ которой, наприм., Тардъ говоритъ о повтореніи (вибраціонномъ, органическомъ и подражательномъ), какъ о законѣ всего сущаго [4]). Теорія, оспариваемая г. Михайловскимъ, принадлежитъ, какъ мы знаемъ, извѣстному итальянскому криминалисту-психіатру Ломброзо, и основная идея его заслуживаетъ того, чтобы быть здѣсь отмѣченною.

«Законъ инерціи, говоритъ названный авторъ въ своей книжкѣ

---

[1]) Ср. выше, стр. 98—99.

[2]) См. выше, стр. 72—73, 76, 85, 123 и слѣд. и мн. др.

[3]) См. выше, стр. 127. [4]) См. о Тардѣ на стр. 450.

о «Трехъ трибунахъ», заключающей въ себѣ, по его собственнымъ словамъ, «новую психіатро-зоологическую теорію революціи» [1]), — *законъ инерціи, господствующій во всей природѣ, ни малѣйшимъ образомъ не утрачиваетъ своихъ правъ въ мірѣ духовномъ* (nel mondo psicologico) *и въ движеніи народовъ*, и первое, элементарное доказательство этого, продолжаетъ онъ, мнѣ пришло въ голову, когда я читалъ прекрасное наблюденіе Бретъ-Гарта надъ консервативной собакой, которая лаяла и ужасно злилась на всякую новизну, какую только видѣла въ своей деревнѣ, на желѣзныя дороги, на экипажи, на газъ и т. д. Однако, если хорошенько подумать, всѣ животныя окажутся консервативными, и извѣстно, что собаки лаютъ на чужихъ потому только, что они чужіе, и бываютъ лошади, которыя не даютъ садиться на себя хозяину, если только онъ перемѣнилъ платье [2]). Человѣкъ, говоритъ Ломброзо далѣе, еще хуже. Ребенокъ плачетъ, если его переносятъ въ другую комнату или если онъ видитъ новое лицо; совершенно такъ же и безумный. А для взрослыхъ и здоровыхъ «такъ дѣлалъ мой отецъ»—является столь общимъ правиломъ, что плохо тому, кто имъ пренебрегаетъ, и чѣмъ менѣе человѣкъ образованъ, тѣмъ сильнѣе у него антипатія ко всякой новизнѣ». Исключеніе Ломброзо дѣлаетъ для новыхъ мелочей, на которыя, наоборотъ, съ жадностью набрасываются какъ-разъ наиболѣе нищіе духомъ. «Религіи, продолжаетъ онъ, суть по большей части слѣдствія сопротивленія консервативныхъ инстинктовъ всякой перемѣнѣ, будь она хороша или дурна; онѣ суть увѣковѣченія (la perpetuazione) и освященія этого принципа инерціи» [3]). Приведши нѣсколько примѣровъ упорнаго консерватизма изъ области религіозныхъ обычаевъ и обыденной жизни, Ломброзо распространяетъ тотъ же принципъ и на область науки, на академіи, которыя увѣнчиваютъ мелкія изобрѣтенія [4]), но «съ горделивымъ презрѣніемъ отвергаютъ всякую широкую или новую идею, которая нарушаетъ ихъ мирный обиходъ». Причина человѣческой ненависти къ новизнѣ, по Ломброзо, заключается въ томъ, что люди невольно повинуются закону инерціи, такъ какъ новизна утомляетъ нервные центры [5]). Считая инерцію правиломъ, онъ въ движеніи впередъ видитъ исключеніе: «*l'inerzia è la regola, il progresso è l'eccezione*». Но какъ возможно это исключеніе? Одинъ изъ путей, которымъ вводятся новшества, по объясненію Ломброзо, заключается въ томъ, что люди, отъ чего-либо страдающіе, уже болѣе не воюютъ противъ новизны, если надѣются получить отъ нея облегченіе [6]), но, какъ намъ уже извѣстно, онъ все-таки требуетъ еще извѣстнаго толчка

---

[1]) *C. Lombroso*. Tre tribuni studiati da un alienista. Torino. 1887. Ср. выше, стр. 126 и слѣд. О законѣ косности (Beharrungsgesetz) въ жизни соціальныхъ группъ см. еще на стр. 146—147 (взглядъ Гумпловича).

[3]) *Lombroso*, 143. [4]) Ibid., 144. [2]) Ibid., 145. [5]) Ibid., 146. [6]) Ibid., 147.

со стороны исключительныхъ личностей (dei geni, degli alienati o dei mattoidi), такъ какъ, по его мнѣнію, могучій рычагъ надежды самъ по себѣ уступаетъ передъ силой инерціи. Исключительныя личности одарены оригинальностью, которая противоположна инерціи [1]), т.-е. своего рода страстью къ новизнѣ (passione del nuovo) [2]).

Читатель понимаетъ, почему въ самыхъ общихъ чертахъ мы принимаемъ эту теорію. Тѣмъ болѣе мы считали умѣстнымъ на нее сослаться, что, излагая ее, мы должны были естественно перейти къ разсмотрѣнію другого явленія, подлежащаго нашему особому вниманію. Формулѣ Ломброзо — «l'inerzia è la regola, il progresso è l'eccezione» вполнѣ соотвѣтствуетъ нашъ собственный взглядъ на культурныя формы, какъ на правила, по отношенію къ которымъ проявленія личной инициативы составляютъ исключенія [3]), – соотвѣтствуетъ и аналогичное нашему утвержденію ученіе Тарда о повтореніяхъ, какъ о правилѣ, и объ изобрѣтеніяхъ, какъ объ исключеніяхъ. Въ своей теоріи итальянскій ученый ставитъ (и отчасти рѣшаетъ, только крайне односторонне) два вопроса, къ которымъ и мы должны теперь перейти: во-первыхъ, его интересуетъ, въ чемъ заключается и какъ возникаетъ ненормальность личностей, производящихъ движеніе впередъ (исключеніе съ его точки зрѣнія), а во-вторыхъ—какъ происходитъ то, что для консервативныхъ по существу своему массъ дѣятельность такихъ лицъ получаетъ значеніе толчковъ, выбивающихъ эти массы изъ прежней колеи ихъ традиціоннаго существованія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое личная иниціатива и какъ она возникаетъ? Какъ и при какихъ условіяхъ переходитъ она въ культурную традицію? Въ какомъ, наконецъ, смыслѣ можно утверждать, что безъ личной иниціативы культура оставалась бы неизмѣнной? Вотъ вопросы, на которые мы должны дать теперь отвѣтъ. Само собою разумѣется, что если бы дѣятельность людей управлялась одною только подражательностью, и если бы послѣдняя примѣнялась лишь къ небольшому количеству рѣзко одна отъ другой отграниченныхъ культурныхъ формъ, традиція была бы единственнымъ факторомъ духовно-общественной жизни человѣческихъ группъ, и какъ отдѣльныя стороны надъ-органической среды, такъ и вся совокупность ея признаковъ оставались бы неизмѣнными изъ вѣка въ вѣкъ Но это, строго говоря, невозможно и притомъ по двумъ главнымъ причинамъ. Первую причину явленій, нарушающихъ устойчивость формъ надъ-органической среды, мы видимъ въ той степени физическаго и психическаго развитія, какой достигъ путемъ органической эволюціи самый родъ человѣческій: личность приноситъ съ собою въ надъ-органическую среду, въ которой родится, воспитывается и живетъ, из-

[1]) Ibid., 148. [2]) Ibid., 149. [3]) См. выше, стр. 449.

вѣстныя предрасположенія, не всегда соотвѣтствующія особенностямъ этой среды и потому очень часто не мирящіяся съ ея требованіями, а отсюда происходятъ непроизвольныя или произвольныя уклоненія отъ формъ, господствующихъ въ данной средѣ [1]). Прирожденныя особенности тѣлесной организаціи и въ еще большей степени прирожденный характеръ личности [2]) представляютъ собою важный факторъ ея участія въ культурно-соціальной жизни. Тенденція надъ-органической среды заключается въ томъ, чтобы привести всѣхъ и все къ одному знаменателю, но средѣ этой большею частью приходится имѣть дѣло, такъ сказать, съ величинами несоизмѣримыми: нерѣдко онѣ укладываются въ общую форму лишь подъ условіемъ большихъ или меньшихъ измѣненій въ самой формѣ и почти всегда лишь за исключеніемъ нѣкоторой доли, выходящей за предѣлы этой формы. Все, что мы говорили объ индивидуальной измѣнчивости, о разнообразіи личностей по отношенію къ прагматической сторонѣ исторіи, сохраняетъ въ той или другой мѣрѣ свою силу и по отношенію къ культурной жизни [3]). Формы, созданныя однѣми личностями, не могутъ остаться тѣми же при другихъ личностяхъ, не говоря уже о внѣшнихъ причинахъ, необходимо вызывающихъ измѣненія въ этихъ формахъ. Но не только личности сами по себѣ разнообразны, а потому каждая изъ нихъ болѣе или менѣе по-своему относится къ надъ-органической средѣ, къ культурѣ, къ ея традиціи, вѣдь и сама среда эта находится въ далеко неодинаковыхъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ личностямъ. Каждый изъ насъ занимаетъ не одно и то же со всѣми другими мѣсто въ соціальной организаціи, окруженъ не одними и тѣми же людьми, испытываетъ не однѣ и тѣ же культурныя вліянія или подвергается имъ не въ одинаковыхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ и т. п. Надъ-органическая среда (а поэтому и культура, и традиція) не есть нѣчто неразложимое: *A* и *B* живутъ въ одномъ и томъ же обществѣ, но, занимая въ немъ разныя положенія, они тѣмъ самымъ ставятся въ разныя отношенія къ его организаціи; живя въ одномъ и томъ же обществѣ, они входятъ въ составъ не однѣхъ и тѣхъ же его группъ; ими, далѣе, усвоивается не все содержаніе его культуры, а разныя части этого содержанія; въ обществѣ, кромѣ того, существуетъ масса разныхъ традицій, соотвѣтствующихъ разнымъ племеннымъ или территоріальнымъ, сословнымъ или профессіональнымъ и др. группамъ, на которыя оно можетъ разпадаться, и отдѣльные его члены, подчиняясь нѣкоторымъ традиціямъ общимъ, бываютъ также подчинены иногда вмѣстѣ съ этимъ традиціямъ, между собою несходнымъ, и т. д. Въ этой особенности общественной жизни

---

[1]) Ср. выше, стр. 72 и слѣд. [2]) Ср. выше, стр. 214—215.

[3]) См. главу VII первой части, а особенно стр. 300 и слѣд.

многіе видятъ даже чуть не исключительную причину возможности личной эманципаціи изъ-подъ нивеллирующаго вліянія культурной традиціи. Такъ смотритъ, наприм., проф. Коркуновъ въ своихъ «Лекціяхъ по общей теоріи права». Признавая въ принципѣ обоюдное или взаимное вліяніе личности и общества, вотъ какъ онъ объясняетъ, почему личность, будучи «въ значительнѣйшей части продуктомъ общества», тѣмъ не менѣе «сохраняетъ свою самобытность, свою самостоятельность, свои особыя цѣли, не сливающіяся съ общественными и не подчиняемыя имъ» [1]). Исходя именно изъ той же идеи, которую развивали и мы во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ* [2]), проф. Коркуновъ указываетъ прежде всего на то, что «общество допускаетъ принадлежность человѣка одновременно ко многимъ разнообразнымъ общеніямъ», вслѣдствіе чего «личность хотя и есть продуктъ общества, но не одного какого-нибудь, а совмѣстно многихъ обществъ [3]). *Вліянію каждаго изъ этихъ обществъ*, продолжаетъ названный авторъ, *личность противопоставляетъ свою зависимость отъ ряда другихъ обществъ*, и въ этой одновременной зависимости отъ нѣсколькихъ обществъ она нерѣдко *находитъ противовѣсъ исключительному вліянію на нее каждаго изъ нихъ въ отдѣльности*. Ни государство, ни церковь, ни національность, ни данный общественный классъ, ни община, ни семья *не могутъ всецѣло подчинить себѣ личность* именно потому, что къ такому подчиненію стремятся всѣ они совмѣстно. Точно также, хотя личность и есть продуктъ общества, но она никогда *не является простымъ отраженіемъ того, чѣмъ живетъ и руководится данное отдѣльное общество*. Каждая личность есть продуктъ совмѣстнаго вліянія нѣсколькихъ обществъ, и въ отношеніи почти каждой является своя особая комбинація такихъ общественныхъ вліяній. Поэтому [4]) каждая личность представляетъ въ обществѣ особое самостоятельное начало, никогда не прилаженное вполнѣ къ складу даннаго общества, никогда ни гармонирующее съ нимъ въ унисонъ. *Личность, какъ особое, самостоятельное начало, всегда оказываетъ въ отношеніи къ данному общественному порядку нѣкоторое треніе, стремится всегда его нѣсколько измѣнить и въ силу этого и служитъ источникомъ жизни и является прогрессивнымъ факторомъ общественной жизни*» [5]).

[1]) *Коркуновъ*. I, 205.

[2]) О. В. Ф. И., II, 81 sq. (114 sq.), а также выше, стр. 346. Ср. *Коркуновъ*. I, 182.

[3]) Ср. наше возраженіе Гумпловичу выше, стр. 153.

[4]) Проф. Коркуновъ забываетъ упомянуть о прирожденномъ характерѣ личности, вслѣдствіе чего его объясненіе и является одностороннимъ.

[5]) *Коркуновъ*. I, 206. Съ точки зрѣнія автора «Лекцій», «общественное развитіе представляетъ равнодѣйствующую разнообразныхъ сознательныхъ стремленій отдѣльныхъ личностей (активный элементъ), испытывающихъ, такъ сказать, треніе объ исторически установившійся общественный строй (инертное

Въ другомъ мѣстѣ, указывая на то, что «съ развитіемъ общественной жизни неразрывно соединено и возрастаніе зависимости людей другъ отъ друга», проф. Коркуновъ оговаривается, что «это отнюдь не ведетъ къ полному порабощенію индивидуума обществу, къ полному порабощенію индивидуальной самостоятельности. Напротивъ, продолжаетъ онъ, мы видимъ, что общественное развитіе ведетъ обыкновенно къ большему расширенію и обезпеченію личной свободы. Это, полагаетъ онъ, объясняется тѣмъ, что зависимость индивидуума отъ общества, выигрывая съ развитіемъ въ силѣ, *теряетъ все болѣе и болѣе въ исключительности*, *благодаря разнообразію тѣхъ общеній, къ которымъ принадлежитъ индивидуумъ*» [1]).

Кромѣ *Основныхъ вопросовъ*, мы развивали такой же взглядъ въ своей книгѣ *Литературная эволюція на Западѣ*, о чемъ рѣчь будетъ еще идти въ слѣдующей главѣ, гдѣ мы, между прочимъ, коснемся вопроса объ эманципаціи творчества изъ-подъ власти литературныхъ традицій. Укажемъ теперь только на то, что въ книгѣ этой такая эманципація объясняется вліяніемъ на личность разнородныхъ литературныхъ традицій, такъ сказать, скрещиваніемъ отдѣльныхъ вліяній, аналогичнымъ скрещиванію общественныхъ вліяній, о которомъ говоритъ проф. Коркуновъ. Совершенно въ томъ же смыслѣ объясняетъ всякую инновацію и Тардъ, распространяющій свое возрѣніе на всѣ явленія смѣняющихся повтореній и инновацій, происходятъ ли они въ неодушевленной природѣ, или въ органическомъ мірѣ, или же, наконецъ, въ духовной и общественной жизни. Не касаясь того, какъ съ этой точки зрѣнія можно объяснить появленіе новыхъ фактовъ въ одушевленной или неодушевленной природѣ, упомянемъ лишь о томъ, что, по мнѣнію Тарда, только «интерференціи» повтореній, т.-е. встрѣчи двухъ (или нѣсколькихъ) отдѣльныхъ фактовъ, существовавшихъ нѣкоторое время отдѣльно одинъ отъ другого при помощи подражанія, въ состояніи объяснить возникновеніе чего-либо новаго въ мірѣ человѣческой исторіи [2]).

То, что есть общаго въ изложенныхъ взглядахъ, предста-

начало), придающій общественному развитію характеръ послѣдовательности и исторической преемственности» (та же стран.).

[1]) Ibid., I, 222. Ср. о «возбужденіи самостоятельной личности» (выше, стр. 78), о значеніи способностей личности, выдвигающейся изъ общей массы (стр. 83) и т. п. Исполняемъ тѣмъ самымъ обѣщаніе, данное на стр. 93, показать, въ какомъ смыслѣ можно принять «l'existence autonome» героевъ, о которой говоритъ Геннекенъ. Прошу еще сравн. стр. 241—242 и 252.

[2]) *Tarde*. Les traits communs etc., 284 sq. Ср. еще, что говорится выше на стр. 219 о томъ, какъ каждый находится не подъ одинаковымъ вліяніемъ «всѣхъ». Отсылаю еще къ стр. 252, гдѣ указывается на то, что личность можетъ освобождаться отъ дѣйствія на нее однихъ условій, опираясь на другія.

вляетъ изъ себя только половину истины: кромѣ благопріятныхъ для личной эманципаціи условій, которыя могутъ находиться въ надъорганической средѣ, необходимы еще условія, лежащія въ самой личности, на что ни Тардъ, ни проф. Коркуновъ не обращаютъ вниманія, и что мною самимъ отмѣчалось не съ достаточной силой, когда я раньше касался того же вопроса [1]. Возможность подчиненія личности разнымъ обществамъ и разнымъ традиціямъ влечетъ за собою только освобожденіе ея отъ однихъ съ необходимымъ подчиненіемъ другимъ, но для того, чтобы отъ скрещиванія культурныхъ вліяній получались дѣйствительно новые факты, нужно еще, чтобы вліянія эти подвергались въ личности внутренней переработкѣ въ зависимости отъ ея прирожденныхъ качествъ и вообще отъ всѣхъ индивидуальныхъ свойствъ, въ ней развившихся подъ вліяніемъ житейскихъ обстоятельствъ: только подъ такимъ условіемъ возможно внесеніе со стороны личности въ культуру на самомъ дѣлѣ чего-нибудь своего и вмѣстѣ съ тѣмъ чего-нибудь такого, что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ нѣчто новое. Изложенныя воззрѣнія принимаютъ, какъ за реальное, только одни совершающіяся внѣ личности повторенія, коимъ личность подчиняется, при чемъ она не создаетъ ничего новаго, если не комбинируетъ эти повторенія въ небывалыя сочетанія; самое комбинированіе, однако, имѣетъ разныя формы, начиная съ чисто механическаго соединенія и кончая такой переработкой повторявшихся ранѣе элементовъ, которая получаетъ характеръ творческаго синтеза. Къ послѣднему способны не всѣ люди, и самъ онъ имѣетъ разныя степени, такъ что уже отъ личности зависитъ, что при ея посредствѣ даетъ скрещиваніе вліяній, т.-е. что прибавитъ она къ нему отъ себя. Между членами одного и того же общества можно было бы установить своего рода градацію не только по степенямъ самостоятельности въ ихъ отношеніяхъ къ культурно-соціальнымъ формамъ [2], но и по степенямъ способности перерабатывать культурныя вліянія въ новыя формы. Недостаточно, чтобы одни вліянія освобождали человѣка отъ исключительнаго подчиненія его другимъ вліяніямъ: нужно еще, чтобы человѣкъ умѣлъ пользоваться этой свободой. Недостаточно еще, чтобы для полнаго и всесторонняго своего развитія индивидуумъ подвергался обильнымъ и разнообразнымъ вліяніямъ: необходимо еще, чтобы богатство и разнородный составъ окружающей культуры подѣйствовали на индивидуальную силу, способную къ творчеству. Мы уже не разъ видѣли, что многіе писатели и полагаютъ значеніе выдающихся историческихъ личностей въ самостоятельно-критическомъ отношеніи къ

---

[1]) См. объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

[2]) Ср. выше, стр. 75, равно какъ разсужденія, приведшія къ такой мысли, стр. 72 и слѣд.

современности, вносящемъ въ жизнь новизну [1]), въ творческомъ даръ [2]), въ задумываніи [3]), въ изобрѣтеніи [4]), въ оригинальномъ отступленіи отъ общей нормы [5]).—Прирожденная способность къ самостоятельности и къ творчеству—вотъ гдѣ первая основа всякой инціативы внѣшнія условія только подавляютъ или развиваютъ эту способность, но сама она, какъ основа личной самобытности, обусловливается причинами біологическаго свойства, лежащими внѣ надъ-органической среды [6]). Въ своемъ мѣстѣ мы говорили о разномъ значеніи отдѣльныхъ поступковъ въ прагматическомъ процессѣ, смотря по степени ихъ зависимости отъ другихъ поступковъ или ихъ участія въ составленіи сложныхъ причинъ, и смотря по количеству произведеннаго ими дѣйствія [7]), и многое изъ того, что тамъ было сказано по поводу человѣческихъ дѣйствій, важныхъ для прагматической стороны исторіи, могло бы быть повторено и въ примѣненіи къ людскому поведенію, играющему непосредственную роль въ культурномъ процессѣ. Дѣло въ томъ прежде всего, что подобно тому, какъ мотивы поступковъ могутъ казаться вполнѣ независимыми отъ наличной обстановки [8]), и зарожденіе инціативы можетъ представляться совершенно самопроизвольнымъ, такъ что по отношенію къ инціативѣ мы должны спеціально примѣнить все то, что говорилось раньше о возможности относительной самостоятельности поступковъ, когда послѣдніе являются результатами внутренней переработки внѣшнихъ вліяній [9]): разъ на мотивы поступковъ мы не имѣемъ права смотрѣть, какъ на простые передаточные аппараты въ механизмѣ прагматическаго процесса [10]), еще менѣе позволительно было приписывать аналогичное значеніе инціативѣ, такъ какъ тутъ воочію проявляется противное. Въ своемъ поведеніи личность можетъ не только отражать чисто пассивнымъ образомъ воспринятыя ею извнѣ вліянія прагматическаго или культурнаго свойства, но и выступать въ болѣе самостоятельной роли, подвергая прагматическія и культурныя вліянія внутренней переработкѣ, комбинируя эти вліянія съ ранѣе воспринимавшимися впечатлѣніями или съ другими психическими продуктами собственной жизни индивидуума [11]). Инціаторомъ въ каждомъ дѣлѣ тотъ и является, кто умѣетъ извѣстнымъ образомъ переработать жизненныя впечатлѣнія, не нашедшія такой же переработки во внутреннемъ мірѣ другихъ

---

[1]) См. выше, стр. 69 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 82.

[3]) См. выше, стр. 89—90. [4]) См. выше, стр. 98.

[5]) См. выше, стр. 127. См. также 304 и слѣд., 314.

[6]) Ср., что говорилось выше по поводу необходимости исключать личность изъ явленій надъ-органическаго порядка.

[7]) См. выше, стр. 271, на которой начинается цѣлый отдѣлъ главы VI, посвященный этому предмету.

[8]) См. выше, стр. 237—237. [9]) См. выше, стр. 237—238.

[10]) См. выше, стр. 263—264. [11]) См. выше, стр. 264, 403—404.

лицъ, хотя бы послѣднія ихъ также восприняли [1]). Чѣмъ менѣе мысль, коей мы приписываемъ инноваціонное значеніе, непосредственно дается самимъ культурнымъ состояніемъ общества и чѣмъ особеннѣе долженъ быть человѣкъ, дабы оказаться способнымъ выработать эту мысль, тѣмъ оригинальнѣе сама эта мысль и выработавшій ее человѣкъ, независимо отъ того, геніальна ли эта его идея или нелѣпа, нашелъ ли онъ послѣдователей или остался совершенно одинокимъ [2]). Положимъ, далѣе, что идея геніальна и иниціаторъ находитъ массу подражателей; имѣемъ ли мы на этомъ только основаніи какое-либо право говорить, что онъ лишь ускорилъ процессъ, который совершился бы и безъ него, что онъ не придалъ при этомъ движенію новаго направленія, коего оно безъ него, быть можетъ, и не приняло бы? И по отношенію къ этому вопросу, мы могли бы только повторить разсужденіе свое по поводу аналогичнаго вопроса о роли личности въ процессѣ прагматическомъ [3]), чтобы и тутъ придти къ тому заключенію, что иниціаторъ не только ускоряетъ, но и направляетъ процессъ [4]). Во всякомъ случаѣ, роль личности въ культурной эволюціи заключается не въ простомъ пассивномъ воспріятіи культурныхъ вліяній для столь же пассивной передачи ихъ другимъ людямъ, способнымъ опять-таки лишь къ одному пассивному воспріятію этихъ вліяній: переработка послѣднихъ въ новые факты самими людьми главнымъ образомъ и опредѣляетъ ихъ активную роль въ процессѣ [5]). Какъ совершается такая переработка, это другой вопросъ, отвѣчать на который призвана главнымъ образомъ психологія и именно психологія индивидуальная, хотя, быть можетъ, только опираясь на данныя біографическаго матеріала исторической науки. Не пускаясь здѣсь въ эту область, констатируя только фактъ личной иниціативы, какъ источника культурныхъ инновацій, мы должны дополнить это общее разсужденіе нѣкоторыми частными соображеніями. Конечно, бываетъ и такъ, что инноваціи совершаются безсознательно и непреднамѣренно: поскольку, однако, онѣ обусловливаются освобожденіемъ индивидуумовъ отъ подражательныхъ повтореній, мы имѣемъ право говорить и относительно такихъ случаевъ о проявленіяхъ личной иниціативы, хотя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ это понятіе мы необходимо будемъ подводить главнымъ образомъ случаи сознательнаго и преднамѣреннаго отступленія личностей отъ культурныхъ формъ окружающаго ихъ общества. Но и тутъ опять преднамѣренность преднамѣренности рознь: въ однихъ именно случаяхъ, отступая въ своемъ поведеніи отъ тѣхъ формъ, въ коихъ обыкновенно проявляется по-

---

[1]) Ср. выше, стр. 266.
[2]) Ср. выше, стр. 304.
[3]) См. выше, стр. 315 и слѣд.
[4]) Ср. выше, стр. 317.
[5]) Ср. стр. 364—365.

веденіе другихъ людей, я могу это дѣлать по мотивамъ чисто личнаго свойства, преслѣдуя исключительно свои индивидуальныя цѣли, не заботясь о томъ, какъ это отразится на другихъ, и не вызоветъ ли такое отступленіе какихъ-либо культурныхъ измѣненій, если поданный мною примѣръ найдетъ подражателей, но бываютъ случаи и иного рода, когда мы какъ-разъ прямо добиваемся культурныхъ измѣненій, т.-е. ихъ-то и ставимъ цѣлью своихъ поступковъ, къ тому-то и стремимся, чтобы наше нововведеніе распространилось въ обществѣ, вошло въ жизнь, упрочилось. Конечно, всякая сознательная и преднамѣренная инновація предполагаетъ то или другое пониманіе существующихъ культурныхъ или соціальныхъ отношеній, о которомъ можно было бы повторить многое изъ того, что было говорено по поводу различнаго пониманія историческими дѣятелями смысла совершающихся событій [1]). Во всякомъ случаѣ, мы должны были бы примѣнить принципъ градаціи и классификаціи и къ иниціаторамъ — и не только по отношенію къ степени проявленія ими творческихъ способностей, но и по отношенію къ тому, чѣмъ обусловливается и къ чему стремится ихъ иниціатива, такъ какъ культурное измѣненіе можетъ быть или желанною цѣлью ихъ стремленій, или непредвидѣннымъ результатомъ простого индивидуальнаго уклоненія отъ культурной формы, не ставившаго себѣ никакихъ общихъ задачъ [2]).

Иниціаторы не равны между собою и въ другомъ отношеніи. Разсматривая основныя причины неравенства дѣйствія личностей въ прагматическомъ процессѣ, мы, между прочимъ, указали на то, что отдѣльные поступки, сравниваемые одни съ другими, оказываются производящими неодинаковое количество слѣдствій [3]). Къ дѣйствіямъ, имѣющимъ значеніе культурныхъ иниціативъ, можно примѣнить то же самое: между ними также существуетъ разница въ отношеніи количества вызванныхъ имъ подражаній [4]). Это соображеніе приводитъ насъ къ другой сторонѣ вопроса о культурныхъ трансформаціяхъ, сведеннаго нами выше къ тому, чтобы опредѣлить, какъ измѣняются лежащіе въ основѣ культурныхъ формъ человѣческіе навыки, и вмѣстѣ съ тѣмъ постичь взаимоотношенія, существующія между тѣми и другими измѣненіями [5]). Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ, какъ происходятъ индивидуальныя отклоненія отъ культурныхъ формъ, но они получаютъ значеніе измѣняющаго фактора лишь тогда, когда распространяются, т.-е. когда подъ ихъ вліяніемъ и другіе люди начи-

---

[1]) Объ этомъ см. выше, стр. 275 и слѣд., ср. также стр. 300 и слѣд., 391 и слѣд.

[2]) Ср. выше о цѣлевомъ началѣ въ культурной эволюціи, стр. 438 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 271. [4]) См. выше, стр. 388 и слѣд.

[5]) См. выше, стр. 342—343.

наютъ измѣнять свое поведеніе [1]). Безъ этого условія измѣненія, производимыя отдѣльными лицами, имѣютъ чисто индивидуальное значеніе, объясняясь и причинами индивидуальными, т.-е. не дѣлаются фактами соціальными, которые для своего объясненія требуютъ и причинъ не индивидуальныхъ, а коллективныхъ [2]). Если въ теоріи прагматическаго процесса мы постоянно имѣли въ виду вопросъ, какимъ образомъ поступки однихъ людей бываютъ причинами поступковъ, совершаемыхъ другими, то и тутъ намъ представляется аналогичный вопросъ — о вызовѣ отдѣльными иниціативами подражательныхъ повтореній. Возникновеніе извѣстной иниціативы еще вовсе не обозначаетъ собою необходимости ея распространенія путемъ подражательнаго повторенія [3]). Нужно еще, чтобы для проявленій послѣдняго существовали свои особыя причины. И этотъ вопросъ, т.-е. вопросъ о томъ, какимъ образомъ иниціатива вызываетъ подражаніе, мы можемъ считать аналогичнымъ съ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ поступки однихъ людей бываютъ причинами поступковъ, совершаемыхъ другими людьми [4]). Это въ сущности лишь два разные рода случаевъ одного и того же вліянія человѣка на человѣка, и многое изъ того, что относится ко второй категоріи случаевъ, разсматривавшейся нами въ предыдущей «книгѣ», могло бы быть примѣнено и къ первой, интересующей насъ въ настоящей главѣ. Намъ положительно пришлось бы то и дѣло повторяться, если бы мы захотѣли подробнѣе разсмотрѣть, какъ вызываются одни поступки другими, когда вызванный поступокъ является подражаніемъ поступку, его вызвавшему, а потому мы ограничиваемся здѣсь общею ссылкою на стр. 219 и слѣдующія, гдѣ объ этомъ самомъ предметѣ шла рѣчь по отношенію къ вліянію прагматическому. Особенно отмѣтить теперь мы можемъ, пожалуй, лишь двѣ высказанныя тамъ мысли. Во-первыхъ, причина того, что иниціатору подражаютъ, должна заключаться не въ немъ только, но и въ самихъ тѣхъ лицахъ, которыя подражаютъ [5]). Во-вторыхъ, говоря о зависимости подражательныхъ дѣйствій отъ дѣйствій оригинальныхъ, мы не должны утверждать, чтобы первыя зависѣли исключительно отъ послѣднихъ [6]). Т.-е., другими словами, въ подражателѣ самомъ должны заключаться условія, которыя заставляютъ его подражать, а подражая, онъ повинуется не только примѣру того, кому подражаетъ, но и постороннимъ причинамъ, которыя вызываютъ необходимость подражанія. Этимъ самымъ

---

[1]) Научная точность всегда требуетъ обозначенія въ отдѣльныхъ случаяхъ, кто эти «другіе», на которыхъ личность вліяетъ. Ср. стр. 347. Тутъ мы и имѣемъ дѣло съ культурнымъ вліяніемъ, о коемъ см. стр. 219, 351 и др.

[2]) См. выше, стр. 385. [3]) См. выше, стр. 390 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 218. [5]) См. выше, стр. 227—228.

[6]) См. выше, стр. 232.

вопросъ о причинахъ послѣдняго сводится къ тому же самому, къ чему мы свели вопросъ о содѣйствіи [1]): эти причины могутъ быть весьма различныя, при чемъ онѣ будутъ не однѣ и тѣ же по отношенію къ разнымъ элементамъ культуры, не однѣ и тѣ же для разныхъ людей даже въ одномъ и томъ же случаѣ, не однѣ и тѣ же въ отдѣльныхъ случаяхъ одной и той же категоріи—и все это въ зависимости отъ крайняго разнообразія внутреннихъ свойствъ и внѣшнихъ обстоятельствъ разныхъ людей. Въ разныхъ уже мѣстахъ нашего труда мы говорили [2]) о содѣйствіи (или противодѣйствіи), которое личность можетъ встрѣтить для своихъ начинаній въ окружающемъ обществѣ, и, кромѣ того, намъ не разъ приходилось приводить слова отдѣльныхъ писателей, которые, объясняя дѣло великаго человѣка, указывали на то, что крупные историческіе дѣятели разрѣшаютъ задачи, всѣхъ интересующія, но превосходящія силы обыкновенныхъ смертныхъ [3]), и съ особенною, конечно, силою дѣйствуютъ на родственные элементы общества [4]). Въ этомъ смыслѣ появленіе личной иниціативы должно разсматриваться, какъ наступленіе такой рѣшающей перемѣны, которая только и нужна была для того, чтобы существовавшія раньше причины проявили свое дѣйствіе [5]). Съ другой стороны, мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, что имитаціонное распространеніе инноваціи не есть единственный путь, посредствомъ котораго она получаетъ соціальное значеніе [6]). Кромѣ подражательнаго повторенія, вызываемаго психическими средствами и обусловливаемаго соотвѣтственными обстоятельствами, бываютъ подражательныя повторенія, производимыя путемъ примѣненія средствъ соціальныхъ и зависящія отъ соціальныхъ же условій. Только детальная разработка вопроса о томъ, какъ зарождается и распространяется инновація въ разныхъ сферахъ культуры (въ языкѣ, въ религіи, въ искусствѣ, въ правѣ и т. д.), можетъ дать въ результатѣ полное представленіе объ этомъ предметѣ, но такая разработка еще не начиналась, и намъ приходится довольствоваться общими соображеніями и аналогіями съ прагматическимъ процессомъ.

Укажемъ, наконецъ, и на то, въ какомъ смыслѣ мы утверждаемъ, что безъ существованія личной иниціативы культура оставалась бы неизмѣнной. Въ своемъ мѣстѣ мы именно уже говорили о невозможности съ нашей точки зрѣнія, чтобы всѣ члены одного и того же

---

[1]) См. выше, стр. 325 и слѣд.

[2]) См. стр. 84—85, 87—93, а особенно 325 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 84 и слѣд., 100 и слѣд., 110—111.

[4]) См. выше, стр. 93. Къ сожалѣнію, рѣдко кто отмѣчалъ противоположное явленіе, т.-е., между прочимъ, и способность не заражаться примѣромъ другихъ. Ср. стр. 125.

[5]) См. выше, стр. 179. [6]) См. выше, стр. 391.

общества одновременно и сразу производили одно и то же культурное измѣненіе: всегда и вездѣ есть иниціаторы и подражатели [1]). Положимъ, что число первыхъ можетъ быть очень велико, но изъ того, что ни одинъ, а многіе сразу въ чемъ-либо (и при томъ даже одномъ и томъ же) отступаютъ отъ существующихъ формъ, еще не слѣдуетъ, чтобы въ данномъ случаѣ нельзя было говорить объ иниціативѣ или, вѣрнѣе—объ иниціативахъ. Будетъ ли отступленіе крупнымъ или мелкимъ, въ важномъ или неважномъ, будетъ ли оно единичнымъ или коллективнымъ, непреднамѣреннымъ или преднамѣреннымъ, оно все равно есть плодъ иниціативы, если даже оно и остается безслѣднымъ, а разъ неизмѣнность культурныхъ формъ поддерживается подражательнымъ повтореніемъ, то только нѣчто противоположное послѣднему можетъ разсматриваться, какъ факторъ измѣненія. Многія перемѣны являются результатомъ, такъ сказать, накопленія минимальныхъ уклоненій, но каждое изъ нихъ имѣетъ начало въ какой-либо личности или въ какихъ-либо личностяхъ [2]). Иниціаторъ можетъ быть индивидуальный и коллективный, — послѣднее не въ томъ смыслѣ, чтобы иниціатива принадлежала «всѣмъ» или была чѣмъ-то безличнымъ: одного крупнаго иниціатора можетъ замѣнить группа иниціаторовъ болѣе мелкихъ [3]), индивидуальные вклады которыхъ могутъ, пожалуй, приписываться безличному «духу времени», оставаясь тѣмъ не менѣе вкладами личными. Пусть даже правъ будетъ Бурдо, утверждающій, что прогрессъ гораздо лучше объясняется совокупностью множества анонимныхъ дѣятельностей, чѣмъ вмѣшательствомъ немногихъ геніевъ, совершающихъ откровенія [4]), важно признаніе имъ существованія и тѣхъ и другихъ, хотя бы мы опять-таки предложили расположить всѣхъ иниціаторовъ по важности ихъ роли, на ступеняхъ нѣкоторой идеальной лѣстницы, тѣмъ болѣе, что нѣтъ человѣка, который въ чемъ-нибудь и какъ-нибудь не проявилъ хотя бы малѣйшей иниціативы.

Заключимъ эту главу еще однимъ указаніемъ: при детальномъ изученіи такого сложнаго вопроса еще предстоитъ заняться тѣмъ, что по аналогіи съ составленіемъ причинъ [5]) и сложеніемъ цѣлей [6]) можно было бы назвать соединеніемъ иниціативъ. Предметъ это весьма любопытный, а какъ онъ трактуется, можно видѣть хотя бы изъ того параграфа книги Бурдо [7]), въ которомъ ставится вопросъ, происходятъ ли изобрѣтенія въ области полезныхъ искусствъ путемъ «великихъ и внезапныхъ открытій, совершаемыхъ счастливыми геніями, которые время отъ времени создаютъ цѣликомъ новыя производства

[1]) См. выше, стр. 386—387 и 389—390.
[2]) См. выше, стр. 447 и слѣд.
[3]) Ср. стр. 156.
[4]) См. выше, стр. 96, 97—98.
[5]) См. выше, стр. 284 и слѣд.
[6]) См. выше, стр. 413 и слѣд.
[7]) Célébrités des arts utiles, стр. 30—36.

и сразу доводятъ ихъ до совершенства, *или же путемъ множества маленькихъ улучшеній* въ подробностяхъ дѣла, улучшеній безыменныхъ, безвѣстныхъ, едва замѣтныхъ, которыя накопляются съ теченіемъ времени, мало-по-малу пополняются одни другими и безпрерывно оплодотворяютъ человѣческій трудъ». Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что «въ общей задачѣ знаменитости сдѣлали болѣе, чѣмъ кто-либо», хотя доказать это и трудно, но самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ того, чтобы «они одни сдѣлали больше, чѣмъ ихъ сотрудники вмѣстѣ взятые, а тѣмъ болѣе, чтобы они все сдѣлали безъ помощи» [1]). «Когда, говоритъ онъ, изучаютъ въ подробностяхъ исторію полезныхъ искусствъ, то весьма скоро приходятъ къ убѣжденію, что *изобрѣтеній въ прямомъ смыслѣ не бываетъ,* что бываютъ только усовершенствованія. Изобрѣтатели идутъ другъ за другомъ, каждый прибавляетъ, *никто не создаетъ.* Всякое открытіе было всегда подготовлено предыдущими открытіями и дѣлаетъ возможными новыя. Это— одно кольцо въ безконечной цѣпи. Когда въ короткое время произойдетъ замѣтный прогрессъ, онъ-то и вводитъ въ заблужденіе. *Думаютъ, что имѣютъ дѣло съ настоящимъ творчествомъ, и ошибаются: его элементы существовали ранѣе.* Открытіе приписываютъ одному изобрѣтателю и еще разъ ошибаются: оно есть результатъ совокупной дѣятельности» [2]). Ту же самую мысль проводитъ Бурдо и въ параграфѣ о «знаменитостяхъ въ наукѣ» [3]), равно какъ и въ параграфѣ о «знаменитостяхъ въ искусствѣ», который мы разсматриваемъ особо [4]). По его словамъ, «открытія науки еще лучше, чѣмъ творенія искусства, показываютъ, какъ прогрессъ происходитъ путемъ постоянныхъ попытокъ и накопленія мелкихъ изобрѣтеній» [5]). Напавъ, по своему обыкновенію [6]), на историковъ, безъ мѣры преувеличивающихъ значеніе знаменитыхъ ученыхъ, критикъ современнаго состоянія исторической науки высказываетъ такія мысли по этому вопросу. «Если, говоритъ онъ, между истинами, коими мы обладаемъ, мы потрудимся различить истины очевидныя и такія, которыя нужно еще доказать, то окажется, что знаменитые ученые не имѣютъ никакого права на первыя, такъ какъ онѣ утверждаются въ каждомъ сознаніи à mesure que les sens fonctionnent et que l'intelligence s'exerce» [7]). Признавая по отношенію къ истинамъ второго рода раз-

---

[1]) Ibid., 31.

[2]) Ibid., 32. Бурдо и тутъ говоритъ, что «tout le monde a travaillé (ср. выше, стр. 97 — 98). Далѣе онъ ссылается на исторію книгопечатанія и др. изобрѣтеній.

[3]) Célébrités de la science, стр. 56—67. [4]) См. слѣдующую главу.

[5]) *Bourdeau,* 56. [6]) См. выше, стр. 93 и слѣд. [7]) *Bourdeau*, 57.

дѣленіе труда, Бурдо замѣчаетъ, однако, что ими мы обязаны «множеству изслѣдователей, которые хотя и возвышаются своими знаніями и рвеніемъ къ пріобрѣтенію новыхъ знаній надъ массою (au-dessus du vulgaire), но смѣшиваются съ нею по своей неизвѣстности, и, продолжаетъ онъ, «если отдѣлить въ наукахъ истины, открытыя знаменитыми учеными, отъ истинъ, обязанныхъ своимъ открытіемъ безвѣстнымъ ученымъ, то легко будетъ обнаружить между обѣими категоріями поразительное неравенство» [1]. «Мелкія открытія, замѣчаетъ онъ еще, составляютъ правило. Значеніе великихъ открытій весьма часто ограничивается объединеніемъ мелкихъ» [2]. Развивая эту мысль, Бурдо, между прочимъ, высказываетъ и такое положеніе: «все, что могутъ сдѣлать вдохновенные наилучшимъ образомъ, заключается во внесеніи въ ранѣе существовавшую идею какихъ-либо разъясненій... Большая часть высшихъ умовъ,—читаемъ мы еще, — которые возвѣщаютъ великія истины, являются скорѣе ихъ глашатаями, нежели творцами (révélateurs). Они совокупляютъ разрозненные результаты, дѣлаютъ своевременный синтезъ смутныхъ и плохо опредѣленныхъ идей» [3]. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ своего разсужденія о знаменитостяхъ, Бурдо дѣлаетъ такой общій выводъ: «ainsi, en matière de notions scientifiques, *presque rien n'est à personne; tout est à tous*» [4]. Мы не станемъ разбирать этихъ соображеній Бурдо: они были приведены нами для примѣра и ради поставленныхъ здѣсь вопросовъ, а не ради данныхъ на нихъ отвѣтовъ. Послѣдніе мы считаемъ возможными только послѣ разработки вопроса о томъ, какую роль играютъ личная инициатива и культурная традиція въ исторіи отдѣльныхъ элементовъ культуры.

---

[1]) Ibid., 58. [2]) Ibid., 59. [3]) Ibid., 61. [4]) Ibid., 62.

ГЛАВА IV.

Личное начало въ развитіи права и литературы.

Неодинаковыя отношенія между личностью и отдѣльными элементами культуры.— Важный пробѣлъ въ спеціальныхъ литературахъ.—Историческая школа права.— Ученіе Савиньи о происхожденіи права.—Сочиненіе Пухты объ обычномъ правѣ.—Критика его ученія.—Взглядъ Іеринга.—Ученія русскихъ юристовъ (проф. Муромцева, Коркунова и Сергѣевича).—Общее замѣчаніе о постановкѣ историко-теоретическаго вопроса у юристовъ.—Нашъ взглядъ на задачу теоріи литературы.—Теорія среды (Тэнъ), традиціи (проф. Веселовскій) и коллективизма (Бурдо).—Защита личнаго начала у Геннекена.—Отношеніе къ вопросу въ «Поэтикѣ» Шерера.—Нѣсколько общихъ соображеній о личномъ творчествѣ съ отвѣтомъ критику.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли лишь самыя общія отношенія, какія только могутъ существовать между личностью съ ея иниціативою, съ одной стороны, и культурою съ ея традиціей, съ другой. Культура состоитъ, однако, изъ элементовъ, далеко неоднородныхъ и по самой своей сущности [1]), и по законамъ своей эволюціи [2]), и — что особенно теперь для насъ важно—по отношенію къ возможности воздѣйствія на нихъ со стороны личности [3]). Лингвистическая среда, окружающая человѣка, представляетъ изъ себя нѣчто иное, чѣмъ среда соціальная; или политическій строй, наприм., не есть то же самое, что экономическія отношенія. Съ другой стороны, и эволюціонные законы языка отличаются отъ законовъ, по коимъ совершается соціальное развитіе, а среди послѣднихъ не одно и то же—законы, положимъ, эволюцій юридической и экономической. Наконецъ, и въ томъ еще отношеніи отдѣльные элементы культуры различествуютъ одинъ отъ другого, что для своего существованія и

---

[1]) См. выше, стр. 344—345.

[2]) См. выше, стр. 374 и слѣд. Ср. О. В. Ф. И. II, 239 и слѣд. (330 и слѣд.)

[3]) См. выше, стр. 378—379, а также 392.

развитія требуютъ извнѣ не одного и того же, а потому одни и тѣ же внѣшнія обстоятельства производятъ не одинаковое дѣйствіе на разные элементы культуры, такъ что одни изъ этихъ элементовъ легко видоизмѣняются подъ вліяніемъ направленной на нихъ сознательной и преднамѣренной дѣятельности человѣка, а другіе, наоборотъ, такому вліянію совсѣмъ почти не поддаются. Мало того: мы могли бы пойти еще далѣе и указать на такія же различія между разными сторонами однихъ и тѣхъ же элементовъ культуры, какія только между ними обнаруживаемъ. Въ языкѣ, наприм., мы отличаемъ особенности фонетическія, морфологическія, семасіологическія и т. д., въ литературѣ—традиціи слога, стихотворнаго размѣра, формъ произведеній, образовъ, типовъ, сюжетовъ, темъ, идей; въ религіи — догматику, мораль, обрядность, церковную организацію; въ политикѣ—правительство, органы управленія и т. п.; въ правѣ—частное и публичное право, право гражданское и уголовное, судоустройство, судопроизводство и пр.; въ экономической жизни—формы распредѣленія собственности, формы хозяйства, формы обмѣна и т. д.; каждая такая сторона (своего рода элементъ элемента, если намъ позволятъ такъ выразиться) имѣетъ свои особенности, подчиняется своимъ собственнымъ законамъ и измѣняется только при извѣстныхъ условіяхъ и извѣстнымъ образомъ, вслѣдствіе чего и личность имѣетъ далеко не одинаковую силу и не только надъ отдѣльными элементами культуры, но и надъ отдѣльными сторонами этихъ элементовъ. Историческая школа въ юриспруденціи дѣлала большую ошибку, утверждая, что право развивается совершенно такъ же, какъ языкъ: не только этого ей не слѣдовало бы говорить, а скорѣе надлежало бы обратить вниманіе на то, что и въ сферѣ изслѣдовавшихся ею явленій, наприм., происхожденіе матеріальнаго права и происхожденіе судебной власти—двѣ вещи разныя. Не настаивая здѣсь особенно на мысли о томъ, что каждый элементъ культуры, даже каждая сторона каждаго элемента можетъ быть предметомъ спеціальнаго изученія съ теоретической точки зрѣнія, мы обращаемъ все вниманіе читателя на то, что вполнѣ правильно судить о взаимныхъ отношеніяхъ между личной иниціативой и культурной традиціей во всѣхъ ихъ подробностяхъ мы могли бы лишь въ такомъ случаѣ, если бы были изслѣдованы по одиночкѣ, съ принятой нами точки зрѣнія, всѣ элементы культуры и притомъ каждый во всѣхъ своихъ сторонахъ [1]). Какъ различны бываютъ между собою индивидуумы въ смыслѣ способности замѣнять культурную традицію личной иниціативой, такъ непохожи другъ на друга и элементы культуры (и отдѣльныя стороны каждаго) въ смыслѣ своей устойчивости или, наоборотъ, способности поддаваться усиліямъ человѣка

---

[1]) Ср. указанія на необходимость этого выше, стр. 341.

ихъ измѣнять и передѣлывать. Съ одной стороны, степень оригинальности, проявляемой людьми, бываетъ весьма различная, не только смотря по человѣку, но и въ зависимости отъ той возможности этого проявленія, которая заключается въ свойствахъ самого культурнаго элемента. Съ другой стороны, для того, чтобы личная иниціатива получила значеніе измѣняющаго фактора, нужно еще не только постороннее содѣйствіе въ формѣ подражанія или повиновенія, но и отсутствіе сопротивленія, какое могъ бы оказать самъ культурный элементъ, т.-е. неимѣніе имъ такихъ свойствъ, которыя представляли бы изъ себя препятствіе для перемѣны, хотя бы послѣдняя была желательна даже «всѣмъ».

Въ этой области соціологическаго анализа теорія историческаго процесса должна выполнить громадную работу, которая до сихъ поръ совсѣмъ еще почти не начиналась. Дѣло въ томъ, что, вырабатывая эволюціонныя формулы отдѣльныхъ элементовъ культуры, главныя направленія современной науки, объединяющіяся въ понятіяхъ «закона» и «развитія», не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на вопросъ о томъ, какую роль личный починъ и подражаніе или повиновеніе массъ личнымъ или групповымъ иниціаторамъ играетъ въ эволюціонныхъ процессахъ культуры, въ большей или меньшей степени поддающимся номологической формулировкѣ. Вопросъ обыкновенно и ставится, и рѣшается (сознательно или безсознательно) такимъ образомъ, что процессъ, дающій въ результатѣ культурныя перемѣны, напередъ уже мыслится, какъ саморазвитіе, какъ une évolution spontanée. Я смѣло могу утверждать, что вопросъ о роли личнаго дѣйствія въ культурной эволюціи по отношенію къ отдѣльнымъ сторонамъ духовной и общественной жизни человѣка совсѣмъ почти и не ставится въ трудахъ спеціалистовъ, изучающихъ эти стороны, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они достаточно возвышаются надъ фактическимъ матеріаломъ своей науки: для того, чтобы освѣтить себѣ общій вопросъ частными на него отвѣтами со стороны спеціалистовъ, я довольно много рылся въ болѣе или менѣе для меня доступныхъ спеціальныхъ литературахъ, а также обращался и лично къ спеціалистамъ за идейными или библіографическими указаніями по интересующему насъ вопросу, но книжные розыски мнѣ ничего не давали, а лица, къ коимъ я обращался, прямо мнѣ отвѣчали, что не знаютъ ни большихъ, ни малыхъ сочиненій, гдѣ вопросъ ставился бы въ желательномъ для меня смыслѣ. Нельзя не считать этого важнымъ пробѣломъ въ большей части спеціальныхъ литературъ: я разумѣю именно исторіи (и теоріи исторій) языка, миѳологіи, религіи, морали, нравовъ, политическихъ учрежденій, экономическаго строя и т. д. Исключенія изъ этого общаго правила представляютъ собою только юриспруденція и исторія литературы. Въ первой обращаютъ на себя вниманіе два взгляда на

процессъ правообразованія, изъ коихъ одинъ подходитъ подъ категорію теоріи о безличномъ характерѣ соціальной эволюціи, другой отстаиваетъ права личнаго творчества въ этомъ процессѣ. Въ теоріяхъ литературной эволюціи мы равнымъ образомъ обнаруживаемъ существованіе двухъ противоположныхъ концепцій: съ одной стороны, выдвигаются на первый планъ или вообще вся надъ-органическая среда (т.-е. культура), или въ частности литературныя традиціи, и имъ безусловно подчиняется личное творчество; съ другой, наоборотъ, отстаивается самостоятельность личнаго начала. Настоящая глава и посвящается нами изложенію и разбору юридическихъ и литературныхъ теорій, имѣющихъ соприкосновеніе съ главнымъ вопросомъ настоящаго труда, при чемъ читатель увидитъ, что историки двухъ названныхъ элементовъ культуры не только не даютъ намъ отвѣтовъ на многіе изъ вопросовъ, затронутыхъ нами въ предыдущей главѣ, но какъ бы и не подозрѣваютъ о существованіи возможности и даже необходимости ихъ постановки.

Начнемъ съ вопроса о процессѣ правообразованія [1]). Въ настоящее время мы должны считать совершенно устраненною ту точку зрѣнія, которая господствовала въ юриспруденціи до возникновенія исторической школы: послѣ принятія наукою идеи закономѣрности всего, совершающагося въ мірѣ явленій, современному историку остается выбирать въ юридической литературѣ между двумя воззрѣніями, изъ которыхъ одно и есть воззрѣніе исторической школы, а другое принадлежитъ ея критикамъ. Замѣтимъ, что послѣдніе главное вниманіе свое обращаютъ на ту противоположность между взглядами исторической школы и ея противника Іеринга, что по одному право подвержено процессу естественнаго роста (Naturwüchsigkeit), совершающагося безъ всякой борьбы, тогда какъ другой настаиваетъ именно на происходящей въ обществѣ «борьбѣ за право». Эту противоположность мы сводимъ къ другой, имѣющей болѣе общее значеніе: весь вопросъ въ томъ, какъ мы должны смотрѣть на историческій процессъ вообще, должны ли видѣть въ немъ безличную эволюцію или процессъ личнаго дѣйствія [2]). Для насъ ученіе исторической школы о правообразованіи есть одно изъ частныхъ примѣненій къ исторіи принципа безличной эволюціи, тогда какъ въ ученіи Іеринга мы должны видѣть, наоборотъ, приложеніе къ исторіи права идеи личнаго дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ оба взгляда, чѣмъ опредѣляются и тѣ сто-

---

[1]) Слѣдующія страницы, содержащія разсмотрѣніе вопроса о личномъ началѣ въ творчествѣ права, представляютъ собою передѣлку моей статьи «Два взгляда на процессъ правообразованія», помѣщенной въ ноябр. выпускѣ *Юридическаго Вѣстника* за 1889 г.

[2]) См. выше, стр. 49 и слѣд.

роны исторической школы и критическаго къ ней отношенія, которыхъ мы коснемся.

Мы не станемъ распространяться объ общемъ значеніи исторической школы въ развитіи научнаго правовѣдѣнія въ XIX вѣкѣ и даже въ развитіи исторической науки вообще: укажемъ лишь на то, какъ самъ Савиньи, основатель школы, понималъ различіе между созданнымъ имъ направленіемъ и старымъ, на смѣну котораго оно пришло. Приступая къ изданію журнала «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft» и начертывая его программу, онъ высказалъ свой взглядъ на этотъ счетъ [1]). По его мнѣнію, есть двѣ школы юриспруденціи, изъ коихъ одна достаточно опредѣленно обозначается наименованіемъ исторической, а другую трудно назвать опредѣленнымъ именемъ, потому что «тамъ сходятся и послѣдователи такъ называемаго естественнаго права, и просто люди здраваго смысла, и, наконецъ, философы», а потому удобно назвать неисторической, такъ какъ даетъ ей единство только противуположеніе съ первою. Общій вопросъ, раздѣляющій обѣ школы, есть такого рода: въ какомъ отношеніи находится прошлое къ настоящему, возникающее къ сущему (das Werden zum Sein)? Одни учатъ, что каждая эпоха сама создаетъ себѣ свое бытіе, свой міръ, удачно или нѣтъ, по мѣрѣ силъ своихъ и своего разумѣнія, а по ученію другихъ, наоборотъ, нѣтъ вовсе одинокаго и обособленнаго существованія, и все то, что могло бы быть разсматриваемо, какъ единственное, съ другой точки зрѣнія является частью нѣкотораго высшаго цѣлаго. Съ этой точки зрѣнія Савиньи совѣтуетъ мыслить отдѣльнаго человѣка необходимо, какъ члена семьи, народа, государства, всякую эпоху въ жизни народа — какъ продолженіе и развитіе предшествующихъ эпохъ. Разъ это такъ, всякая эпоха не приноситъ съ собою, произвольно и для себя, весь свой міръ, т.-е. новое время должно признать нѣчто данное, нѣчто необходимое, не зависящее отъ настоящаго, и нѣчто свободное, не исходящее изъ простого произвола, источникъ же его лежитъ въ высшей природѣ народа, какъ постоянно образующагося, постоянно развивающагося цѣлаго. Въ этой мысли дѣйствительно заключался цѣлый переворотъ, имѣвшій весьма благотворное значеніе для исторической науки. Но это была только самая общая мысль, нуждавшаяся въ дальнѣйшемъ развитіи, и отъ направленія, въ какомъ совершилось послѣднее, зависѣло уже, насколько взглядъ исторической школы на процессъ правообразованія былъ близокъ или далекъ отъ истины. Самъ основатель школы далъ только общіе контуры доктрины, выставилъ нѣсколько научныхъ понятій, коимъ не потрудился сообщить точности

---

[1]) Приводимъ его ниже по изложенію въ книгѣ *проф. Дювернуа* «Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву». Спб. 1889. Стр. 19—20.

и опредѣленности, въ чемъ убѣдится каждый, прочитавъ его сочиненіе «О призваніи нашего времени къ законодательству» [1]), бывшее, такъ сказать, первымъ научнымъ трудомъ въ духѣ новой школы.

Въ этой книжкѣ интересующему насъ вопросу посвящена всего одна небольшая глава, такъ и обозначенная «Entstehung des positiven Rechts» [2]). Основатель исторической школы подвергаетъ здѣсь критикѣ «общее мнѣніе» по этому предмету, «которое издавна, по его словамъ, господствовало у большинства нѣмецкихъ юристовъ»: по ихъ представленію, говоритъ онъ, *всякое право возникаетъ изъ законовъ, т.-е. прямыхъ предписаній верховной власти*, при чемъ содержаніе послѣднихъ случайно и измѣнчиво, такъ что завтрашнее право можетъ быть совершенно непохоже на право сегодняшнее [3]). Савиньи, отвѣчая прежде всего на вопросъ, какъ же въ дѣйствительности развилось право у народовъ благороднаго происхожденія, указываетъ на то, что въ самомъ началѣ ихъ достовѣрной исторіи мы уже находимъ у нихъ гражданское право (das bürgerliche Recht) съ опредѣленнымъ, свойственнымъ народу характеромъ, каковымъ бываютъ равнымъ образомъ запечатлѣны ихъ языкъ, нравы, устройство. «То, говоритъ онъ, что соединяетъ ихъ въ одно цѣлое, есть *общее убѣжденіе народа*, *общее чувство внутренней необходимости*, исключающее всякую мысль о случайномъ и произвольномъ происхожденіи». Онъ отказывается, однако, объяснить историческимъ путемъ (auf geschichtlichem Wege), какъ возникли эти явленія народной жизни [4]), не идя далѣе періода, «въ который, по его выраженію, право *живетъ подобно языку въ сознаніи народа*», т.-е. «когда правила частнаго права *принадлежатъ къ предметамъ народнаго вѣрованія*». Такимъ образомъ, общее народное правоубѣжденіе является у Савиньи первичнымъ, исконнымъ фактомъ, происхожденія коего онъ не объясняетъ, и это-то воззрѣніе легло въ основу всего ученія исторической школы. Но, замѣчаетъ онъ далѣе, «эти духовныя функціи нуждаются въ тѣлесномъ бытіи, дабы получить прочность» [5]), а таковое имъ сообщаютъ «символическія дѣйствія во всѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ или прекращаются правовыя отношенія» [6]). Вотъ и все: внутреннее убѣжденіе всего народа и символическая обрядность характеризуютъ первобытное право, «органически соединяющееся съ сущностью и характеромъ народа». Эта органическая связь, продолжаетъ Савиньи, сохраняется и въ послѣдующія времена, подобно той связи, которая существуетъ между языкомъ и говорящимъ на немъ народомъ. Въ исторіи права онъ тѣмъ не менѣе не признаетъ «ни единаго момента абсолютной

---

[1]) *Fr. C. von Savigny*. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Цитируемъ по третьему изданію (Heidelberg. 1840).

[2]) Ibid., 8—15. [3]) Ibid., 6. [4]) Ibid., 8. [5]) Ibid., 9. [6]) Ibid., 10.

неподвижности», говоря же объ измѣненіяхъ права, замѣчаетъ, что его движеніе или развитіе подчинено «закону внутренней необходимости». Ссылка на послѣдній не сопровождается, однако, опредѣленіемъ того, что же слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ «Gesetz innerer Nothwendigkeit»: понятіе это остается слишкомъ общимъ, для того, чтобы безъ дальнѣйшихъ объясненій служить въ качествѣ надежнаго научнаго термина. Такая неопредѣленность, дававшая потомъ поводъ дѣлать невѣрные выводы изъ идеи закономѣрности развитія, была весьма естественна въ ту эпоху, когда только-что чуть не впервые подвергалось критикѣ воззрѣніе, видѣвшее въ исторіи права лишь совершенно случайную послѣдовательность совершенно произвольно издающихся государственною властью законовъ. Шагомъ къ болѣе научному пониманію этой исторіи и было именно признаніе того, что право развивается вмѣстѣ съ народомъ (das Recht wächst mit dem Volke fort, bildet sich aus mit diesem), хотя тутъ же и было прибавлено въ духѣ тогдашней идеалистической философіи, что «der eigentliche Sitz des Rechts das gemeinsame Bewusztseyn des Volkes sey» [1]): это общее народное правосознаніе, какъ научное понятіе, тоже не всегда служило уясненію процесса правообразованія. Правда, Савиньи понялъ,—и прямо высказалъ это,—что съ теченіемъ времени такое правосознаніе сосредоточивается только въ одной общественной группѣ, но его послѣдователи не дали надлежащаго развитія этой оговоркѣ». Съ развитіемъ культуры, говоритъ онъ, именно все болѣе и болѣе разъединяются дѣятельности народа, и *что прежде дѣлалось сообща, переходитъ къ отдѣльнымъ классамъ*. Таковымъ обособленнымъ сословіемъ являются юристы... *Какъ прежде*, продолжаетъ онъ, *право жило въ сознаніи цѣлаго народа, такъ теперь оно начинаетъ принадлежать сознанію юристовъ*, коими народъ нынѣ и «представляется въ этой функціи». (Но,—можемъ мы тутъ замѣтить,—и въ первобытномъ обществѣ не всѣ въ одинаковой степени были знатоками господствующаго обычая). Съ указаннаго момента обособленія юристовъ, по мнѣнію Савиньи, право начинаетъ вести «двойственную жизнь, именно какъ часть общей жизни народа, чѣмъ оно не перестаетъ быть, и какъ особая наука въ рукахъ юристовъ». При этомъ онъ забываетъ еще прибавить, что разъединеніе происходитъ и въ другомъ отношеніи, когда объективный юридическій порядокъ начинаетъ существовать самъ по себѣ, а субъективное правосознаніе само по себѣ. Въ силу такого общаго взгляда Савиньи находитъ возможнымъ объяснить всѣ позднѣйшія явленія въ исторіи права изъ совокупнаго дѣйствія указаннаго имъ «двойственнаго принципа жизни», хотя и здѣсь онъ болѣе точнымъ образомъ не опредѣляетъ способа

---

[1]) Ibid., 11.

объясненія этихъ позднѣйшихъ явленій [1]). Конечный выводъ всего этого разсужденія, по словамъ самого же его автора, тотъ, «что всякое право возникаетъ по способу обычнаго права, т.-е. что *оно производится прежде всего нравами и народными вѣрованіями, затѣмъ уже юриспруденціей, такимъ образомъ вездѣ внутренними, незамѣтно дѣйствующими силами, а не по произволу какого-либо законодателя*» [2]). Этимъ выводомъ Савиньи какъ бы указывалъ своимъ послѣдователямъ, гдѣ они должны изучать тайну правообразованія: только-что приведенное мѣсто и сдѣлалось исходнымъ пунктомъ ученія Пухты уже прямо въ духѣ теоріи безличной эволюціи, хотя основатель исторической школы не давалъ своему главному послѣдователю никакого права отдѣлять процессъ праворазвитія отъ реальныхъ процессовъ, совершающихся въ жизни людей [3]).

Уже не разъ замѣчалось (и въ нашей между прочимъ литературѣ), что основныя и теоретическія идеи Савиньи страдаютъ неопредѣленностью. Бо̀льшая опредѣленность была сообщена имъ Пухтою.

Воззрѣніе Пухты на обычное право [4]) сдѣлалось вообще достояніемъ нѣмецкой науки, а изъ нея переходило и къ намъ. По этому воззрѣнію, обычное право составляетъ непосредственное выраженіе народно-правового убѣжденія, по отношенію къ коему и самая привычка всѣхъ поступать извѣстнымъ образомъ служитъ лишь внѣшнимъ проявленіемъ. Право, конечно, создается народомъ, но эта дѣятельность народа для Пухты не есть дѣятельность его членовъ ни въ ихъ отдѣльности, ни въ ихъ совокупности: народное правосознаніе имѣетъ, по его представленію, основу въ нѣкоторомъ естественномъ единствѣ смысла (Sinnesverwandschaft) народа, а потому оно, какъ всецѣло данное въ народномъ духѣ, независимо отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, предшествуя поступкамъ, въ коихъ обнаруживаются обычаи, и рѣзко отличается отъ убѣжденій отдѣльныхъ членовъ народа. Такъ какъ ученіе Пухты представляетъ изъ себя крайнее выраженіе воззрѣнія, отрицающаго за отдѣльными личностями всякую роль въ творчествѣ и развитіи права, то мы и остановимся нѣсколько подробнѣе на его разсмотрѣніи.

Въ особомъ параграфѣ о «происхожденіи права вообще» Пухта прежде всего отвергаетъ на какой бы то ни было ступени совмѣстной жизни возможность существованія изолированныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ самую мысль о томъ, чтобы можно было отнести право къ факту простого сосуществованія многихъ людей безъ

---

[1]) Ibid., 12. [2]) Ibid., 14.

[3]) Das Recht hat kein Daseyn für sich, sein Wesen vielmehr ist das Leben der Menschen selbst, von einer besondern Seite angesehen, 30.

[4]) *Puchta.* Das Gewohnheitsrecht. Erlangen. 1828—1837. Болѣе подробное изложеніе сдѣлано нами въ указанной выше (стр. 478) статьѣ.

естественнаго назначенія и безъ *внутренняго вліянія на единицы со стороны этого самаго сосуществованія* [1]). Исходнымъ пунктомъ теоріи Пухты является поэтому понятіе народа, имѣющаго естественную основу въ общемъ происхожденіи, въ тѣлесномъ и духовномъ родствѣ: народъ, какъ естественное цѣлое, можетъ возникать только «не искусственнымъ путемъ и не по свободному рѣшенію и хотѣнію» [2]); его членамъ Пухта приписываетъ особую «имъ присущую, никогда не находящуюся въ покоѣ силу развитія», и сообщающую имъ естественное единство и родство. Къ этой естественной связи Пухта присоединяетъ другую, заключающуюся въ извѣстномъ устройствѣ, которое дѣлаетъ изъ народа гражданское общество, государство. Сущность самаго духовнаго родства опредѣляется, какъ «родство способностей и убѣжденій» [3]). Какъ же дѣйствуетъ народъ, взятый въ такомъ смыслѣ? «*Дѣйствіе* (eine Handlung), говоритъ Пухта, *можетъ совершаться только отдѣльнымъ субъектомъ, а не цѣлымъ*... Собственно не можетъ быть рѣчи о рѣшеніи, принятомъ цѣлымъ, состоящимъ изъ многихъ лицъ. Поэтому онъ объявляетъ простой фикціей отождествленіе рѣшенія, принятаго единогласно или большинствомъ, съ рѣшеніемъ цѣлаго, но именно эту фикцію онъ и считаетъ непримѣнимою къ естественному цѣлому. «*Дѣятельность народа* въ естественномъ смыслѣ, по словамъ его, *можетъ состоять только въ невидимомъ, исходящемъ изъ его понятія, т.-е. изъ указаннаго родства вліянія на отдѣльныхъ членовъ народа*» [4]). Къ числу дѣятельностей народа «или, что то же, различныхъ направленій народнаго духа» относится и право. Національность оказываетъ вліяніе на умственныя способности человѣка вообще, между прочимъ, и на способность познаванія, въ особенности же на нравственную сторону человѣка. «Есть, говоритъ Пухта, воззрѣнія и убѣжденія, которыя принадлежатъ отдѣльной личности, не какъ таковой, а какъ члену народа, и которыя на этомъ естественномъ основаніи общи ей съ остальными членами этого народа. А это обозначаетъ не что иное, какъ то, что *источникъ этихъ воззрѣній заключается не въ единичномъ, но въ народномъ духѣ* (Volksgeist), *что такимъ образомъ эти убѣжденія суть дѣятельность народа*» [5]). Указавъ на существованіе такихъ убѣжденій правового характера, Пухта продолжаетъ такъ: «право... есть результатъ народной дѣятельности и притомъ такой, что отдѣльная личность оказывается способною къ правовому убѣжденію, не какъ таковая или не просто какъ членъ семьи, а какъ членъ народа, такъ что эта дѣятельность принадлежитъ исключительно народу въ противоположность къ указаннымъ состояніямъ» [6]). Выста-

[1]) Ibid., I, 133—134. [2]) Ibid., I, 134. [3]) Ibid., I, 137.
[4]) Ibid., I, 137—138. [5]) Ibid., I, 138—139. [6]) Ibid., 139.

вивъ такой тезисъ, Пухта отказывается отъ спора съ тѣми, которые иначе представляютъ себѣ *первоначальное* (подчеркнуто у автора) происхожденіе общаго убѣжденія, т.-е. не хотятъ признать, что источникъ его—въ «естественномъ родствѣ духа»[1]). Въ дальнѣйшемъ онъ развиваетъ свое основное положеніе.

«Право, — продолжаемъ изложеніе взгляда Пухты его собственными словами, — право покоится на общемъ убѣжденіи людей... Въ правѣ есть двѣ стороны, которыя не могутъ быть отдѣлены одна отъ другой безъ разрушенія самой идеи права. Одна состоитъ въ убѣжденіи о томъ, что есть право, другая—въ осуществленіи этого убѣжденія... Соотвѣтствующая праву охрана права возможна только посредствомъ óргана общей воли, т.-е. посредствомъ извѣстнаго устройства и въ государствѣ. Поэтому только та воля, которая производитъ это устройство, можетъ быть также и источникомъ права, но эта общая воля есть первоначально воля народа»[2]). Но, связывая идеи права и государства, Пухта оспариваетъ тѣмъ не менѣе мнѣніе, по которому производителемъ (Erzeuger) права является государство: и право, и государство суть одинаково произведенія народнаго духа, такъ что одно не могло породить другое[3]). Не довольствуясь такимъ результатомъ своего разсужденія, Пухта дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, разсматривая, какъ самъ онъ выражается, «способъ и образъ, какими народное убѣжденіе производитъ право, пути, по коимъ оно исходитъ изъ народнаго убѣжденія, формы его возникновенія». Источниковъ права онъ признаетъ три, ставя на первомъ мѣстѣ «непосредственно самый народъ», т.-е. «естественное согласіе убѣжденія, какъ оно непосредственно дается самою сущностью народа». Это непосредственное народное убѣжденіе проявляется, по словамъ Пухты, 1) «въ сознаніи членовъ народа, а потому естественно также, 2) въ ихъ дѣйствіяхъ, которыя происходятъ по этому убѣжденію и такимъ образомъ суть примѣненія права. Конечно, замѣчаетъ онъ, такія дѣйствія, разсматриваемыя сами по себѣ, суть *дѣйствія отдѣльныхъ личностей, ихъ совершающихъ, на въ основѣ ихъ въ то же время лежитъ нѣчто общее, которое именно въ томъ и состоитъ, что оно вытекаетъ изъ общаго убѣжденія, изъ духа народа*»[4]). Это — право нравовъ (das Recht der Sitte) или обычное право. Вторымъ источникомъ права авторъ называетъ законодательство: государственная власть, какъ представитель народа, «должна, во-первыхъ, узнать общую волю, а во-вторыхъ, ее осуществить»[5]). Впрочемъ, законодательную дѣятельность Пухта считаетъ болѣе формальною сравнительно съ двумя другими источниками права, такъ какъ у законодателя нѣтъ собственно ему принадлежащаго правового сознанія — свое содержаніе

---

[1]) Ibid., 140. [2]) Ibid., I, 141. [3]) Ibid., I, 142. [4]) Ibid., I, 144. [5]) Ibid., I, 145.

законы получаютъ либо непосредственно отъ народа, либо отъ юристовъ, хотя законодатель, съ другой стороны, можетъ санкціонировать «такое воззрѣніе народа или юристовъ, которое еще не выработалось въ твердое убѣжденіе, въ право или *безъ помощи законодателя, быть можетъ, никогда и не выработалось бы*». Третій источникъ права — наука. «Во всѣ времена, говоритъ Пухта, бываютъ въ народѣ *лица, которыя особенно свѣдущи въ правѣ* или по своему положенію, или по своимъ способностямъ. Однако, дѣятельностью этихъ лицъ, какъ единицъ, не производится никакого права: она скорѣе въ этомъ отношеніи чисто рецептивная, а сами они суть только носители (собственно сказано — Niederlagen) существующаго права. Но въ извѣстное время возникаетъ собственно научное изученіе права. Наука-то и есть нѣчто продуктивное» [1]): она создаетъ изъ отдѣльныхъ правовыхъ положеній органическое цѣлое и вноситъ измѣненіе въ содержаніе права. Все «различіе источниковъ права, говоритъ далѣе Пухта, вытекаетъ изъ того, что при возникновеніи права народъ дѣйствуетъ (ist thätig) частью непосредственно (и народъ, какъ таковой, *не можетъ проявлять свою дѣятельность, какъ чрезъ естественное вліяніе своего духа на своихъ членовъ*), частью посредственно, *чрезъ представителей, замѣщающихъ его при правообразованіи*, чрезъ законодателей и юристовъ». Право, непосредственно создаваемое самимъ народомъ, и есть обычное право [2]). Пухта прямо оспариваетъ мнѣніе, приписывающее происхожденіе обычнаго права отдѣльнымъ личностямъ. «Среди юристовъ, говоритъ Пухта, господствуетъ скорѣе молчаливое, нежели опредѣленно высказываемое воззрѣніе, что *обычное право ведетъ свое начало отъ отдѣльныхъ личностей*. Это заблужденіе порождается другимъ, именно мнѣніемъ, что *право возникаетъ чрезъ обычай* (die Sitte),... *при чемъ подъ обычаемъ разумѣютъ привычки* (die Gewohnheiten) *отдѣльныхъ лицъ*. Но, возражаетъ на это Пухта, *посредствомъ единицъ, какъ таковыхъ не можетъ возникнуть никакое право*, ни обычное, ни законное, ни юридическое. Ибо убѣжденіе отдѣльной личности не составляетъ никакого права, но разъ оно есть общее убѣжденіе, то эта общность, которою производится право, происходитъ изъ соединенія, въ коемъ онѣ (т.-е. отдѣльныя личности) существуютъ, не какъ простыя единицы, т.-е. изъ національнаго или государственнаго соединенія» [3]). Отдѣльныя личности только тогда могли бы производить право, если бы оно возникало изъ договора, но самую мысль объ этомъ Пухта отвергаетъ [4]). Что для насъ особенно интересно, Пухта разбираетъ здѣсь мнѣніе А. В. фонъ Шлегеля о сагѣ, которая, какъ выражается

[1]) Ibid., I, 146. [2]) Ibid., I, 147. [3]) Ibid., I, 152—153.

[4]) Между прочимъ, Пухта указываетъ на то, что «der Wille aller einzelnen als solcher wäre noch immer kein allgemeiner Wille» (157).

послѣдній, была «общею собственностью временъ и народовъ, но не ихъ общимъ произведеніемъ», такъ какъ то, что приписывается эпохамъ и народамъ, «*разрѣшается всегда при болѣе близкомъ разсматриваніи въ свойства и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ*». Такъ, замѣчаетъ Пухта, можно было бы говорить и относительно права, будто и оно, будучи общею собственностью народа, создается не всѣмъ народомъ, проявляющимъ только рецептивную дѣятельность и совсѣмъ лишеннымъ дѣятельности продуктивной, будто народъ съ полною вѣрою принимаетъ за право то, что ему таковымъ представляютъ его короли или судьи, которые такимъ образомъ якобы и производятъ право [1]. Такое мнѣніе онъ называетъ поверхностнымъ и тривіальнымъ. «*Чисто рецептивная дѣятельность*, аргументируетъ онъ, *есть нѣчто немыслимое*, а потому отрицать у народа дѣятельность продуктивную значило бы уничтожить самое понятіе народа». Пухта называетъ даже безсмысленнымъ (sinnlos) приписывать народамъ собственность на ихъ сагу, на ихъ право, отрицая въ то же время ихъ произведеніе народнымъ духомъ, какъ это сдѣлалъ Шлегель [2]. Главный аргументъ знаменитаго юриста, однако, тотъ, что «идея права относится къ людскому общежитію, а потому отдѣльныя лица могутъ имѣть правовое убѣжденіе не сами по себѣ, но именно въ этомъ сожительствѣ»: они «составляютъ органическое цѣлое, члены котораго образуютъ и духомъ котораго потому проникаются», вслѣдствіе чего они и имѣютъ правовое убѣжденіе, «какъ члены народа и лишь постольку, поскольку суть ими». Въ концѣ-концовъ, говоритъ Пухта, «право имѣетъ свой источникъ не въ убѣжденіи отдѣльныхъ лицъ, а скорѣе послѣднее имѣетъ источникъ въ народномъ духѣ» [3]. Отъ народно-правовыхъ воззрѣній Пухта отличаетъ учено-юридическія. «Научная дѣятельность, говоритъ онъ, не есть національная; *научныя убѣжденія не суть такія, которыя человѣкъ имѣетъ, какъ членъ народа, а такія, которыя онъ имѣетъ, какъ отдѣльная личность;* слѣдовательно, здѣсь непосредственно продуктивное — не народный духъ. Такимъ образомъ, если наука есть источникъ права, то онъ совершенно отличенъ отъ непосредственнаго народнаго убѣжденія и имѣетъ собственное значеніе. Но наука права имѣетъ національный предметъ, а потому она только тогда становится наукой, когда разсматриваетъ этотъ предметъ, какъ національный, т.-е. въ его истинности. Лишь постольку можетъ она имѣть ту продуктивную силу, которая принадлежитъ ей, какъ истинной наукѣ. Поэтому юристы должны дѣйствовать, какъ представители народа, если они хотятъ оказывать вліяніе на право», такъ что послѣднее создается все-таки народомъ, хотя въ данномъ случаѣ и нене-

---

[1]) Ibid., I, 153. [2]) Ibid., I, 154. [3]) Ibid., I, 155.

посредственно [1]). Наконецъ, Пухта доказываетъ еще, что правовыя убѣжденія народа заключены въ его обычаяхъ, и что не обычаи порождаютъ право, а наоборотъ, сами имъ порождаются. Словами «обычаи» и «привычка» характеризуется дѣйствіе, «возвращающееся при одинаковыхъ условіяхъ вслѣдствіе извѣстнаго лежащаго въ его основѣ, внутренняго и молчаливаго опредѣленія воли» [2]), при чемъ подъ привычкой разумѣется дѣйствіе единицы, какъ таковой, возвращающееся только вслѣдствіе того, что оно уже имѣло мѣсто при подобныхъ же обстоятельствахъ, тогда какъ обычай «имѣетъ основу не въ отдѣльной личности, какъ таковой, но въ убѣжденіи, общемъ ей съ другими и возникшемъ естественнымъ путемъ» [3]). Пухта потому считаетъ правовое сознаніе источникомъ обычая, что оно-то и есть то опредѣленіе воли, которое сообщаетъ дѣйствію предикатъ обычая [4]),—и кромѣ того доказываетъ, что обычай не можетъ возникнуть изъ привычекъ: «дѣйствіе превращается въ обычай въ силу лежащаго въ его основѣ убѣжденія, которое требуетъ повторенія, а не въ силу самого повторенія» [5]).

Все это ученіе Пухты подвергалось критикѣ, конечно, не одинъ разъ, между прочимъ и въ русской литературѣ [6]), при чемъ были отмѣчены и такія его стороны, которыя имѣютъ особый интересъ для насъ. Напр., по замѣчанію С. А. Муромцева, «у Пухты правовый порядокъ получаетъ самобытное существованіе, *народноправовое убѣжденіе отличается рѣзко отъ убѣжденій отдѣльныхъ членовъ народа*». Поводомъ къ этому, по словамъ критика, могло послужить «извѣстное наблюденіе, удостовѣряющее, что дѣятельность общественнаго союза не можетъ быть сведена на сумму дѣятельностей членовъ его, отдѣльно взятыхъ, что сила каждаго лица, вступившаго въ союзъ, своеобразно увеличивается вслѣдствіе соединенія съ силами другихъ лицъ. Но, продолжаетъ онъ, понятное и выраженное неправильно, оно привело къ совершенно ошибочному представленію о процессѣ образованія права. *Этотъ процессъ объективировался. Образованіе права происходитъ какъ бы внѣ отдѣльныхъ лицъ, въ недоступной имъ области олицетвореннаго народнаго духа*» [7]). Одну изъ логическихъ ошибокъ Пухты С. А. Муромцевъ весьма основательно усматриваетъ въ томъ, что у него «*отрицаніе произвола въ процессѣ образованія права было передѣлано въ отрицаніе участія человѣческой дѣятельности*, а самый процессъ объективированъ. Этимъ путемъ, продолжаетъ нашъ критикъ, онъ вырывался окончательно изъ рукъ про-

---

[1]) Ibid., I, 165—166. [2]) Ibid., I, 167. [3]) Ibid., I, 168.
[4]) Ibid., I, 169. [5]) Ibid., I, 170 sq.

[6]) Подробнѣе критика ученія Пухты нѣкоторыми русскими юристами изложена въ уже указанной моей статьѣ.

[7]) *Муромцевъ*. Образованіе права, 8.

извола; правовая дѣйствительность, сложившаяся въ силу исторической необходимости, обусловленной свойствами народнаго духа, становилась внѣ вліянія личной воли» [1]). С. А. Муромцевъ основательно ссылается при этомъ на Безелера, одного изъ послѣдователей исторической школы, замѣтившаго «ускользнувшій отъ вниманія Пухты фактъ, что *народно-правовое убѣжденіе не дѣйствуетъ непосредственно черезъ всю массу народа, но выражается и руководится въ различной степени различными индивидуумами*». Не ограничивая притомъ значенія законодателя однимъ пассивнымъ воспроизведеніемъ обычнаго права, Безелеръ указываетъ на его творческую дѣятельность, не идущую въ разрѣзъ съ народнымъ убѣжденіемъ [2]). Общій приговоръ С. А. Муромцева тотъ, что аналогіи, къ коимъ охотно прибѣгала историческая школа, «внесли въ юриспруденцію туманъ, покрывшій собою процессъ образованія права въ его деталяхъ и надолго скрывшій ихъ отъ изслѣдователя» [3]). Утверждая зависимость права отъ народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ желая показать, какъ данное содержаніе юридическихъ нормъ обусловлено всѣмъ прошедшимъ ходомъ народной исторіи, писатели исторической школы удовлетворялись общимъ указаніемъ на народное убѣжденіе, тогда какъ именно требовалось изслѣдованіе факторовъ, образующихъ право [4]), «изслѣдованіе, которое показало бы, какимъ путемъ жизнь даетъ содержаніе «правовому убѣжденію» и вытекающему изъ него праву, и, служа общимъ источникомъ того и другого, связываетъ ихъ прошедшее съ настоящимъ». Поэтому-то «отъ науки, говоритъ С. А. Муромцевъ, ускользнулъ процессъ образованія народнаго убѣжденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ начала до того момента, когда убѣжденіе принимаетъ наконецъ видъ юридической нормы» [5]). И процессъ постепеннаго историческаго образованія обычнаго права игнорировался точно такъ же, какъ игнорировался тотъ же процессъ по отношенію къ самому народно-правовому убѣжденію [6]). Такъ какъ при объективизмѣ, предполагающемъ, что правовые принципы имѣютъ самобытное значеніе, «умаляется интересъ, который имѣетъ изслѣдованіе права, какъ совокупности результатовъ исторической дѣятельности человѣчества», то историческая школа и не замѣчала, что образованіе права «*всегда соединено, какъ съ непремѣннымъ условіемъ, съ извѣстною затратою психическаго труда*» [7]).

«Пухта, по словамъ Коркунова, объективируетъ понятіе (народнаго духа). Онъ видитъ въ немъ какую-то силу, дѣйствующую въ организмѣ народной жизни и существующую *независимо отъ сознанія отдѣльныхъ членовъ народа*... Народный духъ все производитъ изъ себя

[1]) Ibid., 9. [2]) Ibid., 10. [3]) Ibid., 15. [4]) Ibid., 21.
[5]) Ibid., 22. [6]) Ibid., 23. [7]) Ibid., 28.

въ народной жизни, въ томъ числѣ и право, такъ что отдѣльныя личности *не имѣютъ никакого активнаго участія въ его образованіи*; не ихъ сознаніемъ обусловливается то или другое развитіе права, а свойствами народнаго духа. Поэтому, если Савиньи говоритъ еще объ образованіи права, какъ объ общемъ дѣлѣ (eine gemeinschaftliche That), то у Пухты идетъ рѣчь, напротивъ, *объ естественномъ саморазвитіи* (Naturwüchsigkeit) права» [1]. «Это ученіе исторической школы, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, представляется, конечно, крайнимъ преувеличеніемъ идеи закономѣрности историческаго развитія права. Возставая противъ признанія права продуктомъ личнаго произвола, *историческая школа естественно пришла къ совершенному отрицанію какого-либо значенія личной воли въ развитіи права.* По вѣрному замѣчанію проф. Коркунова, «такой взглядъ на развитіе права не только не представляется необходимымъ послѣдствіемъ историческаго направленія, но даже находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ историческимъ пониманіемъ права. *Исторія не есть какъ-то самъ собою совершающійся процессъ, по отношенію къ которому люди являются лить безучастными свидѣтелями. Исторія слагается именно изъ людскихъ дѣйствій, творится людьми.* Если таковъ характеръ исторіи вообще, не можетъ имѣть иного характера въ частности и исторія права. *Главнымъ, непосредственно дѣйствующимъ факторомъ исторіи права также служатъ дѣйствія людей*» [2].

И проф. Сергѣевичъ указываетъ на то, что «теорія Пухты, хотя она возникла и на исторической почвѣ, не можетъ быть, однако, названа дѣйствительно исторической». Дѣло въ томъ, что «исторія представляетъ *значительное разнообразіе силъ, созидавшихъ право въ разныя историческія эпохи, смотря по особенностямъ этихъ эпохъ.* Пухта не ставитъ себѣ задачей выясненіе историческаго процесса развитія источниковъ. Онъ даетъ общую теорію для настоящаго; эту теорію онъ выводитъ, какъ результатъ всего предшествовавшаго юридическаго развитія Германіи. Исторія является здѣсь пособіемъ, а не предметомъ изслѣдованія». Проф. Сергѣевичъ обращаетъ особое вниманіе на то, что «основная точка отправленія—бытіе единаго народнаго убѣжденія — нигдѣ не доказывается, какъ положительный историческій фактъ, а имѣетъ значеніе только философски объединяющаго предположенія» [3]. «Историческіе памятники древнѣйшаго времени, говоритъ тотъ же ученый въ другомъ мѣстѣ, не знаютъ обычаевъ, которые были бы дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа; они имѣютъ дѣло съ дробными обычаями отдѣльныхъ мѣстностей, ко-

---

[1]) *Н. Коркуновъ.* Лекціи по общей теоріи права. I, 103.

[2]) Ibid., I, 110.

[3]) *В. Сергѣевичъ.* Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб. 1883. Стр. 79.

торые являются объединенными въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ племенъ, а никакъ не цѣлаго народа... [1]). Между обычными правами отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются нѣкоторыя сходства въ частностяхъ. Но такія отдѣльныя сходства можно найти и между правами совершенно различныхъ народовъ. Эти сходства, слѣдовательно, нѣтъ надобности выводить изъ единства народнаго духа» [2]). Въ другомъ мѣстѣ проф. Сергѣевичъ по поводу ученья Савиньи высказываетъ еще ту мысль, что «народное сознаніе есть только сумма согласныхъ сознаній отдѣльныхъ лицъ», что же касается до послѣднихъ, то сознаніе отдѣльныхъ лицъ «обусловливается тѣми разнообразными бытовыми и историческими вліяніями, подъ дѣйствіемъ которыхъ состоятъ эти лица». При такомъ взглядѣ онъ, конечно, не допускаетъ, чтобы народное сознаніе было послѣднимъ основаніемъ права [3]).

Эти критики совершенно подрываютъ теорію Пухты и притомъ съ разныхъ ея сторонъ. Проф. Муромцевъ особенно вооружился въ этой теоріи противъ того, что называется у него объективированіемъ процесса правообразованія, что мы, съ своей стороны, обозначили бы, какъ сведеніе этого процесса къ безличной эволюціи: онъ выдвигаетъ самъ идею психическаго труда, идею человѣческаго творчества, которымъ и создается объективный порядокъ. Весьма важно отмѣтить, что критикъ признаетъ притомъ, что факторы, образующіе право, принимаютъ участіе въ этой работѣ не въ одинаковой степени: это соотвѣтствуетъ нашему общему представленію о неравенствѣ человѣческаго дѣйствія въ исторіи, о градаціи историческихъ агентовъ по степени и формѣ ихъ участія въ исторіи [4]). Проф. Коркуновъ, подчеркивая невѣрность общаго представленія исторіи, какъ безличной эволюціи (Naturwüchsigkeit), указываетъ на противорѣчіе, въ какомъ «историческая школа» находится съ «историческимъ пониманіемъ» права: критикъ отмѣчаетъ немыслимость исторіи безъ людской дѣятельности. На этомъ противорѣчіи особенно настаиваетъ проф. Сергѣевичъ, обращая преимущественное вниманіе на разнообразіе силъ, создающихъ право, и на то, что единаго народнаго убѣжденія въ томъ смыслѣ, въ какомъ его принимаетъ Пухта, никогда не существовало и не можетъ вообще существовать. Указаніе на разнообразіе силъ вполнѣ гармонируетъ съ той исторической теоріей, которую мы излагаемъ въ настоящемъ трудѣ, а отрицаніе единаго народнаго убѣжденія—съ нашимъ представленіемъ о групповыхъ общественныхъ

---

[1]) Мы распространили бы это замѣчаніе на всякія вообще группы, на какія только распадается каждое общество.

[2]) *Сергѣевичъ.* Лекціи, 81.

[3]) *Сергѣевичъ.* Задача и метода государственныхъ наукъ, 150.

[4]) См. выше, стр. 13 и слѣд., особенно 269 и слѣд.

явленіяхъ. Вотъ почему мы не только остановились на воззрѣніяхъ названныхъ русскихъ юристовъ, но и вернемся къ нимъ еще разъ.

Но возвратимся къ самому ученію Пухты. Съ точки зрѣнія вопроса о роли личности въ исторіи и о ея положеніи въ обществѣ оно представляется намъ принадлежащимъ къ числу тѣхъ, которыя настаиваютъ на безусловной зависимости индивидуума отъ окружающей его соціальной среды или того, что самъ Пухта называетъ народомъ. Ошибка Пухты, прежде всего, въ томъ, что эта среда является у него какимъ-то изначальнымъ фактомъ, которому ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ, тогда какъ она сама есть продуктъ человѣческой же дѣятельности [1]), а затѣмъ ошибка его еще въ томъ, что зависимость индивидуума отъ среды является у него безусловной, тогда какъ на дѣлѣ индивидуальное сознаніе сплошь и рядомъ — въ большей или меньшей степени и по отношенію къ большему или меньшему числу предметовъ—эманципируется отъ сознанія коллективнаго. Конечно, существующая соціальная среда вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на отдѣльныя личности и по отношенію къ нимъ играетъ роль чего-то существующаго помимо ихъ воли и отъ нихъ независимаго; но не нужно забывать, что сама эта среда для каждаго историческаго момента есть продуктъ жизненной дѣятельности прежнихъ поколѣній, которыя ее создали такою, какова она есть, и что она постепенно видоизмѣняется и дѣятельностью тѣхъ личностей, по отношенію къ коимъ мы говоримъ только объ ея на нихъ вліяніи. Другими словами, духъ народа, обусловливающій собою индивидуальныя души, самъ создается дѣятельностью этихъ душъ. Самъ Пухта приписываетъ «силу развитія» не народу, какъ цѣлому, а его отдѣльнымъ членамъ, и они-то также, по его представленію, являются дѣйствующими, а не то цѣлое, въ составъ котораго они входятъ. Пухта, однако, видитъ только вліяніе народнаго духа на единичный, совершенно умалчивая о вліяніи обратномъ: если единица и дѣйствуетъ, то только подъ вліяніемъ народнаго духа, какъ будто у нея нѣтъ ничего своего, индивидуальнаго, прирожденнаго ей или ею переработаннаго, а въ такомъ случаѣ она и не можетъ оказать никакого видоизмѣняющаго вліянія на народный духъ. Индивидуумы у Пухты подгоняются всѣ подъ одну мѣрку, подъ одну категорію одинаковыхъ носителей общихъ свойствъ народнаго духа: настаивая на «родствѣ способностей и убѣжденій», онъ обходитъ молчаніемъ тѣ групповыя и индивидуальныя разнообразія, которыя наблюдаются среди одного и того же народа, а потому, конечно, не упоминаетъ о происходящемъ въ народѣ психическомъ взаимодѣйствіи между личностями и между группами (племенами, общинами, сословіями, классами, культурными слоями, пар-

[1]) См. выше, гл. II, второй части.

тіями, профессіями), имѣющими также свое особое сознаніе. Дѣйствительныя явленія жизни, о которыхъ юристу трудно было бы умолчать къ общей теоріи права, заставляютъ Пухту въ частностяхъ противорѣчить своему основному взгляду. Отрицая дѣятельность личностей, какъ таковыхъ, а не какъ простыхъ носительницъ общаго имъ со всѣми другими народнаго духа, отрицая въ силу этого возможность у законодателя такого правового сознанія, которое принадлежало бы ему самому, т.-е. не было бы въ то же время сознаніемъ народа (или юристовъ), Пухта допускаетъ тѣмъ не менѣе, что законодатель (т.-е отдѣльная личность или совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей) можетъ своей санкціей содѣйствовать превращенію въ общенародное убѣжденіе такихъ воззрѣній, которыя этого значенія безъ него не получили бы, т.-е., сказали бы мы, законодатель вноситъ измѣненіе въ общенародное правосознаніе, превращая въ общее убѣжденіе то, что таковымъ не было, и было только личнымъ его, законодателя (или группы), убѣжденіемъ. Это разъ. Во-вторыхъ, Пухта не могъ оставить безъ вниманія и класса правовѣдовъ, спеціалистовъ права. Совершенно въ духѣ своей теоріи онъ дѣлаетъ изъ нихъ простые «склады» общенароднаго правосознанія, отрицая продуктивное значеніе ихъ дѣятельности: послѣдняя, по его словамъ, чисто рецептивная, т.-е. они воспринимаютъ въ себя изъ народнаго сознанія существующее право, сами не творя ничего. Сказать то же самое объ ученыхъ юристахъ Пухта, конечно, не рѣшается: они продуктивны, они объединяютъ право въ цѣломъ, измѣняютъ его въ частностяхъ. Но, спрашивается, что мѣшаетъ распространить это и на болѣе раннихъ правовѣдовъ, подготовившихъ ученую юриспруденцію? Неужели ихъ головы были въ буквальномъ смыслѣ складами, куда «народъ» самъ сносилъ и свое общее пониманіе правовыхъ отношеній, и тѣ измѣненія, которыя производилъ въ частныхъ проявленіяхъ права? Наоборотъ, разъ потребности жизни вызвали къ бытію — особыхъ знатоковъ права, послѣдніе не могли не начать проявленія надъ нимъ своего творчества въ смыслѣ ли его систематизаціи, не могущей быть дѣломъ всего народа, въ смыслѣ ли частныхъ измѣненій въ зависимости отъ собственныхъ воззрѣній на вещи или отъ подмѣченныхъ ими же самими несоотвѣтствій существующаго права съ житейскими отношеніями, имъ регулируемыми. «Такіе представители, какъ говоритъ самъ Пухта, замѣняющіе народъ при правообразованіи», т.-е. законодатели и правовѣды могутъ вѣдь имѣть и свои мысли относительно права, да оно обыкновенно такъ и бываетъ, и должно быть, и эти мысли могутъ быть усваиваемы и другими. Послѣднее опять кажется Пухтѣ невѣроятнымъ, вслѣдствіе чего онъ, напр., не допускаетъ происхожденія обычаевъ изъ воззрѣній отдѣльныхъ личностей, принятыхъ другими. Конечно, «убѣжденіе отдѣльной личности не мо-

жетъ составлять никакого права», но оно можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ другихъ, посредствомъ усвоенія ими того, что было первоначально мыслью отдѣльной единицы (конечно, если для этого усвоенія есть данныя): такое явленіе обходится безъ формальнаго договора. И оспариваемое Пухтою перенесеніе на право воззрѣнія Шлегеля на народную поэзію, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрно: и обычное право, подобно народной пѣсни, будучи общимъ достояніемъ, въ концѣ концовъ не есть общее произведеніе. Аналогія между обычнымъ правомъ и народной поэзіей, въ которой, наконецъ, перестали видѣть какой-то продуктъ олицетвореннаго народнаго генія, дѣйствительно существуетъ. Замѣтимъ еще, что и самъ Пухта признаетъ для права юристовъ источникъ въ личныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ правовѣдовъ, которые такимъ образомъ эманципируютъ свое право отъ общенароднаго правосознанія: тутъ оно перестаетъ быть всепоглощающимъ, но еще сомнительно, чтобы оно было таковымъ и въ раннюю эпоху, когда право складывалось, и личность въ своихъ дѣйствіяхъ руководилась иногда просто одними собственными инстинктами. Непосредственно продуктивнымъ бываетъ не народный духъ и на раннихъ ступеняхъ правообразованія, а не тогда только, когда является право юристовъ. Впрочемъ, признаніе послѣдняго съ его источникомъ въ индивидуальныхъ убѣжденіяхъ есть уже значительный подрывъ для теоріи. Правда, для ея спасенія Пухта придумываетъ оговорку объ особыхъ условіяхъ, когда юриспруденція можетъ быть продуктивна, но не совсѣмъ ясно, чего именно онъ требуетъ отъ юристовъ, когда желаетъ, чтобы они разсматривали свой предметъ, какъ національный, т.-е. въ его истинности.

Мало-по-малу на смѣну положеній, высказанныхъ Савиньи и Пухтою и затѣмъ повторявшихся безъ всякой почти критики, стало приходить новое ученіе. Въ многочисленныхъ, но долго остававшихся разрозненными замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ по литературѣ предмета, «были, какъ говоритъ С. А. Муромцевъ, подмѣчены иныя стороны процесса (образованія права) и было замѣчено, что онъ происходитъ *при болѣе и менѣе дѣятельномъ участіи въ немъ всего общества или отдѣльныхъ его членовъ...* Образованіе юридическихъ воззрѣній приписывается *непосредственной дѣятельности индивидуумовъ*, дѣйствующихъ, конечно, не произвольно, но въ гармоніи со всѣмъ направленіемъ жизни общества. Позднѣе уже смѣло утверждаютъ полную и неограниченную измѣняемость права и признаютъ въ народно-правовомъ убѣжденіи *результатъ взаимодѣйствія убѣжденій отдѣльныхъ членовъ народа...* Относительно обычнаго права замѣчаютъ далѣе, что оно не сразу сознается цѣлымъ обществомъ. *Принадлежащія сюда нормы высказываются первоначально отдѣльными, наиболѣе авторитетными личностями и затѣмъ постепенно принимаются дру-*

гими» [1]). Общій недостатокъ подобныхъ замѣчаній состоялъ, однако, въ томъ, что, выраженныя разрозненно и безъ рѣшительнаго намѣренія оказать вліяніе на сущность ученія о правообразованіи, они не могли произвести должнаго впечатлѣнія, и впервые взглядъ Іеринга объединялъ всѣ прежде сдѣланныя поправки. «Положеніе, которое я противопоставляю этому ученію, говоритъ самъ Іерингъ въ своемъ знаменитомъ «Духѣ римскаго права», заключается въ слѣдующемъ: исторія права началась желѣзнымъ періодомъ, *тяжелою борьбою и работою человѣческаго разума; намѣреніе*, *рефлексія*, *сознаніе*, *расчетъ дѣйствовали уже при возникновеніи права*, юридическое искусство уже существовало при колыбели его. Какъ теперь понятія не достаются намъ сами собою, но должны пріобрѣтаться нами *трудомъ и напряженіемъ нашихъ силъ*, такъ, а не иначе было также въ ту историческую эпоху, когда образовывались основныя понятія права; и мнѣніе, полагающее, что народы не нуждались во время своего дѣтства въ отысканіи и выработкѣ понятій собственности, обязательства и др.. но нашли эти понятія готовыми, не лучше другого мнѣнія, по которому люди получили изъ рукъ природы въ готовомъ видѣ свои дома, плуги и т. п. Но какъ ради полученія этихъ послѣднихъ *надо было думать*, *работать*, *допытываться* въ продолженіе столѣтій, точно такъ же и притомъ въ несравненно большей степени приходилось поступать относительно юридическихъ понятій. Всюду долженъ былъ пройти *періодъ пробъ и исканій, колебаній и неопредѣленности*, прежде нежели эти понятія приняли опредѣленныя, твердыя формы, въ которыхъ они выступаютъ передъ нами въ доступный для насъ періодъ времени» [2]).

Взглядъ, высказанный Іерингомъ въ этихъ словахъ, былъ подробнѣе развитъ имъ въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Борьба за право» [3]). «Всякое право въ мірѣ, говоритъ Іерингъ въ этомъ сочиненіи, должно быть добыто борьбой... Право есть непрерывная работа и не только исключительная работа государственной власти, *но и цѣлаго народа.* Если мы окинемъ однимъ взглядомъ всю совокупность правовой жизни, то она представитъ намъ то же зрѣлище неустанной борьбы и работы всей націи, какое представляется намъ въ области экономической или умственной дѣятельности. *Каждый индивидуумъ*, *который поставленъ въ необходимость защищать свое право*, *принимаетъ участіе въ этой національной работѣ*, приноситъ

---

[1]) *С. Муромцевъ.* Образованіе права, 30. Ср. примѣч. на стр. 31, гдѣ указаны сочиненія, заключающія въ себѣ такія замѣчанія.

[2]) *R. v. Ihering*. Geist des römischen Rechts. III, 2. Привожу эти слова по готовому переводу С. А. Муромцева. Ср. съ тѣмъ, что изъ взглядовъ Іеринга было приведено выше, стр. 400 и слѣд.

[3]) Kampf ums Rechts.

свою лепту для осуществленія правовой идеи на землѣ» [1]). Конечно, послѣднее не относится ко всѣмъ въ одинаковой степени, ибо безъ борьбы протекаетъ жизнь тысячей индивидуумовъ по установившимся путямъ права. Доказывая свою общую мысль, Іерингъ прежде всего обращаетъ вниманіе на тотъ неоспоримый фактъ, что для государствъ поддержаніе правового порядка есть не что иное, какъ непрерывная борьба противъ беззаконія, которое стремится его нарушить: этотъ тезисъ нечего и доказывать. «Но, продолжаетъ онъ, нѣчто другое представляется въ отношеніи происхожденія права и не только его первоначальнаго происхожденія при началѣ исторіи, но и его ежедневнаго, на нашихъ глазахъ повторяющагося обновленія, возвышенія существующихъ институтовъ, ограниченія прежнихъ правовыхъ положеній новыми, короче сказать—поступательнаго движенія права». Свое воззрѣніе авторъ «Борьбы за право» прямо противополагаетъ тутъ теоріи Савиньи-Пухты, по которой, какъ онъ говоритъ, «образованіе права совершается такъ же незамѣтно, безболѣзненно, само собою, какъ и образованіе языка, не требуетъ не только усилія, борьбы, но и попытокъ», будучи «дѣйствующей въ тиши силой истины, которая безъ всякаго насилія, медленно, но вѣрно пролагаетъ себѣ путь силой убѣжденія, которая овладѣваетъ умами и которая выражается въ ихъ поступкахъ» [2]). Согласившись съ тѣмъ, что право, подобно языку, имѣетъ невидимое, безсознательное, органическое развитіе, и отнесши сюда, во-первыхъ, «всѣ тѣ правовыя положенія, которыя изъ самостоятельно дѣйствующихъ въ области права отдѣльныхъ правовыхъ случаевъ мало-по-малу складываются въ обычаи», а во-вторыхъ, «тѣ отвлеченія, послѣдовательныя заключенія и правила, которыя беретъ наука изъ предшествующаго права и преобразуетъ путемъ діалектики въ понятія», Іерингъ оговаривается, что сила обоихъ этихъ факторовъ, т.-е. обычая и науки есть ограниченная: «она, говоритъ онъ, можетъ регулировать движеніе по существующимъ уже путямъ, помогать ему, но не можетъ прорвать плотины, которая препятствуетъ проложить потоку новое направленіе». Сдѣлать послѣднее въ состояніи «только законъ, т.-е. намѣренное, къ этой цѣли направленное дѣйствіе государственной власти...» [3]). Часто перемѣна затрогиваетъ слишкомъ сильно существующее право и частные интересы, что вызываетъ значительное сопротивленіе со стороны угрожаемыхъ интересовъ, а слѣдовательно и борьбу. Только этимъ Іерингъ и объясняетъ тотъ фактъ, что учрежденія, противъ которыхъ давно уже высказывается общественное мнѣніе, еще долго существуютъ. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ существующее право

---

[1]) *Р. ф. Іерингъ*. Борьба за право. М. 1874. Стр. 12.

[2]) Ibid., 14—15. [3]) Ibid., 15.

находится въ связи съ интересами, новое право устанавливается путемъ борьбы, которая часто продолжается цѣлыя столѣтія» [1]).

Іерингъ особенно выдвигаетъ на видъ эту идею борьбы. Сравнивая право съ языкомъ и искусствомъ, онъ находитъ, что послѣдніе два элемента культуры развиваются совершенно иначе. По собственнымъ его словамъ, «человѣческому духу, который безсознательно работаетъ надъ образованіемъ языка, при этомъ не представляется никакого сильнаго сопротивленія. Искусство, продолжаетъ онъ, также не имѣетъ другого противника, кромѣ своего собственнаго прошедшаго и господствующаго вкуса». Поэтому Іерингъ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ сравненія развитія права съ развитіемъ языка. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что и развитіе права точно такъ же, какъ и развитіе языка, слѣдуетъ опредѣленнымъ законамъ, какъ и то, что оно удаляется по существу и формѣ отъ послѣдняго, и потому мы должны въ этомъ смыслѣ совершенно отказаться отъ проведенной Савиньи параллели... между правомъ, съ одной стороны, и языкомъ и искусствомъ, съ другой» [2]). Ученіе Савиньи, по выраженію его критика, «обольщаетъ человѣка въ такой области, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать съ полнымъ, яснымъ сознаніемъ цѣли, напрягая всѣ свои силы,—обольщаетъ тѣмъ, что *дѣло дѣлается само собою, что онъ лучше сдѣлаетъ, если положитъ руки въ карманъ и будетъ довѣрчиво ждать, что мало-по-малу появится на свѣтъ изъ источника права—національнаго правового убѣжденія*» [3]).

Вотъ новѣйшее ученіе, которое, несомнѣнно, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ С. А. Муромцевъ, «отводитъ должное мѣсто явленію, одностороннее преувеличеніе котораго составляло грѣхъ «естественнаго» ученія о правѣ, а излишнее умаленіе— промахъ «историческаго» воззрѣнія. Право составляетъ продуктъ человѣческой дѣятельности, хотя и не такой, какая предполагалась въ этомъ случаѣ юристами естественной школы. Современное воззрѣніе, заключаетъ онъ,соединяетъ вмѣстѣ вѣрный элементъ обоихъ ученій, — естественнаго и историческаго,—и отбрасываетъ ихъ ложные элементы» [4]). Съ этимъ приговоромъ мы тѣмъ болѣе не можемъ не согласиться, что сами держимся того воззрѣнія, въ силу коего научная теорія эволюціи отдѣльныхъ элементовъ культуры (въ томъ числѣ и права, конечно) должна быть примиреніемъ двухъ противоположныхъ ученій о генезисѣ и исторіи элементовъ культуры, т.-е. ученія о свободномъ творчествѣ личности, господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ, и ученія о безличномъ саморазвитіи, сдѣлавшагося извѣстнымъ только въ XIX вѣкѣ. Сравнивая теорію Іеринга съ воззрѣніемъ исторической школы, юристы

---

[1]) Ibid., 16. [2]) Ibid., 17. [3]) Ibid., 17—18.

[4]) *С. Муромцевъ.* Образованіе права, 33.

обыкновенно обращаютъ особое вниманіе не на то, что для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ главный интересъ, не на противоположность между концепціей безличной эволюціи и концепціей личнаго дѣйствія въ исторіи [1]). Между тѣмъ, эта противоположность существуетъ не въ однихъ только юридическихъ воззрѣніяхъ, въ виду чего сопоставленіе ученій Пухты и Іеринга получаетъ особый интересъ. Конечно, къ только-что отмѣченной разницѣ не сводятся всѣ разногласія исторической школы и новаго воззрѣнія, и поднятые оппозиціей Іеринга вопросы могутъ рѣшаться въ ту или другую сторону независимо отъ того, въ чемъ мы будемъ полагать сущность процесса правообразованія [2]). Іерингъ, конечно, не единственный юристъ, выдвигающій идею людского творчества противъ идеи безличнаго саморазвитія. Въ нашей юридической литературѣ также высказываются аналогичныя воззрѣнія, отчасти подъ вліяніемъ ученія Іеринга, отчасти вполнѣ самостоятельно, въ виду прямо бросающихся въ глаза недостатковъ ученія исторической школы. Мы привели выше критическія замѣчанія на теорію Пухты троихъ изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, имѣя въ виду ихъ собственные взгляды на этотъ предметъ, заслуживающіе быть отмѣченными рядомъ съ ученіями нѣмецкой юриспруденціи.

«Первый основной и элементарный фактъ въ процессѣ образованія права, говоритъ С. А. Муромцевъ, и состоитъ въ томъ, что появленіе юридическихъ нормъ, въ извѣстномъ обществѣ, насколько ихъ возникновеніе доступно наблюденію, *бываетъ всегда связано съ дѣятельностью самого общества, которая выражается такъ или иначе въ дѣятельности большаго или меньшаго числа членовъ его*». Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ закономѣрность правовой эволюціи, не ее выдвигаетъ, однако, Муромцевъ на первый планъ, а именно то, что творчество права «всегда соединено, какъ съ непремѣннымъ условіемъ, съ извѣстною затратою психическаго труда» [3]): исторіи права онъ прямо ставитъ задачей «изслѣдованіе *условій, при которыхъ проявляется эта психическая дѣятельность, ея формъ и послѣдствій*» [4]). Принимая, однако, что право вырабатывается дѣятельностью человѣка и общества, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаётъ, что «каждый актъ этой дѣятельности не составляетъ чего-либо произвольнаго и изолирован-

---

[1]) Ср. *Муромцевъ*, 33—37. *Коркуновъ*. I. 111—112.

[2]) Въ статьѣ «Два взгляда на процессъ правообразованія» нами было приведено мнѣніе о теоріи Іеринга, высказанное профессоромъ *Дювернуа* (Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву. Спб. 1889), само по себѣ доказывающее, что юристы могутъ говорить о спорѣ Іеринга съ исторической школой, вовсе не касаясь вопроса, насъ въ этомъ спорѣ главнымъ образомъ и интересующаго.

[3]) *Муромцевъ*. Происхожденіе права, 28. [4]) Ibid., 29.

наго, но обусловленъ результатами предшествовавшихъ ему актовъ и всѣми сопровождающими его обстоятельствами», между коими главное мѣсто отводится имъ «совокупности условій, вытекающихъ изъ природы человѣка и общества». Для насъ въ ученіи этого ученаго не малый интересъ представляетъ и то, что, отказываясь отъ воззрѣній исторической школы съ ея безличной эволюціей, защищая идею творчества (психическаго труда), онъ тѣмъ не менѣе удерживаетъ изъ пріобрѣтеній исторической школы идею закономѣрной эволюціи, по которой располагаются отдѣльные акты психическаго труда. Иными словами, Муромцевъ высказывается за синтезъ двухъ противоположныхъ воззрѣній. Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что находитъ одинаково неправильными взгляды, высказывавшіеся относительно обычая и убѣжденія какъ до исторической школы, такъ и этою послѣднею. Прежде думали, что убѣжденіе складывается изъ обычая, а историческая школа провозгласила, что обычай родится изъ убѣжденія, такъ какъ убѣжденіе (психическое состояніе людей, соблюдающихъ обычный порядокъ) и обычай (внѣшній образъ дѣйствій тѣхъ же людей) составляютъ только двѣ стороны одного и того же предмета, возникающія и развивающіяся параллельно. Т.-е. съ точки зрѣнія своего синтеза, примиряющаго вѣрныя мысли противоположныхъ воззрѣній, онъ отвергаетъ мысли невѣрныя [1]). Кромѣ того, онъ указываетъ на то, что обычное право не есть единственный источникъ права въ раннюю эпоху жизни народа. Во-первыхъ, такимъ источникомъ бываетъ сдѣлка, «въ которой формулируется юридическая норма,— *только не сразу, а путемъ послѣдовательной разработки ряда случаевъ*. Одинаковыя сдѣлки повторяются, повторяются одинаковыя рѣшенія, образуется сила прецедента и складывается обычное право. Будучи повторена въ сотый или тысячный разъ, сдѣлка не создаетъ новую норму, но лишь примѣняетъ норму, сложившуюся прежде при ея же содѣйствіи, а теперь перешедшую въ обычай. *Незамѣтно, въ каждой новой сдѣлкѣ что-либо новое можетъ присоединиться къ старому, и тогда сдѣлка выступаетъ въ качествѣ средства, которое видоизмѣняетъ обычай*. И, прибавляетъ Муромцевъ, никогда сдѣлка не утрачиваетъ своего творческаго значенія», а «такимъ образомъ развивается право путемъ казуальнаго творчества». Во-вторыхъ, то же творчество сказывается и въ судебномъ рѣшеніи [2]), при чемъ «*выдающіяся личности среди судей отличаются созидательною дѣятельностью, остальныя же повторяютъ старыя судебныя рѣшенія*» [3]). Въ только-что приведенныхъ мѣстахъ русскій юристъ мимоходомъ касается очень интересныхъ вещей. Одна изъ нихъ (накопленіе прецедентовъ путемъ подражанія первому случаю) была разсмотрѣна и

[1]) Ibid., 23. [2]) Ibid., 24. [3]) Ibid., 25.

проф. Сергѣевичемъ, когда онъ коснулся вопроса о происхожденіи обычнаго права: тутъ мы имѣемъ дѣло съ инициіативой, подхватываемой подражаніемъ, и на это же указываетъ проф. Муромцевъ, когда говоритъ о выдающихся судьяхъ, отличающихся созидательною дѣятельностью, и о такихъ, которые способны только къ подражанію. Другая вещь—мелкія индивидуальныя инноваціи, видоизмѣняющія всякій элементъ культуры.

«*Съ исторической точки зрѣнія*, говоритъ еще С. А. Муромцевъ, называть правомъ слѣдуетъ совокупность только такихъ юридическихъ нормъ, которыя дѣйствительно примѣняются въ жизни. Это и есть право дѣйствующее», въ составъ коего входитъ положительное право лишь настолько, насколько оно примѣняется на практикѣ отдѣльными лицами или судебною властью. «*Положительное право*, продолжаетъ онъ, *ограничивается*, *видоизмѣняется и дополняется подъ вліяніемъ нравственныхъ воззрѣній*, *чувства справедливости*, *привычекъ и предразсудковъ*, *свойственныхъ тѣмъ лицамъ*, *которыя его примѣняютъ*. Примѣненіе права имѣетъ тотъ существенный интересъ, что свидѣтельствуетъ о существованіи въ обществѣ расположенія къ праву—расположенія, настолько сильнаго, что на дѣлѣ осуществляется обязательность данныхъ правилъ. Но, очевидно, — прибавляетъ нашъ авторъ, — что такое расположеніе *лишь въ рѣдкихъ случаяхъ раздѣляется всѣмъ обществомъ, во всей его совокупности; несравненно чаще оно исходитъ отъ господствующей части общества*, которая тѣмъ или другимъ способомъ владычествуетъ надъ остальными его членами". С. А. Муромцевъ указываетъ при этомъ на то, что во многихъ отношеніяхъ полное однообразіе права въ обществѣ нарушается вслѣдствіе неодинаковости отдѣльныхъ частей послѣдняго въ смыслѣ нравственнаго и умственнаго развитія: «общество, говоритъ онъ, распадается *на слои, изъ которыхъ каждый обладаетъ въ той или другой мѣрѣ своимъ особеннымъ правомъ*» [1]). Далѣе, подробно развивая свою мысль, авторъ еще находитъ, что отдѣльныя личности, составляющія господствующій элементъ общества, могутъ проявлять свое расположеніе къ дѣйствующему правовому порядку: «однѣ изъ нихъ ясно сознаютъ полезность данной юридической нормы, у другихъ такое сознаніе достаточно смутно, третьи, наконецъ, не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, зачѣмъ нуженъ данный порядокъ, подчиняются насильно авторитету людей, признанныхъ ими за руководителей общества». То же самое наблюдается и въ другой части общества, относящейся недружелюбно къ дѣйствующему праву [2]). Приводя эти мѣста изъ «Образованія права», мы отмѣчаемъ въ нихъ то, что сами называемъ «неравенствомъ личнаго

[1]) Idid., 17. [2]) Ibid., 19.

дѣйствія» въ исторіи. Съ этой точки зрѣнія интересно также, какую роль отводитъ самъ Муромцевъ дѣятельности юристовъ въ процессѣ образованія права. Послѣдній, по его представленію, происходитъ при участіи двухъ основныхъ факторовъ: «жизни общества (народа), которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ родитъ потребность въ правѣ, и *мыслительной дѣятельности какъ всего общества, такъ въ особенности юристовъ,—дѣятельности, которая отыскиваетъ и творитъ право.* Юридическая норма, поясняетъ авторъ свою мысль, не вызывается непосредственно потребностями правовой жизни, но создается при участіи мышленія. Вслѣдствіе этого юридическая норма отражаетъ на себѣ свойства создавшаго ее мышленія» [1]). Мы только могли бы прибавить къ этимъ словамъ соображеніе, относящееся къ общей теоріи исторіи, именно соображеніе о томъ, что потребности общества порождаютъ средства удовлетворенія не иначе, какъ сдѣлавшись (въ видѣ впечатлѣній, произведенныхъ ими на нѣкоторыя личности) матеріаломъ для самостоятельной переработки въ сознаніи отдѣльныхъ, выдающихся индивидуумовъ.

И взглядъ проф. Коркунова на правообразованіе гармонируетъ съ нашимъ общимъ представленіемъ о сущности историческаго процесса. Для него «главный и самый трудный вопросъ заключается въ объясненіи первоначальнаго возникновенія права, въ объясненіи того, какимъ образомъ появляется впервые самое сознаніе о правѣ». Указывая на то, что въ современномъ быту «*право творится и развивается сознательною дѣятельностью*», и что «при этомъ отправляются отъ сознанія недостатковъ или неполноты уже существующаго права», онъ ставитъ вопросъ: «откуда же взялось первоначальное сознаніе о правѣ?» [2]). Отвѣчая на этотъ вопросъ, проф. Коркуновъ исходитъ изъ того положенія, что «первоначально объектъ правосознанія дается безсознательнымъ актомъ. Въ силу одинаковости условій и несложности отношеній въ первобытномъ обществѣ, говоритъ онъ именно, люди въ немъ естественно ведутъ *совершенно одинаковый образъ жизни.* Малое развитіе сознательной мысли, скудость и ограниченность испытываемыхъ впечатлѣній, *сильно развитая наклонность къ подражанію* приводятъ къ тому, что первобытный человѣкъ въ большинствѣ случаевъ *дѣйствуетъ такъ же, какъ и другіе, такъ же, какъ отцы и дѣды.* Въ силу этого въ каждомъ изъ нихъ образуется увѣренность, что при одинаковыхъ условіяхъ всѣ будутъ поступать одинаково. Человѣкъ ожидаетъ такого одинаковаго, обычнаго поведенія, онъ расчитываетъ на него, и въ этомъ расчетѣ располагаетъ и устраиваетъ свои собственныя дѣла. Если затѣмъ въ какомъ-либо частномъ случаѣ онъ обманется въ своихъ расчетахъ, если кто-либо

---

1) Ibid., 35. 2) *Коркуновъ.* I, 106.

поступитъ въ отношеніи къ нему не такъ, какъ онъ ожидалъ, не такъ, какъ другіе обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ испытываетъ чувства недовольства, гнѣва. Онъ обращается къ обманувшему его надежды съ нареканіями, онъ старается отомстить ему. По мѣрѣ того, какъ такія столкновенія повторяются, представленіе о нарушеніи установившагося, обычнаго поведенія ассоціируется съ представленіемъ о приказаніяхъ, о гнѣвѣ, о мести со стороны тѣхъ, кто терпитъ ущербъ отъ такого нарушенія. И вотъ, въ силу этого прежнее инстинктивное, безсознательное, само собой складывавшееся соблюденіе обычаевъ переходитъ въ сознательное... Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, возникновеніе права обусловлено сознательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ поведенія, какъ обязательныхъ, но содержаніе этихъ первоначальныхъ юридическихъ нормъ не творится сознательно: оно дается безсознательно сложившимися обыкновеніями»[1]). Отдавая въ вопросѣ о развитіи права предпочтеніе ученію Іеринга передъ воззрѣніемъ исторической школы[2]), проф. Коркуновъ вноситъ въ него нѣкоторыя ограниченія, не допуская прежде всего, чтобы право было всецѣло продуктомъ сознательной дѣятельности, сознательной борьбы, такъ какъ необходимо именно допустить первоначально безсознательное установленіе обычаевъ, становящихся современемъ юридическими. Съ этой точки зрѣнія, самое развитіе права представляется ему борьбою стараго, безсознательно установившагося права, не соотвѣтствующаго измѣнившимся условіямъ жизни, съ правомъ новымъ, сознательно вырабатываемымъ[3]).

Въ приведенныхъ словахъ проф. Коркунова мы отмѣчаемъ, прежде всего, сдѣланное имъ указаніе на одинаковость условій, въ которыхъ дѣйствуютъ члены первобытнаго общества. Это имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, чаще возможны случаи, когда инициативы отдѣльныхъ лицъ, дѣйствующихъ безъ всякихъ прецедентовъ, оказываются тожественными; во-вторыхъ, поданный примѣръ находитъ подражателей въ однородной средѣ съ большею скоростью, чѣмъ въ средѣ дифференцированной. Затѣмъ, проф. Коркуновъ отмѣчаетъ силу подражательности, особенно значительную въ первобытномъ обществѣ, смотря на нее, какъ на факторъ, устанавливающій обычаи. Наконецъ, въ его взглядѣ заслуживаетъ вниманія идея борьбы права, сознательно вырабатываемаго, съ правомъ, безсознательно установившимся: это — происходящая въ обществѣ борьба личнаго сознательнаго творчества съ безличною, безсознательно совершающеюся эволюціей.

Весьма интересныя соображенія высказываетъ по интересующему насъ вопросу и проф. Сергѣевичъ, рѣшая вопросъ о происхо-

[1]) Ibid., I, 108—109. [2]) Ibid., I, 111. [3]) Ibid., I, 111—112.

жденiи обычнаго права. «Имѣя источникомъ, говоритъ онъ, согласное убѣжденiе отдѣльныхъ лицъ, обычай не имѣетъ личнаго происхожденiя, онъ *безличенъ* въ противоположность закону, который всегда издается опредѣленнымъ законодателемъ; обычай выходитъ изъ народа, какъ безличной массы: всѣ такъ думаютъ и всѣ такъ поступаютъ. Будучи безличнымъ, продолжаетъ онъ, обычай не имѣетъ опредѣленнаго видимаго начала; мы можемъ замѣтить его начало только тогда, когда онъ уже сложился, когда люди уже дѣйствуютъ сообразно съ нимъ» [1]). Опредѣливъ обычай такимъ образомъ, вотъ какой общiй взглядъ высказываетъ онъ на происхожденiе обычнаго права. «*Какое-либо убѣжденiе и, слѣдовательно, убѣжденiе о правѣ можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ*», а потому «объ убѣжденiи народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденiй отдѣльныхъ лицъ». На основанiи этого соображенiя необходимо выводить обычное право (т.-е. первое право, возникшее въ исторiи) «изъ индивидуальнаго убѣжденiя, проявляющагося въ дѣйствiяхъ отдѣльныхъ лицъ». При этомъ толкованiи остается неяснымъ, какъ возникаютъ въ такомъ случаѣ общiя нормы, но, совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, «*общiя нормы возникаютъ изъ дѣйствiй отдѣльныхъ лицъ не всегда и не непремѣнно*, а только при наличности нѣкоторыхъ благопрiятныхъ для того условiй. *Разные люди, при единствѣ интересовъ и сходствѣ условiй жизни, могутъ въ одинаковыхъ случаяхъ поступать одинаковымъ образомъ*. Одинаковые поступки являются вслѣдствiе сходства характеровъ, потребностей и всей обстановки жизни. Если условiя дѣятельности этихъ людей, въ теченiе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, остаются тѣ же, *является послѣдовательный рядъ одинаковыхъ дѣйствiй въ одинаковыхъ случаяхъ*. Первоначально эти согласныя дѣйствiя совершенно совпадаютъ съ волею дѣйствующихъ лицъ и прямо ею обусловливаются. Но по мѣрѣ ихъ накопленiя они сами начинаютъ оказывать давленiе на волю и опредѣлять ея направленiе. Этому способствуетъ, съ одной стороны, желанiе оставаться вѣрнымъ самому себѣ (разъ принятому способу дѣйствiя), съ другой — примѣръ другихъ людей. Возрастающiя поколѣнiя, прежде чѣмъ начнутъ дѣйствовать самостоятельно, наблюдаютъ дѣйствiя старшихъ; ихъ личная воля слагается подъ влiянiемъ установившихся уже способовъ дѣйствiя... Нежеланiе выдѣляться своими дѣйствiями изъ среды другихъ людей имѣетъ весьма важное влiянiе на поступки человѣка» [2]). Объясняя такимъ образомъ обязательность обычая изъ «присущаго человѣку свойства слѣдовать разъ намѣченному пути», проф. Сергѣевичъ сравниваетъ это свойство съ инерцiей въ фи-

---

[1]) *Сергѣевичъ*. Лекцiи и изслѣдованiя по исторiи русскаго права. Спб., 1883. Стр. 76.

[2]) Ibid., 82.

зикѣ. Обычное право, по его мнѣнію, создаютъ двѣ силы: «индивидуальное сознаніе насущныхъ интересовъ человѣка», дающее начало извѣстнымъ дѣйствіямъ, и «инертная сила обыкновенія» въ томъ случаѣ, когда накопится значительная масса одинаковаго дѣйствія личной воли разныхъ лицъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ [1]). Это то же самое, что инціатива и подражаніе, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ [2]). Такъ дѣйствительно и смотритъ на дѣло проф. Сергѣевичъ. «Образъ дѣйствія, говоритъ онъ, избранный *нѣкоторыми, всегда болѣе энергическими людьми*, становится общею нормою, обычаемъ, благодаря тому, что другіе *привыкаютъ болѣе или менѣе насильно дѣйствовать такъ же*. Нѣкоторая практика переходитъ въ повальный обычай потому, что *путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей* слагается наконецъ и общее убѣжденіе о необходимости всѣмъ дѣйствовать такъ, а не иначе» [3]). Такимъ образомъ, «обычай идетъ не отъ общаго, но отъ индивидуальнаго убѣжденія и становится болѣе или менѣе общимъ». При этомъ, однако, замѣчаетъ еще авторъ, «наличность соотвѣтствующаго убѣжденія всѣхъ и каждаго не есть необходимое условіе дѣйствія обычая. Но, продолжаетъ онъ, отсутствіе такого убѣжденія есть зерно разрушенія сложившагося обычая. *Люди слабые будутъ дѣйствовать по обычаю, хотя и не будучи убѣждены въ его цѣлесообразности; наоборотъ, люди энергическіе могутъ возстать противъ пассивнаго подчиненія обычаю, не соотвѣтствующему ихъ воззрѣніямъ.* Дѣйствуя по-своему, изо дня въ день нарушая обычай, они *могутъ положить начало образованію новаго обычая*, который съ теченіемъ времени и при наличности благопріятныхъ условій можетъ вытѣснить старый». Такимъ возникновеніемъ обычнаго права проф. Сергѣевичъ объясняетъ и нѣкоторыя особенности этого права. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что оно «возникаетъ не въ народѣ (націи) и даже не въ племени, *а въ каждой группѣ людей, ведущихъ совмѣстную жизнь и имѣющихъ возможность вліять другъ на друга своими дѣйствіями*» [4]). Съ другой стороны, указывается на то, что первоначальное обычное право есть право сильнаго, такъ какъ «первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергичные и сильные»: въ немъ царствовалъ произволъ. «Отдѣльныя дѣйствія предшествуютъ образованію нормъ обычнаго права. Для того, чтобы образовался обычай, связывающій частную волю, въ памяти людей долженъ уже былъ накопиться настолько значительный матеріалъ сходныхъ прецедентовъ, чтобы воля была подавлена этимъ матеріаломъ... Обычай, слѣдовательно, при всей его древности, не есть первоначальная форма, которою управляются дѣй-

[1]) Ibid., 83. [2]) См. выше, стр. 447 и слѣд. [3]) *Сергѣевичъ*, 83.

[4]) Ibid., 84. Ср. у насъ выше, стр. 346 — 347, гдѣ говорится о томъ, кто бываетъ коллективнымъ носителемъ отдѣльныхъ элементовъ культуры.

ствія людей. Что же было до обычая? Автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. Отсюда въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую безурядицу» [1]).

Въ приведенныхъ взглядахъ на процессъ правообразованія самое главное — противоположность между взглядами на этотъ процессъ, какъ на безличную эволюцію и какъ на проявленіе личнаго творчества. Становясь на сторону послѣдняго взгляда, представляющаго изъ себя синтезъ между старымъ воззрѣніемъ, которое не признавало объективныхъ началъ процесса, и ученіемъ исторической школы, мы должны отмѣтить еще и болѣе частное совпаденіе новѣйшаго взгляда съ нашимъ представленіемъ о роли личности въ исторіи—и именно въ томъ отношеніи, что измѣненія въ правѣ принимаются здѣсь, какъ проявленія личной иниціативы, дѣлающіяся фактами соціальнаго характера путемъ подражательнаго повторенія. Конечно, мы могли бы указать тутъ и на нѣкоторыя другія изъ приведенныхъ нами мыслей, какъ на заслуживающія тоже особаго вниманія съ точки зрѣнія общей теоріи историческаго процесса, но мысли эти кажутся намъ не столь важными, какъ только-что отмѣченная. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными тѣми рѣшеніями вопроса, которыя даются юридической литературой. Если бы мы имѣли возможность привести здѣсь результаты всѣхъ нашихъ въ ней поисковъ, то и тогда читатель самъ убѣдился бы, что до сихъ поръ литература эта не заключаетъ въ себѣ ни одной теоріи, которая изслѣдовала бы по отношенію къ исторіи права общія условія зарожденія иниціативы, въ зависимости отъ существующаго права и вообще отъ культурно-соціальнаго состоянія общества, ея предѣлы на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, способы ея проявленія при разныхъ формахъ политическаго устройства, пути ея перехода въ соціальную жизнь, равно какъ условія ея распространенія (путемъ подражанія и повиновенія), ея борьбы съ вытѣсняемыми формами, ея пораженія или побѣды, комбинаціи ея съ другими иниціативами и т. п. Многіе вопросы, намѣченные нами въ предыдущей главѣ по отношенію къ культурѣ вообще, до сихъ не ставились въ юридической литературѣ по отношенію къ праву, а между тѣмъ, повторяемъ, общая теорія культурнаго процесса могла бы формулировать многія изъ своихъ положеній только на основаніи предварительной разработки частныхъ теорій развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры, къ каковымъ относится и право. Если, однако, общая теорія зависитъ, такимъ образомъ, отъ частныхъ, то и послѣднія въ свою очередь должны были бы заимствовать кое-что у общей, въ которой возникаютъ многіе

[1]) *Сергѣевичъ*, 86. Ср. ссылку на ученіе Аренса (Juristische Encyclopädie), утверждавшаго, что обычай имѣетъ происхожденіе въ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ, стр. 88–89.

вопросы и формулируются многія положенія, имѣющіе важное значеніе и въ частныхъ теоріяхъ, но не всегда самостоятельно приходящіе въ голову спеціалистовъ. Съ этой же точки зрѣнія спеціалисты одной области могли бы находить полезныя указанія у спеціалистовъ другихъ областей: весьма часто та или другая сторона вообще какого-либо культурнаго явленія особенно рельефно проявляется только въ одной какой-либо частной области, оставаясь мало замѣтною въ другихъ, не говоря уже о томъ, что есть аналогичныя явленія, прямо бросающіяся въ глаза во всѣхъ областяхъ, или, наоборотъ, при сравненіи послѣднихъ между собою обнаруживаются крайнія несходства, а все это проливаетъ свѣтъ, добытый при изслѣдованіи одного процесса, на другіе процессы. Потребность сравненія (въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ) чувствовалась, наприм., уже родоначальниками историческаго изученія права, сопоставлявшими, напр., его развитіе съ органическимъ ростомъ языка или возникновеніе обычнаго права съ возникновеніемъ народныхъ сагъ [1]), но систематически этого до сихъ поръ не дѣлалось. Заключая юридическій отдѣлъ настоящей главы для того, чтобы перейти къ историко-литературному, я укажу на то, въ какомъ направленіи желательна была бы дальнѣйшая разработка общей теоріи и права, и всякаго другого культурнаго элемента, укажу именно на примѣръ того, какъ нужно было бы разрабатывать теорію исторіи литературы. Это кстати будетъ служить переходомъ ко второму отдѣлу настоящей главы.

Въ началѣ настоящаго труда приведена была длинная выдержка изъ книги нашей *Литературная эволюція на Западѣ*, въ которой разсматривается, главнымъ образомъ, вопросъ о роли личнаго творчества въ литературѣ [2]). Въ заключеніи къ этимъ «наброскамъ и очеркамъ изъ теоріи и исторіи литературы» было сказано слѣдующее: «Подъ теоріей литературы мы привыкли разумѣть эстетическое ученіе, трактующее объ отношеніи литературныхъ произведеній къ идеалу художества,—который, замѣтимъ кстати, различно понимался въ разныя времена,—и дающее извѣстныя правила творчеству и извѣстный критерій для сужденія о тѣхъ или другихъ явленіяхъ въ этой области. Піитика Аристотеля—прототипъ такой теоріи словесности, которая сама имѣетъ длинную исторію, потому что время отъ времени появлялись сочиненія, въ которыхъ излагались литературные взгляды, принадлежащіе тому или другому автору, цѣлому направленію, извѣстному вѣку. Эстетическая теорія, по общему закону эволюціи въ дѣлахъ человѣческихъ, въ силу осложненія отъ внутренняго роста и внѣшнихъ нарастаній, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе принимала въ себя элементы психологическаго и соціологическаго мышленія, при-

[1]) См. выше, стр. 480 и 485—486. [2]) См. выше, стр. 6.

влекая къ разсмотрѣнію вопросы о психическихъ основахъ и процессахъ творчества и о соціальномъ назначеніи и роли литературы. Эстетическіе, психологическіе и соціологическіе вопросы теоріи литературы лучше всего разрѣшаются посредствомъ сравнительнаго изученія историческаго матеріала, но такое изученіе не есть еще исторія литературы: послѣдняя имѣетъ своею цѣлью не выработку общихъ теоретическихъ положеній, а изображеніе послѣдовательности и преемственности литературныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности. *Но разъ существуетъ исторія литературы*, *она также должна имѣть свою теорію*: въ этой теоріи на первомъ планѣ стоятъ не эстетическіе принципы, даже не вопросы о психическихъ основахъ творчества и о соціальной роли литературы, а именно указанныя послѣдовательность и преемственность литературныхъ явленій, причины и условія, формы и законы, внутреннія и внѣшнія отношенія этого процесса, въ которомъ новое приходитъ на смѣну старому, изъ него вырабатываясь, его преобразуя и вытѣсняя, съ нимъ вступая во взаимодѣйствіе, т.-е. это уже не эстетическая теорія, а *теорія эволюціонная*, *долженствующая руководить не литературной критикой*, *а историческимъ изученіемъ литературы*. Эстетическая теорія литературы—только часть общей теоріи художествъ, *эволюціонная—только часть общей теоріи историческаго процесса*. Какъ исторія литературы не вытѣсняетъ эстетической критики произведеній словесности,—хотя многіе даже до этого доводятъ противоположность между обоими способами отношенія къ литературѣ,—такъ эволюціонная теорія вовсе не приходитъ на смѣну эстетической, а только ее преобразуетъ и дополняетъ, придавая понятію художественнаго идеала характеръ явленія развивающагося, а не даннаго разъ навсегда въ видѣ какой-то изначальной и остающейся неподвижною платоновской «идеи», и уча смотрѣть на отдѣльныя литературныя произведенія, какъ на факты, отмѣчающіе извѣстные моменты спеціально-литературной и общей, соціально-культурной эволюціи. Тѣ психологическіе и соціологическіе вопросы, которые привлекаетъ къ разсмотрѣнію теорія литературы, не имѣющая въ виду эволюціоннаго характера послѣдней, но берущая только общіе для всѣхъ временъ признаки сложнаго явленія, называемаго литературой,—эти вопросы и въ эволюціонной теоріи должны ставиться, ибо *изучаемыя и ею отношенія сводятся къ соціально-психологическому взаимодѣйствію между внутреннею жизнью творческой личности и условіями*, *требованіями*, *идеями*, *настроеніями*, *традиціями*, *стремленіями и вкусами общества*» [1]).

Это разсужденіе мы могли бы примѣнить, mutatis mutandis,

[1]) Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. 1886. Стр. 335—336.

и къ другимъ элементамъ культуры, между прочимъ, и къ праву. И теорія права,—разъ мы о ней заговорили,—можетъ имѣть разныя значенія, при чемъ существованіе историческаго изученія права дѣлаетъ необходимою теорію исторіи (или развитія) права, которая должна преобразовать и дополнить общую теорію права: изучая послѣдовательность и преемственность юридическихъ явленій, причины и условія, формы и законы, внутреннія и внѣшнія отношенія этого процесса, такая теорія съ особеннымъ вниманіемъ должна была бы изслѣдовать въ процессѣ правообразованія взаимодѣйствіе между внутреннею жизнью творческой личности и условіями, требованіями, идеями, настроеніями, традиціями, стремленіями и вкусами общества. Такой теоріи юридической эволюціи еще не существуетъ, но не существуетъ такой теоріи и для эволюціи литературной, по отношенію къ которой мы и формулировали свои требованія, только-что приведенныя. И въ области исторіи литературы возникаютъ, однако, общіе теоретическіе вопросы, имѣющіе самое непосредственное отношеніе къ пониманію сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи: разрѣшенія ихъ нужно ждать отъ спеціалистовъ, но намъ кажется, что для успѣха дѣла послѣдніе не должны отворачиваться отъ той постановки и того рѣшенія этихъ вопросовъ, которыя могутъ быть даны общими историками и съ точки зрѣнія болѣе или менѣе философской. Въ дальнѣйшемъ мы и представимъ анализъ взглядовъ, высказывавшихся нѣкоторыми историками литературы и литературными критиками на роль личности въ литературной эволюціи, и заключимъ свой краткій обзоръ нѣсколькими собственными соображеніями.

Я не знаю ни одной теоріи, въ которой вопросъ о роли личности въ исторіи литературы бы былъ поставленъ сколько-нибудь широко, хотя касались его видные представители современной науки. Съ другой стороны, у многихъ авторовъ, касавшихся вопроса, мы замѣчаемъ какое-то предвзято-неблагопріятное отношеніе къ личному началу, принижается ли оно вообще передъ средою или въ частности передъ традиціонными элементами литературы, или же личному творчеству противополагается участіе въ работѣ надъ литературными произведеніями—народа, общества, толпы, «всѣхъ». Вотъ объ этихъ-то взглядахъ, принижающихъ личность въ исторіи, мы и поведемъ прежде всего нашу рѣчь.

Самымъ крупнымъ представителемъ «теоріи среды» является Тэнъ. Хотя, повидимому, ставя исторію на психологическую почву и ища за литературными произведеніями—группы способностей и чувствъ, ихъ производящихъ [1]), знаменитый историкъ долженъ былъ бы осо-

---

[1]) См. выше, стр. 213 и слѣд.

бенно цѣнить личное начало въ исторіи, тѣмъ не менѣе, вся литература представляется у него обусловленною тремя «первичными силами», т.-е. расою, средою и моментомъ, которыя всѣ въ сущности сводятся къ внѣшнимъ по отношенію къ личности условіямъ, такъ что для личнаго почина и индивидуальнаго разнообразія совсѣмъ почти не остается мѣста въ его теоріи [1]). Правда, онъ нигдѣ не формулировалъ послѣдней съ достаточною опредѣленностью, но общая его историческая концепція, несомнѣнно, имѣетъ неблагопріятный для личнаго начала характеръ, что и отмѣчалось критиками Тэна, нерѣдко расходившимися въ пониманіи другихъ сторонъ его міровоззрѣнія. Напр., извѣстный критикъ и историкъ новѣйшей литературы Георгъ Брандесъ причисляетъ Тэна къ людямъ, раздѣляющимъ тотъ «взглядъ на литературу и искусство, по которому идеи и мнѣнія исходятъ, какъ изъ послѣдней инстанціи, изъ массы, изъ толпы» [2]). Самый взглядъ этотъ Брандесъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ новѣйшее время... доказывали, что критика, подвергая генія своему анализу и въ каждомъ твореніи отыскивая еще другихъ творцовъ, кромѣ автора, освобождаетъ насъ отъ бремени благодарности генію. Генія стали считать простымъ продуктомъ вѣка и выраженіемъ націи. Вліяніе великихъ людей стало казаться преувеличеннымъ. И безъ нихъ все такъ же было бы достигнуто,—лишь медленнѣе» [3]). Этому взгляду датскій критикъ противополагаетъ свой, который именно и имѣетъ для насъ интересъ, какъ нѣчто прямо противное воззрѣнію Тэна: «идея, говоритъ онъ, художественная форма, преобразовательная мысль—никогда не зарождаются въ толпѣ... *Идеи зарождаются въ отдѣльномъ человѣкѣ, который сумѣетъ возвыситься надъ толпой и притянетъ ее къ себѣ. Онъ постепенно создаетъ себѣ кружокъ среди тѣхъ, чьи дарованія, хотя и въ меньшей степени, подходятъ къ его дарованію.* Иниціатива, однако, всегда принадлежитъ великой личности и никогда—народу или публикѣ». Соглашаясь съ тѣмъ, что «въ древности, когда... каждый народъ жилъ особнякомъ, происхожденіе и окружающая среда, данная родиной, значила почти все», Брандесъ находитъ, что въ новѣйшее время общее правило уже не таково: теперь, говоря его словами, литература лишь настолько выражаетъ собою характеръ и свойства націи, насколько эта послѣдняя сумѣла пользоваться ею или усвоить ее себѣ. Но, продолжаетъ онъ, нельзя никоимъ образомъ быть увѣреннымъ, что великій и только впослѣдствіи всѣми признанный авторъ былъ въ свое время выразителемъ свойствъ своего народа. Иногда величіе его сказывается всего

---

[1]) *Тэнъ.* Развитіе политической свободы въ Англіи. I, 14 sq.

[2]) *Георгъ Брандесъ.* Лудвигъ Гольбергъ, гл. I (переводъ съ датскаго въ «Вѣстн. Европы». 1888 г., кн. VII, стр. 57).

[3]) Ibid., 56.

сильнѣе въ томъ, что *онъ перерабатываетъ свойства націи по образцу своихъ твореній, исподволь завоевывая поклоненіе себѣ и безчисленными путями вліяя на умы»* [1]). (Эту общую мысль Брандесъ примѣняетъ къ Гольбергу, «самому, какъ онъ выражается, поразительному примѣру этого рода», но, къ сожалѣнію, онъ не развилъ своего взгляда въ болѣе или менѣе полную теорію) [2]). Или еще, наприм., Геннекенъ, сравнивая Тэна съ Сентъ-Бевомъ, находитъ, что послѣдній былъ «критикомъ-біографомъ, видѣвшимъ въ каждомъ писателѣ только то, что въ немъ индивидуально», тогда какъ первый—«критикъ историческій или точнѣе соціологическій, изучающій въ литературѣ эпоху, представителемъ коей онъ является» [3]). Тэнъ, по его словамъ, былъ именно первый изслѣдователь, сдѣлавшій попытку провести ту идею, что произведеніе искусства зависитъ отъ современной ему соціальной среды (ensemble social), а его авторъ — отъ среды національной, въ составъ которой онъ входитъ [4]). «Дѣйствіе трехъ причинъ, говоритъ Геннекенъ, т.-е. наслѣдственности, вліянія среды, вліянія окружающей обстановки (l'habitat), посредствомъ коихъ Тэнъ усиливается ассимилировать художниковъ ихъ современникамъ и соотечественникамъ, не подлежитъ спору» [5]). Все это, пожалуй, и принимается авторомъ «Научной критики», но съ значительными оговорками, которыя также оттѣняютъ односторонность тэновскаго взгляда. Во-первыхъ, признавая силу и значеніе наслѣдственности, онъ вполнѣ основательно сомнѣвается въ однородности каждой расы [6]): на томъ же самомъ основаніи и мы, подвергая критикѣ такъ называемую «теорію расы», высказывались противъ того взгляда, по которому каждый индивидуумъ извѣстной расы есть лишь одинъ изъ экземпляровъ совершенно тождественнаго типа [7]). Геннекенъ допускаетъ и вліяніе соціальной среды. «Вообще, говоритъ онъ, условія, въ какія былъ поставленъ художникъ, событія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, благополучіе или несчастія его народа, состояніе нравовъ [8]), по всей вѣроятности, отра-

---

[1]) Ibid., 57.

[2]) Тэну посвящаетъ Брандесъ еще нѣсколько страницъ въ одной изъ своихъ «Четырехъ лекцій», читанныхъ имъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1887 г. (см. стр. 754 — 758 въ октябр. книгѣ «Вѣстн. Европы» за 1887 г.), но тутъ указывается на то, что Тэнъ «ищетъ источникъ художественнаго произведенія въ художникѣ», при чемъ имѣется въ виду его теорія о faculté maîtresse. Брандесъ замѣчаетъ еще, что Тэну «не хватаетъ такихъ преобладающихъ способностей, чтобы снабжать ими массу лицъ, вслѣдствіе чего ему и приходится при характеристикѣ различныхъ писателей одарять ихъ одною и тою же способностью». Тутъ отмѣченъ другой недостатокъ Тэна въ пониманіи личности—отсутствіе въ немъ индивидуальнаго разнообразія.

[3]) *Hennequin.* La critique scientifique, 9.

[4]) Ibid., 12—18, 93—94. [5]) Ibid., 96. [6]) Ibid., 97 sq.

[7]) О. В. Ф. И., II, 128 и слѣд. (176 и слѣд.). [8]) *Hennequin*, 106.

зятся, оставятъ слѣдъ на его произведенiи; но это влiянiе не имѣетъ ничего опредѣленнаго и постояннаго. Весьма возможно, что художникъ ускользнетъ отъ этого влiянiя и явится отщепенцемъ». Авторъ «Научной критики» напоминаетъ, что въ одной и той же средѣ появляются весьма разнообразные характеры [1]). «Было бы легко, замѣчаетъ онъ, набрать такое количество примѣровъ, что случаи художниковъ, находящихся въ противорѣчiи съ своей средой, показались бы болѣе частыми, чѣмъ случаи противоположнаго свойства. Можно было бы легко обнаружить, продолжаетъ онъ, что влiянiе окружающихъ обстоятельствъ, значительное, хотя и не безусловное въ началѣ литературъ и обществъ, постепенно уменьшается по мѣрѣ того, какъ онѣ развиваются, и становятся едва замѣтнымъ (presque nul) въ эпоху ихъ процвѣтанiя. Причину этого не трудно указать. Какъ всякое творенiе, *человѣкъ стремится, по принципу экономiи силъ, къ устойчивости своего бытiя*, къ тому, чтобы по возможности поменьше его измѣнять для приспособленiя къ измѣняющимся вокругъ него физическимъ или общественнымъ условiямъ» [2]). Съ развитiемъ общественной жизни, замѣчаетъ еще Геннекенъ, начинаютъ дѣлаться попытки «освобожденiя душъ, страдающихъ отъ того, что любятъ ихъ ближнiе... По мѣрѣ того, какъ индивидуумъ будетъ составлять часть болѣе разнообразнаго и болѣе обширнаго цѣлаго, хорошо организованнаго и не требующаго большихъ моральныхъ жертвъ отъ гражданъ для своего существованiя, послѣднiе будутъ въ состоянiи съ меньшими усилiями *сохранить свои собственныя способности, которыя и не придется напрягать до крайней степени, дабы оказать сопротивленiе крайнему же давленiю*. Всѣ новые историки, прибавляетъ онъ, замѣтили это поступательное движенiе индивидуальной свободы въ мышленiи отъ старыхъ временъ къ нашимъ временамъ» [3]). Относительно третьяго принципа Тэна Геннекенъ ограничивается нѣсколькими замѣчанiями [4]) и резюмируетъ результатъ своей критики въ слѣдующихъ словахъ: «нѣтъ никакой возможности установить прямое отношенiе между обществомъ и украшающими его художниками, разсматривая послѣднихъ, какъ зависящихъ отъ перваго, или представляя себѣ общество и художниковъ, какъ зависящихъ отъ общихъ, т.-е. отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ» [5]). Къ аналогичному взгляду на «историологiю» Тэна приходитъ въ своей характеристикѣ его значенiя въ исторической наукѣ и В. И. Герье [6]). Указавъ на его теорiю

---

[1]) Ibid., 107.

[2]) Ibid., 108. Tout être vivant tend à se défendre contre les changements que lui impose la nature, 110.

[3]) Ibid., 114—115. [4]) Ibid., 117—119. [5]) Ibid., 122—123.

[6]) *В. Герье*. Ипполитъ Тэнъ и его значенiе въ исторической наукѣ (*Вѣстн. Евр.*, 1890, январь).

«господствующаго свойства» писателя, которое проявляется въ произведеніяхъ послѣдняго и, повидимому, должно было бы имѣть только біографическій или психологическій интересъ [1]), проф. Герье замѣчаетъ, что Тэнъ понимаетъ, однако, господствующее или основное свойство писателя, лишь «какъ *концентрированное выраженіе духа времени*», вслѣдствіе чего оно становится для историка ключомъ къ уразумѣнію «эпохи» [2]). Въ другомъ мѣстѣ почтенный авторъ говоритъ, что Тэнъ прямо причисляетъ понятіе о человѣческомъ *я* къ метафизическимъ сущностямъ, которыя сводятся у него на простыя литературныя метафоры [3]). По его словамъ, у Тэна «понятіе личности получило такое опредѣленіе, вслѣдствіе котораго оно стало совершенно излишнимъ какъ въ исторіи, такъ и въ психологіи» [4]). Тэнъ забываетъ, говоритъ еще въ одномъ мѣстѣ проф. Герье,—Тэнъ «*забываетъ, что такое индивидуальная душа*, т.-е. онъ не хочетъ видѣть тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ она состоитъ... Онъ не замѣчаетъ, что основныя способности и наклонности души лично ей принадлежатъ, что тѣ изъ нихъ, которыя она заимствуетъ изъ среды или изъ національнаго духа, становятся ея личными свойствами, что если она дѣйствуетъ посредствомъ ихъ, то она *слѣдуетъ при этомъ самой себѣ, дѣйствуетъ своей собственной силою, самовольно, всецѣло по своей иниціативѣ и за своей полной отвѣтственностью*» [5]).

Тэнъ ставитъ литературное творчество въ исключительную зависимость отъ среды, понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова. Теперь очередь за воззрѣніемъ, которое принижаетъ личное начало главнымъ образомъ передъ спеціально-литературной традиціей. Представителемъ такого взгляда является проф. Веселовскій (А—дръ Н.), хотя онъ нигдѣ подробно не развилъ теоретически своихъ основныхъ положеній. Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ такимъ его взглядомъ во «вступительной лекціи», читанной имъ еще въ 1870 году въ Петербургскомъ университетѣ [6]). Поводъ коснуться этого вопроса даетъ автору устанавливаемое имъ различіе между нѣмецкимъ и французскимъ способами факультетскаго преподаванія всеобщей исторіи литературы. Въ то время, какъ въ германскихъ университетахъ предметъ этотъ существуетъ подъ фирмой филологіи, дѣлающей центромъ и исходнымъ пунктомъ изученія литературные памятники, во Фран-

---

[1]) Ibid., 20. [2]) Ibid., 21. [3]) Ibid., 54. [4]) Ibid., 55.

[5]) Ibid., 60. Сравни общій приговоръ проф. *Герье* объ «исторіологіи» Тэна: «Механическая теорія дала подъ талантливымъ перомъ Тэна результаты, цѣнные для исторической науки,.. но *она была все-таки безсильна свести на механическій процессъ—дѣйствіе личности въ исторіи и художественное творчество*» (Ibid., февр., 500).

[6]) *А. Веселовскій.* О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки (Журн. Мин. Народн. Просв., часть CLII, отд. 2).

ціи изучается обыкновенно какая-нибудь знаменательная въ культурномъ отношеніи эпоха, «но всего чаще, продолжаетъ проф. Веселовскій, какой-нибудь великій человѣкъ долженъ отвѣчать за единство взгляда, за цѣлость обобщенія: Петрарка, Сервантесъ, Данте и его время, Шекспиръ и его современники. Времени, современникамъ, оговаривается онъ далѣе, не всегда отводится плачевная роль привѣсокъ. кирпичей для пьедестала великаго человѣка; можно сказать, наоборотъ, что въ послѣдніе годы эта обстановка главнаго лица замѣтно выдвинулась впередъ и не только оттѣняетъ великаго человѣка, но и объясняетъ его, и въ значительной мѣрѣ сама имъ объясняется» [1]. Такой способъ излагать исторію литературы авторъ считаетъ крайне искусственнымъ: «къ великому человѣку, говоритъ онъ, сходятся, въ немъ резюмируются всѣ пути развитія, отъ него расходятся всѣ вліянія, подобно тому, какъ въ саду, распланированномъ во вкусѣ XVIII столѣтія, всѣ аллеи сведены вѣеромъ или радіусами къ дворцу или какому-нибудь псевдоклассическому памятнику». Въ такомъ способѣ онъ справедливо усматриваетъ родство съ «теоріей героевъ, этихъ вождей и дѣлателей человѣчества, какъ изображаютъ ихъ Карлейль и Эмерсонъ»: «современная наука, продолжаетъ онъ, позволила себѣ заглянуть въ тѣ массы, которыя до тѣхъ поръ стояли позади ихъ лишенныя голоса; она замѣтила въ нихъ жизнь, движеніе, непримѣтное простому глазу, какъ все, совершающееся въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ пространства и времени; *тайныхъ пружинъ историческаго процесса слѣдовало искать здѣсь*, и вмѣстѣ съ пониженіемъ матеріальнаго уровня историческихъ изысканій центръ тяжести былъ перенесенъ въ народную жизнь». Въ этихъ немногихъ словахъ проф. Веселовскій въ сущности изобразилъ и выше не разъ отмѣчавшійся переворотъ въ исторической наукѣ, переходъ отъ исторіи біографической къ исторіи соціологической. Но вотъ какъ онъ представляетъ далѣе отношеніе новаго научнаго направленія къ прежнимъ «героямъ»: «*великія личности*, говоритъ онъ, *явились теперь отблесками того или другого движенія, приготовленнаго въ массѣ, болѣе или менѣе яркими, смотря по степени сознательности, съ какою они отнеслись къ нему, или по степени энергіи, съ какою помогли ему выразиться*» [2]. Великія личности—отблески движенія, внѣ ихъ происходящаго, болѣе или менѣе сознательные и энергичные его выразители и только,— вотъ взглядъ, пришедшій на смѣну «культа героевъ», взглядъ, раздѣляемый и самимъ А. Н. Веселовскимъ въ его вступительной лекціи. Напр., по существу дѣла онъ ничего не имѣетъ сказать противъ такого разсужденія: если извѣстные люди «выдались впередъ, если ихъ сочиненія болѣе другихъ продолжаютъ привлекать вниманіе, то оче-

---

[1]) Ibid., 3. [2]) Ibid., 4.

видно потому, что *въ нихъ болѣе таланта, и какъ болѣе талантливые, они сильнѣе успѣли воспринять и отразить современныя имъ движенія исторической мысли* [1]). Авторъ забываетъ, что къ происходящимъ внѣ насъ движеніямъ можно относиться не только съ бо́льшими или меньшими сознаніемъ и энергіей, но и съ большей или меньшей самостоятельностью: часто бываетъ, что великія личности идутъ какъ-разъ «противъ теченія», и, конечно, наприм., еврейскіе пророки, проповѣдовавшіе единобожіе, не были отблесками массового движенія ихъ соотечественниковъ къ идолопоклонству. Съ другой стороны, А. Н. Веселовскій говоритъ только о талантѣ, съ какимъ великія личности воспринимаютъ и отражаютъ современныя имъ движенія мысли, какъ будто не существуетъ личной оригинальности, способной не только воспринимать и отражать, но и перерабатывать и вмѣстѣ съ тѣмъ вносить въ жизнь нѣчто новое, нѣчто свое.

Заключенія, которыя дѣлаетъ А. Н. Веселовскій, не менѣе любопытны. «Если, какъ мнѣ кажется, говоритъ онъ въ концѣ своей лекціи,—въ исторіи литературы слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на поэзію, то сравнительный методъ откроетъ ей въ этой болѣе тѣсной сферѣ совершенно новую задачу — прослѣдить, какимъ образомъ новое содержаніе жизни, этотъ элементъ свободы, приливающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, проникаетъ старые образы, эти формы необходимости, въ которыя неизбѣжно отливалось всякое предыдущее развитіе» [2]). Пусть читатель вдумается въ эти слова: не найдетъ ли онъ здѣсь намека на защиту взгляда, по которому, какъ я сказалъ бы, текучее содержаніе литературы отливается только въ устойчиво-традиціонныя формы? На самомъ дѣлѣ, такъ и есть. «Если не ошибаюсь, говоритъ проф. Веселовскій, сравнительное изученіе поэзіи *должно во многомъ измѣнить ходячія понятія о творчествѣ.* Вы это повѣрите сами. Положимъ, вы не имѣете понятія о прелестяхъ средневѣковой романтики, о тайнахъ Круглаго Стола, объ исканіи Святого Граля и о хитростяхъ Мерлина. Вы въ первый разъ встрѣтились со всѣмъ этимъ міромъ въ «Королевскихъ идилліяхъ» Теннисона. Онъ привлекъ васъ своею фантастичностью, своею поэзіей; вы полюбили его героевъ; ихъ надежды и страданія, ихъ любовь и ненависть, *все это вы отнесли на счетъ поэта*, умѣвшаго воплотить передъ вами эту, быть можетъ, никогда не существовавшую на землѣ дѣйствительность. Вы судите по недавнему опыту, по тому или другому роману, *который заявляетъ себя личнымъ измышленіемъ своего автора.* Вслѣдъ за тѣмъ вамъ случилось раскрыть старыя поэмы Гартманна фонъ-деръ-Ауе, Готтфрида Страсбургскаго и Вольфрама фонъ-Эшенбаха: вы встрѣтили въ нихъ—Эрека и страдальческій образъ

[1]) Ibid., 6. [2]) Ibid., 14.

Эниты, Вивіану, опутавшую Мерлина, любовь Ланцелота и Джиневры. Только мотивы дѣйствія здѣсь иные, чувства и характеры архаистичнѣе, подъ стать далекому вѣку. Вы заключаете, что здѣсь произошло *заимствованіе новымъ авторомъ у старыхъ*, и найдете поэтическій прогрессъ въ томъ, что въ прежніе образы внесено болѣе человѣческихъ мотивовъ, болѣе понятной намъ психологіи, болѣе современной рефлексіи... Но вы еще не можете остановиться на этой стадіи сравненія: восходя далѣе отъ средневѣковой романтики, вы найдете тѣ же разсказы во французскихъ романахъ Круглаго Стола, въ народныхъ сказаніяхъ кельтовъ; еще далѣе—въ повѣствовательной литературѣ индѣйцевъ и монголовъ, въ сказкахъ Востока и Запада. Вы ставите себѣ вопросъ о границахъ и условіяхъ творчества». Такихъ примѣровъ современная наука знаетъ массу, но едва-ли даже гипотетически можно ставить вопросы, которые проф. Веселовскій въ своей вступительной лекціи разрѣшаетъ, на мой взглядъ, черезчуръ категорически въ смыслѣ какъ-бы полнаго ограниченія творчества литературными традиціями. «Не ограничено ли, спрашиваетъ онъ, поэтическое творчество *опредѣленными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколѣніе приняло отъ предыдущаго, а это отъ третьяго,* которыхъ первообразы мы неизбѣжно встрѣтимъ въ первобытной старинѣ, и далѣе на степени миѳа, въ конкретныхъ опредѣленіяхъ первобытнаго слова? Каждая новая эпоха не работаетъ ли *надъ изстари завѣщанными образами, обязательно вращаясь въ ихъ границахъ,* позволяя себѣ лишь новыя комбинаціи старыхъ и только наполняя ихъ тѣмъ новымъ пониманіемъ жизни, которое собственно и составляетъ ея прогрессъ передъ прошлымъ?» Авторъ указываетъ далѣе на то, что Шекспиръ строилъ свои драмы большею частью на итальянскихъ новеллахъ, а историческія пьесы—на хроникѣ Голиншеда, на то, что легенда о Фаустѣ обошла подъ разными именами всю старую и новую Европу. Изъ всего этого дѣлается имъ такой общій выводъ: «Нѣтъ повѣсти или романа, говоритъ онъ, которыхъ положенія не напоминали бы намъ подобныя же, встрѣченныя нами при другомъ случаѣ, можетъ быть, нѣсколько переиначенныя и съ другими именами. Интриги, находящіяся въ обращеніи у романистовъ, сводятся къ небольшому числу, которое легко свести къ еще меньшему числу болѣе общихъ типовъ: сцены любви и ненависти, борьбы и преслѣдованія, встрѣчаются намъ однообразно въ романѣ и новеллѣ, въ легендѣ и сказкѣ, или, лучше сказать, однообразно провожаютъ насъ отъ миѳической сказки къ новеллѣ и легендѣ и доводятъ насъ до современнаго романа». Проф. Веселовскій ссылается на то, что шпильгагенскаго Лео (изъ романа «Одинъ въ полѣ не воинъ») можно угадать въ Прометеѣ Эсхила, въ Pramathas индійскаго эпоса, въ миѳѣ о снесеніи небеснаго огня на землю. Въ сущности, во всемъ

этомъ разсужденіи онъ переноситъ на всю литературу то, что можно сказать только о ея части. Для него эволюція литературы сводится «на прогрессъ общественной мысли въ границахъ устойчивой поэтической формулы». Сравнительное изученіе литературъ, говоритъ онъ, «открыло знаменательный фактъ: это—рядъ неизмѣнныхъ формулъ, далеко простирающихся въ области исторіи отъ современной поэзіи къ древней, къ эпосу и миѳу», а отсюда его «новая задача» исторіи литературы—«прослѣдить, какимъ образомъ новое содержаніе жизни проникаетъ старые образы».

Итакъ, А. Н. Веселовскій въ своей вступительной лекціи рѣшительнымъ образомъ измѣняетъ «ходячія понятія о творчествѣ»: «теорію личнаго творчества» онъ считаетъ совсѣмъ устраненною открытіями сравнительнаго метода [1]), и даже современный романъ для него только «заявляетъ себя личнымъ измышленіемъ самого автора», тогда какъ въ существѣ дѣла и здѣсь происходитъ «заимствованіе новымъ авторомъ у старыхъ». Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы уже подвергли своей критикѣ эту теорію, указавъ главнымъ образомъ на то, что не изсякла же такъ-таки вдругъ та способность, которая въ «эпической старинѣ» создавала первообразы, формулы и мотивы, переходившіе потомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, что движеніе жизни отражается на литературѣ не однимъ наполненіемъ старыхъ образовъ новымъ пониманіемъ жизни, но и созданіемъ новыхъ образовъ. Съ другой стороны, ограниченіе творчества извѣстными опредѣленными формулами и устойчивыми мотивами можетъ быть объяснено, помимо заимствованія, тѣмъ, что творчество всегда въ сущности воспроизводитъ одинъ и тотъ же міръ. «Опредѣленность количества романическихъ интригъ, спрашивали мы, не объясняется ли ограниченностью общеинтересныхъ сторонъ жизни на всѣхъ ступеняхъ развитія? Сведеніе этихъ интригъ къ небольшому числу общихъ типовъ не объясняется ли ограниченнымъ количествомъ тѣхъ категорій, подъ которыя можно подвести явленія личной жизни? Развѣ недостаточно того, что вездѣ бываютъ сцены любви и ненависти, борьбы и преслѣдованія, чтобы онѣ могли изображаться въ литературѣ, а нужно еще, чтобы для нихъ были первообразы въ эпической старинѣ?»

На такой точкѣ зрѣнія удержаться почтенному автору «Метода и задачи исторіи литературы» было трудно, и въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ работъ онъ значительно отступилъ отъ своей теоріи, признавъ личное творчество тамъ, гдѣ прежде его отрицалъ или, по крайней мѣрѣ, игнорировалъ. Проф. Веселовскій очень рѣдко подымаетъ въ своихъ трудахъ общіе теоретическіе вопросы и съ тѣмъ

[1]) «Теорія личнаго творчества была подорвана», стр. 9.
[2]) Литературная эволюція на Западѣ, стр. 59—65.

большимъ интересомъ читается небольшая вступительная статья къ одной изъ его спеціальныхъ работъ [1]), озаглавленная въ формѣ вопроса — «Исторія или теорія романа?» На первой же страницѣ этой статьи мы читаемъ слѣдующія слова, въ которыхъ авторомъ за извѣстною частью литературы отрицается «традиціонное значеніе», приписывавшееся раньше всей литературѣ, не исключая и современнаго романа. «Вездѣ, говоритъ проф. Веселовскій, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную исторію, на первомъ мѣстѣ являются тѣ произведенія народной поэзіи, не знающей творца, которыя мы обыкли объединять именемъ эпоса, и *надо перенестись къ другому концу развитія, чтобы встрѣтить тотъ особый родъ повѣстей и разсказовъ, лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ личнымъ авторамъ, которые назовутся новеллами, романами и т. д.*» [2]). Между романами, говоритъ онъ еще, принадлежащими личнымъ авторамъ, и эпосомъ, незнающимъ творца, «прошла цѣлая исторія, наполненная выдѣленіемъ лирики и драмы», и весь вопросъ въ томъ, «при какихъ условіяхъ совершилось это выдѣленіе». Если принять въ расчетъ, что эпосъ стоитъ въ началѣ литературной эволюціи, а романъ—въ концѣ (не въ абсолютномъ, конечно, смыслѣ), то вопросъ этотъ касается всей эволюціи, которую авторъ и задумалъ прослѣдить въ своемъ очеркѣ, чтобы указать, между прочимъ, именно на постепенное ослабленіе «традиціоннаго элемента» въ поэзіи. «Черты эпическаго міросозерцанія, читаемъ мы у него, извѣстны: *общность умственнаго и нравственнаго кругозора, невыдѣленность личности; нѣтъ поэта, а пѣвецъ отъ всѣхъ и за всѣхъ,* поющій про то, что всѣмъ извѣстно и всѣхъ интересуетъ, какъ могъ бы спѣть всякій другой, а онъ лучше другихъ лишь потому, что ему болѣе другихъ дарованъ божествомъ даръ общаго слова—эпоса» [3]). «Это единеніе пѣвца и народа, говоритъ авторъ далѣе, это царство общей пѣсни при различныхъ, такъ сказать, стихійныхъ ея исполнителяхъ *было лишь фактомъ времени.* Дальнѣйшій историческій процессъ велъ необходимо къ разъединенію, къ дезинтеграціи быта и міровоззрѣнія, къ выдѣленію изъ общей связи новыхъ сословныхъ и политическихъ группъ и къ *обособленію личности* въ сферѣ этихъ новыхъ формацій... Обособленность личности означаетъ: ослабленіе чувства солидарности между общественной единицей и обществомъ; *иное пониманіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чѣмъ ходячее въ большинствѣ;* у единицы является *свой особый, болѣе или менѣе, ограниченный міръ, во всякомъ случаѣ не тождественный съ общимъ, иногда прямо ему противоположный,*

[1]) *Акад. А. Н. Веселовскій.* Изъ исторіи романа и повѣсти. Спб. 1886. Вып. I. Объ этомъ см. нашу замѣтку «Къ теоріи литературной эволюціи» («Филолог. Записки». 1887, вып. III).

[2]) *Веселовскій,* о. с., 1. [3]) Ibid., 4.

есть желаніе заявиться передъ этимъ общимъ, сосчитаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже чувство только-что отвоеваннаго внутренняго міра съ его новыми откровеніями» [1]). Все это проситъ исхода и находитъ его и въ личной философіи, и въ личной поэзіи, «личной, продолжаетъ авторъ, не въ томъ только смыслѣ, что *она исходитъ изъ единицы*, впервые ощутившей себя не сказителемъ общаго, всѣмъ извѣстнаго преданія, а творцомъ-поэтомъ, но и потому, что эта поэзія уйдетъ на долгое время *въ анализъ собственнаго «я»*, его горя и радости, его порывовъ и разочарованій. Таковъ генезисъ лирической поэзіи, но въ то же время и драмы. Новый, личный поэтъ не могъ относиться къ содержанію древняго эпическаго преданія такъ же, какъ пѣвецъ гомеровской эпохи: онъ настолько отчужденъ отъ него, насколько, отчасти по крайней мѣрѣ, *разложилъ его въ своемъ сознаніи, вложилъ въ него свою собственную душу. Пріученный къ самонаблюденію, къ анализу своей психики, онъ вносилъ его* и въ тѣ традиціонные, миѳическіе разсказы, которые составляли основныя темы эпоса. Отъ этого получалось новое освѣщеніе: главный интересъ не сосредоточивался, какъ въ былое время, на событіи, а на участіи, которое принимало въ немъ то или другое лицо, на ихъ мотивахъ и побужденіяхъ, на ихъ внутренней борьбѣ, однимъ словомъ, на всемъ томъ мірѣ личности, который раскрытъ былъ новымъ прогрессомъ исторіи. Слѣдствіемъ такого взгляда было то, что иныя стороны общаго всѣмъ эпоса перестали привлекать вниманіе, другія выдвинулись на первый планъ: сюжеты для драмы, которая, съ точки зрѣнія содержанія, *является продуктомъ разложенія эпоса подъ вліяніемъ личной мысли»* [2]). Въ другомъ мѣстѣ проф. Веселовскій замѣчаетъ, какія историческія обстоятельства въ періодъ греческой новеллы порвали связь съ прошлымъ, съ его поэтической идеализаціей, уединивъ человѣка, тѣмъ болѣе поэта, въ самого себя, въ его внутренній міръ, откуда онъ попытался *возстановить на свой страхъ* болѣе или менѣе цѣльную картину внѣшняго міра» [3]). Мы, сказано далѣе, — мы по другую сторону кряжа, за которымъ лежитъ общій всѣмъ эпосъ, съ его традиціонными сюжетами и носителями—пѣвцами. *Въ романѣ все нетрадиціонно: поэтъ—сознательный творецъ своего сюжета, ему принадлежатъ и герои*, обыкновенно влюбленные, занятые исключительно собой, своей любовью» [4]). Прежде авторъ говорилъ совсѣмъ не то—даже и о романѣ.

Третьей формой умаленія личнаго начала къ исторіи литературы, — умаленія, доходящаго, какъ мы видѣли, до отрицанія, — является взглядъ, родственный предыдущимъ и отличный отъ нихъ только въ томъ отношеніи, что говоритъ уже не о вліяніи среды

---

[1]) Ibid., 8—9. [2]) Ibid., 9. [3]) Ibid., 10—11. [4]) Ibid., 11.

или традиціи на личность поэта или художника, а прямо о сотрудничествѣ «всѣхъ» въ его работѣ. Представителемъ такого взгляда можно считать, главнымъ образомъ, Бурдо. Онъ сѣтуетъ на историковъ за то, что «на весьма простой, повидимому, вопросъ о томъ, кто авторъ произведенія искусства, они никогда не затрудняются отвѣтить, назвавъ собственное имя. *Они*, поясняетъ онъ свою мысль, *принимаютъ каждое произведеніе искусства за личное твореніе*, а того допустить не въ состояніи, что у ребенка можетъ быть нѣсколько отцовъ. Вглядываясь, однако, въ дѣло ближе, мы видимъ, что задача эта сложная, и *подумавъ* (après réflexion) *мы считаемъ себя въ правѣ сказать: авторъ произведенія искусства—всѣ* (l'auteur d'un chef-d'oeuvre, c'est tout le monde). Если ограничиваться, продолжаетъ Бурдо, разсмотрѣніемъ непосредственнаго происхождении (la provenance directe), то, конечно, произведеніе исходитъ отъ какого-либо автора, который его задумалъ, создалъ и безъ котораго оно не существовало бы». Но, «думать, что онъ все сдѣлалъ *безъ образцовъ и безъ помощи,* значило бы ужаснѣйшимъ образомъ ошибиться». Нужно «изслѣдовать дѣйствіе, произведенное на автора *соціальной средой и традиціей*. Трудно опредѣлимыя, но чрезвычайно широкія вліянія участвуютъ вмѣстѣ съ особыми вліяніями и *личнымъ вдохновеніемъ* въ произведеніи прекрасныхъ твореній» [1]). Это общее положеніе, высказанное относительно всѣхъ художествъ, авторъ доказываетъ примѣрами, заимствованными изъ области литературы. «Рѣдко, такъ начинаетъ онъ свою аргументацію, — рѣдко сюжетъ, обрабатываемый писателемъ, извлекается имъ изъ самого себя. Обыкновенно это бываютъ данныя, *доставляемыя реальною жизнью или заимствованныя въ какомъ-нибудь болѣе раннемъ произведеніи*. Воображеніе, которое считаютъ за наиболѣе изобрѣтательную изъ нашихъ способностей, *не имѣетъ силы творить, а только силу абстракціи и комбинаціи*... Писатели, продолжаетъ онъ, *подражаютъ другъ другу гораздо болѣе, чѣмъ природѣ*» [2]),—и доказываетъ это частное положеніе на примѣрахъ, представляемыхъ творчествомъ Шекспира, Мольера, Лафонтена. Поэтому Бурдо считаетъ возможнымъ сказать, что въ литературной республикѣ господствуетъ въ качествѣ закона самый широкій коммунизмъ. «Единственная истинная оригинальность, думаетъ онъ, заключается *въ подражаніи неподражаемымъ образомъ*. Одни и тѣ же сюжеты переходятъ изъ рукъ въ руки, какъ вооруженіе Ахилла, служившее въ подвигахъ цѣлыхъ поколѣній героевъ. Самые прекрасные типы литературы и искусства достигаютъ высшаго своего совершенства только въ работѣ вѣковой очистки». Другой аргументъ Бурдо — указаніе на народную поэзію. «Иногда даже, говоритъ онъ, произведенія

---

[1]) *Bourdeau*, 37. [2]) Ibid., 38

и притомъ, можетъ быть, самыя совершенныя являются, *какъ возникающія непосредственно въ нѣдрахъ толпы*... [1]). Самая высокая поэзія, такая, которая передаетъ общія чувства и создаетъ вѣковѣчные типы, существеннымъ образомъ есть *результатъ коллективной работы*» [2]). Общій выводъ тотъ, что изобрѣтательность нельзя поставить въ число писательскихъ заслугъ. Но, можетъ быть, относительно формы, писатели будутъ счастливѣе? спрашиваетъ Бурдо — для того, чтобы и на этотъ вопросъ дать отвѣтъ не въ ихъ пользу, относя бо̀льшую часть заслуги насчетъ «безвѣстныхъ *предшественниковъ* (писателя), *пробовавшихъ свои силы въ томъ же родѣ*, но безъ равнаго (съ нимъ) успѣха». Когда все подготовлено другими, работа до-нельзя легка: «матеріалъ собранъ и обдѣланъ, планъ, по которому должны строить, начертанъ. Чтобы воздвигнуть зданіе, достойное удивленія, должно быть не слишкомъ неловкимъ. Что̀ бы ни дѣлали, все выйдетъ образцовымъ» [3]). Далѣе Бурдо доказываетъ, что съ особою силою вліяніе традиціи проявляется въ средствахъ исполненія и техническихъ пріемахъ искусства, особенно останавливаясь на языкѣ, который является «твореніемъ не нѣсколькихъ высшихъ умовъ, обрабатывающихъ его по своему, но цѣлаго говорящаго на немъ народа», такъ что, прибавляетъ онъ, въ этомъ дѣлѣ «литераторы имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ публика» [4]).

Бурдо не останавливается на одномъ содѣйствіи, оказываемомъ публикой писателямъ въ средствахъ исполненія: «она, говоритъ онъ, вмѣшивается въ ихъ дѣятельность, чтобы еще вдохновлять, судить, оцѣнивать ихъ произведенія... *Искусство живетъ общественнымъ одобреніемъ и идетъ туда, куда зовутъ его похвалы*... [5]). «*Вдохновляемые*» *общественнымъ вкусомъ* «*писатели суть только его истолкователи*... [6]). *Геніальность состоитъ въ умѣніи выражать лучше, чѣмъ кто бы то ни было, мысль всѣхъ*. Геній излагаетъ на прекрасномъ языкѣ то, что чувствовала, но propter egestatem linguae не могла выразить толпа... Такимъ образомъ, *великій*, *истинный поэтъ*, *въ концѣ концовъ*, *публика*. Писатели суть только ея отзвукъ. Толпа грезитъ, поэтъ поётъ, и тѣ, которые представляются намъ творящими въ восторгѣ, въ сущности только произносятъ звучнымъ голосомъ то, что имъ совсѣмъ тихонько нашептываетъ народная муза» [7]). Публика вдохновляетъ, публика и судитъ: «авторы плохіе судьи собственныхъ произведеній... [8]). Лучшій судья, самый вѣрный цѣнитель — публика» [9]). Отсюда, по мнѣнію Бурдо, произведенія литературы не сами по себѣ бываютъ хороши или дурны, а общественный приговоръ сообщаетъ имъ то или другое значеніе. «Шедёвры, по его словамъ, не рождаются

---

[1]) Ibid., 40. [2]) Ibid., 41. [3]) Ibid., 43. [4]) Ibid., 45. [5]) Ibid, 46. [6]) Ibid., 47. [7]) Ibid., 48. [8]) Ibid., 51 sq. [9]) Ibid., 53.

таковыми, они становятся таковыми въ силу приговора, утвержденнаго рядомъ поколѣній. Лучшимъ ихъ опредѣленіемъ было бы сказать: это произведенія, которымъ наиболѣе удивляются»[1]).

Общій свой выводъ изъ предыдущаго разсужденія Бурдо высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «вы видите, сколько общихъ вліяній стекается для созданія прекрасныхъ произведеній. *Ихъ созиданіе, повидимому, личное, въ дѣйствительности есть коллективное, и въ работѣ участвуютъ болѣе или менѣе всѣ.* Сюжетъ, избранный авторомъ, способъ его разработки, вдохновеніе, его оживляющее, языкъ, коимъ онъ пользуется, традиціи, которымъ онъ слѣдуетъ, примѣры, его направляющіе, просвѣщающая его критика, оцѣнка, дѣлаемая его произведенію, и увѣнчивающая его слава, все это происходитъ изъ толпы. Его руководителями являются его предшественники, помощниками — современники, судьей — потомство. Прошедшее, настоящее и будущее цивилизаціи отражаются, такимъ образомъ, на его произведеніи и сообщаютъ ему блескъ. Въ каждой блестящей реализаціи идеала просвѣчиваетъ душа человѣчества. *Великія произведенія, коимъ мы удивляемся, суть результатъ сотрудничества всѣхъ людей вкуса, l'oeuvre de la raison artiste*»[2]).

Въ томъ, что есть вѣрнаго въ воззрѣніяхъ Бурдо, никто не откажется видѣть сильное преувеличеніе, и при всемъ томъ, защищая свои парадоксы, Бурдо не можетъ не вводить въ свои соображенія такихъ положеній, которыя ихъ въ сущности подрываютъ. Мы уже знаемъ, какъ вообще аргументируетъ этотъ строгій критикъ всѣхъ историковъ[3]), и было бы излишнимъ подвергать его воззрѣнія на литературу подробному анализу, но нельзя не обратить вниманіе читателя на тѣ мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о «личномъ вдохновеніи», о томъ, что задумывается произведеніе какимъ-либо авторомъ, и что нужна особая геніальность, дабы умѣть лучше, чѣмъ кто бы то ни было, выразить мысль всѣхъ.

Sed audiatur et altera pars. Въ недавнее время сдѣлана была попытка защитить личное творчество отъ преувеличеній, заключающихся въ теоріи среды, традиціи и поголовнаго участія «всѣхъ» въ созданіи литературныхъ произведеній. Я имѣю въ виду «Научную критику» Геннекена, содержащую въ себѣ набросокъ цѣлой теоріи историческаго процесса[4]), равно какъ весьма несочувственный анализъ основныхъ взглядовъ Тэна. Послѣдній былъ нами приведенъ нѣсколькими страницами выше[5]), теперь же мы познакомимся съ собственными взглядами Геннекена. Онъ прежде всего объясняетъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать то положеніе, что «литература и

[1]) Ibid., 54. [2]) Ibid., 56. [3]) См. выше, стр. 94 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 88 и слѣд. [5]) См. стр. 509 и слѣд.

искусство представляютъ общество, изъ коего онѣ вышли, и начертываютъ его внутреннюю исторію».—«Душа народа, говоритъ онъ именно, живетъ въ его памятникахъ не потому, чтобы онъ ихъ создалъ, опредѣлилъ, сообщилъ имъ характеръ, но потому, что его искусство, являющееся въ совершеннѣйшихъ своихъ произведеніяхъ продуктомъ дѣятельности цѣлаго ряда *людей, часто не представляющихъ ни малѣйшей черты, которую можно было бы приписать ихъ расѣ или ихъ эпохѣ*, обнаруживаетъ послѣдовательностью своихъ славныхъ проявленій и даже по мѣрѣ этой славы, какое направленіе имѣли склонности народа, каковъ былъ его собственный геній, его духовное развитіе въ разныя его эпохи и въ разныхъ его средахъ. Литературная и художественная исторія народа, продолжаетъ онъ, если только исключить произведенія съ ничтожнымъ успѣхомъ и разсматривать каждаго автора съ точки зрѣнія его знаменитости,—представляетъ рядъ типическихъ умственныхъ организацій народа, т.-е. его психологическія эволюціи. «Pilgrim's Progress» и пѣсни Беранже знаменательны для Англіи конца XVII в. и для Франціи 1830 г. Но знаменательны они не потому, что они возникли въ эти двѣ эпохи въ этихъ двухъ странахъ, но потому, что они тамъ сильно читались, читались съ восхищеніемъ, потому, что они проникали въ сердца, воспламеняли и очаровывали умы. Будь англійскія души болѣе легкомысленны, Беньянъ, по всей вѣроятности, все-таки продолжалъ бы писать свою книгу, которая тогда осталась бы нѣмой и безплодной и только увеличила бы количество мертворожденныхъ произведеній. Будь душа Франціи настроена болѣе трагически, весьма вѣроятно, что Беранже увеселялъ бы своими пѣсенками какой-нибудь неизвѣстный кабачекъ, но толпа ихъ презирала бы и не стала бы ихъ пѣть. Эти два человѣка не были бы типами, и изъ нихъ нельзя было бы извлечь соціологическихъ выводовъ. Съ исторической точки зрѣнія ихъ значеніе заключается въ ихъ популярности, а вовсе не въ ихъ происхожденіи и ихъ качествахъ. Они отмѣчаютъ и представляютъ эволюцію французской или англійской души, не потому, чтобы слѣдовали за этой эволюціей, а потому, что ей предшествуютъ и ее установляютъ, резюмируя ее и опять-таки не какъ экземпляры или образчики, но какъ типы. Такимъ образомъ, заключаетъ Геннекенъ, нѣтъ ничего невѣрнаго въ стремленіи опредѣлять народъ его литературой, только нужно это дѣлать, не геніевъ привязывая къ народамъ, а, наоборотъ, подчиняя послѣдніе первымъ, разсматривая народы въ ихъ художникахъ, публику въ ея идолахъ, массу въ ея вождяхъ» [1]). Къ сожалѣнію, Геннекенъ не далъ надлежащаго развитія своимъ мыслямъ, заключающимъ въ себѣ много вѣрнаго. Быть можетъ, высказываясь полнѣе,

---

[1]) *Hennequin*, 159—161.

авторъ «Научной критики» не избѣгъ бы преувеличеній, въ пониманіи того начала, которое стушевывается, принижается, отрицается въ основныхъ взглядахъ Тэна, Веселовскаго (прежнихъ), Бурдо, но суть его мысли все-таки составляла бы истину, часто теперь игнорируемую.

О теоріяхъ исторіи литературы мы могли бы повторить здѣсь то же самое, что говорено нами было о теоріяхъ исторіи права: вся работа еще впереди [1]). Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы новѣйшіе литературные теоретики такъ-таки не ставили интересующаго насъ вопроса, но постановка, какую онъ у нихъ получаетъ, кажется намъ слишкомъ узкой и спеціальной. Для примѣра мы можемъ сослаться на «Поэтику» Шерера [2]), значительную часть которой [3]) занимаетъ глава подъ названіемъ «Поэты и публика», разсматривающая общія условія возникновенія и существованія поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея зависимость «von der Beschaffencheit der Geister, aus denen sie flieszt, und der Geister, in welche sie eingehen soll». Здѣсь, между прочимъ, авторъ говоритъ о творчествѣ (die dichterische Production), «равно какъ о личныхъ условіяхъ, при каковыхъ обыкновенно совершается творчество» [4]). Примѣняя къ поэзіи экономическое ученіе о природѣ, капиталѣ и трудѣ, какъ «факторахъ производства», онъ приравниваетъ къ капиталу «уже накопленные продукты, *традицію*, *традиціонныя матеріи*, *традиціонныя формы*, *которыя поэтъ находитъ готовыми*»: «то, что выработали раньше остальные поэты по части содержанія и формы, изощряетъ его взглядъ, обогащаетъ его технику». Подъ работой Шереръ разумѣетъ «способъ, какимъ поэтъ усвоиваетъ (aneignet) эту традицію, пользуется капиталомъ и его преумножаетъ и вновь черпаетъ изъ міра поэтическаго содержанія»,—при чемъ тутъ же

---

[1]) Въ 1888 г. въ *Nuova Antologia* была напечатана статья *Ад. Боргоньони* подъ заглавіемъ: «Новое въ искусствѣ» (см. рус. пер. въ «*Русской Мысли*» за іюль 1889 г.), весьма интересная съ нашей точки зрѣнія. Авторъ протестуетъ противъ ученія, «провозглашающаго, что новизна, оригинальность, индивидуальность, субъективность просто-на-просто выдумка или, въ крайнемъ случаѣ, одна изъ иллюзій людей наивныхъ, а вовсе не выводъ критики, опыта и исторіи». По этому ученію, «художникъ, поэтъ есть не что иное, какъ истолкователь, переводчикъ тѣхъ, кто его окружаетъ, онъ только повторяетъ, болѣе или менѣе сжато, болѣе или менѣе пространно и въ другихъ выраженіяхъ то, что ему говорятъ окружающіе его люди и вещи... Поэтъ—это корридоръ, по которому проносится вѣтеръ» (88). Теорію среды онъ и называетъ теоріей о корридорѣ, указывая на то, что въ художникѣ есть нѣчто, не получающееся отъ среды и ею не создающееся,—таланть, вдохновеніе, творческая сила: гдѣ искусство, тамъ воля, сознательность, свобода выбора. «Если поэтъ — корридоръ, а поэзія—вѣтеръ, то что же это за странный корридоръ, который можетъ по своему усмотрѣнію отворять и затворять или оставлять полуотворенными свои окна и двери» и т. д.? (89). Къ сожалѣнію, Боргоньони не идетъ въ глубь предмета.

[2]) *W. Scherer*. Poetik. Berlin. 1888. [3]) Стр. 72—204. [4]) Ibid., 147.

Шереромъ выдвигается вопросъ о томъ, что даетъ намъ въ томъ или другомъ случаѣ поэтъ—пережитое ли нѣчто, или нѣчто вычитанное [1]). Та же политико-экономическая аналогія приводитъ его далѣе къ идеѣ о раздѣленіи труда, въ связи съ чѣмъ и ставится вопросъ «объ участіи многихъ поэтовъ въ одномъ и томъ же произведеніи». Это участіе, по словамъ Шерера, бываетъ двоякаго рода: въ одномъ случаѣ поэты знаютъ другъ о другѣ, въ другомъ нѣтъ. Къ первому случаю относятся: 1) совмѣстная работа въ родѣ той, какая особенно въ ходу у французскихъ драматическихъ писателей, 2) продолженіе однимъ поэтомъ неоконченнаго или даже оконченнаго произведенія другого, 3) разные виды передѣлокъ и переработокъ [2]). Все это понятно, но, спрашиваетъ самъ Шереръ, «могутъ ли двое или большее число поэтовъ работать рядомъ другъ съ другомъ, не зная другъ о другѣ?» На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ довольно подробно въ формѣ конкретнаго примѣра изъ области развитія сказаній и эпическихъ поэмъ, но для цѣлей нашего изложенія нѣтъ надобности передавать эту слишкомъ спеціальную часть разсужденія Шерера. Гораздо важнѣе для насъ тотъ отдѣлъ книги, гдѣ авторъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о творческихъ силахъ души (die schaffenden Seelenkräfte) [3]), давая въ сущности лишь маленькое психологическое изслѣдованіе о фантазіи. Съ характеромъ психологическаго изслѣдованія является и слѣдующій отдѣлъ подъ заглавіемъ «Genie und Wahnsinn» [4]), но страницы, на коихъ Шереръ излагаетъ свои и чужіе взгляды на этотъ предметъ, представляютъ весьма мало интереса для нашей темы. Наконецъ и въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Verschiedenheiten der Dichter» [5]), Шереръ затрогиваетъ весьма интересный вопросъ о principia individuationis, замѣтивъ въ самомъ же началѣ, что это—eine Erorterung, die nicht zu Ende zu bringen ist. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе для насъ важенъ, что самъ Шереръ ставитъ его въ связь, между прочимъ, съ тѣмъ общимъ явленіемъ, что «поэты съ сильной оригинальностью черпаютъ (содержаніе своихъ произведеній) изъ себя или изъ природы, тогда какъ поэты съ меньшею оригинальностью почти всегда изъ традиціи». Къ сожалѣнію, онъ не развилъ этой мысли, поставивъ притомъ рядомъ съ такимъ важнымъ различіемъ, существующимъ между поэтами, другія, не могущія (для нашей темы, по крайней мѣрѣ) имѣть большого значенія, напр., «ob sie (поэты) ihr Werk fürs Gedächtniss oder auf Schrift einrichten», или «ob der Dichter dictirt oder nicht und wieder ob er das thut, weil er selbst des

---

[1]) Ibid., 148.

[2]) Ibid., 150—153. Опускаемъ здѣсь перечисленіе разныхъ видовъ von Veränderungen und Ueberarbeitungen, какъ предметъ, слишкомъ спеціальный по отношенію къ тому вопросу, ради котораго мы излагаемъ здѣсь взгляды Шерера.

[3]) Ibid., 159—170. [4]) Ibid, 170—177. [5]) Ibid., 177—185.

Schreibens unkundig ist, oder nicht» [1]). Только весьма немногое можетъ быть отмѣчено нами на этихъ страницахъ, какъ прямо относящееся къ предмету настоящей главы. Къ числу мѣстъ, достойныхъ вниманія, принадлежатъ развѣ только опредѣленіе личнаго стиля [2]) и слѣдующее небольшое разсужденіе: «само собою разумѣется, что поэтъ долженъ платить дань своему времени, что его стиль причастенъ стилю времени и чрезъ то самое опредѣляется. И такъ какъ все-таки случается, что *люди стоятъ внѣ времени, т.-е. находятся подъ вліяніемъ прошедшаго или выступаютъ, какъ первые люди будущаго*, то бываетъ и между поэтами, что они отстаютъ или забѣгаютъ впередъ, и, прибавляетъ Шереръ, отъ этого весьма часто зависитъ трагическая судьба поэта, какъ, напр., Генриха фонъ-Клейста» [3]).

Вотъ и все существенное о самихъ поэтахъ. Что же касается до взаимныхъ отношеній между ними и публикой, то Шереръ различаетъ тутъ нѣсколько оттѣнковъ: есть поэты, которые исключительно и всегда только и думаютъ о публикѣ; другіе имѣютъ въ виду извѣстную, опредѣленную публику; иные о публикѣ заботятся мало или даже совсѣмъ не заботятся; бываютъ и такіе, что льстятъ читателю и т. д. Вслѣдствіе всего этого, замѣчаетъ Шереръ, «ученіе о публикѣ является важною частью поэтики» [4]). Первый тезисъ, который выставляется имъ въ этомъ «ученіи», заключается въ томъ, что «*различіе публики должно необходимымъ образомъ дѣйствовать на производство*. Это различіе, продолжаетъ онъ, безконечно, какъ и среди поэтовъ, но не столь индивидуально; писателю въ общемъ приходится считаться съ массами». Общество расчленяется на разныя группы, и если произведеніе назначено для всѣхъ классовъ и ступеней образованія, то нужно имѣть въ виду своего рода среднюю величину: разъ писатель не умѣетъ или не хочетъ съ этимъ сообразоваться, одна часть публики можетъ быть удовлетворена, другая—нѣтъ [5]). Поэтому весьма важно, заключаетъ отсюда Шереръ, «обращать вниманіе на то, какіе оттѣнки публики выступаютъ въ исторіи литературы. *Публика весьма сильно сотрудничаетъ съ писателями*. Вопросъ въ томъ, что она позволяетъ себѣ предлагать. Публика Аѳинъ, Флоренціи, Парижа составляетъ условіе соотвѣтственной литературы и потому заслуживаетъ большого вниманія. Безъ специфическаго веймарскаго общества Гёте не могъ бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ». Въ дальнѣйшемъ изложеніи «ученія о публикѣ» авторъ, однако, сознательно устраняетъ всѣ эти различія и разсматриваетъ, такъ сказать, публику вообще, среднюю публику (ein Durchschnittspublicum) [6]). Главное вниманіе обращено Шереромъ на вкусы публики, напр., на ея вкусъ къ

---

[1]) Ibid., 177. [2]) Ibid., 178. [3]) Ibid., 181. [4]) Ibid., 185.
[5]) Ibid., 186. [6]) Ibid., 187.

новизнѣ [1]), на способность къ эстетическому наслажденію [2]), на качества произведенія, поддерживающія вниманіе къ нему со стороны читателя, слушателя или зрителя (въ случаѣ драмы) [3]), а также на условія, необходимыя для того, чтобы произведеніе нравилось [4]). Сказать по правдѣ, Шереръ затрогиваетъ здѣсь весьма любопытныя отношенія, безъ пониманія которыхъ не можетъ быть настоящей теоріи исторіи литературы, но разсужденія его крайне поверхностны, и притомъ авторъ имъ совсѣмъ не ставитъ историко-теоретической задачи.

Если бы читатель потребовалъ у насъ формулировки нашихъ собственныхъ взглядовъ на предметъ, по поводу котораго мы коснулись взглядовъ Тэна, Веселовскаго, Геннекена, Шерера, то намъ осталось бы только сослаться на свою книгу о *литературной эволюціи на Западѣ*, которой мы придаемъ значеніе простой попытки поставить вопросъ о роли личности въ исторіи литературы на надлежащую почву [5]). Одну изъ сторонъ литературной эволюціи мы видимъ въ постепенномъ развитіи личной оригинальности, въ усиленіи личной иниціативы, въ увеличеніи свободы личнаго творчества [6]), объясняя освобожденіе личности отъ однихъ внѣшнихъ вліяній подчиненіемъ ея другимъ, согласно съ тѣмъ общимъ взглядомъ, о которомъ говорили на многихъ страницахъ настоящаго тома. Не повторяя здѣсь всего того, что было нами сказано тамъ о взаимодѣйствіи или скрещиваніи разнородныхъ традицій, я укажу только на данное мною объясненіе, какъ происходитъ это взаимодѣйствіе, что и откуда можетъ внести личность новаго въ литературу. «*Не сами*, сказано тамъ по первому пункту,—*не сами такъ или иначе комбинируются между собой элементы одной и той же традиціи*, *не сами собою взаимодѣйствуютъ разнородныя литературы*, *а черезъ человѣческую дѣятельность*, *обусловленную изнутри*,—*характеромъ*, *складомъ ума*, *способностями личности*,—*и извнѣ*,—*духомъ и настроеніемъ общества*,—*различнымъ образомъ и получающую со стороны жизни разные импульсы* [7]). Въ такой переработкѣ традицій, въ ихъ измѣненіяхъ, въ ихъ сліяніяхъ и вытѣсненіяхъ однѣми другихъ мы и видимъ другую сторону литературной эволюціи, параллельную развитію личной оригинальности, усиленію личной иниціативы, увеличенію свободы личнаго творчества. Съ другой стороны, «что бы въ природѣ самой личности или въ окру-

---

[1]) Ibid., 187—189. [2]) Ibid., 189—191. [3]) Ibid., 191—197. [4]) Ibid., 197—203.

[5]) Въ *Литературной эволюціи* мы подвели итогъ своимъ взглядамъ въ распространенныхъ тезисахъ, занимающихъ стр. 319—334.

[6]) Литературная эволюція, 51—52. Изложенный на этихъ страницахъ взглядъ нашелъ подтвержденіе въ томъ, что говоритъ проф. Веселовскій во второй изъ разсмотрѣнныхъ выше его статей.

[7]) Ibid., 53—56.

жающихъ ее условіяхъ жизни ни содѣйствовало большему или меньшему, болѣе полному и широкому или болѣе ограниченному и частному освобожденію личнаго творчества отъ данной литературной традиціи, личность либо подчиняется другой готовой традиціи, либо вноситъ въ литературу элементы, въ литературѣ еще не существовавшіе, но уже бывшіе въ другихъ традиціяхъ жизни и въ нихъ имѣвшіе свои эволюціи» [1]). Это и есть второй пунктъ, нуждающійся въ поправкѣ. Процессъ освобожденія личности представленъ здѣсь, какъ подчиненіе ея другимъ традиціямъ литературнымъ и нелитературнымъ, т.-е., все-таки чему-то внѣшнему. Хотя я вовсе этого не думалъ, когда писалъ *Литературную эволюцію*, но такой формулировкой далъ поводъ упрекать и себя въ отрицаніи личнаго творчества, вслѣдствіе того, что не указалъ съ большею силою на внутреннюю переработку личностью— внѣшнихъ вліяній, въ коей и состоитъ творчество. Впрочемъ, на послѣднюю я обратилъ вниманіе въ слѣдующихъ словахъ: «Соприкосновеніе творчества съ иными литературными традиціями, нежели та, въ которой оно вращалось, особенно сильно дѣйствуетъ на освобожденіе творчества отъ проторенныхъ путей, когда они изъѣзжены вдоль и поперекъ и уклоняются отъ другихъ путей, по коимъ идутъ эволюціи иныхъ сторонъ жизни. Всякій переворотъ въ жизни сопровождается паденіемъ породившей его традиціи, и для смѣны послѣдней либо *приходится выработать новую изъ измѣнившихся идей и настроеній, предметовъ н отношеній, вопросовъ и интересовъ измѣнившейся дѣйствительности*, либо найти другую, готовую, болѣе подходящую къ новымъ формамъ жизни традицію, и послѣднее, конечно, легче вообще и особенно представляется болѣе легкимъ тамъ, гдѣ эволюція личной оригинальности не сдѣлала большихъ успѣховъ» [2]). Но такія оговорки, — готовъ въ этомъ сознаться, — недостаточно оттѣнены, когда у меня рѣчь идетъ объ условіяхъ личной эманципаціи, что и было причиною нападенія на меня со стороны одного критика, находившаго, что я совершенно такъ же отрицаю личное творчество, какъ и А. Н. Веселовскій въ своей вступительной лекціи [3]). Почтенный оппонентъ находитъ вѣрною ту мысль, что въ основѣ литературной эволюціи лежитъ взаимодѣйствіе творчества и традиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что изъ книги не видно,

---

[1]) Ibid., 56. [2]) Ibid., 57.

[3]) Въ засѣданіи петербургскаго Общества романо-германской филологіи 3-го февр. 1889 г. «*Литературная эволюція*» была подвергнута критикѣ въ спеціально посвященномъ ей рефератѣ г. Мандельштама. Мой споръ съ нимъ, не окончившійся въ этомъ засѣданіи, занялъ еще два засѣданія. См. отчеты объ этихъ засѣданіяхъ (27, 28 и 29) въ газетѣ «Новости» за 1889 г., (№№ 37 и 64), а также протоколы въ «Пантеонѣ Литературы» за 1889 г., апрѣль (Современная лѣтопись, стр. 5—9).

въ чемъ же заключается личная иниціатива, свобода личнаго творчества, объ усиленіи которой я постоянно говорю. По его мнѣнію, не соглашаясь только на словахъ съ воззрѣніемъ проф. Веселовскаго, на самомъ дѣлѣ я думаю то же самое, что и онъ; что же касается разницы, отмѣченной мною между прежними и теперешними взглядами этого ученаго, то ихъ вовсе не существуетъ: однимъ словомъ, проф. Веселовскій думалъ и говорилъ всегда одно и то же, и я являюсь по существу дѣла совершенно съ нимъ согласнымъ. Насколько вѣрно такое заключеніе моего критика, объ этомъ можетъ судить самъ читатель, такъ какъ у него въ настоящей книгѣ передъ глазами весь относящійся сюда матеріалъ. Другое дѣло—указаніе на то, что идея эволюціи подрывается у меня признаніемъ новыхъ фактовъ, которые могутъ появляться въ литературѣ, и на то, что, съ другой стороны, признаніемъ эволюціи я, въ сущности, отрицаю личное творчество, защищавшееся мною противъ проф. Веселовскаго. Пересматривая въ настоящее время свои прежніе взгляды, я понимаю теперь, чѣмъ обусловливается его нападеніе на меня по поводу якобы непризнаванія мною личнаго творчества. Дѣло въ томъ, что, постоянно отмѣчая внѣшнія вліянія на личность, я недостаточно сильно отмѣчалъ ихъ переработку личностью, въ чемъ только и можетъ состоять творчество, а указывая на внѣшнія условія, благопріятныя для личной эманципаціи [2]), мало останавливался на внутреннемъ моментѣ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы все это нами отрицалось. «Какъ состояніе индивидуальнаго сознанія, сказано было у насъ, наприм.,—какъ *внутренній психическій актъ*, творчество есть *явленіе личной жизни*, которое въ своихъ продуктахъ зависитъ, однако, отъ условій и содержанія представляемыхъ окружающею средою и слѣдовательно средою жизненною въ ея духовныхъ и общественныхъ сторонахъ и въ частности въ ея литературныхъ традиціяхъ: среда обусловливаетъ творчество, благопріятствуя или неблагопріятствуя его оригинальности, способствуя или препятствуя возбужденію творческаго акта, сообщая ему извѣстное направленіе, давая извѣстный матеріалъ, ставя цѣли и т. п., когда сама такъ или иначе отражается на личномъ развитіи всѣмъ своимъ духовнымъ содержаніемъ и всѣми своими внѣшними отношеніями. Чѣмъ болѣе высокое и многостороннее развитіе можетъ получить личность писателя при данныхъ условіяхъ культуры и соціальной организаціи, тѣмъ способнѣе эта личность къ оригинальному творчеству,—*не принимая, конечно, въ расчетъ прирожденнаго таланта* и біографическихъ случайностей, обусловливающихъ авторскую дѣятельность и сообщающихъ ей то или другое направленіе, то или другое количество силы...

---

[1]) Литературная эволюція, 65.

[2]) Ср. выше, стр. 526.

Съ другой стороны, творчество оказываетъ несомнѣнное вліяніе на жизнь уже по одному тому, что *всякія измѣненія въ культурно-соціальной средѣ суть результаты хотя бы минимальнаго и коллективнаго творчества.* Въ частности, именно по отношенію къ литературѣ, *чѣмъ болѣе жизненныхъ импульсовъ вліяетъ на творчество и чѣмъ своеобразнѣе ихъ переработка,* т.-е. чѣмъ разностороннѣе и оригинальнѣе развита личность по даннымъ культурно-соціальнымъ условіямъ (*я опять не касаюсь случайныхъ психологическихъ и біографическихъ условій, однако, очень важныхъ*), тѣмъ большее вліяніе оказываютъ продукты творчества на жизнь» [1]). Другими словами, я только вскользь упоминалъ о томъ, что мнѣ казалось понятнымъ само собою, и это-то, думаю я, подало поводъ къ недоразумѣнію. Могу еще сослаться на стр. 332 *Литературной эволюціи*, гдѣ говорится, что освобожденію личнаго творчества «способствуетъ общее развитіе личности въ зависимости отъ культурно-соціальныхъ условій и вліяніе на нее разныхъ литературныхъ традицій, отъ комбинаціи и синтеза которыхъ происходитъ вообще инновація въ литературной эволюціи и расширяется сфера творчества отдѣльнаго лица». Признавая «высшимъ результатомъ взаимодѣйствія литературныхъ традицій ихъ синтезъ въ новыя явленія», видя въ «соединеніи идей одной традиціи съ содержаніемъ другой или содержанія этой съ формами третьей (хотя бы и въ чисто механическомъ соединеніи при слабомъ развитіи оригинальнаго творчества), первую ступень къ этому синтезу», мы объявили его «возможнымъ лишь подъ условіемъ *самостоятельной переработки* входящихъ въ синтезъ элементовъ». За всѣмъ тѣмъ теоретическія положенія *Литературной эволюціи* я признаю во всѣхъ ихъ подробностяхъ, и если бы мнѣ довелось формулировать ихъ вторично, то я сильнѣе оттѣнилъ бы ту идею о переработкѣ внѣшнихъ вліяній, которая была только намѣчена въ *Литературной эволюціи*, а развита въ настоящемъ трудѣ.

Оканчивая эту главу, просимъ читателя не искать въ ней ничего болѣе, кромѣ, такъ сказать, матеріаловъ для критики юридическихъ и литературныхъ ученій, игнорирующихъ роль личности въ исторіи, и кромѣ, пожалуй, еще, спеціальныхъ иллюстрацій къ общимъ положеніямъ предыдущихъ главъ. Эволюціонныя теоріи права и литературы (равно какъ и другихъ элементовъ культуры)—дѣло будущаго. Этимъ же до извѣстной степени мы оправдываемъ себя, что не дали больше того, что содержитъ въ себѣ настоящая книга по вопросу о роли личности въ культурной исторіи.

---

[1]) Литерат. эвол., 328.

Общій обзоръ второй части.

Какъ и въ первой части этого труда [1]), посвящаемъ двѣ-три страницы общему обзору предыдущаго.

Задачей второй части было опредѣлить роль личности въ культурномъ процессѣ исторіи, т.-е. въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ въ формахъ матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта народовъ [2]). Конечно, намъ прежде всего предстояло дать опредѣленіе самому понятію *культура* [3]) и объяснить, съ какой точки зрѣнія должна смотрѣть на ея перемѣны теорія историческаго процесса въ отличіе отъ исторіи культуры [4]). Этимъ рѣшается вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ будетъ разсматриваться роль личности въ исторіи культуры: именно, мы беремъ не вліяніе человѣка на человѣка же (какъ при разсмотрѣніи прагматическаго процесса), а дѣйствіе личности на культуру.

Относительно культурныхъ образованій мы имѣемъ двѣ основныхъ концепціи — концепцію творчества и концепцію саморазвитія (évolution spontanée) [5]). Эволюціонизмъ, составляющій основную черту философскихъ и историческихъ воззрѣній XIX вѣка, имѣетъ тенденцію до-нельзя умалять значеніе личнаго начала къ исторіи культуры: послѣдняя не просто развивается, а именно саморазвивается. Но такъ какъ эволюціонная концепція имѣетъ за себя весьма многое, а творчества отрицать тоже нельзя, то и является задача опредѣлить роль личнаго творчества при принятіи теоріи развитія [6]). Вотъ основная тема второй части. Такая постановка вопроса обусловливаетъ, какія стороны эволюціонизма разсматриваются нами въ главахъ, посвященныхъ этому предмету.

Съ эволюціонной точки зрѣнія смѣна одного культурнаго факта другимъ не можетъ быть дѣломъ человѣческаго произвола: между

---

[1]) Стр. 335—339. [2]) См. выше, стр. 342—343.

[3]) См. выше, стр. 343 и слѣд. Но особенно см. стр. 421 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 347 и слѣд. [5]) См. выше, стр. 352 и слѣд.

[6]) См. выше, стр. 464.

обоими фактами существуетъ особаго рода закономѣрная связь, которая въ отличіе отъ каузальной можетъ быть названа эволюціонной. Съ разсмотрѣнія этой связи и ея отношеній къ причинности и закономѣрности мы и начинаемъ свое изслѣдованіе [1]), и отдѣлъ, посвященный этому предмету, является необходимымъ дополненіемъ къ тому наброску теоріи исторической причинности, который сдѣланъ былъ нами въ главѣ IV первой части. Не имѣя надобности передавать все содержаніе указаннаго отдѣла, мы отмѣтимъ здѣсь лишь ту нашу мысль, что элементы культуры развиваются не только по собственнымъ своимъ законамъ, но и подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, къ числу коихъ относится и сознательное дѣйствіе на нихъ человѣческой воли [2]). Признавъ, далѣе, существованіе эволюціонныхъ законовъ, мы тѣмъ не менѣе не сочли себя обязанными отожествлять культурную эволюцію съ органической [3]). Первая никоимъ образомъ не объясняется изъ всеобщаго инстинкта, а требуетъ опредѣленныхъ дѣятелей, которые являются иниціаторами дальнѣйшихъ движеній, по отношенію къ каковымъ остальные играютъ роль подражателей [4]). Съ точки зрѣнія причинности нужно различать между причинами, дѣлающими возможнымъ возникновеніе самой иниціативы, и причинами, обусловливающими распространеніе инноваціи посредствомъ подражанія: однѣ могутъ не совпадать съ другими [5]). Говоря о перемѣнахъ этихъ, необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду моменты сознательности, преднамѣренности и цѣлесообразности въ ихъ произведеніи, чему мы и посвящаемъ конецъ второй главы [6]), ибо въ дѣйствіяхъ человѣка, результатами коихъ бываютъ культурныя измѣненія, обнаруживается не только причинное (генетическое), но и цѣлевое (телеологическое) начало. При объясненіи взаимнаго отношенія этихъ двухъ началъ особое вниманіе слѣдуетъ обратить на то, что въ pendant къ «составленію причинъ» мы называемъ «сложеніемъ цѣлой» [7]).

Центральное мѣсто въ оканчиваемой части принадлежитъ главѣ третьей, въ которой разсматриваются взаимныя отношенія культурно-соціальной среды съ ея традиціей и личности съ ея иниціативой. Тутъ дается именно болѣе подробное развитіе взглядовъ, высказанныхъ нами во второмъ томѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* [8]).

---

[1]) См. выше, стр. 367 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 478.

[3]) См. стр. 379 и слѣд., на коихъ излагаются идеи *Лотце*, имѣющія, впрочемъ, отношеніе и къ другимъ вопросамъ, нами разсматриваемымъ.

[4]) См. выше, стр. 386 и слѣд. [5]) См. выше, стр. 389 и слѣд.

[6]) Со стр. 393. Здѣсь разбираются взгляды Вундта, Уорда, Іеринга, Фулье и Коркунова.

[7]) См. выше, стр. 413 и слѣд.

[8]) См. передачу этихъ взглядовъ на стр. 421 и слѣд. и дальнѣйшее ихъ развитіе на стр. 424 и слѣд., при чемъ разсматриваются возраженія, которыя мнѣ были сдѣланы нѣкоторыми критиками.

Тенденція надъ-органической среды заключается въ лишеніи личностей ихъ самостоятельности и оригинальности, тогда какъ личное начало состоитъ не только въ отстаиваніи индивидуальной независимости, но и въ измѣненіи культурно-соціальныхъ формъ по индивидуальной иниціативѣ: въ этомъ заключается основная мысль всей главы, при чемъ подражательное повтореніе является, съ одной стороны, факторомъ, поддерживающимъ старыя формы, съ другой—факторомъ, безъ котораго было бы немыслимо распространеніе новыхъ формъ, возникающихъ въ силу индивидуальныхъ отклоненій отъ существующаго «объективнаго порядка» [1]. Послѣднія сами могутъ быть или безсознательными, не преднамѣренными, или, наоборотъ, сознательными, преднамѣренными [2], при чемъ все, что есть вѣрнаго въ органическомъ взглядѣ, относится, главнымъ образомъ, къ тому, что создается или измѣняется безсознательною, непреднамѣренною дѣятельностью. Самостоятельную роль играетъ личность въ культурномъ процессѣ, конечно, не тогда, когда дѣйствуетъ такимъ образомъ, хотя и трудно провести рѣзкую границу между обоими видами культурныхъ измѣненій [3].

Силу, подчиняющую личность надъ-органической средѣ и цѣлыя поколѣнія—моментамъ ея эволюціи, мы обозначаемъ, какъ культурную традицію, противополагая ей индивидуальную иниціативу [4]. Ихъ взаимное отношеніе въ разныхъ родахъ дѣятельности еще предстоитъ выяснить, но во всякомъ случаѣ самая сильная и прочная традиція оставляетъ для личности извѣстный просторъ и сама не остается неизмѣнной [5], и съ той точки зрѣнія, на которую мы тутъ становимся, механизмъ историческихъ перемѣнъ сводится къ индивидуальнымъ инноваціямъ, подхватываемымъ массовымъ подражаніемъ [6]. Сила подражанія и стоящая съ нею въ связи сила косности суть главныя силы культурной традиціи [7], что и заставляетъ насъ разсматривать каждую изъ нихъ отдѣльно. Что касается до индивидуальной иниціативы, то признавая важное значеніе за внѣшними условіями эманципаціи личности, главную ея основу мы должны искать въ самостоятельности творческой способности самой личности [8]. Къ сожалѣнію, многіе вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ личной иниціативы и культурной традиціи остаются открытыми, благодаря неразработанности частныхъ теорій культурной эволюціи.

---

[1] *Passim.* [2] См. выше, стр. 439 и слѣд. [3] См. выше, стр. 443.
[4] См. выше, стр. 444 и слѣд. [5] См. выше, стр. 447 и слѣд.
[6] См. выше, стр. 450. См. изложеніе взглядовъ Тарда (стр. 451—455).
[7] См. выше, стр. 456 и слѣд. См. изложеніе теоріи Ломброзо (стр. 460—462).
[8] См. выше, стр. 466 и слѣд.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Взаимодѣйствіе прагматизма и культуры.

—

I.

Цѣль заключенія —Антагонизмъ прагматическихъ и культурныхъ историковъ.— Взглядъ Бурдо на двѣ категоріи историческихъ фактовъ.—Идея взаимодѣйствія прагматизма и культуры. — Взаимодѣйствіе личности и культурныхъ формъ.— Отвѣтъ одному критику.

Разсмотрѣвъ отдѣльно роль личности въ прагматическомъ и культурномъ процессахъ исторіи, мы заключимъ этотъ нашъ трудъ самыми общими соображеніями о взаимодѣйствіи прагматизма и культуры, предоставляя себѣ право вернуться къ этому предмету въ особомъ сочиненіи, которое будетъ, какъ и настоящее, представляя собою самостоятельный трудъ, служить въ то же время продолженіемъ нашихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*. Во вступленіи къ этому тому мы раздѣлили вопросъ о роли личности въ исторіи на два вопроса, коимъ и посвятили по одному большому отдѣлу, и безъ общаго заключенія, въ которомъ было бы хотя бы только намѣчено рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ прагматическаго и культурнаго процессовъ исторіи, наше представленіе сущности историческаго процесса было бы не полно.

Мы, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, различаемъ въ исторической литературѣ два главныя направленія—прагматическое и культурное [1]), при чемъ оба термина употребляемъ въ строго опредѣленныхъ смыслахъ, не всегда совпадающихъ съ тѣми значеніями, какія даются словамъ—«прагматизмъ» и «культура» [2]). Я не стану повторять того, что было сказано мною раньше объ односторонности

—

[1]) См. выше, стр. 2.

[2]) См. выше, стр. 197 и слѣд. и 343 и слѣд.

каждаго изъ этихъ направленій, взятыхъ въ ихъ исключительности [1]); прибавлю только, что прагматическая исторія, не выходящая изъ области дѣяній, лишаетъ историческую дѣятельность людей ея культурнаго значенія, видя въ ней лишь причинныя цѣпи событій [2]), тогда какъ исторія культурная, занятая только развитіемъ надъ-органическихъ формъ, легко забываетъ происходящую при этомъ работу людей, представляя себѣ историческое движеніе, какъ безличную эволюцію. Несмотря на то, что оба направленія изображаютъ лишь разныя стороны одного и того же процесса, между ними существуетъ нѣкоторый антагонизмъ. Новаторы въ наукѣ, какими явились первые культурные историки, стали высокомѣрно относиться къ прежнимъ задачамъ и пріемамъ исторіографіи, и въ свою очередь наиболѣе упорные охранители прежней традиціи встрѣтили реформу крайне недоброжелательно. Побѣда осталась за культурными историками въ широкомъ смыслѣ (т.-е. понимая подъ культурой и соціальныя формы), но побѣда эта въ общемъ была куплена цѣною приниженія личнаго начала въ исторіи [3]): теорія культурнаго процесса стала все болѣе и болѣе приближаться къ концепціи безличной эволюціи. Теперь нѣтъ уже никакой надобности критиковать старую исторіографію (лежачаго не бьютъ), но есть положительная необходимость бороться противъ новыхъ доктринъ, уничтожающихъ въ старой исторіи то, безъ чего никакая исторія обойтись не можетъ, именно дѣйствіе личности.

Однимъ изъ новѣйшихъ поборниковъ культурной исторіи, доходящихъ до полнаго отрицанія исторіи прагматической, является авторъ нѣсколько разъ уже разсматривавшейся нами книги «Исторія и историки». По его словамъ, исторія представляетъ факты двоякаго рода, изъ которыхъ одни ничего не значатъ, а другіе составляютъ все, причемъ первыми оказываются факты прагматическіе по нашей терминологіи, вторыми—культурные. Одни факты, говоритъ Бурдо (именно тѣ, которые самъ онъ называетъ исключительными, faits d'exception), «случайные и преходящіе привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе и пріобрѣтаютъ извѣстность», другіе (факты обыденные, des faits communs), «правильные и непрерывные почти не возбуждаютъ любопытства именно въ силу своей обыденности (vulgarité) и остаются почти неизвѣстными». Первые изъ нихъ Бурдо называетъ событіями (événements), вторые—отправленіями (fonctions) [4]). Замѣтивъ, что для историковъ событія всегда казались самыми важными фактами, самъ онъ находитъ, что, наоборотъ, только факты второго рода заслуживаютъ самаго пристальнаго изслѣдованія. Къ первымъ онъ относитъ перемѣны царствованій, войны, договоры, пріобрѣтенія или потери терри-

[1]) См. выше, стр. 4.

[2]) Ср. замѣчаніе объ историческихъ идеяхъ Толстого, стр. 32.

[3]) Ср. выше, стр. 49 и слѣд.

[4]) *Bourdeau*, 110.

торій, политическіе перевороты, дѣянія великихъ людей, замѣчательныя изобрѣтенія, удивительныя произведенія художниковъ и поэтовъ, открытія знаменитыхъ ученыхъ и т. п., «словомъ, все, что случается особеннаго, необычнаго», тогда какъ подъ названіемъ «fonctions» онъ рекомендуетъ понимать «совокупность обыкновенныхъ фактовъ, которые, правильно возникая (se produisant avec ordre), не вызываютъ удивленія. Люди, продолжаетъ Бурдо, находясь повсюду лицомъ къ лицу съ потребностями жизни, вытекающими изъ ихъ природы и столь же, какъ она, постоянными, трудятся надъ ихъ удовлетвореніемъ, пользуясь средствами, употребленіе коихъ въ извѣстной цивилизаціи *мало видоизмѣняется и не различается по степенямъ*. Въ каждой группѣ *устанавливаются нормальныя условія существованія и удерживаются съ относительнымъ постоянствомъ*, несмотря на вѣчно непредвидимыя событія» [1]). Поэтому-то факты этого рода и достойны особенно быть предметомъ научнаго изслѣдованія, которое, говоря словами Аристотеля, отбрасываетъ все случайное и признаетъ только необходимое. Общему обзору ихъ значенія Бурдо посвящаетъ особый параграфъ, съ содержаніемъ котораго, существеннымъ для нашей цѣли, мы здѣсь и познакомимся [2]).

«Вездѣ, говоритъ Бурдо, гдѣ живутъ люди, они связаны съ способами дѣятельности, которые упражняютъ способности разума и составляютъ его отправленія. Людямъ нужно добывать себѣ средства существованія, удовлетворять свои желанія, воплощать свой идеалъ въ произведеніяхъ искусства, расширять свое знаніе объ окружающихъ вещахъ, прилагать нравственныя правила къ своему жизненному поведенію, наконецъ установлять общественныя отношенія на взаимномъ примиреніи правъ. Факты этого рода, вытекая изъ дѣятельности разума и составляя сущность человѣческаго бытія, суть самыя общія и самыя постоянныя общественныя явленія. Смѣняются поколѣнія, одна среда не похожа на другую, случайности разнаго рода безпрестанно слѣдуютъ одна за другою, но человѣческая природа остается неизмѣнной, и отправленія разума развиваются въ извѣстномъ порядкѣ» [3]). Въ какомъ же отношеніи находятся между собою «событія» и «отправленія»? «Изслѣдованіе причинъ въ исторіи, говоритъ Бурдо, допускаетъ двѣ точки зрѣнія, между коими приходится выбирать: одна связываетъ крупныя слѣдствія съ мелкими причинами, т.-е. *подчиняетъ отправленія событіямъ;* другая, указывая для крупныхъ слѣдствій на крупныя причины, *подчиняетъ событія отправленіямъ*. Историки, прибавляетъ онъ, принимаютъ обыкновенно первую теорію,

[1]) Ibid., 111. См. еще § подъ заглавіемъ «Faits singuliers ou événements» (стр. 112—122), гдѣ авторъ указываетъ на маловажность, съ его точки зрѣнія, исторіи событій.

[2]) Ibid., 123—146 (Faits réguliers ou de fonction). [3]) Ibid., 123—124.

мы же становимся на сторону второй». Далѣе, однако, слѣдуетъ такая оговорка. «Безъ сомнѣнія, читаемъ мы именно, *событія и отправленія, будучи поочередно слѣдствіями и причинами, воздѣйствуютъ одни на другія, и человѣческая жизнь является результатомъ ихъ скрещенія* (entrecroisement), *но ихъ сила дѣйствія неравна.* Событія, обязанныя своимъ происхожденіемъ опредѣленному стеченію обстоятельствъ, тотчасъ же и тутъ же достигаютъ maximum'а своего дѣйствія, потомъ теряютъ свою силу соотвѣтственно времени и разстоянію, и по мѣрѣ того, какъ отъ нихъ удаляешься или отступаешь, ихъ вліяніе сводится къ ничему. Отправленія, наоборотъ, будучи связаны съ постоянными нуждами, развиваются медленно, и разъ въ нихъ достигнуты извѣстные успѣхи, то распространяются дальше и дальше, накопляются съ теченіемъ времени и мало-по-малу завоевываютъ міръ... Отправленія представляютъ собою основу и общее правило нашего бытія, по отношенію къ которому событія играютъ роль случайной и несущественной формы. *То, что необходимо, приходитъ всегда какимъ бы то ни было образомъ, а все факультативное безнаказанно можетъ измѣняться.* Событія, говоритъ еще нашъ авторъ, касаются только поверхностной стороны. Нужно знать, какъ, а не почему произошли извѣстныя вещи [1]). Развѣ не незначительно то, что, получаясь инымъ способомъ, конечный результатъ не будетъ замѣтнымъ образомъ отличаться? Значеніе этого класса фактовъ чисто симптоматическое. *Они служатъ показателемъ состоянія, а не опредѣляютъ его; они суть поводы, а не причины происходящихъ измѣненій.* Pour qui considere la grande et universelle cause des phénomènes, historiques, les événements ne sont que des cas particuliers de fonction» [2]). Указавъ на то, что «*событія въ исторіи того или другого народа зависятъ отъ состоянія нравовъ, страстей, идей, нуждъ и средствъ*», Бурдо замѣчаетъ, что «разъ мы знаемъ эти общія вліянія, факты объясняются сами собою: ....тайна, говоритъ онъ, исчезаетъ, и причины вещей выходятъ на свѣтъ, тогда какъ безъ этихъ данныхъ мы бываемъ вынуждены *соединять безсвязные факты призрачными узами и искать въ сцѣпленіи случайныхъ происшествій объясненія исторіи, не имѣющаго смысла*». Между тѣмъ, думаетъ суровый критикъ исторической науки, явнымъ или скрытымъ образомъ всѣ историки принимаютъ доктрину, выводящую крупныя слѣдствія изъ мелкихъ фактовъ [3]), и выше мы уже видѣли, какъ опровергаетъ Бурдо эту доктрину [4]). Но разсуждая на такую тему, онъ съ противоположенія культурныхъ фактовъ (т.-е. des fonctions) фактамъ прагматическимъ (т.-е. événements) сбивается на противоположеніе единицъ массамъ [5]), какъ будто массы не участвуютъ въ прагматическихъ фактахъ или всѣ

---

[1]) Ibid, 131. [2]) Ibid., 132. [3]) Ibid., 133.
[4]) См. выше, стр. 206 и слѣд. [5]) *Bourdeau*, 139.

массовыя дѣянія имѣютъ необходимо культурный характеръ [1]), а вмѣстѣ съ этимъ онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ историческихъ переворотахъ нужно предпочитать изученіе общихъ причинъ и слѣдствій изученію частныхъ эпизодовъ и инцидентовъ [2]), какъ будто опять общая причина не можетъ быть прагматической, а культурный фактъ не можетъ имѣть частнаго значенія. Общее заключеніе всего параграфа о «правильныхъ фактахъ» исторіи таково. «Для науки знаніе отправленій цѣннѣе знанія событій. Правильные факты составляютъ единственно существенную основу человѣческой жизни, тогда какъ происшествія имѣютъ значеніе ея измѣнчивой формы... *Когда какое-либо общее вліяніе дѣлаетъ перемѣну необходимой, пути и средства, поводъ и обстоятельства являются побочною подробностью*, потому что не важно, какъ осуществится прогрессъ, лишь бы онъ осуществился своевременно и заслуживалъ своего имени. Историки дѣлаютъ ошибку, прилагая столько труда къ объясненію формальной стороны исторіи (le comment des choses), которая сама по себѣ не имѣетъ смысла, и пренебрегаютъ изслѣдованіемъ существенныхъ причинъ (le pourquoi), только все и объясняющихъ»... [3]).

Мы изложили очень подробно взглядъ Бурдо на относительное значеніе прагматическихъ и культурныхъ фактовъ. Первые онъ обозначаетъ, какъ исключительные, случайные и преходящіе, вторые—какъ обыденные, правильные и непрерывные. Мы сказали бы, что признакъ первыхъ съ точки зрѣнія самого Бурдо—ихъ индивидуальность, признакъ вторыхъ—ихъ повторяемость: они именно правильно возникаютъ, мало видоизмѣняются, удерживаясь съ относительнымъ постоянствомъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ категорій онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что хотя въ общемъ не культурные факты зависятъ отъ прагматическихъ, а наоборотъ, послѣдніе—отъ первыхъ, тѣмъ не менѣе между ними происходитъ взаимодѣйствіе. Признавая, однако, культурно-прагматическое взаимодѣйствіе, Бурдо всячески старается умалить значеніе того, что называетъ событіями: роли причинъ въ культурномъ процессѣ они все-таки, по его мнѣнію, не играютъ, ибо для него «факты объясняются сами собою» изъ общихъ условій, безъ содѣйствія событій, т.-е. безъ человѣческихъ дѣйствій, такъ что въ основѣ общей концепціи Бурдо лежитъ идея безличной эволюціи, только прикрытая идеей массовой дѣятельности, противополагаемой дѣятельности индивидуальной. Одно изъ свойствъ мысли Бурдо—постоянныя противорѣчія [4]), какъ будто защищая одно-

---

[1]) Ср. выше, стр. 136 и слѣд., гдѣ было указано на подобное смѣшеніе у другихъ писателей.

[2]) *Bourdeau*, 140. [3]) Ibid., 146.

[4]) См., главнымъ образомъ, общій разборъ его взглядовъ выше, стр. 93 и слѣд.

сторонній тезисъ, онъ самъ его забываетъ, когда его уму представляется соображеніе, ограничивающее, если не прямо опровергающее его тезисъ. Спрашивая, напр., въ другомъ мѣстѣ, почему «прогрессъ не совершается вездѣ и всегда съ правильнымъ однообразіемъ простого закона» [1]), онъ самъ указываетъ, кромѣ географическихъ, этнографическихъ и культурныхъ условій, разнообразящихъ теченіе исторической жизни у разныхъ народовъ, и на то, что самъ же онъ называетъ «les accidents de l'histoire», говоря о нихъ слѣдующее: «Вспомнимъ безчисленныя происшествія, которыя *вмѣшиваются безпрерывно въ порядокъ человѣческой жизни* (т.-е. въ культурный процессъ), чтобы ему препятствовать или помогать. Факты, не подчиняющіеся никакому замѣтному правилу, возникающіе изъ случайныхъ совпаденій, изъ непредвидѣнныхъ встрѣчъ или изъ скрытыхъ необходимостей, *оказываютъ на ходъ прогресса вліяніе, признаваемое весьма большимъ въ частностяхъ*, хотя бы оно имѣло мало значенія въ цѣломъ. Эта категорія воздѣйствій обнимаетъ всѣ событія исторіи. Историки до такой степени преувеличили ихъ значеніе, что намъ достаточно тутъ о нихъ только упомянуть въ ожиданіи того времени, когда наука *сумѣетъ связать ихъ причины и слѣдствія съ общими законами отправленій*» [2]).

Итакъ, завзятый противникъ прагматическихъ фактовъ признаетъ ихъ вліяніе на культурный процессъ, выдвигая только на первый планъ обратное вліяніе. Онъ хотѣлъ бы обойтись безъ нихъ, но не можетъ. Да оно и понятно: культурные факты немыслимы безъ человѣческихъ дѣятельностей, которыми они и держатся, и измѣняются [3]), ибо они суть и ихъ результаты [4]), и формы, въ коихъ они совершаются, а каждый актъ всякой человѣческой дѣятельности есть событіе, которое или поддерживаетъ извѣстную культурную форму, или ее видоизмѣняетъ. Дѣло въ томъ, что «прагматическое» въ исторіи не есть нѣчто исключительное и случайное, прагматическіе факты не суть необходимо особенныя, необычайныя событія въ родѣ тѣхъ, которыя перечисляетъ Бурдо: всѣ поступки людей суть факты прагматическіе, будутъ ли эти поступки громкіе и необычные, или, наоборотъ, самые заурядные и постоянные. Если въ общемъ справедливо, что крупныя событія сопровождаются крупными перемѣнами культурнаго свойства (безъ чего они не были бы крупными событіями), то не менѣе справедливо и то, что и малѣйшее измѣненіе въ культурѣ немыслимо безъ какого-либо событія хотя бы послѣднее состояло въ минимальномъ отступленіи отъ той или другой господствующей формы, вызвавшемъ рядъ другихъ аналогичныхъ отступленій.

---

[1]) *Bourdeau*, 386 (см. весь §: influences perturbatrices, 386—391).
[2]) Ibid., 390. [3]) См. выше, стр. 423 и слѣд. [4]) См. выше, стр. 438 и слѣд.

На мѣстѣ Бурдо мы противоположили бы событіямъ не отправленія, а состоянія [1]), ибо культурные факты, какъ системы повторяющихся явленій [2]), суть состоянія, а затѣмъ событіямъ исключительнымъ въ каждой категоріи такихъ состояній (соотвѣтствующихъ элементамъ культуры) противоположили бы событія правильныя. Разъ культурное измѣненіе есть переходъ одного состоянія въ другое, его причина должна заключаться въ какомъ-либо событіи [3]), которымъ можетъ быть только какой-нибудь человѣческій поступокъ, притомъ исключительный (т.-е. отклоняющійся отъ прежней нормы для данной категоріи поступковъ), но вызывающій подражанія, результатомъ чего и является перемѣна. Обходиться безъ событій въ процессѣ измѣненія культурныхъ состояній значитъ именно признавать, что перемѣны эти происходятъ сами собою. Отрицаніе прагматической исторіи у Бурдо (да и не у одного Бурдо) основано на недоразумѣніи, именно на невѣрномъ пониманіи того, что слѣдуетъ называть событіями, а съ другой стороны, на преувеличеніи значенія, какое должны имѣть факты повторяющіеся въ сравненіи фактами единичными, о чемъ мы тоже уже говорили въ своемъ мѣстѣ [4]). Если подъ событіями (или элементами событій, беря послѣднее слово въ обычномъ для историковъ смыслѣ) мы будемъ разумѣть человѣческіе поступки, то мы и поймемъ, въ какомъ отношеніи находятся они къ культурнымъ формамъ, какъ извѣстнаго рода состояніямъ. Съ одной стороны, наше опредѣленіе культуры заставляетъ насъ признать, что она и обусловливаетъ собою поступки (событія), и сама отъ нихъ зависитъ [5]), а съ другой—поступки, вызываясь поступками же и поступки же вызывая, кромѣ этихъ динамическихъ причинъ и слѣдствій, имѣютъ причины и слѣдствія статическія въ извѣстныхъ состояніяхъ [6]), каковыми являются культурные факты. Это справедливо и относительно мелкихъ поступковъ съ мелкими перемѣнами, и относительно крупныхъ историческихъ явленій прагматическаго и культурнаго свойства, на примѣръ взаимодѣйствія которыхъ я ссылался во вступленіи къ настоящему тому [7]).

Культурный процессъ заключается въ измѣненіи состояній, происходящемъ благодаря дѣйствіямъ людей. Это не есть безличная эволюція: разъ событія, вызывающія перемѣны въ культурныхъ состояніяхъ, суть поступки, дѣйствія, то настоящими агентами исторіи являются поступающіе, дѣйствующіе. Взаимодѣйствіе событій и состояній приводитъ насъ такимъ образомъ къ взаимодѣйствію личностей и культурныхъ формъ. События бываютъ въ двоякомъ отношеніи къ событіямъ помимо причинной связи, возможной между ними: или со-

---

[1]) См. выше, стр. 178 и 233. [2]) См. выше, стр. 424. [3]) См. выше, стр. 178.
[4]) См. выше, стр. 348 и слѣд. [5]) См. выше, стр. 422 и слѣд.
[6]) См. выше, стр. 233. [7]) См. выше, стр. 4—5.

бытіе подчинено состоянію, какъ совокупности повторяющихся фактовъ, т.-е. само принадлежитъ къ числу этихъ фактовъ, или же оно само подчиняетъ себѣ состояніе, если, будучи исключеніемъ, превращается въ правило, начиная новый рядъ повторяющихся фактовъ, благодаря подражанію, которое находитъ. Въ первомъ случаѣ событія охраняютъ состоянія, не внося въ нихъ ничего новаго, во второмъ они измѣняютъ состоянія: событіе, коимъ намѣчается нѣчто новое, есть личная иниціатива, высшее проявленіе личности, какъ отсутствіе иниціативы, наоборотъ, низводитъ личность на степень простого элемента надъ-органической среды, простой носительницы культурныхъ формъ, простой клѣточки «общественнаго организма». Культурное направленіе, не допускающее никакого прагматизма, необходимо должно до такой степени объективировать надъ-органическую среду, что вся исторія съ его точки зрѣнія представится, какъ безличная эволюція.

Сведеніе нами историческаго процесса къ взаимодѣйствію личной дѣятельности и безличной эволюціи надъ-органическихъ явленій было совершенно невѣрно понято однимъ изъ критиковъ *Основныхъ вопросовъ*, который, упоминая о моемъ взглядѣ на сущность историческаго процесса, написалъ слѣдующее: «Wozu der Lärm? Это нѣсколько болѣе тонкое выраженіе того, что мы давно изъ Гизо знали и что мы давно отбросили, какъ слишкомъ увѣренную въ себѣ схоластику понятій, притомъ еще другъ друга задѣвающихъ: порядокъ и свобода, личность и общество». Сомнѣваясь въ полезности и необходимости подобныхъ теорій, критикъ ссылается на то, что главнымъ результатомъ двухъ томовъ *Основныхъ вопросовъ* являются, какъ онъ выражается, «два избитыхъ положенія, которымъ авторъ тщетно пытается придать интересъ новизны» [1]. Я не касаюсь здѣсь другого «избитаго положенія», подновленіе котораго упомянутый критикъ считаетъ однимъ изъ главныхъ результатовъ моей работы [2], такъ какъ оно относится къ моей формулѣ прогресса, а не къ пониманію мною сущности историческаго процесса, хотя и могъ бы, не выходя изъ предѣловъ этого предмета, разъяснить оппоненту, что то опредѣленіе, которое онъ считаетъ лишь подновленіемъ положенія Гизо, у меня вовсе не играетъ роли «формулы прогресса», какъ это ему представляется, а имѣетъ значеніе именно чисто объективнаго опредѣленія сущности историче-

---

[1]) *П. М.* «Исторіософія г. Карѣева». *Русск. Мысль.* 1887. XI, 100. Объ этомъ критикѣ я и упоминаю на стр. 6 настоящаго труда (ошибочно обозначивъ «заключеніе», какъ «приложенія»).

[2]) Дѣло идетъ о «тріадѣ» Гегеля, но отношеніе мое къ ней критикомъ не было подробно разсмотрѣно, хотя я для этого далъ матеріалъ и въ *О. В. Ф. И.* (т. II, стр. 270—271, а по 1-му изд. стр. 367), и въ брошюрѣ «Моимъ критикамъ», стр. 29—31.

скаго процесса, но такое разъясненіе совершенно излишне, разъ различеніе между эволюціей (историческимъ процессомъ) и прогрессомъ составляетъ одну изъ особенностей теоріи, изложенной въ *Основныхъ вопросахъ* [1]). Поэтому я ограничиваюсь лишь разборомъ взгляда, по которому я только болѣе тонко выразилъ нѣчто извѣстное давнымъ-давно изъ Гизо и брошенное за негодностью, какъ нѣчто схоластическое. Утверждая такую вещь, критикъ не далъ себѣ труда сравнить того, что говоритъ Гизо, съ тѣмъ, что говорю я, не далъ себѣ труда сказать два-три слова по поводу той страницы *Основныхъ вопросовъ*, гдѣ я прямо самъ критикую формулу Гизо, хотя и не за ея яко бы схоластичность. Мой оппонентъ, конечно, имѣлъ въ виду то разсужденіе Гизо (въ «Исторіи цивилизаціи въ Европѣ») [2]), гдѣ знаменитый историкъ опредѣляетъ смыслъ слова—«цивилизація», находя, что «въ великомъ фактѣ цивилизаціи заключаются два факта», а именно «развитіе дѣятельности общественной и дѣятельности индивидуальной, прогрессъ общества и прогрессъ человѣчности»,—и доказывая, что одного изъ этихъ двухъ элементовъ безъ другого недостаточно, чтобы цивилизація развивалась. Для критика совершенно довольно того, что и Гизо, и я употребляемъ «другъ друга задѣвающія понятія» личности и общества, и ему кажется совершенно излишнимъ идти далѣе и посмотрѣть, въ одинаковыхъ ли смыслахъ берутся нами эти понятія. Наше противоположеніе личности и общества, или вѣрнѣе общественной (надъ-органической) среды извѣстно: ему соотвѣтствуетъ другое противоположеніе, а именно противоположеніе личной инициативы и общественной традиціи (инноваціи и подражательныхъ повтореній), что очень хорошо знаетъ и нашъ критикъ [3]). Совсѣмъ другія вещи имѣетъ въ виду Гизо, когда говоритъ о двухъ элементахъ цивилизаціи. Я нарочно выбралъ изъ указаннаго разсужденія Гизо всѣ выраженія, относящіяся къ этимъ двумъ элементамъ, и въ результатѣ получилось, что Гизо въ разныхъ мѣстахъ подъ ними разумѣетъ разныя вещи и притомъ ни разу не разумѣетъ того, что у насъ выдвинуто на первый планъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гизо индивидуальное противополагаетъ соціальному, какъ

1) частную жизнь—жизни публичной (жизнь индивидуальная и жизнь гражданская; дѣятельность индивидуальная и дѣятельность общественная; проявленіе способностей человѣка и соціальный строй);

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 200 и слѣд. (287 и сл.).

[2]) *Guizot*. «Histoire de la civilisation en Europe», 13—22 (по изд. 1847 г.). Мѣсто это (съ нѣкоторыми несущественными сокращеніями) было приведено въ моемъ отвѣтѣ г-ну П. М. въ «Новыхъ отвѣтахъ критикамъ».

[3]) См. объ этомъ выше, стр. 426, на которой мы разсмотрѣли взглядъ г. П. М. на наше пониманіе отношеній между личностью и надъ-органической средой.

2) какъ внутреннее и духовное—внѣшнему и матеріальному (завоеванія въ области мысли и нравственности и производительность во всемъ, что составляетъ силу и благо общества);

3) какъ духовную культуру—соціальному строю (процвѣтаніе литературы, искусства, науки и порядокъ и благосостояніе общества; вѣрованія и нравственность человѣка и положеніе человѣка по отношенію къ другимъ людямъ),

и 4) какъ исключительныя личности—общему уровню общества (количество великихъ людей и распредѣленіе выработанныхъ силъ и благъ между членами общества). Если бы я сталъ подробно разбирать «формулу» Гизо съ точки зрѣнія своей формулы, то сказалъ бы, что, во-первыхъ, и въ жизни частной, и въ жизни общественной индивидуумъ можетъ или проявлять свое *я* (свою личность), или отражать на себѣ окружающую среду, что, во-вторыхъ, и въ духовной сферѣ, и въ матеріальномъ быту могутъ имѣть одинаковое мѣсто и личная инновація, и подражательное повтореніе примѣровъ данной среды, что, въ-третьихъ, какъ духовная культура, такъ и соціальныя учрежденія имѣютъ исторію, въ коей играетъ роль и личная иниціатива, и общественная традиція, и что, въ-четвертыхъ, даже «количество великихъ людей» и «распредѣленіе выработанныхъ силъ и благъ между членами общества» не подходитъ подъ наше противоположеніе личности (которая можетъ быть и не великой, сохраняя всѣ признаки личности) и надъ-органической среды (понятіе о коей не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о распредѣленіи благъ). Но и изъ того, что мною сказано, явствуетъ съ достаточной ясностью, что «личность и общество» у Гизо—одно, у меня—другое. Впрочемъ, мой критикъ самъ могъ бы найти въ *Основныхъ вопросахъ* такія строки по поводу употребленія у Гизо термина «личность»: «французскій историкъ, сказано было тамъ, подъ внутреннимъ человѣкомъ разумѣетъ не столько самую личность, сколько идеи, могущія быть достояніемъ и цѣлаго общества, а подъ обществомъ не столько всѣ элементы надъ-органической среды, сколько его внѣшнія отношенія съ соціальною организаціей включительно». Въ томъ же мѣстѣ было указано еще и на то, что самъ я этой антитезѣ придаю совсѣмъ другое значеніе: «принципъ личности есть самоопредѣляемость, т. е. самобытность, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли, и самостоятельность, какъ стремленіе къ достиженію личныхъ (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, личность, пассивно повинующаяся требованіямъ данной соціальной организаціи, есть произведеніе надъ-органической среды, а она опредѣляется извнѣ; она не самобытная личность, а экземпляръ культурной группы, она не самостоятельная личность, а какъ бы клѣточка соціальной орга-

низаціи» [1]). Если бы критикъ обратилъ больше вниманія на мое противоположеніе личности и надъ-органической среды, въ которомъ онъ увидѣлъ, какъ сказано было выше [2]), только искаженіе спенсеровскаго термина, если бы онъ вспомнилъ еще ту границу, которую самъ онъ проводитъ между личностью и надъ-органической средой въ каждомъ индивидуумѣ, если бы онъ возобновилъ еще въ своей памяти то, что давно зналъ изъ Гизо, да принялъ, наконецъ, во вниманіе мѣста, гдѣ я разсматриваю антитезу этого историка, то онъ, конечно, не могъ бы, во-первыхъ, видѣть въ моей мысли только болѣе тонкое выраженіе того, что я категорически опровергаю, а во-вторыхъ, не сказалъ бы еще, что у Гизо (или у меня) чуть не все дѣло въ антитезѣ порядка и свободы, о коихъ ни Гизо, ни я не упоминаемъ. Наконецъ, о Гизо онъ могъ бы прочитать еще одно мѣсто въ *Основныхъ вопросахъ.* Я оспариваю тамъ мнѣніе этого историка, какъ бы утверждающаго, что «религіозныя вѣрованія, философскія идеи, науки, литература, искусства не представляютъ изъ себя соціальныхъ фактовъ, а суть des faits individuels qui semblent intéresser l'âme humaine plutôt que la vie publique. И то, сказано у меня дальше, что Гизо называетъ соціальными фактами (учрежденія, общественная дѣятельность), и эти явленія суть одинаково продукты общественной жизни». Далѣе я говорю еще противъ сведенія французскимъ историкомъ развитія недѣлимаго человѣка къ развитію интеллектуальнаго, я не соціальнаго порядка (въ Hist. de la civilisation en France): «жизнь индивидуальная далеко не можетъ быть узнана изъ исторіи умственнаго развитія, ибо ее еще въ большей степени опредѣляютъ условія политическія и экономическія» [3]). Понятное дѣло, что взаимодѣйствіе двухъ началъ, о которомъ я говорю, не совпадаетъ съ двойнымъ дѣйствіемъ личности и общества въ исторіи цивилизаціи, принимаемымъ Гизо за conditio sine qua non ея нормальности: если уже видѣть тутъ какое-либо взаимодѣйствіе, то силами, вступающими въ отношеніе этого рода, являются у него не личность съ своей иниціативой и не общество съ своими традиціями, а внутреннее и внѣшнее въ жизни человѣка, духовная культура и соціальныя учрежденія.

Если критику желательно было ссылкой на формулу Гизо, давно извѣстную и давно яко бы брошенную [4]), лишить самостоятельности мое опредѣленіе сущности историческаго процесса, то онъ долженъ былъ бы искать «источниковъ» этого опредѣленія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что такая работа была для него облегчена

---

[1]) О. В. Ф. И. II, 264—265 (360). [2]) См. выше, стр. 425.

[3]) О. В. Ф. И., I, 226 (372).

[4]) Этого нельзя сказать. См. о важномъ значеніи «формулы» Гизо въ литературѣ о цивилизаціи—въ статьѣ «Цивилизація и дикія племена».

прямыми указаніями въ самихъ *Основныхъ вопросахъ* [1]). Впрочемъ, и помимо того, онъ могъ бы въ текущей литературѣ встрѣтить мысли, сходныя съ моими, хотя и имѣющія разные съ ними источники. Наприм., въ интересной статьѣ Адольфа Боргоньони «Новое въ искусствѣ», на которую намъ уже приходилось ссылаться [2]), подвергается, между прочимъ, критикѣ то, что авторъ этой статьи называетъ «пресловутой теоріей среды» [3]). «Среда! восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Но, скажите на милость, кто создаетъ эту среду? Главнымъ образомъ люди,—этого вы не можете отрицать. Такъ какъ же вы послѣ этого говорите намъ, что среда безусловно создаетъ человѣка? Мы знаемъ, что *среда, созданная человѣкомъ, можетъ въ свою очередь до нѣкоторой степени пересоздать человѣка. Но тотъ, кто сладилъ телѣгу, можетъ и разобрать ее*» [4]). Тутъ прямо проводится мысль о взаимодѣйствіи личности и среды. Или вотъ какъ формулируется тотъ же вопросъ о сущности историческаго процесса въ статьѣ М. К. Цебриковой «Наши недоразумѣнія», бывшей напечатанною въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. «Личность ли, спрашиваетъ авторъ, дѣлаетъ исторію, т.-е. *сила ли идей, характера и воли человѣка*, или среда, т.-е. *совокупность внѣшнихъ условій* физическихъ, политическихъ и соціальныхъ,—все то, что составляетъ этнографическое положеніе, учрежденія—наслѣдіе прошлаго, обычаи, преданія? Все это, поясняетъ г-жа Цебрикова, подразумѣвается подъ словомъ среда и *противуполагается понятію о личности*, когда рѣчь зайдетъ о силѣ или безсиліи ея». Укажу и на то, что, противополагая личность средѣ, авторъ отмѣчаетъ происхожденіе элементовъ среды изъ личной же дѣятельности. «Уже изъ одного опредѣленія среды, сказано далѣе, мы видимъ, что иные изъ элементовъ, составляющихъ среду для живущихъ поколѣній, въ сущности, суть *слѣды личностей* прежде жившихъ,—все внесенное ими въ жизнь. Обветшалыя ученія и учрежденія, тормозящія ростъ общества, въ свое время были *дѣломъ воли личностей* или настолько сильныхъ матеріально, чтобы заставить массы принять какъ полезное, такъ и вредное, льготное или стѣсняющее, или личностей, сильныхъ умственно и этою силою подчинившихъ себѣ массы, которыя видѣли въ нихъ апостоловъ добра и правды» [5]). Такихъ примѣровъ мы могли бы набрать большое количество, и во всѣхъ нихъ критикъ, отождествляющій наше опредѣленіе сущности историческаго процесса съ «формулой» Гизо, нашелъ бы нѣкоторую такую противоположность между личнымъ и общественнымъ, какой не имѣлъ въ виду французскій историкъ, когда разсуждалъ о двойномъ составѣ цивилизаціи.

---

[1]) О. В. Ф. И., passim. [2]) См. выше, стр. 522, прим. 1.
[3]) *Русская Мысль*. 1889. VII, 88. [4]) Ibid., 89.
[5]) *Русское Богатство*. 1889. V—VI, 131.

II.

Необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія сущности историческаго процесса.— Невозможность разъединенія прагматизма и культуры.—Взаимныя отношенія событій и состояній, поступковъ и навыковъ.—Эволюціонная сторона прагматическаго процесса.— Исторія, какъ борьба общественныхъ силъ.—Общій итогъ.— Указаніе на дальнѣйшее изслѣдованіе.

Взаимодѣйствіе прагматизма и культуры, къ которому мы сводимъ сущность историческаго процесса, представляетъ изъ себя само предметъ слишкомъ обширный и сложный, чтобы быть исчерпаннымъ въ этомъ заключительномъ отдѣлѣ настоящаго труда. Затрогивая его здѣсь только въ качествѣ идеи, долженствующей объединить раздѣльное разсмотрѣніе роли личности въ прагматической исторіи и въ исторіи культурной, я въ то же время хочу намѣтить нѣкоторые дальнѣйшіе пункты въ изслѣдованіи историческаго процесса. Мнѣ не разъ приходилось уже указывать на неудовлетворительное состояніе теоріи этого процесса въ историко-философской литературѣ и даже приводить причины такого явленія [1]): одна изъ нихъ заключается въ томъ, что теорію исторіи думали создать по методу философіи исторіи (синтетически), тогда какъ тутъ требуется не построеніе цѣльнаго взгляда на историческую жизнь человѣчества въ ея главныхъ моментахъ и эпохахъ, а разработка (именно аналитическая) вопросовъ, относящихся къ тому, какъ вездѣ и всегда совершается исторія. Выдѣливъ для настоящаго изслѣдованія вопросъ о роли личности въ исторіи, я не считаю свою задачу по отношенію къ теоріи историческаго процесса законченною: вопросъ о роли личности въ исторіи есть только одинъ изъ вопросовъ исторической теоріи, ибо существуютъ и другіе, которые равнымъ образомъ нуждаются въ аналитическомъ изученіи. Не предрѣшая, въ какомъ порядкѣ и даже въ какой внѣшней формѣ будемъ мы заниматься дальнѣйшею разработкою теоріи историческаго процесса, мы должны тѣмъ не менѣе теперь же указать, что частные вопросы, какіе только могутъ возникать на почвѣ вопроса общаго, необходимо будутъ такъ или иначе соприкасаться съ нашимъ пониманіемъ сущности историческаго процесса, какъ взаимодѣйствія прагматизма (дѣятельности личностей) и культуры (формъ надъ-органической среды), и поэтому теорія этого взаимодѣйствія можетъ быть разработана вполнѣ основательно только послѣ того, какъ

[1]) См. О. В. Ф. И., II, 179—180 (266—267), а особенно рефератъ мой о «разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», читанный 24 января 1890 г. въ засѣданіи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

даны будутъ болѣе обстоятельные отвѣты на частные вопросы. Какіе же общіе выводы могутъ быть сдѣланы изъ этой третьей части *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* для будущей теоріи взаимодѣйствія прагматизма и культуры? Вотъ вопросъ, на который мы постараемся дать теперь краткій отвѣтъ.

Дѣлая общую постановку вопроса, которому посвящено настоящее изслѣдованіе сущности историческаго процесса, я указалъ на то, что историкъ, изучающій рядъ какихъ-либо событій, связанныхъ между собою причинною связью, не исполнитъ всей исторической задачи по отношенію къ этому ряду, если не обратится къ культурнымъ условіямъ и культурнымъ результатамъ прагматическаго процесса, образуемаго послѣдовательностью событій, и вмѣстѣ съ этимъ было указано также и на то, что историкъ, слѣдящій за чередованіемъ какихъ-либо состояній, развивающихся одни изъ другихъ, равнымъ образомъ, не выполнитъ всего того, что могъ бы по отношенію къ нимъ сдѣлать, если захочетъ обойтись безъ прагматическихъ причинъ и прагматическихъ слѣдствій культурнаго процесса, заключающагося въ смѣнѣ состояній. Эти два положенія мы иллюстрировали примѣрами крестовыхъ походовъ и установленія феодальнаго режима. «Факты прагматическіе, было прибавлено ко всему этому, кромѣ причинъ и слѣдствій въ области такихъ же прагматическихъ фактовъ, находятся подъ вліяніемъ условій культурныхъ и участвуютъ въ созданіи культурныхъ результатовъ, а культурные факты, помимо принадлежащей имъ эволюціонной связи, находятся еще въ причинно-слѣдственной связи съ фактами прагматическими» [1]. Къ такому заключенію мы пришли на основаніи того, что представляетъ собою историческая литература, въ которой существуетъ, какъ мы уже говорили, два направленія—прагматическое и культурное, при чемъ, однако, полное разъединеніе изученія событій и культурно-соціальныхъ условій оказывается невозможнымъ. Къ тому же самому результату мы пришли и иными путями, а именно: 1) изслѣдуя въ абстрактной формѣ каждый прагматическій процессъ, сведенный къ его простѣйшему виду, къ вызову поступковъ одного человѣка поступками другого, и 2) разсматривая взаимныя отношенія причинной и эволюціонной связей. Мы теперь и напомнимъ, что прагматическій процессъ, состоящій изъ событій-причинъ и событій-слѣдствій, вообще немыслимъ безъ посредства перемѣнъ въ нѣкоторыхъ состояніяхъ, и что послѣднія, въ свою очередь, немыслимы безъ нѣкоторыхъ событій, какъ производящихъ причинъ. Объ этомъ у насъ говорилось въ разныхъ мѣстахъ, и мы теперь сведемъ все это вмѣстѣ.

1) Говоря о причинности въ прагматическомъ процессѣ, мы

---

[1]) См. выше, стр. 4—5.

условились подъ причинами въ тѣсномъ смыслѣ разумѣть только события (причины динамическія), оставляя за состояніями (причинами статическими) названіе условій [1]), хотя и замѣтили въ одномъ мѣстѣ, что при послѣдовательномъ проведеніи такого различенія приходится наталкиваться на серьезныя затрудненія. Устанавливая формулу прагматической причинности, мы примѣнили только-что указанныя понятія къ опредѣленію отдѣльныхъ моментовъ причиннаго процесса, заявивъ, что между двумя событіями, какъ звеньями прагматической цѣпи, всегда помѣщается въ качествѣ посредствующаго звена перемѣна въ нѣкоторомъ состояніи [2]). Тамъ, гдѣ мы высказали такую мысль, рѣчь шла о томъ, какъ поступокъ одного человѣка (событіе) вызываетъ поступокъ другого человѣка (другое событіе), производя перемѣну или во внутреннемъ мірѣ этого другого человѣка (въ его душевномъ состояніи), или во внѣшнихъ обстоятельствахъ, его окружающихъ (т.-е. въ нѣкоторыхъ постороннихъ состояніяхъ). Теперь той же формулѣ мы можемъ дать другое, болѣе широкое примѣненіе. Къ числу состояній, въ которыхъ человѣческими дѣйствіями производятся перемѣны и которыя являются условіями человѣческихъ дѣйствій, кромѣ субъективныхъ состояній отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ, нужно отнести еще нѣкоторыя объективныя состоянія, или «объективные порядки», каковыми являются культурно-соціальныя формы [3]). Съ другой стороны, мы видѣли, что посредствующій моментъ измѣненія какихъ-либо внутреннихъ и внѣшнихъ условій можетъ имѣть весьма различное значеніе, смотря по тому, какую роль въ произведеніи прагматическаго слѣдствія будетъ играть этотъ моментъ сравнительно съ прагматической причиной, т.-е. будетъ ли онъ служить только необходимымъ дополненіемъ къ первому моменту, отъ него и зависящимъ, или же представитъ изъ себя нѣчто болѣе сложное и самостоятельное [4]). Разсуждая такимъ образомъ, я чуть не исключительно имѣлъ въ виду цѣлые психическіе процессы, большею частью помѣщающіеся между поступкомъ-причиною и поступкомъ-слѣдствіемъ, но то же самое разсужденіе мы имѣемъ право примѣнить и къ тѣмъ случаямъ, когда роль посредствующаго момента принадлежитъ процессу, совершающемуся не во внутреннемъ мірѣ отдѣльной личности, а въ томъ, что мы обозначаемъ названіями надъ-органической среды, культуры, соціальныхъ формъ. Къ этому было прибавлено еще то соображеніе, что развитіе посредствующаго момента разобщаетъ прагматическое слѣдствіе отъ прагматической причины [5]), но это значитъ, что въ такихъ случаяхъ событіе зависитъ болѣе отъ состоянія, чѣмъ отъ другого событія (или что слѣдствіемъ событія было не столько другое

[1]) См. выше, стр. 233.
[2]) См. выше, стр. 234.
[3]) См. выше, стр. 433—434 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 236—237.
[5]) См. выше, стр. 236.

событіе, сколько наступленіе извѣстнаго состоянія). Имѣя въ виду именно такія отношенія, мы и указывали на возможность возникновенія новыхъ прагматическихъ цѣпей изъ привхожденія въ прагматическій процессъ какихъ-нибудь культурныхъ явленій, раньше на него такъ не влiявшихъ [1]).

Итакъ, прагматическій процессъ въ элементарной формѣ сводится къ тому, что поступокъ одного человѣка вызываетъ поступокъ другого, производя нѣкоторую перемѣну или во внутреннемъ его мірѣ (психическій моментъ), или въ окружающей его средѣ (моментъ культурно-соціальный). Посмотримъ теперь, какъ происходятъ культурныя перемѣны, входящія, какъ мы сейчасъ видѣли, въ число условій, порождающихъ прагматическіе факты.

2) «Существованіе эволюціонной связи между послѣдовательными явленіями, сказано было нами на стр. 367—368 настоящаго труда, не исключаетъ необходимости примѣнять къ этимъ явленіямъ идею причинности». Пусть фактъ *A* будетъ видоизмѣненіемъ факта *B* (эволюціонная связь между *A* и *B*), это еще не значитъ, что *A* превращается въ *B* безъ всякой причины: напротивъ, измѣненіе предполагаетъ причину, будетъ ли она лежать въ самомъ *A*, которое по закону своего развитія должно превратиться въ *B* (номологическая необходимость), или же причина эта будетъ находиться внѣ *A*, т.-е. въ постороннихъ обстоятельствахъ (необходимость феноменологическая) [2]). Какое бы значеніе мы ни приписывали эволюціоннымъ законамъ перехода однихъ состояній въ другія, мы не имѣемъ права отрицать того, что законы эти дѣйствуютъ не иначе, какъ среди тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя могутъ вызывать или прекращать, ускорять или замедлять, усиливать или ослаблять, видоизмѣнять и усложнять ихъ дѣйствіе: во всякомъ случаѣ переходъ однихъ состояній въ другія немыслимъ безъ дѣйствія тѣхъ или другихъ причинъ, хотя бы внутреннія причины и преобладали надъ внѣшними [3]). Съ этой точки зрѣнія элементарная форма культурнаго процесса состоитъ въ томъ, что переходъ одного состоянія въ другое совершается вслѣдствіе нѣкотораго внѣшняго событія, каковымъ является какой-либо поступокъ (все равно—поступокъ ли нѣсколькихъ лицъ сразу, или поступокъ одного человѣка, подхваченный подражаніемъ).

Сводя историческія событія къ отдѣльнымъ поступкамъ, а культурныя формы (т.-е. извѣстныя системы, или состоянія повторяющихся фактовъ) къ отдѣльнымъ навыкамъ [4]), мы можемъ видѣть въ навыкахъ постоянныя формы поступковъ, въ поступкахъ—содержаніе на-

---

[1]) См. выше, стр. 162—163. О привхожденіи постороннихъ явленій см. еще стр. 163 и 379—380.

[2]) О двухъ видахъ необходимости см. выше, стр. 244.

[3]) См. выше, стр. 370. [4]) См. выше, стр. 342.

выковъ, приписывая поступкамъ, вносящимъ измѣненіе въ навыки, значеніе причинъ этого измѣненія, а навыкамъ, вызывающимъ поступки,— значеніе условій ихъ образованія. Пусть мои дѣйствія зависятъ прагматически отъ дѣйствій другихъ людей, это не мѣшаетъ имъ зависѣть еще культурно и отъ моихъ навыковъ, образовавшихся подъ вліяніемъ чужихъ навыковъ [1]), а съ другой стороны, пусть измѣненія въ навыкахъ происходятъ по извѣстнымъ законамъ внутренней необходимости, это не препятствуетъ тому, чтобы всякое измѣненіе навыка имѣло въ своей основѣ поступки однихъ лицъ, освободившіеся отъ своей обычной формы и вызвавшіе подобное освобожденіе однородныхъ поступковъ и у другихъ лицъ. Я попрошу читателя обратиться теперь къ выпискѣ изъ мой книги *Литературная эволюція на Западѣ* на стр. 6—11 настоящаго труда: тамъ развивается въ сущности та же самая мысль, при чемъ рѣчь идетъ о разныхъ *дѣятельностяхъ* и ихъ *формахъ*, объ отдѣльныхъ *актахъ* этихъ дѣятельностей и о *проторенныхъ путяхъ* только-что упомянутыхъ актовъ, ибо все это соотвѣтствуетъ понятію поступковъ и навыковъ. Да и тамъ выдвигается на первый планъ взаимодѣйствіе актовъ дѣятельности (въ данномъ случаѣ литературнаго творчества) и проторенныхъ путей (литературныхъ традицій), взаимодѣйствіе, если хотите, содержанія поступковъ съ ихъ формою.

Такимъ образомъ, къ идеѣ взаимодѣйствія прагматизма и культуры приводитъ насъ, съ одной стороны, и разсмотрѣніе условій работы историка, который долженъ постоянно слѣдить за взаимоотношеніемъ историческихъ событій (прагматическихъ фактовъ) и общественныхъ состояній (культурныхъ фактовъ), съ другой—и анализъ причинной связи отдѣльныхъ поступковъ и эволюціонной связи отдѣльныхъ культурныхъ формъ. На то же самое указываютъ и другія особенности историческаго процесса, а именно эволюціонная сторона въ самомъ прагматизмѣ (подобная каузальной сторонѣ эволюціоннаго процесса) и невозможность понять исторію взаимодѣйствія между людьми безъ культурно-соціальныхъ причинъ, ее вызывающихъ. Объ этихъ двухъ предметахъ мы и поговоримъ на слѣдующихъ страницахъ.

1) Въ одномъ мѣстѣ второй части мы уже указывали на то, что, кромѣ причинной связи между прагматическими фактами, какъ главнаго между ними отношенія, можетъ существовать по отношенію къ нимъ и связь эволюціонная: это бываетъ тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ фактами, являющимися передъ нами въ качествѣ моментовъ или фазисовъ развивающагося прагматическаго процесса, историческаго теченія, общественнаго движенія [2]). Прежде всего, что слѣ-

---

[1]) Различіе прагматической и культурной зависимости на стр. 219.

[2]) См. выше стр. 370.

дуетъ разумѣть подъ такими развивающимися теченіями или движеніями?

Прагматическими фактами вообще являются или движенія, или событія (въ спеціальномъ смыслѣ), или отдѣльные поступки. Въ первой части настоящаго тома намъ постоянно приходилось указывать на то, что событія (въ спеціальномъ смыслѣ) слагаются изъ отдѣльныхъ поступковъ, играющихъ въ нихъ весьма неодинаковую роль. То же можно сказать и относительно того, что называется историческими движеніями вообще или въ частности движеніями религіозными, политическими, литературными: они также состоятъ изъ отдѣльныхъ дѣйствій. Вся разница между событіемъ и движеніемъ та, что одно есть нѣчто, само въ себѣ законченное, тогда какъ другое—нѣчто длящееся. Подобно тому, какъ человѣческіе поступки могутъ входить и не входить въ составъ какихъ-нибудь событій или движеній, и событія могутъ либо стоять особнякомъ отъ какихъ бы то ни было движеній, либо, наоборотъ, быть ихъ слѣдствіями или, по крайней мѣрѣ, симптомами [1]). Длящіеся прагматическіе факты имѣютъ съ культурными процессами одну общую особенность: эти факты состоятъ въ повтореніи извѣстныхъ дѣйствій, будетъ ли такимъ фактомъ прагматическій процессъ «собиранія Руси» (повтореніе присоединенія новыхъ территорій), общественное движеніе въ Германіи въ началѣ XVI в. (повтореніе возстаній противъ statu quo разными общественными классами) и т. п. [2]), т.-е. тутъ одинъ и тотъ же поступокъ повторяется во времени и въ пространствѣ (разными людьми). Эволюціонный порядокъ, наблюдаемый въ этихъ повтореніяхъ, можетъ быть весьма различный, а именно это будетъ или учащеніе повтореній во времени, распространеніе ихъ въ пространствѣ (на большія разстоянія или среди большаго количества людей), послѣдовательный переходъ ихъ отъ однѣхъ общественныхъ группъ къ другимъ и т. д., но во всѣхъ случаяхъ это будетъ усиленіе какихъ-нибудь поступковъ, коихъ прежде не было, или которые прежде являлись спорадически, не имѣли успѣха и пр. Но разъ наблюдается такое усиленіе, оно знаменуетъ нѣкоторыя перемѣны въ состояніи всего общества либо какихъ-нибудь его группъ, или создавая такія перемѣны, или ими вызываясь, чаще всего находясь съ ними въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи, т.-е. составляя вмѣстѣ съ ними лишь двѣ стороны одного и того же процесса—исторіи дѣяній, состоящихъ въ измѣненіи культурно-соціальныхъ формъ. Когда такое измѣненіе является результатомъ не однихъ неуловимыхъ для историка индивидуальныхъ поступковъ (тоже вѣдь прагматическихъ фактовъ), а совершается въ силу отдѣльныхъ болѣе или менѣе крупныхъ событій,

---

[1]) Ср. выше, стр. 13—14 и слѣд., а также 217.

[2]) Эти примѣры приведены на стр. 370.

поддающихся историческому наблюденію, эволюціонная постепенность культурно-соціальнаго измѣненія и отмѣчается въ эволюціонной постепенности тѣхъ событій, которыя складываются въ историческія движенія [1]). Современные прагматическіе историки уже не удовлетворяются однимъ драматизмомъ прагматическихъ теченій исторіи: они ищутъ въ нихъ развитія извѣстныхъ поступковъ и дѣятельностей, какъ факторовъ измѣненія культурныхъ и соціальныхъ отношеній народа или человѣчества.

2) Драматическая сторона исторіи заключается въ жизненной борьбѣ народовъ, общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей. Долгое время преобладающимъ содержаніемъ исторической литературы были факты этой борьбы—международныя войны или дипломатическія кампаніи, внутреннія потрясенія государствъ или замыслы произвести таковыя, подвиги полководцевъ, политическихъ дѣятелей, демагоговъ, проявленіе соперничества между Цезарями и Помпеями. Но прагматизмъ исторіи состоитъ не въ одномъ этомъ, ибо борьба въ исторической жизни бываетъ и глухою, скрытою, едва замѣтною, не проявляющеюся въ громкихъ дѣяніяхъ, а съ другой стороны, и такая борьба, какую прежде любили изображать историки, и борьба невидимая (и вторая въ большей еще степени, чѣмъ первая) не могутъ не стоять въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ культурнымъ фактамъ, какъ условіямъ и причинамъ этой борьбы, какъ къ ея слѣдствіямъ и результатамъ. Замѣтимъ еще, что сами историческія движенія, о которыхъ мы только-что говорили, заключаются всегда въ нѣкоторой борьбѣ.

Опредѣляя сущность историческаго процесса, какъ взаимодѣйствія личностей и надъ-органической среды, мы при случаѣ указываемъ, что это взаимодѣйствіе сопровождается и взаимодѣйствіемъ между самими личностями [2]). Съ точки зрѣнія органической эволюціи та форма взаимодѣйствія между людьми [3]), какую представляетъ собою борьба однихъ людей съ другими, должна явиться совершенно непонятной [4]), если только подъ борьбою не разумѣть исключительно животной борьбы за существованіе: нѣтъ, я говорю здѣсь именно о борьбѣ за культурныя и соціальныя измѣненія или во имя культурной традиціи и соціальной консерваціи [5]). Можно было бы даже сказать, что прагматическая исторія есть par excellence исторія совершающейся въ человѣческомъ мірѣ борьбы, если бы рядомъ съ послѣднею не существовало людского взаимодѣйствія съ инымъ характеромъ. Анали-

---

[1]) См. выше, стр. 370. [2]) См., напр., стр. 140.

[3]) Припомнимъ полное опредѣленіе историческаго процесса, данное на стр. 140.

[4]) Ср. стр. 71.

[5]) Вспомнимъ хотя бы одну «борьбу за право» Іеринга, выше, стр. 493—494 и слѣд. Ср. также стр. 157, 501, 503.

зируя прагматическое вліяніе человѣка на человѣка, мы видѣли, что поступки-причины могутъ вызывать поступки-слѣдствія двоякаго рода— или въ смыслѣ содѣйствія, или въ смыслѣ противодѣйствія [1]): при взаимодѣйствіи (а не одностороннемъ вліяніи) особенно бросаются въ глаза поступки борьбы [2]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда историческій дѣятель пользуется всеобщимъ содѣйствіемъ, нѣтъ недостатка въ противодѣйствующихъ элементахъ [3]), да и самое содѣйствіе получается историческимъ лицомъ не безъ усилій, не безъ борьбы съ его стороны [4]). Во имя чего же совершается эта борьба, если, какъ мы думаемъ, она не можетъ быть сведена исключительно къ простой борьбѣ за существованіе?

Обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы откладываемъ до одной изъ слѣдующихъ работъ нашихъ по теоріи исторіи, а тутъ отмѣтимъ только одну сторону дѣла. Каждая личная инициатива заключаетъ въ себѣ безсознательное или сознательное стремленіе произвести измѣненіе въ культурно-соціальной обстановкѣ, при чемъ личность добивается этого только для себя или для другихъ, т.-е. ставитъ себѣ или своекорыстныя, или общія цѣли, но инноваторскій поступокъ можетъ встрѣтить не только содѣйствіе со стороны другихъ, когда имъ по тѣмъ или инымъ причинамъ пріятнѣе, удобнѣе или выгоднѣе содѣйствовать, но и противодѣйствіе, когда, наоборотъ, поступокъ не нравится, кажется ненужнымъ или даже вреднымъ. Люди, живущіе въ обществѣ, понимаютъ далеко неодинаково смыслъ происходящихъ событій и существующихъ условій и формъ культурно-соціальнаго быта [5]), а потому попытки ихъ измѣнить или усилія, направленныя къ ихъ сохраненію, необходимо вызываютъ борьбу, и это относится не только къ тѣмъ случаямъ, когда мы имѣемъ прямо дѣло съ культурными дѣятельностями, направленными на общія измѣненія [6]), но и къ тѣмъ, когда человѣкъ только себя думаетъ изъять изъ господствующаго въ обществѣ правила, не касаясь самого правила [7]). Такимъ образомъ борьба возникаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ при малѣйшемъ стремленіи измѣнить культурную форму во имя ли интереса или принципа, ради ли личнаго блага, т.-е. по мотиву эгоистическому, или ради блага общественнаго, т.-е. по альтрюистическому мотиву, вслѣдствіе ли настоятельной потребности или по теоретическимъ соображеніямъ. Но возникновеніе борьбы въ данномъ обществѣ всегда обусловлено тѣми или другими внутренними измѣненіями въ его состояніи, а прекращеніе борьбы, указывающее на побѣду однихъ элементовъ надъ другими, сопровождается опять-таки измѣненіемъ въ его состояніи›

[1]) См. выше, стр. 224 и слѣд. [2]) См. выше, стр. 230.
[3]) См. выше, стр. 328. [4]) См. выше, стр. 330.
[5]) См. выше, стр. 249—251, 275—280 и др.
[6]) См. выше стр. 440 и слѣд. [7]) Ср. выше, стр. 459.

но такъ, что новое состоянiе никогда не бываетъ возвращенiемъ къ старому, существовавшему раньше борьбы: новое состоянiе есть результатъ стараго (эволюцiонный моментъ) и закончившейся борьбы (каузальный моментъ). Но и такая борьба, которая не имѣетъ культурно-соцiальной подкладки, не можетъ не отражаться на общественныхъ состоянiяхъ въ силу хотя бы одного того, что дѣйствiя людей имѣютъ часто такiе результаты, какiе и не входили въ ихъ планы.

Въ заключенiе мы не можемъ не высказать той мысли, что только при такомъ пониманiи сущности историческаго процесса возможенъ синтезъ между противоположными теорiями безличной эволюцiи и личнаго дѣйствiя въ исторiи [1]), возможно и подведенiе итога подъ старымъ споромъ о томъ, кто больше двигаетъ исторiю—отдѣльныя личности или массы [2]).

1) Въ настоящемъ трудѣ мы поставили себѣ задачей разобрать критически два взгляда на исторiю: оба эти взгляда заключаютъ въ себѣ и вѣрныя, и невѣрныя мысли, и цѣлью нашей было путемъ анализа отдѣлить истину отъ заблужденiя, главнымъ образомъ отмѣчая односторонность каждаго взгляда, взятаго въ его исключительности, и указывая на противорѣчiя, въ которыхъ приходится путаться при желанiи доказать безусловную истинность одного взгляда и безусловную ложность другого. Оба правы, поскольку каждый изъ нихъ имѣетъ въ виду только одну сторону исторiи, и оба неправы, когда утверждаютъ, что, кромѣ видимой ими стороны, другой не существуетъ. Если читатель согласенъ съ этою общею мыслью нашего труда по вопросу о СУЩНОСТИ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОЦЕССА, онъ долженъ согласиться и относительно того, что различные факты, входящiе въ составъ этихъ двухъ сторонъ исторiи, находятся между собою во взаимодѣйствiи: прагматическiй и культурный процессы не суть процессы параллельные, а суть процессы переплетающiеся, взаимно одинъ на другой влiяющiе, при чемъ въ первомъ *дѣйствуютъ личности*, во второмъ—*развиваются культурныя формы*. Какъ это происходитъ, въ общихъ чертахъ намѣчено въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда, но подробное изслѣдованiе вопроса еще впереди.

2) Въ такомъ же отношенiи мы находимся и къ противоположнымъ теорiямъ—«героевъ» и «толпы»: вѣрныя стороны есть въ обѣихъ, но если рѣшенiе спора между теорiями личнаго дѣйствiя и безличной эволюцiи мы нашли въ идеѣ взаимодѣйствiя прагматизма и культуры, то по отношенiю къ вопросу о РОЛИ ЛИЧНОСТИ ВЪ ИСТОРIИ мы останавливаемся на идеѣ градацiй, представляемыхъ людьми въ разныхъ отношенiяхъ: ненаучно проводить въ обществѣ какую-то гра-

---

[1]) Возможность этого синтеза намѣчена нами выше, стр. 79.

[2]) Ср. стр. 102.

ницу и утверждать, что дѣйствуютъ въ исторіи только тѣ, которые стоятъ выше, или только тѣ, которые стоятъ ниже этой границы, но нужно имѣть въ виду всѣхъ людей и проникнуться тою мыслью, что роли отдѣльныхъ личностей могутъ быть весьма разнообразны, роль же личнаго начала сводится къ иниціативѣ какъ прагматической, такъ и культурной.

3) Оба эти результата состоятъ въ тѣсной связи между собою. Личная дѣятельность и культурная эволюція, находясь въ постоянномъ взаимодѣйствіи между собою, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ находятся въ неодинаковыхъ отношеніяхъ одна къ другой: эти отношенія, такъ сказать, представляютъ разныя пропорціи, такъ что идея градаціи примѣнима и къ нимъ. Съ другой стороны, идея взаимодѣйствія примѣняется и къ личностямъ, при чемъ когда рѣчь идетъ спеціально о «героѣ» и «толпѣ», мы признаемъ не одностороннее дѣйствіе одного на другую или наоборотъ, но ихъ взаимодѣйствіе. Наконецъ, личное начало съ особою силою проявляется необходимо только въ единицахъ, т.-е. въ немногихъ членахъ общества, а культурная традиція— въ массахъ, т.-е. въ громадномъ его большинствѣ.

Изъ такого пониманія сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи извлекаются важные выводы для теоріи прогресса, но это относится уже къ другой сторонѣ взглядовъ, защищаемыхъ въ *Основныхъ вопросахъ философіи исторіи*. Особенно же, кажется мнѣ, важны тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ такого пониманія исторіи для теоріи того, что я назвалъ бы общими теченіями или направленіями исторической жизни въ извѣстные періоды времени, отмѣченные общимъ характеромъ какъ съ прагматической, такъ и съ культурной точки зрѣнія. Уже въ этомъ томѣ намъ приходилось вскользь касаться понятія о «духѣ времени»: въ сущности, онъ выражается, съ одной стороны, въ общемъ характерѣ преобладающихъ событій данной эпохи, съ другой—и въ соотвѣтственномъ культурномъ состояніи общества, но tempora mutantur, и «духъ времени» сегодняшняго дня бываетъ реакціей противъ «духа времени» дня вчерашняго. Только взаимодѣйствіемъ каузально-прагматическаго и эволюціонно-культурнаго процессовъ исторіи, думается мнѣ, можно объяснить какъ эти самыя теченія исторической жизни, такъ и происходящіе въ нихъ кризисы. Я полагаю, кромѣ того, что и самая роль личности въ исторіи можетъ быть понята наилучшимъ образомъ именно при изслѣдованіи вопроса о томъ, какъ создается «духъ времени» и отчего происходятъ переломы въ общихъ теченіяхъ исторической жизни. Указывая на это, я только намѣчаю вопросъ, который мнѣ хотѣлось бы разработать въ отдѣльномъ сочиненіи.

8/VI 1888—20/II 1890.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Стр. 6, прим. 2. Здѣсь вмѣсто словъ: «въ приложеніяхъ», слѣдуетъ читать: «въ заключеніи». См. именно стр. 539 и слѣд.

Названное на **стр. 21** сочиненіе Карлейля появилось и въ русскомъ переводѣ В. И. Яковенко (Герои и героическое въ исторіи. Спб. 1891). Переводчикъ предпослалъ тексту небольшую статью «Нѣсколько словъ о Карлейлѣ», въ которой, на первыхъ же страницахъ, посвятилъ нѣсколько нелюбезныхъ словъ моему отношенію къ взглядамъ Карлейля въ «Сущности историческаго процесса». Г. Яковенко негодуетъ по поводу того, что я считаю необходимымъ поставить на первый планъ «отвлеченный вопросъ о героѣ» и «рѣшать его одними чисто логическими пріемами мысли», и что мнѣ нужны «общія *формулы*, отвлеченный *вопросъ*, логическіе пріемы», тогда какъ «геніальный англичанинъ ставитъ ни во что все это и ищетъ всюду конкретной, реальной жизни и о ней только и говоритъ». Сердитый авторъ справедливо называетъ Карлейля историкомъ-художникомъ, который мыслитъ образами, но въ томъ-то и дѣло, что для Карлейля исторія была искусствомъ, а не наукою, которая не можетъ обходиться безъ отвлеченностей, безъ общихъ формулъ, безъ строгой логики. Сама геніальная «Французская революція» Карлейля не исторія, а поэма. Великихъ духовныхъ силъ Карлейля никто не отрицаетъ, и менѣе всего пошелъ бы на это я (см. о немъ въ моей «Исторіи Западной Европы», т. V, стр. 247—253), но, право, въ моемъ «педантически-безжизненномъ разборѣ» книги о герояхъ, въ примѣненіи къ нему «шаблонныхъ мѣрокъ», нѣтъ неуваженія къ великому человѣку XIX в. Я, въ сущности, сказалъ о разсужденіяхъ Карлейля то же самое, что говоритъ и его отъ меня защитникъ: «Карлейль, по словамъ г. Яковенко, излагаетъ свои мысли вовсе не путемъ логическихъ выкладокъ. Попробуйте отыскать у него большую посылку, малую посылку и заключеніе... Онъ вовсе не заботится обставить свою мысль правильно построенными индукціями и дедукціями». Вѣдь и у меня рѣчь идетъ о томъ же.

Указанная на **стр. 30** брошюра «Историческая философія въ *Войнѣ и Мирѣ* Л. Н. Толстого» первоначально появилась, какъ статья въ «Вѣстникѣ Европы» за 1887 г., и была перепечатываема, какъ от-

дѣльно (1888), такъ и въ составѣ второго изданія моихъ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ» (1899) и во второмъ выпускѣ, «Собранія (моихъ) сочиненій» (1912). Во второмъ томѣ своей біографіи Л. Н. Толстого (М. 1908) г. П. Бирюковъ посвятилъ цѣлую главу обзору критической литературы, вызванной «Войною и миромъ». По его мнѣнію, я «сдѣлалъ большую ошибку при разборѣ философіи исторіи въ «Войнѣ и мирѣ», выдѣливъ этотъ элементъ и подвергнувъ его критикѣ независимо отъ связи его со всѣмъ произведеніемъ» (стр. 55): отъ этого-де «результатъ изслѣдованія получился отрицательный». Въ частности, біографъ Толстого имѣлъ въ виду только мой упрекъ Толстому въ соціальномъ индифферентизмѣ, въ которомъ г. Бирюковъ усматриваетъ «одно изъ проявленій общихъ идей, проходящихъ черезъ весь романъ и отражающихся въ каждомъ событіи» (стр. 56), но далеко не въ одномъ этомъ я вижу то, что подлежитъ критикѣ въ исторической философіи Толстого. Эта философія, дѣйствительно, можетъ и должна быть выдѣлена изъ всего произведенія. Н. Н. Страховъ прямо говоритъ, что «было бы лучше, если бы философія исторіи (въ «Войнѣ и мирѣ») была выдѣлена въ отдѣльный трактатъ, отъ чего,—думалъ онъ,—выиграла бы ясность выраженныхъ мыслей» (Бирюковъ, II, 55). Г. Бирюковъ ссылается на проф. Овсянико-Куликовскаго, признавшаго «единство всѣхъ элементовъ «Войны и мира» (художественнаго, историческаго и философскаго) и ихъ взаимно дополняющее значеніе». Этого единства и я не отрицаю, полагая, однако, что каждая сторона можетъ разсматриваться и отдѣльно.

Въ послѣднее время, особенно послѣ смерти Толстого, когда вообще усилился интересъ къ этой замѣчательной личности, философія исторіи въ «Войнѣ и мирѣ» стала привлекать къ себѣ вниманіе и снова вызывать обсужденіе ея основныхъ положеній. Въ іюльской книгѣ «Русской Мысли» за 1913 г. появилась статья за подписью М. М. Рубинштейнъ и подъ заглавіемъ «Философія исторіи въ романѣ Л. Н. Толстого *Война и Миръ*». О томъ же предметѣ В. Н. Перцевъ помѣстилъ довольно большую статью (стр. 129—153) подъ заглавіемъ «Философія исторіи Л. Н. Толстого» въ изданномъ въ 1912 г. фирмою «Задруга» подъ ред. В. П. Оболенскаго и Т. И. Полнера сборникѣ «Война и миръ». Въ этой статьѣ, между прочимъ, разсматривается и то, какъ Толстой въ своемъ великомъ романѣ понималъ сущность историческаго процесса вообще и въ частности роль личности въ исторіи. Статья г. Перцева была предметомъ моей замѣтки во второмъ выпускѣ «Научнаго Историческаго Журнала».

На **стр. 51—52** говорится о томъ, что въ исторіи теорій общества и государства издавна существуетъ два разныхъ пониманія того, что должно быть признано за своего рода prius—личность или общество, какъ нѣкогда ставился вопросъ о томъ, яйцо ли предшествуетъ курицѣ или курица яйцу. Послѣ того, какъ написана была настоящая книга, это разногласіе, конечно, не прекратилось, но нельзя не констатировать, что большинство изслѣдователей, касавшихся вопроса, разрѣшало его въ пользу «соціологизма» противъ «индивидуализма». Я имѣю въ виду здѣсь такихъ соціологовъ, какъ Изуле, Дюркгеймъ, Леви-Брюль, де-Роберти, Драгическо и т. п. Въ этомъ даже усматривается указаніе на то, что наука движется въ направленіи строжайшаго «соціоло-

гизма» противъ «индивидуализма», какъ отсталой и ненаучной точки зрѣнія. Paul Caullet, авторъ большого труда, вышедшаго въ свѣтъ въ 1913 г. подъ заглавіемъ «Eléments de sociologie», главнымъ теоретикомъ ученія о зависимости индивидуальнаго отъ соціальнаго или о предшествованіи факта общественности факту умственности, называетъ нашего соотечественника Е. В. де-Роберти, который даже прямо выставилъ гипотезу о новомъ видѣ міровой энергіи, каковымъ является общественность,—и далъ этой гипотезѣ названіе біосоціальной. Вкратцѣ Е. В. де-Роберти изложилъ свой основной взглядъ въ статьѣ, помѣщенной во второмъ выпускѣ сборника «Новыя идеи въ соціологіи» (1914), гдѣ имѣется переводъ отрывка изъ книги Колле. Впрочемъ, наиболѣе близкое и одностороннее выраженіе мысли о томъ, что общество предшествуетъ индивидуальности и что послѣдняя является продуктомъ перваго, дано было въ работѣ букарестскаго профессора Д. Драгическо, съ основными взглядами котораго можно познакомиться по статьѣ, помѣщенной въ томъ же выпускѣ «Новыхъ идей въ соціологіи» (стр. 100—120).

Однако, есть писатели, которые не соглашаются съ безусловнымъ сведеніемъ личности на роль простой функціи соціальной среды. Между прочимъ, съ этой точки зрѣнія на защиту «индивидуализма» энергично выступилъ G. Palante въ изданной въ 1913 г. книгѣ «Les antinomies entre l'individu et la société». Это—цѣлая критика соціологизма съ разныхъ сторонъ, въ которой указывается и чисто физіологическіе элементы личности, и существованіе въ личныхъ сознаніяхъ тонкихъ оттѣнковъ и т. п. Если въ соціологизмѣ личность приравнивается къ слѣдствію, причиною котораго является общество, то истина для Паланта скорѣе въ обратномъ отношеніи, при чемъ онъ особенно настаиваетъ на элементѣ личной инициативы, проявляющейся въ изобрѣтеніяхъ всякаго рода, въ которыхъ мы всегда имѣемъ дѣло съ результатами усилій извѣстнаго индивидуальнаго мозга, а не съ продуктами своего рода туманной соціальности. Мозгъ человѣка, вотъ аппаратъ, вырабатывающій все то, что потомъ дѣлается соціальнымъ, а не внѣшнія разрозненныя вліянія, идущія отъ соціальной среды, создаютъ единство, присущее личной оригинальности. Изъ названной книги Паланта заимствована небольшая статья во второмъ выпускѣ сборника «Новыя идеи въ соціологіи» (Спб. 1914), цѣликомъ посвященномъ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ соціологіи и психологіи (см. стр. 121—136). Въ этомъ отрывкѣ авторъ полемизируетъ, главнымъ образомъ, съ Драгическо.

Это—слишкомъ обширная тема для того, чтобы здѣсь говорить о ней подробно и чтобы приводить написанную по ней литературу. См. въ первомъ изд. моего «Введенія въ изученіе соціологіи» и перепечатанную оттуда отдѣльной брошюрой соціологическую библіографію (1897). Изъ русскихъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ, назову здѣсь *Б. А. Кистяковскаго*, работа котораго (Gesellschaft und Einzelwesen) появилась уже послѣ выхода только-что названной книги. Въ послѣдней см. главы XII и XIII, въ которыхъ я разсматриваю «досоціологическую постановку вопроса о личности и обществѣ» и «личность и общество въ соціологической литературѣ» (въ трудахъ Изуле, Вормса, Дюркгейма, Кидда и др.).

Первый томъ «Динамической соціологіи» Лестера Уорда, названной въ прим. 6 на **стр. 64**, былъ переведенъ по-русски и отпечатанъ, но истребленъ по предписанію тогдашняго цензурнаго вѣдомства. Съ содержаніемъ труда Лестера Уорда познакомилъ русскихъ читателей П. Θ. Николаевъ въ книгѣ «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ» (1892), образовавшейся изъ ряда статей автора въ «Русской Мысли». Позднѣе были переведены по-русски нѣкоторыя второстепенныя работы Уорда, каковы его «Психическіе факторы цивилизаціи» (1896), статья о Контѣ (въ книгѣ: *Милль, Спенсеръ и Уордъ.* Огюстъ Контъ и позитивизмъ, 1897). Въ своемъ «Введеніи въ соціологію» я говорю о критикѣ Уордомъ идеи общественнаго саморазвитія (въ главѣ II). Въ 1913 г. вышла книжка г. Гвирцмана «Соціологія Уорда и ея отношеніе къ соціологическимъ построеніямъ Маркса» (1913), о которой см. мою рецензію въ № 1 «Научнаго Историческаго Журнала».

Названныя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на **стр. 67** книги *Эспинаса* и *Фуллье* имѣются въ настоящее время въ русскихъ переводахъ. О Фуллье см. еще ниже (примѣч. къ стр. 405).

На **стр. 68—79** рѣчь идетъ объ исторіологическихъ взглядахъ П. Л. Лаврова, писавшаго, обыкновенно, подъ псевдонимами (Миртова и др.) или анонимно. Въ то время, когда вышло первое изданіе «Сущности историческаго процесса», имя Лаврова было, такъ сказать, подъ цензурнымъ запретомъ, и его приходилось называть Миртовымъ или просто авторомъ такихъ-то статей. Теперь мы имѣемъ переизданными и «Историческія письма» и нѣкоторыя другія изъ названныхъ у насъ работъ Лаврова. (Переизданіемъ ихъ занялась редакція «Русскаго Богатства», которая этимъ оказала большую услугу русскому обществу).

Послѣ выхода въ свѣтъ «Сущности историческаго процесса» Лавровымъ были написаны новыя работы историко-философскаго содержанія. Кромѣ заграничной «Исторіи мысли», оставшейся незаконченною, важны: *С. С. Арнольди* (тоже псевдонимъ Лаврова). Задачи пониманія исторіи (1898).—*Доленга* (еще псевдонимъ). Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли (1903). О первой изъ этихъ двухъ книгъ мною былъ данъ отчетъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Новый историко-философскій трудъ», напечатанной въ «Вопросахъ философіи и психологіи» за 1898 г. и перепечатанной подъ заглавіемъ «Одинъ изъ послѣднихъ историко-философскихъ трудовъ П. Л. Лаврова» во II томѣ «Собранія (моихъ) сочиненій» (1912). Опытъ общей оцѣнки «теоріи личности П. Л. Лаврова» я сдѣлалъ въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, появившейся въ XII т. «Историческаго Обозрѣнія», выходившей потомъ два раза отдѣльно (1901 и 1907) и перепечатанной во II т. указаннаго «Собранія сочиненій». Нѣкоторыя мысли Миртова-Лаврова отмѣчены у меня и во «Введеніи въ изученіе соціологіи» (стр. 84, 85, 149, 254—255, 293, 304—306, 353 по 3 изданію). Ch. Rappoport въ своей вышедшей въ свѣтъ въ 1903 г. книгѣ «La philosophie de l'histoire, comme science de l'évolution» посвятилъ Лаврову небольшую главу (стр. 159—180), гдѣ совершенно правильно говоритъ: «le problème qu'on peut placer au centre même de l'oeuvre de Lavroff et qui le préoccupa particulièrement d'une façon constante, est celui de la personalité humaine, le problème de l'individu» (стр. 165).

Статья г. Б. Камкова «Историко-философскія воззрѣнія П. Л. Лаврова» («Завѣты» за іюнь и іюль 1913 г.) не имѣетъ отношенія къ пониманію историческаго процесса, такъ какъ цѣликомъ посвящена вопросамъ историческаго знанія. См. мою замѣтку объ этой статьѣ въ первой книгѣ «Научнаго Историческаго Журнала» (1913), стр. 117—121. Нѣсколько ближе подходитъ къ вопросу L. A. Tcheskis въ своей статьѣ «La philosophie sociale de Pierre Lavroff, ses rapports avec le matérialisme historique» (въ «Revue de synthèse historique» за 1913 г. и отдѣльно), о которой см. мою замѣтку въ «Науч. Ист. Журн.» за 1914 г., вып. IV.

Стр. 80 и слѣд. Уже много времени спустя послѣ выхода въ свѣтъ «Сущности историческаго процесса» среди нѣмецкихъ историковъ возникла очень острая полемика между представителями «новаго», коллективистическаго, и «стараго», индивидуалистическаго, направленій въ исторіи. Застрѣльщикомъ въ этомъ спорѣ выступилъ извѣстный лейпцигскій профессоръ Карлъ Лампрехтъ, въ 1898 г. издавшій работу подъ заглавіемъ «Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft». Лампрехтъ назвалъ старымъ то направленіе, которое видитъ причины историческихъ событій въ выдающихся личностяхъ, игнорируя массовыя явленія, и притомъ полагаетъ, что поведеніе личности не зависитъ отъ историческаго фона, на коемъ совершаются ея поступки. Этому направленію (характеристику его оппоненты Лампрехта отказывались признать вѣрною дѣйствительности) онъ противопоставилъ другое, принимающее и массовые поступки за причины историческихъ явленій на-ряду съ индивидуальными, равно какъ признающее, что изъ массовыхъ поступковъ слагаются условія дѣятельности выдающихся личностей. Критики Лампрехта болѣе или менѣе единодушно высказывались въ томъ смыслѣ, что двухъ такихъ противоположныхъ направленій не существуетъ, и что вся разница лишь въ степени пользованія индивидуалистическими и коллективистическими объясненіями. Поэтому они отрицали какой бы то ни было переворотъ въ наукѣ, яко бы совершенный Лампрехтомъ, взглядъ котораго они находили совсѣмъ неоригинальнымъ и имъ, критикамъ, давно извѣстнымъ. Съ обѣихъ сторонъ было высказано при этомъ немало невѣрныхъ или неясныхъ мыслей, и лично я въ этой полемикѣ для себя не нашелъ ничего новаго и сколько-нибудь поучительнаго, что и было одною изъ причинъ моего молчанія въ печати по этому поводу (см. въ моей «Теоріи историческаго знанія» стр. 22 и 307), тѣмъ болѣе, что въ это время я былъ болѣе занятъ полемикой съ экономическимъ матеріализмомъ. Русскихъ читателей съ лампрехтовскимъ споромъ познакомилъ А. А. Малининъ въ брошюрѣ «Старое и новое направленія въ исторической наукѣ». Кромѣ того, объ этомъ спорѣ, см. на стр. 305—307 моей «Теоріи историческаго знанія» (въ главѣ XXIII: «Общественное содержаніе исторической науки и мѣсто въ ней біографическаго элемента»).

Въ общемъ, и послѣ ознакомленія со всѣмъ этимъ матеріаломъ я не считаю нужнымъ что-либо измѣнить въ своихъ взглядахъ объ индивидуальномъ и коллективномъ дѣйствіи въ исторіи [1]), изложен-

[1]) Въ текстѣ настоящей книги можно встрѣтить выраженія «индивидуальное» и «коллективное дѣйствіе въ исторіи», которыя позднѣе Лампрехтъ противопоставилъ одно другому.

ныхъ въ главѣ IV первой части «Сущности историческаго процесса». Ничего для себя новаго, что могло бы заставить меня измѣнить мои взгляды или какъ-нибудь иначе по существу ихъ формулировать, не нашелъ я и въ другихъ работахъ по вопросу, вышедшихъ въ свѣтъ за годы, слѣдовавшіе за первымъ изданіемъ «Сущности историческаго процесса». Нѣкоторыя изъ этихъ работъ я здѣсь отмѣчу.

Въ 1895 г. вышелъ въ свѣтъ двухтомный трудъ *A. Odin'a* подъ заглавіемъ «Genèse des grands hommes» и съ подзаголовкомъ «Gens de lettres français modernes», при чемъ въ первомъ томѣ около 600 стр., а второй, тоже очень объемистый, состоитъ цѣликомъ изъ таблицъ. Авторъ беретъ французскихъ писателей и разсматриваетъ, подъ какими вліяніями они складывались, при чемъ указываетъ, что это есть первое примѣненіе къ литературѣ статистическаго метода. Общіе взгляды автора по вопросу, насъ интересующему, сводятся къ слѣдующему. До сихъ поръ одни признавали, другіе отрицали рѣшающее вліяніе великихъ людей (замѣчательныхъ людей или людей высшихъ качествъ, hommes supérieurs) на ходъ событій, но этотъ вопросъ и нельзя разрѣшить при традиціонномъ взглядѣ на великаго человѣка, взглядѣ ошибочномъ, состоящемъ въ томъ, будто между великими людьми и обыкновенными смертными существуетъ специфическое различіе, а не въ степени только. Для изученія великаго человѣка первое дѣло знать условія его появленія на свѣтъ Божій и его развитія, «sa genèse». Эти условія авторъ сводитъ къ категоріямъ наслѣдственности и среды и къ ихъ взаимодѣйствію. Подъ средою онъ разумѣетъ среду географическую, политическую и административную, этнологическую, въ которой явился «великій человѣкъ», его религія, мѣсто рожденія, воспитаніе, матеріальный достатокъ, профессію родителей. Вопросъ о взаимоотношеніяхъ этихъ разныхъ сторонъ среды тоже очень занимаетъ автора. Разсматриваются въ книгѣ только данныя, касающіяся во всѣхъ этихъ отношеніяхъ французскихъ писателей съ конца XV вѣка. Къ какимъ бы заключеніямъ, однако, ни приводили автора его разысканія, книга его ничего не даетъ для рѣшенія вопроса о роли отдѣльныхъ личностей въ исторіи, такъ какъ все вниманіе автора сосредоточено на генезисѣ такихъ личностей, на условіяхъ, ихъ создававшихъ. Лишь немногія страницы (126 и слѣд.) непосредственно касаются вопроса. Сопоставляя двѣ противоположныя точки зрѣнія, Odin не считаетъ ихъ абсолютно невѣрными. Оба взгляда, говоритъ онъ, «заключаютъ въ себѣ долю истины, и все дѣло въ томъ, чтобы опредѣлить, какова эта доля. Если, съ одной стороны, очевидно, что исторія не можемъ ограничиться регистраціей однихъ дѣяній (faits et gestes) нѣсколькихъ привилегированныхъ лицъ, то не менѣе вѣрно, съ другой стороны, что изъ нея нельзя вычеркнуть всѣ собственныя имена. Всегда были и... всегда будутъ извѣстные индивидуумы, которые своимъ талантомъ или своимъ общественнымъ положеніемъ поставлены въ возможность оказывать большее вліяніе, чѣмъ другіе. Можно спорить о степени ихъ превосходства, но не о самомъ его существованіи» (стр. 133). Развивая свою мысль, авторъ высказывается по многимъ частнымъ вопросамъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ о томъ же говорится въ «Сущности историческаго процесса». См., напр., критику взгляда Бурдо на «tout le monde»: конечно, не вся Европа конца XV в. открыла Америку, а Колумбъ, стр. 134.

О роли личности въ исторiи (du rôle de l'individu dans l'histoire), какъ объ основной проблемѣ философiи исторiи, есть небольшая (стр. 128—158), но очень содержательная глава въ книгѣ Ch. Rappoport'a «La philosophie de l'histoire comme science de l'évolution» (1903). Авторъ стоитъ за синтезъ того, что онъ называетъ субъективной и объективной точками зрѣнiя. «En considérant l'individu tantôt comme effet de l'évolution historique, comme facteur de l'histoire, et comme son produit, elle (la synthèse) concilie manifestement les deux extrêmes... En rejetant les solutions unilatérales elle prépare la voie pour une conception plus rationnelle du rôle historique de l'individu» (стр. 133). Общiе свои взгляды авторъ выражаетъ въ нѣсколькихъ тезисахъ, совпадающихъ съ положенiями моей книги. Вотъ они въ русскомъ переводѣ. 1. Индивидуумъ является въ историческомъ процессѣ сознательнымъ и активнымъ факторомъ, тогда какъ естественная, соцiальная и экономическая среда необходимо отличается своимъ пассивнымъ характеромъ.—2. Историческiе результаты индивидуальной дѣятельности, представляющiе собою совокупность влiянiй индивидуумовъ, дѣйствующихъ коллективно, необходимо кажутся на первый взглядъ самому индивидууму постороннею силою, находящеюся внѣ его и надъ нимъ.—3. Индивидуумъ становится активнымъ и положительнымъ агентомъ исторiи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣятельность проявляется (se manifeste) въ томъ же направленiи, какъ и дѣятельность достаточнаго количества другихъ индивидуумовъ и общественныхъ силъ.—(Пропускаю четвертый тезисъ, какъ не касающiйся прямо вопроса).—5. Эволютивная сила интеллектуальнаго фактора постоянно увеличивается. Съ умственнымъ прогрессомъ пропорцiонально растетъ историческая роль индивидуума.—6. Проблема индивидуума мѣняетъ свой характеръ, смотря по тому, имѣютъ ли дѣло съ индивидуумомъ, исключительно одареннымъ или поставленнымъ въ исключительно благопрiятныя условiя, съ индивидуумомъ-героемъ, или со среднимъ индивидуумомъ, соцiальнымъ атомомъ, или индивидуумомъ сознательнымъ, поставленнымъ лицомъ къ лицу съ объективнымъ мiромъ, лишеннымъ сознанiя».

Въ небольшой книжкѣ «Индивидуальный духъ и общественное принужденiе» (Génie individuel et contrainte sociale, 1912) Lucien Arréat, исходя изъ идеи взаимодѣйствiя личности и общества (le génie individuel dépend de l'activité sociale et la société elle même du génie des individus), возражаетъ противъ дюркгеймовской доктрины de la contrainte sociale. Онъ совѣтуетъ строго различать между «творческою дѣятельностью индивидуумовъ» и «природой фактовъ, ею (этою дѣятельностью) производимыхъ». Природа эта въ стремленiи къ извѣстной устойчивости (état stable), къ реализацiи въ нѣкоторой прочной совокупности (ensemble defini) психическихъ и соцiальныхъ фактовъ, тогда какъ изобрѣтенiя стремятся постоянно къ измѣненiямъ. Въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ подражанiе (l'imitation ne repète que le même, le semblable), творческiй же ферментъ получается отъ контакта разныхъ влiянiй. Здѣсь Арреа слѣдуетъ за Тардомъ. Въ каждомъ изобрѣтенiи, даже наиболѣе матерiальномъ, проявляется мысль, а она имѣетъ личный характеръ, хотя, конечно, изобрѣтенiя возникаютъ только на хорошо подготовленной почвѣ. Какъ ни важно богатое наслѣдiе прежнихъ мыслей, изобрѣтенiе имѣетъ личное значенiе, сколько бы ни былъ

малъ индивидуальный выкладъ (si minime que fût l'apport individuel). «Ясно, говоритъ авторъ въ заключеніи, что не существуетъ коллективныхъ существъ въ прямомъ смыслѣ слова, но существуютъ факты, созданные индивидуумами, соціальные результаты (produits), обязанные своимъ происхожденіемъ ихъ отдѣльному или совокупному дѣйствію, явленія, которыя намъ можно изучать, какъ таковыя, безотносительно къ лицамъ... Не менѣе ясно, что эти продукты или реализированные факты оказываютъ въ свою очередь сильное вліяніе на психологію индивидуума, и что ея нельзя понять внѣ общественной среды (hors de la société).»

Стр. 82 и слѣд. Указанія на новѣйшую литературу о понятіяхъ «великаго человѣка», «генія» и т. п. можно найти въ статьѣ Henri Berr'a «La méthode statistique et la question des grands hommes», напечатанной въ «Nouvelle Revue» за тотъ же 1890 г., когда вышла въ свѣтъ «Сущность историческаго процесса». То, что появилось послѣ, отмѣчено Берромъ на стр. 74 и слѣд. его книги «La synthèse en histoire» (1911). Изъ болѣе новыхъ работъ онъ называетъ *R. Lazzari.* Le moderne teorie del genio.—*F. Mentré.* La problème du génie (Rev. de phil. 1905).—*Draghicesco.* Du rôle de l'individu dans le déterminisme social (1904).

Стр. 94. Впослѣдствіи Бурдо написалъ еще «Le problème de la vie. Essai de sociologie générale» (1901). Книга эта есть и въ рус. пер. подъ заглавіемъ «Вопросъ о жизни» (1902). См. еще ниже въ добавленіи къ стр. 80 и слѣд.

Стр. 97, примѣч. 2. Лакомбъ въ своемъ сочиненіи «L'histoire considérée comme science» (1894; есть рус. пер. подъ заглавіемъ «Соціологическія основы исторіи», 1895), проводитъ то же дѣленіе, одни факты называетъ также событіями, а другіе — учрежденіями (institutions). (Отмѣчу, что о книгѣ Лакомба мною была написана статья подъ заглавіемъ «Новый трудъ по теоріи исторіи», помѣщенная въ VIII т. «Историческаго Обозрѣнія», но въ сборникахъ моихъ статей вмѣстѣ съ другими не перепечатывавшаяся).

Равнымъ образомъ, въ нѣмецкой литературѣ событія (Ereignisse) противополагаются состояніямъ (Zustände), или,—что дѣлается у Бернгейма, — въ «Bethätigung», какъ предметѣ исторіи, различаются, съ одной стороны, дѣянія (Handlungen, Thaten), съ другой же, болѣе пассивныя проявленія жизни (die mehr stilleren, mehr passiven Lebensäusserungen), опять-таки обозначаются словомъ Zustände. *E. Bernheim.* Lehrbuch der historischen Methode, стр. 12—13 (по первому изданію). Проф. Р. Ю. Випперъ въ своихъ «Нѣсколькихъ замѣчаніяхъ о теоріи историческаго познанія» (въ книгѣ «Двѣ интеллигенціи и другіе очерки», 1912, стр. 51—52) неправильно усматриваетъ здѣсь только видоизмѣненіе контовскаго дѣленія соціологіи на статику и динамику, противъ чего я возражаю въ главѣ VIII своей книги «Теорія историческаго знанія» (1913 г., стр. 148 и слѣд.). По тому же вопросу о прагматикѣ и культурѣ см. въ главѣ IX моего «Введенія въ изученіе соціологіи».

Н. К. Михайловскій, взгляды котораго разсматриваются на стр. **107—131**, конечно, для соціологіи и теоріи исторіи вообще сдѣлалъ гораздо больше, нежели то, что послужило предметомъ разсмотрѣнія на указанныхъ двухъ съ половиною десяткахъ страницъ. Другіе его взгляды приводились мною въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», во «Введеніи въ изученіе соціологіи», въ «Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ», а также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, въ особенности тѣхъ, которыя имѣли спеціальнымъ предметомъ соціологію Михайловскаго (въ № 318 «Рус. Вѣд.» за 1900 г., въ № 3 «Рус. Бог.» за 1904 г. и въ XIX томѣ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза-Ефрона). Болѣе подробныя и точныя отмѣтки объ этомъ см. на столбцѣ 1125 «Указателя литературы о Н. К. Михайловскомъ», составленнаго Е. Е. Колосовымъ и приложеннаго къ X т. «Полнаго собранія сочиненій Н. К. Михайловскаго». Въ этомъ же указателѣ можно найти названія ряда работъ, спеціально разсматривающихъ соціологическіе и исторіологическіе взгляды Михайловскаго (каковы книжки и статьи А Красносельскаго, самого Е. Е. Колосова, П. Л. Лаврова, С. Ранскаго, Н. С. Русанова, М. Суперанскаго, С. Н. Южакова и др.). Кромѣ того, Е. Е. Колосовъ помѣстилъ въ томъ же X томѣ собранія сочиненій Михайловскаго «предметный къ нимъ указатель», который облегчитъ для занимающихся изученіемъ этого писателя оріентировку въ различныхъ вопросахъ, имъ разсматривавшихся. Среди 18 отдѣловъ, на которые раздѣленъ этотъ указатель, болѣе близкое отношеніе къ предмету, трактуемому въ «Сущности историческаго процесса», имѣютъ четвертый («Борьба за индивидуальность»), девятый («Теорія коллективнаго подражанія») и десятый («Роль личности въ исторіи»). По послѣднему вопросу Михайловскій ничего цѣльнаго не написалъ, но въ цѣломъ рядѣ мѣстъ въ разныхъ статьяхъ, тщательно отмѣчаемыхъ составителемъ на столб. 1102—1103, онъ все-таки такъ или иначе высказывался по вопросу. Г. Колосовъ, между прочимъ, написалъ объ этомъ нѣсколько страницъ (403—406) въ книгѣ Н. А. Рубакина «Среди книгъ» (Спб. 1912).

Укажу еще, что самъ Н. К. Михайловскій отозвался на то, что мною было сказано о его теоріи въ «Сущности историческаго процесса»; объ этомъ можно найти на стр. 397—399 второго тома «Полнаго собранія сочиненій».

Къ **стр. 144—157.** Въ то время, когда писался текстъ «Сущности историческаго процесса», Гумпловичъ у насъ былъ мало извѣстенъ, хотя его «Grundriss der Sociologie» вышелъ въ свѣтъ еще въ 1885 году. Уже послѣ выхода «Сущности историческаго процесса» Г. написалъ рядъ другихъ соціологическихъ трудовъ, мало что прибавившихъ къ его основной точкѣ зрѣнія (Sociologie und Politik, 1892.—Die Sociologische Stadtsidee, 1892.—Sociologische Essays, 1899). О немъ см. въ книгѣ *М. М. Ковалевскаго* «Современные социологи» (1905).

Стр. 161. За послѣднее время вопросъ о понятіи «случайность» былъ предметомъ пристальнаго вниманія со стороны очень многихъ авторовъ, посвящавшихъ ему свои статьи. Очень много библіографическихъ указаній на этотъ счетъ можно найти въ книгѣ *Henri Berr'a* «La synthèse en histoire» (1911), въ началѣ спеціальнаго параграфа

подъ заглавіемъ «Le Hasard». Кромѣ того, авторъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ссылается на взгляды, высказанные отдѣльными авторами въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія. Въ одномъ мѣстѣ своего труда Берръ спрашиваетъ, не требуетъ ли себѣ мѣста въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія случайность (la contingence), которою въ другихъ областяхъ наука пренебрегаетъ [1]). «Случайный фактъ, говоритъ онъ, самъ по себѣ не представляетъ интереса. Разумѣется, онъ не безпричиненъ: но у него нѣтъ *законосообразной* причины (il est sans cause *légale*); онъ является результатомъ того, что не воспроизведется въ тожественномъ видѣ (identiquement), и, слѣдовательно, отношеніе причины къ слѣдствію здѣсь не научаетъ ничему полезному». Тѣмъ не менѣе, прибавляетъ авторъ, «упорство (obstination), съ какимъ историки занимаются случайными фактами, свидѣтельствуетъ о о *важной роли*, какую случайность играетъ въ дѣлахъ человѣческихъ (parmi les faits humains)». Поэтому Берръ высказывается въ томъ смыслѣ, что если собираніе случайныхъ фактовъ не имѣетъ ничего общаго съ наукою, это еще не мѣшаетъ быть научными всякимъ изслѣдованіямъ дѣйствій, производимыхъ случайностями, и ихъ отношеній къ другимъ родамъ причинъ. Этому вопросу въ «La synthèse en histoire» посвящена особая глава, въ которой авторъ въ упомянутой «contingence» различаетъ два вида. Къ сожалѣнію, русскій языкъ не имѣетъ словъ, строго соотвѣтствующихъ терминамъ, которые здѣсь употребляетъ авторъ. Именно, онъ различаетъ, съ одной стороны, «le fait fortuit ou de hasard», съ другой, «l'accident», противополагая первое понятіе «необходимымъ связямъ явленій», а второе («индивидуализирующее группировки явленій»)—ихъ сущности (essence).—Я думаю, что для перваго понятія можно пользоваться словомъ «случай», для второго — терминомъ «индивидуальность», какъ это дѣлаетъ и самъ Берръ.

«Конечно, говоритъ Берръ о случаѣ въ первомъ смыслѣ, это не есть безпричинное происшествіе, и на первыхъ порахъ лучше видѣть во всякомъ такомъ случаѣ нѣчто, чего никто ни хотѣлъ, ни предвидѣлъ (ce qui n'est ni voulu, ni prévu), или нѣчто, теперь для насъ непредвидимое. Случай поэтому имѣетъ лишь субъективный смыслъ, относительный, характеризующій состояніе нашихъ знаній. Чѣмъ больше мы знаемъ, тѣмъ больше предвидимъ. Для того, кто зналъ бы все, случай, какъ нѣчто непредвидѣнное, не существовалъ бы». Авторъ не скрываетъ, впрочемъ, что нѣкоторые мыслители искали въ случаѣ и объективную сторону. Онъ соглашается съ формулой, по которой случай является «результатомъ встрѣчи, пересѣченія (intersection) рядовъ (séries) независимыхъ явленій». Иначе говоря, случай есть синонимъ «совпаденія», очень выразительнаго слова въ данномъ разѣ. Человѣкъ постоянно имѣетъ дѣло съ такимъ «случайнымъ» вокругъ себя, да и самъ безпрестанно попадаетъ въ случайныя положенія, говоритъ и дѣйствуетъ случайно. Совершенно такъ же истолкована была случайность въ исторіи и въ моихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», а потомъ и въ настоящей книгѣ къ великому соблазну нѣкоторыхъ критиковъ, полагавшихъ, будто, допуская случайное въ исторіи и даже

---

[1]) См. мою статью о книгѣ Берра въ XVI т. «Историческаго Обозрѣнія».

говоря о важной роли въ ней случайностей [1]), я тѣмъ самымъ отрицалъ въ исторіи законосообразность [2]). Установивъ понятіе случая, какъ непредвидѣнной (для насъ) встрѣчи разныхъ, какъ я сказалъ бы, причинно-слѣдственныхъ цѣпей, Берръ различаетъ разные роды случаевъ. Одни изъ нихъ едва нами замѣчаются, другіе, наоборотъ, насъ поражаютъ; тогда мы ихъ называемъ странными (étranges ou singuliers), удивительными, чудесными, провиденціальными, и даже то, что не произошло, но могло бы произойти, разсматривается, какъ счастливый случай, когда, напр., къ ногамъ моимъ падаетъ сверху камень, который, упавъ мнѣ на голову, могъ бы меня убить; кромѣ того, среди поразительныхъ случаевъ могутъ быть важные и неважные, какъ есть случаи, имѣющіе важность только по своей поразительности, и наоборотъ, важные, но отнюдь не поразительные.

Историческимъ случай, указываетъ далѣе Берръ, дѣлается и получаетъ названіе событія, когда влечетъ за собою большое количество послѣдствій или оказываетъ вліяніе въ теченіе продолжительнаго времени. Старые лѣтописцы часто отмѣчали поразительные случаи, не имѣвшіе никакой исторической важности; задача же историка нерѣдко состоитъ въ томъ, чтобы пренебрегать случайностями, выдвигающимися на первый планъ традиціей, и, наоборотъ, ставить на ихъ мѣсто тѣ, которыя традиція оставляла въ тѣни. Между прочимъ, Берръ различаетъ среди историческихъ случаевъ такіе, какъ землетрясенія, наводненія, бури, неурожаи, эпидеміи, оказывавшіе большое вліяніе на человѣческіе коллективы, и такіе, которые оказывали на нихъ дѣйствіе только при «посредствѣ личностей» (par l'intermédiaire des individus). Послѣдніе-то случаи, главнымъ образомъ, и занимали всегда историковъ, особенно когда мелкія причины приводили къ крупнымъ послѣдствіямъ: не очутись камня въ мочевомъ пузырѣ Кромвеля, исторія Англіи и даже всей Европы могла бы быть другою, какъ говорилъ еще Паскаль [3]). Можно ли, однако, спрашиваетъ авторъ, говорить о существовані ничтожныхъ (futiles) случаевъ, разъ они являются причинами? Дѣло въ томъ, что случай бываетъ либо только поводомъ (cause occasionnelle), «освобождающимъ силы и пускающимъ въ ходъ событія», либо дѣйствительною причиною (cause effective), ихъ вызывающею. Но случай получаетъ свое значеніе лишь по отношенію къ системѣ или порядку, на которые оказываетъ дѣйствіе, и значеніе его измѣряется не его исходнымъ пунктомъ (fait initial), а его результатами. Ключъ къ пониманію роли случая дается поэтому разсмотрѣніемъ того, что случай можетъ сдѣлать для или противъ такого-то порядка вещей, и въ какихъ отношеніяхъ находятся въ исторіи порядокъ и случай. Отъ случая (hasard) въ разсмотрѣнномъ смыслѣ Берръ отличаетъ то, что обозначаетъ словомъ «индивидуальность» (individualité) и въ чемъ видитъ нѣчто среднее или промежуточное (quelque chose d'intermédiaire) между чистымъ случаемъ и необходимостью. Эту «individu-

---

[1]) Нѣчто подобное говоритъ и Берръ: «le hasard est partout, dans la nature, dans la vie, dans l'histoire: il nous assiége et devrait nous obséder», стр. 62.

[2]) Моимъ критикамъ. Защита книги «Основные вопросы философіи исторіи» (Варшава. 1884), стр. 54—61.

[3]) Знаменитый монтэневскій «носъ Клеопатры», — будь который короче, все сложилось бы иначе, — Берръ относитъ къ другой категоріи «contingences».

ailté» онъ беретъ тутъ далеко не въ смыслѣ только человѣческой личности.

Въ ноябр. кн. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1913 г. появилась статья *В. И. Веретенникова* «Случайность въ историческомъ процессѣ и статистическій методъ», о которой см. мою замѣтку на стр. 152—157 второго выпуска «Научнаго Историческаго Журнала» за 1913 г. Этою статьею кое-что дополняется въ разсмотрѣніи предмета Берромъ, но авторъ напрасно привлекаетъ къ вопросу статистическій методъ, имѣющій отношеніе только къ массовымъ случаямъ, тогда какъ для теоріи историческаго процесса важны только отдѣльныя, индивидуально-конкретныя случайности.

На **стр. 197** отмѣчено пониманіе термина «прагматизмъ» въ различныхъ смыслахъ. Такъ было прежде, такъ остается и теперь, когда терминъ этотъ, вдобавокъ, сталъ употребляться съ особымъ значеніемъ и въ философіи. Это разнообразіе значеній термина указано было мною недавно въ «Теоріи историческаго знанія» (стр. 142—143). За послѣднее время я сталъ въ извѣстныхъ случаяхъ слово «прагматизмъ» замѣнять словомъ «прагматика» въ смыслѣ былевой (а не бытовой) стороны исторіи, т.-е. совокупности прагматическихъ фактовъ, тогда какъ за «прагматизмомъ» оставилъ значеніе извѣстнаго отношенія къ исторіи, или направленія исторической науки. Другими словами, «прагматизмъ» есть понятіе историцистическое, имѣющее отношеніе къ историческому знанію, а «прагматика»—понятіе исторіологическое, имѣющее отношеніе къ историческому процессу. (Ср. о различіи между историкой и исторіологіей къ первой главѣ моей «Теоріи историческаго знанія»). По аналогіи можно было бы различать понятія «культуры» и «культуризма». Т.-е. прагматика: культура = прагматизмъ: культуризмъ. Въ настоящей книгѣ оставлена прежняя терминологія. Что касается до философскаго прагматизма, то онъ не имѣетъ никакого отношенія къ словоупотребленію, принятому въ настоящей книгѣ и въ другихъ моихъ работахъ по теоріи исторіи.

Стр. 238 и слѣд. Почти одновременно съ настоящей книгой московское Психологическое Общество издало сборникъ статей и рефератовъ своихъ членовъ о свободѣ воли и, именно, подъ такимъ заглавіемъ «О свободѣ воли». Въ немъ вопросъ этотъ ставился и рѣшался съ точекъ зрѣнія философской, психологической, этической и криминалистической; лишь одинъ авторъ упомянулъ о томъ, что вопросъ о свободѣ воли имѣетъ отношеніе и къ философіи (= теоріи) исторіи, и упомянулъ не въ пользу того, чтобы онъ рѣшался на такой почвѣ. Это заставило меня прочесть въ томъ же Психологическомъ Обществѣ (въ 1890 г.) рефератъ подъ заглавіемъ «Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса» [1]). Статья эта вообще можетъ служить дополненіемъ къ тому, что о свободѣ воли говорится въ настоящей книгѣ. Обращаю въ частности вниманіе на воз-

---

[1]) Былъ напечатанъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» и перепечатывался дважды (1895 и 1899) въ обоихъ изданіяхъ моихъ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ», а потомъ еще разъ (1911) въ I т. «Собранія сочиненій» (изд. «Прометей»).

раженіе, дѣлаемое мною проф. Л. М. Лопатину [1]), который, говоря о желаніи каждаго произвести въ жизни что-либо новое (т.-е. нѣчто, чего въ ней не было и что лишь отъ насъ зависитъ), противополагаетъ нашему сознанію о заключающихся въ насъ творческихъ силахъ стихійное и безпощадное теченіе явленій природы. Авторъ какъ бы забываетъ, что рядомъ съ однимъ *я*, какъ самодѣятельною противоположностью внѣшней природы, существуютъ другія *я*, имѣющія каждое для себя то же значеніе, но для каждаго изъ насъ являющіяся тоже своего рода внѣшними силами. Далѣе, я не соглашаюсь со взглядомъ проф. Лопатина, что «не все на свѣтѣ есть слѣдствіе», но что «бываютъ причины, для которыхъ уже нельзя указать причинъ дальнѣйшихъ». Я согласенъ съ нимъ, когда онъ говоритъ, что цѣлесообразно дѣйствующая сила направляетъ явленія, дополняетъ то, чего въ нихъ нѣтъ, прерываетъ ихъ слѣпой входъ, и даже одобряю такую формулировку роли личности въ исторіи, какъ роли, по его словамъ, творческой, но все-таки не могу согласиться съ мыслью о безпричинности творчества. Выводъ мой тотъ, что вопросъ о свободѣ воли долженъ рѣшаться и на почвѣ коллективной психологіи и теоріи историческаго процесса.

Стр. 287. По вопросу о «соучастіи» уголовно-правовая теорія котораго здѣсь привлекается къ разсмотрѣнію, въ 1891 г. была напечатана въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (№ 1), вскорѣ затѣмъ переведенная по-нѣмецки и появившаяся въ «Zeitschrift» Листа статья покойнаго проф. Фойницкаго подъ заглавіемъ «Уголовно-правовая доктрина о соучастіи». Въ ней авторъ критикуетъ господствующую доктрину, излагая ее словами Н. С. Таганцева и указывая на то, что въ ней «вина каждаго становится виною всѣхъ въ отдѣльности, своя и чужая вина перестаютъ различаться» («Юр. Вѣстн.» 1891 г., янв., стр. 5). На помощь такой конструкціи, по словамъ Фойницкаго, «привлекается положеніе объ единствѣ умысла всѣхъ участниковъ» (стр. 6), чѣмъ создается «преобладаніе момента соглашенія и умысла надъ моментомъ причинности». Съ другой стороны, говоритъ авторъ, «провозглашая принципъ общности наказанія всѣхъ соучастниковъ, господствующая доктрина далека, однако, отъ мысли о непремѣнной, безусловно одинаковой наказуемости ихъ всѣхъ» (стр. 7). Условіе единства умысла Фойницкій называетъ чисто схоластическимъ взглядомъ: на самомъ дѣлѣ, «соучастіе логически необходимо предполагаетъ столько умысловъ, сколько соучастниковъ, и между ними можетъ существовать сходство и совпаденіе, а отнюдь не единство», которое «значило бы поглощеніе воли каждаго соучастника общею волею всѣхъ». Онъ ссылается еще на опытъ, показывающій намъ, что «соучастіе складывается изъ дѣятелей, примыкающихъ къ нему по самымъ различнымъ мотивамъ» (стр. 8). Въ дѣлѣ примѣненія криминалистическаго ученія о соучастіи къ теоріи прагматическаго процесса исторіи это—очень важная поправка: люди принимаютъ то или другое участіе въ событіяхъ, вкладываются въ нихъ не по предварительному уговору. Кромѣ того, Фойницкій особенно настаиваетъ еще на томъ, что всякое «соучастіе складывается изъ поступковъ, стоящихъ по внѣшней природѣ своей въ неодинаковомъ отношеніи къ тому результату, къ которому на-

[1]) Стр. 148—153 по послѣднему изданію.

правляется совмѣстная дѣятельность участниковъ». Въ данномъ случаѣ онъ подчеркиваетъ различіе ихъ ролей въ совершеніи наказуемаго дѣянія. Съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса, который ничего не оцѣниваетъ, и ни на кого никакой отвѣтственности не возлагаетъ, дальнѣйшія соображенія Фойницкаго противъ общности вины соучастниковъ не представляютъ интереса. Гораздо важнѣе для насъ разсужденія автора, касающіяся момента причинности. «Необходимо, говоритъ онъ, установить соотношеніе причинности между поступками совмѣстныхъ дѣятелей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ», тогда какъ господствующая доктрина, «признавъ соглашеніе между соучастниками, не задается болѣе вопросомъ о причинномъ соотношеніи отдѣльныхъ дѣятельностей, предполагая его въ наличности» (стр. 12),—замѣчаніе, очень важное, особенно если принять въ расчетъ «огромное значеніе психическихъ силъ, оказывающихся могучими факторами въ отношеніи человѣка къ человѣку» (стр. 13).—Выше уже было сказано, что Фойницкій предметомъ карательной власти государства считалъ не дѣяніе, а дѣятеля, или, какъ онъ выражается (стр. 17), «самого человѣка въ его психическомъ состояніи преступности», и, быть можетъ, въ этомъ отношеніи, какъ криминалистъ, онъ вполнѣ правъ, но для исторіологической теоріи, имѣющей дѣло съ прагматическими фактами, съ событіями, складывающимися изъ отдѣльныхъ дѣяній, постановка вопроса въ господствующей доктринѣ, mutatis mutandis, имѣетъ больше цѣны. Самъ Фойницкій въ одномъ мѣстѣ (стр. 20) совершенно вѣрно замѣчаетъ, что задача у криминалиста иная, чѣмъ у историка. «Государственные перевороты, говоритъ онъ, подготовляются постепенно, въ произведеніи ихъ принимаютъ участіе многія лица и группы лицъ, опредѣлить степень котораго для историка представляетъ высокій интересъ. Историкъ, съ своей точки зрѣнія, не можетъ упускать изъ виду этого внѣшняго послѣдствія, и дѣятельность каждаго интересуетъ его именно настолько, насколько она къ нему имѣетъ отношеніе. Задача криминалиста иная». Именно, ему нужна индивидуализація въ смыслѣ «выдѣленія подлежащаго оцѣнкѣ изъ общей связи съ другими событіями», ибо для него «дѣятельность каждаго лица есть нѣчто отдѣльное и независимое, подлежащее оцѣнкѣ сообразно своимъ индивидуальнымъ признакамъ». Указавъ на эту черту различія, Фойницкій сдѣлалъ свою теорію менѣе пригодною для исторіологіи, нежели теорія Таганцева. Но не нужно упускать изъ виду, что, въ данномъ случаѣ, цѣли криминалистическаго и исторіологическаго анализа совершенно различныя. Новая теорія, намѣченная статьей Фойницкаго, не встрѣтила особеннаго сочувствія въ современной уголовно-правовой литературѣ (см. *А. Жижиленко.* Памяти И. Я. Фойницкаго. Спб. 1913. Стр. 12).

Стр. 313, примѣч. Сказанное здѣсь въ прошедшемъ времени въ первомъ изданіи было сказано въ будущемъ. Предположеніе это не было мною осуществлено въ своемъ первоначальномъ видѣ, такъ какъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія все мое вниманіе было поглощено проблемой экономическаго матеріализма, первая моя статья о которомъ появилась въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1891 г. («Экономическое направленіе въ исторіи») и о которомъ мною въ слѣдующіе годы (1892 — 1897) было написано нѣсколько статей и цѣлая книга «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ».

Стр. 324, прим. 2. Одно время я собиралъ всѣ подобныя приведеннымъ мнѣнія разныхъ историковъ о значеніи дѣятельности великихъ людей.

Стр. 342, прим. I. Вопросъ о задачахъ культурной исторіи относится не къ исторіологіи (теоріи историческаго процесса), которой посвященъ настоящій трудъ, а къ историкѣ (теоріи историческаго знанія). О различіи между историкой и исторіологіей отмѣчено въ добавленіи къ стр. 197.

Стр. 344, прим. «Цивилизація и дикія племена» — работа П. Л. Лаврова, бывшая недавно переизданной. См. выше, стр. 557.

Стр. 350. Вопросъ о значеніи статистики для исторіи есть вопросъ не исторіологическій, а историцистическій (ср. выше, добавленіе къ прим. на стр. 342).

Стр. 352—353. Сдѣланная здѣсь краткая характеристика общаго направленія философіи XVIII вѣка развита была мною въ главѣ XI третьяго тома «Исторіи Западной Европы въ новое время».

Стр. 353, прим. 1. Названное сочиненіе Кондорсе имѣется теперь въ русскомъ переводѣ.

Стр. 354 и слѣд. Объ отмѣченной здѣсь перемѣнѣ въ пониманіи генезиса человѣческой культуры болѣе подробно было мною сказано въ 13 главѣ IV тома «Исторіи Западной Европы». Нѣкоторыя соображенія объ этой перемѣнѣ см. также въ главѣ XIII моего «Введенія въ изученіе соціологіи».

Стр. 36I, прим. 3. Авторъ статьи о де-Местрѣ въ «Рус. Вѣстн.»— Пав. Александров. Матвѣевъ.

Стр. 391—392. Приводя въ видѣ примѣра польскія реформы, я имѣлъ въ виду тѣ общія соображенія на этотъ счетъ, которыя находятся въ моей книгѣ «Польскія реформы второй половины XVIII вѣка» (Спб. 1890).

Стр. 394, примѣч. 1. Авторомъ названныхъ здѣсь работъ былъ П. Л. Лавровъ, и одна изъ нихъ была переиздана, о чемъ см. выше, стр. 557.

Стр. 395. Считаю нелишнимъ напомнить, что когда писалось сказанное внизу страницы, едва только намѣтилось неовиталистическое движеніе, какъ направленіе, захватившее многихъ біологовъ и сдѣлавшееся предметомъ полемики и даже въ общихъ журналахъ.

Стр. 397 и слѣд. О Лестерѣ Уордѣ, см. выше, стр. 557 (примѣчаніе къ стр. 64).

Стр. 399, примѣч. 8. Авторомъ указаннаго здѣсь изложенія теоріи Лестера Уорда былъ П. Ѳ. Николаевъ (ср. выше стр. 557), который потомъ ее переиздалъ, въ соединеніи съ другою статьею, въ видѣ отдѣльной книги подъ заглавіемъ «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ». (Объ этой другой работѣ см. гл. IX нашихъ «Старыхъ и новыхъ этюдовъ объ экономическомъ матеріализмѣ» или гл. VI «Критики экономическаго матеріализма» — въ «Собраніи сочиненій», т. III). Въ этомъ же примѣчаніи къ стр. 399 обращаю вниманіе на слова: «не смѣшивая процессовъ со способами нашего отношенія къ нимъ», ибо именно это смѣшеніе ставилось въ вину русскому соціологическому субъективизму, о моемъ отношеніи къ которому послѣ выхода въ свѣтъ «Сущности историческаго процесса» см. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія (1895; глава V: «о научной основѣ и субъективизмѣ соціологіи»).—Поворотъ экономическаго матеріализма къ «субъективной соціологіи» (№ 3 «Рус. Вѣд.» за 1891 г.).—Нужно ли возрожденіе естественнаго права? (Рус. Бог., 1902, февр.).—Естественное право и субъективная соціологія (тамъ же, окт.).—Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. XIV («Объективизмъ и субъективизмъ въ соціологіи»).

Стр. 404, примѣч. Литературная дѣятельность автора указанной статьи, заключающей въ себѣ много интереснаго, приняла впослѣдствіи направленіе очень далекое отъ того, что можно было ожидать по этой статьѣ.

Стр. 405, прим. 1—3. Фуллье послѣ «La science sociale contemporaine», существующей и въ русскомъ переводѣ, написалъ еще цѣлый рядъ другихъ сочиненій, въ которыхъ пользуется своего рода примирительнымъ (конциліаціоннымъ) методомъ, о которомъ см. на стр. 18 моей книги «Теорія историческаго знанія». Главныя, здѣсь для насъ интересныя, суть слѣдующія: «La liberté et le déterminisme.—L'évolutionisme des idées-forces.—La psychologie des idées-forces и др.; см. также мое «Введеніе въ изученіе соціологіи», гл. IV и 2 ч. VI т. «Исторіи Западной Европы» 596—7 и 604—606.

Стр. 410, прим. См. еще въ моей «Исторіи Западной Европы», т. IV, гл. 5.

Стр. 413, прим. 1. Указанная здѣсь статья была перепечатана въ обоихъ изданіяхъ моихъ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ» (1895 и 1899). Ср. Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. IV («Органическое направленіе») и отдѣльныя мѣста въ гл. III и XIII.

Стр. 415. Ученіе Вундта, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, развито особенно въ его «Логикѣ».

Стр. 425 и слѣд. Критикъ, о которомъ здѣсь говорится,—П. Н. Милюковъ.

Стр. 429. Подъ псевдонимомъ Эльпе очень долгое время писалъ въ *Новомъ Времени* научные фельетоны Л. К. Поповъ, нынѣ покойный.

Стр. 430. Понятіе взаимодѣйствія нашло противника не въ одномъ Шопенгауэрѣ. Изъ русскихъ авторовъ укажу *Бельтова* (къ монистическому взгляду на исторію. 1894), проф. *Виппера* и др.

Стр. 450 и слѣд. Главный трудъ Тарда «Les lois de l'imitation» вышелъ въ свѣтъ одновременно съ настоящей книгой и немедленно былъ мною разсмотрѣнъ въ статьѣ «Новая историческая теорія», напечатанной въ ноябр. книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1891 г. Впослѣдствіи это сочиненіе Тарда появилось въ переводѣ и на русскій языкъ. Кромѣ того, Тардъ написалъ еще нѣсколько трудовъ. См. о немъ въ гл. VII моего «Введенія въ изученіе соціологіи», а также въ кн. *М. М. Ковалевскаго* «Современные соціологи».

Стр. 478 и слѣд. Для вопроса, разсматриваемаго здѣсь, имѣетъ интересъ недавно вышедшая работа *А. Кролика* подъ заглавіемъ «Идеи законодательнаго творчества и закономѣрнаго развитія права въ современной юриспруденціи». Авторъ этой работы подвергаетъ детальному разбору ученіе Іеринга по интересующему насъ вопросу. Подчеркнувъ, что для Іеринга «право создается не органически само собою,... а исключительно дѣятельностью людей» (стр. 31), авторъ указываетъ, что послѣднюю Іерингъ понималъ не въ смыслѣ «организованной законодательной дѣятельности», а въ смыслѣ «дѣятельности всѣхъ людей вообще», всей націи (стр. 33), ибо законодательство въ его глазахъ имѣло «не творческую, а служебную функцію» (стр. 36), хотя г. Кроликъ и вынужденъ оговориться при этомъ, что «вопросъ о значеніи и роли творческой функціи законодательства Іерингомъ не разбирается» и «прямо въ отрицательномъ смыслѣ не разрѣшается» (та же стр.). Г. Кроликъ даже соглашается съ проф. Л. І. Петражицкимъ, что Іерингъ въ юриспруденціи сдѣлалъ шагъ назадъ сравнительно съ исторической школой (стр. 39). Быть можетъ, такъ выходитъ съ точки зрѣнія «политики права», но съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса такой упрекъ, по моему мнѣнію, не заслуженъ. Какъ бы тамъ ни было, г. Кроликъ противополагаетъ взгляду исторической школы относительно органичности возникновенія и развитія права именно ученіе Іеринга о томъ, что «право создается дѣятельностью людей, дѣйствующихъ сознательно, съ расчетомъ» (стр. 68), а то, въ чемъ Іерингъ видитъ самое содержаніе права (= «велѣнія государственной власти, направленныя на защиту чьихъ-либо интересовъ»), это — другой вопросъ, теоріи самого процесса прямо не касающійся.

Г. Кроликъ, усложняющій нашу проблему вопросами о значеніи естественнаго права, о политикѣ права, о практическомъ направленіи юриспруденціи, противополагаетъ обнаружившей полную свою несостоятельность «идеѣ всемогущаго, ничѣмъ не ограниченнаго творчества» идею «закономѣрнаго развитія» (стр. 11), но находитъ, что между обоими взглядами возможно извѣстное примиреніе (стр. 15) и что въ воззрѣніяхъ современныхъ юристовъ «творческая

функція законодательства примиряется со строгой, объективной закономѣрностью процессовъ возникновенія и развитія права» (стр 36). Въ книжкѣ разсмотрѣны и сопоставлены воззрѣнія исторической школы (стр. 17—26), Іеринга (стр. 27—44), Штаммлера (стр. 45—67) и проф. Петражицкаго (стр. 68 — 106), «психологическая теорія» котораго г. Кроликомъ вполнѣ раздѣляется. По ученію проф. Петражицкаго процессъ развитія права имѣетъ безсознательный характеръ, что сближаетъ его психологическую теорію съ воззрѣніемъ исторической школы. Такъ какъ, однако, человѣческая психика находится въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, этимъ неизбѣжно обусловливается и измѣненіе права, которое само дѣйствуетъ на человѣческую психику. «Психологическая теорія, говоритъ г. Кроликъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякую мысль о созданіи всего исключительнаго сознательною дѣятельностью людей» (стр. 88). По убѣжденію г. Кролика, эта «теорія безсознательнаго развитія»—«призвана положить конецъ наивнымъ теоріямъ о телеологическомъ характерѣ этого развитія и сознательныхъ усиліяхъ людей, яко бы ихъ двигающихъ» (стр. 91). Если бы дѣло обстояло такъ, мы въ новой теоріи юридической эволюціи имѣли бы лишь новую односторонность, но суть въ томъ, что проф. Петражицкій изъ своего основного взгляда не дѣлаетъ вывода въ смыслѣ отрицанія творческой роли законодательства. Право въ своемъ возникновеніи имѣетъ интуитивный характеръ, но потомъ постепенно происходитъ его позитивація—въ законѣ, какъ позитивномъ шаблонѣ для уже существующихъ нормъ. Законы, однако, лишь на первыхъ порахъ имѣютъ такое значеніе и не заключаютъ въ себѣ ничего творческаго. Позднѣе является настоящее законодательство. «Характерной особенностью законодательства и законнаго права, говоритъ самъ Л. І. Петражицкій,... является то, что здѣсь одно лицо или извѣстная группа лицъ можетъ по своему усмотрѣнію вызывать въ психикѣ другихъ болѣе или менѣе обширныхъ народныхъ массъ такое право на будущее время, какое ему или ей представляется съ какой-либо точки зрѣнія желательнымъ, а равно устранять, отмѣнять существующее право и производить разныя другія измѣненія въ чужой правовой психикѣ» (приведено на стр. 97—98). То, что развитіе обычнаго права создаетъ постепенно и медленно, законодательство можетъ производить внезапно и сразу, и вообще функціи законодательства съ теченіемъ времени все разрастаются. Въ этихъ краткихъ добавленіяхъ я лишенъ возможности подвергнуть теорію проф. Петражицкаго въ той ея сторонѣ, которая и интересна для исторіологіи, общему анализу и детальной критикѣ, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить здѣсь тенденцію этой теоріи къ синтезу двухъ противоположныхъ концепцій того, какъ же создается и измѣняется право.

Стр. 478. Объ ученіи исторической школы уже послѣ выхода въ свѣтъ настоящаго труда была издана книга проф. П. И. Новгородцевымъ, подъ заглавіемъ «Историческая школа юристовъ».

Стр. 507 и слѣд. По вопросу о теоріи исторіи литературы. Нѣкоторые вопросы теоріи литературной эволюціи недавно были

разсмотрѣны въ двухтомномъ трудѣ *А. М. Евлахова* «Введеніе въ философію художественнаго творчества» (Варшава, 1910 и 1912). Въ эволюціи творчества авторъ различаетъ эстетическій и психологическій моменты, изъ которыхъ здѣсь спеціально насъ можетъ интересовать только второй, коему въ I томѣ книги г. Евлахова посвящена глава IV, занимающая около 50 стр. (485—537) и раздѣляющаяся на параграфы: 1. Творчество безличное. 2. Творчество индивидуальное. 3. Психологическая эволюція. Авторъ, вообще очень начитанный въ литературѣ предмета, не привлекаетъ къ разсмотрѣнію никакихъ новыхъ работъ по вопросу и съ этой стороны ничѣмъ не дополняетъ эту литературу. Что касается до взглядовъ самого автора, то считаю заслуживающими вниманія слѣдующія его разсужденія. Прежде всего, онъ опровергаетъ ту старую мысль, «будто народная поэзія ...есть результатъ творчества народной массы, народа въ его цѣломъ: раньше въ этомъ, именно, хотѣли видѣть характерное отличіе безличнаго творчества отъ творчества индивидуальнаго». Г. Евлаховъ прибавляетъ, что «*народнаго* творчества въ *этомъ* смыслѣ никогда не существовало и существовать не могло, ибо источникомъ его, совершенно такъ же, какъ и творчества индивидуальнаго, всегда является отдѣльное лицо, опредѣленная личность». Для него не имѣетъ существеннаго значенія, что въ народномъ творчествѣ эта личность намъ большею частью неизвѣстна (стр. 486). Дѣло не въ томъ, извѣстны намъ или неизвѣстны имена авторовъ произведеній, а въ томъ, что безыменность народныхъ произведеній «символизируетъ другую, внутреннюю безыменность, заключающуюся въ полномъ отсутствіи *художественной индивидуальности*». По опредѣленію автора, народное творчество есть «творчество отдѣльной личности, которая не выдѣляется *духовно* изъ народной массы, будучи лишена художественной индивидуальности» (стр. 490). Здѣсь г. Евлаховъ ссылается на слабое развитіе индивидуальности вообще на низкихъ ступеняхъ культуры. «Насъ, продолжаетъ онъ, не долженъ смущать тотъ субъективизмъ народной поэзіи, которымъ такъ проникнута народная лирика... И этотъ субъективизмъ — безличный, *коллективный*, это — проекція коллективнаго *я*, отнюдь не индивидуальнаго» (стр. 492). Ничто для автора такъ хорошо не характеризуетъ своеобразіе народнаго творчества, какъ «тѣ формы, въ какія оно облекалось, ибо именно форма есть то, что носитъ отпечатокъ личности, въ чемъ наиболѣе ярко проявляется индивидуальность» (стр. 494). Попутно онъ выражаетъ несогласіе со взглядомъ Веселовскаго, что разница между групповымъ и личнымъ поэтомъ лишь «въ степени и содержаніи бытовой эволюціи, выдѣлившей его группу». Этому взгляду г. Евлаховъ противополагаетъ взглядъ Гюйо на групповогo поэта, какъ на созданіе старой соціальной среды, и на личнаго поэта, какъ на создателя, наоборотъ, новой соціальной среды (стр. 499). Эволюція творчества (и для народа, и для отдѣльной личности) идетъ «отъ сходства со всѣми къ различію (отличію?) отъ всѣхъ» (стр. 502). Дальнѣйшее въ указанной главѣ книги относится къ характеристикѣ того, что же имѣетъ значеніе именно личнаго момента въ художественномъ творчествѣ.

Къ **стр. 513.** Въ только-что указанной книгѣ г. Евлаховъ подвергъ еще разсмотрѣнію эволюцію взглядовъ Веселовскаго на исторію ли-

тературы, начиная съ разсматриваемой въ текстѣ вступительной лекціи (*Е. Евлаховъ*. Введеніе въ философію художественнаго творчества, т. I, стр. 198 и слѣд.). Авторъ критикуетъ взглядъ Веселовскаго, по которому поэтическое развитіе заключается въ томъ, что новое содержаніе жизни проникаетъ старые образы, или, иначе говоря, въ процессѣ общественной мысли въ границахъ устойчивой поэтической формулы (стр. 202—203). Не знаю, насколько вѣрно предположеніе А. М. Евлахова, что Веселовскаго заставили задуматься возраженія, сдѣланныя ему мною по поводу такого взгляда (авторъ ихъ приводитъ на стр. 205—207 и слѣд.), но не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальный взглядъ Веселовскаго измѣнился, какъ это и показываетъ г. Евлаховъ на стр. 211 и слѣд. Особенно важно такое заявленіе Веселовскаго: «вездѣ, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную эволюцію, *на первомъ мѣстѣ* являются произведенія народной поэзіи, не знающей творца,... и надо перенестись *къ другому концу развитія*, чтобы встрѣтить особый видъ повѣстей и разсказовъ, *лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ* личнымъ авторамъ». Въ другомъ мѣстѣ Веселовскій говорилъ уже не о старыхъ образахъ, а объ образно-поэтическомъ переживаніи, что не одно и то же. Въ концѣ концовъ, однако, критикъ находитъ и въ позднѣйшихъ трудахъ Веселовскаго излишнюю приверженность къ старому взгляду (стр. 215—216), и, быть-можетъ, въ этомъ отношеніи онъ правъ. При всѣхъ своихъ громадныхъ фактическихъ знаніяхъ, при недюжинномъ дарѣ комбинаціи и большой успѣшности въ дѣлѣ остроумнаго угадыванія по отношенію къ деталямъ, Веселовскій не отличался ясностью и точностью строго теоретической мысли, что и сказалось на оставленномъ имъ громадномъ литературномъ наслѣдствѣ отсутствіемъ въ немъ сколько-нибудь цѣльнаго и законченнаго изложенія общихъ взглядовъ на литературную эволюцію.

Стр. 533. Въ защиту права и культурныхъ фактовъ быть предметомъ исторической науки противъ крайнихъ прагматистовъ писалъ еще *E. Bernstein* въ своемъ «Lehrbuch der historischen Methode», стр. 13 (по первому изданію).

Стр. 539 и слѣд. Критикъ, о которомъ здѣсь говорится,— П. Н. Милюковъ.

Стр. 544, примѣч. Указанный здѣсь рефератъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Мысль» за 1890 годъ, и потомъ былъ перепечатываемъ въ «Историческомъ Обозрѣніи» (т. II, 1890 г.), въ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ» (1 изд. 1895 и 2 изд. 1899) и въ первомъ томѣ «Собранія сочиненій» (1911).

Стр. 550—551. Изъ этого мѣста читатель видитъ, какое значеніе я приписываю борьбѣ въ исторіи и какъ разнообразно я понимаю ея причины. Сводить все къ одной борьбѣ классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ не приходится: борются не только классы, но и отдѣльныя личности, съ одной стороны, и цѣлыя націи, съ другой.

Для этого предмета отсылаю въ недавней книгѣ г. *Ю. Делевскаго* «Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи» (1910). Краткое ея изложеніе, сдѣланное самимъ авторомъ (автореферать), читатель найдетъ въ XVI томѣ «Историческаго Обозрѣнія» (1910).

Стр. 553. Сочиненіе, о которомъ говорится на послѣднихъ строкахъ, осталось ненаписаннымъ, хотя кое-что для него и было уже сдѣлано. См., напр., статью «Источники исторических перемѣнъ» въ «Рус. Бог.» за 1892 г. Возвратившись за послѣдніе годы къ работѣ надъ теоріей исторіи, я намѣреваюсь въ той или другой формѣ вести далѣе прерванную нить своихъ исторіологическихъ изслѣдованій, съ возвращеніемъ и къ нѣкоторымъ вопросамъ, разсматриваемымъ въ настоящей книгѣ, въ частности къ вопросу о творчествѣ (имѣя въ виду, напр., сборники «Вопросы теоріи и психологіи творчества», книгу *проф. Погодина* «Языкъ, какъ творчество», работы *П. К. Энгельмейера* о творчествѣ и эволюціи въ исторіи техническихъ изобрѣтеній и пр.).

